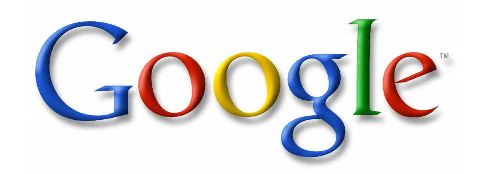
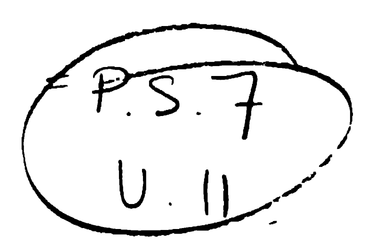
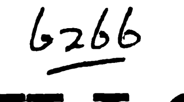



P.S.7
U.11



ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТ

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1873

Апрѣль—Іюнь.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
1873.

ИЗДАНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ѳ.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ѳ.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ѳ.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ѳ.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи, Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ѳ.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ѳ.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ѳ.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ѳ.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ѳ.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ѳ.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ѳ. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ѳ.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ѳ.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или **Галицкой Руси** до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. Ѳ. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ѳ.

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ѳ.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ѳ.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ѳ.

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ѳ.

Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ѳ.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана. съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ѳ.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г. 1 р. 50 к., перес. за 4 ѳ.

ЧТЕНІЯ
въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, книги 2—9, по 2 руб. каждая. **Годъ 3,** книги 1—9, по 2 руб. каждая. **Годъ 4,** книга 1, 2 рубля. **Годы** 1858, 1859, 1860, по 4 книги въ каждомъ, по 10 рублей въ годъ. **Годы** 1861—1872, тоже по 4 книги, по 8 рублей годъ. Все же изданіе безъ пересылки 162 руб. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1873

Апрѣль — Іюнь.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.
1873.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ГЛАВА IV.

Борьба пришлаго осѣдлаго населенія съ бродячими народами и образованіе новыхъ городовъ и сельскаго сословія до появленія Монголовъ.

До половины XIV столѣтія все свободное сельское населеніе, какъ бродячее, такъ и земледѣльческое, происшедшее отъ первобытныхъ бродячихъ народовъ, называлось «смердами.» [1] Смердъ слово Славянское. [2] Такъ, по всей вѣроятности, первоначально называли всѣхъ вообще бродячихъ народовъ пришлые Славяне, которые, какъ мы видѣли, по своему развитію, далеко превосходили туземное бродячее населеніе. Какъ названіе людей, принадлежавшихъ къ туземнымъ племенамъ, которыхъ презирали высшія, пришлыя, господствующія сословія, слово смердъ, съ теченіемъ времени, приняло презрительное значеніе и стало употребляться какъ бранное слово или какъ однозначащее данника, чернорабочаго, человѣка низкой породы. Такъ, въ началѣ битвы подъ Любечомъ, Воевода Святополка, Волчій Хвостъ, чтобы досадить и вызвать на бой Новгородцевъ, называетъ все Новгородское ополченіе «безумными смердами и древодѣлами,» хотя въ этомъ ополченіи были и Бояре, и Княжескіе дружинники. Князь Черниговскій, Олегъ Святославичъ, приглашенный братьями на съѣздъ въ Кіевъ, для рѣшенія всѣхъ спорныхъ дѣлъ предъ Епископами, Боярами и людьми градскими, чтобы выразить свое презрѣніе къ Боярамъ и посадскимъ людямъ, и тѣхъ и другихъ называетъ смердами. Жители одного города Югорской страны, осажденные Новгородцами, чтобы показать свою покорность, свою готовность платить дань, по словамъ Сѣверно-Русской лѣтописи, изъ лести и уничиженія, называли себя смердами. Іоаннъ III, въ гнѣвѣ на Боярина Берсеня, чтобы досадить ему чѣмъ ни будь, называетъ его смердомъ. Южнорусскій лѣтописецъ XIII ст., недовольный поступками двухъ Галицкихъ Бояръ, Лазаря Доможирича и Ивора Молибожича, чтобы показать ихъ низкое происхожденіе, называетъ ихъ беззаконниками изъ племени смердья. [3] Принявши ругательное, презрительное, значеніе, слово смердъ въ то же время потеряло свое первоначальное, племенное, нарицательное, значеніе. Еще въ XV ст., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новгородской Земли, свободное сельское населеніе продолжало называться смердами. Но внутри великой равнины Восточной Европы, въ земляхъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго Государ-

ства, начиная съ половины XIV ст., все свободное сельское народонаселеніе на правительственномъ языкѣ стали называть «сиротами и черными людьми,» а съ XV ст. «христіянствомъ и крестьянствомъ.» [4]

Это постепенное измѣненіе значенія слова смердъ находится въ тѣсной связи съ судьбою тѣхъ племенъ, которыхъ называли этимъ именемъ. Слово смердъ утратило окончательно свое нарицательное значеніе, когда всѣ бродячіе народцы, извѣстные подъ общимъ именемъ Смердовъ, совершенно исчезли съ лица земли, или обратились въ осѣдлое состояніе, поселенное на владѣльческихъ земляхъ, на земляхъ, принадлежавшихъ господствующему населенію. Какимъ же путемъ и въ слѣдствіе какихъ причинъ, совершился этотъ переворотъ въ судьбѣ бродячаго населенія, и каковы были его послѣдствія? Прежде, чѣмъ отвѣтимъ на этотъ вопросъ, посмотримъ сначала на первоначальныя отношенія бродячихъ народовъ къ пришлому осѣдлому населенію.

Мы видѣли, что еще задолго до временъ Рюрика Князья и Бояре городовъ Старославянскихъ подчинили своей власти все бродячее населеніе, жившее вблизи городовъ Старославянскихъ, и собирали съ него дани. Для первыхъ Варягорусскихъ Князей, при обширности ихъ владѣній, не было никакой возможности самимъ непосредственно собирать дань со всего сельскаго населенія, которое жило разбросанно на обширномъ пространствѣ и большая часть котораго находилась въ дикомъ состояніи и не имѣла осѣдлости. По этому, обложивши данями, по числу дворовъ, или пахатныхъ участковъ, цѣлыя страны, первые Варягорусскіе Князья, какъ уже было замѣчено, какъ раскладку, такъ и способъ собиранія этихъ сборовъ, возложили на представителей прежде господствующаго населенія. Такимъ образомъ, первое время, и подъ властью Варягоруссовъ, Князья и Бояре городовъ Славянскихъ продолжали собирать сборы не только съ непосредственно имъ принадлежавшихъ людей, которые жили на ихъ земляхъ частнаго владѣнія, но и со всего вообще покореннаго ими бродячаго населенія, которымъ они владѣли на правахъ государственнаго владѣнія. Господство Бояръ надъ бродячимъ населеніемъ, которое они покорили еще до прихода Варягоруссовъ, продолжалось неизмѣнно не только при Владимирѣ Святомъ, но и при сыновьяхъ Ярослава: [5] но въ какое время оно прекратилось, объ этомъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. По всей вѣроятности, оно прекратилось постепенно, незамѣтно для современниковъ, съ уничтоженіемъ того бродячяго населенія, надъ которымъ господствовали Бояре, или же съ обращеніемъ его въ земледѣльческое сословіе, поселенное на владѣль-

чскихъ земляхъ. Что государственная власть Бояръ надъ бродячимъ населеніемъ могла ужиться до позднѣйшихъ временъ съ такою же государственною властью Русскихъ Князей, это видно какъ изъ того, что власть Бояръ, съ теченіемъ времени, не только не падала, но со второй половины XII ст., какъ дальше увидимъ, во многихъ мѣстностяхъ значительно усилилась, такъ и изъ того, что Князья Русскіе, уже въ концѣ удѣльнаго періода, цѣлые погосты, исключительно заселенные только бродячимъ населеніемъ, отдавали во владѣніе духовенству, вмѣстѣ съ государственными сборами и судебною властью. [6]

Но хотя Бояре во многихъ мѣстностяхъ до позднѣйшихъ временъ сохранили государственную власть надъ бродячимъ населеніемъ, тѣмъ не менѣе, однако, наибольшая часть этого населенія рано вступила подъ непосредственную власть Русскихъ Князей. Первыя точныя свѣдѣнія о Княжескихъ смердахъ, т. е., о смердахъ, находившихся подъ непосредственной властью Русскихъ Князей, относятся ко времени княженія сыновей Ярослава. [7] Но уже во времена Княгини Ольги, въ разныхъ мѣстахъ Варягорусскихъ владѣній, существовали земли, не принадлежавшія городскому населенію, которыми Князья и Княгини Рюрикова дома владѣли, или на правѣ частнаго, или же на правѣ государственнаго, владѣнія. Земли частнаго владѣнія считались полной и непосредственною собственностью владѣльца, и могли быть населены и лицами свободнаго и несвободнаго состоянія, и дворовыми людьми, и смердами, перешедшими на эти земли. Но земли государственнаго владѣнія, если онѣ не были заселены городскимъ населеніемъ, то были исключительно населены только бродячими народами, жившими въ первобытномъ состояніи, на своихъ собственныхъ земляхъ, въ прежнемъ племенномъ и родовомъ составѣ. [8] Непосредственная государственная власть Князей Рюрикова дома надъ бродячими народами въ различныхъ мѣстностяхъ возникла различнымъ способомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, на пр., въ Землѣ Древлянской, Бояре были совершенно истреблены. Съ уничтоженіемъ Боярскаго сословія, само собою власть ихъ надъ бродячимъ населеніемъ прекращалась и замѣнялась непосредственною властью Русскаго Князя. Въ другихъ мѣстахъ непосредственная государственная власть Русскихъ Князей надъ бродячими народами могла образоваться въ слѣдствіе насильственнаго уничтоженія не Боярскаго сословія, но господства Бояръ надъ бродячими народами. Что такое насильственное уничтоженіе могло имѣть мѣсто, это доказываетъ, какъ насильственное собираніе Игоремъ дани въ Землѣ Древлянской съ насе-

ленія, жившаго въ открытыхъ мѣстностяхъ, такъ и существованіе Княжескихъ земель и селъ возлѣ стѣнъ Старославянскихъ городовъ.[9] Такъ какъ трудно предположить, чтобы въ пору завоеванія Руссами Славянскихъ городовъ, возлѣ этихъ городовъ существовали пустопорожнія пространства, никому не принадлежащія изъ городскаго населенія, по этому Княжескія земли возлѣ стѣнъ Старославянскихъ городовъ могли возникуть или въ слѣдствіе покупки этихъ земель Князьями у Бояръ, или же, что вѣроятнѣе, въ слѣдствіе насильственнаго завладѣнія. Наконецъ, въ третьихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Княжескіе смерды, то есть, смерды непосредственно принадлежавшіе Князьямъ Русскимъ, возникли въ слѣдствіе покоренія Варягоруссами такихъ бродячихъ народцевъ, которые не были покорены Боярами и, до прихода Варягоруссовъ, находились въ независимомъ состояніи. Извѣстно, что Ярославъ покорилъ часть племенъ Литовскаго нарѣчія, а сынъ его, Изяславъ, покорилъ Голядовъ, жившихъ по рѣкѣ Поротвѣ, въ нынѣшней Смоленской Губерніи.[10] Впервые покоренные Князьями Рюрикова дома, само собою, эти народцы сдѣлались ихъ непосредственною государственною собственностію и поступали подъ ихъ непосредственную власть.

И такъ, въ первую пору Варягорусскаго господства, одна часть бродячихъ народцевъ, признавшихъ надъ собою власть осѣдлаго населенія, находилась подъ властью Бояръ и Князей городовъ Славянскихъ, другая подъ непосредственною властью Русскихъ Князей. Объ отношеніи Бояръ къ бродячимъ народамъ мы знаемъ только то, что Бояре собирали дани съ этого населенія и производили надъ нимъ судъ и расправу.[11] Но какимъ способомъ Бояре собирали дани и производили судъ, объ этомъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Болѣе подробныя свѣдѣнія сохранились о первоначальныхъ отношеніяхъ къ этому населенію Русскихъ Князей. Вездѣ, гдѣ только бродячее населеніе, смиренное силою оружія, подчинялось власти Русскихъ Князей, эти Князья (въ мѣстахъ пустынныхъ, гдѣ вблизи не было городовъ) строили укрѣпленія для мѣстопребыванія своихъ дружинъ, и за тѣмъ облагали бродячее населеніе разнаго рода сборами и повинностями и подчиняли его постепенно своему суду.[12] Уже во время Владимира и Ярослава Князья Русскіе собирали съ смердовъ разнаго рода сборы, извѣстные въ древней Руси подъ разными именами: «даней, полюдьевъ, погостовъ и забожничьяго,»[13] и увеличивали свои военныя силы смердами, какъ для походовъ противъ внѣшнихъ враговъ, такъ и во время междоусобныхъ войнъ, для защиты своихъ городовъ и для борьбы съ своими соперниками.[14]

Иногда смерды принимали участіе въ Княжескихъ походахъ, по добровольному соглашенію съ Князьями, за извѣстное возраграждевіе, какъ это видно изъ разсказа лѣтописи объ Ярославѣ, который, одержавши побѣду надъ Святополкомъ, одарилъ всѣхъ смердовъ, отпуская ихъ домой; но чаще всего смерды участвовали въ Княжескихъ войнахъ вынужденно, безъ всякаго вознагражденія, и иногда, собранные насильственно для защиты городовъ, толпами перескакивали чрезъ забрала городскихъ стѣнъ къ непріятелямъ, осаждавшимъ городъ. [15] Какъ во время военныхъ походовъ, такъ и путешествуя по своимъ землямъ для сбора даней, или для какихъ либо иныхъ цѣлей, Князья, ихъ мужи и люди, проходя чрезъ земли, заселенныя смердами, обыкновенно производили тамъ безчинства и насилія и требовали отъ смердовъ кормовъ, подводъ, проводниковъ и подарковъ. [16] Сверхъ всѣхъ этихъ сборовъ и повинностей, Князья, ихъ мужи и люди, сгоняли смердовъ, для возведенія новыхъ городовъ, для починки мостовъ, гатей и старыхъ укрѣпленій, и наѣзжали къ нимъ незванные, для захвата имущества лицъ, умершихъ бездѣтно, для суда и расправы, для взысканія съ виновныхъ денежныхъ наказаній, и для продажи ихъ за преступленія и проступки въ рабство. [17] Обложивши смердовъ разнаго рода сборами и повинностями, Князья дорожили смердами, какъ главнымъ источникомъ своихъ доходовъ и даровой рабочей и военной силой, и по тому, принявъ ихъ подъ свое непосредственное покровительство, они назначали за ихъ убійство виру такую же, какъ за убійство своихъ собственныхъ холоповъ самыхъ низшихъ разрядовъ, и опредѣлили разнаго рода имущественныя взысканія за порчу собственности смердовъ, хотя несравненно въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ за порчу своего собственнаго имущества. Сверхъ того, со временъ Ярослава, Князья Русскіе, отчасти для уничтоженія самоуправной расправы между смердами, отчасти для защиты ихъ отъ притѣсненій господствующихъ сословій, стали издавать законы, по которымъ никто не могъ ни притѣснять, ни мучить, смердовъ безъ Княжескаго слова, ни обращать ихъ произвольно въ рабство, и въ которыхъ, для огражденія смердовъ отъ притѣсненія Княжескихъ чиновниковъ, точно опредѣлялось количество кормовъ и имущественныхъ взысканій съ смердовъ въ пользу Князя и его людей. [18]

Таковы были первоначальныя отношенія Русскихъ Князей къ бродячему населенію, подчиненному ихъ непосредственной власти. Все это населеніе, для правильной раскладки повинностей и сборовъ,

съ незапамятныхъ временъ раздѣлялось на управительные округи: «погосты и станы.»

Первоначально погостомъ назывался управительный округъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ десятковъ, или сотенъ, семействъ свободныхъ поселянъ смердовъ, жившихъ на своихъ собственныхъ земляхъ въ первобытномъ бродячемъ состояніи. [19] Всѣ семейства погоста соединены были въ одно общество единствомъ обязанностей въ отношеніи къ господствующему населенію, единствомъ духовныхъ и хозяйственныхъ выгодъ и родственными узами. Въ отношеніи къ господствующему населенію, всѣ члены погоста связаны были обязательной круговой порукой, что всѣ вообще требы и повинности, возлагаемыя на смердовъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ, начальствомъ, будутъ въ точности и исправно выполняемы. Съ своими требованіями Варягорусскіе Князья обращались не къ отдѣльнымъ лицамъ, но къ цѣлымъ погостамъ и, за неисправное выполненіе тѣхъ, или другихъ, требованій наказывали населеніе всего погоста. Съ погостовъ собирались дани и полюдьи, кормы и подводы, питейные и торговые сборы, [20] а также собирались всѣ имущественныя наказанія и всѣ взысканія за судебныя дѣйствія. Всѣ члены погоста обязаны были охранять миръ и порядокъ въ своемъ округѣ и составляли «вервь» въ отношеніи къ уголовной подсудности. Всѣ члены погоста сообща обязаны были платить «виру» за убійство, совершенное въ ихъ округѣ, въ свалкѣ, или дракѣ, или же, если убійца не былъ представленъ. [21] Всѣ члены погоста обязаны были платить сообща и за всѣ другія преступленія, если преступникъ не былъ извѣстенъ. Изъ законодательнаго сборника Русской Правды видно, что не только виры, но и продажи въ нѣкоторыхъ случаяхъ взыскивались не съ отдѣльныхъ лицъ, но съ цѣлаго общества. Въ договорѣ Смоленскаго Князя, Мстислава Ростиславича, съ Ригою постановлено, что если Волочанинъ возметъ везти товаръ Латинскаго гостя, и этотъ товаръ погибнетъ, то слѣдуетъ платить за него всѣмъ Волочанамъ. [22] Составляя управительныя единицы для гражданскаго правленія, погосты въ то же время были управительными единицами и для церковнаго. Со временъ принятія Варягоруссами Христіанской Вѣры, господствующее населеніе вездѣ разорило священныя каменья и деревья, предметы богопочтенія бродячихъ племенъ, и на мѣстахъ ихъ прежняго языческаго богослуженія построило Христіанскіе храмы, возлагая на смердовъ обязанность являться сюда для погребенія умершихъ, для совершенія браковъ и для крещенія младенцевъ. Такимъ образомъ, съ распространеніемъ Христіанской Вѣры, погосты обрати-

лись въ церковные приходы, члены погостовъ стали называться мірянами, а церковь, построенная въ срединномъ мѣстѣ погоста, получила значеніе приходской, мірской, церкви. [23] Но связь между членами погоста, особенно первоначально, не была исключительно насильственная, исключительно основанная на однихъ только обязательныхъ отношеніяхъ къ господствующему населенію. Первоначально, когда погосты исключительно населены были только смердами, жившими на своихъ собственныхъ земляхъ, всѣ члены погоста связаны были родовыми и родственными узами, владѣли сообща всей землей и водой погоста и находились подъ начальствомъ своихъ родовыхъ, или племенныхъ, старѣйшинъ. О такихъ погостахъ, всѣ члены которыхъ соединены были въ одно общество кровными узами и общей поземельной собственностію, упоминается еще въ грамотахъ XV ст. Сѣверовосточной Россіи. [24]

Каждый погостъ имѣлъ опредѣленныя границы и отдѣлялся отъ другихъ погостовъ межами и межевыми знаками. До позднѣйшихъ временъ земли и воды были въ раздѣлѣ между погостами. Но въ позднѣйшія времена между погостами, сохранившими свое первоначальное родовое землевладѣніе, существовала черезполосность владѣній, состоявшая въ томъ, что члены одного погоста владѣли нѣкоторыми и землями въ другихъ погостахъ. [25]

Каждый погостъ имѣлъ особенное средоточное мѣсто для общественныхъ собраній, которое называлось и мѣстомъ, и погостомъ. Здѣсь находилась приходская церковь, дворы церковнаго причта и кладбище. Сюда сходились окрестные поселяне для отправленія церковныхъ требъ, а, вѣроятно, и для совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ и для раскладки податей и повинностей. [26] Сюда являлись купцы въ ладьяхъ и въ повозкахъ, для продажи своихъ товаровъ. [27] Сюда же являлись Князья, ихъ мужи и люди для сбора кормовъ и даней, для взысканія денежныхъ наказаній и питейныхъ и торговыхъ пошлинъ. Въ теченіе всей Древнерусской жизни объѣзды Князей и ихъ людей всегда совершались въ опредѣленное время года: весной, во время праздниковъ Воскресенія Христова, лѣтомъ, въ Петровъ день, осенью, въ какое-то опредѣленное, но не извѣстное намъ, время, и зимой, во время праздниковъ Рождества Христова. [28] Какъ разъ въ это же самое время, постоянно, въ теченіе всей Древнейрусской жизни, до позднѣйшихъ временъ, среди простонародья устраивались братчинами (духовно-религіозными союзами) пиры на общую складчину, сопровождаемые кулачными боями и разнаго рода обрядами языческихъ временъ. Изъ сохранившихся до насъ извѣстій видно, что

братчины устраивали пиршества только весной, въ Понедѣльникъ, послѣ праздниковъ Воскресенія Христова, лѣтомъ на Петровъ день, и осенью на Николинъ день осенній. По всей вѣроятности, онѣ устраивали пиршества и во время праздниковъ Рождества Христова, когда тоже совершались языческія празднества, но объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній.[29] Такое совпаденіе пиршествъ, устраиваемыхъ братчинами (духовно-религіозными обществами), происхожденіе которыхъ теряется въ дохристіянскую пору, съ временемъ Княжескихъ объѣздовъ, показываетъ, что еще въ дохристіянскую пору Князья и ихъ люди пріѣзжали къ смердамъ въ то время, когда послѣдніе собирались въ мѣстахъ языческаго богослуженія, для совершенія религіозныхъ празднествъ и пиршествъ, и что эти собранія смердовъ и Княжескіе объѣзды продолжались въ теченіе многихъ вѣковъ и послѣ того, какъ смерды приняли Христіянстую Вѣру, и мѣста ихъ языческаго богопочтенія обратились въ мѣста Христіянскаго богослуженія.

Какъ средоточія общественной жизни, многіе изъ мѣстъ погостовъ, расположенные при судоходныхъ рѣкахъ, или при большихъ дорогахъ, въ послѣдствіи обратились въ торговыя поселенія и сдѣлались постояннымъ пребываніемъ мѣстнаго управленія. Но еще въ XV и XVI столѣтіяхъ, какъ видно изъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, по большей части погосты были небольшими поселеніями, состоявшими изъ церкви, или монастыря, дворовъ церковнаго причта и двухъ, или трехъ, дворовъ, въ которыхъ жили земледѣльцы, или ремесленные люди, поселившіеся на церковной землѣ. Особенно малолюдны были поселенія-погосты въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя исключительно населены были только смердами, жившими на своихъ собственныхъ земляхъ. Изъ этого видно, что поселенія-погосты, говоря вообще, никогда не были мѣстопребываніями мѣстнаго управленія, откуда бы, какъ изъ позднѣйшихъ становъ и волостей, мѣстная власть распространяла свою дѣятельность и свое господство на цѣлый округъ. До позднѣйшихъ временъ это были только мѣста для временныхъ соединеній окрестнаго населенія и для временныхъ наѣздовъ всякихъ властей.

Изъ всего сказаннаго видно, что основаніемъ раздѣленія бродячаго населенія на погосты послужило прежнее его раздѣленіе на племена и роды. Мы видѣли, что, до появленія пришлаго осѣдлаго населенія, общественное устройство у бродячихъ народовъ основано было на іерархіи личныхъ зависимыхъ отношеній. Мы видѣли также, что у бродячихъ народовъ существовали священныя мѣста, гдѣ собирались члены родовъ и племенъ для религіозныхъ празднествъ и пир-

шествъ, для совѣщаній о дѣлахъ общественныхъ и для торговыхъ сдѣлокъ. Для пришлаго завоевательнаго населенія собственно не было никакого дѣла до политическихъ и соціальныхъ отношеній, существовавшихъ между бродячими народами. Цѣль завоеванія состояла не въ томъ, чтобы навязать бродячему населенію тѣ, или другія, формы общественнаго устройства, но чтобы обратить его въ рабочую силу и требовать отъ него разныхъ работъ и сборовъ. Но для этой цѣли какъ разъ пришлись кстати родовыя и племенныя отношенія, существовавшія между бродячимъ населеніемъ. При разбросанности и подвижности бродячаго населенія, для завоевателей важно было то обстоятельство, что это населеніе связано было іерархіей личныхъ зависимыхъ отношеній. Стоило только обратиться съ своими требованіями къ начальнику родовому, или племенному, и можно было знать навѣрно, что эти требованія въ точности будутъ выполнены всѣми людьми, находившимися отъ него въ зависимости. При разбросанности и подвижности бродячаго населенія, которое всегда имѣло возможность скрыться въ лѣсахъ и болотахъ отъ глазъ завоевателей, для послѣднихъ еще болѣе важно было то обстоятельство, что все это населеніе отъ времени до времени собиралось въ извѣстныхъ опредѣленныхъ мѣстахъ, которыя считались священными, и въ извѣстное опредѣленное время, освященное обычаемъ и религіозными вѣрованіями. Завоевателямъ нужно было только узнать время и мѣсто этихъ собраній, и всегда можно было разсчитывать навѣрно, что, въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ, будутъ находиться всѣ люди, до которыхъ имъ было дѣло. Очевидно, общественное устройство, оказавшееся столь полезнымъ для завоевателей, не могло быть уничтожено ими. Изъ личныхъ выгодъ завоеватели должны были оставить въ прежнемъ видѣ всѣ племенныя и родовыя связи, существовавшія между бродячимъ населеніемъ. Но теперь, въ слѣдствіе завоеванія, потребовалось точнѣе опредѣлить мѣста, гдѣ должны совершаться общественныя сходки, потребовалось точнѣе обозначить границы, отдѣлявшія одно племя, или родъ, отъ другого племени, или рода. При постоянныхъ междоусобныхъ войнахъ, господствовавшихъ между бродячимъ населеніемъ, при гладкости и измѣняемости общественныхъ связей, основанныхъ на личныхъ зависимыхъ отношеніяхъ, эти мѣста и границы, по всей вѣроятности, безпрерывно измѣнялись. Если какой ни будь старѣйшина родовой, или племенной, усиливался на счетъ другого старѣйшины, истреблялъ его людей и завладѣвалъ его землями, то само собою происходило измѣненіе границъ, отдѣлявшихъ одно племя, или родъ, отъ другого племени, или рода. При этомъ, ко-

нечно, могли измѣняться и мѣста общественныхъ собраній, исчезая въ однихъ мѣстахъ, въ слѣдствіе истребленія какого ни будь племени, или перехода его въ другія мѣстности, и возникать въ другихъ мѣстахъ. Безпрерывное измѣненіе мѣстъ и границъ, вытекавшее изъ самаго свойства общественныхъ отношеній, существовавшихъ между бродячимъ населеніемъ, еще болѣе должно было усилиться съ появленіемъ завоевателей, въ слѣдствіе естественнаго стремленія бродячихъ народовъ удалиться подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ поселились завоеватели. Но такое измѣненіе мѣстъ и границъ не могло быть удобнымъ для завоевателей. При неопредѣленности мѣстъ и границъ, не возможно было опредѣлить, съ кого слѣдуетъ взыскивать за убійство и другія преступленія и проступки, совершенныя въ той, или другой, мѣстности, съ кого что требовать, и куда и въ какое время являться за тѣми, или другими, требованіями. И такъ изъ личныхъ выгодъ пришлое завоевательное населеніе должно было стремиться къ точному опредѣленію границъ, отдѣлявшихъ одно племя отъ другого, и къ точному назначенію мѣстъ, гдѣ должны были собираться общественныя сходки. Но отдѣляя земли одного племени отъ другого межами и межевыми знаками, разоряя священныя мѣста и разгоняя народъ въ однихъ мѣстахъ и дозволяя ему собираться въ другихъ, пришлое завоевательное населеніе полагало такимъ образомъ основаніе управительнымъ округамъ-погостамъ, въ которыхъ хотя мѣста сходокъ и границы назначены были завоевателями, но, если не вездѣ, то во многихъ мѣстностяхъ, совпадали съ прежними границами, отдѣлявшими роды и племена другъ отъ друга, и съ прежними мѣстами ихъ языческаго богослуженія.

Такъ какъ время появленія погостовъ совпадаетъ съ первымъ столкновеніемъ пришлаго завоевательнаго населенія съ первобытными бродячими народами, по этому первые погосты, по всей вѣроятности, учреждены пришлыми Славянами. Первоначальный лѣтописецъ, вспоминая о дѣятельности Княгини Ольги, между прочимъ, замѣчаетъ, что еще въ его время по всей Русской Землѣ существовали знаменія, мѣста и погосты-округи, учрежденные Ольгой. На основаніи этого свидѣтельства можно бы заключить, что погосты учреждены Варягорусскими Князьями и Княгинями, что время учрежденія погостовъ совпадаетъ съ началомъ Варягорусскаго господства. Но такое заключеніе совершенно противорѣчитъ всѣмъ извѣстіямъ, сохранившимся до насъ о погостахъ. Погостъ слово Славянское. Погосты существовали у Западно-Славянскихъ народовъ, куда не проникало никогда Варягорусское завоеваніе, и до сихъ поръ въ Сербіи большое торговое

поселеніе называется погостиной. Погосты существовали съ незапамятныхъ временъ въ Чудской Землѣ, при Балтійскомъ морѣ и въ сѣверовосточныхъ странахъ Заволоцкой Чуди (или, по крайней мѣрѣ, округи, имъ соотвѣтствующіе и называемые нашимъ лѣтописцемъ Славяниномъ погостами), гдѣ власть Князей Рюрикова дома до позднѣйшихъ временъ ограничивалась только вооруженными набѣгами для грабежей и взятія въ плѣнъ мирнаго городскаго и сельскаго населенія. [30] Но если погосты были у Югозападныхъ Славянъ и на сѣверовосточныхъ и сѣверозападныхъ окраинахъ Европейской Руси, гдѣ Варягоруссы не имѣли никакой власти, то трудно предположить, чтобы до появленія Варяговъ не было погостовъ въ землѣ Новгородской, въ Приднѣпровьи, по верховьямъ рѣкъ Западной Двины и Волги, гдѣ, какъ выше замѣчено, пришлое Славянское племя еще до появленія Варяговъ господствовало надъ окрестнымъ бродячимъ населеніемъ и собирало съ него разные сборы. Что погосты существовали на великой равнинѣ Восточной Европы, возлѣ городовъ Славянскихъ, еще до появленія Варяговъ, что раздѣленіе бродячаго населенія на погосты есть Старославянское учрежденіе, это показываетъ и судьба погостовъ со временъ появленія Варягоруссовъ. За исключеніемъ извѣстія объ учрежденіи погостовъ Княгиней Ольгой, которая была Славянка по происхожденію, ни въ лѣтописяхъ, ни въ древнихъ актахъ, нѣтъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ объ учрежденіи погостовъ Варягорусскими Князьями. Бродячія племена сѣверовосточной Руси, покоренныя въ концѣ удѣльнаго періода, или въ первыя поры Монгольскаго завоеванія, никогда не раздѣлялись на погосты съ управительно-гражданскимъ значеніемъ. [31] Постоянное дѣленіе съ гражданско-управительнымъ значеніемъ долѣе всего сохранилось въ Новгородской Землѣ, гдѣ власть Князей Рюрикова дома до усиленія Москвы не имѣла никакого значенія, между тѣмъ на Югозападѣ и Сѣверовостокѣ, гдѣ власть Князей Рюрикова дома и ихъ дружинниковъ совершенно поглотила власть Боярства еще въ домонгольскій періодъ, погостское дѣленіе съ гражданско-управительнымъ значеніемъ рано утратило свое всеобъемлющее значеніе, постепенно замѣняясь новыми управительными округами: волостями и станами. Но если погосты были Старославянскими учрежденіями, то извѣстіе лѣтописей о погостахъ, учрежденныхъ Ольгой, по всей вѣроятности означаетъ: или то, что эта Княжна, Славянскаго происхожденія, сдѣлавшись Великой Княгиней надъ всѣми Варягорусскими владѣніями, по Старославянскому обычаю, учреждала мѣста и погосты среди тѣхъ бродячихъ народовъ, которые были окончательно покорены только со

временъ прихода Рюрика и его дружины; или же, быть можетъ, оно означаетъ, что Ольга, опредѣляя точнѣе порядокъ сборовъ и повинностей, лежавшихъ на бродячемъ населеніи, производила новые распорядки въ управительномъ его дѣленіи, учреждая новые округи-погосты на мѣсто старыхъ, и назначая новыя мѣста сходокъ на мѣсто прежнихъ.

Рядомъ съ погостами, со временъ Варягорусскаго завоеванія, возникли новые упртвительные округи, извѣстные въ древней Руси подъ именемъ становъ. Въ противоположность погостамъ, становое дѣленіе несомнѣнно было Варягорусскимъ учрежденіемъ; но и станы, подобно погостамъ, возникли не въ слѣдствіе какихъ либо управительныхъ соображеній правительственной власти, но созданы самой жизнью. Варягорусскими учрежденіями мы называемъ ихъ только по тому, что они возникли уже во времена господства Варягоруссовъ.

Первоначально станами и становищами назывались мѣста временныхъ стоянокъ Варягорусскихъ Князей. Путешествуя по своимъ землямъ для сбора даней, или для какихъ либо иныхъ цѣлей, первые Варягорусскіе Князья останавливались тамъ и сямъ въ открытыхъ мѣстностяхъ, укрѣпленнымъ лагеремъ-становъ. Такъ какъ Князья Русскіе ходили по однѣмъ и тѣмъ же дорогамъ и останавливались всегда въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, то, съ теченіемъ времени, на мѣстахъ своихъ временныхъ стоянокъ, называемыхъ становищами, то есть, мѣстами, гдѣ былъ укрѣпленный лагерь-станъ, они построили постоялые дворы, церкви и страннопріимные дома. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, становища изъ мѣстъ временныхъ стоянокъ обратились въ постоянныя станціи, гдѣ останавливались Князья и ихъ мужи для отдыха и перемѣны лошадей. [32] Первоначально, пока бродячіе народы находились во враждебныхъ отношеніяхъ къ пришлому населенію, по всей вѣроятностп, станы не имѣли никакого управительнаго значенія. Но съ тѣхъ поръ, какъ бродячіе народы привыкли къ завоевателямъ и стали добровольно подчиняться ихъ власти, сюда, во время пріѣзда Князей и ихъ чиновниковъ, стали сходиться окрестные жители, по наряду, или доброй волѣ, для рѣшенія спорныхъ дѣлъ, для поднесенія даровъ и сборовъ и для доставленія подводъ, кормовъ и лошадей. [33] Такимъ образомъ простыя станціи, устроенныя Варягорусскими Князьями, мало по малу сдѣлались средоточіями мѣстнаго управленія. Наконецъ, съ теченіемъ времени, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, станціи обратились въ срединныя мѣстности

управительныхъ округовъ, которые, по имени своихъ средоточій, назывались станами.

Уже во времена Ольги существовали становища, какъ постоянныя станціи. Первоначальный лѣтописецъ, упомянувши о путешествіи Ольги съ сыномъ и дружиной по Землѣ Древлянской, въ заключеніе прибавляетъ, что еще въ его время существовали тамъ становища и ловища, устроенныя Ольгой. Въ послѣдствіи, въ повѣстяхъ и въ лѣтописяхъ, встрѣчаются извѣстія, относящіяся къ XI и XII столѣтіямъ, о существованіи становъ, какъ постоянныхъ станцій, въ Области Новгородской и въ Землѣ Суздальской. Но въ какое время эти станціи пріобрѣли управительное значеніе и обратились въ средоточія управительныхъ округовъ-становъ, рѣшить этотъ вопросъ, на основаніи письменныхъ памятниковъ, сохранившихся до нашего времени, совершенно не возможно. Первыя свѣдѣнія объ управительныхъ округахъ-станахъ относятся къ XIV столѣтію. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что уже въ половинѣ XIV столѣтія въ Московскомъ Княжествѣ первобытное бродячее населеніе, не обращенное во владѣльческое состояніе, раздѣлялось на десятки и сотни, и каждая сотня составляла особенный станъ. Подобно погостамъ, и становое дѣленіе въ то время распространялось исключительно только на бродячее населеніе и не касалось людей владѣльческаго состоянія. Города, села и слободы составляли особенные округи, не входившіе въ составъ становъ. Только въ XV столѣтіи, да и то въ немногихъ мѣстностяхъ, встрѣчаются станы, состоявшіе изъ разныхъ земель и поселеній. [34]

Созданное самой жизнью, становое дѣленіе не уничтожило прежняго дѣленія на погосты, но только уменьшило постепенно всеобъемлющее значеніе этого послѣдняго дѣленія. Станы не имѣли церковно-управительнаго значенія, по этому и при существованіи становъ вездѣ сохранились погосты, какъ церковно-управительные округи. Даже въ гражданско-управительномъ отношеніи, погосты, съ появленіемъ становъ, не утратили совершенно и повсемѣстно своего прежняго значенія. Станы, какъ управительные округи, возникли, какъ уже замѣчено, въ слѣдствіе сближенія завоевателей съ завоеванными; но такъ какъ это сближеніе совершалось постепенно, по этому въ то время, какъ одни дѣла перешли къ станамъ, другія оставались за погостами. Не уничтоживши погостскаго дѣленія, становое дѣленіе, въ то же время и въ слѣдствіе той же самой причины, какъ созданное не управительной властью, но самой жизнью, не стало къ погостскому дѣленію и въ единообразныя отношенія. Одновременно, въ однихъ мѣстахъ, съ появленіемъ округовъ-становъ, пого-

еты потеряли большую часть своего прежняго значенія, въ другихъ меньшую, въ однихъ мѣстахъ явились станы, какъ части погостовъ, въ другихъ мѣстахъ погосты оказались подраздѣленіемъ становъ. [35]

Раздѣленіе смердовъ на погосты и станы и собираніе съ нихъ разныхъ кормовъ и сборовъ не было конечнымъ слѣдствіемъ борьбы пришлаго населенія съ бродячими народами. Въ слѣдъ за первымъ завоеваніемъ, состоявшимъ въ обложеніи смердовъ разными сборами и повинностями, по слѣдамъ его шло другое, конечнымъ слѣдствіемъ котораго было отчасти совершенное истребленіе смердовъ, отчасти обращеніе ихъ въ дворовыхъ людей и земледѣльцевъ, поселенныхъ на владѣльческихъ земляхъ.

Утвердившись въ городахъ великой равнины Восточной Европы, Князья Рюрикова дома вступали въ нескончаемую борьбу то съ кочевыми народами юговосточныхъ степей Руси, то съ окрестными независимыми владѣніями: Княжествами Польскимъ и Литовскимъ, Волжскими Болгарами и городами Прибалтійскихъ Земель. По обычаю, господствовавшему въ тѣ отдаленныя времена варварства и безначалія во всѣхъ странахъ міра, военныя рати, вторгаясь въ непріятельскую страну, сожигали города и села, опустошали земли и забирали въ плѣнъ все населеніе, вооруженное и мирное, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей. Такъ поступали Князья Рюрикова дома, вторгаясь въ степи, или въ сосѣднія независимыя владѣнія; такъ поступали вожди кочевыхъ народовъ и Князья сосѣднихъ владѣній, вторгаясь въ ихъ собственную землю. Болеславъ, Князь Польскій, побѣдивши Ярослава, на возвратномъ пути изъ Руси, захватилъ въ плѣнъ множество простыхъ людей и Бояръ Ярослава. Князья Литовскіе, вторгнувшись въ 1225 году въ Смоленское Княжество, забрали съ собою все населеніе Торопецкой волости. [36] Особенно частымъ опустошеніямъ подвергалась Русская Земля отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ, которые, въ теченіе всего домонгольскаго періода, безпрерывно угоняли скотъ и забирали въ плѣнъ все населеніе въ пристепныхъ земляхъ. Забирались въ плѣнъ и жители городовъ, и жители селъ; но чаще всего такой участи подвергалось бродячее населеніе, жившее врознь и не защищенное никакими укрѣпленіями отъ внезапныхъ нападеній непріятеля. [37] Взятые въ плѣнъ, если не были выкуплены своими родичами, продавались въ рабство и на всегда исчезали изъ предѣловъ Руси. Понятно, что для Бояръ и мужей всегда представлялась большая возможность, заплативши выкупъ, снова возвратиться на родину и снова вступить въ прежнее состояніе, чѣмъ для простыхъ смердовъ, не имѣвшихъ ни знанія, ни связей,

ни вещественныхъ средствъ для освобожденія отъ плѣна своихъ родичей. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе внѣшнихъ войнъ, которыя продолжались непрерывно въ теченіе всего домонгольскаго періода, бродячее населеніе Россіи постоянно уменьшалось, то погибая въ битвахъ и походахъ съ оружіемъ въ рукахъ, волей, неволей, принимая участіе въ защитѣ страны и въ Княжескихъ предпріятіяхъ, то обращаясь, посредствомъ плѣна, въ рабовъ кочевыхъ народовъ, или въ осѣдлое состояніе сосѣднихъ странъ. [38]

Въ одно время съ внѣшними войнами начались междоусобныя войны между Князьями Рюрикова дома. Принимая участіе въ Княжескихъ междоусобіяхъ, то добровольно, то вынужденно, бродячее населеніе погибало тысячами, сражаясь за чуждыя ему выгоды того, или другого, Князя. Новгородскій лѣтописецъ, сообщая извѣстіе о нападеніи на Новгородъ Брячислава и о побѣдѣ, одержанной надъ нимъ Новгородцами, въ заключеніи восклицаетъ: «О велика была сѣча Вожаномъ! Пало ихъ безчисленное множество.» [39] Но какъ во время внѣшнихъ войнъ, такъ и во время междоусобій, бродячее населеніе погибало не столько отъ оружія, во время сраженій, сколько отъ всеобщаго, господствовавшаго въ то время, обычая забирать въ плѣнъ все населеніе въ землѣ непріятельской. Проходя чрезъ свои собственныя земли и своихъ союзниковъ, или же вторгаясь въ непріятельскую землю, Князья обыкновенно пускали своихъ ратныхъ людей въ «зажитье,» т. е., дозволяли имъ расходиться по окрестности и грабить все мирное населеніе. Отправившись въ зажитье, ратные люди иногда, при удобномъ случаѣ, захватывали въ плѣнъ мирное населеніе даже въ земляхъ своего собственнаго Князя. Въ 1216 году, Князь Новгородскій, Мстиславъ, пошелъ противъ Князя Ярослава, и по дорогѣ, вступивши въ свою волость Серегеръ, сказалъ Новгородцамъ: «Идите въ зажитье, только головъ не берите!» [40] Это странное запрещеніе показываетъ, что въ то время возможны были случаи захвата въ плѣнъ мирнаго населенія ратными людьми Князя даже въ собственномъ его Княжествѣ. Ни чѣмъ не стѣсняясь и забирая въ плѣнъ, при удобномъ случаѣ, свободное населеніе въ земляхъ своего Князя, ратные люди, вступивши въ землю Князя враждебнаго, поступали тамъ такъ же точно, какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ непріятельскихъ: грабили, разоряли и сожигали города села и веси, брали въ плѣнъ все населеніе, и мирное и ратное, заковывали его въ желѣза, или въ колоды, и выводили въ свои собственныя земли. Такъ, въ 1148 году, Изяславъ Мстиславичъ, въ борьбѣ съ Юріемъ Долгорукимъ, вторгнулся въ землю Ростовскую, опустошилъ всю

страну по обѣ стороны Волги до города Ярослава и, возвратившись домой, привелъ съ собою 7000 плѣнныхъ. Въ 1125 году Ярополкъ, Князь Кіевскій, съ своими союзниками напалъ на Князя Черниговскаго, Всеволода Ольговича, и забралъ около Чернигова всѣ села, принадлежавшія этому Князю. Въ то же самое время Князь Черниговскій пошелъ съ своею братьею чрезъ Переяславское Княжество къ Днѣпру и на дорогѣ избилъ, или забралъ, въ плѣнъ все населеніе, не успѣвшее уйти на правый берегъ Днѣпра. Въ 1187 году союзное ополченіе Князей Муромскихъ и Суздальскихъ, вторгнувшись въ Рязанское Княжество, набрало множество плѣнныхъ и возвратилось обратно, опустошивъ и пожегши всю землю Князей Рязанскихъ. [42] Часто, при заключеніи мира, Князья взаимно условливались выдавать плѣнныхъ; но такія условія не всегда соблюдались. Чаще всего забранное населеніе продавали въ рабство, обращали въ дворовыхъ людей, или поселяли на владѣльческихъ земляхъ, принадлежавшихъ въ собственность лицамъ, захватившимъ плѣнниковъ. Такъ, въ 1100 году, при заключеніи мира Святополкомъ Изяславичемъ, Владиміромъ Всеволодовичемъ и Святославичами съ Давыдомъ Игоровичемъ и Ростиславичами, Князь Кіевскій Святополкъ и его союзники потребовали отъ Володаря и Василька Ростиславичей, чтобы они возвратили забранныхъ ими въ плѣнъ холоповъ и смердовъ, но Ростиславичи, по словамъ лѣтописи, сего не послушали и не возвратили захваченнаго ими населенія. Такъ, Юрій Суздальскій не выполнилъ условій, принятыхъ имъ при заключеніи мира въ Пересопницѣ, возвратить всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ имъ въ Переяславскомъ Княжествѣ. Такъ Новгородцы, разбивши въ 1169 году ополченіе Андрея Боголюбскаго, взятыхъ въ плѣнъ не возвратили, но всѣхъ продали въ рабство: и было, въ то время, говоритъ лѣтописецъ, такое множество продаваемыхъ людей, что покупали Суздальца по самой мелкой монетѣ, ногатѣ. [44] Такимъ образомъ, въ слѣдствіе войнъ и плѣна, иногда цѣлые народцы и погосты сразу исчезали и обращались въ осѣдлое населеніе. Брячиславъ, въ борьбѣ съ Ярославичами, однажды, напавъ на Новгородскія земли, цѣлый погостъ, по словамъ лѣтописи, завелъ за Полотскъ. Въ борьбѣ съ Мстиславичами Юрій Суздальскій, вторгнувшись въ Новгородскія земли, забралъ въ плѣнъ все населеніе, жившее по рѣкѣ Мстѣ. Въ то же самое время, его союзникъ, Святославъ Ольговичъ, забралъ въ Смоленскомъ Княжествѣ всѣхъ Голядовъ, населявшихъ берега рѣки Поротвы и впервые покоренныхъ, какъ мы видѣли, Изяславомъ Ярославичемъ. Какъ часто, въ то время, въ слѣдствіе внутреннихъ междоусобій, погибали цѣлые погосты, это видно изъ уставной

грамоты, выданной Ростиславомъ Мстиславичемъ Смоленскому Епископу. Означивши количество доходовъ, которые должны были поступать отъ Княжескихъ даней въ пользу Епископа, Князь Смоленскій счелъ нужнымъ оговориться, что если какой ни будь погостъ погибнетъ отъ рати, или другихъ бѣдствій, то и количество десятины должно уменьшиться. [43]

Порабощаемые въ военное время непріятелемъ, въ мирное время смерды подвергались той же участи отъ собственныхъ Князей и ихъ тивуновъ. Разъѣзжая по своимъ землямъ, населеннымъ смердами, Князья и ихъ тивуны за всякое преступленіе подвергали виновныхъ денежнымъ взысканіямъ и, въ случаѣ несостоятельности, обращали ихъ въ своихъ рабовъ, или продавали въ рабство съ открытыхъ торговъ. Извѣстно, что были преступленія, за которыя должны были отвѣчать цѣлыя общества смердовъ. Могло случиться, что цѣлыя общества оказывались несостоятельными въ платежѣ виръ и продажъ. Въ такомъ случаѣ, по общему правилу, само собою должна была слѣдовать продажа въ рабство цѣлаго общества. Что подобнаго рода продажи совершались, это доказываетъ извѣстіе лѣтописей объ опустошеніи цѣлыхъ областей посредствомъ продажъ, совершенныхъ Княжескими тивунами. Въ концѣ жизни Всеволода, по словамъ Кіевскаго лѣтописца, до людей не доходило Княжей правды: тивуны Княжескіе людей грабили и продавали. Какъ эта продажа отразилась на состояніи Кіевской страны, это видно изъ дальнѣйшаго разсказа той же лѣтописи. Вскорѣ, по смерти Всеволода, когда Половцы напали на Русскую Землю, Кіевскіе мужи совѣтовали своему Князю, Святополку Изяславичу, послать за помощью къ Мономаху; по тому, говорили они, что у нихъ некому сражаться съ Половцами; ибо земля ихъ оскудѣла отъ ратей и продажъ. [44] Хотя въ древней Руси господа часто отправлялись на войну съ своими рабами, [45] однако, въ слѣдствіе продажъ свободнаго населенія въ рабство, Кіевская Земля могла оскудѣть ратными людьми, по тому что свободное населеніе продавалось въ рабство не только жителямъ своего Княжества, но и всякому вообще покупщику, откуда бы онъ ни былъ: свободные люди продавались въ рабство и кочевымъ народамъ, и временно проживавшимъ иностраннымъ купцамъ. [46] Если Кіевское населеніе, проданное въ рабство, отвозилось въ степи, въ Грецію, въ Черноморскіе и въ Прикаспійскіе города, къ Волжскимъ Болгарамъ и въ Новгородскую Землю, то понятно, что Кіевская Земля могла опустѣть отъ продажъ и лишиться людей, способныхъ защищать страну отъ кочевыхъ народовъ.

Истребляемое и порабощаемое войнами и Княжескими чиновниками, бродячее населеніе, въ то же время, уничтожалось и порабощалось въ слѣдствіе болѣзней, голода и другихъ физическихъ бѣдствій. Во время повальныхъ болѣзней и голода цѣлыя племена бродячаго населенія, не находя ни откуда помощи, вымирали, или же, чтобы спасти себя отъ смерти, расходились по окрестнымъ странамъ. Сверхъ того въ голодные годы бродячее населеніе истребляло другъ друга и изъ закуска хлѣба продавало своихъ ближнихъ въ рабство. Такъ, въ 1024 г., во время голода, постигшаго Суздальскую Землю при Ярославѣ, смерды, для прокормленія себя, истребляли старыхъ своихъ родственниковъ и отдавали своихъ женъ въ рабство. Спустя нѣсколько времени, при сыновьяхъ Ярослава, въ 1071 г., снова голодъ постигъ Суздальскую Землю, и снова смерды избивали женское населеніе въ погостахъ по Волгѣ и Шекснѣ. Во время голода, опустошившаго въ 1215 г. всю Новгородскую Землю, по словамъ сѣвернаго лѣтописца, люди ѣли сосновую кору, мохъ и липовыя листья; родители отдавали дѣтей въ полное рабство; одна часть народа Вожанъ вымерла, другая разошлась по окрестнымъ странамъ. Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ этого голода, происшедшаго отъ истребленія хлѣба ранними морозами, снова, и вслѣдствіе той же причины, голодъ опустошилъ Новгородскую область и всю вообще Русскую Землю, за исключеніемъ одной только Кіевской области. Во время этого голода, по словамъ той же лѣтописи, люди умирали тысячами и, для утоленія голода, грабили другъ друга, ѣли мертвыя тѣла и изъ за хлѣба отдавали дѣтей своихъ въ полное рабство. [47]

Наконецъ, бродячее населеніе, со времени покоренія его осѣдлыми пришлыми народами, постепенно уничтожалось въ слѣдствіе добровольнаго вступленія въ рабство, или въ какія либо другія личныя отношенія зависимости отъ господствующаго осѣдлаго населенія, для достиженія безопасности отъ всякаго рода обидъ и насилій. Во всѣ времена у всѣхъ народовъ, до образованія твердой общественной власти, ограждающей слабыхъ отъ насилія сильныхъ, менѣе сильные, для достиженія безопасности, добровольно вступали подъ власть болѣе сильныхъ. Еще въ отдаленной древности, до появленія осѣдлаго населенія, между бродячими народами великой равнины Восточной Европы существовали общественные союзы, основанные на іерархіи личныхъ зависимыхъ отношеній. Еще до начала Славянскаго населенія, среди бродячихъ народовъ, слабые люди, нуждавшіеся въ защитѣ своей личности, или своего имущества, добровольно поступали подъ власть родовыхъ, или племенныхъ, старѣйшинъ, какъ лицъ най-

болѣе сильныхъ и могущественныхъ. Съ появленіемъ сначала Бояръ и Князей Западно-Славянскихъ народовъ, а потомъ Варягорусскихъ Князей и ихъ дружинниковъ, власть племенныхъ и родовыхъ старшинъ уже не могла служить достаточной порукой для безопасности: сильнѣе ихъ оказались люди пришлые. Естественно по этому, что, съ появленіемъ пришлаго господствующаго населенія, среди бродячихъ народовъ должно было возникнуть стремленіе искать себѣ защитниковъ и покровителей среди самаго господствующаго населенія. Теперь это было единственнымъ средствомъ, чтобы освободиться отъ безпрерывныхъ грабежей и притѣсненій. Нуждаясь въ защитѣ и покровительствѣ, смерды то оставляли свои земли и добровольно поступали въ услуженіе къ Боярамъ и Князьямъ, или поселялись на отведенныхъ имъ земляхъ, принадлежавшихъ господствующему городскому населенію, то, оставаясь на прежнихъ мѣстахъ, вмѣстѣ съ своими землями и всѣмъ своимъ имуществомъ, закладывались за Князей, Княгинь и ихъ Бояръ и мужей. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они лишались своего первобытнаго состоянія и обращались или въ дворовыхъ людей, или въ полусвободное земледѣльческое сословіе, поселенное на владѣльческихъ земляхъ и извѣстное въ то время подъ именемъ «рядовичей» и «закуповъ» или «закладней.»[48]

Такимъ образомъ различными путями и въ слѣдствіе чрезвычайно разнообразныхъ причинъ: внѣшнихъ войнъ, Княжескихъ междоусобій, естественныхъ бѣдствій, насильственнаго порабощенія и добровольнаго вступленія подъ власть предводителей пришлаго населенія, еще въ домонгольскій періодъ бродячее населеніе исчезло во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ вблизи его поселились пришлые народы, а на счетъ его усилилось и размножилось осѣдлое населеніе, разселившееся разнообразными поселеніями городами, селами, слободами и деревнями на пустопорожнихъ пространствахъ, постепенно возникавшихъ въ слѣдствіе уничтоженія бродячаго населенія и его поселеній—селъ-весей.

Уже выше было замѣчено, что Варягорусскіе Князья, покоряя города и народы великой равнины Восточной Европы, поселяли забранныхъ ими въ плѣнъ жителей городовъ, лѣсовъ и степей, возлѣ городовъ Старо-Славянскихъ. Въ то же время, для удержанія въ повиновеніи вновь покоренныхъ странъ и народовъ, для защиты ихъ отъ внѣшнихъ враговъ и для увеличенія осѣдлаго населенія въ своихъ новыхъ владѣніяхъ, Варягорусскіе Князья строили новые города, заселяя ихъ сброднымъ населеніемъ, захваченнымъ въ плѣнъ въ различныхъ частяхъ Восточной Европы, или же добровольно приходившимъ къ нимъ искать защиты и покровительства. Уже Олегъ

и Рюрикъ, по словамъ лѣтописей, раздавая мужамъ своимъ волости и устанавливая дани, строили города въ различныхъ частяхъ своихъ владѣній. Владимиръ послѣ крещенія, раздѣливши Русскую Землю между своими сыновьями, пошелъ въ Залѣсскую страну и въ Суздальско-Ростовской области построилъ городъ надъ рѣкою Клязьмою, назвавъ его своимъ языческимъ именемъ—Володимеръ. Сынъ его, Ярославъ, распространяя свои владѣнія на Западѣ, построилъ города Юрьевъ въ землѣ Чудской и Новгородъ на границахъ съ землею Ятвяговъ. Ему же, по всей вѣроятности, принадлежитъ честь построенія городовъ—Ярослава въ Суздальской области и Юрьева въ Кіевскомъ Княжествѣ: ибо эти города, носившіе его имя, первый—языческое, а второй — Христіанское, существовали уже при его сыновьяхъ. По примѣру первыхъ Варягорусскихъ Князей, преемники ихъ власти, раздѣляя между собой ихъ многочисленныя владѣнія и разселяясь на востокъ и западъ отъ среднихъ теченій Днѣпра, постоянно строили новые города то внутри, то на окраинахъ своихъ владѣній. Такъ, одинъ изъ Князей Черниговскихъ, младшій Святославичъ-Ярославъ, построилъ въ странѣ Вятичей городъ Переяславъ Рязанскій (древнѣйшая крѣпость котораго долгое время по его имени называлась Ярославомъ), а сынъ его, Ростиславъ Ярославичъ, создалъ, въ свое имя, Ростиславъ, на рѣкѣ Окѣ. Мономахъ строилъ города по рѣкѣ Остру, а сынъ его, Ярополкъ въ Переяславскомъ Княжествѣ. Но особенно прославились заселеніемъ Князья Суздальскіе. Первый Князь Рюрикова дома, поселившійся въ Суздальской области, Юрій Долгорукій, по словамъ лѣтописей, построилъ въ своей области Константинъ на Волгѣ, Юрьевъ Польскій на Нерли, Дмитровъ на Яхромѣ и многіе другіе города, населивъ ихъ сбродными людьми, стекавшимися къ нему добровольно, по его призыву, со всѣхъ концовъ земли: Болгарами, Мордвой, Уграми и Русскими. Примѣру его слѣдовали и послѣдующіе Князья Суздальской области: Всеволодъ Юрьевичъ, Юрій Всеволодовичъ и другіе. [49]

Новые города, построенные возлѣ стольныхъ городовъ, подобно пригороднымъ селамъ, были любимыми мѣстопребываніями Варягорусскихъ Князей и ихъ мужей. Здѣсь часто проводили они свободное время, здѣсь жили ихъ жены и наложницы и сохранялось ихъ лучшее имущество. [50] Но только немногіе изъ городовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ заселительской (колонизаторской) дѣятельности Варягорусскихъ Князей, Владимиръ Волынскій, Переяславъ при Трубежѣ, Переяславъ Рязанскій и Владимиръ на Клязьмѣ, съ теченіемъ времени, сдѣлавшись постоянными мѣстопребываніеми Княжеской вла-

сти и стольными городами, обратились въ обширныя укрѣпленныя поселенія, которыя, какъ по внѣшнему виду, такъ и по составу населенія, ни чѣмъ не отличались отъ старыхъ городовъ. По большей же части новые города, до позднѣйшихъ временъ, были небольшія земледѣльческія поселенія, составлявшія частную собственность Князей, Бояръ, Княжихъ мужей и ихъ женъ, и только своими укрѣпленіями отличались отъ простыхъ селъ, построенныхъ Боярами и Варягорусскими Князьями возлѣ старыхъ городовъ. Въ новыхъ городахъ не было ни Бояръ, ни промышленнаго торговаго и ремесленнаго сословія, отличнаго отъ земледѣльческаго сословія. До позднѣйшихъ временъ это были небольшія укрѣпленія, населенныя почти исключительно чёрнорабочими людьми, отчасти свободнаго, отчасти несвободнаго состоянія. Внутри укрѣпленія, занимавшаго всегда небольшую возвышенную площадь, почти не было никакого населенія. Здѣсь были построены церкви и дворы церковнаго причта; здѣсь находились подвалы и погреба, въ которыхъ хранилось имущество владѣльца города: здѣсь былъ его домъ, въ которомъ жилъ, постоянно, или временно, онъ самъ, или же представители его власти, его приказчики и ключники; здѣсь находились хижины, въ которыхъ жили немногіе ратные люди владѣльца изъ его дворовыхъ, или служилыхъ, людей; здѣсь же, по всей вѣроятности, какъ въ послѣдствіи, такъ и первоначально, были пустые дворы, въ которыхъ укрывалось окрестное населеніе, въ осадное время. Все же городское населеніе, въ обыкновенное мирное время, жило за укрѣпленіемъ сплошными рядами хижинъ, составлявшими посадъ города. Посадскіе люди новыхъ городовъ, подобно посадскимъ людямъ старыхъ городовъ, занимались по преимуществу земледѣліемъ, огородничествомъ и рыбной ловлей, имѣли своихъ племенныхъ старѣйшинъ, и въ управительномъ отношеніи, принадлежавшіе Князьямъ Рюрикова дома, раздѣлялись на десятки, сотни и тысячи. [51]

Подобно старымъ городамъ, и новые города были средоточіями, откуда распространялась по окрестной странѣ заселительская дѣятельность осѣдлаго населенія Князья, ихъ мужи и служилые люди, поселившись въ новомъ городѣ съ своими дворовыми людьми, расчищали окрестныя пустопорожнія пространства, строили загородные дворы и поселяли возлѣ нихъ часть своихъ рабовъ, для земледѣльческихъ и промышленныхъ занятій. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, и возлѣ новыхъ городовъ возникали села, усадища, населенныя несвободными людьми, принадлежавшими господствую-

щему населенію и ни чѣмъ не отличавшіеся отъ селъ-усадищъ, построенныхъ возлѣ старыхъ городовъ. [52] Сначала многія изъ селъ-усадищъ, заведенныя Князьями и ихъ служилыми людьми, не имѣли постояннаго населенія и обработывались рабами, приходившими на время изъ города. Такъ въ Житіи Θеодосія находится извѣстіе, что онъ изъ города Курска ходилъ съ своими рабами на село, и тамъ работалъ вмѣстѣ съ ними, и что его мать однажды ушла изъ города на село для земледѣльческихъ занятій и тамъ оставалась долгое время. Съ увеличеніемъ рабочихъ людей, принадлежавшихъ господствующему населенію, число такихъ усадебныхъ заведеній со временнымъ поселеніемъ должно было уменьшиться, но по всей вѣроятности, въ теченіе всего удѣльнаго періода, до тѣхъ поръ, пока не прекратилось движеніе Князей изъ города въ городъ, продолжали существовать села-усадища, не имѣвшія постояннаго населенія: ибо Князья и ихъ мужи, переѣзжая изъ города въ городъ, обыкновенно забирали съ собою и большую часть своихъ дворовыхъ людей.

До сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ расположены были древнія села, принадлежавшія Князьямъ и Княгинямъ, видны слѣды существовавшихъ когда-то укрѣпленій. [53] Нѣтъ ни чего невѣроятнаго, что въ то время, когда мирное населеніе безпрерывно подвергалось нападеніямъ со стороны воровъ и непріятелей, многія изъ селъ-усадищъ, сдѣлавшись съ теченіемъ времени значительными поселеніями, окружены были укрѣпленіями. Но вообще села-усадища были всегда небольшими поселеніями, состоявшими изъ нѣсколькихъ дворовъ, и не имѣли ни какихъ укрѣпленій. Обыкновенно, при вторженіи непріятеля, населеніе селъ-усадьбъ укрывалось въ окрестномъ городѣ, и села-усадища безъ всякаго сопротивленія сожигались непріятелемъ.

Устраивая усадебныя заведенія и населяя ихъ своими дворовыми людьми, Князья, Бояре и ихъ служилые люди, въ то же время, какъ выше замѣчено, принимали къ себѣ всякаго вообще свободнаго человѣка, искавшаго ихъ защиты и покровительства. Поселенія, составленныя изъ лицъ свободнаго состоянія, поселившихся по добровольному соглашенію съ владѣльцами, назывались обыкновенно «свободами» или «слободами.» Всѣ лица, добровольно поступавшія подъ власть Князей, Бояръ и служилыхъ людей, обыкновенно поселялись или на посадахъ, возлѣ стѣнъ города, или вдали отъ городовъ отдѣльными поселеніями; но и въ томъ и другомъ случаѣ мѣста, ими заселенныя, назывались слободами. По этому были слободы на посадахъ, входившія въ составъ города, и были

слободы, какъ отдѣльныя поселенія. Между слободами, какъ отдѣльными поселеніями, и селами-усадищами не существовало большаго различія. И тѣ и другія были небольшія поселенія, состоявшія изъ немногихъ дворовъ и не имѣвшія никакихъ укрѣпленій. И тѣ и другія были владѣльческія поселенія, заводимыя владѣльцами, Князьями, Боярами, мужами и духовенствомъ, на своихъ земляхъ. И тѣ и другія составляли собственность владѣльца земли, дробились, продавались и отчуждались всякими способами. И тѣ и другія состояли изъ лицъ, находившихся въ зависимости отъ землевладѣльца и облагались всякими сборами и повинностями. Все различіе между селами-усадищами и слободами основано было на ихъ происхожденіи. Села-усадища вообще населены были рабами, которыхъ владѣльцы насильственно селили на своихъ земляхъ, между тѣмъ слободами назывались такія поселенія, которыя населены были свободными людьми, рядовичами, добровольно поселявшимися на землѣ владѣльца, чаще всего по его приглашенію, и сохранившими право во всякое время уходить, куда имъ угодно. " Не всегда, однако, существовало различіе между селами и слободами по качеству населенія, по степени его зависимости отъ владѣльца земли. Съ древнѣйшихъ временъ благочестивые Князья ихъ жены и служилые люди, руководимые набожнымъ чувствомъ обыкновенно въ концѣ жизни отпускали своихъ рабовъ на волю. Иногда отпущенные рабы, получивъ свободу, продолжали жить на прежнихъ земляхъ, вступивъ въ добровольныя соглашенія съ владѣльцами земли. Такимъ образомъ возникли Княжескія села-усадища, населенныя вольноотпущенниками, изгоями. Въ первый разъ о такихъ селахъ упоминается въ Уставной грамотѣ Ростислава Мстиславича Смоленскаго, но, по всей вѣроятности, они начали возникать еще ранѣе. Между селами-усадьбами, населенными изгоями, и слободами уже не существовало никакого различія по качеству населенія; ибо и тѣ и другія населены были лицами свободнаго состоянія. Поселенія, состоявшія изъ одних только изгоевъ, назывались селами только по тому, что такъ они названы при самомъ основаніи ихъ.

И села, и слободы основывались исключительно для хозяйственныхъ цѣлей, для увеличенія доходовъ землевладѣльца. Устроивъ новое поселеніе, владѣлецъ его заводилъ тамъ большіе табуны лошадей и рогатаго скота, устроивалъ борти для пчеловодства и ловища и перевѣсища для охоты и рыбной ловли, а вокругъ поселенія разчищалъ лѣса, обращая ихъ въ огороды и пахатныя поля. Простран-

ство земли, освобожденное отъ лѣса и обращенное въ пахатное поле, называлось «ролью, землей и деревней.» Иногда расчищенное пространство не имѣло никакого поселенія и обработывалось наѣздомъ жителями села, слободы, или города. Но иногда на расчищенной землѣ строился особенный дворъ, въ которомъ поселялось семейство, занимавшееся ея обработкой. И въ томъ и въ другомъ случаѣ расчищенная земля называлась «деревней;» но деревня, не имѣвшая никакого населенія, называлась пустой деревней. Если же обработка расчищеннаго пространства совершенно была оставляема, тогда оно обращалось въ «пустошь,» которая ни чѣмъ не отличалась отъ естественныхъ луговъ, называемыхъ пожнями, или же въ деревню, поросшую лѣсомъ. [55]

Всѣ большія поселенія, города, села, усадьбы и слободы, съ окружавшими ихъ деревнями, ловищами, перевѣсищами, лугами и озерами, составляли особенныя земли, отдѣленныя отъ другихъ такихъ же земель межами и межевыми знаками. Каждая земля составляла особенный управительный округъ, имѣвшій свое особенное управленіе, средоточіемъ и мѣстопребываніемъ котораго было главное поселеніе. Городомъ, селомъ или слободой называлось по этому не только поселеніе но все вообще пространство земли, на которое распространялась власть поселенія. [56] Эти небольшие управительные округи, отличавшіеся отъ погостовъ только тѣмъ, что имѣли средоточное поселеніе и составляли частную собственность представителей господствующаго населенія, извѣстны были въ древней Руссы подъ общимъ названіемъ «волостей. Какъ всѣ вообще названія, такъ и слово «волость» не имѣло предѣленнаго и точнаго значенія. Въ древней Руси волостью называлась всякая вообще земля, состоявшая изъ соединенія нѣсколькихъ смежныхъ поселеній, принадлежавшихъ къ одному владѣнію. Волостями назывались и цѣлыя Княжества, обширныя земли со многими городами, и цѣлые погосты, и небольшіе округи, части погостовъ, населенныя исключительно смердами. Наконецъ, въ XIV столѣтіи въ Московскомъ Княжествѣ, волостями назывались не только земельные округи, но и доходы, получаемые съ такихъ округовъ. Но въ тѣсномъ смыслѣ волостями, въ теченіе всей древней Русской жизни, назывались округи, имѣвшіе средоточное поселеніе и находившіеся въ частномъ владѣніи, а также небольшіе земельные округи, хотя населенные исключительно смердами, но такими, которые обращены были во владѣльческое состояніе. На этомъ основаніи въ древнихъ лѣтописяхъ и актахъ хотя погосты и станы называются волостями, однако отличаются отъ волостей въ тѣсномъ смыслѣ, отъ селъ,

слободъ и городовъ. [57] Такъ какъ города, села и слободы заводились и ставились Князьями, Княгинями, Боярами, служилыми людьми и ихъ женами, по этому были волости: Князей, Княгинь, Бояръ, служилыхъ людей и ихъ женъ. Въ послѣдствіи времени, въ слѣдствіе дара, пожалованія и покупки, пріобрѣло земли духовенство, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникли волости Епископскія и Монастырскія.

Вновь возникшее управительное раздѣленіе на волости, съ постепеннымъ уничтоженіемъ бродячихъ народовъ, съ обращеніемъ ихъ въ людей осѣдлаго состоянія, поселенное на владѣльческихъ земляхъ, само собою замѣняло прежніе управительные округи, погосты и станы. Но такъ какъ бродячее населеніе исчезало постепенно, то и новые управительные округи заступали мѣсто старыхъ не вдругъ и одновременно, но постепенно, въ теченіе продолжительнаго періода времени. Уже во время Владимира Св., одновременно съ Старославянскими погостами, существовали и новые управительные округи, города, села и слободы. Съ теченіемъ времени число новыхъ округовъ постоянно увеличивалось на счетъ старыхъ, но старые не исчезали совершенно. На Сѣверовостокѣ, гдѣ заселеніе шло медленно, гдѣ до позднѣйшихъ временъ сохранились обширныя пространства земель, ни кому не принадлежавшихъ въ частности, погосты и станы существовали тамъ и сямъ рядомъ съ волостями въ теченіе всей Древне-Русской жизни.

И такъ, медленность и постепенность уничтоженія бродячаго населенія были первой причиной одновременнаго существованія въ древней Руси и старыхъ округовъ, погостовъ и становъ, на которые дѣлилось бродячее населеніе, и новыхъ округовъ, волостей, на которые дѣлилось осѣдлое населеніе. Но одновременное существованіе въ древней Руси управительныхъ округовъ различнаго происхожденія обусловливалось еще и другой причиной. Не всегда съ уничтоженіемъ бродячаго населенія уничтожалось его прежнее управительное населеніе. Иногда погосты и станы, и послѣ уничтоженія бродячаго населенія и овладѣнія его землями осѣдлымъ населеніемъ, продолжали существовать въ прежнихъ границахъ, измѣнивши только свое первоначальное свойство и обратившись въ округи, состоявшіе изъ разныхъ земель и поселеній. О такихъ погостахъ и станахъ, состоявшихъ изъ разныхъ земель и поселеній, первыя точныя свѣдѣнія мы имѣемъ, какъ уже было замѣчено, только отъ XV столѣтія; нѣтъ, однако, основанія предполагать, чтобы такіе погосты и станы не существовали еще въ удѣльномъ періодѣ. [58] Въ погостахъ и станахъ, состоявшихъ изъ разныхъ земель и поселеній, волости оказа-

лись подраздѣленіемъ становъ и погостовъ, а по тому и первые округи (волости) и вторые (станы и погосты) могли существовать одновременно другъ возлѣ друга.

Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ бродячаго населенія, съ обращеніемъ его въ осѣдлое состояніе, вся страна принимала совершенно новый видъ. Прежнія поселенія, села-веси исчезали и замѣнялись новыми поселеніями: городами, селами, усадьбами, слободами и деревнями, и прежніе управительные округи, погосты и станы, или замѣнялись новыми волостями, или же обращались въ управительные округи, обнимавшіе всякаго рода земли и поселенія. Но это не было единственнымъ слѣдствіемъ измѣненія хозяйственныхъ условій и образа жизни первобытнаго населенія Руси. Съ измѣненіемъ образа жизни и хозяйственныхъ условій бродячаго населенія измѣнялся совершенно его общественный бытъ и уничтожалась его народная особенность, которой отличалось оно отъ пришлаго завоевательнаго населенія.

Съ тѣхъ поръ, какъ бродячее населеніе обратилось въ осѣдлое состояніе, родовыя и племенныя отношенія, на которыхъ основанъ былъ его общественный строй, сами собою уничтожились. Пока власть Бояръ и Князей надъ смердами ограничивалась требованіемъ отъ послѣднихъ разныхъ работъ и сборовъ, до тѣхъ поръ отношенія, существовавшія между смердами до появленія завоевателей, не могли потерпѣть существенныхъ измѣненій. Оплачивая дани и отправляя въ пользу пришлаго населенія разнаго рода повинности, смерды продолжали жить подъ начальствомъ своихъ жрецовъ и кудесниковъ и своихъ родовыхъ и племенныхъ старѣйшинъ. Еще при Ярославѣ и его сыновьяхъ, въ Суздальской области, толпы смердовъ, во время голода, собирались подъ начальствомъ волхвовъ, ходили по погостамъ и воодушевляли народъ избивать своихъ матерей и сестеръ. Еще въ началѣ XIII ст. упоминается о Чудскомъ родоначальникѣ Пелгуѣ, который жилъ среди своего рода въ Ижорской Землѣ, покоренной Новгородцами еще въ доисторическое время. [59] Но съ тѣхъ поръ, какъ бродячіе народы, то отдѣльно, то цѣлыми толпами, то насильственно, то добровольно, стали поселяться на владѣльческихъ земляхъ, власть прежнихъ старѣйшинъ смѣнилась властью владѣльца и его старостъ—тивуновъ, и прежнія отношенія, основанныя на потребности безопасности, на единствѣ духовныхъ интересовъ и хозяйственныхъ выгодъ, уступали мѣсто новымъ отношеніямъ, основаннымъ на зависимости отъ власти землевладѣльца, на общности обязанностей отправлять въ пользу его разнаго рода повинности и платить ему

разные подати и оброки. Не сразу, однако, исчезли всѣ слѣды прежнихъ отношеній. Мы видѣли, что военноплѣнные, обращенные во владѣльческое состояніе и поселенные въ старыхъ и новыхъ городахъ, долгое время жили подъ начальствомъ своихъ родовыхъ и племенныхъ старѣйшинъ. Еще продолжительнѣе сохранялись слѣды прежнихъ духовныхъ отношеній, которыя удовлетворяли самымъ живымъ и существеннымъ потребностямъ отдѣльнаго человѣка, и по самому свойству, какъ отношенія свободныя, мало зависѣли отъ хода развитія политическихъ несвободныхъ отношеній. Въ теченіе многихъ вѣковъ жители городовъ и селъ обращались къ кудесникамъ за совѣтомъ и нравственной помощью во всѣхъ случаяхъ жизни, и требовали отъ нихъ отвѣта на занимавшіе ихъ вопросы о будущемъ. [60] Въ теченіе многихъ вѣковъ. переселившись въ города и села, смерды сохраняли воспоминаніе о своихъ древнихъ пирахъ и празднествахъ и, принявши Христіянскую Вѣру, то тайно, то явно, совершали языческіе обряды и устраивали общественныя пиршества, которыя хотя по большей части совершались въ дни Христіянскихъ праздниковъ и часто при Христіянскихъ храмахъ, но всей своей обстановкой напоминали имъ давно минувшія времена. Религіозныя и нравственныя обязанности, возлагаемыя Христіянскимъ духовенствомъ, встрѣчали упорное сопротивленіе со стороны городскаго и сельскаго простонародья. Еще въ XI столѣтіи Южнорусскій лѣтописецъ съ глубокой грустью жалуется, что люди возвращаются обратно, встрѣтившись съ черноризцемъ, и во множествѣ посѣщаютъ игрища, а между тѣмъ церкви постоянно стоятъ пустыми И послѣ того, еще долгое время, въ теченіе многихъ вѣковъ, духовенство обращалось къ народу съ увѣщаніемъ бросить языческіе обряды, и приглашало свѣтское начальство къ себѣ на помощь для разрушенія, мѣстъ языческаго богослуженія и искорененія всѣхъ остатковъ язычества.

Наконецъ, съ постепеннымъ распространеніемъ заселенія и съ постепеннымъ обращеніемъ бродячаго населенія въ осѣдлое состояніе, не могла сохраниться и прежняя народная противоположность между туземнымъ и пришлымъ населеніемъ. Бродячіе народцы, обращенные насильственно въ дворовыхъ людей, сразу потеряли свободу и свою народную особность, переставали называться смердами, входили въ составъ господствующаго населенія, усвоивали его языкъ и принимали его нравы и обычаи. Первоначально, до прихода Варягоруссовъ, по всей вѣроятности, и бродячіе народы, добровольно поселившіеся на земляхъ, которыми овладѣвало пришлое поселеніе, тоже теряли и свою свободу и свою народность; ибо въ теченіе

всего домонгольскаго періода считалось общимъ правиломъ, что всякое свободное лицо, подчинившееся власти пришлыхъ людей, тѣмъ самымъ теряло свою свободу и свою народность; но Князья Русскіе приняли подъ покровительство смердовъ и защищали право смердовъ, переходившихъ добровольно на владѣльческія земли, снова возвращаться въ первобытное состояніе. Такъ образовалось, подъ покровительствомъ Русскихъ Князей, полусвободное земледѣльческое населеніе, поселенное на владѣльческихъ земляхъ, населеніе, извѣстное подъ именемъ рядовичей и закуповъ. Рядовичи и закупы, хотя жили на владѣльческихъ земляхъ, на земляхъ, принадлежавшихъ пришлому господствующему населенію, однако сохраняли свою народную особенность по отношенію къ господствующему населенію и продолжали называться смердами. Но эта племенная особность и эта свобода не были прочны. И рядовичи и закупы, поселившись на владѣльческихъ земляхъ, постепенно теряли свободу и обращались въ полное рабство. Такъ изъ Русской Правды извѣстно, что закупы за преступленіе, за побѣгъ, за порчу имущества своего господина и за неуплату долговъ обращались въ полное рабство. Такимъ образомъ все клонилось къ всеобщему порабощенію и къ поглощенію пришлымъ населеніемъ туземныхъ первобытныхъ народовъ, и, не смотря на покровительство, оказываемое Русскими Князьями этому туземному населенію, по отношенію его къ Боярамъ и мужамъ, все таки оно постепенно теряло свободу и посредствомъ порабощенія сливалось, вмѣстѣ съ пришлымъ господствующимъ населеніемъ, въ одну народность.

Но сліяніе побѣжденныхъ съ побѣдителями въ одинъ народъ, на востокѣ Европы еще не совершилось окончательно въ домонгольскій періодъ. Всѣ выше изложенныя измѣненія въ домонгольскій періодъ совершились только съ тѣми бродячими народами, которые покорены были осѣдлымъ пришлымъ населеніемъ еще до временъ Рюрика. До появленія Монголовъ потомки Рюрика распространили власть осѣдлаго населенія надъ бродячими народами немного далѣе тѣхъ предѣловъ, до которыхъ она доходила еще въ доваряжскую пору. Занятые походами на югъ, а въ послѣдствіи междоусобными войнами и борьбой съ кочевыми народами, Князья Рюрикова дома мало обращали вниманія на бродячее населеніе, жившее по окраинамъ ихъ владѣній. По этому, еще въ XIII ст., какъ уже было замѣчено, по берегамъ рѣкъ Оки и Волги, Западной Двины, Буга, Нѣмана и Нарева, и возлѣ озеръ Ладожскаго и Онежскаго, жили бродячіе народы въ независимомъ состояніи. Всѣ отношенія ихъ къ осѣдлому пришлому

населенію въ домонгольскій періодъ ограничивались взаимными набѣгами и опустошеніями. Отъ времени до времени Князья Рюрикова дома и ихъ дружины входили въ пограничные лѣса и болота, заселенные независимыми племенами, зажигали веси, избивали скотъ и умерщвляли, или забирали въ плѣнъ, все населеніе, попадавшееся имъ въ руки. Изъ подробныхъ описаній лѣтописей борьбы Русскихъ въ XII и въ XIII столѣтіяхъ съ Мордовскими племенами на востокѣ, съ Чудскимъ народомъ Емью на сѣверѣ, и съ Ятвягами и Литовцами на западѣ, видно, что эти набѣги имѣли совершенно видъ лѣсныхъ облавъ, устроиваемыхъ въ обширныхъ размѣрахъ для истребленія, или ловли, дикаго лѣснаго населенія. За эти набѣги бродячее населеніе мстило такими же точно набѣгами. Въ теченіе XII и XIII столѣтій постоянно встрѣчаются въ лѣтописяхъ извѣстія о нападеніи Мордовскихъ начальниковъ на земли Рязанскихъ и Суздальскихъ Князей, народа Емь на Новгородскія владѣнія и Ятвяговъ и Литовцевъ на югозападные и сѣверозападные города Руси. Особенно частымъ опустошеніямъ подвергались Русскія земли отъ набѣговъ Ятвяговъ и Литовцевъ.

Покореніе всѣхъ этихъ народцевъ, и Чудскаго, и Славянскаго, и Латышскаго нарѣчій относится уже къ слѣдующему періоду. Со временъ появленія Монголовъ и усиленія на западѣ Галицкаго и Литовскаго Княжествъ, а на востокѣ Московскаго Царства, они испытали ту же участь, какая постигла бродячее населеніе Днѣпровскаго водоема въ болѣе раннія поры: смиренные оружіемъ, обложенные данями и повинностями, истребляемые болѣзнями, голодомъ и войнами, они исчезли совершенно, или обратились въ рабочую силу, принадлежавшую господствующему населенію.

ГЛАВА V.

Борьба осѣдлаго населенія съ кочевыми народами и образованіе Южно-Русскаго Государства и Южно-Русской народности.

Варягоруссы, поселившись въ Приднѣпровьи, не имѣли въ виду оставаться здѣсь долгое время: Аскольдъ и Диръ, Олегъ и Игорь предпринимаютъ походы противъ Византіи, Святославъ покоряетъ Пріазовскія страны и поселяется въ Придунайскихъ странахъ, оставивши навсегда Кіевъ. Въ то время, когда Руссы Приднѣпровскіе стремились къ берегамъ Дуная и Чернаго моря, Руссы Новгородскіе не хотѣли оставаться на сѣверѣ и, стремясь замѣнить свои сѣверныя владѣнія болѣе южными, постоянно вытѣсняли изъ Приднѣпровья прежде поселившихся Руссовъ. Такъ, Олегъ вытѣснилъ Аскольда и Дира, Владимиръ, Ярополкъ, Ярославъ,—Святополка. Такимъ образомъ, долгое время, какъ волна за волной, слѣдовали по великой равнинѣ Восточной Европы, другъ за другомъ, завоевательныя дружины Сѣвера, стремясь къ берегамъ Чернаго моря. И среди этой безпрерывной смѣны завоеваній не происходило никакихъ послѣдствій, не водворялось, никакой прочной власти надъ городами Восточной Европы. Но въ это время, когда Варягоруссы, смѣняя другъ друга, стремились все далѣе на югъ, на встрѣчу имъ шли иные завоеватели, стоявшіе во главѣ сбродныхъ ополченій, составленныхъ изъ кочевыхъ народовъ. Въ пору водворенія Русскихъ дружинъ въ Новгородскомъ краѣ, Каганы Козарскіе владѣли юговосточными городами и собирали дани съ городовъ Приднѣпровья, а Печенѣги, Торки, Угры и Берендѣи, тѣснились къ Приднѣпровью и Дунаю, то для грабежей и опустошеній, то для прочныхъ тамъ поселеній.

Достигши Приднѣпровья, Князья Русскіе волей, неволей, вступили въ борьбу съ кочевыми народами. Казалось, изъ этой борьбы должны были выйти побѣдителями вожди завоевательныхъ дружинъ Сѣвера. Сначала Князья Русскіе бьютъ Козаръ и Печенѣговъ и водворяютъ свое господство на берегахъ Дуная и Азовскаго моря; [1] но, при дальнѣйшемъ движеніи Руссовъ къ югу, побѣда осталась на сторонѣ кочевыхъ народовъ. Одолѣваемый многочисленными полчищами варваровъ, обученныхъ Римскому строю, Святославъ оставилъ берега Дуная и погибъ въ битвѣ съ Печенѣгами, на возвратномъ пути въ

Россію. Его потомки, въ безпрерывной борьбѣ съ кочевыми народами, отказались отъ своихъ стремленій утвердиться въ Византійской Имперіи, и отъ своихъ владѣній на берегахъ Азовскаго моря, которыми въ XI столѣтіи овладѣли Половецкіе Ханы.[3]

Отражаемые кочевниками отъ береговъ Чернаго моря, Руссы волей, неволей, остановились въ Приднѣпровьи и стали разселяться по городамъ Славянскимъ; но и здѣсь власть ихъ не была безопасна. Съ одной стороны налегали на нихъ новые завоевательные дружины, выходившія изъ городовъ Сѣверозапада. Руссы Новгородскіе постоянно приводили изъ за моря толпы новыхъ Варяговъ и, съ помощью ихъ, постоянно стремились вытѣснить Руссовъ Приднѣпровскихъ. Въ то же самое время Варяги, поселившіеся въ городахъ Польскихъ и Литовскихъ, тѣснили ихъ съ Запада, отбирая по частямъ ихъ владѣнія.[3] Съ другой стороны, и въ самомъ Приднѣпровьи не оставляли ихъ въ покоѣ кочевники. Набѣги кочевниковъ на Приднѣпровье, начавшіеся съ незапамятныхъ временъ, особенно усилились ко времени Владиміра и Ярослава, когда Руссы окончательно отказались отъ своихъ стремленій овладѣть Византійской Имперіей. Около того времени въ юговосточныхъ степяхъ Россіи появился сильный и многочисленный народъ Половецкій. Тѣснимые Половцами съ востока, прежніе кочевники: Печенѣги, Торки и Берендѣи, бросились на западъ и стали налегать съ особенной силой на города Приднѣпровскіе. Ихъ набѣги во время Владиміра и Ярослава сдѣлались чаще, и они стали нападать на города Русскіе болѣе многочисленными отрядами, чѣмъ когда либо.[4]

Окруженные такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ врагами, Руссы стали искать союзниковъ и помощниковъ. Сначала, по обычаю и привычкѣ, и Руссы Приднѣпровскіе, подобно Руссамъ Новгородскимъ, искали помощи за моремъ. Аскольдъ и Диръ, Олегъ и Игорь, предпринимали походы противъ Византіи, не только съ Руссами, издавна поселившимися въ Россіи, но и съ наемными Варягами, которыхъ они приводили изъ за моря; Владиміръ ходилъ по верховныхъ воевъ для защиты своихъ городовъ отъ безпрерывныхъ набѣговъ Печенѣговъ, а Ярославъ провелъ большую часть своей жизни въ поискахъ за моремъ новыхъ воиновъ, то для борьбы съ Святополкомъ, то для отраженія Печенѣгскихъ набѣговъ. Но для Руссовъ Южныхъ нанимать Варяговъ во многихъ отношеніяхъ было неудобно. Для найма Варяговъ требовалось много времени и большихъ усилій: Владиміръ долженъ былъ провести два года за моремъ, чтобы нанять Варяговъ для борьбы съ Ярополкомъ. При томъ же Варяги

за свои услуги требовали отъ Русскихъ Князей большихъ вознагражденій деньгами, или поземельными владѣніями. Въ Сагѣ Эймунда находится извѣстіе, что Ярославъ долженъ былъ отказать Эймунду и его товарищамъ, вслѣдствіе ихъ постояннаго вымогательства.[5] Подобнаго же рода извѣстіе о вымогательствѣ Варяговъ встрѣчается и въ нашихъ лѣтописяхъ. По словамъ нашего первоначальнаго лѣтописца, Владиміръ отказалъ отъ службы Варягамъ, требовавшимъ отъ него дозволенія собрать большой окупъ съ жителей города Кіева. Болѣе удобное и подручное средство для составленія вспомогательныхъ отрядовъ представляли дикіе кочевники. Хотя кочевники, для полученія средствъ жизни и для обогащенія, безпрерывно нападали на Русскія владѣнія, однако легко обращались въ союзниковъ и помощниковъ Русскихъ Князей, коль скоро могли добровольно получить отъ нихъ то, что добывали грабежемъ и насиліемъ. За свои военныя услуги кочевники требовали самаго ничтожнаго вознагражденія: оружіемъ, платьемъ и деньгами и, всегда находясь въ большомъ числѣ вблизи Южнорусскихъ владѣній, въ самое короткое время могли доставить большое число воиновъ. При легкости и удобности добывать союзную силу отъ кочевыхъ народовъ, уже Игорь, нанимая Варяговъ, въ то же время принималъ подъ свои знамена и дикихъ Печенѣговъ. По смерти Игоря Князья Сѣверные, Новгородскіе и Полоцкіе, продолжали нанимать Варяговъ, но Князья Южнорусскіе исключительно стали обращаться за помощью къ кочевымъ народамъ. Сынъ Игоря, Святославъ, никогда не жившій на Сѣверѣ, никогда и не нанималъ Варяговъ. Въ Болгаріи подъ его начальствомъ сражались за его выгоды Славяне, Угры и Печенѣги.[6] Владиміръ и Ярославъ, какъ Князья, княжившіе сначала въ Новгородѣ, обращались за помощью къ Варягамъ; впрочемъ, первый, поселившись на Югѣ, нанималъ для похода на Болгарію и конныхъ Торковъ; но Князья Южные, Святополкъ и Мстиславъ Тмутараканскій, никогда не обращались къ Варягамъ. Въ борьбѣ съ Ярославомъ Святополкъ противопоставилъ Варягамъ Печенѣговъ, а Мстиславъ Казаръ и Косоговъ. Такимъ образомъ, по смерти Игоря, въ самомъ Приднѣпровьи кочевники, союзники Южныхъ Руссовъ, вступили въ борьбу съ завоевательными отрядами, приходившими съ Сѣвера, въ качествѣ союзниковъ Новгородскихъ Руссовъ.

Сначала кочевники оказали небольшую услугу Князьямъ, которые обращались къ нимъ за помощью. Долгое время степь не могла выставить воиновъ, достойныхъ Варяговъ. Въ первую пору Варягорусскаго господства Днѣпровскія степи заняты были Печенѣгами. И наши

лѣтописи, и Византійскіе писатели, единогласно свидѣтельствуютъ, что Печенѣги были народомъ дикимъ, свирѣпымъ, находившимся на самыхъ низкихъ степеняхъ общественнаго развитія. Подобно всѣмъ первобытнымъ народамъ, Печенѣги нападали и сражались нестройными толпами, состоявшими изъ смѣси мужчинъ и женщинъ, не умѣли брать приступомъ городовъ, и всегда обращались въ бѣгство при первомъ нападеніи на нихъ правильноустроеннаго войска, какъ бы оно ни было малочисленно. Понятно, при сталкиваніи съ такимъ народомъ, Варяги всегда выходили побѣдителями: не было ни одной битвы, въ которой Печенѣги одержали бы верхъ надъ Варягами, или Руссами. И Руссы, и Варяги, били ихъ вездѣ и всегда, являлись ли Печенѣги для грабежей и опустошеній, или же, какъ союзники, для помощи Русскимъ Князьямъ. Святополкъ два раза обращался за помощью къ Печенѣгамъ, и оба раза разбиваемъ былъ Варягами Ярослава. Но уже при Ярославѣ оказались на окраинахъ Днѣпровскихъ степей кочевники, которые удачно могли бороться съ Варягами. Въ битвѣ подъ Лиственомъ Варяги, приведенные Ярославомъ изъ за моря, потерпѣли рѣшительное пораженіе отъ Казаръ и Косоговъ Мстислава. А по смерти Ярослава, въ слѣдъ за побѣдой, одержанной Казарами и Косогами надъ Варягами Ярослава, появились въ Днѣпровскихъ степяхъ новые кочевники—Половцы, которые знаніемъ военнаго дѣла не уступали Варягамъ, а между тѣмъ своею многочисленностію далеко превосходили этихъ послѣднихъ.

Пораженіе Варяговъ подъ Лиственомъ и послѣдовавшее за тѣмъ появленіе въ степи Половцевъ имѣли рѣшительное вліяніе на политическое развитіе Восточной Европы. До битвы подъ Лиственомъ военное превосходство было причиной, что власть Русскихъ Князей не могла установиться въ Приднѣпровьи; ибо Князья Сѣверные, нанимавшіе заморскихъ Варяговъ, постоянно вытѣсняли Князей Южнорусскихъ, которымъ помагали кочевники. Послѣ битвы подъ Лиственомъ въ первой разъ Князь Сѣверный отступилъ обратно на Сѣверъ, оставивъ Приднѣпровье во власти Южнорускаго Князя, вождя кочевыхъ народовъ, и съ тѣхъ поръ наступательное движеніе Князей Сѣвера уже болѣе не возобновлялось. Мстиславъ до конца своей жизни остался спокойнымъ обладателемъ Приднѣпровья, и Ярославъ не думалъ болѣе оспаривать у него власти. Еще менѣе могли помышлять о преобладаніи надъ Югомъ послѣдующіе Князья Сѣвера. По смерти Ярослава, его сыновья и внуки, опираясь на полчища Половецкаго народа, хорошо обученнаго военному строю, окончательно утвердились въ Приднѣпровьи и на

долгое время установили свое политическое преобладаніе надъ Князьями Сѣвера. Съ помощью Половцевъ Святославичи отстояли свою наслѣдственную волость—Черниговское Княжество отъ притязаній Мономаховичей. Половцы дали средство Ростиславичамъ окончательно утвердиться въ Галицкомъ Княжествѣ, оспариваемомъ у нихъ Святополкомъ Изяславичемъ. Наконецъ, при помощи Половцевъ, Ярославичи подчинили своей власти Князей Полоцкихъ и Новгородскихъ. [74] Со временъ появленія Половцевъ до окончательнаго разложенія Южнорусскаго Государства не было на Сѣверѣ ни одного самостоятельнаго Князя. И Князья Полоцкіе, и Князья Новгородскіе, со временъ появленія Половцевъ, какъ дальше увидимъ, господствовали только по волѣ Князей Южнорусскихъ.

Утвердивъ окончательно власть Князей Рюрикова дома въ Приднѣпровьи и создавъ политическое преобладаніе Князей Приднѣпровья надъ Князьями Сѣвернорусскими, битва подъ Лиственомъ и послѣдовавшее въ слѣдъ за тѣмъ появленіе Половцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пріостановили совершенно выселеніе Варяговъ на востокъ Европы и на долгое время задержали завоевательное наступательное движеніе дружинъ Сѣверозапада на Юговостокъ Европы. Еще задолго до битвы подъ Лиственомъ Князья Южнорусскіе, какъ мы видѣли, составляли вспомогательные союзные отряды изъ кочевыхъ народовъ, нанимать было которыхъ и легче и дешевлѣ, чѣмъ Варяговъ. Но пока Варяги одерживали побѣды надъ кочевниками, ихъ продолжали нанимать, какъ Князья Сѣвернорусскіе, такъ и Князья Южнорусскіе, жившіе съ начала на сѣверѣ: Князья Сѣверные по тому, что имъ удобнѣе было нанимать сосѣднихъ Варяговъ, чѣмъ отдаленныхъ кочевниковъ; Князья Южные, жившіе съ начала на Сѣверѣ, по тому, что изведали силу Варяговъ и несостоятельность кочевниковъ въ борьбѣ ихъ съ Варягами. Наемные Варяги, приведенные изъ заморя, рѣдко возвращались обратно на родину. Чаще всего, послѣ одержанной побѣды, они получали во владѣніе города и села и обращались въ высшее господствующее сословіе Руси, въ Руссовъ, подчиненныхъ Князьямъ Рюрикова дома. Такимъ образомъ завоевательныя выселенія дружинъ съ Сѣверозапада на Юговостокъ, начавшіяся задолго до временъ Рюрика, продолжались и послѣ Рюрика, при посредствѣ самихъ же Князей Рюрикова дома. Но послѣ пораженія подъ Лиственомъ Варяги уже болѣе не являются въ Русь, не поступаютъ на службу къ Князьямъ Русскимъ, не получаютъ отъ нихъ городовъ и селъ во владѣніе, и не водятъ ихъ полковъ противъ кочевыхъ народовъ. Послѣ побѣды, одержанной

Казарами и Косогами Мстислава надъ Варягами Ярослава, самъ Ярославъ, проведшій всю жизнь въ поискахъ за моремъ, уже болѣе не ходилъ за море и не обращался за помощью къ Варягамъ. Еще менѣе нуждались въ ихъ помощи его сыновья и внуки. Пораженіе подъ Лиственомъ разрушило очарованіе о непобѣдимости Варяговъ: оно показало возможность одерживать побѣды съ кочевниками надъ самими Варягами. Еще прежде, до пораженія, еще не извѣдавши силы кочевниковъ, Князья Южнорусскіе предпочитали ихъ Варягамъ: тѣмъ болѣе они должны были предпочесть ихъ теперь, когда они показали свою силу и когда, въ слѣдъ за тѣмъ, къ услугамъ Ярославичей явились многочисленныя Половецкія орды, вполнѣ обученныя военному искуству. Теперь, когда Варяги, въ свою очередь, оказались несостоятельными въ борьбѣ съ кочевниками, когда явилось къ услугамъ Южнорусскихъ Князей многочисленное степное населеніе, ни чѣмъ не уступавшее Варягамъ въ военномъ искуствѣ, заморскіе воины могли разсчитывать только на Князей Сѣверныхъ, для которыхъ наемъ Варяговъ всегда былъ подручнѣе и удобнѣе, чѣмъ наемъ кочевыхъ народовъ. Но теперь и для Сѣверныхъ Князей оказались Варяги ненужными. Сѣверорусскіе Князья, со временъ появленія Половцевъ, очутились въ зависимости отъ Князей Южнорусскихъ. Находясь въ зависимости отъ Южнорусскихъ Князей, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, получали отъ нихъ и помощь, для господства надъ подчиненнымъ населеніемъ и для борьбы съ иностранными народами. И такъ, Сѣверорусскимъ Князьямъ ненужны были Варяги ни для борьбы съ иностранными Государствами, ни для господства надъ подчиненными народами. Только для одной цѣли могли быть нужны Сѣверорусскимъ Князьямъ Варяги, — для той цѣли, для которой они и прежде чаще всего приводили ихъ изъ за моря: для борьбы съ Южнорусскими Князьями за независимость, или политическое преобладаніе. Но теперь не оказалось ни одного Князя, который бы захотѣлъ помѣряться силами съ Южнорусскими Князьями. Чтобы одолѣть Южнорусскихъ Князей, необходимо было одолѣть прежде всего всѣ Половецкія орды, стоявшія за ними и готовыя явиться къ нимъ на помощь по первому призыву; но для этого недостаточны были всѣ силы Варяжскаго міра. И такъ, въ то время, какъ Князья Южные отказались отъ Варяговъ, по тому что не чувствовали въ нихъ болѣе надобности, Князья Сѣверные перестали нанимать Варяговъ, по тому что не видѣли возможности одолѣть Южнорусскихъ Князей при помощи Варяговъ. Та же самая причина, которая побудила Князей отказаться отъ найма Варяговъ и, такимъ образомъ, прекратила выселенія Сѣверозападнаго населенія

при посредствѣ Князей Рюрикова дома, въ то же время пріостановила Сѣверозападныя дружины отъ произвольныхъ стремленій на Востокъ Европы. Пока кочевое населеніе въ Приднѣпровскихъ степяхъ было слабо, и Князья Приднѣпровья не находили въ немъ никакой опоры, Западныя дружины вторгались на Востокъ, не только при посредствѣ Князей Рюрикова дома, но и произвольно, помимо ихъ воли, подъ начальствомъ другихъ вождей. Такъ въ X стол., когда Князья Рюрикова дома уже владѣли Приднѣпровьемъ, Варяги, подъ начальствомъ Бальмонда, овладѣли городами по Нѣману и его притокамъ и положили основаніе Литовскимъ Княжествамъ, самостоятельнымъ и независимымъ отъ владѣній Князей Рюрикова дома. Во время Владимира Король Норвежскій, Эрикъ, лишившись престола, собралъ войско въ Швеціи, напалъ на Сѣверозападныя владѣнія Владимира, осадилъ и взялъ приступомъ Ладогу, и болѣе четырехъ лѣтъ владѣлъ этимъ городомъ, пока не былъ вытѣсненъ оттуда Владимиромъ. Въ то время, какъ вожди Скандинавіи овладѣвали городами Рюриковичей на Сѣверозападѣ, Князья Польскіе, какъ уже было замѣчено, сокращали ихъ владѣнія въ самомъ Приднѣпровьи. Но, съ появленіемъ въ степи Половцевъ, это наступательное движеніе съ Сѣверозапада на Востокъ совершенно прекратилось. Послѣ битвы подъ Лиственомъ Князья Русскіе, не имѣя возможности расширить свои владѣнія на югъ и востокъ, бросились на сѣверозападъ и сѣверъ и, въ челѣ кочевыхъ народовъ, стали расширять свои владѣнія на счетъ владѣній Князей Польскихъ, Литовскихъ, Прибалтійской Чуди и Волжскихъ Болгаръ. [8] Предъ этимъ наступательнымъ движеніемъ съ Юговостока отступило на время наступательное движеніе народовъ Сѣверозапада. При сыновьяхъ и внукахъ Ярослава, не смотря на ожесточенную борьбу Князей Русскихъ съ кочевыми народами, ни одинъ владѣтель Сѣверозапада не осмѣлился отторгать владѣнія отъ Князей Рюрикова дома. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока сильны были Половецкіе Ханы. Только въ концѣ домонгольскаго періода, когда Половецкія орды почти совершенно исчезли и Южнорусское Государство пришло въ упадокъ, снова наступательное движеніе съ Сѣверозапада беретъ верхъ надъ наступательнымъ движеніемъ съ Юговостока: Угры и Поляки овладѣваютъ Галицкимъ Княжествомъ, Князья Литовскіе и Нѣмецкіе рыцари сокращаютъ Русскія владѣнія на Сѣверозападѣ, Прибалтійская Чудь освобождается отъ обязанности платить дань Новгородцамъ, а Короли Швеціи предпринимаютъ завоевательные походы противъ Новгородскихъ владѣній.

И такъ, оттѣснивши завоевательныя дружины Сѣверозапада отъ

береговъ Чернаго моря, кочевые народы, въ слѣдъ за тѣмъ, утвердили власть Князей Рюрикова дома въ Приднѣпровьи и пріостановили совершенно завоевательныя выселенія народовъ съ Сѣверозапада на Юговостокъ Европы. Послѣ битвы подъ Лиственомъ остались на Востокѣ Европы только два господствующіе народа: Приднѣпровскіе Руссы да ихъ союзники, кочевые народы, отъ времени до времени являвшіеся подъ знамена Князей Русскихъ, для защиты ихъ выгодъ. Создавъ власть Князей Русскихъ въ Приднѣпровьи, кочевники сдѣлались самыми дѣятельными соумышленниками во всѣхъ событіяхъ, происходившихъ въ Приднѣпровьи. Послѣ битвы подъ Лиственомъ не было въ Южной Руси ни одного похода, ни одной междоусобной войны, въ которыхъ не принимали бы участія кочевые народы. [9]

Но кочевники являлись въ Приднѣпровье не для одной только цѣли—служить своимъ оружіемъ выгодамъ Князей Русскихъ. Еще чаще они приходили туда, какъ непріятели, для грабежей и опустошеній. Раздѣленные на множество, независимыхъ другъ отъ друга, народцевъ, они никогда не дѣйствовали единодушно и не преслѣдовали одной и той же цѣли. Часто, въ то время, когда одна толпа сражалась за какого ни будь Русскаго Князя, другая грабила пограничныя владѣнія того же самаго Князя. [10] Такимъ образомъ тѣсная связь Южнорусскихъ Князей съ кочевыми народами, послѣдовавшая въ слѣдъ за битвой подъ Лиственомъ, не уничтожала вѣковѣчной борьбы кочевниковъ съ осѣдлымъ населеніемъ Приднѣпровья. Послѣ битвы подъ Лиственомъ эта борьба возгорѣлась еще съ большей силой, чѣмъ когда либо. Выше уже замѣчено, что при Ярославѣ и его сыновьяхъ Печенѣги, Торки и Берендѣи, тѣснимые Половцами, стали налегать на Приднѣпровье съ особенной, неизвѣстной до той поры, силой. Въ слѣдъ за Торками, Берендѣями и Печенѣгами, стали нападать на Русскія владѣнія и Половцы. Нападенія на Русскую Землю Половцевъ во многомъ отличались отъ нападеній прежнихъ кочевниковъ. Прежніе кочевники рѣдко нападали по собственному побужденію. Чаще всего, особенно до временъ Ярослава, они нападали по наущенію и подъ руководствомъ Поляковъ, Грековъ и измѣнниковъ, убѣгавшихъ изъ городовъ Русской Земли. [11] Слѣдовательно, прежніе кочевники служили только слѣпымъ орудіемъ для цѣлей, имъ невѣдомыхъ. Новые кочевники всегда нападали по собственному побужденію, подъ начальствомъ своихъ собственныхъ Князей. Прежніе кочевники при нападеніи имѣли въ виду только захватъ плѣнниковъ и движимаго имущества. Новые кочевники, въ теченіе

нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, сознательно преслѣдовали завоевательныя цѣли, сознательно стремились разрушить и сжечь города и села, и обратить въ степь-пустыню всѣ населенныя мѣстности, прилегавшія къ степи. [12] Прежніе кочевники нападали только на пограничныя мѣстности, и часто уходили обратно въ степь, при первомъ извѣстіи о движеніи Русскихъ. Новые кочевники, въ первую пору ихъ борьбы съ Русскими, соединялись въ большія полчища, состоявщія изъ соединенія многихъ народцевъ, заходили далеко въ глубь Русской Земли, нѣсколько разъ разбивали соединенныя силы Южнорусскихъ Князей и на обширномъ пространствѣ опустошали заселенныя мѣстности. [13] Такимъ образомъ та же самая сила, которая освободила Князей Руских от завоевательныхъ стремленій Сѣверозапада, сдѣлала ихъ положеніе въ Приднѣпровьи крайне шаткимъ, опаснымъ и ненадежнымъ от завоевательныхъ стремленій Юговостока. Кто же вышелъ побѣдителемъ изъ этой новой борьбы?

Чтобы остановить безпрерывные набѣги кочевыхъ народовъ Князья Русскіе строили сторожевыя линіи на границахъ своихъ владѣній, прилегавшихъ къ степи; [14] и заключали мирные договоры съ вождями кочеваго народа, при чемъ одаряли ихъ деньгами и вещами и вступали въ бракъ съ ихъ дочерьми и сестрами. [15] Но всѣ эти мѣры только на время и только отчасти достигали своей цѣли. При многовластіи, господствовавшемъ въ Руси и среди кочеваго народа, трудно было умиротворить всѣхъ кочевниковъ. Ханы Половецкіе дѣйствительно прекращали свои набѣги на владѣнія тѣхъ Князей, съ которыми связаны были мирными договорами и родственными отношеніями, но не считали себя обязанными щадить владѣнія тѣхъ Князей, съ которыми не связаны были никакими узами родства и дружбы. Такъ Половецкій Ханъ Тугурканъ, послѣ 1094 года, когда Святополкъ, Князь Кіевскій, женился на его дочери, уже болѣе не нападалъ на Кіевское Княжество, но продолжалъ нападать на другія Княжества, пока не былъ убитъ, въ 1096 году, подъ Переяславомъ. Такъ, послѣ 1107 года, когда Мономахъ и Олегъ Святославичъ женили своихъ сыновей, первый Юрія, а второй Святослава, на дочеряхъ Великаго Князя Половецкаго Асины, Половцы были постоянными союзниками Юрія и Святосиава Ольговича, и до 1187 года никогда не нападали на Черниговское Княжество, но продолжали нападать на другія Южнорусскія Княжества. [16] Для совершеннаго уничтоженія зла, для искорененія его въ самомъ источникѣ, оставалось Князьямъ одно только средство: населить степь и истребить ея кочевое населеніе. Къ этому средству чаще всего и прибѣгали Князья Русскіе,

испытавши всю непрочность и ненадежность мирныхъ договоровъ и брачныхъ союзовъ.

Для заселенія степей Князья строили города въ пограничныхъ степяхъ, и такимъ образомъ постепенно распространяли область осѣдлаго населенія на счетъ степей. Уже Владимиръ, безпрерывно подвергаясь нападенію со стороны Печенѣговъ, по словамъ лѣтописей, изъявилъ сожалѣніе, что мало городовъ возлѣ Кіева, и сталъ строить города по рѣкамъ Деснѣ, Осетру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ. Примѣру его слѣдовало все его потомство: Ярославъ, Святополкъ, Мономахъ, Ярополкъ и другіе Южнорусскіе Князья. [17] Такимъ образомъ, не смотря на опустошенія, производимыя Половцами, постепенно все болѣе и болѣе возникало городовъ и селъ въ степяхъ, и все далѣе и далѣе отодвигались къ юговостоку сторожевыя линіи, отдѣлявшія съ незапамятныхъ временъ степныя кочевья отъ заселенныхъ мѣстностей. Почти всѣ города въ нынѣшнихъ губерніяхъ Полтавской и Кіевской и въ южныхъ частяхъ Губерній Черниговской и Курской: Лубны, Роменъ, Пирятинъ, Прилука, Сновскъ, Корсунь, Триполь и другіе, уже существовали въ началѣ XII ст. Многіе изъ нихъ построены еще при Владимирѣ и Ярославѣ, а потомъ нѣсколько разъ возобновлялись, въ слѣдствіе сожженія ихъ Половцами; другіе построены въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтій. [18]

Какъ вездѣ, такъ и для заселенія степныхъ городовъ и прилегавшихъ къ нимъ селъ, Князья набирали населеніе въ разныхъ частяхъ Восточной Европы. Такъ Владимиръ, для заселенія построенныхъ имъ степныхъ городовъ, набиралъ лучшихъ людей отъ разныхъ городовъ Сѣвера. Ярославъ поселилъ въ Корсунѣ, Триполѣ и въ другихъ городахъ, построенныхъ имъ по рѣкѣ Роси, плѣнныхъ Поляковъ. Мономахъ поселилъ въ южныхъ частяхъ нынѣшней Черниговской Губерніи Бѣловежцевъ, пришедшихъ къ нему изъ какого-то Придонскаго города. Сынъ его, Ярополкъ, построилъ въ своемъ Переяславскомъ Княжествѣ особенный городъ Жельни для жителей города Друцка, взятыхъ имъ въ плѣнъ въ Полоцкомъ Княжествѣ, и, по всей вѣроятности, въ этомъ же Переяславскомъ Княжествѣ, ему принадлежавшемъ, посадилъ многочисленное разноплеменное населеніе, набранное имъ въ 1116 году въ разныхъ городахъ Придонскихъ и Кавказскихъ, принадлежавшихъ Ясамъ и Половцамъ. [19] Но это сбродное осѣдлое населеніе служило только основою для городскаго населенія степныхъ городовъ. По преимуществу для заселенія степей Князья набирали населеніе въ самыхъ же степяхъ. Устроивая въ степяхъ города, Князья Русскіе въ то же время, въ теченіе всего домонголь-

скаго періода, сначала Князья Южнорусскіе, а въ послѣдствіи и Князья Суздальскіе, безпрерывно предпринимали походы за сторожевую линію, въ глубину степей, и всегда возвращались оттуда съ большимъ количествомъ плѣнниковъ, которыхъ обращали въ своихъ дворовыхъ людей и разселяли по своимъ степнымъ городамъ. [20] Сначала, при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава, когда Половецкія орды были сильны и многочисленны, Князья предпринимали походы въ степи по большей части соединенными силами, состоявшими изъ соединенія многихъ Князей, и имѣли въ виду не столько взятіе въ плѣнъ Половцевъ и принадлежавшихъ имъ стадъ, сколько совершенное истребленіе степнаго населенія и изгнаніе его изъ южныхъ степей Руси за Донъ и Волгу. Но со второй половины XII ст., съ ослабленіемъ Половцевъ, характеръ Княжескихъ степныхъ походовъ совершенно измѣняется. Изъ обширныхъ военныхъ предпріятій, въ которыхъ принимали участіе всѣ Князья и всѣ сословія, они выродились въ мелкія степныя облавы, предпринимаемыя Княжескими дружинниками внезапно, наѣздомъ, верхомъ на коняхъ, безъ обозовъ, исключительно для ловли степнаго населенія и принадлежавшихъ ему стадъ. Имѣя въ виду обогатиться охотой за степнымъ населеніемъ, Князья, задумавши предпріятіе, старались скрыть его отъ другихъ Князей, за что послѣдніе были недовольны, и предпринимали походы не ранней весной, когда возможно было странствовать по степи большимъ обозомъ и многочисленному войску (какъ предпринимались походы прежде, во время Мономаха), но въ жестокія снѣжныя зимы, когда Половцы и принадлежавшія имъ стада колѣли отъ холода и голода и неспособны были ни уходить, ни сражаться, или же, если и въ другое время, то только тогда, когда получали изъ степей извѣстіе, что взрослое мужеское населеніе ушло въ походъ, а въ вежахъ остались только беззащитныя женщины да малолѣтнія дѣти. [21] Иногда, взятые въ плѣнъ Половцы, возвращались обратно въ степи, заплативши выкупъ. [22] Но такіе случаи бывали рѣдки. Чаще всего забирались въ плѣнъ не отдѣльныя личности и семейства, но цѣлыя вежи, со всѣмъ населеніемъ, съ мущинами и женщинами, съ дѣтьми и стариками, и со всѣми принадлежавшими этому населенію стадами и движимымъ имуществомъ, такъ что некому было выкупать плѣнниковъ. [23] Такимъ образомъ, въ слѣдствіе безпрерывной ловли степнаго населенія, города и села, построенные Князьями въ пограничныхъ степяхъ, все болѣе и болѣе наполнялись кочевниками, обращенными въ осѣдлое состояніе, и, кромѣ городовъ, въ которыхъ кочевье составляло значительную примѣсь, явились степные города, исключительно

заселенные кочевниками. Такъ, при Ярославичахъ, въ нынѣшней Кіевской Губерніи, былъ городъ Торческъ, исключительно заселенный плѣнными Торками. Такъ, въ нынѣшней Черниговской Губерніи, уже въ срединѣ XII столѣтія, находились города, которые, какъ видно изъ словъ Святослава Ольговича, исключительно заселены были только Половцами. По словамъ лѣтописи, Святославъ Ольговичъ жаловался, что ему родственники придали къ Чернигову только пять небольшихъ городовъ: Любескъ, Моровіескъ, Оргощь, Оршу и Всеволожь, въ которыхъ живутъ только псари да Половцы. [24] Не всѣ, однако, эти степные города заселены были только плѣнными кочевниками. Между плѣнными кочевниками, поселенными насильственно, были и такіе, которые сами добровольно обращались въ осѣдлое состояніе и поселялись въ Руси.

Стремленіе Князей заселить степь и обратить кочевниковъ въ осѣдлое состояніе, тѣмъ болѣе сопровождалось успѣхомъ, что сами кочевники, угнетаемые болѣзнями, голодомъ и междоусобными войнами, мало дорожили свободой, и при каждомъ удобномъ случаѣ, то небольшими отрядами, то цѣлыми племенами, добровольно приходили въ Русь, поступали къ Князьямъ на службу, или поселялись на отведенныхъ имъ земляхъ. Еще до смерти Ярослава встрѣчаются извѣстія о добровольномъ переселеніи въ Русь отдѣльныхъ начальниковъ кочевыхъ народовъ. Такъ, на другой годъ послѣ побѣды, одержанной Ярополкомъ надъ Печенѣгами, пришелъ въ Кіевъ Печенѣжскій Князь Ильдей и билъ челомъ Ярополку, чтобы поступить къ нему на службу. Ярополкъ съ большою охотой принялъ къ себѣ на службу этого вождя кочевыхъ народовъ, далъ ему во владѣніе многіе города и волости, и въ теченіе всей своей жизни оказывалъ ему большой почетъ. При Владимірѣ, по словамъ лѣтописей, въ 988 году пришелъ въ Русь Печенѣжскій Князь Метигагамакъ, а въ 990 году другой Печенѣжскій Князь Кучюгъ. Объ этомъ послѣднемъ сказано въ лѣтописи, что онъ принялъ Христіянство и долгое время служилъ Владиміру отъ чистаго сердца, одержавши много побѣдъ надъ кочевниками, за что Владиміръ, Митрополитъ и всѣ Князья и Бояре, любили его и почитали. [25] Послѣ Ярослава, со временъ появленія въ степи Половцевъ, начали переселяться кочевники въ Русь болѣе обширными толпами. Тѣснимые Половцами, орды Печенѣговъ, Торковъ и Берендѣевъ, бросились на Западъ. Одна часть изъ нихъ поселилась въ степяхъ Придунайскихъ (въ то время, когда Святополкъ сражался съ Половцами возлѣ береговъ Днѣпра, Императоры Греческіе отбивались отъ Печенѣговъ на берегахъ Дуная), другая—

придвинулась къ Южнорусскимъ владѣніямъ и, съ дозволенія Русскихъ Князей, заселила сплошными толпами обширныя пространства по рѣкѣ Роси и ея притокамъ, въ нынѣшней Кіевской Губерніи, возлѣ городовъ Переяславля, Сакова и Барича, въ сѣверныхъ частяхъ нынѣшней Полтавской Губерніи, и въ южныхъ частяхъ нынѣшней Черниговской Губерніи. [27] Уже въ концѣ XI столѣтія встрѣчаются пограничныя мѣста, исключительно заселенныя Торками и Берендѣями. Но переселеніе этихъ кочевниковъ въ Русь продолжалось еще и въ XII столѣтіи. Такъ, по словамъ лѣтописей, въ 1116 году, Торки и Печенѣги бились у Дона съ Половцами два дня и двѣ ночи и, разбитые послѣдними, пришли къ Владиміру Мономаху и, съ дозволенія его, поселились въ Руси на отведенныхъ имъ земляхъ. [28] Въ слѣдъ за Печенѣгами, Торками и Берендѣями, стали добровольно переселяться въ Русь и ихъ враги, Половцы. Въ сказаніи о нашествіи Батыя, въ похвалу Рязанскихъ Князей удѣльнаго періода, упоминается, что они своею ласкою привлекали къ себѣ многихъ дѣтей и братьевъ отъ невѣрныхъ Царей (такъ называли въ то время предводителей кочевыхъ народовъ) и обращали ихъ къ истинной Вѣрѣ. По словамъ лѣтописей, въ 1168 году, пришелъ въ Кіевъ къ Князю Мстиславу Изяславичу служить и креститься Половецкій Князь Айдаръ, и въ 1185 году Игорь Сѣверскій, возвращаясь изъ плѣна, привелъ съ собою Половчина Лавора, крестилъ его, выдалъ за него дочь Тысяцкаго Рагуила, наградилъ его многимъ имѣніемъ и сдѣлалъ его своимъ вельможею. Въ 1149 году, въ войскахъ Юрія Долгорукаго находится цѣлый отрядъ Половцевъ, выведенный имъ изъ Суздальской Земли, которые отличаются отъ дикихъ степныхъ Половцевъ; но кажется, до появленія Монголовъ, Половцы не переселялись въ Русь добровольно цѣлыми ордами. По крайней мѣрѣ, о такихъ переселеніяхъ въ домонгольскомъ періодѣ не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Только со временъ появленія Монголовъ начинаютъ встрѣчаться извѣстія о переселеніи Половцевъ большими толпами. Такъ, по словамъ лѣтописей, уже послѣ пораженія при Калкѣ, многіе изъ Половцевъ прибѣжали въ Русь, приняли Христіянство и поселились въ разныхъ городахъ, при чемъ жители городовъ давали имъ кормъ и оказывали помощь въ устройствѣ новыхъ жилищъ. [28]

Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ, то добровольныхъ, то насильственныхъ, переселеній, въ концѣ XII столѣтія степь опустѣла, и только изрѣдка, тамъ и сямъ, кочевали небольшіе отряды кочевниковъ, остатки прежнихъ многолюдныхъ ордъ Половецкихъ. Часто Князья по нѣскольку дней шли въ степи, нигдѣ не встрѣчая Половцевъ. [29] На счетъ

кочеваго населенія усилилось осѣдлое населеніе. Въ концѣ XII столѣтія на правомъ берегу Днѣпра уже не было мѣста для свободнаго кочеванія Половцевъ. Сторожевая линія, построенная первыми Князьями Русскими, возлѣ рѣки Роси, въ то время уже потеряла всякое значеніе. Днѣпръ служилъ границею, отдѣлявшею область степей отъ мѣста жительства осѣдлаго населенія. Правый берегъ его назывался въ то время Русской и Кіевской стороной, а лѣвый — Ратной и Половецкой. Хотя Половцы переправляли иногда свои стада и вежи на западный берегъ Днѣпра, чтобы пользоваться тамъ Днѣпровскими лугами; хотя изрѣдка, до самаго появленія Монголовъ, они продолжали врываться за Днѣпръ, для грабежей и опустошеній, и достигали иногда до береговъ Дуная, однако, они никогда не оставались здѣсь долгое время. При первомъ извѣстіи о появленіи Половцевъ на правомъ берегу Днѣпра, Русскіе и Черные Клубуки тотчасъ заставляли ихъ уходить обратно на лѣвый берегъ. [30] Только на лѣвой сторонѣ Днѣпра, ниже сторожевой линіи, Половцы могли свободно раскидывать свои кочевья; но и здѣсь, въ концѣ XII столѣтія, область степей значительно съузилась. Въ послѣдніе годы домонгольскаго періода сѣверозападное населеніе со всѣхъ сторонъ далеко углубилось въ степи и широкой полосой покрыло своими поселеніями большую часть юговосточныхъ степей. Въ концѣ XII столѣтія сторожевая линія со стороны Переяславскаго Княжества тянулась ниже рѣки Хорола, [31] а заселеніе со стороны Рязанскаго Княжества достигло почти до среднихъ теченій Дона. Въ пору появленія Монголовъ верховья рѣки Дона покрыты были многими цвѣтущими и красивыми городами, а поселенія на рѣкѣ Воронежѣ были пограничными поселеніями, отдѣлявшими степь отъ осѣдлаго населенія. [32] Въ самой степи, за сторожевой линіей, гдѣ до позднѣйшихъ временъ сохранялись кочевники въ независимомъ состояніи, въ послѣднюю пору дотатарскаго періода явилось множество людей осѣдлаго состоянія и Русской народности. Въ то время, когда Половцы, то добровольно, то насильственно, поступали подъ власть предводителей осѣдлаго населенія, многіе изъ Русскихъ добровольно уходили въ степи и поселялись тамъ, среди кочевыхъ народовъ. Такъ образовался въ степи, въ срединѣ XII столѣтія, особенный разрядъ людей Русскаго языка и Русской народности, извѣстныхъ подъ именемъ Бродниковъ. Подобно позднѣйшимъ Казакамъ, Бродники жили въ степи независимыми общинами, подъ начальствомъ своихъ Воеводъ, не признавая власти ни Русскихъ Князей, ни Половецкихъ Хановъ. Но, оставаясь въ независимомъ состояніи, они находились въ тѣсной связи какъ съ Русскимъ населеніемъ, такъ и съ

кочевыми народами, и часто принимали участіе во всѣхъ предпріятіяхъ, задуманныхъ тѣми или другими. [33] Наконецъ, въ слѣдствіе продолжительныхъ сношеній, то мирныхъ, то враждебныхъ, съ Русскими, даже тѣ Половцы, которые сохранились въ кочевомъ независимомъ состояніи, въ пору появленія Монголовъ утратили совершенно свою народую особность, почти совершенно ославянились и, за исключеніемъ кочеваго образа жизни, ни чѣмъ не отличались отъ Русскихъ. Въ теченіе продолжительныхъ сношеній съ Русскими, Половцы женились на Русскихъ женщинахъ, взятыхъ ими въ плѣнъ, или добровольно уходившихъ въ степи, покупали рабовъ Христіянъ Русскаго происхожденія и, посѣщая Русскую Землю, то какъ союзники и родственники, то какъ друзья и пріятели, сближались съ Русскими и обращались въ Христіянство. [34] Все это было причиной, что половецкія вежи въ послѣдніе годы домонгольскаго періода наполнились людьми Русскаго языка и Русской Вѣры. Въ концѣ XII столѣтія всѣ главные Половецкіе Ханы назывались или Христіянскими, или Славянскими, именами: Глѣбъ Тиріевичъ, Юрій Кончаковичъ, Романъ Кзичь, Даніилъ Кобяковичъ, Ярополкъ Томзаковичъ, Даніилъ Колубицкій, [35] и среди Половцевъ были люди, которые болѣе сочувствовали Русскимъ, чѣмъ кочевникамъ, среди которыхъ они жили и къ которымъ они принадлежали по своему происхожденію. Такъ Половчанинъ Лаворъ содѣйствуетъ Князю Игорю Сѣверскому освободиться изъ плѣна. Мать этого Лавора была плѣнная женщина изъ Земли Сѣверской. [36]

Итакъ, борьба кочевниковъ съ осѣдлымъ Южнорусскимъ населеніемъ, по видимому, окончилась торжествомъ послѣдняго. Всѣ кочевники: Торки, Берендѣи, Печенѣги и Половцы, одинъ за другимъ, постепенно обращены въ осѣдлое состояніе и вошли въ составъ Русскаго Государства. Но одолѣвши кочевниковъ, ни Руссы, ни Славяне, не сдѣлались, однако, господствующимъ населеніемъ надъ кочевыми ордами, обращенными въ осѣдлое состояніе.

Уже первые Русскіе Князья, поселившіеся въ Приднѣпровьи, набирали себѣ дворовыхъ и служилыхъ людей отъ разныхъ странъ и народовъ. Такимъ образомъ уже при первыхъ Русскихъ Князьяхъ, господствующее сословіе Приднѣпровья (дворовые и служилые люди Князей Рюрикова дома) состояло изъ сброда людей разныхъ народностей. Въ числѣ пословъ Игоря, отправлявшихся для заключенія договора съ Византійскими Императорами, среди Варяжскихъ именъ, встрѣчается множество Славянъ и Ятвяговъ. Святославъ отвсюду собиралъ храбрыхъ воиновъ, которые, подобно полчищамъ Аттилы ходили верхомъ на коняхъ, питались сырымъ лошадинымъ мясомъ и

спали на конскихъ сѣдлахъ и потникахъ. При дворѣ Владимира находятся: и Принцъ Норвежскій Олафъ, и Алеша Поповичъ, и Янъ Усмошвецъ, и Печенѣжскій Князь Кучюгъ. Подобнымъ же образомъ при дворѣ Ярополка служили и Славяне, и Варяги, и Печенѣги. Пока продолжался наплывъ новыхъ людей изъ Скандинавіи, по всей вѣроятности, среди этого сброднаго населенія, преобладала стихія Скандинавская. Но по смерти Ярослава, съ окончательнымъ водвореніемъ Князей въ Приднѣпровьи, чѣмъ болѣе Князья наполняли свои дворы плѣнными кочевниками и принимали къ себѣ на службу начальниковъ кочевыхъ народовъ, тѣмъ болѣе стихія кочевая, варварская, вытѣсняла стихію Скандинавскую, пока, наконецъ, дворовые и служилые люди Скандинавскаго происхожденія не исчезли совершенно въ средѣ людей варварскаго происхожденія. Уже во время Святослава въ Кіевѣ находится отрокъ, который говоритъ на Печенѣжскомъ языкѣ, и котораго Печенѣги, осаждавшіе городъ, приняли за своего. Въ послѣдствіи времени, послѣ Владимира, дворовые люди, о которыхъ случайно упоминаютъ лѣтописи и сказанія, по поводу того, или другого, описываемаго событія, по своему происхожденію принадлежатъ къ кочевымъ народамъ. Такъ, у Князя Бориса отроки, родные братья, Григорій и Мойсей, были родомъ Угры. У Князя Глѣба былъ поваръ Торчинъ. Давыдъ Игоревичъ поручаетъ ослѣпить Василька конюху, Сновиду Изечевичу, и овчюху Торчину, именемъ Беренди, и приставляетъ стеречь ослѣпленнаго Василька отроковъ Улана и Колчко. Мономахъ посылаетъ, съ приглашеніемъ къ Половецкому Хану Итларю, своего отрока Бандюка, который, какъ своимъ названіемъ, такъ и умѣніемъ объясняться съ Половецкимъ Ханомъ, указываетъ на свое происхожденіе отъ Половцевъ. Отъ сильнаго наплыва кочевой стихіи среди княжескихъ дворовъ, въ XII столѣтіи, на югѣ, отроковъ стали называть особеннымъ названіемъ—кащеи, чуждымъ Славянскому нарѣчію, по всей вѣроятности, Половецкимъ. Однажды, во время похода Князей противъ Половцевъ, кащей Изславичъ, принадлежавшій какому-то Гаврикѣ, убѣжалъ отъ Русскихъ въ степи и далъ знать объ ихъ движеніи Половцамъ. Отечественное имя этого кащея и его сочувство къ Половцамъ показываютъ, что онъ былъ родомъ Половчанинъ, а это заставляетъ предполагать, что и другіе кащеи были такого же происхожденія. [1] Подобно дворовымъ людямъ, и мужи, о которыхъ упоминаютъ лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ, слѣдовавшихъ за смертью Ярослава, по большей части были варварскаго происхожденія. О нѣкоторыхъ прямо сказано, что они были выходцами изъ степей. Такъ, въ битвѣ при Калакѣ начальствуетъ пѣхотнымъ войскомъ Мономаха

и держитъ его боевое знамя Половчанинъ Куруй. Князь Новгородсѣверскій, женатый на дочери одного изъ Половецкихъ Хановъ, посылаетъ въ степи приглашать къ себѣ на помощь своихъ родственниковъ, дикихъ Половцевъ, мужа своего, Василія Половчанина. При дворахъ Черниговскихъ Князей живутъ: Итляревичъ, сынъ Половецкаго Князя Итляря, и Георгій Ивановичъ, братъ Половецкаго Князя Шарукана. [38] О другихъ мужахъ, хотя не сказано, что они были выходцами изъ степей, но о ихъ варварскомъ происхожденіи можно заключить по ихъ названіямъ. Такъ, изъ трехъ мужей, совѣтовавшихъ Давыду Игоревичу ослѣпить Василька, одинъ называется Турякомъ. Василько Ростиславичъ, во время заключенія въ городѣ Владимирѣ, хочетъ послать посломъ для переговоровъ съ Мономахомъ, мужа своего Кульмея. Святополкъ Кіевскій посылаетъ отгонять Половцевъ Ивана Захарьича Казарина. Мстиславъ Изяславичъ посылаетъ, для переговоровъ съ Черными Клобуками, о сдачѣ Кіева, своего мужа Олбиря Шиі ошевича. При дворѣ одного изъ Черниговскихъ Князей, въ началѣ XIII столѣтія, находится мужъ Юрій Толигнѣвичъ, по всей вѣроятности, сынъ Половецкаго Хана Тоглія, о которомъ упоминается въ лѣтописяхъ того времени. На Вятичевскомъ съѣздѣ, отъ имени Давыда и Олега Святославичей, отправляется сообщить Давыду Игоревичу рѣшеніе Князей мужъ по имени Торчинъ. Князь Новгородсѣверскій, Святославъ Ольговичъ, посылаетъ воевать Смоленскую область съ дикими Половцами мужа своего, Судимира Кучебича. Во время похода Всеволода Юрьевича, Князя Суздальскаго, на Волжскихъ Болгаръ, начальствуютъ надъ ладьями мужи Ѳома Назаковичъ и Дорожай, а во время осады города Владимира Батыемъ, Воеводой былъ тамъ какой-то Петръ Ослядюковичъ. [39] Если мы примемъ во вниманіе, что, кромѣ упомянутыхъ мужей съ варварскими именами, было очень много мужей въ Княжескихъ дружинахъ варварскаго происхожденія съ чисто Славянскими и Греческими именами (ибо Половцы, какъ мы видѣли, принимали Славянскія и Греческія имена еще въ кочевомъ состояніи) тогда для насъ ясно станетъ, какъ сильна была кочевая стихія въ дружинахъ Русскихъ Князей.

Кромѣ сбродныхъ Русскихъ дружинъ, которыя, отъ сильнаго наплыва кочевниковъ, обратились въ дружины варварскія, господствующее значеніе въ Русскомъ Государствѣ, со временъ Ярославичей, все болѣе и болѣе пріобрѣтали кочевыя племена, добровольно вступившія подъ власть Русскихъ Князей. Выше было замѣчено, что Торки, Берендѣи и Печенѣги, тѣснимые Половцами, вступили подъ покровительство Русскихъ Князей и поселились въ Руси возлѣ степныхъ

городовъ. Всѣ эти добровольно поселившіеся кочевники, извѣстные въ Кіевскомъ Княжествѣ XII столѣтія подъ общимъ именемъ «Черныхъ Клобуковъ, [40] еще въ концѣ домонгольскаго періода, по образу жизни и занятіямъ ни чѣмъ не отличались отъ своихъ собратій, степныхъ или дикихъ, какъ ихъ въ то время называли, кочевниковъ. Подобно дикимъ кочевникамъ, они жили цѣлыми ордами, въ открытыхъ мѣстностяхъ, въ подвижныхъ шатрахъ и кибиткахъ, которые иногда забирали съ собою, отправляясь на войну по приказанію Князя. Такъ въ 1151 году Черные Клобуки Кіевскаго Княжества забрали свои вежи, своихъ женъ и дѣтей и свои стада, и стали подъ Кіевомъ, для защиты своего Князя, Изяслава Мстиславича, отъ Юрія Долгорукаго, Степные города, вблизи которыхъ расположены были вежи добровольно поселившихся кочевниковъ, служили средствомъ для удержанія ихъ въ повиновеніи и для защиты ихъ отъ нападенія независимыхъ степныхъ кочевниковъ. Такъ, въ 1126 году, Ярополкъ, Князь Переяславскій, узнавши объ измѣнѣ Торковъ и Берендѣевъ, поселенныхъ возлѣ Переяславля, загналъ ихъ всѣхъ въ городъ, и такимъ образомъ воспрепятствовалъ имъ соединиться съ Половцами, для грабежа Русской земли. Въ 1093 году Торки Кіевской Земли, при нападеніи Половцевъ, заключились въ, находившійся вблизи ихъ, городъ Торческъ, и долгое время оборонялись отъ многочисленныхъ войскъ Половецкихъ. Въ 1150 году Черные Клобуки, отправляясь въ походъ, оставили своихъ женъ и дѣтей въ городахъ по Роси, чтобы ихъ жены и дѣти, по словамъ лѣтописи, сами могли обороняться отъ внезапнаго нападенія Половцевъ. [41] Подобно независимымъ степнымъ кочевникамъ, Черные Клобуки были Язычники, или Магометане, [42] раздѣлялись на племена и роды, и находились подъ начальствомъ своихъ собственныхъ племенныхъ и родовыхъ начальниковъ съ наслѣдственною властью. [43] Князья Русскіе въ отношеніи къ Чернымъ Клобукамъ были верховными военачальниками и судьями, защитниками и покровителями. Они защищали Черныхъ Клобуковъ своими дружинами отъ нападенія Половцевъ и другихъ непріятелей, предводительствовали Черными Клобуками въ военное время, или назначали надъ ними особенныхъ военачальниковъ изъ своихъ мужей, наказывали Черныхъ Клубуковъ за измѣну и другія преступленія, и рѣшали спорныя дѣла, возникавшія между Черными Клобуками и другими подданными Княжества. [44] За эту защиту и за покровительство, а также за земли, отданныя въ ихъ пользованіе, Черные Клобуки обязаны были защищать какъ Русскую Землю, такъ и честь и выгоды своего Князя, [45] и являться къ нему по первому его призыву съ оружіемъ въ рукахъ, для участія

во всѣхъ замышляемыхъ имъ походахъ и предпріятіяхъ. Подобно служилымъ людямъ, дружинникамъ, Черные Клобуки защищали города своего Князя отъ нападенія враждебныхъ Князей и отъ набѣговъ степныхъ Половцевъ; [46] помогали своимъ Князьямъ въ междоусобныхъ войнахъ и участвовали съ ними въ походахъ въ степи, составляя всегда передовые конные отряды въ ополченіяхъ Князей, [47] посылались на помощь союзнымъ Князьямъ и родственникамъ своихъ Князей; [48] отряжались къ порогамъ Днѣпровскимъ, для защиты отъ Половцевъ купеческихъ судовъ, шедшихъ въ Русь изъ Греціи и Юговосточныхъ странъ, и посылались летучими отрядами въ степи, подъ начальствомъ воеводъ — Бояръ и младшихъ Князей, для захвата въ плѣнъ Половецкихъ вежъ и стадъ. [49] Этой вѣчной военной службой, кажется, и ограничивались всѣ обязанности Черныхъ Клобуковъ по отношенію къ Русскимъ Князьямъ. Ни изъ лѣтописей, ни изъ законодательныхъ памятниковъ того времени, не видно, чтобы Черные Клобуки платили Князьямъ какія-либо дани, оброки и пошлины, или отправляли въ пользу ихъ какія либо работы. По отношенію къ платежу Княжескихъ оброковъ и даней, по всей вѣроятности, они занимали особенное, привилегированное положеніе, сходное съ тѣмъ, какое имѣли Княжескіе дружинники. Многіе изъ племенныхъ начальниковъ Черныхъ Клобуковъ получали отъ Князей во владѣніе степные города, съ правомъ пользоваться получаемыми отъ нихъ доходами, и въ такомъ случаѣ становились Княжескими дружинниками высшихъ разрядовъ. [50] Но и безъ назначенія городовъ и селъ во владѣніе, уже по самому привилегированному, исключительному, положенію, какъ сословіе, обязанное постоянной военной службой, Черные Клобуки, не только начальники, но и ихъ подданные, составляли особенный разрядъ служилыхъ людей, и по тому занимали такое же господствующее положеніе въ краѣ, какъ и служилые люди — дружинники. Составляя господствующее сословіе, на которое опиралась верховная власть Князей, Черные Клобуки, превосходившіе въ Кіевскомъ Княжествѣ, гдѣ было болѣе всего ихъ поселеній, силу городскаго населенія, когда началось возстаніе посадскаго населенія, захватили въ свои руки Княжескую власть и сдѣлались распорядителями главнаго Княжескаго стола въ Руси, стола Кіевскаго. Уже въ 1146 году Бояре и посадскіе люди города Кіева, замысливши изгнать Ольговичей и пригласить на княженіе Изяслава Мстиславовича, сочли нужнымъ пригласить къ соучастію въ своемъ предпріятіи и всѣхъ Черныхъ Клобуковъ Кіевскаго Княжества. Въ послѣдствіи времени, со второй половины XII столѣтія, Кіевскій столъ почти исключительно переходитъ изъ рукъ въ

руки по волѣ Черныхъ Клобуковъ. Изяславъ Мстиславичъ, отправляясь въ 1150 году искать Кіевскаго стола, говорилъ своимъ дружинникамъ и союзникамъ: «Какъ только достигнемъ жилищъ Черныхъ Клобуковъ и соединимся съ ними, то не побоимся ни Юрія Долгорукаго, ни Владимира Галицкаго». И дѣйствительно, какъ только Черные Клобуки измѣнили Юрію и перешли на сторону Изяслава Мстиславича, то Юрій счелъ безполезной дальнѣйшую борьбу съ своимъ соперникомъ и убѣжалъ изъ Кіева, не ожидая его прихода. Подобнымъ же образомъ измѣна Черныхъ Клобуковъ безъ бою отворила ворота Кіева, въ 1159 году, Мстиславу Изяславичу, и въ 1177 году Святославу Владимировичу. [51]

Такимъ образомъ, хотя кочевники, въ слѣдствіе борьбы съ осѣдлымъ населеніемъ, обращены были въ осѣдлое состояніе и вошли въ составъ Русскаго Государства, но, по мѣрѣ того, какъ это Государство расширялось на счетъ степей, кочевники наполнили Русскую Землю и сдѣлались въ ней господствующимъ населеніемъ (совершенно поглотивши въ своей средѣ потомковъ Руссовъ, сопровождавшихъ первыхъ Князей Рюрикова дома при поселеніи ихъ въ Приднѣпровьи), а, вмѣстѣ съ тѣмъ Государство, основанное Князьями Рюрикова дома въ среднихъ теченіяхъ Днѣпра, изъ Государства Варягорусскаго обратилось въ Государство варварское: варвары наполнили Русскіе города и села и покрыли своими слободами и вежами Русскую Землю; варвары служили при дворахъ Князей и владѣли Русскими городами и селами; варвары защищали Русскую Землю отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ и совершали походы въ степи для ловли кочеваго населенія; варвары раздавали Княжескіе столы и отымали ихъ по своему произволу; варвары были вѣрными союзниками Русскихъ Князей въ ихъ несчастіи и постоянными ихъ помощниками во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Сами эти Князья, представители Русскаго Государства, съ пріобрѣтеніемъ кочевниками господствующаго въ немъ положенія, хотя продолжали называться Князьями Русскими, но на самомъ дѣлѣ, не только по своему общественному положенію, какъ представители господствующаго варварскаго населенія, но и по своимъ сочувствіямъ и стремленіямъ, изъ вождей осѣдлаго населенія обратились въ вождей кочевыхъ народовъ. Со временъ Святослава Князья Русскіе, какъ дальше увидимъ, раздѣлялись на сторонниковъ Варяговъ и Славянскаго населенія. Но уже по смерти Владимира, Святополкъ и Мстиславъ не имѣютъ ничего общаго ни съ Варягами, ни съ Славянскимъ населеніемъ. По словамъ лѣтописей, сердце Кіянъ не было съ Святопол-

комъ. При вторичномъ движеніи своемъ Ярославъ безъ бою оставляетъ Кіевъ и уходитъ въ степи. Какъ мало сочувствовалъ Варягамъ и Славянамъ другой соперникъ Ярослава, Мстиславъ Тмутараканскій, это видно изъ извѣстныхъ словъ, сказанныхъ имъ на полѣ битвы, послѣ сраженія подъ Лиственомъ: «Кто сему не радъ: вотъ лежитъ Варягъ, а вотъ Сѣверянинъ, а дружина моя цѣла.» По смерти Ярослава, въ одно время съ прекращеніемъ борьбы между Варягами и Славянскимъ населеніемъ, началась борьба между Боярами и посадскими людьми: являются Князья то сторонники Боярства, то представители выгодъ посадскаго населенія. Но уже въ самомъ началѣ борьбы знати съ простыми, среди Князей, раздѣлявшихъ взаимныя нерасположенія Бояръ и посадскихъ людей, были Князья, преслѣдовавшіе только свои себялюбивыя цѣли и опиравшіеся въ своихъ себялюбивыхъ стремленіяхъ только на сбродныя варварскія дружины и кочевыхъ народовъ. Изяславъ Ярославичь, первый изъ Князей, изгнанный изъ Кіева посадскими людьми, расчитывалъ вторично возвратиться на свой столъ только при помощи наемныхъ воиновъ. [52] Съ теченіемъ времени число Князей Русскихъ, ни чего не имѣвшихъ общаго, по своимъ стремленіямъ, сочувствіямъ и отвращеніямъ, съ городскимъ населеніемъ, все болѣе и болѣе, какъ дальше мы увидимъ, увеличивалось, пока напослѣдокъ, въ концѣ домонгольскаго періода, Князья Русскіе не обратились исключительно въ представителей выгодъ и стремленій сбродныхъ варварскихъ дружинъ и кочевыхъ народовъ. Такимъ образомъ кочевая стихія пріобрѣла господство надъ городами Славянскими не только въ лицѣ своихъ начальниковъ, переселившихся изъ степей въ Русь и получившихъ здѣсь города и села во владѣніе, но даже въ лицѣ верховныхъ военачальниковъ прежнихъ Варягорусскихъ дружинъ.

Вообще, отъ сильнаго наплыва кочевой стихіи въ Русь, въ послѣдніе годы домонгольскаго періода изгладилось различіе между степнымъ населеніемъ и населеніемъ, господствовавшимъ въ Руси. Мы видѣли, что ханы Половецкіе, набѣги которыхъ на Русскія владѣнія никогда не прекращались совершенно, въ послѣдніе годы домонгольскаго періода славянились и стали называться Славянскими и Христіянскими именами; но въ то же время Князья Русскіе во многомъ стали походить на Половецкихъ Хановъ: они грабили и разоряли города Русскіе съ варварскими дружинами и кочевниками не хуже Половецкихъ Хановъ. Половцы постоянно принимали живое участіе въ междоусобныхъ войнахъ и во всѣхъ событіяхъ, происходившихъ въ Русской Землѣ, и часто сочувствовали болѣе Русскимъ,

тѣмъ своимъ собственнымъ кочевникамъ; но въ то же время господствующее Южнорусское населеніе, связанное узами родства съ свободными кочевниками, часто сочувствовало болѣе жителямъ степей, чѣмъ Русскимъ Князьямъ, подъ начальствомъ которыхъ оно находилось. Въ 1187 году Черные Клобуки дали знать своимъ сватамъ Половцамъ о намѣреніи Князей предпринять походъ въ степи. Въ 1192 году, во время похода Русскихъ Князей противъ Половцевъ, Черные Клобуки не захотѣли сражаться съ своими сватами, Половцами и, противъ воли Князей, возвратились домой, ничего не сдѣлавши. Наконецъ, взаимныя выгоды и отношенія между Русскими и кочевниками до того спутались, что на берегахъ рѣки Калки Южнорусское ополченіе сразилось съ Монголами за выгоды Половцевъ, а Бродники, люди Русскаго языка и происхожденія, подъ начальствомъ своего Воеводы Плоскини, явились сторонниками Монголовъ противъ Половцевъ и Южнорусскихъ Князей. [53]

Такимъ образомъ кочевники, оттѣснивши завоевательныя дружины Сѣверозапада отъ береговъ Чернаго моря, освободивши города Восточной Европы отъ господства этихъ дружинъ, и пріостановивши совершенно завоевательныя выселенія народовъ Сѣверозапада на Юговостокъ Европы, въ слѣдъ за тѣмъ завоевали всю Русскую Землю и, принявши въ ней осѣдлое состояніе, отчасти же обратившись въ городское и сельское ея населеніе, отчасти сдѣлавшись въ ней господствующимъ сословіемъ, положили такимъ образомъ на великой равнинѣ Восточной Европы основаніе новой народности — народности Южнорусской, и новому Государству — Государству Русскому. Хотя первыя основы этого Государства положены были завоевательными дружинами Сѣверозапада, впервые соединившими всѣ Славянскіе города Восточной Европы подъ своею властью, но съ тѣхъ поръ, какъ эти дружины, достигши Приднѣпровья, стали во главѣ кочевыхъ народовъ и смѣшались съ послѣдними, отъ Варягорусскаго завоеванія не осталось никакихъ слѣдовъ; ибо все во вновь возникшемъ Государствѣ было варварское, начиная отъ представителей этого Государства до той силы, на которую опиралась ихъ власть. Слѣдовательно, Русское Государство домонгольскаго періода, въ которомъ впервые почти всѣ Славянскіе города Восточной Европы соединились въ одно политическое цѣлое, основано не Варягоруссами, господство которыхъ на Востокѣ Европы было кратковременно, но кочевыми народами, господство которыхъ, смѣнившее Варягорусское господство, продолжалось до тѣхъ поръ, пока и завоеватели и завоеванные не слились въ одинъ народъ.

Не смотря, однако, на несомнѣнность и очевидность этого событія, значеніе варварскихъ народовъ Восточной Европы въ образованіи Русскаго Государства до сихъ поръ не было замѣчено изслѣдователями древнѣйшихъ судебъ Русскаго народа. По мнѣнію Соловьева, то организирующее значеніе, которое на Западѣ Европы принадлежитъ варварскимъ народамъ, на Востокѣ Европы имѣли Варягорусскія дружины: варвары кочевники Восточной Европы не принимали никакого участія въ образованіи Русскаго Государства; они были только пассивнымъ, страдательнымъ, элементомъ, задерживавшимъ его развитіе; вся дѣятельтельность ихъ ограничивалась только грабежами и опустошеніями: на югѣ, гдѣ болѣе всего выразилась ихъ дѣятельность, никогда не могла сложиться жизнь государственная. Такого же мнѣнія о регрессивномъ значеніи кочевниковъ домонгольскаго періода Костомаровъ и другіе изслѣдователи.

Такимъ образомъ, по возраженію нашихъ историковъ, варвары-кочевники, вездѣ полагавшіе основаніе новымъ политическимъ союзамъ, и на Востокѣ, и на Западѣ, не имѣли такого устроительнаго значенія только въ одной Руси. Дѣйствительно, при первомъ, поверхностномъ, взглядѣ на исторію борьбы кочевыхъ народовъ Руси съ осѣдлымъ ея населеніемъ, нельзя не прійти къ заключенію, что кочевые народы въ Руси не имѣли того устроителнаго, завоевательнаго значенія, какое они имѣли на Западѣ Европы. Германцы, Остъ-Готы и Вестъ-Готы и т. п., завоевали Римскія области, уничтожили тамъ власть прежнихъ владѣтелей и положили основаніе новымъ властямъ и новому господствующему сословію. Въ Руси Половцы и Печенѣги не уничтожили власти Русскихъ Князей и Русскихъ дружинъ: въ Руси вся исторія сношеній кочевыхъ народовъ съ осѣдлымъ населеніемъ, по видимому, ограничилась безплодной борьбой, которая окончилась совершеннымъ уничтоженіемъ кочевья; слѣдовательно, въ Руси завоевателями и устроителями, по видимому, оказались не кочевники, но Варягорусскія дружины. Но если мы оставимъ въ сторонѣ ходъ борьбы Русскихъ Князей съ кочевыми народами, и обратимся къ изученію послѣдствій этой борьбы, то мы придемъ къ совершенно другому заключенію. Когда на Западѣ варварское населеніе овладѣвало какой либо страной, то низшія сословія этого населенія обращались въ рабочіе классы городскаго и сельскаго состояній, а высшіе, племенные и родовые старѣйшины, въ господствующее военное сословіе; но не тѣ ли же самыя послѣдствія произошли отъ борьбы Русскихъ съ кочевыми народами? Какъ вездѣ, такъ и въ Руси, варвары, послѣ продолжительной борьбы съ осѣд-

лымъ населеніемъ, сѣли на земли, ими часто опустошенныя и, образившись въ осѣдлое состояніе, присвоили власть надъ городскимъ ихъ населеніемъ. Все различіе между варварскими завоеваніями въ Руси въ домонгольскій періодъ, и на Западѣ Европы, въ пору паденія Западно-Римской Имперіи, состоитъ въ томъ, что завоеванія совершались вдругъ, одновременно, въ Руси же посредствомъ медленныхъ переселеній; на Западѣ прежніе верховные правители исчезли совершенно, въ Руси они не исчезли, но путемъ медленнаго перерожденія изъ вождей сбродныхъ, завоевательныхъ, дружинъ осѣдлаго населенія обратились въ вождей варварскихъ, кочевыхъ народовъ. Но и это различіе не составляетъ отличныя черты въ исторіи образованія Русскаго Государства. И на Западѣ не всѣ Государства завоеваны варварами вдругъ, одновременно; и на Западѣ были варварскія завоеванія, совершавшіяся посредствомъ медленнаго переселенія кочевыхъ народовъ. Римская Имперія сложилась такимъ же точно путемъ, какъ и Русское Государство домонгольскаго періода. Какъ въ Руси, такъ и въ Римской Имперіи, завоеваніе варварское совершалось медленно, незамѣтно для современниковъ, при посредствѣ самихъ же представителей осѣдлаго, городскаго населенія. Какъ въ Руси, такъ и въ Римской Имперіи, верховные начальники считали себя представителями осѣдлаго населенія, а между тѣмъ господствовали безгранично надъ этимъ населеніемъ при помощи сбродныхъ дружинъ, не имѣвшихъ осѣдлости. Какъ въ Руси, такъ и въ Римской Имперіи, сбродныя дружины, служившія опорой верховной государственной власти, сначала составлялись преимущественно изъ осѣдлаго населенія, но, съ теченіемъ времени, отъ сильнаго наплыва варварскихъ стихій исключительно обратились въ дружины варварскія. Наконецъ, какъ въ Руси, такъ и въ Римской Имперіи, представители государственной власти добровольно сажали варваровъ на земли Государства, чтобы найти въ нихъ защитниковъ Имперіи отъ варварскихъ набѣговъ и заселить ими пустопорожнія пространства, пока наконецъ варвары не сдѣлались исключительно Гобладателями Римскаго Государства. Слѣдовательно, и на Западѣ варварскія завоеванія, совершались такимъ же точно путемъ, какъ совершалось завоеваніе Русской Земли въ домонгольскій періодъ, то есть посредствомъ медленныхъ переселеній. Но на Западѣ Европы варварскія завоеванія, посредствомъ медленныхъ переселеній, совершались несравненно раньше, чѣмъ въ Руси. Область нынѣшняго Русскаго Государства заселилась позже Западной Европы, по этому и всѣ видоизмѣненія, чрезъ которыя проходили Западно-Европейскіе народы

въ своей политической жизни, повторились въ Руси несравненно позже, чѣмъ на Западѣ. Между тѣмъ, необращая вниманія на это различіе, изслѣдователи древнѣйшаго періода Русской исторіи, для объясненія его, по издавна установившемуся обычаю, обращаются почти къ одновременной исторіи Западной Европы, а именно къ эпохамъ, послѣдовавшимъ тотчасъ за паденіемъ Западно-Римской Имперіи. Не встрѣчая сходства въ одновременной исторіи Запада и Руси, изслѣдователи пришли къ заключенію, что Русское Государство слагалось совершенно инымъ способомъ, чѣмъ Западно-Европейскія Государства и, остановившись на такомъ воззрѣніи, не поняли многихъ явленій въ исторіи образованія Русскаго Государства въ домонгольскій періодъ, которыя были бы вполнѣ поняты, если бы, для сравненія, обратились къ Западно-Европейской исторіи предшествующихъ эпохъ. Такимъ образомъ, какъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся древнѣйшаго періода Русской исторіи, такъ и въ вопросѣ объ исторической роли кочевниковъ домонгольскаго періода, ошибочность мнѣній изслѣдователей произошла, съ одной стороны, отъ поверхностнаго изученія историческаго матеріала, съ другой—отъ сравненія Русской исторіи такъ называемаго удѣльно-вѣчеваго періода, съ такимъ періодомъ Западно-Европейской исторіи, съ которымъ нашъ удѣльно-вѣчевой періодъ не имѣетъ ничего общаго.

Вопросъ о значеніи кочевыхъ народовъ въ образованіи Южнорусскаго Государства и Южнорусской народности находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о причинахъ прекращенія Варягорусскаго Господства въ Руси. По мнѣнію Погодина, выселенія, завоевательныя и мирныя, изъ Скандинавіи по смерти Ярослава прекратились вслѣдствіе образованія на Сѣверѣ около того времени самостоятельныхъ Государствъ: Швеціи, Даніи и Норвегіи. По мнѣнію Соловьева и Костомарова, внутреннія волненія, сопровождавшія распространеніе въ Швеціи Христіянства, уничтожили для народа и Князей Сѣвера возможность дѣйствовать наступательно на сосѣднія страны. И такъ, Погодинъ и Соловьевъ, и Костомаровъ, причину прекращенія Варягорусскаго господства въ Руси видятъ въ измѣненіи политическаго и соціальнаго состоянія Скандинавіи. Дѣйствительно, уничтоженіе власти мелкихъ Королей и возникновеніе духовной связи жителей крайняго Сѣверозапада съ остальнымъ населеніемъ Европы, должны были содѣйствовать, по крайней мѣрѣ, отчасти, къ прекращенію разбойничьихъ набѣговъ Скандинавскихъ Викинговъ; но что ни распространеніе Христіянства, ни политическое объединеніе Скандинавіи, не имѣли особеннаго вліянія на измѣненія отношеній жителей Скан-

линавіи въ Руси, это уже видно изъ того, что завоевательныя стремленія жителей крайняго Сѣверозапада никогда не прекращались совершенно. Въ XIII столѣтіи Норманны овладѣли Южной Италіей и островомъ Сициліей. Въ Монгольскую пору жители Скандинавіи грабили города возлѣ Бѣлаго моря, [54] а Короли Швеціи стремились овладѣть юговосточными берегами Балтійскаго моря. Но если завоевательныя стремленія изъ Скандинавіи никогда не прекращались, то, слѣдовательно, и причину уничтоженія господства Варяговъ на Востокѣ Европы, и прекращенія завоевательныхъ и мирныхъ выселеній изъ Скандинавіи въ Русь надобно искать не въ Скандинавіи, но въ самой Руси.

При первомъ взглядѣ на исторію, нельзя не прійти къ заключенію, что господство Варягоруссовъ въ Руси прекратилось въ слѣдствіе протеста противъ этого господства со стороны Славянскаго населенія, когда къ этому протесту, съ теченіемъ времени, примкнули и ославянившіеся Руссы. Въ теченіе всего Варяжскаго періода, отъ Рюрика до смерти Ярослава, шла ожесточенная борьба между Славянскимъ населеніемъ и Варягами, приходившими изъ за моря. Не смотря на добровольное призваніе Сѣверославянскимъ союзомъ Рюрика и его дружины, Бояре городовъ Славянскихъ никогда не были довольны господствомъ Руссовъ и Варяговъ и постоянно стремились освободиться изъ подъ ихъ власти. Уже во времена Рюрика лѣтописецъ упоминаетъ о возстаніи Новгородцевъ противъ власти Варягоруссовъ, которое окончилось смертью Вадима, предводителя возстанія, и бѣгствомъ многихъ Новгородскихъ мужей въ Кіевъ. [55] При Игорѣ возстали противъ власти Руссовъ Древляне, а во время Владимира—Вятичи и Радимичи. [56] При такомъ положеніи дѣлъ, пока во главѣ Руссовъ, при Игорѣ и Олегѣ, стояли Князья, находившіеся въ тѣсной связи съ владѣтельными лицами Скандинавіи, Варяги, приходившіе изъ за моря, принимались въ Русь какъ званые гости, и занимали первое мѣсто въ войскахъ и при дворѣ Князя. Но едва, по смерти Игоря, главою Русскихъ дружинъ, господствовавшихъ въ Руси, сталъ Князь съ Славянскимъ именемъ, сынъ Славянки Ольги — Святославъ, родившійся въ Руси, положеніе Варяговъ въ Руси совершенно измѣнилось. Руководимый Боярами, Святославъ не хочетъ принять Христіанства, тогдашней религіи Кіевскихъ Варягоруссовъ, изъ опасенія, что дружина будетъ смѣяться, дружина, которая набиралась въ Руси и, какъ выше замѣчено, болѣе походила на кочевую орду, чѣмъ на Скандинавскихъ Викинговъ. Во второмъ походѣ на Болгаръ Дунайскихъ, когда Бояре начали клеветать на Христіанъ,

бывшихъ въ войскѣ, что они причиной всѣхъ несчастій, Святославъ сталъ мучить и убивать Христіянъ и послалъ въ Кіевъ истреблять Христіянскіе храмы, [57] которые въ то время были только храмами Варяжскими; ибо въ ту пору Христіянское общество въ Кіевѣ состояло почти исключительно изъ однихъ Варяговъ. Вражда между Славянами и Варягами, выразившаяся при Святославѣ преслѣдованіемъ Варяговъ верховной правительствующей властью, послѣ его смерти разразилась междоусобной борьбой между самими Князьями Рюрикова дома. Родившись отъ матерей, принадлежавшихъ къ различнымъ народностямъ, сыновья Святослава раздѣлились на двѣ части: одни стали на сторону Варяговъ, другіе явились представителями выгодъ и стремленій Славянскаго населенія. Ярополкъ, Князь Кіевскій, былъ въ тѣсной дружбѣ съ Варягомъ Рогвольдомъ, любилъ Варяговъ Христіянъ и далъ имъ, по словамъ древнѣйшаго Новгородскаго лѣтописца, великую волю. [58] Но второй сынъ Святослава, Новгородскій Князь Владиміръ, родившись отъ ключницы Ольгиной, Малуши, дочери Малка Любчанина, подобно своему отцу, былъ представителемъ Славянскаго населенія. На сторону же Славянскаго населенія сталъ и третій сынъ Святослава, Древлянскій Князь Олегъ, на сколько можно судить по немногимъ свѣдѣніямъ, сохранившимся въ лѣтописяхъ объ этомъ Князѣ. Руководимые враждующими народностями, малолѣтніе Князья вступили въ междоусобную борьбу. Руководимый населеніемъ городовъ Земли Древлянской, Олегъ убилъ Люта, сына Свенельдова, Кіевскаго Воеводы, который хотя былъ Воеводою Славянскимъ, но на столько соединился въ выгодахъ съ Варягами, что, по смерти Игоря, былъ главнымъ дѣятелемъ въ покореніи Земли Древлянской и въ сожженіи города Искоростеня. Ярополкъ Кіевскій, по наущенію Свенельда, отправился съ войскомъ противъ брата и овладѣлъ Землею Древлянъ. Въ то же самое время, на Сѣверѣ, Владиміръ, руководимый своимъ дядею, Добрынею, съ Новгородцами напалъ на Варяга Рогвольда. Противъ Владиміра, на защиту Рогвольда, Ярополкъ отправилъ войска. Къ несчастью для Ярополка, эти войска, отправленныя противъ Князя, руководимаго Славяниномъ Добрынею, состояли изъ Южнославянскаго ополченія и находились подъ начальствомъ Бояръ и Князей городовъ Славянскихъ. Изъ ненависти къ своему князю, всѣ войска, посланныя Ярополкомъ, возлѣ Смоленска, при рѣкѣ Другѣ, перешли на сторону Владиміра. [59] За тѣмъ, встрѣчая повсюду измѣну, Владиміръ безъ боя овладѣлъ Южнорусскими городами. Вѣрнымъ Ярополку остался только одинъ его слуга, Варяжко, сынъ какого-то Варяга. При жизни своего господина только онъ одинъ давалъ ему умные и

полезные совѣты, а послѣ его смерти ушелъ въ степи и долгое время, изъ мести за смерть господина своего, нападалъ съ кочевниками на Кіевское Княжество. [60] Торжество Владиміра было торжествомъ Боярства. Когда Варяги, приведенные Владиміромъ изъ за моря для борьбы съ Ярополкомъ и Рогвольдомъ, стали буйствовать въ Кіевѣ и требовать даней съ его жителей, то Владиміръ, привлекши на свою сторону умнѣйшихъ изъ нихъ и храбрѣйшихъ, раздавъ имъ города во владѣніе, остальныхъ отправилъ въ Константинополь, извѣстивши Императора, чтобы онъ не пускалъ обратно ни одного человѣка. И Варяги, оставшіеся въ Руси, не могли здѣсь удержаться долгое время, встрѣчая повсюду гоненіе со стороны Славянскаго населенія, поддерживаемаго Русскимъ Княземъ. Сѣверный историкъ, Стурлесонъ, сообщаетъ, что при Владимирѣ никто изъ иностранныхъ Принцевъ не могъ жить въ Руси безъ особеннаго дозволенія Князя, и что Принцъ Норвежскій, Олафъ, долгое время пользовавшійся расположеніемъ при дворѣ Князя Владимира, долженъ былъ оставить Русь, по тому что завистливые Бояре увѣрили Князя, что этотъ чужеземецъ можетъ быть опасенъ для его власти. По словамъ нашего лѣтописца, Владимиръ и Добрыня, овладѣвши Кіевомъ, стали возстановлять Старославянское богослуженіе и строить кумиры, первый—въ Кіевѣ, второй—въ Новгородѣ. Въ то же время Кіевскіе Бояре и люди, по словамъ того же лѣтописца, поддерживаемые своимъ Княземъ, стали убивать Христіянъ Варяговъ и приносить въ жертву ихъ дѣтей своимъ богамъ. [61] По смерти Владимира, Ярославъ, связанный узами родства съ владѣтельными лицами Скандинавіи, находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Варягами. При немъ находили убѣжище и пріютъ въ Руси многіе изъ владѣтельныхъ лицъ и вождей Сѣвера, и онъ самъ, во всѣхъ опасныхъ случаяхъ своей жизни, искалъ помощи въ Скандинавіи. [62] Но, не смотря на тѣсную связь Ярослава съ владыками Сѣвера, противодѣйствіе Славянскаго населенія господству Варяговъ непрерывно продолжалось въ теченіе всей его жизни. Въ самомъ Новгородѣ, находившемся подъ его властью, еще при жизни Владимира, открыто возставали противъ господства новыхъ воиновъ, приходившихъ изъ за моря. Въ 1015 году Новгородцы избили Варяговъ, приведенныхъ Ярославомъ изъ Скандинавіи для борьбы съ Владимиромъ. Въ 1019 году, когда Ярославъ, разбитый Болеславомъ, прибѣжалъ въ Новгородъ и хотѣлъ уйти за море, чтобы привести новые отряды Варяговъ, то Посадникъ Константинъ съ Новгородцами разсѣкъ ладьи его, говоря, что они сами могутъ сражаться съ Болеславомъ и Святополкомъ. [63] Это было послѣднее заявленіе противъ господства

Варяговъ. По смерти Ярослава, судя по тому, что Ярославичи родились отъ женщинъ Скандинавскаго происхожденія, можно было бы предположить, что во время ихъ княженія Варягамъ въ Руси будетъ такой же почетъ, какой былъ при ихъ отцѣ, Ярославѣ. Но, сверхъ ожиданія, при сыновьяхъ Ярослава, выселеніе Варяговъ изъ Скандинавіи, безъ бою, безъ протеста со стороны Рускихъ Князей и подчиненнаго имъ Славянскаго населенія, совершенно прекращается. Такъ какъ до сихъ поръ шла борьба между Варягами и Славянскимъ населеніемъ, и Варяжское населеніе, то пользовалось гостепріимствомъ и почетомъ, то изгонялось совершенно изъ Руси, смотря по тому, кто былъ верховнымъ Княземъ Русской Земли, сторонникъ ли Варяговъ или представитель пользъ и стремленій Славянскаго населенія, по этому можно бы предположить, что господство Варяговъ на Востокѣ Европы, по смерти Ярослава, прекратилось въ слѣдствіе окончательнаго ославяненія Руссовъ, что сыновья Ярослава, не смотря на сочувствіе къ Варягамъ, не могли ихъ приглашать къ себѣ на службу, по тому что противъ Варяговъ были теперь не только Славяне, но и всѣ Княжескіе дружинники, въ рукахъ которыхъ находилась власть Князей Рюрикова дома. Есть, однако, данныя, которыя заставляютъ сильно усомниться въ вѣрности такого предположенія. Въ 852 году Новгородцы изгнали Варяговъ, а спустя два года снова ихъ призвали. Та же исторія повторилась и при Ярославѣ. Въ 1015 году Новгородцы избили Варяговъ, приведенныхъ Ярославомъ, за то, что эти Варяги насиловали ихъ женъ и дочерей, а спустя нѣсколько лѣтъ (въ 1019 г.), когда понадобилось бороться съ Святополкомъ, сами Новгородцы призвали новыхъ Варяговъ изъ за моря. Владимиръ и Добрыня стояли на сторонѣ Славянскаго населенія, но это не помѣшало имъ, для борьбы съ Варягами Ярополка и Рогвольда, привести изъ за моря новые отряды Варяговъ и раздать этимъ новымъ Варягамъ города и села во владѣніе, въ то самое время, когда Бояре Кіевскіе убивали Варягъ-Христіянъ въ Кіевѣ. Все это показываетъ, что ни среди Боярства, ни среди ославянившихся Руссовъ, не было ненависти къ Варягамъ, какъ къ особенному племени, къ особенной народности; что Бояре и ославянившіеся Руссы ненавидѣли только тѣхъ Варяговъ, которые жили въ ихъ городахъ, требовали даней и насиловали ихъ женъ и дочерей, но что они не питали никакой ненависти къ Варягамъ, жившимъ за моремъ, и по тому, преслѣдуя Варяговъ, жившихъ въ Руси, въ то же время сами отправлялись за море и приводили новыхъ Варяговъ, коль скоро въ нихъ оказывалась надобность. Слѣдовательно, не случись подъ

рукой кочевниковъ, которые замѣняли Варяговъ, то, не смотря на ославяненіе Руссовъ (оставляя въ сторонѣ темный вопросъ о времени ихъ ославяненія; ибо въ дружинѣ Князей Русскихъ Варяги, какъ мы видѣли, то отходили, то приливали снова, и, смотря по тому, кто былъ Княземъ, сторонникъ ли Варяговъ или Славянскаго населенія и гоненія, которымъ часто подвергались Варяги въ Руси), все таки господство ихъ въ Руси никогда бы не прекращалось: одни Варяги изгонялись бы, а другіе приходили на ихъ мѣсто. Какъ послѣ Владимира Варяги снова утвердились въ Руси при Ярославѣ, такъ точно и послѣ Ярослава навѣрное нашелся бы Князь, если не между его сыновьями, то между его внуками, который приглашалъ бы Варяговъ, и Славянское населеніе нисколько этому бы не противодѣйствовало. Но вотъ явились къ услугамъ Славянскаго населенія и Русскихъ Князей кочевые народы, и выселеніе Варяговъ, безъ боя, безъ протеста, совершенно прекратилось, и при томъ прекратилось въ такое время, когда, судя по тѣснымъ родственнымъ отношеніямъ Ярославичей съ Скандинавскимъ міромъ, можно было ожидать продолженія временъ Ярослава, благопріятныхъ для Варяговъ.

Итакъ, господство Варяговъ въ Руси прекратилось не вслѣдствіе измѣненія политическаго и общественнаго состоянія Скандинавіи, и не вслѣдствіе протеста противъ ихъ господства Славянъ и ославянившихся Руссовъ, но вслѣдствіе столкновенія Князей Рюрикова дома въ Приднѣпровьи съ кочевыми народами и незамѣтнаго превращенія этихъ Князей изъ вождей сбродныхъ дружинъ Сѣверозапада въ вождей сбродныхъ варварскихъ дружинъ и кочевыхъ народовъ.

ГЛАВА VI.

Строй Русскаго Государства во время Святополка, Мономаха и Мстислава.

Прошло болѣе двухъ столѣтій отъ поселенія Олега въ городѣ Кіевѣ до смерти Всеволода, послѣдняго изъ представителей перваго поколѣнія Ярославичей, поколѣнія, при которомъ варварскія дружины и кочевые народы окончательно смѣнили господство Варягоруссовъ на Востокѣ Европы. По прежнему великая равнина Восточной Европы населена была разноплеменными народами, не соединенными въ одно цѣлое никакими, ни политическими, ни общественными, отношеніями. По прежнему на Югѣ и Востокѣ продолжалось господство Грековъ, Козаръ и Ясовъ, на Сѣверо-Востокѣ — Болгаръ, а на Сѣверо-Западѣ — Варягоруссовъ. По прежнему юго-восточныя степи заняты были независимыми кочевниками, а по верховьямъ рѣкъ Нѣмана и Буга и въ срединныхъ частяхъ великой равнины Восточной Европы жили бродячіе народы въ независимомъ состояніи. Но двухъ-вѣковая историческая жизнь не прошла безплодно для народовъ Восточной Европы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ утвердилась власть Князей Рюрикова дома, гдѣ движеніе осѣдлаго населенія отъ запада и сѣвера на юго-востокъ встрѣтилось съ обратнымъ движеніемъ кочевыхъ народовъ, въ слѣдствіе двухвѣковой борьбы между осѣдлымъ населеніемъ и бродячими и кочевыми народами, возникло множество новыхъ поселеній: городовъ, селъ, слободъ и деревень, и образовалось новое господствующее сословіе — варварскія дружины и поселенные кочевники. Образованіе новаго господствующаго сословія измѣнило политическій строй Восточной Европы. Смѣнивши господство Варягоруссовъ и подчинивши своей власти всѣ города Старославянскіе, платившіе дань Варягоруссамъ, варварскія дружины и поселенные кочевники положили такимъ образомъ на Востокѣ Европы основаніе новому Государству, которое, по имени своихъ первоначальныхъ основателей Князей Русскихъ, называлось Государствомъ Русскимъ. На чемъ же основано было единство этого Государства, и каковъ былъ первоначальный его строй? Для рѣшенія этого вопроса посмотримъ на политическій строй Русской Земли въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтій, во время Святополка, Мономаха и Мстислава. Мы избираемъ, для изученія Государства, созданнаго Варягоруссами и кочевниками, пору Святополка, Мономаха и Мстислава, съ одной стороны,

по тому, что только въ это вермя окончательно установилось господство кочевниковъ надъ городами Русской Земли; слѣдовательно, только въ это время окончательно установился и первоначальный строй Русскаго Государства, начало котораго относится ко временамъ Рюрика; съ другой стороны, по тому, что въ это время хотя уже началось возстаніе Бояръ и посадскихъ людей, долженствововашее разрушить первоначальный строй Русской Земли, однако еще онъ не былъ повсемѣстнымъ и еще не оказалъ своего дѣйствія; слѣдовательно, только въ это время первоначальный строй Русскаго Государства, сложившись окончательно, еще не подвергался измѣненіямъ и существовалъ въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Уже изъ всего сказаннаго нами выше объ образованіи сословій въ Русской Землѣ до появленія Монголовъ, мнѣ кажется, ясно, что населеніе Русскаго Государства въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтій еще не составляло одноплеменнаго, однороднаго цѣлаго. Составныя части, изъ которыхъ сложилось это Государство, еще не слились въ одну народность. Во первыхъ, въ составъ Русскаго Государства входило разноплеменное кочевое и бродячее населеніе. Хотя кочевые и бродячіе народы постоянно обращаемы были въ осѣдлое состояніе и разселялись по городамъ и селамъ Русской Земли, однако въ то время, не только внѣ границъ Русскаго Государства, но даже внутри его, жили бродячіе и кочевые народы въ своемъ первобытномъ бродячемъ и кочевомъ состояніи. Во вторыхъ, въ составъ Русскаго Государства входило множество разноплеменныхъ людей осѣдлаго состоянія, сосредоточивавшихся въ городахъ и пригородныхъ селахъ. Первый разрядъ между людьми осѣдлаго состоянія составляли Бояре, городская вельможеская знать, отличавшаяся отъ другихъ свободныхъ людей осѣдлаго состоянія своимъ происхожденіемъ отъ первыхъ заселителей Русской Земли обширностію поземельныхъ владѣній и многочисленностію принадлежавшихъ ей служилыхъ людей и рабовъ. Хотя Бояре постоянно поступали на службу къ Князьямъ Рюрикова дома, однако въ XII столѣтіи еще существовало многочисленное Боярство, не входившее въ составъ Княжескихъ дружинъ и составлявшее особенное высшее господствующее сословіе среди людей осѣдлаго состоянія. Второй разрядъ людей осѣдлаго состоянія составляли разнаго рода промышленныя сословія позднѣйшаго образованія: Княжескіе посадскіе люди, изгои, гриди и купцы Варягорусскаго происхожденія, сословія, отличавшіяся отъ Бояръ не своими юридическими правами, не образомъ жизни и занятіями, но своимъ происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ. Подобно Боярамъ, и всѣ другіе,

лично свободные люди, стояли въ одинаковомъ положеніи къ Князю, владѣли селами и рабами и были совершенно свободны въ выборѣ занятій и образа жизни, но отличались отъ Бояръ своимъ происхожденіемъ, отъ людей иного племени, иной породы, а также, по всей вѣроятности, меньшимъ количествомъ принадлежавшихъ имъ земель и рабовъ. Бояре и промышленные люди свободнаго состоянія стояли на вершинѣ осѣдлаго населенія. Кромѣ Бояръ и промышленныхъ свободныхъ сословій, къ осѣдлому населенію принадлежало также множество чернорабочихъ людей полусвободнаго и рабскаго состоянія, которые жили по селамъ и городскимъ дворамъ, принадлежавшимъ Боярамъ и промышленнымъ свободнымъ сословіямъ. Наконецъ, въ третьихъ, въ составъ Русскаго Государства входило господствующее сословіе: дворовые и служилые люди Князей Рюрикова дома. Хотя дворовые и служилые люди Князей Рюрикова дома состояли изъ людей всякой породы, однако, по преимуществу, они были люди кочевого, варварскаго происхожденія, и отличались, какъ отъ осѣдлаго населенія, такъ отъ кочевыхъ и бродячихъ народовъ, не только своимъ общественнымъ положеніемъ, но отчасти и особеннымъ образомъ жизни: всѣ сбродныя дружины Князей Рюрикова дома, какъ дальше увидимъ, въ началѣ XII столѣтія еще не имѣли постоянной осѣдлости и переходили изъ города въ городъ. Первоначально, пока продолжалось господство Варягоруссовъ, Князья Рюрикова дома и ихъ мужи жили только въ немногихъ городахъ, подчиненныхъ ихъ власти. Но въ началѣ XII столѣтія, въ слѣдствіе размноженія Князей Рюрикова дома и ихъ дружинниковъ, за исключеніемъ немногихъ городовъ на крайнемъ Юго-Западѣ и Сѣверо-Востокѣ, всѣ города Русской Земли заняты были Князьями, или ихъ дружинниками. Въ большихъ городахъ, отличавшихся многолюдствомъ и богатствомъ, жили Князья Рюрикова дома, а въ меньшихъ городахъ ихъ служилые люди; но и Князья и ихъ мужи сосредоточивались преимущественно возлѣ Кіева. Во время Святополка и Мономаха всѣ важнѣйшіе города Юга: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Владиміръ-Волынскій, Смоленскъ, Туровъ и т. д., имѣли своихъ Князей изъ дома Рюрикова, между тѣмъ на Сѣверо-Востокѣ только въ одномъ Новгородѣ, да и то непостоянно, жилъ Князь Рюрикова дома; всѣ же другіе города Сѣверо-Восточные: Муромъ, Рязань, Суздаль, Ростовъ, города Вятичей и т. д., управлялись сами собою, или Княжими мужами.

Всѣ эти три составныя стихіи, различаясь одна отъ другой образомъ жизни, занятіями, образованіемъ и общественнымъ положеніемъ, въ то же время, какъ мы видѣли, подраздѣлялись на мно-

жество народностей и общественныхъ корпорацій, находившихся подъ начальствомъ своихъ особенныхъ племенныхъ начальниковъ, съ наслѣдственной, или выборной, властью. Все бродячее населеніе, жившее на землѣ Русскаго Государства, принадлежало къ различнымъ племенамъ: и къ Славянскому, и къ Чудскому, и къ Латышскому, и по общественному устройству раздѣлялось на племена и роды, во главѣ которыхъ стояли особенные племенные старѣйшины съ властью, отчасти наслѣдственной, отчасти выборной. Всѣ добровольно поселившіеся кочевники дѣлились по народностямъ: на Печенѣговъ, Сипаевъ, Коуевъ, Тептерей, Берендѣевъ, Долматовъ и т. д., и каждая народность подраздѣлялась на племена и роды, во главѣ которыхъ стояли особенные племенные начальники. Все осѣдлое городское населеніе дѣлилось по народностямъ: на Славянъ, Руссовъ, Изгоевъ и посадскихъ людей, и каждая народность по общественному устройству, подраздѣлялась на большія и меньшія единицы, во главѣ которыхъ стояли свои особенные племенные начальники съ наслѣдственной, или выборной, властью. Такъ, всѣ Славяне дѣлились на Боярскіе роды, во главѣ которыхъ стояли Бояре, и всѣ Бояре въ каждомъ городѣ жили подъ непосредственнымъ начальствомъ своего особеннаго племеннаго начальника, который назывался Княземъ, Воеводой и Тысяцкимъ. Подобно Славянамъ и всѣ другія народности, составлявшія тогдашнее населеніе города: Изгои, Руссы и посадскіе люди, подраздѣлялись на мелкія общины, имѣвшія своихъ особенныхъ племенныхъ начальниковъ. Наконецъ, всѣ сбродныя дружины, составленныя изъ сброда народностей, среди котораго преобладала стихія варварская, подраздѣлялись на большія и меньшія общины, и во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ особенный начальникъ съ наслѣдственной властью. Мы видѣли, говоря о составѣ Варягорусскаго населенія, что не только Князья Рюрикова дома, но также ихъ жены, дочери, сыновья и служилые люди, имѣли своихъ особенныхъ дворовыхъ и служилыхъ людей; слѣдовательно, каждый дворъ и каждая дружина составляли особенныя общины съ своими особенными начальниками. Наполнившись варварами, эти дворы и дружины не измѣнили ни прежняго общественнаго устройства, ни прежняго общественнаго положенія. По этому, какъ въ XI, такъ и въ XII столѣтіи, были дворы и дружины, во главѣ которыхъ стояли Князья Рюрикова дома, и были и такіе, во главѣ которыхъ стояли мужи, находившіеся въ зависимости отъ Князей Рюрикова дома.

Но, раздѣляясь на множество народностей и общественныхъ корпорацій, всѣ составныя стихіи Русскаго Государства, бродячіе и

кочевые народы, осѣдлое населеніе и дружинники, тѣмъ не менѣе, однако, соединены были въ одно политическое цѣлое.

Еще до временъ Рюрика среди бродячихъ и кочевыхъ народовъ существовали разнообразные политическіе союзы, основанные отчасти на зависимости меньшихъ общинъ отъ большихъ, родоначальниковъ отъ племенныхъ начальниковъ, и слабѣйшихъ племенъ отъ сильнѣйшихъ, отчасти на единствѣ духовныхъ и хозяйственныхъ пользъ, побуждавшихъ сосѣднія племена и роды сходиться въ опредѣленное время въ священныхъ мѣстахъ для общественныхъ дѣлъ, для торговыхъ сдѣлокъ и для совершенія религіозныхъ празднествъ и пиршествъ. Какъ среди бродячаго и кочевого населенія, такъ и среди осѣдлаго населенія, еще до временъ Рюрика отдѣльныя общины, на которыя распадалось это населеніе, соединялись въ разнообразные политическіе союзы. Во первыхъ, все осѣдлое населеніе, жившее въ селахъ, усадьбахъ, тянуло къ какому ни будь окрестному укрѣпленію, городу; въ городѣ оно укрывалось въ военное время, въ городѣ оно собиралось для совѣщаній, для торговыхъ сдѣлокъ и для жертвоприношеній и пиршествъ, и всѣ Бояре, родоначальники населенія, тянувшаго къ одному укрѣпленію, признавали надъ собою верховную власть самаго сильнѣйшаго изъ нихъ, т. е., власть Князя. Такимъ образомъ мелкіе Боярскіе роды, на которые распадалось все осѣдлое населеніе, соединялись, вопервыхъ, въ городскія общины, состоявшія изъ нѣсколькихъ смежныхъ селъ, тянувшихъ къ одному и тому же укрѣпленію. Во вторыхъ, всѣ городскія общины соединялись въ союзы, основанные, съ одной стороны, на духовно-религіозныхъ союзахъ, существовавшихъ между городами единоплеменными, съ другой стороны, на господствѣ городовъ сильнѣйшихъ надъ окрестными слабѣйшими городами, и всего осѣдлаго населенія надъ окрестнымъ бродячимъ населеніемъ, въ союзы, на которыхъ основано было политическое единство земель, или странъ. И такъ, еще до временъ Рюрика разноплеменное населеніе великой равнины Восточной Европы соединялось племенными, родовыми, общинными и союзными отношеніями въ разнообразные политическіе союзы. Съ появленіемъ сначала Варягоруссовъ, а затѣмъ варварскихъ сбродныхъ дружинъ, какъ вездѣ, такъ и въ Руси, всѣ родовыя, племенныя, общинныя и союзническія отношенія пришли въ упадокъ. Во первыхъ, съ постепеннымъ уничтоженіемъ бродячаго населенія, съ обращеніемъ его въ осѣдлое состояніе, само собою уничтожались и тѣ родовыя и племенныя отношенія, которыя соединяли бродячее и кочевое населеніе въ разнообразные, политическіе и общественные союзы. Во вторыхъ,

со временъ поселенія обродныхъ дружинъ, явились въ городахъ села и люди, не принадлежащіе городской общинѣ, и такимъ образомъ разрушилось единство городской общины, единство муниципальное. Бояре, поступавшіе на службу къ Князьямъ Рюрикова дома, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождались отъ власти своихъ собственныхъ племенныхъ Князей. Села и люди, принадлежавшіе въ округѣ города Князьямъ Рюрикова дома, ихъ женамъ и служилымъ людямъ, не имѣли никакого отношенія къ Боярамъ и ихъ племенному Князю, и принадлежали чаще всего такимъ лицамъ, которыя даже вовсе не жили въ общинѣ; ибо Князья Русскіе, ихъ жены и мужи, имѣли села не въ одномъ только городѣ, но въ разныхъ городахъ. Наконецъ, въ третьихъ, съ появленіемъ свободныхъ дружинъ пришли въ упадокъ и отношенія союзническія, на которыхъ основано было единство земель. Одни города, служившіе средоточіями соединенія земель, были разрушены, другіе пришли въ упадокъ. Городъ Искоростень, середи земли Древлянской, совершенно исчезъ съ лица земли; города Изборскъ, Любечъ и т. п., обратились въ ничтожныя поселенія. На союзнической землѣ построены Князьями Русскими новые города, стоявшіе внѣ всякой зависимости отъ Бояръ главнаго города. На мѣсто старыхъ средоточій явились новыя: въ Землѣ Суздальской сталъ возвышаться Владиміръ на Клязьмѣ, въ Землѣ Волынской Владиміръ Волынскій, въ Землѣ Вятичей Переяславль Рязанскій и т. п. Однѣ союзническія земли распались между нѣсколькими владѣтелями, другія, никогда не бывшія въ соединеніи, вошли въ составъ одного владѣнія: Земли прежняго Сѣверославянскаго союза распались на Княжества: Суздальско-Ростовское и Новгородское; изъ Земель союза Кривичей образовались Княжества: Смоленское и Полоцкое, принадлежавшія Князьямъ Рюрикова дома, и нѣсколько Литовскихъ Княжествъ, находившихся подъ властью инородныхъ Князей Варяжскихъ; союзничества Вятичей, Радимичей и Сѣверянъ вошли въ составъ Княжества Черниговскаго, а изъ союзничествъ Полянъ, Древлянъ, Дряговичей и т. д., образовалось Княжество Кіевское. Но не смотря на упадокъ всего строя, существовавшаго до временъ Рюрика, тѣмъ не менѣе, однако, этотъ строй въ XII столѣтіи еще не исчезъ совершенно. Еще не всѣ бродячіе и кочевые народцы были уничтожены и обращены въ осѣдлое состояніе. Какъ прежде, такъ и теперь, тамъ, гдѣ сохранилось бродячее населеніе, отдѣльные его роды соединялись въ большія единицы, въ племена, и сосѣднія племена и роды сходились въ священныхъ мѣстахъ для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ, для хозяйственныхъ сдѣлокъ и религіозныхъ дѣлъ. Еще не всѣ Бояре обратились въ служилыхъ людей Князей

Рюрикова дома, еще существовало многочисленное Боярство, не разрывавшее связей съ своими племенными Князьями. Какъ прежде, такъ и теперь, городъ, укрѣпленіе, служилъ средоточіемъ соединенія для всего окрестнаго сельскаго осѣдлаго населенія. По прежнему все сельское осѣдлое населеніе въ военное время искало убѣжища за стѣнами города. По прежнему Бояре и ихъ люди собирались въ города для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ, для дѣлъ религіозныхъ и для торговыхъ сдѣлокъ. Въ городѣ по прежнему хранилось все лучшее имущество осѣдлаго населенія; тамъ же находилась его религіозная святыня и его приходскіе храмы. Въ то время только въ немногихъ пригородныхъ селахъ, усадьбахъ и слободахъ находились храмы. По большей части села и слободы не имѣли ихъ, и для совершенія религіозныхъ требъ все осѣдлое сельское населеніе должно было стекаться въ городъ. По прежнему городъ былъ средой и для дѣятельности хозяйственной. Уже во времена Владимира Святаго выходили Княжескія постановленія, запрещавшія иноземнымъ купцамъ торговать по селамъ и слободамъ. Только при сосредоточеніи торговой дѣятельности въ городахъ и погостахъ, возможно было установить порядокъ въ собираніи торговыхъ пошлинъ, поступавшихъ въ пользу Князя. По этому понятно, почему Князья Русскіе запрещали иноземнымъ купцамъ торговать въ пригородныхъ селахъ и слободахъ. Не исчезло совершенно и господство городской Боярской знати надъ окрестнымъ бродячимъ населеніемъ. Бояре, какъ мы видѣли, сохранили долгое время господство надъ многими бродячими племенами, которыя покорены были ими еще до призванія Рюрика. Наконецъ, сохранились отчасти и связи союзническія. Далѣе мы увидимъ, что въ концѣ XII столѣтія, съ упадкомъ власти Князей Рюрикова дома и государственнаго устройства временъ Святополка, Мономаха и Мстислава, Бояре главныхъ городовъ, мѣстопребываній Княжеской власти, стали стремиться къ господству надъ всѣми городами своего Княжества, и достигли цѣли своихъ стремленій по всѣмъ окраинамъ Русской Земли, гдѣ наиболѣе Княжеская власть пришла въ упадокъ, и что такимъ образомъ въ концѣ домонгольскаго періода снова воскресли союзническія отношенія, основанныя на господствѣ знати главнаго города надъ знатью и всѣмъ населеніемъ окрестныхъ меньшихъ городовъ. Теперь замѣтимъ только, что союзническія отношенія между городами никогда не прекращались совершенно; что не было поры въ домонгольскомъ періодѣ, когда бы они совершенно уничтожились. Князья Рюрикова дома никогда не стремились разрушить старой строй, если къ тому не было никакого особеннаго повода. Но

этому и подъ ихъ властью во многихъ мѣстахъ продолжали существовать союзническія отношенія между городами въ своемъ первоначальномъ видѣ, и въ такомъ видѣ сохранились до XII столѣтія. Новгородцы, какъ въ первыя поры Варягорусскаго господства, такъ и въ началѣ XII столѣтія, всегда дѣйствовали и сносились съ Князьями Русскими, какъ представители всей Земли Новгородской; слѣдовательно, хотя часть городовъ Сѣверо-Славянскаго союза отошла къ Княжествамъ Суздальскому и Полоцкому, но города ближайшіе къ Новгороду, города, входившіе до позднѣйшихъ временъ въ составъ, такъ называемой, Земли Новгородской, какъ въ первыя поры Варягорусскаго господства, такъ и въ началѣ XII столѣтія, находились въ зависимости отъ Бояръ Новгородскихъ, хотя и не возможно рѣшить, въ чемъ заключалась эта зависимость. Еще въ XII столѣтіи упоминается въ лѣтописяхъ о Землѣ Вятичей; а если же существовала Земля, то, слѣдовательно, существовали въ ней и отношенія между городами, отношенія, на которыхъ основано было единство Земли. Что союзническія отношенія между городами земли Вятичей сохранились еще въ началѣ XII столѣтія, это доказываютъ и слова Мономаха, что онъ при жизни Всеволода ходилъ войною на Вятичей, на Ходоту и его сына. Если бы этотъ Ходота былъ только начальникомъ одного города, то едва ли онъ рѣшился бы возставать противъ власти Русскихъ Князей. Вѣроятнѣе всего, онъ былъ верховный Князь всей Земли Вятичей, какъ это видно и изъ словъ Мономаха, упоминавшаго о Ходотѣ, какъ о предводителѣ всѣхъ Вятичей. Наконецъ, несомнѣнно, что союзническія отношенія между городами сохранились отчасти въ своемъ прежнемъ видѣ въ началѣ XII столѣтія и на крайнемъ Юго-Западѣ, въ Землѣ Галицкой, гдѣ уже въ первыхъ подробныхъ извѣстіяхъ о дѣлахъ, происходившихъ въ этомъ Княжествѣ, извѣстіяхъ, относящихся впрочемъ уже ко второй половинѣ XII столѣтія, замѣтно господство Бояръ большихъ городовъ надъ Боярами меньшихъ городовъ, какъ это мы увидимъ дальше. И такъ, всѣ отношенія, родовыя, племенныя, общинныя и союзническія, которыя еще до временъ Рюрика соединяли на великой равнинѣ Восточной Европы отдѣльныя племена и общины въ разнаго рода политическіе союзы, продолжали существовать и въ началѣ XII столѣтія, и составляли первое звено, соединявшее на Русской Землѣ мелкія племена и общины въ большіе политическіе союзы. Но если эти отношенія, еще до временъ Рюрика, когда они были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, не могли соединить въ одно политическое цѣлое всѣ города и народы, находившіеся на землѣ, подвластной въ XII столѣтіи Князьямъ Рюрикова дома, то

тѣмъ менѣе они могли соединить ихъ въ одно цѣлое въ началѣ XII столѣтія, когда они уже отчасти разложились и пришли въ упадокъ. Какъ прежде, такъ и теперь, они служили только связью для мѣстныхъ политическихъ союзовъ, связью, менѣе совершенной въ XII столѣтіи, чѣмъ въ предыдущее время. Рядомъ съ этими отношеніями, соединявшими все населеніе осѣдлое, бродячее и кочевое, въ мѣстные политическіе союзы, въ началѣ XII столѣтія существовали иныя отношенія, вытекавшія изъ господства надъ разнородными стихіями, изъ которыхъ сложилось Русское Государство, варварскихъ дружинъ и поселенныхъ кочевниковъ, находившихся подъ верховною властью Князей Рюрикова дома, отношенія, которыя въ одно время и разлагали прежнее устройство, существовавшее до временъ Рюрика, и служили новымъ объединяющимъ началомъ для политическаго единства всей Русской Земли въ началѣ XII столѣтія.

Уже при первыхъ Варягорусскихъ Князьяхъ, Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ, всѣ города, подчиненные ихъ власти, соединены были въ одно политическое цѣлое; но это соединеніе было такъ же временно, шатко и непрочно, какъ непрочна, шатка и временна была власть Варягорусскихъ дружинъ. Вся связь между отдѣльными частями Русской Земли, при первыхъ Варягорусскихъ Князьяхъ, ограничивалась, съ одной стороны, обязанностію, лежавшей на побѣжденномъ населеніи, платить дань Русскимъ Князьямъ и участвовать въ ихъ военныхъ походахъ, съ другой стороны, подручной зависимостью Княжихъ мужей, сидѣвшихъ въ различныхъ частяхъ Русской Земли, отъ Князя Рюрикова дома. Но и эта связь, слабая и шаткая, по самому существу своему, и беспрерывно разрушаемая возстаніемъ побѣжденнаго населенія, существовала только до тѣхъ поръ, пока во главѣ всѣхъ Варягорусскихъ дружинъ, поселившихся на Востокѣ Европы, стоялъ одинъ верховный Князь — Князь Рюрикова дома. По смерти Святослава, съ размноженіемъ Князей Рюрикова дома, когда во главѣ всѣхъ Варягоруссовъ, поселившихся въ Руси, явилось нѣсколько равноправныхъ верховныхъ вождей, такъ какъ каждый Князь Рюрикова дома наслѣдовалъ по смерти своего отца всю совокупность принадлежавшихъ ему верховныхъ правъ надъ дружинами и побѣжденнымъ населеніемъ, Русская Земля распалась на нѣсколько отдѣльныхъ и самостоятельныхъ владѣній, между которыми не существовало никакой политической связи. Съ тѣхъ поръ, чѣмъ болѣе размножились Князья Рюрикова дома, тѣмъ болѣе Русская Земля, границы которой очерчены были оружіемъ первыхъ Варягорусскихъ Князей, распадалась на отдѣльныя владѣнія—Княжества. Это раздѣленіе не повело, однако, къ распаденію

Русской Земли не мелкія, самостоятельныя и обособленныя Государства. Среди этого самаго дробленія Русской Земли на отдѣльныя Княжества, помимо воли и сознанія Князей Рюрикова дома, возникло новое объединяющее начало: варварскія дружины и кочевники, смѣнившіе господство Варягоруссовъ на Востокѣ Европы. Чѣмъ болѣе размножались Князья и дробили Русскую Землю на отдѣльныя владѣнія—Княжества, тѣмъ болѣе размножались варварскія дружины и поселенные кочевники и пріобрѣтали власть надъ Русской Землей. По смерти Ярослава, когда Князья Русскіе, съ помощью сбродныхъ дружинъ и кочевниковъ, вступили въ постоянныя и прочныя отношенія къ побѣжденному населенію, въ слѣдствіе господства этихъ дружинъ и Князей надъ побѣжденнымъ населеніемъ, возникли между вождями этихъ дружинъ, на основаніи самаго ихъ господства надъ побѣжденнымъ населеніемъ, разнообразныя зависимыя отношенія. Эти зависимыя отношенія, соединивши всѣ сбродныя дружины въ одно цѣлое съ единымъ верховнымъ главою, соединили такимъ образомъ и всю Русскую Землю въ одно Государство, съ единой верховной властью и съ единымъ средоточіемъ, въ Государство, строй котораго былъ несравненно прочнѣе строя, соединявшаго Русскую Землю въ одно политическое цѣлое при первыхъ Варягорус[illegible]ихъ Князьяхъ. Какимъ же образомъ, на основаніи госпо[illegible]арварскихъ дружинъ надъ городами и бродячими наро[illegible]Земли, возникли зависимыя отношенія между [illegible]ружинъ, отношенія, соединившія всю Русскую Землю въ одно Государство?

Въ слѣдствіе размноженія Князей Рюрикова дома и обычая, существовавшаго между ними надѣлять каждаго изъ своихъ взрослыхъ сыновей еще при жизни особеннымъ владѣніемъ, съ правами Государственнаго владѣнія, Русская Земля въ началѣ XII стол. распалась, по числу Князей Рюрикова дома, на нѣсколько Княжествъ съ опредѣленными границами. [5] Каждое Княжество называлось по имени стольнаго города, въ которомъ жилъ Князь Рюрикова дома, и состояло изъ нѣсколькихъ городовъ съ окружавшими ихъ меньшими общинами. Стольный городъ назывался главнымъ городомъ, а меньшіе города—его пригородами. Каждое Княжество составляло особенное Государство, главою котораго былъ Князь Рюрикова дома, пользовавшійся, по праву происхожденія отъ первыхъ завоевателей Русской Земли, всѣми правами верховной власти въ своемъ Княжествѣ. Мы видѣли, что Варягорусскіе Князья, покоряя города и бродячее населеніе, пріобрѣли надъ завоеванными землями и городами право верховныхъ представителей, защитниковъ и покровителей, власть судебную и каратель-

ную, и право требовать съ побѣжденнаго и подчиненнаго имъ населенія разнаго рода кормы, сборы и повинности. Всѣми этими правами въ началѣ XII столѣтія пользовался каждый Князь Рюрикова дома въ своемъ Княжествѣ. Во первыхъ, каждый Князь въ своемъ Княжествѣ былъ верховный защитникъ и представитель всего населенія, живщаго на земли его Княжества: онъ принималъ и посылалъ посольства; объявляя войну, заключалъ миръ, собиралъ ополченія, распоряжался защитой городовъ при нападеніи непріятеля, и предводительствовалъ всѣми народными ополченіями въ военное время. Во вторыхъ, каждому Князю въ его Княжествѣ принадлежали права верховнаго суда и расправы: онъ рѣшалъ всѣ спорныя дѣла между отдѣльными общинами, коль скоро эти общины обращались къ его посредничеству, и наказывалъ всѣхъ нарушителей его воли и общественнаго мира. Наконецъ, въ третьихъ, каждому Князю принадлежало право Государственной собственности на всю землю его Княжества. Въ силу этого права, онъ распоряжался всѣми пустопорожними землями: безъ его воли никто не могъ овладѣвать пустопорожними пространствами въ его Княжествѣ: [6] онъ собиралъ дани, кормы и пошлины и требовалъ разнаго рода Государственныхъ повинностей; въ силу же этого права, по всей вѣроятности, онъ считался и собственникомъ [illegible]ѣхъ сокровищъ и складовъ, въ чьей бы землѣ они не находились. [illegible] крайней мѣрѣ, можно заключить изъ того, что лица, нашед[illegible]да и не объявившія о томъ Князю, призывались на его судъ и подвер[illegible] наказанію. [7]

Всѣ эти права распространялись на все населеніе Княжества; но власть Князя не была одинакова въ отношеніи ко всему населенію Княжества. Прежде всего Князь былъ начальникъ надъ людьми, посаженными на его собственныхъ земляхъ, на земляхъ, которыми онъ владѣлъ на правахъ частнаго владѣнія. Это были земли, имъ расчищенныя и заселенныя, или же имъ купленныя, либо конфискованныя отъ частныхъ владѣтелей. Со всего населенія, поселеннаго на такихъ земляхъ, онъ требовалъ не только общегосударственныхъ сборовъ и повинностей (даней, виръ, продажъ и т. д.), но также разнаго рода работъ и сборовъ, какихъ требовалъ всякій частный собственникъ съ людей, поселенныхъ на его земляхъ. Далѣе, Князь господствовалъ надъ всѣми вообще Боярами, изгоями, гридями, купцами и смердами. Въ отношеніи къ этому населенію власть Князя была ограничена. Здѣсь уже Князь господствовалъ не какъ частный собственникъ, но какъ правитель. Онъ требовалъ со всего этого населенія государственныхъ сборовъ и повинностей, но онъ не могъ

требовать отъ него ни личныхъ работъ, ни частныхъ сборовъ. Князь могъ распоряжаться произвольно всей землей своего Княжества, но земли, на которыхъ, при покореніи Русской Земли Варягоруссами, жило свободное населеніе и принадлежавшіе ему люди, а равно и земли, въ послѣдствіи времени заселенныя этимъ поселеніемъ, по праву не считались собственностью Князя. Бояре, по словамъ лѣтописи, оплакивали смерть Князя Владимира Святославича, какъ заступника ихъ Земли. Слѣдовательно, земля, на которой жили Бояре и ихъ люди, считалась Боярской собственностью, а не Княжеской, по крайней мѣрѣ, по частному праву. Князь былъ верховнымъ судьей въ своемъ Княжествѣ, но власть его судебная и карательная въ отношеніи къ этому населенію, какъ мы видѣли, ограничена была, съ одной стороны, властью господской,—властью всякаго господина надъ принадлежавшими ему людьми,—съ другой стороны,—властью племенныхъ начальниковъ, стоявшихъ во главѣ каждой общины, на которыя распадалось это населеніе. Наконецъ, Князь господствовалъ надъ всѣми вообще служилыми людьми. Съ уничтоженіемъ власти Варягоруссовъ, подручные Князья исчезли, и въ XII столѣтіи власть государственная Князя одинаково распространялась на всѣхъ его служилыхъ людей. Въ XII ст. Князья наказывали смертью, ссылали въ заточеніе и изгоняли изъ своего Государства самыхъ знатнѣйшихъ дружинниковъ. [8] Кромѣ отношеній общественныхъ, Князья, какъ намъ извѣстно, стояли въ отношеніи къ своимъ служилымъ людямъ еще въ особенныхъ личныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на частныхъ договорахъ. Частныя отношенія Князя къ его служилымъ людямъ, какъ намъ извѣстно изъ отношеній Варягорусскихъ Князей къ своимъ служилымъ людямъ и къ Чернымъ Клобукамъ, заключались въ слѣдующемъ: всѣ служилые люди обязаны были служить постоянно Князю на службѣ придворной, военной и правительственной, и за это получали вознагражденіе отъ Князя и средства жизни, или изъ частной казны Князя, или изъ государственныхъ доходовъ, или отъ уступленныхъ имъ Княземъ земель частнаго владѣнія. Способъ вознагражденія служилыхъ людей, свойство службы и отношеніе служилыхъ людей къ Князю, все это видоизмѣнялось, смотря по мѣсту, занимаемому служилыми людьми. Эти частныя личныя отношенія Князя къ его служилымъ людямъ, по всей вѣроятности, имѣли вліяніе на измѣненіе его отношеній къ нимъ общегосударственныхъ, такъ какъ служилые люди получали иногда вознагражденіе за свою службу отъ Княжескихъ государственныхъ доходовъ, то, по всей вѣроятности, села, которыми они владѣли, пользовались какими ни будь

льготами, по отношенію къ платежу даней и отправленію государственныхъ повинностей, хотя это и трудно доказать за недостаткомъ свѣдѣній.

Верховная власть Князя распространялась на всю область его Княжества, но Князь владѣлъ и управлялъ непосредственно лично только округомъ стольнаго города и немногими другими областями своего Княжества. Найбольшую же часть общинъ своего Княжества онъ отдавалъ во владѣніе и управленіе своей женѣ, своимъ дочерямъ и своимъ мужамъ. Каждое Княжество по этому распадалось: на земли, находившіяся подъ непосредственнымъ управленіемъ Князя, и земли, которыми владѣли и управляли Княжескіе мужи, Княжны, Княгини и ихъ мужи.

Въ общинахъ, находившихся подъ непосредственною властью Князя, Князь самъ лично вѣдалъ всякія дѣла, и частныя, и государственныя: самъ лично вѣдалъ домашнее хозяйство, управлялъ городомъ, защищалъ его отъ непріятеля; самъ лично разбиралъ спорныя дѣла и произносилъ приговоры; самъ лично хваталъ преступниковъ, подвергалъ ихъ допросу и часто собственноручно казнилъ ихъ смертью. Мономахъ говоритъ о себѣ, что онъ не зналъ покою ни днемъ, ни ночью, ни лѣтомъ, ни зимою, ни на войнѣ, ни на охотѣ, самъ дѣлалъ все, что было надобно: самъ непосредственно устраивалъ порядокъ въ домѣ, самъ смотрѣлъ за ловчими и конюхами, за сокольниками и ястребниками, и за порядкомъ церковной службы; самъ лично разбиралъ спорныя дѣла, изслѣдовалъ преступленія и наказывалъ виновныхъ. Такъ дѣйствовали и многіе другіе Князья Русскіе. Когда въ Кіевѣ монахи Печерскаго монастыря постригли Варлаама и Ефрема, то Князь Изяславъ послалъ за Игуменомъ Никономъ своихъ собственныхъ придворныхъ слугъ и самъ лично въ своемъ дворцѣ допросилъ виновнаго Игумена. Когда въ Новгородѣ, при Князѣ Глѣбѣ Ярославичѣ, волхвъ сталъ возмущать простой надодъ противъ духовенства, то Князь Глѣбъ явился передъ толпой съ вооруженными отроками, подозвалъ къ себѣ волхва, допросилъ его, и за тѣмъ собственноручно разсѣкъ его топоромъ. Когда Мстиславъ Святополковичъ узналъ, что два монаха Печерскаго монастыря открыли сокровище и не сообщили о томъ ему, то самъ лично со множествомъ воевъ отправился въ пещеры, схватилъ Ѳедора и приказалъ своимъ отрокамъ подвергнуть его пыткѣ огнемъ и ранами. Послѣ неудачнаго допроса, не приведшаго ни къ какимъ послѣдствіямъ (ибо Ѳедоръ не сознавался), Мстиславъ послалъ въ пещеры своихъ отроковъ за другимъ монахомъ, за Василіемъ, и подвергъ и этого монаха пыткѣ въ своемъ

присутствіи. Когда Василій подъ пыткой сталъ укорять Князя, то послѣдній, по словамъ повѣствованія, не стерпѣвши обличенія, распаленный виномъ, натянулъ свой лукъ и спустилъ стрѣлу въ Василія. [9]

Хотя Князь въ общинахъ, находившихся подъ непосредственной его властью, самъ лично съ своими отроками вѣдалъ всякія дѣла, и частныя и государственныя; но такъ какъ онъ часто отлучался по дѣламъ войны, или для путешествій, по землямъ своего Княжества, по этому онъ не могъ во всякое время непрерывно вѣдать всѣми дѣлами самъ лично, даже въ тѣхъ округахъ, которые находились подъ непосредственною его властью. Для непрерывнаго отправленія дѣлъ необходимы были ему помощники. Такими помощниками въ общинахъ, находившихся подъ непосредственной его властью, были его собственные приказчики—Тіуны. Мы видѣли, что при дворахъ первыхъ Варягорусскихъ Князей существовали Тіуны, разныхъ степеней и наименованій, завѣдывавшіе отдѣльными частями Княжескаго придворнаго хозяйства. Такіе Тіуны были и при дворахъ Русскихъ Князей XII столѣтія. [10] Но, кромѣ Тіуновъ придворныхъ, въ XII столѣтіи встрѣчаются Тіуны съ правительственнымъ, государственнымъ значеемъ, Тіуны, управлявшіе цѣлыми общинами. Первое мѣсто между Тіунами-правителями занималъ Тіунъ стольнаго города, Тіунъ, постоянно находившійся возлѣ Князя въ стольномъ городѣ. Главнымъ предметомъ его дѣятельности были дѣла судебныя. Онъ судилъ и наказывалъ жителей столичнаго города, собиралъ съ нихъ виры и продажи, грабилъ, мучилъ ихъ и продавалъ въ рабство. [11]

Мы видѣли, что въ каждомъ стольномъ городѣ были начальники—Тысяцкій и Соцкіе, которые тоже вѣдали судомъ и полиціей въ городѣ и назначались Княземъ. Возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи власть Тіуна стольнаго города стояла къ власти Тысяцкихъ? Во первыхъ, Тіунъ стольнаго города имѣлъ власть совершенно самостоятельную и независимую отъ власти Тысяцкаго и Соцкихъ. По смерти Святополка посадскіе люди Кіева грабятъ дворы Соцкихъ и Тысяцкаго, но не трогаютъ Тіуна; между тѣмъ по смерти Всеволода Ольговича грабятъ дворы Тіуна и Мечниковъ, но не нападаютъ ни на Тысяцкаго, ни на Соцкихъ. Просьба Кіевлянъ, чтобы Ольговичи, Игорь и Святославъ, сами лично судили людей, а не чрезъ Тіуновъ, ясно показываетъ, что они смотрѣли на Тіуна, какъ на лицо, непосредственно подчиненное Князю и не имѣющее никакого отношенія къ Тысяцкому и Соцкимъ. Во вторыхъ, Тивунъ стольнаго города оставался въ городѣ, когда Князь съ дружиной и городское ополченіе съ Тысяц-

кимъ отправлялись въ походъ. Такъ въ то время, когда Кіевскій Князь, Мстиславъ Мономаховичъ, ходилъ на Литву съ дружиною и Кіевскимъ полкомъ, Тіунъ его, Прохоръ Васильевичъ, оставался въ городѣ и вѣдалъ судомъ. [12] Отсюда можно заключить, что Тіунъ стольнаго города заступалъ мѣсто Князя въ управленіи городомъ, когда Князь отлучался изъ города, и былъ единственнымъ представителемъ верховной правительственной власти, когда ни Князя, ни Тысяцкаго не было въ городѣ. Отсюда же можно заключить, что Тіунъ стольнаго города не имѣлъ военной власти, по крайней мѣрѣ, въ обыкновенное время, и, слѣдовательно, былъ больше правитель гражданскій, чѣмъ военный. Въ третьихъ, изъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ и повѣствованій видно, что многія дѣла спорныя производились въ присутствіи Тысяцкаго и Тіуна и рѣшались ими сообща. По всей вѣроятности, это были спорныя дѣла между людьми, подчиненными непосредственно Княжеской власти, и людьми, находившимися подъ властью Бояръ и другихъ начальниковъ общественныхъ корпорацій, на которыя распадалось все свободное городское населеніе. Но очень можетъ быть, что, при всякомъ спорномъ дѣлѣ, рѣшаемомъ Тысяцкимъ, присутствовалъ и Княжескій Тіунъ, для взысканія судебныхъ пошлинъ и Княжескихъ пеней. [13] Наконецъ, въ четвертыхъ, Тіунъ стольнаго города былъ собственно начальникъ служилыхъ людей низшихъ разрядовъ и промышленнаго населенія. [14] Власть его, кажется, не распространялась ни на Бояръ, ни на Княжескихъ мужей. Въ 1146 году, когда посадскіе люди Кіева, по смерти Всеволода Ольговича, грабили дворы Тіуна и Мечниковъ умершаго Князя и не хотѣли признать власти его брата Игоря, Бояре не принимали никакого участія въ возстаніи посадскихъ людей и оставались на сторонѣ Ольговичей: ясный знакъ, что они не подвергались грабительствамъ и насиліямъ со стороны этого Тіуна и подчиненныхъ ему служилыхъ людей.

Князь, владѣтель стольнаго города, оставлялъ въ непосредственномъ владѣніи не только стольный городъ съ его округомъ, но и многія другія общины, городскія и сельскія, своего Княжества. По этому Тіуны съ правительственною властью встрѣчаются не только въ стольныхъ городахъ, но и въ нѣкоторыхъ пригородахъ. Такъ, въ то время, когда Тіунъ Кіевскаго Князя, Всеволода Ольговича, Ратша, грабилъ Кіевъ, другой Тіунъ этого же самаго Князя, Тудодъ, грабилъ Кіевскій пригородъ—Вышгородъ.

Княжескія села, слободы и погосты, находившіеся подъ непосредственною властью Князя, управлялись особенными Тіунами,

которые назывались Старостами, и были двухъ родовъ: сельскіе и ратайные. Если подъ сельскими Тивунами нужно понимать Тивуновъ, управлявшихъ Княжескими селами, усадьбами, то подъ Тивунами ратайными нужно понимать Тіуновъ, управлявшихъ Княжескими слободами, или Княжескими погостами. Тіуны - старосты, сельскіе и ратайные составляли самый низшій разрядъ Тіуновъ: они назначались изъ Княжескихъ рабовъ; за ихъ убійство платилась такая же вира, какъ и за убійство Княжескихъ рабовъ ремесленниковъ. Тіуны сельскіе и ратайные судили и наказывали Княжескихъ людей, приводили въ исполненіе всѣ Княжескія постановленія, собирали Княжескіе доходы и вѣдали всѣми вообще управительными и хозяйственными дѣлами въ своихъ общинахъ, надъ которыми они начальствовали. Власть ихъ не была исключительно гражданская: во время Ярослава, смерды Новгородской Земли отправлялись въ походъ противъ Святополка подъ начальствомъ Княжескихъ старостъ.[15]

Сверхъ Тіуновъ придворныхъ и управлявшихъ городскими и сельскими общинами, находившимися подъ непосредственной властью Князя, были еще Тіуны, назначавшіеся для временнаго исполненія какихъ ни будь дѣлъ, на примѣръ, для устройства укрѣпленія, или же для завѣдыванія какими ни будь особенными дѣлами, на примѣръ, для сбора мыта, торговыхъ пошлинъ и т. д. Тіуны съ особеннымъ назначеніемъ были не только въ общинахъ, находившихся подъ непосредственной властью Князя, но и въ такихъ общинахъ, которыя находились во владѣніи Княжескихъ мужей. Княжескіе Тіуны, назначенные для какихъ либо особенныхъ дѣлъ въ округи, находившіяся во владѣніи Княжихъ мужей, не вмѣшивались въ общее управленіе, а вѣдали, подъ непосредственнымъ досмотромъ Князя, тѣми особенными дѣлами, къ которымъ были приставлены.[16]

И Тіуны, управлявшіе цѣлыми общинами, и Тіуны, вѣдавшіе временными и особенными дѣлами, находились въ совершенной зависимости отъ Князя: Князь назначалъ ихъ, смѣнялъ и ссылалъ въ заточеніе;[17] но степень ихъ власти, такъ какъ они были самыми ближайшими помощниками Князя, много зависѣла отъ личности послѣдняго. При Князѣ строгомъ, любившемъ лично заправлять всѣми дѣлами, Тіуны обращались въ простыхъ исполнителей его воли. Но при Князьяхъ слабыхъ и лѣнивыхъ, Тіуны пріобрѣтали большое значеніе и пользовались безграничной властью. По словамъ Мономаха, онъ никогда не полагался на своихъ отроковъ и правителей, и самъ лично защищалъ всѣхъ и каждаго отъ обидъ и насилій. Но въ послѣдніе годы Всеволодовой жизни, по словамъ лѣто-

писи, до людей не доходило Княжей правды: Тіуны грабили и продавали людей, а Князь больной ничего не зналъ, что дѣлается вокругъ его. То же самое повторилось и въ Княженіе Всеволода Ольговича, хотя и по другимъ причинамъ. Всеволодъ Ольговичъ, проводя жизнь въ распутствѣ, не имѣлъ времени самъ лично управлять и судить людей и наблюдать за дѣятельностью своихъ приказчиковъ. Пользуясь безповѣрочною властью, Тіуны, во время его Княженія, дѣлали, что хотѣли, ни чѣмъ не стѣсняясь. [18]

Отъ Князя зависѣло отдать тѣ, или другія, общины во владѣніе своему мужу, или же оставить ихъ въ непосредственномъ владѣніи и управлять ими лично при помощи своихъ отроковъ и приказчиковъ. По этому, одни и тѣ же города, въ различное время, находились то подъ управленіемъ Княжескихъ Тіуновъ, то подъ властью Княжихъ мужей. Такъ, при Изяславѣ городъ Вышгородъ находился во владѣніи Княжаго мужа, а во время Всеволода Ольговича подъ управленіемъ Княжескаго Тіуна. [19]

Княжіе мужи, управлявшіе отдѣльными городами, или же обширными округами, волостями, состоявшими изъ соединенія нѣсколькихъ общинъ, назывались Посадниками. [20] Посадники, подобно Князьямъ, сосредоточивали въ своемъ лицѣ и власть военную, и гражданскую, и судебную, и управительную. Они строили укрѣпленія, предводительствовали населеніемъ въ военное время, защищали городъ отъ нападенія непріятеля и предпринимали походы противъ чужестранныхъ пограничныхъ народовъ; [21] они же собирали дани, виры и продажи и всѣ Княжескіе доходы, [22] завѣдывали полиціей и порядкомъ въ городѣ, производили судъ и получали отъ него доходы, наказывали виновныхъ, и собственной властью сажали ихъ въ заключеніе, мучили и казнили смертью. [23] Подобно Княжеской власти, и власть Посадниковъ распространялась на Бояръ, смердовъ, посадскихъ людей и вообще на все населеніе, жившее въ ихъ округѣ по городамъ, селамъ, слободамъ, погостамъ, станамъ и вежамъ. [24] Подобно Княжеской власти, и власть Посадниковъ, въ отношеніи къ общественнымъ корпораціямъ, была ограничена въ такой же степени, какъ и власть Князя: она не распространялась на дворовыхъ людей и на всѣ тѣ взаимныя отношенія, которыя, по обычаю, или закону, подлежали суду племенныхъ начальниковъ общественныхъ корпорацій. Подобно Князьямъ, и ихъ Посадники управляли своими городами и областями посредствомъ собственныхъ дворовыхъ слугъ и Тіуновъ, но сверхъ того, подъ начальствомъ Посадниковъ находились и всѣ Княжескіе служилые люди, жившіе въ томъ городѣ, которымъ они управляли:

они назначали ихъ на всякія службы. [25] Но власть Посадниковъ была ограничена властью Князя: они не были самостоятельными владѣтелями, но только представителями Княжеской власти. Когда Князь овладѣвалъ городомъ, по праву, или населіемъ, то сажалъ тамъ своего Посадника и изгонялъ, или забиралъ въ плѣнъ Посадника прежняго Князя. По волѣ Князя Посадники назначались, смѣнялись, переводились изъ города въ городъ, ссылались въ заточеніе и подвергались смертной казни. [26] Какъ представители Княжеской власти, они господствовали только до тѣхъ поръ, пока не было Князя. Когда Князь пріѣзжалъ въ городъ и вступалъ въ личное завѣдываніе дѣлами, правительственная власть Посадника прекращалась и уступала мѣсто правительственной власти Князя. [27] Какъ представители Княжеской власти, Посадники обязаны были доносить Князю о всѣхъ событіяхъ, случившихся въ городѣ, выступать въ походъ по требованію Князя со всѣми подчиненными имъ людьми, приводить въ исполненіе всѣ постановленія и распоряженія Князя и соображаться въ своей судебной и правительственной дѣятельности съ уставными и жалованными грамотами, выданными Княземъ отдѣльнымъ лицамъ, или общинамъ, того города, которымъ они управляли. Наконецъ, какъ представители Княжеской власти, Посадники не имѣли права собирать дани, виры и продажи и всякіе вообще доходы въ большемъ количествѣ, чѣмъ слѣдовало по уставнымъ грамотамъ и Княжескимъ предписаніямъ, и не имѣли права распоряжаться собранными доходами по собственному произволу. Обыкновенно, по предписанію, или личному распоряженію, Князя, одну часть Княжескихъ доходовъ Посадники издерживали на содержаніе Княжескихъ служилыхъ людей и духовенства, на постройку церкви и на другія мѣстныя общественныя потребности, другую отсылали въ руки Князя, а третью часть удерживали для собственнаго потребленія. Кромѣ части отъ Княжескихъ доходовъ, Посадники, въ вознагражденіе за свою службу, имѣли право собирать исключительно для собственной пользы нѣкоторыя карательныя и судебныя пошлины; но и карательныя, и судебныя, пошлины собирались всегда въ опредѣленномъ количествѣ и сообразно съ уставными грамотами и предписаніями Князя. [28]

Такимъ образомъ власть Посадниковъ XII столѣтія во многомъ сходна была съ властью подручныхъ Князей Варягорусскаго происхожденія Какъ подручные Князья Варяжской поры, такъ и Посадники XII столѣтія, получали отъ Князей Рюрикова дома отдѣльные города и цѣлыя страны для владѣнія и управленія. Какъ подручные Князья, такъ и Посадники, имѣли въ своихъ рукахъ власть всеобъемлющую

и сосредоточенную но власть зависимую, связанную разнаго рода обязательствами по отношенію къ верховнымъ начальникамъ, отъ которыхъ они находились въ зависимости. Какъ подручные Князья, такъ и Посадники употребляли государственные доходы на собственныя надобности, но часть собранныхъ ими государственныхъ доходовъ обязаны были доставлять и своимъ верховнымъ начальникамъ. Но, не смотря на это сходство, власть Посадниковъ, однако, была несравненно ограниченнѣе власти подручныхъ Князей Варягорусской поры. Подручные Князья имѣли право передать уступленныя имъ владѣнія своимъ дѣтямъ и даже постороннимъ лицамъ, между тѣмъ Посадники не имѣли этого права. Подручные Князья управляли уступленными имъ владѣніями совершенно произвольно, не какъ представители Княжеской власти, но какъ самостоятельные владѣтели, между тѣмъ Посадники управляли отъ имени Княжеской власти, какъ ея представители, и всѣ отношенія ихъ къ управляемому населенію опредѣлялись Княжескими грамотами и распоряженіями. Подручные Князья, за нарушеніе своихъ служебныхъ обязанностей, подвергались лишенію только уступленныхъ волостей, между тѣмъ Посадники, за нарушеніе такихъ же обязанностей, наказывались иногда личными заточеніемъ и смертью. Такимъ образомъ, варвары, смѣнивши господство Варягоруссовъ, не только измѣнили названіе мѣстныхъ правителей, но и самое существо ихъ власти: съ уничтоженіемъ господства Варягоруссовъ власть мѣстныхъ областныхъ правителей едѣлалась несравненно ограниченнѣе и слабѣе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, области вступили въ большую зависимость отъ средины, и государственное единство сдѣлалось прочнѣе, чѣмъ въ прежнее время. Нельзя, однако, утверждать, чтобы въ XII столѣтіи ослабленіе власти мѣстныхъ правителей было общимъ, повсемѣстнымъ, явленіемъ. По всей вѣроятности, власть Посадниковъ въ XII столѣтіи разнообразилась по мѣсту и времени, и еще въ XII столѣтіи во многихъ мѣстахъ существовали Посадники съ такою же властью, какою пользовались подручные Князья первыхъ Варягорусскихъ Князей. Трудно предположить, чтобы власть какого ни будь Посадника Василія, назначеннаго Святополкомъ во Владимиръ, была одинакова съ властью Греческаго Царевича, Андроника, которому Князь Галицкій, Владимирко отдалъ нѣсколько городовъ по Дунаю на утѣшеніе.

Первоначально, пока вездѣ существовали Славянскіе Князья съ наслѣдственной властью, во всѣхъ городахъ, гдѣ были Бояре, возлѣ Посадника находился и Воевода Тысяцкій. [29] И Посадникъ и Тысяцкій завѣдывали одними и тѣми же дѣлами, оба были и военачальниками,

и судьями, и правителями. Все различіе между посадникомъ и Тысяцкимъ заключалось въ пространствѣ власти. Посадникъ, какъ представитель Княжеской власти, былъ верховнымъ военачальникомъ, судьей и правителемъ надъ всѣмъ городомъ, но непосредственно управлялъ только своими собственными людьми и людьми, не принадлежавшими къ Славянскому обществу; между тѣмъ Тысяцкій-Воевода, какъ племенной начальникъ Славянскаго населенія, вѣдалъ Бояръ и ихъ людей и, по всей вѣроятности, находился въ зависимости отъ Посадника. Но съ тѣхъ поръ, какъ Тысяцкіе-Воеводы изъ наслѣдственныхъ владыкъ обратились въ правителей, назначаемыхъ Княземъ, и явились новые города, населенные только промышленнымъ сословіемъ и служилыми людьми, должности Посадника и Тысяцкаго стали сливаться въ одну должность. Для Князя не представлялось никакой надобности раздѣлять власть надъ новыми городами, населенными исключительно промышленными и служилыми людьми, между двумя лицами, или же отдавать въ управленіе одинъ и тотъ же старый городъ двумъ лицамъ, изъ которыхъ одно было бы постояннымъ начальникомъ надъ Боярами и ихъ людьми, а другое верховнымъ правителемъ города и временнымъ намѣстникомъ Князя. Естественнѣе и проще было вручить власть надъ всѣмъ городомъ одному только лицу, особенно, если городъ былъ новый, не имѣвшій Боярства, или же, если лицо, которому отдавался старый городъ, по своему происхожденію и общественному положенію, могло по праву господствовать не только надъ простымъ населеніемъ, но и надъ всѣми вообще Боярами. Такъ дѣйствительно и поступали Князья Русскіе: они вручали иногда племеннымъ Славянскимъ Князьямъ и знатнѣйшимъ мужамъ иногородческаго происхожденія исключительную единоличную власть надъ всѣмъ населеніемъ города, то есть, соединяли въ ихъ лицѣ обѣ должности, и Тысяцкаго и Посадника, и попеременно назначали однихъ и тѣхъ же мужей то посадскими, то Тысяцкими. Такимъ образомъ, въ XII столѣтіи, явились не только новые, но и старые города, управляемые однимъ только правителемъ, который въ одно и то же время былъ и Посадникъ и Тысяцкій. [30] Такое смѣшеніе должностей Посадника и Тысяцкаго отразилось и на языкѣ тогдашняго времени. Съ тѣхъ поръ, какъ должность Посадника стала соединяться съ должностью Тысяцкаго, оба названія стали употребляться безразлично. Такъ, Георгій Шимоновичъ, сынъ Варяга Шимона, державшій власть надъ всей Суздальской Землей отъ имени Мономаха и Юрія Мономаховича, и, слѣдовательно, бывшій Посадникомъ, управлявшимъ многими городами, въ Южнорусскихъ лѣтописяхъ и повѣствованіяхъ называется Тысяц-

кимъ и Княземъ; [31] между тѣмъ какъ, по своему Варяжскому происхожденію, ни онъ, ни его предки, никогда не были племенными начальниками Славянскаго населенія; да и по самому свойству принадлежавшей ему власти, какъ лицо, управлявшее цѣлой страной, состоявшей изъ многихъ городовъ, онъ не можетъ быть названъ Тысяцкимъ.

Только въ Новгородѣ постоянно, до позднѣйшихъ временъ, возлѣ Посадника находится и Тысяцкій. Но здѣсь оба правителя, и Тысяцкій и Посадникъ, имѣли совершенно иное значеніе, чѣмъ въ другихъ городахъ Руси. Городъ Новгородъ состоялъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ рѣкою Волховъ: Софійской стороны, расположенной по лѣвую сторону Волхова, и Торговой стороны, по правую сторону Волхова. Софійской стороной назывался Старославянскій городъ, или вѣрнѣе, нѣсколько Славянскихъ городовъ, соединенныхъ въ одинъ городъ, населенный Боярами и ихъ людьми; Торговой стороной,—новый городъ, построенный Рюрикомъ, гдѣ жили купцы и Нѣмцы, и гдѣ находились иноземные торговые дворы и былъ дворъ Русскаго Князя. [32] И та, и другая, сторона имѣла своего особеннаго начальника. По Новгородскимъ лѣтописямъ и актамъ XII столѣтія и позднѣйшихъ столѣтій, начальникъ Старославянской части, управлявшій Боярами и ихъ людьми, называется Новгородскимъ Посадникомъ, а начальникъ купцовъ и всей вообще Торговой стороны—Новгородскимъ Тысяцкимъ. [33] Такъ какъ въ Новгородѣ и тотъ и другой правитель, и Посадникъ и Тысяцкій, имѣли такое же племенное значеніе, какое въ другихъ городахъ имѣлъ только Тысяцкій-Воевода, по этому въ Новгородѣ оба правителя постоянно остаются при Князѣ; между тѣмъ какъ въ другихъ городахъ, гдѣ былъ Князь, тамъ былъ Тысяцкій, но не было Посадника. Первоначально и въ Новгородѣ племенной начальникъ Бояръ и Старославянской части называется Тысяцкимъ, а возлѣ него, въ той же части города, на Софійской сторонѣ, находится правитель, который назначается Княземъ и называется Посадникомъ. Такъ, по Іоакимовской лѣтописи, во время крещенія Новгорода, при Владимірѣ, Тысяцкій Новгородскій Угоняй живетъ на Старославянской части, гдѣ имѣетъ свой домъ, и защищаетъ, съ Боярами и ихъ людьми, языческихъ боговъ, а возлѣ него, въ томъ же Старославянскомъ городѣ находится дворъ Княжескаго Посадника, Добрыни. Но послѣ Владиміра оба правителя Старославянской стороны, и наслѣдственный племенной и Княжескій, исчезаютъ, а вмѣсто ихъ на Старославянской сторонѣ является одинъ только правитель, съ властью племенной, отчасти наслѣдственной, отчасти по назначенію Князя. Этотъ правитель, на-

чальникъ Бояръ и ихъ людей, въ Сѣвернорусскихъ актахъ и лѣтописяхъ, какъ уже замѣчено, называется Посадникомъ, но въ лѣтописяхъ другихъ Княжествъ называютъ его иногда по старому Тысяцкимъ, такъ же точно, какъ и начальника Торговой стороны, такъ что оба правителя по лѣтописямъ другихъ Княжествъ называются Тысяцкими.[34] Что касается до Тысяцкаго Торговой стороны, то замѣчательно, что нѣтъ никакихъ извѣстій, чтобы онъ когда либо назначался Княземъ. Новгородскія лѣтописи, обстоятельно упоминая о всѣхъ Посадникахъ, присылаемыхъ въ Новгородъ Княземъ, до второй половины XII столѣтія не упоминаютъ о Тысяцкихъ, начальникахъ Торговой стороны. Извѣстіе о Тысяцкомъ Торговой стороны въ первый разъ встрѣчается въ Уставѣ Всеволода Мстиславича, 1134 года. Но въ лѣтописяхъ начинаютъ упоминать о немъ только со второй половины XII столѣтія, когда Княжеская власть пришла въ упадокъ, и оба правителя города Новгорода, и Старославянской, и Нѣмецкой стороны, стали низвергаться и возводиться по водѣ борющихся партій. Такое молчаніе Новгородскихъ лѣтописей до второй половины XII столѣтія о Тысяцкомъ Торгоговой стороны заставляетъ предполагать, что первоначально на Торговой сторонѣ, гдѣ жилъ Русскій Князь и не было Боярства, не было и племеннаго начальника, и онъ явился уже въ позднѣйшія времена, съ упадкомъ Княжеской власти, въ слѣдствіе возгорѣвшейся борьбы между Славянскимъ и Нѣмецкимъ городомъ.

Княжны и Княгини получали во владѣніе, или отдѣльныя общины (села и слободы), или цѣлые округи, волости, состоявшіе изъ города и окружавшихъ его меньшихъ общинъ.[35] Надъ уступленными имъ землями, а также надъ пріобрѣтенными ими посредствомъ купли и заведенія новыхъ поселеній, Княжны и Княгини имѣли не только права владѣльческія, частныя, но и многія изъ правъ государственныхъ. Со всѣхъ своихъ земель онѣ собирали дани, торговыя и судебныя пошлины, и имѣли власть карательную и судебную надъ всѣми людьми, поселенными на ихъ земляхъ. Подобно Князьямъ, онѣ управляли своими владѣніями посредствомъ собственныхъ своихъ Тіуновъ и Посадниковъ, и имѣли надъ послѣдними такую же власть, какая принадлежала Князю по отношенію къ его Тіунамъ и Посадникамъ. Но власть Княженъ и Княгинь не была властью самостоятельною. Всѣ люди, поселенные на ихъ земляхъ, признавали верховную власть Князя. Служилые люди, управлявшіе землями Княженъ и Княгинь, обязаны были приводить въ исполненіе не только распоряженія своихъ владѣтельницъ, но и всѣ постановленія Князя. Населеніе, жившее на земляхъ Княженъ и Княгинь, кромѣ даней, оброковъ и повинностей

владѣльческихъ, подлежало и повинностямъ общегосударственнымъ въ пользу Князя. [36]

И такъ, всѣ лица, управлявшія, или владѣвшія, отдѣльными общинами, или цѣлыми округами-волостями, въ большей, или меньшей, степени пользовались политическими правами, но всѣ они, въ большей, или меньшей, степени ограничены были верховной властью Князя. На этой зависимости Тіуновъ, Мужей, Посадниковъ, Княженъ и Княгинь отъ верховной власти Князя, основано было политическое единство Княжества. Это единство видимымъ образомъ выражалось и поддерживалось общенародными ополченіями, общекняжескими думами и съѣздами и періодическими путешествіями Князя по землямъ своего Княжества.

Въ военное время, по призыву Князя, всѣ Посадники, Тысяцкіе, сельскіе и ратайные Тіуны, стекались со всего Княжества къ назначенному мѣсту и соединялись въ одно общенародное ополченіе, надъ которымъ начальствовалъ самъ Князь, или назначенный имъ Воевода, изъ его родственниковъ, или мужей. [37] Созываемыя такимъ образомъ отъ времени до времени ополченія, несомнѣнно, сближали между собою населеніе всего Княжества и видимымъ образомъ выражали верховное главенство Князя надъ всей землей Княжества.

Кромѣ съѣздовъ для военныхъ предпріятій, въ XII столѣтіи существовали съѣзды и въ мирное время для мирныхъ цѣлей. Обыкновенно Князья, по всѣмъ дѣламъ, касающимся внутренняго порядка и устройства и внѣшнихъ сношеній, съ древнѣйшихъ временъ совѣщались съ своими дружинниками, духовенствомъ, Боярами и знатнѣйшими представителями городскаго населенія. Хотя такіе совѣты или Княжескія думы имѣли строго вельможеское свойство; ибо въ нихъ принимали участіе только знатнѣйшіе дружинники, Бояре и представители городскихъ общинъ, и при томъ по приглашенію, а не по выбору, однако они не имѣли ни опредѣленнаго состава, ни опредѣленныхъ предметовъ вѣдомства. Князья приглашали на думу, кого хотѣли, и предлагали на ея рѣшеніе вопросы по собственному благоусмотрѣнію. Иногда Князь совѣщался только съ собственнымъ семействомъ и придворной дружиной. [38] Иногда на совѣщаніе приглашались знатнѣйшее духовенство, Бояре и старцы градскіе стольнаго города. Иногда, кромѣ знатнѣйшихъ лицъ стольнаго города, Князь приглашалъ на думу своихъ Посадниковъ, Тысяцкихъ и другихъ знатнѣйшихъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія отъ всѣхъ, или нѣкоторыхъ, городовъ своего Княжества. Въ послѣднемъ случаѣ придворная дума обращалась въ общекняжескую думу, или въ общекняжескій

съѣздъ. Какъ неопредѣленъ и непостояненъ былъ составъ думы, такъ неопредѣленны и непостоянны были предметы ея занятій. Владимиръ съ Боярами, гридями, сотскими и десятскими и нарочитыми мужами стольнаго города, думалъ объ устройствѣ Земли и о военныхъ дѣлахъ. Онъ же, по совѣту Бояръ и старцевъ градскихъ, порѣшилъ принять Христіянскую Вѣру, а по совѣту Епископовъ, Бояръ и старцевъ градскихъ отмѣнилъ виры и сталъ казнить разбойниковъ; Мономахъ на съѣздѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ знатныхъ его дружинниковъ и Тысяцкихъ отъ разныхъ городовъ Приднѣпровья, издалъ законъ о процентахъ, а Святополкъ, въ совѣтѣ съ своими дружинниками, порѣшилъ задержать пословъ Половецкихъ. [39] Такимъ образомъ на думахъ, или съѣздахъ мѣстныхъ, въ отдѣльныхъ Княжествахъ рѣшались и дѣла правительственныя, и дѣла законодательныя, и внѣшнія отношенія. Сверхъ того на нихъ рѣшались и дѣла судебныя особенной важности, на примѣръ, имущественные споры, возникавшіе между Епископомъ и частными лицами, и произносились иногда приговоры надъ знатнѣйшими виновными лицами духовнаго и свѣтскаго званія: надъ Епископами, Боярами, дружинниками и т. д. [40]

Кромѣ съѣздовъ для военныхъ предпріятій, для дѣлъ совѣщательныхъ и судебныхъ, были съѣзды для празднествъ и пиршествъ и для выслушанія предсмертныхъ распоряженій Князя, какъ представители Княжества должны поступать послѣ его смерти. Такими съѣздами особенно прославилось княженіе Владимира Святаго; но они были въ ходу и въ позднѣйшее время въ отдѣльныхъ Княжествахъ въ теченіе всего Монгольскаго періода. [41]

Мѣстные съѣзды въ отдѣльныхъ Княжествахъ служили для увеселеній, для празднествъ, для рѣшенія дѣлъ законодательныхъ, правительственныхъ и военныхъ; но изъ дѣлъ судебныхъ подлежали ихъ вѣдѣнію только дѣла чрезвычайныя, особенной важности. Для верховнаго суда по обыкновеннымъ дѣламъ, а также для провѣрки за дѣятельностію мѣстныхъ правителей, самъ Князь, въ извѣстное время года, съ своими придворными мужами и дворовыми людьми объѣзжалъ всѣ волости своего Княжества. Онъ посѣщалъ принадлежавшіе ему города, села, слободы и погосты, вездѣ выслушивалъ жалобы на своихъ правителей, рѣшалъ спорныя дѣла, наказывалъ виновныхъ, получалъ изъ рукъ своихъ правителей собранные ими доходы, а отъ своихъ подданныхъ подарки. [42] Не всегда Князья сами лично могли объѣзжать свои волости; по этому иногда съ этой цѣлью они посылали своихъ мужей. Не всегда объѣзды Князей и ихъ придворныхъ мужей совершались для провѣрки и верховнаго суда. Несомнѣнно еще

въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтія существовали города и погосты, не имѣвшіе мѣстныхъ правителей, назначенныхъ Княземъ. Такія волости Князья, или ихъ мужи, посѣщали съ такою же цѣлью, съ какою совершали объѣзды первые Варягорусскіе Князья, а именно, для сбора даней и Княжескихъ доходовъ.

Такимъ образомъ господство сбродныхъ варварскихъ дружинъ и дворовъ, находившихся подъ верховнымъ начальствомъ Князя, соединяло все населеніе Княжества, помимо всякихъ родовыхъ, племенныхъ, общинныхъ и союзническихъ связей, въ одно политическое цѣлое, съ единымъ главой, съ единой средой, съ опредѣленными границами и съ общими установленіями. Но хотя каждое Княжество составляло одно политическое цѣлое, но Русскія Княжества въ началѣ XII столѣтія не были обособленными Государствами съ опредѣленными сплошными областями и съ постоянной, установившейся властью. Раздѣляя между собою Русскую Землю, Князья не имѣли въ виду выдѣлить каждый для себя особенную сплошную область. Часто Князья брали себѣ владѣнія въ разныхъ мѣстахъ Русской Земли. Часто, при выборѣ себѣ тѣхъ, или другихъ, городовъ, они обращали вниманіе на близость ихъ отъ Кіева на степень богатства и нравственныя свойства ихъ населенія, но не считали для себя особенно важнымъ обстоятельствомъ, если эти города не были смежны, а находились въ различныхъ мѣстахъ. Такъ, при раздѣлѣ земель Ярославичами, Всеволодъ взялъ Переяславъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволжье, между тѣмъ какъ Святославу достался Черниговъ и вся Восточная сторона до Мурома. Раздѣляя такимъ образомъ область, пріобрѣтенную оружіемъ ихъ дѣдовъ и отцовъ, область, которой они владѣли на правахъ государственнаго владѣнія, Князья при этомъ оставляли неприкосновенными всѣ земли, которыми они владѣли, какъ частной собственностью, а равно и всѣ земли, находившіяся во владѣніи людей, съ которыми они соединены были личными договорами и частными зависимыми отношеніями. Рабы и закупы и всѣ земли частнаго владѣнія подчинялись не только частной, но и государственной власти того Князя, которому они принадлежали, хотя бы и находились въ предѣлахъ другого Княжества. Равнымъ образомъ и всѣ служилые люди, со всѣми принадлежавшими имъ людьми и землями, подчинялись не областной власти, но власти личной того Князя, которому они служили и съ которымъ, слѣдовательно, связаны были личными зависимыми отношеніями. Бояринъ, на примѣръ, Кіевскій, поступивши на службу къ Князю Суздальскому, освобождался отъ земской власти Князя Кіевскаго, а, вмѣстѣ съ нимъ, освобождались отъ

этой власти: и всѣ его села, которыми онъ продолжалъ владѣть въ Княжествѣ Кіевскомъ, и Боярин҃ъ и его села знали только власть Князя Суздальскаго. [45] Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ было то, что въ началѣ XII столѣтія, хотя Руссская Земля распадалась на нѣсколько Княжествъ съ опредѣленными областями, но между Княжествами существовала чрезвычайная черезполосность владѣнія. Съ одной стороны, существовали округи, лежавшіе въ различныхъ мѣстахъ, но принадлежавшіе одному Князю; съ другой стороны, внутри каждаго Княжества находились земли, надъ которыми государственная власть принадлежала другимъ Князьямъ. [46]

При существованіи чрезвычайной черезполосности владѣнія, въ то же время, въ началѣ XII столѣтія, еще ни въ одномъ Княжествѣ не было постоянной, прочно установившейся, власти. Хотя Князья Рюрикова дома дѣлили поровну между собой всѣ владѣнія своихъ отцовъ, однако еще не утвердилось начало наслѣдованія по низходящей линіи, и Князья Рюрикова дома еще не раздѣлили на опредѣленныя, неизмѣнныя области владѣнія своихъ отцовъ, и не заняли съ своими дружинами постоянныхъ мѣстъ жительства. Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, слѣдовавшихъ за смертью Святослава, идетъ борьба между его потомствомъ за поземельныя владѣнія. Властолюбивые Князья, по смерти своихъ отцовъ, стремятся расширить свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ Князей, или же совершенно истребить братьевъ и родственниковъ и сдѣлаться единовластными владѣтелями той доли, которой владѣли ихъ отцы. [47] Старшіе Князья по возрасту стремились осуществить начало наслѣдованія по праву родового старшинства, не признавали никакихъ правъ на отцовское наслѣдство, и самостоятельность владѣнія за младшими Князьями, своими племянниками, овладѣвали главными городами, оставшимися по смерти братьевъ, оставляя за племянниками, дѣтьми умершаго брата, только немногіе меньшіе города, или же назначая имъ владѣнія по собственному произволу, и по произволу переводя ихъ изъ города въ городъ. [48] Младшіе Князья, Князья-племянники, въ противоположность стремленію старшихъ Князей, защищаютъ начало наслѣдованія по низходящей линіи, и силою оружія успѣваютъ иногда отстоять всѣ свои отцовскія владѣнія отъ притязаній дядей. [49] Такимъ образомъ въ одно время выступили на борьбу три, совершенно противоположныя, стремленія: стремленіе къ родовому, вотчиному и единодержавному владѣніямъ. Ни одно изъ этихъ стремленій въ началѣ XII столѣтія не могло взять верхъ надъ другими. Хотя нѣкоторымъ Князьямъ уда-

лось расширить свои владѣнія на счетъ другихъ Князей, на примѣръ, Мономаху, на счетъ потомства Изяслава Ярославича, однако ни одно потомство Владимира Святаго не утратило совершенно своихъ поземельныхъ владѣній, и, слѣдовательно, начало единодержавное не одолѣло противоположныхъ стремленій. Хотя всѣ Князья на Любецкомъ сеймѣ признали начало вотчинаго владѣнія, однако все таки и послѣ Любецкаго сейма, какъ и до этого сейма, дяди овладѣвали главными городами, оставляя за своими племянниками только часть отцовскихъ владѣній. [50] Слѣдовательно, въ началѣ XII столѣтія и начало вотчинаго владѣнія не могло восторжествовать ни надъ стремленіемъ къ единодержавному владѣнію, ни надъ стремленіемъ къ родовому владѣнію. Но, при равносильной борьбѣ противоположныхъ стремленій, при постоянномъ усиленіи однихъ Князей на счетъ другихъ, и при существованіи родоваго владѣнія, по крайней мѣрѣ, по отношенію ко владѣнію главными городами, границы Княжествъ безпрерывно измѣнялись, и Князья безпрерывно мѣняли свои владѣнія и переходили изъ города въ городъ съ своими слугами и дружинниками. Каждый Князь въ теченіе своей жизни княжилъ въ различныхъ городахъ. Такъ Святополкъ Изяславичъ въ Полоцкѣ, въ Новгородѣ, въ Туровѣ и въ Кіевѣ. [51] Всеволодъ Ярославичъ —одинъ годъ въ Переяславлѣ, одинъ годъ въ Черниговѣ и пятнадцать лѣтъ въ Кіевѣ. [52] Мономахъ—въ Черниговѣ, въ Смоленскѣ, опять въ Черниговѣ, Переяславлѣ и въ Кіевѣ. [53] Мстиславъ—въ Новгородѣ, въ Бѣлгородѣ и въ Кіевѣ. [54] Ростиславъ Владимировичъ—въ Ростовѣ, во Владимирѣ Волынскомъ и въ Тмуторакани. [55] и т. д.

Эта безпрерывная смѣна владѣтелей и черезполосность владѣнія препятствовали Княжествамъ сложиться въ прочныя Государства, но въ то же время препятствовали имъ и обособиться въ отдѣльныя самостоятельныя, замкнутыя, общины и зарождали мысль о народномъ единствѣ Русской Земли. Русская Земля въ началѣ XII столѣтія представлялась единымъ Государствомъ, находившимся въ общемъ владѣніи всѣхъ Князей Рюрикова дома, которые собирали въ немъ доходы и творили судъ попеременно въ различныхъ мѣстахъ. Но, кромѣ этого единства, такъ сказать, народнаго, идеальнаго, хотя, какъ мы видѣли, Русская Земля еще не была населена одной народностью—въ началѣ XII столѣтія существовало и единство реальное, единство политическое. Въ первой половинѣ XII столѣтія, когда возстаніе городовъ еще не оказало своего дѣйствія на строй Государства, созданнаго Руссами и кочевниками, всѣ Княжества Русской Земли соединены были въ одно Государство не только единст-

вомъ происхожденія Князей и неопредѣленностію и измѣнчивостію ихъ власти, но также разнообразными зависимыми отношеніями, существовавшими между Князьями, и зависимостію ихъ всѣхъ отъ одного главнаго Князя Кіевскаго.

Выше замѣчено, что Князья Рюрикова дома еще при жизни раздавали волости всѣмъ своимъ взрослымъ сыновьямъ. Сыновья, получившіе волости во владѣніе при жизни отцовъ, находились къ послѣднимъ почти въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ стояли Посадники въ отношеніи къ своему Князю. Подобно Посадникамъ, сыновья Князья доставляли своему отцу часть даней и доходовъ, собираемыхъ съ управляемыхъ ими городовъ, и приводили въ исполненіе всѣ его постановленія и распоряженія. [56] По его призыву они выступали въ походъ со всѣми своими людьми, или же становились подъ его знамя и подчинялись его верховному начальству, коль скоро онъ самъ лично отправлялся въ походъ. [57] Князь-отецъ помогалъ своимъ сыновьямъ совѣтомъ и войскомъ, защищалъ ихъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, но въ то же время по произволу переводилъ ихъ изъ одной волости въ другую, вмѣшивался въ ихъ управленіе и часто лично судилъ и казнилъ людей, находившихся подъ ихъ управленіемъ. Вообще Князья-сыновья, подобно Посадникамъ, не были самостоятельными правителями, а только временными представителями своего отца, и потому, съ появленіемъ въ ихъ городахъ послѣдняго, власть ихъ сама собою отмѣнялась и уступала мѣсто его власти. [58] Такимъ образомъ тѣ же отношенія, которыя существовали между Посадниками, мужами и ихъ Княземъ, и на которыхъ основано было политическое единство каждаго Князя въ отдѣльности, распространялись и за предѣлы Княжества, и соединяли въ одно политическое цѣлое нѣсколько Княжествъ, находившихся подъ управленіемъ Князя-отца и его взрослыхъ сыновей, такъ что трудно сказать, что составляли Княжества, находившіяся подъ управленіемъ отца и его взрослыхъ сыновей, одно Государство, или же нѣсколько союзныхъ Государствъ.

Связь родственная не ограничивалась отеческой властью. По понятіямъ того времени, младшіе Князья по возрасту и происхожденію должны были находиться въ зависимости отъ старшихъ Князей-родственниковъ: младшіе братья отъ своего старшаго брата, и племянники отъ своего дяди. [59] Не извѣстно, на сколько осуществилось бы это нравственное требованіе времени, предоставленное самому себѣ; но оно осуществилось, нашедши поддержку въ іерархическомъ неравенствѣ, существовавшемъ между поселеніями Русской Земли. Мы видѣли, что все осѣдлое населеніе Русской Земли жило въ разнообраз-

ныхъ небольшихъ поселеніяхъ: въ селахъ, слободахъ и деревняхъ, которыя тянули къ большимъ поселеніямъ—къ городамъ. Но между городами, въ которыхъ сосредоточивалось все осѣдлое населеніе, существовало большое разнообразіе. Были города, состоявшіе только изъ земледѣльскаго посадскаго населенія да небольшаго числа дворовыхъ людей того владѣльца, которому принадлежалъ городъ,—города, которые отличались отъ селъ-усадьбъ только своими укрѣпленіями. Далѣе, были города, въ которыхъ, кромѣ посадскаго населенія и дворовыхъ людей, находились еще и отряды служилыхъ людей,—и города, въ которыхъ, кромѣ посадскихъ, служилыхъ и дворовыхъ людей жили еще Бояре съ своими людьми. Наконецъ, были города, заключавшіе въ себѣ всѣ разряды тогдашняго осѣдлаго населенія,—города въ которыхъ, кромѣ Бояръ, посадскихъ дворовыхъ и служилыхъ людей, жили еще купцы, изгои и гриди. Но и между городами, заключавшими въ себѣ всѣ разряды тогдашняго населенія, не существовало равенства. Первое мѣсто между такими городами, по богатству и населенности, занимали города, издавна бывшіе пребываніемъ Князей Рюрикова дома. Тамъ по преимуществу сосредоточивались служилые люди; туда издавна стягивалось населеніе, забираемое насильственно для составленія посадовъ; тамъ же по преимущественно искали поприща для своей дѣятельности промышленные и торговые люди. Очевидно, Князья, владѣвшіе городами богатыми и населенными, имѣли возможность выставить въ поле большее число воиновъ, чѣмъ Князья, владѣвшіе сравнительно менѣе богатыми и менѣе населенными городами. Чѣмъ богаче былъ Князь, тѣмъ большее количество онъ могъ содержать дружины. Съ другой стороны, при тогдашнемъ строѣ военнаго дѣла, когда каждый гражданинъ обязанъ былъ выступать въ походъ по требованію Князя, количествомъ населенія, находившагося подъ властью Князя, опредѣлялось и количество воиновъ, которыми онъ могъ располагать въ военное время. Понятно, по этому, что при существованіи іерархическаго неравенства между городами, если бы допущенъ былъ порядокъ престолонаслѣдованія по нисходящей линіи, могло бы случиться, что Князья младшіе возрастомъ дѣйствительно пріобрѣли власть надъ Князьями старшими возрастомъ. Чтобы предупредить возможность такого явленія, совершенно противнаго нравственнымъ требованіямъ времени, обыкновенно, по смерти Князя, его стольный городъ и наибольшая часть всего Княжества, какъ уже замѣчено выше, переходили по наслѣдству не къ его сыну, но къ его братьямъ, и только послѣ смерти послѣднихъ наслѣдовалъ его старшій сынъ. Владѣя городами самыми богатыми и самыми на-

селенными, старшіе Князья пріобрѣли власть физическую надъ младшими Князьями, которые владѣли городами и менѣе богатыми и менѣе населенными. Такимъ образомъ, при неравенствѣ городовъ и при существованіи порядка престолонаслѣдованія по родовому старшинству, нравственное требованіе времени о зависимости младшихъ Князей, по возрасту и происхожденію отъ старшихъ Князей осуществилось на дѣлѣ зависимостію владѣтелей меньшихъ и бѣднѣйшихъ городовъ отъ владѣтелей большихъ городовъ. Чрезвычайно неопредѣленная по своей основѣ, связь между ближайшими родственными Князьями также была неопредѣленна и по своему выраженію, и разнообразилась по мѣсту времени и личному свойству Князей. Хотя, по понятіямъ того времени, младшіе Князья обязаны были слушаться во всемъ старшаго своего родственника, какъ своего отца, но, говоря вообще и имѣя въ виду много исключеній, вся связь между младшими и старшими Князьями родственниками ограничивалась взаимною обязанностію защищать другъ друга и помогать другъ другу своимъ оружіемъ. Младшіе Князья по призыву старшихъ обязаны были выступать въ походъ противъ всѣхъ ихъ недруговъ. Старшіе Князья обязаны были мирить младшихъ и защищать ихъ своимъ оружіемъ отъ всякихъ обидъ. [60] Младшіе Князья не посылали даней старшимъ Князьямъ родственникамъ. Нѣтъ примѣра, чтобы младшіе братья, или племянники, посылали дани съ своихъ владѣній, первые—старшему брату, а вторые—своему дядѣ. Часто, однако, племянники, лишившись отцовскихъ владѣній въ слѣдствіе выше упомянутаго порядка престолонаслѣдованія, получали волости по назначенію дядей и по волѣ послѣднихъ переводились изъ одной волости въ другую. [61]

Связь политическая между Князьями, на основаніи родственныхъ отношеній, ограничивалась третьею степенью родства. Между двоюродными братьями не существовало никакихъ зависимыхъ отношеній по праву происхожденія. Всѣ двоюродные братья считались ровными, и между ними не могло быть никакихъ счетовъ о владѣніяхъ по родственнымъ отношеніямъ. По этому, когда всѣ сыновья Ярослава вымерли, то его внуки на Любецкомъ сеймѣ постановили, что каждый родъ, то есть, родные братья, дяди и племянники, владѣетъ въ отдѣльности всей своей вотчиной. [62] При жизни сыновей Ярослава, на основаніи родственныхъ связей между Князьями, основано было и политическое единство Русской Земли. Но при второмъ поколѣніи, слѣдовавшемъ за смертью Ярослава, когда Князья разошлись въ родствѣ, когда въ главныхъ городахъ Русской Земли явились Князья двоюродные братья, связь родственная между Князьями имѣла

только мѣстное значеніе. Въ началѣ XII столѣтія, на основаніи зависимости младшихъ Князей отъ старшихъ Князей родственниковъ, соединены были въ одно политическое цѣлое только немногія Княжества. Это, однако, не разрушило единства Русской Земли; и младшіе и старшіе, находились въ зависимости отъ Князя Кіевскаго.

Князь Кіевскій былъ верховнымъ представителемъ и защитникомъ всей Русской Земли, верховнымъ блюстителемъ внутренняго мира и порядка, и верховнымъ судьей и миротворцемъ надъ всѣми Русскими Князьями. Онъ защищалъ каждаго Князя отъ нападенія Половцевъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, и требовалъ отъ послѣднихъ вознагражденій за грабежъ и захватъ плѣнниковъ въ Руской Землѣ. Онъ посылалъ Князей противъ Половцевъ, Грековъ и другихъ сосѣднихъ чужестранныхъ народовъ, и былъ верховнымъ военачальникомъ во всѣхъ походахъ и предпріятіяхъ, въ которыхъ самъ лично принималъ участіе. [63] Онъ разбиралъ, самъ лично, или черезъ своихъ мужей, спорныя дѣла между Князьями, не дозволялъ имъ нападать другъ на друга и защищалъ обиженнаго Князя. [64] Князья Русскіе управляли самостоятельно своими владѣніями, и воевали и мирились съ сосѣдними иностранными народами безъ согласія Князя Кіевскаго; [65] но не имѣли права воевать другъ съ другомъ, и обязаны были, по призыву Князя Кіевскаго, являться на съѣзды, для рѣшенія своихъ спорныхъ дѣлъ, и приходить къ нему со всѣми вооруженными людьми, какъ для обороны Русской Земли, такъ и для содѣйствія союзнымъ народамъ, а также для наказанія непокорныхъ Князей. За неповиновеніе и возстаніе противъ власти Князя Кіевскаго, Князья Русскіе, смиряемые оружіемъ, часто лишались волостей, забирались въ плѣнъ съ женами, дѣтьми и дружиной, посылались въ темницу, или же отправлялись въ заточеніе въ иностранныя Государства. [66] Но Князь Кіевскій не имѣлъ права наказывать виновнаго Князя, не связаннаго съ нимъ ближайшими узами родства, безъ соглашенія съ другими Князьями, и во всѣхъ вообще предпріятіяхъ, касавшихся внутренняго порядка и внѣшнихъ сношеній, по понятіямъ того времени, обязанъ былъ совѣщаться съ другими Князьями. [67]

Это ограниченіе власти Князей вызвало потребность въ междукняжескихъ съѣздахъ. По приглашенію Князя Кіевскаго, или по взаимному соглашенію, Русскіе Князья съѣжались для изданія новыхъ общерусскихъ законовъ, имѣвшихъ силу по всей Русской Землѣ, для совѣщанія объ устроеніи внутренняго мира и порядка, для произнесенія приговоровъ надъ виновными Князьями, Епископами и другими знатнѣйшими лицами духовнаго и свѣтскаго званія, для принятія

мѣръ обороны противъ Половцевъ, для заключенія мира съ Половецкими Князьями, а также для совершенія дѣлъ религіозныхъ, для празднествъ и пиршествъ. [68] Подобно мѣстнымъ съѣздамъ въ отдѣльныхъ Княжествахъ, и общерусскіе съѣзды не имѣли ни опредѣленнаго мѣста собранія, ни установившагося порядка совѣщаній. На съѣзды для совѣщанія о дѣлахъ, касавшихся внутренняго порядка и внѣшней безопасности, по понятіямъ того времени, по требованію Князя Кіевскаго, должны были являться всѣ Князья Русской Земли; [69] однако мы не встрѣчаемъ ни одного съѣзда, на которомъ участвовали бы всѣ Князья Русской Земли. Чаще всего съѣзжались только окрестные, сосѣдніе Князья. Въ совѣщаніяхъ Князей всегда принимали участіе и ихъ знатнѣйшіе дружинники; но, кромѣ дружинниковъ, въ Княжескихъ съѣздахъ принимали иногда участіе Бояре, духовенство и старѣйшины посадскаго населенія. [70] Существовало мнѣніе, что съѣзды Князей должны были происходить въ городѣ Кіевѣ, какъ въ самомъ старшемъ городѣ Русской Земли. [71] Однако въ первой половинѣ XII столѣтія мы рѣдко встрѣчаемъ извѣстіе о Княжескихъ съѣздахъ, происходившихъ въ самомъ городѣ Кіевѣ. Въ то время съѣзды чаще всего происходили въ небольшихъ городкахъ и селахъ, находившихся вблизи Кіева. Такъ, во время княженія въ Кіевѣ Святополка Изяславича, Князья съѣзжались въ Любечѣ, въ Вышгородѣ, въ Витичевѣ, въ Золотчѣ и въ Долобскѣ. [72] Во время съѣздовъ Князья совѣщались и въ шатрахъ, сидя на коврахъ, и на открытомъ воздухѣ, верхомъ на коняхъ. На съѣздѣ въ Витичевѣ сначала совѣщались всѣ вмѣстѣ въ шатрѣ, потомъ разошлись, и каждый Князь совѣщался отдѣльно съ своими дружинами на коняхъ. Поговоривши съ своими дружинниками, Князья снова сошлись въ шатеръ и постановили свой приговоръ надъ виновнымъ Княземъ — Давидомъ Игоревичемъ, который хотя былъ на этомъ съѣздѣ, но не допускался на совѣщанія. Для объявленія приговора виновному подсудимому Князю, каждый Князь послалъ отъ себя особеннаго посла. Постановленія съѣздовъ были обязательны не только для участвовавшихъ въ съѣздѣ, но и для тѣхъ, которые не принимали въ немъ никакого участія. Такъ на съѣздѣ въ Витичевѣ Ростиславичи не принимали никакого участія, однако Князья на этомъ съѣздѣ постановили, чтобы они довольствовались однимъ Перемышлемъ и возвратили плѣнныхъ, захваченныхъ ими во время войны съ Святополкомъ, и послали пословъ къ Ростиславичамъ объявить имъ свое постановленіе. Въ 1103 году, на съѣздѣ въ Долобскѣ, Святополкъ и Мономахъ съ своими дружинниками постановили предпринять походъ противъ Половцевъ,

и хотя въ этомъ съѣздѣ другіе Князья не принимали никакого участія, однако, по повелѣнію Святополка и Мономаха, отправились въ походъ всѣ Князья Русскіе, за исключеніемъ Князей Рязанскихъ, Новгородскаго и Галицкихъ, которые не могли принять участія въ этомъ походѣ, по отдаленности своихъ пребываній отъ театра военныхъ дѣйствій. Равнымъ образомъ и постановленіе Любецкаго съѣзда, чтобы каждый Князь владѣлъ своей вотчиной, было обязательно не только для Князей, участвовавшихъ въ съѣздѣ, но и для Князей, не принимавшихъ въ немъ никакого участія. Такъ, на Любецкомъ съѣздѣ между прочимъ, постановлено было, чтобы Володарь Ростиславичъ владѣлъ Теребовлемъ, а между тѣмъ самъ Володарь не былъ на этомъ съѣздѣ. [72]

Власть Князя Кіевскаго основана была прежде всего на родовомъ его старѣйшинствѣ. Въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтій Княжество Кіевское, съ своимъ главнымъ городомъ Кіевомъ, подобно другимъ Княжествамъ, переходило по наслѣдству, на основаніи родоваго старѣйшинства: по смерти Князя сначала наслѣдовали всѣ его братья, а за тѣмъ старѣйшій сынъ отъ старшаго брата. Какъ старшій въ родѣ, Князь Кіевскій господствовалъ надъ всѣми братьями и племянниками. Но родственная связь между Князьями въ началѣ XII столѣтія, какъ уже замѣчено, имѣла только мѣстное значеніе: на основаніи родоваго старѣйшинства Князь Кіевскій господствовалъ только надъ нѣкоторыми Князьями, но не надъ всѣми Князьями Русской Земли. Надъ всѣми вообще Князьями Русской Земли, въ началѣ XII столѣтія, власть Князя Кіевскаго основана была уже не на родовомъ его старѣйшинствѣ, но на его силѣ и могуществѣ. Во первыхъ, Князь Кіевскій владѣлъ областью обширнѣй областей, принадлежавшихъ другимъ Князьямъ. По распоряженію Ярослава, Князь Кіевскій, кромѣ обширной области собственно Кіевскаго Княжества, заключавшей въ себѣ почти всю Юго-Западную Русь, владѣлъ всей обширной Новгородской Землей. Уже въ началѣ XII столѣтія Новгородцы не хотѣли принять сына Князя Кіевскаго, Святополка; но это нарушеніе распоряженій Ярослава было только временнымъ. До второй половины XII столѣтія Новгородская область почти постоянно принадлежала Князю Кіевскому, и Новгородцы, какъ дальше увидимъ, не хотѣли признавать надъ собою иной власти, кромѣ власти Великаго Князя Русской Земли. Во вторыхъ, Князь Кіевскій владѣлъ самыми богатыми и самыми населенными городами Руси — Новгородомъ и Кіевомъ, владѣніе которыми, кромѣ силы вещественной, доставляемой владѣніемъ всякимъ торговымъ и богатымъ городомъ, доставляло, сверхъ того, и силу нравственную:

на Князя Кіевскаго и Новгородскаго издавна привыкли смотрѣть, какъ на верховнаго начальника надъ всей Русской Землей. [74] Наконецъ, въ третьихъ, Князь Кіевскій располагалъ еще особенной силой, которой не имѣли другіе Князья,—поселенными кочевниками. Всѣ Южно-русскіе Князья заселяли свои земли кочевыми народами; но въ началѣ XII столѣтія наиболѣе кочевая стихія господствовала въ Кіевскомъ Княжествѣ. Тамъ, какъ мы видѣли, по рѣкамъ Роси и Тетереву, уже въ началѣ XII столѣтія сидѣли цѣлыя племена кочевыхъ народовъ. Опираясь на многочисленное кочевое населеніе и на многочисленное и богатое населеніе Кіевскаго Княжества и Новгородской Земли, Князь Кіевскій, пока власть его была прочна надъ этимъ населеніемъ, помимо родоваго старѣйшинства, всегда имѣлъ возможность принудить къ повиновенію всякаго Князя. Физическое могущество Князя Кіевскаго вытекаетъ изъ владѣнія имъ Кіевскимъ Княжествомъ и Новгородской Землей: сосредоточивая силы Русскаго міра, создавъ политическое преобладаніе Кіевскаго Княжества надъ другими Княжествами, оно давало въ то же время возможность Кіевскому Князю осуществить и нравственное притязаніе на господство надъ своими младшими родичами. Но если сила физическая, вытекавшая изъ владѣнія, поддерживала и давала значеніе силѣ нравственной, родовому старѣйшинству, то, съ другой стороны, эта послѣдняя имѣла вліяніе на физическое могущество Князя Кіевскаго. Мономахъ и Мстиславъ, господствуя надъ большею частью Князей Русскихъ по праву родоваго старѣйшинства, имѣли возможность господствовать и надъ всѣми другими Князьями Русской Земли, уже не связанными съ ними никакими родственными правами и обязанностями, исключительно опираясь на силы своихъ младшихъ Князей—родичей, хотя бы и не имѣли въ своемъ распоряженіи многолюднаго и богатаго населенія Кіевскаго Княжества и Новгородской Земли. Такимъ образомъ и сила физическая, и сила нравственная, тѣсно связанныя, поддерживали другъ друга, и трудно рѣшить, которая изъ никъ имѣла болѣе значенія въ сосредоточеніи Русской Земли во время Мономаха и Мстислава.

Какъ разнообразны были основы власти Князя Кіевскаго, такъ разнообразны были и формы ея правленія. Не всѣ Князья Русскіе находились въ одинакихъ степеняхъ зависимости отъ Князя Кіевскаго. Послѣ собственныхъ его сыновей, въ наибольшей отъ него зависимости стояли его племянники, особенно тѣ, которые надѣлены были землями въ Юго-Западной Руси, въ областяхъ, доставшихся на долю Изяслава Ярославича, то есть, въ тѣхъ областяхъ, которыя входили первоначально въ составъ Кіевскаго Княжества. За малѣйшее сопро-

тивленіе волѣ Князя Кіевскаго, они посылались въ темницу. [75] Князья, равные по возрасту и происхожденію—двоюродные братья Князя Кіевскаго, находились несравненно въ меньшей зависимости, Князь Черниговскій, Олегъ Святославичъ, двоюродный братъ Князя Кіевскаго, Святополка Изяславича, постоянно нарушалъ свои обязанности къ послѣднему и, не смотря на сопротивленіе, нѣсколько разъ смиряемый оружіемъ, ни разу, однако, не былъ лишенъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Но особенно въ слабой зависимости находились тѣ Князья, которые имѣли своихъ собственныхъ зависимыхъ Князей, или же владѣли городами вдали отъ города Кіева, не бывъ связаны съ Княземъ Кіевскимъ ближайшими узами родства. Такъ во время княженія въ Кіевѣ Святополка, Мономахъ, котораго дѣти и младшій братъ Ростиславъ владѣли многими городами и по родственнымъ обязанностямъ находились отъ него въ зависимости, если не по праву, то на дѣлѣ, вмѣстѣ съ Княземъ Святополкомъ, были равными вождями всѣхъ Князей Русскихъ. Владѣя небольшимъ городомъ, Переяславлемъ, еще при жизни Святополка, оказывая послѣднему почетъ и послушаніе, [76] онъ былъ главнымъ руководителемъ всѣхъ Князей и заправлялъ всѣми общерусскими дѣлами. Князья Полоцкіе, находясь вдали отъ Кіева, хотя обязаны были являться по призыву Князя Кіевскаго, и признавали его своимъ вождемъ, однако рѣдко принимали участіе въ походахъ противъ Половцевъ, и еще рѣже являлись на междукняжескіе съѣзды.

Неопредѣленная въ своей основѣ, неясная въ своемъ выраженіи, верховная власть Князя Кіевскаго надъ всей Русской Землей уже во времена Святополка, Мономаха, Мстислава, встрѣчала противодѣйствіе со стороны подчиненныхъ Князей. Уже въ эту пору наибольшаго могущества власти Князя Кіевскаго многіе изъ подчиненныхъ Князей не хотѣли признавать его главенства и часто съ оружіемъ въ рукахъ сопротивлялись его распоряженіямъ. Такъ, во время княженія въ Кіевѣ Святополка, верховной власти Князя Кіевскаго сопротивлялись: Олегъ Святославичъ Черниговскій, Володарь и Василько Галицкіе, Давыдъ Игоревичъ Владимира Волынскаго и Ярославъ Ярополковичъ Берестскій; во время княженія Мономаха Глѣбъ Минскій и Ярославъ Святополковичъ, Князь Владимира Волынскаго, а при Мстиславѣ Мономаховичѣ Князья Полоцкіе. Но пока власть Князя Кіевскаго надъ подчиненнымъ ему населеніемъ была крѣпка, пока это населеніе, давшее ему физическую силу и могущество, не принимало непосредственнаго участія въ Княжескихъ отношеніяхъ, временныя частныя отдѣльныя возстанія подчиненныхъ Князей противъ верховной

власти Князя Кіевскаго не нарушали единства Русской Земли. Возставшіе Князья, не находя поддержки въ своихъ стремленіяхъ къ самобытности ни со стороны подчиненнаго имъ населенія, ни со стороны населенія, подчиненнаго Князю Кіевскому, легко усмирялись оружіемъ послѣдняго, и единство Русской Земли оставалось ненарушимо. Только со второй половины XII столѣтія, когда ожесточенная борьба между знатью и простолюдьемъ по всѣмъ городамъ Русской Земли ослабила власть Князя Кіевскаго, отдѣльныя, частныя, стремленія Князей къ самобытности, нашедши поддержку въ самомъ населеніи Русской Земли, какъ дальше увидимъ, вполнѣ осуществились, и Русская Земля распалася на части.

И такъ Русская Земля, въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтій, представляла пеструю смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній, общинъ и народовъ, имѣвшихъ свою особенную образованность, своё особенное устройство и своихъ особенныхъ начальниковъ, и соединена была въ одно политическое цѣлое только господствомъ надъ разноплеменнымъ ея населеніемъ сбродныхъ варварскихъ дружинъ, не имѣвшихъ осѣдлости и связанныхъ въ одно сословіе, въ одно общество, іерархіей личныхъ зависимыхъ отношеній, на вершинѣ которой стоялъ Князь Кіевскій.

Эта форма Государственнаго устройства, которую мы будемъ называть союзническо-дружиннымъ Государствомъ, не есть исключительно знаменательное явленіе политическаго развитія народовъ Восточной Европы. Она встрѣчается въ исторіи Государственнаго развитія всѣхъ странъ и народовъ; она составляетъ неизбѣжную переходную степень отъ Государственнаго строя союзническаго, основаннаго на господствѣ городской знати, къ Государственному строю феодальному, основанному на господствѣ сельскаго земледѣльческаго дворянства. Римская Имперія, монархіи Македонская и Древне-Персидская, Государства Діадоховъ и Магометанскія Государства, возникавшія въ среднихъ вѣкахъ въ Индіи и въ Малой Азіи, имѣли такое же союзнически-дружинное устройство, какое имѣла Русь во времена Святополка, Мономаха и Мстислава. На союзническо-дружинной формѣ Государственнаго строя замерло Государственное развитіе Восточныхъ народовъ, гдѣ, въ слѣдствіе различныхъ географическихъ и историческихъ причинъ, не могло образоваться сельское помѣстное дворянство; къ ней же возвращается и Государственный строй Югозападныхъ странъ Европы, гдѣ, въ новѣйшія эпохи, погибло сельское помѣстное дворянство.

Не смотря, однако, на свою всеобщность и неизбѣжнось, эта

26

форма Государственнаго устройства не замѣчена Западно-Европейскими публицистами и не имѣетъ названія въ Западно-Европейской наукѣ. Стремясь раздѣлить всѣ конкретныя формы Государственнаго устройства на опредѣленные роды и виды, всѣ Европейскіе публицисты, начиная отъ Аристотеля до Блюнчли и Моля, принимаютъ въ основаніе своихъ распредѣленій составъ и свойство правительствъ, то есть, какому количеству принадлежитъ верховная власть въ Государствѣ, и какимъ качествомъ отличается ея правительственная дѣятельность, и на этой основѣ раздѣляютъ всѣ Государства на три главные рода: монархіи, аристократіи и демократіи. Но такъ какъ во всякомъ Государствѣ всегда и вездѣ во главѣ стоитъ одно лицо, и такъ какъ всякое Государственное устройство основано на преобладаніи какой ни будь знати, а составъ правительственныхъ властей и свойство ихъ дѣятельности чрезвычайно измѣнчивы и неопредѣленны, то по этому стремленіе Западно-Европейской науки раздѣлить, на основаніи состава и свойствъ правительственныхъ властей, всѣ существованія и существующія формы Государственнаго устройства на опредѣлѣнные роды и виды, и до сихъ поръ не увѣнчалось успѣхомъ. И до сихъ поръ въ Западно-Европейской литературѣ господствуютъ смутныя, неопредѣленныя и противорѣчивыя, воззрѣнія на основныя формы Государственнаго устройства и на причины ихъ образованія и измѣняемости. И до сихъ поръ Западно-Европейскіе теоретики не рѣшили вопроса: какая форма Государственнаго устройства предшествуетъ феодализму, и есть ли феодализмъ, федерація и другія формы Государственнаго устройства, встрѣчающіяся на Западѣ, явленія неизбѣжныя въ исторіи образованія Государственнаго устройства всѣхъ странъ и народовъ, или же онѣ составляютъ случайныя явленія, свойственныя только одному Западу?

При такомъ состояніи ученія Западно-Европейской науки о формахъ Государственнаго устройства, на основаніи этого ученія не возможно опредѣлить, какую форму Государственнаго устройства имѣла Россія въ домонгольскій періодъ, и въ какой періодъ времени Западно-Европейскія Государства имѣли такое же самое устройство. И въ самомъ дѣлѣ, что такое Русское Государство временъ Момомаха съ точки зрѣнія Западно-Европейской науки: монархія, или аристократія, Государство патріярхальное, или классическое, или ленное? Съ одинакимъ основаніемъ его можно назвать и монархіей, и аристократіей, и непосредственной чистой демократіей, Государствомъ классическимъ, и Государствомъ патріярхальнымъ, и Государствомъ патриминіальнымъ, однимъ словомъ, чѣмъ кому угодно. Съ точки же зрѣнія Западно-Европейской

науки нельзя найти и сходства между Римской Имперіи и Русскимъ Государствомъ временъ Мономаха: въ Римской Имперіи, по видимому господствуетъ одно лицо, съ властью выборной, въ Русскомъ же Государствѣ временъ Мономаха цѣлый Княжескій родъ, съ властью наслѣдственной. Между тѣмъ господство въ Руси цѣлаго Княжескаго рода было чисто случайнымъ явленіемъ, происшедшимъ отъ случайнаго размноженія Князей Рюрикова дома, во всемъ же остальномъ, и въ сословныхъ отношеніяхъ, въ Государственномъ устройствѣ, не существовало никакого различія между Римской Имперіей и Русскимъ Государствомъ XII столѣтія.

Рѣшить вопросъ о формѣ Государственнаго устройства Руси въ домонгольскій періодъ, мы можемъ только оставивши въ сторонѣ всѣ Западно-Европейскія теоріи и принявъ въ основаніе для распредѣленія формъ Государственнаго устройства не составъ и свойство дѣятельности правительствъ, всегда неопредѣленныя и часто случайныя, но распредѣленіе населенія по сословіямъ и взаимныя отношенія между сословіями, чѣмъ опредѣляется и отъ чего зависитъ въ главныхъ существенныхъ чертахъ какъ составъ, такъ и самое свойство дѣятельности правительствъ; но тогда придется отказаться отъ общепринятыхъ дѣленій всѣхъ формъ Государственнаго устройства на монархіи, аристократіи, демократіи, Государства теократическія, классическія, патріярхальныя, патримоніяльныя и т. д., и принять новое дѣленіе.

Хаотическое состояніе ученій Западно-Европейской науки о формахъ Государственнаго устройства было причиной, что изслѣдователи древнѣйшаго періода Русской исторіи до сихъ поръ не пришли къ опредѣленному заключенію, какую форму имѣлъ Государственный строй Руси въ домонгольскій періодъ, какое слѣдуетъ дать названіе этой формѣ. По мнѣнію Карамзина и Полеваго, въ Руси въ домонгольскій періодъ господствовали феодальныя отношенія. По мнѣнію Соловьева и Кавелина въ Русской Землѣ никогда не было феодализма, но въ домонгольскій періодъ въ Руси господствовали патріярхальныя, родовыя, отношенія, переходившія, по мнѣнію перваго, въ Государственныя. Костомаровъ, отвергая и то и другое мнѣніе, и мнѣніе Карамзина и Полеваго, и мнѣніе Соловьева и Кавелина, называетъ Государственный строй Русской Земли въ домонгольскій періодъ федеративнымъ.

Всѣ эти противорѣчивыя опредѣленія въ одинокой степени относительно вѣрны и относительно ложны, по тому что названія феодальный, патріярхальный и федеративный, ровно ничего не опредѣляютъ Если подъ феодализмомъ понимать Государственный строй, основан-

ный на іерархіи личныхъ зависимыхъ отношеній и на смѣшеніи частныхъ отношеній съ Государственными, какъ опредѣляютъ его до сихъ поръ, то Государственный строй Руси въ домонгольскій періодъ совершенно основательно можно назвать феодальнымъ, по тому что всѣми этими качествами отличался Государственный строй Руси въ домонгольскій періодъ: въ немъ Государственное устройство основано было на іерархіи личныхъ зависимыхъ отношеніи и публичныя отношенія смѣшаны были съ отношеніями частными. Но спрашивается: какой же Государственный строй до появленія неограниченныхъ, бюрократическихъ Монархій не основанъ былъ на іерархіи личныхъ зависимыхъ отношеній и на смѣшеніи частныхъ отношеній съ публичными? Такой іерархіей и такимъ смѣшеніемъ отличаются и быть дикихъ народовъ до образованія городовъ и осѣдлости, и устройство Государствъ Восточныхъ и Классическихъ, и организація средневѣковыхъ Европейскихъ феодальныхъ Монархій. Правы относительно и послѣдователи теоріи саморазвитія, называя Государство Русское домонгольскаго періода патріярхальнымъ или родовымъ. Дѣйствительно родственныя отношенія имѣли большое значеніе въ Государственномъ устройствѣ древней домонгольской Руси: родственныя отношенія имѣли значеніе и сверху, во взаимныхъ отношеніяхъ между правительствующими властями, и снизу, во взаимныхъ отношеніяхъ между бродячими и кочевыми народами. Слѣдовательно, если подъ патріярхальнымъ бытомъ понимать такой Государственный бытъ, въ которомъ кровныя узы имѣли большое значеніе, то послѣдователи теоріи саморазвитія совершенно вѣрно назвали Государственный строй Руси домонгольскаго періода патріярхальнымъ или родовымъ. Но возникаетъ вопросъ: когда же родственныя отношенія не имѣли никакого значенія во взаимныхъ отношеніяхъ между властями, и когда было время, чтобы взаимныя связи между людьми основаны были исключительно на однихъ только кровныхъ отношеніяхъ? Уже на первыхъ ступеняхъ развитія рода человѣческаго въ общественномъ строѣ дикихъ народовъ, рядомъ съ кровными отношеніями имѣютъ значеніе и чисто политическія и соціональныя отношенія. Но если такъ, чѣмъ же отличается бытъ патріярхальный отъ быта позднѣйшихъ ступеней политическаго и соціональнаго развитія? Однимъ словомъ, что такое родовой, патріярхальный бытъ? Правъ, наконецъ, и Костомаровъ, называя Государственный строй Руси домонгольскаго періода федеративнымъ. Дѣйствительно Русская Земля распадалась на нѣсколько Государствъ-Княжествъ, находившихся въ тѣсной связи между собою. Но что такое федеративный (союзническій) строй, на чемъ основана была связь

между этими Государствами? Костомаровъ, называя Государственный строй федеративнымъ, въ то же время не признаетъ никакой политической связи между Княжествами: они соединены только единствомъ церковной іерархіи, происхожденія и языка. Но въ такомъ случаѣ можно считать соединенными въ единую федерацію (союзничество) и нынѣшнія Имперіи Турецкую и Русскую; ибо большинство подданныхъ и той и другой Имперіи соединены единствомъ происхожденія и языка и имѣютъ одну и ту же Религію.

И такъ неясность и противорѣчивость воззрѣній изслѣдователей о формахъ Государственнаго устройства въ Руси въ домонгольскій періодъ происходитъ прежде всего отъ неясности и неопредѣленности общихъ ученій о формахъ Государственнаго устройства и о взаимныхъ отношеніяхъ между кровными, политическими и соціональными отношеніями.

Послѣ всего сказаннаго, я думаю, понятно будетъ, по чему я отступаю отъ этихъ общихъ ученій, и по чему формѣ Государственнаго устройства, существовавшаго въ Руси въ началѣ XII столѣтія, даю произвольное названіе, не принятое въ наукѣ.

ГЛАВА VII.

Возстаніе Бояръ и Посадскихъ людей.

Борьба осѣдлаго населенія съ бродячими и кочевыми народами, положившая основаніе союзническо-дружинному, Русскому Государству, продолжалась на великой равнинѣ Восточной Европы непрерывно въ теченіе всего домонгольскаго періода. До самаго появленія Монголовъ, какъ мы видѣли, Бояре и Княжескія дружины продолжали покорять бродячее и кочевое населеніе, и обращать его въ осѣдлое состояніе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, до самаго появленія Монголовъ продолжали слагаться и формы союзническо-дружиннаго Государства и непрерывно умножалось осѣдлое населеніе и Княжескія дружины. Но борьба осѣдлаго населенія съ бродячими и кочевыми народами не продолжалась повсемѣстно на великой равнинѣ Восточной Европы въ теченіе всего домонгольскаго періода. Мы видѣли, что, съ образованіемъ сбродныхъ дружинъ и Русскаго Государства въ среднихъ теченіяхъ Днѣпра, выселеніе осѣдлаго населенія съ сѣверо-запада на юго-востокъ совершенно прекратилось, завоевательныя стремленія владѣтелей Сѣвера и Запада хотя продолжались непрерывно, но ограничивались только нападеніями на пограничныя области Русской Земли. Мы видѣли далѣе, что, съ расширеніемъ Русскаго Государства и области осѣдлаго населенія на счетъ юго-восточныхъ степей, уничтожались кочевые народы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращалось и движеніе кочеваго населенія съ юго-востока на сѣверо-западъ и замирала борьба его съ осѣдлымъ населеніемъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ слагалось и расширялось Русское Государство, борьба между народами продолжалась на его окраинахъ, но совершенно прекращалась и замирала на его области.

Съ прекращеніемъ борьбы между народами, не водворилось мира и порядка на области Русской Земли. Въ то время, когда, среди борьбы осѣдлаго населенія съ бродячими и кочевыми народами, слагалось Русское Государство, слагались въ немъ и сословія, какъ послѣдствіе этой же самой борьбы. Мы видѣли, различные народы, осѣдлаго, бродячаго и кочеваго состоянія, сталкиваясь другъ съ другомъ на великой равнинѣ Восточной Европы, покоряя другъ друга и соединяясь такимъ образомъ въ единъ политическій союзъ, въ союзническо-дружинное Русское Государство, не слились въ этомъ Государствѣ въ однородно цѣлое, но обратились въ особенныя сословія:

изъ потомковъ первоначальныхъ завоевателей осѣдлаго состоянія образовалось Боярство, изъ потомковъ бродячихъ и кочевыхъ народовъ—посадское населеніе и Княжескіе дружинники, три главныя народности—осѣдлая, бродячая и кочевая—вошедши въ составъ Русскаго Гусударства и обратившись въ немъ въ три главныя сословія—Бояръ, посадскихъ людей и дружинниковъ, и въ своемъ новомъ видѣ продолжали враждовать другъ съ другомъ за различные економическія и политическія выгоды. Такимъ образомъ, съ постепеннымъ образованіемъ Русскаго Государства и его сословій, борьба осѣдлаго населенія съ бробячими и кочевыми народами на области Русскаго Государства выродилась въ борьбу между сословіями—Боярствомъ, посадскими людьми и дружинниками.

Сословная борьба, смѣнившая на области Русской Земли борьбу между народами, началась прежде всего въ средоточныхъ частяхъ Русскаго Государства, въ Кіевской области, гдѣ прежде всего зародилось союзническо-дружинное Государство и прежде всего сложилась противоположность между его сословіями.

Кіевская область до временъ Рюрика населена была слабо сравнительно съ Югозападной и Сѣверозападной Россіей; по этому, въ Кіевской области, еще до временъ Рюрика, Боярство относительно было малочисленно. Всѣ города Кіевской области, о которыхъ упоминается въ лѣтописяхъ удѣльнаго періода, по большей части построены Князьями Рюрикова дома, и, слѣдовательно, почти исключительно населены были только посадскимъ населеніемъ. Только города: Вятичевъ, Туровъ и Вышгородъ, упоминаются съ древнѣйшихъ временъ, и только въ городахъ Вышгородѣ и Туровѣ встрѣчается Боярство, [1] во всѣхъ же другихъ городахъ Кіевской области въ удѣльный періодъ встрѣчаются только посадскіе люди. Малочисленное уже до временъ Рюрика, со временъ поселенія въ Кіевѣ Олега, Боярство Кіевской области еще болѣе уменьшилось: одни изъ Бояръ Кіевской области погибли въ битвахъ, сражаясь подъ знаменами Князей Рюрикова дома, другіе вошли въ составъ Русскихъ дружинъ и, вмѣстѣ съ послѣдними, разселялись по разнымъ городамъ Восточной Европы. Но въ то время, когда Старославянское населеніе постоянно уменьшалось, уже при первыхъ Варягорусскихъ Князьяхъ стало быстро возрастать новое населеніе—посадскіе люди, сбродныя дружины и поселенные кочевники. Заселительская дѣятельность первыхъ Варягорусскихъ Князей, какъ мы видѣли, первоначально сосредоточивалась по преимуществу возлѣ Кіева, въ Кіевской области: сюда прежде всего Варягорусскіе Князья стали стягивать населеніе со всѣхъ кон-

цовъ Земли; здѣсь же по преимуществу, для защиты Кіева отъ набѣговъ кочевниковъ, первые Варягорусскіе Князья строили города и разселяли кочевниковъ. Такимъ образомъ, еще до времен Ярослава, еще при первыхъ Варягорусскихъ Князьяхъ, въ Кіевской области малочисленное Боярство совершенно потонуло въ толпѣ новаго населенія.

Въ первыя поры Варягорусскаго господства, пока посадское населеніе было малочисленно, во главѣ города Кіева стояло Боярство и всѣмъ заправляло вмѣстѣ съ Княжескими дружинниками; между тѣмъ посадское населеніе въ этомъ городѣ, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ Кіевской области, не имѣло никакой власти и никакого общественнаго значенія, и находилось въ совершенной зависимости отъ Бояръ и дружинниковъ. Во время Владимира Святаго приглашались на Княжескіе пиры и совѣщанія, вмѣстѣ съ Боярами, только представители посадскаго населенія — старцы людскіе и нарочитые мужи; между тѣмъ большинство посадскаго населенія не принимало никакого участія ни въ общественныхъ дѣлахъ, ни въ общественныхъ увеселеніяхъ. Но чѣмъ болѣе возрастало посадское населеніе въ городѣ Кіевѣ, тѣмъ болѣе возрастало и его общественное значеніе. Уже сынъ Владимира Святаго, Святополкъ, задабриваетъ подарками Кіевскихъ людей, чтобы привлечь ихъ на свою сторону. Мономахъ приглашаетъ Олега на съѣздъ въ Кіевъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ передъ Боярами, духовенствомъ и людьми градскими. Святополкъ Изяславичъ, заключивши въ оковы Василька, созываетъ на совѣщаніе не только Бояръ, но и всѣхъ посадскихъ людей, и, вопреки мнѣнію дружины и Бояръ, вступаетъ возлѣ Триполя въ битву съ Половцами по волѣ Кіевскаго посадскаго населенія. [2].

Возросши въ числѣ и пріобрѣвъ общественное значеніе, посадскіе люди не долго оставались въ страдательномъ повиновеніи Княжеской власти. При первомъ преемникѣ Ярослава, во время княженія въ Кіевѣ сына его, Изяслава, вспыхнуло открытое возстаніе посадскихъ людей въ городѣ Кіевѣ. Въ 1095 году Кіевскіе люди, по случаю несчастной войны Русскихъ Князей съ Половцами, изгнали Изяслава, разграбили дворъ его и, освободивъ изъ заключенія Всеслава Полоцкаго, объявили его своимъ Княземъ. Хотя это возстаніе кончилось неудачно для Кіевскаго простонародья, хотя Изяславъ съ помощью Польскихъ войскъ, снова овладѣлъ Кіевомъ и всѣхъ предводителей возстанія казнилъ смертью, или ослѣпилъ и сослалъ въ заточеніе, однако, съ тѣхъ поръ, въ теченіе продолжительнаго періода времени, посадскіе люди города Кіева, по смерти нелюбимыхъ Князей, грабили дворы ихъ сто-

ронниковъ, произвольно приглашали на Кіевскій столъ своихъ любимцевъ Князей, успѣвшихъ заслужить благосклонность простаго народа, и совершали разнаго рода другія насильственныя дѣйствія по отношенію къ Князьямъ и ихъ дружинникамъ и сторонникамъ. Такъ по смерти Святополка Изяславича посадскіе люди разграбили дворы Тысяцкаго, Сотскихъ и Жидовъ, и угрожали разрушить монастыри и Боярскіе дворы, если не будетъ призванъ на Кіевскій столъ Владиміръ Мономахъ, который успѣлъ заслужить любовь простаго народа щедростію, миролюбіемъ и храбростію. [3] Избранный на Кіевское Княженіе простымъ народомъ, Мономахъ вполнѣ оправдалъ его надежды: онъ защищалъ простой народъ отъ корыстолюбія ростовщиковъ и отъ своеволія Бояръ и дружинниковъ; всѣ его дѣйствія и распоряженія и всѣ законы, изданные во время его Княженія, направлены къ одной цѣли—служить пользамъ простаго народа. [4] За это посадскіе люди остались навсегда преданными не только ему лично, но и всему его потомству. Любовь къ племени Мономаха, по всей вѣроятности, была причиной, что народъ спокойно сносилъ власть Мономаховичей, Мстислава и Ярополка, не смотря на увеличеніе налоговъ въ Княженіе перваго и на нерасположенность народа, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, къ послѣднему. [5] Но едва овладѣлъ Кіевскимъ столомъ Всеволодъ Ольговичъ, какъ тотчасъ снова начались волненія. Всеволодъ Ольговичъ, сдѣлавшись Княземъ Кіевскимъ противъ желанія посадскихъ людей, въ теченіе всего своего Княженія раздражалъ народъ своею распутною жизнью и насильственными дѣйствіями своихъ слугъ и правителей. [6] Хотя посадскіе люди спокойно сносили его власть при его жизни, но послѣ его смерти разграбили дворы его главнаго Тіуна Ратши и его мечниковъ. [7] Ненавидѣвши Всеволода Ольговича, посадскіе люди еще болѣе ненавидѣли его брата, Игоря Ольговича, и по тому, едва только онъ вошелъ въ Кіевъ, измѣнили ему, призвали на княженіе внука Мономахова, Изяслава Мстиславича, разграбили дома и села дружины Ольговичей и, ограбивъ ее совершенно, выгнали изъ Кіева. [8] Въ возгорѣвшейся отсюда борьбѣ между Ольговичами и Мономаховичами, посадскіе люди города Кіева постоянно поддерживали своего любимаго Князя, Изяслава Мстиславича, и въ 1147 году, по случаю измѣны Князей Черниговскихъ Давыдовичей, перешедшихъ отъ Изяслава Мстиславича на сторону Ольговичей, умертвили Игоря Ольговича, находившагося въ заключеніи въ городѣ Кіевѣ. Поддерживая Изяслава Мстиславича въ борьбѣ его съ Ольговичами, посадскіе люди города Кіева оставались преданными и другимъ Мономаховичамъ, княжившимъ въ Кіевѣ послѣ Изяслава Мстиславича: Юрію Долгорукому, Ростиславу

Мстиславичу, Мстиславу Изяславичу, Роману Ростиславичу, Рюрику Ростиславичу и Роману Мстиславичу. [9] Не смотря, однако, на эту любовь къ Князьямъ изъ дома Мономахова, смерть Юрія Долгорукаго сопровождалась возстаніями и насиліями со стороны посадскихъ людей. Юрій Долгорукій, сдѣлавшись Княземъ Кіевскимъ, проводилъ разгульную жизнь и мало обращалъ вниманія на дѣла правительственныя. Всѣмъ заправляли его служилые люди, Суздальцы, дозволявшіе въ чуждомъ для нихъ краѣ всякаго рода насилія. За это посадскіе люди по смерти Юрія разграбили Княжескіе дворы и перебили всѣхъ Суздальцевъ. [10] Но это былъ послѣдній случай противодѣйствія Кіевскихъ посадскихъ людей власти сбродныхъ дружинъ. Съ тѣхъ поръ, въ слѣдствіе причинъ, на которыя укажемъ дальше, въ лѣтописяхъ не встрѣчается болѣе никакихъ извѣстій о возстаніи посадскихъ людей въ городѣ Кіевѣ.

Возстаніе Кіевскихъ посадскихъ людей встрѣтило ожесточенное сопротивленіе со стороны Кіевскаго Боярства. По своей малочисленности, Бояре города Кіева не могли ни остановить насильственныя дѣйствія возставшей народной громады своего города, ни открыто возставать противъ власти Князей, преслѣдовавшихъ ея пользы. Во всѣхъ, однако, насильственныхъ дѣйствіяхъ посадскихъ людей противъ Князей, враждебныхъ простонародью, Бояре то явно, то тайно, принимали сторону этихъ Князей, и въ то же время постоянно противодѣйствовали Князьямъ, успѣвшимъ заслужить любовь простаго народа. Уже Изяславъ Ярославичъ и сынъ его, Святополкъ, нелюбимые простымъ народомъ за корыстолюбіе и скупость, имѣли сторонниковъ среди Боярства. Во время изгнанія Изяслава изъ Кіева, на сторонѣ его стоятъ Туки и другіе Бояре, а по смерти Святополка, вмѣстѣ съ его дружиной, оплакиваютъ смерть нелюбимаго народомъ Князя и всѣ Бояре Кіевскіе. [11] Мономахъ и его племя, любимые простымъ народомъ, не были любимы Боярами; между тѣмъ Ольговичи и Давыдовичи, къ которымъ питало непримиримую ненависть посадское населеніе, постоянно были поддерживаемы Кіевскими Боярами. Бояре Кіевскіе не оплакиваютъ смерти Мономаха и не провожаютъ его въ могилу. [12] Бояре Кіевскіе, въ союзѣ съ духовенствомъ, останавливаютъ Мстислава отъ намѣренія идти ратью противъ Князя Черниговскаго, Всеволода Ольговича, и поддерживаютъ власть послѣдняго, когда онъ сталъ Княземъ Кіевскимъ. [13] По смерти Всеволода Ольговича на сторонѣ Изяслава Мстиславича стоятъ только немногіе Бояре, оскорбленные Игоремъ Ольговичемъ за отнятіе должностей, наибольшая же часть Кіевскихъ Бояръ осталась вѣрной Ольговичу и, изъ ненависти къ Изяславу Мстиславичу,

постоянно поддерживала Юрія Долгорукаго, врага Изяслава Мстиславича и вѣрнаго союзника Святослава Ольговича. [14] Во время княженія въ Кіевѣ Мономаховича, Ростислава Мстиславича, мужи Кіевскіе, въ союзѣ съ мужами Черниговскими, принимаютъ живое участіе, чтобы покорить Ростислава Мстиславича съ его союзникомъ и сватомъ, Княземъ Черниговскимъ, Святославомъ Ольговичемъ, и доставить столъ Кіевскій Изяславу Давыдовичу. [15] По смерти Ростиславича Мстиславича, когда Кіевскіе люди и Черные Клобуки пригласили на столъ Кіевскій Мономаховича, Мстислава Изяславича, то многіе изъ Бояръ вооружили противъ послѣдняго другихъ Князей и своей измѣной содѣйствовали взятію города Кіева приступомъ войсками Андрея Боголюбскаго. [16] Въ 1174 году Андрей Боголюбскій обвинялъ Кіевскихъ Бояръ въ смерти Мономаховича, Глѣба Юрьевича, посаженнаго имъ, Андреемъ, на Кіевскомъ столѣ. [17] Наконецъ, въ 1177 году, Кіевскіе Бояре, недовольные Романомъ Ростиславичемъ, Княземъ изъ племени Мономаха, пригласили въ Кіевъ Князя Черниговскаго, Святослава Всеволодовича, изъ племени Ольговичей. [18] Такимъ образомъ, въ теченіе всего домонгольскаго періода, въ то время, когда люди приглашали къ себѣ Князей изъ рода Мономахова, Бояре постоянно держались Ольговичей.

Встрѣчая постоянное противодѣйствіе со стороны Бояръ своего города, Кіевское посадское населеніе, въ своей борьбѣ съ нелюбимыми Князьями и ихъ дружинниками, не оставалось, однако, въ уединенномъ, безпомощномъ, состояніи. Возставая противъ нелюбимыхъ Князей и ихъ дружинниковъ, посадское населеніе города Кіева нашло союзниковъ, съ одной стороны, въ однородномъ съ нимъ посадскомъ населеніи пригородовъ, съ другой стороны въ поселенныхъ кочевникахъ Кіевской области. Сочувствіе къ дому Мономаха и ненависть къ Ольговичамъ вмѣстѣ съ Кіевскимъ посадскимъ населеніемъ раздѣляли всѣ Черные Клобуки и все населеніе пригородовъ, и по тому, когда началась вражда между Ольговичами и Мономаховичами, все новое населеніе Кіевской области примкнуло къ посадскимъ людямъ города Кіева и почти всегда дѣйствовало съ послѣднимъ единодушно въ теченіе всего домонгольскаго періода. Въ 1146 году, когда Кіевскіе люди измѣнили Игорю Ольговичу и отправили посольство въ Переяславль приглашать на столъ Кіевскій Изяслава Мстиславича, то, въ слѣдъ за ними, по знаку, поданному изъ Кіева, отправили приглашеніе къ Изяславу Мстиславичу всѣ Черные Клобуки, новые города: Бѣлгородъ и Васильевъ, и всѣ новые города и кочевники, жившіе по рѣкѣ Роси. Въ 1150 году, когда Изяславъ Мстиславичъ, под-

держиваемый посадскимъ населеніемъ Кіева, въ третій разъ рѣшился вытѣснить Юрія изъ Кіева, то на дорогѣ пристали къ нему Черные Клобуки и всѣ новые города: Бѣлгородъ, Дорогобужъ, Корческъ, Мичьскъ, добровольно оттворили ему ворота. Въ 1151 году, когда Юрій, на походѣ противъ Изяслава, подошелъ къ Бѣлгороду и требовалъ, чтобы ему оттворили ворота, то Бѣлгородцы отвѣчали, что они исполнятъ его волю, когда Кіевъ отторитъ ему свои ворота. Въ 1158 году, когда, по смерти Юрія, Кіевляне стали грабить и убивать Суздальцевъ въ своемъ городѣ, то, по ихъ примѣру, въ то же время избили и ограбили Суздальцевъ по всѣмъ городамъ и селамъ Кіевской области. Наконецъ, въ 1202 году, когда внукъ Изяслава Мстиславича, Романъ Мстиславичъ Галицкій и Волынскій, заклятый врагъ Боярства, пошелъ къ Кіеву противъ Рюрика Ростиславича, то всѣ Черные Клобуки и всѣ люди городовъ Русскихъ присоединились къ нему на дорогѣ, а Кіевляне добровольно оттворили ему ворота на Подолѣ, въ Копировѣ концѣ. [19]

Подобно посадскимъ людямъ, и Бояре города Кіева, въ своихъ, сочувствіяхъ и стремленіяхъ, не оставались въ уединенномъ состояніи. Въ то время, когда новое населеніе, посадскіе люди и поселенные кочевники, во всей области Кіевской, соединились въ одну партію, все пригородное Боярство, для противодѣйствія этому новому населенію, примкнуло къ Боярамъ главнаго города и дѣйствовало съ ними за одно въ теченіе всего домонгольскаго періода. Когда Изяславъ Мстиславичъ сдѣлался Княземъ Кіевскимъ противъ воли Кіевскаго Боярства, то Князь стараго города Турова, Вячиславъ Владимировичъ, по совѣту своихъ Бояръ, не приложилъ чести Изяславу Мстиславичу и произвольно завладѣлъ нѣкоторыми городами Кіевской области. Въ 1139 году Всеволодъ Ольговичъ, сторонникъ Кіевскаго Боярства, желая овладѣть Кіевскимъ столомъ, сначала съ малой дружиной пошелъ въ Вышгородъ, старый городъ, населенный Боярами, и былъ принятъ тамъ безъ сопротивленія. Только изрядивши полки въ Вышгородѣ, Всеволодъ Ольговичъ отправился потомъ къ Кіеву и сталъ зажигать дворы на посадахъ, чтобы принудить посадское населеніе къ уступчивости. Въ 1174 году Ростиславичи, отказавши Андрею выдать Бояръ, обвиняемыхъ въ отравленіи Глѣба Юрьевича, съ приближеніемъ Суздальскихъ полковъ не захотѣли защищаться въ Кіевѣ, но отправились въ тотъ же старый городъ Вышгородъ, гдѣ Бояре, по всей вѣроятности, имѣли болѣе силы, чѣмъ въ главномъ городѣ. [20]

Такимъ образомъ, со временъ возстанія посадскихъ людей въ городѣ Кіевѣ, все населеніе Кіевской области, не принадлежавшее къ

Княжескимъ дружинамъ, распалось на два враждебные стана: на одной сторонѣ стало новое населеніе—посадскіе люди и поселенные кочевники, на другой сторонѣ—Боярство. Во главѣ одной партіи стояли посадскіе люди города Кіева, во главѣ другой партіи—Бояре города Кіева. Обѣ партіи попеременно возставали противъ Князей и ихъ дружинниковъ. Если Княземъ и его дружиной было довольно Боярство, то ими не были довольны посадскіе люди и Черные Клобуки; если же Князь былъ любъ этимъ последнимъ, то противъ него дѣйствовали Бояре. По своей малочисленности, Бояре Кіевской Земли никогда не могли доставить побѣды и власти Князьямъ, враждебнымъ народу, если эти Князья не имѣли въ своемъ распоряженіи многочисленныхъ полковъ, составленныхъ изъ сбродныхъ дружинъ и кочевыхъ народовъ, и волей, неволей, сносили власть любимцевъ народа, буде эти послѣдніе не были вытѣсняемы враждебными дружинами другого Князя. Со временъ возстанія посадскихъ людей въ городѣ Кіевѣ всѣ Князья открыто враждебные народу: Изяславъ Ярославичъ, Всеволодъ Ольговичъ, Изяславъ Давыдовичъ и другіе, утверждались въ Кіевѣ только при помощи своихъ сбродныхъ дружинъ, или союзныхъ чужестранныхъ полковъ и кочевыхъ народовъ, [21] и два изъ нихъ: Игорь Ольговичъ и Изяславъ Давыдовичъ, поплатились жизнью за свою попытку овладѣть Кіевской Землей противъ воли ея новаго населенія Угрожаемые народомъ, Бояре Кіевскіе, противъ собственной воли, призвали къ себѣ, на княженіе Владимира Мономаха, и волей, неволей, вмѣстѣ съ Боярами Турова и другихъ городовъ Кіевской Области. подчинились власти Изяслава Мстиславича, какъ только эту власть признало надъ собой все новое населеніе. [22] Преобладающее значеніе новаго населенія Кіевской Области по отношенію къ Боярамъ было причиной, что потомство Изяслава Ярославича утратило на всегда главный столъ этой Области и почти всѣ ея земли, и что этимъ столомъ и этими землями до конца XII столѣтія, то есть, до окончательнаго паденія силы и значенія городскаго народа, владѣли почти исключительно одни только Мономаховичи, любимцы народа. Изъ 9 Князей, княжившихъ въ Кіевѣ въ періодъ времени отъ смерти Мономаха (1125) до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго (1171 г.), 7 Князей было изъ племени Мономаха, и только 2 Князя изъ племени Святослава Ярославича Черниговскаго. [23] Не одолѣвая Боярство, новое населеніе Кіевской Области безсильно было одолѣть другое господствующее сословіе Кіевскаго Княжества: сбродныя Княжескія дружины. Между посадскими людьми и поселенными кочевниками, дѣйствовавшими почти всегда

единодушно противъ сторонниковъ Боярства, не было общихъ сословныхъ выгодъ, которыя соединили бы ихъ въ одно цѣлое неразрывными узами. Поселенные кочевники такъ же были чужды выгодамъ и стремленіямъ городскихъ сословій Бояръ и посадскихъ людей, какъ и сбродныя дружины, съ которыми имѣли одно общее происхожденіе. [24] Черные Клобуки помогали посадскимъ людямъ въ борьбѣ ихъ съ Ольговичами, сторонниками Боярства, только по тому, что Мономаховичи случайно успѣли заслужить любовь поселенныхъ кочевниковъ на столько же, на сколько и любовь городскаго народа. Но такъ какъ между Черными Клобуками и городскимъ народомъ не было никакихъ общихъ сословныхъ выгодъ, поэтому Черные Клобуки помогали народу только до тѣхъ поръ, пока это имъ ничего не стоило, и всегда оставляли народъ на произволъ судьбы, коль скоро имъ, Чернымъ Клобукамъ, приходилось рисковать жизнью въ борьбѣ съ сбродными Княжескими дружинами. Такъ Черные Клобуки всегда первые оставляли Изяслава Мстиславича, коль скоро нужно было вступать въ рѣшительный бой съ его непріятелями. [25] Во время осады Кіева войсками Андрея Боголюбскаго Черные Клобуки перешли на сторону враговъ Кіевскаго народа и его Князя, Мстислава Изяславича, и первые стрѣляли въ дружину этого Князя, отступавшую изъ Кіева, не смотря на то, что они же сами, вмѣстѣ съ Кіевскимъ народомъ, принимали живое участіе въ провозглашеніи этого Князя Княземъ Кіевскимъ. [26] Такимъ образомъ посадское населеніе Кіевской Области, въ своей враждѣ съ Боярами и сбродными дружинами, не находя постоянной поддержки отъ поселенныхъ кочевниковъ, говоря вообще, было въ такомъ же уединенномъ, безпомощномъ, состояніи, какъ и Боярство, и въ общемъ итогѣ выходило, что всѣ постоянныя сословія Кіевской Земли, Бояре, посадскіе люди и Черные Клобуки, враждуя попеременно то съ тѣми, то съ другими, дружинами, жили между собой постоянно или во враждебномъ, или въ уединенномъ состояніи. Но въ то время, какъ постоянное населеніе Кіевской Области парализировало свои силы взаимной враждой, или уединеннымъ состояніемъ, сбродныя дружины Князей, безпрерывно возрастая въ числѣ, вездѣ находили союзниковъ. Съ одной стороны, они находили ихъ въ самомъ населеніи Кіевской Области: если Князь враждовалъ съ Боярами, то ему помогали посадскіе люди и поселенные кочевники, если же Князь враждовалъ съ этими послѣдними, то ему помогали Бояре. Съ другой стороны, Князья, находясь вблизи степей и сильныхъ владѣтелей Польши и Угріи, въ борьбѣ съ городами, часто приводили къ себѣ на помощь орды степныхъ варваровъ

или союзные полки чужестранныхъ владѣтелей. При такомъ положеніи вещей, уже въ самомъ началѣ возстанія посадскихъ людей, Князья, какъ мы видѣли, иногда овладѣвали Кіевской Землей не только противъ воли Боярства, но даже вопреки желаніямъ новаго населенія. Съ теченіемъ времени, съ постепеннымъ возрастаніемъ сбродныхъ дружинъ, такое произвольное насильственное господство сдѣлалось еще болѣе возможнымъ.

Безсильные справиться съ сбродными дружинами, и въ то же время вызвавши своимъ возстаніемъ всеобщую борьбу между Князьями и между всѣми сословіями Кіевской Земли, посадскіе люди города Кіева своимъ возстаніемъ въ общемъ итогѣ привели только къ тому, что Княжескія дружины и ихъ союзники, чужеземные полки и кочевые народы, со временъ возстанія посадскихъ людей въ городѣ Кіевѣ, постоянно грабили и опустошали Кіевъ и истребляли его населеніе, являясь попеременно то союзниками народа, то союзниками Боярства. Изяславъ Мстиславичъ, разбивъ Игоря Ольговича и овладѣвъ Кіевомъ, посажалъ въ заключеніе всѣхъ Бояръ Кіевскихъ, сторонниковъ Игоря Ольговича; и потомъ выпустилъ ихъ на свободу только за большой выкупъ. Въ 1170 году, когда ополченіе Андрея Боголюбскаго взяло приступомъ Кіевъ, то, по словамъ лѣтописи, Смольняне, Черниговцы, Суздальцы и дружина Ольговичей, два дня грабили и опустошали Кіевъ. Въ 1174 году Святославъ Всеволодовичъ, сторонникъ Кіевскаго Боярства, внезапно напалъ на Кіевъ, захватилъ тамъ все имѣніе Князя Кіевскаго, Ярослава Изяславича, и взялъ въ плѣнъ его жену и его дѣтей. Ярославъ Изяславичъ, возвратившись въ Кіевъ, для выкупа изъ плѣна своей Княгини и своихъ дѣтей, попродалъ все движимое имущество Кіевлянъ, не исключая имущества, принадлежавшаго духовенству, монастырямъ и иностраннымъ купцамъ. Въ 1202 году Рюрикъ Ростиславичъ съ Ольговичами и Половцами, за содѣйствіе Кіевскихъ посадскихъ людей Роману Мстиславичу, взялъ приступомъ городъ Кіевъ и совершенно ограбилъ и опустошилъ его. При этомъ, если вѣрить лѣтописи, все населеніе Кіева было избито или уведено въ плѣнъ Половцами. [17]

Постоянно подвергаясь грабежамъ и опустошеніямъ со стороны Княжесскихъ дружинъ и ихъ союзниковъ, Кіевское населеніе, съ постепеннымъ размноженіемъ этихъ дружинъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряло общественное значеніе. Во второй половинѣ XII и въ началѣ XIII столѣтій, послѣ взятія Кіева приступомъ войсками Боголюбскаго, Кіевскіе люди уже болѣе не возстаютъ противъ нелюбимыхъ Князей, не призываютъ на столъ Кіевскій своихъ любим-

цевъ и не защищаютъ ихъ своимъ оружіемъ, и только изрѣдка, по древнему обычаю, съ крестомъ въ рукахъ, выходятъ на встрѣчу любимыхъ Князей, когда судьба передавала ихъ городъ въ руки послѣднихъ. Подобно посадскимъ людямъ, и Бояре, со второй половины XII столѣтія, не принимаютъ никакого дѣятельнаго участія въ судьбѣ своего города. Городъ Кіевъ въ послѣдніе годы домонгольскаго періода переходитъ изъ рукъ въ руки исключительно только по волѣ сбродныхъ дружинъ и кочевыхъ народовъ. Князья уступаютъ его другъ другу, или изгоняютъ изъ него другъ друга, не спрашивая согласія Бояръ и посадскихъ людей, не созывая ихъ на совѣщанія и не требуя отъ нихъ помощи. [28]

Печальную судьбу, постигшую городъ Кіевъ, раздѣлили, вмѣстѣ съ нимъ, и всѣ его пригороды. Когда Кіевъ потерялъ возможность располагать своей собственной судьбой, Князья Рюрикова дома съ своими дружинниками подѣлили между собою, какъ дальше увидимъ, всѣ города его области и сдѣлались единственными распорядителями и господами Приднѣпровскаго края.

Но какъ ни печальна была судьба городовъ Приднѣпровья, тѣмъ не менѣе, однако, ихъ временная борьба съ сбродными дружинами не осталась безъ послѣдствій. Возстаніе посадскихъ людей въ середѣ Русской Земли, въ городѣ Кіевѣ, и послѣдовавшая, въ слѣдъ за тѣмъ, борьба между Боярами, дружинниками и посадскими людьми въ Кіевской Области, вызвали всеобщее движеніе по всѣмъ городамъ Русской Земли: съ одной стороны, Бояре, во всѣхъ городахъ Русской Земли, то раздѣляя нерасположенные Кіевскаго Боярства къ Князьямъ народолюбцамъ, то добываясь политической самобытности, то изъ выгодъ економическихъ, стали стремиться къ освобожденію отъ власти сбродныхъ дружинъ и ихъ верховнаго вождя, Князя Кіевскаго, или же къ обращенію ихъ господства въ пользу своихъ видовъ и выгодъ. Съ другой стороны, посадское населеніе по всѣмъ городамъ Русской Земли, въ однихъ городахъ раньше, въ другихъ позднѣе, вступило въ борьбу съ Боярствомъ и съ тѣми Князьями и дружинниками, которые поддерживали стремленія и выгоды Боярства. Движеніе началось прежде всего на Юго-Западѣ, Сѣверѣ и Сѣверо-Западѣ, гдѣ Боярство было многочисленнѣе и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Русской Земли; но со временъ Андрея Боголюбскаго это движеніе отразилось и на отдаленномъ Сѣверо-Востокѣ, въ Суздальско-Ростовской Землѣ. Въ общихъ чертахъ борьба между сословіями происходила вездѣ одинаково, и вездѣ привела почти къ однимъ и тѣмъ же итогамъ, но, въ слѣдствіе мѣстныхъ различій въ распредѣле-

нiи населенія по сословіямъ, она во многомъ разнообразилась въ частностяхъ, смотря по мѣстностямъ, въ которыхъ происходила. По этому, чтобы изучить вполнѣ исторію сословной борьбы въ Руси въ домонгольскій періодъ и показать, какое вліяніе на эту борьбу имѣли географическія причины, прослѣдимъ ея исторію въ каждомъ Княжествѣ въ отдѣльности. Начнемъ съ Югозападнаго Галицкаго Княжества.

Населенные многочисленнымъ Боярствомъ, города Югозападные долгое время упорно защищали свою независимость отъ Русскихъ дружинъ, происходившихъ изъ Кіева. Покоренные впервые оружіемъ Олега, послѣ его смерти они возстали противъ власти Руссовъ и, въ теченіе многохъ лѣтъ, боролись съ дружинами Игоря и Свѣнельда за свою свободу. Но послѣ разореній и опустошеній, произведенныхъ Княгиней Ольгой въ землѣ Древлянской, не только города Земли Древлянъ, но и всѣ города Угличей и Тиверцовъ окончательно подчинились власти Князей Рюрикова дома и до начала борьбы Ольговичей съ Мономаховичами оставались совершенно покойными зрителями всѣхъ событій, происходившихъ на Югѣ, не принимая никакого дѣятельнаго участія въ Княжескихъ междоусобіяхъ. [29] Но едва начинались волненія въ Приднѣпровьи, Бояре во всѣхъ городахъ Юго-Запада снова стали стремиться къ политической самобытности. Руководимый Боярами, Князь Галицкой Земли, Владимиръ Володаревичъ, отнялъ города у своихъ братьевъ (у Василька Перемышль и у Ростислава Звенигородъ) и захватилъ нѣсколько пограничныхъ городовъ Кіевской Области. Въ происшедшей отсюда борьбѣ съ Князьями, Всеволодомъ Ольговичемъ и Изяславомъ Мстиславичемъ, Бояре Галицкой Земли постоянно поддерживали и защищали своего Князя, дѣйствовавшаго въ ихъ видахъ. По смерти Владимира Володаревича, сынъ его, Ярославъ, хотѣлъ возвратить Кіевскому Князю захваченные у него города и подчиниться его верховной власти, но Бояре Галицкой Земли не допустили къ тому своего Князя и, въ кровопролитной битвѣ возлѣ Теребовля, отстояли его независимость, противъ собственной его воли. [30] Съ прекращеніемъ въ Галицкомъ Княжествѣ дома Ростислава Владимировича, наибольшая часть Бояръ Галицкой Земли рѣшилась лучше подпасть подъ власть Королей Польскихъ и Угорскихъ, чѣмъ снова признать надъ собою верховную власть Князя Кіевскаго. Во время малолѣтства Даніила. не сморя на ненависть къ его отцу, всѣ Бояре Княжествъ Галицкаго и Владимірскаго, въ кровопролитной битвѣ возлѣ Микулина, снова отстояли независимость своего Князя отъ

притязаній Князя Кіевскаго на верховное господство въ Землѣ Галицкой. [31]

Бояре Галицкіе стремились освовободить своихъ Князей отъ верховной власти Князя Кіевскаго только для того, чтобы захватить въ свои руки Княжескую власть и, дѣйствуя ея именемъ, быть самостоятельными распорядителями края. По смерти Юрія, когда окончательно власть Князя Кіевскаго пришла въ упадокъ, и окончательно порвалась всякая зависимость Земли Галицкой отъ Кіевскаго Князя, Бояре возстали противъ собственныхъ своихъ Князей и, до самаго появленія Монголовъ, безпрерывно волновали Галицкую Землю своими крамолами. Въ 1173 году, Бояре, вмѣшавшись въ семейныя дѣла своего Князя, Ярослава Владимировича (того самаго Князя, котораго они такъ стойко защищали отъ притязаній Князя Кіевскаго, Изяслава), возмутили противъ него простой народъ, сожгли его любимицу, Настасію, и принудили его дать торжественное обѣщаніе, что онъ впредь будетъ жить съ своей супругой, какъ слѣдуетъ, по Христіянскому закону. [32] По смерти Ярослава мужи Галицкіе, вопреки предсмертному завѣщанію умершаго Князя, сначала выгнали изъ Галицкой Земли его меньшаго сына, Олега, и провозгласили Княземъ надъ всей Галицкой Землей его старшаго сына, Владимира; потомъ заставили удалиться изъ Земли и Владимира и призвали на княженіе въ Галичѣ Романа Мстиславича Волынскаго. [33] Казнями и изгнаніемъ знатнѣйшихъ Бояръ Романъ удержался на Галицкомъ престолѣ до самой смерти, и въ теченіе кратковременнаго своего княженія водворилъ миръ и порядокъ въ Землѣ Галицкой. [34] Но послѣ смерти Романа воцарилась вполнѣ безурядица въ Землѣ Галицкой. Бояре то объявляли своимъ Княземъ малолѣтняго сына Романова, Даніила, то изгоняли его и приглашали на княженіе въ Галицкую Землю Игоревичей Черниговскихъ, или Королевича Угорскаго, то изгоняли послѣднихъ и снова приглашали Даніила, то оставались совершенно безъ Князя, подъ управленіемъ знатнѣйшихъ представителей Боярства. Безурядица продолжалась и въ пору Монгольскаго завоеванія. Во время нашествія Батыя Бояре, по словамъ лѣтописи, Княземъ своимъ называли Даніила, а между тѣмъ сами всю Землю держали. [35]

Стремленіе Бояръ къ самостоятельности и къ господству не находило сочувствія среди посадскаго населенія. Во время борьбы сторонника Бояръ, Владимирка Володаревича, съ своими племянниками и Кіевскимъ Княземъ, посадскіе люди поддерживаютъ Князей, нелюбимыхъ и изгоняемыхъ Боярами ихъ Княземъ и защищаютъ главен-

ство Князя Кіевскаго надъ Галицкой Землей. Въ 1144 году, когда Владимирко Володаревичъ выступилъ противъ Кіевскаго Князя, Всеволода Ольговича, защитника изгнанныхъ Князей, Галицкіе люди отказались сражаться съ Кіевскими полками и вынудили своего Князя заключить постыдный миръ съ Кіевскимъ Княземъ. Въ томъ же году, воспользовавшись удаленіемъ своего Князя, Владимирка Володаревича, на охоту, Галицкіе люди призвали къ себѣ на княженіе его племянника изгнаннаго имъ и Боярами изъ Галицкой Земли, Ивана Ростиславича. Потерпѣвши неудачу въ своемъ предпріятіи, Галицкіе люди не отказались, однако, отъ своихъ сочувствій къ Ивану Ростиславичу. Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1159 году, снова рѣшились они возвести его на Галицкій столъ, но уже, не разсчитывая на собственныя силы, отправили посольство къ Кіевскому Князю, Изяславу Давыдовичу, прося его содѣйствія и обѣщая, какъ только онъ явится съ своими полками, отступить отъ своего Князя, Ярослава, сына Владимирка Володаревича.[36] Какъ въ Кіевской Области, такъ и въ Галицкой Землѣ, за одно съ посадскими людьми главнаго города дѣйствуютъ и посадскіе люди пригородовъ. Въ 1146 году посадское населеніе города Звенигорода хотѣло безъ бою отворить ворота своего города Князю Кіевскому, Всеволоду Ольговичу, явившемуся въ Галицкую Землю защищать Ивана Ростиславича, а въ 1159 году простой народъ Кучельмы и Ушицы переходитъ на сторону Ивана Ростиславича, осаждавшаго эти города съ Половцами.[37]

Возникшая такимъ образомъ борьба между Боярами и посадскими людьми далеко, однако, не сопровождалась тѣми послѣдствіями, какъ въ городахъ Кіевской Области. Въ городахъ Кіевской Области, какъ мы видѣли, посадское населеніе было многочисленнѣе Боярства. Совершенно въ обратномъ отношеніи находились сословныя отношенія на Юго-Западѣ. На Юго-Западѣ Князья Рюрикова дома поселились относительно уже въ позднѣйшія времена. По этому на Юго-Западѣ не могло образоваться столь многочисленное посадское населеніе, какъ въ Кіевской Области. Между тѣмъ Юго-Западъ издавна заняло Славянское населеніе, приходившее отъ береговъ Дуная. По этому тамъ было больше Старославянскихъ городовъ, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ частяхъ Русской Земли, а, слѣдовательно, и Боярство тамъ было несравненно многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Русской Земли. При такомъ распредѣленіи населенія по сословіямъ, въ то время, какъ въ Кіевской Области посадское населеніе имѣло преобладающее значеніе надъ Боярами, на Юго-Западѣ противодѣйствіе посадскихъ людей Боярамъ не имѣло успѣха: любимецъ простаго народа, Иванъ

Ростиславичъ, умеръ изгнанникомъ на чужбинѣ: его союзникъ Изяславъ Давыдовичъ, за свое желаніе помочь посадскимъ людямъ Галича, лишился Кіевскаго стола, а посадскіе люди Галича и Звенигорода, за свое сочувствіе къ изгнаннику Князю, лишились лучшихъ своихъ вождей, казненныхъ лютою смертью. [38] Также безсильны были посадскіе люди защитить и другихъ своихъ любимцевъ. Посадскіе люди любили сына Ивана Ростиславича и, не смотря на эту любовь, онъ лишился жизни отъ руки Угровъ, за свою попытку утвердиться въ Галичѣ. Посадскіе люди любили Романа, и, однако, не смотря на эту любовь, Романъ, въ борьбѣ съ Боярствомъ, однажды лишился всѣхъ своихъ владѣній, и Галича, и Владимира Волынскаго, и только силою оружія, при помощи Поляковъ, утвердился вторично въ Галичѣ. Наконецъ, посадскіе люди любили сына Романова, Даніила, но, не смотря на эту любовь, Даніилъ нѣсколько разъ Боярскими крамолами вынужденъ былъ оставлять города Галицко-Владимирской Земли и искать помощи на чужбинѣ. Только одинъ разъ, въ теченіе всей бурной жизни Даніила, Галицкіе люди, вопреки желанію Бояръ, доставили столъ своему любимому Князю: но это было въ то время, когда всѣ Бояре отправились въ походъ противъ Литовцевъ. [39]

Вышедши побѣдителями изъ борьбы съ посадскимъ населеніемъ, Бояре, какъ мы видѣли, не только освободились отъ верховной власти Князя Кіевскаго, но часто совершенно освобождались отъ власти сбродныхъ дружинъ и управлялись сами собою. Но свобода Бояръ никогда не была продолжительна. Какъ ни слабо было противодѣйствіе посадскихъ людей, тѣмъ не менѣе, однако, оно нарушало единство Галицкой Земли. Когда приходилось дѣйствовать всей Землѣ, то города, населенные исключительно посадскими людьми, дѣйствовали врознь съ городами, гдѣ было многочисленное Боярство. Такъ, въ 1208 году, когда города: Теребовль, Перемышль, Галичъ, Владимиръ и Бельзъ, возстали противъ Игоревичей, то жители Звенигорода защищали Игоревичей. Въ 1226 году города: Галичъ, Техомль, Перемышль, Теребовль возстали противъ Мстислава Мстиславича Удалаго, а городъ Кременецъ стоялъ за него. Въ 1235 году всѣ старые города Галицкой Земли измѣняютъ дѣтямъ Романа, Даніилу и Васильку, а новый городъ, Каменецъ, остается имъ вѣренъ. [40] Рознь между городами, происходившая отъ нескончаемой вражды между Боярами и посадскими людьми, еще болѣе усиливалась отсутствіемъ единства среди самаго Боярства. Со временъ возстанія Бояръ противъ Княжеской власти, какъ въ Кіевской Области, такъ и въ Галицко-Волынской Землѣ, города вступили въ частыя сношенія, подавали другъ другу помощь, и нерѣдко

бывали случаи, что Бояре всей Земли действовали какъ одинъ человѣкъ. Всѣ мужи Галицкіе дѣйствовали единодушно во время борьбы съ Княземъ Кіевскимъ, Изяславомъ Мстиславичемъ, во время изгнанія меньшаго сына Ярославова, Олега, и во время возстанія противъ Угровъ, въ 1190 году. Всѣ мужи Галицкіе дѣйствовали единодушно, приглашая на княженіе въ Галицкую Землю Игоревичей, и потомъ изгоняя ихъ изъ Галицкой Земли. Наконецъ, въ 1124 году, всѣ Бояре Галицкой Земли единодушно изгоняютъ Угорскаго Королевича изъ своей Земли и переходятъ къ Даніилу. " Но всѣ эти случаи, показывающіе, что въ землѣ Галицкой не было постояннаго отвращенія между Боярами различныхъ городовъ, далеко, однако, не были постоянными явленіями. По большей части въ дѣйствіяхъ Бояръ не было никакого единства. Не только Бояре различныхъ городовъ, но и Бояре одного и того же города; раздѣлялись на партіи, безпрерывно враждовавшія другъ съ другомъ. Во время возстанія противъ Владиміра Ярославича не всѣ Бояре были противъ Князя. Въ то время, когда одна часть Бояръ угрожала Князю, что сожжетъ его попадью и приглашала Романа Мстиславича, другая стояла на сторонѣ Князя. Когда Король Бела насильно посадилъ въ Галичѣ своего сына, Андрея, то Бояре Галицкіе раздѣлились на двѣ партіи: одни соединились съ посадскими людьми, и пригласили на княженіе Ивана Ростиславича Берладника, другіе, отчасти изъ страха за своихъ дѣтей, взятыхъ заложниками въ Угрію, отчасти подкупленные Уграми, крѣпко держались за Королевича Угорскаго. По смерти Ярослава, одни Бояре Галицкой Земли послали просить Князя къ Рюрику Кіевскому, другіе обратились въ Польскій станъ и просили къ себѣ на княженіе Польскаго Князя Лешка а третьи желали Романа Мстиславича. " Въ 1209 году, когда Король Угорскій явился на помощь малолѣтнимъ дѣтямъ Романа Мстиславича противъ мятежныхъ Бояръ Галицкихъ, то къ Королю Угорскому пристали не только Бояре городовъ Владиміра, Бельза и Каменца, но и многіе изъ Бояръ города Галича. Въ 1223 году въ городѣ Галичѣ Бояре раздѣлились на двѣ партіи: Доброславъ, Глѣбъ Зеремѣевичъ и иные многіе Бояре желали имѣть своимъ Княземъ Даніила, между тѣмъ Судиславъ съ своими сторонниками стояли за господство Угровъ. " Эта постоянная рознь между городами, между сословіями и между самымъ господствующимъ сословіемъ, производила нескончаемыя смуты и, вызывая внѣшнія вмѣшательства въ дѣла Галицкія, препятствовала стремленію городовъ къ самобытности. Пользуясь внутренними волненіями, происходившими отъ борьбы между сословіями и партіями, всѣ сосѣдніе владѣтели: Короли Угорскіе, Князья Поль-

скіе, и Русскіе, постоянно вмѣшивались во внутреннія дѣла Югозападной Руси и, по призыву враждующихъ партій, или же по собственнымъ корыстнымъ побужденіямъ, безпрерывно нападали, въ челѣ сбродныхъ дружинъ и кочевыхъ народовъ, на города Галицкой Земли, насильственно утверждали тамъ власть изгнанныхъ Князей, или же возводили на княженіе своихъ друзей и союзниковъ, своихъ родственниковъ и подручниковъ.[11] Такимъ образомъ, хотя города Юго-Западные, сильные своимъ Боярствомъ, успѣвали иногда на короткое время освобождаться отъ власти сбродныхъ дружинъ, но въ общемъ итогѣ судьба городовъ Югозападнаго края была та же, что и городовъ Кіевской Области: обуреваемые внутренними волненіями, окруженные со всѣхъ сторонъ сбродными дружинами и кочевыми ордами, города Галицкой Земли никогда не могли достигнуть на долгое время полной самобытности и, въ послѣдніе годы домонгольскаго періода, безпрерывно переходили изъ рукъ въ руки, дѣлились и передѣлялись между Польскими, Угорскими и Русскими Князьями, по волѣ сбродныхъ дружинъ и кочевыхъ народовъ.

Исторія городовъ Сѣверозападныхъ во многомъ сходна съ исторіей городовъ Югозападныхъ. Какъ на Юго-Западѣ, такъ и Сѣверо-Западѣ, борьба городовъ съ сбродными дружинами началась стремленіемъ Старославянскаго населенія къ освобожденію изъ подъ власти Князя Кіевскаго. Пользуясь стремленіемъ городовъ Сѣверозападныхъ къ политическому обособленію, Князья Полоцкіе, потомки старшаго сына Владимирова, Изяслава, не хотѣли повиноваться распоряженіямъ Князя Кіевскаго и стремились расширить свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ Княжествъ. Чтобы смирить непокорныхъ Князей Полоцкихъ и подчиненное имъ городское населеніе, Князья Кіевскіе предпринимали походы на Сѣверо-Западъ, брали приступомъ города, избивали населеніе, или забирали его въ плѣнъ и переводили въ свои владѣнія. Но всѣ эти мѣры не приводили ни къ какимъ послѣдствіямъ. Начиная отъ смерти Владимира Св. до смерти Мстислава Мономаховича шла нескончаемая борьба между Ярославичами и потомками Изяслава Владимировича, и Полоцкіе Князья то освобождались изъ подъ власти Южнорусскихъ Князей, то снова имъ подчинялись.[15] Во время княженія въ Кіевѣ сына Мономахова, Мстислава, города Полоцкой Земли, подавленные превосходящей силой Князя Кіевскаго, отказались защищать своихъ Князей. Мстиславъ безъ бою захватилъ въ плѣнъ всѣхъ Князей Полоцкихъ и послалъ ихъ въ заточеніе, а по городамъ Полоцкой Земли посажалъ своихъ сыновей и Посадниковъ.[16] Казалось, теперь города Сѣверо-Запада подпали навсегда власти Южнорусскихъ дружинъ

и ихъ предводителей. Но едва только умеръ Мстиславъ, и новый Князь Кіевскій, Ярополкъ, вступилъ въ неудачную для себя борьбу съ Всеволодомъ Ольговичемъ, Полочане изгнали Мономаховича, Изяслава Мстиславича, и пригласили къ себѣ на княженіе какого-то Василька Святополковича, внука Всеслава Глѣбовича. [47] Во время временнаго преобладанія на Югѣ Ольговичей, когда Кіевскимъ Княземъ былъ Всеволодъ Ольговичъ, возвратились изъ Царьграда и всѣ остальные Князья Полоцкіе, сосланные туда Мстиславомъ. [48] Но съ возвращеніемъ на родину Князей Полоцкихъ не возобновилась борьба ихъ съ Южнорусскими Князьями. По смерти Мстислава Мономаховича Князья Кіевскіе, обуреваемые сословной борьбой въ Кіевской Области, не имѣли ни средствъ, ни охоты, поддержать свою власть надъ отдаленнымъ Сѣверозападнымъ краемъ. Такимъ образомъ съ ослабленіемъ власти Князя Кіевскаго на Югѣ, его главенство надъ Полоцкой Землей прекратилось само собою, безъ всякихъ усилій со стороны городскаго ея населенія.

Но борьба сословій на Югѣ, освободившая Князей Полоцкихъ отъ верховной власти Южнорусскихъ Князей, въ то же самое время вызвала ожесточенную борьбу сословій и въ городахъ Сѣверозападныхъ. Освободившись изъ подъ власти Князей Кіевскихъ и ихъ ебродныхъ дружинъ, многочисленное поколѣніе старшаго сына Владимирова, Изяслава, и все принадлежавшее этому поколѣнію городское населеніе, раздѣлились на двѣ партіи. Сыновья и внуки Глѣба Всеславича, окончившаго свои дни въ заточеніи въ городѣ Кіевѣ, продолжали ненавидѣть Южнорусскихъ Князей, Ярославичей; но всѣ другіе Князья Полоцкіе, стремясь къ расширенію своихъ владѣній на счетъ Глѣбовичей, для достиженія своей цѣли, породнились съ Мстиславичами и, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, пользовались ихъ дружбой и помощью и были ихъ вѣрными союзниками. [49] Какъ вездѣ, такъ и на Сѣверо-Западѣ, посадское населеніе сочувствовало племени Мономаха и стояло на сторонѣ Князей, которые были союзниками и друзьями Мстиславичей, между тѣмъ Бояре стали на сторону Глѣбовичей, наслѣдственныхъ враговъ племени Мономаха. Въ 1151 году, когда Изяславъ Мстиславичъ боролся съ Юріемъ Долгорукимъ и Ольговичами за Кіевскій столъ, Бояре Полоцкіе изгнали изъ своего города Рогволда Борисовича (зятя Изяслава Мстиславича), разграбили домъ его и дворы его дружины, пригласили на княженіе Ростислава Глѣбовича и, чтобы найти защиту отъ Мономаховичей, отдались подъ покровительство Новгородсѣверскаго Князя, Святослава Ольговича, заклятаго врага Мстиславичей. Изгнаніе Рогволда Борисовича, сторонника Мстиславичей

какъ дѣло Бояръ, не находило сочувствія среди посадскаго населенія. Спустя нѣсколько лѣтъ, съ измѣненіемъ обстоятельствъ на Югѣ, когда Ростиславъ Мстиславичъ сталъ спокойнымъ обладателемъ Кіева, а Святославъ Ольговичъ временно склонился на сторону Мстиславичей, какъ только Рогвольдъ Борисовичъ, получивъ помощь отъ Святослава Ольговича, явился въ свои владѣнія, посадскіе люди городовъ Друцка, Полоцка и Слуцка, присоединились къ нему и изгнали Глѣбовича. [50]

Потеря Полоцкихъ лѣтописей не дозволяетъ намъ прослѣдить во всей подробности исторію сословной борьбы на Сѣверо-Западѣ. Изъ отрывочныхъ свидѣтельствъ, сохранившихся о Полоцкихъ событіяхъ въ другихъ мѣстныхъ лѣтописяхъ, видно только, что борьба между Глѣбовичами и Рогвольдовичами продолжалась непрерывно, нѣсколько поколѣній, почти до самаго появленія Монголовъ, и что ни представители знати, ни представители народа, не могли вытѣснить другъ друга изъ городовъ Сѣверозападной Руси. Поддерживаемые Боярствомъ, Глѣбовичи, въ теченіе всего домонгольскаго періода, оставались владѣтелями Минска, Городка, Изяславля и другихъ городовъ Полоцкой Земли, въ которыхъ преобладало Боярство; между тѣмъ Рогвольдовичи, поддерживаемые посадскимъ населеніемъ, удержались въ городахъ Слуцкѣ и Друцкѣ, гдѣ преобладало посадское населеніе, и гдѣ, по всей вѣроятности, вовсе не было Боярства. [51]

Какъ вездѣ на Западѣ Руси, такъ и въ Полоцкой Землѣ, борьба между знатью и народомъ препятствовала стремленію городовъ къ самостоятельности и содѣйствовала къ усиленію дружиннаго начала. Пользуясь дружбой Южнорусскихъ Князей, Рогвольдовичи приводили къ себѣ на помощь отъ береговъ Днѣпра и Десны сбродныя дружины и поселенныхъ кочевниковъ. [52] Эти Южнорусскіе сбродные дружины и кочевники, помогая Рогвольдовичамъ въ борьбѣ съ Глѣбовичами, въ то же время служили средствомъ и для обузданія городскаго населенія. Кромѣ союзныхъ Южнорусскихъ дружинъ и кочевниковъ, Князья Полоцкіе и вблизи себя находили союзниковъ для борьбы съ городами. Возлѣ Сѣверозападныхъ городовъ, по лѣсамъ и болотамъ, до самаго появленія Монголовъ, сохранялись многочисленныя племена дикихъ бродячихъ инородцевъ въ первобытномъ звѣроловномъ состояніи. Это бродячее населеніе, безпрерывно нападая на города и села Полоцкаго Княжества, въ то же время давало Князьямъ Полоцкимъ подручное средство для составленія сбродныхъ дружинъ и вспомогательныхъ отрядовъ. Не извѣстно, на сколько пользовались этимъ средствомъ Рогвольдовичи и другіе Князья, союзники Мстиславичей, но извѣстно, что въ то время, когда Мстиславичи присылали своимъ

союзникамъ на помощь Торковъ и Берендѣевъ, Глѣбовичи набирали Литовцевъ, Ливовъ и Лотголовъ и при помощи ихъ побѣждали полки своихъ соперниковъ. [53]

Власть сбродныхъ дружинъ на Сѣверо-Западѣ была несравненно слабѣе, чѣмъ на Югѣ, въ Приднѣпровьи. Бродячіе народы, находившіеся вблизи городовъ Сѣверо-Запада, по своей разбросанности и своимъ занятіямъ, не представляли столь удобнаго средства для составленія завоевательныхъ отрядовъ, какъ кочевники, переходившіе съ мѣста на мѣсто большими толпами и, по своимъ занятіямъ, ни чѣмъ не привязанные къ одной мѣстности. Между тѣмъ для завоевательныхъ движеній кочевниковъ и Южнорусскихъ дружинъ, лѣса и болота Сѣверо-Западной Руси представляли непреодолимыя препятствія. Триста Торковъ, посланныхъ Княземъ Кіевскимъ, Ростиславомъ Мстиславичемъ, на помощь Рогвольду, прежде чѣмъ достигли назначеннаго мѣста, на дорогѣ потеряли своихъ лошадей и сами едва не померли отъ голода возвращаясь пѣши домой. При такомъ положеніи вещей, въ то время, какъ въ Приднѣпровьи городское населеніе, уже въ послѣдней четверти XII столѣтія, совершенно замерло подъ напоромъ сбродныхъ дружинъ и кочевыхъ народовъ, на Сѣверо-Западѣ революціонное движеніе городовъ продолжалось до самаго появленія Монголовъ. Еще въ 1217 году посадское населеніе въ Полоцкѣ, по смерти своего Князя, Бориса Давыдовича, избило Тысяцкаго, Посадника, Ключника и Княжескую дружину, посадило въ заключеніе вдову умершаго Князя и призвало на княженіе его племянника, Василька. [54]

Но относительная слабость дружиннаго начала на Сѣверо-Западѣ не спасла, однако, городовъ Сѣверо-Запада отъ власти сбродныхъ дружинъ. Многочисленное потомство Изяслава Владимировича, ставъ во главѣ враждующихъ сословій, постоянно вызывало внѣшнія вмѣшательства и завоеванія. Пользуясь слабостію Князей Полоцкихъ, всѣ сосѣдніе владѣтели, Князья Польскіе, Литовскіе, Смоленскіе, Суздальскіе и Черниговскіе, то обращались съ ними, какъ съ подручниками то отымали у нихъ по частямъ принадлежавшіе имъ города и волости. Уже въ началѣ XIII столѣтія Смоленскіе Князья овладѣли Витебскомъ, Ливонскій Орденъ сократилъ владѣнія Князей Полоцкихъ на сѣверѣ, а Князья Литовскіе и Польскіе на западѣ. [55] Такимъ образомъ города Сѣверозападные ничего не выиграли отъ безсилія своихъ собственныхъ Князей. По мѣрѣ того, какъ власть потомковъ Владимира Святаго сокращалась, на ея мѣсто выступала власть Ливонскаго Ордена и могущественныхъ Князей Польскихъ и Литовскихъ. Безсильные освободиться отъ власти слабыхъ Князей Рюрикова дома, города

Сѣверозападные еще менѣе имѣли возможность освободиться отъ сильныхъ чужеземныхъ владѣтелей, смѣнившихъ власть Рюриковичей на крайнемъ Сѣверо-Западѣ.

Въ городѣ Смоленскѣ возстаніе Бояръ и посадскихъ людей противъ власти сбродныхъ дружинъ началось позднѣе и сопровождалось еще болѣе печальными послѣдствіями, чѣмъ въ другихъ частяхъ Западной Руси. Пока власть Князя Кіевскаго была сильна, городъ Смоленскъ переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одного Князя къ другому, по волѣ Князей Кіевскихъ, безъ всякаго участія со стороны городскаго населенія. [56] До послѣдней четверти XII столѣтія нѣтъ никакихъ слѣдовъ противодѣйствія Княжеской власти въ городѣ Смоленскѣ. Только въ 1175 году, когда власть Князя Кіевскаго окончательно пришла въ упадокъ, и всякая связь между Княжествами Кіевскимъ и Смоленскимъ совершенно уничтожилась, жители Смоленска въ первый разъ заявили о своемъ существованіи изгнаніемъ своего Князя, Ярополка Романовича, и посаженіемъ на столъ Мстислава Ростиславича. [57] Не извѣстно, какими послѣдствіями сопровождалось это возстаніе, и кто были главные его дѣятели. Извѣстно только, что съ тѣхъ поръ борьба жителей Смоленска съ Княжеской властью продолжалась въ теченіи всего домонгольскаго періода и окончилась неудачно для жителей Смоленска. Въ 1186 году жена Романа Ростиславича, причитывая надъ гробомъ своего супруга, между прочимъ говорила, что онъ многія досады принялъ отъ Смольнянъ, но не воздалъ имъ зломъ за зло. По смерти Романа Ростиславича Смоленскомъ овладѣлъ, по наслѣдственному праву, братъ его, Давыдъ Ростиславичъ, безъ приглашенія со стороны городскаго населенія, хотя, по обычаю того времени, и вышли къ нему на встрѣчу духовенство и всѣ жители Смоленска. [58] Давыда Ростиславича любили Бояре, дружина и духовенство, но не любили Посадскіе люди. [59] Въ 1185 году посадскіе люди, отправившись съ нимъ на Югъ защищать Русскую Землю отъ Половцевъ, воспротивились ити отъ Триполя къ Переяславлю, ссылаясь на усталость и, не вступая въ бой съ Половцами, принудили его возвратиться домой. Въ слѣдующемъ году жители Смоленска уже открыто, съ оружіемъ, въ рукахъ, возстали противъ Давыда Ростиславича. Хотя они были усмирены и лишились своихъ главныхъ предводителей, погибшихъ отъ меча Княжескихъ дружинниковъ, но на этомъ вражда ихъ съ Давыдомъ еще не остановилась: она продолжалась до самой смерти Давыда, какъ это видно изъ словъ Новгородскаго Князя. Олега Святославича, который, въ 1195 году, увѣдомлялъ своего дядю, Ярослава, Князя Черниговскаго, что Смольняне «не добре

живутъ съ своимъ Княземъ, Давыдомъ», и по тому можно разсчитывать на полный успѣхъ въ войнѣ съ этимъ послѣднимъ. Не смотря, однако, на постоянную ненависть къ Давыду посадскаго населенія, Давыдъ, опираясь на Бояръ и дружинниковъ, умеръ спокойно въ Смоленскѣ и передалъ столъ свой, по собственной волѣ, своему племяннику, Мстиславу Романовичу: ясный знакъ, что посадское населеніе въ Смоленскѣ такъ же было слабо, какъ и на Юго-Западѣ Руси. Такъ же точно безсильны были посадскіе люди Смоленска и въ дальнѣйшей своей борьбѣ съ Князьями и дружинниками. Такъ, въ 1232 году, за годъ до битвы Русскихъ съ Монголами при рѣкѣ Калкѣ, Святославъ Мстиславичъ, по смерти Мстислава Давыдовича, хотѣлъ войти въ городъ на княженіе, но жители Смоленска не пустили его. Тогда Святославъ Мстиславичъ, съ дружиной и своими союзниками, Полочанами, взялъ городъ Смоленскъ приступомъ, разорилъ и разграбилъ его, перебилъ многихъ его жителей, и сталъ княжить въ городѣ, противъ воли его населенія. Въ слѣдъ за тѣмъ начался голодъ въ Смоленскѣ, и почти все его населеніе вымерло. [60]

Въ Юго-восточныхъ украйныхъ городахъ лѣваго басейна рѣки Днѣпра происходила также сословная вражда между Боярами и посадскими людьми, какую мы видѣли въ городахъ Западно-Русской Земли. Какъ на Западѣ, такъ и въ городахъ Черниговскаго и Переяславскаго Княжествъ, Бояре стоятъ на сторонѣ Ольговичей, между тѣмъ посадское населеніе—на сторонѣ Мономаховичей. Въ 1161 году мужи Черниговскіе, какъ уже было замѣчено, въ союзѣ съ мужами Кіевскими, имѣя въ виду отнять Кіевъ изъ рукъ Мономаховичей, старались разстроить союзъ Князя Кіевскаго, Ростислава Мстиславича, съ Княземъ Черниговскимъ, Святославомъ Ольговичемъ, и сблизить послѣдняго съ Изяславомъ Давыдовичемъ. Во время борьбы Юрія Долгорукаго и, его союзника, Святослава Ольговича, съ Изяславомъ Мстиславичемъ, Бояре города Переяславля два рава приглашали Глѣба Юрьевича исторгнуть ихъ изъ рукъ Кіевскаго Князя, Изяслава Мстиславича, но не могли ничего сдѣлать, по тому что ихъ стремленій не раздѣляли посадскіе люди. Въ 1139 году посадскіе люди города Чернигова принудили своего Князя, Всеволода Ольговича, просить униженно мира у Князя Кіевскаго, Ярополка Мстиславича. Въ 1146 году жители города Путивля, принадлежавшаго Святославу Ольговичу, упорно защищали свой городъ отъ Давыдовичей, но безъ всякаго сопротивленія отворили ворота, какъ только подошелъ къ ихъ городу Мономаховичъ. Въ 1147 году жители города Курска отказались защищать свой городъ отъ Юрьевича, говоря своему Князю, Мстиславу

Изяславичу, изъ племени Мономахова, то же самое, что сказали однажды посадскіе люди Кіева его отцу, Изяславу Мстиславичу: «Если бы это были Ольговичи, то мы рады были бы стать противъ нихъ даже съ дѣтьми, но мы не можемъ поднять руки на Володимирово племя.» [64]

Но въ украйныхъ городахъ лѣваго берега Днѣпра сословная вражда никогда не переходила въ открытую борьбу, съ оружіемъ въ рукахъ, и никогда не оканчивалась открытымъ вовстаніемъ противъ сбродныхъ дружинъ и Княжеской власти. Въ лѣтописяхъ мы не встрѣчаемъ ни одного примѣра изгнанія Князей Боярами, или посадскими людьми, изъ городовъ лѣваго берега Днѣпра, ни одного примѣра взаимнаго разграбленія, истребленія борющимися партіями другъ друга. Правда, до насъ сохранилось немного свѣдѣній о событіяхъ, происходившихъ въ Княжествахъ Черниговскомъ и въ Переяславскомъ. Но молчаніе лѣтописей о возстаніи городовъ на лѣвомъ берегу Днѣпра нельзя приписать недостатку лѣтописныхъ свидѣтельствъ, происшедшему отъ потери мѣстныхъ Черниговскихъ и Переяславскихъ лѣтописей. Изъ немногихъ свѣдѣній, сохранившихся въ другихъ лѣтописяхъ о дѣлахъ, происходившихъ въ Княжествахъ Черниговскомъ и Переяславскомъ, видно, что сословныя отношенія въ Юговосточныхъ окраинахъ Руси были въ иномъ положеніи, чѣмъ въ другихъ частяхъ Русской Земли, и что уже по самому положенію, въ какомъ находились города въ отношеніи къ кочевникамъ и сбродным̃ъ дружинамъ, не возможны были ни открытая вражда между городской знатью и городскимъ народомъ, ни открытое возстаніе городовъ противъ Княжескихъ дружинниковъ и Княжеской власти. Въ Юговосточныхъ Княжествахъ сбродныя дружины и поселенные кочевники были такъ же многочисленны, какъ и въ Кіевской Области и, сверхъ того, Князья Сѣверскіе, связанные узами родства съ Половецкими Ханами, постоянно пользовались военной силой дикихъ, степныхъ, кочевниковъ, между тѣмъ городское населеніе на Юго-Востокѣ было еще слабѣе, чѣмъ въ Кіевской Области. Какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ, берегу Днѣпра старыхъ городовъ было немного. Слѣдовательно, какъ въ Кіевской Области, такъ и на лѣвомъ берегу Днѣпра Боярство было малочисленно. Но въ Кіевской Области, по крайней мѣрѣ, существовало многочисленное посадское населеніе, между тѣмъ въ Княжествахъ Черниговскомъ и Переяславскомъ и посадское населеніе не было многочисленно, хотя относительно оно было и сильнѣе, и многочисленнѣе Боярства, какъ это видно изъ выше приведенныхъ примѣровъ. Какъ въ Кіевской Области, такъ и въ Юговосточныхъ Княжествахъ, наибольшая часть городовъ построена была въ новѣй-

шее время Князьями Рюрикова дома. Но Князья Черниговскіе обратились къ заселенію края нѣсколько позднѣе Князей Кіевскихъ до Мстислава Тмутараканскаго не было въ Сѣверскихъ земляхъ Князей Рюрикова дома и располагали меньшими средствами для заселенія своихъ городовъ, чѣмъ Князья Кіевскіе. По этому города лѣваго берега Днѣпра оказались еще менѣе заселенными, чѣмъ города праваго берега Днѣпра. Въ Юговосточныхъ Княжествахъ, по большей части, города были небольшими пустынными острожками служившими только средствомъ для защиты окрестныхъ поселенныхъ кочевниковъ отъ набѣговъ дикихъ степныхъ кочевниковъ. Это видно какъ изъ извѣстныхъ словъ Святослава Ольговича, что онъ получилъ къ Чернигову только пять городовъ пустыхъ, въ которыхъ живутъ только псари да Половцы, такъ и изъ того обстоятельства, что города лѣваго берега Днѣпра безъ помощи Княжескихъ дружинниковъ не могли защищаться отъ кочевыхъ народовъ, и легко брались приступомъ и своими доманшими непріятелями во время междоусобій, и кочевыми народами, во время нападенія послѣднихъ на Юговосточныя окраины Русской Земли. Когда разнесся слухъ о пораженіи Игоря Сѣверскаго Половцами на рѣкѣ Каялѣ, то по Сейму и въ Княжествахъ Новгородсѣверскомъ и Черниговскомъ всѣ пришли въ отчаяніе, всѣми овладѣли по словамъ лѣтописи, скорбь и туга люта, никому не было мило ближнее и многіе откреклись душъ своихъ, жалѣючи по Князьяхъ своихъ. [62] Подавленные преобладаніемъ сбродныхъ дружинъ и кочевыхъ народовъ, ни Бояре, ни посадскіе люди, не могли ни вступить во взаимную борьбу, ни заявить о своемъ существованіи какимъ бы ни было самостоятельнымъ дѣйствіемъ. Раздѣляя всѣ сочувствія и отвращенія, волновавшія Приднѣпровье, они, по большей части, не принимали никакого дѣятельнаго участія ни въ борьбѣ Ольговичей съ Мономаховичами, ни въ междоусобныхъ войнахъ, происходившихъ между потомками Святослава Ярославича, а если иногда затѣвали какое ни будь дѣло, то, по своей слабости, не могли привести его въ исполненіе. Въ 1164 году, по смерти Святослава Ольговича, передніе мужи хотѣли передать Черниговскій столъ сыну его, Олегу, но, не смотря на это желаніе, Черниговскій столъ достался, безъ всякаго протеста со стороны мужей, другому Князю, Святославу Всеволодовичу, который овладѣлъ имъ противъ воли мужей, по добровольной сдѣлкѣ съ своимъ соперникомъ, Олегомъ Святославичемъ. Въ 1161 году Стародубцы пригласили къ себѣ на княженіе этого же самаго Олега, но прежде чѣмъ пришелъ приглашенный Князь, явилась въ городъ дружина его соперника, Ярослава, и горожаномъ, по словамъ

лѣтописи, нельзя было выполнить своего намѣренія. Безъ бою, безъ протеста, они отказались отъ любимаго Князя и, волей, неволей, подчинились враждебнымъ имъ дружинамъ того Князя, котораго они не желали. [63]

Малочисленность Боярства и преобладающее значеніе сбродныхъ дружинъ и кочевыхъ народовъ на Юго-Востокѣ Руси, по всей вѣроятности, было причиной, что города Сѣверскіе и Переяславскіе менѣе другихъ городовъ отличались стремленіемъ къ отдѣльному существованію. Въ борьбѣ Мстислава Тмутараканскаго съ Ярославомъ (въ то время, когда новыхъ городовъ еще было немного, и кочевники еще не разселились по Сѣверской Землѣ, и когда, слѣдовательно, всѣмъ еще заправляло въ краѣ Старославянское Боярство) нельзя не замѣтить стремленія городовъ Сѣверскихъ къ освобожденію изъ подъ власти Князя Кіевскаго. Черниговцы принимаютъ къ себѣ Князя, котораго не захотѣли принять Кіевляне и, вмѣстѣ съ другими городами Сѣверской Земли, вступаютъ въ бой съ Варягами и Руссами Ярослава, для защиты принятаго ими Князя. Но послѣ смерти Мстислава Тмутараканскаго, съ постепеннымъ распространеніемъ возстанія посадскаго и кочеваго населенія, мы не встрѣчаемъ болѣе ни одного примѣра стремленія городовъ Сѣверскихъ къ отторженію отъ политическаго единенія съ Кіевскимъ Княжествомъ. Напротивъ, и Бояре, и посадскіе люди, во взаимной борьбѣ, со временъ возстанія городовъ въ Кіевской Области, вступаютъ въ тѣсную связь съ городами Кіевскаго Княжества и, какъ видно изъ выше приведенныхъ данныхъ, если не Бояре, то посадскіе люди, поддерживаютъ зависимость своихъ Князей отъ Князя Кіевскаго. Это было причиной, что Княжества Черниговское, Сѣверское и Переяславское долѣе всѣхъ другихъ окрестныхъ Княжествъ находились въ зависимсти отъ Князя Кіевскаго. Давыдовичи, а въ слѣдъ за ними, и Ольговичи, должны были признать надъ собою верховенство Князя Кіевскаго, Изяслава Мстиславича, и по призыву выступать въ походъ противъ всѣхъ его недруговъ и для защиты Русской Земли. [64] Ростиславъ Мстиславичъ, во время княженія своего въ Кіевѣ, заставилъ Черниговскаго Князя, Святослава Всеволодовича, сдѣлать уступки Олегу Святославичу. Наконецъ, во время княженія въ Кіевѣ Мстиславича Изяславича, Ольговичи, по словамъ лѣтописи, ходили въ послушаніи Князя Кіевскаго.

Такимъ образомъ сбродныя дружины и кочевые народы, подавивши возстаніе городовъ на Западѣ, на Юго-Востокѣ своимъ преобладающимъ значеніемъ предупредили всякое самостоятельное дви-

женіе городовъ еще прежде, чѣмъ это движеніе успѣло обнаружиться. Но вышедши побѣдителями изъ борьбы съ городами на Западѣ и Юго-Востокѣ, сбродныя дружины и кочевые народы не имѣли того же успѣха на Сѣверѣ.

По смерти Ярослава, со временъ окончательнаго изгнанія Варягоруссовъ изъ городовъ Русской Земли, власть сбродныхъ дружинъ, утвердившихся въ Приднѣпровьи, одинаково распространялась на всѣ владѣнія Князей Рюрикова дома, не исключая и городовъ Сѣверныхъ. Мономахъ и Мстиславъ посылаютъ въ Новгородъ Посадниковъ и Князей, собираютъ тамъ дани, творятъ судъ и расправу и вообще господствуютъ на Сѣверѣ также точно, какъ господствовали и въ другихъ частяхъ Русской Земли. Но уже въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтій, въ пору найбольшаго могущества сбродныхъ Южнорусскихъ дружинъ, власть Русскихъ Князей на Сѣверѣ несравненно была слабѣе, чѣмъ на Югѣ. Въ 1095 году Новгородцы отказались принять къ себѣ на княженіе Давида Святославича, назначеннаго къ нимъ Ярославичами. Въ 1092 году Новгородцы снова, вопреки распоряженіямъ главныхъ Южнорусскихъ Князей, Мономаха и Святополка, отказались принять на княженіе Святополкова сына. [66] Безнаказанно нарушая распоряженія Князей Рюрикова дома въ началѣ XII столѣтія, Новгородцы, со временъ княженія Всеволода Мстиславича, когда на Югѣ, по смерти Мстислава Мономаховича, власть Князя Кіевскаго стала клониться къ упадку, совершенно освободились отъ произвольнаго, насильственнаго, господства сбродныхъ дружинъ и стали изгонять своихъ Князей и произвольно низвергать и избирать своихъ Тысяцкихъ и Посадниковъ. Во время временнаго усиленія Суздальской Земли при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ Юрьевичѣ, Князья Суздальскіе стремились сломить вольность Новгородскую и снова утвердить насильственную власть сбродныхъ дружинъ надъ Новгородской Землей, но это стремленіе осталось безъ послѣдствій. До конца домонгольскаго періода все болѣе и болѣе ослабѣвала власть Князей Русскихъ надъ Новгородской Землей. Ополченіе Андрея Боголюбскаго отступило отъ Новгорода безъ успѣха. Ярославъ Всеволодовичъ, въ борьбѣ съ Новгородомъ, долженъ былъ отказаться отъ надежды управлять Новгородцами по своей волѣ. Въ началѣ XIII столѣтія власть Княжеская въ Новгородѣ до того пришла въ упадокъ, что рѣдко какой Князь оставался въ Новгородѣ болѣе одного года, и по большей части всѣ Князья сами добровольно оставляли Новгородъ. Такъ мало привлекательна была для нихъ въ то время Княжеская власть въ Новгородѣ. [67]

Но, не смотря на постепенное ослабленіе власти сбродныхъ дружинъ на Сѣверѣ, Новгородцы, однако, никогда не могли совершенно освободиться отъ ихъ власти и совершенно порвать всякія сношенія съ Русской Землей. Двѣ причины постоянно поддерживали власть Князей Рюрикова дома надъ Новгородской Землей и связь Новгорода съ Русской Землей. Во первыхъ, когда власть Князей не могла уже господствовать насильственно, Новгородцы добровольно поддерживали эту власть для борьбы съ сосѣдними народами. Только при помощи Князей, умѣвшихъ устроивать полки и предводить ими, Новгородцы могли удачно бороться съ сосѣднимя народами и отстаивать свою независимость отъ Шведовъ и Ливонскаго Ордена. Какъ важна была Новгородцамъ Княжеская власть для внѣшнихъ сношеній съ чужестранными народами, это яснѣе всего видно изъ словъ, влагаемыхъ лѣтописцемъ въ уста Новгороцевъ по смерти Мстислава Храбраго. Когда умеръ Мстиславъ Храбрый, то Новгородцы, по словамъ лѣтописи, такъ его оплакивали:, «Вотъ уже, Господинъ Князь, мы не можемъ поѣхать съ тобой въ чужую Землю порабощать поганыхъ Новгородской Области: дѣдъ твой, Мстиславъ, освободилъ насъ отъ обидъ, а ты, Господинъ нашъ, поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего.» [68] Во вторыхъ, Новгородцы, имѣя полную возможность совершенно освободиться отъ власти Русскихъ Князей и совершенно порвать всякую политическую связь съ Русской Землей, вынуждены были, однако, поддерживать добровольно эту власть и эту связь изъ видовъ економическихъ. Новгородская Земля не производила хлѣба въ количествѣ, достаточномъ для пропитанія всего ея населенія. Не имѣя возможности добыть средства существованія отъ земледѣлія, Новгородцы, по необходимости, обратились къ торговлѣ. Между тѣмъ обширные торговые обороты Новгородскихъ мужей и купцовъ со всѣми городами Русской Земли и необходимость получать хлѣбъ изъ Южной Руси и Приволжскаго Края поставили Новгородскую Землю въ економическую зависимость отъ другихъ Русскихъ Земель, которая повлекла за собою политическую зависимость Новгорода отъ Русскихъ Князей. До какой степени економическая зависимость Новгорода отъ Южнорусскихъ и Сѣверовосточныхъ Земель поддерживала власть Русскихъ Князей надъ Новгородской Землей, это видно изъ исторіи борьбы Новгорода съ Русскими Князьями. Во всѣхъ случаяхъ, когда Новгородцы вступали во вражду съ Русскими Князьями, эти послѣдніе задерживали въ своихъ Княжествахъ Новгородскихъ купцовъ и не пропускали въ Новгородъ хлѣба. И эта мѣра всегда оказывалась дѣйствительной. Прекращеніе торговыхъ сношеній и происходившій

отъ того голодъ постоянно заставляли Новгородскихъ мужей быть сговорчивыми, и волей, неволей, подчиняться власти Русскихъ Князей. [69]

Но, вынужденные добровольно поддерживать власть Русскихъ Князей, когда они уже не могли господствовать насильственно, Новгородцы, однако, не подчинились имъ безусловно: они вступили къ нимъ въ особенныя своеобразныя отношенія, совершенно несходныя съ тѣми, въ какихъ находились Русскіе Князья къ другимъ городамъ Русской Земли.

Имѣя полную возможность освободиться отъ власти Русскихъ Князей и въ то же время нуждаясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ этими Князьями для внѣшней безопасности и для своихъ торговыхъ оборотовъ, Новгородцы не отдались подъ власть какого нибудь одного Княжескаго рода съ наслѣдственною властью, но постоянно стремились оставаться подъ непосредственною властью того Князя, которому принадлежала верховная власть надъ всѣми Князьями Русской Земли. Только одинъ Великій Князь, господствовавшій надъ всѣми другими Князьями, могъ обезпечить Новгородцамъ свободу торговли на всемъ пространствѣ Русской Земли; и только одинъ Великій Князь, распологавшій силами всей Русской Земли, могъ вполнѣ защитить ихъ отъ внѣшнихъ чужестранныхъ завоеваній. По этому Новгородцы постоянно стремились оставаться подъ властью Великаго Князя и постоянно поддерживали мысль, что Новгородъ есть вотчина Великаго Князя всей Русской Земли. Какъ говорили Новгородцы въ XIII столѣтіи Тверскимъ Князьямъ: «Если вынесутъ тебѣ изъ орды великое княженіе, то ты нашъ Князь,» такъ точно говорили они и въ XII столѣтіи Юрію Долгорукому: «Когда будешь Великимъ Княземъ въ Кіевѣ, то и Новгородъ будетъ въ твоей волѣ: кого захочешь, того и дашь намъ Княземъ.» [70] Чтобы удовлетворить желанію Новгородцевъ быть подъ непосредственной властью Великаго Князя всей Русской Земли, Ярославъ, распредѣляя земли, между своими сыновьями, отдалъ Новгородскую Землю старшему сыну своему Изяславу, владѣтелю Кіева и Великому Князю всей Русской Земли. [71] По всей вѣроятности, это предсмертное распоряженіе Ярослава сдѣлано имъ въ угоду Новгородцамъ, на основаніи, быть можетъ, жалованныхъ грамотъ, дарованныхъ имъ Новгородцамъ послѣ побѣды надъ Святополкомъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, опредѣлялись отношенія Князей къ Новгородцамъ, выгодныя для послѣднихъ. Очень можетъ быть, что въ этихъ грамотахъ, кромѣ постановленія о судѣ и данях, было и опредѣленіе, что впредь Новгородская Земля нераздѣльно будетъ принадлежать одному только Великому Князю всей Русской Земли. Какъ бы то ни было, но со

временъ Ярослава Новгородская Земля на долгое время соединилась съ Кіевской Областью и, вступивши подъ непосредственную власть Князя Кіевскаго, стала управляться присылаемымъ отъ него Посадникомъ-Мужемъ, или Намѣстникомъ-Княземъ. Такъ какъ со временъ Ярослава Новгородская Земля составляла нераздѣльную часть Кіевской Области и ея Князь былъ только Посадникомъ Кіевскаго Князя, по этому, въ первыя поры, слѣдовавшія за смертью Ярослава, обыкновенно, съ измѣненіемъ власти въ Кіевѣ, измѣнялась власть и въ Новгородѣ. Такъ Изяславъ, переселившись въ Кіевъ, оставилъ въ Новгородѣ Посадника Остромира. Святославъ Ярославичъ, изгнавши изъ Кіева Изяслава, назначилъ въ Новгородъ сына своего, Глѣба. Всеволодъ Ярославичъ, овладѣвши Кіевомъ, послалъ въ Новгородъ внука своего, Мстислава. Мономахъ, сдѣлавшись Княземъ Кіевскимъ, вызвалъ изъ Новгорода Мстислава, и оставилъ тамъ внука своего, Всеволода. [72] Иногда случалось, что съ перемѣной власти въ Кіевѣ, въ Новгородѣ на нѣкоторое время оставался прежній Князь. Такъ Глѣбъ Святославичъ оставался Новгородскимъ Княземъ и послѣ 1079 года, когда Великимъ Княземъ Кіевскимъ сталъ опять Изяславъ Ярославичъ. Святополкъ продолжалъ нѣсколько лѣтъ быть Княземъ Новгородскимъ и послѣ смерти своего отца, когда Кіевскимъ Княземъ сталъ Всеволодъ. [73] Эти данныя, однако, не доказываютъ, чтобы въ то время Новгородъ былъ свободенъ отъ власти Князя Кіевскаго, по тому что и Глѣбъ и Святополкъ могли оставаться въ Новгородѣ и послѣ смерти своихъ отцовъ по волѣ новыхъ Князей Кіевскихъ. Что Князья, по смерти Ярослава, постоянно признавали въ основѣ, что Новгородъ долженъ принадлежать Великому Князю Кіевскому, это видно какъ изъ того, что Мономахъ не оспаривалъ у Святополка права назначить въ Новгородъ своего сына, такъ и изъ того, что Князья на Любецкомъ съѣздѣ никому не отдали Новгородской Земли въ наслѣдственное вотчинное владѣніе. [74] И въ послѣдствіи всѣ свои споры и притязанія на владѣнія Новгородской Землей постоянно основывали на родовомъ старѣйшинствѣ, по занимаемому столу Кіевскому. [75]

И такъ, уже по распоряженію Ярослава, Новгородъ поставленъ былъ въ исключительное положеніе къ Русскимъ дружинамъ. Всѣ другія Княжества достались въ наслѣдственную собственность какому ни будь Княжескому дому, между тѣмъ Новгородъ долженъ былъ переходить отъ одного Князя къ другому, по мѣрѣ того, какъ измѣнялась, по порядку родоваго старѣйшинства, власть въ Кіевѣ. Всѣ другія Княжества должны были дѣлиться, между тѣмъ Новгородская Земля должна была нераздѣльно принадлежать одному только Великому Князю.

Если столъ Кіевскій не былъ спорнымъ между Князьями, и Князь Кіевскій постоянно былъ самымъ сильнѣйшимъ Княземъ, то, по всей вѣроятности, Новгородцы постоянно оставались бы подъ властью Князя Кіевскаго, и этой исключительной зависимостію отъ одного только Великаго Князя Кіевскаго и ограничилось бы исключительное положеніе Новгорода въ отношеніи къ Русскимъ дружинамъ; но на дѣлѣ такъ не случилось.

По смерти Мстислава началась борьба между Ольговичами и Мономаховичами за обладаніе Кіевомъ. Эта борьба, при тѣсной связи Новгорода съ Кіевскою Областію, распространялась и на Новгородскую Землю. Такъ какъ по общепринятому правилу, кто владѣлъ Кіевомъ, тотъ долженъ былъ владѣть и Новгородомъ, по этому Ольговичи спорили съ Мономаховичами не только за обладаніе Кіевскимъ столомъ но и за владѣніе Новгородской Землей. [76] Въ то время, какъ Ольговичи и Мономаховичи спорили за обладаніе Новгородской Землей, какъ нераздѣльной частью Кіевской Области, Князья Суздальскіе оспаривали у Южно-Русскихъ Князей право на владѣніе Новгородской Землей на основаніи своего родоваго старѣйшинства. Считая себя по праву родоваго старѣйшинства Великими Князьями всей Русской Земли, Князья Суздальскіе постоянно стремились уничтожить исключительное право Князей Кіевскихъ на верховное обладеніе Новгородской Землей. Юрій Долгорукій, еще до завоеванія имъ Великокняжескаго стояла въ Кіевѣ, требовалъ отъ Новгородцевъ, чтобы они приняли на княженіе его сына, Андрей Боголюбскаго, отказавшись добровольно отъ Кіевскаго стола, тѣмъ не менѣе увѣдомлялъ Новгородцевъ, что онъ намѣренъ искать Новгородъ «либо добромъ, либо лихомъ», и посылалъ противъ Новгородцевъ ополченіе, для насильственнаго подчиненія своей власти Новгородской Земли. Подобно своему брату, Андрею, и Всеволодъ Юрьевичъ всю жизнь добывался исключительнаго права посылать въ Новгородъ Князя. [77] Ко всѣмъ этимъ спорамъ за владѣніе Новгородской Землей, возникавшимъ между Князьями, въ слѣдствіе неясности и неопредѣленности, кто старшій между ними, отъ времени до времени присоединялись споры между Князьями, возникавшіе въ слѣдствіе стремленія младшихъ Князей освободиться отъ власти старшихъ. Хотя старшіе Князья постоянно, какъ уже замѣчено было, признавали въ основѣ, что Новгородская Земля должа принадлежать Великому Князю по всей Русской Земли, однако младшіе Князья не хотѣли признать этого правила. Назначаемые Намѣстниками въ Новгородъ, младшіе Князья постоянно старались обратить Новгородскую Землю въ свою наслѣдственную собственность и не хотѣли оставлять Новгородъ

добровольно, когда ихъ верховные Князья теряли право старѣйшинства, и когда, по общепринятому правилу, слѣдовало явиться въ Новгородъ новому Князю, назначенному новымъ старѣйшимъ Княземъ.

Съ возникновеніемъ борьбы между Князьями за обладаніе Новгородомъ и съ пастепеннымъ упадкомъ власти Князя Кіевскаго, отношенія Новгорода къ Русскимъ дружинамъ не могли оставаться въ томъ видѣ, въ какомъ установлены они были Ярославомъ. Теперь отъ Новгородцевъ зависѣло дать силу тѣмъ, или другимъ, притязаніямъ Князей и измѣнить свои отношенія къ нимъ согласно съ собственными выгодами. Выгоды Новгородцевъ, какъ мы видѣли, требовали, чтобы Новгородская Земля находилась подъ властью Великаго Князя всей Русской Земли. Стремясь постоянно оставаться подъ властью Великаго Князя всей Русской Земли, Новгородцы не хотѣли держать у себя тѣхъ Князей, которыхъ верховные Князья теряли Кіевъ, и, когда начались споры между Князьями за обладаніе Кіевомъ и Новгородской Землей, стали изгонять отъ себя Князей, не оставлявшихъ добровольно Новгорода, съ перемѣной власти въ Кіевѣ. Такъ въ 1154 году, узнавши, что Ростиславъ Мстиславичъ въ борьбѣ съ Изяславомъ Давыдовичемъ лишился Кіева, Новгородцы немедленно выслали сына его, Романа, и послали противъ Князя къ Юрію Долгорукому. Подъ начальствомъ сына Юрія Долгорукаго Новгородцы оставались во все время княженія Юрія въ Кіевѣ, но въ 1158 году, по смерти Юрія, Новгородцы немедленно сына его выслали и посадили у себя на столъ Святослава Ростиславича, отецъ котораго получилъ власть въ Кіевѣ. Въ 1167 году, когда умеръ въ Кіевѣ Ростиславъ Мстиславичъ, Новгородцы выгнали его сына, Святослава Ростиславича, и послали просить къ себѣ на княженіе сына отъ новаго Князя Кіевскаго, Мстислава Изяславича. [78] Новгородцы, однако, дорожили властью Великаго Князя Кіевскаго только по тому, что этотъ Князь былъ самымъ могущественнымъ и самымъ сильнѣйшимъ изъ всѣхъ Князей Русскихъ. Между тѣмъ, со временъ начала борьбы между Ольговичами и Мономаховичами за обладаніе Кіевомъ и Новгородомъ, власть Князя Кіевскаго стала приходить въ упадокъ, и еще за долго до окончательнаго ея паденія дѣйствительная сила не всегда была на сторонѣ того Князя, который овладѣлъ Кіевомъ. При такомъ положеніи дѣлъ Новгородцы, желая оставаться подъ верховною властью самаго сильнѣйшаго изъ всѣхъ Князей Русскихъ, со временъ начала борьбы между Ольговичами и Мономаховичами, стали избирать себѣ Князя изъ стороны наиболѣе сильнѣйшей, хотя бы эта сторона еще не успѣла овладѣть Кіевомъ, и изгонять его, коль скоро сторона сильнѣйшая оказывалась

слабѣйшей, хотя бы еще и не успѣла потерять Кіева. Такъ, во время княженія Святополка въ Кіевѣ, когда Мономахъ, оставаясь въ Переяславлѣ, заправлялъ всѣми дѣлами Русской Земли, Новгородцы удержали у себя его сына, Мстислава, назначеннаго къ нимъ предшествовавшимъ Княземъ Кіевскимъ, Всеволодомъ, и не захотѣли принять къ себѣ сына отъ новаго Князя Кіевскаго, Святополка. Въ 1139 году, когда Ольговичи одолѣли Князя Кіевскаго, Ярополка Мономаховича, то Новгородцы изгнали его племянника, Всеволода Мстиславича, и привели къ себѣ Святослава Ольговича, не смотря на то, что Ярополкъ оставался еще въ Кіевѣ. Въ 1139 году, когда Кіевскимъ столомъ овладѣлъ Всеволодъ Ольговичъ, Новгородцы послали къ нему просить къ себѣ на княженіе его брата, или сына, но узнавши, что Мстиславичи сильнѣе Ольговичей, еще во время княженія Всеволода Ольговича въ Кіевѣ, пригласили къ себѣ на княженіе, впрочемъ, съ согласія Кіевскаго Князя, одного изъ Мстиславичей. Во время княженія въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича Новгородцы находились сначала, какъ и слѣдовало, подъ властью его брата, а потомъ подъ властью его сына; но въ 1154 году, въ концѣ жизни Изяслава, послѣ неудачной для него борьбы съ Галичанами, Новгородцы выгнали отъ себя сына его, Ярослава, и приняли къ себѣ на княженіе Романа Ростиславича.[14] Вообще изгнаніе Князей, не имѣвшихъ опоры въ сильнѣйшемъ изъ Князей Русскихъ, во второй половинѣ XII столѣтія сдѣлалось столь обычнымъ, что когда знаменитый защитникъ Новгорода, Романъ Мстиславичъ, узналъ о смерти своего отца, Мстислава Изяславича (который еще за нѣсколько лѣтъ до смерти потерялъ Кіевъ, но до конца жизни былъ самымъ сильнѣйшимъ изъ всѣхъ Князей Южнорусскихъ и не терялъ надежды возвратиться снова въ Кіевъ) и объявилъ своей дружинѣ, то дружина посовѣтовала ему добровольно оставить Новгородъ, прежде чѣмъ Новгородцы узнаютъ о печальномъ событіи, его постигшемъ: «Уже не можемъ, Княже, здѣсь быти», говорили они ему: «поѣзжай къ братіи во Владиміръ!»[16] Вынужденные соперничествомъ Князей и непрочностію власти Князя Кіевскаго избирать себѣ Князя изъ стороны сильнѣйшей, хотя бы она еще не владѣла Кіевомъ, Новгородцы долгое время, однако, имѣя въ виду оставаться постоянно подъ верховною властью Великаго Князя Кіевскаго, избирали себѣ Князей только изъ сторонъ, боровшихся за обладаніе городомъ Кіевомъ. До Андрея Боголюбскаго Новгородцы брали себѣ Князя то отъ Князей Черниговскихъ, то отъ Мономаховичей, боровшихся за Кіевъ, но никогда не обращались за Княземъ ни къ Князьямъ Галицкимъ, ни къ Князьямъ Рязанскимъ, ни къ Князьямъ Полоцкимъ, однимъ словомъ, ни къ од-

ному изъ Князей не имѣвшихъ притязанія на обладаніе Кіевомъ. Но со второй половины XII столѣтія, когда власть Князя Кіевскаго явно стала клониться къ упадку, а на Сѣверо-Востокѣ явились сильные Князья, Суздальскіе, которые оспаривали первенство у Князя Кіевскаго; Новгородцы стали попеременно принимать къ себѣ на княженіе Князей Намѣстниковъ то отъ Князей Южнорусскихъ, боровшихся за Кіевъ, то отъ Князей Суздальскихъ, смотря по тому, на чьей сторонѣ казалась наибольшая сила. Такъ, въ 1161 году, Новгородцы изгнали Давыда, сына Князя Кіевскаго, Ростислава, и приняли отъ Андрея Боголюбскаго его племянника, Мстислава Ростиславича; но въ томъ же году, когда Ростиславъ, Князь Кіевскій, одержалъ побѣду надъ Изяславомъ Давыдовичемъ, Новгородцы изгнали Суздальскаго Князя и послали просить Князя у Ростислава Мстиславича. Съ тѣхъ поръ, до 1170 года, Новгородцы постоянно оставались подъ верховною властью Великаго Князя Кіевскаго; но въ 1170 году, когда умеръ Мстиславъ Изяславичъ, Новгородцы раздѣлились на стороны: одни хотѣли Ростиславича, изъ Смоленска, другіе, подъ вліяніемъ дороговизны хлѣба, не пропускаемаго изъ Суздальскаго края, хотѣли Андреева сына; наконецъ порѣшили просить у Андрея Рюрика Ростиславича. Тоже шатаніе изъ стороны въ сторону продолжалось и при Всеволодѣ Юрьевичѣ; но при Всеволодѣ Юрьевичѣ Новгородцы, въ теченіи многихъ лѣтъ, отъ 1181 до 1209 года, принимали и мѣняли своихъ Князей только по соглашенію съ этимъ послѣднимъ. Наконецъ, въ послѣдніе годы домонгольскаго періода, съ окончательнымъ упадкомъ власти Князя Кіевскаго, Новгородцы совершенно примкнули къ Суздальскому краю и принимали Князей почти исключительно только отъ Великаго Князя Суздальскаго. По смерти Всеволода Юрьевича, за исключеніемъ кратковременнаго княженія Мстислава Мстиславича Торопецкаго и Князя Черниговскаго Михаила, всѣ Князья въ Новгородѣ были изъ Суздальскаго края.[81]

Такимъ образомъ Новгородцы, вынужденные, въ слѣдствіе различныхъ причинъ географическихъ, поддерживать добровольно власть Князей Русскихъ, въ слѣдствіе этихъ же самыхъ причинъ сначала находились подъ непосредственною властью Князя Кіевскаго, а съ паденіемъ верховенства Князя Кіевскаго стремились вступить въ зависимость отъ самаго сильнѣйшаго изъ всѣхъ Князей Русскихъ. Но при безпрерывномъ измѣненіи взаимныхъ отношеній между Князьями, при неясности, кто самый сильнѣйшій изъ нихъ, при стремленіи младшихъ Князей-Намѣстниковъ обратить Новгородскую Землю въ свою наслѣдственную власть, Новгородцы вынуждены были безпрерывно

мѣнять своихъ Князей, изгонять однихъ и избирать другихъ, смотря по тому, какія событія совершались на Югѣ, пока, наконецъ, въ концѣ концовъ, всѣ отношенія Новгорода къ Русскимъ дружинамъ не ограничились только тѣмъ, что Новгородцы изъ среды этихъ дружинъ избирали себѣ верховнаго военачальника и правителя на неопредѣленное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя, по издавна укоренившемуся воззрѣнію Новгородъ до конца домонгольскаго періода продолжалъ считаться вотчиной Великаго Князя, однако, въ слѣдствіе безпрерывныхъ измѣненій Княжеской власти въ Новгородѣ, и неизвѣстности, кого считать Великимъ Княземъ, въ концѣ домонгольскаго періода образовалось и новое убѣжденіе, раздѣляемое и Князьями и Новгородцами, что Новгородцы вольны въ Князьяхъ, что они могутъ избирать себѣ любаго Князя изъ Князей Рюрикова дома. [82]

И такъ, хотя уже жалованная грамота Ярослава создала для Новгородцевъ исключительное положеніе къ Князьямъ Русскимъ, поставивши Новгородъ подъ властью Великаго Князя Кіевскаго, тѣмъ не менѣе, однако, несомнѣнно, что свободныя отношенія Новгородцевъ къ Князьямъ Русскимъ (основанныя, съ одной стороны, на формальной зависимости Новгорода отъ Великаго Князя, съ другой стороны, на правѣ Новгородцевъ выбирать для себя любаго Князя изъ Князей Рюрикова дома) возникли только въ концѣ домонгольскаго періода, въ слѣдствіе упадка Великокняжеской власти и борьбы между Князьями за обладаніе Новгородской Землей. Лѣтописецъ Суздальскій XII столѣтія, укоряя Новгородцевъ за ихъ вражду съ Андреемъ Боголюбскимъ, заключаетъ свои укоризны слѣдующими словами: «Не будемъ оправдывать Новгородцевъ, ссылаясь на то, что они освобождены прадѣдами нашихъ Князей; предположимъ, что и такъ: но развѣ прежніе Князья повелѣли имъ нарушать клятвенныя обѣщанія и посрамлять изгнаніемъ ихъ внуковъ и правнуковъ?» [83] Эти слова, подтверждая сдѣланный нами выводъ о развитіи Новгородской свободы, сверхъ того показываютъ, что вопросъ о времени происхожденія свободныхъ отношеній Новгородцевъ къ Русскимъ дружинамъ уже въ срединѣ XII столѣтія былъ вопросомъ спорнымъ, сомнительнымъ.

Упадокъ Великокняжеской власти и соперничество между Князьями поставили Новгородцевъ въ необходимость изгонять своихъ Князей и, подавши, такимъ образомъ, поводъ къ установленію совершенно свободныхъ отношеній между Новгородомъ и Русскими дружинами, въ то же время отчасти и дали средство для поддержанія и укрѣпленія этихъ свободныхъ отношеній. Когда Новгородъ, съ паденіемъ власти Князя Кіевскаго, очутился въ свободныхъ отношеніяхъ къ

Русскимъ дружинамъ, то Новгородцы, въ слѣдствіе соперничества между Князьями за обладаніе Новгородской Землей, для противодѣйствія Князьямъ, стремившимся къ насильственному водворенію въ Новгородской Землѣ, нашли себѣ союзниковъ въ самихъ же Князьяхъ Русскихъ. Когда Андрей Боголюбскій задумалъ покорить Новгородъ, то Новгородцы нашли защитниковъ своей свободы въ лицѣ храбраго Романа Мстиславича. Когда Ярославъ Всеволодовичъ задумалъ голодомъ поработить Новгородъ, то на помощь Новгородцамъ явились незванные Мстиславъ Удалой и Константинъ Всеволодовичъ. Но хотя соперничество между Князьями установило и дало средство для поддержанія свободныхъ отношеній Новгородской Земли къ Князьямъ Русскимъ, однако, само по себѣ взятое, оно не могло бы ни установить, ни поддержать этихъ отношеній, если бы не присоединились къ тому еще и другія обстоятельства, благопріятствовавшія Новгородской свободѣ. До какой степени соперничество между Князьями, само по себѣ взятое, было недостаточно для обезпеченія Новгородской свободы, это доказываетъ исторія Кіевскаго Княжества. Князья еще болѣе боролись за владѣніе Кіевскимъ Княжествомъ, чѣмъ за владѣніе Новгородской Землей, однако эта борьба не спасла города Кіева отъ совершеннаго порабощенія сбродными дружинами. Съ паденіемъ верховной власти Князя Кіевскаго сила сбродныхъ дружинъ въ Кіевской Области, какъ мы видѣли, не только не ослабѣвала, но еще болѣе усилилась. Какія же причины содѣйствовали развитію Новгородской свободы, кромѣ основной, коренной причины ослабленія власти дружинъ и во всѣхъ другихъ городахъ Русской Земли борьбы между этими дружинами?

Во первыхъ, Новгородской свободѣ содѣйствовали благопріятныя отношенія осѣдлаго населенія къ бродячимъ и кочевымъ народамъ. Новгородъ находился на Сѣверозападныхъ окраинахъ Русской Земли, вдали отъ Юговосточныхъ степей, гдѣ Князья вербовали сбродныя дружины и вспомогательные отряды для борьбы съ городами. Достигнуть кочевникамъ до Новгорода не было никакой возможности. Въ то время сообщенія между Сѣверозападной и Юговосточной окраинами Русской Земли происходили воднымъ путемъ, по рѣкамъ и озерамъ, неудобнымъ для кочевниковъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто на лошадяхъ и въ кибиткахъ. Защищенные отъ кочевыхъ народовъ лѣсами и болотами, Новгородцы не имѣли и вблизи себя ничего для усиленія сбродныхъ дружинъ. На Западѣ и Востокѣ Руси могущественнымъ подспорьемъ для составленія сбродныхъ дружинъ и усиленія Княжеской власти послужило бродячее населеніе. И въ Новгородской Землѣ находились бродячіе инородцы, но число ихъ

было ничтожно, сравнительно съ состояніемъ бродячихъ инородцевъ на Западѣ и Востокѣ. На Западѣ и Востокѣ еще сохранилось бродячее население во множествѣ въ первобытномъ независимомъ состояніи; между тѣмъ бродячіе инородцы внутри Новгородской Земли покорены были еще въ доисторическое время и по большей части обратились въ осѣдлое состояніе, а если и сохранились въ бродячемъ состояніи, то издавна привыкли подчиняться власти городскаго населенія и находились отъ него въ полной зависимости. Правда, и въ Новгородской Землѣ, по ея окраинамъ, еще сохранились остатки бродячаго населенія въ первобытномъ независимомъ состояніи, но вербовать сбродныя дружины изъ этого населенія было нелегкимъ дѣломъ, по тому что сосѣдніе владѣтели не допускали Новгородскихъ Князей далеко заходить за предѣлы Новгородской Земли для покоренія бродячаго населенія. Въ теченіе всего домонгольскаго періода шли споры между Новгородцами и сосѣдними владѣтелями за власть надъ смердами, жившими по окраинамъ Новгородской Земли. Стремленіе Новгородцевъ подчинить своей власти всѣхъ смердовъ, жившихъ по окраинамъ Новгородской Земли, на Юго-Востокѣ, оспаривали Князья Суздальскіе, на сѣверѣ города Біармійцевъ, на западѣ Шведы, Князья Литовскіе и Рыцари Ливонскаго Ордена. [84] Такимъ образомъ внутри Новгородскихъ земель Князья не могли пользоваться бродячимъ населеніемъ, по тому что это населеніе находилось въ строгой зависимости отъ Бояръ Новгородскихъ, а извнѣ по тому, что это населеніе находилось въ зависимости отъ сосѣднихъ чужестранныхъ владѣтелей.

Во вторыхъ, Новгородской свободѣ содѣйствовало единство, господствовавшее между населеніемъ города Новгорода, главнаго города всей земли Новгородской. Въ Новгородѣ, почти до конца домонгольскаго періода, не извѣстна была борьба между бѣдными и богатыми и между Боярствомъ и посадскими людьми. Въ Новгородѣ демократическіе элементы имѣли еще менѣе значенія, чѣмъ въ Галицкомъ Княжествѣ. Въ теченіе всего домонгольскаго періода въ Новгородѣ всѣми дѣлами, касающимися внѣшнихъ сношеній и внутренняго порядка, заправляли исключительно аристократическіе классы: только одни Бояре, гриди и купцы отправлялись послами для приглашенія Князей и для заключенія съ ними договоровъ; только одни Бояре, гриди и купцы затѣвали междоусобныя войны и военные походы, изгоняли Князей и смѣняли главныхъ правительствующихъ лицъ Новгорода, Тысяцкихъ и Посадниковъ. [85] Въ Новгородѣ Князья не ищутъ опоры своей власти среди посадскаго населенія. Мстиславъ Мстиславичъ, не смотря на всеобщую къ нему любовь простого народа, самъ добровольно оста-

вилъ Новгородъ, какъ только узналъ о неудовольствіи на него знатныхъ сословій. [86] Мономаховичи, представители народа на Югѣ, держались совершенно противоположной политики на Сѣверѣ. Въ Новгородѣ они искали опоры среди Боярства, и съ этой цѣлью женились сами, или женили своихъ сыновей и родственниковъ, на дочеряхъ и сестрахъ знатнѣйшихъ Боярскихъ семействъ, изъ которыхъ избирались Тысяцкіе и Посадники. [87] И въ Новгородѣ, во время волненій, часто подымается простой народъ на Бояръ, Тысяцкихъ и Посадниковъ, и грабитъ ихъ дворы и села; но въ Новгородѣ, во время возстаній, во главѣ простого народа всегда стоятъ лица, принадлежащія къ знати; простой народъ въ Новгородѣ является всегда только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ борющихся знатныхъ партій. [88] Въ Новгородѣ не извѣстна была борьба и между Боярствомъ; по крайней мѣрѣ, въ лѣтописяхъ домонгольскаго періода, нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы можно было замѣтить борьбу между Боярскими семействами. Во всѣхъ волненіяхъ и междоусобіяхъ, происходившихъ въ Новгородѣ въ домонгольскій періодъ, проглядываетъ только вражда между Славянскимъ и Нѣмецкимъ городомъ. Эта вражда замѣтна уже во время Владимира Святаго. Когда дружина Владимира, подъ начальствомъ Путяты и Добрыни, пришла въ Новгородъ крестить Новгородцевъ, то Святители безпрепятственно ходили по улицамъ и крестили народъ на Торговой Сторонѣ, между тѣмъ Славянскую Сторону надобно было брать приступомъ. [89] Но особенно вражда между сторонами Славянской и Торговой развилась съ тѣхъ поръ, какъ началась борьба на Югѣ между Ольговичами и Мономаховичами за владѣніе Кіевомъ и Новгородской Землей. Иногда эта вражда происходила, по видимому, безъ особенно важныхъ причинъ, въ слѣдствіе случайнаго неудовольствія Торговой Стороны на Посадника, начальника Славянской Стороны, и стремленія Славянской Стороны защитить своего начальника. Такъ, въ 1218 году, когда Торговая Сторона вооружилась на Посадника Твердислава, то за Твердислава вступились на Славянской Сторонѣ Людинъ конецъ и Пруссы и съ оружіемъ въ рукахъ защитили своего Посадника. Въ 1220 году, когда Князь Всеволодъ и Торговая Сторона захотѣли убить этого же самого Посадника, Твердислава, то за Твердислава скопились на Славянской Сторонѣ Пруссы, Людинъ конецъ и Загородскій, и заставили Князя и его сторонниковъ отказаться отъ своего намѣренія. Но чаще всего вражда между сторонами Славянской и Торговой происходила въ слѣдствіе неопредѣленности и измѣнчивости отношеній, существовавшихъ между Русскими Князьями. Когда началась борьба между Князьями

за право на Великокняжескій столъ и за владѣніе Новгородской Землей, то часто трудно было опредѣлить, гдѣ сторона сильнѣйшая между Русскими Князьями, и кого слѣдуетъ признать Новгородскимъ Княземъ. Отсюда борьба между Новгородцами: одни хотѣли одного Князя, другіе другого. Торговая Сторона, заинтересованная болѣе Славянской въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Суздальской Землей, желала находиться подъ верховной властью Князей Суздальскихъ, или ихъ сторонниковъ, Князей Черниговскихъ Олегова племени; между тѣмъ Славянская Сторона, населенная Боярами, по большей части держалась Мстиславичей. Въ 1131 году знать Торговой Стороны изгнала Всеволода Мстиславича и пригласила Ольговича; между тѣмъ Славянская Сторона, Бояре съ своимъ Посадникомъ, Константиномъ Нѣжатою, остались на сторонѣ Мстиславича и нѣсколько разъ дѣлали попытку снова утвердить его власть въ Новгородѣ. Въ 1157 году, когда Славянская Сторона, узнавши о смерти Юрія, возстала противъ своего Князя, Мстислава Юрьевича, то Торговая Сторона вооружилась и стала за Юрьевича.[20] Такимъ образомъ въ то время, когда на Югѣ вражда между сословіями вызвала борьбу между Князьями, въ Новгородѣ, на оборотъ, отношенія между Князьями вызвали борьбу между сословіями. Вызываемая случайными и временными неудовольствіями на того, или другого, Посадника, или чисто внѣшними причинами, запутанностію междукняжескихъ отношеній, вражда между Славянской и Нѣмецкой частями города не отличалась ни особеннымъ ожесточеніемъ и кровопролитіемъ, ни постоянствомъ въ преслѣдованіи противоположныхъ цѣлей борющимися сторонами. Послѣ кратковременной вражды, которая рѣдко доходила до кровопролитія, враждующія стороны примирялись, и когда происходило столкновеніе съ Княжескою властью, то соединялись вмѣстѣ для защиты Новгородской свободы. Такъ въ 1218 году, когда Князь Святославъ захотѣлъ лишить должности Посадника Твердислава, безъ всякой вины со стороны послѣдняго, то всѣ Новгородцы единодушно отвергли предложеніе Князя, не исключая и Торговой Стороны, которая, за нѣсколько дней предъ этимъ, съ оружіемъ въ рукахъ требовала низверженія этого же самаго Посадника.[21] Такимъ образомъ вражда между Славянскимъ и Нѣмецкимъ городомъ, единственная вражда, извѣстная въ Новгородѣ, не нарушала единства, господствовавшаго между его населеніемъ, и не препятствовала Новгородцамъ дѣйствовать единодушно, коль скоро представлялась къ тому необходимость.

Наконецъ, въ третьихъ, Новгородской свободѣ содѣйствовала тѣсная связь между населеніемъ главнаго города и населеніемъ его

пригородовъ. Мы видѣли, на Югѣ и Западѣ ожесточенная вражда между Боярами и посадскими людьми повела къ ожесточенной враждѣ и между городами; ибо новые города, исключительно населенные посадскимъ населеніемъ, всегда дѣйствовали врозь съ городами, въ которыхъ преобладало Боярство. Но въ Новгородской Землѣ постоянной вражды между городами не было, по крайней мѣрѣ до XIII столѣтія. Въ противоположность городамъ Кіевской Области, всѣ города Новгородской Земли обязаны своимъ происхожденіемъ заселительской дѣятельности Бояръ, и наибольшая часть изъ нихъ построена была еще до временъ Рюрика. Ни чѣмъ не отличаясь отъ главнаго города по происхожденію, почти всѣ пригороды имѣли тѣ же народные классы, какіе встрѣчаются въ самомъ Новгородѣ. Какъ въ Новгородѣ, такъ и во всѣхъ его знатнѣйшихъ пригородахъ, выдающимся населеніемъ во всѣхъ событіяхъ являются Бояре, гриди и купцы. [22] Отсюда можно заключить, что общественный строй какъ въ Новгородѣ, такъ и во всѣхъ его пригородахъ, основанъ былъ на исключительномъ преобладаніи вліятельнѣйшихъ сословій. При повсемѣстномъ господствѣ знати въ Новгородской Землѣ не могло быть той постоянной ожесточенной розни между городами, какую мы видимъ на Юго-Западѣ и Сѣверо-Западѣ Руси, гдѣ города не имѣли однороднаго населенія. Когда Новгородъ вступилъ въ борьбу съ сбродными Южнорусскими дружинами, всѣ пригороды примкнули къ нему и въ теченіе всего домонгольскаго періода дѣйствовали съ нимъ единодушно. Въ изгнаніи Новгородскихъ Князей, въ борьбѣ съ Южнорусскими и Суздальскими Князьями, вмѣстѣ съ Новгородцами, принимаютъ участіе и всѣ знатнѣйшіе его пригороды. Въ 1132 году партія, задумавшая изгнать Всеволода Мстиславича, пригласила въ Новгородъ и своихъ сторонниковъ изъ Пскова и Ладоги. Въ 1136 году снова въ изгнаніи Новгородцами Всеволода Мстиславича принимаютъ участіе Псковичи и Ладожане. Въ 1148 году, на вѣчѣ, созванномъ въ Новгородѣ Изяславомъ Мстиславичемъ, для совѣщанія о способахъ обороны отъ Суздальскаго Князя, Юрія Долгорукаго, вмѣстѣ съ Новгородцами принимаютъ участіе въ совѣщаніяхъ и многіе изъ жителей Пскова. Въ 1135 году, для изгнанія Всеволода Мстиславича изъ Пскова, сошлись въ Новгородъ рати со всей Земли Новгородской. Въ 1134 году, въ походѣ Новгородцевъ противъ Суздальскаго Князя, Юрія Долгорукаго, принимаетъ участіе вся Область Новгородская. Во время борьбы Новгородцевъ съ Князьями Полоцкими подъ знаменами Новгорода всегда становились рати отъ городовъ Пскова, Торжка, Ладоги и отъ другихъ пригородовъ Новгородской Области. Равнымъ образомъ, и для отра-

женія отъ Новгорода ополченій Князей Суздальскихъ, всегда по требованію Новгородцевъ, являлись къ нимъ на помощь войска отъ всѣхъ городовъ Новгородской Области. [93] И въ Новгородской Землѣ, при раздѣленіи не партіи знати главнаго города, случалось иногда, что партія, потерпѣвшая пораженіе въ главномъ городѣ, находила сильную поддержку въ какомъ ни будь пригородѣ. Тогда происходила рознь между главнымъ городомъ и его пригородомъ, которая вела къ обособленію пригорода отъ единства съ главнымъ городомъ Такъ, въ 1137 году, Бояре Новгородскіе, поддерживавшие Всеволода Мстиславича, потерпѣвши пораженіе въ своемъ городѣ, ушли въ Псковъ и, встрѣтивши тамъ большое сочувствіе, убѣдили Псковичей пригласить къ себѣ Всеволода Мстиславича и отложиться отъ Новгорода и его Князя, Святослава Ольговича. Въ 1229 году Новгородская партія, поддерживавшая власть Черниговскаго Князя, изгнанная изъ Новгорода, опять нашла поддержку во Псковѣ, въ слѣдствіе чего Псковъ снова отложился отъ Новгородскаго Князя, Ярослава Всеволодовича. Въ 1196 году Ярославъ Всеволодовичъ, изгнанный изъ Новгорода преобладающею партіей, ушелъ въ Торжокъ, гдѣ жители приняли его съ поклономъ, и такимъ образомъ отложились отъ единства съ Новгородомъ Но въ Новгородской Землѣ обособленіе пригородовъ долгое время не было рѣшительнымъ. Повсемѣстное господство знати во всѣхъ городахъ Новгородской Земли уничтожило возможность соглашенія и соединенія между многими отдѣльными пригородами для противодѣйствія господствующей вельможеской партіи главнаго города; между тѣмъ каждый пригородъ, взятый въ отдѣльности, по своей малолюдности, былъ несравненно слабѣе Новгорода, а по тому, если дѣло доходило до оружія, господствующая партія въ пригородѣ, волей, неволей, должна была подчиняться господствующей партіи въ Новгородѣ. Въ 1215 году Ярославъ Всеволодовичъ, удалившійся изъ Новгорода въ Торжокъ, изгнанъ былъ оттуда Новгородцами и ихъ Княземъ, Мстиславомъ Мстиславичемъ. Въ 1167 году жители Великихъ Лукъ, принявшіе къ себѣ изгнаннаго изъ Новгорода Святослава Ростиславича, отказались защищать его, какъ только узнали о движеніи противъ нихъ Новгородскаго ополченія съ Посадникомъ Захаріемъ. Но до оружія дѣло доходило въ рѣдкихъ случаяхъ. По большей части взаимныя недоразумѣнія между знатью пригородной и знатью главнаго города оканчивались мирнымъ способомъ. Торговыя выгоды, и потребность быть постоянно на сторожѣ отъ внѣшнихъ враговъ, постоянно поддерживали тѣсную связь знати пригородной съ знатью главнаго города и препятствовали имъ обособиться другъ отъ друга

на долгое время. Нуждаясь въ политическомъ единеніи съ главнымъ городомъ для своихъ промышленныхъ оборотовъ и для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, пригородная знать, только подъ вліяніемъ крайняго раздраженія, бралась защищать выгоды партіи, потерпѣвшей пораженіе въ Новгородѣ, и добровольно сама собой отказывалась поддерживать эту послѣднюю, коль скоро чувствовала для себя большой вредъ отъ вражды съ господствующею партіею главнаго города. Въ свою очередь, и знать главнаго города, нуждаясь, по тѣмъ же самымъ причинамъ, въ тѣсномъ сближеніи съ знатью пригородной, дѣлала всевозможныя уступки, для сохраненія дружескихъ отношеній съ послѣдней. При обоюдной уступчивости и обоюдномъ стремленіи къ миру, вражда между пригородомъ и главнымъ городомъ такъ же легко улаживалась и прекращалась мирнымъ способомъ, какъ легко улаживались и прекращались миромъ раздоры между партіями внутри главнаго города. Такъ, въ 1138 году, во время вражды Новгородцевъ съ Псковомъ, по случаю изгнанія Всеволода Мстиславича, Новгородцы не захотѣли вступать въ бой съ Псковичами, принявшими Всеволода Мстиславича, и нѣсколько времени спустя, потерпѣвши убытки отъ прекращенія торговли со Псковомъ и Суздальскимъ Краемъ, сами добровольно изгнали отъ себя, враждебнаго Псковичамъ, Святослава Ольговича, и, по соглашенію съ Псковомъ, пригласили на княженіе сына Юрія Долгорукаго. Также точно въ 1223 году враждебныя отношенія между Новгородомъ и Псковомъ, возникшія по случаю удаленія во Псковъ партіи, преданной Князьямъ Черниговскимъ и потерпѣвшей пораженіе въ Новгородѣ, не повели къ кровопроволитію, и прекратились тѣмъ, что Псковичи, когда вздорожала соль, по случаю прекращенія торговли съ Новгородомъ, отказались поддерживать Черниговскую партію, поклонились Новгородскому Князю и приняли отъ него Князя-Намѣстника. [94] Такимъ образомъ рознь, возникавшая отъ времени до времени между главнымъ городомъ и его пригородами, при могуществѣ главнаго города и при повсемѣстномъ господствѣ знати, тѣсно связанной единствомъ политическихъ и економическихъ выгодъ, почти въ теченіе всего домонгольскаго періода, не уничтожала политическаго единства Новгородской Земли и оставалась безъ всякихъ послѣдствій. Послѣ кратковременныхъ раздоровъ и временнаго обособленія пригорода, знать пригородная снова присоединялась къ знати главнаго города и дѣйствовала съ ней за одно противъ Княжеской власти.

И такъ, причина свободныхъ отношеній Новгородской Земли къ сбродныхъ Княжескимъ дружинамъ заключается не столько въ сопер-

ничествѣ, господствовавшемъ между Князьями Рюрикова дома за обладаніе Новгородской Землей, сколько въ преобладаніи на Сѣверѣ Боярскаго сословія. Изъ трехъ боровшихся въ древней Руси сословій, Боярства, сбродныхъ дружинъ и посадскихъ людей, въ Новгородской Землѣ сбродныя дружины и посадскіе люди были несравненно малочисленнѣе и слабѣе, чѣмъ въ другихъ Княжествахъ Русской Земли, а Боярство и многолюднѣе и могущественнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ частяхъ Русской Земли. Отсюда преобладающее значеніе: на Югѣ сбродныхъ дружинъ и посадскаго населенія, а на Сѣверѣ Боярства. Изъ преобладанія Боярства на Сѣверѣ уже само собою вытекало единство, господствовавшее между сословіями и городами Новгородской Земли, и слабость Княжеской власти. Это количественное отношеніе между сословіями, создавшее Новгородскую свободу, не оставалось, однако, постоянно въ одномъ и томъ же видѣ. Въ концѣ домонгольскаго періода, какъ дальше мы увидимъ, и въ Новгородской Землѣ усилилось значеніе народа, и сбродныя дружины, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникла постоянная борьба между сословіями и городами, и свобода Новгородская стала клониться къ упадку.

Тѣсная связь населенія главнаго города съ населеніемъ пригородовъ, обусловливаемая повсемѣстнымъ господствомъ городской знати, усиливая могущество Новгородской Земли въ отношеніи къ сбродным дружинамъ, въ то же время препятствовала обнаруженію самостоятельной жизни и сословной вражды въ пригородахъ. Для пригородовъ не было ни надобности, ни возможности самостоятельно и отдѣльно отъ главнаго города, вступать въ борьбу со сбродными Княжескими дружинами. Во всѣхъ случаяхъ за нихъ дѣйствовалъ и представительствовалъ главный городъ. Если главный городъ былъ доволенъ Княземъ, то и пригородъ, волей, неволей, долженъ былъ имъ довольствоваться, или, по крайней мѣрѣ, при отсутствіи всякой связи между отдѣльными пригородами, по своему безсилію, ничего не могъ предпринять враждебнаго противъ Князя главнаго города, если не находилъ поддержки въ какой ни будь партіи этого города. Если же главный городъ не былъ доволенъ Княземъ, то и пригородъ долженъ былъ присоединиться къ главному городу, или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ возможности защищать Князя, не любимаго главнымъ городомъ, если не находилъ поддержки среди борющихся партій этого города. Съ другой стороны, при тѣсной связи пригородовъ съ главнымъ городомъ, при тѣсномъ политическомъ единствѣ всей Новгородской Земли, не возможно было возникновеніе въ пригородахъ сословной борьбы между Боярами и посадскими людьми. Если въ Нов-

городѣ посадское населеніе не могло возставать, по своей слабости и малочисленности, то тѣмъ болѣе оно не могло возставать въ пригородахъ, гдѣ Боярство въ своей враждѣ съ посадскимъ населеніемъ, какъ извѣстно изъ послѣдующей поры, всегда находило поддержку въ Боярствѣ главнаго города. Для возставшаго посадскаго населенія въ пригородахъ необходимо было бороться не только съ своимъ собственнымъ Боярствомъ, но со всей силой главнаго города, располагавшаго и всей силой Земли Новгородской. Отсюда понятно, почему, въ теченіе почти всего до Монгольскаго періода, мы не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ сословной борьбы между знатью и народомъ въ Новгородскихъ пригородахъ. Такая борьба не возможна была по двумъ причинамъ: во первыхъ, въ слѣдствіе преобладанія вездѣ знати сословій, и во вторыхъ, въ слѣдствіе поддержки, находимой знатью пригородовъ въ знати главнаго города. Но взаимныя отношенія между сословіями въ пригородахъ и отношенія пригородовъ къ сброднымъ дружинамъ не оставались, однако, неизмѣнными въ теченіе всего домонгольскаго періода. Далѣе мы увидимъ, что въ началѣ XIII столѣтія, съ постепеннымъ усиленіемъ на Сѣверѣ значенія народа и сбродныхъ дружинъ, начинаетъ зарождаться самостоятельная жизнь въ пригородахъ Новгородской Земли: значительнѣйшіе пригороды Новгорода вступаютъ въ самостоятельныя отношенія къ Княжескимъ дружинамъ, и среди Новгородскихъ пригородовъ возникла доселѣ невѣдомая борьба между сословіями и политическими партіями.

Сословная вражда, слабая на Сѣверѣ, на Сѣверо-Востокѣ, въ Суздальскомъ Краѣ, сосѣднемъ съ Новгородской Землей, проявилась на короткое время съ такой же силой, какъ и на Югѣ Руси. Первоначально Суздальско-Ростовскій Край, въ распредѣленіи населенія по сословіямъ, ничѣмъ не отличался отъ Новгородской Земли, съ которой онъ до временъ Рюрика составлялъ единое цѣлое въ политическомъ отношеніи. Какъ въ Новгородской Землѣ, такъ и въ Суздальскомъ Краѣ, первоначально были только города, построенные Боярствомъ, и, слѣдовательно, по составу населенія ни чѣмъ не отличавшіеся отъ городовъ Новгородской Земли. Все различіе между Новгородской Землей и Суздальско-Ростовскимъ Краемъ первоначально состояло только въ томъ, что въ Новгородской Землѣ было болѣе городовъ, чѣмъ въ Суздальско-Ростовскомъ краѣ. Славянское заселеніе шло съ запада на востокъ; по этому, чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ менѣе было городовъ, построенныхъ Славянами. Но со временъ переселенія Князей Рюрикова дома въ Приднѣпровье, сходство Суз-

дальскаго края съ Новгородской Землей въ распредѣленіи населенія по сословіямъ скоро исчезло. Поселившись въ Приднѣпровьи, Князья Рюрикова дома стали обращать болѣе вниманія на Сѣверовосточный край, чѣмъ на отдаленную Новгородскую Землю. Суздальскій Край, какъ ближайшій къ Приднѣпровью и менѣе населенный, представлялъ болѣе удобствъ и выгодъ для заселительской дѣятельности Князей Рюрикова дома, чѣмъ отдаленная Новгородская Земля, населенная сильнымъ Боярствомъ. Уже первые Князья Руси, Владиміръ и Ярославъ, строили города въ Суздальскомъ Краѣ. Съ теченіемъ времени Новгородская Земля все болѣе и болѣе освобождалась отъ власти Князей Рюрикова дома, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и заселительская дѣятельность Князей, имѣвшая мѣсто и тамъ при Рюрикѣ и Олегѣ, все болѣе и болѣе прекращалась, между тѣмъ Суздальско-Ростовскій Край получилъ постоянныхъ Князей изъ дома Рюрикова, которые, видѣвши источникъ своего могущества въ увеличеніи населенія своей области, обратили все свое вниманіе на заселеніе Края. Юрій Долгорукій, потерявши надежду получить Кіевъ, для утѣшенія себя, по словамъ лѣтописи, сталъ строить города, населяя ихъ людьми, приходившими отъ всѣхъ концовъ земли: отъ Угровъ, Мордвы и Болгаръ, отъ Смоленска и отъ разныхъ городовъ Южнорусскихъ.[95] Его примѣру, какъ уже было замѣчено, слѣдовали его сыновья и внуки. Послѣдствіемъ заселительской дѣятельности Князей Суздальскихъ было то, что въ то время, когда въ Новгородской Землѣ, предоставленной собственнымъ усиліямъ, посадское населеніе всегда оставалось малочисленнымъ и слабымъ, въ Суздальско-Ростовской Землѣ посадское населеніе все болѣе увеличивалось и при первыхъ преемникахъ Юрія получило такое преобладающее значеніе надъ Боярствомъ, какого оно не имѣло нигдѣ, за исключеніемъ Кіевскаго Княжества, гдѣ издавна поселились Князья Рюрикова дома и издавна скопляли населеніе, для увеличенія своихъ доходовъ и своего могущества.

Какъ вездѣ, такъ и въ Суздальско-Ростовской Землѣ, первоначально города безпрекословно повиновались всѣмъ распоряженіямъ и приказаніямъ, приходившимъ изъ Днѣпровья, послушно принимали присылаемыхъ къ нимъ изъ Кіева Посадниковъ Князей[96] и во время Княжескихъ междоусобій безпрекословно переходили изъ рукъ въ руки, отъ одного Князя къ другому, не принимая никакого дѣятельнаго участія въ Княжескихъ междоусобіяхъ Такъ, въ 1096 году, когда Олегъ Святославичъ разбилъ одного изъ Мономаховичей, Изяслава Владиміровича, то города Суздальско-Ростовскіе, принадле-

жавшіе Мономаху, сдались побѣдителю безъ всякаго сопротивленія. [88] Страдальное отношеніе Сѣверовосточныхъ городовъ къ Князьямъ Русскимъ продолжалось до начала возстанія городовъ на Югѣ. Какъ вездѣ, такъ и въ Суздальскомъ Краѣ, возстаніе посадскихъ людей, въ Приднѣпровьи побудило Бояръ стремиться къ освобожденію изъ подъ верховной власти Князя Кіевскаго. Имѣя въ виду порвать всякія связи съ Приднѣпровьемъ, Бояре Суздальской Земли не сочувствовали борьбѣ Юрія съ Изяславомъ за Кіевской столъ и, еще при жизни Юрія, побудили его старшаго сына, Андрея, оставить Приднѣпровье и переселиться въ Суздальскій Край. [89] Стремленіе къ обособленію, по всей вѣроятности, было побудительной причиной и нарушенія Боярами посмертныхъ распоряженій Юрія. Юрій заповѣдалъ Боярамъ Суздальско-Ростовской Земли признать послѣ его смерти своими Князьями младшихъ его сыновей, Михаила и Всеволода, разсчитывая, по всей вѣроятности, что старшій сынъ его, Андрей, будетъ Великимъ Княземъ въ Кіевѣ. Но едва разнеслась вѣсть о смерти Юрія, всѣ Бояре старыхъ городовъ Ростова и Суздаля, въ союзѣ съ старшими дружинниками, изгнали изъ своей Земли младшихъ Юрьевичей и единогласно провозгласили своимъ Княземъ Андрея. Предпочтеніе, оказанное Боярами Андрею предъ младшими его братьями, лѣтописецъ объясняетъ всеобщею къ нему любовью всего населенія, за его добродѣтель и благочестіе. [90] Очень можетъ быть, что личныя качества Андрея дѣйствительно имѣли большое вліяніе на единогласное рѣшеніе Бояръ вручить ему власть надъ всей Суздальской Землей. Но если мы примемъ во вниманіе, что Андрей, сдѣлавшись Княземъ Кіевскимъ, какъ старшій братъ, долженъ былъ господствовать, по понятіямъ того времени, и надъ Князьями Суздальскими, какъ младшими его братьями, то нельзя не прійти къ заключенію, что Бояре, избирая Андрея, руководились не только личною расположенностію къ умному и храброму Князю, но также и желаніемъ покончить навсегда съ политической зависимостью отъ города Кіева, хотя это послѣднее желаніе могло ускользнуть отъ вниманія лѣтописца, который, какъ видно изъ тона его разсказа, не былъ на сторонѣ Боярства, а, слѣдовательно, и не могъ понимать его видовъ. Какъ бы то ни было, но если Бояре избраніемъ Андрея хотѣли освободиться отъ верховной власти Князя Кіевскаго, то они достигли вполнѣ своихъ цѣлей. Андрей, привыкши съ ранняго возраста жить на Сѣверовостокѣ, отказался добровольно отъ Кіевскаго стола и, оставшись навсегда въ Суздальско-Ростовской Землѣ, порвалъ всякую связь Сѣверовосточной Руси съ Кіевскимъ Княжествомъ,

Освободившись отъ власти Южнорусскихъ дружинъ, Бояре Суздальско-Ростовской Земли не достигли политической самобытности и не сдѣлались самостоятельными владѣтелями Края. Андрей Боголюбскій, связанный узами родства съ знатнѣйшими Боярами, и обязанный имъ своей властью надъ всей Суздальско-Ростовской Землей, не сдѣлался представителемъ выгодъ и стремленій Боярства. Опираясь на низшихъ служилыхъ людей, отроковъ и дѣтскихъ, и на всеобщую къ нему любовь посадскаго населенія, [100] Андрей Боголюбскій дѣйствовалъ совершенно самостоятельно и независимо отъ Боярства. За сопротивленіе его власти, многіе изъ Бояръ и старшихъ дружинниковъ были казнены, или изгнаны изъ Суздальской Земли. [101] Самостоятельность Андрея была причиной, что всеобщая къ нему любовь и Бояръ, и старшихъ дружинниковъ, обратилась во всеобщую къ нему ненависть. Чтобы освободиться отъ ненавистнаго Князя, Бояре составили заговоръ, и подъ кинжалами убійцъ, во главѣ которыхъ стояли знатнѣйшіе Бояре и служилые люди, палъ первый представитель жизни на Сѣверовостокѣ, и, въ слѣдъ за тѣмъ, всѣ его отроки и дѣтскіе были избиты по всей Суздальско-Ростовской Землѣ. [102]

Избіеніе Боярами служилыхъ людей и ихъ Князя вызвало всеобщее движеніе въ городахъ Суздальско-Ростовской Земли. Какъ только умеръ Андрей, всѣ Бояре и старшіе дружинники, изъ городовъ Ростова, Суздаля и Переяслава, съѣхались во Владиміръ для избранія новаго Князя. Наиболѣе правъ на Княженіе въ Суздальско-Ростовской Землѣ имѣли братья Андрея; но Бояре и старшіе дружинники, опасаясь мщенія со стороны братьевъ Андрея, по совѣту Рязанскихъ Бояръ, предпочли имъ малолѣтнихъ его племянниковъ, Мстислава и Ярополка, дѣтей умершаго Ростислава, изгнанныхъ изъ Суздальской Земли при жизни Андрея. [103] Избраніе Ростиславичей не было одностороннимъ дѣломъ Бояръ и дружинниковъ старыхъ городовъ. За одно съ Боярами и старшими дружинниками старыхъ городовъ Ростова и Суздаля дѣйствовали Бояре и дружинники новыхъ городовъ, Владиміра и Переяславля. [104] Но избраніе Ростиславичей, какъ дѣло Бояръ и старшихъ дружинниковъ, не находило сочувствія среди посадскаго населенія, какъ въ новыхъ, такъ и въ старыхъ, городахъ. [105] Въ городѣ Владимірѣ, возвеличенномъ и украшенномъ Андреемъ, посадское населеніе открыто возстало противъ рѣшенія Бояръ и дружинниковъ, хотя посадскіе люди, по словамъ лѣтописи, ничего не имѣли противъ Ростиславичей, но, не желая повиноваться Ростовскимъ Боярамъ, приняли къ себѣ на Княженіе Михаила Юрьевича.

Въ возникшей такимъ образомъ борьбѣ между Боярами и посадскими людьми на первый разъ одержала верхъ Боярская партія. Владимирцы, оставленные на произволъ судьбы посадскимъ населеніемъ другихъ городовъ, не могли бороться съ соединенными силами Бояръ и дружинниковъ всей Ростовской Земли, которымъ при томъ помогали еще и многіе изъ Бояръ Рязанской Земли. Послѣ кратковременнаго сопротивленія, они отказались отъ Юрьевича, и признали надъ собою власть Ростиславичей. Но торжество Бояръ и старшихъ дружинниковъ не было продолжительнымъ. Спустя нѣсколько времени, посадское населеніе города Владимира, выведенное изъ терпѣнія грабительствомъ Ростиславичей (которые во всемъ слушались Бояръ), вторично возстали противъ ихъ власти и вторично призвали на княженіе Юрьевича. Теперь дѣло посадскихъ людей города Владимира было дѣломъ и посадскихъ людей всей Суздальско-Ростовской Земли. Опираясь то на сочувствіе, то на прямое содѣйствіе, посадскаго населенія всей Суздальско-Ростовской Земли, Владимирцы одержали побѣду надъ Боярами, и изгнали [106] ихъ Князя изъ Суздальско-Ростовской Земли.

И такъ, какъ вездѣ, такъ и въ Суздальско-Ростовской Землѣ, въ слѣдъ за открытымъ возстаніемъ Бояръ противъ Княжеской власти, началась въ городахъ сословная вражда между знатью и народомъ. Но въ Суздальско-Ростовской Землѣ уже въ событіяхъ, совершавшихся по смерти Андрея, при первыхъ его преемникахъ, среди сословной борьбы проглядываетъ борьба чуждая сословнымъ выгодамъ, борьба между Ростовомъ и Владимиромъ за право быть стольными городами. Хотя Бояре и старшіе дружинники во всей Суздальской Землѣ дѣйствуютъ единодушно противъ Юрьевичей, но во главѣ движеній всего Боярства стоятъ Бояре города Ростова. Хотя посадское населеніе всей Суздальской Земли противодѣйствуетъ Боярамъ, но въ главѣ движенія всѣхъ посадскихъ людей земли стоятъ посадскіе люди города Владимира. Бояре не хотятъ допустить Юрьевича во Владимиръ, не только по тому, что этотъ Князь былъ Князь посадскихъ людей, но и по тому, что по ихъ мнѣнію, городъ Владимиръ былъ пригородомъ, который долженъ быть управляемъ не Княземъ, но Посадникомъ. Посадскіе люди города Владимира не хотѣли принять Ростиславичей не только по тому, что Ростиславичи были представители выгодъ и стремленій Боярства, но и по тому, что хотѣли видѣть въ стѣнахъ своего города Великаго Князя всей Суздальско-Ростовской Земли.

Это соперничество между двумя горородами за право быть стольными городами, не извѣстное въ другихъ частяхъ Русской Земли,

возникло въ Суздальскомъ Краѣ, въ слѣдствіе нарушенія Андреемъ обычая, господствовавшаго во всей Русской Землѣ, по которому самый старѣйшій Князь долженъ былъ жить въ самомъ старѣйшемъ городѣ своего Княжества. Для всякаго города важно было быть стольнымъ городомъ. Въ стольный городъ стекались всѣ доходы, собираемые со всего Княжества; стольный городъ представлялъ и болѣе удобствъ для жизни, и болѣе средствъ для составленія своего будущаго; по этому, по всей вѣроятности, всѣ города домонгольской Руси желали быть стольными городами. Но, изъ этого желанія, общаго всѣмъ городамъ, не могло возникнуть борьбы и соперничества между городами ни на Югѣ, ни на Сѣверѣ Руси. Въ Сѣверной и Южной Руси Князья Рюрикова дома первоначально селились въ городахъ Старославянскихъ и, только занявши всѣ главнѣйшіе Старославянскіе города, стали потомъ разселяться въ городахъ новыхъ. Прежде чѣмъ размножились Князья Рюрикова дома время освятило за старыми городами право быть стольными городами. Новые города, возникши въ позднѣйшее время, привыкали къ этому, не думали оспоривать у нихъ этого права, предполагая, что такъ и должно быть, что иначе и быть не можетъ. Но въ Суздальскомъ Краѣ Князья Рюрикова дома поселились уже въ позднѣйшія времена Андрей Боголюбскій былъ первый Князь который сталъ жить постоянно на Сѣверо-Востокѣ. Между тѣмъ этотъ Князь, вопреки обычаю, принятому на Сѣверѣ и Югѣ, поселился не въ старомъ городѣ, но предпочелъ ему новый городъ Владиміръ. Этотъ новый городъ, привыкши при жизни Андрея, видѣть въ своихъ стѣнахъ Князя всей Суздальской Земли, хотѣлъ, чтобы также точно было и послѣ его смерти. Но желаніе и стремленія города Владимира противорѣчили желаніямъ и стремленіямъ города Ростова. Городъ Ростовъ, съ неудовольствіемъ смотрѣвшій на быстрое возрастаніе ничтожнаго пригорода при жизни Андрея и, считая, по примѣру городовъ Сѣверной и Южной Русіи, своимъ неотъемлемымъ правомъ быть стольнымъ городомъ, рѣшился возстановить это право, нарушенное Андреемъ, послѣ его смерти. Такимъ образомъ, по смерти Андрея, когда началася во всей Суздальской Землѣ борьба между Боярами и посадскими людьми за выгоды сословныя, въ то же самое время выступила наружу и вражда городская, вражда между Ростовомъ и Владиміромъ за право быть главными, стольными, городами въ Суздальскомъ Краѣ.

Вражда городская, выступившая наружу среди сословной, непосредственно въ слѣдъ за смертью Андрея, едва замѣтная при первыхъ его преемникахъ, по смерти Михаила Юрьевича сдѣлалась

преобладающею и совершено парализировала единство сословной борьбы, раздѣливши и Бояръ и посадскихъ людей на нѣсколько враждующихъ сторонъ. Еще при жизни Михаила Юрьевича, едва разнеслась вѣсть о постигшей его тяжкой болѣзни въ городѣ Городкѣ на Волгѣ, Бояре Ростова и Суздаля послали въ Новгородъ пригласить къ себѣ на княженіе стараго своего пріятеля, Мстислава Ростиславича. Въ то же самое время посадское населеніе города Владимира, желая по прежнему видѣть въ своемъ городѣ Великаго Князя всей Суздальской Земли, послало въ Переяславль къ Всеволоду Юрьевичу. приглашая его на княженіе надъ всей Суздальской Землей. [108] Такимъ образомъ, по смерти Михаила Юрьевича, снова посадскіе люди города Владимира выступили на борьбу съ Ростовскими Суздальскими Боярами. Но теперь изъ борьбы посадекихъ людей города Владимра съ Ростовскими и Суздальскими Боярами, борьбы отчасти городской, отчасти сословной, не возгорѣлась сословная борьба между Боярами и посадскими людьми по всей Суздальской Землѣ. По прежнему многіе изъ Бояръ Суздаля и Владимира примкнули къ Боярамъ Ростовскимъ и ихъ Князю; но теперь большинство Бояръ и Суздаля и Владимира присоединилось не къ Ростовскимъ Боярамъ, но къ посадскому населенію города Владимира. Въ [108] самомъ Ростовѣ Бояре не были единодушны: по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ многіе изъ Бояръ Ростовскихъ и Суздальскихъ примкнули къ Всеволоду. [109] По прежнему посадское населеніе Переяславля присоединилось къ посадскому населенію города Владимира; но теперь посадскіе люди Ростова соединились въ одно съ Боярами, купцами, гридями и пасынками своего города, для противодѣйствія посадскимъ людямъ города Владимира. [110] И такъ, хотя снова почти все населеніе Суздальской Земли раздѣлилось на два враждебные стана, но теперь исчезло единство въ сословныхъ видахъ: и на той, и на другой сторонѣ находились лица, принадлежавшія къ разнымъ сословіямъ, сословные виды уступили мѣста видамъ городскимъ. Дѣло уже шло не о томъ, чтобы доставить торжество тому, или другому, сословію, народу, или знати, но чтобы рѣшить вопросъ: кому быть стольнымъ городомъ всей Суздальско-Ростовской Земли, Ростову, или Владимиру? Князья-соперники, представители двухъ борющихся сторонъ, хотѣли примириться, раздѣливши Суздальскую Зямлю на два Княжества. Но ни та, ни другая, сторона не хотѣли итти, ни на какія сдѣлки. Въ то время, когда Переяславцы подстрекали къ битвѣ своего Князя, Всеволода, въ противоположномъ станѣ Ростовцы и Бояре говорили

своему Князю, Ростиславу: «Если хочешь съ нимъ мириться, то мирись, но мы не дадимъ ему мира.» Въ происшедшей битвѣ жители, города Ростова и ихъ сторонники остались побѣжденными; Мстиславъ Ростиславичъ снова ушелъ въ Новгородъ; села преданныхъ ему Бояръ были пограблены, и владѣтели этихъ селъ отчасти остались на полѣ битвы, отчасти взяты въ плѣнъ и брошены въ темницу города Владмиира, все населеніе котораго, Бояре, купцы и посадскіе люди, съ оружіемъ въ рукахъ, требовало отъ своего Князя, Всеволода ослѣпленія плѣнныхъ Бояръ. [111]

Побѣда, одержанная Владимирцами и ихъ Княземъ надъ жителями города Ростова, на долгое время обезпечила миръ и порядокъ въ Суздальскомъ Краѣ. Въ продолженіе тридцатилѣтняго Княженія Всеволода Юрьевича, въ Суздальско-Ростовской Землѣ не было ни вражды сословной, ни вражды городской. Бояре и мужи, наравнѣ съ простыми людьми, любили милосерднаго и грознаго Князя, и оплакивали смерть его наравнѣ со всѣми другими сословіями Земли его, не смотря на то, что этотъ Князь, по словамъ лѣтописи, казнилъ злыхъ, и творилъ судъ истинный и нелицемѣрный, не обинуясь лица сильныхъ своихъ Бояръ, которые, по мнѣнію лѣтописца, творятъ насилие, и обидятъ, и порабощаютъ меньшихъ. [112] Но по смерти Всеволода еще разъ пробудилась враждамежду Ростовомъ и Владимиромъ за первенство. Распредѣляя волости между сыновьями, Всеволодъ назначилъ старшему сыну, Константину, городъВладимиръ,какъ будущему Великому Князю всей Суздальско-Ростовской Земли. Но Константинъ, руководимый Ростовскими Боярами, не хотѣлъ оставлять Ростова, въ которомъ онъ жилъ при жизни отца, и въ то же время, по праву старѣйшинства, требовалъ, чтобы подъ его властью находился и городъ Владимиръ. Многіе Бояре и мужи Владимира поддерживали это требованіе; но наибольшая часть Бояръ и служилыхъ людей города Владимира, вмѣстѣ съ духовенствомъ, побудили Всеволода передать права на Великокняжескую власть и старшій столъ во Владимирѣ второму своему сыну, Юрію. Константинъ не думалъ отказаться отъ своихъ правъ. Едва только умеръ Всеволодъ, какъ началась борьба между Константиномъ и Юріемъ за право старѣйшинства. Въ этой борьбѣ сословная вражда не имѣла никакого значенія. Хотя многіе Бояре Владимира и Суздаля поддерживали Константина и Ростовскихъ Бояръ въ ихъ стремленіяхъ къ первенству, однако и на той и на другой изъ враждующихъ сторонъ находились какъ Бояре, такъ и посадскіе люди; слѣдовательно, борьба не имѣла никакого сословнаго значенія, а была исключительно городской. [113] Наконецъ, по смерти

Константина, всякая вражда и сословная и городская, окончательно замираютъ въ городахъ Суздальскаго Края. Городъ Владиміръ по прежнему остается главнымъ городомъ, пребываніемъ самаго старшаго Князя всей Суздальско-Ростовской Земли; но ни Ростовъ, ни Суздаль, уже болѣе не оспориваютъ у него этого права. По прежнему посадскіе люди не сочувствуютъ Боярамъ, но уже не стремятся имѣть Князей, враждебныхъ Боярству, и не противодѣйствуютъ ни въ чемъ этому послѣднему, также страдательному какъ и они сами. Города дѣлятся между Князьями и переходятъ отъ одного Князя къ другому безъ всякаго участія со стороны городскаго населенія. [114]

Это постепенное замираніе политической жизни въ городахъ Суздальскаго Края совершилось въ слѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ, какъ и на Юго-Западѣ Руси. Мы видѣли, что въ въ Суздальскомъ Краѣ не было единства между городами. Какъ вездѣ, такъ и въ Суздальскомъ Краѣ, кромѣ ожесточенной вражды народа съ знатью, сила городовъ парализировалась отсутствіемъ единства между Боярами. Враждуя съ посадскими людьми за выгоды сословныя, Бояре въ то же время враждовали другъ съ другомъ за выгоды городскія. Но въ то время, когда города уничтожали свои силы въ междоусобныхъ войнахъ, въ Суздальскомъ Краѣ, какъ и вездѣ, постепенно возрастали сбродныя дружины. Юговосточныя степи были далеко отъ Сѣверовосточныхъ Княжествъ, однако не на столько, чтобы совершенно предохранить города отъ вліянія кочевыхъ народовъ. Иногда Половцы проникали и въ Суздальско-Ростовскую Землю, [115] и одинъ изъ первыхъ Суздальскихъ Князей, Юрій Долгорукій, постоянно пользовался Половецкими ордами для борьбы съ своимъ племянникомъ, Изяславомъ Мстиславичемъ. Изъ Половецкихъ ордъ, служившихъ Юрію Долгорукому въ качествѣ друзей и союзниковъ, по всей вѣроятности, набирались имъ и сбродныя дружины, какъ показываютъ варварскія имена многихъ служилыхъ людей Суздальской Земли. Но Половцы, по своей отдаленности, едва ли доставляли Князьямъ Суздальскимъ значительной матеріялъ для составленія сбродныхъ дружинъ на Сѣверо-Востокѣ Несравненно болѣе значенія, для усиленія сбродныхъ дружинъ и Княжеской власти на Сѣверо-Востокѣ имѣло бродячее населеніе. Окружая со всѣхъ сторонъ города Сѣверовосточной Руси, бродячее населеніе давало Князьямъ Суздальскимъ подручной матеріялъ для составленія сбродныхъ дружинъ, а залесенныя имъ земли—могущественное средство для содержанія этѣхъ дружинъ. Далѣе мы увидимъ, что уже при первыхъ Князьяхъ Суздальскихъ изъ дома Рюрикова слагается на Сѣверовостокѣ многочисленное сословіе мелкихъ служилыхъ

людей, которые дають Андрею Боголюбскому и Всеволоду Юрьевичу преобладающее значеніе надъ всѣми другими Князьями Русской Земли. Чѣмъ болѣе разрастался домъ Князей Суздальскихъ, тѣмъ болѣе размножались служилые люди въ Суздальскомъ Краѣ. Хотя служилые люди, по смерти Всеволода, раздѣлившись по числу Князей на множество отдѣльныхъ независимыхъ отрядовъ, не могли дать этимъ Князьямъ того преобладающаго значенія во всей Русской Землѣ значенія, какое имѣли Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Юрьевичъ, когда служилые люди всей Суздальской Земли составляли одно сословіе, однако положеніе служилыхъ людей относительно городскаго населенія отъ такой отдѣльности отнюдь не ухудшилось. Съ размноженіемъ Князей, вмѣстѣ съ дружинами, дѣлилось на отдѣльныя самостоятельныя владѣнія и городское населеніе. По этому, на сколько ослабѣвало служилое сословіе отъ политическаго дѣленія, на столько же ослабѣвало, отъ той же самой причины, и городское населеніе. Преобладающее значеніе служилыхъ людей на Сѣверо-Востокѣ, котораго они достигли уже при первыхъ Князьяхъ Суздальскихъ, было причиной, что на Сѣверо-Востокѣ не было открытаго возстанія городовъ противъ Княжеской власти ни при Андреѣ Боголюбскомъ, ни при Всеволодѣ Юрьевичѣ. Возстаніе городовъ противъ Княжеской власти и служилыхъ людей проявлялось на Сѣверо-Востокѣ только временно, періодически, послѣ смерти Андрея и Всеволода: послѣ смерти Андрея, въ слѣдствіе совершеннаго отсутствія Княжеской власти, а послѣ смерти Всеволода, въ слѣдствіе соперничества между Князьями-братьями, соперничества, ослабившаго силу служилыхъ людей. Но послѣ Константина не происходило никакихъ замѣшательствъ между Князьями: престолъ Великокняжескій безъ всякаго спора перешелъ къ Юрію, котораго всѣ Князья Суздальскіе безъ сопротивленія признали своимъ старшимъ. По этому по смерти Константина не было для городовъ ни средствъ, ни повода, вступать въ борьбу съ Княжескими дружинами. Еще менѣе представлялась возможность для этой борьбы по смерти Юрія, когда Русь вступила подъ власть Монголовъ, и большинство ея городскаго населенія истреблено было Батыемъ.

Такимъ образомъ со временъ возстанія посадскихъ людей, въ городѣ Кіевѣ, во время княженія Изяслава Ярославича, когда три главныя господствующія сословія: Бояре, посадскіе люди и дружинники; вступили во взаимную борьбу, оказалось, что посадскіе люди наиболѣе имѣли силы и могущества на Юго-Востокѣ, а Бояре на Сѣверѣ и Западѣ. Посадскіе люди всегда одолѣвали Боярство и въ Кня-

жествахъ Черниговскомъ и Переяславскомъ, и въ Княжествахъ Кіевскомъ и Суздальскомъ, но не имѣли успѣха ни на Западѣ, ни на Сѣверѣ. Уже въ Смоленскѣ и въ Галицкомъ Княжествѣ Бояре всегда торжествовали надъ посадскимъ населеніемъ. Еще сильнѣе были Бояре въ Новгородской Землѣ, гдѣ посадское населеніе почти до самаго появленія Монголовъ оставалось въ страдательномъ состояніи. Но побѣда осталась въ окончательномъ итогѣ не за Боярами и не за посадскими людьми: сильнѣе и тѣхъ и другихъ оказались сбродныя дружины. Наиболѣе могущественными сбродныя дружины оказались на Юго-Востокѣ и Сѣверо-Востокѣ, гдѣ сѣли ихъ главныя толпы, и гдѣ вблизи ихъ находились степи, откуда эти дружины вербовались и получали вѣрныхъ союзниковъ для борьбы съ городами. Въ Княжествахъ Черниговскомъ и Переяславскомъ Бояре и посадскіе люди, враждуя другъ съ другомъ, не смѣли вступать въ открытую вражду съ сбродными дружинами. Въ Княжествахъ Кіевскомъ и Суздальскомъ и Бояре и посадскіе люди хотя вступали въ открытую вражду, но только временно, періодически, пользуясь какими ни будь благопріятными для нихъ обстоятельствами, и, всегда терпѣвши неудачу, а въ послѣдніе годы до монгольскаго періода совершенно отказались отъ всякаго стремленія къ самобытности и отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Чѣмъ далѣе на Западъ и Сѣверъ, тѣмъ болѣе слабѣла сила сбродныхъ дружинъ. И въ Новгородской Области, и въ Княжествахъ Полоцкомъ и Галицкомъ, борьба городовъ съ сбродными дружинниками продолжалась непрерывно до самаго появленія Монголовъ. Однако и на Сѣверѣ, и на Западѣ дружины сохранили свое господствующее положеніе, хотя власть ихъ нѣсколько и ослабѣла со временъ возстанія Бояръ и посадскихъ людей. Такимъ образомъ, хотя взаимныя отношенія между сословіями чрезвычайно разнообразились по мѣстностямъ, хотя народъ и сбродныя дружины оказались сильнѣе на Востокѣ и Югѣ, а Боярство на Юго-Западѣ и Сѣверо-Западѣ, однако въ общемъ итогѣ, вездѣ, на всемъ пространствѣ Русской Земли, возстаніе городовъ противъ власти сбродныхъ дружинъ оказалось неудачнымъ. Нигдѣ города не достигли полнаго политическаго самоуправленія. Вездѣ, на всемъ пространствѣ Русской Земли, за исключеніемъ Новгородской Области, возстаніе было подавлено постоянно возраставшимъ числомъ сбродныхъ дружинъ. Только въ Новгородской Землѣ власть сбродныхъ дружинъ постоянно падала до самаго конца домонгольскаго періода. Но если мы примемъ во вниманіе, что въ Новгородской Землѣ, не смотря на постоянный упадокъ Княжеской власти,

посадскіе люди постоянно возрастали въ числѣ (какъ мы увидимъ это дальше), то окажется, что на всемъ пространствѣ Русской Земли, не исключая и Новгородской Области, возстаніе городовъ имѣло неудачный исходъ, и что, не смотря на возстаніе городовъ, еще въ домонгольской періодъ, еще задолго до нашествія полчищъ Батыя, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уменьшалась для городовъ возможность достигнуть политическаго самоуправленія.

Но, не смотря на неудачный исходъ возстанія городовъ, это возстаніе и, послѣдовавшая въ слѣдъ за тѣмъ ожесточенная вражда между всѣми господствующими сословіями древней Руси, Боярами, дружинниками и посадскими людьми, имѣли рѣшительное вліяніе на политическое развитіе Русской Земли. Мы видѣли, какимъ образомъ, въ слѣдствіе борьбы между народами, сложилось Русское союзнически-дружинное Государство начала XII столѣтія. Съ тѣхъ поръ, какъ начало образованія Русскаго Государства, единственный источникъ его жизни, борьба между народами, продолжая дѣйствовать на окраинахъ Русскаго Государства, замерла на его землѣ; сословная борьба, смѣнившая вражду между народами, сдѣлалась на землѣ Русскаго Государства новымъ движущимъ началомъ для дальнѣйшаго его образованія. Подъ вліяніемъ борьбы между сословіями измѣнились отношенія бродныхъ дружинъ и Княжеской власти къ городскому и сельскому населенію, а взаимныя отношенія между самыми дружинами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ разрушеніемъ прежняго Государственнаго строя начала XII столѣтія, измѣнился весь политическій строй Русской Земли и зародились новыя формы ея Государственнаго устройства. По этому, имѣя въ виду прослѣдить постепенное образованіе строя Русскаго Государства въ домонгольской періодъ и показать, въ слѣдствіе какихъ причинъ, совершилось это постепенное образованіе, мы, изложивъ исторію образованія союзнически-дружиннаго Русскаго Государства до начала XII столѣтія, и показавъ, какъ, въ слѣдъ за его образованіемъ, началась въ его предѣлахъ сословная вражда и чѣмъ она окончилась, перейдемъ теперь къ изученію послѣдствій этой вражды, и покажемъ, какое она имѣла вліяніе, во первыхъ, на общественное состояніе городскихъ и сельскихъ сословій, и на отношенія къ нимъ Княжеской власти, во вторыхъ, на взаимныя отношенія между самыми дружинами и на измѣненіе всего вообще Государственнаго строя, господствовавшаго въ Руси въ началѣ XII столѣтія.

ГЛАВА VIII.

О вліяніи возстанія городовъ на общественное и политическое состояніе городскаго и сельскаго населенія и на отношеніе къ нему Княжеской власти.

Со временъ возстанія городовъ Княжеская власть, по отношенію къ городскому и сельскому населенію, въ существѣ своемъ и въ своихъ правахъ подвергалась слѣдующимъ измѣненіямъ и ограниченіямъ:

1. Власть Княжеская, до возстанія городовъ по существу своему и происхожденію, была властью насильственной, властью наслѣдственной: престолы, какъ мы видѣли, переходили въ началѣ XII вѣка по наслѣдству къ братьямъ, или сыновьямъ, умершаго Князя. Возстаніе городовъ вызвало въ Руси новое начало—начало выборное. Кіевскіе люди, изгнавши Изяслава Ярославича, провозгласили своимъ Княземъ Всеслава Полоцкаго и, въ послѣдствіи, произвольно, не справляясь ни съ какимъ порядкомъ престолонаслѣдія, приглашали къ себѣ на столъ Мономаха, Изяслава Мстиславича и Мстислава Изяславича. Бояре Галицкіе, послѣ прекращенія дома Ростислава Владимировича, нѣсколько разъ приглашали къ себѣ на княженіе Романа Мстиславича и его дѣтей, Игоревичей, и Королевича Угорскаго. Города Суздальско-Ростовской Земли, вопреки посмертнымъ распоряженіямъ Юрія Долгорукаго, провозгласил и своимъ Княземъ Андрея Боголюбскаго, а послѣ смерти Андрея избрали Юрьевичей и Ростиславичей. Наконецъ, Новгородцы, не сображаясь ни съ какими порядками престолонаслѣдія, начиная со второй половины XII столѣтія, постоянно приглашали къ себѣ Князей изъ самыхъ сильнѣйшихъ сторонъ боровшихся за великокняжеское достоинство. Если бы возстаніе городовъ было повсемѣстно и сопровождалось вездѣ полнымъ успѣхомъ, то новое выборное начало совершенно замѣнило бы собою начало наслѣдственное, и Князья изъ наслѣдственныхъ владыкъ обратились бы въ выборныхъ представителей борющихся сторонъ, то народа, то знати. Но возстаніе городовъ не было повсемѣстно и нигдѣ не сопровождалось полнымъ успѣхомъ, по этому и выборное начало имъ вызванное; нигдѣ не сдѣлалось господствующимъ и не замѣнило собою вполнѣ начало наслѣдственное. Юговосточные города Княжествъ Переяславскаго, Черниговскаго, Сѣверскаго и Рязанскаго, никогда не изгоняли своихъ Князей и не призывали на ихъ мѣсто другихъ. До конца домонгольскаго періода, на Юго-Востокѣ неизмѣнно

сохранялась власть наслѣдственная. Въ Земляхъ Галицкой, Полоцкой, Смоленской, Кіевской и Суздальской, гдѣ хотя возстаніе происходило во всѣхъ главныхъ городахъ, но въ концѣ концовъ было подавлено сбродными дружинами и служилыми людьми, послѣ продолжительной борьбы между началомъ выборнымъ и наслѣдственнымъ, восторжествовало начало наслѣдственное; но частыя и произвольныя избранія произвели запутанность въ порядкѣ наслѣдованія, и безъ того уже запутанномъ, при неопредѣленности наслѣдственныхъ правъ племянниковъ по отношенію къ дядямъ. Въ происходившихъ отсюда спорахъ между Князьями, часто сила оружія, или взаимныя сдѣлки и договоры, рѣшали кому быть владѣтелемъ того, или другого, города. По этому, хотя во всѣхъ этихъ Княжествахъ власть Княжеская, послѣ продолжительныхъ колебаній, снова стала властью насильственной, однако не всегда она пріобрѣталась правомъ происхожденія; чаще всего престолы переходили здѣсь отъ одного лица къ другому не по наслѣдственному праву, но по праву завоеванія, или по договору съ другими Князьями. Въ самомъ Новгородѣ, гдѣ безпрерывно изгонялись и призывались Князья, власть Княжеская никогда не была вполнѣ властью выборною. Чтобы Княжеская власть обратилась во власть вполнѣ выборную, необходимо было, чтобы Князья избирались на опредѣленное время, или, по крайней мѣрѣ, на всю жизнь; но въ Новгородѣ Князья никогда не избирались на опредѣленный срокъ и рѣдко на всю жизнь. Въ своихъ сношеніяхъ съ Князьями, Новгородцы, какъ мы видѣли, всегда держались одного правила—имѣть Княземъ у себя Намѣстника отъ Великаго Князя всей Русской Земли. Слѣдовательно, власть Княжеская въ Новгородѣ, если не на дѣлѣ, то по основѣ всегда была властью, и не наслѣдственной, и не выборной, а властью зависимой, несвободной, властью, назначенной отъ высшей власти. И такъ, возстаніе городовъ, подорвавши господство Князей по праву происхожденія отъ первыхъ завоевателей, но, безсильное дать выборному началу господствующее значеніе, ввело въ порядокъ перехода Княжеской власти отъ одного лица къ другому только чрезвычайную запутанность и чрезвычайное разнообразіе. Отсюда трудность опредѣлить, какими правилами руководились Князья при замѣщеніи столовъ, и чрезвычайное разногласіе въ мнѣніяхъ современныхъ писателей объ этомъ вопросѣ.

2. Князь собиралъ дани и оброки, дары, кормы и пошлины, и требовалъ отъ подчиненныхъ ему людей разнаго рода повинностей. Всѣ сборы и повинности, существовавшіе въ началѣ XII столѣтія, сохранились повсемѣстно въ теченіе всего домонгольскаго періода не

только на Югѣ и Сѣверо-Востокѣ, но даже на Сѣверѣ, въ Землѣ Новгородской, гдѣ Княжеская власть ослабѣла болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ частяхъ Русской Земли. Какъ вездѣ, такъ и въ Новгородской Землѣ, въ теченіе всего домонгольскаго періода, Князья собирали дани и торговыя пошлины и требовали разныхъ повинностей, существовавшихъ въ другихъ Земляхъ, подводъ, кормовъ и т. д., что видно какъ изъ лѣтописей, такъ и изъ сохранившихся до насъ грамотъ, относящихся къ тому времени. Но со временъ возстанія городовъ Княжескіе сборы и повинности не сохранились, однако, нигдѣ въ прежнемъ своемъ видѣ. На Югѣ, въ слѣдствіе безпрерывныхъ волненій и междоусобій и преобладанія сбродныхъ дружинъ и кочевыхъ народовъ, со второй половины XII столѣтія, городское населеніе безпрерывно подвергалось чрезвычайнымъ сборамъ то отъ своихъ, то отъ чужихъ, Князей. Такъ въ 1174 году, Князь Кіевскій, Ярославъ Изяславичъ, для выкупа своего семейства и своей дружины, захваченныхъ въ плѣнъ Ольговичами, наложилъ чрезвычайный сборъ на всѣ сословія города Кіева, не исключая духовенства и тѣхъ иностранныхъ купцовъ, которые жили въ Кіевѣ, временно, по дѣламъ торговымъ. Въ 1150 году Владимиръ Галицкій, возвращаясь изъ неудачнаго похода противу Кіева и его Князя, Изяслава Мстиславича, по дорогѣ собралъ контрибуцію серебромъ со всѣхъ городовъ Кіевскаго Княжества. Въ 1238 году Князья Галицкіе, Даніилъ и Василько, дозволили Михаилу, Князю Черниговскому, искавшему на Юго-Западѣ убѣжища отъ Батыя, походить по Землѣ Галицкой и собрать кормы хлѣбомъ, медомъ и скотомъ, какъ для себя, такъ и для своей дружины. [1] Одновременно, съ размноженіемъ сборовъ чрезвычайныхъ, которые собирались въ видѣ кормовъ и военныхъ контрибуцій, кажется, увеличились на Югѣ, со временъ возстанія городовъ, и сборы обыкновеннные, постоянные. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить на основаніи разсказа, сообщаемаго Югозападной лѣтописью, относящагося, впрочемъ, уже къ слѣдующему періоду, о наложеніи Мстиславомъ Даниловичемъ въ 1289 году на жителей города Берестія новыхъ сборовъ на содержаніе Княжескихъ ловчихъ. [2] Не вездѣ, однако, и не для всѣхъ сословій въ одинакой степени со временъ возстанія городовъ увеличилась на Югѣ тяжесть Княжескихъ налоговъ. Изъ Югозападныхъ лѣтописей извѣстно, что Бояре Галицко-Волынской Земли, во время малолѣтства Даніила и въ пору завоеванія Руси Монголами, не только произвольно овладѣвали правительственными должностями и дѣлами, а, слѣдовательно, и освобождались отъ Княжескихъ сборовъ и повинностей, но и захватили въ свои руки

многiе особенные сборы, исключительно предназначавшiеся на содержанiе Княжескихъ дружинниковъ. Такъ, во время нашествiя Батыя два знатнѣйшихъ Боярина, Доброславъ и какой-то Григорiй Васильевичъ, овладѣли всей страной и безъ согласiя Князя роздали въ кормленiе своимъ сторонникамъ не только города и волости, которые и прежде отдавались въ кормленiе Боярамъ. но и какiе-то доходы отъ Коломiйской соли, которые Князья Галицкiе прежде раздавали своимъ дружинникамъ. [4] Такимъ образомъ, со временъ возстанiя городовъ, тяжесть Княжескихъ налоговъ и повинностей, по крайней мѣрѣ, на Юго-Западѣ, исключительно увеличилась только для низшихъ промышленныхъ сословiй, не касаясь Боярскаго сословiя, ставшаго въ отношенiи къ Князьямъ въ исключительное, привилегированное положенiе. То привилгированное положенiе до котораго въ послѣднiе годы домонгольскаго перiода на Югозападѣ достигли только Бояре, на Сѣверѣ, въ Землѣ Новгородской, еще раньше создало для себя все населенiе города Новгорода или, по крайней мѣрѣ, всѣ его разряды знати. Уже на основанiи грамотъ Ярослава Новгородцы пользовались какими-то финансовыми льготами. До насъ не сохранились грамоты Ярослава, и по тому намъ ничего не извѣстно о свойствѣ этихъ льготъ; но что въ грамотахъ Ярослава заключались, между прочимъ, и финансовыя льготы, это видно изъ того, что въ послѣдствiи времени, когда дѣло шло объ ограниченiи корыстолюбивыхъ стремленiй Князей и объ уничтоженiи вводимыхъ ими новыхъ налоговъ, то Новгородцы постоянно ссылались на грамоты Ярослава. [5] Въ 1209 году Новгородцы, возвращаясь изъ Суздальской Земли (куда они являлись, по требованiю Всеволода, для оказанiя ему помощи въ борьбѣ съ Рязанскими Князьями), просили Всеволода, чтобы онъ далъ имъ уставы старыхъ Князей. Удовлетворенные вполнѣ въ своихъ желанiяхъ, Новгородцы, по словамъ лѣтописи, возвратившись въ городъ, немедленно разграбили дворы Посадника Дмитра и его братiи, Бояръ, за то, что они повелѣли отъ Новгородцевъ брать серебро, по волости собирать куны, а отъ купцовъ требовать виры дикой и подводной повинности. [6] Изъ этого разсказа, сообщаемаго Новгородской лѣтописью, оказывается, что Бояре Новгородскiе съ своимъ Посадникомъ, во время Княженiя въ Новгородѣ сильнаго Всеволода и, сына его, Константина, ввели въ Новгородской Землѣ, быть можетъ, для собственной пользы, новые сборы и повинности, неизвѣстные по старымъ грамотамъ, и что, въ числѣ этихъ новыхъ сборовъ и повинностей, находилась дикая вира и подводная повинность, существовавшiя во всѣхъ другихъ Княжествахъ; отсюда слѣдуетъ, что еще до Всеволода, по старымъ

грамотамъ жители города Новгорода были освобождены отъ многихъ сборовъ и повинностей, бывшихъ въ другихъ городахъ. Что купцы Новгородскіе пользовались привилегіей по отношенію къ подводной повинности, и что Князья Новгородскіе не могли собирать въ Новгородской Землѣ многихъ такихъ пошлинъ, которыя извѣстны были въ другихъ Княжествахъ, это видно и изъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ Тверскими Князьями въ которыхъ сказано, что Князь не могъ ставить мытовъ по Новгородской Землѣ, и что у купцовъ по селамъ можно брать подводы только для ратныхъ вѣстей. [7] Кромѣ личнаго освобожденія отъ разнаго рода сборовъ и повинностей, Новгородское населеніе добылось свободы и для чернорабочаго земледѣльческаго населенія, жившаго на его земляхъ. Въ 1228 году, по случаю ненастной погоды, Новгородцамъ нельзя было цѣлую осень ни собирать сѣна, ни пахать полей, что произвело волненіе въ городѣ. Зимой, вѣроятно изъ опасенія будущаго голода, возстало въ Новгородѣ чернорабочее посадское населеніе—простая чадь, и, вѣроятно, по наущенію высшихъ сословій, требовало отъ своего Князя, чтобы онъ отмѣнилъ какой-то налогъ, называемый забожничьимъ, и не посылалъ по волости судей. Ярославъ отказалъ Новгородцамъ и выѣхалъ изъ города; но слѣдующій Князь, Михаилъ, Черниговскій, явившись въ городъ, въ угоду Новгородцамъ, освободилъ на пять лѣтъ отъ платежа Княжескихъ даней всѣхъ смердовъ, перебѣжавшихъ изъ своихъ земель на владѣльческія земли. [8] Освободивши и свои земли, по крайней мѣрѣ, отъ нѣкоторыхъ сборовъ и повинностей, знать города Новгорода, подобно Галицкимъ Боярамъ, съ ослабленіемъ Княжеской власти, захватила въ свои руки многіе изъ Государственныхъ доходовъ, которыми въ другихъ Княжествахъ пользовались только Князья Рюрикова дома, или лица, ими къ тому уполномоченныя. Такъ, по договорнымъ грамотамъ Новгорода съ Тверскими Князьями, дани и другіе доходы, которые собирались съ земель Заволоцкихъ и съ города Торжка, по большей части поступали въ пользу Новгородцевъ. Только немногіе Государственные доходы въ этѣхъ земляхъ принадлежали Князьямъ. При томъ же въ способѣ собиранія этихъ доходовъ Князья стѣснены были обязанностью собирать ихъ не чрезъ своихъ мужей, но чрезъ мужей Новгородскихъ. [9] Что такъ было еще и въ домонгольскомъ періодѣ, это видно изъ лѣтописей, въ которыхъ уже въ XII ст. упоминается о Печерскихъ и Заволоцкихъ даняхъ, принадлежавшихъ Новгороду, и о даньщикахъ, которые, безъ всякаго полномочія со стороны Княжеской власти, отправлялись въ Заволоцкій Край для сбора даней. [10] Такимъ образомъ

со временъ возстанія городовъ, хотя вездѣ, на всемъ пространствѣ Руси, сохранились прежніе сборы и прежнія повинности, но эти сборы и повинности подвергались измѣненію. На Югѣ, въ Приднѣпровьи, а, вѣроятно, и на Сѣверо-Востокѣ, они значительно расширились; между тѣмъ какъ на Западѣ и Сѣверѣ значительно сократились; на Юго-Западѣ, въ Землѣ Галицкой, Бояре, а на Сѣверѣ, въ Землѣ Новгородской, вся знать главнаго города, съ ослабленіемъ Княжеской власти, не только освободили себя и свои земли отъ многихъ налоговъ и повинностей, но еще захватили въ свои руки многіе доходы, поступавшіе прежде въ руки Князя и его дружинниковъ.

3. Князь производилъ судъ и расправу и подвергалъ виновныхъ наказаніямъ. Въ теченіе всего домонгольскаго періода Князья сохранили свою судебную и карательную власть на всемъ пространствѣ Русской Земли. Въ то время, когда на Югѣ, уже во второй половинѣ XII столѣтія, Князь Переяславскій, Мстиславъ Изяславичъ, казнилъ за измѣну Боярина Станиславича злою казнью, а Романъ Мстиславичъ Галицкій мучилъ и изгонялъ Бояръ, [11] на Сѣверѣ, въ Землѣ Новгородской, Князья заковывали въ желѣза, посылали въ заточеніе и наказывали смертью, не только простыхъ людей, но и знаменитыхъ Бояръ, и Посадниковъ, и Тысяцкихъ. [12] По понятіямъ того времени, судебная власть Князя была не только его правомъ, но и главнѣйшею его обязанностію, отъ которой онъ не могъ отказаться. По этому, возставшее населеніе не только не препятствуетъ Князьямъ отправлять судъ и расправу, но требуетъ отъ нихъ строгаго выполненія этой обязанности. Въ 1146 году возставшіе Кіевскіе люди требуютъ отъ Ольговичей, чтобы они всѣхъ виновныхъ сами лично судили, а не чрезъ своихъ Тіуновъ. Въ 1154 году Новгородцы, по словамъ лѣтописи, изгнали своего Князя, Давыда Ростиславича, за то, что онъ не сотворилъ имъ ряду, но произвелъ еще болѣе между ними раздоровъ; а въ 1136 году, изгоняя своего Князя Всеволода Мстиславича, между прочимъ ставили ему въ вину, что онъ не блюдетъ смердовъ и болѣе занимается ястребиной и псовой охотой, чѣмъ правосудіемъ. [13] Но хотя судебная и карательная власть Князя сохранилась на всемъ пространствѣ Русской Земли, тѣмъ не менѣе, однако, со временъ возстанія городовъ, она подверглась значительнымъ измѣненіямъ, какъ на Югѣ, такъ и на Сѣверѣ. Мы видѣли. что уже со временъ Владимира Святаго, Князья стремились быть блюстителями общественнаго порядка; но что это стремленіе, уничтожившее кровную месть, не уничтожило, однако, ни прежняго произвола господъ надъ принадлежавшими имъ людьми, ни прежняго

самоуправства во взаимныхъ отношеніяхъ между враждующими Боярскими родами. Со временъ возстанія городовъ, Князья-представители народа запрещаютъ господствующимъ знатнымъ сословіямъ всякое самоуправство во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, и полагаютъ предѣлы произвольному ихъ господству надъ принадлежавшими имъ людьми. Въ сборникахъ древнѣйшихъ законовъ, называемыхъ Русскими Правдами, составленныхъ по преимуществу изъ законовъ, изданныхъ при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава, встрѣчаются постановленія, опредѣляющія точно количество имущественныхъ вознагражденій за разнаго рода преступленія, не только въ пользу Князя, но и въ пользу лица, потерпѣвшаго вредъ отъ преступленія. Рядомъ съ этими постановленіями, въ этихъ же сборникахъ встрѣчаются постановленія, что убійца чужого холопа платитъ вознагражденіе не только господину холопа, но и самому Князю, если холопъ убитъ безвинно что закупъ, человѣкъ, временно отдавшійся въ рабство, имѣетъ право жаловаться Князю, или его судьямъ, за обиды, нанесенныя ему господиномъ; что господинъ за произвольную продажу въ рабство своего закупа, за побои, нанесенные ему, безъ всякой со стороны послѣдняго вины, и за захватъ принадлежавшаго ему имущества, подвергается денежному взысканію въ пользу Князя и, сверхъ того, за продажу въ рабство, лишается занятаго имъ имущества, а закупъ получаетъ свободу; наконецъ, что лицо свободное, вступивши подъ власть господина (за долги, или въ слѣдствіе женитьбы на его родѣ, или принятія отъ него должности Тивуна), во всякое время можетъ оставить его, если договоромъ выговорило себѣ это право. [14] Всѣ эти постановленія, ограничивающія самоуправство, защищающія слабыхъ отъ порабощенія и насилія сильныхъ, и дающія широкое право Князю и его мужамъ вмѣшиваться во власть господъ надъ принадлежавшими имъ людьми, новѣйшіе изслѣдователи не безъ основанія приписываютъ Мономаху. Мономахъ, любимецъ народа, постоянно стремился ограничить произволъ богатыхъ и сильныхъ и защищать слабыхъ. Онъ хвалится, въ своемъ Поученіи къ дѣтямъ, что онъ не давалъ обижать сильнымъ ни убогаго смерда, ни бѣдной вдовы; онъ издалъ постановленія о процентахъ, для огражденія должниковъ отъ произвола заимодавцевъ; онъ преслѣдовалъ постоянно самоуправную расправу между враждующими Боярами. Такъ, по словамъ одной изъ Новгородскихъ лѣтописей, въ 1118 году Мономахъ сослалъ въ заточеніе многихъ Бояръ Новгородскихъ и Сотника Ставра за грабежъ какихъ-то Новгородцевъ Ноздрича и Данислава. [15] Такъ какъ этотъ грабежъ совершенъ многими Боярами и правительствующимъ лицомъ, Сот-

скимъ, то отсюда можно заключить, что это былъ не частный, грабежъ разбойничій, но правительственная расправа за какое-то преступленіе. И въ послѣдствіи времени, въ Новгородѣ, съ ослабленіемъ тамъ Княжской власти, грабежъ всего имущества преступника и разрушеніе принадлежавшаго ему двора были самыми обыкновенными наказаніями. Слѣдовательно, Мономахъ наказывалъ Бояръ не только за преступленія, но и за самовольную расправу. Но, если, со временъ возстанія городовъ, любимцы народа, опираясь на его силы, стремились совершенно осуществить Греко-Римскія идеи о государственной власти, то, съ другой стороны, Бояре, чтобы защитить себя отъ ненавистныхъ имъ Князей, представителей народа, требуя отъ нихъ строгаго выполненія обязанностей быть миротворцами между враждующими Боярами, въ то же время стремились совершенно уничтожить судебную и карательную власть ихъ съ той стороны, которая основывалась на Греко-Римскихъ идеяхъ и вытекала изъ обязанности Князей быть блюстителями общественнаго порядка. По договорнымъ грамотамъ Новгородцевъ съ Князьями, ни Князь, ни его слуги, не могли принимать жалобъ холоповъ на своихъ господъ, и вообще допускать, по какимъ бы то ни было дѣламъ, на судъ Княжій холоповъ безъ согласія и участія въ этомъ судѣ тѣхъ лицъ, которымъ принадлежали холопы. Въ этихъ же договорныхъ грамотахъ Новгородцы постоянно твердили своимъ Князьямъ, чтобы они ряду вольнаго не посужали и самосуда не замышляли, т. е., чтобы они вражды и спора, окончившихся мирнымъ свободнымъ договоромъ, не посужали по своему, и не заводили своего суда тамъ, гдѣ не прибѣгали къ ихъ посредничеству. Съ уничтоженіемъ судебной и карательной власти Князей, какъ блюстителей общественнаго порядка, Князь могъ промѣнять свою судебную и карательную власть только для защиты себя и своихъ ближнихъ, или же въ качествѣ третейскаго посредника. Но и въ послѣднемъ значеніи судебная и карательная власть Князей въ Новгородской Землѣ значительно была ограничена. Во первыхъ, по договорнымъ грамотамъ, Князь никакого дѣла, хотя бы это дѣло касалось собственной его защиты, не могъ судить безъ Посадника, т. е., безъ участія на его судѣ того племеннаго начальника Бояръ, судебная дѣятельность котораго существовала еще до временъ Рюрика. Во вторыхъ, по договорнымъ грамотамъ, ни Князь, ни его слуги, не могли ѣздить по Землѣ Новгородской произвольно во всякое время, для совершенія суда, даже въ томъ ограниченномъ видѣ, въ какомъ предоставленъ онъ имъ Новгородцами. Какъ Князь, такъ и его слуги, могли ѣздить для совершенія суда только одинъ

разъ въ теченіе года, въ опредѣленное время, обыкновенно около Петрова дни, а иногда совершенно лишались этого права на нѣсколько лѣтъ сряду, если Новгородцы въ той, или другой, мѣстности отдавали кому ни будь судъ на откупъ.[16] И такъ, со временъ возстанія городовъ судебная и карательная власть Князя сдѣлалась чрезвычайно неравноправна и разнообразна. На Югѣ, въ Приднѣпровьи, гдѣ господствовалъ народъ, она значительно расширилась, сравнительно съ предыдущимъ временемъ, и сдѣлалась столь могущественной, что вполнѣ осуществила Греко-Римскую идею о значеніи Государственной власти. Напротивъ, на Сѣверѣ, а вѣроятно и на Юго-Западѣ, господствовало Боярство, судебная и карательная власть Князя совершенно ослабѣла и не только втиснута была въ тѣ предѣлы, которые она имѣла до Владимира Святаго (т. е., доведена до власти, защищающей себя и примиряющей другихъ, по просьбѣ послѣднихъ), но еще потерпѣла и въ этихъ предѣлахъ значительныя ограниченія.

4. Князь созывалъ народное ополченіе, какъ для защиты Государства при вторженіи непріятеля, такъ и для военныхъ походовъ въ иностранныя Государства и для борьбы съ своими соперниками Князьями. И это право, подобно всѣмъ другимъ правамъ, сохранилось за Князьями въ теченіе всего домонгольскаго періода. Безъ Князя, по понятіямъ того времени, люди не могли удачно бороться съ врагами. Въ 1154 году Кіевскіе люди, по словамъ лѣтописца, приняли къ себѣ на Княженіе Изяслава Давыдовича только изъ боязни Половцевъ, по тому что, замѣчаетъ лѣтописецъ, тогда тяжко было Кіянамъ; ибо не было у нихъ ни одного Князя. Въ 1174 году мужи Новгородскіе, оплакивая смерть своего Князя, Мстислава Ростиславича, между прочимъ, говорятъ, что онъ освободилъ ихъ отъ поганыхъ, а теперь, послѣ его смерти, они остались беззащитными.[17] Считая Князей природженными защитниками и военачальниками Русской Земли, возставшее населеніе всегда признавало за ними право созывать народныя ополченія и становиться во главѣ ихъ съ своими дружинниками, не только для защиты своихъ собственныхъ личныхъ выгодъ. Не говоря уже о городахъ Южныхъ, даже Новгородцы, въ пору своего наибольшаго могущества, всегда считали себя обязанными помогать во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ, какъ своему собственному Князю, такъ и тому верховному Князю, отъ котораго ихъ Князь находился въ зависимости. Такъ, они помогали своими ополченіями: Князьямъ Кіевскимъ, Всеволоду Ольговичу, Князьямъ Суздальскимъ: Андрею Боголюбскому и, его брату, Всеволоду, Князю Черниговскому, Святославу Всеволодовичу, Князю Смоленскому, Давыду Ро-

ственавичу, и вообще всѣмъ тѣмъ Князьямъ, которыхъ сыновья, братья, или племянники, княжили въ ихъ городѣ. [18] «Какъ отцы и дѣды наши страдали за Русскую Землю, такъ и мы пойдемъ по своемъ Князѣ,» говорилъ Новгородцамъ, въ 1214 году, Посадникъ Твердиславъ, убѣждая ихъ помочь своему Князю, Мстиславу Мстиславичу, въ борьбѣ его съ Ольговичами! [19] Но, признавая за Князьями право созывать народныя, ополченія возставшее населеніе, со временъ возстанія городовъ, не всегда повиновалось приказаніямъ своихъ Князей. Кіевскіе люди нѣсколько разъ отказывались помогать своему любимому Князю, Изяславу Мстиславичу, въ борьбѣ его съ Юріемъ Долгорукимъ, говоря, что они «не могутъ поднять руки на Володимирово племя;» и въ 1150 году, вмѣстѣ съ Черными Клубуками, отказались сражаться съ войсками Князя Галицкаго, ссылаясь на то, что у непріятеля были большія силы. [20] Въ 1139 году Новгородцы отказались помогать Юрію Долгорукому, сынъ котораго былъ у нихъ Княземъ, противъ Всеволода Ольговича, а въ 1214 году, на дорогѣ, во время похода, поссорившись съ жителями Смоленска, хотѣли оставить своего Князя, Мстислава Мстиславича, во время борьбы его съ Ольговичами. Подобнымъ же образомъ, въ 1225 году, Новгородцы не захотѣли отражать набѣгъ Литовцевъ на Новгородскую волость, Торжокъ, а въ 1228 году отказались итти на Ригу. [21] По большей части, со временъ возстанія городовъ, городскіе полки принимали участіе въ Княжескихъ походахъ только тогда, когда выгоды Князя были тождественны съ выгодами самаго населенія. Такъ Кіевляне защищали отъ ополченія Андрея Боголюбскаго своего Князя, Мстислава Изяславича, по тому что ненавидѣли господство Суздальцевъ, какъ показываютъ событія, послѣдовавшія въ Кіевѣ въ слѣдъ за смертію Юрія Долгорукаго. Такъ Новгородцы принимали живое участіе во всѣхъ походахъ своихъ Князей противъ городовъ Прибалтійской Чуди, по тому что дани собираемыя съ этихъ городовъ, по большей части доставались на долю Новгородцевъ. [22] Тѣ же корыстные разсчеты, по всей вѣроятности, побуждали Новгородцевъ помогать своимъ Князьямъ въ борьбѣ ихъ съ другими Князьями, по тому что за такое участіе обыкновенно Новгородцы на возвратномъ пути получали подарки и разнаго рода льготы. [23] Такимъ образомъ, со временъ возстанія городовъ, хотя Князья по прежнему считались верховными военачальниками и созывали народныя ополченія, но эти ополченія потеряли совершенно свое прежнее свойство: прежде они были военной повинностью, лежавшей на побѣжденномъ населеніи, которую обязано было отправлять побѣжденное населеніе, въ знакъ своей покорности; теперь же они обра-

тились въ вспомогательную силу охочихъ людей, добровольно помогавшихъ своимъ любимымъ Князьямъ. Это измѣненіе въ судьбѣ народныхъ ополченій произошло вездѣ, на всемъ пространствѣ Русской Земли, но не вездѣ, однако, положеніе народныхъ ополченій по отношенію къ Княжеской власти, со временъ возстанія городовъ, было одно и то же. На Сѣверѣ, гдѣ заправляла всѣмъ знать, съ упадкомъ Княжеской власти возставшее населеніе не только отказывало помогать Князьямъ въ военныхъ предпріятіяхъ, когда не требовали того его собственныя выгоды, но часто побуждали Князей, противъ ихъ воли, предпринимать такіе походы, въ которыхъ заинтересовано было только возставшее населеніе. Такъ въ 1134 году Новгородское Боярство принудило своего Князя, Всеволода Мстиславича, предпринять, вмѣстѣ съ Новгородскимъ ополченіемъ, походъ противъ Юрія Долгорукаго, не смотря на то, что Всеволодъ Мстиславичъ былъ противъ этого похода. [24] Такимъ образомъ народныя ополченія на Сѣверѣ, съ ослабленіемъ Княжеской власти, изъ вспомогательной силы, служившей Князю, мало по малу обратились въ главную военную силу, по почину которой предпринималась война, и на службѣ которой находился самъ Князь съ своей дружиной. Но такъ какъ Князь не всегда являлся на такую службу по волѣ народа, и такъ какъ не всегда того требовали и выгоды самаго народа, по этому на Сѣверѣ, въ концѣ домонгольскаго періода стали предприниматься походы по почину Боярства безъ всякаго участія Князя,—походы вольныхъ удальцовъ противъ Сѣверовосточныхъ городовъ Біарміи, [25] а, вмѣстѣ съ тѣмъ прирожденное право Князя быть верховнымъ военачальникомъ все болѣе и болѣе приходило въ упадокъ. Иная судьба постигла народныя ополченія на Югѣ. Чѣмъ болѣе города возставали, тѣмъ болѣе Князья убѣждались въ ненадежности народныхъ ополченій. Такое убѣжденіе на Сѣверѣ не могло повести ни къ какимъ послѣдствіямъ, по тому что тамъ не было никакой силы, на которую могли опереться Князья помимо городскихъ полковъ. Но на Югѣ такой силой оказались сбродныя дружины, кочевые народы и союзные полки сосѣднихъ владѣтелей. Убѣдившись въ ненадежности народныхъ ополченій и имѣя возможность обойтись безъ ихъ помощи, Князья Южнорусскіе, со временъ Изяслава Мстиславича, совершенно оставили въ покоѣ народныя ополченія и стали исключительно воевать только съ помощью сбродныхъ дружинъ и кочевыхъ народовъ, да иногда приводили къ себѣ на помощь, въ видѣ вспомогательныхъ отрядовъ, полки союзныхъ народовъ—Угровъ, Литовцевъ и Поляковъ. Такимъ образомъ на Югѣ, со второй половины XII столѣтія, обычай созывать народныя ополченія совершенно при-

шелъ въ упадокъ: народныя ополченія созываются только изрѣдка, по большей части только для участія въ торжественныхъ походахъ противъ Половцевъ, и при томъ не въ качествѣ главной силы, но только въ видѣ вспомогательныхъ отрядовъ. [26]

5. Князь назначалъ и смѣнялъ Тысяцкихъ, Тивуновъ и Соцкихъ, и раздавалъ пригороды и волости своего Княжества своимъ сыновьямъ и мужамъ-Посадникамъ, своимъ родственникамъ и родственницамъ. Въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія въ Приднѣпровьи и въ Суздальско-Рязанскихъ Княжествахъ Князья назначали и смѣняли Тысяцкихъ, Тивуновъ и Соцкихъ и раздавали свои города и волости своимъ сыновьямъ и женамъ, своимъ мужамъ и родственникамъ такъ же точно, какъ назначали и смѣняли своихъ Тивуновъ и Тысяцкихъ и раздавали въ кормленіе свои города и волости Князья Русскіе въ началѣ XII столѣтія. [27] Но со временъ возстанія городовъ это право отчужденія и порученія своей власти на Сѣверѣ и Юго-Западѣ потерпѣло значительныя ограниченія. На Сѣверѣ, въ Землѣ Новгородской, со временъ возстанія городовъ, Князь, во первыхъ, не могъ ни назначать, ни смѣнять, высшихъ правительствующихъ лицъ главнаго города — Посадника и Тысяцкаго, безъ согласія вѣча, [28] а иногда не принималъ никакого участія въ назначеніи Тысяцкаго и Посадника, по тому что въ Новгородѣ, какъ дальше увидимъ, со второй половины XII столѣтія, всѣ должности приняли отчасти наслѣдственный, отчасти выборный, характеръ. Во вторыхъ, на Сѣверѣ, въ Землѣ Новгородской, Князь не могъ раздавать пригородовъ и волостей Новгородской Земли другимъ Князьямъ въ вѣчное, потомственное, владѣніе; онъ могъ раздавать другимъ Князьямъ только пограничные пригороды, но не въ вѣчное, а только во временное, владѣніе, для военной защиты, и при томъ не иначе, какъ съ согласія Новгородцевъ, по требованію которыхъ онъ долженъ былъ и смѣнять этихъ Князей во всякое время. [29] Наконецъ, въ третьихъ, на Сѣверѣ, въ Землѣ Новгородской, Князь не могъ держать волостей своими мужами, а долженъ былъ держать ихъ мужами Новгородскими; не могъ раздавать волостей безъ Новгородскаго Посадника, и безъ вины не могъ ни у кого отнять волости. [30] На Юго-Западѣ, въ Землѣ Галицкой, при безпрерывной смѣнѣ владѣтелей и ожесточенной борьбѣ между сословіями, не могло установиться опредѣленныхъ, постоянныхъ, отношеній Князя къ Землѣ. Но есть данныя, показывающія, что и здѣсь Княжеская власть, относительно права распоряженія землями и правительственными должностями, подвергалась такимъ же ограниченіямъ, какъ и въ Новгородской Землѣ. Въ 1213 году Ко-

ломанъ, овладѣвши Галичемъ, роздалъ волости Галицкимъ Боярамъ, каждому противу достоянія. Въ 1219 году Мстиславъ Удалой, вытѣснивши изъ Галицкой Земли Угровъ и Ляховъ, и взявши въ плѣнъ сторонника Угровъ, Галицкаго Боярина, Судислава, не казнилъ этого Судислава, какъ измѣнника, но отдалъ ему въ кормленіе городъ Звенигородъ. Въ 1234 году, когда большая часть Бояръ Галицкихъ измѣнила Королевичу Угорскому и перешла къ Даніилу, то послѣдній, еще не вытѣснивши изъ Галича Королевича, принялъ всю Землю Галицкую, и роздалъ города Галицкимъ Боярамъ и Воеводамъ. [31] Изъ этихъ данныхъ видно, что въ Галицкой Землѣ, подобно тому, какъ въ Землѣ Новгородской, Князь не могъ распоряжаться по собственному произволу Галицкими землями; что онъ, волей, неволей, долженъ былъ, если не исключительно, то, по большей части, держать Галицкіе пригороды и волости только Галицкими мужами. Иначе не возможно объяснить, какимъ образомъ Князья Галицкіе, не смотря на постоянную измѣну Бояръ, все таки продолжали держать Галицкую Землю этими же самыми Боярами.

И такъ, власть Княжеская, со временъ возстанія городовъ, во всѣхъ своихъ правахъ, по отношенію къ городскому и сельскому населенію, говоря вообще, подверглась значительнымъ измѣненіямъ; но эти измѣненія чрезвычайно разнообразились по времени и мѣстности: на Сѣверѣ и Юго-Западѣ власть Княжеская была стѣснена и ограничена; но въ Приднѣпровьи и въ Суздальской Землѣ, послѣ кратковременныхъ колебаній, во многихъ правахъ она расширилась еще болѣе, чѣмъ въ прежнее время. Однако на сколько возстаніе, городовъ ослабило и ограничило Княжескую власть, на столько же оно увеличило права народа; но какъ уменьшеніе и ограниченіе власти Князя имѣли только временное и мѣстное значеніе, такъ точно имѣло и увеличеніе правъ народа.

Во первыхъ, возстаніе городовъ освободило посадскихъ людей отъ крѣпостной зависимости.

Мы видѣли, что первоначально все посадское населеніе, посаженное насильственно въ городахъ Князьями и Боярами, не имѣло права свободно переходить изъ города въ городъ, и, слѣдовательно, находилось въ крѣпостномъ состояніи. Со времени возстанія городовъ такое состояніе не могло продолжаться долгое время. Какъ на Западѣ Европы, такъ и въ Руси возстаніе городовъ повело за собой освобожденіе посадскаго населенія отъ крѣпостной зависимости. Освобожденіе совершилось на самомъ дѣлѣ; по этому о немъ не сохранилось никакихъ законодательныхъ памятниковъ; но что оно совер-

шилось, не подлежитъ никакому сомнѣнію: люди, располагавшіе Княжескими столами и Княжеской жизнью и грабившіе дворы Князей, Бояръ и дружинниковъ, не могли быть крѣпкими земли. Но въ Россіи возстаніе городовъ не оправдалось полнымъ успѣхомъ; нигдѣ города не могли совершенно освободиться отъ власти Князя и сбродныхъ дружинъ. При томъ же въ Россіи только въ немногихъ мѣстностяхъ возстаніе городовъ имѣло демократическій характеръ. По этому освобожденіе посадскаго населенія отъ крѣпостной зависимости не было повсемѣстнымъ и всеобщимъ. Съ одной стороны, не во всѣхъ городахъ посадскіе люди освобождались отъ крѣпостной зависимости. По всей вѣроятности, посадскіе люди освободились отъ крѣпостной зависимости только въ тѣхъ городахъ, гдѣ происходило возстаніе посадскаго населенія, а именно: въ городахъ югозападныхъ, сѣверозападныхъ, сѣверовосточныхъ, да въ немногихъ большихъ городахъ сѣверныхъ. Въ городахъ же юговосточныхъ и въ меньшихъ городахъ сѣверныхъ, гдѣ не было движенія со стороны посадскаго населенія, по всей вѣроятности, это населеніе, въ теченіе всего домонгольскаго періода, сохранилось въ первоначальномъ крѣпостномъ состояніи, хотя это и трудно доказать на основаніи дошедшихъ до насъ свѣдѣній. Съ другой стороны, даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ происходили возстанія посадскаго населенія, освободились отъ крѣпостной зависимости только тѣ посадскіе люди, которые считались издавна лично свободными, которые находились не въ рабской, а только въ крѣпостной зависимости. Кромѣ крѣпостнаго посадскаго населенія лично свободнаго, еще жило на посадахъ во всѣхъ городахъ Русскихъ множество людей лично не свободнаго — рабовъ, холоповъ и закуповъ. На освобожденіе этого населенія возстаніе городовъ не имѣло никакого вліянія. Мы видѣли, что со временъ возстанія городовъ, Князья-представители интересовъ демоса, приняли подъ свое верховное покровительство рабовъ и закуповъ и старались защитить ихъ отъ произвола господъ. Но этой верховной защитой и ограничилось все вліяніе Князей на бытъ несвободнаго населенія. Имѣя своихъ собственныхъ рабовъ и закуповъ, Князья и дружинники не думали освобождать рабовъ и закуповъ, принадлежавшихъ другимъ господствующимъ классамъ. Часто Князья—представители демоса, при столкновеніи съ Боярами, грабили и отбирали у враждебныхъ имъ Бояръ городскіе дворы и загородныя села; но никогда не освобождали рабовъ и закуповъ, жившихъ по этимъ дворамъ и селамъ. [32] Также мало заботилось о свободѣ рабовъ и закуповъ и крѣпостное лично свободное посадское населеніе. Посадскіе люди, говоря вообще, не были демократическимъ элементомъ

въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Во главѣ посадскихъ людей, какъ мы видѣли, стояли родовые и племенные старѣйшины—старцы градскіе, владѣвшіе селами и рабами. Имѣя своихъ собственныхъ рабовъ, и посадскіе люди, возставая противъ Бояръ и дружинниковъ, заботились не объ освобожденіи несвободныхъ людей, принадлежавшихъ Боярамъ и дружинникамъ, но о присвоеніи этихъ людей въ свою собственность. [33] Такимъ образомъ холопы и закупы не могли получить свободы даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ посадское населеніе преобладало надъ Боярствомъ; тѣмъ болѣе они не могли получить свободы въ городахъ, общественный строй которыхъ основанъ былъ на преобладаніи Боярства. По этому въ Россіи вліяніе возстанія городовъ на свободу городскаго населенія ограничилось только освобожденіемъ во многихъ большихъ городахъ посадскихъ людей лично свободныхъ отъ крѣпостной зависимости; между тѣмъ и послѣ возстанія городовъ, въ теченіе всего домонгольскаго періода, холопы и закупы сохранились во всѣхъ городахъ и селахъ въ своемъ прежнемъ первобытномъ несвободномъ состояніи. Намъ неизвѣстно, существовали ли въ Россіи въ XII столѣтіи города, въ которыхъ промысловое неслужилое сословіе исключительно состояло бы только изъ крѣпостныхъ закуповъ и полныхъ холоповъ; но извѣстно, что были города, въ которыхъ это несвободное населеніе составляло главную массу населенія. Такъ, Изяславъ Мстиславичъ и его союзники, овладѣвши однимъ изъ самыхъ большихъ городовъ Сѣверскаго Княжества, городомъ Путивлемъ, забрали тамъ въ плѣнъ и раздѣлили между собою 700 человѣкъ челяди, принадлежавшей Святославу Ольговичу. [34]

Во вторыхъ, возстаніе городовъ пробудило политическую автономію городскаго населенія.

Въ классическихъ республикахъ Югозападной Европы, гдѣ городская жизнь долгое время развивалась самостоятельно, не стѣсняемая ни сбродными дружинами, ни феодальнымъ дворянствомъ, политическая автономія городовъ выразилась въ существованіи выборныхъ магистратовъ, правительственныхъ совѣтовъ и народныхъ собраній. Чтобы оцѣнить степень развитія политической автономіи городовъ Русскихъ, посмотримъ, на сколько и при какихъ обстоятельствахъ всѣ эти установленія развились въ городахъ Русскихъ сравнительно съ городами древняго міра и средневѣковой Европы.

Первоначально во всѣхъ городахъ древней Греціи и Италіи во главѣ родовой патриціанской аристократіи стояли Цари съ наслѣдственной властью. Съ теченіемъ времени эти наслѣдственные Цари вездѣ исчезли и замѣнились выборными магистратами. Пока продолжа-

лось господство родовой патриціанской аристократіи, выборныхъ правителей было немного, и они избирались или на всю жизнь, или на продолжительное время, и притомъ только изъ немногихъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ семействъ. Но со временъ пробужденія демоса, выборное начало получило болѣе широкое развитіе. По мѣрѣ того, какъ посадское населеніе освобождалось отъ крѣпостной зависимости и вступало въ борьбу съ патриціями за политическое преобладаніе, общественныя должности размножились, становились кратковременными и доступными для всѣхъ гражданъ. Развитіе выборнаго начала продолжалось до паденія политической независимости городовъ. Съ появленіемъ сбродныхъ дружинъ и возникшаго изъ нихъ феодальнаго дворянства, выборныя должности или совершенно изчезли, или утратили свое прежнее значеніе и замѣнились то наслѣдственными, то бюрократическими должностями. Возстаніе городовъ и освобожденіе ихъ отъ феодализма вызвало снова къ жизни выборное начало; но до настоящаго времени выборное начало имѣло слабое значеніе въ организаціи Западно-Европейскихъ государствъ. Въ среднихъ вѣкахъ выборное начало примѣнялось въ широкихъ размѣрахъ къ политической организаціи только въ немногихъ городахъ Южной Европы, гдѣ демократическіе элементы преобладали надъ аристократическими; но оно не имѣло никакого значенія ни на Сѣверѣ, ни въ среднихъ частяхъ Европы, гдѣ общественный строй основанъ былъ на преобладаніи или помѣстной сельской, или городской патриціанской аристократіи. Только въ новѣйшее время, не ранѣе XVIII столѣтія, съ постепеннымъ усиленіемъ демократическаго начала, выборное начало получило то широкое примѣненіе къ политической организаціи, какое оно имѣетъ въ настоящее время, и какого оно не имѣло не только въ среднихъ вѣкахъ, но даже въ древнемъ мірѣ, въ самое цвѣтущее время политической самобытности классическихъ республикъ древняго міра.

Какъ вездѣ, такъ и въ Россіи первоначально политическій строй основанъ былъ на господствѣ родовой патриціанской аристократіи, во главѣ которой стояли Князья съ наслѣдственной властью. Если бы города Славянскіе развивались самостоятельно и жили такъ же долго самобытной политической жизнью, какъ города Грекоримскіе, то, по всей вѣроятности, и на Востокѣ Европы наслѣдственные Славянскіе Князья съ теченіемъ времени исчезли бы и замѣнились выборными правителями. Но на Востокѣ Европы, прежде чѣмъ власть наслѣдственная, стоявшая во главѣ патриціанской аристократіи, исчезла и замѣнилась властью выборной, города подпали подъ власть сбродныхъ дру-

жинъ. Съ появленіемъ сбродныхъ дружинъ исчезли благопріятныя условія для развитія выборнаго начала въ городахъ Славянскихъ. Подпавши подъ власть сбродныхъ дружинъ, города Славянскіе на Востокѣ Европы очутились въ такомъ же самомъ положеніи, въ какомъ находилиеь города Юго-Западной Европы подъ властью Македонскихъ Царей и Римскихъ Императоровъ. Все различіе состояло только въ томъ, что сбродныя дружины Царей Македонскихъ и Римскихъ Императоровъ, уничтоживши политическую самобытность городовъ, стѣснили выборное начало, существовавшее уже тамъ въ обширныхъ размѣрахъ; между тѣмъ сбродныя дружины Русскихъ Князей, подчинивши своей власти города Славянскіе на Востокѣ Европы, не стѣснили выборнаго начала потому, что его еще и не существовало, но сдѣлали невозможнымъ его проявленіе. Мы видѣли, что Князья Славянскіе съ появленіемъ Князей Русскихъ не исчезли совершенно, но обратились въ чиновниковъ, назначаемыхъ Князьями Рюрикова дома, сохранивши отчасти свой прежній наслѣдственный характеръ. Сдѣлавшись служилыми людьми новыхъ властителей, Князья Славянскіе въ этихъ новыхъ властителяхъ нашли своихъ верховныхъ защитниковъ и покровителей. Теперь, чтобы уничтожить наслѣдственную власть своихъ племенныхъ Князей, для Славянскаго боярства необходимо было вступить въ борьбу и съ Русскими Князьями, поддерживавшими эту власть. Понятно по этому, что власть выборная не могла имѣть мѣста въ городахъ Славянскихъ до тѣхъ поръ, пока продолжалось безграничное господство Князей Русскихъ. Только со временъ возстанія городовъ, когда Бояре и посадскіе люди вступили въ борьбу съ Русскими дружинами и пошатнулась власть этихъ дружинъ, возникла въ Россіи возможность для развитія выборнаго начала. Но уже принявши во вниманіе условія, при которыхъ развилось выборное начало на Западѣ Европы, можно заключить, что оно не могло развиться въ Россіи въ домонгольскій періодъ. На Западѣ Европы выборное начало развилось вполнѣ только во время господства демократіи и при полной политической независимости городовъ; между тѣмъ въ Россіи города никогда не достигали политической самобытности, и города Приднѣпровья и Суздальскаго края, гдѣ демократія была сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо, пользовались наименьшей свободой сравнительно съ городами другихъ частей Русской земли. Наибольшей свободы, въ домонгольскій періодъ, достигли города Югозапада и Сѣверовостока; но здѣсь выборное начало не могло уже развиться, не только вслѣдствіе существованія сбродныхъ дружинъ, власть которыхъ, хотя была осла-

блена, однако не была уничтожена совершенно, но и вслѣдствіе преобладанія Боярства надъ другими сословіями. Мы видѣли, что въ городахъ Приднѣпровья и Суздальскаго края должности тысяцкихъ, посадниковъ, тіуновъ и сотскихъ въ теченіе всего домонгольскаго періода, назначались Князьями. До какой степени выборное начало чуждо было городамъ Приднѣпровья, это яснѣе всего видно изъ разсказа лѣтописи о Кіевскихъ событіяхъ XII столѣтія. По смерти Всеволода Ольговича, въ эпоху наибольшаго развитія свободы Кіевскаго демоса, посадскіе люди города Кіева жалуются Святославу Ольговичу и его брату на грабительства тіуновъ умершаго Князя и просятъ Князей, чтобы они не довѣряли своимъ тивунамъ, но сами лично судили своихъ людей; но имъ, посадскимъ людямъ, и въ голову не приходитъ, что они имѣютъ право судиться сами собою, посредствомъ выборныхъ судей. Князья, заискивая расположеніе посадскихъ людей, обѣщаютъ имъ назначать такихъ тивуновъ, которыми они будутъ довольны, но и не думаютъ предоставлять посадскимъ людямъ самимъ избрать такихъ тивуновъ. Слѣдовательно, мысль о выборномъ началѣ такъ же чужда была Князьямъ, какъ и ихъ подданнымъ, посадскимъ людямъ. Въ Галицкомъ Княжествѣ, въ эпоху наибольшаго упадка Княжеской власти, во время малолѣтства Даніила, Бояре то произвольно овладѣвали должностями тысяцкихъ и посадниковъ, то назначались на эти должности Князьями. Часто, во время полной анархіи, сильнѣйшіе Бояре, присвоивши насильственно власть надъ нѣсколькими городами и, утвердившись въ главномъ городѣ, назначали произвольно, безъ согласія Князя, посадниками и тысяцкими надъ меньшими городами своихъ родственниковъ и сторонниковъ. [35] Но никогда Бояре Галицкой земли, въ эпоху наибольшаго своего могущества, не соединялись вмѣстѣ для избранія общими силами изъ среды себя своихъ посадниковъ и тысяцкихъ. Такимъ образомъ, при существованіи большаго неравенства между Боярами и при постоянномъ антагонизмѣ, господствовавшемъ между боярскими семействами, въ Галицкомъ Княжествѣ, съ упадкомъ власти сбродныхъ дружинъ, общественный строй склонился не къ выборному началу, но къ тому порядку, который господствовалъ въ Галицкомъ Княжествѣ, до появленія Русскихъ Князей, и который основанъ былъ на насильственномъ и наслѣдственномъ господствѣ сильнѣйшихъ Бояръ надъ слабѣйшими. Въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія выборнаго начала находилась земля Новгородская. Новгородская земля достигла большей степени политической самобытности, чѣмъ другія Княжества; въ Новгородской землѣ было больше един-

ства между сословіями, чѣмъ въ какомъ либо другомъ Княжествѣ; наконецъ, въ Новгородской землѣ Бояре были знакомы съ Западно-Европейскими порядками, гдѣ уже въ XII ст. выборное начало развилось на столько, на сколько оно могло существовать при повсемѣстномъ господствѣ аристократическихъ классовъ; однако и въ Новгородской землѣ выборное начало далеко не достигло той степени, на которой оно находилось въ классическихъ республикахъ древняго міра. Со временъ возстанія городовъ, въ Новгородѣ посадники и тысяцкіе, подобно Князьямъ, безпрерывно низвергались и назначались; однако эти должности никогда не были вполнѣ выборными. Вопервыхъ, Князь до послѣднихъ дней домонгольскаго періода, сохранилъ право лишать должностей всѣхъ вообще высшихъ правительствующихъ лицъ Новгородской земли, не исключая посадника и тысяцкаго города Новгорода. Въ договорныхъ грамотахъ съ Новгородомъ, Князья обѣщали только не лишать должностей Новгородскихъ мужей безъ всякой вины. Но и эти обѣщанія, какъ видно изъ лѣтописей, не всегда соблюдались. Въ 1218 году, Князь Святославъ на вопросъ вѣча: за какую вину онъ хочетъ лишить должности посадника Твердислава? прямо отвѣчалъ, что безъ всякой вины. Твердислава защитили обѣ борющіяся партіи; но едва ли такъ было всегда. Въ 1171 году, Князь Рюрикъ отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города; однако изгнаннаго посадкика никто не защищалъ, и онъ долженъ былъ удалиться въ Суздальскую землю, гдѣ оставался до конца княженія Рюрикова.[36] Но если Князь, до послѣднихъ дней домонгольскаго періода, имѣлъ право низвергать посадниковъ и тысяцкихъ и принималъ участіе въ ихъ назначеніи, какъ это видно изъ лѣтописей,[37] то, слѣдовательно, до конца домонгольскаго періода эти должности сохранили, по крайней мѣрѣ отчасти, свой прежній бюрократитескій характеръ должностей назначаемыхъ свыше, какими они были исключительно въ періодъ наибольшаго могущества Варягорусскихъ дружинъ. Во вторыхъ, къ должностямъ посадника и тысяцкаго города Новгорода имѣли доступъ только немногія лица изъ знатнѣйшихъ боярскихъ семействъ. Обыкновенно ихъ занимали только такія лица, которыхъ отцы и дѣды тоже были посадниками и тысяцкими.[38] И между этими немногими лицами, при занятіи должности посадника, а вѣроятно и должности тысяцкаго, наблюдалось какое-то старѣйшинство. Такъ, когда, въ 1211 году, пришелъ изъ Руси Дмитрій Якуновичъ, то Твердиславъ, по словамъ лѣтописи, добровольно по своей волѣ уступилъ ему посадничество, какъ лицу старѣйшему его.[39] Такимъ образомъ, высшія правительственныя должности въ Новгородѣ, утративши съ ослабле-

ніемъ Княжеской власти характеръ чисто бюрократическій, не сдѣлались однако вполнѣ и выборными должностями. Какъ во всѣхъ аристократическихъ государствахъ, такъ и въ государствѣ Новгородскомъ, съ ослабленіемъ власти сбродныхъ дружинъ, высшія правительственныя должности приняли характеръ болѣе наслѣдственный, чѣмъ избирательный. Самыя выраженія, постоянно употребляемыя лѣтописями при сообщеніи о смѣнѣ посадниковъ и тысяцкихъ: «отняша у такого-то и дапа такому-то,» показываютъ, что эти должности не были вполнѣ выборными. Изъ этихъ выраженій видно, что смѣна въ Новгородѣ посадниковъ и тысяцкихъ не была дѣломъ обыкновеннымъ, какимъ бываетъ всегда смѣна должностей вполнѣ выборныхъ, но что необходимо было сначала отнять насильственно должность у стараго посадника, чтобы дать ее новому, и что, слѣдовательно, избраніе новаго посадника было дѣломъ чрезвычайнымъ, экстраординарнымъ, дѣломъ революціоннаго возстанія. И дѣйствительно, посадники и тысяцкіе Новгорода, если не всегда, то по большой части смѣнялись только вслѣдствіе внутреннихъ волненій и борьбы между партіями. Но должности высшихъ правительственныхъ сановниковъ города Новгорода, по крайней мѣрѣ отчасти, со временъ возстанія городовъ приняли характеръ выборный. Что же касается до другихъ второстепенныхъ правительствующихъ лицъ Новгорода и Новгородской земли, то, на сколько можно судить по немногимъ свидѣтельствамъ лѣтописей и актовъ, въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода, сохранили свой прежній, отчасти бюрократическій, отчасти наслѣдственный характеръ. Посадники во всѣ Новгородскіе пригороды назначались постоянно Новгородскимъ Княземъ, то есть такъ же точно назначались въ XII и въ XIII столѣтіяхъ, какъ назначались во время Рюрика. Все отступленіе отъ прежняго порядка состояло, какъ мы видѣли, только въ томъ, что теперь Князь не могъ назначить посадниками въ Новгородскіе пригороды своихъ мужей, а долженъ былъ посылать посадниками Новгородскихъ мужей, и при томъ не иначе, какъ по соглашенію съ Новгородскимъ посадникомъ. Обыкновенно въ пригороды посылались тѣже самыя лица, которыя отправляли попеременно должности посадниковъ и тысяцкихъ въ самомъ Новгородѣ. [40] Слѣдовательно, въ послѣдніе годы домонгольскаго періода, нѣсколько боярскихъ семействъ управляли не только Новгородомъ, но и всей Новгородской землей, и должности правительственныя въ Новгородскихъ пригородахъ также точно приняли характеръ наслѣдственный, какъ и должности высшихъ привительствующихъ лицъ въ самомъ Новгородѣ. О назначеніи въ Новгородѣ и въ Новгородской землѣ въ

послѣдніе годы домонгольскаго періода соцкихъ, биричей, подвойскихъ, старостъ кончанскихъ, начальствовавшихъ надъ концами города, старостъ побережныхъ и другихъ мелкихъ чиновниковъ, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Трудно однако согласиться съ мнѣніемъ новѣйшихъ изслѣдователей, что эти должности были выборными. Если Князь съ посадникомъ и Боярствомъ Новгорода назначалъ посадниковъ въ пригороды, то нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы другія должности замѣщались иначе. Изъ лѣтописей намъ извѣстно, что еще въ послѣдней четверти XII ст. Князь Новгорода по собственной волѣ смѣщалъ сотскихъ въ пригородахъ Новгородскихъ; [41] но если онъ имѣлъ право смѣщать, то по всей вѣроятности ему же принадлежало и право назначать ихъ. Изъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ Тверскими Князьями мы знаемъ, что всѣ вообще должности въ Новгородской землѣ замѣщалъ Новгородскій Князь по соглашенію съ Новгородскимъ посадникомъ, и что Новгородское Боярство имѣло въ пригородахъ своихъ собственныхъ, имъ назначенныхъ, тіуновъ для собиранія разнаго рода доходовъ и пошлинъ. [42] Слѣдовательно, по смыслу этихъ грамотъ, въ Новгородской землѣ всякая власть производилась отъ Князя, или отъ Боярства, и были тамъ только правительственныя лица, назначенныя или Княземъ, или Боярствомъ. Наконецъ въ сводѣ лѣтописи Татищева находится извѣстіе, что въ 1228 году Аристократія Новгорода послала къ Ярославу Всеволодовичу просить, чтобы онъ самъ не судилъ и судей не назначалъ, но производилъ судъ выборными отъ концовъ Новгородскихъ. Ярославъ съ негодованіемъ отвергъ это требованіе и приказалъ своимъ сыновьямъ и служилымъ людямъ выѣхать изъ Новгорода. [43] Но если Ярославъ не могъ допустить выборныхъ отъ концовъ судей, то онъ не могъ допустить и выборныхъ сотскихъ, ибо въ то время всякое административное лицо имѣло въ своихъ рукахъ и власть судебную.

Подобно выборнымъ магистратамъ, не развились въ Россіи и другія правительственныя власти, въ которыхъ выразилась политическая автономія городовъ, ни правительственные аристократическіе совѣты, органы самоуправляющагося патриціата, ни народныя собранія, органы самоуправляющагося демоса.

Во всѣхъ городахъ первой эпохи образованія, еще при существованіи Царей съ наслѣдственною властью, представители родовой землевладѣльческой патриціанской аристократіи составляли постоянные правительствующіе совѣты, съ которыми Цари вѣдали всѣ общественныя дѣла городовъ и въ мирное, и въ военное время. Послѣ паденія власти наслѣдственныхъ Царей, ихъ прежніе совѣты органнзи-

ровались въ самостоятельныя правительственныя коллегіи, собиравшіяся сами собою подъ предсѣдательствомъ выборныхъ магистратовъ. Пока продолжалось господство аристократіи, правительственные совѣты имѣли исключительно аристократическій составъ. Со временъ возстанія посадскаго населенія и освобожденія его отъ крѣпостной зависимости, во многихъ городахъ они стали пополняться выборными представителями отъ народа; но получивши демократическую примѣсь, никогда однако не теряли совершенно своего прежняго аристократическаго характера. Такова была судьба правительственныхъ совѣтовъ въ городахъ древней Греціи и Италіи и во всѣхъ городахъ Франціи и Германіи, достигшихъ большей или меньшей политической самобытности во время упадка феодализма; но не такова была судьба правительственныхъ совѣтовъ въ городахъ Русскихъ.

Какъ въ гомерическія времена въ городахъ древней Греціи, такъ первоначально и въ городахъ старославянскихъ, до появленія Варягоруссовъ, Князья съ наслѣдственною властью рѣшаютъ всѣ дѣла въ обществѣ представителей родовой землевладѣльческой аристократіи. Но въ городахъ Славянскихъ, прежде чѣмъ боярскіе совѣты, окружавшіе Князей, успѣли организироваться въ самостоятельныя правительственныя коллегіи, явились Варягорусскія дружины. Съ появленіемъ Варягоруссовъ, Князья Славянскіе, какъ намъ извѣстно, не исчезли и не сдѣлались выборными правителями, но обратились въ чиновниковъ, назначаемыхъ Князьями Русскими. Очень можетъ быть, что и въ этомъ новомъ видѣ старославянскіе представители боярства продолжали созывать знатнѣйшихъ Бояръ на совѣщанія. Но несомнѣнно, что въ этомъ новомъ видѣ, какъ Княжескіе чиновники, они уже менѣе, чѣмъ прежде, нуждались въ совѣтѣ и помощи боярства, потому что всегда могли найти опору въ Русскомъ Князѣ и его дружинѣ. Такимъ образомъ, подъ властью Варягорусскихъ Князей, правительственные совѣты въ городахъ Русскихъ не только не могли организироваться въ независимыя аристократическія коллегіи, но должны были потерять даже то значеніе, какое они имѣли въ доваряжскую эпоху. Правда, Варягорусскіе Князья, ослабивши силу Бояръ въ отношеніи къ Князьямъ Славянскимъ, сами иногда созывали на совѣщанія, какъ мы видѣли, Славянское боярство; но отъ этого участія Славянскаго боярства въ совѣтахъ Русскихъ Князей, которымъ они пользовались совмѣстно съ Княжескими дружинниками и знатнѣйшими представителями посадскихъ людей, нисколько не усилилось правительственное значеніе боярства. По отношенію къ Русскому Князю Бояре пользовались еще меньшей силой, чѣмъ въ отношеніи

къ собственнымъ Князьямъ, и, слѣдовательно, участіе Бояръ въ совѣтахъ Руских Князей было совершенно случайно и зависѣло вполнѣ отъ произвола этихъ Князей. Со временъ возстанія посадскихъ людей въ городѣ Кіевѣ, въ городахъ Приднѣпровья и на Сѣверовостокѣ сначала демократическіе элементы, а впослѣдствіи сбродныя дружины и помѣстные служилые люди, совершенно поглотили городскую старославянскую аристократію. Понятно, въ этихъ городахъ, и со временъ возстанія Кіевскаго демоса, никогда не могли возникнуть правительственныя коллегіи, служившія вездѣ органами верховнаго господства городской патриціанской аристократіи. И дѣйствительно, въ лѣтописяхъ домонгольскаго періода, мы не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ существованія боярскихъ правительственныхъ совѣтовъ ни въ городахъ Приднѣпровья, ни въ городахъ Суздальско-ростовской земли. Но на западныхъ и сѣверныхъ окраинахъ Русской земли боярство восторжествовало надъ демосомъ и, если не совершенно, то, покрайней мѣрѣ отчасти и на короткое время, освободились отъ власти сбродныхъ дружинъ. Поэтому и на Западѣ, и на Сѣверѣ, со временъ возстанія городовъ, воскресъ тотъ бытъ, который существовалъ здѣсь до появленія Варягоруссовъ: съ одной стороны, старославянскіе племенные начальники снова приняли, какъ мы видѣли, прежнее значеніе отчасти выборныхъ, отчасти наслѣдственныхъ аристократическихъ правителей; съ другой стороны, снова явились правительственные совѣты изъ знатнѣйшихъ представителей аристократіи, постоянно окружавшіе этихъ правителей. Такъ въ Галицкомъ Княжествѣ, въ послѣднія эпохи домонгольскаго періода, знатнѣйшіе Бояре, временно овладѣвшіе правленіемъ, дѣйствовали всегда въ сообществѣ съ своими сторонниками—Боярами. Въ 1211 году, Венгерскій Королевичъ Коломанъ, посадивши въ Галичѣ на княженіе малолѣтняго Даніила, для управленія Княжествомъ и для попеченія о малолѣтнемъ Князѣ, устроилъ правительственный совѣтъ изъ знатнѣйшихъ Бояръ, Владислава, Судислава и Филиппа.[44] Городъ Полоцкъ, въ восьмидесятыхъ годахъ XII столѣтія, одно время по смерти своего Князя Давида Юрьевича, управлялся, какъ вольный городъ, вѣчемъ и правительственнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ тридцати знатнѣйшихъ[45] Бояръ. Въ Новгородѣ, въ XII и въ XIII столѣтіяхъ, посадникъ постоянно вѣдаетъ всякія дѣла вмѣстѣ съ знатнѣйшими представителями боярства Старѣйшіе или вятшіе мужи съ своимъ посадникомъ во главѣ руководили избраніемъ владыки, отправлялись для приглашенія Князей и для заключенія съ ними договоровъ, предводительствовали войсками, распоряжались постройкой городовъ и вводили новые налоги и повинности.[46] Но всѣ эти правительственные

совѣты, вызванные снова къ жизни временнымъ ослабленіемъ власти сбродныхъ дружинъ, ни на Сѣверѣ, ни на Западѣ не получили полнаго развитія. Ни въ Галичѣ, ни въ Полоцкѣ, ни въ Новгородѣ боярство никогда не могло достигнуть верховнаго господства. По этому, ни въ Галичѣ, ни въ Полоцкѣ, ни въ Новгородѣ изъ постояннаго участія знатнѣйшихъ Бояръ въ управленіи государствомъ не могло возникнуть ничего подобнаго Римскому сенату или Аѳинскому Ареопагу. При постоянномъ возрастаніи сбродныхъ дружинъ и феодальнаго помѣстнаго дворянства, правительственные совѣты, и на Западѣ, и на Сѣверѣ земерли на той неопредѣленной, недоразвившейся формѣ, которую они имѣли еще въ доваряжскія эпохи, не достигли ни самостоятельности, ни правильной организаціи. Изъ вышеприведенныхъ фактовъ видно, что иногда, вслѣдствіе временнаго уничтоженія княжеской власти, боярскіе совѣты обращались въ верховныя правительственныя коллегіи; но это были только временныя случайныя явленія: съ появленіемъ новаго Князя, ихъ верховная власть падала, и они обращались въ прежнее зависимое положеніе.

Рядомъ съ правительственными совѣтами существовали вездѣ народныя собранія. Первоначально народныя собранія не имѣли никакой власти и не пользовались никакимъ политическимъ значеніемъ. Въ эпоху полнаго господства патриціанской аристократіи вся сумма правительственной дѣятельности сосредоточивалась въ правительственныхъ совѣтахъ; власть народныхъ собраній ограничивалась только формальнымъ утвержденіемъ немногихъ дѣлъ, предварительно рѣшенныхъ въ правительственныхъ совѣтахъ. Но съ постепеннымъ возвышеніемъ посадскаго населенія на счетъ патриціанской аристократіи, всѣ дѣла правительственныя отъ аристократическихъ совѣтовъ стали переходить въ руки народныхъ собраній, и тамъ, гдѣ, какъ напр. въ Аѳинахъ, пала окончательно власть патриціата, народныя собранія сдѣлались главными правительственными органами самоуправляющихся городовъ. Политическая роль народныхъ собраній въ городахъ древняго міра продолжалась до тѣхъ поръ, пока продолжалась политическая независимость городовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ сбродныя варварскія дружины Царей Македонскихъ и Римскихъ Императоровъ подчинили своей власти города древняго міра, народныя собранія и въ Греціи, и на Югозападѣ Европы вездѣ пришли въ упадокъ. Съ теченіемъ времени, въ эпоху полнаго упадка феодализма на Югозападѣ Европы, города снова достигли политической самобытности, освободившись отчасти или совершенно отъ власти феодализма, вмѣстѣ съ тѣмъ снова, въ однихъ городахъ, гдѣ сильна была аристократія, правительственная

власть сосредоточилась въ рукахъ правительственныхъ совѣтовъ; въ другихъ городахъ, гдѣ демократическіе элементы взяли перевѣсъ надъ аристократическими,—въ народныхъ собраніяхъ.

Какъ вездѣ, такъ и въ Россіи первоначально посадское населеніе было малочисленно и находилось въ совершенной зависимости отъ городской патриціанской аристократіи. Поэтому, первоначально, какъ во всѣхъ первобытныхъ городахъ, основанныхъ на исключительномъ преобладаніи патриціанской аристократіи, такъ и въ городахъ Русскихъ, народныя собранія не имѣли никакого общественнаго значенія и не пользовались никакою властью. Мы видѣли, что еще до временъ Рюрика Бояре и Князья городовъ Славянскихъ имѣли обычай созывать своихъ людей на совѣщаніе. Очень можетъ быть, что эти люди и сами собою собирались толпой для заявленія о своихъ желаніяхъ и требованіяхъ, или же для совѣщанія о мѣрахъ обороны города во время нападенія непріятеля, какъ это дѣлали они уже при первыхъ Варягорусскихъ Князьяхъ [47] Но что первоначально въ городахъ Славянскихъ народныя собранія созывались только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, не имѣли никакой власти и не пользовались никакимъ общественнымъ значеніемъ, это видно уже изъ того факта, что еще въ первыя эпохи Варягорусскаго господства народныя собранія не были въ обычаѣ. При Владимірѣ, какъ намъ извѣстно, собирались на совѣщаніе съ Княземъ только дружинники, бояре и старцы градскіе. Но со временъ возстанія городовъ, съ одной стороны, посадскіе люди стали часто сходиться на сходки сами собою, произвольно, безъ приглашенія властей, для заявленія Князьямъ, боярамъ и дружинникамъ своихъ требованій, или для совершенія надъ ними какого нибудь насилія; съ другой стороны, Князья и представители ихъ власти стали часто обращаться къ посадскимъ людямъ для привлеченія ихъ на свою сторону, или для узнанія ихъ мнѣнія и расположенія о томъ или другомъ предпріятіи, затѣваемомъ Княземъ. Теперь ни одинъ Князь не могъ спокойно владѣть городомъ, не заручивши себя напередъ приверженностію посадскихъ людей; ни одинъ Князь не могъ спокойно начать борьбу съ своими братьями и родственниками, не зная, какъ отнесутся къ этой борьбѣ посадскіе люди. Такимъ образомъ, со временъ возстанія городовъ, собранія посадскихъ людей во всѣхъ главныхъ городахъ пріобрѣтаютъ общественное значеніе и шумно заявляютъ о своемъ существованіи бурными волненіями и кровавыми переворотами. Но несмотря однако на громкое заявленіе своей власти и дѣятельности, собранія посадскихъ людей въ городахъ Русскихъ далеко не достигли той степени разви-

тія, на которой они стояли въ городахъ древняго міра и въ средневѣковой Европѣ. Выше замѣчено, что народныя собранія съ обширной властью и обширнымъ кругомъ дѣятельности существовали только тамъ, гдѣ демосъ преобладалъ надъ аристократіей и совершенно свободенъ былъ въ проявленіи своей власти и своей дѣятельности отъ всякой внѣшней силы. Но въ Россіи демосъ никогда не находился совершенно въ независимомъ положеніи: на Югѣ и Сѣверовостокѣ онъ постоянно оставался подъ властью сбродныхъ дружинъ, а на Сѣверѣ—подъ властью боярства. Понятно поэтому, что въ Россіи сходка городскаго демоса, называемая въ нашихъ лѣтописяхъ вѣчемъ, никогда не могла достигнуть того политическаго значенія, какое она имѣла въ городахъ древняго міра и во многихъ городахъ средневѣковой Европы. [48]

Въ Россіи вѣча никогда не были правильными періодическими собраніями съ опредѣленнымъ и обширнымъ кругомъ дѣятельности. Въ теченіе всего домонгольскаго періода на всемъ пространствѣ Россіи сходка посадскихъ людей была случайнымъ, чрезвычайнымъ собраніемъ съ неопредѣленнымъ, ограниченнымъ кругомъ дѣятельности, и съ неопредѣленной, ограниченной степенью власти, хотя и не вездѣ съ однимъ и тѣмъ же кругомъ дѣятельности и съ одной и тойже степенью власти. На Югозападѣ и Сѣверовостокѣ посадскіе люди собирались на сходки сами собою произвольно: или какъ революціонное мятежное скопище для совершенія какихъ либо насилій, или же для мирныхъ разсужденій о мѣрахъ обороны при внезапномъ нападеніи непріятеля, и для мирныхъ заявленій Князю, или представителямъ его власти, какихъ либо своихъ желаній или требованій. [49] Что же касается до сходокъ, созываемыхъ Князьями, или представителями ихъ власти, то на Югозападѣ и Сѣверовостокѣ Князья созывали на сходки посадскихъ людей только для двухъ цѣлей: во первыхъ, чтобы пригласить посадскихъ людей принять участіе въ войнѣ оборонительной или наступательной, и во вторыхъ, чтобы привести посадскихъ людей посредствомъ цѣлованья креста къ присягѣ на вѣрность или самому Князю, который созывалъ собраніе, или же его наслѣднику. [50] Часто сходка, созванная для цѣлованья креста на вѣрность подданства: заявляла при этомъ Князю о какихъ либо своихъ желаніяхъ. Часто Князья, и помимо такихъ заявленій со стороны народа, приводя народъ къ присягѣ на вѣрность, сами отъ себя обѣщали народу разнаго рода милости, утверждая свои обѣщанія цѣлованіемъ креста. Такое взаимное клятвенное обѣщаніе, со стороны народа быть вѣрнымъ Князю, а со стороны Князя оказывать народу тѣ или другія

милости, называется въ лѣтописяхъ рядомъ, т. е. договоромъ. Такими договорами со второй половины XII столѣтія сопровождалось всякое вступленіе на престолъ новаго Князя, какъ на Югѣ, такъ и на Сѣворовостокѣ. [51] Поэтому, къ предметамъ дѣятельности народныхъ собраній, и на Югѣ и на Сѣверѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ дѣлъ, можно по праву отнести и заключеніе народомъ договора съ Княземъ, на какихъ условіяхъ послѣднему владѣть городомъ, хотя въ сущности этотъ договоръ былъ не больше и не меньше, какъ актъ приведенія народа Княземъ къ присягѣ на вѣрность. Съ болѣе обширнымъ кругомъ дѣятельности и съ большей степенью власти существовали народныя собранія въ Новгородѣ: кромѣ дѣлъ, для которыхъ созывались народныя собранія въ городахъ югозападной и сѣверовосточной Россіи, [52] въ Новгородѣ, сверхъ того, еще въ домонгольскій періодъ Князья созывали народъ на сходки: для полученія отъ народа согласія и помощи, когда Князь хотѣлъ лишить должности посадника или тысяцкаго; [53] для принесенія жалобъ на дѣйствія пригородовъ, когда пригороды оказывали сопротивленіе Княжеской власти; [54] и наконецъ для прощанія съ народомъ, когда Князь самъ добровольно оставлялъ Новгородъ. [55] Что же касается до народныхъ сходокъ произвольныхъ, то въ Новгородѣ, кромѣ сходокъ революціонныхъ и кромѣ сходокъ для совѣщанія о мѣрахъ обороны и для заявленій Князю какихъ либо желаній, [56] посадскіе люди еще собирались сами собою произвольно, или по приглашенію высшихъ правительствующихъ лицъ, стоявшихъ независимо отъ Князя, для слѣдующихъ дѣлъ: для отправленія торжественныхъ посольствъ къ Князьямъ Русскимъ другихъ княжествъ и для участія въ избраніи высшихъ правительственныхъ лицъ: Князя, Посадника, Тысяцкаго и Владыки. [57] Но хотя еще въ домонгольскій періодъ въ Новгородѣ народныя собранія имѣли болѣе обширный кругъ дѣятельности, чѣмъ въ другихъ частяхъ Русской земли, однако и здѣсь въ домонгольскій періодъ народныя собранія не имѣли ни власти законодательной, ни власти правительственной, ни власти судебной, за исключеніемъ чрезвычайнаго политическаго суда, да и то въ очень рѣдкихъ случаяхъ, надъ высшими правительственными лицами: Княземъ, Посадникомъ, Тысяцкимъ и надъ гражданами непокорныхъ пригородовъ. [58] Какъ во всѣхъ аристократическихъ городахъ, такъ и въ Новгородскомъ государствѣ, вся сумма правительственной власти въ домонгольскій періодъ сосредоточивалась не въ народныхъ собраніяхъ, но отчасти въ рукахъ Князя и представителей его власти, отчасти въ рукахъ правительственнаго совѣта и высшихъ государственныхъ сановниковъ Новгорода: Посадника, Тысяц-

каго и Владыки. По этому, какъ вездѣ, во всѣхъ Русскихъ Княжествахъ, такъ и въ Новгородскомъ Княжествѣ, народныя собранія въ домонгольскій періодъ имѣли неопредѣленный и ограниченный кругъ дѣятельности, хотя и болѣе обширный, чѣмъ въ другихъ Княжествахъ.

Въ концѣ XV столѣтія, въ пору политической самобытности Новгородскаго государства, сфера дѣятельности народныхъ собраній на Сѣверѣ уже была несравненно обширнѣе. Въ то время и въ Новгородѣ и въ Псковѣ народныя собранія утверждали судныя, жалованныя, отказныя и договорныя грамоты; назначали высшихъ государственныхъ сановниковъ: Посадника, Тысяцкаго и Владыку; предавали ихъ суду, отрѣшали отъ должности и подвергали наказанію; распоряжались государственными имуществами и опредѣляли государственныя подати и повинности; рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ, высылали войска къ мѣсту военныхъ дѣйствій и прекращали военныя дѣйствія; отряжали пословъ, выслушивали ихъ отчеты, принимали посольства и давали имъ отвѣты; издавали и утверждали постановленія о торговлѣ и предоставляли привиллегіи своимъ подданнымъ. [59] Изъ лѣтописей видно, что еще въ домонгольскомъ періодѣ народныя собранія въ Новгородѣ установляли условія, на какихъ правахъ Князь долженъ былъ владѣть Новгородомъ, принимали участіе въ рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ и въ избранія Князя, Посадника, Тысяцкаго и Владыки, предавали ихъ суду и подвергали наказанію [60], что, слѣдовательно, многіе изъ предметовъ дѣятельности народныхъ собраній въ послѣдніе годы политической самобытности Новгорода были уже предметами дѣятельности народныхъ собраній домонгольскаго періода. Изъ сравненія этихъ фактовъ, многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей пришли къ заключенію, что еще въ домонгольскій періодъ сфера дѣятельности народныхъ собраній на Сѣверѣ была чрезвычайно обширна, что еще въ то время всѣ функціи верховной государственной власти, власть законодательная, правительственная и судебная на Сѣверѣ Россіи принадлежала народнымъ собраніямъ. Такое заключеніе было бы совершенно основательно, если бы условія, при которыхъ существовали народныя собранія на Сѣверѣ, были одни и тѣже въ теченіе всей исторіи Новгородскаго государства; но изъ лѣтописей мы знаемъ, что эти условія далеко не были одни и тѣже. Въ домонгольскій періодъ посадскіе люди, отъ силы и значенія которыхъ зависѣли сила и значеніе народныхъ собраній, находились въ совершенной зависимости отъ боярства и не имѣли никакой политической власти; между тѣмъ, въ пору паденія политической самобытности Новгородскаго государства, посадскіе люди полу-

чили рѣшительное вліяніе на дѣла общественныя, хотя никогда не могли совершенно уничтожить господства боярства и торговой знати. При различіи условій, и кругъ дѣятельности народныхъ собраній не могъ быть одинаковъ въ теченіе всей исторіи Новгородскаго государства. Въ періодъ паденія политической независимости Новгорода, когда посадскіе люди достигли найбольшаго могущества, кругъ дѣятельности органовъ ихъ власти — народныхъ собраній, несомнѣнно былъ обширнѣе, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Что дѣйствительно сфера дѣятельности народныхъ собраній въ домонгольскій періодъ была несравненно ограниченнѣе, чѣмъ въ послѣдующія поры, на это есть и фактическія доказательства. Въ XV ст. народныя собранія въ Новгородѣ опредѣляли, какъ это видно изъ сохранившихся актовъ, государственныя подати и повинности; между тѣмъ изъ Новгородскихъ лѣтописей мы знаемъ, что еще въ началѣ XIII столѣтія посадники Новгорода и ихъ боярскіе совѣты сами произвольно, безъ согласія посадскихъ людей, вводили въ Новгородскомъ государствѣ новые налоги и повинности. [61]

Какъ чрезвычайныя, случайныя собранія, безъ опредѣленной власти и безъ опредѣленнаго круга дѣятельности, собиравшіяся изрѣдка или сами собою, произвольно, или же по призыву правительственныхъ властей, народныя собранія въ городахъ Русскихъ никогда не могли организироваться въ опредѣленныя, установившіяся народныя собранія городовъ Грекоримскаго міра. Въ городахъ Русскихъ не существовало ни какихъ правилъ о порядкѣ и мѣстѣ собраній, о формѣ совѣщаній и о способѣ приведенія рѣшеній въ исполненіе. Когда вѣче составлялось само собою, то посадскіе люди по призыву своихъ вождей сходились тамъ, гдѣ въ данную минуту удобнѣе всего было собраться; сходились всѣ, кто только хотѣлъ принять участіе въ собраніи, кто раздѣлялъ мнѣніе затѣявшихъ собраніе. Иногда, одновременно, въ одномъ мѣстѣ собиралась одна толпа, а въ другомъ другая. Рѣшенія, состоявшіяся въ такихъ импровизированныхъ собраніяхъ, немедленно и приводились въ исполненіе цѣлой массой совѣщавшагося народа; [62] собраніе совѣщательное такимъ образомъ въ одно мгновеніе превращалось и въ силу исполнительную. Иногда толпа, рѣшившись на какое нибудь дѣйствіе, вдругъ по голосу одного человѣка измѣняла свое рѣшеніе и принимала другое, совершенно противоположное только что принятому. Такъ, въ 997 году, Бѣлогородцы, собравшись на вѣче для совѣщанія о мѣрахъ обороны противъ Половцевъ, сначала порѣшили сдать городъ Печенѣгамъ, но чрезъ нѣсколько минутъ, убѣжденные одним старцемъ, не бывшимъ на вѣчѣ,

отказались отъ принятаго ими рѣшенія. Иногда посадскіе, какъ уже замѣчено, собирались толпой не для мирныхъ совѣщаній, но для совершенія какого нибудь насилія надъ Княземъ, Боярами, или ихъ служилыми людьми. Въ такомъ случаѣ сходка посадскихъ людей собственно не была народнымъ собраніемъ, но революціоннымъ мятежнымъ скопищемъ. Однако при безформенности и случайности обыкновенныхъ собраній, не существовало рѣзкаго различія между мирнымъ совѣщательнымъ собраніемъ и революціоннымъ скопищемъ. Часто случалось, что собраніе, сошедшееся для мирныхъ совѣщаній и заявленій, подстрекаемое демагогами, внезапно обращалось въ революціонное мятежное скопище и совершало насилія, грабежи и убійства. Такъ, въ 1067 году, посадскіе люди города Кіева сошлись на торговой площади Подола для мирнаго заявленія Князю о своемъ желаніи снова вступить въ бой съ Половцами, опустошавшими Русскую землю; но, раздраженные отказомъ Князя, разграбили дворъ его и освободили изъ заключенія Всеслава.[1] Въ 1113 году, вѣче, собравшееся въ Кіевѣ для мирныхъ совѣщаній о приглашеніи на столъ Кіевскій Мономаха, окончилось грабежомъ дворовъ Тысяцкаго и Евреевъ. Въ 1146 году, вѣче, собравшееся по смерти Всеволода Ольговича, въ Кіевѣ, возлѣ Туровой божницы, для принесенія жалобы новымъ Князьямъ на грабительство тивуновъ и мечниковъ умершаго Князя; окончилось грабежомъ дворовъ этихъ мечниковъ и тивуновъ.[2] Не только въ собраніяхъ произвольныхъ, которыя собирались сами-собою, по призыву демагоговъ, но даже въ собраніяхъ, созываемыхъ Княземъ и представителями его власти, не существовало никакого порядка. Какъ на собраніяхъ произвольныхъ, такъ и на собраніяхъ созываемыхъ представителями власти сходилось все населеніе города, сходились, по выраженію Кіевской лѣтописи, всѣ отъ мала до велика: приходили старики и дѣти, кто пѣшкомъ, а кто на конѣ; приходили, кромѣ посадскихъ людей, бояре, купцы и изгои и кромѣ граждань того города, гдѣ созывалось собраніе, являлись иногда и граждане другихъ окрестныхъ городовъ.[3] Обыкновенно народныя собранія, созываемыя Княземъ, въ Кіевѣ собирались на дворѣ Софійскаго собора, а въ Новгородѣ на площади, называемой дворомъ Ярослава; но какъ для сходокъ произвольныхъ, такъ и для сходокъ, созываемыхъ представителями власти, не было постояннаго мѣста собранія. Такъ, въ Кіевѣ, кромѣ двора Св. Софіи, созывались сходки на Ярославовомъ дворѣ и подъ Угорскимъ; а въ Новгородѣ кромѣ Ярославова двора созывались и на дворѣ Софійскаго собора.[4] Какъ въ сходкахъ произвольныхъ, такъ и въ собраніяхъ, созываемыхъ

представителями власти, голоса, перекричавшіе другихъ, успѣвшіе болѣе другихъ заявить себя, считались выраженіемъ мнѣнія народа. Не только сходки произвольныя, но и сходки, созываемыя правительствомъ, нерѣдко обращались въ буйныя революціонныя сходбища, совершавшія насилія. Такъ, въ 1147 году, вѣче, созванное въ Кіевѣ, на церковномъ дворѣ Софійскаго собора, мужами Изяслава Мстиславича для приглашенія посадскихъ людей подать помощь ему, Изяславу Мстиславичу, въ борьбѣ его съ Ольговичами, по голосу одного человѣка отправилось въ монастырь Святаго Ѳеодора, извлекло оттуда насильно Князя Игоря Ольговича, умертвило его и влачило трупъ его по городу въ теченіе нѣсколькихъ часовъ времени."

И такъ, всѣ установленія, въ которыхъ выразилась политическая автономія городовъ древняго міра и средневѣковой Европы, — выборные правители, правительствующіе совѣты и народныя собранія, въ Россіи нигдѣ не достигли полнаго развитія и нигдѣ не выразились въ ясныхъ опредѣленныхъ формахъ. Стѣсненныя на первыхъ порахъ своего появленія присутствіемъ сбродныхъ дружинъ, они проявились въ Россіи только въ неясныхъ неопредѣленныхъ формахъ, въ какихъ существовали вездѣ на первыхъ порахъ своего развитія. Но и въ этихъ неопредѣленныхъ, недоразвившихся формахъ, не вездѣ они проявились въ одинакой степени и не вездѣ существовали долгое время. Въ Приднѣпровьи, гдѣ сильны были демократическіе элементы, а между тѣмъ аристократія слаба, и гдѣ, послѣ кратковременнаго броженія демоса, города совершенно были поглощены сбродными дружинами, никогда не было ни выборныхъ правителей, ни правительственныхъ совѣтовъ; существовали только народовыя собранія, да и то не долгое время. Часто созываемыя въ періодъ времени отъ смерти Ярослава до смерти Мстислава Изяславича, они совершенно исчезаютъ въ послѣдніе годы домонгольскаго періода. Послѣ взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, Кіевскій демосъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, потерялъ всякую силу и не принималъ никакого участія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ такомъ же самомъ состояніи находилась политическая автономія городовъ и на сѣверовостокѣ Россіи, съ тѣмъ только различіемъ, что на сѣверовостокѣ, гдѣ демократическіе элементы усилились относительно уже въ позднѣйшія времена, а сбродныя дружины и служилое помѣстное дворянство въ домонгольскій періодъ еще не успѣло окончательно подавить свободы городовъ, первоначально, по всей вѣроятности, существовали правительственные боярскіе совѣты, хотя это ничѣмъ нельзя доказать за недостаткомъ фактовъ, а народ-

ныя собранія, получивши политическое значеніе нѣсколько позднѣе правительственныхъ совѣтовъ, изрѣдка заявляли о своемъ существованіи участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ не только въ теченіе всего домонгольскаго періода, но и въ первыя эпохи слѣдующаго періода. На Югозападѣ, гдѣ боярство одолѣло демократію, но не могло совершенно освободиться отъ сбродныхъ дружинъ, занимали видное положеніе только правительственные совѣты боярства. При слабомъ значеніи демоса не могли развиться тамъ ни выборные правители, ни народныя собранія, хотя послѣднія изрѣдка созывались на Югозападѣ въ теченіе всего домонгольскаго періода.[67] Также точно было, по всей вѣроятности, и на Сѣверозападѣ, гдѣ условія для развитія политической автономіи городовъ были почти одни и тѣже, что и на Югозападѣ; но но Сѣверозападѣ, гдѣ дружинное начало было еще слабѣе, чѣмъ на Югозападѣ, кромѣ правительственныхъ совѣтовъ, съ постепеннымъ усиленіемъ демоса, развились болѣе, чѣмъ на Югозападѣ, выборное начало и народныя собранія.[68] Только на Сѣверѣ, въ землѣ Новгородской, при слабомъ значеніи сбродныхъ дружинъ и при гармоническомъ равновѣсіи двухъ борющихся элементовъ — аристократіи и демоса, всѣ установленія, въ которыхъ выразилась политическая автономія городовъ древняго міра и средневѣковой Европы, достигли значительной степени развитія. Сначала, съ ослабленіемъ власти сбродныхъ дружинъ, выступила здѣсь наружу дѣятельность правительственныхъ совѣтовъ, а съ постепеннымъ усиленіемъ демократическихъ элементовъ, въ концѣ домонгольскаго періода, стала замѣтной и дѣятельность народныхъ собраній, съ возрастаніемъ которой усилилось и выборное начало. Но и въ Новгородской землѣ всѣ органы самоуправляющихся городовъ развились по преимуществу только въ главномъ городѣ, и при томъ не въ домонгольскій періодъ, но только въ слѣдующемъ періодѣ, когда, со временъ завоеванія Россіи Монголами. Княжеская власть совершенно изчезла изъ Новгорода, и Новгородъ сталъ самоуправляющимся городомъ, господствовавшимъ надъ всей Новгородской землей и находившимся въ слабой зависимости отъ Великаго Князя сѣверовосточной Россіи. Только съ этого времени и правительственный совѣтъ боярства, и народныя собранія посадскихъ людей пріобрѣли въ Новгородѣ, если не то общественное значеніе, которое они имѣли въ городахъ древняго міра, въ эпоху полной самостоятельности этихъ городовъ, то, по крайней мѣрѣ, то, которое они имѣли во многихъ городахъ средневѣковой Европы.

Въ третьихъ, возстаніе городовъ содѣйствовало въ городахъ Русской

земли развитію и размноженію свободныхъ общественныхъ союзовъ, основанныхъ на добровольномъ соединеніи и выборномъ началѣ.

Въ древней домонгольской Россіи, въ городахъ Русскихъ существовали три рода общественныхъ союзовъ, основанныхъ на добровольномъ соединеніи и выборномъ началѣ: общества духовно-религіозныя, общества взаимнаго вспомоществованія для платежа дикой виры и торговыя и ремесленныя артели и компаніи. Всѣ эти общества отчасти возникли въ Россіи самостоятельно, на основѣ соціальной организаціи, существовавшей между бродячими и кочевыми народами еще въ доисторическое время, отчасти занесены къ намъ извнѣ пришлыми людьми.

Къ перваго рода обществамъ, къ обществамъ туземнаго происхожденія, относятся братчины и общества для взаимнаго вспомоществованія въ платежѣ дикой виры.

Мы видѣли, что еще за долго до появленія осѣдлаго населенія бродячіе кочевые народцы сходились въ опредѣленное время и въ опредѣленныхъ мѣстахъ для религіозныхъ празднествъ и пиршествъ, и что во время этихъ сходокъ для дѣлей религіозныхъ устроивались браки, совершались торговыя сдѣлки и рѣшались спорныя дѣла. Мы видѣли далѣе, что бродячее и кочевое населеніе, переседенное въ города цѣлыми масами, въ прежнемъ родовомъ и племенномъ составѣ, долгое время сохраняло, и послѣ обращенія въ городское неселеніе, свое прежнее родовое и племенное устройство и своихъ прежнихъ родовыхъ и племенныхъ старѣйшинъ. Сохранивши прежнее родовое и племенное устройство, посадское населеніе, образовавшееся изъ бродячихъ и кочевыхъ народовъ, поселенныхъ цѣлыми массами, сохранило естественно и прежніе обычаи, вытекавшіе изъ этого устройства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прежніе обычаи сходиться въ опредѣленное время года для совершенія религіозныхъ празднествъ и пиршествъ. Но со временъ переселенія бродячихъ и кочевыхъ народцевъ въ города, въ ихъ прежнихъ духовнорелигіозныхъ союзахъ произошли слѣдующія измѣненія: Съ одной стороны, съ принятіемъ христіанства, ихъ духовно-религіозные союзы приняли характеръ религіозно-христіанскихъ союзовъ, не теряя впрочемъ совершенно и своего прежняго языческаго характера. Съ другой стороны, въ городахъ, на посадахъ, къ лицамъ, связаннымъ родовыми и племенными узами, присоединились, для совершенія въ опредѣленное время года религіозныхъ празднествъ и пиршествъ, и лица не связанныя съ первоначальными членами религіозно-духовныхъ союзовъ никакими, ни родовыми, ни племенными узами. Такъ образовались въ городахъ Рус-

скія духовно-религіозныя общества, извѣстныя въ древней Россіи подъ именемъ братчинъ. Эти общества, подобно первоначальнымъ союзамъ, существовавшимъ между бродячими и кочевыми народами, ежегодно, нѣсколько разъ въ теченіи года, всегда въ опредѣленные дни, устроивали религіозные пиры на общій счетъ всѣхъ братчиковъ; но кромѣ цѣлей религіозныхъ, преслѣдовали и другія цѣли: на примѣръ, судили какія то судебныя дѣла, какъ это видно изъ Псковской судной грамоты. Что братчины возникли на основѣ общественной организаціи доисторическихъ временъ, это видно какъ изъ времени совершенія пировъ братчинъ, которое совпадаетъ не съ временемъ главнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, а съ временемъ совершенія главнѣйшихъ языческихъ праздниковъ, такъ и изъ обрядовъ и игрищъ, сопровождавшихъ эти пиршества, и возникшихъ еще во времена язычества.[70]

На основѣ той же организаціи доисторическихъ временъ, одновременно съ братчинами образовались въ Россіи самобытно и независимо отъ чужеземнаго вліянія иного рода социальные союзы — общества для взаимнаго вспомоществованія въ платежѣ княжескихъ виръ. Мы видѣли, что еще за долго до появленія Варягоруссовъ племена и роды бродячихъ народцевъ то выдавали головой преступника изъ среды своей обиженнымъ чужеродцамъ, то, по приговору старѣйшинъ, помогали ему общей складчиной откупаться отъ обиженныхъ чужеродцевъ имущественными вознагражденіями. Подобно бродячимъ народцамъ, и всѣ начальники общественныхъ корпорацій, на которыя распадалось городское населеніе — Бояре и Князья Славянскіе, старѣйшины гридей, купцовъ и изгоевъ и старцы гражданскіе посадскихъ людей, какъ въ доваряжскія эпохи, такъ и послѣ заселенія Россіи Варягоруссами, въ иныхъ случаяхъ давали имущественныя вознагражденія за преступленія, нанесенныя ихъ людьми членамъ другихъ корпорацій, въ другихъ — выдавали преступниковъ обиженнымъ лицамъ. Этотъ обычай, существовавшій съ незапамятныхъ временъ между всѣми общественными корпораціями, на которыя дѣлилось все тогдашнее населеніе, помогать своимъ членамъ откупаться отъ обиженныхъ лицъ и ихъ защитниковъ имущественными вознагражденіями, оказался очень выгоднымъ для Варягорусскихъ Князей. Съ тѣхъ поръ, какъ Князья Русскіе стали преслѣдовать нарушителей общественнаго мира и порядка и требовать за всякое преступленіе, какъ бы оно ничтожно ни было, имущественныхъ вознагражденій въ свою собственную пользу, очень важно было для ихъ интересовъ, что находились общества, которыя сами добровольно по-

могали преступнику вознаграждать обиженныхъ лицъ и удовлетворить всѣ притязанія Княжеской власти. Если бы все общество не помогало своему преступному члену уплатить сполна денежные штрафы, тогда по необходимости пришлось бы Князю, въ случаѣ несостоятельности преступника, довольствоваться только ничтожнымъ вознагражденіемъ отъ продажи его въ рабство. Видѣвши въ господствовавшемъ обычаѣ помогать преступнику цѣлымъ обществомъ самое вѣрное средство для огражденія себя отъ убытковъ при несостоятельности преступника, Князья Русскіе не только ничѣмъ не противодѣйствовали этому обычаю, но еще приняли его подъ свое покровительство. Но принявъ его подъ свое покровительство, Князья Русскіе не ограничились однако пассивнымъ къ нему отношеніемъ: были преступленія, за которыя требовалось личное наказаніе преступника; и были преступленія, которыя общество старалось скрыть отъ глазъ Князя и представителей его власти. Поэтому, принявъ подъ свое покровительство обычай помогать преступнику цѣлымъ обществомъ, Князья Русскіе, съ одной стороны, опредѣлили закономъ, въ какихъ случаяхъ общество не могло помогать преступнику откупаться денежными вознагражденіями, но обязано было выдать его въ руки Князя, и въ какихъ случаяхъ по самому закону оно обязано было помогать ему уплатить слѣдующіе съ него денежные штрафы; [71] съ другой стороны, Князья возложили на общественныя корпораціи обязанность заботиться о мирѣ и порядкѣ и отвѣчать за всякое преступленіе имущественными штрафами, коль скоро въ округахъ, занимаемыхъ обществами, находились явные слѣды совершеннаго преступленія, а между тѣмъ преступникъ не былъ извѣстенъ. [72] Обративши такимъ образомъ прежнія добровольныя пожертвованія со стороны общества въ пользу преступника въ обязательную повинность и прежнее добровольное участіе въ его судьбѣ и дѣятельности въ обязательную отвѣтственность, Князья въ то же время точно обозначали границы, отдѣлявшія мѣсто жительства одной корпораціи отъ другой; ибо безъ такого точнаго обозначенія границъ не возможно было рѣшить во всѣхъ случаяхъ, какая корпорація обязана была помогать своими деньгами тому или другому преступнику, и какая корпорація обязана была отвѣчать за то или другое скрытое преступленіе. Такъ возникли первыя общества для платежа княжескихъ виръ, — общества, которыя на офиціальномъ языкѣ того времени назывались верьвями. Эти общества не были свободными: ихъ организація основана была на родовыхъ и племенныхъ союзахъ, или на господскихъ отношеніяхъ, соединявшихъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ одному и

тому же господину — боярину, гридю или княжему мужу, въ одну корпорацію. [73] Но рядомъ съ верьвями несвободными, возникли, по примѣру ихъ, въ городахъ Русскихъ верьви совершенно свободныя, составившіяся добровольно, вслѣдствіе стремленія отдѣльныхъ свободныхъ лицъ вступать въ товарищества для уплаты Князю большихъ денежныхъ штрафовъ. На посадахъ, кромѣ лицъ, связанныхъ родовыми и племенными союзами, или дворовымъ господскимъ правомъ, жили отдѣльныя свободныя лица, не связанныя никакими ни родовыми, ни племенными союзами, ни господскимъ дворовымъ правомъ. Такія лица были уже въ первыя эпохи Варягорусскаго господства, ибо Князья сажали на посадахъ всякій сбродъ, какъ цѣлыя племена и роды, такъ и отдѣльныя личности, захваченныя ими въ плѣнъ во время боя, или пріобрѣтенныя какимъ либо инымъ способомъ, — а съ теченіемъ времени число такихъ лицъ еще болѣе увеличилось. Отдѣльныя личности должны были отвѣчать за всякое преступленіе, совершенное ими, своими собственными личными средствами; между тѣмъ и для такихъ отдѣльныхъ свободныхъ лицъ очень выгодно было обезпечить себя на будущее возможностью получить вспомоществованіе отъ своихъ сосѣдей, и такимъ образомъ, въ случаѣ бѣды, избавиться отъ рабства или совершеннаго разоренія. Такое стремленіе къ обезпеченію себя въ будущемъ заставило отдѣльныя свободныя личности вступать въ союзъ съ людьми, связанными родовыми и племенными узами, или же, по примѣру такихъ людей, составлять свои особенныя общества для вспомоществованія другъ другу въ платежѣ денежныхъ штрафовъ. Такимъ образомъ, возлѣ верьвей несвободныхъ, составились на посадахъ верьви свободныя, добровольныя. И по отношенію къ этимъ новымъ, свободнымъ обществамъ, Князья поставили себя въ такое же положеніе, въ какомъ они стояли въ отношеніи къ верьвямъ несвободнымъ. Съ одной стороны, они утвердили эти свободныя общества своей властью и обязали ихъ въ иныхъ случаяхъ помогать преступнику, въ другихъ выдавать его въ руки карательной власти Князя; съ другой стороны, и эти свободныя общества, несмотря на ихъ свободное происхожденіе, Князья обратили въ полицейскіе округи для платежа денежныхъ штрафовъ, коль скоро неизвѣстенъ былъ преступникъ. [74]

Ко второго рода обществамъ, къ обществамъ, занесеннымъ къ намъ извнѣ, относятся торговыя и промышленныя компаніи и церковные приходы и монастыри Христіанской Церкви.

Опасность, которой подвергалась постоянно торговля отъ разбоевъ и военныхъ людей, издавна побуждала купцовъ Скандина-

вій, соединиться въ большія компаніи для торговыхъ предпріятій. По примѣру концовъ Скандинавіи, и Руссы, поселившіеся въ городахъ Восточной Европы, съ незапамятныхъ временъ торговали компаніями. Изъ договоровъ Олега и Игоря съ Греками видно, что купцы Русскіе, торговавшіе съ Византіей, раздѣлялись по городамъ на компаніи; купцы каждаго рода составляли особенную компанію. Также точно торговали компаніями Готы, Нѣмцы и Латины, съ незапамятныхъ временъ, временно или постоянно, проживавшіе въ городахъ Русскихъ, по дѣламъ торговли.[75] Подобно торговымъ компаніямъ и первыя компаніи промышленныя и ремесленныя занесены въ Россію людьми иноземными. Уже при Владимирѣ Святомъ жили въ Россіи артели строителей церквей, явившихся изъ Греціи.[76] Но по примѣру пришлыхъ людей, съ теченіемъ времени стали соединяться въ компаніи и посадскіе люди, занимавшіеся торговлей и промышленностію. Такъ образовались постепенно купеческія и промышленныя компаніи, во всѣхъ знатнѣйшихъ городахъ Россіи, гдѣ процвѣтали торговля и промышленность. Каждый родъ торговой и промышленной дѣятельности въ домонгольскомъ періодѣ вызывалъ особенныя компаніи. По этому были купеческія компаніи, различавшіяся по предметамъ торговли, (купцы прасолы, купцы суконники), или по ея направленію (купцы заморскіе, купцы низовскіе), артели лоцмановъ, приводившихъ иноземныя суда, артели строителей церквей и домовъ и т. д.[77]

Въ одно время съ появленіемъ свободныхъ промышленныхъ и торговыхъ ассоціацій, занесены къ намъ извнѣ, людьми пришлыми, и сѣмена Христіанской Вѣры, положившія въ Россіи основаніе новымъ религіознымъ ассоціаціямъ — церковнымъ приходамъ и монастырямъ Христіанской Церкви. Уже въ вѣкахъ первыхъ по Р. Х. Христіанская Вѣра распространилась въ Черноморскихъ городахъ Южной Россіи. Съ теченіемъ времени она проникла еще далѣе на Сѣверъ: при Игорѣ и Святославѣ находились христіанскіе храмы и въ Новгородѣ, и въ Кіевѣ; но какъ торговыя и промышленныя ассоціаціи, такъ и религіозныя ассоціаціи Христіанской Церкви первоначально существовали только между людьми пришлыми. На сколько можно судить по отрывочнымъ свидѣтельствамъ лѣтописей, Христіанство до Владимира имѣло своихъ послѣдователей въ городахъ Русскихъ только между новоприбывшими Варягами, служившими въ княжеской дружинѣ, или среди промышленнаго класса людей, извѣстнаго въ Россіи подъ именемъ гридей и изгоевъ. Со временъ Владимира Святаго, Христіанство, принятое Княземъ и всѣмъ боярствомъ города Кіева, стало

распространяться между всѣми сословіями тогдашней Россіи. Но еще долгое время и послѣ Владимира оно держалось, какъ извѣстно, по преимуществу только въ городахъ, расположенныхъ по великой водной дорогѣ, соединявшей Сѣверозападъ съ Юговостокомъ; слѣдовательно, только въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ жили люди пришлые: Варяги, Готы, Нѣмцы, Латины, Евреи и Греки. [78]

Изъ всего сказаннаго нами о происхожденіи компаній и ассоціацій въ Россіи, мнѣ кажется, ясно, что возстаніе городовъ не имѣло никакого вліянія на происхожденіе свободнаго соціальнаго общежитія въ городахъ Русскихъ, что начало свободнаго общежитія въ Россіи относится къ отдаленной древности и совпадаетъ съ началомъ образованія Русскаго государства, то есть съ началомъ зарожденія политическихъ отношеній. Но возстаніе городовъ однако не осталось безъ послѣдствій и по отношенію къ соціальному общежитію; оно дало сильный толчокъ его развитію. Возстаніе городовъ разложило прежніе племенные и родовые союзы, существовавшіе первоначально между посадскими людьми. Племенные начальники посадскихъ людей, старцы градскіе и людскіе, какъ намъ извѣстно, со временъ возстанія городовъ совершенно исчезаютъ изъ городовъ Русскихъ. Съ разложеніемъ родовыхъ и племенныхъ отношеній, братчины и несвободныя верьви изъ обществъ, основанныхъ на родовыхъ и племенныхъ несвободныхъ отношеніяхъ, съ уничтоженіемъ этихъ несвободныхъ отношеній, обратились въ совершенно свободныя, добровольныя ассоціаціи, состоявшія изъ совершенно свободныхъ отдѣльныхъ, изолированныхъ личностей. Выдѣляя такимъ образомъ уже существовавшіе соціальные союзы отъ узъ несвободныхъ политическихъ отношеній, возстаніе городовъ въ тоже время содѣйствовало къ образованію новыхъ компаній и ассоціацій, основанныхъ на совершенно свободномъ, добровольномъ соединеніи. Возстаніе городовъ разложило среди посадскаго населенія не только всѣ союзы, основанные на племенныхъ и родовыхъ отношеніяхъ, но отчасти и всѣ союзы, основанные на крѣпостныхъ владѣльческихъ отношеніяхъ. Съ уничтоженіемъ несвободныхъ союзовъ, основанныхъ на племенныхъ или крѣпостныхъ отношеніяхъ, съ одной стороны увеличилась потребность въ образованіи новыхъ свободныхъ верьвей для платежа Князю дикой виры и новыхъ компаній и ассоціацій для промышленныхъ цѣлей; съ другой стороны, увеличилось число отдѣльныхъ совершенно свободныхъ лицъ, не принадлежавшихъ никакому владѣльцу и никакой племенной корпораціи, и потому располагавшихъ полной свободой для образованія новыхъ соціальныхъ союзовъ. Такимъ образомъ,

хотя возстаніе городовъ не создало свободнаго общежитія, но, выдѣливши его изъ несвободныхъ политическихъ отношеній и создавши новыя компаніи и ассоціаціи, оно сильно содѣйствовало его развитію.

Что возстаніе городовъ должно было сильно содѣйствовать развитію въ городахъ Русскихъ свободнаго общежитія, это доказываетъ и примѣръ городовъ Западной Европы. На Западѣ Европы начало гильдій и цеховъ относится къ незапамятнымъ временамъ; но собственно періодъ цеховаго развитія начинается со времени освобожденія посадскихъ людей отъ крѣпостной зависимости. Какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ Европы съ незапамятныхъ временъ существовалъ промышленный свободный классъ людей, занимавшій средину между землевладѣльческой аристократіей и посадскими людьми, — тотъ классъ людей, который извѣстенъ въ Россіи подъ общимъ именемъ изгоевъ. Этотъ классъ на Западѣ Европы съ незапамятныхъ временъ соединенъ былъ въ разнаго рода свободныя ассоціаціи; но по малочисленности этого класса свободныя ассоціаціи долгое время были незамѣтны для исторіи. Только съ тѣхъ поръ, какъ посадскіе люди освободились отъ крѣпостной зависимости, и на основѣ прежнихъ связей, вытекавшихъ изъ принадлежности одному владѣтелю, стали соединяться въ цехи, цехи размножаются, пріобрѣтаютъ общественное значеніе и становятся замѣтными для исторіи. Такъ было, по всей вѣроятности, въ Россіи. Не только промышленныя и торговыя артели и компаніи, но и первыя свободныя братчины (соотвѣтствующія Западно-Европейскимъ гильдіямъ), и первыя свободныя верьви, вполнѣ отрѣшенныя отъ племенныхъ и родовыхъ связей, сначала, по всей вѣроятности, имѣли мѣсто только между среднимъ городскимъ классомъ, занимавшимъ средину между боярами и посадскими людьми, — между изгоями и гридями, которые съ незапамятныхъ временъ были лично свободны и жили особенными кварталами подъ начальствомъ своихъ особыхъ выборныхъ старѣйшинъ; но съ теченіемъ времени, такія свободныя, вполнѣ отрѣшенныя отъ узъ политическихъ, общества, съ постепеннымъ распространеніемъ свободы, распространились на всю массу городскаго населенія.

Все вышесказанное о вліяніи возстанія городовъ на развитіе свободнаго соціальнаго общежитія въ Россіи вполнѣ относится и къ обществамъ, возникшимъ на основѣ Христіанской религіи. Извѣстно, что Христіанская Церковь первоначально состояла изъ обществъ совершенно свободныхъ, добровольныхъ, которыя управлялись независимыми отъ власти политической выборными Епископами и Священ-

никами. Но съ тѣхъ поръ, какъ и Христіанская Вѣра стала господствующей вѣрой Византійской Имперіи, Христіанская Церковь пріобрѣла много внѣшняго блеска и могущества, но въ тоже время потеряла свой прежній совершенно свободный характеръ. Императоры Византійскіе, представители власти государственной, ставъ во главѣ Христіанской Церкви, назначали Епископовъ и Митрополитовъ, преслѣдовали ереси, созывали соборы и приводили въ исполненіе ихъ постановленія. Обратившись такимъ образомъ въ государственное установленіе, Христіанская Церковь не потеряла однако совершенно своего первоначальнаго соціальнаго значенія. Съ тѣхъ поръ, какъ Христіанская Церковь стала государственною церковью, ея соціальная сторона по преимуществу выражалась въ монастыряхъ, — обществахъ, которыя составлялись добровольно и управлялись своими выборными правителями. Въ такомъ двойственномъ видѣ, отчасти установленія политическаго, отчасти общества соціальнаго, Христіанская Церковь отъ Византійской имперіи перешла въ Россію. Съ распространеніемъ христіанства по всей Русской землѣ водворилась въ Россіи церковная іерархія, находившаяся въ полной зависимости отъ свѣтской власти — отъ Князей, Бояръ и дружинниковъ. Во главѣ всѣхъ Русскихъ христіанскихъ обществъ сталъ Митрополитъ Кіевскій: онъ назначалъ и рукополагалъ во всѣ главные города Епископовъ, а эти послѣдніе посвящали и рукополагали Пресвитеровъ. Какъ въ поставленіи митрополита, такъ въ поставленіи епископовъ и пресвитеровъ, выборное начало не имѣло никакого значенія. Патріархъ Константинопольскій посылалъ въ Кіевъ Митрополита по соглашенію съ Императоромъ Византійскимъ и съ главою Русскаго государства — съ Княземъ Кіевскимъ. Митрополитъ Кіевскій разсылалъ по городамъ Епископовъ какъ по соглашенію съ Княземъ Кіевскимъ, такъ и съ Князьями тѣхъ княжествъ, въ которыя посылалися Епископы. Наконецъ, Епископы рукополагали Пресвитеровъ по соглашенію съ тѣми лицами, которыя были строителями и содержателями приходскихъ церквей. Рукополагались въ Священники не только лица свободнаго, но даже рабскаго состоянія, которыя и въ своемъ новомъ духовномъ санѣ, оставались въ прежней рабской зависимости отъ своихъ господъ. [79] Съ другой стороны, съ распространеніемъ христіанства по всей Русской землѣ, возникли въ Россіи монастыри, свободныя общества, представлявшія соціальный элементъ Христіанской Церкви. Въ противоположность церковной іерархіи, установляемой правительственной властью, монастыри возникали совершенно самостоятельно, вслѣдствіе стремленія отдѣльныхъ совершенно свободныхъ лицъ во

имя религіозныхъ интересовъ соединиться въ одно общество. Какъ въ Византійской имперіи, такъ и въ Россіи первоначально монастыри управлялись своими выборными властями и находились въ совершенной независимости отъ свѣтской власти, если эта власть не принимала участія въ ихъ основаніи. Только монастыри, основанные Князьями, находились подъ управленіемъ Игуменовъ, назначаемыхъ самими Князьями. [80] Въ такомъ состояніи находилась организація Русской Церкви въ началѣ возстанія городовъ. Введеніемъ выборнаго начала въ церковную администрацію и освобожденіемъ Епископовъ отъ строгой подчиненности Митрополиту Кіевскому, возстаніе городовъ во первыхъ рузрушило, покрайней мѣрѣ отчасти, церковную іерархію, занесенную къ намъ изъ Византійской имперіи, и, по крайней мѣрѣ отчасти, освободило ее отъ строгой подчиненности свѣтской власти, поставивши въ непосредственную зависимость отъ народа. Архіепископъ Новгородскій со временъ возстанія городовъ сталъ избираться господствующими классами Новгорода, при участіи духовенства и всего простаго народа. За Митрополитомъ Кіевскимъ по отношенію его къ Архіепископу Новгородскому оставлено было только право рукоположенія и верховнаго суда, но и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ власть его иногда не признавалась. [81] Тоже стремленіе къ независимости и выборному началу проявилось и въ другихъ городахъ. Въ 1183 году, Всеволодъ III отказался принять въ Ростовъ присланнаго Митрополитомъ Епископа Николая Грека, на томъ основаніи, что не избрали его люди земли Ростовской. Въ 1172 году, Епископъ Ѳеодоръ совершенно отказался отъ подчиненія Кіевскому Митрополиту. Андрей Боголюбскій, для освобожденія Епископа Владимірскаго отъ власти Кіевскаго Митрополита, одно время домогался отъ Патріарха Константинопольскаго основать особенную митрополію на сѣверовостокѣ. [82] Во вторыхъ, возстаніе городовъ, разрушивши на посадахъ, крѣпостныя и родовыя отношенія, связывавшія посадскихъ людей въ разнообразныя зависимыя отношенія, содѣйствовало къ распространенію монастырской жизни въ Россіи. Уже во время Ярослава, а можетъ быть еще и раньше, Бояре и Князья строили монастыри, однако до возстанія городовъ монастырское общежитіе не могло утвердиться въ Россіи. Первый монастырь, въ которомъ иноческая жизнь пустила глубоко корни, былъ Кіевопечерская Лавра, и это не случайно: начало этого монастыря совпадаетъ съ началомъ возстанія посадскихъ людей въ городѣ Кіевѣ. Бояре и Князья, устроивая келіи возлѣ своихъ церквей, принимали къ себѣ для иноческой жизни только своихъ родственниковъ и близкихъ лицъ. [83] Понятно по этому,

что монастыри, устроиваемые Князьями и Боярами, не могли имѣть успѣха, по очень ограниченному числу лицъ, имѣвшихъ доступъ въ эти монастыри. Но хотя бы Князья и Бояре открывали двери своихъ монастырей для всѣхъ, все таки монастырская жизнь до возстанія городовъ не могла развиться еще и по другимъ причинамъ. До возстанія городовъ всѣ отношенія въ Россіи скованы были іерархіей личныхъ зависимыхъ отношеній, и потому не было лицъ, которыя могли бы совершенно свободно располагать собою, а слѣдовательно, и посвятить свою жизнь иноческимъ подвигамъ. До какой степени семейственныя, родовыя, служилыя, крѣпостныя и владѣльческія отношенія препятствовали развитію манастырской жизни въ Россіи, это лучше всего видно изъ житій Θеодосія, Варлаама и Ефрема. — Мать Θеодосія прибѣгаетъ къ всевозможнымъ средствамъ, чтобы остановить своего сына отъ поступленія въ монашенство; отецъ Варлаама исторгаетъ насильно своего сына изъ пещеры Лаврскаго монастыря; а Князь Изяславъ разгоняетъ монаховъ этого монастыря за постриженіе своего любимаго царедворца Ефрема. Но возстаніе городовъ разрушило, покрайней мѣрѣ отчасти, всѣ несвободныя, зависимыя отношенія между сильнымъ многолюднымъ городскимъ населеніемъ — между посадскими людьми. Разрушивши родовыя и крѣпостныя отношенія между посадскими людьми, возстаніе городовъ съ одной стороны, выдвинуло для общественной дѣятельности такія лица, какъ Антоній горожанинъ изъ города Любеча, которыя положили основаніе новыхъ монастырямъ съ демократическимъ характеромъ, — монастырямъ, въ которые принимались наравнѣ съ Князьями и Боярами и простые смерды и рабы; съ другой стороны, возстаніе городовъ создало многочисленный классъ свободныхъ людей, которые свободно могли располагать собою для вступленія въ монашество. Что развитіе монастырской жизни находится въ Россіи въ тѣсной связи съ возстаніемъ посадскихъ людей, это доказываетъ какъ тѣсная связь первыхъ иноковъ Печерскаго монастыря съ посадскимъ населеніемъ города Кіева, [14] такъ и то обстоятельство, что первые монастыри въ Россіи возникли только на посадахъ или возлѣ посадовъ, и монастырская жизнь развилась преимущественно только на Сѣверѣ, гдѣ городская жизнь достигла наибольшей степени самостоятельности. И такъ какъ на развитіе всѣхъ вообще соціальныхъ ассоціацій, такъ и на развитіе обществъ Христіанской Церкви возстаніе городовъ имѣло одно и тоже вліяніе: съ одной стороны, введеніемъ выборнаго начала въ церковную іерархію и ослабленіемъ строгой подчиненности Епископовъ Митрополиту, оно возвращало, по-

крайней мѣрѣ отчасти, Христіанскую Церковь къ первобытному ея состоянію, когда она совершенно свободна была отъ узъ политическихъ, несвободныхъ отношеній; съ другой стороны, распространивши монастырскую жизнь, оно полагало основаніе новымъ ассоціаціямъ, совершенно свободнымъ отъ политическихъ отношеній, — ассоціаціямъ, исключительно основаннымъ на добровольномъ соединеніи и выборномъ началѣ. Но какъ въ развитіи жизни политической, такъ и въ развитіи жизни соціальной вліяніе возстанія городовъ не было полнымъ, и потому не достигало до окончательныхъ своихъ выводовъ. Хотя возстаніе городовъ пошатнуло единство церковной іерархіи, однако эта іерархія сохранилась почти ненарушимо въ теченіе всего домонгольскаго періода, пока въ слѣдующемъ періодѣ не достигла до окончательнаго своего единства и окончательнаго совершенства. Не смотря на стремленіе Епископовъ къ самостоятельности, митрополиты Кіевскіе въ теченіе всего домонгольскаго періода назначали, смѣняли и рукополагали всѣхъ епископовъ Русской земли, [85] за исключеніемъ Епископа Новгородскаго, въ отношеніи къ которому, какъ мы видѣли, принадлежало имъ только право рукоположенія и верховнаго суда. Хотя возстаніе городовъ положило начало широкому развитію монастырской жизни, однако оно не долго сохранило монастыри въ первобытномъ, независимомъ, свободномъ состояніи. Уже въ удѣльномъ періодѣ, при неопредѣленности всѣхъ тогдашнихъ отношеній, Митрополиты и Епископы стремились подчинить монастыри своей власти; [86] но окончательно они достигли цѣли своихъ стремленій только въ слѣдующемъ періодѣ, когда исчезли всѣ слѣды вліянія возстанія городовъ на жизнь Русскую, и Русская Церковь окончательно централизировалась подъ благодатнымъ покровомъ Царей Московскихъ. Съ тѣхъ поръ прекратилось навсегда свободное развитіе монастырской жизни. Лишенные выборнаго начала и подпавши подъ безконтрольную и безотчетную власть Митрополитовъ, Патріарховъ и Епископовъ, и монастыри, подобно приходамъ, изъ свободныхъ ассоціацій обратились въ мертвыя государственныя установленія, несвободнаго политическаго характера, къ судьбѣ которыхъ народъ, отстраненный отъ всякаго участія въ ихъ дѣлахъ, сталъ такъ же равнодушенъ, какъ и государственныя власти, которымъ онѣ подчинялись.

Таково было вліяніе возстанія городовъ на политическое и общественное состояніе городскаго населенія. Возникаетъ вопросъ: имѣло ли вліяніе возстаніе городовъ на бытъ сельскаго населенія? На Западѣ Европы, въ эпоху возстанія городовъ, уже ни гдѣ не сохранилось бродячее населеніе въ первобытномъ его состояніи, и все сельское

земледѣльческое населеніе находилось въ крѣпостномъ или рабскомъ состояніи. Со временъ возстанія городовъ, посадскіе люди, получивши свободу, давали убѣжище въ стѣнахъ своихъ городовъ всѣмъ бѣглымъ рабамъ и крѣпостнымъ людямъ и возмущали сельское населеніе противъ власти господъ. Такимъ образомъ, на Западѣ Европы, вслѣдъ за освобожденіемъ посадскихъ людей, началось освобожденіе и сельскаго населенія. Такого эманципирующаго значенія возстаніе городовъ не имѣло въ Россіи. Мы видѣли, что въ домонгольскомъ періодѣ еще не все бродячее населеніе обращено было въ осѣдлое состояніе. Такимъ образомъ, въ Россіи, въ эпоху возстанія городовъ, все сельское состояніе раздѣлялось на два разряда: на бродячія племена и осѣдлое, земледѣльческое населеніе, отчасти свободнаго, отчасти несвободнаго состоянія. На бытъ осѣдлаго населенія земледѣльческаго несвободнаго рабскаго состоянія возстаніе городовъ въ Россіи не имѣло никакого вліянія. Движеніе, происходившее въ городахъ, не освободило, какъ мы видѣли, ни рабовъ-холоповъ, ни закуповъ. Поэтому, въ теченіе всего домонгольскаго періода, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ и въ весяхъ, сохранились несвободные люди въ первобытномъ несвободномъ своемъ состояніи; поселенія, называвшіяся селами-усадьбами, почти исключительно состояли изъ однихъ только людей рабскаго состоянія. Но оставивши рабовъ и закуповъ въ первобытномъ состояніи, возстаніе городовъ не прошло совершенно безслѣдно для сельскаго населенія свободнаго. Мы видѣли, что въ теченіе своего домонгольскаго періода бродячее населеніе постепенно обращалось въ земледѣльческое, а это послѣднее изъ свободнаго и полусвободнаго состоянія — рядовичей и закуповъ постепенно переходило различными путями въ полное рабство. Порабощеніе свободнаго сельскаго населенія, бродячаго и земледѣльческаго, было въ интересѣ всѣхъ господствующихъ классовъ. Чѣмъ болѣе бояре и дружинники купцы и гриди, пріобрѣтали рабовъ и крѣпостныхъ, тѣмъ болѣе увеличивалось ихъ экономическое благосостояніе и личное могущество. Такъ какъ интересы всѣхъ господствующихъ классовъ требовали порабощенія, то при однородности и тѣсной связи между господствующими классами никогда не могло бы возникнуть стремленія къ ограниченію порабощенія. Но такая тѣсная связь между господствующими классами существовала только до возстанія посадскихъ людей. Возстаніе посадскихъ людей разрушило единство между господствующими классами. Вступивши во взаимную борьбу, всѣ господствующіе классы стремились ослабить другъ друга, и съ этой цѣлью старались отнять другъ у друга средства къ обогащенію и усиле-

нію. Вслѣдствіе взаимнаго соперничества, Бояре старались защитить свободу смердовъ для ослабленія Князей и дружинниковъ, дружинники и Князья — для ослабленія Бояръ и посадскихъ людей, наконецъ посадскіе люди и торговая аристократія — для ослабленія и тѣхъ и другихъ, то есть какъ Бояръ, такъ и дружиниковъ. Имѣя въ виду ослабить власть сбродныхъ дружинъ, Бояре Новгородскіе въ своихъ договорныхъ грамотахъ съ Князьями, постоянно твердили имъ: что бы ни Князь, ни его Княгиня, ни его Бояре, ни его дворяне не выводили людей изъ Новгородскихъ волостей въ свои земли — ни смердовъ, ни купчинъ, не принимали въ этихъ волостяхъ закладниковъ и не раздавали тамъ кобальныхъ грамотъ. Торговая аристократія Новгорода, вступивши въ соперничество съ Боярами, въ 1136 году, изгоняя Всеволода, упрекала его, между прочимъ, и за то, что онъ доброхотствуетъ только Боярамъ и не защищаетъ смердовъ. [87] Но особенно, со временъ возстанія посадскихъ людей, защитниками свободы смердовъ и простыхъ людей явились Князья—сторонники посадскихъ людей, опиравшіеся на массы городскаго чернорабочаго населенія. Въ Русской Правдѣ встрѣчаются постановленія: что свободные люди могутъ быть обращены въ вѣчное потомственное рабство, или въ такъ называемыхъ обѣльныхъ холоповъ только тремя способами, а именно: во-первыхъ, торжественнымъ совершеніемъ купли-продажи въ присутствіи свидѣтелей и самаго лица пріобрѣтаемаго въ рабство; во вторыхъ, женитьбой на рабѣ, безъ предварительныхъ условій съ господиномъ; и въ третьихъ, принятіемъ должности тивуна безъ всякихъ предварительныхъ условій, скрѣпленныхъ договоромъ. — Тамъ же находятся постановленія: что свободные люди не могутъ быть обращены въ вѣчныхъ рабовъ: ни за заемъ, если они за занятыя деньги или вещи только временно отдались въ рабство; ни за временное вступленіе подъ власть господина, вслѣдствіе женитьбы на его рабѣ, или принятія должности тивуна-ключника, если вступающій подъ власть господина выговорилъ себѣ свободу предварительно заключеннымъ договоромъ. [88] Трудно рѣшить, кѣмъ изданы эти постановленія, и насколько они имѣли силу въ жизни дѣйствительной; но несомнѣнно, что они могли быть изданы только Князьями —представителями демоса, имѣвшими въ виду оградить простонародье отъ произвольныхъ насильственныхъ порабощеній со стороны господствующихъ классовъ. И такъ, хотя возстаніе городовъ не освободило въ селахъ и въ весяхъ рабовъ крѣпостныхъ отъ рабства и крѣпости, но вызвавши борьбу между аристократическими классами и поднявши демократическіе элементы въ городахъ Русскихъ,—

оно задержало на время всеобщее стремленіе къ обращенію сельскихъ свободныхъ классовъ въ несвободное рабское или въ крѣпостное состояніе, [89] стремленіе, которое достигло своихъ окончательныхъ послѣдствій — полнаго порабощенія и закрѣпленія всего чернорабочаго сельскаго населенія, только въ слѣдующемъ періодѣ, когда, въ слѣдствіе завоеванія Руси Монголами, исчезли всякіе слѣды вліянія городскаго населенія на общественный строй Русскаго народа.

Такъ какъ возстаніе городовъ, задержавъ на время обращеніе сельскихъ свободныхъ классовъ въ рабское или крѣпостное состояніе, не освободило ни рабовъ, ни закуповъ, то политическая и соціяльная организація сельскаго населенія осталась неизмѣнной, въ прежнемъ видѣ. Какъ прежде, такъ и теперь, смерды оставались подъ начальствомъ своихъ родовыхъ и племенныхъ старѣйшинъ, съ своими родовыми и племенными собраніями. Какъ прежде, такъ и теперь, люди, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, не связаны были никакими ни политическими, ни соціяльными отношеніями, за исключеніемъ тѣхъ отношеній, которыя вытекали изъ принадлежности одному владѣльцу. Свободныя ассоціяціи, выборные магистраты, правительственные совѣты и другія установленія, присущія городскимъ общинамъ, въ большей, или меньшей степени пользовавшіяся политической автономіей, совершенно не извѣстны были сельскимъ общинамъ Руси въ домонгольскій періодъ.

Такимъ образомъ на бытъ сельскаго населенія возстаніе городовъ имѣло только отрицательное значеніе: оно только задержало на время его политическое развитіе. Возстаніе городовъ, какъ мы видѣли, имѣло положительное значеніе только на бытъ городскаго населенія; но и здѣсь его вліяніе въ сферѣ политическихъ отношеній не было поступительно. Движеніе впередъ историческаго развитія требовало закрѣпленія и порабощенія, между тѣмъ возстаніе городовъ освободило посадскихъ людей отъ крѣпостной зависимости. Оно требовало власти крѣпостной, власти наслѣдственной и насильственной, между тѣмъ возстаніе городовъ ослабило Княжескую власть и, на мѣсто власти наслѣдственной и насильственной, стремилось водворить власть выборную. Наконецъ, движеніевпередъ требовало уничтоженія общинной свободы и расширенія власти государственной, власти Князей и ихъ дружинниковъ, между тѣмъ возстаніе городовъ ослабило власть государственную и стремилось расширить общинное самоуправленіе городовъ. Если мы теперь примемъ во вниманіе, что и обратное значеніе возстанія городовъ, даже въ отношеніи къ городскому населенію имѣло

только временное и мѣстное значеніе, то нельзя не прійти къ заключенію, что возстаніе городовъ, разсматриваемое со стороны его вліянія на отношенія сбродныхъ дружинъ и Княжеской власти къ городскому и сельскому населенію, въ общемъ итогѣ было чѣмъ-то случайнымъ, чѣмъ-то ненужнымъ, безъ чего развитіе Русскаго Государства могло бы совершенно обойтись.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

АВГУСТЪ.

СЕН-ПРИ.

1. St.-Priest, мужъ богатой Княжны Голицыной, Французъ, служащій нынѣ въ Россіи Губернаторомъ въ Херсонѣ. Я ознакомился съ нимъ въ Одессѣ, гдѣ онъ былъ Президентомъ Коммерческаго Трибунала, когда я тамъ путешествовалъ. Тамъ я раздѣлилъ съ нимъ нѣсколько дней незабвенныхъ по опасностямъ, которыми тотъ край былъ тогда угрожаемъ. Россія была въ войнѣ съ Франціей и Портой, торговля Одесская имѣла самый жалкій видъ. Ришелье, Главный Начальникъ Порта, отлучился на нѣсколько дней осмотрѣть береговые посты. Сен-При принялъ правленіе, и вдругъ получилъ извѣстіе, что Турецкій флотъ въ виду Севастополя: не мудрено было въ Одессѣ ожидать тревоги и бомбардировки. Сен-При ночью прислалъ мнѣ о семъ записку, прося безъ чиновъ удалиться вмѣстѣ съ нимъ, въ случаѣ волненія, въ приморскій его хуторъ. Покушеніе Турокъ не состоялось, они возвратились, не достигая Одессы. Страхъ жителей и нашъ миновался, но я не забуду ни того дня, въ которой я ожидалъ въ Одессѣ суматохи, не зная, чѣмъ она кончится и что съ нами будетъ, ни доброхотной услуги Сен-При, который съ такою поспѣшностью увѣдомилъ меня о предстоящей опасности. Записка его о семъ хранится до сихъ поръ въ моемъ «Путешествіи;» * мы съ нимъ прожили съ недѣлю, какъ самые искренніе пріятели, нѣсколько времени потомъ и заочно переписывались. Я нѣкоторыя его коммисіи исправлялъ внутри Россіи, онъ мои въ Одессѣ; но какъ время все изглаживаетъ, то, мало по малу, и знакомство наше кончилось такъ, что мы теперь уже никакаго сношенія между собой не имѣемъ. Но долго, долго, не забуду ни Одессы, ни Турецкаго флота, ни пріязни Графа Сен-При, который на память написалъ мнѣ въ мой альбомъ нѣсколько прекрасныхъ стишковъ своей руки. Я ихъ часто перечитываю; ибо что можетъ быть пріятнѣе, какъ воспоминаніе тѣхъ краткихъ минутъ жизни, которыя мы проводили нѣкогда съ удовольствіемъ непринужденнымъ? Таковы были всѣ мои свиданія съ этимъ умнымъ и достойнымъ иностранцемъ.

---

* См.: «Путешествіе въ Одессу и Кіевъ въ 1810-мъ году, Князя И. М. Долгорукаго», напечатанное въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1869 г., кн. 3, Отд. II, стр. 171—173, и особо. О. Б.

НЕЛИДОВЪ.

2. Василій Ивановичъ, Сенаторъ. При восшествіи Павла, учреждена Главная Соляная Контора въ Москвѣ, въ которую онъ опредѣленъ Главнымъ Директоромъ, а я—старшимъ членомъ. Это начало нашего знакомства. Нелидовъ былъ человѣкъ умный, дѣловой и до нѣкоторой степени прямо Государственный, что называютъ Французы «homme d'Etat,» но онъ нестерпимой былъ надменности, заносился высоко, много о себѣ думалъ, и мало о всѣхъ прочихъ. И такъ мы не могли долго быть между собой въ добромъ согласіи; однакожъ и я, уважая его умъ и познанія въ камеральныхъ дѣлахъ (finances), всячески принаравливался къ его характеру и старался быть съ нимъ въ хорошемъ отношеніи, что и удавалось мнѣ, доколѣ господствующая страсть его не приводилась ни чѣмъ въ волненіе, но тогда исчезала всякая пристойность, и мы принуждены были ссориться. Такъ, на примѣръ, приведу здѣсь опытъ его властолюбія надо мной въ слѣдующемъ происшествіи: Приходилъ срокъ откупу Крымскихъ солей, вызваны желающіе. Являются двое: Калугинъ, старый откупщикъ, и новый охотникъ, Жидъ Перетцъ, больше никого. Калугинъ бывалъ близокъ къ Князю Зубову нѣкогда, и сохранилъ покровительство Безбородки, а Перетцъ дѣйствовалъ силой и капиталомъ Кутайсова, новоявленнаго двороваго чудотворца. Безбородко писалъ къ Нелидову, и просилъ за Кулагина, а Кутайсовъ за Жида, который представлялъ его лицо, а ко мнѣ, писалъ одинъ Безбородко, совсѣмъ меня не знавши. Я снесся съ Нелидовымъ; отобралъ его мысли. Онъ коварно объявилъ мнѣ, что пусть торгуются оба. и Калугинъ и Перетцъ. Такъ и надлежало, но ни слова мнѣ не сказалъ о Кутайсова перепискѣ, и между тѣмъ началъ дѣйствовать такъ, чтобъ Калугина отъ торга оттереть. Я, понявъ его замыслы, остерегся, требовалъ, чтобъ къ торгу допущены были оба, и подалъ голосъ, которымъ, вопреки опредѣленію, на большинствѣ голосовъ основанному, доказывалъ права Калугина на соревнованіе съ Перетцомъ, и разстроивалъ планъ Нелидова, не знавъ еще, что онъ поступаетъ такимъ образомъ отъ того, что прошенъ Кутайсовымъ, который тогда уже былъ сильнѣе Безбородки у Двора, да и пуще всего оскорблялся Нелидовъ тѣмъ, что Безбородко не удовлетворился письмомъ однимъ къ нему, а удостоилъ онаго и меня, слѣдовательно, полагалъ, что я пользуюсь нѣкоторой противоборствующей силой въ Конторѣ. Это соображеніе

со многими покровителями моими, сильными у Двора; ибо въ опредѣленіи Соляной Конторы, подписанномъ, кромѣ меня, всѣми семью членами, послѣ рѣшительной отдачи Крымскихъ озеръ исключительно Перетцу, вопреки всѣмъ выгодамъ казеннымъ, страха ради Кутайсова, разсуждаемо было о голосѣ моемъ и, съ отступленіемъ отъ юридическаго порядка, опредѣлено представить Высшему Начальству, т. е., Сенату, что я подалъ голосъ отъ гордости, и не покоряюсь законной власти; словомъ, вошли въ такой разборъ моральный всего меня, который ни мало не принадлежалъ къ дѣлу. Вотъ поступокъ противъ меня Нелидова. Могъ ли я послѣ онаго быть съ нимъ въ согласіи? Однако, всегда отдамъ ему справедливость, что онъ умѣлъ дѣло дѣлать, умѣлъ соображать, учреждать и приводить ввѣренную ему часть финансовъ въ порядокъ. Кромѣ означеннаго случая, мы съ нимъ были очень хорошо знакомы: тутъ заиграло оскорбленное самолюбіе, и онъ на минуту сдѣлался моимъ злодѣемъ самымъ низкимъ образомъ. По счастію, это мнѣ не повредило, и я откровенно скажу, что, впрочемъ, пріятнѣе было имѣть дѣло съ нимъ, нежели съ Мясоѣдовымъ. Сей смѣнилъ его по какой-то придворной намуткѣ, а послѣ, когда Нелидовъ опять поправился и попалъ въ Сенаторы, то Павлу разсудилось посадить его членомъ въ ту же Соляную Контору, которой онъ былъ недавно Директоромъ. Странное опредѣленье! Но кто смѣлъ противиться Павлову Указу? И такъ Нелидовъ, будучи Сенаторъ, поравнялся правами со мной въ Конторѣ, и мы оба имѣли одинъ ровный голосъ. Тутъ открылась несносная оппозиція противъ Мясоѣдова, я и Нелидовъ во всемъ ему противорѣчили, партія наша была сильнѣе, тому приходило отъ насъ тяжело. Онъ поскакалъ въ Питеръ это передѣлывать. Дождавшись тамъ восшествія Александра, на другой же день выходилъ Указъ, по которому Нелидовъ высаженъ изъ Конторы, и остался только Сенаторъ. Окончивъ мою съ нимъ службу, я остался хорошимъ его знакомымъ, и умѣлъ простить зло, которое онъ готовъ былъ мнѣ сдѣлать, по тому что я видѣлъ, что оно происходило не отъ злобнаго характера, а отъ излишняго самолюбія, которымъ онъ не могъ овладѣть, и предался его недостойному побужденію. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ оказывалъ мнѣ особенное уваженіе, и заслужилъ совершенное мое почтеніе, какъ человѣкъ умной и прямо опытный гражданскій чиновникъ.

ВОЛКОНСКОЙ.

3. Князь Григорій Семеновичъ. Старецъ почтенный, бывшій военнымъ начальникомъ Оренбургскихъ странъ. Онъ былъ всегда ко мнѣ очень милостивъ: доказательствомъ его хорошаго расположенія служатъ многія письма его ко мнѣ, въ разное время писанныя. Онъ особенно чтилъ и уважалъ мать мою, помня всегда, что онъ въ малолѣтсвѣ воспитывался въ домѣ дѣда моего, Барона Строганова, и съ матушкой вмѣстѣ обучался по Французски у одного учителя. Страннаго будучи характера, онъ прославился въ публикѣ многими проказами, которыя сдѣлали его настоящимъ чудакомъ. Все это не освобождаетъ меня отъ той благодарности, на которую онъ пріобрѣлъ полное право своимъ благосклоннымъ со мной обращеніемъ. Онъ однажды, отправляя курьера въ Питеръ изъ Азіи, прислалъ ко мнѣ съ нимъ въ подарокъ прекрасный тамошній тулупъ. Проѣжжая черезъ Володимеръ ко Двору, любилъ останавливаться у меня въ домѣ иногда по цѣлымъ суткамъ, и довольствовался самымъ простымъ угощеніемъ; всякій годъ имѣлъ обыкновеніе писать ко мнѣ два раза, въ Святки и въ Святую Недѣлю, и, поздравляя съ обѣими сими праздниками, приписывалъ нѣсколько почтительнѣйшихъ привѣтствій престарѣлой моей матери. Тронутъ будучи такими поступками, я написалъ къ нему посланіе въ стихахъ, напечатанное въ моихъ книгахъ. Онъ до чрезвычайности былъ обольщенъ симъ моимъ приношеніемъ, и, въ знакъ благодарности, прислалъ мнѣ очень похожій съ себя портретъ, писанный въ Вѣнѣ отличнымъ живописцемъ. Я его храню до сихъ поръ у себя, на виду въ кабинетѣ. Всего страннѣе то, что, будучи такъ имъ обласканъ, я не имѣлъ ни случая, ни удобства, сойтиться не только близко, ниже шапочнымъ знакомствомъ съ кѣмъ либо изъ его семейства, напротивъ жена его и дѣти очень сухо и холодно меня всегда встрѣчали.

ЯКОВЛЕВА.

4. Катерина Петровна, супруга бывшаго Орловскаго Губернатора. Ни съ кѣмъ я такъ не обманулся въ самомъ себѣ, какъ съ ней при первой встрѣчѣ. Проѣжжая два раза Орелъ, я такъ много тамъ объ ней наслышался, что получилъ любопытство ее узнать, и чуть было дорого за него не заплатилъ. Судя по лѣтамъ моимъ, коихъ мнѣ слишкомъ 50, казалось мнѣ, что я никакой

женщины уже бояться не долженъ, и въ этомъ увѣреніи слишкомъ дерзновенномъ я искалъ ее видѣть, чтобъ узнать, правильно ли она пріобрѣла тотъ восторгъ, съ которымъ говорили мнѣ многіе извѣстные люди отличнаго вкуса, образованія и съ тонкимъ разборомъ о пріятныхъ качествахъ ума ея и сердца. Это все зажгло во мнѣ желаніе самому оцѣнить ее, а встрѣтился съ ней нечаянно въ одномъ знакомомъ домѣ, въ день гулянья, на улицѣ, на которой хозяева жили. Тутъ, пока гости, въ окошкахъ сидя, глядѣли на кареты и дрожки, я имѣлъ время ознакомиться съ нею. Вниманіе, оказанное мнѣ отъ нея въ такое разсѣянное время гульбою, расположило меня въ ея пользу. Съ полной благонадежностью на мои годы, я поѣхалъ къ ней, и какъ мужъ ея нанималъ квартиру такъ близко отъ меня, что я могъ безъ труда и пѣшкомъ иногда къ нимъ завернуть, то я, повадился очень часто посѣщать ее. Видѣться съ ней вошло для меня въ такую пріятную привычку, что я наконецъ каждой день пользовался этимъ удовольствіемъ, и нечувствительно такъ къ ней пристрастился, что скучалъ вездѣ, кромѣ ея общества. Этого для меня было все мало. Долго живши безъ восторговъ, къ коимъ я сроденъ, я искалъ взаимности въ такихъ, кои зараждаются въ самомъ сердцѣ, а не въ головѣ составляются отъ минутной фантазіи. Когда я не могъ ее видѣть, я къ ней писывалъ утреннія летучія записки, и получалъ всегда заманчивые отвѣты; наконецъ я ее прозвалъ волшебницей. Подлинно я ничего не видывалъ очаровательнѣе ея взора и всего обращенія съ нашимъ поломъ: она имѣла даръ плѣнять, и ей стоило только захотѣть чьего либо знакомства, чтобъ тотъ, побывавши разъ и два, началъ безпрестанно къ ней ѣздить. Пристрастіе мое дошло до того, что я находилъ большое сходство между ею и покойной женой моей, и отъ того я еще болѣе и болѣе восхищался ею. Съ тѣхъ поръ полно на себя надѣяться; я увидѣлъ ясно, что ни въ какія лѣта человѣкъ ручаться за сердце свое не можетъ, когда встрѣтитъ предметъ, способный его пошевелить; но подобные огни обманчивы и не долго горятъ. Яковлева была соблазнительна, но холодна и любить не умѣла: одни глаза ея безъ сердца не могли долго владѣть мною, что и случилось и о чемъ я ни мало не сожалѣю, безпрестанно бывая и у меня, или съ нею въ другихъ мѣстахъ, я выучивалъ ея свойства, и видѣлъ одно утонченное кокетство. Гдѣ есть искуство, тамъ тщетно искать чувства: пріязни искренной я не нашелъ, пристрастіе мое исчезло. Скоро перемѣня квартеру, она стала жить далѣе

отъ насъ; болѣзни мои, коимъ движеніе становилось противно, отучили меня отъ частыхъ посѣщеній. Меньше говоря съ ней, а холоднѣе размышляя объ ней же, я остался при одномъ хорошемъ съ ней знакомствѣ, которое, думаю, не прекратится никогда, но отъ котораго мнѣ уже опасаться будетъ нечего. Всегда отдамъ ей ту справедливость, о которой наслышался отъ многихъ еще не знавши ее, что она удивительное имѣетъ мастерство обольщать, но, узнавши въ обращеніи съ ней, какъ далеко можетъ заблуждаться умъ, когда сердце способно воспламеняться, я могъ предвидѣть, что Г-жа Яковлева еще не послѣднее было звено въ кольцѣ моего бытія сердечнаго.

БАРСОВЪ.

5. Антонъ Алексѣевичъ, Университетской Профессоръ, умной и достойной человѣкъ, искусной въ риторствѣ и изящной словесности. Я у него обучался слогу и поэзіи, и выслушалъ полной курсъ его лекцій. Онъ оказывалъ ко мнѣ особенное вниманіе, къ которому я былъ до конца жизни его признателенъ, да и за гробомъ его чту обязанностью воспоминать его попеченія съ похвалой. Я ему одолженъ первыми опытами моего пера: онъ съ отличной благосклонностью выправлялъ переводъ мой съ одной Фрацузской комедіи, и не только въ классѣ, но и внѣ онаго, въ домашнихъ своихъ бесѣдахъ, давалъ мнѣ полезныя наставленія. Когда по его Факультету назначены были диссертаціи на Латинскомъ языкѣ, онъ присудилъ мнѣ дать установленную въ награжденіе медаль серебряную, которой я болѣе былъ обязанъ его снисхожденію, нежели достоинству моего сочиненія. Такихъ мужей, каковъ былъ Г-нъ Барсовъ, во всякомъ царствѣ и вѣкѣ не много, и онъ въ сословіи ученыхъ былъ отлично уважаемъ.

ПЛАТОНЪ.

6. Сегодня праздникъ въ Виѳаніи; тамъ гробъ Платона. Перенесемся мысленно туда, и вспомнимъ сего великаго Святителя.

Платонъ, Митрополитъ Московской, геній Россійскаго духовенства; Церковь долго его не забудетъ, а Россія вѣчно восхвалится его риторскимъ искуствомъ. Я долго имѣлъ несчастіе худо слыть въ его разумѣ; разстояніе между нимъ и мной такъ было далеко, что я никогда не смѣлъ съ нимъ знакомиться; бывалъ у

него иногда, но рѣдко хорошо принять; онъ уважалъ, однако, моихъ родителей, посѣщалъ ихъ и, въ доказательство его пріязни, мы до нынѣ имѣемъ, по милости его, домовую церковь, которую онъ далъ батюшкѣ. Какъ-то найдя въ сочиненіяхъ моихъ, а именно: въ «Посланіи къ Швейцару,» слѣдующій стихъ:

«(Скажи) попамъ, что и безъ нихъ спастись одинъ умѣю,»

онъ не понялъ порядочно моей идеи, вообразилъ что я атеистъ, и сталъ меня такимъ оглашать въ кругу своихъ пріятелей. Будучи со многими духовными лицами хорошо знакомъ, я скоро о томъ узналъ и, посредствомъ ихъ, кое какъ вразумилъ его въ истинномъ смыслѣ моей идеи. Потомъ, будучи Губернаторомъ въ Володимерѣ и въ сосѣдствѣ съ его Виѳанской пустыней, въ которой онъ уже склонялся къ закату дней своихъ, я возымѣлъ смѣлость, раза два въ годъ объѣзжая Губернію, посѣщать его, и добился того, что онъ удостоилъ меня откровенной своей бесѣды; много я услышалъ изъ устъ его назидательныхъ истинъ, коихъ не забуду. Я ему поднесъ, въ библіотеку его, «Жизнь Фенелона,» по Французски, и онъ благодарилъ меня самымъ ласковымъ письмомъ, показывалъ мнѣ свои школьныя заведенія и церковныя строенія. Бывая у него въ Виѳаніи, я забывалъ, что я у пастыря, и думалъ, что меня принимаетъ философъ. Жизнь его подъ конецъ была самая простая, тихая, натуральная. Дошло до него однажды, что я, увидя заготовленной для него гробъ, рядомъ съ старой гробницей, въ которой нѣкогда схороненъ былъ Сергій, сказалъ въ невольномъ восторгѣ: «Придетъ время, что будутъ на семъ мѣстѣ поклоняться Платону,» онъ посмѣялся моему восхищенію, но оно принесло желаемой плодъ, и съ тѣхъ поръ Платонъ уже не глядѣлъ на меня, какъ на ругателя Вѣры, а, удостовѣрясь въ моемъ чувствѣ по Христіянству, бесѣдовалъ со мной о разныхъ предметахъ съ свободою непринужденною. Сей великій мужъ скончался въ самую лютую годину нашего времени и мало былъ оплаканъ; ибо слезъ не доставало послѣ разоренія Москвы въ зѣницахъ разсѣянныхъ и уничиженныхъ чадъ ея. Въ это смутное еще время я дерзнулъ написать стихи на смерть его, кои напечатаны были послѣ въ моихъ книгахъ, а тогда особымъ экземпляромъ разосланы во всю Россію при Московскихъ газетахъ. Говоря о семъ Іерархѣ, я ничѣмъ лучше кончить не могу моего панегирика,

какъ повторять здѣсь паки и паки съ благоговѣніемъ и жалостью печальную мою на гробѣ его Сентенцію:

«Соборъ Владыкъ великъ, но, ахъ, Платона нѣтъ!!!»

ПУШКИНЪ.

7. Графъ Аполлосъ Аполлосовичъ, Камергеръ, человѣкъ придворной. Онъ составлялъ члена Павловскаго театральнаго общества, и по тому мы съ нимъ были хорошо знакомы, часто разыгрывали вмѣстѣ разныя роли, безпрестанно, по нѣскольку недѣль, живали въ одномъ мѣстѣ, однимъ и тѣмъ же кумирамъ покланялись. Все, что въ то время было мнѣ знакомо, имѣетъ право на всегдашнее мое воспоминаніе, такъ и этотъ Пушкинъ, котораго давно я пережилъ. Онъ рожденъ былъ для наукъ, и, упражняясь въ натуральныхъ изысканіяхъ въ Грузіи и горахъ ей, сопредѣльныхъ, нашелъ конецъ свой тамъ, гдѣ ожидалъ ученой славы; лучше бы по моему продолжать играть комедіи и, можетъ быть онъ еще и теперь наслаждался бы физическими благами; за то онъ не боится уже такъ, какъ я, каменной болѣзни, и не преданъ Докторами въ аренду лихимъ аптекарямъ. Нѣтъ худа безъ добра. Худо умереть рано, а иногда и того хуже жить запоздавши.

ЛОБАНОВЪ.

8. Князь Дмитрій Ивановичъ. Я съ нимъ служилъ въ одномъ полку и въ Семеновскомъ, и долго были въ однихъ чинахъ, стояли рядомъ въ спискахъ, но потомъ онъ скоро вышелъ въ армію, имѣлъ случай отличиться храбростью, наконецъ сдѣлался Генералъ-Аншефъ, Андреевской Кавалеръ и Генералъ-Прокуроръ, чѣмъ и теперь служитъ. Я съ нимъ никогда не былъ знакомъ, а нынѣ почитаю его врагомъ своимъ и, кромѣ презрѣнія, ничего ему оказывать не могу. Вотъ тому причина: Въ самой тотъ годъ, когда Государь отставилъ меня, и набѣгъ Французовъ скоро потомъ нанесъ тяжкія напасти всей Москвѣ, Князь Лобановъ формировалъ полки во Владимірской Губерніи. Государь изволилъ прибыть въ Москву одинъ и, за большимъ столомъ съ Сенатомъ и первыми чинами, разговорясь о Владимірѣ съ Княземъ Лобановымъ, спрашивалъ о тамошнихъ обстоятельствахъ. Князь Лобановъ чернилъ меня всячески и, не смотря на Русскую благород-

ную нашихъ предковъ пословицу: «Лежачаго не бьютъ,» раздражалъ противъ меня Государя, и такъ уже оказавшаго мнѣ полное негодованіе. Спрашивается: такой поступокъ Князя Лобанова, который, впрочемъ, ни меня, ни дѣлъ моихъ, не зналъ, соотвѣтствуетъ ли правдивому и высокому характеру? Я о семъ въ тотъ же день узналъ, и съ тѣхъ поръ одинъ видъ Лобанова есть уже для меня самой непріятной предметъ.

КЛАССОНЪ.

9. Иванъ Николаевичъ, иностраннаго племени Россійской уроженецъ. Я его началъ знать будучи еще мальчикомъ, когда уже онъ служилъ при родномъ дядѣ моемъ, Ржевскомъ; старшимъ Адъютантомъ. Онъ часто посѣщалъ нашъ домъ, по смерти дяди остался домоправителемъ вдовы его, а моей родной тетки, и вышелъ въ отставку Майоромъ. Скончалась и тетушка. Тогда онъ переѣхалъ къ намъ, и такъ полюбилъ наше семейство, что въ немъ остался на всегда. Онъ еще и теперь живъ, и вотъ уже 30 лѣтъ, какъ не разстается съ нами. Человѣкъ отмѣнно къ намъ привязанной, сердца найдобрѣйшаго, честности неповреждаемой никакими искушеніями; теперь онъ составляетъ всю почти мою домашнюю бесѣду: онъ во всѣхъ нашихъ событіяхъ первой и ближайшій участникъ; услугъ его, оказанныхъ дому, пересчитать не возможно; всегда готовъ трудами своими всякое порученіе исполнить. Мы съ нимъ часто политикуемъ и состязаемся о Правительствѣ, коммерціи и законѣ, и часто ни въ чемъ не соглашаемся, но это не мѣшаетъ мнѣ его, а ему меня, любить, по тому что мы, хотя розно видимъ вещи, но всегда ощущаемъ одни и тѣ же чувствованія терпимости, кротости и добра, а сего довольно для мирнаго сожитія людей между собою. Дай Богъ, чтобъ это такъ продлилось до послѣднихъ нашихъ дней, чего я и надѣюсь несомнѣнно. Я упоминалъ о немъ въ нѣкоторыхъ моихъ стихотворныхъ посланіяхъ, есть даже въ печати одно и на его имя, на счетъ Французской поварни, писанное тогда, какъ мы оба еще любили угождать чреву. И такъ публика, читавшая мои книги, знаетъ, что подъ именемъ Классона разумѣется хорошій мой пріятель.

ВЕРХМАНЪ.

10. День, начавшійся нѣкогда сильнымъ страхомъ и, по милости Божіей, увѣнчанный полнымъ торжествомъ радости; ибо въ оной жена моя родила близнецевъ, Дмитрія и Рафаила.

Берхманъ славной своего времени акушеръ и при томъ врачъ некорыстолюбивый, рѣдкое достоинство въ этомъ родѣ людей, онъ до глубой старости исправлялъ повивальное искуство. Во время трудныхъ родовъ первой жены моей, когда она произвела на свѣтъ двухъ мальчиковъ, Дмитрія и Рафаила, Берхманъ былъ къ намъ призванъ, и особеннымъ его раченіемъ жена моя спаслась отъ угрожавшей ей опасности: онъ вынулъ обоихъ младенцевъ, сохранилъ и ихъ и мать. Съ тѣхъ поръ такъ полюбилъ насъ, что даже безъ всякой въ немъ нужды бывалъ при всѣхъ родахъ жены моей и никогда не хотѣлъ взять ничего деньгами, довольствовался самыми ничтожными подарками, кои назначалъ самъ, какъ то: жилетъ, иногда простую косынку. Я никогда его не забуду, не только какъ врача, оказавшаго намъ самую важную услугу и въ такое время, когда она бываетъ столь необходима, но какъ человѣка рѣдкаго въ добротѣ сердца и вниманіи къ страждущему человѣчеству. Подобные люди насылаются въ дома наши благостью самаго Провидѣнья, и множество женъ, множество чадъ, должны вѣчно помнить имя старика Берхмана.

ПОЛИТКОВСКОЙ.

11. День, въ которой родилась дочь моя, Антонина, и въ которой тотъ, о комъ говорить намѣренъ, былъ всѣхъ нужнѣе для благополучія сего событія, при столь нездоровой женщинѣ, какова была жена моя.

Федоръ Гарасимовичъ, искусной Докторъ, съ которымъ я обучался вмѣстѣ въ Университетѣ: мы оба слушали лекціи физическія у Роста, и тутъ познакомились. Вышедши изъ Университета, мы на долгое время разстались, онъ поѣхалъ въ Парижъ доучиваться тамъ Медицинѣ, и пріѣхалъ оттуда въ Россію съ большими познаніями. При первомъ нашемъ свиданіи мы встрѣтились какъ старые пріятели: это было для меня очень выгодно по тому, что батюшка становился уже недуженъ и, лишась Доктора Пегелау, совсѣмъ не зналъ, за кого приняться. Я убѣдилъ его ввѣриться Политковскому, и онъ много ему помогъ, поддерживалъ его съ большимъ искуствомъ и сохранилъ дни его до опредѣленнаго Провидѣніемъ времени. Что же можетъ сдѣлать больше врачъ искуснѣйшій? Натуры законъ извѣстенъ, его никто не избѣжитъ. Политковской, врачуя весь нашъ домъ, сдѣлался нашимъ другомъ, и до самой смерти своей посѣщалъ насъ, и освобождалъ отъ вре-

мянныхъ немощей, съ прилежаніемъ и усердіемъ дѣлая свое дѣло. Подъ конецъ жизни своей онъ самъ впалъ въ слабость, столь естественную нашему народу, сталъ пить, и это ускорило его кончину. Онъ имѣлъ обширныя познанія, былъ уменъ отъ природы, характера веселаго, чувствителенъ до слезливости, когда что трогало его душу. Жена моя долго была на рукахъ его, рожала при немъ нѣсколько разъ, и во всѣ ея кровохарканія онъ ей всячески помогалъ; часто, когда дѣло шло худо, онъ плакалъ надъ нею, и черезвычайно былъ къ ней привязанъ. Я никогда не забуду его усердія, доброхотства и услугъ, оказанныхъ нашему дому. Миръ праху его! Ежели онъ и имѣлъ слабости, то, въ замѣну, приносимая имъ польза страждущему человѣчеству заступитъ его у Престола Божія, паче многихъ жертвъ и туковъ набожныхъ тунеядцевъ.

ЛЕХОВОЙ.

12. Семенъ Семеновичъ, Тайной Совѣтникъ, человѣкъ, съ которымъ я не только не знакомъ, но мало зналъ и по службѣ, да и встрѣтя, нынѣ едва узнаю его въ лицо. Съ нимъ меня поставилъ въ отношеніе, и самое короткое, заочно, другъ мой, а его хорошій пріятель, Киріякъ (см. лит. К.): онъ, при смерти своей, назначилъ Леховова своимъ душеприкащикомъ. Когда тотъ скончался, этотъ, собравши, по его приказанію, всю мою съ нимъ переписку, возвратилъ оную ко мнѣ, и симъ началась новая между нами; потомъ жена моя покойная перевела на имя Леховова довѣренность, данную Киріяку, на полученіе и пересылку къ ней Царскаго пенсіона, состоящаго въ 300 р. Всѣ порученія, какія мы возлагали на Киріяка, обращались къ Леховову, и онъ охотно ихъ исполнялъ. По кончинѣ жены моей связь наша разорвалась, дѣлъ у меня до него и съ нимъ никакихъ уже не было: нѣсколько писемъ его остались одни свидѣтельствомъ нашего заочнаго знакомства и тѣхъ услугъ, кои Г-нъ Леховой, въ память друга своего, рачительно мнѣ оказывать старался, и за которыя обязанъ я ему своей признательностію.

ШАХОВСКОЙ.

13. Князь Николай Григорьевичъ, человѣкъ низкой, трусоватой, которой весь свой вѣкъ посвятилъ на то, чтобъ устроить изъ людей своихъ труппу актеровъ и, ею забавляя Нижегородскую

блику, составить себѣ доходъ. Выпустя въ свѣтъ мою оперу: «Любовное волшебство,» я не смѣлъ и заикнуться ни въ которой столицѣ о томъ, чтобъ ее сыграли: она того не стоила, а, требуя бо́льшихъ издержекъ, конечно, обратилась бы въ накладъ содержателю театра. Но Князь Шаховской этого не устрашился, купилъ ее, она была напечатана, заставилъ своего капельмейстера сдѣлать на нее музыку, нѣсколько сценъ выпустилъ, аріи иныя уничтожилъ, словомъ, обрѣзалъ ее по своему вкусу, и въ такомъ видѣ началъ ее давать на Нижегородскомъ театрѣ. Къ счастью, она понравилась тамъ, и навсегда попала въ его репертуаръ. Вотъ уже лѣтъ 20, какъ она написана, и все ее играютъ раза два зимой въ Нижнемъ, и одинъ разъ у Макарья, на ярмаркѣ. Мнѣ случилось дважды быть тамъ, и я съ жадностью дожидался объ ней афиши. При мнѣ ее представляли, я ее видѣлъ, самъ надъ собой не могъ нахохотаться. Откуда мнѣ такая горячка пришла въ голову? Публика ее любитъ, охотно смотритъ и бьетъ въ ладоши. Князь Шаховской прислалъ мнѣ, въ первыхъ порахъ ея появленія на сценѣ, раскрашенный, съ разными аттрибутами, билетъ, на которомъ написано было: «Билетъ для входа въ Нижегородской театръ вездѣ.» Я его получилъ въ Москвѣ, и выжидалъ, какъ воронъ крови, случая имъ воспользоватся. Наконецъ онъ представился, я нанялъ домашнимъ своимъ ложу, а самъ, съ своимъ билетомъ необыкновеннымъ, не платя ни гроша за входъ, явился въ театръ. Мнѣ отвели кресла, на которыхъ я, сидя, любовался на свое дитя, и чудился поминутно то актерамъ, то оркестру, то публикѣ, словомъ—посмѣшище. Это не мѣшаетъ мнѣ, однако же, помнить о Князѣ Шаховскомъ, какъ объ отцѣ крестномъ моего неуклюжаго ребенка, изъ котораго, по милости его, вышло что-то забавное въ правду. *

ВОЛКОНСКОЙ.

14. Князь Павелъ Михайловичъ, одинъ изъ богатыхъ Царедворцевъ Екатеринина времени. Онъ служилъ Каммеръ-Юнкеромъ; знакомство мое съ нимъ началось и кончилось на театрѣ, въ увеселительныхъ домахъ Наслѣдника Престола. Тамъ, игравши коме-

* См.: «Журналъ путешествія изъ Москвы въ Нижній, 1813 года, Кн. И. М. Долгорукаго,» напечатанный въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1870 г., кн. 1, Отд. II, стр. 91—94, и особо. О. Б.

дія вмѣстѣ, мы были близки въ отношеніяхъ; онъ памятенъ мнѣ остался наиболѣе по тому, что былъ мнѣ совмѣстникомъ, влюбился, какъ и я, да и прежде меня, въ дѣвицу Смирную, но супругомъ ея сдѣлался я, не онъ. Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ нигдѣ не встрѣчались, а теперь уже его давно нѣтъ на свѣтѣ.

ЛЕВАНДА.

15. Протоіерей Кіевскаго Софійскаго Собора. Превосходной вѣтія и знаменитѣйшій проповѣдникъ своего времени. Я такъ много слыхалъ о немъ изъ дѣтства, такъ восхищенъ былъ его предиками, что нетерпѣливо желалъ имѣть случай видѣть его и бесѣдовать съ нимъ. Обстоятельства мнѣ оной представили: я ѣздилъ въ Кіевъ, и тамъ, въ 1810 году, ознакомился съ нимъ. Онъ уже былъ старъ, но еще занимался ученіемъ и проповѣдывалъ слово Божіе раза три. Я его посѣтилъ и бесѣдовалъ съ нимъ: разговоръ его былъ пріятенъ, выраженіе плѣнительно, голосъ нѣженъ. Его-то можно назвать: «мужъ сладкоглаголивый.» Онъ, какъ философъ, принималъ насъ безъ чиновъ, въ маленькой своей горницѣ, заваленъ книгами, журналами, рукописями и въ скромномъ подрясникѣ; подъ окошками его небольшой садъ, за которымъ онъ самъ присматривалъ; въ обращеніи простъ и благодушенъ. Я съ отмѣнною пріятностью воспользовался нѣсколькими часами его досуговъ. Не удалось мнѣ видѣть его въ служеніи, но увѣренъ, что онъ сановитъ въ наружности, и благочестивъ въ чувствахъ, дѣйствуя по званію своему передъ Престоломъ Господнимъ. Онъ привлекъ единственно талантами своими на себя вниманіе Двора, всего своего Начальства и просвѣщенной публики. Имя Леванды никогда не забудется въ Россіи. * Во второе мое путешествіе въ Кіевъ ** я уже его не засталъ, и поклонился съ благоговѣніемъ смертнымъ остаткамъ его, погребеннымъ въ томъ же Софійскомъ Соборѣ, въ которомъ онъ столь долго и славно служилъ Богу живому предъ избраннымъ его народомъ; ибо Кіевъ, и именно сей Соборъ, есть мать всѣхъ церквей Россійскихъ. Между

---

* См.: «Путешествіе въ Одессу и Кіевъ 1810 года, Князя И. М. Долгорукаго,» напечатанное въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1870 г., кн. 1, Отд. II, стр. 279—280, и особо. О. Б.

** См.: «Путешествіе въ Кіевъ 1817 года, Князя И. М. Долгорукаго,» напечатанное въ «Чтеніяхъ» 1870 г., кн. 2, Отд. II, стр. 110, и особо. О. Б.

моими двумя путешествіями въ тамошній край, я удостоенъ былъ заочно его вниманій. Онъ мнѣ нѣсколько разъ писалъ, всѣ письма его коротки, но сильны, и означаютъ высокую степень его добротъ и дарованій: я ихъ старался сохранить со всякой бережливостью. Онъ мнѣ присылалъ свои проповѣди, тѣ, кои произнесъ послѣ нашего знакомства, и я о семъ знаменитомъ учителѣ церковномъ никогда не забуду. Подобные служители Вѣры еще весьма рѣдки въ отечествѣ нашемъ, и едва ли можно кого сравнить въ ораторскомъ краснорѣчіи съ Левандой, какъ изъ многихъ предшествовавшихъ ему, такъ и изъ современниковъ его, найпаче же въ одинаковомъ съ нимъ состояніи, т. е., бѣломъ духовенствѣ.

АВГУСТИНЪ.

16. Архіерей Московской. Охотно забывая грубое его со мной обращеніе въ разныхъ случаяхъ, доводившихъ меня имѣть съ нимъ дѣло, я съ признательностію храню въ памяти услугу, отъ него мнѣ оказанную, въ самое злосчастнѣйшее время нашего Государства. Когда Наполеонъ покорилъ, сжегъ и разорилъ столицу нашу, Москву, и я, имѣя въ ней домъ, потерпѣлъ общіе со многими убытки, болѣе всего огорчило меня оскверненіе моей домовой церкви, которую имѣлъ я отъ родителей, какъ залогъ ихъ благословенія. Августинъ позволилъ мнѣ ее возобновить, далъ новой антиминсъ на мое имя, отобралъ тотъ, которой данъ былъ отцу моему, и хотя долго затруднялся оказать мнѣ это одолженіе, однако рѣшился удовлетворить моему желанію, и тѣмъ загладилъ всѣ прочіе худые со мной поступки, о которыхъ не хочу упоминать по тому, что они происходили болѣе отъ худого его образованія, недостатка общежитія, нежели отъ порочныхъ началъ сердца и разсудка.

НЕЛЮБОВА.

17. Наталья Алексѣевна, бѣдная дѣвушка, жившая въ нашемъ домѣ до самой кончины матери моей. Намѣреніе ея было эту дѣвушку пристроить въ какой ни будь Институтъ, дабы оттуда удобнѣе было совершить судьбу ея въ будущемъ, но сего не удалось; нѣкоторые родственники наши дѣлали ей временныя денежныя пособія, кои способствовали ей только поучиться кое чему въ приватныхъ пансіонахъ, и по нѣкоторомъ времени матушка изволила

взять ее къ себѣ, и при ней она проживала скромно въ нашемъ семействѣ. Она была дѣвушка умная, пріятная въ обществѣ, игрывала съ успѣхомъ нѣкоторыя роли въ нашихъ домашнихъ зрѣлищахъ, и привыкла къ нашему дому такъ, что съ трудомъ вышла изъ него, о чемъ и я крайне сожалѣю, по тому что она, разставшись съ нами, надѣялась быть счастлива, вмѣсто того теперь терпитъ самую бѣдственную участь. Послѣ матушки она еще оставалась съ нами и ѣздила вмѣстѣ въ Нижній на Макарьевскую ярмарку, сопровождая насъ всюду въ нашихъ путешествіяхъ, нигдѣ не была намъ въ тягость, напротивъ, услугами своими и разговоромъ, часто приносила пользу и помагала разсѣянію нашему своей природной веселостью. По странному стеченію случаевъ, мы съ ней разстались безъ всякаго ея желанія и безъ рѣшительнаго нашего на то произвола. Сестра моя, пріѣхавши съ нами повидаться изъ Малороссіи, гдѣ жили родители Нелюбовой, изъ сожалѣнія ко мнѣ, по тому что, при недостаткахъ моихъ, тяжело было содержать эту барышню по прежнему, при моемъ большомъ и безъ того семействѣ, предложила Нелюбовой ѣхать съ ней къ своимъ роднымъ въ Кіевъ. Мы ее отпустили, и она, хотя со слезами, но по разсудку рѣшилась оставить насъ, чувствуя, что нѣтъ причины отречься ѣхать къ своимъ роднымъ, когда способъ на то готовъ. И такъ мы ее не хотя изъ дома нашего выпроводили. По несчастью, отецъ ея и мать жили розно и въ разныхъ городахъ; сестра ея старшая, будучи за достаточнымъ человѣкомъ замужемъ, овдовѣла и не могла ей сдѣлать никакого вспоможенія, не имѣя сама по себѣ состоянія; другая сестра вышла замужъ за хвораго человѣка, котораго разбилъ параличъ, словомъ, бѣдная Нелюбова попала въ самую несчастную тарелку, изъ которой и я уже вытащить ее не могу. Все это произошло отъ прекраснаго побужденія сестры моей въ отношеніи къ моимъ пользамъ, но слишкомъ опрометчиво ею поступлено, а мы слишкомъ безразсудно на это склонились. Дѣло сдѣлано: поправить его трудно, и мнѣ очень этого жаль, по тому что я не могу освободить себя отъ обязанности, по изволенію матери моей, дѣлиться съ ней, по крайней мѣрѣ, моимъ благосостояніемъ, когда лучшаго доставить не въ силахъ, а теперь она бѣдствуетъ, и я помочь ей не могу. Когда мы ѣздили въ Кіевъ, она насъ встрѣтила въ Нѣжинѣ, и оттуда пріѣжжала съ нами вмѣстѣ къ сестрѣ. Тамъ осень мы прожили вмѣстѣ, и она новыя слезы пролила фонтаномъ, когда ей пришлось снова разставаться съ нами: она, къ несчастью, при-

выкла въ нашемъ домѣ къ жизни со всѣмъ не той, какую нашла между своими семействами. Въ молодомъ возрастѣ такой переломъ приводитъ въ уныніе, и не всегда самой крѣпкой разсудокъ съ чувствительнымъ сердцемъ сладить можетъ. Она ведетъ съ нами переписку, но это слабая отрада. Мать ея спилась, отецъ держитъ сераль, сестры безнадежныя ей опоры; и такъ она въ полномъ смыслѣ слова несчастлива; а естьли бы мы ее съ сестрой не отпустили, то бы, конечно, она терпѣла меньше горя и всякаго недостатка. Есть люди, которые бываютъ жертвой обстоятельствъ самымъ нечаяннымъ и непридуманнымъ образомъ. Такъ точно пострадала Нелюбова. Я не имѣлъ никакого къ ней пристрастія; ибо она и непригожа, но часто, очень часто, тужу, что, испортивши участь ея, потерялъ возможность ее поправить, и естьли бъ мнѣ встрѣтился легкой способъ, возвратить ее въ домъ свой, то, конечно, бы отъ онаго не отрекся, по крайней мѣрѣ, доставилъ бы ей тогда естьли не выгодную партію, то самое пріятное общежитіе, которымъ она прежде пользовалась.

ДЕШАНЪ.

18. Deschamps, Французской службы Полковникъ, человѣкъ, оказавшій мнѣ такой знакъ пріязни, какого, признаюсь, не отъ всякаго своего ближняго въ отечествѣ моемъ могъ бы ожидать; и пусть послѣ этого привязываются къ людямъ не по ихъ личнымъ достоинствамъ, а по предубѣжденіямъ отчизны. На что намъ отечество, естьли мы въ немъ не находимъ тѣхъ услугъ, какія предлагаютъ намъ добрые чужеземцы? Этотъ Полковникъ взятъ былъ нашими войсками гдѣ-то въ полонъ и, по распоряженію Правительства, долженъ былъ явиться въ Володимеръ, для отсылки, съ другими сотоварищами своими, въ разныя отдаленныя Губерніи. Увидѣвши его, я продержалъ сутки у себя и постарался, сколько могъ, облегчить его положеніе пріятнымъ обхожденіемъ, потомъ отправилъ его на Вологду. Скоро заключенъ миръ, плѣнники возвращены, и Deschamps, проѣжжая назадъ черезъ Володимеръ, прогостилъ у меня еще сутки. Въ разговорѣ со мной о моемъ семействѣ, онъ узналъ, что старшіе мои два сына обучаются въ Геттингенскомъ Университетѣ, и съ любопытствомъ распрашивалъ, какъ они тамъ живутъ, и не препятствуютъ ли мнѣ политическія смуты доставлять имъ по временамъ нужныя деньги. Всѣ эти распросы казались мнѣ пустой Французской вѣжливостію; мы разста-

лись, и я скоро забылъ о немъ, какъ вдругъ получаю изъ чужихъ краевъ отъ наставника дѣтей моихъ письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что нѣкто Полковникъ Deschamps, своротя съ большой прямой своей дороги, заѣхалъ въ Геттингенъ, отыскалъ ихъ, пожелалъ у нихъ отобѣдать, освѣдомлялся о ихъ ученіи и содержаніи, и предложилъ имъ всѣ деньги, которыя имѣлъ при себѣ, въ ожиданіи моего перевода, говоря, что посылка денегъ затруднительна, и что онъ будетъ радъ, ежели окажетъ сей услугой признательность свою за хорошіе мои съ нимъ поступки во время его неволи. Разумѣется, что учитель пособій его не принялъ, а чувствительно отблагодарилъ, сказавъ, что сообщитъ и мнѣ о томъ. Пусть судятъ, въ какомъ я былъ изумленіи! Гдѣ не рѣдки подобные поступки? Я не зналъ, куда къ нему писать, какъ благодарить? Совѣстно было, однако жь, остаться равнодушнымъ. Я написалъ коротенькую газетную статью, которую отослалъ къ своему Нѣмцу, для помѣщенія ея въ иностранныхъ листахъ, дабы онъ изъ нихъ могъ видѣть, что онъ одолжилъ людей, умѣющихъ цѣнить великодушное побужденіе нѣжнаго сердца. Не знаю, впрочемъ, исполнилось ли мое желаніе и свѣдалъ ли онъ о моей благодарности. Съ тѣхъ поръ я нигдѣ съ нимъ не встрѣчался и уповательно во всю жизнь мою не увижусь; но забуду ли когда ни будь этого иноплеменника и благородной его подвигъ? Вотъ ближній мой по слову Евангельскому:

«Будь родственникъ мнѣ другъ, я буду его другомъ,
Быть съ нимъ не отзовусь подложнымъ недосугомъ,
Копѣйку раздѣлю.....»

Точно въ этомъ разумѣ написаны сіи стихи: они относительны къ плѣннику, котораго я люблю напоминать при каждомъ благородномъ поступкѣ соотчичей своихъ, когда случается мнѣ ихъ испытывать, или, по крайней мѣрѣ, узнавать изъ опытовъ другихъ. Deschamps! Я вспоминаю тебя при всякомъ взорѣ, который кину на дѣтей моихъ, слѣдовательно, всегда, всегда, даже до гроба.

КАКОВИНСКАЯ.

19. Настасья Николаевна. Нынѣ она старушка Хитрова, и дочь ея уже въ лѣтахъ, замужемъ за Княземъ Урусовымъ. Я вспомнить долженъ ея молодость, когда она еще жила въ родительскомъ домѣ и была пригожая дѣвушка: тогда я былъ гвардіи Офицеръ и, на-

ѣжжая въ отпускъ въ Москву, преимущественно строилъ ей куры, танцовалъ съ ней чаще всѣхъ въ Благородномъ собраніи (которое называлось еще просто клобомъ) и въ редутѣ при Театрѣ. Всякой пріѣздъ мой на родину ознаменованъ былъ новымъ волокитствомъ и новой героиней. Сколько я нашептывалъ ей сладостей въ кругломъ Польскомъ, которой, кажется, выдуманъ былъ для интригъ: онъ продолжался по нѣскольку часовъ; всѣ, въ свою очередь, отдѣлавъ, по условію, фигуру, стояли на своихъ мѣстахъ, и каждая пара о чемъ ни будь перебивала; разумѣется, что разговоры такіе были не философическіе: тутъ скромная и благородная любовь искала торжества чувствительнаго и нѣжнаго. Каковинская была молода, хороша, я молодъ и влюбчивъ: можно себѣ представить, что мнѣ и теперь, обративши взоръ на сіи прошедшіе годы, пріятно вспомнить тѣ удовольствія, которыми я, въ отношеніи къ ней, наслаждался. Въ память ихъ вношу сюда ея имя, и строчки сіи тому вѣку посвящаю.

ПОЛОЧАНИНОВЪ.

20. Дмитрій Егоровичъ, Уголовной Судья Пензенской, человѣкъ среднихъ лѣтъ съ изряднымъ достаткомъ, хорошо воспитанной и женатой на родственницѣ Губернатора, о которой я ниже поговорю особо, по тому что обѣ сіи особы весьма важную роль играли въ моей жизни. Дмитрій Егоровичъ, при появленіи нашемъ въ Пензу, тотчасъ влюбился въ жену мою: этого избѣжать, узнавши ее, никто не могъ. Въ самомъ дѣлѣ, она богата была очарованіями и, къ счастію моему, одарена разсудкомъ твердымъ, съ душой непобѣдимой соблазнами. И такъ Полочаниновъ, какъ и многіе другіе, ходилъ къ намъ всякой день обѣдать, ужинать, вздыхать, выкалывать рисунки, и всѣ часы жизни его, кромѣ двухъ, трехъ, коими онъ долженъ былъ жертвовать службѣ, проводилъ въ нашемъ домѣ; разумѣется, что спалъ у себя, съ своей постылой супругой, съ которой онъ не могъ прижить ни одного ребенка; онъ готовъ былъ доставлять намъ всякія забавы и, отлагая безполезное волокитство его, былъ съ нами искренно друженъ и расположенъ къ участію во всякомъ дѣлѣ, которое по службѣ или огорчало, или утѣшало, меня. Во время ссоры моей съ Губернаторомъ, когда многіе изъ трусости не смѣли ѣздить ко мнѣ, онъ постоянно былъ преданъ, и старался удвоить веселости нашего дома; на сей конецъ онъ построилъ у себя особой театръ: на

немъ мы цѣлую зиму играли комедіи всякую недѣлю, и намъ и публикѣ было очень весело. Весь Сумарокова театръ явился тогда на сценѣ. Время веселое и незабвенное въ жизни моей Пензенской! Чтобы дать понятіе о томъ, въ какомъ затрудненіи находились тогда благородные подвиги, помѣщу здѣсь случившееся со мной, по отношенію моему къ Г-ну Полочанинову, происшествіе. Онъ служилъ Совѣтникомъ въ Уголовной Палатѣ; въ оной производилось дѣло надъ крестьянами богатаго помѣщика, Графа Разумовскаго, кои доносили на Управителя его, въ имѣніи живущаго, Гогеля. Дѣло скаредное и рѣшено беззаконно. Полочаниновъ, будучи честенъ и благороденъ, прежде чѣмъ подписать приговоръ, разсудилъ посовѣтоваться со мной. Я счелъ за грѣхъ не сказать ему правды, и расположилъ его подать голосъ, который нѣсколько остановилъ быстрой ходъ столь интереснаго процесса. Казалось бы, что за бѣда? Я былъ очень покоенъ. Но, къ несчастью моему, того Управителя Гогеля братъ былъ тогда при Воспитательномъ Домѣ, лицо уважительное и значущее; мать моя должна въ Опекунскомъ Совѣтѣ и какъ-то просрочила, зная, что нѣкоторое время дается льготы кредитору. Дошли слухи до Московскаго Гогеля, что я удручалъ брата его моими будто интригами, кои состояли всѣ, какъ выше видно, въ одномъ очень натуральномъ совѣтѣ пріятелю, и я увидѣлъ въ газетахъ, что наше имѣніе за помянутой долгъ матери моей велѣно описать; тучу эту мы отвели, но не меньше она надѣлала матушкѣ много безпокойства. Вотъ какъ плутъ плута далеко въ плесѣ видитъ, что изъ Пензы въ Москву тотчасъ настроенъ ковъ и брошенъ камень самымъ посторроннимъ людямъ въ ноги. Я обязанъ также съ отличной благодарностью отозваться о Полочаниновѣ и за участіе, которое онъ принялъ въ несчастной моей Пензенской исторіи въ пользу мою. Во все время службы моей въ Пензѣ онъ былъ усерднѣйшимъ пріятелемъ нашего дома, и хотя въ большой расчетъ входили сюда безплодные восторги любви его къ женѣ моей, однако жь я все не меньше обязанъ за пользу и удовольствіе, которое они мнѣ приносили. Онъ былъ по временамъ то жалокъ, то смѣшонъ, и женѣ моей не стоило ни большаго труда, ни притворства, чтобъ изъ него сдѣлать все, чего хотѣлось. Послѣ моей отставки изъ Пензы, я имѣлъ только два раза случай съ нимъ видѣться въ Володимерѣ: онъ пріѣжжалъ туда одинъ разъ сыграть съ нами комедію на нашемъ театрѣ, въ другой разъ онъ былъ завлеченъ Сенаторомъ Обресковымъ, которой, привыкнувши играть съ нимъ

въ карты въ Нижнемъ, привозилъ его за тѣмъ же въ Володимеръ. Больше сихъ двухъ разъ я съ нимъ нигдѣ не видался, и столь продолжительная разлука, перемѣна обстоятельствъ, все такъ насъ охолодило взаимно, что уже мы теперь, я думаю, увидимся безъ всякаго удовольствія, развѣ только по однимъ воспоминаніямъ прошедшаго.

ПОЛОЧАНИНОВА.

21. Ѳедосья Егоровна. Я говорилъ выше о ея мужѣ, теперь очередь за нею. Соберемся съ духомъ, чтобъ откровенно, не тая ничего, поговорить объ ней. Она была не дура, но вѣтрена, взбалмошна, со всѣми искренна, кстати и не кстати, любила щеголять нарядами, и ими только могла привлечь на себя вниманіе, впрочемъ ни бесѣды, ни обращенія; собой была нехороша, лицо въ веснушкахъ, красной волосъ, изрядной ростъ и жеманство самое площадное. Вотъ рисунокъ той, которая непонятнымъ образомъ умѣла встревожить физику мою до того, что я едва не попалъ въ тьму кромѣшную. Она слаба была до крайности на счетъ мужчинъ, и кого только поймаетъ несчастная, тотчасъ отдается вся въ неволю хоть на сутки, хоть на недѣлю, ей все равно, лишь бы попасть въ объятія нашего пола. Мужъ, зная ее очень коротко, бросилъ на произволъ страстей, и изъ великодушія только, или самолюбія, почитая въ ней свое имя, жилъ съ ней въ одномъ домѣ и содержалъ ее. Она была всегда у насъ, и прислуживала женѣ, какъ горничная, а при гостяхъ величалась короткой съ ней пріязнью, но публика давно ее знала, и вещи видѣла въ настоящемъ ихъ видѣ; вольное обращеніе съ благородной дамой, которая наряжается въ цвѣтное платье и выписываетъ моды, скоро мнѣ полюбилось; ибо оно было для меня ново; я съ молоду никогда не водился съ такими ни барынями, ни бабами, и тутъ мы, шутя порядочно, и коротко ознакомились; она не стыдилась чваниться тѣмъ, что Вице-Губернаторъ будто въ нее влюбленъ, а я просто безъ любви и пристрастія чмокалъ ее въ уста, когда хотѣлъ; жена моя, не боясь опаснаго отъ меня пристрастія къ ней, глядѣла на мое вольное обращеніе съ ней, какъ на шалость; но какъ она ѣжжала родить дѣтей своихъ въ Москву, то, при рожденіи нашего сына, Александра, была въ отлучкѣ мѣсяца три, и тутъ-то я попался было въ лабиринтъ. Скучно мнѣ было жить одному въ моемъ большомъ каменномъ домѣ. Полочаниновъ пригласилъ меня

къ себѣ, и отвелъ мнѣ флигель въ саду, въ которомъ я и помѣстился. Будучи увѣренъ въ моей честности, онъ оставилъ меня съ своей женой, а самъ уѣхалъ на нѣкоторое время въ Нижегородскія свои деревни. Оставшись одинъ съ его супругой, я скоро замѣтилъ, что я въ большой опасности потерять и качество добраго мужа, и свойство вѣрнаго друга: я возгнушался этой бездны порока, и всячески старался, какъ можно дешевле отъ оной отдѣлаться. Ѳедосья Егоровна со мной по утру, днемъ и за ужиномъ, зажигала меня какъ сатана; доходило дѣло до того, чтобъ короновать послѣднимъ успѣхомъ всю эту подлую интригу, но я преодолѣлъ себя, и рѣшительно ей отказалъ изъ уваженія къ гостепріимству мужа ея, съ которымъ я хорошій пріятель. Нечего было дѣлать: она досадовала, что не можетъ иначе со мной раздѣлаться, какъ нѣкогда Пентефріева жена съ Іосифомъ, и требовала отъ меня ласковостей однихъ, которыя бы сколько ни будь утоляли пламень ея темперамента: я откупался поцалуями и всякими угожденіями, кои, не похищая сердца моего у жены, оставляли совѣсть мою въ покоѣ. Чего я съ ней не дѣлалъ? Не станемъ даже говорить о срамотахъ всякаго рода, довольно, и въ этомъ я клянусь честью, что я не сдѣлался виной ни ея, ни моихъ, преступленій противъ супружескихъ обѣтовъ; впрочемъ, она натѣшилась плодами своего воображенія, разжигаемаго и устами и руками. Что же вышло изъ этого? Она сама разславила все по городу: всѣ надъ ней смѣялись, и она почитала себя несчастной, что не могла меня рѣшить раздѣлить съ ней послѣднихъ наслажденій физики. По возвращеніи жены моей, это было такъ гласно, что дошло и до нея; сама Г-жа Полочанинова во всемъ ей призналась, и желала увѣрить даже, что мы живемъ вмѣстѣ; но крикъ всей публики, которая была въ ея довѣренности, успокоилъ Евгенію, и она уличила ее, что вретъ, а симъ прекратилось и знакомство наше съ ней, и всѣ городскія насмѣшки. Для соблюденія приличій съ мужемъ ея, мы ее принимали иногда, но уже она потеряла право быть короткой въ нашемъ домѣ. Выѣхавъ изъ Пензы, я съ ней почти нигдѣ уже не видался. Я до сихъ поръ не могу вообразить, какъ вошло въ голову этой бѣдной женщинѣ собственный свой позоръ почитать за какое-то для себя преимущество, по тому что она раздѣляла его съ первымъ чиновникомъ города. Что тутъ за слава! что за честь! Пойми, пожалуй, женщину сладострастную, когда она не имѣетъ другого путеводителя въ поведеніи, какъ собственныя свои страсти, необузданныя никакими правилами. Много я вытерпѣлъ

отъ нея дней горькихъ въ моемъ семействѣ. Богу благодареніе, что они не принесли никакихъ ужасныхъ бѣдствій за собою; и до нынѣ, когда я вспомню то время, то я виню себя и ужасаюсь ея. Чего не дѣлаетъ бѣсъ, когда разумъ молодъ и своеволенъ! Надѣюсь, что лѣта, морщины и болѣзни исправили ее, и желаю отъ всего сердца, чтобъ она меня забыла такъ, какъ и мнѣ пріятно забывать наши по тогдашнему наслажденія, и по нынѣшнему дурацкія треволненія. Поганъ всякой союзъ, въ которомъ не сердце, а кровь одна, участвуетъ!!!

САЛТЫКОВА.

22. Графиня Дарья Петровна, мать Г-жи Мятлевой (см. лит. М), Фельдмаршальша. Я имѣлъ честь быть принятъ въ ихъ домѣ съ самыхъ первыхъ дней появленія моего въ Петербургской свѣтъ. Выдавались такія времена, въ которыя я бывалъ и коротокъ въ ихъ семействѣ по комедіи и для комедіи, когда она тамъ игрывалась. Однажды, во время градоначальства мужа ея въ Москвѣ, вздумалось Графинѣ, чтобъ сыграли у нихъ трагедію «Танкреда,» въ которой и мнѣ дана была роль Аржира. Зрѣлище это не состоялось, о чемъ я и не очень тужилъ, по тому что нѣтъ ничего тошнѣе, какъ тѣшить знатныхъ Господъ, которые ни на минуту не совлекаютъ съ себя ни лентъ, ни патентовъ. Кромѣ сего случая я не имѣлъ никакихъ другихъ ни пріобрѣсть, ни искать милостей Графини.

НАРЫШКИНА.

23. Марья Павловна, знатная дама, пожилая, у которой всѣ молодые люди обучались бонъ тону въ Петербургѣ. Домъ ея былъ первая моя школа, когда я туда появился. Старики ѣзжали къ ней для того, что у нея былъ лучшій поваръ тогда въ городѣ, а молодые пріобрѣтали благопристойные навыки. Она была очень строга на счетъ общежитія, и не пропускала ни одной мелочи, касательной до того, безъ насмѣшки, или порицанія, смотря по человѣку и по свойству проступка. Домъ ея былъ для меня очень полезенъ въ этомъ смыслѣ. Она принимала меня милостиво, иногда шпетила, иногда поправляла, и все это усовершенствовало меня въ наукѣ жить въ свѣтѣ. Я никогда не забуду смѣшной и невольной моей проказы съ ней: она стóитъ пространнаго разсказа.

Марья Павловна, вдова Оберъ-Егермейстерская, слѣдовательно, дама 2-го класса, щеголяла чрезвычайно своими нарядами, была всегда отлично одѣта, красно нарумянена, и всѣхъ щеголихъ, какъ говорится, любила за поясъ заткнуть. Она боялась по ночамъ ѣздить одна въ каретѣ, и, запоздавши гдѣ ни будь на дачѣ, всегда приглашала попутчика проводить ее до дому. Палъ сей жребій одинъ разъ на меня: мы вмѣстѣ отужинали на дачѣ у такой же старушки, Фельдмаршалши Княгини Голицыной. Послѣ стола Марья Павловна пригласила меня сѣсть съ ней въ карету и доѣхать до города, 17 верстъ пути. Отказаться неучтиво, принужденъ согласиться. Я сѣлъ напротивъ, что совершенно мнѣ не по натурѣ, но учтивость того требовала. Петергофская дорога всегда освѣщалась яркими фонарями: при всякомъ сіяніи ихъ я вздрагивалъ, по тому что лицо Г-жи Нарышкиной представляло мнѣ ужаснѣйшую харю. Мудрено ли? Всѣ ея краски пропадали и стирались, оставалась одна престарѣлая голова, безъ волосъ и зубовъ, съ тьмочисленными на всемъ лицѣ морщинами. Я думалъ, что со мной вѣдьма сидитъ въ каретѣ, и невольно приходилъ въ содроганіе. Марья Павловна, удивляясь моимъ конвульсіямъ, спрашивала, отъ чего они происходятъ? Не было средства вывернуться хорошимъ комплиментомъ, а правду сказать невѣжливо. Какъ отдѣлаться? Отвѣтъ мой бывалъ: «Такъ!!!» Марья Павловна стала бояться и меня не меньше дороги, подозрѣвая, что я подверженъ епилепсіи; только мы взаимно очень не ловко путешествовали. Натура наконецъ послѣднюю свою проказу приготовила. Я плотно поужиналъ и, сидя долго напротивъ, сталъ чувствовать тошноту. Не куда дѣваться, нечего дѣлать. Часъ отъ часу хуже, часъ отъ часу я блѣднѣе, взволновался желудокъ, и еще мы далеко не доѣхали до города, какъ меня приняло рвать. Что я ни съѣлъ у Голицыной, все выложилъ на платье Г-жи Нарышкиной, которая въ страшномъ замѣшательствѣ металась изъ стороны въ сторону въ каретѣ, балансируя всячески, и бранила меня съ яростью, но мнѣ уже было не до нея и не до извиненія, а самому до себя. И такъ повторивъ, доколѣ мѣшокъ желудочной истощился, раза три ту жь забаву, я осквернилъ всѣ богатыя и щеголеватыя ея утвари съ ногъ до головы совсѣмъ иначе, нежели она, садясь со мной въ карету, могла, можетъ быть, ожидать того отъ мальчика въ 20 лѣтъ. Кое какъ дотащились мы до ея дома, и слуги ея не безъ ужаса осмотрѣли свою барыню, выходящую изъ колымаги съ полнымъ грузомъ во всѣмъ складкахъ

ея платья моего неумѣреннаго аппетита. Всякое извиненіе было бы не къ стати. Я выскочилъ изъ ея экипажа, бросился въ мой, и съ большой головной болью легъ въ постель. Долго послѣ того я не смѣлъ нигдѣ встрѣтиться съ ней; послѣ все это обошлось. Она извинила мою физику, но была осторожнѣе, и уже не предлагала мнѣ провожать ее домой, о чемъ я, съ моей стороны, признаюсь, и не сожалѣлъ. До сихъ поръ мнѣ этотъ случай смѣшонъ, и я не излишнимъ счелъ сообщить его моимъ читателямъ. Пусть похохочутъ и за улыбку свою скажутъ мнѣ спасибо!

ВЕРЕВКИНЪ.

24. Сверстникъ мой, бѣдной Дворянинъ, котораго отецъ мой содержалъ въ своемъ домѣ, для сотоварищества со мной; мы росли и воспитывались вмѣстѣ. Однажды играя съ нимъ въ мячъ, мнѣ случилось попасть ему онымъ прямо въ високъ такъ сильно, что онъ чуть не упалъ: весь день тотъ у него болѣла голова. Я вообразилъ, что онъ умретъ, что я убійца, и это меня такъ испугало, что я никогда не могъ забыть несчастной моей рѣзвости, но ему ничего худого отъ нея не произошло. Онъ, окончивъ свои науки со мной въ нашемъ домѣ, вышелъ изъ онаго, и съ тѣхъ поръ мнѣ уже не довелось ни встрѣтиться съ нимъ гдѣ ни будь, ни слышать что либо о судьбѣ его. Такъ прерываются связи нашихъ юныхъ лѣтъ! Время всѣ узлы ослабляетъ и уничтожаетъ.

ЛУБЯНОВСКОЙ.

25. Сегодня я получилъ Орденъ Св. Анны 1-й степени. Не хочу никому иному воздать за то моей признательности, кромѣ Г-на Лубяновскаго.

Ѳедоръ Петровичъ нынѣ Губернаторомъ въ Пензѣ. Я съ нимъ сошелся знакомствомъ, когда онъ былъ Производителемъ дѣлъ при Графѣ Кочубеѣ, во время его Министерства. Онъ оказалъ мнѣ самую важную услугу въ критическую минуту, которой я никогда не забуду. Въ то время, какъ по доносамъ, въ истребленіи лѣсовъ по Тамбовской и Владимирской Губерніямъ наряженъ былъ отъ Князя Куракина чиновникъ 4-го класса, Г-нъ Арсеньевъ, производить изслѣдованіе, я былъ отпущенъ, при концѣ того слѣдствія, для личныхъ о немъ объясненій, въ Петербургъ, и явился къ Министру, Князю Куракину. Тутъ, по старому со мной

знакомству, Лубяновской принялся за мои дѣла, обработывалъ ихъ съ крайнимъ прилежаніемъ и доброхотствомъ, видался со мной безъ затрудненія, выслушивалъ меня терпѣливо, соединенными со мной силами опровергалъ, въ докладныхъ своихъ запискахъ, вздорные рапорты Арсеньева, которыхъ открывши всю неосновательность Министру, побудилъ его искать средствъ удовлетворить меня за нанесенныя мнѣ разныя отъ Арсеньева обиды и оградить противъ дальнѣйшихъ его ухищреній. Сіе слѣдствіе обратилось въ мою пользу такъ выгодно, что мнѣ пожалована Анненская лента, къ полученію которой, откровенно скажу, способствовали мнѣ усердіе и дѣятельность Г-на Лубяновскаго болѣе, нежели протекція Салтыкова, которой прашивалъ тогда Министра обо мнѣ, когда зналъ, что Министръ самъ готовъ что ни будь сдѣлать болѣе, нежели ходатайствовалъ мнимой протекторъ, да и самъ Князь Куракинъ не рѣшился бы вступиться за меня, естьли бъ обработанныя Лубяновскимъ бумаги не показали ему, что онъ будетъ крайне несправедливъ, когда, выдавъ меня, такъ сказать, на жертву Арсеньеву, по пустымъ наклепамъ, дастъ ему и силу меня неповинно задавить. И такъ, хотя Князь Куракинъ, какъ Министръ, представившій меня къ ордену, и имѣетъ нѣкоторое право на мою признательность, но мнѣ пріятно здѣсь откровенно исповѣдать, что я ей гораздо болѣе одолженъ трудамъ и благорасположенію ко мнѣ Г-на Лубяновскаго, котораго по тому во всю жизнь мою помнить буду съ пріязнью. Впрочемъ, состоянія наши и образъ жизни такъ различны, что мы оба, въ Москвѣ живучи, очень рѣдко видались, и ко всему сказанному я добавить долженъ, что Өедоръ Петровичъ, дѣлавши мнѣ добро, ничѣмъ, кромѣ пріязни моей, не былъ никогда заплаченъ, и тѣмъ сильнѣе я обязанъ ему быть на всегда благодарнымъ и уважать благородныя свойства его сердца.

КАРЯКИНА.

26. День имянинъ меньшой дочери моей, которую я потерялъ на 20-мъ году ея жизни. Не неприличнымъ считаю подъ симъ числомъ выставить имя дѣвушки, со всѣмъ намъ посторонней, оказавшей дочери моей разныя пріятныя услуги, безъ всякаго инаго за нихъ вознагражденія, кромѣ ласки нашей, которой статья сія назначена быть новымъ свидѣтельствомъ.

Она живетъ до нынѣ въ домѣ Князя Юрія Владимировича, при Княгинѣ Горчаковой и, не имѣя никакого сама по себѣ состоя-

нія, пользуется ея содержаніемъ. Я воспоминаю въ ней хорошую пріятельницу меньшой моей дочери. Она занималась часто ея нарядами и разными бездѣлками вкуса, когда та выѣжжать начинала въ большой свѣтъ; оплакала потомъ смерть ея живѣйшими слезами, и я на память подарилъ ей кораллы меньшой моей дочери, которыхъ Карякина не снимаетъ, воспоминая ежедневно милую мою Евгешу, а я не забуду никогда и той, которая столь многими по возрасту ея услугами старалась изъ одной чистой пріязни угождать ей, и тѣмъ купила мое сердце.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

27. Графъ Николай Петровичъ. Родъ и племя его напоминаютъ мнѣ такія плачевныя событія, которыя всегда меня выводятъ изъ спокойнаго положенія. Въ исторіи моей описано пространно, какъ отецъ его лишилъ мать отца моего, а его сестру родную, всякаго достоянія законнаго, отнявъ у дома нашего до 4000 душъ. Здѣсь о семъ ни вспоминать, ни говорить, не хочу. Въ сочиненіяхъ моихъ есть піеса подъ названіемъ: «Торжество совѣсти,» въ которой я описалъ сіе фамильное происшествіе иносказательно. Графъ Николай Петровичъ самъ былъ человѣкъ низкой, скупой, тщеславной, и во всѣхъ отношеніяхъ пустой. Настоящій Сатрапъ, болѣе ничего. Онъ любилъ оперу, и у него свои люди ихъ играли, что водилось и при отцѣ его. Наслѣдственной вкусъ! Когда мы пріѣхали съ первой женой моей въ Москву, въ отпускъ изъ Питера, зимой, послѣ того какъ жена моя удачно сыграла тамъ Нину, Графу захотѣлось, чтобъ мы эту оперу сыграли у него, дабы любимая его пѣвица, на которой онъ послѣ женился, Параша, наглядѣлась на игру жены моей и заняла бы ея искуства. Онъ тогда всячески ходилъ за нами, чтобъ мы его этимъ одолжили; батюшкѣ хотѣлось видѣть, какъ жена играетъ; другого случая не было. Желая сдѣлать ему угодное, мы рѣшились оказать это снисхожденіе Графу, и собрались у него на театрѣ сыграть Нину; но дабы быть въ этомъ дѣлѣ совершенными хозяевами и уничтожить всякое подозрѣніе, что мы, изъ раболѣпнаго угожденія этому Крезу, его тѣшимъ, мы постановили съ нимъ условіе, что роли раздадимъ сами тѣмъ, кому пожелаемъ, не заимствуя никого изъ тѣхъ, коихъ онъ сбирался предложить, и двѣ трети билетовъ будутъ наши, а одна его, но и изъ тѣхъ онъ не властенъ былъ отдать ни одного безъ нашего

свѣдѣнія. Такимъ образомъ, удержавъ за собой полное господство на его театрѣ, мы назначили репетиціи, во время которыхъ онъ самъ, сидя за фортепіаномъ, управлялъ оркестромъ. Наша труппа составлена была изъ нашего семейства: играли жена и сестра моя меньшая, я, Рукинъ и Яковлевъ. Хоры составлялись изъ Графскихъ пѣвчихъ. Назначено дать Нину на Масляницѣ, но вдругъ представляется новое и важное искушеніе: пріѣжжаетъ въ Москву Князь Потемкинъ. Шереметевъ, какъ первый богачъ въ Государствѣ, обязанъ дать ему праздникъ. Онъ уже готовъ былъ поподчивать его нашимъ зрѣлищемъ, но я имѣлъ уважительныя причины не согласиться на это, и одержалъ побѣду. Сколько ни боролся самъ съ собой Графъ Шереметевъ, но принужденъ былъ не только не дать этого праздника Потемкину, но даже и билета не могъ ему поднести. Въ самый день заговѣнья мы сыграли нашу оперу, и, не смотря на то, что для Потемкина былъ огромный балъ въ Благородномъ Собраніи; не смотря на то, что этотъ балъ былъ послѣдній зимній съѣздъ Дворянства, театръ Графской, помѣщавшій до полутораста зрителей, былъ наполненъ лучшими людьми въ городѣ: ни одного мѣста пустого не было, и Графъ самъ правилъ музыкой. Опера представлена съ большимъ успѣхомъ; всѣ отъ жены моей были въ восхищеньи, а я радовался болѣе всего тому, что приносилъ сію жертву преданности отцу моему, котораго, любя чрезвычайно, хотѣлъ потѣшить, во что бы ни стало моему самолюбію, и признаюсь, что мнѣ очень было тяжело у Графа на театрѣ играть комедію; ибо я, кромѣ отвращенія и презрѣнія, ничего къ нему не питалъ во всю жизнь его.

МАНСУРОВА.

28. Катерина Александровна. Бѣдная дворянка, прославившаяся своей красотой, которая доставила ей блистательнѣйшую фортуну; ибо она, не имѣя никакого состоянія, попала замужъ за богатаго Князя Трубецкого, и весь вѣкъ свой до нынѣ проводитъ въ изобиліи и довольствѣ. Ихъ было нѣсколько сестеръ при старушкѣ вдовѣ, домъ ихъ былъ очень бѣденъ. Я съ ними ознакомился у Молчановыхъ, посѣщая ихъ каждой день; тамъ по часту бывали пирушки; будучи Офицеромъ гвардіи тогда, я волочился за Катериной Мансуровой, танцовывалъ съ ней безпрестанно, но скоро знакомство наше юношеское прекратилось. Потомъ она, сдѣлавшись богатой дамой и Московской жительницей, имѣла

у себя въ домѣ благородной спектакль, въ которой я попалъ, и неоднократно игралъ у нихъ въ домѣ: театръ былъ очень хорошъ, лучшіе люди въ городѣ къ нимъ съѣжжались. Балы и вечера опять меня съ ней сблизили, но уже прелести ея измѣнились, и мое стремленіе къ ней было тише; я продолжалъ это знакомство не для нея собственно, а для забавъ и удовольствій, которыми я у нея наслаждался нѣсколько лѣтъ безъ малѣйшаго возмущенія. Изъ всѣхъ представленій, кои тамъ даны были, удачнѣе всѣхъ шла комедія «Le bon ton,» въ которой успѣхи мои до нынѣ мнѣ памятны, а, вмѣстѣ съ ними, воспоминая мѣсто славы моей, не могу забыть и виновницы многихъ моихъ удовольствій, Катерины Александровны Мансуровой, въ честь коей помѣщается имя ея въ семъ спискѣ моихъ сердечныхъ обывателей. Нынѣ она стала стара; дѣти заступили ея мѣсто. Домъ ихъ не такъ пышно содержится, и знакомства моего съ ними въ поминѣ нѣтъ.

РЖЕВСКОЙ.

29. День знаменитаго побоища, на которомъ я былъ секундантомъ. Вспомнимъ рыцаря такого незабвеннаго сраженія или единоборства.

Григорій Павловичъ, сынъ брата роднаго моего дяди, Степана Матвѣевича, слѣдовательно, мы находились въ самомъ ближнемъ сватовствѣ. Мы были сверстники, однихъ почти лѣтъ, и очень дружны въ ребячествѣ, какъ обыкновенно это вездѣ бываетъ. Онъ зналъ мои амуры, а я его, и мы другъ другу помогали. Въ домѣ Ржевскаго ежедневно видались; мы думали, что связи нашей на будетъ конца; но едва разстались, какъ уже и не сходились нигдѣ; мы служили сперва въ гвардіи въ одномъ полку: онъ былъ Сержантъ, а я Офицеръ. Во время караула и дежурства, не смотря на пріязнь, я поднималъ носокъ передъ нимъ, и послѣ вмѣстѣ хохотали надъ моимъ донкихотствомъ. Долгое время мы обитали въ одномъ домѣ въ полку, когда я еще былъ холостъ; живучи въ Питерѣ, мы вмѣстѣ играли комедіи у Бороздиной (см. лит. Б), и тутъ-то, по случаю ссоры между Ржевскимъ и Даниловымъ, нашего же полку Унтеръ-Офицеромъ, я принужденъ былъ выѣзжать секундантомъ съ его стороны, Молчановъ былъ съ другой. Драка продолжалась съ четверть часа, бились рыцари на шпагахъ. Ржевскаго ранили въ руку, но, слава Богу, рана зажила недѣль въ шесть безъ опасныхъ послѣдствій и, къ

крайнему счастью нашему, сошла съ рукъ имъ и намъ благополучно. Тогда подобныя проказы наказывались, и довольно строго. Я не могъ отказаться отъ сей услуги Ржевскому, не смотря на всѣ ея опасности, по тому что въ близкомъ былъ съ нимъ свойствѣ, да и жили вмѣстѣ. Послѣ этого поединка и театровъ Бороздиной, гдѣ настоящій былъ волканъ всякихъ происшествій, я разстался съ Ржевскимъ, и не имѣлъ уже случая иначе съ нимъ видѣться, какъ нечаянно и по встрѣчѣ. Мы живали въ разныхъ мѣстахъ, видались рѣдко, и такъ теперь охолодѣли взаимно одинъ къ другому, что и признаковъ не осталось старой нашей свычки. Болѣе всего я люблю напоминать теперь нашъ образъ жизни полковой: оба мы были небогаты, и не могли большихъ дѣлать издержекъ; слѣдовательно, хозяйство наше не блистательно; доводилось иногда пріѣжжать домой ночевать не ужинавши, а ѣсть хотѣлось; дома нечего, да и не на что готовить. Денегъ чистыхъ мало, но кредитъ всегда хорошъ. Мы у Итальянцевъ ходящихъ всегда могли брать въ долгъ прихотныя вещи, какъ то: помаду, духи, шоколадъ, горчицу Французскую: одна она годилась къ столовой приправѣ. И такъ, когда бывало пройметъ насъ голодъ, мы велимъ, какъ водится, собрать на столъ, разложить салфетки, подадутъ два прибора, и поставятъ намъ банку горчицы, которую мы оба съ хлѣбомъ уберемъ до самого дна, и на завтра передъ своей братіей безбожно хвастаемъ, что мы ужинали у себя, полѣнясь ѣхать въ гости. Все мило, что о молодости ни вспомнишь, даже и до столь глупаго фанфаронства.

ГОРЧАКОВЪ.

30. День имянинъ сына моего, Князя Александра, обязаннаго избавленіемъ своимъ отъ тяжкой участи тому лицу, которое по сей причинѣ въ настоящій день привожу себѣ на память.

Князь Алексѣй Ивановичъ, Военный Министръ и зять Князя Юрія Владимировича Долгорукаго. Благодѣяніе, оказанное сыну моему, Алаксандру, заслуживаетъ незабвенную и безпредѣльную благодарность. Когда сынъ мой, надѣлавши всякихъ шалостей въ ополченіи, былъ безъ службы и состоянія, Князь Горчаковъ призрѣлъ его, опредѣлилъ съ выгодами въ полкъ, и отправилъ къ оному на казенный коштъ. Сынъ мой, будучи до крайности вѣтренъ, надѣлалъ новыхъ проказъ такого рода, что подвергался суду и всѣмъ его ужаснымъ послѣдствіямъ. Князь Горчаковъ и тогда

возобновилъ свое покровительство, скрылъ его проказы, выходилъ ему благородную отставку и, такъ сказать, вытащилъ его изъ бѣдственнѣйшей пропасти. Пусть все сіе сдѣлано изъ уваженія къ Князю Долгорукому, который все семейство мое протежировалъ, и зять угождалъ тестю, но меньше ли я отъ того, какъ отецъ, обязанъ почитать Князя Горчакова благодѣтелемъ моего сына, слѣдовательно, и моимъ? Относя все сіе наиболѣе къ Князю Юрію Владимировичу, не хочу отнять у Горчакова ни чести его подвига, ни моей признательности.

ПРИКЛОНСКАЯ.

31. Анна Дмитріевна. Не стану говорить ни объ умѣ ея (она имѣла его достаточно), ни о характерѣ (онъ былъ живъ и веселъ), ни о воображеніи, всегда романическомъ, съ примѣсью меланхоліи. Остановимся на однихъ глазахъ. Боже мой! Какія очи! Какой небесный взоръ! Я нигдѣ не встрѣчалъ подобнаго, я влюблялся въ него всегда, когда онъ съ моимъ сообщался. Впрочемъ, я мало былъ знакомъ съ ней, но видалъ ее часто и всегда искалъ съ ней случая быть въ ея обществѣ, для того только, чтобъ смотрѣть ей въ глаза. Она по себѣ была Измайлова, и выдана замужъ за пострѣла Приклонскаго, который теперь разжалованъ въ солдаты, а она состарѣлась и съ сиротами своими бѣдствуетъ. Лучше вспомнить, говоря объ ней, отдаленное время. Я часто съѣжжался съ ней на пирушкахъ у Волынскаго, на Трехъ Горахъ: тамъ у него была дача и житье самое привольное. Я писалъ о немъ въ стихахъ подъ названіемъ: «Прогулка на Трехъ Горахъ.» Они напечатаны. Приклонская была въ домѣ его дружна, и посѣщала ихъ безпрестанно, тогда какъ она, будучи въ раздорѣ съ мужемъ, жила съ нимъ розно, сама по себѣ. Случилось въ одинъ вечеръ, что мужъ ея встрѣтился съ ней въ этомъ домѣ въ числѣ гостей. Хозяйка хотѣла всячески ихъ примирить, но Анна Дмитріевна и слышать о томъ не хотѣла. Хозяева устроили такъ свой заговоръ, что Анна Дмитріевна поставлена была въ необходимость ѣхать съ мужемъ своимъ вмѣстѣ до своей квартиры, дабы его отвезти къ нему, по тому что на ту пору будто бы у него не случилось экипажа. Какъ мужу отказать въ правѣ сѣсть съ женой въ одну карету? Но Анна Дмитріевна, желая избѣжать всякой нечаянности, зазвала и меня для компаніи, чтобъ изъ этого сдѣлать ночную прогулку, а ночь лѣтомъ, особливо послѣ вечеровой пи-

рушки, одна минута; и такъ мы всѣ трое, почти на разсвѣтѣ, поѣхали другъ друга завозить по разнымъ домамъ. Я никогда не забуду этой смѣшной и веселой проказы. Хитрость мужнина не удалась, жена осмѣивала его въ каретѣ поминутно; я наслаждался глядѣніемъ ей въ глаза, и что мигнетъ она, то я въ восторгѣ, а мужъ въ досадѣ. Забавное соединеніе! Можно ли не вспомнить во всякое время жизни такія сумасбродныя минуты молодости? Какъ ни умничай, человѣкъ созданъ такъ, что онъ безъ обольщенія чувствъ и дурачества никогда вполнѣ счастливъ не будетъ. Сохранимъ высокія качества души для Неба, а въ мірѣ чтобъ выносить всю тягость жизни старой, хворой, иногда и горестной, надобно вспомнить заблужденія юношества, чтобъ надъ самимъ собой съ удовольствіемъ посмѣяться и отогнать хоть на минуту настоящую скорбь скучной старости. Съ такимъ точно намѣреніемъ я здѣсь теперь болтаю о дачѣ Волынскаго, и Трехъ Горахъ, и вообразилъ живо безподобные глаза Анны Дмитріевны Приклонской, которой желаю также какими ни будь своими воспоминаніями облегчить ужаснѣйшее бремя настоящей ея жизни.

СЕНТЯБРЬ.

УШАКОВА.

1. Молодая дѣвушка, которой я и назвать не умѣю, не бывши съ ней никогда знакомъ. Странный случай заставилъ меня помнить объ ней. Помолвивъ при Дворѣ на Смирной, и участвуя въ веселыхъ и рѣзвыхъ обществахъ по загороднымъ дворцамъ Ихъ Высочествъ, я чуть чуть не попалъ, по милости этой Ушаковой, въ самую непріятную сплетню, которая могла подѣйствовать на мое счастіе, отнявъ у меня Евгенію. Какъ то случилось однажды, послѣ очень веселой и игривой вечеринки въ Павловскѣ, что Гофъ-Фурьеръ нашелъ на полу потерянной маленькой дамской портфель: въ немъ нашли записочку и мой силуетъ. Гофъ-Фурьеръ тотчасъ заявилъ о сей пропажѣ, хозяйка нашлась, но на счетъ силуета моего пошли порядочные и забавные толки, которые не послужили бы къ чести моей, тогда какъ я искалъ руки дѣвицы Смирной и, будучи уже почти гласно женихомъ ея, затѣвалъ поволочиться за другой. Долго я безпокоился, не зная, какъ объяснится эта странность; наконецъ открылась проказа барышни. За ней волочился одинъ придворный кавалеръ: ей хотѣлось возбудить въ немъ ревность, и она не нашла лучшаго средства, какъ, нарисовавъ меня, умышленно бросить свою книжку, съ тѣмъ, чтобъ онъ, найдя ее, жарче воспламенился и не мучилъ ее длиннымъ ожиданіемъ его признанья: вмѣсто его попалась книжка къ Гофъ-Фурьеру, и чуть чуть не надѣлала мнѣ хлопотъ, которыя бы совершено разстроили все счастье моей жизни, поссоря меня съ Евгеніей, и лиша удовольствія владѣть ею. Бываютъ со всѣми забавныя приключенія, но такихъ, какое случилось со мной, почти никто другой не испыталъ въ своей жизни.

ЛАВРЕНТІЙ.

2. Въ этотъ день Французы ворвались въ Москву, захватили и мой домъ, наровнѣ съ прочими, но, благостію Бога, онъ спасся отъ огня, и люди, въ немъ остававшіеся, отъ меча вражія. Честь и хвала воспоминаемому служителю!

Лаврентій, вольной и препьяной человѣкъ, которому, однако, я очень много обязанъ при выѣздѣ нашемъ изъ Москвы и по всту-

плѣнія въ оную непріятеля. Лаврентій, будучи у меня въ услугѣ, оставался въ моемъ домѣ безъ всякаго порученія. Могъ ли я вообразить, что онъ отстоитъ и сохранитъ мой домъ? Однако такъ случилось. Ко мнѣ поставлены были два Генерала. Лаврентій сдѣлался у нихъ и слуга и шутъ, съ солдатами вмѣстѣ пилъ и гулялъ, а съ начальниками приблаживалъ, и такъ имъ понравился, что онъ былъ у нихъ дворецкимъ и распорядителемъ ихъ увеселеній; сперва его били, и даже ранили одинъ разъ, а потомъ уже онъ могъ другихъ протежировать. Онъ служилъ при столѣ господъ Генераловъ, прибиралъ трупы солдатъ, которыхъ они разстрѣливали, таскалъ къ нимъ, вмѣстѣ съ ихъ деньщиками, всякую добычу, при чемъ, вѣроятно, не забывалъ и себя, но при всемъ томъ, когда загорѣлось въ моемъ домѣ, онъ просилъ ихъ, чтобъ они помогли его отстоять, и Генералы велѣли солдатамъ работать. Домъ мой такимъ образомъ спасся отъ всеобщаго пожара, и стѣны мои остались цѣлы. Важнѣе всѣхъ услугъ въ глазахъ моихъ было то, что Лаврентій успѣлъ изъ домовой церкви нашей вытащить антиминсъ, найденной имъ на полу, и спряталъ его до времени, а съ сохраненіемъ онаго я не лишился права послѣ возобновить престолъ свой. За всѣ сіи подвиги, которыхъ трезвой слуга, можетъ быть, мнѣ и не оказалъ бы, я положилъ ему 10 руб. ежемѣсячной пенсіи, которую онъ получаетъ аккуратно, и далъ ему свободу жить и служить, гдѣ хочетъ; ибо пьяной человѣкъ можетъ иногда быть очень полезенъ, но за то тысячу разъ въ другихъ случаяхъ опасенъ и даже вреденъ: сіе заключеніе, однако, не освобождаетъ меня отъ признательности, которой, доколѣ я проживу, назначенной отъ меня пенсіонъ пребудетъ залогомъ и прочнымъ для него доказательствомъ.

ГУСТАВЪ.

3. Нѣкогда въ этотъ день мы воротились изъ Финляндскаго похода. И такъ сегодняшняя страница принадлежитъ тому, кто войнѣ сей былъ причиной.

Густавъ Король Шведской, противъ котораго вела войну Екатерина съ 1787 года по 1790 годъ. Я былъ наряженъ въ походъ въ послѣднюю кампанію, и дождался въ Финляндіи мира. При торжествѣ онаго удалось мнѣ быть лично въ лагерѣ Короля; тамъ я его увидѣлъ во всемъ сіяніи и славѣ: онъ былъ Донкихотъ не изъ послѣднихъ, но умница и сладкоглаголивой человѣкъ.

Я видѣлъ его молящагося предъ войсками на колѣняхъ, подъ сводомъ небесъ, при пѣніи торжественнаго молебна по его закону. Я слышалъ рѣчь, имъ произнесенную подъ знаменами великаго своего предка, Густава, собранному воинству. Наконецъ я былъ приглашенъ въ ставку его на обѣдъ и вечернее пиршество, и тутъ удостоился его вниманія. Онъ изволилъ говорить со мной по Французски, и этой чести я во вѣки не забуду, по тому что въ тогдашнемъ моемъ возрастѣ говорить съ Королемъ не казалось еще бездѣлкой. Въ запискахъ той войны, писанныхъ мной, упоминая о семъ Самодержцѣ, я входилъ въ разныя подробности, а здѣсь помѣщаю только главныя черты моего къ нему отношенія.

МОЛОЖЕНИНОВЪ.

4. Иванъ Николаевичъ, отставной Полковникъ, человѣкъ холостой, не старой, но больной и отмѣнно угрюмой. Моралистъ жестокой: всякое слово нравственное—проповѣды! Я съ нимъ познакомился въ домѣ Князя Волконскаго, въ которомъ онъ взросъ, воспитанъ и жилъ почти безвыходно, хотя самъ по себѣ имѣлъ состояніе изрядное. Въ то время, какъ я былъ въ связи съ Княжной Варваной Петровной (см. лит. В), я его боялся, какъ царя и владыки, и вліяніе его на меня сильнѣе дѣйствовало, чѣмъ чье либо иное во всю жизнь мою. Я въ безпрестанной былъ работѣ, стараясь, чтобъ онъ не примѣтилъ моей интриги съ Княжной, и угождалъ ему, какъ рабъ господину своему, дабы пріобрѣсть его вниманіе, и тѣмъ усилить права мои быть короткимъ въ этомъ домѣ; ибо Моложениновъ былъ оракулъ всего семейства, и всякой, отъ хозяина до послѣдняго гостя, уважалъ его. Раскрывая здѣсь картину моего сердца во всей наготѣ его, я признаюсь, что онъ былъ причиной моего разрыва съ Волконской, и отъ него точно я не женился на ней. По нѣкоторомъ времени моего вдовства, продолжая любовную съ Княжной переписку и, согласно съ ней, предполагая, что мы, при первомъ удобномъ случаѣ, обвѣнчаемся, я получилъ отъ нея одно письмо, въ которомъ, между прочимъ, она, бесѣду я со мной о разныхъ подробностяхъ будущаго нашего соединенія, внушала мнѣ, что Моложениновъ, какъ человѣкъ порядочной, расчетливой, бережливой, словомъ совершеннѣйшій, можетъ жить въ нашемъ домѣ и управлять нашимъ хозяйствомъ. Я такъ испугался этого сухого, холоднаго и угрюмаго мизантропа, что тутъ же сталъ колебаться: дочь моя довершила

мою рѣшимость, и Княжна потеряла случай на всегда сдѣлаться моей супругой. Съ одной стороны будучи ревнивъ, я остерегался того преимущества, которымъ пользовался исключительно Моложениновъ въ домѣ Волконскихъ, и боялся скрытой страсти его къ Княжнѣ, такой же, какова была моя, съ другой, самолюбіе мое страдало: я боялся попасть къ нему подъ опеку и принужденнымъ быть дѣйствовать по его наставленію и произволу во всякомъ дѣлѣ; сіи два страха такъ овладѣли моимъ разсудкомъ, что я, при всей любви моей къ Княжнѣ, за мѣсяцъ, можетъ быть, только передъ тѣмъ, какъ надѣялся въ объятіяхъ ея увѣнчать давнишнюю мою къ ней склонность, охолодѣлъ вдругъ до того, что рѣшился, наруша, можно сказать, всѣ приличія, отказать, безъ всякой причины гласной, такой союзъ, на которой самъ вызвалъ со всей пылкостью взволнованной души. Вотъ въ какомъ я нашелся отношеніи съ Г. Моложениновымъ! Вотъ какъ онъ сильно подѣйствовалъ на судьбу мою! Я, переставши быть съ нимъ знакомъ, не могу, однако же, позабыть его до нынѣ, и вѣрно во всю жизнь мою эпоху связи моей съ нимъ, весьма, впрочемъ, побочной и принужденной, помнить буду. Какъ не сказать, воспоминая подобныя мятежи сердца человѣческаго, что оно есть бѣдное игралище страстей!

КУТАЙСОВЪ.

5. Нынѣ Графъ и Андреевской Кавалеръ. Я началъ знать его камердинеромъ при Наслѣдникѣ Престола. Онъ былъ изъ Турокъ; я помню, что онъ отворялъ мнѣ дверь въ кабинетъ Великаго Князя, когда я приходилъ просить Его Высочество окрестить перваго ребенка, и прежде еще, когда я приходилъ просить дозволенія жениться на Смирной. Во время нашихъ театровъ, онъ же нашивалъ на меня, и снималъ съ меня брильянты придворные, и я худо зналъ тогда, какъ его зовутъ, а теперь, встрѣчаясь съ нимъ, титулую его Сіятельствомъ, и на пирахъ онъ очень далеко отъ меня садится. О tempora! О mores! Впрочемъ, когда же этого и не бывало? Меньшиковъ торговалъ блинами! Разумовской пѣвалъ на клиросѣ! Сиверсъ былъ скороходомъ! По чему же и Кутайсову не быть Графомъ? Онъ и мастерски брилъ бороду Павлу. Это не бездѣлица. *

* Ум. 1834 г.

ОФРОСИМОВЪ.

6. Павелъ Аѳанасьевичъ. Не имѣя съ нимъ никакого особеннаго знакомства, или связи, я нашелся, по милости его, нѣкогда въ затруднительнѣйшемъ положеніи, изъ котораго Богъ меня вывелъ самымъ пріятнымъ образомъ для меня и выгоднымъ для него. Я былъ Губернаторомъ въ Володимерѣ. Вдругъ, однажды, является онъ ко мнѣ, прискакавши безъ памяти изъ Москвы, просить, чтобъ я избавилъ его отъ бѣды. Въ чемъ она состояла? Онъ, не имѣя никакого понятія о своихъ дѣлахъ, хотя былъ уже пожилыхъ лѣтъ человѣкъ и въ отставкѣ Генералъ-Маіоромъ, при продажѣ какого-то имѣнія своего въ Володимерской Губерніи, продалъ чужія пустоши, и попалъ въ самой жестокой процессъ съ помѣщикомъ тамошнимъ, Лифляндскаго происхожденія, которой, не любя шутить ни деньгами, ни собственностью, принялся за него очень круто. Надобно было старику помочь и вывести изъ этого лабиринта. Я принужденъ былъ помѣщика къ себѣ выписать, вошелъ съ нимъ въ переговоры, упросилъ помириться, бросить дѣло, и коекакъ, не безъ тягости и труда, успѣлъ кончить ихъ споръ такъ, что Офросимовъ, заплатя нѣкоторую сумму за свою неосторожность, возвратился покойно въ Москву. Кромѣ сего случая мнѣ не довелось нигдѣ имѣть съ Офросимовымъ ни встрѣчи, ни знакомства, да и послѣ отставки моей онъ довольно холодно со мной обошелся. Дѣло не новое между людьми въ большомъ свѣтѣ! За то сыновья его сугубо вознаградили меня, вмѣсто отца, поступками своими. Будучи мало знакомы со мной, они всѣ пріѣхали навѣстить насъ, когда дочь моя меньшая скончалась, и гробъ ея вынесли изъ дома на рукахъ своихъ. Я никогда этого не забуду, и во всю жизнь мою сохраню къ нимъ живѣйшую благодарность за сей опытъ благороднаго чувства и сострадапія ко мнѣ.

БАРКОВЪ.

7. Николай Александровичъ, сынъ крестный матери моей и пріятель мой въ юношескомъ возрастѣ: мы служили съ нимъ въ одномъ полку. Я былъ гвардіи Офицеромъ, а онъ Сержантомъ. Мнѣ всегда смѣшно вспомнить ребяческой анекдотъ, которому онъ подалъ причину: Мы стояли на караулѣ лѣтомъ въ пустомъ Зимнемъ дворцѣ, онъ старшимъ Сержантомъ, а я начальникомъ отряда. Мнѣ хотѣлось надъ нимъ почваниться своею властью, и я при-

дрался къ какой-то мелочи, осматривая часовыхъ, и поставилъ его въ бутку. Эта шутка не продолжалась пяти минутъ, но во всю жизнь нашу мы, при всякомъ свиданіи, напоминали эту проказу, и онъ мнѣ всегда говаривалъ: «Помнишь ли, какъ я у тебя сидѣлъ въ буткѣ?» Такіе дѣтскіе случаи живѣе возобновляются въ памяти нашей многихъ важныхъ происшествій зрѣлаго возраста. Мы съ нимъ потомъ были въ походѣ, и онъ недолго числился у меня въ ротѣ, а послѣ выбылъ въ другой батальонъ, слѣдовательно, съ дѣтскими нашими годами прекратились почти всѣ наши отношенія, и подъ старость осталось между нами одно шапочное знакомство.

ИГЕЛЬСТРОМЪ.

8. День, въ которой торжественно праздновалось при Дворѣ замиреніе съ Шведами. Виновникъ онаго приходитъ прежде всѣхъ на память.

Баронъ Осипъ Андреевичъ, извѣстной Генералъ Екатеринина времени. Въ Словарѣ моемъ нельзя его не помѣстить; ибо онъ былъ начальникомъ надъ войсками, кои вели войну со Шведами въ Финляндіи, въ 1790-мъ годѣ, въ которомъ и я былъ въ походѣ, слѣдовательно, находился подъ его командой. Я во все то время отличенъ былъ отъ многихъ хорошимъ его со мной обращеніемъ, при заключеніи мира, въ которомъ онъ тогда знаменито кончилъ возложенное на него дипломатическое посредничество. Я нѣсколько дней прожилъ въ его лагерѣ, былъ у него всякой день, и составлялъ съ прочими военную его свиту. По окончаніи войны имѣлъ случай неоднократно съ нимъ видѣться въ резиденціи, и послѣ, перемѣня службу, остался съ нимъ хорошо знакомъ: онъ всегда со мной обходился безъ надменности и даже очень ласково; а какъ подобные поступки не всегда бываютъ сродны большимъ Господамъ, то мнѣ тѣмъ лестнѣе было искать и сохранить его благорасположеніе, которымъ я безъ чванства могъ похвалиться до самаго предѣла его жизни.

ГОЛИЦЫНЪ.

9. Князь Борисъ Андреевичъ, Генералъ-Поручикъ, богатой человѣкъ, владѣющій значительнымъ имѣніемъ въ Володимірской Губерніи. Будучи начальникомъ оной, я имѣлъ случаи оказывать Князю разныя услуги, которыя были мнѣ заплачены непохваль-

ной со стороны его холодностью. Во время общихъ Россійскихъ ополченій противъ Наполеона, Владимірская Губернія, наровнѣ съ прочими, обязана была избрать своему войску Губернскаго Начальника; выбирать его должно было по баламъ. Я, силою довѣренности, которую ко мнѣ лучшіе Дворяне имѣли, наклонилъ выборъ въ пользу Князя Голицына, и былъ, конечно, орудіемъ его избранія. Званіе сіе льстило его самолюбію, но онъ скоро забылъ, что былъ онымъ обязанъ мнѣ, и когда я вышелъ въ отставку съ явнымъ негодованіемъ Государя, Князь Голицынъ оказалъ мнѣ самые ровнодушные поступки, и обходился со мной, какъ съ человѣкомъ едва ему знакомымъ. Естьли мнѣ пріятно въ этомъ собраніи имянъ человѣческихъ упоминать о тѣхъ людяхъ, кои получили права на всегдашнюю мою объ нихъ память, за чѣмъ же я умолчу и о тѣхъ, кои, столь же постоянной холодностью, ничего отъ меня не заслужили?

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

10. Великій Князь. Какъ еще онъ воспитывался подъ надзоромъ Ламсдорфа, я, будучи Губернаторомъ, имѣлъ счастіе нѣсколько разъ представляться Его Высочеству, и былъ удостоенъ благосклоннаго его пріема, но потомъ я уже не имѣлъ случая ни видѣть его, ни слышать его бесѣды, и прежнія краткія минуты свиданія моего съ нимъ остались въ памяти, какъ лестныя эпохи въ жизни, которыя должны на всегда сохранить мѣсто въ воспоминаніяхъ моихъ; ибо я принадлежу еще къ тому вѣку, въ которой новомодная философія не научила людей почитать пустымъ преимуществомъ честь приближаться къ порфиророднымъ отраслямъ своихъ Государей, да и племя Екатерины могло ли быть для Россіянина ея времени равнодушно?

МЯСОѢДОВЪ.

11. Николай Ефимовичъ, Сенаторъ. Отношенія мои съ симъ человѣкомъ были непродолжительны, но наполнены разными непріятными случаями, которымъ поводъ давалъ всегда лукавой его характеръ и особенной навыкъ къ интригамъ. Впрочемъ, онъ былъ ума неширокаго и совсѣмъ недѣловой человѣкъ, но пролазъ самой хитрой и удачной. Бываютъ люди очень простые, которые такъ хитро сведутъ интригу, что и самъ геній въ сѣти ихъ попадется; но лукавство не дѣлаетъ еще ума. Таковъ былъ Мясоѣдовъ:

вездѣ все вышныритъ, ко всѣмъ подъѣдетъ, всего въ пользу свою добьется, а дойдетъ ли до настоящаго Государственнаго дѣла, онъ строчки не умѣетъ написать, не смыслитъ резолюцію дать. Меня Богъ привелъ, по несчастію, съ нимъ служить: онъ былъ послѣ Нелидова Главнымъ Директоромъ Соляной Конторы, а я старшимъ по немъ Членомъ. Мы очень часто разбивались въ нашихъ сужденіяхъ, и по многимъ дѣламъ я входилъ противъ него въ голосъ. Натурально, что онъ не могъ на меня смотрѣть пріятными глазами. Вся Контора предъ нимъ раболѣпствовала, я одинъ стоялъ прямо, и не соглашался ни на что, противное моимъ понятіямъ и правиламъ. Главныя досады, которыя онъ успѣлъ мнѣ сдѣлать, и изъ коихъ открылся его злобной и мстительной характеръ, состояли въ слѣдующихъ поступкахъ: Нужно ему было, по дѣламъ службы, откомандировать Чиновника счесть Соляные заводы въ Перми. Они такъ были запутаны, что Коммисія сія могла продолжиться безъ успѣха до нѣсколькихъ лѣтъ. Самое непріятное порученіе! Это было во время Павла I-го. Насъ, Членовъ, въ разныхъ классахъ считалось 7 человѣкъ, я старшій и Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ. Всѣ мы были на лицо. Ему вздумалось меня туда послать, имянно съ тѣмъ, чтобъ удалить меня на долго отъ Конторы, и дѣлать въ оной все, что ему вздумается, лишась послѣдняго сопротивника; естьли же отговорюсь я отъ сей поѣздки, то справедливое получалъ право выставить меня Правительству, какъ ослушника, дабы, силой извѣстнаго ему худаго расположенія ко мнѣ Императора Павла, выгнать меня изъ Конторы, и лишиться тяжкой противъ себя оппозиціи въ оной. Замыселъ былъ не худъ, мое положеніе очень тѣсно, бросить жену хворую, кучу дѣтей, мать престарѣлую, для которой я не согласился ѣхать служить въ Петербургъ, и удалиться въ Сибирь на нѣсколько лѣтъ по пустякамъ (что само время доказало), изъ одного каприза Директора, непріятно. Я всѣ настроилъ противъ него свои пружины такъ, что онъ наконецъ согласился послать Надворнаго Совѣтника, которой прожилъ тамъ три года, запутался было самъ, и коекакъ воротился назадъ. Съ этого времени мы стали съ Мясоѣдовымъ, какъ говорятъ Французы, à couteaux tirés, т. е., на ножахъ. Я ему не уступалъ ни по булату. Довелась необходимость отправить Члена въ Саратовъ распутать тамошнія Соляныя операціи, которыя самъ Мясоѣдовъ испортилъ глупыми своими распоряженіями. Тутъ я самъ попросился туда ѣхать. Мясоѣдовъ смѣкнулъ, что мой взоръ для него тамъ будетъ

невыгоденъ, и самъ споря противъ себя, тѣми же резонами отклонялъ мое отправленіе въ Саратовъ, которымъ не хотѣлось дать вѣсу, когда я оныя противоставилъ опредѣленію, составленному имъ не за долго предъ тѣмъ, нарядить меня въ Пермь. Въ такомъ враждебномъ состояніи служилъ я года три, и всякое утро принужденъ былъ съ нимъ видѣться, рѣдкое свиданіе проходило безъ размолвки. Однажды, желая меня чувствительно огорчить, онъ отрѣшилъ шурина моего, Смирнова, которой служилъ Членомъ въ Нижегородской Соляной Конторѣ, и чтобъ показать во всей красѣ его злобу, скажу, что онъ протоколъ объ отрѣшеніи его велѣлъ въ слухъ при мнѣ прочесть, тогда какъ онъ могъ бы сдѣлать свое дѣло, но, щадя своего товарища, не раздражать его такимъ публичнымъ и наглымъ образомъ. Со всѣмъ съ этимъ будучи иногда до крайности высокомѣренъ, бывалъ и подлъ до низости, пресмыкающимся животнымъ, когда дѣло шло о его пользѣ собственной. Обыкновенное свойство подобныхъ людей. Ему раза два нужно было мое перо, для отдѣлки такихъ бумагъ, которыхъ онъ не умѣлъ самъ сладить, и тогда онъ вился около меня ужомъ и жабой. Во все время моей съ нимъ службы онъ не доставилъ мнѣ никакой награды, но, не смѣя обойти меня представленіемъ, не рекомендовалъ, пока я былъ въ Соляной Конторѣ, никого изъ Членовъ, никто ничего не получилъ; напротивъ, меня и Волконскаго, въ общемъ производствѣ, обошли чиномъ Тайнаго Совѣтника, и онъ, мнимо соболѣзнуя о томъ, коварно взялся вступиться за насъ, писалъ холодныя письма для виду и, разумѣется, ничего не произвелъ въ нашу пользу. Наконецъ, сама судьба какъто разлучила меня съ нимъ: я попалъ въ Губернаторы въ Володимеръ, и тотчасъ послѣ меня онъ всѣхъ Членовъ рекомендовалъ, и всѣ получили знаки отличія, кромѣ меня, и въ то же время онъ въ самомъ ласковомъ письмѣ, привѣтствовалъ меня съ Губернаторскимъ мѣстомъ; но я благодарилъ Бога ежедневно, что вырвался изъ проклятой Соляной Конторы; потомъ по всѣмъ моимъ дѣламъ въ Сенатѣ Мясоѣдовъ явился сильнымъ мнѣ недоброжелателемъ, и сіи послѣдніе опыты злобы сдѣлали его мнѣ столько ненавистнымъ, что я безъ отвращенія ни встрѣчаться съ нимъ, ни помышлять о немъ, не могу. Онъ много во мнѣ крови испортилъ. Я радъ, когда могу забыть всѣ мои съ нимъ отношенія, и кажется, поелику онъ также теперь въ отставкѣ, брошенъ и забытъ всѣми, намъ не доведется другъ съ другомъ имѣть никакого дѣла, да и дай Богъ!!!

ЛАФЕРМЬЕРЪ.

12. Иностранецъ Швейцарской націи (Lafermière). Я его узналъ при Дворѣ Великаго Князя, при которомъ онъ находился чтецомъ, и занималъ его въ досужные пополуденные часы Словесностію. Онъ сочинилъ для благороднаго театра Ихъ Высочествъ двѣ оперы, одну подъ названіемъ: «Lefaucon,» а другую: «Don Carlos,» которыя съ успѣхомъ и всей возможной пышностью въ одѣяніяхъ и декораціяхъ были нами разыграны въ Павловскѣ, и на Каменномъ Острову; я въ первой игралъ Доктора, а въ послѣдней Отца, и былъ одѣтъ во всѣ брильянты Великаго Князя. Сей иноземецъ былъ хорошо ко мнѣ расположенъ, и я часто съ нимъ бесѣдовалъ. Потомъ онъ жилъ въ Володимірской Губерніи, у Графа Алексѣя Романовича Воронцова, гдѣ и умеръ, и схороненъ на монастырѣ или въ оградѣ сельскаго храма, и надъ гробомъ его воздвигнутъ Графомъ прекрасной памятникъ. Я никогда не забуду пріятныхъ часовъ, которые дѣлилъ у Двора въ обществѣ съ Лафермьеромъ, и, очень долго спустя послѣ свиданій моихъ съ нимъ, пріѣхавши въ деревню Графа Воронцова, уже по смерти того и другого, я какъ очарованъ былъ, войдя въ комнату, обитаемую иностранцемъ. Тамъ я нашелъ портреты многихъ лицъ, коихъ онъ зналъ у Двора въ ближайшемъ кругу Великаго Князя. Всѣ они были очень похожи; всѣ такъ живо представили мнѣ золотые дни моей цвѣтущей молодости, что я заплакалъ отъ сильнаго вліянія событій прошедшихъ на настоящее мое тогдашнее положеніе. Всѣ бы чины свои отдалъ за то, чтобъ быть тѣмъ Офицеромъ гвардіи, которому было весело, которой былъ счастливъ и не умѣлъ ничего пожелать, кромѣ чистѣйшихъ удовольствій сердца. Имя Лафермьера всегда тѣ же возбудитъ во мнѣ ощущенія, и довольно было ему принадлежать тому Двору, при которомъ взлелѣяна была Евгенія, имъ любимая съ нѣжностію, довольно, чтобъ я никогда не забылъ объ немъ и сохранилъ ему право на мою память и уваженіе.

ПРОКУДИНА.

13. Ѳеоктиста Даниловна, женщина прекраснѣйшая собой, супруга оглашеннаго плута: я за ней волочился цѣлую недѣлю. Вотъ мое съ ней похожденіе: Назначенъ будучи въ Вице-Губернаторы въ Пензу, я долженъ былъ, ѣхавши туда, завернуть въ

Нижній и явиться къ нашему Генералъ-Губернатору, Ребиндеру, которой правилъ обѣими Губерніями. Мнѣ было 27 лѣтъ, отъ роду въ провинціи не живалъ. Ребиндеръ надо мной сжалился и, будучи очень добръ, позволилъ мнѣ въ Нижнемъ прожить недѣлю, дабы, въ этомъ веселомъ городѣ, сколько ни будь познакомиться съ Губернскимъ родомъ жизни. Подлинно въ Нижнемъ тогда было очень весело: и театръ, и балы, и вечера, и обѣды. Я во всю недѣлю не имѣлъ времени вздохнуть о Московскихъ забавахъ, хотя очень не за долго слезно разставался съ ними. Ѳеоктиста Даниловна обворожала всю тамошнюю публику своими прелестьми, мужъ ея служилъ Директоромъ Економіи и держалъ открытой домъ на самой пышной ногѣ богатаго вельможи. У него была домовая церковь пребогатая; эрмитажъ на 12-ти кувертахъ, т. е., подъемной столъ на машинахъ, зимній садъ въ одной изъ комнатъ пространнаго дома, птичникъ, въ которомъ всегда происходилъ гармонической концертъ разнородныхъ пернатыхъ; словомъ, онъ былъ въ Нижнемъ то, что Шереметевъ въ Москвѣ; а какъ братъ его родной такую же должность отправлялъ въ Пензѣ, какую онъ въ Нижнемъ, то ему и нужно было сойтиться со мной покороче. На сей конецъ онъ мнѣ далъ большой пиръ, и кормилъ меня на серебрѣ, потомъ другой на фарфорѣ, а наконецъ прощальной ужинъ на Англійскомъ сервизѣ, апплике. Имѣя позволеніе пробыть тамъ недѣлю, я прожилъ десять дней, и естьли бъ Ребиндеръ не выпроводилъ меня къ должности, можетъ быть, я тутъ остался бы на всегда, точно такъ, какъ нѣкогда въ Твери не могъ разстаться съ Лопухиной (см. лит. Л). Я въ Ѳеоктисту Даниловну влюбился по уши, ежеминутно былъ у нихъ, и съ ней, восхищался до крайняго степени ея красотою. Но гдѣ плѣняетъ насъ только цвѣтъ лица и расположеніе его, тамъ очарованіе непродолжительно. Прокудина, кромѣ красоты, ни чѣмъ не отличалась, и такъ едва образъ ея исчезъ въ глазахъ моихъ, какъ и воспоминаніе погасло. Я иногда видалъ ее и послѣ, но урывками, и только за тѣмъ, кажется, побывалъ тогда въ Нижнемъ, чтобъ умножить ею алфавитъ моихъ кумировъ.

ЕРОПКИНЪ.

14. День, напоминающій сильной патріотической подвигъ того лица, о которомъ говорить намѣренъ.

Петръ Дмитріевичъ, человѣкъ, знаменитой подвигами герой-

ства ратнаго и отечественнаго духа. Онъ одинъ защитилъ столицу отъ мятежниковъ и убійцъ Архіерейскихъ, и возстановилъ въ ней спокойствіе тогда, какъ всѣ Чиноначальники бѣжали изъ нея, убоясь повальной заразы, свирѣпствовавшей во всей Москвѣ. Сей великой мужъ былъ потомъ и самъ Главнокомандующимъ въ Москвѣ, въ послѣднихъ годахъ царствованія Екатерины. Онъ, по женѣ своей, былъ съ нашимъ домомъ нѣсколько въ родствѣ, и по этому я былъ къ нему въѣзжъ во всякое время. Онъ имѣлъ превосходный даръ слова, и, въ состязаніи о разныхъ ученыхъ предметахъ въ дни собранія, умѣлъ занимать своихъ гостей разумной бесѣдой. Всѣ слушали его съ удовольствіемъ: я до нынѣ помню разговоръ его съ пріятностью, въ немъ я много почерпнулъ для себя полезнаго. Домъ Еропкина и нѣсколькихъ другихъ старѣйшинъ въ Москвѣ служили мнѣ, такъ сказать, приготовительной школой ко вступленію въ общежитіе гражданское. Этотъ старичокъ удостоивалъ меня своего вниманія, принималъ благосклонно, не отвращался иногда отъ разговора и со мной, и я долженъ имя его помнить съ постояннымъ уваженіемъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

15. Императоръ Всероссійской! Во время малолѣтства его я, по порученію Начальниковъ того полка гвардіи, въ которомъ служилъ тогда Офицеромъ, обучалъ нѣсколько солдатскихъ дѣтей военной экзерциціи для забавы Его Высочества, и имѣлъ счастіе представлять оныхъ ему не только въ городскомъ Дворцѣ, въ собственныхъ его покояхъ, но неоднократно возилъ ихъ въ Царское Село, въ лѣтнее время, и живалъ тамъ по недѣлѣ, занимаясь одной школой сихъ ребятъ, дабы ею забавлять порфиророднаго ребенка. Не смотря на сіи мои разъѣзды, которые стоили мнѣ труда, убытковъ и не приносили никакого удовольствія, я никогда не былъ удостоенъ Великими Князьями, Александромъ и Константиномъ, ни приглашенія къ ихъ столу, ниже какой либо особенной милости, и суетное сіе упражненіе не принесло мнѣ никакой пользы какъ тогда, такъ и по времени, до самыхъ тѣхъ поръ и до той эпохи, какъ Александръ воцарился, я не имѣлъ никакого отношенія къ его особѣ. При вступленіи его на престолъ, будучи отцомъ его обойденъ въ чинѣ Тайнаго Совѣтника, и служа въ Соляной Конторѣ Членомъ 4-го класса, я подавалъ Государю два письма о возвращеніи мнѣ моего старшинства, не-

правосудно у меня похищеннаго. Обѣ мои просьбы не имѣли успѣха. Я рѣшился на странной поступокъ: написалъ четыре стиха, изъявилъ въ нихъ всю мою просьбу, и подалъ черезъ Секретаря. На докладъ его послѣдовалъ отказъ, съ выговоромъ за то, что я стихами подалъ прошеніе по дѣлу службы. Скоро потомъ Сенатъ представилъ меня кандидатомъ на Губернаторское мѣсто. Государь изволилъ меня опредѣлить въ Володимеръ, гдѣ я, въ теченіи 10 лѣтъ моего правленія, получилъ чинъ Тайнаго Совѣтника, награжденъ столовыми деньгами, при Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ, удостоенъ по дѣламъ службы многими имянными повелѣніями за собственноручнымъ подписаніемъ, пожалованъ Орденомъ Св. Анны I-й степени, и наконецъ съ негодованіемъ отставленъ отъ службы, отданъ подъ слѣдствіе, наказанъ денежными штрафами и публичнымъ выговоромъ въ Общемъ Собраніи Московскихъ Сената Департаментовъ. Вообще, говоря о расположеніи ко мнѣ Государя, я не могу похвастать его ко мнѣ благоволеніемъ. Все, что получилъ пріятнаго, доставлено было мнѣ ходатайствомъ окружавшихъ его Министровъ, самъ же онъ оказывалъ мнѣ всегда явные знаки своего личнаго негодованія, котораго побудительныхъ причинъ я никогда не могъ проникнуть. Во время моего Губернаторства имѣлъ я двѣ аудіенціи у него и, кромѣ холоднаго обращенія, не былъ ни чѣмъ ободренъ къ разгору съ Его Величествомъ. Вотъ всѣ мои отношеніи къ сему Монарху, которой такъ жестоко разстроилъ судьбу мою, что я ни какъ не могу имяни его поставить въ рядъ съ моими благодѣтелями, и, со страхомъ и трепетомъ служа престолу его, какъ членъ Государства, не испыталъ ни милости его въ гражданскомъ поприщѣ, ни правосудія въ искушеніяхъ.

ХВОСТОВЪ.

16. Графъ Дмитрій Ивановичъ, ревностной, но несчастной, писатель нашего времени. Онъ всякое сочиненіе свое доставляетъ мнѣ, при благосклонныхъ письмахъ, и, не удовлетворясь тѣмъ, разсудилъ на мое имя написать посланіе, на которое я отвѣтствовалъ ему такимъ же, но оно не попало въ послѣднее изданіе моихъ трудовъ. По Сенаторству человѣкъ неважной, по стихотворству еще меньше, онъ сдѣлался предметомъ общей критики, но я не почитаю себя въ правѣ судить его въ этомъ родѣ, а жалѣю, что онъ безъ вдохновенія Аполлона пишетъ, какъ цеховой

стихи на всякой случай, какой бы ни повстрѣчался у Двора, при Дворѣ, и для Двора. *

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

17. Великій Князь. Когда онъ, будучи въ ребячествѣ еще, воспитывался, мнѣ довелось быть ему представлену его наставникомъ, Генераломъ Ламсдорфомъ. Я служилъ Губернаторомъ. Онъ меня удивилъ до крайности своимъ вопросомъ. Я считалъ, что, поцѣловавъ у него руку и низко поклонясь, выду изъ комнаты, едва примѣтя взоръ его и наружность, но онъ меня спросилъ: «Любятъ ли науки въ Губерніи, и какіе успѣхи имѣетъ просвѣщеніе?» Въ устахъ ребенка, хотя онъ былъ и Царской сынъ, такое любопытство меня поразило, и я вышелъ отъ него гораздо довольнѣе сей аудіенціей, нежели могъ и долженъ ожидать по возрасту Его Высочества. Я искренно въ эту минуту пожелалъ, чтобъ кто ни будь изъ династіи Павла привязался къ наукамъ и полюбилъ просвѣщеніе, не въ превратномъ, а въ настоящемъ его смыслѣ: исполнится ли такое желаніе? **

ЛОПУХИНЪ.

18. Иванъ Владиміровичъ, Сенаторъ. Говоря о немъ, въ смыслѣ публичномъ, онъ не заслуживалъ похвалъ народныхъ; ибо слылъ человѣкомъ не самыхъ честныхъ правилъ; но я здѣсь, разсуждая о всѣхъ тѣхъ людяхъ, коихъ имяна найдутся въ моемъ лексиконѣ, не по отношеніямъ ихъ къ міру вообще, а ко мнѣ лично, обязанъ и похвалить его, и возблагодарить за его со мной обращеніе и услуги, имъ мнѣ въ разныя времена оказанныя. Во первыхъ, онъ, посланъ будучи въ Володимеръ ревизировать не Губернію, а образъ устроенія первыхъ ополченій, поступалъ со мной благородно, какъ Сенаторъ, а отнюдь не такъ, какъ фискалъ, снисходительно наставлялъ меня въ столь тяжкомъ и новомъ дѣлѣ, осмотрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ, и, съ искреннимъ жела-

---

* Ум. 1836 г.

** Если бы сочинитель, самъ Студентъ Московскаго Университета, получившій въ немъ основательное классическое образованіе, столько его услаждавшее въ треволненіяхъ жизни, жилъ въ наши дни, конечно, не сдѣлалъ бы онъ такого вопроса ни себѣ, ни другимъ. О. Б.

ніемъ мнѣ добра, поспѣшилъ рекомендовать меня Государю. По его представленію, согласно желанію моему, которое онъ прописалъ въ своемъ рапортѣ, сынъ мой старшій, находившійся тогда въ чужихъ краяхъ, произведенъ изъ Коллегіи Юнкеровъ въ Титулярные Совѣтники. Во вторыхъ, когда меня отставили и попалъ я подъ слѣдствіе въ тотъ Департаментъ Сената, въ которомъ присутствовалъ Лопухинъ, онъ съ жаркимъ участіемъ вступился за меня, не приставалъ никогда къ моимъ злодѣямъ и громко держался выгоднаго обо мнѣ мнѣнія. Сими двумя поступками онъ пріобрѣлъ искреннюю мою признательность, и я остался до смерти ему преданъ. Впрочемъ, и безъ всякихъ дѣлъ, со мной хорошо былъ знакомъ; онъ любилъ ученость и словесныя науки: это меня приближило къ нему. Я сохранилъ нѣсколько писемъ его, изъ коихъ видны главныя черты добраго ко мнѣ расположенія. Въ этомъ широкомъ океанѣ, который въ столицахъ именуютъ большимъ свѣтомъ, мы съ нимъ иногда то часто, то рѣдко, сталкивались, по связямъ и отношеніямъ стороннимъ, но вездѣ и всегда я съ нимъ сходился пріятно, и ни одного поступка противъ себя не могу припомнить такого, которой бы давалъ мнѣ право, послѣ собственныхъ моихъ опытовъ, приставать къ тѣмъ людямъ, кои, зная ближе приватную жизнь его, злословятъ память и отзываются объ немъ худо. Для меня онъ былъ человѣкъ услужливый, добрый, и я обязанъ о немъ вспомнить всегда съ благодарностію. Въ книгахъ моихъ напечатаны стихи подъ названіемъ: «Савинское,» его подмосковное, которые отъ меня ему и были посвящены.

ЗЛОВЪ.

19. Въ этотъ день я опредѣленъ въ Вице-Губернаторы въ Пензу. По тогдашнему времени это было важное событіе въ моей жизни.

Зловъ, молодой мальчикъ, обучавшійся въ Университетѣ, съ которымъ меня свелъ счастливой и памятной случай. Живучи Бригадиромъ въ Москвѣ, скучая праздностью и желая получить мѣсто въ столицѣ, но не успѣвая въ моихъ исканіяхъ, рѣшился я на отважной поступокъ, написать письмо прямо къ Государынѣ, и такъ какъ мой почеркъ всегда былъ очень дуренъ, надобенъ сдѣлался мнѣ хорошій переписчикъ. Набѣжалъ тогда на меня этотъ Зловъ, переписалъ, отправилъ, и письмо мое увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ; ибо я тотчасъ опредѣленъ въ Вице-Губернаторы въ Пензу. Такая удача заставила меня предложить мои

услуги Злову. Я его подзывалъ съ собою въ службу, но онъ, имѣя уже рѣшительное пристрастіе къ театру, обратился на оную, и со мною не поѣхалъ. Думаю, что онъ не ошибся въ выборѣ; ибо, вмѣсто крестовъ, чиновъ и тяжкой неволи, онъ сдѣлался отличнымъ артистомъ, титулуется придворнымъ актеромъ, публикѣ нравится, вездѣ принятъ прекрасно, денегъ имѣетъ довольно и, конечно, менѣе затрудняется въ способахъ жить во всякомъ довольствѣ, нежели многіе Гг. Предсѣдатели и Кавалеры, которые по провинціямъ часто кушаютъ пустыя щи съ ржаными сухарями.

ТОЛСТОЙ.

20. Графъ Варѳоломей Васильевичъ. О немъ вспоминаю я только по верховой ѣздѣ, до которой поелику я не охотникъ, то и Толстой неважное занимаетъ мѣсто въ моемъ помышленіи. Когда онъ былъ молодъ, а я еще мальчикъ, онъ влюбился въ среднюю дочь Ржевскаго, мою двоюродную сестру, и искалъ на ней жениться. По этому онъ ѣжжалъ и къ намъ, стараясь всей роднѣ оказывать услуги. Тогда я учился въ манежѣ, и меня заставляли по улицамъ верхомъ ѣздить, для скорѣйшей привычки: у Толстаго были двѣ старыя лошади, смирныя, точно по мнѣ; и я, съ дозволенія его, то ту, то другую, мучилъ по Москвѣ. Въ каждой день гулянья не было для меня никого интереснѣе Толстого, по тому что онъ одинъ могъ доставить мнѣ способъ пощеголять на конѣ. Сватовство его не удалось, сестра за него не пошла, я пересталъ его конюшней пользоваться, и тѣмъ все наше знакомство рушилось. Какъ часто на пути жизни бездѣлка насъ сводитъ съ людьми, и бездѣлка другая разлучаетъ, да такъ, что и вспомнить знакомство послѣ нечѣмъ! Подобно и я съ Толстымъ послѣ того времени почти уже не встрѣчались нигдѣ на прежней пріятельской ногѣ, и время отъ времени совсѣмъ сдѣлались другъ для друга посторонними.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

21. Звали его Александромъ. Крѣпостной нашъ слуга, которому я далъ свободу и которой, не смотря на то, остался въ моемъ домѣ. Онъ попеременно былъ дядька всѣхъ моихъ четырехъ сыновей, съ двумя старшими ѣздилъ въ чужіе краи, жилъ при нихъ три года въ Геттингенскомъ Университетѣ, и воротился съ ними

въ Россію. Я не видывалъ раба столь усерднаго къ господамъ своимъ. Простительно ли забывать такія заслуги въ человѣкѣ, какого бы онъ ни былъ низкаго разряда? Не порода, а сердце, дѣлаютъ насъ благородными. Терентьевичъ мой истинное тому доказательство, и я многихъ Бояръ не осмѣлюсь сравнять въ качествахъ души съ симъ достопочтеннымъ служителемъ. Кстати о немъ сегодня и рѣчь, для имянинъ сына моего, Дмитрія, при которомъ онъ находился въ услугахъ, во время его ученія въ пансіонѣ Пастора Кроненберга.

ВЯЗЕМСКОЙ.

22. Князь Андрей Ивановичъ, человѣкъ свѣтской, весьма пріятнаго обращенія. Мы съ нимъ нѣсколько были въ родствѣ: мать его нашего племени. Онъ счастливо служилъ, много путешествовалъ, и рано попалъ въ Генералы, женился на Англичанкѣ, и въ Москвѣ открылъ домъ. Къ нему съѣжжались лучшіе люди, вечера его были очень занимательны. Я съ первой женой моей не рѣдко посѣщалъ его сообщество, и онъ также иногда ѣжжалъ поболтать къ намъ. Такъ текло пріятное наше знакомство до тѣхъ поръ, какъ я попалъ въ гражданскую службу. Вдругъ перемѣнилась картина: пожаловали его въ Генералъ-Губернаторы въ Пензу. Онъ меня засталъ Вице-Губернаторомъ. Князь Вяземской обходиться со мной сталъ очень надменно, и я отъ него удалился; поступки его со всѣми Чиновниками были таковы, что никто не возлюбилъ, и всякой называлъ его фанфарономъ, а въ самомъ дѣлѣ онъ былъ для столь высокаго званія слишкомъ пустой человѣкъ. И такъ знакомство наше по службѣ было для обоихъ взаимно непріятно; не долго онъ надъ нами чванился. Воцарился Павелъ. Ходули Намѣстниковъ затрещали: всѣ они сошли съ нихъ долой, и Вяземской возвратился въ Москву диспутовать въ Сенатѣ. По смѣнѣ моей изъ Пензы, я опять съ нимъ встрѣтился на родинѣ, и снова старое наше знакомство продолжалось. Во время службы моей въ Соляной Конторѣ Членомъ, онъ былъ наряженъ ревизовать ее, и оказалъ при семъ случаѣ много пустаго педантизма, которое на соль въ Государствѣ не прибавило ни цѣнъ, ниже не понизило. Таковы были мои съ нимъ отношенія. Я временно ихъ упоминаю себѣ въ двухъ различныхъ видахъ: съ пріятной стороны, когда воображаю наши словесныя бесѣды, чтеніе стиховъ, острыя его шутки, и образованность;

напротивъ съ непріятной, когда представляю себѣ его въ качествѣ Государственнаго Чиновника, съ безприкладными его теоріями и нелѣпыми затѣями ума, испорченнаго Англійскими предразсудками. Онъ хотѣлъ въ Пензѣ создать Лондонъ и, начавъ съ сей точки, что ни дѣлалъ, что ни писалъ, какъ начальникъ Русской провинціи, все было не у мѣста и не кстати. У всякаго свой конекъ. Впрочемъ, онъ не успѣлъ, и не могъ, мнѣ сдѣлать ни худа, ни добра, а въ обществѣ былъ отмѣнно пріятной товарищъ.

АКТЕРЫ.

23. При воспоминаніи побѣга нашего въ сей день изъ Московской Губерніи, во время Французовъ, живо представляются мнѣ на мысль тогдашніе наши сотоварищи.

Все, что происходило въ тотъ годъ, когда Наполеонъ овладѣлъ Россійской столицей, заслуживаетъ наше всегдашнее воспоминаніе, низходя даже до самыхъ малѣйшихъ происшествій. Мы въ то время укрывались въ Никольскомъ, нашей подмосковной, по Стромынской дорогѣ. Туда набѣжало къ намъ два семейства актеровъ: Мочаловъ, трагикъ, съ своей матерью, сыномъ и дочерью, передъ симъ только выпущенной изъ Института, и Насова, оперная пѣвица съ матерью. Матушка коекакъ размѣстить ихъ изволила въ маленькомъ своемъ домѣ, совсѣмъ неспособномъ дать убѣжище кому ни будь, кромѣ самой хозяйки; но тогдашнее время таково было, что налагало обязанность не только крышку, но и все раздѣлить съ ближнимъ. И такъ они у насъ укрывались до тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы сами, усмотря опасность хорониться такъ близко отъ Москвы, принуждены были оставить свое сельцо; ибо партизаны непріятельскіе уже начинали грабить около насъ; тогда мы снабдили Гг. актеровъ подводами, и доставили имъ возможность дотащиться до Ярославля, куда изъ Москвы выѣхали ихъ начальники. При всемъ сокрушеніи сердца, въ которомъ всякой изъ насъ находился, чему повѣрить не трудно, были минуты, въ которыя нельзя было не расхохотаться, на прим., когда я увидѣлъ, что Насова натягивала дугу у телѣги и сама въ нее впрягала лошадь, Насова, которую я помню на театрѣ дающею Оперу въ свой бенефисъ, которой, кромѣ 4 тысячъ сбору въ одинъ вечеръ, летали еще изъ партера на сцену кошельки съ особенными подарками признательности, видѣть ее же около лагуна съ дегтемъ и клячи было мѣстѣ и

жалко и смѣшно. Не меньше былъ забавенъ и Мочаловъ, когда онъ вдругъ прибѣжалъ къ матери моей и трагически вопіялъ противъ невѣжества нашего вѣка, такъ что матушка приняла его за сумасшедшаго, а сценѣ этой подалъ поводъ поступокъ дѣйствительно самой низкой съ стороны начальника Лосиннаго завода. Мочаловъ, видя, что мы сами очень утѣснены его семействомъ, желалъ нанять квартиру въ сосѣдствѣ, и ходилъ осмотрѣть одну свѣтелку на заводѣ, съ которымъ мы жили въ верстѣ разстоянія. Тамъ узнавши, что онъ актеръ, запретили давать ему квартиру, дабы Богъ не покаралъ всего завода за пріемъ актера въ свои ограды. Какое невѣжество! Подобныя встрѣчи сколь ни маловажны, останутся на всегда въ памяти моей по отношенію къ незабвеннымъ бѣдствіямъ того времени.

КОЛОКОЛЬЦЕВЪ.

24. Владимірской Вице-Губернаторъ, котораго, къ удовольствію моему, я забылъ какъ и зовутъ. Человѣкъ безъ правилъ и безъ всякаго воспитанія, подлой подъячій, которой происками втерся въ чины и попалъ ко мнѣ въ товарищи. Я долго старался какъ ни будь съ нимъ ладить; но онъ наконецъ вывелъ меня изъ всякаго терпѣнья. Кромѣ непріятностей по службѣ, которыя слѣлались такъ гласны, что и Правительство разсудило прекратить ихъ, я принужденъ былъ отказать ему отъ своего дома, какъ невѣжѣ, которой не заслуживалъ чести быть въ порядочномъ обществѣ. Въ такомъ положеніи засталъ насъ другъ противъ друга Графъ Головкинъ, когда, ѣхавши въ Китай съ посольствомъ, ревизовалъ Владимірскую Губернію. Я имѣлъ счастіе одержать верхъ надъ Колокольцовымъ, и насъ развели, переведя его въ Казань. Говоря о немъ, я замѣтить долженъ, что, по какому-то странному стеченію случаевъ, фамилія Колокольцовыхъ вообще для меня была несчастлива на знакомство. Еще въ Пензѣ посѣщалъ меня одинъ старикъ этого рода, тамошній помѣщикъ и судья, которому не удалось быть тамъ Вице-Губернаторомъ по тому, что я попалъ на желаемое имъ мѣсто. У него были два сына, молодые люди, они ѣжжали къ намъ часто, но и со всѣмъ ихъ семействомъ не было у насъ никакого согласія, и я обязанъ былъ ему разными тяжкими непріятностями въ моей приватной жизни, по участію, которое они приняли въ интригѣ мой съ Гжей Ульбышевой, которой мужъ на все, что ни сдѣлалъ, былъ наученъ и подстрекаемъ

тѣмъ Колокольцовымъ. И такъ, разставшись худо съ этой фамиліей въ Пензѣ, я не примирился съ ней и въ Владимірѣ. Несторъ ихъ племени, знаменитой сутяга и Сенаторъ Колокольцовъ, также былъ не изъ доброхотовъ моихъ, когда дѣла мои доходили до его суда; словомъ, я не встрѣчалъ во всю жизнь мою пріятнаго лица въ фамиліи Колокольцовыхъ, и, кажется, само Небо положило постоянную вражду между сѣменемъ ихъ и моимъ. Да будетъ тако! Тужить о семъ никогда не стану.

ЧЕРНЫШЕВЪ.

25. Графъ Григорій Ивановичъ, Камергеръ при Екатеринѣ, сынъ знаменитаго вельможи того времени. Встрѣчаясь съ нимъ часто въ большомъ свѣтѣ, я пріобрѣлъ личное его знакомство и пріязнь. Тогда и то и другое имѣло нѣкоторую цѣну. Онъ мнѣ подарилъ множество Французскихъ книгъ, кои были у него вдвойнѣ, и изъ которыхъ иныя съ его вензелями у меня донынѣ сохранились. По милости его я попалъ въ актеры ко Двору; онъ заправлялъ этой забавой при Дворѣ Ихъ Высочествъ, и, услышавъ о моемъ талантѣ, расположилъ Великую Княгиню къ приглашенію меня въ ихъ труппу. Всѣ переговоры объ этомъ шли черезъ него, и я наконецъ завербовался. Говоря въ другомъ мѣстѣ о подробностяхъ сего случая, я уже здѣсь повторять ихъ не стану (см. лит. Б. Бенкендорфъ), а разскажу анекдотъ, которой именно относится къ Чернышеву. По представленіи той драмы, которая дана была для сюрприза Великой Княгини, когда я переодѣвался изъ костюма въ свой кафтанъ, Чернышевъ прибѣжалъ ко мнѣ и торопливо извѣстилъ меня, что Ихъ Высочества приготовили мнѣ прекрасной подарокъ, которой тотчасъ и принесутъ. Признаюсь, что я до такого малодушія тронулся этимъ, что вдругъ заплакалъ, и Чернышевъ остался пораженъ. Я ему успѣлъ изъяснить, сколько это обидно и уничижительно для меня быть на ровнѣ съ артистами наемными, что я ожидалъ чести быть допущенъ въ общество Ихъ Высочествъ, но что ежели сего имъ не угодно, то я тотчасъ же поѣду обратно домой, а подарка не только не приму, но, можетъ быть, въ первомъ движеніи съ грубостью отзовусь, и для того просилъ его меня избавить отъ всякихъ хлопотъ и неудовольствій. Чернышевъ вошелъ въ мое положеніе, понялъ правильное мое оскорбленіе, и, растрогавшись самъ моимъ замѣшательствомъ, побѣжалъ въ Дворецъ, предупредилъ подарокъ, не

допустилъ прислать его ко мнѣ, и очень скоро послѣ того пришелъ ко мнѣ Бенкендорфъ звать меня въ покои. Тутъ я отдохнулъ, и, удостоясь быть Ихъ Высочествамъ представленъ, получилъ свободной входъ къ нимъ, на всѣ публичныя ихъ приглашенія. Живучи по временамъ въ загородныхъ домахъ Ихъ Высочествъ и всегда играя комедіи съ Чернышевымъ, я сдѣлался съ нимъ коротко знакомъ, и связь наша продолжалась столько же, сколько театръ и забавы меньшаго Двора. Потомъ мы разстались, разъѣхались въ разныя стороны, и короткость наша исчезла; но я и теперь, какъ вижусь съ нимъ, хотя и рѣдко, люблю вспоминать время моего съ нимъ знакомства, и, встрѣтившись, оба наслаждаемся воображеніемъ тѣхъ дней, въ которые были молоды.

ОСТОЛОПОВЪ.

26. Стихотворецъ, котораго я совсѣмъ не знаю: онъ любитъ Словесность, и выдалъ книжку своихъ сочиненій; его имя и труды извѣстны въ нашей Литературѣ. О немъ особенно упомянуть я здѣсь обязанъ по тому, что онъ адресовалъ мнѣ посланіе въ стихахъ по случаю Оды моей на «Невинность,» въ которомъ далеко за предѣлы заслугъ моихъ меня выхвалилъ. Я поставилъ долгомъ вѣжливости отблагодарить его, и написалъ посланіе къ нему въ стихахъ, которое напечатано, сперва въ журналѣ, потомъ и въ собраніи моихъ сочиненій. Въ этомъ состоятъ всѣ мои съ нимъ отношенія.

ВОРОНЦОВЪ.

27. Графъ Александръ Романовичъ, Канцлеръ и Вельможа Россійскаго Двора. Я не имѣлъ никогда чести ни зависѣть отъ него, ни даже быть вхожъ къ нему въ домъ, но по одному случаю удалось ему оказать мнѣ услугу, которой я забыть не долженъ. Достигши глубокой старости и надоѣвши Двору, онъ пріѣхалъ окончить недужную и мрачную жизнь свою въ богатое помѣстье родовое, состоящее въ Владимірской Губерніи. Тогда я былъ тамъ Губернаторомъ, и вмѣнялъ себѣ въ обязанность ѣздить къ нему, какъ къ барину, что называется, на поклонъ, раза два въ годъ. Онъ всегда принималъ меня очень учтиво, но холодно, по тому что онъ былъ самаго мизантропическаго свойства, а женщинъ вовсе терпѣть не могъ. Владимірская Губернія

вся была ему знакома, по тому что отецъ его нѣсколько лѣтъ былъ въ ней Генералъ-Губернаторомъ при Екатеринѣ, и наполнилъ ее своими креатурами, а самъ онъ, будучи еще Сенаторомъ, ревизовалъ ее. По симъ отношеніямъ всѣ Чиновники въ Губерніи и дѣла ихъ были ему извѣстны. Нѣкто Борыковъ, худой Исправникъ Переславскаго Уѣзда, подпалъ уголовному суду по моему предписанію. Онъ жаловался на меня Сенату. Сенатъ бралъ съ меня отвѣтъ, и въ послабленіи Исправнику наслали мнѣ самой жестокой Указъ, на которой я отвѣчалъ довольно горячо. Сенатъ захотѣлъ подать на меня докладъ Государю. Графъ Воронцовъ о семъ свѣдалъ, и зная Борыкова, зная меня, нашелъ Сенатской поступокъ со мной противозаконнымъ. Онъ вытребовалъ отъ меня полное свѣдѣніе о сихъ бумагахъ, лично со мной переговорилъ, и поѣхавши по привычкѣ своей на зиму въ Москву, съ нѣкоторыми Сенаторами снесся, защитилъ меня, доказалъ имъ неправильность ихъ приговора, отклонилъ предположенной докладъ, которой по убѣжденію его не состоялся. Все его разсужденіе о семъ предметѣ было въ мою пользу, и я оставленъ въ покоѣ. Такой поступокъ требуетъ моей признательности. Не всякой, можетъ быть, пріятель и родственникъ оказалъ бы мнѣ оной, и я для сохраненія его въ памяти моей, помѣстилъ здѣсь сіи строки въ честь и похвалу правосудному свойству Графа Воронцова. По смерти его долго спустя, я имѣлъ непріятное порученіе отъ Государя Императора, не знаю по какой то придворной сплетнѣ, опечатать всѣ его бумаги и дѣла, и все что найду письменнаго, отправить по почтѣ въ Питеръ, вмѣстѣ съ его домоправителемъ, и я при исполненіи сего крутаго повелѣнія, всячески старался смягчить суровость онаго, благопріятными поступками со всѣми, оставшимися послѣ него въ домѣ довѣренными лицами въ управленіи его имѣнія. Вотъ краткая исторія моихъ похожденій относительно особы Канцлера.

НЕКТАРІЯ.

28. Схимонахиня, дочь Фельдмаршала Графа Шереметьева, бабка моя родная. Она была за дѣдомъ моимъ, отцемъ моего отца, Князя Ивана Александровича, и по кончинѣ его вступила сего числа въ монашеской орденъ, въ которомъ наконецъ посхимилась, и похоронена въ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ. Кто не знаетъ исторіи сей достопамятной женщины въ лѣтописяхъ нашихъ? Ко-

му не извѣстны подвиги мужественнаго ея духа, героическая жизнь, и кончина ея? Кто не прослезится, читая собственныя ея записки о себѣ, ссылкѣ мужа ея, и общемъ пребываніи ея съ нимъ въ Сибири! О ней говорить здѣсь много нѣтъ нужды, мало говорить о ней не возможно. Оставимъ собственную ея біографію. Въ семъ сочиненіи рисуются одни только мои личныя отношенія къ тѣмъ особамъ, коихъ имена приводятся на память, и такъ молвимъ только объ нихъ. Я родился еще при жизни ея, но засталъ ее уже въ облаченіи монашескомъ. Отецъ мой, путешествуя всякіе три года въ Кіевъ, для свиданія съ ней, возилъ и меня ей показывать. Такъ видѣла она меня полугодовымъ ребенкомъ, и потомъ 4-хъ лѣтъ. Я худо ее помню, но знаю, что она меня очень жаловала, и забавлялась моими рѣзвостями въ ея кельѣ. Я сохранилъ донынѣ самыя важнѣйшія ея письма къ отцу моему, изъ которыхъ видны смиреніе въ духѣ благочестія того времени, и горячая любовь ея ко мнѣ, напоминающему ей драгоцѣнное имя любимѣйшаго супруга. Рукописныя ея записки, о которыхъ выше сказано, дошли до меня изъ рукъ отца моего. Онѣ были напечатаны, подлинникъ ихъ у меня, какъ рѣдкость священная, хранится, изъ особеннаго благоговѣнья къ добродѣтелямъ ея. Я два раза былъ въ Кіевѣ, и падалъ съ умиленіемъ на гробъ ея, которой сравненъ съ землею, и ничѣмъ по волѣ ея не украшенъ. Описавши мое путешествіе тогдашнее въ Украйнѣ, я и объ ней не пропустилъ съ восторгомъ сообщить читателю, ибо имя ея и подвиги заслуживаютъ по справедливости вѣковѣчной памяти, по изрѣченію Соломона: Память праведнаго съ похвалами. Такова пребудетъ и ея, доколѣ не потеряется вовсе почтеніе къ высокимъ добродѣтелямъ, къ изящнымъ подвигамъ души и сердца, и доколѣ лучи истиннаго христіянскаго свѣта будутъ озарять умъ и сердце Россіянъ, прилѣпленныхъ къ древнему своему отечеству и умѣющихъ цѣнить дѣянія предковъ своихъ.

БАБАЕВЪ. † 1830.

29. Подъ симъ названіемъ знакомо было мнѣ цѣлое семейство: братъ служившій при мнѣ въ Владимірскомъ Почтамтѣ, и нѣсколько сестеръ. Они были у насъ въ домѣ очень коротки, братъ мастеръ играть комедіи; онъ одаренъ былъ отъ природы лицемъ сатирическимъ, и крайне способенъ представлять buffo caricato. Я никогда не забуду того удовольствія, которое доставлялъ онъ

мнѣ въ роли Совѣтника въ Бригадирѣ: такъ совершенно, какъ онъ, конечно, никто этой роли не разыгрывалъ. Сестра его меньшая, Катерина, образована была въ одномъ знатномъ домѣ, для лучшаго свѣта, но по бѣдности рѣшилась выйти за изувѣченнаго Офицера. Сколько я ни старался отклонить ее отъ этого намѣренія, предлагая ей даже способъ жить у насъ въ домѣ, доколѣ сыщется ей женихъ надежнѣйшій, но къ бѣдности всего семейства присоединялось и тайное пристрастіе къ этому молодому человѣку, которой, лишась ноги по трупъ, сохранилъ однако милое личце двадцатилѣтняго юноши. Все это рѣшило судьбу ея, она вышла за него, и съ тѣхъ поръ уже я объ ней ничего не слыхалъ, и самой не видалъ.

МУХАНОВЪ.

30. Алексѣй Ильичъ, Сенаторъ. Я съ нимъ мало былъ знакомъ. Но часто на пути жизни люди, кои далѣе всѣхъ отъ насъ стоятъ, оказываютъ намъ такіе поступки, кои заставляютъ невольно ихъ замѣтить, отличить, и всегда помнить. Такъ точно удалось поступить со мной въ одномъ случаѣ и Г-ну Муханову. Когда по опредѣленію Совѣта призванъ я былъ въ общее собраніе Московскихъ Департаментовъ выслушать по имянному указу выговоръ, то Мухановъ, не будучи со мной связанъ ни узами родства, ни союзомъ особенной дружбы, а убѣжденъ только будучи въ неправосудіи сего приговора, одинъ изъ числа всѣхъ Сенаторовъ мнѣ стороннихъ, не поѣхалъ въ тотъ день присутствовать, и записался больнымъ, дабы не быть свидѣтелемъ такого уничижительнаго для меня позорища. Какъ остаться равнодушнымъ къ такому благородному подвигу сердца? И простительно ли мнѣ позабыть о немъ? Пусть сія статья послужитъ залогомъ моей признательности, которой я во вѣкъ не измѣню.

ОКТЯБРЬ.

ЛОПУХИНЪ.

1. Александръ Васильевичъ, отставной Полковникъ, братъ родной Свѣтлѣйшаго, упрямой и просвѣщенной Русской Дворянинъ, помѣщикъ неважнаго имѣнія въ Володимірской Губерніи, въ которой онъ женился богъ знаетъ на комъ, и мнимой былъ отецъ многихъ чужихъ дѣтей разныхъ племенъ и народовъ. Между прочими подарила ему жена сынка, отъ сожитія съ Владимірскимъ Полицемейстеромъ, Нѣмецкимъ Барономъ Бутомъ, пріобрѣтеннаго. Я былъ Губернаторъ и начальникъ Барона. Г-нъ Лопухинъ пригласилъ меня окрестить его Николиньку. Изъ уваженія къ Свѣтлѣйшему, я отправился къ нему въ деревню, и тамъ сдѣлался отцемъ крестнымъ чужаго подкидыша, получившаго имя Лопухина. Вотъ главный и достопамятнѣйшій случай, которой напоминаетъ мнѣ всегда знакомство мое съ этимъ гнуснымъ семействомъ, ибо скоро тотъ же Баронъ Бутъ, прижившій съ матерью ребенка, женился на дочери ея, и сдѣлался хозяинъ въ домѣ. Такой развратъ заставилъ меня войти въ переписку непріятную съ Княземъ. Онъ дѣлалъ мнѣ разныя досады за то, что я гласно вооружился противъ безпорядковъ, происходящихъ въ семействѣ брата его. Бутъ попалъ въ Прокуроры, нарядился въ орденъ Владимірской по протекціи Князя, сталъ задирать меня бумагами, начертилъ пропасть вздорныхъ дѣлъ, и дома, и по службѣ, далъ волю своему буйному молодечеству, и вынудилъ меня къ мѣрамъ строгимъ; отъ одной исторіи безпрестанно раждались новыя. Какъ иначе при подобномъ распутствѣ цѣлаго семейства! Я писалъ, представлялъ, жаловался, выводилъ наружу всѣ ихъ мерзости. Князь по пословицѣ: свой своему по неволѣ другъ, вступался всегда за брата, а я отъ ихъ связей, на соблазнѣ явномъ основанныхъ, вытерпѣлъ множество непріятностей, кои въ исторіи моей службы большое заняли мѣсто, и здѣсь новой подробности не требуютъ. Впрочемъ Полковникъ Лопухинъ до того былъ тупъ, что можно было во всемъ его увѣрить, но при первой оглядкѣ, онъ по характеру способенъ былъ и кинжаломъ поподчивать всякаго того, кто навлечетъ на себя его подозрѣніе. Всѣ они и теперь живы, но я съ тѣхъ поръ какъ оставилъ Владимірскую Губернію уже никакого съ ними отношенія не имѣлъ. Лопухинъ

сохранялъ ко мнѣ всегда приличное уваженіе, боялся меня, и никогда при мнѣ не выходилъ изъ предѣловъ благопристойности. Я обязанъ даже вспомнить его пріятную услугу: передъ отставкой моей безвременной, имѣя нужду въ деньгахъ, дабы съѣздить въ Питеръ, я черезъ третье лицо адресовался къ нему, и онъ тотчасъ меня ссудилъ на вексель 2000 руб., кои я ему по прошествіи срока съ процентами отдалъ.

ЛИТТА.

2. Графиня Катерина Васильевна, урожденная Энгельгардова, племянница Князя Потемкина, женщина прекраснѣйшая собой. Ихъ было нѣсколько сестеръ, всѣ лица безподобнаго, и во всѣхъ дядюшка изволилъ влюбляться. Влюбиться на языкѣ Потемкина значило наслаждаться плотью; любовныя его интриги оплачивались отъ казны милостью, отличіями, и разными наградами, кои потомъ обольщали богатыхъ жениховъ, и доставляли каждой племянницѣ, сошедшей съ ложа сатрапа, прочную фортуну на всю жизнь. Дошла очередь до Катерины Васильевны; она всѣхъ сестеръ была пригожѣе. Во время ея интриги съ дядею, появился ко Двору изъ чужихъ краевъ молодой и богатой Графъ Скавронской, братъ мой двоюродной, матери наши были родныя сестры. Онъ влюбился, его заманили, и женили на этой Энгельгардовой. Тогда умеръ Князь Долгорукой, Главнокомандующій въ Москвѣ, при которомъ я служилъ. Меня привезли къ батюшкѣ въ Петербургъ; я оставался безъ мѣста и занятій, надобно было куда нибудь попасть. Скавронской обошелся со мной какъ самой ближайшій родственникъ, безъ малѣйшаго чванства; его ласкали при Дворѣ для Потемкина выгодъ. Онъ его попросилъ обо мнѣ, и по этому случаю я попалъ въ гвардію. Послѣ того я живалъ часто на дачѣ у Скавронскаго лѣтомъ, и сошелся съ нимъ довольно коротко, ѣжжалъ въ его каруселяхъ, пользовался, словомъ, всѣми его роскошными забавами, и весело проводилъ время. Скавронской скоро попалъ въ Министры въ Неаполь, я вышелъ въ штатскую службу, и мы съ нимъ разстались навсегда, ибо онъ тамъ скончался, а жена его, повдовѣвши нѣсколько, вышла за нынѣшняго своего супруга, морскаго Генерала, и Итальянскаго Графа Литта. Хотя симъ супружествомъ всякое родство между нами кончилось, однако жъ Графиня усильнымъ образомъ старалась его поддержать наружными ласками, и когда мнѣ случалось ви-

дѣться съ ней, въ Петербургѣ, всегда приглашала къ себѣ, называла mon cousin, и казалось, что мы очень близки другъ къ другу. Въ бытность мою въ Володимірѣ, я имѣлъ случай оказывать ей разныя услуги. Она тамъ покупала черезъ меня недвижимыя собственности, давала мнѣ полныя довѣренности, и употребляла меня во всѣ свои финансовыя предпріятія, безъ всякой впрочемъ для меня пользы въ общемъ смыслѣ, и, смѣю сказать, съ большими выгодами для себя; ибо она избѣгала тѣхъ убытковъ, коихъ потребовали бы повѣренные и разные другіе расходы. Вотъ на какой ногѣ мы были съ ней знакомы. По отставкѣ моей я уже не имѣлъ случая съ ней видѣться, и, кажется, совсѣмъ забытъ ею, о чемъ тужить не стану, а съ пріятностью вспомню всегда, что она была нечаяннымъ орудіемъ по замужству своему съ моимъ братомъ къ моему возвышенію въ чины, чрезъ вступленіе въ гвардію, въ которую я попалъ, такъ сказать, по милости и изъ снисхожденія къ Сковронскому, имѣвшему тогда право потребовать отъ нея сей услуги, въ возмездіе за всѣ тѣ блага, кои онъ доставилъ ей женитьбой своею на всю жизнь ея, ибо все имѣніе его перешло въ ея руки. Что лежитъ до втораго мужа ея, Графа Литты, я бы забылъ о немъ совершено, естьлибъ не приходилъ мнѣ часто на мысль тотъ прекраснѣйшій лѣтній день, во время нашего Финляндскаго похода, въ которой я, будучи въ Фридрихсгамѣ, изъ любопытства катался на морѣ, и заѣжжалъ къ этому Литтѣ на галеру, посмотрѣть какъ тамъ живутъ наши однополчане.

ТРУБЕЦКАЯ.

3. Княгиня Варвара Александровна. Семейство ея состояло изъ трехъ главныхъ лицъ: ея самой, мужа и деверя. Перваго звали Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, послѣдняго Княземъ Юріемъ. Я не коснусь ихъ исторій, она наполнена разныхъ и смутныхъ и счастливыхъ обстоятельствъ. Я о нихъ говорить буду только въ то время, которое приводитъ мнѣ на память самые веселые дни моей жизни. Они любили жить роскошно и весело, во вкусѣ ихъ были театръ, балъ, маскарадъ, и всѣ вообще увеселенія; по зимамъ они жили въ Москвѣ. Тутъ мы игрывали комедіи, наряжались въ хари на балъ, и всѣми забавами молодости наслаждались. Самое блистательнѣйшее зрѣлище была Драма, сочиненная самой Княгиней, подъ названіемъ: Эдуардъ и Эмма. Въ

ней только были два лица; они назначены въ удѣлъ мнѣ, и одной изъ родственницъ, и мы это произведеніе розыграли съ полнымъ успѣхомъ передъ всей Московской публикой. Въ лѣтнее время они живали въ подмосковной, называемой Очаково, въ 8-ми верстахъ отъ города. Путь близкой, и всегда удобной. Тамъ ежедневныя происходили очарованія, разнородныя сельскія пиршества: театры, иллюминаціи, фейерверки, и все что можетъ веселить умъ и чувства. Въ такомъ родѣ жизни, я, учащая мои къ нимъ набѣги, не видалъ какъ время летитъ. Оно и подлинннно летѣло. Съ ними жилъ въ одномъ и томъ же убѣжищѣ безсмертной нашъ піитъ, старецъ Херасковъ, которой, въ липовой рощѣ ходя задумавшись, вымышлялъ свои пѣсни въ то время, какъ въ регулярномъ саду вся фамилія Трубецкихъ предлагала гостямъ всякіе сюрпризы. Москва переносилась вся въ ихъ мирное и волшебное уединеніе. Такъ текла вся жизнь ихъ, но увы! теперь подъ старость они дорого платятъ за прежнія веселости; домъ ихъ раззоренъ, Очаково уже не ихъ, Московское жилище сожжено Французами, а построить новаго нечѣмъ. Князь Юрій Николаевичъ скончался, и супруги выбрались изъ Москвы въ Кострому, гдѣ и теперь живутъ въ нуждѣ, брошены всѣми, и испытываютъ съ недугомъ лѣтъ ихъ всѣ недостатки физическаго бытія. Я не могу безъ чувства радости, смѣшаннаго съ горестью, вспомнить объ нихъ, переносясь въ прошедшее, и вообразить, обращая взоръ на настоящее. Княгиня Варвара Александровна женщина самаго твердаго характера, умна, любезна, и пишетъ прекрасно; ей даже и стихотворство знакомо: она была душа всего семейства. Я отъ нее получилъ неоднократно стихи, и самъ на нихъ отвѣчалъ стихами же; они всѣ собраны въ книгахъ моихъ, подъ названіемъ: переписка съ Княгиней Трубецкой. Когда третье изданіе ихъ было выпущено, я послалъ къ ней экземпляръ, на которой она мнѣ отвѣчала слогомъ пріятнымъ и философскимъ. Въ Очаковѣ былъ у нее кабинетъ въ саду, въ которомъ помѣщены вензеля всѣхъ занимающихся литературой. Въ томъ числѣ я имѣлъ удовольствіе найти и свое имя. Теперь все это руины, все мертво, все сгнило, одни Трубецкіе могли населять тамъ забавы, а послѣ нихъ Очаково сдѣлалось пустыней. Все это семейство имѣло какой то даръ производить удовольствія, и раздѣлять ихъ съ другими. Нѣтъ! Я никогда не забуду тамошнихъ наслажденій! Это былъ храмъ любви, въ которомъ все горянило воображеніе, воспламеняло душу, и облекало разумъ въ радужную ризу веселости. Восторги

были ихъ стихія, жизнь, бытіе, и воздухъ. Долго, долго я этой пустыни не забуду, и бывая въ ней у другихъ владѣльцевъ, со мной связанныхъ давнишней пріязнью, не могу безъ слезъ вспомнить ни времени того, ни Трубецкихъ, творцевъ сего минутнаго рая въ вещественномъ мірѣ.

Тогда, чтобъ счастливымъ съ утра до ночи быть,
Довольно было день въ Очаковѣ прожить,
Тогда мои стихи съ вниманіемъ читали,
И что въ нихъ чувствовалъ, со мною раздѣляли.
Теперь оледенѣвъ, я чище сталъ писать,
Тогда въ восторгѣ самъ, умѣлъ и восхищать.

ПОХВИСНЕВА.

4. Въ сей день умерла дочь ея, а моя сводная сестра Анна Михайловна. Я мысленно переношусь на гробы ихъ, и питаю воображеніе свое воспоминаніемъ о сей несчастной женщинѣ и порожденіи ея.

Аксинья Любимовна. Я можетъ быть, не долженъ бы былъ упоминать въ сей книгѣ объ ней по роду отношенія, которое между нами существовало, но поелику поступки ея со мной были всегда таковы, что я безъ искренней благодарности отозваться о нихъ не могу, то забывая слабости ея, ни суду, ни размышленію моему не подлежащія, вспомню о ней во всю жизнь мою съ чувствомъ истиннаго къ ней почтенія. Имѣя всю возможность дѣлать мнѣ непріятности, и много нанести вреда нашему семейству, она напротивъ искала случая каждому изъ насъ угодить, и въ особенности мнѣ оказывала отличное усердіе. По смерти отца моего, всѣ связи между нами могли рушиться, но къ похвалѣ ея скажу, что они не только сохранились до послѣдняго дня ея, но даже и укрѣпились. Я былъ къ ней сердечно привязанъ; она произвела сіе обращеніемъ своимъ. Я гробъ ея проводилъ съ чувствомъ искренняго сожалѣнія до могилы, и буду помнить объ ней, доколѣ самъ жить буду.

ПУШКИНЪ.

5. Графъ Валентинъ Платоновичъ, Фельдмаршалъ, женатой на дочери благодѣтеля моего, Князя Василья Михайловича Долгорукаго Крымскаго. Когда онъ находился при Великомъ Князѣ,

Павлѣ Петровичѣ, я былъ домашнимъ въ его семействѣ. Не проходило дня, чтобъ я или не отобѣдалъ, или вечера не провелъ въ его домѣ, и такъ приглядѣлись къ лицу моему, что меня не почитали за чужаго; по милости его я получилъ право ѣздить на балы Великаго Князя безъ очереди полковой; онъ мнѣ выпросилъ сіе отличіе отъ прочихъ Офицеровъ, изъ коихъ обыкновенно наряжали по два съ полку на балы къ Его Высочеству. Сей первой шагъ ознакомилъ меня съ его дворомъ и повелъ далѣе. У Графа Пушкина заняты были тѣ 4 тыс., кои Государь пожаловалъ женѣ моей въ приданое. На свадьбѣ моей онъ былъ отцемъ моимъ посаженымъ, и привозилъ меня изъ церкви обвѣнчаннаго во дворецъ. Во все время моей Петербургской жизни, я пользовался особенной милостью и Графа и Графини. Сія послѣдняя удостоивала меня чести быть участникомъ во всѣхъ приватныхъ бесѣдахъ и играхъ ея семейства. Графу однажды вздумалось дать ей спектакль: дѣло это поручено было мнѣ, оно приготовлялось къ имянинамъ Графини, 28 Октября. Я сочинилъ оперетку Французскую по числу домашнихъ актеровъ. Ни кого не было на сценѣ стороннихъ, все были Князья Долгорукіе, а изъ женщинъ дочь Графини, и жившія въ ея домѣ Графини Головина и Безобразова. Оперу очень удачно разыграли, она понравилась хозяевамъ и зрителямъ, а вотъ что всего страннѣе и всегда меня удивляетъ, какъ ни вспомню о томъ вечерѣ. Я зналъ, что изъ учтивости послѣ оперы вызовутъ автора, да я же и самъ игралъ и на сей случай приготовился сказать краткое привѣтствіе Графинѣ. Дѣйствительно, едва сталъ опускаться завѣсъ, какъ подняли его опять и закричали: автора; я вышелъ, и подойдя къ зрителямъ, произнесъ довольно твердымъ голосомъ: Madame. Графиня встала, компанія вся также; я такъ оробѣлъ отъ этого общаго движенія человѣкъ ста зрителей, что не могъ ничего выговорить, и принужденъ былъ подать письменно привѣтствіе мое Графинѣ. Вотъ какая разница между тѣмъ, чтобъ говорить съ театра имянно кому нибудь, или играть на театрѣ для многихъ лице чужое: тутъ помогаетъ обольщеніе, тамъ оно пропадаетъ, и человѣкъ цѣнится не по роли своей, а по качеству и достоинству собственному. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, и опытъ мой обратился въ пользу моего заключенія. Подобно всѣмъ временнымъ отношеніямъ, основаннымъ по большой части на минутной выгодѣ или удовольствіи, и это скоро исчезло. Выѣздъ мой изъ Петербурга охолодилъ многихъ ко мнѣ, а меня ко многимъ, и я,

не будучи ни на что пріятное никому нуженъ, пересталъ ѣздить къ Графинѣ, которую однакожъ до нынѣ люблю и почитаю, какъ даму, оказавшую мнѣ множество пріятныхъ услугъ, когда я и самъ могъ имѣть счастіе быть полезенъ и забавенъ. Графъ давно уже скончался, но я помню и его ко мнѣ благоволеніе съ чувствомъ искренняго почтенія къ его имени и достоинствамъ.

ТРУБЕЦКАЯ.

6. Княгиня Наталья Сергѣевна, сестра родная г-жи Мальцовой (см. лит. М.). Я ей столькоже обязанъ, сколько и той за услугу, или доброжелательство, оказанное мнѣ, когда дѣло шло о производствѣ пасынка моего въ офицеры; она приняла равномѣрно жаркое въ этомъ участіе, будучи съ нами знакома очень не коротко. Въ домѣ ея тогда квартировалъ Генералъ Закревской, отъ котораго это зависѣло, и она въ одинъ день раза три приступала съ просьбой за сына жены моей, подавала записки, хлопотала какъ о собственномъ своемъ сынѣ, и все изъ одного чистаго желанія сдѣлать дорбо. Подобные поступки бессовѣстно забывать, и потому я навсегда обязанъ остался благодарностью симъ двумъ почтеннымъ и благотворительнымъ женщинамъ.

ПАНИНЪ.

7. Графъ Петръ Ивановичъ, знаменитой вождь, патріотъ Россійской; дѣла его пребудутъ вѣчно громки, ибо они текли изъ источника чистаго, и одушевлялись прямой любовію къ родинѣ. Я за счастіе почиталъ удостоенъ быть его благоволенія; я ѣжжалъ къ нему всякой праздникъ по утру по тогдашнему на поклонъ. Онъ принималъ меня благосклонно, любилъ говорить, и говорилъ красно; бесѣда его была поучительна. Всякой день я отъ него возвращался съ какимъ нибудь правиломъ, умудряющимъ смыслъ, и назидающимъ нравственность. Подобные дома для молодыхъ людей моего времени были гораздо полезнѣе самихъ школъ, гдѣ научишься многому, но рѣдко пріобрѣтешь науку мыслить и чувствовать. Многія изрѣченія Панина памятны мнѣ и донынѣ; похвала его давала превосходное титло въ обществѣ, котораго я искалъ всего тщательнѣе на свѣтѣ.

ИЗАБЕ.

8. Madame Isabey, Француженка, жена наипріятнѣйшаго музыканта. Они оба жили въ домѣ Князя Куракина, въ Пензенскомъ его имѣніи. Бывая часто въ гостяхъ у Князя, когда я тамъ служилъ, я съ сими иностранцами познакомился. Она была женщина ловкая, пріятная и очень не дура. У меня до сихъ поръ хранятся нѣкоторыя письма, писанныя ко мнѣ ею въ разныхъ случаяхъ во время моихъ отлучекъ. Я никогда послѣ того времени съ ней не видался, но признаюсь, что былъ къ ней не равнодушенъ, и готовъ былъ для провожденія времени, которое такъ скучно убивается въ провинціяхъ, завести съ ней интригу, но время и обстоятельства до того не допустили; я же не могъ быть всегда съ нею вмѣстѣ, а для меня разлука была мечь кладенецъ въ самой пылкой страсти, не только въ бѣглой фантазіи воображенія. И такъ одно имя мнѣ напоминаетъ пріятныя черты ея и милую улыбку, а мелодія, съ какой мужъ разыгрывалъ на скрипкѣ творенія Плееля, особливо фаворитной мой рондо, извѣстной тогда между нами подъ № 12-мъ, никогда не выйдетъ изъ памяти моей, и я слышавши многихъ виртуозъ послѣ него, не умѣю ни одного сравнять съ нимъ.

ЗОНОВА.

9. Катерина Андреевна, урожденная Каминцова (см. лит. К.) Она по смерти отца своего, моего хорошаго пріятеля въ Володимірѣ, будучи безъ мала 20 лѣтъ, разсудила, обще съ малолѣтнимъ братомъ своимъ, выбрать меня себѣ въ попечители, а ему опекуны. Я не могъ отказаться отъ такого, повидимому, лестнаго преимущества предъ всѣми ихъ родными, свидѣтельствующаго и пріязнь и уваженіе ко мнѣ; но нравы человѣческіе не скоро развертываются, и что я принималъ за подвигъ душевной, изъ того открылся по времени политической расчетъ ума и ранняго его пронырства. Поставимъ рядомъ взаимные наши поступки, чтобъ видѣть, въ чью пользу обратится ихъ сравненіе. Я далъ способъ ея брату подарить ей значительной денежной капиталъ не зависимо отъ слѣдующей ей 14 й части въ имѣніи. За ними было слишкомъ 1000 душъ, и богатой ковѣженной заводъ; капиталъ сей состоялъ изъ ста слишкомъ тысячъ, котораго бы она безъ содѣйствія моего получить не могла. Пробывши лѣтъ пять ихъ

опекуномъ, я ни въ чемъ не стѣснилъ ея свободы, и сохранилъ къ ней всѣ нѣжнѣйшія отношенія носимаго мною званія. Разсудилось ей выйти за мужъ за Зона; я ей далъ всѣ возможныя наставленія, и поелику они были безуспѣшны, то ни мало не воспротивился ея супружеству. Могъ бы, имѣя четырехъ сыновей, любому приготовить ее въ невѣсты, и совѣстился даже помыслить о томъ. Таковы были мои дѣйствія, какъ опекуна ея, она съ своей стороны обходилась со мной прекрасно и съ неограниченной довѣренностію. Въ одномъ случаѣ, когда мнѣ надобно было непремѣнно вносить въ казну для освобожденія погибающей подъ залогомъ моей подмосковной до 10 тысячъ, она предупредила меня, и узнавъ о моихъ хлопотахъ, ссудила меня сею суммою, не взявъ даже въ ней росписки, но скоро потомъ потребовала у меня закладной настоятельно, и я ту самую деревню, которую выкупилъ въ казнѣ ея деньгами, заложилъ ей въ оныхъ; въ подмосковной было до 50 душъ. Немного времени спустя обстоятельства мои потребовали, чтобъ я подмосковную продалъ. Изъ первыхъ покупщиковъ явилась она, и почти помолвилъ я оную продать ей за 46 тысячъ. Срокъ закладной приближался; я долженъ былъ ей сдѣлать уступку, но какъ въ Маѣ присрочено было совершиться купчей, и задатку я не бралъ, то между тѣмъ набѣжалъ другой покупщикъ, и далъ мнѣ 56 тысячъ, изъ коихъ я сумму по закладной ей тотчасъ заплатилъ, и получилъ свободу совершить купчую съ другимъ. Г-жа Зонъ слишкомъ явно показала мнѣ тогда, что она хотѣла воспользоваться тѣсными моими обстоятельствами, чтобъ дешево купить хорошее имѣніе. Симъ поступкомъ помрачился прекрасной ея подвигъ при ссудѣ меня деньгами, ибо не трудно было отгадать, что и тогдашнее ея великодушіе основано было на дальновидномъ намѣреніи воспользоваться моей собственностію. Тогда то разорвались всѣ наши отношенія, знакомство наше пресѣклось, и мы уже не видимся нигдѣ; очень этого жаль, но пусть посудятъ: кто изъ насъ правъ, или виноватъ? Тамъ гдѣ я писать стану о братѣ ея, я подробнѣе изъясню причины и интриги, по которымъ я попалъ тутъ въ опекуны, здѣсь, говоря объ ней одной, добавлю, что она до самаго нашего разрыва, обходилась со мной какъ съ отцемъ, была учтива, ласкова, покорна, и любила сообщество всего моего семейства. Я часто гащивалъ у нихъ, они у меня; имъ я обязанъ былъ многими пріятными вечерами осенью, въ Шуйской деревнѣ, гдѣ, они намъ сосѣди, и сколько мнѣ эта опека ни нанесла потомъ неудовольствій

разнаго рода, я всегда съ пріятностію вспомню сельскую нашу жизнь, когда Г-жа Зонъ дѣлила ее съ нами и участвовала въ нашихъ домашнихъ играхъ и театральныхъ зрѣлищахъ, къ которымъ она впрочемъ не имѣла собственной охоты, но одарена была хорошей способностію. Сими воспоминаніями прекращаются всѣ наши взаимныя связи пріязни и короткаго знакомства.

БРЮСЪ.

10. Графъ Яковъ Александровичъ, Подполковникъ Семеновскаго полка, и мой начальникъ. Я ему обязанъ многими пріятными событіями въ моей жизни. Кромѣ того, что онъ всегда благосклонно со мной обходился, не оказывалъ мнѣ никогда криваго вида, и съ участіемъ въ разныя времена занимался судьбой моей, я по особенной его милости произведенъ изъ полковыхъ Адъютантовъ въ Капитанъ-Поручика; мнѣ бы пришлось еще лишній годъ прослужить въ Адъютантахъ, естьли бъ Графъ не очистилъ нарочно въ пользу мою ваканцію, дабы меня произвести скорѣе. По случаю размолвки его съ Маіоромъ Боборыкинымъ, въ которую я былъ часто употребляемъ (см. лит. Б.), онъ никогда не отдавалъ меня ему на жертву, и защищалъ противъ его непріязни, не смотря на связь родства его съ любимцемъ Государыни. По милости его я годъ только прослуживъ Капитаномъ; былъ отставленъ къ статскимъ дѣламъ Бригадиромъ, не смѣя по старшинству даже и ожидать столь отличнаго повышенія, ибо я былъ послѣдній Капитанъ по списку. Онъ былъ на первой свадьбѣ моей у Двора отцемъ посаженымъ съ стороны невѣсты, и потомъ даже по отставкѣ моей изъ гвардіи, когда я искалъ службы гражданской, ходатайствовалъ объ опредѣленіи меня къ должности, и, хотя старанія его не имѣли успѣха, но тѣмъ менѣе ли долженъ я ему признательностію? Будучи уже Вице-Губернаторомъ въ Пензѣ, я во всякомъ случаѣ смѣло прибѣгалъ подъ его покровительство, и всегда находилъ его расположеннымъ мнѣ оказывать всякія полезныя услуги. Таковы были мои отношенія къ сему знаменитому и твердому царедворцу. Онъ характера былъ спокойнаго, и умѣлъ вступаться за тѣхъ, которыхъ разумѣлъ хорошо, во всякомъ опасномъ наитіи рока. Графъ Брюсъ есть одинъ изъ тѣхъ вельможъ Екатеринина вѣка, о которомъ я не могу иначе отозваться, какъ съ похвалой и благодарностію.

ВОЛКОНСКАЯ. † 1830.

11. День рожденія ея, въ которомъ я нѣсколько лѣтъ такъ часто былъ одушевляемъ Амуромъ и Аполлономъ.

Княжна Варвара Петровна. Говоря о ней, долженъ признаться, что несмотря на возрастъ ея, ибо ей было уже за 30 лѣтъ, когда я съ ней познакомился, на черты лица ея, которыми она весьма далеко была отъ того, что мы называемъ не только прекраснымъ, даже пригожимъ, я однако былъ въ нее чрезвычайно влюбленъ. Первому моему знакомству съ нею подалъ поводъ братъ ея, съ которымъ я служилъ вмѣстѣ въ Соляной Конторѣ. Мнѣ было тогда самому за 30 лѣтъ, слѣдовательно я не въ самомъ энтузіазмѣ молодости очарованъ былъ ею, у меня же тогда была безподобная жена, и миленькія дѣти; все это не удержало меня въ границахъ цѣломудрія и разсудка; дивиться этому не должно. Тотъ вѣчно ошибется, кто понадѣется на свою мудрость, когда любовь зажжетъ его душу. Достоинства Княжны: острой умъ познанія, все меня въ ней плѣнило. Чѣмъ труднѣе мнѣ казалось пріобрѣсти взаимность склонности, тѣмъ сильнѣе я напрягалъ къ тому всѣ средства моего разумѣнья; домъ ихъ былъ при отцѣ, а послѣ и при братѣ всегда открытъ и содержался пышнымъ образомъ. Игравши у нихъ очень часто комедіи, привыкнувши постепенно изъ гостя дѣлаться домашнимъ, я по сотовариществу службы съ братомъ, скоро влюбился въ нее до безумія. Жена моя, безошибочно полагаясь всегда на честность моихъ правилъ, глядѣла и на сіе изступленіе, какъ на новой метеоръ, которой подобно многимъ другимъ, долженъ былъ погаснуть, какъ скоро лишится своей пищи. Интриги всѣ имѣютъ одинъ ходъ; толковать объ нихъ не стоитъ труда, во всякомъ романѣ онъ списанъ съ натуры. Сперва были свободные разговоры, потомъ тайныя довѣренности, догадливыя молчанія, потомъ ежедневная утренняя переписка подъ разными предлогами, вслѣдъ затѣмъ скромныя свиданія на единѣ, гдѣ ласковости разнаго рода заставили насъ мысленно посвятить себя другъ другу. Судьба назначила мнѣ непремѣнную разлуку съ Княжной. Я поѣхалъ въ Володиміръ. Горькихъ слезъ стоило мнѣ прощанье съ ней; но переставши ее видѣть, внимать ей, впиваться въ страсть свою, я чувствовалъ, что жаръ мой началъ простывать, однако и заочно переписка съ каждой почтой питала еще мое пристрастіе. Братъ ея по обстоятельствамъ домашнимъ переѣхалъ жить въ свою Владимірскую

деревню. Она была только въ трехъ верстахъ отъ города. Все споспѣшествовало продолженію нашей связи. Княжна пріѣжжала туда лѣтомъ, мы съ ней видались по прежнему, портретъ ея не выходилъ изъ моего кармана; уста наши смыкались нѣжнѣйшими поцѣлуями, кои умножали восторгъ мой и любовь ея ко мнѣ. Измѣнивъ женѣ моей для нея, я и ей становился часто невѣренъ, но она столько же имѣла преимущества надъ минутными моими заблужденіями во время интриги съ ней, сколько, въ сравненіи съ моей женой, теряла сама въ тѣхъ искреннихъ чувствахъ сердца, коими я былъ привязанъ къ Евгеніи. Скоро явилось тому пагубное доказательство. Я лишился жены и низринулся въ бездну отчаянную всякаго зла. Въ первомъ волненіи чувствъ, мнѣ опротивѣла Княжна Волконская. Я пересталъ къ ней писать, разорвалъ съ ней всякое знакомство, отказалъ свиданіе съ ней въ проѣздъ мой черезъ Москву, и, казалось, вырвался изъ сѣтей, кои нѣсколько лѣтъ опутывали меня у ногъ ея. Къ такому сильному и внезапному отвращенію много послужилъ весьма замѣчательной сонъ, которой видѣлъ я, уснувши очень крѣпко на голомъ полу, въ послѣдніе часы жизни Евгеніи: я видѣлъ себя во мракѣ, и въ немъ явственно мнѣ представилось лицо Княжны, окруженное отвсюду мглою. Видъ сей меня поразилъ. Я вскочилъ, услышалъ около себя шумъ, хотѣлъ ити къ женѣ..... ея уже не было на свѣтѣ. Сонъ сей предтечей былъ моего вдовства, и разрыва съ Княжною. Но всякая печаль имѣетъ свое время. Моя была сильна, однако не выше естественнаго закона сердецъ человѣческихъ. При первомъ отдыхѣ отъ сильныхъ волненій, образъ Княжны Волконской снова началъ дѣйствовать на мои чувства; приступъ ея къ сердцу былъ тѣмъ опаснѣе, что къ несчастью оно сдѣлалось свободно: я снова сталъ искать отрадъ въ ея любви, мало по малу переписка наша возобновилась, и не только получила прежнюю волшебную силу, но дѣло дошло до взаимнаго обѣщанія соединиться новыми крѣпчайшими узами на всегда. Все между нами положено было на мѣрѣ. Однажды, въ разговорѣ о необходимости моей искать товарища, дабы избѣжать при большомъ семействѣ, развратности вдовьей жизни, отъ которой не всякой имѣетъ силу и мужество остеречься, дочь моя старшая, будучи уже 15 лѣтъ, и любимѣйшее мое дитя, при исчисленіи многихъ сверстницъ моихъ въ ея полѣ, со слезами спросила меня: «Уже ли, папинька, вы женитесь на Волконской?» Этого было довольно. Пистолетный выстрѣлъ не попадалъ такъ мѣтко въ

цѣль свою. Съ той минуты я оледенѣлъ скоропостижно къ Княжнѣ Волконской, отослалъ ей портретъ ея, рѣшительно прекратилъ связь мою съ нею, и остался при холодномъ одномъ къ ней уваженіи. Вотъ исторія сей страсти моей, которая продолжалась почти 10 лѣтъ. Въ нѣсколькихъ страницахъ не помѣстилъ бы я всѣхъ тѣхъ случаевъ, кои знакомство мое съ ней приводитъ мнѣ на память; да и къ чему разстроивать ими свое воображеніе? Главныя черты моей связи описаны. Тогдашнее время составляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ моей жизни: я былъ пресыщенъ наслажденіями души и сердца, я любилъ пламенно, былъ любимъ съ жаромъ. Лучшій свидѣтель моего положенія есть книга моихъ сочиненій: тамъ все, что найдетъ читатель на имя Глафиры, посвящено было Княжнѣ Волконской; она произвела изъ меня стихотворца; безъ любви къ ней я бы, можетъ быть, никогда не написалъ лучшихъ моихъ сочиненій; ей, точно ей, обязанъ былъ вдохновеніемъ Апполлона, и по сему уже одному имя ея не умретъ въ памяти, доколѣ сердце мое будетъ биться. Она казалась мнѣ образцомъ всѣхъ совершенствъ; одна Евгенія стояла выше ея въ сердцѣ моемъ, и одерживала всегда надъ ней побѣду; все прочее въ природѣ уступало ей преимущество, и я, сотворивъ себѣ идеалъ, поклонялся ему въ ней раболѣпно. У меня донынѣ хранится, и всегда на глазахъ, памятникъ моей страсти къ ней, тотъ силуетъ, которой, на одной забавной вечеринкѣ у нихъ въ домѣ, въ Великой Постъ, снялъ съ меня одинъ изъ собесѣдниковъ нашихъ. Подлинной остался у Князя, а у меня копія съ него. Я, какъ теперь, гляжу на тотъ стулъ, на которомъ я списанъ, протянувъ руку къ компаніи и важно говоря: «Je gave». Такъ говаривали тогда изъ проказы, вмѣсто того, чтобъ сказать: «Я говѣю.» Чего не вспомнишь, когда заглянешь въ старинку!

ЛАНСКАЯ.

12. Елисавета Ивановна. Съ ней мы въ дружескомъ отношеніи уже болѣе 30 лѣтъ, которое донынѣ продолжается. Она по себѣ была Виламова, дочь небогатыхъ иноземцевъ, кои пріютились въ Россіи: мать ея помѣщена была дамой Надзирательницей надъ классами въ Смольномъ монастырѣ, въ которомъ воспитывались и обѣ дочери ея, Елисавета и Анна. Первая была очень дружна съ покойной женой моей, отъ самой нѣжной юности. Это заставило меня искать знакомства съ Луизой (такъ ее звали

въ монастырѣ), когда я влюбился въ подругу ея, Смирную, у Двора, и черезъ нее я нашелъ случай сближаться сердцемъ съ моей Евгеніей. Судьбы человѣческія, по какимъ-то недовѣдомымъ намъ случаямъ, чрезвычайно играютъ нами. Когда дѣвица Виламова была бѣдная только монастырка, и едва имѣла чѣмъ одѣться, тогда Смирная, взятая ко Двору, привыкала всякой день къ прекраснѣйшимъ надеждамъ, и питала ихъ въ душѣ своей. Не такъ устроилъ Богъ взаимныя ихъ обстоятельства въ будущемъ. Виламова попала также къ Двору въ учительницы Великаго Князя Александра Павловича и проложила себѣ дорогу гораздо вѣрнѣе моей жены полезными своими трудами. Великая Княгиня полюбила ее, привыкла къ ней, возвысила ея жребій, и когда Виламова, влюбясь въ молодаго Офицера гвардіи, Ланскаго, испросила позволенія за него выйти, то награждена была хорошимъ пенсіономъ. При вступленіи Павла на престолъ, мужъ ея сдѣлался Камергеромъ, ей пожаловано 600 душъ, и она вышла барыня. Моя жена, напротивъ, съ великою пышностію выданная за меня при Дворѣ, ничего не могла со мной дѣлить, кромѣ роковыхъ моихъ несчастій и уничиженій, и отъ высокихъ благотворителей своихъ не получа ничего, кромѣ обыкновеннаго приданаго изъ нарядовъ и ожерельевъ, прожила ихъ скоро со мною вмѣстѣ и нашла въ удѣлъ себѣ недостатки всякаго рода. Такимъ образомъ въ политическомъ мірѣ Виламова стала по времени столько выше жены моей, сколько ниже ея была, при появленіи ихъ обѣихъ изъ Смольнаго къ одному и тому же Двору. Подобная разница въ обстоятельствахъ расторгаетъ часто связи дружества, но здѣсь они были прочно основаны, и по тому Ланская съ женой моей остались искренними между собой на всегда; бывали по временамъ отъ разлукъ и разныхъ недоразумѣній краткія между нами остуды, но мы всегда возвращались съ большимъ жаромъ къ прежнимъ нашимъ отношеніямъ, и даже, по вдовствѣ моемъ, Ланская сама, потерявъ мужа своего, достигшаго Сенаторскаго званія, сохранила ко мнѣ и дѣтямъ моимъ то самое расположеніе, въ какомъ я нашелъ ее противъ себя, когда мы начинали еще свыкаться въ дружбѣ. Я съ ней велъ постоянную переписку, изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ розно съ ней жилъ: писывали мы другъ къ другу не слишкомъ часто, но постоянно отвсюду и въ одинакомъ духѣ пріязни. Я ей обязанъ многими полезными совѣтами въ разныхъ случаяхъ жизни; она всегда принимала искреннее участіе въ моихъ обсто-

ятельствахъ; во время приключеній моихъ въ Пензѣ много спо спѣшествовала женѣ моей по связямъ своимъ у Двора къ повороту въ пользу мою расположенія Императора Павла, и хотя онъ меня перестаіъ уже жаловать, восшедши на тронъ, но, по крайней мѣрѣ, не раздражался противъ меня до такого крайняго степени, то какого онъ доходилъ съ другими, нендравными ему людьми. Во время невзгодъ самой Ланской, ибо кто ихъ не имѣлъ при Павлѣ, когда и они не надолго сосланы были въ Псковскія свои деревни, я учащалъ свою съ ней переписку, и не боясь угрозъ шпіонскихъ, удержалъ прежнія мои дружескія отношенія. Сей знакъ моей искренности стократно заплаченъ былѣ мнѣ ею въ дни моихъ новыхъ бѣдствій, когда я отрѣшенъ изъ Губернаторовъ. Тутъ она развернула весь свой доброжелательный характеръ, просила обо мнѣ Министровъ, наклоняла ихъ въ мою пользу, хлопотала всячески, и когда не могла мнѣ быть полезной, умѣла сострадать мнѣ, и плакать вмѣстѣ со мною. Въ ближайшія къ намъ времена, оказывала разныя вспоможенія сыновьямъ моимъ, служащимъ въ Питерѣ, и часто терпящимъ нужду, словомъ, искала всегда, вездѣ, ищетъ и донынѣ всѣхъ средствъ доказать мнѣ, что она, искренно меня полюбивъ съ начала, не мѣняется ни въ чувствѣ дружества, ни въ поступкахъ, кои отъ него истекать должны, и по тому я обязанъ во всю жизнь мою помнить Ланскую, бывшую Луизу Виламову, быть ей всегда благодаренъ, и отзываться объ ней съ той непринужденной похвалою, которую заслуживаютъ любовь истинная и благородныя ея пожертвованія.

ПОСНИКОВЪ.

13. Захаръ Николаевичъ, Сенаторъ, человѣкъ, съ которымъ, не будучи знакомъ, я попалъ въ случайное отношеніе по службѣ. Оно мнѣ всегда памятно будетъ, по важности обстоятельства. Судимъ былъ въ Володимерской Уголовной Палатѣ по настоянію моему крестьянинъ Графа Шереметева, сильно подозрѣваемый въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій: онъ былъ богатъ, а по тому и защищался неотступно. Палата готова была его оправдать, что и сдѣлала, воспользовавшись моимъ отпускомъ въ Питеръ, безъ меня. Но я довелъ сіе дѣло до Государя, и просилъ о нарядѣ чиновника сторонняго разсмотрѣть дѣло на мѣстѣ. Наряженъ Посниковъ: онъ тогда былъ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ Московскомъ Сенатѣ. Пріѣхалъ въ Владиміръ, вступилъ въ Уголовную

Палату и, по данному ему повелѣнію, произвелъ дѣло въ званіи Предсѣдателя Палаты; рѣшеніе свое и голоса членовъ отнесъ по порядку ко мнѣ на утвержденіе. Такъ приказано было, и я, видя его согласнымъ съ собою во мнѣніи, далъ дѣлу надлежащій ходъ далѣе. Ни онъ, ни я не успѣли въ нашемъ намѣреніи: виновникъ откупился деньгами, и Совѣтъ выпустилъ его на свободу въ вотчину. Вотъ случай, которой положилъ начало моему знакомству съ Посниковымъ; я его зналъ и прежде, когда онъ правилъ дѣлами Канцлера Графа Воронцова, и при немъ дослужился до чина Статскаго Совѣтника, потомъ, будучи Оберъ-Прокуроромъ въ Петербургѣ, онъ жарко вступался за меня, во время производства дѣлъ моихъ, и всегда былъ на моей сторонѣ, за что я сохраню къ нему навсегда должную признательность; ибо онъ не имѣлъ никакихъ причинъ пристрастно расположиться въ мою пользу; связи между нами никакой не было, и ежели онъ хорошо думалъ обо мнѣ, то симъ я обязанъ собственному его убѣжденію, а не посторонним проискамъ и ходатайствамъ, и по тому я во всякое время съ искреннимъ удовольствіемъ встрѣчаюсь съ нимъ.

МАЛЬТИЦЪ.

14. Баронъ Петръ Федоровичъ. Онъ первой былъ мой частной Начальникъ въ гвардіи, командовалъ 2-й ротой, въ которую я былъ причисленъ Прапорщикомъ; по этому сталъ мнѣ памятенъ. Онъ былъ пріятнаго обращенія человѣкъ, хорошо воспитанной, и всѣ имѣлъ вкусы свѣтскіе. Я много заимствовалъ пользы изъ его бесѣды; онъ хорошо со мной обходился, ласково принималъ. Мы часто ѣжжали по дачамъ вмѣстѣ, и много, и много веселыхъ случаевъ раздѣляли съ нимъ. Вышедши изъ гвардіи, онъ попалъ въ Посланники, жилъ въ чужихъ краяхъ, и мы съ нимъ уже нигдѣ не встрѣчались. Будучи въ одномъ полку, я дорожилъ его знакомствомъ, болѣе многихъ другихъ сотоварищей нашихъ; ибо онъ былъ пріятно образованъ, и я говорю здѣсь объ немъ, какъ объ человѣкѣ, съ которымъ мы были чрезмѣрно согласны во вкусахъ. Тогда знакомство такого Офицера было пріобрѣтеніе для молодаго рекрута, какъ я, въ большомъ свѣтѣ.

ДИЦЪ.

15. Отставной Оберъ-Офицеръ, нанесшій мнѣ значительной убытокъ, котораго я забыть ни какъ не могу. Онъ нѣкогда упс-

треблен былъ мною въ Владимірѣ по казеннымъ дѣламъ; на рукахъ его отстроился каменной корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ въ Муромѣ, и онъ отдалъ мнѣ въ употребленіи сорока тысячъ казенныхъ денегъ вѣрной и хорошій отчетъ. Это обратило на него мое особенное вниманіе, какъ на человѣка благонадежнаго. Будучи уже въ отставкѣ и дома въ Москвѣ, послѣ всѣхъ ея злоключеній, увидѣлъ я Дица, ищущаго себѣ мѣста по Казенной Палатѣ; тамъ не принимали иначе въ Казначеи, какъ съ залогомъ. У него ничего не было, кромѣ сюртука на плечахъ, а у меня въ подмосковной душъ до 15-ти крестьянъ было свободныхъ. Послѣ вышеприведеннаго опыта честности его, совѣстно было мнѣ не помочь ему. я ему довѣрилъ мои 15 душъ, и онъ ихъ представилъ въ залогъ, опредѣлился въ Уѣздные Казначеи, и три года прослужа очень порядочно, явился ко мнѣ съ отличнымъ аттестатомъ и квитанціей Казенной Палаты за всѣ три года. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повторилъ просьбу о продолженіи еще ему на три года прежней довѣренности. Не было причины отказать, я согласился; но не прошло мѣсяца, какъ у него пропало казенныхъ денегъ до 13 тысячъ. Онъ хотѣлъ утопиться, и бросился въ воду, но спасенъ для путешествія въ Сибирь, по тому что съ него взять было нечего. Изъ всего начета нѣкоторое число поступило въ казну взысканіемъ съ Уѣздныхъ чиновъ, а мой залогъ стали продавать съ аукціону; доплатить приходилось 8 тысячъ. Я ихъ внесъ, и далъ себѣ послѣ этого урока честное слово не вдаваться въ излишнія добродѣтели, и ни за кого по денежнымъ дѣламъ не жертвовать ни имѣніемъ своимъ, ни письменнымъ поручительствомъ. Этотъ убытокъ, весьма для меня чувствительной, тѣмъ еще тягостнѣе, что онъ связанъ былъ съ такими домашними обстоятельствами, которыя поставили меня въ необходимость поторопиться продажей всей моей подмосковной, и по тому имя Г-на Дица получило право жить въ памяти моей незабвенно.

БРОГЛІО.

16. Графиня Анна Петровна, урожденная Левашова. Она была за двумя мужьями: сперва за Княземъ Трубецкимъ, а потомъ за Французомъ; она любила театръ и, по согласіи сей склонности съ моею, я съ ней познакомился во время перваго ея мужа. Мы съ ней разыграли драму подъ названіемъ: «Эдуардъ и Эмма», сочиненіе одной Княгини Трубецкой, въ которомъ представлены

только двѣ роли. Частыя пробы сдѣлали между нами пріятельскую связь; а какъ я имѣлъ пламенное воображеніе и сердце, то и почувствовалъ къ ней любовь сильнѣе той, которую можно назвать пріязнью; Графиня была хороша, виднаго роста и пріятнаго обращенія. Будучи вмѣстѣ съ ней и на сценѣ. и въ отборныхъ круговенькахъ, я до того къ ней пристрастился, что начиналъ скучать тамъ, гдѣ ея не было. Нѣсколько зимъ сряду мы забавлялись театромъ въ разныхъ обществахъ. и комедія bon ton была одна изъ тѣхъ, которыя мнѣ привлекли наиболѣе похвалъ отъ публики. Кто читаетъ мои сочиненія, тотъ долженъ знать и Низовую повѣсть, подъ заглавнымъ титуломъ «Ана». Ей была посвящена эта сказка, для нея и написана. По чувству, съ которымъ она вылита изъ пера, можно отгадать, въ какомъ расположеніи были сердце мое и голова, во время частыхъ свиданій съ любезной Княгиней Трубецкой. Отсутствіе мое изъ Москвы прекратило короткость въ ея домѣ. Театръ былъ основаніемъ моего пристрастія; сойдя съ него, я нашелъ въ ней постороннее лицо. Воротясь, по долговременной отлучкѣ на родину, я уже нашелъ ее женой Генерала, эмигранта Графа Брогліо, и знакомство наше возобновилось, но уже въ другомъ видѣ: я не плѣнялся ею, и не игралъ комедіи: лѣта много перемѣны произвели въ насъ въ обоихъ. Умные и ученые люди съѣжжались къ ней уже не очарованія питать, а наслаждаться хорошимъ столомъ, къ которому и я, бывая не рѣдко приглашаемъ, воспоминалъ тѣ счастливые порывы молодости, которые составляютъ сокровище дней человѣческихъ, и какъ легкой сонъ скоро проходятъ.

ПОБѢДИНСКОЙ.

17. Федоръ Яковлевичъ, скончавшійся въ самой несчастной долѣ. Я былъ въ одномъ полку гвардіи съ нимъ: онъ старшимъ Капитаномъ, я Прапорщикомъ; слѣдовательно, часто попадалъ подъ его начальство, особенно когда онъ правилъ нѣкогда за Маіора всѣмъ полкомъ, а я былъ Адъютантомъ; тутъ я совершенно бывалъ ему подчиненъ. Онъ всегда принималъ меня ласково и обходился безъ грубости. Я этого не забылъ, какъ увидятъ ниже. Перемѣнилось время, и настало самое крутое для него. Будучи уже Генералъ-Маіоромъ, отставленъ онъ при Александрѣ, подпалъ жестокому приговору Дворянства Ярославскаго, которому поручено было, по волѣ Государя, судить его при выборахъ за

тираннические будто бы поступки съ крѣпостными его поселянами въ той Губерніи. Кончился судъ тѣмъ, что Побѣдинской, по имянному Указу, сосланъ на покаяніе въ Евѳимьевъ монастырь; имѣніе его взято въ опеку, а на содержаніе его велѣно отпускать только по рублю въ сутки, или еще, помнится, по полтинѣ: за нимъ было душъ до трехъ сотъ. Я тогда былъ Губернаторомъ въ Владимірѣ, и пораженъ какъ громомъ, когда вдругъ онъ представился мнѣ арестантомъ. Тяжко было сердцу моему, чтобъ онъ ни сдѣлалъ, стараго моего начальника запирать въ обитель, но долгъ службы того требовалъ, и я его исполнилъ, соблюдя сколько могъ совѣстное къ нему состраданіе въ моихъ поступкахъ. Хвала Господу Богу! Онъ привелъ меня разными путями облегчить его участь. Не могъ я совершенной доставить ему свободы, по крайней мѣрѣ, настоянія мои помогли мнѣ исходатайствовать ему дозволеніе жить въ Губернскомъ городѣ, подъ моимъ присмотромъ, съ тѣмъ же, однако, содержаніемъ, какое ему назначено было въ монастырѣ; по крайней мѣрѣ, онъ могъ жить съ людьми ровными ему, и иногда находить отрады въ сообществѣ, ему свойственномъ. Такъ онъ прожилъ во все время моего Губернаторства, а послѣ меня скоро сталъ хворать, и недавно умеръ въ самомъ жалкомъ положеніи. Я не знаю, правильно ли его судили; не знаю и того, въ чемъ, но, видѣвъ изъ присланныхъ ко мнѣ бумагъ, что судъ надъ нимъ произведенъ самовластной, безъ сохраненія узаконенныхъ на то формъ (ибо трибуналы, а не толпище дворянъ, уполномочены у насъ опредѣлять наказаніе) заключаю изъ самаго сего отступленія, что Побѣдинскаго хотѣли погубить и лишить имѣнія въ пользу родственниковъ, которымъ власти покровительствовали, по тому что онъ не былъ женатъ, а по сему разумѣнью, я не могу не жалѣть объ немъ, какъ о несчастной жертвѣ жестокаго деспотизма.

ПРИКЛОНСКОЙ.

18. Михайла Васильевичъ, Директоръ Московскаго Университета, при которомъ я вступилъ въ оной, по милости его принятъ прямо Студентомъ. У него въ комнатѣ и при немъ меня экзаменовали, въ Латинскомъ языкѣ, Гг. Профессоры Барсовъ и Чеботаревъ; заставили меня перевести какую ни будь статью изъ газетъ, съ Русскаго на Латинской языкъ, и послѣ записали на лекціи. Г. Приклонской всегда обходился со мной очень хорошо,

и отличалъ меня. Двѣ проказы онъ мои замѣтилъ, но видя, что онѣ происходили отъ ребячества, не поставилъ мнѣ ихъ въ сильное преступленіе, и только пожурилъ со всей кротостью пріязни. Былъ у насъ Учитель Французскаго языка, Г-нъ Пинжетъ, старичокъ, которой по утрамъ зимою, приходя въ классы, всегда отогрѣвался на печкѣ. Однажды я, вообще съ своими товарищами, вздумалъ съ нимъ сыграть шутку: онъ пришелъ, иззябъ, продрогъ, и полезъ на печь; лежанка была высока, почти у карниза, мы подставляли ему лѣстницу. Чуть лишь онъ сѣлъ и задремалъ, а мы лѣстницу прибрали. Директоръ хаживалъ по классамъ почти всякое утро, да онъ и жилъ въ домѣ Университета. Услышавъ, что онъ идетъ къ намъ, мы вскочили. Приклонской въ двери. Толпа ребятъ, а учителя нѣтъ! «Гдѣ же вашъ Пинжетъ?» Мы молчимъ. «Что жь вы, господа, не скажете?» Между тѣмъ старикъ отъ стуку проснулся; сойти нельзя, спрыгнуть опасно. Директоръ оглянулся, и Пинжетъ на печи. Онъ его потазалъ за эту оплошность, поглядѣлъ на всю нашу компанію сурово, а мнѣ погрозилъ пальцемъ, и самъ, послѣ улыбнулся. Оно и подлинно было смѣшно. Въ другой разъ, по Университетскому обычаю, когда не приходилъ какой либо Учитель нижнихъ классовъ, то посылали изъ Студентовъ кого ни будь въ тотъ классъ надзирать надъ школьниками, во время его часовъ до звонка и роспуска. Французской азбучной Учитель не бывалъ: дано знать Барсову. Я у него сидѣлъ на лекціи: онъ меня туда и нарядилъ. Тамъ было ребятъ до 70, малъ мала меньше. Я сдѣлался важной у нихъ особой и, взявши на себя характеръ педагога, сталъ ихъ испытывать въ азбукѣ, и поминутно то того поставлю на колѣни, то другого въ уголъ, а инымъ и по рукамъ линѣйкой доставалось, что не очень пріятно ощущать, когда она ребромъ хватитъ по косточкамъ. Начался у меня въ классѣ шумъ, вопль и визготня, настала инквизиція во всей формѣ. Опять Директоръ шествуетъ по классамъ, и прямо къ намъ. Увидя весь классъ въ волненіи и сумятицѣ, спросилъ: «Гдѣ Учитель?» Я, вставши съ креселъ громогласно воскликнулъ: «Я за него, Ваше Превосходительство, отряженъ изъ Факультета высшихъ наукъ.» Приклонской велѣлъ всѣмъ школьникамъ по своимъ мѣстамъ сѣсть, а меня выгналъ опять въ высшій мой Факультетъ, въ которомъ я менѣе имѣлъ случаевъ тогда проказить. Тѣмъ все и кончилось. Съ тѣхъ поръ уже я не былъ никогда удостоенъ чести играть роль педагога, и долго досадовалъ, что Приклонской слишкомъ либерально поступилъ съ учениками

алфавита Французскаго. Кто не шалилъ, будучи ребенкомъ? Но кому не весело вспомнить проказъ своихъ тогда, какъ уже силъ нѣтъ ихъ дѣлать ни въ какомъ родѣ? Имя старичка Приклонскаго такъ связано съ моими дѣтскими годами, что мнѣ всегда пріятно будетъ вспомнить доброту сердца его и благосклонное ко мнѣ расположеніе.

ГОЛОВКИНЪ.

19. Графъ Юрій Александровичъ, Китайской Посолъ и значительной чиновникъ въ Государствѣ. Онъ въ біографіи моей долженъ найти особенное мѣсто, по тѣмъ пріятнымъ отношеніямъ, въ которыхъ я съ нимъ нѣкогда находился. Въ молодости нашей, служа въ полкахъ гвардіи, мы были знакомы, но не коротко; потомъ, происходя придворными чинами, онъ скоро достигъ важныхъ дипломатическихъ званій. Когда я былъ Губернаторомъ въ Владимірѣ, онъ наряженъ Посломъ въ Китай, и поручено ему было сдѣлать ревизію всѣмъ по пути лежащимъ Губерніямъ, въ томъ числѣ и моей. Въ это время онъ оказалъ мнѣ свое расположеніе, и я остался ему за оное обязанъ незабвенною благодарностію. Онъ жилъ въ городѣ съ недѣлю, занимаясь прилежно дѣлами Губерніи, былъ лично во всѣхъ Присутственныхъ Мѣстахъ, подвергая каждое строгому, но благоразумному, испытанію. По его рапорту о Губерніи, и представленіи лично обо мнѣ, я былъ удостоенъ весьма лестнаго рескрипта, съ пожалованіемъ мнѣ столовыхъ экстраординарныхъ денегъ по 200 руб. въ мѣсяцъ, что было еще не очень обыкновенно въ то время. Сей рескриптъ присланъ былъ мнѣ отъ Графа Кочубея, Министра, и подписанъ Государемъ за границей въ Моравіи. По предстательству Графа Головкина, всѣ мои представленія имѣли надлежащій успѣхъ, и даже мнѣ удалось перемѣнить Вице-Губернатора, которымъ я былъ очень недоволенъ. На возвратномъ пути изъ Китая, Графъ опять остановился проѣздомъ въ Владимірѣ, и хотя по смутнымъ временамъ тогдашнимъ очень спѣшилъ съ отчетомъ ко Двору, однако посѣтилъ меня въ моемъ домѣ, и оказалъ мнѣ всякое доброхотство. Такія услуги тѣмъ памятнѣе быть должны, что не всякой большой баринъ готовъ ихъ оказывать, особенно людямъ, подверженнымъ его оцѣнкѣ. Въ первое пребываніе Графа у насъ, я былъ уже вдовъ, но, единственно изъ уваженія къ нему, далъ маленькой у себя праздникъ, и дочь моя старшая играла Французскую піесу на нашемъ домашнемъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ. Нѣтъ ни-

чего пріятнѣе подъ старость, какъ воспоминаніе тѣхъ случаевъ въ жизни, въ которые мы испытали хорошіе поступки отъ лицъ, связанныхъ съ нами по отношеніямъ службы, или пріязни.

СОКОВНИНЪ.

20. Сергѣй Петровичъ, родственникъ нашъ по матушкѣ, старикъ почтеннѣйшій по благочестію и благонравію. Мы рѣдко видались, по тому что онъ большую часть времени проживалъ пустынникомъ уединеннымъ въ своей деревнѣ. Тамъ онъ любилъ заниматься перомъ, иногда писывалъ и ко мнѣ, доставляя небольшіе отрывки своихъ благочестивыхъ произведеній: ибо онъ особенно любилъ изслѣдовать древности церковныя. Отзывы его обо мнѣ, со всѣми кто видалъ его, такъ были лестны, любовь его ко мнѣ была такъ искренна, что я, безъ почтенія и взаимной приверженности, не могу о немъ вспомнить. Онъ недавно скончался, и я съ сожалѣніемъ тѣмъ бо́льшимъ свѣдалъ о сей потерѣ, что не за долго предъ тѣмъ онъ побывалъ въ Москвѣ, провелъ въ ней цѣлую зиму, и я, въ частыхъ свиданіяхъ съ нимъ, узналъ всю цѣну сего достойнаго и почтеннѣйшаго мужа.

АНДЖЕЛИ.

21. Недужной и престарѣлой Маіоръ. Ему было слишкомъ 80 лѣтъ, когда я съ нимъ случайно познакомился. Онъ служилъ, во время похода нашего въ Финляндіи, въ гарнизонѣ Вельманстрандскомъ. Когда жена моя пріѣжжала для свиданія со мной въ армію, то она останавливалась на квартирѣ въ этой крѣпости, и я тутъ съ ней нѣско́лько дней прожилъ. Въ это время Анджели былъ всякую минуту у насъ. Онъ имѣлъ хорошія познанія, зналъ иностранные лучшіе языки, разсказчикъ неутомимой старинныхъ анекдотовъ, изъ которыхъ иные скрашивалъ мастерски своимъ повѣствованіемъ. Бесѣда съ нимъ была для насъ находка: въ такомъ пустомъ мѣстѣ мы ему были одолжены пріятнымъ провожденіемъ самаго скучнаго времени въ жизни нашей. Онъ волочился за женой моей, и это дѣлало его очень забавнымъ: онъ ей подносилъ Французскіе стихи, которые сочинялъ на Финляндскихъ холмахъ и утесахъ, ходя туда до свѣта углубляться въ мистическія мечтанія. При случившейся вдругъ въ лагерѣ тревогѣ, когда я долженъ былъ бросить жену и скакать къ своей ротѣ,

стоявшей въ 96-ти верстахъ оттуда, жена моя оставалась цѣлыя сутки на его рукахъ, и онъ оказалъ ей всякое попеченіе, отвращая отъ нея страхи и безпокойства, столь естественныя въ ея разлукѣ со мной на чужой сторонѣ. Сей опытъ усердія далъ ему право помѣщенія въ Лексиконѣ моихъ отношеній.

ЗАКРЕВСКІЯ.

22. Двѣ молодыя благородныя дѣвушки, жившія съ вдовымъ отцомъ своимъ на дачѣ въ сосѣдствѣ Графа Строганова, у котораго, на Каменномъ Острову, мы съ первой женой цѣлое лѣто препроводили въ особомъ домикѣ, на Невѣ, весьма пріятно. Я съ ними не былъ вовсе знакомъ, не смотря на близкое сосѣдство; ибо онѣ вели какой-то особой родъ жизни, имъ свойственной; слыли наѣздницами на коняхъ, сожигали у себя на дачѣ частые феерверки, производили пальбу изъ пушекъ, словомъ, проводили время на подобіе молодыхъ людей въ военномъ станѣ, или кочующихъ народовъ. Я бы совсѣмъ объ нихъ забылъ, не видавши ихъ потомъ нѣсколько лѣтъ, естьли бъ не приходила мнѣ часто на мысль, вмѣстѣ съ именемъ ихъ, смѣшная проказа. Противъ нашего флигеля была на берегу Невы уютная бесѣдочка, въ которой я бывало, раздѣвшись по утру, пойду купаться и, воротясь изъ воды, опять въ ней одѣнусь. Однажды, лишь только я вошелъ въ рѣку и искалъ мѣста, гдѣ погрузиться, какъ услышалъ топотъ лошадей и взвидѣлъ скачущихъ на нихъ двухъ барышенъ Закревскихъ. Я тотчасъ кинулся въ воду, и онѣ проѣхали; потомъ я, вынырнувъ, сталъ плескаться водою. Барышни опять проскаскали. Я опять нырнулъ въ воду, и какъ слѣдъ ихъ совсѣмъ пропалъ, я выкупался, вышелъ и достигалъ уже бесѣдки, но вдругъ онѣ же, и шагомъ, опять ѣхали по берегу. Я стоялъ уже на отмели, но бесѣдка была еще шагахъ въ 50 ти, броситься въ воду негдѣ, да и не спрячешься; и такъ я разсудилъ очень тихимъ шагомъ, въ водѣ только по колѣни, шествовать къ моему домику, а онѣ, ни мало не смущаясь, шашкомъ переѣхали, и имѣли все время высмотрѣть, счастливо ли я былъ одаренъ отъ природы.

ПАВЕЛЪ.

23. Архимандритъ Данилова монастыря въ Переславлѣ и Ректоръ Владимірской Семинаріи. По несогласію съ Архіереемъ

и болѣзненнымъ припадкамъ, онъ уже мало обучалъ, а жилъ уединенно въ своей обители, и занимался науками, до которыхъ онъ былъ охотникъ, и во многихъ свѣдущъ. Я его любилъ съ уваженіемъ къ блистательнымъ его дарованіямъ, кои хотя потемнены были слабостію, столь многимъ духовнымъ лицамъ, къ несчастію, свойственною, однако жь должно и по смерти отдать ему справедливость, что онъ былъ краснорѣчивѣйшій проповѣдникъ своего времени. Многія проповѣди его заслуживаютъ особенное вниманіе. Во время службы моей въ той сторонѣ, бывая иногда въ Переславлѣ, я всегда его навѣщалъ, и люблю вспоминать даже теперь наши бесѣды, въ хорошій лѣтній вечеръ подъ липами, гдѣ, на простыхъ скамейкахъ, оба, сидя рядомъ и бросая взоръ на озеро и всѣ окрестности Переславскія, мы съ нимъ вдавались въ глубокія размышленія. Онъ говорить умѣлъ не объ одной Богословіи; мы часто вступали въ философскіе диспуты, и въ поляхъ словесности пожинали пріятные цвѣты. Онъ выученъ былъ иностраннымъ языкамъ, и читывалъ лучшихъ авторовъ Французскихъ; разговоръ его плѣнялъ меня совершенно. Я съ нимъ велъ переписку, и когда онъ скончался, то я, изъ особеннаго усердія къ его талантамъ, велѣлъ поставить на гробѣ его памятникъ съ надписью: «Мертвому Смертной.» Сей камень еще и нынѣ надъ нимъ существуетъ, и я, бывая тамъ случайно, всегда захожу пропѣть надъ нимъ духовные наши гимны и помолиться Творцу Неба о дарованіи душѣ его вѣчнаго блаженства.

БОРТНЯНСКОЙ.

24. Искусной музыкантъ и Директоръ придворной пѣвческой капелы. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ воспоминая, я живо привожу себѣ на мысль картину молодости моей и лучшія ея минуты. При меньшомъ Дворѣ, были частыя театральныя зрѣлища между благородными особами, составляющими штатъ Наслѣдника Престола. По врожденному таланту имѣлъ и я счастіе быть причисленъ къ ихъ обществу. У меня голосъ былъ хорошъ, но не обработанъ. Я обучался пѣть у Г-на Бортнянскаго, онъ руководствовалъ нашими операми, и при имени его, я съ удовольствіемъ воображаю многія репетиціи, отъ которыхъ созидалось постепенно, и совершалось блаженство среднихъ лѣтъ моихъ. Онъ былъ артистъ снисходительной, доброй, любезной; попеченія его сдѣлали изъ меня въ короткое время хорошаго оперменаго ли-

цедѣя, не зная вовсе музыки. Не учась ей никогда, я памятью одной вытверживалъ и пѣвалъ на театрѣ довольно мудреныя оперныя сцены, не разбиваясь ни съ оркестромъ, ни съ товарищами, что почесть можно было диковинкой природы. Государыня Марія Федоровна ни какъ сему вѣрить не хотѣла; Бортнянскій пригласилъ ее на одну изъ репетицій: она изволила пожаловать, онъ сѣлъ за фортепьяно и заставилъ меня пѣть арію. Я взялъ ноты и затянулъ. Государыня подошла ко мнѣ и удивилась чрезвычайно, увидя, что я держу ноты вверхъ ногами, и на вопросы ея, гдѣ я пою и что, не умѣлъ ей ничего сказать, между тѣмъ какъ всю арію пропѣлъ безъ ошибки противъ музыки. Слухъ и память одни мнѣ въ этомъ дѣлѣ помогали, а Бортнянскаго терпѣнью честь и слава, по тому что его надобно было имѣть со мною очень много.

ДОБРОКЛОНСКОЙ.

25. Доброй малой, сынъ очень знакомаго мнѣ и умнаго Священника, которой часто меня посѣщалъ и хорошо писалъ стихи. До сихъ поръ хранится у меня Ода, поднесенная имъ женѣ моей, и писанная мастерскимъ почеркомъ его руки. Онъ умеръ въ чахоткѣ. Я навѣщалъ его, и почти былъ свидѣтелемъ послѣднихъ его минутъ. Послѣ него остался сынъ, Сергѣй Яковлевичъ, воспитанный кое какъ матерью. Пришедши въ отроческой возрастъ, онъ записанъ въ Университетъ, и выключенъ по слабости здоровья изъ духовнаго званія. Въ немъ открылись хорошія дарованія; онъ съ успѣхомъ обучась, самъ началъ преподавать въ Москвѣ многимъ уроки, и могъ содержать себя съ своимъ семействомъ. Благородныя качества сердца его скоро ознакомили со мною. Онъ сдѣлался у меня домашнимъ, и я его въ шуткахъ прозвалъ; «il grando Visconti del Pegino». Подъ симъ комическимъ названіемъ онъ былъ извѣстенъ мнѣ и всѣмъ моимъ пріятелямъ. Однажды мнѣ вздумалось пошутить, и я нѣсколько карточекъ визитныхъ, написавши съ этимъ прозвищемъ, развезъ ихъ, вмѣстѣ съ своими, по нѣкоторымъ короткимъ мнѣ домамъ, въ какой то большой праздникъ. Всѣ думали, что онъ Гишпанской путешественникъ, рекомендовались ему въ моемъ домѣ, и это произвело много забавныхъ сценъ. Я написалъ и подарилъ ему шуточную пѣсенку на его счетъ, которая пѣвалась только между нами, и въ свѣтъ не выпущена. Онъ по нынѣ въ однихъ и тѣхъ же со мной отношеніяхъ и, сколько за человѣка ручаться можно, кажется, ничто ихъ не перемѣнитъ.

КСЕНОФОНТЪ.

26. Въ этотъ злосчастной день жена моя лишилась милой и единственной дочери своей, Елены. Воспоминая гробъ ея, нельзя забыть и Первосвященника, исправившаго надъ онымъ послѣдніе обряды Вѣры.

Епископъ Владимірской. Во все время моей службы Губернаторомъ въ Владимірѣ, что продолжалось ровно десять лѣтъ, я былъ съ нимъ въ разныхъ отношеніяхъ; и по должности и по общежитію. До того времени я его вовсе не зналъ и нигдѣ не видывалъ. Мы скоро ознакомились довольно коротко и по наружности сошлись пріятельски; но человѣка узнавать трудно. Иногда самой простой случай развертываетъ въ немъ такія свойства, которыя могутъ таиться и обманывать очень долго. Такъ случилось и со мной. Онъ казался очень хорошъ противъ меня до нѣкотораго времени; размолвки бывали у насъ, но не важныя; и долго, долго ничто не нарушало нашего согласія. Мнѣ поручено было однажды отъ Государя изслѣдовать подъ рукой жалобу, поданную на него отъ Священника и родственника Сперанскаго. Этотъ господинъ былъ тогда всесиленъ у Двора. Я, однако жь, не смотря на то, и слѣдуя кореннымъ моимъ правиламъ, представилъ по изысканіи дѣла въ такомъ видѣ объ немъ, что Архіерей ни мало не пострадалъ, и не раскаяваюсь въ томъ; ибо Архіерей былъ правъ, но кажется, нельзя было бы ему не остаться мнѣ признательнымъ за такую услугу. Дошла до Ксенофонта очередь въ подобномъ же случаѣ оказать мнѣ взаимное одолженіе, и онъ поступилъ совсѣмъ инако. Зашелъ ко мнѣ на балъ пьяной попъ, родня Сперанскаго. Я его посадилъ въ полицію, что случалось и прежде довольно часто; ибо попъ былъ негодяй. Архіерей вывелъ изъ этого страшную исторію, наклепалъ на меня всякихъ небылицъ, воздвигнулъ противъ меня страшную тучу въ Питерѣ, возжегъ негодованіе Государя на меня, какъ на богохульника; словомъ, соединясь мысленно и душевно со всѣми моими врагами въ Губерніи, подѣйствовалъ на всю судьбу мою, подавъ первую и сильную причину къ изгнанію меня изъ службы. Не хотѣлъ пастырь сей и того вспомнить, что въ одинъ мой пріѣздъ въ Петербургъ, тогда какъ Синодъ готовъ былъ почти смѣнить его, до многихъ дошедшимъ до него безпорядкамъ въ Епархіи, я одобреніемъ моимъ усилилъ ходатайство въ пользу его первенствующаго Митрополита, Амвросія, личнаго его покровителя, и споспѣшество-

валъ его оправданію. Все это забылъ Ксенофонтъ, и іезуитски на меня напалъ. Тутъ я узналъ, но поздно, что я змія согрѣвалъ въ утробѣ, и съ тѣхъ поръ уже мы съ нимъ избѣгали всякаго между собой свиданья. Прощать недруговъ нашихъ и творящихъ намъ напасть есть долгъ Христіанской, и я охотно его прощаю, помня найпаче то, что онъ похоронялъ покойную жену мою, и предпосылалъ о ней молитвы къ Небу, помня и тѣ знаки искренняго усердія, какіе онъ мнѣ иногда оказывалъ, и на которые я слишкомъ много полагался, не извѣдавъ лукаваго его свойства. Прощаю его; но естьли я помню добрые его поступки, то могу ли забыть худые? Память есть способность одинаковая для добра и зла. Она и то и другое намъ отражаетъ и, кладя на вѣсы хорошее съ худымъ, въ отношеніи моемъ къ нему, я невольно принужденъ дать перевѣсъ послѣднему, и вспомнить о немъ съ чувствомъ самымъ непріятнымъ; ибо что можетъ глубже и тверже врѣзаться въ помышленіе наше, какъ не злонамѣренные поступки тѣхъ людей, коимъ мы изъявлять готовы наше доброжелательство, и, что хуже, какъ лицемѣръ подъ митрой!!! *

ДУРОВЪ.

27. Дмитрій Петровичъ, Тамбовской помѣщикъ и Владимірской и постоянной обыватель. Описывать его я не стану. Любопытные могутъ портретъ его найти въ моей комедіи «Дурыломъ.» Я его узналъ, живши въ Владимірѣ. Шуринъ его родной, былъ мнѣ дядя, и это сдѣлало начало нашего знакомства. Онъ охотникъ былъ до всякой церемоніи, а по тому отправлялъ похороны первой моей жены, и женитьбу мою на второй. При семъ послѣднемъ обстоятельствѣ, онъ выпустилъ пресмѣшную штуку: зная, что до второй моей женитьбы, у меня была связь съ одной женщиною, и вообразивши, что та особа отъ ревности можетъ меня потаенно изурочить, онъ разсудилъ къ дверямъ спальни нашей поставить часовыхъ, для охраненія нашего брачнаго ложа отъ порчи и корешковъ. Кому, кромѣ такого чудака, каковъ былъ Дуровъ, войдетъ подобная мысль въ голову? Я долго этому смѣялся

---

* Троепольскій, изъ Префектовъ Орловской Семинаріи, 1796 Архимандритъ Свіяжскаго монастыря, черезъ 4 года Епископъ Свіяжскій 15 Генваря, во 24 Февраля переведенъ во Владиміръ, 1821 Архіепископъ Подольскій, а 1823 уволенъ на покой; ум. 1834 г., въ началѣ Мая. О. Б.

и никогда не забуду. Жена его, добрая женщина, благословляла меня образомъ, при отпускѣ къ вѣнцу, по тому что, не имѣя родныхъ въ Владимирѣ, она была со мной въ ближайшемъ сватовствѣ. Сколько случаевъ важныхъ, воспоминающихъ мнѣ это семейство!!! А самъ Дуровъ будетъ всегда тревожить мое воображеніе, когда я укорять себя стану въ моей нада нимъ насмѣшкѣ, слишкомъ публичной и напечатанной. Я себѣ не прощаю, что выпустилъ въ свѣтъ на счетъ его комедію «Дурылома,» и хотя такихъ оригиналовъ, какой осмѣянъ въ ней, вездѣ много, даже и въ столицахъ, однако я самъ отъ себя никогда не утаю, что она точно писана на Дурова, и по тому онъ всегда возбуждать будетъ во мнѣ непріятныя укоризны совѣсти.

БЕЦКОЙ.

28. Иванъ Ивановичъ, Главной Попечитель Смольнаго монастыря и всѣхъ Воспитательныхъ домовъ въ Россіи. Я его лично имѣлъ честь знать, и пользовался благосклоннымъ его пріемомъ, особенно же какъ женился на Смирной, которую онъ отличалъ и въ Смольномъ. По случаю нашей свадьбы онъ намъ давалъ обѣдъ, и очень ласковъ былъ съ нами во всякое время. Старикъ почтенной, доброй, уважительной, о которомъ я долгомъ поставляю помнить, какъ о протекторѣ такого заведенія, въ которомъ образовалась моя Евгенія, и человѣка, оказавшаго ей самой лично особенные знаки своего благорасположенія, во все время воспитанія ея и потомъ. Отецъ мой нѣкогда служилъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ подъ его начальствомъ, и когда онъ въ Петербургъ изволилъ ѣздить съ матушкой и возилъ туда одну сестру мою большую, лѣтъ 13-ти, то Бецкой ее очень полюбилъ, и разные знаки своего благоволенія ей оказывалъ, даже хотѣлъ выпросить ее у батюшки въ Смольной; а какъ сегодня день имянинъ той сестры моей, то я нарочно о немъ сего дня и вошелъ въ рѣчь.

ПЕГЕЛАУ.

29. Докторъ, у котораго на рукахъ былъ нѣсколько лѣтъ весь нашъ домъ. Онъ болѣе былъ другъ нашъ, нежели наемной врачъ, искусенъ въ своемъ дѣлѣ; онъ много опытовъ знанія своего открылъ въ нашемъ семействѣ, и весьма долго поддерживалъ силы какъ родителей моихъ, такъ и недужной первой жены моей.

Мы всѣ чистосердечно оплакивали въ немъ нашу потерю, когда онъ умеръ, и никто изъ насъ, конечно, услугъ его не забудетъ. За деньги найдешь всегда врача, но Пегелау былъ къ намъ привязанъ, что трудно отыскать въ людяхъ его званія, даже расточа большія суммы. Сей признательной похвалою весь нашъ домъ останется ему обязанъ, при всякомъ воспоминаніи объ немъ; оно еще горестнѣе сегодня, въ день, въ которой скончалась нѣкогда сестра моя родная, Графиня Ефимовская, которую, къ несчастію, не онъ уже пользовалъ; ибо его не было на свѣтѣ.

ГЛѢБОВЪ.

30. Ѳедоръ Ивановичъ, старой и почтенной Генералъ Екатеринина войска. Онъ изстари былъ знакомъ съ нашимъ домомъ, и я, проживая въ Петербургѣ по службѣ, часто у него бывалъ. Жена его, дочь и онъ самъ обходились со мной очень хорошо, и я всегда ласково былъ у нихъ принятъ. Дядя мой родной, Баронъ Строгановъ, былъ съ нимъ очень друженъ, и ему разсудилось сватать меня на его дочери. Она была недурна собой, хорошо воспитана и съ состояніемъ, но мнѣ не нравилась: я что-то находилъ злое въ чертахъ лица ея, и удалился отъ сего выгоднаго для меня союза; но симъ не прекратилось наше знакомство, и я до нынѣ посѣщаю вдову, Генеральшу Глѣбову. По смерти мужа ея, и достойнаго нашего полководца, я сочинилъ стишки на его кончину, кои напечатаны, вмѣстѣ съ надгробными стихами, написанными мной, по убѣжденію Елисаветы Петровны: они и высѣчены на памятникѣ его въ Донскомъ; рядомъ съ отцомъ схороненъ и сынъ ихъ, дослужившійся Генеральскаго чина. Мать опять просила у меня стиховъ на гробъ его. Я ихъ сложилъ. Они напечатаны въ моихъ книгахъ, и вырѣзаны на камнѣ. Сколько случаевъ, приводящихъ мнѣ на память сіе почтенное семейство!

ЩЕРБАТОВЫ.

31. Князь Андрей Николаевичъ, супруга его Княжна Антонина Воиновна, изъ Полячекъ, племянница его, монастырка Княжна Елисавета Павловна. О каждомъ изъ лицъ сего семейства, я поговорю особо и пространно; ибо они всѣ вмѣстѣ составляли ближайшее и лучшее наше знакомство, во все время пребыванія

нашего въ Петербургѣ, гдѣ въ ихъ домѣ мы бывали какъ въ своемъ.

Князь Андрей Николаевичъ служилъ Сенаторомъ, и жилъ безвыѣздно въ городѣ. Дядя мой, Строгановъ, былъ съ нимъ очень друженъ, и на это были потаенныя причины; впрочемъ, они совсѣмъ несходствовали характерами. Князь любилъ жену свою страстно, будучи гораздо ея старѣе, баловалъ ее, не смѣя ей слова сказать вопреки и, въ удовольствіе ея, принималъ по вечерамъ небольшой кругъ посѣтителей, изъ которыхъ иные изъ милости игрывали съ нимъ въ шашки. Всякой гость въ этомъ домѣ имѣлъ свой предметъ. Я, холостъ будучи еще, ознакомился съ ними, и не проходило дня, чтобъ я къ нимъ не завернулъ. Князь меня принималъ ласково, и вообще всѣ домашнія обращались со мной хорошо.

Княгиня была женщина молодая, пригожая и вдвое была бы милѣе, естьли бъ гордой характеръ и своенравіе неограниченное не портили прочихъ ея хорошихъ качествъ: она была до чрезвычайности горяча, опрометчива, неосторожна и за всякое слово же по ней готова была вспыхнуть, не смотря ни на что и ни на кого; случалось не рѣдко, что она, за столомъ сидя кинетъ салфетку въ гостей и уйдетъ къ себѣ; но когда она была въ хорошемъ духѣ, то дѣйствительно можно было въ нее влюбиться. Въ эту западню попалъ и дядя мой, съ которымъ у нея была интрига: тутъ ничего не происходило важнаго: одни взгляды и украдкой лобзанья составляли ихъ наслажденье, которому и я, какъ ближайшій наперсникъ дяди моего, иногда бывалъ свидѣтелемъ, особливо когда ихъ свиданья происходили у насъ самихъ. Княгиня была съ нами такъ дружна и коротка, что она, въ пристрастіи своемъ къ дядюшкѣ, отъ насъ не таилась, и по истинѣ надобно было ей простить сію преступную любовь, по тому что мужъ ея такъ былъ старъ и непріятенъ, что она ни сердца, ни чувствъ, дѣлить съ нимъ безъ отвращенія не могла. По сей-то связи и я съ женой былъ всегда ею принятъ съ отличной лаской, а Князь, покорной слуга жены своей, не смѣлъ и скучать нами.

У меня, до женитьбы моей, свои были занозы въ этомъ домѣ. Княжна Елисавета Павловна милая, достойная и любезная дѣвушка, меня такъ страстно плѣнила, что, не смотря на то, что ей было 30 лѣтъ, а мнѣ только 20, я хотѣлъ на ней жениться, и такъ рѣшительно на это вознамѣрился, что самъ ей признался въ любви моей и просилъ руки ея. Я никогда не забуду тѣхъ благо-

разумныхъ совѣтовъ, коими она меня отвела отъ моего дурачества. Поблагодаря меня за честь, какъ водится, она представляла, что ни лѣта наши, ни положеніе, не дозволяютъ ей рѣшиться на союзъ столь неровной, что страсть моя пройдетъ, и тогда я буду скучать женщиной неровной мнѣ годами, а ее сдѣлаю несчастной на вѣкъ. Безъ грубости, желчи и досады, она мнѣ отказавъ, предложила, въ замѣнъ супружества, искреннѣйшую дружбу. По достоинствамъ ея, оно было для меня нужно и полезно: я принужденъ былъ симъ довольствоваться, однако не безъ волненій всѣ эти переговоры происходили между нами. Я не повѣрилъ искренности ея наставленій, логика ея мнѣ показалась подозрительной. Я искалъ другой причины ея отказу и, по недовѣрчивому моему свойству, скоро ее приревновалъ. Тогда-то, въ яромъ изступленіи любви страстной, я собрался было застрѣлиться, и дядя мой, привезя ко мнѣ Лѣкаря, велѣлъ при себѣ кровь пустить, чѣмъ и остановили въ ней воспаленіе, отъ котораго я могъ угрожаемъ быть, или повредиться, или вытерпѣть опаснѣйшую горячку: то и другое меня миновало, но я долго былъ подъ строгимъ надзоромъ, какъ пришелъ въ себя и успокоились чувства. Такимъ образомъ Княжна Щербатова важнѣйшую роль играла въ драмѣ моей жизни: изъ всѣхъ тѣхъ женщинъ, съ коими я находился въ связи до нынѣ, я ее вѣчно не забуду. Скоро потомъ влюбился я въ Смирную, по тому что я не могъ дня провести безъ страсти, и, изъ особеннаго почтенія къ Княжнѣ Щербатовой, не прежде сталъ свататься, какъ получа на то ея согласіе и услыша изъ устъ ея одобреніе моего выбора. Не имѣя средствъ жениться на ней самой, я хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, имѣть жену, достойную ея похвалъ. Можно ли далѣе отнести границы преданности и дружбы? Я расположился ненарушимо сохранить и то и другое къ этой безподобной дѣвушкѣ. Скоро ея очередь пришла перемѣнить состояніе: она вышла замужъ за Полковника Поликарпова, съ которымъ я былъ пріятельски знакомъ. Почти во одно и то же время совершилась наша свадьба и, по странному стеченію случая, мы даже нѣкоторое время, нанимая квартиры, жили въ одномъ домѣ: она въ верхнемъ, а мы въ нижнемъ, этажѣ. Суеты и развлеченія новыхъ союзовъ не допустили насъ ни часто видѣться, ни съ прежней короткостью обращаться: мы почти съ тѣхъ поръ совсѣмъ разстались, но доколѣ прожили Щербатовы, я и жена моя, мы всегда на одинаковой ногѣ были приняты въ ихъ домѣ, и я, пріѣжжая изъ Пензы въ Петербургъ,

всегда бывалъ у нихъ у первыхъ, прощался съ ними съ послѣдними. И они померли, и дядя мой, и жена моя, скончались. Но дни того времени никогда не изгладятся изъ памяти моей. Изъ всѣхъ лицъ, кои составляли тогдашнія наши круговеньки, существуютъ до нынѣ мое и несчастной Поликарповой. Она овдовѣла, имѣетъ дѣтей на возрастѣ, состарѣлась, живетъ въ Питерѣ, и нѣсколько уже лѣтъ недвижима ногами. Бывая тамъ уже Губернаторомъ Владимира, я всегда посѣщалъ ее, и не могъ безъ слезъ видѣть въ томъ недужномъ положеніи, въ которое судьба ее поставила навсегда. До сихъ поръ я не могу слышать объ ней безъ живѣйшаго участія, и увѣренъ, что чувства почтенія и приверженности моей къ ней сопутствовать будутъ мнѣ до гроба: такъ-то сильно дѣйствуетъ на насъ истинная добродѣтель. Во время сей страсти я почувствовалъ первыя вдохновенія Аполлона, и самые первые мои стихи были привѣтствіе Княжнѣ въ день имянинъ ея. Сколь они ни посредственны, я рѣшился напечатать ихъ въ моихъ книгахъ, дабы оставить памятникъ той счастливой эпохи моего бытія; ибо мы тогда только и счастливы въ мірѣ, когда мы сильно и горячо любимъ.

НОЯБРЬ.

ВАДКОВСКОЙ.

1. Федоръ Ивановичъ, Подполковникъ старшій Семеновскаго полку. Я еще засталъ его, и нѣсколько лѣтъ былъ подъ его начальствомъ. Я не имѣлъ причины быть недоволенъ его со мной поступками; впрочемъ, не видалъ отъ него ни зла, ни добра, но и за то долженъ быть благодаренъ, что онъ снисходительно прощалъ мнѣ разныя мои шалости по службѣ, за которыя другой строгое бы обратилъ на меня взысканіе. Вотъ два довольно забавныя происшествія. Въ обычаѣ было тогда читать по субботамъ на съѣжжемъ ротномъ дворѣ всѣмъ солдатамъ артикулъ, наряжался младшій Офицеръ въ ротѣ, для порядка: мнѣ дошла очередь отправить эту службу: я только что попалъ въ Офицеры, и понятія не имѣлъ о воинскихъ регулахъ. Пріѣхавши на съѣжжій дворъ, прокликалъ всю роту, и по перекличкѣ не явился одинъ молодой мальчикъ изъ Дворянъ Унтеръ-Офицерскаго чина. Онъ пришелъ, когда чтецъ читалъ уже артикулъ громогласно. Я, какъ новой стражъ благочинія военнаго, счелъ себя обязаннымъ наказать Унтеръ-Офицера. Но какъ и чѣмъ? Дворянъ бить нельзя, надобно пристыдить самолюбіе. Мнѣ лучше ничего не вошло въ голову, какъ велѣть ему лечь на широкой столъ и, въ видѣ усопшаго, принимать отъ солдатъ послѣднее цѣлованіе. Затѣя глупая, но я былъ командиръ, дѣлать нечего, надлежало повиноваться. Мальчика разложили, и вся рота съ нимъ прощалась: усастые солдаты наши расцѣловали его въ пухъ, тѣмъ и кончилась аудіенція. Проказа моя скоро разнеслась по полку, дошла и до Вадковскаго. Всѣ хохотали, а онъ, доброй старичекъ, только сказалъ мнѣ, при первомъ послѣ свиданіи въ собраньи всѣхъ Офицеровъ: «Скажи-ко мнѣ, пожалуй, проказникъ, гдѣ ты нашелъ правило за живо людей хоронить?» Симъ кроткимъ выговоромъ все дѣло обошлось. Въ другой разъ, будучи дежурной при полку, я прискакалъ на пожаръ въ полковой лазаретъ, въ которомъ выкинуло изъ трубы безъ всякихъ опасныхъ послѣдствій. Въ досадѣ, я обоихъ Лѣкарей, ни въ чемъ въ этомъ не виноватыхъ, по приказанію Маіора, арестовалъ, а потомъ самъ отъ себя разсудилъ посадить ихъ лицомъ къ стѣнѣ каждаго, въ противоположной уголъ комнаты, что произвело явной смѣхъ между больными и здоро-

выми. Въ такомъ положеніи хирурги мои просидѣли съ полсутокъ, и потомъ я ихъ выпустилъ. Старикъ Вадковской, узнавъ о семъ, покачалъ только головой и посмѣялся. Я при немъ поступилъ въ полкъ Прапорщикомъ, и получилъ чинъ Подпоручика. При погребеніи его я отдалъ ему послѣднюю честь эксъ-пантономъ (Hallebarde) въ парадномъ полковомъ строѣ, передъ своимъ взводомъ, и проводилъ его до земли съ искреннимъ желаніемъ душѣ его небесныхъ благъ.

ВАДКОВСКОЙ.

2. Федоръ Федоровичъ, сынъ выше помянутаго моего начальника, Камергеръ при Большомъ Дворѣ и любимецъ Наслѣдника Престола. Я съ нимъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, когда ѣзжалъ ко Двору играть съ нимъ на театрѣ Великаго Князя. Онъ меня любилъ, и я льнулъ къ нему преимущественно предъ всѣми прочими шаркателями Царскихъ чертоговъ. Во время моей страсти къ Смирной и сватовства на ней, онъ принялъ жаркое участіе въ успѣхѣ моихъ намѣреній. Ему я обязанъ первыми свиданіями съ любезной; онъ входилъ за меня и отъ меня въ разные съ ней переговоры, и былъ единственнымъ повѣренныхъ сердецъ нашихъ: стараніемъ его я достигъ своей цѣли, и пріобрѣлъ лестные знаки вниманія Великаго Князя. Онъ былъ на нашей свадьбѣ шаферомъ со стороны невѣсты и держалъ на головѣ ея вѣнецъ. На завтра сего торжественнаго дня, онъ былъ первой нашъ гость, и мы самъ третей съ нимъ отужинали въ новомъ нашемъ хозяйствѣ. Я каждое мгновеніе того времени воспоминаю и нынѣ съ восторгомъ. Вадковской остался и потомъ хорошимъ моимъ пріятелемъ, мы часто видались и въ сообщеніяхъ нашихъ не было ни коварства, ни принужденія. Рѣдкое преимущество въ связи съ придворными! Онъ недолго прожилъ, томился въ мучительномъ недугѣ и слишкомъ рано скончался для всѣхъ тѣхъ, кои способны были разумѣть и цѣнить, не смотря на холодной съ виду характеръ, отличныя его достоинства.

БОЛОТНИКОВА.

3. Молодая замужняя Дворянка, живущая въ Орловской деревнѣ. Не зная ее въ лицо, не вѣдая даже, что она существуетъ, я привлеченъ былъ къ знакомству съ ней заочному и весьма

странному ея стихами. Она ихъ писывала очень посредственно, чтобъ не сказать худо, но любила ими заниматься, изволила сочинить книжку подъ названіемъ: «Плодъ моего уединенія,» и разсудила посвятить ее мнѣ, напечатала, пустила въ публичную продажу и мнѣ при письмѣ прислала препорядочной экземпляръ въ сафьянѣ. Надобно было писать, благодарить, хвалить: я истощался въ привѣтствіяхъ, надѣясь, что ими все кончится; напротивъ, Г-жа Болотникова, начитавшись моихъ сочиненій, и приходя ежедневно отъ нихъ въ восторгъ, не по заслугамъ моимъ, а по капр зу ея воображенія, повела со мной переписку, которая, хоть изрѣдка, но приняла характеръ твердаго знакомства. Неожиданное сіе отношеніе между нами началось уже послѣ Московскихъ бѣдствій и долго ли продолжится, не знаю. Нерѣдко я отъ нея получаю новые стихи, стараюсь отвѣчать моими, и не безъ крайняго удивленія вижу на опытѣ, что можно быть очень близко знакому съ человѣкомъ, котораго отъ роду въ глаза не видывалъ. Сей диковинкой я обязанъ Г-жѣ Болотниковой, и по тому далъ ей право гражданства въ моемъ Словарѣ. Въ то время, какъ я упражнялся собраніемъ онаго, Г-жа Болотникова прибыла на короткое время по дѣламъ своимъ въ Москву: я ее видѣлъ наконецъ, и ознакомился съ ней лично, нашелъ даму скромную, тихую, застѣнчивую даже, и съ трудомъ могъ понять, какимъ образомъ, будучи благоразумна, она такъ свободно приняла на себя званіе автора, съ которымъ кажется вовсе не сладитъ. . . . .

ОБОЛЬЯНИНОВЪ.

4. Петръ Хрисанфовичъ, Генералъ-Прокуроръ при Павлѣ. Онъ, не знавши меня въ лицо, но по внушеніямъ, какъ думать надобно, Мясоѣдова, съ которымъ былъ въ союзѣ дружбы, расположился ко мнѣ очень худо. При немъ, въ большое производство въ Тайные Совѣтники, я былъ обойденъ; я писалъ къ нему, онъ не отвѣчалъ, и во все время его барства я не удостоился никакого его вниманія. Прошли тѣ времена. Александръ вступилъ на Престолъ. Обольяниновъ сталъ жить въ Москвѣ, въ отставкѣ, и сдѣлался, послѣ многихъ предварительныхъ оскорбленій, Губернскимъ Предводителемъ Московской Губерніи. По прежнимъ отношеніямъ перваго мужа жены моей, она обязана была ему нѣкоторой благодарностью за покровительство и ласки, оказанныя имъ Пожарскому, когда онъ, по Провіантскому Штату, зависѣлъ отъ

него: я долго не хотѣлъ съ нимъ знакомиться, помня худые его поступки со мной: но дабы жена не обвинялась неблагодарностью, для нея единственно, рѣшился къ нему ѣздить, и нечаянно сдѣлался съ нимъ знакомъ. Онъ меня принималъ вѣжливо, ласково, посѣщалъ и самъ, не вспоминая ничего прежняго, записалъ меня въ Дворянскую книгу, далъ мнѣ чугунную медаль, при письменномъ видѣ, и оказался противъ меня совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Такъ-то несчастіе собственное исправляетъ человѣческіе нравы! Но сколько бы я ни былъ имъ обласканъ и знакомъ съ нимъ, я никогда не забуду, что, будучи силенъ у Двора, онъ допустилъ Государя, имѣвшаго къ нему полную довѣренность, обойти меня чиномъ, и тѣмъ публично обидѣть, не имѣя на то никакой причины.

ВОЕЙКОВА.

5. Авдотья Александровна, женщина добрая и очень романическая.[1] Ей вздумалось однажды, не будучи со мной знакомой писать ко мнѣ и просить нѣкоторыхъ моихъ стиховъ: я ихъ послалъ. За симъ послѣдовалъ зовъ къ себѣ, и я познакомился съ нею. Начались довѣрія и откровенности: она не очень была счастлива со стороны мужа. Знакомство наше отъ того укоренилось, сдѣлалось продолжительнымъ, и до конца дней ея постояннымъ; она меня очень полюбила и имѣла ко мнѣ большую довѣренность. Я посѣщалъ ее иногда въ Владимирской ея деревнѣ, и тамъ, въ унылые дни моего вдовства, посвятилъ ей стишки подъ названіемъ «Тальша» (см. «Сумерки моей жизни»). Связь моя съ ней основана была на чистыхъ началахъ безкорыстной пріязни, и я многими пріятными часами въ жизни обязанъ доброму и привѣтливому ея характеру.

ФАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

6. Подъ симъ названіемъ, съ титуломъ Графа, путешествовалъ Императоръ Іосифъ, и былъ въ Москвѣ. Я никогда не забуду времени, столь лестнаго и пріятнаго для всего нашего дома. Во первыхъ, я имѣлъ счастіе производить при немъ одинъ физической опытъ на лекціи Профессора Роста, и благосклонно имъ привѣтствованъ. Мнѣ велѣно было показать на воздушной машинѣ силу воздуха и давленія его на гладкую поверхность стекла;

я подошелъ къ насосу, самъ дѣйствовалъ, опытъ удался. Императоръ подозвалъ меня къ себѣ, и просилъ изъяснить ему по Латыни, отъ чего произошелъ видимой феноменъ? Отвѣтомъ моимъ онъ совершенно удовлетворился. Сверхъ того, одна изъ сестеръ моихъ, будучи пригожа собой, обратила на себя его взоры въ публикѣ, и онъ на балахъ примѣтя ее, хотѣлъ, чтобъ она танцовала, смотрѣлъ на нее съ благоволеніемъ и ободрялъ ее похвалами. Вниманіе такого знаменитаго путешественника къ дѣвушкѣ, едва вышедшей изъ ребячества, не можетъ не оставить сильнаго впечатлѣнія, и я сохраню его во всю жизнь мою.

ШУЛЬГИНА.

7. Софья Алексѣевна, женщина не важная по чину; ибо она замужемъ за Городничимъ Шуйскимъ, но милая и пріятная дама во всѣхъ отношеніяхъ, какъ супруга, какъ пріятельница. Воспитана бывши въ Вологдѣ, никогда не видавши большаго свѣта, она, по дарованіямъ природы, всегда готова представиться въ оной съ благонадежностью въ общихъ похвалахъ. Живучи ежегодно большую часть лѣта въ жениной деревнѣ, въ Шуйскомъ Уѣздѣ, я пользуюсь часто ея бесѣдой. Кромѣ прелестей кроткаго нрава и образованнаго ума, я долженъ ей и мужу ея вообще уважительнымъ обязательствомъ. Когда Французы выгоняли насъ изъ Москвы, и я не имѣлъ другого убѣжища, кромѣ Шуи, она насъ приняла какъ родныхъ, мужу ея пришли на мысль маловажныя услуги, оказанныя мною ему въ то время, какъ, будучи Губернаторомъ, я имѣлъ его подъ своимъ начальствомъ, и онъ, въ изъявленіе мнѣ своей благодарности, далеко за предѣлы приличія однаго, пожертвовалъ намъ своимъ домомъ и, имѣя возможность дорого его на ту пору отдать въ наймы, презрѣлъ всѣми выгодами расчета, и просилъ насъ въономъ расположиться. Мы въ немъ прожили почти всю зиму того несчастнаго года. Она занималась дѣтьми нашими, когда мы отлучались, и имѣла объ нихъ такое попеченіе, какого только отъ родныхъ ожидать можно. По несчастію, сдѣлался нечаянно въ этомъ домѣ пожаръ, и загорѣлась крышка, тотчасъ весь городъ сбѣжался его отстаивать, и отстояли, но безъ поправокъ въ немъ жить было нельзя. Они, стѣсня себя всячески въ своихъ казенныхъ покояхъ, отдали намъ лучшія комнаты, и никакъ не допустили нанять въ городѣ квартиры. Во время сумятицы, когда загорѣлось, Софія Алексѣевна, будучи на

своихъ, брюхата, забывши, что она можетъ терять свою собственность, бросилась вытаскивать мои книги, бумаги, дабы спасти мою принадлежность, и имянно ту, которая нужнѣе была прочихъ. Какъ забыть подобныя опыты искренняго усердія, на которое уже не было тогда ни причинъ, ни видовъ; ибо до меня имъ дѣла не было! И тѣмъ-то болѣе оно плѣняетъ, тѣмъ безсовѣстнѣе забыть его! Я написалъ въ ту зиму стихи подъ названіемъ: «Плачь надъ Москвою.» Они напечатаны. Я ихъ посвятилъ Софіѣ Алексѣевнѣ, и въ этомъ сочиненіи постарался изъявить ей, и семейству ея, ту благодарность, то трогательное чувство пріязни, какое навсегда буду питать въ душѣ своей, какъ совѣстной долгъ признательнаго сердца.

БОБРОВЪ.

8. День, съ котораго не прекращался почти черезъ двѣ трети вѣка плачь Іереміевъ въ нашемъ племени; ибо въ оной, съ отрубленной на эшафотѣ въ Новѣгородѣ головой дѣда моего, пало огромное зданіе нашего счастія, надеждъ и фортуны. Лютое воспоминаніе! Мысль моя летитъ въ Сибирь, ищетъ темницы страдальца, и тамъ находитъ добраго Боброва.

Сынъ Дворянина того же имени, который былъ приставленъ въ Сибири у Березовскаго острога, во все время заключенія въономъ дѣда моего. Сей достопамятный для насъ Чиновникъ оказывалъ всякое Христіанское состраданіе несчастному узнику, томящемуся подъ его присмотромъ: онъ облегчалъ его участь, сколько могъ, и по тому заслужилъ отъ рода нашего вѣчную къ себѣ признательность. По странному стеченію случаевъ Г-нъ Бобровъ, о которомъ теперь говорится, Сибирской постоянный житель, пріѣжжалъ въ Россію для того, чтобъ внуку свою родную, дѣвицу Хитрову, единственную наслѣдницу достаточнаго имѣнія, выдать замужъ за племянника моего роднаго, старшаго сына Графа Ефимовскаго, правнука самаго того несчастливца, за которымъ надзиралъ темничной стражъ Г-нъ Бобровъ, отецъ его. Игра фортуны! По окончаніи свадебныхъ пировъ, Бобровъ, возвращаясь на родину свою, въ Сибирь, остановился на сутки у меня въ Володимерѣ. Свиданіе мое съ нимъ была одна изъ трогательнѣйшихъ минутъ моей жизни. Я кипѣлъ сердцемъ и заливался слезами, слушая изустныя отъ него преданія на счетъ дѣда моего, и раз-

ныя злоключенія, постигавшія его въ темницѣ. Одинъ только разъ я съ этимъ почтеннымъ старичкомъ видѣлся, бесѣдовалъ, и никогда повѣствованій его не забуду.

АДАДУРОВЪ.

9. Алексѣй Петровичъ. Я съ нимъ познакомился въ то время какъ онъ былъ Офицеръ гвардіи и кавалеръ при Великомъ Князѣ, Александрѣ Павловичѣ: сходство лѣтъ и нравовъ сдѣлали насъ пріятелями, мы были очень коротки. Во время Шведской войны, въ которой я былъ въ походѣ, равно какъ и зять мой родной Графъ Ефимовской, онъ жену мою и сестру провожалъ къ намъ въ армію, и доставилъ имъ легчайшій способъ до насъ туда достигнуть. Вышедши изъ гвардіи я такъ удалился отъ Двора и столицъ, что не могъ продолжать пріятной съ нимъ связи, и мы подъ старость, совсѣмъ почти разнакомились. Общая участь свычекъ нашихъ въ молодости.

ВАРОНЪ АШЪ.

10. Отставной Бригадиръ и узникъ Спаса Ефимьева монастыря, въ которомъ я его нашелъ, пріѣхавши въ Губернію. Судьба его зависѣла нѣкоторымъ образомъ отъ меня; онъ уже по разнымъ тюремнымъ домамъ заключаемъ былъ, и лѣтъ 30 жилъ въ неволѣ. Вина его состояла въ томъ, что онъ не хотѣлъ ни которому изъ Государей присягать, доколѣ жилъ извѣстной Алексѣй Антоновичъ, братъ малолѣтнаго Царя Іоанна. Политическое сіе упрямство помутило въ немъ разумъ, а долговременное заключеніе сдѣлало его вовсе безумнымъ. Онъ возбудилъ во мнѣ чувство сострадація. Я находилъ въ немъ жалкаго сумазброда, болѣе нежели злостнаго преступника, и старался улучшить жребій его сколько могъ. Ему было уже 80 лѣтъ. Онъ не могъ долго тяготить собою никого: покойной уголъ и чашка кофію составляли все его благоденствіе; но въ страшныхъ башняхъ Ефимьева монастыря онъ его имѣть не могъ. Я представлялъ неоднократно Министру объ освобожденіи его, и старанія мои хотя не совершенной получили успѣхъ, но достаточной къ облегченію его участи. Мнѣ позволено выпустить его изъ монастыря и, взявъ поведеніе его на собственную свою отвѣтственность, содержать подъ присмотромъ въ Губернскомъ городѣ. Такимъ образомъ Баронъ Ашъ

освобожденъ и приведенъ къ присягѣ, противъ которой ужь онъ въ то время ничего не возражалъ, и началъ жить у меня, въ домѣ. Казна производила ему до 30 руб. въ годъ на содержаніе; сверхъ того онъ имѣлъ собственныхъ своихъ денегъ до 4000 рублей, которыя я съ большимъ трудомъ у брата его роднаго вырвалъ, по окончаніи надъ нимъ предохранительной опеки. Деньги сіи отдавались въ процентъ изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, и сей бѣдной старецъ, желая мнѣ оказать свою благодарность за мои о немъ попеченіи, вздумалъ сдѣлать меня наслѣдникомъ сего капитала, о чемъ писалъ онъ отъ себя и къ Министру, но я отъ подарка его отказался, и по смерти его сіи деньги отданы мной его ближайшему наслѣднику, Барону же, Казимиру Ашу. Не долго онъ пожилъ у меня въ домѣ, и безъ всякой болѣзни, отъ одной старости и разслабленія силъ, весьма тихо скончался. Я его похоронилъ на кладбищѣ. Когда онъ говаривалъ о предметахъ, касающихся до политики времянъ Елизаветы Петровы, то разсуждалъ съ здравымъ смысломъ; любилъ читать газеты болѣе всего, и завирался въ отвлеченныхъ соображеніяхъ; впрочемъ охотникъ былъ до людей и сообществъ, чванился своимъ Бригадирскимъ чиномъ, и вообще болѣе былъ жалокъ, нежели кому либо опасенъ. Да и что бы могъ затѣять вреднаго человѣкъ въ 80 лѣтъ? Естьли бъ онъ умеръ въ тюрьмѣ, то конечно отъ однаго только равнодушія къ подобнымъ несчастливцамъ со стороны тогдашняго подозрительнаго нашего Правительства.

АНЕМОНА.

11. Такъ назвалъ я въ стихахъ моихъ, и привыкъ потомъ называть всегда, барышню, живущую въ нашемъ домѣ съ самаго малолѣтства и на попеченіи моихъ сестеръ. Ее звали Аграфеной Федоровной. Будучи незаконной младенецъ нашего родственника Ушакова, она получила прозвищемъ у насъ въ домѣ простое названье Груши, а о фамиліи ея никто не заботился, слыла, однако же, она Любавской; я ее нарекъ Анемоной, по тому что она была очень пригожа собой. Эта-то самая красота была для всѣхъ для насъ, а паче для нея, источникомъ слезъ, кои сдѣлали ее для меня всегда памятной. Въ нее влюбился пасынокъ мой старшій, Алексѣй, Груша ему отвѣчала: они умыслили тайно обвѣнчаться, все уже готово было къ ея съ нимъ побѣгу, но рокъ не допустилъ сему случиться, намѣреніе ихъ не удалось, я о томъ свѣдалъ еще

во время. Жена воспротивилась сему союзу, ничего, кромѣ обоюдныхъ бѣдствій, не обѣщавшему, по недостаткамъ жениха и невѣсты; сестра моя также на сей бракъ не соглашалась, и онъ не состоялся. Но между тѣмъ затѣи сихъ молодыхъ людей надѣлали намъ страшныхъ тревогъ, и я никогда не забуду той несчастной эпохи, въ которую обремененъ былъ трудами прискорбными о уничтоженіи плана моего пасынка, приступившаго къ исполненію своего предпріятія, во что бы то ни стало, съ отличной отвагой, раздражилъ мать свою всячески и мнѣ нанесъ чувствительнѣйшее огорченіе; ибо каждое изъ лицъ, прикосновенныхъ къ сему случаю, жена моя, сестра и дѣти, страдали каждой отъ собственного своего смятенія, а я, отъ общаго ихъ негодованія и досады, страдалъ за всѣхъ вдругъ одинъ, и во всѣхъ связяхъ сердца принималъ несносныя язвы. Время все уврачевало и страсть юношей потушило. Такова исторія человѣческихъ заблужденій.

БѢШЕНЦОВА.

12. Варвара Ивановна. Бѣдная монастырка, вышедшая замужъ за бѣднаго же Генерала, Евреинова. Я съ нею ознакомился до ея замужства; это первая дѣвушка, за которой я волочился, показавшись въ Московскую публику. Мнѣ было 18 лѣтъ, ей годъ, или два, меньше. Я ни съ кѣмъ въ жизни моей такъ странно не сходился знакомствомъ, какъ съ ней. Первое наше свиданіе было въ клобѣ (я говорю языкомъ того вѣка), на балѣ. Я увидѣлъ дѣвушку въ мордостовомъ платьѣ, сперва приглянулся мнѣ цвѣтъ наряда, а потомъ и личико полюбилось. Я поднялъ ее танцовать, прыгалъ съ ней съ одной весь тотъ вечеръ, и повелъ пріятную болтовню, безъ всякаго любопытства на счетъ имени ея и чина. Отправился я съ балу домой въ пріятнѣйшихъ мечтахъ. Чрезъ недѣлю опять собранье. Я тутъ ищу глазами мою дулцинею, и по цвѣту платья опять встрѣчаюсь съ ней же. Новые танцы, новые разговоры. Такъ провелъ я цѣлую зиму, и она, видно, не имѣя пышнаго гардероба, выѣжжала всякой разъ на балъ въ томъ же самомъ платьѣ, въ которомъ такъ мнѣ понравилась. Кончилась зима, кончились и наши отношенія, и такъ я могу назвать мою къ ней склонность — любовь по платью.

КУРИКА.

13. Малороссіянинъ, Студентъ Московскаго Университета, съ которымъ я вмѣстѣ обучался разнымъ наукамъ; онъ хаживалъ ко

мнѣ давать приватные уроки, и помощью его я достигъ чести получить серебренную медаль за диссертацію на Латинскомъ языкѣ, на которую нарядъ былъ изъ класса изящной Словесности Г-на Барсова. Тема намъ дана была «Laus Ciceroni.» Не хочу себѣ присвоить ея достоинства: оно принадлежитъ вполнѣ Г-ну Курику, котораго поправки составили почти все то, что почитали за собственной мой трудъ. За такое одолженіе я остался ему обязанъ на всегда и, вспоминая мои упражненіи въ классахъ, не могу не вспомнить Курика, добраго моего учителя и сотоварища: все вмѣстѣ. Онъ потомъ ѣздилъ въ Парижъ усовершенствоваться въ Медицинѣ, и былъ бы искуснѣйшій врачъ, естьли бъ смерть не прекратила дней его въ лучшей порѣ человѣческой жизни. Я упомянулъ о немъ въ предисловіи къ третьему изданію моихъ сочиненій, и Курика, давно уже скончавшейся, не забытъ мною въ спискѣ тѣхъ мужей, коимъ я чту себя обязаннымъ за труды, подъятыя ими въ моемъ образованіи.

БИБИКОВА.

14. Настасья Петровна. Ей было уже 30 лѣтъ, когда я ее узналъ, а мнѣ только 20. Она охотно со мной танцовывала на балахъ въ клобѣ, и мое самолюбіе всегда меня влекло къ ней преимущественно; отъ сего танцовальнаго между нами союза произошелъ анекдотъ, которой мнѣ на всегда остался памятнымъ. Нѣкто былъ Князь Голицынъ, прозванной въ публикѣ, не знаю по чему, Чепурой. Сестра его родная была въ замужствѣ за отцомъ моимъ до втораго соединенія его съ моей матерью; она, скончавшись бездѣтна, истребила всякое родство между своимъ домомъ и нашимъ; но отецъ мой ставилъ себѣ въ обязанность сохранить со всѣми родственниками первой жены своей уважительное отношеніе. Чепура былъ въ Бибикову влюбленъ, и скупъ, какъ всѣ старые холостяки; онъ присматривалъ за нею Аргусовыми глазами на всѣхъ балахъ, и скоро примѣтилъ, что изъ молодыхъ мущинъ я всѣхъ чаще и охотнѣе съ ней танцую. Случалось ей послѣ сильнаго движенія въ контреданцѣ пожелать чашки чаю, или стакана прохладнаго питія, я, какъ вѣтреной мальчикъ, бѣгомъ въ буфетъ, и успѣвалъ прежде поподчивать ее, нежели Чепура, которой четверть часа поторгуется бывало, что заплатить за лимонадъ, или чай, слѣдовательно, всегда опоздаетъ съ своимъ подносомъ, а Бибикова, напившись, чего ей угодно, отзо-

вется ему, что она уже ничего не хочетъ. Для Чепуры два накладa разомъ: и деньги потяряны, и трудъ услужить пропалъ. Подобные случаи наконецъ до того его встревожили, что онъ не постыдился жаловаться на меня батюшкѣ, и требовать, чтобъ мнѣ заказано было танцовать съ Бибиковой. Сколь ни глупо было такое требованіе, но батюшка, не замѣчая, чтобъ я самъ особенное имѣлъ пристрастіе къ этой дѣвушкѣ, убѣдилъ меня ласковымъ словомъ не тѣшиться такой надъ старикомъ проказой и оставить его въ покоѣ. Съ тѣхъ поръ я сталъ удаляться отъ Бибиковой: она это замѣтила, мы изъяснились, и Чепурѣ досталось. Онъ выдержалъ весь гнѣвъ ея, и снова жаловался, но батюшка посмѣялся его сумазбродству, и пляска наша возобновилась по прежнему. Время все это унесло въ мракъ вѣчнаго забвенія, но для меня всегда пріятно будетъ вспомнить всякую безделицу относительно къ моей молодости.

БОРОЗДИНА.

15. Настасья Андреевна, дама среднихъ лѣтъ, милая и веселаго духа. Семейство ея составляли мужъ Генералъ-Поручикъ, которой давалъ ей волю дѣлать все, что она хотѣла, три сына, нашего полку Унтеръ Офицеры, и барышня, проживающая у нея изъ ласки, о которой особая есть статья въ этомъ Лексиконѣ (см. Львову). Г-жа Бороздина была полная владычица въ своемъ домѣ; страсть ея къ карточной игрѣ привлекала къ ней множество гостей нашего пола, а чтобъ еще было веселѣе, она затѣяла театръ, на которомъ дѣти ея игрывали комедіи по Французски: въ то время стыдно было заниматься Русскимъ языкомъ. Скоро по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ на службу въ гвардію я съ нею ознакомился, и она меня очень полюбила. Дѣло до того дошло, что я былъ всякой день у нея въ домѣ, и нигдѣ, кромѣ ея. Я заправлялъ ея спектаклями, и тутъ самъ, какъ говорится, набилъ руку къ этому ремеслу. Всѣхъ замѣчательнѣе былъ у насъ спектакль: «Сивильскаго Цырюльника:» я игралъ Линдора съ успѣхомъ; вся публика къ намъ съѣжжалась; но какъ репетиціи гораздо забавнѣе самаго представленія, то я цѣлой годъ занимался ими, прежде нежели мы піесу сыграли. Что до того за дѣло? И ей и намъ было весело, вотъ и главное. Въ теченіе столь продолжительнаго времени мы, какъ водится между благородными охотника до театра, и сердились, и ссорились, и также скоропостижно

мирились. Однажды дошло до того, что сынъ ея старшій, вызвалъ меня на поединокъ: мальчика уняли, и мы разцѣловались. Нигдѣ нельзя было такъ строго наблюдать этой пословицы: «Ссору изъ избы не выносить,» какъ въ домѣ любезной Бороздиной; ибо въ немъ Богъ знаетъ чего по временамъ не происходило. Я всегда съ пріятностью вспомню время моего съ ней знакомства и по тому, что я тутъ провелъ два года моей молодости отмѣнно весело. Ласковость ея ко мнѣ была искренна и всегда ровна; мы съ ней иногда ѣжжали вмѣстѣ изъ Сарскаго Села въ городъ, въ свѣтлыя лѣтнія ночи, проведя прескучной вечеръ изъ приличія въ покояхъ Графа Салтыкова, дядьки Великихъ Князей, и въ каретѣ во всю дорогу поемъ водевили какъ безумныя; она имѣла прекрасной голосъ и всѣ навыки образованнаго общежитія; обращеніе ея было пріятно и просто: я обязанъ ей многими сладкими минутами въ жизни, безъ всякаго превратнаго смысла моему выраженію. Нѣтъ! Мы не влюблены были другъ въ друга, но другъ друга взаимно искали по сходству нравовъ, и наполняли время нашего знакомства невинными забавами, которыя одни составляютъ истинное счастіе жизни. Мнѣ живо представляется и теперь, какъ я, однажды пріѣхавши къ ней на вечеръ, воротился домой въ 7 часовъ утра: и что жь я дѣлалъ во всю ночь? Оба сына ея, я и барышня, мы наставили стульевъ, и между ими плясали кадрили да променады подъ музыку пьянаго домашняго скрыпача, между тѣмъ какъ хозяйка съ кѣмъ ни будь игрывала въ макао и покрикивала съ безсоницы въ игрецкомъ изступленіи: «Милліонъ съ пресомъ!» Пусть назовутъ это все, какъ хотять, шалостью, блажью, дурачествомъ: согласенъ. Но намъ было весело, — и полно!!!

ПАРФЕНІЙ.

16. День прискорбной сердцу моему: лишась въ оной милой дочери своей, Евгеніи, на 20-мъ году ея жизни, ни о комъ не могу вздумать при гробѣ ея, какъ о семъ добромъ и благочестивомъ служителѣ Вѣры.

Архимандритъ Донскаго монастыря, умной и чувствительнѣйшій человѣкъ. Я началъ его знать еще простымъ монахомъ; проповѣди его наполнены душевнаго витійства. По сходству нѣкоторыхъ свойствъ нашего характера, я съ нимъ скоро сдѣлался знакомъ и пріятелемъ. Онъ отпѣвалъ и предалъ землѣ тѣло мень-

шой дочери моей, Евгеніи, плакалъ вмѣстѣ со мной, когда мнѣ бывало грустно, и благодушествовалъ, когда Небо посылало мнѣ отраду. Онъ неоднократно служилъ у меня въ домовой церкви и посѣщалъ съ усердіемъ, въ разлукѣ писывалъ непринужденно, и во всемъ, что до меня касалось, принималъ живое участіе, защищалъ меня противъ клеветы, но никогда не льстилъ въ глаза, и обличалъ мои пороки въ дружеской и сокровенной бесѣдѣ. Вотъ по чему я люблю Парфенія, и буду помнить объ немъ во всю жизнь мою.

САЛТЫКОВЪ.

17. Александръ Васильевичъ, человѣкъ, оказавшій мнѣ и всему семейству моему много пріятныхъ и уважительныхъ услугъ. Случайно познакомясь съ нимъ въ Пензѣ, гдѣ, будучи Вице-Губурнаторомъ, я дѣлалъ ему, какъ поставщику, разныя вспомоществованія, я сталъ предметомъ искренняго его доброжелательства. Когда лично сошелся съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ живалъ, удаленъ отъ своего хозяйства и разстроивалъ свое состояніе, по мѣрѣ, какъ его управитель на мѣстѣ, въ Пензѣ, старался, подъ покровительствомъ моимъ, его поддерживать. Въ это время его отлучки мы имѣли съ женой лѣтомъ позволеніе обитать въ его деревнѣ Безсоновкѣ, въ которой наслаждались всѣми благами земли благословенной: тамъ гуляли ежедневно по обширнымъ его садамъ. Я ѣжжалъ въ Казенную Палату всякое утро на его лошадяхъ, въ его кабріолетахъ, послѣ обѣда купался въ прекрасной ваннѣ, роскошно отдѣланной, а по вечерамъ забавлялся его музыкой; ибо онъ все это имѣлъ, а я пользовался, въ оправданіе пословицы Г-на Beaumarchais, которой сказалъ: «Posseder est peu de chose, mais c'est jouir qui rend heureux,» точно такъ случилось съ нимъ и съ нами въ Безсоновкѣ, которая была отъ города въ 12-ти верстахъ; слѣдовательно, мнѣ можно было ежедневно ѣздить въ свою Палату, и служба отъ сей отлучки моей ни мало не страдала. По Воскресеньямъ мы слушали у обѣдни хорошихъ его пѣвчихъ, и все, что было у него въ домѣ, къ нашимъ посвящалось услугамъ: разумѣется, однако же, что я покупаемыхъ вещей не бралъ даромъ, дабы не употребить во зло хозяйскаго снисхожденія. Такъ провождали мы нѣсколько лѣтъ въ его помѣстьи самымъ пріятнымъ образомъ. Наконецъ явился онъ и самъ въ Пензу, и водворился въ ней: онъ полюбилъ жену мою съ пристра-

стіемъ, безпрестанно бывалъ у насъ въ домѣ, вездѣ и всегда искалъ случая чѣмъ ни будь насъ обязать, давалъ намъ пиры, вечера роскошные, и словомъ, таялъ, какъ Селадонъ, у ногъ Евгеніи, что было очень тягостно для нея; ибо всякой повѣритъ, что волокита въ 70 лѣтъ не забавной гость для женщины милой, достойной и благонравной; но услужливость его требовала и отъ насъ нѣкотораго снисхожденія; онъ имѣлъ множество книгъ, но, не любя ни наукъ, ни чтенія, а заведя библіотеку изъ чванства, подарилъ мнѣ всѣ лучшія книги, кои у него были. По смерти Екатерины переѣхали мы скоро въ Москву, и онъ, будучи слишкомъ 20 лѣтъ Бригадиромъ въ отставкѣ, потащился туда же за нами, чтобъ искать счастія у новаго Двора. И подлинно, онъ втерся въ удачную минуту въ службу, посаженъ въ Воспитательной Домъ, тамъ получилъ два чина, двѣ ленты, и сдѣлался Сенаторомъ. Ничто не перемѣняло его расположенія къ намъ: всякой день въ вечеру являлся онъ къ женѣ пить чай и, будучи лакомъ до съѣстнова, всякое утро присылалъ къ намъ какое ни будь блюдо его домашней стряпни. Лишь только появлялся новой романъ, а жена моя была до нихъ охотница, тотчасъ онъ привозилъ его въ нашу библіотеку, и чѣмъ меньше онъ видѣлъ успѣха въ своихъ услугахъ, тѣмъ болѣе ихъ усиливалъ, желая, по крайней мѣрѣ, быть благодѣтелемъ нашимъ, когда онъ не смѣлъ надѣяться ничего другого. Пришло время дѣтямъ моимъ меньшимъ прививать оспу: онъ ихъ выпросилъ къ себѣ въ домъ, ходилъ за ними, какъ нянька, и не отпустилъ къ намъ прежде, нежели они совсѣмъ выздоровѣли. Нѣкоторыхъ изъ дѣтей моихъ онъ крестилъ съ матерью моею. Вотъ до чего доходили его старанія, весьма при всемъ томъ безплодныя уловить склонность Евгеніи, которая его почитала, уважала, какъ отца, но любить ни какъ не могла. Наконецъ вздумалъ онъ составить женѣ моей прочной капиталъ въ недвижимой собственности: за нимъ было слишкомъ 1000 душъ. Онъ женатъ былъ уже въ третій разъ, но жилъ въ разводѣ съ женою, имѣлъ одну дочь, но и ту не взлюбилъ, и по тому рѣшился отдать все свое имѣніе женѣ моей и, приготовя черной актъ, привезъ его ей показать. Та столько была великодушна и благородна, что не только отказала ему въ этомъ пріобрѣтеніи, но даже потребовала клятвеннаго обѣщанія отъ него, никому, кромѣ дочери, имѣнія своего не отдавать, рѣшительно объявя, что ежели онъ поступитъ иначе, то она его на глаза къ себѣ не пуститъ. Старикъ плѣнился симъ поступкомъ до того, что палъ предъ ней на

колѣни, сулилъ все уничтожить, оставить по себѣ дочь свою всему наслѣдницей, и во весь остатокъ жизни его исполненъ былъ боязливаго къ женѣ моей благоговѣнія; а это очень трудно было произвести въ сердцѣ, омраченномъ такими низкими страстями, какъ его. Подобныя дѣйствія можетъ показывать свѣту одна чистая добродѣтель, какой отличалась моя Евгенія. При переводѣ нашемъ въ Володимеръ, онъ сопровождалъ туда жену мою, когда она ко мнѣ съ дѣтьми перебиралась, пожилъ тамъ съ нами и, воротясь въ Москву, не могъ перенести скуки и лишенія свиданій съ нашимъ домомъ. Онъ скоро взялъ отставку, поѣхалъ въ свою Безсоновку: еще разъ мы его видѣли на пути, онъ собирался воротиться къ намъ на зиму, и всякую почту писывалъ оттуда къ женѣ предлинныя письма, но скоро постигъ его ударъ, и онъ умеръ въ той вотчинѣ, въ которой мы и при немъ и безъ него такъ много проводили дней веселыхъ и счастливыхъ. Симъ кончу мое о немъ повѣствованіе и, воздавъ памяти его дань должной благодарности за все, что онъ для насъ сдѣлалъ, находя насъ въ недостаткахъ и судьбѣ не самой красной, усердно желаю, чтобъ судъ Божій былъ для него благопріятенъ и отверзъ ему входъ въ небесное царство.

САМОЙЛОВЪ.

18. Графъ Александръ Николаевичъ, бывшій Генералъ-Прокуроромъ при Екатеринѣ, родственникъ Потемкина. Вотъ и всѣ его права на отличіе; впрочемъ, природой отличенъ совсѣмъ въ другомъ родѣ: глупъ, спесивъ, грубъ, безтолковъ, дуренъ и, по выраженію дяди моего, Ржевскаго, настоящій Магометовъ штандартъ. Довелось мнѣ и у него быть подъ начальствомъ, когда я служилъ въ Пензѣ. Онъ до того наконецъ былъ противъ меня взволнованъ, что запретилъ мнѣ прямо къ себѣ писать. За что же? За то, что, по дурачеству его, вздумалось ему дать Казенной Палатѣ моей такое предложеніе, въ которомъ не было ни логики, ни здраваго смысла, ни свѣдѣнія о томъ дѣлѣ, на счетъ котораго онъ наслалъ бумагу; другой, можетъ быть, пропустилъ бы се безъ вниманія, не сказавъ ему ничего и описавшись съ его Секретарями; но я, не любя никакихъ побочныхъ дорогъ, рѣшился ему отвѣчать, и указалъ, какъ дважды два четыре, что все его предписаніе—нелѣпица. Самойловъ вспыхнулъ, но, какъ на правду словъ мало, то онъ, пропустя сей случай, придрался къ бездѣл-

камъ: сталъ мнѣ дѣлать выговоры, я ихъ отражалъ резонами, и кончилась наша переписка выше писаннымъ запрещеніемъ. Съ тѣхъ поръ уже я къ нему лично ни о чемъ не относился, а писалъ въ его Экспедицію: онъ былъ главнымъ побудителемъ гнѣва на меня Государыни, когда она изволила мнѣ отказать въ Владимирскомъ крестѣ. Не удовлетворясь симъ, онъ хотѣлъ вовсе меня удалить отъ должности, но сего ему не удалось, и Государыня отказала ему въ представленіи о томъ; словомъ, этотъ титулованной скаредъ иуракъ старался мнѣ сдѣлать всякое зло на свѣтѣ. Кстати здѣсь обнаружить случай, никому не извѣстной, но приносящій особенную честь Монархинѣ. Будучи раздраженъ умышленной проволочкой, которую Пензенской Губернаторъ допускалъ въ дѣлѣ о личной обидѣ, мнѣ нанесенной Улыбышевымъ, я повторилъ прошеніе мое Государынѣ, и зная, что Самойловъ противъ меня также дѣйствуетъ, откровенно просилъ Екатерину, чтобъ она того письма моего не сдавала Генералъ-Прокурору, по тому что онъ мнѣ злодѣй; другой Владыка, за дерзость такую, Богъ знаетъ что со мной бы сотворилъ, но Екатерина письмо прочла, сожгла, никуда оно не сдано, никто его не видалъ, не читалъ, а догадаться можно было, что оно до нея дошло, по тому что Самойловъ тотчасъ послѣ того, по имянному Указу, предписалъ поспѣшить окончаніемъ моего дѣла. Съ такой Царицей, не смотря и не боясь невѣждъ, каковъ былъ Самойловъ, можно было всякому подданному и съ удовольствіемъ трудиться, и съ благонадежностію отдыхать. При ней дураки были не страшны, а плуты не опасны.

НОВОСИЛЬЦОВА.

19. Варвара Филиповна. Знакомство пріятное моего юношества, о которомъ и до нынѣ, уже состарѣвшись, мнѣ весело вспомнить; она была намъ нѣсколько родня. Отецъ ея, гипохондрикъ, посѣщалъ насъ довольно часто, и всегда привозилъ ее съ собою. Въ старину люди жили простѣе и дружелюбнѣе, между родствомъ было болѣе связи и короткости. Въ то время сошелся и я нравомъ и свойствами съ сей милой дѣвушкой, которая одарена была отъ природы характеромъ любезнымъ и простодушнымъ. Видаясь часто въ круговенькахъ у родственниковъ, я свыкся съ ней, отличалъ ее отъ другихъ, и любилъ проводить съ ней время. Тутъ не было ни страсти, ни огня геенскаго, ни безумныхъ восхище-

ній, одна чистая и непорочная пріязнь насъ сблизила. Вѣкъ и нравы скоро перемѣнились: всякой изъ насъ, вышедши въ большой свѣтъ, проложилъ себѣ свою дорогу, и мы съ ней рѣдко уже стали видѣться; обстоятельства удалили насъ другъ отъ друга еще болѣе, и теперь мы почти вовсе не видимся; но когда я вспоминаю первыя дни молодости моей, я всегда встрѣчаю въ мысляхъ своихъ образъ, наружность и любезность Варвары Филиповны, и не переставалъ ее любить до нынѣ столько же, сколько я ее любилъ прежде. Таково свойство настоящаго чувства сердечнаго. Она вышла замужъ, имѣла дѣтей, и теперь уже и бабушкой сдѣлалась. По болѣзненному своему состоянію и нервическимъ припадкамъ, живетъ, по большой части, далеко отъ Москвы, у разныхъ теплыхъ водъ, и я не надѣюсь уже гдѣ либо съ ней встрѣтиться, но всегда съ удовольствіемъ объ ней вспомню.

ШУМИЛОВА.

20. День печали и тяжкихъ воспоминаній! Я лишился въ оной старшей дочери моей, Марьи, на 20-мъ году ея возраста.

Настасья Ивановна: давнишнее и постоянное знакомство; я узналъ ее въ Пензѣ; мужъ ея служилъ Секретаремъ въ Казенной Палатѣ, и опытной работникъ въ гражданскомъ дѣлѣ: я имъ всегда и тамъ и послѣ былъ доволенъ; супруги сіи къ намъ такъ привязались, что судьба ихъ почти неразлучна была съ моею. Настасья Ивановна, образованная выше той сферы, въ которой, по чину мужа своего, находилась, сдѣлалась скоро въ Пензѣ домашней собесѣдницей жены моей, которая любила ее и цѣнила ея достоинства. Она прекрасно игрывала на театрѣ, и въ этомъ искусствѣ служила намъ въ провинціи большимъ пособіемъ. По выѣздѣ моемъ оттуда, долго пропадала она у насъ изъ виду, но при водвореніи моемъ въ Владимиръ, узнавши, что Шумиловъ потерялъ отъ пожаровъ всю собственность свою, состоявшую въ домѣ, и находится въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, я предложилъ ему служить при мнѣ и, выписавши его изъ Пензы въ Штабъ-Офицерскомъ уже чинѣ, опредѣлилъ его, послѣ Могилевскаго, на первой случай, къ себѣ въ Секретари. Онъ съ женой своей перебрался въ эту Губернію, и мы опять стали жить вмѣстѣ, но жены моей она уже не застала. По времени и тутъ, какъ въ Пензѣ, Настасья Ивановна участвовала въ нашихъ домашнихъ забавахъ, и съ дочерью моей взрослой играла комедію съ успѣхомъ. Старой другъ,

говорится, лучше новыхъ двухъ: такъ сбылось и съ нашимъ знакомствомъ; усердіе ихъ къ намъ и преданность вездѣ были одинаковы. Съѣздивши въ Питеръ, мнѣ посчастливилось Шумилова опредѣлить въ Совѣтники въ Владимирское Губернское Правленіе, и укоренить его въ городѣ на прочномъ мѣстѣ. Въ то же самое время, возвращаясь оттуда, привезъ я дочь свою, Марью, такъ больную, что ея надобно было оставить въ Москвѣ лѣчиться: у нея открылась жестокая чахотка, отъ которой никакое искуство спасти ее не могло, и я ея лишился. Тутъ начались подвиги и не простыя уже услуги Настасьи Ивановны: она, узнавъ о болѣзни дочери моей, бросила мужа, дѣтей своихъ, прискакала въ Москву, остановилась въ нашемъ домѣ, ходила за моей Машей, и до послѣдней минуты жизни была при ней безотлучно; съ той поры я сталъ ее почитать, какъ женщину рѣдкой добродѣтели. До нынѣ, живучи въ Владимирѣ, они всегда къ намъ привержены: Настасья Ивановна по цѣлому лѣту иногда живетъ у насъ въ деревнѣ, и дѣлитъ съ нами скучные осенніе вечера; когда же я въ городѣ, у меня нѣтъ другой квартиры, какъ ихъ домъ; словомъ, нѣтъ услугъ, какихъ бы мужъ и жена не старались въ запуски намъ оказывать. При замужствѣ второй дочери моей, Вариньки, Шумилова прилетѣла изъ Владимира, шила, кроила ея приданое, и всячески намъ угождала. Рѣдкіе, почтенные люди! Они пріобрѣли у меня въ сердцѣ собственность, не похищаемую ни временемъ, ни случаями—любовь и признательность до гроба!

ВЕНЦЪ.

21. День рожденія перваго моего младенца, сына Павла. Обязанъ будучи благими успѣхами образованія его сему иноземцу, стану о немъ и говорить.

Онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ моемъ домѣ, для воспитанія старшихъ сыновей моихъ. Я съ нимъ нечаянно сошелся, и принялъ еще при покойной женѣ моей. Онъ имѣлъ хорошія познанія, и прилеженъ былъ въ своемъ званіи; мнѣ всегда памятны будутъ его заслуги. Онъ до того пріобрѣлъ мою довѣренность, что я ни мало не поколебался, во время моего вдовства, отпустить съ нимъ старшихъ моихъ сыновей, Павла и Александра въ чужіе, краи, гдѣ онъ съ ними прожилъ два года съ половиной въ Гетингенѣ, ни чѣмъ другимъ не занимаясь, какъ ихъ обученіемъ. Онъ былъ умѣренъ въ требованіяхъ, бережливъ въ издержкахъ, и по

возвращеніи своемъ въ Россію представилъ мнѣ сыновей моихъ въ томъ состояніи, въ какомъ я желалъ ихъ увидѣть. Рѣшимость моя ввѣрить ему столь драгоцѣнной залогъ произошла отъ того уваженія, которое ему оказывала мать дѣтей моихъ: самъ собой я никогда бы на сей поступокъ не отважился, но оцѣнка Евгеніи была мнѣ закономъ, и по смерти ея я увѣренъ былъ, что она сдѣлала бы то же, и по тому отпустилъ юношей своихъ въ чужіе краи, не смотря на смутныя обстоятельства Европы въ то время: наставникъ умѣлъ ихъ предостеречь отъ общей заразы нравовъ, и я ни минуты не раскаявался въ моемъ предпріятіи ни тогда, ни потомъ. Венцъ поѣхалъ отъ меня холостъ, но въ Германіи, приближась къ своей родинѣ, увидя все свое семейство, по убѣжденію онаго, женился, и привезъ въ домъ ко мнѣ жену свою: къ несчастію, она ни въ чемъ не сходствовала съ нимъ, и отравила дни его. Онъ, по возвращеніи своемъ, еще долго жилъ въ моемъ домѣ, при второй женѣ моей; оба сыновья ея были также у него на рукахъ, но скоро онъ сдѣлался болѣнъ, гипохондрія начинала его мучить безпрестанно: онъ сталъ пить, и не возможно было уже держать его при дѣтяхъ. Мы разстались: онъ принялся въ домъ къ кому-то въ отъѣздъ, и тамъ скоро скончался. Грѣхъ былъ бы тяжкой на душѣ моей, естьли бъ я когда ни будь забылъ его ко мнѣ усердіе: онъ привязанъ былъ до чрезвычайности ко всякому члену моего семейства. Во всѣ эпохи моей жизни, при немъ замѣчанія особаго достойныя, онъ былъ мнѣ другъ, сострадатель и подпора; наставляя правильно дѣтей моихъ, былъ мнѣ самому полезенъ своими совѣтами; обучая ихъ рачительно, посвящалъ бесѣдѣ со мной всѣ прочія минуты своихъ досуговъ, не вмѣшиваясь ни въ какія постороннія дѣла, жаркое принималъ участіе во всемъ, что собственно до дома моего касалось; онъ первой со слезами объявилъ мнѣ о потери моей дочери; словомъ, вездѣ былъ со мной, при мнѣ, около меня, какъ самой ближайшій мой родственникъ, и до конца дней своихъ сохранилъ къ моему дому, къ моему семейству, примѣрное усердіе, о которомъ я обязанъ отзываться всегда съ похвалою; и да не помыслитъ кто, что онъ таковъ былъ изъ прибытковъ. Нѣтъ! Онъ получалъ меньше всякаго иноземца въ моемъ домѣ; всѣми его услугами одолженъ я былъ сердцу его, а не расчетамъ ума любостяжательнаго. Да будетъ убо Богъ мздовоздаятель его за то добро, котораго онъ такъ много опытовъ оказалъ мнѣ и моему потомству!

МУРАВЬЕВЪ.

22. Михайла Никитичъ, Попечитель Московскаго Университета. Я съ нимъ мало былъ знакомъ, но упомянуть о немъ обязанъ, по тому что въ его время, удостоился получить дипломъ на званіе Почетнаго Члена Московскаго Университета, съ которымъ вмѣстѣ пріобрѣлъ право носить его мундиръ; и такъ всегда, когда я его надѣваю, я вспомню Г-на Муравьева, которому угодно было почтить меня симъ преимуществомъ.

ЛОПУХИНА.

23. Анна Александровна, тетка моя двоюродная по отцѣ, вдова, урожденная Княгиня Долгорукая. Бывши случайно въ Владимирѣ, когда я еще былъ женатъ на первой женѣ моей и только что вступилъ въ управленіе Губерніи, она разсудила подарить меньшихъ дѣтей моихъ 300 рублей, которыя, сколь ни уничижительно мнѣ было принять, но, уважая родство, которое ей давало на то право, тѣмъ болѣе, что ей, по должности моей, никакого до меня дѣла не было, я остался ей благодаренъ за сіе вниманіе и ласку къ моимъ ребятишкамъ. Кромѣ сего поступка я никакого ни близкаго знакомства, ни связи съ ней, не имѣлъ, и мы, какъ до того были, такъ и послѣ, по нынѣ остались другъ отъ друга очень далеки. Сей ничтожной подарокъ былъ какъ камень, брошенной мнѣ подъ ноги, о которой я споткнулся и крѣпко ушибся. 300 рублей эти мнѣ вѣчно будутъ памятны, по ихъ непредвидимымъ и ужаснымъ послѣдствіямъ. У Лопухиной былъ побочной братъ, Рукинъ, котораго она поручила въ покровительство мое и просила опредѣлить къ мѣсту. Старинная вражда между нашими стариками, дѣдомъ моимъ, умерщимъ на плахѣ, и братомъ его роднымъ, отцомъ сей Лопухиной, вражда, которая не смягчилась и между потомками; ибо отецъ мой худо со всѣми съ ними былъ знакомъ; вражда, которой я самъ былъ напитанъ съ младенчества, не могла сдѣлать мнѣ пріятнымъ ни подарка Лопухиной, ни расположить меня къ охотнымъ ей и брату ея услугамъ; но, будучи еще въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыя мы такъ легко обольщаемся героизмомъ великихъ подвиговъ, я почелъ себя въ обязанности за подарокъ Лопухиной стократъ больше ей отплатить, принудя себя, въ удовольствіе ея, сдѣлать добро сыну, или потомку, ненавистнаго мнѣ племени. Я опредѣлилъ сперва Рукина въ При-

ставы, потомъ и въ Полиціймейстеры: онъ былъ расторопенъ, но безъ поведенія; я никакихъ проступковъ его не смѣлъ наказывать съ надлежащей строгостью, боясь самъ себя, чтобъ, подъ предлогомъ правильнаго взысканія, не питать внутренняго расположенія къ мщенію и не ожесточаться по тому только, что онъ сынъ врага; и такъ старался, побѣждая себя, снисходить ему. Побужденія мои, смѣю сказать, были чисты и благородны, и текли изъ источника великодушнаго; но Рукинъ, худо образованной, воспользовался во зло себѣ моимъ снисхожденіемъ, попустилъ себя на разные безпорядки, и довелъ участь свою до того, что его сослали въ Сибирь, а я, по фальшивому понятію о моихъ поступкахъ, въ Правительствѣ былъ признанъ сообщникомъ въ его шалостяхъ и лишился службы. Вотъ что произвели 300 рублей, которыя тетка, полюбя малолѣтныхъ ребятъ, бросила къ нимъ въ колыбель, и можетъ быть изъ одного чванства, а я, рабски покоряясь долгу благодарности, согрѣлъ, ради ея, змѣю за пазухой, и былъ отъ нея жестоко уязвленъ. Не странной ли промыслъ рока? Изъ всѣхъ людей, кои именуются въ этомъ спискѣ, можетъ быть ни одного лица нѣтъ, съ которымъ бы былъ я менѣе знакомъ, какъ съ этой теткой, и никто, однако, не сдѣлался для меня столь памятенъ по событіямъ, какъ она.

ТУРЧАНИНОВА.

24. Александра Степановна, дама, съ которой я познакомился въ Пензѣ, тамошняя урожденка. Подобныхъ знакомствъ я имѣлъ очень много въ жизни, и ничего въ немъ не происходило такого, чтобъ заслуживало особеннаго моего замѣчанія, но объ ней говорю здѣсь исключительно для того, что она чрезвычайнымъ случаемъ подѣйствовала на мое воображеніе. Она нѣкогда рѣшилась, будучи въ Москвѣ, сѣсть въ воздушной шаръ съ воздухоплавательницей Г-жей Гарнерень, и подняться съ ней на воздухъ. Зрѣлище было всенародное, путешествіе ихъ удачно кончилось. Такая отвага сдѣлала Турчанинову извѣстной повсюду и, по необыкновенности случая, я рѣшился ее отличить отъ всѣхъ моихъ площадныхъ знакомствъ, и дать ей мѣсто въ спискѣ тѣхъ людей, кои произвели во мнѣ какое либо горестное, или пріятное, но прочное, впечатлѣніе, а Турчанинову я, конечно, не забуду по тому, что и по нынѣ не могу безъ особеннаго удивленія представить себѣ такой рѣзкой опытъ неустрашимости въ женщинѣ.

САЛТЫКОВЫ.

25. Князь Николай Ивановичъ и Княгиня Наталья Владимировна, урожденная Княгиня Долгорукая, сестра родная Князь Юрія Владимировича. Первостатейныя бояра Россійскія, вельможи Екатеринина Двора и высокомочныя особы при Императорѣ Александрѣ I-мъ; ибо Свѣтлѣйшій Князь былъ Вицерой всей Россіи, когда Императоръ отлучался года на два отъ отечества, во время Французскихъ походовъ. Сіи двѣ особы были такъ противоположны въ свойствахъ и въ самыхъ отношеніяхъ ко мнѣ, что я объ нихъ говорить стану отдѣльно.

Салтыковъ правилъ Семеновскимъ полкомъ, въ которомъ я былъ года три Адъютантомъ, слѣдовательно, ежедневно хаживалъ къ нему, и, снискавъ его благоволеніе, пользовался онымъ до послѣднихъ дней его жизни; но сіе благоволеніе было самое пустое и оказывалось токмо въ наружныхъ видахъ. Внутренно Салтыковъ любилъ только себя и неспособенъ былъ благодѣтельствовать, когда требовалась на то нѣкоторая упругость въ характерѣ, настойчивость въ поступкахъ и твердость въ правилахъ. Онъ былъ тонкой политикъ и настоящей царедворецъ, ласковъ, благопривѣтливъ, но пустъ, когда дѣло доходило до настоящихъ услугъ. Доколѣ я былъ молодъ и бѣгалъ къ нему въ покои во Дворцѣ, въ которомъ онъ жилъ по званію Наставника Великихъ Князей, онъ оказывалъ мнѣ разныя мелочныя снисхожденія, ничего ему не стоющія, какъ-то: отпускалъ меня въ отпускъ, давалъ мнѣ отсрочки, приглашалъ на свои балы и, по наружности судя, всякой думалъ, что я взысканъ особенною его ко мнѣ милостью. До нынѣ не увѣришь иныхъ, чтобъ онъ не былъ мой благодѣтель; но я никогда не дамъ ему этой чести, и, кажется, основательно докажу многими опытами, что онъ не только не сдѣлалъ мнѣ никакого существеннаго добра во всю жизнь свою, но даже и простыми средствами не воспользовался, отъ него единственно зависившими, показать мнѣ истинное въ судьбѣ моей участіе.

Когда ему повелѣно было воспитывать Великихъ Князей и составить для нихъ штатъ, батюшка просилъ его назначить меня въ число кавалеровъ, что совершенно зависѣло отъ него, но онъ отыгрался самымъ бѣднымъ резономъ, будто бы Государыня не желаетъ имѣть при внукахъ своихъ фамильныхъ людей; а дознано было, что онъ не смѣлъ ни объ одномъ ей доложить, и при-

нялъ тѣхъ, коихъ доставили фавориты и прочіе случайные люди.

Поручилъ онъ мнѣ обучать школьниковъ, для забавы Ихъ Высочествъ егерскимъ экзерциціямъ. Я ихъ возилъ нѣсколько разъ въ Сарское Село, представлялъ Великимъ Князьямъ, ребячился съ ними, и за все за это не былъ, даже изъ учтивости, ни разу приглашенъ къ Ихъ столу, что совершенно зависѣло отъ Салтыкова, но онъ, отъ излишней тонкости придворной, не смѣлъ даже наставить своихъ воспитанниковъ быть со мной учтивыми.

Когда меня Государыня опредѣлила въ Вице-Губернаторы, публика отдала это на счетъ Салтыкова протекціи. Неправда! Это произвело случайно мое отважное письмо къ Императрицѣ, а ходатайства его ни малѣйшаго не было.

Будучи наконецъ Губернаторомъ по имѣнью его Владимирскому, я оказывалъ ему всякія услуги, кои доказать могу его письмами, у меня сохранившимися, и онъ ни при какомъ случаѣ не вступался за меня, не замолвилъ слова въ мою пользу, а охотно бралъ на себя успѣхъ стороннихъ обстоятельствъ, приписывая оной своему старанію, когда его совсѣмъ не было; такъ, на примѣръ, при пожалованіи мнѣ ленты, онъ не прежде заикнулся Министру, Князю Куракину, о томъ, какъ узнавши, что она мнѣ уже назначена, дабы видъ дать, будто для него мнѣ ее пожаловали. Неправда! Хлопоталъ объ этомъ Лубяновской, докладывалъ по порядку и справедливости Министръ, по тому что мнѣ сіе отличіе слѣдовало, и Князь поспѣлъ только туне принять мою благодарность изъ однаго Дворскаго лукавства, чтобъ потѣшить суету тщеславнаго вельможи.

Такимъ-то образомъ поступалъ онъ, когда дѣло шло о доставленіи мнѣ какихъ либо выгодъ по службѣ; съ другой стороны, когда встрѣчали меня злоключенія, онъ никогда не подалъ мнѣ руки помощи и отыгрывался пустяками. Когда Павелъ, разсердясь, выгналъ меня изъ Пензы безъ причины, Салтыковъ никакого не оказалъ мнѣ участія. Въ исторіи Попа не смѣлъ за меня слова молвить, и при послѣднемъ слѣдствіи о мундирахъ, когда меня отставили, онъ коварно при мнѣ плакалъ, а самъ не дѣйствовалъ не только у Государя, но даже зная, что Балашовъ меня тѣснитъ и имѣетъ вѣсъ у Двора, онъ не смѣлъ и ему заикнуться въ мою пользу, будучи съ нимъ за свой.

Таковы были случаи, въ которымъ могъ сей вельможа быть, такъ сказать, моимъ спасителемъ и, разсточая мнѣ тьму похвалъ въ приватномъ отношеніи, публично не смѣлъ даже похвалить

меня при людяхъ, мнѣ враждующихъ, ежели только они были въ силѣ у Двора. Для довершенія сей исповѣди, оставляю послѣдній и самой рѣзкой опыть его егоизма.

Въ отсутствіе Государя дошло до Совѣта дѣло о письмѣ моемъ къ Балашову на счетъ Сенатомъ наложенныхъ на меня штрафовъ, и Князь Салтыковъ не только не отклонилъ отъ меня публичной выговоръ въ Сенатѣ, но даже, не смотря на то, что изданъ былъ Манифестъ, прощающій все, кромѣ смертоубійства, грабежа и лихоимства, пропустилъ, и приказалъ исполнить опредѣленіе Совѣта, по которому присуждено было мнѣ сдѣлать выговоръ за дерзкія выраженія въ означенномъ письмѣ. Симъ кончилъ Князь всѣ свои поступки противъ меня, по тому что я уже не имѣлъ никакого съ нимъ сношенія, и онъ скоро умеръ.

Сынъ мой старшій, ежедневно бывая у него въ домѣ, читая ему газеты иностранныя, во время его болѣзни, не могъ добиться и того, чтобъ онъ что ни будь въ пользу его сдѣлалъ, и тотъ ничего въ службѣ по его ходатайству никогда не получилъ.

Пусть судятъ теперь, чѣмъ я этому мнимому протектору обязанъ, и долженъ ли я память его чтить. Охотно всякому и все, по Христіянству, прощая, не считаю себя, однако, обязаннымъ праху его ни благодарностью, ни уваженіемъ.

Совсѣмъ другія чувства возбуждаетъ во мнѣ память супруги его. Прямо Свѣтлѣйшая дама, не по титлу одному но по качествамъ души. Сердце человѣка глубоко, проникнуть въ немъ трудно; намъ дано только по наружнымъ чертамъ судить о внутреннемъ характерѣ намъ подобныхъ. Княжна Наталья Владимировна тверда въ правилахъ, постоянна въ отношеніяхъ и великодушна въ поступкахъ. Оставимъ ей нѣкоторыя женскія странности и причуды, но основныя свойства ея были благородны, чувства возвышенны, характеръ мужественъ; она оказывала мнѣ особенную благосклонность, и отличала меня отъ многихъ въ обращеніи. Языкъ мой не произнесетъ на нее хулы во вѣки; не рѣдко я удостоиваемъ былъ самый искренней ея довѣренности на счетъ поведенія мужа ея при Дворѣ, котораго трусость и уклончивость она видѣла съ отвращеніемъ. Въ случаяхъ несчастныхъ для меня всегда принимала во мнѣ живѣйшее участіе, побуждала супруга своего дѣйствовать въ мою пользу, и съ сокрушеніемъ примѣчала слабость его характера, когда онъ долженъ былъ мужаться и возвышать голосъ. При послѣдней моей отставкѣ она такъ растрогана была моей судьбою, что на простомъ лоскуткѣ бумаги на-

чертила мнѣ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ видѣнъ весь безпорядокъ чувствительности раздраженной; она имянно пишетъ: «Не прощайся со мной: я не могу тебя видѣть безъ состраданія.» Эта коротенькая записка хранится у меня, какъ даръ неоцѣненной, какъ плодъ ея милости и вниманія ко мнѣ, коихъ во вѣки не забуду. Послѣ этого я уже ее и не видалъ; ибо она скоро скончалась отъ безпрестанныхъ волненій сердца, производимыхъ неудачами политическими и въ союзахъ и въ брани Двора нашего съ Наполеономъ. Сколько я мало сохранилъ преданности и почтенія къ имени Князя Салтыкова, столько, напротивъ, доколѣ уста мои отверзутся и языкъ возглаголетъ, не престану чтить доблестей супруги его и молить Всещедраго о низпосланіи ей вѣчнаго блаженства за тѣ благія дни и отрады, кои я находилъ въ бесѣдѣ, въ наставленіи ея, въ увѣщаніяхъ Христіянскихъ, среди самыхъ злѣйшихъ наитій рока на меня.

КОЛОГРИВОЙ.

26. Степанъ Ивановичъ, племянникъ мой двоюродной и искренно преданной мнѣ человѣкъ. Пріязнь открывается опытами. Онъ имѣлъ случай оказать намъ оной, и съ усерднѣйшей готовностью то исполнилъ. Когда я лишился меньшой дочери своей, и не могъ остаться въ своемъ домѣ, представляющемъ столь плачевное зрѣлище, онъ, живучи въ Москвѣ на квартирѣ, вызвался одолжить меня ею, и перевезъ меня къ себѣ. Тамъ я провелъ первые дни моего унынія въ возможномъ спокойствіи: онъ истощалъ всѣ средства облегчить горестное мое положеніе, и не прежде согласился отпустить меня въ мой домъ, какъ когда я могъ собраться съ духомъ въѣхать въ оной. Такой знакъ истиннаго родства и дружбы я никогда не забуду, а, съ воспоминаніемъ о потери милой дочери, всегда рядомъ станетъ въ моемъ воображеніи мой доброй Кологривой.

ТАВАСТЪ.

27. Шведской Штабъ-Офицеръ. Знакомство мое съ нимъ началось и кончилось въ Шведскомъ походѣ. Послѣ Саватайпольскаго сраженія, которое одержано было 21-го Мая, до самаго замиренія, воспослѣдовавшаго въ началѣ Августа, безпрестанныя были сношеніи военныхъ властей нашихъ съ Шведскими, и вся переписка Игельстромова съ Армфельдомъ должна была дохо-

дить къ нему черезъ Хрущова, Генерала того деташамента, которой стоялъ на границѣ, имянно въ Саватайполѣ, и въ которомъ служилъ я съ своей ротой. Хрущеву, для доставленія сихъ писемъ, нуженъ былъ Офицеръ, знающій иностранной языкъ: жребій палъ на меня, и я почти каждую недѣлю посыланъ былъ съ трубачемъ на Шведскіе форпосты. Тутъ-то я и познакомился съ Тавастомъ, и мы такъ хорошо свыклись между собою, что во все лѣто, когда ѣжжалъ къ нимъ я на переговорку, вызывалъ Таваста, а когда онъ пріѣжжалъ въ нашъ корпусъ съ отвѣтомъ, то спрашивалъ меня. Мнѣ до сихъ поръ памятенъ весь обрядъ нашихъ свиданій: его взводъ заѣдетъ ко мнѣ въ тылъ, мой къ нему также, оба взведутъ курки, и въ этомъ положеніи стоятъ, пока мы толкуемъ. Сперва это приводило меня въ какой-то ужасъ, отъ котораго я старался сокращать наши бесѣды, но потомъ мы такъ къ этому пустому церемоніялу привыкли, что иногда доброй часъ ходя между взводами, какъ въ залѣ, взадъ да впередъ, о всякой всячинѣ разговаривали; я съ удовольствіемъ вспоминаю и теперь наши тогдашнія свиданія. Однажды мнѣ случилось очень тяжко быть обмануту моимъ Генераломъ, и совершенно противъ воли его. Онъ узналъ, что нашъ флотъ линѣйной разбилъ Шведской, и захотѣлъ этой славной побѣдой покичиться передъ Шведами, тотчасъ меня верхомъ съ нарядной свитой отправилъ сказать объ этомъ въ ихъ лагерь, и велѣлъ примѣтить, какъ эта вѣсточка на нихъ подѣйствуетъ. Я пріѣхалъ, вызвалъ Таваста и съ торжественнымъ видомъ объявилъ ему о новыхъ успѣхахъ нашего войска; Тавастъ, выслушавъ меня со всею скромностью, отвѣчалъ мнѣ на мое самохвальство, что онъ уже объ этомъ знаетъ; да также извѣстно имъ и то, что на другой день нашей побѣды Король ихъ также атаковалъ самъ лично нашъ гребной флотъ подъ командой Принца Нассау, и такъ его разбилъ, что однихъ плѣнныхъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ до 150 человѣкъ у него на завтра обѣдали. Это меня такъ поразило, что я не зналъ, что сказать, и внутренно браня Генерала за такую глупую посылку, возвратился домой, стыдясь и богатыхъ своихъ чепраковъ, и великолѣпной свиты. Пріѣхавши назадъ и войдя въ ставку Хрущева, засталъ уже его за столомъ съ Генераломъ Ферзеномъ, которой, безъ меня пріѣхавши, разсказалъ ему объ этой неудачѣ Русскаго флота, вознаградившей Шведскую, претерпѣнную ими на канунѣ. Тавастъ не солгалъ, все было справедливо. Хрущевъ, не давши мнѣ рта разинуть, понялъ смущеніе лица моего и за-

кричалъ: «Все знаю, все знаю! Жаль, что похвастались не въ часъ.» Эта поѣздка едва мнѣ не сдѣлалась пагубной, по тому что я, услышавъ такую ужасную вѣсть отъ Таваста, хотѣлъ доказывать ему, что это быть не можетъ, вошелъ въ горячій споръ, и естьли бъ онъ не былъ благоразумнѣе и разсудительнѣе меня, то можетъ быть мы бы тутъ же, въ виду нашихъ трубачей мирныхъ, открыли между собой поединокъ. Тавастъ только пожалѣлъ о фанфаронствѣ моего Генерала, и принялъ участіе искренее въ моемъ замѣшательствѣ, которое долго, однако же, меня не возбуждало снова ѣхать въ Шведской лагерь. По замиреніи я уже нигдѣ не видалъ Таваста въ Шведскомъ войскѣ при Королѣ, и чаятельно мы никогда другъ друга не встрѣтимъ.

ИЗРАИЛЬ.

28. Архимандритъ Нижеломовской, а потомъ Макарьевской, гдѣ онъ недавно скончался: онъ родомъ былъ изъ Дворянъ, по фамиліи Даниловъ, сынъ Секретаря Пензенской Казенной Палаты, записанъ былъ въ гвардію, вышелъ армейскимъ Офицеромъ въ отставку и, молодъ еще, пошелъ въ монахи. Онъ имѣлъ рѣдкой талантъ нравиться набожнымъ барынямъ, отличая тѣхъ изъ нихъ, которыя были помоложе и съ состояніемъ, и талантъ сей, кажется, воздѣлывалъ тщательно; многими пожертвованіями, кои дѣлались ему, въ честь его смиренію, онъ украшалъ тѣ обители, коими проходилъ до Архимандричьей митры; нахлобуча ее, скоро получилъ и орденъ Св. Анны 2-й степени, былъ духовникомъ знаменитаго вельможи, Князя Куракина, и его предстательствомъ поставленъ на виду Синода. Вотъ что такое былъ Израиль! Я съ нимъ сошелся знакомствомъ въ Пензѣ, когда онъ былъ еще простымъ монахомъ въ глухой пустынѣ: будучи Вице-Губернаторомъ, я имѣлъ случай быть ему полезнымъ, и по тому мы, сдѣлавшись тамъ пріятелями, остались таковыми до послѣднихъ дней его жизни. Естьли бъ я говорилъ не о монахѣ, то много бы привелъ себѣ на память пріятныхъ вечеровъ, лакомыхъ обѣдовъ и занимательныхъ посидѣлокъ, которыя раздѣлялъ я съ нимъ тамъ и сямъ въ Пензенской Губерніи, гдѣ онъ, между прочимъ, постригалъ Новикову прекрасную въ монахини, а я въ тотъ же день сочинялъ лирическую пѣснь въ память ея самоотверженію; но какъ Израиль уже умеръ, то древняя пословица: «De mortuis aut bene, aut nihil,» заставляетъ меня съ умиленіемъ пожелать ему вѣчнаго блаженства. Миръ его праху!

ХЛОПОВА.

29. Анна Ивановна, молоденькая, хорошенькая дѣвушка, въ которую я влюбился въ театрѣ. Не прогнѣвайтесь, такъ случилось. Это дурачество продолжалось цѣлую зиму. Я къ нимъ не ѣздилъ, а только могъ видѣть ее въ театрѣ; ибо у матери ея была ложа годовая, а я былъ еще мальчикъ, и такъ какъ мнѣ не всегда давали довольно денегъ, чтобъ платить всякой разъ за входъ въ театръ, то я нарочно пригонялъ къ тому времени, какъ бывалъ изъ театра разъѣздъ, заверну въ него, и дожидаюсь ее въ корридорахъ. Тутъ, при выходѣ изъ ложи, встрѣчу ее, солгу, что я былъ въ партерѣ, возьму за руку и провожу до кареты, отпущу ей слова два о своей страсти, тяжело вздохну, пожму бѣлинькую ея ручонку и, посадя въ карету, поскачу домой удивительно какъ счастливъ, и цѣлой вечеръ тамъ отъ радости улыбаюсь. А когда не было театра, то я, зная гдѣ ихъ домъ, ѣжжалъ разъ по пяти въ сутки мимо, въ чаяніи увидѣть ее подъ окошкомъ. Амуръ мой такъ былъ простъ, что я не умѣлъ и этого разобрать, что зимой, за двойными окончинами, кои снѣгомъ занесло и морозомъ заиндивило, никакой барышни изъ кареты не разъглядишь, ни самой Венеры. Такъ дурачился я и волочился за ней цѣлую зиму, но послѣ никогда и нигдѣ ее не видалъ. Говоря о ея семействѣ, помѣщу здѣсь анекдотъ весьма любопытной на счетъ ея матери. Она женщина была добрая и, какъ думать надобно, проста въ обычаяхъ. Я былъ еще сущій ребенокъ и болѣнъ къ смерти, мать моя въ горяхъ страшныхъ. Одного сына терять ужасно! Пріѣжжаетъ какъ-то старушка Хлопова къ намъ съ визитомъ, застаетъ матушку въ отчаянныхъ слезахъ, узнаетъ причину и предлагаетъ ей купить меня, говоря, что симъ средствомъ часто исцѣляются малолѣтныя дѣти. Суевѣріе пустое, но на что не согласится мать, которой жаль ребенка? Матушка меня продала, взяла за меня гривну. Что же вышло? Я дѣйствительно выздоровѣлъ и живу, слава Богу, шестой десятокъ, а бѣдная Хлопова, имѣвши четырехъ дочерей, всѣхъ перехоронила на возрастѣ, и одна осталась какъ перстъ, всѣ померли чахоткой; та самая, въ которую я былъ влюбленъ, Анна, успѣла выйти замужъ и въ молодости умерла. Странной, но рѣзкой, случай роковой! Когда послѣ того Г-жа Хлопова видалась съ матушкой, всегда напоминала ей этотъ случай, говоря: «Ну ужъ сокомъ вышла мнѣ моя покупочка!» Она, я

думаю, бѣдная, болѣе и чаще вспоминала обо мнѣ, нежели я о любезной дочери ея, когда театры перестали быть для насъ мѣстомъ ежедневнаго свиданія.

ВЯЗЕМСКОЙ.

30. Князь Александръ Алексѣевичъ, знаменитой и долговременной Генералъ-Прокуроръ при Екатеринѣ. Отецъ мой служилъ подъ его начальствомъ и былъ имъ уважаемъ. При появленіи моемъ въ Петербургъ, батюшка тотчасъ меня ему представилъ, и это было первое мое знакомство. Я постоянно ѣздилъ въ домъ его и пользовался ласковымъ пріемомъ. Потомъ довелось мнѣ и служить въ гражданской службѣ еще въ его время, но уже онъ почти не дѣйствовалъ, разбитъ будучи параличемъ. Я нашелъ его въ самомъ жалкомъ положеніи, когда, для формы, представленъ ему былъ въ званіи Пензенскаго Вице-Губернатора: онъ катался по залѣ своей въ колясочкѣ, и едва меня узналъ; все мое обращеніе устремилось тогда къ Васильеву (см. лит. В.). Семейство Князя Вяземскаго было большое, жена его любила иностранное общежитіе; нѣсколько дочерей, богатыхъ невѣстъ, привлекали молодежь, а старики ѣжжали къ Князю наслушиваться государственныхъ соображеній. Посѣщенія мои въ этомъ смыслѣ были для мени очень полезны; я и забавлялся по вечерамъ на ихъ домашнихъ балахъ, и учился со временемъ бить штатскимъ чиновникомъ. По симъ выгодамъ нельзя не упомянуть мнѣ здѣсь объ этомъ вельможѣ, у котораго, впрочемъ, я не могу вспомнить ничего пріятнаго для сердца. У меня хранятся до нынѣ нѣсколько писемъ его къ отцу моему, изъ коихъ видно, что онъ умѣлъ цѣнить его труды и былъ къ нимъ признателенъ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Исторія дѣятельности Гуса, отъ начала его спора съ Папою Іоанномъ XXIII объ отпущеніяхъ грѣховъ до прибытія Гуса на Костницкій Соборъ.

Папа Іоаннъ XXIII, по своему личному характеру и свойствамъ, менѣе всего былъ способенъ произвести столь желанное для всѣхъ преобразованіе Церкви въ ея главѣ и членахъ. Первою заботою его было постоянно умноженіе своей власти и значенія, какъ свѣтскаго Государя. Въ этомъ стремленіи онъ встрѣтилъ сильное и неожиданное сопротивленіе въ честолюбивыхъ замыслахъ Владислава Неапольскаго, который, не оставляя стороны отставленнаго Папы Григорія XII, явно стремился къ владычеству надо всею Италіею. Двумя буллами, данными 9 Сентября и 2 Декабря, 1411 года, Іоаннъ XXIII предписалъ проповѣдать крестовый походъ противъ Владислава во всѣхъ странахъ, власть его, какъ Папы, признававшихъ, и обѣщалъ въ нихъ всѣмъ вѣрующимъ, которые или лично отправятся въ этотъ походъ, или выставятъ воиновъ, или дадутъ денежное пособіе на веденіе войны противъ Владислава, полное отпущеніе грѣховъ, такое же, какое всегда давали крестоносцамъ, идущимъ сражаться за гробъ Господень. Папскій Посолъ, Пасавскій Деканъ, Вячеславъ Тимъ, принесъ этѣ буллы, а вмѣстѣ и паллiумъ для Архіепископа Альбика, въ Маѣ 1412 года, въ Прагу. Король и Архіепископъ немедленно дозволили обнародовать буллы и дѣлать денежныя приношенія для выше означенной цѣли. Въ слѣдствіе этого проповѣдники индульгенцій крестоносцамъ ежедневно являлись всенародно при трубномъ звукѣ на площадяхъ и увѣщевали народъ жертвовать или деньгами, или товарами; съ этою же цѣлью были выставлены три кассы: въ Соборной церкви, въ Тынѣ и на Вышеградѣ—собирать жертвуемыя деньги. Гусъ, въ одномъ, еще не напечатанномъ, своемъ сочиненіи отзывается такъ о Вячеславѣ Тимѣ, главномъ продавцѣ отпущеній: «Самое исполненіе, говоритъ онъ, крестовой буллы представляло много соблазнительнаго и неприличнаго: 1) по тому, что Вячеславъ Тимъ изложилъ письменно нѣкоторыя мнѣнія, которыя

приказалъ Священникамъ проповѣдывать; самъ Стефанъ Палечъ отдалъ мнѣ списокъ этихъ мнѣній, говоря, что онѣ содержатъ самыя грубыя заблужденія; 2) по тому, что выше писанный Вячеславъ продавалъ за извѣстныя суммы и на извѣстныхъ условіяхъ Архидіаконства, Деканства и церкви, точно такъ, какъ отецъ семейства отдаетъ въ наймы домы, или лавки, жильцамъ и купцамъ. Такія сдѣлки заключалъ онъ съ Священниками невѣжественными, грубыми, распутными игроками, которые чинили тысячи соблазновъ, и народъ чудесно обирали при исповѣди для того, чтобы скорѣе выручить свои деньги и получить большій барышъ.»

Эти дѣйствія Папы произвели въ Прагѣ глубокое впечатлѣніе. Гусъ и его приверженцы начали тотчасъ проповѣдывать противъ нихъ съ каѳедръ, выставляя ихъ противными духу Христіанства, а самаго Папу называя истиннымъ Антихристомъ, который имѣетъ явиться въ послѣднія времена міра. Тщетно Архіепископъ, во избѣжаніе соблазна, при обнародованіи буллъ воспретилъ брать съ народа деньги за исповѣдь; тщетно Богословскій Факультетъ, съ своимъ тогдашнимъ главою, Стефаномъ Палечомъ, старался доказать, что обнародованіе крестоваго похода въ защиту Церкви-ни столь ново, ни столь не законно, и что Католикамъ неприлично выдавать себя судьями Папы и его дѣйствій: но Гусъ громко твердилъ, что индульгенціи недѣйствительны и выдуманы для обмана народа, и наконецъ, во многочисленныхъ объявленіяхъ, разсѣянныхъ по городу, возвѣстилъ, что 7 Іюня онъ намѣренъ всенародно разсуждать о слѣдующемъ положеніи: «Utrum, secundum legem Iesu Christi licet et expedit pro honore Dei et salute populi Christiani et pro commodo Regni bullas Papae de erectione crucis contra Ladislaum, Regem Apuliae, et suos complices, Christi fidelibus approbare?» (Сравни Opp. Huss. I, p. 171—174), то есть: «Дозволено ли закономъ Іисуса Христа и Христіанамъ повиноваться булламъ Папы касательно крестоваго похода противъ Владислава, Короля Апулійскаго и его сообщниковъ?» Прежде нежели сообщимъ отвѣтъ Гуса на этотъ вопросъ, прочтемъ Папскія буллы индульгенцій: «1. Bulla indulgentiarum Papae Ioannis XXIII pro subsidio contra Ladislaum, Regem Apuliae, Pragam allata anno 1412; т. е.; Булла индульгенцій Папы Іоанна XXIII-го касательно похода противъ Владислава, Короля Апулійскаго.» Вотъ она отъ слова до слова.

«Іоаннъ Епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, во всегдашнюю память

дѣла (ad perpetuam rei memoriam). Царь царей и воинствъ, милосердый Господь и Единородный Сынъ Бога, Іисусъ Христосъ, Тотъ, Который, царствуя на небесахъ, вѣчнымъ своимъ промысломъ управляетъ міромъ; Онъ хотя силенъ и терпѣливъ, Отецъ милости, щедротъ и всегдашній податель помощи, есть, однако же, судья справедливый, великодушный Господь мести. И чѣмъ милосердѣе отлагаетъ онъ наказаніе, тѣмъ строже казнитъ людей, провождающихъ дни свои въ ненавистныхъ и упорныхъ злодѣйствахъ. И по истинѣ, хотя медленнымъ шагомъ идетъ къ отмщенію за себя негодованіе Божественное, однако, вознаграждаетъ медленность наказанія степенью силы его. И такъ мы, вышнимъ споспѣшествующимъ милосердіемъ, поставленные во главу воинствующей Церкви, мы, которымъ Божественной мудрости неиспытанная глубина, распоряженіемъ неизмѣннымъ, вѣрила верховную власть на землѣ выше всякой власти, и чудеснымъ и несказаннымъ образомъ возвеличила, какъ супругу царицу пресвѣтлую, соединенную съ его чудесными и неразрывными узами и т. д. (вотъ какъ въ подлинникѣ: «Nos itaque superna disponente clementia in specula militantis Ecclesiae constituti, cui divinae sapientiae inscrutabilis altitudo dispensione incommutabili, praecipuum super terras aliosque potentatus contulit magistratum, ac ut reginam praefulgidam clementer ac inseparabili foedere sibi coniunctam mirabileter et ineffabiliter insignini» etc.) для того, чтобы самаго Владислава и его послѣдователей, поборниковъ, защитниковъ, привести въ тѣмъ найбольшее посрамленіе, чѣмъ всенароднѣе будутъ извѣстны его преступленія. Всѣмъ и каждому, Натріархамъ, Архіепископамъ и Епископамъ и иныхъ церквей Настоятелямъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, которому они немедленно ipso facto подвергаются, если только тотчасъ не окажутъ повиновеніе этой буллѣ нашей, какъ только она дойдетъ до ихъ свѣдѣнія, - строжайше предписывая, повелѣваемъ, чтобы они, всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно, каждый въ своей церкви при значительномъ стеченіи народа, преимущественно въ дни воскресные и праздничные, при звонѣ колоколовъ, зажигали свѣчи, потомъ бросили ихъ на землю, погасивши, сами своими устами, или чрезъ кого либо инаго, реченнаго Владислава, всенародно громкимъ и понятнымъ голосомъ, провозгласили отлученнымъ отъ Церкви, клятвопреступникомъ, раскольникомъ, святотатцемъ, злымъ ере-

тикомъ, еретиковъ покровителемъ, виновнымъ въ оскорбленіи Величества, заговорщикомъ противъ насъ и противъ Св. Церкви, виновнымъ въ клятвопреступленіи, и его, вмѣстѣ съ его сообщниками и послѣдователями, достойнымъ наказанія, наравнѣ съ еретиками, подверженнымъ строжайшему наказанію за всѣ вмѣстѣ выше исчисленныя преступленія и за каждое порознь, наказанію, опредѣленному Церковнымъ и народнымъ правомъ, и объявить, что Христіане должны избѣгать общенія съ Владиславомъ и его сообщниками, доколѣ, пришедши въ себя и сознавши свои заблужденія, заслужатъ они отъ насъ, или отъ преемниковъ нашихъ, будущихъ Римскихъ Первосвященниковъ, полнаго прощенія и разрѣшенія.

«Можетъ статься имъ умирающимъ (Владиславу и его сообщникамъ) кто либо другой, а не мы и преемники наши, будущіе Папы Римскіе, дадутъ разрѣшеніе: тѣмъ не менѣе мы опредѣляемъ и хотимъ, чтобы они навсегда были лишены Церковнаго погребенія, и если останутся въ живыхъ, то мы хотимъ, чтобы они въ самоскорѣйшемъ времени явились предъ насъ, или преемниковъ нашихъ, лично принести удовлетвореніе и принять наказаніе, какое опредѣлить научитъ справедливость.

Иначе, дабы Церковное отлученіе безнаказанно не нарушалось, хотимъ, чтобы они снова ipso facto, въ слѣдствіе своего ослушанія, подпали прежнему опредѣленному отлученію отъ Церкви и проклятію. А тѣ, которые, зная это опредѣленіе, осмѣлились бы тѣла Владислава и его послѣдователей предать церковному Христіанскому погребенію, пусть знаютъ, что они тѣмъ самимъ поступкомъ навлекаютъ на себя наше проклятіе, доколѣ не очистятся надлежащимъ покаяніемъ. А разрѣшенія и прощенія они иначе заслужить не могутъ, какъ собственными руками вырывъ изъ земли тѣла отлученныхъ и далеко отбросивъ ихъ отъ священнаго Христіанскаго кладбища, и то мѣсто да будетъ съ той минуты навсегда оставлено церковью, и да не погребаются на немъ впредь тѣла вѣрныхъ.

«Предлежащіе опредѣленіе и приговоръ, данные во всемъ своемъ содержаніи съ согласія выше реченныхъ братьевъ (Кардиналовъ), властью Апостольскою издаемъ, опредѣляемъ и утверждаемъ въ вѣковѣчную о дѣлѣ память, и убѣждаемъ всѣхъ повиноваться ему, какъ имѣющему силу постояннаго закона.

«Сверхъ того орошеніемъ крови Искупителя всѣхъ, — всѣхъ Императоровъ, Королей и Князей Христіанства, Церквей и монастырей Прелатовъ, Университеты и всѣ лица обоего пола, всякаго достоинства, степени, сословія, званія и чина Церковнаго, или свѣтскаго, будь они предъ другими отмѣчены достоинствомъ Императорскимъ, Королевскимъ, Княжескимъ, Кардинальскимъ, или инымъ какимъ либо, съ чувствомъ отеческой любви заклинаемъ, увѣщевая ихъ въ прощеніе грѣховъ и въ честь Св. Церкви и нашу собственную, въ наказаніе Владислава и его послѣдователей, возмутителей и враговъ, какъ выше писано, достойныхъ осужденія и, во истребленіе ихъ, взяться за оружіе.

«А для того, чтобы вѣрные Христіане тѣмъ усерднѣе и ревностнѣе содѣйствовали, чѣмъ обильнѣйшій плодъ они имѣютъ получить отъ своего труда, мы, полагаясь на милосердіе Всемогущаго Господа и на власть Его Апостоловъ, Петра и Павла, а также на власть вязать и разрѣшать, которую Богъ далъ намъ свыше, хотя мы того нашими дѣйствіями недостойны (nobis licet insufficientibus meritis), всѣмъ истинно кающимся и прибѣгающимъ къ исповѣди, которые, принявъ знаменіе животворящаго Креста, собственною особою, или имуществомъ, будутъ содѣйствовать выше приведеному дѣлу, даемъ прощеніе въ тѣхъ грѣхахъ, въ которыхъ они искренно покаются въ душѣ и устами принесутъ исповѣдь, и, въ вознагражденіе вѣрныхъ, обѣщаемъ пріумноженіе вѣчнаго спасенія въ той степени, въ какой обыкновенно Апостольскій престолъ даетъ его, во ободреніе переѣзжающихъ и плывущихъ въ Святую Землю.

«А тѣмъ, которые не явятся лично своею особою на войну, но только на свой счетъ, соотвѣтственно своему имуществу и званію, пошлютъ на войну годныхъ мужей, съ обязанностью дѣйствовать противъ Владислава враждебнымъ образомъ въ теченіи мѣсяца; и тѣмъ еще, которые хотя и на чужой счетъ, однако лично, своею особою, взявъ на себя обязанность этого похода, даруемъ тоже прощеніе всѣхъ грѣховъ, и желаемъ сдѣлать и тѣхъ участниками этого отпущенія грѣховъ, которые изъ живаго чувства Вѣры окажутъ значительное вспомоществованіе къ совершенію этого дѣла, соотвѣтственно значительности и великости имущества, имъ ссуженаго на время Богомъ. Кромѣ того, их лица, семейства и имущества съ той минуты, какъ они пріймутъ на себя знаменіе креста;

принимаемъ подъ покровительство Св. Петра и наше, и повелѣваемъ, чтобы Начальники Епархіи приняли ихъ подъ свое непосредственное покровителество. Если же кто сдѣлаетъ имъ малѣйшую обиду, то да будетъ немедленно укрощенъ властью Епархіальнаго Епископа того мѣста, гдѣ онъ будетъ находиться, церковными приговорами и иными средствами, Правомъ на это предостовляемыми, призвавъ, въ случаѣ нужды, и помощь свѣтской власти, не обращая вниманіе ни на какую апелляцію.

«И еще для того, чтобы принявшіе знаменіе креста, тѣмъ охотнѣе и ревностнѣе исполняли свой обѣтъ, чѣмъ большими привилегіями будутъ пользоваться, мы, предлежащею грамотою, предоставляемъ имъ пользованіе всѣми тѣми правами и тою же защитою, какія права и какое покровительство предоставлено крестоносцамъ, идущимъ во Св. Землю; и еще даруемъ имъ-то право, что они могутъ не являться ни на какія приглашенія для суда внѣ своей Епархіи, хотя бы этѣ приглашенія содержались въ грамотахъ Престола Апостольскаго и его Легатовъ (исключая тѣхъ только грамотъ гдѣ именно сказано будетъ, что это исключеніе изъ общаго правила), лишь бы только они явились для оправданія во взводимыхъ на нихъ жалобахъ предъ своего Епархіальнаго Архіерея.

«Еще желаемъ, чтобы тѣ изъ принявшихъ знаменіе креста, которые, до истеченія срока, назначеннаго для исполненія обѣта этого рода, будутъ похищены смертью, были полными участниками тѣхъ же отпущеній и милостей, которыя нашимъ Апостольскимъ Престоломъ дарованы умирающимъ въ походѣ во Святую Землю.

«И такъ желаемъ и, въ силу святой добродѣтели, повиновенія, повелѣваемъ всѣмъ Патріархамъ, Архіепископамъ, Епископамъ, Канонакамъ (electis), Аббатамъ, Настоятелямъ всѣхъ церквей и монастырей, а также Священникамъ приходскихъ церквей, все выше писанное въ торжественные дни праздничные и воскресные: «да во всю землю изыдетъ вѣщаніе ихъ,» объявить народу точно такъ, какъ это писано о Владиславѣ, и продолжать это до совершеннаго приведенія въ исполненіе всего выше писаннаго, не обращая вниманіе ни на чье сопротивленіе.

«А по тому никому изъ смертныхъ нельзя эту страницу нашего разсужденія, произнесенія, постановленія, объявленіе, инѣ-

нія, лишенія, разрѣшенія, убѣжденія, ограниченія, воспрещенія, опредѣленія, рѣшенія, увѣщанія, раздачи индульгенцій, слѣдствія повелѣнія, приговора и воли, нарушить или ей наглымъ образомъ противустать. А если бы кто осмѣлился на это покуситься, негодованіе Всемогущаго Бога и Блаженныхъ Апостоловъ Петра и Павла на свою голову привлечетъ (по Латыни: «Nulli ergo omnino hominum liceat hanc paginam nostrae reputationis, pronunciationis, constitutionis, declarationis, sententiae, privationis, absolutionis, monitionis, reservationis, inhibitionis, decreti, inhabilitationis, exhortationis, indulgentiarum receptionis, processus, mandati, voluntatis et constitutionis, infringere, vel ei cursu temerario contraire. Si quis autem hoc attentare praesumpserit, indignationem omnipotentis Dei ac Beatorum Petri et Pauli Apostolorum ejus se nouerit incursurum»). Подписано: «Дано и скрѣплено въ Римѣ у Св. Петра, въ 5-й день Сентябрскихъ Идъ, во второе лѣто нашего Первосвященства.»

Другая булла, врученная Коммисарамъ, относительно объявленія Крестоваго похода противъ Владислава, содержащая отпущеніе всѣхъ грѣховъ отъ наказанія и вины (a culpa et poena), была слѣдующаго содержанія:

«Іоаннъ Епископъ, рабъ рабовъ, любезнымъ Божіимъ сынамъ, Магистру Вячеславу Тиму, Декану церкви Пасавской, нашему Нотарію, и Паку изъ Бононіи, Лиценціату Каноническаго Права въ Зальцбургскомъ, Пражскомъ и Магдебургскомъ городахъ, округахъ и нашихъ областяхъ, привѣтствіе и Апостольское благословеніе.

«Въ защиту состоянія Церкви воинствующей, всѣхъ матери и вѣрующихъ наставницы, и въ защиту (въ оборону) нашей любезнѣйшей дочери знаменитаго города, въ которомъ Божество предназначило положить, и положило, основной камень своей воинствующей Церкви, обагренный кровію Святыхъ, Престола Апостола Петра, и иныхъ странъ намъ и Церкви подчиненныхъ, которыя воюетъ сынъ неправды, Владиславъ изъ Драча (Durazzo) въ святотаственномъ дерзновеніи именующійся Царемъ Іерусалима и Сициліи, беззаконный врагъ и ослушникъ самой Церкви, для поддержанія раскола силою и оружіемъ и всякаго рода непріязненными дѣйствіями, вмѣстѣ со своими приверженцами, соучастниками и сообщниками, подъ самымъ безбожнымъ и незаконнымъ предлогомъ, сыну проклятія, Анджело Корраріо, еретикъ и

раскольника, по справедливому Божіему попущенію, приговореннаго и осужденнаго, который, въ неслыханной и достойной всякаго наказанія дерзости, назывался Папою Григоріемъ XII, и доселѣ продолжаетъ называться, усиливается пріобрѣсть нашъ престолъ и области и, въ гибель всѣмъ вѣрующимъ; ему отдать, Анджело съ его послѣдователями незаконно ввести въ городъ, и, такимъ образомъ, возобновить и всѣми средствами поддерживать оный расколъ. И для того, чтобы мы могли возвратить себѣ нѣкоторыя мѣста, намъ и Церкви принадлежащія, Владиславомъ и иными врагами занятыя и отнятыя; и для того, чтобы всѣмъ извѣстны были беззаконныя дѣла Владислава и упомянутыхъ сообщниковъ, приговоръ нашъ, сообразный праву и обычаю, противъ него и его сообщниковъ, за вину заслуженнымъ образомъ произнесенный, мы повелѣли обнародовать всѣмъ Царямъ, Царицамъ, Прелатамъ, Князьямъ, Университетамъ и прочимъ Православной Вѣры поклонникамъ, да во всю землю изыдетъ вѣщаніе его, и противъ самаго Владислава и иныхъ гонителей и враговъ насъ и Церкви, такъ какъ средства оной Церкви и Апостольской Камеры недостаточны для покоренія и усмиренія ихъ, Животворящаго Креста слова по всему міру въ лицо вѣрующихъ, шествуя по стопамъ мудрѣйшаго и возвышеннѣйшаго въ добродѣтели изъ нашихъ предшественниковъ, того, который сломилъ рога невѣрныхъ, мы повелѣли различными нашими грамотами проповѣдать, и для этой же цѣли и для испрошенія денежныхъ пособій крайне необходимыхъ, мы немедленно посылаемъ васъ въ Зальцбургскій, Пражскій и Магдебургскій города, округи и области.

«А за честность и скромность вашу ручается въ этомъ случаѣ ваше умѣнье, съ которымъ вы исполнили многія важныя дѣла наши и Церкви, а также не безъизвѣстная намъ чистота вашей совѣсти, постоянство добродѣтели и иныя вѣры достойныя свидѣтельства. Вамъ или самимъ, своею особою, или чрезъ кого либо инаго изъ васъ, или чрезъ другихъ, занимающихъ духовныя должности, или чрезъ Магистровъ Священной страницы (sacrae paginae. Sic!), или лицъ, занимающихъ и въ другихъ наукахъ Докторскія степени, или кого бы то ни было способнаго къ этому дѣлу, которыхъ вы заблагоразсудите отправить по городамъ и мѣстамъ выше писанныхъ Епархій, право проповѣди нынѣшнею нашею грамотою ввѣряемъ для надлежащаго исполненія,

во отпущеніе грѣховъ, предписывая, чтобы вы эту обязанность, по мѣрѣ даннаго вамъ свыше благоразумія, осторожно и дѣйствительно исполняя, или сами, или чрезъ кого либо инаго изъ лицъ выше писанныхъ, со всякимъ тщаніемъ, и всѣхъ кого почтете полезнымъ для этой цѣли, настоятельно всѣми средствами заставляя принимать участіе въ этомъ дѣлѣ, содѣйствовали самимъ дѣйствительнымъ образомъ къ тому, чтобы принявшіе съ почтеніемъ знаменіе Креста, напечатлѣвъ его на сердцахъ своихъ и на плечахъ, мужественно пошли на защиту упомянутаго города, и для возвращенія отнятыхъ мѣстъ, въ честь и пособіе Церкви исполнили свое дѣло честно и всѣми силами содѣйствовали бы немедленно въ истребленіи враговъ.

«И чтобы Православные Христіане тѣмъ охотнѣе и ревностнѣе взялись за это дѣло, чѣмъ большую награду они будутъ надѣяться получить въ возмездіе за свои труды, мы, отъ милосердія всемогущаго Бога и Блаженныхъ Апостоловъ, Петра и Павла, на ихъ слово положившись и на ту власть связывать и разрѣшать, которую, хотя безъ всякой съ нашей стороны заслуги, Богъ ввѣрилъ намъ, всѣмъ искренно кающимся, исповѣдающимся, которые, принявъ знаменіе Животворящаго Креста, будутъ содѣйствовать этому дѣлу, или пошедши въ походъ сами своею особою, или давъ на то денегъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе мѣсяца отъ того дня, когда они, или нанятые ими люди, прійдутъ въ нашу страну, или переселятся отъ этого міра во время совершенія похода, ту часть ихъ грѣховъ, въ которой они искренно покаются и выисповѣдаются предъ Священникомъ, совершенно и вполнѣ прощаемъ, въ той же степени, въ какой это прощеніе дается Апостольскимъ Престоломъ тѣмъ, которые во время общаго Крестоваго похода переплываютъ во Святую Землю, въ воздаяніе праведныхъ, обѣщаемъ пріумноженіе вѣчнаго спасенія.

«И тѣмъ, которые не своею особою пойдутъ въ походъ, но на свой счетъ отправятъ соотвѣтственное своему состоянію и имуществу число воиновъ, съ обязанностью пробыть тамъ, по крайней мѣрѣ, назначенный выше срокъ (т. е., одинъ мѣсяцъ); и подобнымъ образомъ и тѣмъ, которые, хотя на чужой счетъ, но лично своею особою, возьмутъ на себя обязанность итти въ этотъ походъ и честно ее исполнятъ; а также и тѣмъ, которые, не желая ни сами итти въ походъ, ни посылать другихъ, вмѣсто

того, сообразно съ содержаніемъ этого нашего повелѣнія, или сообразно съ волею вашихъ повѣренныхъ, соразмѣрно своему состоянію, деньгами, или иными вещами, окажутъ пособіе; еще же и тѣмъ, которые, въ слѣдствіе настоящаго нашего повелѣнія, своими увѣщаніями и проповѣдями, склоняя людей къ подаванію выше упомянутой помощи, успѣютъ въ томъ дѣйствительно, даруемъ полное прощеніе грѣховъ въ выше сказанномъ случаѣ. Этого отпущенія участниками дѣлаемъ еще всѣхъ тѣхъ, которые, по востребованію лицъ выше упомянутыхъ, или иныхъ какихъ либо для совершенія этого дѣла, также по волѣ этого нашего повелѣнія, или по волѣ нашихъ Коммисаровъ, изъ своего имущества сдѣлаютъ пожертвованіе. Кромѣ того личности, семейства и имущества ихъ съ той минуты, какъ они пріимутъ Крестъ, принимаемъ подъ покровительство самаго Святаго Петра и наше, и повелѣваемъ мѣстнымъ Архіереямъ взять ихъ въ свое непосредственное вѣдѣніе. И если кто сдѣлаетъ имъ обиду, то такой тотчасъ отъ мѣстнаго Архіерея долженъ быть подвергнутъ строжайшему суду, не обращая вниманія ни на какое обжалованіе.

«Далѣе, для скорѣйшаго исполненія этого спасительнаго дѣла (huius salutaris negotii), позволяемъ вамъ самимъ и вашимъ Коммисарамъ созывать клиръ и народъ въ какое хотите удобное мѣсто, проповѣдуя тамъ опредѣленіе о Крестовомъ походѣ, и вѣрующимъ, искренно кающимся и исповѣдавшимся, немедленно давать отпущеніе грѣховъ, если они расположены его набожно выслушать. Каждый изъ васъ на 100 дней, а Коммисары ваши на 40 дней, можете отпускать милосердо грѣхи отъ полномочія, вамъ даннаго властью Апостольскою; сверхъ того, должны быть вами назначаемы каждый разъ, какъ почтете это нужнымъ, Пріоры, проповѣдники, сторожа (guardiarii) и другіе служители, а также казначеи, люди вѣрные и способные для собранія пожертвованій и передачи ихъ вамъ, или инымъ лицамъ, которыхъ вы для того изберете; особенный выборъ лицъ необходимъ и благовременемъ для исполненія всего выше писаннаго, не взирая ни на какую индульгенцію общую, или частную, Професорамъ, или братьямъ Орденовъ, или религій какихъ бы то ни было, данную Апостольскимъ Престоломъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Желаемъ также, чтобы они ни сколько не заботились принимать тѣ Апостольскія повелѣнія и приводить въ исполненіе ихъ посредствомъ

Апостольскихъ грамотъ, въ которыхъ о нынѣшней индульгенціи не упоминается, и что они не могутъ быть отлучены, отрѣшены отъ должности, или подвергнуты запрещенію, если бы о томъ состоялось повелѣніе, и не смотря ни на какія привилегіи, или грамоты, отъ Апостольскаго Престола данныя, о которыхъ всѣхъ, съ точнымъ упоминаніемъ ихъ содержанія должно быть сказано здѣсь подробно и точно, и не на что иное, даемъ вамъ, силою настоящей грамоты, полную и свободную волю.

«Но для того, чтобы принявшіе Св. крестъ, тѣмъ охотнѣе и ревностнѣе исполняли свой обѣтъ, чѣмъ большей награды они будутъ ожидать, властію Апостольскою, въ силу настоящей грамоты, даруемъ имъ право пользоваться тѣми преимуществами, какія дарованы въ индульгенціяхъ, данныхъ Крестоносцамъ, отправляющимся во Святую Землю. И тѣ, которые или чрезъ Апостольское повелѣніе, или чрезъ Легатовъ Апостольскихъ, приглашены на судъ внѣ своихъ Епархій, могутъ (разумѣется, въ томъ только, случаѣ если они возьмутъ на себя Крестъ) не повиноваться (исключая, если въ грамотѣ, или въ приглашеніи, именно сказано будетъ, что, не взирая на нынѣшнюю индульгенцію, приглашеніе на судъ дѣлается), и таковые должны явиться лишь на судъ своихъ Епархіальныхъ мѣстныхъ Архіереевъ и дать отвѣтъ на жалобы. А тѣхъ, которые возьмутъ Крестъ, вы и ваши Коммисары должны защищать посредствомъ власти церковной (censuris ecclesiasticis), мимо всякаго обжалованія противу кого бы то ни было, кто осмѣлится обижать ихъ, не взирая на этѣ индульгенціи. Дано въ Римѣ у Св. Петра, въ 4 день Декабрскихъ Нонъ, первосвященства нашего въ лѣто второе.»

Если бы Гусъ хотѣлъ мірскихъ выгодъ, то ему открывался превосходный случай помириться съ Папою, содѣйствовавъ словомъ своимъ успѣху отпущеній (индульгенцій): въ такомъ случаѣ не только все прошедшее было бы забыто, но и Гусъ могъ бы во всякомъ случаѣ надѣяться на благорасположеніе Папы. Напротивъ, противоположный образъ дѣйствія навсегда и невозвратно поссорилъ Гуса съ Церковью Католическою. Мы имѣемъ два сочиненія Гуса противъ Папскихъ буллъ касательно индульгенцій: первое: «Quaestio Magistri Ioannis Hus, disputata ab eo anno Domini 1412 post Viti (т. е., послѣ дня Св. Вита) de indulgentiis sive de

cruciata Papae Ioannis XXIII, fulminata contra Ladislaum, Apuliae Regem.»

«Приступаю къ дѣлу, говоритъ Гусъ, изъ трояка го побужденія: для славы Божіей, для благоденствія Св. Матери Церкви, и для спокойствія моей собственной совѣсти. И прежде нежели я перейду къ предмету, въ настоящемъ случаѣ Бога Всемогущаго призываю во свидѣтели моей совѣсти, что я прежде всего имѣю въ виду честь Божію и пользу Святой Матери Церкви; ибо, по заповѣди Господней, это есть строжайшая обязанность каждаго взрослаго Христіанина, который по истинѣ, если хочетъ быть достоинъ этого имени, долженъ несравненно болѣе любить Іисуса Христа и Св. Матерь Церковь, нежели плотскихъ родителей, нежели временныя блага, нежели собственную честь, или самаго себя.

«Во вторыхъ, я твердо стою въ томъ, что честь Іисуса Христа и его невѣсты, Церкви, заключается преимущественно въ обязанности каждаго Христіанина подражать и слѣдовать въ дѣлахъ жизни самому Небесному Жениху, отвергая всякія безпорядочныя чувства и человѣческія преданія, извнѣ пришедшія, которыя только что уклоняютъ человѣка отъ пути истиннаго. Вотъ положеніе Вѣры Христіанской, за которое Христіане должны стоять, не щадя ничего, и никто не долженъ подражать кому бы то ни было, какъ только въ той степени, въ какой онъ самъ подражалъ Іисусу Христу, по свидѣтельству блаженнаго и славнаго мученика, Кипріана, который выражается такъ: «Если одинъ Христосъ есть нашъ Учитель, то мы не должны основываться на томъ, что кто ни будь то-то сдѣлалъ прежде насъ, но лишь на томъ, что первый Учитель нашъ, Іисусъ Христосъ, прежде всѣхъ сдѣлалъ».

«Въ третьихъ, утверждаю и свидѣтельствуюсь, что я не желаю и умышленно сказать ничего такого, что было бы противно Священ. Писанію Іисуса Христа и его волѣ, и что, если меня какой либо членъ Церкви, или иное существо, уличитъ въ томъ, что я заблуждался въ словахъ моихъ, то я хочу униженно и всенародно въ томъ покаяться. И по тому прежде, нежели твердыми шагами пойду впередъ, говорю, что мое основаніе, мой краеугольный камень—путь, истина и жизнь, есть Господь Іисусъ Христосъ, и я вѣрю, какъ вѣрю Церкви, вѣрю тому, что всякій, кто не соблюдаетъ закона, даннаго Іисусомъ Христомъ,

закона, который вполнѣ оправданъ всѣми его дѣйствіями и дѣйствіями Апостоловъ, тотъ не слѣдуетъ за Іисусомъ Христомъ по пути узкому, ведущему къ Небу, но по пути широкому, ведущему его, какъ члена Сатаны, въ пагубу. Сказавъ это, предлагаю въ такомъ видѣ вопросъ (quaestio) для прѣнія:

«Позволено ли, по закону Іисуса Христа, и сообразно ли со славою Божіею, съ честью народною и съ пользою отечества, одобрить, предъ лицемъ вѣрующихъ, буллы Папы объ обнародованіи Крестоваго похода противъ Владислава, Короля Апуліи?»

«Говорятъ, отвѣчаетъ Гусъ, что да (т. е., позволено и сообразно); ибо Іисусъ Христосъ въ Законѣ своемъ говоритъ объ ученикахъ своихъ и ихъ намѣстникахъ (Лук. X, 16): «Слушаяй васъ, мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, мене отметается.» Но такъ какъ Папа есть одинъ изъ намѣстниковъ, къ которымъ обращена была рѣчь Іисуса Христа, то слѣдуетъ: кто его (Папы) слушается, Христа слушается; кто его (Папы) отметается, Христа отмечается. Слѣдовательно, по Закону Христову можно и должно на выше представленный вопросъ отвѣчать утвердительно.

«1. Іисусъ Христосъ, въ Законѣ своемъ, говоритъ ученикамъ своимъ и ихъ намѣстникамъ: «Аминь бо глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ» (Матѳ. XVIII, 18). Но такъ какъ Папа есть одинъ изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ обращено слово, то слѣдуетъ, что въ буллахъ о Крестовомъ походѣ противъ Владислава и его сообщниковъ онъ имѣлъ право воспретить всякому законное противорѣчіе. И такъ возставать противъ этѣхъ буллъ нельзя истиннымъ Христіанамъ.

«2. Іисусъ Христосъ, въ Законѣ своемъ, сказалъ Апостолу Петру: «И дамъ ти ключи царства небеснаго; и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшиши ца земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ» (Матѳ. XVI, 19). Но такъ какъ Папа есть намѣстникъ Петра, то онъ, пользуясь властью ключей, связываетъ каждаго человѣка.

«3. Понеже (здѣсь Гусъ приводитъ слова Папскихъ декреталій) Папа есть верховный толкователь Закона Христова здѣсь на землѣ, имѣющій при томъ все право надъ заключеннымъ въ умѣ своемъ, какъ въ сундукѣ, то онъ не можетъ заблуждаться, и

слѣдственно, чтобы онъ ни сталъ учить, или предписывать, то должно быть ненарушимо наблюдаемо каждымъ Христіаниномъ.

«4. Прежнія Папскія буллы о Крестовыхъ походахъ заслуживали, въ теченіи многихъ лѣтъ, одобреніе и согласіе Прелатовъ, клириковъ, монаховъ и простыхъ людей, а по тому противорѣчить такому множеству людей значитъ дѣлать неслыханную глупость Слѣд., противорѣчащій такому множеству людей дѣлаетъ неслыханную глупость, которой и оправдать не возможно.

«5. Булла Папы о Крестовомъ походѣ противъ Владислава и Григорія, его (т. е., Папы) соперника, и противъ ихъ сообщниковъ, имѣетъ въ виду покровительство Святой Церкви; но слишкомъ соблазнительный и даже еретическій поступокъ противурѣчить покровительству Святой Церкви; слѣд., можно и должно вѣрующимъ одобрить этѣ буллы.

«6. Не признать оной буллы значитъ поставлять преграды спасенію столькихъ душъ, значитъ уподобляться сатанѣ. Слѣд., ни одному вѣрующему нельзя на это покуситься.

«7. Кто станетъ противовѣчить буллѣ, имѣющей въ виду одолѣніе противника Папы, заслуживаетъ отлученія въ высшей степени (excommunicatissimus) и, какъ таковой, величайшаго наказанія отъ правовѣрныхъ. А всякой, кто будетъ содѣйствовать успѣху этой буллы словомъ, дѣломъ, совѣтомъ, деньгами, или руками, отъ наказанія и вины за грѣхи получаетъ полнѣйшее отпущеніе; но перваго нельзя достаточно избѣжать, а второго нельзя достаточно желать. Слѣд., можно и должно вѣрующимъ одобрить эту буллу.

«8. Кто власти Папской противится, волѣ Божіей противится; ибо, по слову Апостола Павла (Рим. XIII, 1): «Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога.» Слѣд., кто Папѣ противится, Богу противится.

«9. Приговоръ Папскихъ юристовъ говоритъ: «Никто не смѣетъ препираться о Папской буллѣ, ни толковать ее, ни измѣнять.»

«Теперь же вотъ что можно сказать на выше предложенный вопросъ отрицательно: «Вѣрующимъ не извѣстно, заслуживаетъ ли выше упомянутая булла Папы Іоанна XXIII согласіе, или одобреніе, Іисуса Христа; слѣдовательно, и послѣдователи Господа Іисуса Христа не должны давать на нее своего согласія, или одобренія.» Заключеніе правильное; ибо слѣпо повиноваться ни чему не

должны послѣдователи Господа Іисуса Христа. А что весьма сомнительно, чтобы оная булла заслужила одобреніе Іисуса Христа, то явствуетъ изъ того, что ему, какъ Господу, пріятны только тѣ дѣла человѣка, которыя сдѣланы по внушенію любви; но, конечно, ни избіеніе людей, ни обѣднѣніе страны, имѣющее произойти въ слѣдствіе уменьшенія народонаселенія, не можетъ быть *внушено* чувствомъ любви къ Богу и, слѣд., ясно, что это дѣло ни чуть не святое, оно соединено съ мученіемъ народа и съ трудомъ столь великимъ и пагубнымъ. И такъ, кто изъ вѣрующихъ рѣшится взять сторону дѣла, по крайней мѣрѣ, сомнительнаго?

«Прежде нежели я что ни будь стану утверждать, свидѣтельствуюсь, что я ни сколько не желаю сопротивляться власти законной, данной Римскому Первосвященнику отъ Бога, но злоупотребленіямъ этой власти, которыя постоянно умножаются.

«Я разсмотрю буллу о Крестовомъ походѣ въ трехъ отношеніяхъ: первое, въ отношеніи къ дарованію прощенія ото всѣхъ грѣховъ; второе, въ отношеніи къ пособію для войны; третье, въ отношеніи къ способу дѣйствія въ обоихъ этихъ случаяхъ.

«Въ первомъ случаѣ разсмотрю значеніе слова индульгенція. Индульгенція, снисходительность, есть дѣйствіе человѣка снисходящаго такъ, что индульгенція будетъ не ино что, какъ дѣйствіе человѣка, имѣющаго власть наказывать, но, вмѣсто того, оказывающаго милость, совершенно безмездно отпускающаго вину человѣку, заслужившему своими дѣйствіями наказаніе. И такъ говоритъ Свящ. Писаніе (Іудиеъ VIII: «Indulgentiam Domini cum lachrimis postulemus.» И еще также говорится въ книгѣ Исаіи XXVI, 61 и 63. * Но такъ снисходить грѣшникамъ (indulgere peccatoribus) свойственно Богу, равно какъ и прощать грѣхи, что единогласно подтверждается словами всѣхъ Святыхъ Учителей.

Но отъ этого смысла отвлеченъ терминъ и перекрещенъ въ другой отчасти богословами, отчасти канонистами. Ибо, по ихъ словамъ, индульгенція означаетъ то прощеніе наказанія, то просто уступку, или согласіе, на пр., выраженіе: «Papa

---

* Указаніе на книгу Іудиеъ и Исаію невѣрно (въ Латинскомъ переводѣ этого Гусова сочиненія). О. Б.

indulsit subdito hoc, uel illud», значитъ то же, что и «Papa concessit hoc, uel illud,» что значитъ отпускать, или прощать

«И такъ, что касается до отпущенія (индульгенціи) всѣхъ грѣховъ, то я утверждаю, во первыхъ, что Священники Христа имѣютъ власть истинно касающихся разрѣшать отъ вины и наказанія. Это ясно по тому, что имъ дана власть связывать и разрѣшать достойныхъ и недостойнныхъ, какъ это сказано въ Еванг. отъ Матѳ. XVIII, 18, и отъ Іоанна XX, 23, по свидѣтельству Спасителя

«Во вторыхъ, утверждаю, что Священники Христовы хотя имѣютъ власть разрѣшать вѣрныхъ отъ вины и наказанія, но, однако, не должны никогда давать разрѣшенія въ такомъ видѣ, а тѣ, которые ищутъ разрѣшенія, не должны его испрашивать именно въ такой формѣ, если на это нѣтъ особеннаго, частнаго (specialiter) откровенія.

«Первая часть явствуетъ изъ того, что Священникъ, въ слѣдствіе Таинства, можетъ такъ разрѣшить вѣрующаго, что онъ, предположивъ истинное покаяніе, умирая, тотчасъ, не поступая въ Чистилище, переходитъ въ Царство Небесное. При томъ же, въ случаѣ крайней необходимости, власть Священника не до такой степени связана, чтобы онъ не могъ разрѣшать на столько, на сколько Богъ позволилъ въ Откровеніи. И было бы безразсуднымъ дерзновеніемъ кому либо изъ Христовыхъ учениковъ притязать на такое разрѣшеніе, если самъ Богъ не откроетъ ему его необходимости; въ противномъ случаѣ онъ (ученикъ Христовъ) впалъ бы въ богохульную ложь.

«Хотя для Христа, вездѣ присутствующаго, достаточно одного сердечнаго сокрушенія, однако и Таинство Покаянія крайне необходимо, хотя оно безъ сердечнаго сокрушенія остается совершенно безполезнымъ. И такъ было бы безумно Священнику, не имѣющему на это особаго откровенія, утверждать, что Покаяніе, или иное Таинство, во всякомъ случаѣ спасетъ того, которому оно преподается.

«Отсюда мудрые Христовы Священники не говорятъ просто, голословно, что такой-то исповѣдывающійся спасенъ, но подъ такимъ условіемъ: если онъ скорбитъ, отказывается впредъ грѣшить, полагается на милосердіе Господне и намѣренъ впредь твердо соблюдать заповѣди Господни.

«Слѣдовательно, подражая Іисусу Христу, его Священники должны приводить кающагося въ сожалѣніе о грѣхахъ, къ упованію на милость Божію и къ твердому рѣшенію впредь не грѣшить; ибо при соблюденіи этихъ условій послѣдуетъ само собою прощеніе всѣхъ грѣховъ.

«Въ третьихъ, утверждаю, что никто не можетъ получить индульгенціи, если не будетъ посѣщенъ благодатью Божіею. Ясно изъ того, что такія индульгенціи можетъ дать только Богъ своимъ избраннымъ».

«Въ четвертыхъ, я утверждаю, что каждый, принимающій индульгенціи, принимаетъ ихъ по стольку (т. е., по стольку они ему полезны), по скольку онъ будетъ удостоенъ Богомъ. Ясно изъ того, что Богъ даетъ ихъ только тѣмъ, кого онъ удостоилъ своею милостью. Но Господь, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ то по строгимъ законамъ; отсюда Господь, даруя прощеніе грѣшницѣ Маріи Магдалинѣ, указываетъ на ея достоинство, по великости ея любви. Ев. отъ Луки VII, 47: «Отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много.»

«Въ пятыхъ, утверждаю, что индульгенція ни Папы, ни Епископа, не принесетъ ни какой пользы человѣку, если онъ не достоинъ милости Божіей. Явствуетъ изъ того, что Богъ даетъ человѣку индульгенцію только по стольку, по скольку самъ человѣкъ приближается къ нему».

«Въ шестыхъ, я утверждаю, что индульгенція Епископа принимающему ее лишь по стольку принесетъ пользу, по скольку Епископъ утвердитъ его въ вѣрѣ Христовой, станетъ питать въ немъ набожность и любовь къ Богу, и сдѣлаетъ его достойнымъ къ принятію индульгенціи отъ Бога».

«Въ седьмыхъ, утверждаю, что Священники Христовы не имѣютъ власти давать индульгенціи, когда имъ вздумается, исключая случаевъ особеннаго откровенія. Явствуетъ изъ книги Іудиѳъ: «Вы поставили предѣлъ милости Господней, и по вашему произволу назначили ему день суда.» И такъ, тотъ, кто, не имѣя на это особеннаго Божія откровенія, обѣщаетъ человѣку, можетъ быть, недостойному передъ Богомъ, что чрезъ столько-то времени Богъ его помилуетъ и дастъ ему полное отпущеніе, говоритъ противъ здраваго смысла; ибо не знаетъ изъ Закона Христова, или изъ откровенія, что Господу это угодно.

«Въ восьмыхъ, я утверждаю, что Прелаты Церкви должны своихъ подчиненныхъ утверждать въ Католической истинѣ, дабы вѣрующіе, введенные въ заблужденіе, не пренебрегли важнѣйшимъ для менѣе важнаго. Вотъ что я имѣю сказать въ первомъ отношеніи.

«Что касается до втораго, т. е., пособія на войну и самой войны, то я утверждаю, во первыхъ, что свѣтскимъ властямъ и вести войну и оказывать взаимное пособіе на войнѣ дозволено, при соблюденіи заповѣдей любви Христіанской. Но искуство военное опасно и затруднительно; ибо должно обращать вниманіе на причину, способъ и цѣль. Что касается до перваго, то, чтобы война была ведена за Вѣру, а не за мірскіе предметы (non pro stercore temporalium). Что касается до способа, то чтобы война шла съ умѣренностью, при постоянной склонности къ примиренію, если это возможно, всегда быть готову отказаться отъ войны, если только врагъ образумится. Однако лучшій путь былъ бы сражаться духовно, не мечомъ поражая воздухъ, но молясь Богу и постоянно убѣждая врага къ примиренію.

«Во вторыхъ, утверждаю, что нельзя Римскому Первосвященнику, и непозволено ему и ни одному Епископу, или клирику, сражаться за власть свѣтскую, или за богатства міра. Это явствуетъ, во первыхъ, изъ примѣра; ибо Христосъ, котораго Папа есть Намѣстникъ, ни самъ не сражался, ни предписалъ этого ученикамъ своимъ, но, напротивъ, именно возбранилъ. Отсюда въ Евангеліи (отъ Луки XXII, 49) ученики, видя насиліе, приближающееся къ Спасителю, спросили его: «Господи! аще ударимъ ножемъ,» и получили въ отвѣтъ (ст 51): «Оставите до сего!»

«И такъ, можетъ ли назваться смиреннымъ послѣдователемъ Христа тотъ, кто стремится къ свѣтскому владычеству оружіемъ?

«Слѣдовательно, изъ жизни Христа и его ученія, и изъ жизни Апостоловъ и ихъ ученія ясно, что нельзя Римскому Первосвященнику сражаться вещественнымъ мечомъ, ни обнародовать войну въ дѣлѣ, до него относящемся, подъ опасеніемъ вѣчнаго осужденія.

«Хотя, какъ выше сказано, не долженъ сражаться Римскій Первосвященникъ, или иной, однако имѣетъ полное право совѣтовать Царямъ и Господамъ свѣтскимъ нападать на невѣрныхъ, упорныхъ, или невѣжественныхъ, и побуждать ихъ къ тому, чтобы

они (Цари) сражались противъ нихъ (невѣрныхъ) съ соблюденіемъ всѣхъ обстоятельствъ, служащихъ къ оправданію, и для того, чтобы они не истребляли Христіанъ. По этому и Блаженный Августинъ убѣждалъ Императора итти противъ еретиковъ Донатистовъ.

«Но противъ уже сказаннаго дѣлаютъ возраженіе, что Церковь владѣетъ двумя мечами, возраженіе, основанное на словахъ Евангелія отъ Луки XXII, 38: «Господи! Се ножа здѣ два.» А такъ какъ Священники закона Христова суть родъ избранный, Царскій и священный (regale sacerdotium, nempe genus): «Вы же родъ избранъ, Царское священіе,» какъ сказано во II-й главѣ 1-го Посланія Апостола Петра (ст. 9), то слѣдуетъ, что имъ прилично употреблять тотъ и другой мечъ, ту и другую власть.

«Согласенъ я, говоритъ Гусъ, что Церковь, если подъ нею разумѣть всю совокупность вѣрующихъ, имѣетъ два меча: духовный и вещественный. Но Церковь Христова, состоя изъ 3 частей т. е., воиновъ (militia), клира и народа, имѣетъ вещественный мечъ, доколѣ она находится въ состояніи воинствующемъ; но точно такъ, какъ духовный мечъ, принадлежа духовенству, не принадлежитъ воинамъ, точно такъ вещественный мечъ не принадлежитъ духовенству Церкви для непосредствеенной обороны, а принадлежитъ воинамъ свѣтскимъ, которыхъ главная обязанность—защита Закона Христова и его Церкви.

«Это ясно; ибо сколь воинство отлично отъ духовенства, столь духовенство отлично отъ воинства, и если первому непозволено мѣшаться въ обязанности второго, то и второе безъ погрѣшности не можетъ принять на себя обязанности перваго.

«Толкуютъ, будто бы каждому рѣшенію Папы должно повиноваться: это совершенно ложно. Ни одного человѣка мнѣніе, какого бы онъ ни былъ значенія, если содержитъ очевидную ложь и заблужденіе, не должно быть принимаемо на вѣру.

«Еще же неоднократно писано въ Канонѣ, что кто бы что ни постановилъ Закону Божію противное, то должно считать не Католическимъ, но еретическимъ. А такъ какъ войны Священниковъ и распри ихъ за земныя блага противны Закону Господню, который говоритъ, въ Евангеліи отъ Матѳея (V, 40): «И хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу,»

но если такъ запрещено судиться духовнымъ, то кольми паче воевать, а по тому и Папѣ, который, въ буллѣ о Крестовомъ походѣ, увѣщеваетъ принять участіе въ истребленіи его враговъ, осужденныхъ на вѣчную погибель, повиноваться не должно (Papa non est audiendus).

«И такъ, если Папа хочетъ побѣдить враговъ, то пусть послѣдуетъ Христу, за Намѣстника котораго онъ себя выдаетъ; пусть молится за враговъ и за Церковь; пусть скажетъ: «Царство мое не отъ міра сего;» пусть благодѣтельствуетъ врагамъ; пусть благословляетъ клевущихъ, и тогда Богъ, по обѣщанію своему, даруетъ ему такую мудрость и силу, какой не въ состояніи будутъ противиться всѣ его враги.

«Что касается до третьяго, т. е., до способа, которымъ даются индульгенціи за войну, то должно размыслить о содержаніи буллъ.

«Здѣсь я ссылаюсь на совѣсть набожныхъ, смиренныхъ и кроткихъ Магистровъ, Священниковъ, монаховъ и братьевъ какого бы то ни было Ордена, особенно подвизающихся чистотою жизни, и спрашиваю, пожелаетъ ли кто ни будь изъ нихъ Владислава и его сообщниковъ истребить, предполагая, что они имѣютъ на то силу и средства, смертью жестокою? Если скажутъ: «Нѣтъ», то отвергаютъ буллу, и не хотятъ достигнуть прощенія всѣхъ грѣховъ чрезъ истребленіе Владислава и его сообщниковъ. Если же скажутъ: «Да», то, не имѣя на это особеннаго Божія откровенія, они, при истребленіи столькихъ своихъ братьевъ, дѣйствуютъ противно волѣ Божіей.

«И такъ, пусть другой говоритъ, что хочетъ, но я безъ откровенія и повелѣнія Божественнаго, не захотѣлъ бы подать руку помощи ни къ смерти Владислава, ни къ смерти кого либо изъ его сообщниковъ, но скорѣе сталъ бы смиренно приносить Богу молитвы, да удостоитъ Онъ заблудшихъ возвратить на путь истины. Ибо такъ и Глава всей Церкви, терпя гоненія въ своей Церкви, и въ себѣ усердно молился и говорилъ: «Отче, отпусти имъ! Не вѣдятъ бо, что творятъ.» А, конечно, нѣтъ сомнѣнія, что Христосъ болѣе значитъ (plus valet), чѣмъ Папа съ своими Кардиналами.

«И въ буллѣ, данной Коммисарамъ, сказано: «Участниками въ этомъ отпущеніи грѣховъ признаемъ и тѣхъ, которые на совершеніе святаго дѣла дадутъ приличную часть изъ своего имущества.»

Отсюда, я думаю, и слѣпой увидитъ, что отпущеніе грѣховъ продается за земныя блага, что снова въ храмѣ продаются голуби. Ибо тотъ Епископъ, который торгуетъ благодатью Духа Святаго, хотя въ глазахъ людей по прежнему блистаетъ первосвященническою одеждою, но предъ глазами Бога давнѣ лишенъ священства. Отсюда и Священные Каноны проклинаютъ Симонію священства тѣхъ, которые ищутъ вознагражденія за расточеніе духовной благодати. Отсюда на торгующихъ благодатью изрекается такое благословеніе: (1 quaes, 1 cap.): «Анаѳема такъ дающему, и анаѳема такъ получающему!»

«Весьма удивительно и то, что ни молитва, ни постъ, ни иныя благочестивыя дѣла, которыя не побуждаютъ къ приношенію денегъ, въ буллѣ не требуются и не считаются достойными отпущенія грѣховъ, между тѣмъ какъ Спаситель, укорекая Петра въ пораженіи мечомъ, повелѣваетъ ему обратиться къ молитвѣ, говоря: (Матѳ. XXVI, 52): «Возврати мечъ твой въ мѣсто его!» За чѣмъ слѣдуетъ: «Или мнится ти, яко не могу нынѣ умолити Отца моего, и представитъ ми вящше, неже дванадесяте легіона Ангелъ?»

«По чему Папа не прибѣгнетъ лучше къ помощи молитвы, нежели денегъ? Ибо Христосъ не деньги, но молитвы, принесъ за Петра, а также и за Церковь, чтобы она не ослабѣла въ своей вѣрѣ.

«Еще въ статьяхъ сказано: «Повелѣваетъ Владыка Папа, что никто не долженъ быть допущенъ Апостольскими грамотами, индульгенціи содержащими, если въ самыхъ грамотахъ Папскихъ не будетъ полнаго и подробнаго упоминанія о выше писанныхъ индульгенціяхъ.»

«Изъ этого, какъ кажется, слѣдуетъ, что всѣ иныя индульгенціи остаются безъ дѣйствія, при существованіи индульгенцій относительно Крестоваго похода, за исключеніемъ тѣхъ, о которыхъ именно будетъ упомянуто, что онѣ сохраняютъ свою силу. И, слѣдовательно, индульгенціи полнаго отпущенія грѣховъ, дарованныя Папою Александромъ II, остаются безъ силы? Весьма удивительно, что одно отпущеніе грѣховъ не допускаетъ другого, между тѣмъ какъ истина не исключаетъ истины, и хорошая вещь не исключаетъ другой хорошей вещи того же рода. Но это объясняется тѣмъ, что однѣ индульгенціи мѣшаютъ хорошему сбыту другихъ; ибо дѣйствительно двое хотѣли собрать однѣ и тѣ же деньги.

«Еще: въ формахъ отпущенія грѣховъ, данныхъ Коммисарами Папы, между прочимъ читаемъ эти слова: «Властью Апостольскою, мнѣ данною, освобождаю тебя отъ всѣхъ грѣховъ, которые ты Богу и мнѣ искренно исповѣдалъ, и въ которыхъ ты чистосердечно покаялся; такъ какъ ты лично исполнить настоящую обязанность (итти въ Крестовой походъ) не можешь, а, обнаруживъ желаніе оказать необходимую помощь и пособіе для приведенія въ исполненіе выше писаннаго дѣла, сдѣлалъ все, что могъ, то я дарую и уступаю тебѣ (do et concedo) полнѣйшее отпущеніе всѣхъ грѣховъ твоихъ, отпущеніе отъ вины и наказанія.»

«Но такъ какъ человѣкъ ни чего не можетъ дать, какъ только то, что находится въ его власти, то слишкомъ дерзко было бы утверждать, что Христіанинъ имѣетъ власть давать Духа Святаго. Ибо это есть исключительное право своего Начала, и Христіанинъ этимъ правомъ торговать ни какъ не можетъ.

«Точно таковъ же способъ разсужденія и объ отпущеніи. Нѣкогда вѣрили, что одному Богу принадлежитъ отпускать грѣхи какъ вѣрныхъ, такъ и невѣрныхъ. Не будетъ Богохульствомъ, если я скажу, что наши Прелаты приписываютъ себѣ власть большую Божеской. Ибо Богъ не можетъ никого разрѣшить, прежде нежели признаетъ его достойнымъ. А такъ какъ человѣкъ не можетъ никого сдѣлать достойнѣе, развѣ только молитвою, проповѣдью и добрыми дѣлами, то явствуетъ, что необходимо должно предшествовать дѣйствіе Божественной благодати, сообразно степени достоинства каждаго человѣка. И на это-то долженъ полагаться Христіанинъ, а не на Священническія слова: «Даю тебѣ полнѣйшее отпущеніе грѣховъ отъ вины и наказанія,» и это тотчасъ на самомъ дѣлѣ сбывается. Необходимо знать два рода людей, впавшихъ въ заблужденіе, изъ которыхъ одни до того удалились отъ истины, что вздумали отрицать у твари всякое право на отпущеніе грѣховъ; другіе же поступаютъ гораздо хуже и болѣе богохульно, утверждая, что Богъ всю полноту своей власти въ этомъ случаѣ передалъ своимъ Намѣстникамъ; стало, эти послѣдніе, подобно Навуходоносору и Сеннахериму, стремятся быть равносильными Троицѣ.

«Пусть же таковые подумаютъ надъ словами Августина (De mirabilibus Script. Sacrae): «Какъ солнце и луна остановились надъ Гаваономъ не силою власти человѣческой, но по Божію пове-

ленію. И въ главѣ 22-ой говоритъ, что проказа Нѣемана оставила его въ слѣдствіе повелѣнія Божія, а не по тому, чтобы воды рѣки имѣли таинственную цѣлебную силу.»

«Что касается до третьей статьи, т. е., до способа, какимъ даются индульгенціи, то я предполагаю, что человѣкъ согрѣшившій не можетъ быть прощенъ, не принесши удовлетворенія, равнаго грѣху. Это явствуетъ изъ Св. Писанія; ибо Спаситель говоритъ: (Лук. XIII, 3: «Аще не покаетеся, вси такожде погибнете;» и Іоаннъ Креститель, предсказывая проповѣдь Спасителя, говоритъ, въ Еванг. (отъ Луки III, 8): «Сотворите плоды достойны покаянія!» Размышляя объ этихъ словахъ, Блаженный Григорій, въ своей проповѣди, говоритъ: «И не просто плоды покаянія, но плоды, достойные покаянія, требуетъ здѣсь Господь устами Іоанна Крестителя. И конечно, не равный плодъ добраго дѣла требуется отъ того, кто болѣе согрѣшилъ, или отъ того, кто впалъ въ преступленіе, отъ того, кто ему непричастенъ.» Слѣдственно, собственная совѣсть каждаго должна внушать ему, чтобы онъ чрезъ покаяніе искалъ большаго вознагражденія добрыхъ дѣлъ, чѣмъ большій ущербъ виною своею нанесъ. Августинъ, въ словѣ о покаяніи, замѣчаетъ на эти слова: «Не достаточно нравы перемѣнить къ лучшему и отъ прежнихъ грѣховъ отказаться, если и въ томъ, что сдѣлано, не принесемъ Господу удовлетворенія скорбью покаянія, воплями смиренія, приношеніемъ сокрушеннаго сердца, при содѣйствіи милостыни и постовъ. Большіе проступки смываются только большими слезами.»

«Изъ этого слѣдуетъ, что требуется, кромѣ покаянія и исповѣди, соразмѣрныя количеству и качеству вины, количество наказанія и различные плоды добрыхъ дѣлъ. И сколько бы онъ ни каялся и устами ни исповѣдывался, но если удерживаетъ чужую вещь, которую можетъ возвратить, то не освобождается отъ грѣха. Ибо не отпускается согрѣшеніе, если не будетъ возвращено похищенное.

«Далѣе ясно, что Папа принимающимъ знаменіе Креста опрометчиво даруетъ прощеніе и, въ воздаяніе праведныхъ, обѣщаетъ умноженіе вѣчнаго спасенія. Этого не дерзалъ обѣщать мужъ, знавшій будущее, Даніилъ, говоря Царю Вавилонскому (IV, 24): «Аще совѣтъ мой будетъ тебѣ пріятенъ, грѣхи твоя искупи милостынями, и неправды твоя щедротами убогихъ, и тогда, можетъ

быть, Господь проститъ.» А Блаженный Іеронимъ говоритъ: «Если Блаженный Даніилъ, знавшій будущее, сомнѣвался въ томъ, проститъ ли Господь Царя Вавилонскаго, то сколь дерзко и необдуманно поступаютъ тѣ, которые смѣло и рѣшительно обѣщаютъ прощеніе грѣховъ.»

«И такъ, какимъ же образомъ Папа Іоаннъ XXIII присвоиваетъ себѣ власть большую, нежели какую имѣли Святые: Даніилъ, Іоиль, Іаковъ и Петръ, дерзая обѣщать рѣшительное прощеніе отъ вины и наказанія? Онъ дерзнулъ на то, на что и Святые никогда не дерзали (illi non audebant, ipse audet). Блаженный Григорій, въ письмѣ къ одной женщинѣ, пишетъ: «Твоя Милость (tua dulcedo) пишетъ ко мнѣ, что ты не дашь мнѣ покою, пока я не напишу, что мнѣ открыто, что всѣ грѣхи твои прощены. Ты требуешь вещи трудной и безполезной: трудной; ибо я недостоинъ получить особеннаго откровенія; безполезной; ибо ты никогда не должна забывать о грѣхахъ своихъ до той минуты, когда въ послѣдній день жизни своей, ты уже не будешь въ состояніи ихъ оплакивать. А доколѣ не наступитъ сей день, ты въ вѣчномъ безпокойствѣ, въ вѣчномъ страхѣ, должна остерегаться наказанія, и смывать пятна жизни твоей ежедневными слезами.» «Августинъ же, въ книгѣ о покаяніи, такъ говоритъ: «Кто чистосердечно совершитъ покаяніе и разрѣшенъ будетъ отъ узъ, которыми былъ связанъ и отъ тѣла отдѣленъ, и честно будетъ жить послѣ покаянія, такъ какъ онъ долженъ былъ бы жить и до покаянія, и по совершеніи примиренія умретъ, тотъ идетъ къ Господу, идетъ къ покою, и Царствія Божія не будетъ лишенъ.» И еще: «Принеси покаяніе, доколѣ ты здоровъ, и по истинѣ найдетъ тебя послѣдній день шествующимъ къ примиренію, и если ты такъ дѣйствуешь, то ты можешь быть спокоенъ. По чему? По тому, что ты принесъ покаяніе въ то время, когда могъ и грѣшить. Но если тогда только хочешь принести покаяніе, когда ты уже грѣшить болѣе не въ состояніи, то грѣхи тебя оставили, а не ты ихъ. Изъ двухъ одно: или ты будешь прощенъ, или не будешь прощенъ; но что именно выпадетъ на твою долю, я не знаю; и такъ, вмѣсто сомнительнаго, выбирай вѣрное!»

«Вотъ какъ ясно сіи два великіе Святые не дерзнули обѣщать отпущенія грѣховъ даже лицу, принесшему покаяніе. И такъ, съ какимъ лицомъ Папа Іоаннъ обѣщаетъ въ буллѣ полнѣйшее отпу-

щеніе грѣховъ и награду праведныхъ въ вѣчномъ спасеніи тѣмъ, которые возьмутъ его индульгенціи?»

«И другое софистическое разсужденіе неосновательно, яко бы Папа не домогается свѣтской власти и значенія. Но Богу извѣстно, что Папа главнымъ образомъ, или послѣдовательно, имѣетъ въ виду. Отсюда ясно, что если Папа домогается, явнымъ, или тайнымъ, рѣшительнымъ, или нерѣшительнымъ, образомъ того, что противно волѣ и распоряженію Божескимъ, то погрѣшаетъ тяжко, и, стремясь получить свѣтскую власть, на перекоръ нищетѣ Христовой, грѣшитъ тяжко столько же, сколько и люди, Папѣ въ томъ оказывающіе помощь. И такъ, можетъ ли быть одобрена индульгенція, которая дается для совершенія этого грѣха?

«Противъ того, какъ Папа даетъ разрѣшеніе отъ вины и отъ наказанія, замѣтимъ: Папа говоритъ просто, что онъ разрѣшаетъ каждаго, кто ему поможетъ въ желанномъ ему дѣлѣ, а, безъ сомнѣнія, много такихъ, кого Богу неугодно будетъ такъ просто разрѣшить.

«Далѣе Папа многимъ тѣмъ уступилъ индульгенціи, которые суть лица предосужденныя (praescіti), а Богъ ни кому изъ таковыхъ не даетъ разрѣшенія; слѣд., здѣсь Папа возвысился надъ Христомъ.»

«Еще: необходимо было бы для такого рѣшительнаго поступка, чтобы Папа имѣлъ свѣдѣніе, что Богъ одобряетъ таковой поступокъ. Что побуждаетъ Папу такимъ дерзкимъ образомъ дать то, что, какъ онъ знаетъ, и Богъ не даетъ, и продавать то, чего не возможно продавать?

«Кромѣ того, нѣтъ ничего свойственнѣе Богу, какъ отпускать обиду, ему сдѣланную; но это дѣлаетъ и Папа въ индульгенціяхъ; слѣд., онъ въ нихъ даруетъ то, что принадлежитъ Богу. Ибо ни одинъ свѣтскій владыка, или просто человѣкъ, не можетъ допустить, чтобы кто либо, хотя бы и былъ его намѣстникомъ, вздумалъ прощать обиду, ему нанесенную, прежде нежели онъ согласится ее простить. Слѣдовательно, тѣмъ болѣе Богъ не можетъ даровать Папѣ власть намѣстническую до такой степени, чтобы Папа могъ прощать грѣхи противъ Бога, прежде нежели Богу угодно будетъ простить.

«Слѣдственно, такъ какъ Папа въ такого рода индульгенціяхъ

можетъ заблуждаться, то индульгенціи никогда не могутъ быть принимаемы какъ членъ Вѣры, ни въ надеждѣ, ни въ вѣроятности, что они истинны (cum enim Papa in talibus indulgentiis errare poterit, nec debet capi, ut fides, nec ut sperandum, nec ut probabile). И если Папа дерзаетъ приписывать себѣ право давать индульгенціи по тому поводу, который онъ приводитъ, то необходимо, чтобы Богъ это одобрилъ.

Далѣе: Папа, давая такого рода разрѣшенія или убѣжденъ, что они подлинныя и законныя, или не убѣжденъ. Если же не убѣжденъ (ибо это не есть догматъ Вѣры и ему нечего надѣяться), то увѣренность, съ какою онъ говоритъ, что такой-то разрѣшенъ Богомъ, есть гордость, внушающая вообще вѣрующимъ недовѣріе къ разрѣшеніямъ; или должно надѣяться на истину обѣщанія, или не должно. Если Папа не вѣдаетъ, не вѣритъ и не надѣется, что такой-то разрѣшенъ отъ преступленія, то какъ же онъ смѣетъ увѣрять, что это такъ? Если же Папа знаетъ и убѣжденъ, что онъ поступаетъ справедливо и истинно, то, слѣдственно, онъ знаетъ, что Богъ съ начала міра предопредѣлилъ его (т. е., Петра) къ славѣ; а такъ какъ это есть самая величайшая тайна Провидѣнія, до того, что Богъ не прежде открываетъ предосужденному его судьбу, какъ послѣ смерти, то ясно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ Папа заблуждается.

«Но если ужь и въ правду Папа имѣетъ такую власть, то пусть же скажетъ намъ, когда будетъ день Страшнаго Суда, или что такой-то помышляетъ въ душѣ и т. п.? Но по истинѣ, если Папа не могъ предузнать ни того, что на него нападетъ Владиславъ, ни иныхъ своихъ несчастій, то и показалъ достаточно, что даръ предвѣдѣнія ему не принадлежитъ. И неприлично утверждать, что Папа вѣритъ, что такой-то, взявъ Папскую индульгенцію, получаетъ дѣйствительно разрѣшеніе отъ Бога; но тогда было бы излишнимъ требовать индульгенцію до разрѣшенія и, слѣдовательно, Папа не только вѣрить, но и надѣяться на это, не можетъ; по тому что этого нельзя доказать ни какимъ разсужденіемъ. Ибо нельзя же такъ заключать: «Что ни свяжетъ Петръ, и ни разрѣшитъ на землѣ, будетъ связано, или разрѣшено, на Небесахъ; слѣдовательно, Папа имѣетъ право каждаго связывать и разрѣшать.»

«Но если скажутъ, что это убѣжденіе Церкви; что каждый

Папа, каковъ бы онъ самъ по себѣ ни былъ, имѣетъ право рѣшить и вязать, на томъ основаніи, что Христосъ далъ эту власть Апостоламъ, то я скажу что утверждать это значитъ говорить, что Папа въ своемъ сужденіи не можетъ уклониться отъ воли Божіей. А Папа въ этомъ очень легко можетъ заблуждаться; ибо онъ тоже грѣшитъ; если же онъ не грѣшитъ, то онъ тогда совершенно безгрѣшенъ и, слѣдственно, безконечно выше Св. Петра. Да если бы онъ точно имѣлъ полноту такой власти, то Богъ, по своему безконечному могуществу, можетъ всякую минуту лишить его оной, и Папа можетъ грѣшить; слѣдовательно, какъ же можно въ самомъ дѣлѣ называть его непогрѣшимымъ?

«Папа не можетъ отпускать грѣхи, или давать кому либо индульгенцію, если Богъ не отпуститъ и не дастъ такого рода индульгенціи, и дѣло Папы по большей мѣрѣ есть провозглашать, обнародывать, волю Божію. Въ слѣдствіе этого онъ не долженъ съ полною увѣренностью утвердить, что истовѣдующемуся отпускается грѣхъ, чтобы не впасть въ Богохульство, утверждая то, что Богъ еще не утвердилъ, такъ какъ не можемъ вѣрить, чтобы воля Божія и воля Папы были всегда одинаковы.

«Богъ не можетъ нарушить законовъ своего правосудія ни для какого увеличенія Папской власти, или значенія; а это случилось бы, если бы Богъ даровалъ Папѣ такую степень власти. Папа, какъ и вся воинствующая Церковь, заблуждается во многомъ что касается Божественнаго Провидѣнія и состоянія Церкви торжествующей; но между иными тайнами такого рода, и это одна изъ важнѣйшихъ: на сколько кто болѣе угодилъ Богу; слѣдственно, Папа въ томъ, что къ ней относится, обыкновенно заблуждается. Слѣдовательно, должно думать: или тѣмъ, что Папа даетъ кому либо индульгенцію, тотъ дѣйствительно спасается; или что, не смотря на индульгенцію Папскую, человѣкъ на столько будетъ участвовать въ вѣчномъ блаженствѣ, на сколько достоенъ будетъ своими дѣлами передъ Богомъ; или что индульгенція Папская имѣетъ силу только тогда, когда выполнено это условіе.

«Первое совершенно не возможно; ибо оно предполагаетъ, что Папа не можетъ грѣшить, или заблуждаться и, слѣдовательно, Папа тогда имѣлъ бы полную власть давать Царство Небесное, кому бы ему заблагоразсудилось; а это утверждать было бы Бого-

хульствомъ. И такъ остается держаться втораго и третьяго рѣшенія. Но въ такомъ случаѣ не для чего деньги терять на пріобрѣтеніе такихъ буллъ, по тому что и безъ нихъ человѣкъ получитъ именно то воздаяніе, какого онъ заслуживаетъ своими поступками.

«Кромѣ того предполагаю, что есть человѣкъ ученый въ законѣ Божіемъ—отцеубійца, матереубійца, и пр., по взнесеніи денежнаго пособія въ пользу Крестоваго похода, и Папа даетъ индульгенцію отъ вины и наказанія; и еще предполагаю, что есть человѣкъ простой въ законѣ Божіемъ, соблюдавшій заповѣди Божія во все время своей жизни, грѣхи имѣющій обыкновенные, который и въ нихъ раскаялся и исповѣдался, но не имѣетъ ни чего пожертвовать въ пользу Крестоваго похода, и Папа не даетъ ему индульгенціи отъ вины и наказанія, и вотъ оба въ одно и то же время умираютъ. Вѣдь все это очень возможно? Что же потомъ будетъ? Если булла говоритъ правду, то первый немедленно поступаетъ въ Царствіе Небесное, по тому что онъ освобожденъ отъ Чистилища, а второй идетъ на Чистилищныя мученія?

«Изъ сего слѣдуетъ, что слова Спасителя (въ Еванг. отъ Луки XII 47—48): «Рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много. Невѣдѣвый же, сотворивъ же достойная, біенъ будетъ мало,» что слова эти несправедливы. Это ясно; ибо первый не билъ битъ много, а второй былъ битъ много. И подобнымъ образомъ и слѣдующія мѣста Св. Писанія не болѣе справедливы (Луки IX, 23): «Аще кто хощетъ ити по мнѣ, да отвержется себе,» и (каждый день): «бери крестъ свой, и слѣдуй за мною.» Дѣяній (XIV, 22): «Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ Царствіе Божіе.» 2 Коринѳ. (V, 10): «Всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла.» Слѣдственно, оправданы ли здѣсь свидѣтельства Св. Писанія? Скорѣе слѣдуетъ отсюда, что третья часть покаянія, которая есть удовлетвореніе (satisfactio), совершенно не нужна: были бы только индульгенціи: а каждый преступникъ будетъ освобожденъ и отъ вины, и отъ наказанія, если только раскается и возьметъ за деньги Папскую индульгенцію.

«А въ такомъ случаѣ, какъ были бы справедливы слова Іезекіиля (XVIII, 21): «Беззаконникъ аще обратится отъ всѣхъ беззако-

ній своихъ, яже сотворилъ, и сохранитъ вся заповѣди моя, и сотворитъ судъ, и правду, и милость, жизнію поживетъ и не умретъ.» Ибо въ нихъ Богъ требуетъ сначала покаянія, и потомъ удовлетворенія. Далѣе еще слѣдуетъ, что посредствомъ такихъ индульгенцій Папа легко можетъ уничтожить всѣ церковныя постановленія о покаяніи, назначенныя Св. Отцами, сообразно различнымъ свойствамъ преступленій.

«Сверхъ того Папа долженъ по совѣсти совершать это дѣло духовнаго милосердія; ибо, будучи въ состояніи поднять своего брата безъ ущерба для себя и неизвинительно отлагая до тѣлесной смерти брата своего, есть человѣкоубіца, а тѣмъ болѣе отлагающій освободить брата отъ духовной смерти, каковъ и есть каждый Папа, имѣющій (какъ предполагаютъ) полноту власти касательно всеобщей индульгенціи. И не можетъ Папа возразить, что онъ не дѣлаетъ этого, опасаясь, чтобы чрезъ это власть его не пришла въ презрѣніе; по тому что обыкновенно тотъ, кто дѣлаетъ благодѣяніе, становится еще милѣе, когда отъ него пріимутъ благодѣяніе. Чѣмъ можетъ оправдаться тотъ, кто, будучи въ состояніи освобождать отъ вѣчнаго осужденія ближняго, котораго онъ долженъ любить какъ самаго себя, и, однако, отпускаетъ его безъ милости? Если незнаніе воли Божественной можетъ служить оправданіемъ, то какъ Папа дерзаетъ кому либо давать такого рода индульгенцію?

«Если герольдъ или вѣстникъ объявляетъ позволеніе, свободно данное его господиномъ, то не слѣдуетъ же, чтобы этотъ служитель, произнося это позволеніе, давалъ его отъ себя. И такъ, тѣмъ болѣе, если безъ разрѣшенія, или позволенія, онъ дерзнетъ обнародовать противное волѣ Божіей.

«Также ни одна вещь, какъ бы она ни была малоцѣнна, не можетъ быть куплена, если покупающій не будетъ сколько ни будь убѣжденъ, что вещь годится. Но Папа не можетъ никого обезпечить, что послѣ смерти онъ будетъ имѣть именно такой жребій. Слѣдовательно, такого рода торговлю лучше вовсе уничтожить; ибо Папа, если не имѣетъ откровенія, не знаетъ ни о комъ (ни даже о самомъ себѣ), принадлежитъ ли онъ къ числу предопредѣленныхъ отъ Бога; ибо, если онъ принадлежитъ къ предусужденнымъ, то ни какія индульгенціи не будутъ въ состояніи измѣнить отъ вѣка состоявшуюся волю Божію. И такъ, если Папа не

можетъ вообще дать такого рода индульгенцій самому себѣ, то очевидно, что такого рода индульгенціи подозрительны; ибо непротивно Вѣрѣ думать, что многіе Папы, которые при жизни щедро дарили полнѣйшія отпущенія, осуждены на вѣчное мученіе. При томъ, чѣмъ Папа можетъ защитить свои индульгенціи передъ Богомъ?

«Вѣдь обязанность каждаго вѣрнаго Священника Христова сообщать своимъ духовнымъ дѣтямъ, гдѣ вѣрнѣйшія и полнѣйшія индульгенціи даются за самую сходную цѣну? Но одна Папская булла, какъ сказываютъ, поучаетъ насъ, что какой-то Папа сложилъ молитву и, по просьбѣ Короля Французскаго, далъ индульгенцію на 2000 лѣтъ каждому, кто произнесетъ эту молитву между посвященіемъ «Agnus Dei.» А если такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что вѣрующій, выслушавъ много обѣденъ, можетъ въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ только отправляются Богослуженіе, заработать себѣ индульгенцію на 100,000 лѣтъ. И такъ, какая необходимость давать денарій за малую и неосновательную индульгенцію, когда одною молитвою можно купить столько тысячъ лѣтъ?

«И индульгенціи даются безъ различія живымъ и мертвымъ; но часто случается, что онѣ имъ не приносятъ ни какой пользы, или не приносятъ такой, какую слѣдуетъ, чрезъ то, что они не заслужили предъ Богомъ. Слѣдовательно, форма такихъ индульгенцій, освобождающихъ будто бы отъ вины и наказанія, пахнетъ надменностью, или ложью. То же должно разумѣть и относительно лица, которое даетъ индульгенціи на сто тысячь лѣтъ и даже болѣе; въ такомъ случаѣ одно изъ двухъ: или такая щедрость есть обманъ, или Папа именно знаетъ, что день Суда отложенъ до окончанія этого срока, или же что индульгенціи и послѣ Суда въ вѣчномъ осужденіи не утратятъ своей силы. Но оба послѣдніе случаи не возможны, по тому остается первой, т. е., что форма такихъ индульгенцій часто бываетъ безполезна, или ложна.

«Предположивъ, что Папскія индульгенціи имѣютъ точно такую силу, какую имъ приписываютъ, откроемъ, что во власти Папы совершенно уничтожить Чистилище. Ибо Папа можетъ же каждому, находящемуся на одрѣ смерти, исповѣдавшемуся и пріобщившемуся, дать разрѣшеніе отъ вины и отъ наказанія, и каждому послѣ себя въ будущемъ можетъ дать эту благодать, и ни что этому не можетъ служить препятствіемъ, кромѣ нерадѣнія и

корыстолюбія. Пусть же Папа каждому впередъ дастъ индульгенціи: тогда ни кто не прійдетъ въ Чистилище; предположивъ же это, всѣ посты, вигиліи (vigiliae), обѣдни за упокой, приношенія, милостыни и всѣ иныя добрыя дѣла за такихъ людей, были бы тщетны и недѣйствительны. При томъ, всѣ имѣющіе такого рода письменныя индульгенціи на случай смерти, послѣ смерти разрѣшены всѣмъ могуществомъ Церкви, такъ что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ нужды въ приношеніяхъ за него, въ звонѣ колоколовъ, и въ чтеніи Псалтыри, и это по тому, что каждый изъ нихъ послѣ смерти тотчасъ улетаетъ въ Царство Небесное.

«Но выводъ такого рода привелъ бы духовенство въ немалое смущеніе. Отсюда для нихъ слѣдуетъ необходимость или отрицать что Папа имѣетъ возможность давать индульгенціи такого рода, или принять выше приведенный выводъ во всемъ его объемѣ. Но если возразятъ, что хотя Папа имѣетъ власть давать индульгенціи, но не иначе, какъ по основательному поводу, какъ то: когда нападаютъ, или когда онъ нуждается въ деньгахъ. О вѣрные! Молитесь Богу усердно, да пошлетъ онъ на Папу, какъ можно чаще, войну и нужду въ деньгахъ; ибо только тогда открываетъ онъ вѣрующимъ неизсякаемый источникъ спасенія!

«Папа ни чего не можетъ сдѣлать, если Богъ не сдѣлалъ прежде того же, по слову Іисуса Христа въ Евангеліи отъ Іоанна (XV, 5): «Безъ мене не можете творити ничесо же.» Но Богъ ничего подобнаго касательно индульгенціи, не дѣлаетъ, а только то, что соотвѣтствуетъ его могуществу и премудрости и необходимо для благосостоянія Церкви. Слѣдовательно, и Папѣ не принадлежитъ власть дѣланія индульгенцій. Ибо ни на основаніи опыта, ни на основаніи разума, ни на основаніи Св. Писанія, ни особаго откровенія, не можетъ онъ доказать, что имѣетъ власть такого рода, и что поступаетъ правильно.

«Странно, что Папа, назначая въ буллѣ количество денегъ, не опредѣляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, также количества и качества грѣховъ. Ибо за всѣ грѣхи безъ разбору дается отпущеніе отъ вины и наказанія, такъ что, если кто либо убилъ тысячу невинныхъ людей, а другой совершилъ грѣхъ простительный, то оба, принесши покаяніе, одинаково освобождаются отъ вины и наказанія.

«Разрѣшенные отъ вины и наказанія, если тотчасъ умираютъ, улетаютъ въ Царство Небесное; слѣдовательно, если остаются

въ живыхъ, то не имѣютъ болѣе нужды въ покаяніи; ибо по чему бы они одни, а и не мертвые, понуждались къ воздаянію и заглажденію своихъ грѣховъ, отъ которыхъ они вполнѣ разрѣшены?

«Такими индульгенціями гордый богачъ удерживается въ своихъ тщеславныхъ надеждахъ, Законъ Божій презирается, простой народъ дѣлается способнѣе ко грѣху, важные грѣхи наказываются мало, и народъ вообще грабится. Слѣдовательно, индульгенціи должны быть совершенно устранены.

«Да этого рода индульгенціи отъ вины и наказанія отзываются уничтоженіемъ всякаго удовлетворенія, воздаянія и возмездія за преступленіе; ибо кто бы сколько людей ни убилъ, сколько бы ни сдѣлался виновенъ передъ Богомъ и людьми, въ силу этой индульгенціи легче можетъ быть разрѣшенъ и, совершивъ походъ противъ Владислава, получитъ полное разрѣшеніе, такъ какъ бы онъ никогда не грѣшилъ. Но когда же была дана подобная свобода грѣху? И возраженіе, что индульгенція говоритъ только о грѣхѣ прошедшемъ, а не о будущемъ, не имѣетъ силы по тому, что кто же можетъ совершить столь продолжительный походъ безъ грѣха? Никто и не долженъ начинать похода съ этою пустою надеждою.

«Изъ этого ясно, какъ необдуманно и легкомысленно поступаютъ проповѣдники безъ особеннаго на то откровенія, что объявленіе Крестоваго похода—вещь дозволенная. Ясно это, по тому что они не могли доказать, что это вещь угодная Богу, не имѣя на то особеннаго обнаруженія воли Божіей. Отсюда они уже явно показываютъ въ своихъ объявленіяхъ, что главная цѣль ихъ—отбирать деньги. Ясно это изъ того, что они положили за грѣхи денежную таксу и раздачею объявленій. Спрашиваю, какую пользу приноситъ бѣдному міряинну бумага, гдѣ говорится, что ему прощается грѣхъ человѣкоубійства? А если міряникъ послѣ смерти удостовѣрится въ противномъ, то что скажетъ Священникъ, своею бумагою подтвердивъ ложь?

«Остается сказать противъ доказательствъ на первое, гдѣ говорится, что Христосъ въ Законѣ сказалъ ученикамъ своимъ и ихъ намѣстникамъ: (Лук. X, 16): «Слушаяй васъ, мене слушаетъ,» и т. д. Соглашаясь вполнѣ съ этими словами, отрицаемъ выводъ, который дѣлается изъ нихъ. Ибо должно замѣтить, что ученики Христовы двоякаго рода, т. е., добродѣтельные и порочные. Добродѣтель-

ные, которые, въ образѣ жизни подражая Христу, предписываютъ, или проповѣдуютъ, законъ, или согласное съ закономъ Божіимъ, и ихъ міряне обязаны слушать охотно, съ радостью и со смиреніемъ. Ибо одно и то же слушать набожно и смиренно такихъ учениковъ Христа и самаго Христа; въ нихъ столько говоритъ Христосъ, что всѣ ихъ рѣчи должны быть приписываемы ему преимущественно: «Не вы бо будете глаголющи, но Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ.» (Мате. X, 20), и, слѣдственно: такъ какъ дѣла Св. Троицы не раздѣльны, то ясно, что вся Троица говоритъ сіи слова.

«Есть, напротивъ, и преступные ученики, которые въ дѣйствительности суть ученики Антихриста, какъ это говоритъ Блаженный Бернардъ: «Всѣ по имени служители Христа, а служатъ Антихристу, которымъ должно повиноваться не въ ихъ неправедныхъ предписаніяхъ и совѣтахъ, но въ томъ, что они предписываютъ и совѣтуютъ по Закону Христову, какъ говоритъ Богъ во Второзаконіи: «Исполняй все то, чему научатъ тебя, Священники Левитскаго колѣна изъ того, что я предписалъ имъ.» И такъ какъ Папа не доказалъ, что есть на то соизволеніе Божіе, чтобы каждый вооружился на порабощеніе, разореніе и избіеніе Христіанъ, которые живутъ подъ владычествомъ Владислава, то какъ вѣрующіе могутъ оказывать повиновеніе повелѣнію столь жестокому и гибельному?

«На второе, т. е.: «И аще свяжете» (Мате. XVIII 18), и подобнымъ образомъ на текстъ (Іоанна XX, 32): «Пріимете Духъ Святъ: имъ же отпустите грѣхи, отпустятся,» и т. д., соглашаемся, что оба текста Евангелія совершенно истинны, и что они оба относятся къ Апостоламъ и ихъ истиннымъ намѣстникамъ, что имъ принадлежитъ вязать и разрѣшать людей на землѣ, но лишь тѣмъ изъ нихъ, которые дѣлаютъ это не изъ земныхъ выгодъ, и что они, подражая Главѣ торжествующей Церкви, въ силу данной имъ власти, вяжутъ и разрѣшаютъ вполнѣ и совершенно.

Третье свидѣтельство: Христосъ въ Законѣ своемъ говоритъ Апостолу Петру (Мате. XVI, 19): «И дамъ ти ключи Царства Небеснаго;» отсюда заключаемъ, что все, что ни свяжетъ, или что ни разрѣшитъ, Папа, или иное духовное лицо на землѣ въ воинствующей Церкви, сообразно съ заповѣдями Св. Троицы, то соотвѣтствующимъ образомъ будетъ разрѣшено, или связано, на Небесахъ

торжествующей Церкви, т. е., земное разрѣшеніе, или связаніе, будетъ признано дѣйствительнымъ.

«Такимъ образомъ всѣ вѣрующіе должны согласиться, что всякая власть, данная Петру, или его Намѣстнику, ограничена тѣмъ условіемъ, если онъ смиренно и благоразумно будетъ повиноваться Богу; ибо если онъ (Намѣстникъ Петра) будетъ добродѣтеленъ, то и многіе будутъ подражать ему въ добродѣтели; а если онъ будетъ пороченъ, то и многіе соблазнятся. И вотъ причина, по чему Петръ и иные вдохновенные свыше не простирали свою власть за предѣлы, которые установилъ Богъ, но именно на столько связывали, или разрѣшали, на сколько они знали, что самъ Богъ связываетъ, или разрѣшаетъ, а въ сомнительныхъ случаяхъ молчали, и рѣшеніе ихъ приписывали самому Богу.

«И отсюда-то происходитъ, что нѣтъ въ Св. Писаніи, чтобы кто либо изъ Святыхъ сказалъ кому либо: «Я тебѣ отпустилъ грѣхи, я тебя разрѣшилъ.» При томъ не находятся же и Святые, которые давали индульгенціи на извѣстное число лѣтъ, или дней, или отъ вины и наказанія. И такъ по чему же эти индульгенціи, если онѣ столь спасительны, полезны и необходимы для людей, были неизвѣстны тысячу лѣтъ и болѣе? Можетъ быть, та была причина, что корыстолюбіе еще въ то время не достигло высшей степени.

«Что касается до четвертаго возраженія, то мы не соглашаемся на его первую половину, во первыхъ по тому, что Христосъ Іисусъ есть верховный толкователь своего Закона, какъ словомъ, такъ и дѣломъ. И извѣстно то, что Онъ пребываетъ съ своими вѣрными, по тому что Онъ самъ сказалъ (Матѳ. XXVIII, 20): «И се, азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка.» Во вторыхъ по тому, что Папами были и люди крайне невѣжественные и грубые; какъ это достовѣрно извѣстно о Константинѣ Второмъ, мірянинѣ, который, вдругъ посвященный въ Папы, честолюбіемъ сдѣлавшись Папою, низложенъ и ослѣпленъ, и все, что онъ ни учредилъ, было отмѣнено, что случилось около 707 года по Р. Х. И вторая часть предыдущаго, что Папа яко бы содержитъ всѣ права во глубинѣ своего духа, ложно, какъ явствуетъ о Папѣ Григоріѣ, который, не зная грамоты, посвятилъ съ собою и другого Папу, и когда это дѣйствіе не понравилось народу, то явился и третій Папа;

когда они между собою спорили, Императоръ Римскій, пришедши, ихъ низложилъ и избралъ одного Папу.

«Сверхъ того ясно, что будто Папа непогрѣшимъ, не только ложно, но и содержитъ Богохульство; ибо если это справедливо, то Папа не погрѣшимъ какъ Христосъ. Но есть ли ложь болѣе дерзкая? Если и Петръ Апостолъ могъ погрѣшить, уже получивъ Духа Святаго, какъ свидѣтельствуетъ Павелъ Апостолъ въ посланіи къ Галатомъ (II, 11), говоря: «Егда пріиде Петръ во Антіохію, въ лице ему противустахъ, яко зазоренъ бѣ.» А какъ грубые юристы оправдаютъ эту часть своего мнѣнія? Удивляюсь, какъ ихъ слабая память не можетъ удержать въ себѣ, что Левъ Папа былъ еретикъ, и что весьма многіе Папы низложены за заблужденія; и если они не помнятъ дѣяній прежнихъ Папъ, то пусть хоть вспомнятъ Григорія XII, котораго и теперь имѣютъ предъ глазами, и котораго, вмѣстѣ съ его противникомъ, осудили, какъ еретиковъ, на Пизанскомъ Соборѣ.

«Съ пятымъ возраженіемъ я также не могу согласиться; ибо какъ нельзя заключить отъ того, что: «Всѣ, нынѣ живущіе, люди грѣшатъ,» по тому, кто вооружается противъ грѣховъ людей, поступаетъ безразсудно, такъ и не слѣдуетъ: «Буллу Папскую о Крестовомъ походѣ одобряютъ всѣ Прелаты, клирики, монахи и простолюдины; слѣдовательно, противорѣчащіе такому множеству впадаютъ въ безуміе.» Ибо если бы такое заключеніе имѣло силу, то слѣдовало бы, что тотъ, кто этому противодѣйствуетъ, поступаетъ безумно; стало, и Духъ Святый, осуждая корыстолюбіе Священниковъ, также принимаетъ на себя безполезное дѣло; а Онъ устами Іеремін (VI, 13) говоритъ: «Отъ меньшаго и даже до большаго вси совершиша беззаконія, отъ Священника и даже до лжепророка вси сотвориша ложная.»

«Ясно, что и относительно Крестоваго похода не должно соглашаться съ большинствомъ, и тотъ, кто, чтобы вѣрить, дожидается мнѣнія большинства, или народа, стоитъ на пути къ жестокому обману. Такъ въ книгѣ Екклезіаста, въ главѣ первой, читаемъ: «Глупцовъ безчисленное множество,» и мудрый Даніилъ, когда народъ осудилъ Сусанну, въ слѣдствіе лжесвидѣтельства Священниковъ, одинъ ему противусталъ (Даніилъ XIII). Такъ и Господь Іисусъ Христосъ былъ бы праведно распятъ Первосвященниками и большинствомъ народа, а противное видно изъ словъ Пилата

(Ев. отъ Луки XXIII, 14): «Приведосте ми человѣка сего, яко развращающа люди, и се азъ предъ вами истязавъ, ни единыя не обрѣтохъ въ человѣцѣ семъ вины, яже на нь вадите;» а также и Иродъ.

«Отсюда, если бы всегда доказательства истины требовать отъ большинства, то какъ многіе званые, а малые избранные (Матѳ. XX, 1—16), большинство Сатаны восторжествовало бы надъ Господомъ. Итакъ доказательство принимаетъ такую форму: «Когда такое множество стоитъ за дѣло, не основанное на свидѣтельствѣ закона Божьяго, то оно, вѣроятно, подозрительно.»

«И люди благоразумные имѣютъ таковый обычай: когда есть затрудненіе касательно какой ни будь истины, то они сперва изслѣдуютъ, что по этому предмету говоритъ Св. Писаніе и какое оно ни даетъ рѣшеніе, твердо считаютъ его достойнымъ вѣры. А если Св. Писаніе объ этомъ предметѣ ни чего не сказало, то они оставляютъ его совершенно, какъ къ нимъ не относящійся, и не спорятъ о томъ, на чьей сторонѣ истина. И въ этомъ заключается великое благоразуміе людей умныхъ; слѣдовательно, весьма малая очевидность, если большая часть членовъ Церкви это утверждаетъ, то это и есть истина; но Богу одному извѣстно, болѣе ли теперь дѣйствуетъ сыновъ отца лжи, нежели Отца истины.

«Итакъ должно разсматривать общее мнѣніе и его основаніе, какъ оно согласуется съ Св. Писаніемъ.

«Что касается до шестаго возраженія, то, согласившись съ первою частью, что обнародованіе Крестоваго похода противъ Владислава имѣетъ цѣлью покровительство Христовой Церкви, т. е., на словахъ, согласившись и со второю частью, не соглашаемся съ выводомъ. Инымъ образомъ можно не согласиться и съ первою частью; ибо нѣтъ сомнѣнія, что во всемъ Королевствѣ Апуліи находится же хоть сколько ни будь людей, хотя только по имени Христіанъ и, слѣдовательно, суть часть Христовой Церкви, разумѣя подъ нею совокупность всѣхъ, шествующихъ въ вѣрѣ Христовой, какъ достойныхъ, такъ и недостойныхъ. Итакъ клонится ли обнародованіе Крестоваго похода къ защитѣ и покровительству Церкви Христовой, когда цѣль похода—преслѣдованіе Владислава и его сообщниковъ и ихъ истребленіе? Ибо кто же согласится, что покровительство Церкви будетъ оказано тѣмъ, что всѣ его сообщники и приверженцы будутъ поражены остріемъ меча? Не можетъ

ли послѣ этого случиться, что одна часть Церкви будетъ истреблять другую изъ за владѣнія вещественными благами? Ибо и Христосъ, высшая премудрость, укорилъ Петра, ударившаго, въ защиту свою, одного изъ тѣхъ, которые пришли требовать смерти Христа Спасителя. И такъ слѣдуетъ ли за Христомъ тотъ его Намѣстникъ, который не для защиты жизни своей хочетъ подвергнуть гибели столько людей, но для прелестей міра, для Папскаго честолюбія?

«Что касается до седьмаго возраженія, то мы не соглашаемся съ первою частью и, напротивъ, утверждаемъ, что противодѣйствовать этой буллѣ вмѣстѣ со статьями, данными Коммисарамъ, есть имѣть попеченіе о спасеніи душъ, какъ тѣхъ, которые усиливаются поддержать буллу, такъ и тѣхъ, которые не хотятъ ея слушать.

На восьмое возраженіе, сказанное съ цѣлью испугать, отвѣчаетъ самъ Спаситель, отлученный и жестоко гонимый Іудеями (Мате. X, 28), говоря: «Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити, убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ;» и въ Еван. отъ Іоанна (XV, 20): «Поминайте слово, еже азъ рѣхъ вамъ: нѣсть рабъ болій господина своего. Аще мене изгнаша, и васъ изженутъ.» И объ отлученіи сказалъ Спаситель (Іоанн. XVI, 2—3): «Сіе глаголахъ вамъ да не соблазнитеся. Отъ сонмищъ ижденутъ вы, но пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу.» А чтобы истинные послѣдователи Христа были въ дѣлѣ его мужественны, Онъ самъ даетъ имъ благословеніе, говоря (Ев. отъ Мате. XVII, 11—12): «Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, мене ради. Радуйтеся и веселитеся,» и т. д. И такъ воинъ Христовъ можетъ ли трепетать предъ угрозою, когда въ дѣлѣ Господа онъ не можетъ потерять ни волоса? И если онъ будетъ изверженъ изъ Синагоги, его пріиметъ Христосъ. Еще же изъ выше писаннаго слѣдуетъ, что несравненно лучше быть отлученнымъ и подвергнуться жестокому обращенію, нежели получить мнимое разрѣшеніе отъ вины и отъ наказанія; ибо болѣе надежды на прощеніе тому, кто въ дѣлѣ Божіемъ, въ надеждѣ на вѣчное блаженство, терпитъ проклятія и обиды даже до смерти, нежели тому, кто въ дѣлѣ сомнительномъ, чтобы не сказать болѣе, преслѣдуетъ Христіанъ.

«На девятое возраженіе: «Кто власти Папской противится, противится Божіему изволенію,» должно замѣтить, что слово власть имѣетъ два различные смысла. Она или можетъ означать власть, т.е., могущество, законное, дѣйствительное, какъ, на примѣръ, въ посланіи къ Римляномъ (XIII, 1): «Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется.» Или власть можетъ означать могущество мнимое, незаконное, ложно присвоенное, какъ, на примѣръ, въ Евангеліи отъ Луки (главѣ XXII, 53) говоритъ Христосъ тѣмъ, которые отъ Первосвященниковъ были посланы его взять: «Но се есть ваша година и область темная.» Эти различные смыслы слова власть служатъ лучшимъ отвѣтомъ на возраженіе; ибо въ выше приведенномъ положеніи власть можетъ имѣть смыслъ власти законной, и, въ такомъ случаѣ, оно совершенно справедливо: «Кто противится власти Папы законной, тотъ противится изволенію Божію;» но въ такомъ случаѣ это возраженіе не относится къ дѣлу. Если же въ этомъ положеніи подъ властью разумѣть власть незаконно присвоенную, или злоупотребленіе власти, тогда совершенно ложно положеніе: «Кто власти Папской противится, изволенію Божію противится;» ибо такая степень злоупотребленія власти, хотя Богомъ терпима, какъ грѣхъ, не есть Его изволеніе. И если Папа умышляетъ сдѣлать что либо, или дѣлаетъ уже, противное Божественному закону, то употребляетъ во зло свою власть, и такому злоупотребленію власти его противиться не значитъ волѣ Божіей противиться, но лжи и злу.

«На десятое изреченіе Папы, въ которомъ онъ желаетъ, чтобы все то, что онъ ни скажетъ, или ни постановитъ, чтобы все соблюдалось безъ прекословія, можно сказать, что оно само себя осуждаетъ. Ибо если смиренные послѣдователи Христа спорятъ объ Его Законѣ, толкуютъ Его Законъ, то по чему того же нельзя и съ буллами? И не удивительно ли, что это положеніе защищаютъ правовѣдцы, которые всю жизнь свою проводятъ въ истолкованіи декреталій, извлеченныхъ изъ буллъ. И не испугаетъ воина Христова тотъ хвостъ буллы, гдѣ сказано: «Итакъ совершенно никому изъ людей не дозволено эту страницу нашего постановленія нарушить,» и проч.; ибо знаетъ воинъ Христовъ, что самъ Христосъ всякую страницу, противную его закону, нарушаетъ и отвергаетъ. Слѣдовательно, ученикъ Христовъ долженъ тщательно изслѣдовать буллы Папскія, и если онѣ сообразны съ

закономъ Христовымъ, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ имъ противиться; если же онъ найдетъ въ нихъ что либо противное закону Христову, то онъ долженъ всѣми силами, съ помощью Іисуса Христа, имъ противурѣчить. Ибо слово Книги Іова (IX, 12): «Кто речетъ ему: что сотворилъ еси?» относится не къ Папѣ, а къ Богу, а равно и то изреченіе: «Такъ хочу, такъ повелѣваю, да будетъ моя воля вмѣсто доказательства!» Ибо и то и другое изреченіе относится только къ тому, кто не имѣетъ ни какаго начальника надъ собою, и кто не можетъ заблуждаться; но кто же это иной, какъ не Богъ?»

Вотъ и другое сочиненіе Гуса противъ буллы Папы Іоанна XXIII, въ кототорой онъ поднялъ крестъ на Владислава. Короля Апуліи, сказанное послѣ дня Св. Вита, послѣ священнаго Собора въ 1412-омъ году:

«Миръ Христа и силу противъ искушеній діавола, которыми онъ силится подавить истину и людей обмануть вдвойнѣ!

«Уже я всенародно проповѣдывалъ, и нынѣ проповѣдую, противъ грамотъ Папскихъ, въ которыхъ этотъ Папа сначала осуждаетъ Короля Владислава и Папу Григорія XII, какъ еретиковъ, съ ихъ приверженцами, до четвертаго колѣна. Тяжко это бремя; ибо онъ называетъ Владислава богохульникомъ, дважды еретикомъ, а его послѣдователей, приверженцовъ и сообщниковъ, осуждаетъ на казнь. А между тѣмъ самъ Владиславъ еще не уличенъ въ ереси, равно какъ и его приверженцы, которые, живя подъ его властью, не въ состояніи ему противиться. Какимъ же образомъ бѣдныхъ мущинъ, или женщинъ, осуждать и наказывать какъ еретиковъ?

«И такъ **первая** несообразность та, что говоритъ въ буллѣ Папа, будто они осуждены праведнымъ судомъ Божіимъ. Гдѣ доказательство, что Богъ ихъ осудилъ?

«**Вторая** несообразность, что потомки до четвертаго поколѣнія, которые, разумѣется, еще и не родились, осуждены человѣкомъ, а это противно словамъ Ізекіиля (XVIII, 20): «Сынъ не возметъ неправды отца своего.»

«**Третья** несообразность, что возбуждаетъ къ войнѣ противъ Христіанъ, будутъ ли они клирики, или монахи, и такимъ образомъ присвоиваетъ себѣ власть, противную Евангелію, поднимаясь, вмѣстѣ со своими Священниками, на пролитіе крови, въ

противность словъ Спасителя: «Возврати ножь твой въ мѣсто его» (Матѳ, XXVI, 52), и тому подобныхъ.

»Четвертая несообразность, что въ буллѣ даетъ отпущеніе грѣховъ, говоря въ одномъ мѣстѣ: «надѣясь на милосердіе Божіе,» а въ другомъ: «въ воздаяніе праведныхъ, обѣщаемъ вѣчное блаженство;» а гдѣ же поручительство?

«Пятая несообразность та, что ни молитвы, ни иныя набожныя дѣйствія, ни проповѣдь, ни обѣты, не требуются въ буллѣ за индульгенціи, но однѣ только деньги.

«Шестая несообразность та, что тѣ, которые ничего не даютъ, не имѣютъ сихъ индульгенцій, какъ бы они ни были добродѣтельны. И очень хорошо: ибо, по волѣ Божіей, Святые освобождаются отъ такихъ лживыхъ наградъ.

«Седьмая несообразность та, что всѣ тѣ, кто дадутъ деньги, имѣютъ равное награжденіе, т. е., получаютъ полное и совершенное разрѣшеніе отъ вины и наказанія, или правильнѣе, отъ своего сундука и кошелька. Но гдѣ же любовь, которая одна даетъ мѣру добрымъ дѣламъ и заслуживаетъ награду, какъ учитъ Спаситель (въ VII главѣ отъ Луки, ст. 40—50)? А что дѣлать съ словомъ Апокалипсиса, который говоритъ (XVII, 7): «Елико прославися и разсвирѣпѣ (насладися), толико дадите ей мукъ и рыданій», и съ словами Апостола (2 Кор. V, 10): «Всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла?» И еще: «Кто что посѣялъ, то и пожнетъ?»

«Восьмая несообразность, что за отпущеніе грѣховъ налагаютъ подать, т. е., требуютъ денегъ, вопреки тому предписанію: (Матѳ. X, 8). «Туне пріясте, туне дадите.»

«Девятая несообразность, что въ буллѣ совершено не упоминается народу, чтобы онъ менѣе грѣшилъ, или чтобы онъ жилъ сообразнѣе съ Евангеліемъ, кромѣ словъ: «Раскаявшись и исповѣдавшись.» По сему если и чортъ пріидетъ, раскается, исповѣдается и заплатитъ деньги, то тотчасъ будетъ принятъ въ Царство Небесное.

«Десятая несообразность, что проповѣдникамъ Крестоваго похода дается отпущеніе грѣховъ и власть, чрезъ кого бы то ни было, давать индульгенціи на 40 дней, и все это за то, что они выжимаютъ деньги. Вотъ явно продается власть. Исполняется

въ глазахъ нашихъ пророчество Апостола Петра (2 Петр. II, 1—3): «Въ васъ будутъ лживыи учители, иже внесутъ ереси погибели, и искупившаго ихъ Владыки отметающеся, приводяще себѣ скору погибель, и мнози послѣдствуютъ ихъ нечистотамъ, ихъ же ради путь истинный похулится, и въ преумноженіи лстивыхъ словесъ васъ уловятъ: ихъ же судъ искони не коснитъ, и погибель ихъ не дремлетъ.» И ниже (14—15): «прелщающе души неутвержденны, сердце научено лихоимству имуще, клятвы чада: оставивши правый путь, заблудиша, послѣдовавше пути Валаама Восорова, иже мзду неправедну возлюби.» А можетъ ли быть большая ложь въ словахъ, какъ то, будто бы покупка индульгенціи за деньги тотчасъ покупщика (если онъ умретъ) вводитъ въ отечество (т. е., Царство Небесное)?

«По истинѣ вводятся въ заблужденіе души непостоянныя, которыя не могутъ стоять въ любви ко Христу, и по тому съ сердечнымъ трепетомъ радости торопятся покупать индульгенціи, думая, что ими спасутся, какъ бы ни жили. Исполняется передъ глазами нашими пророчество Апостола (Дѣян. XX, 28), которымъ онъ снабдилъ вѣрныхъ Священниковъ: «Внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави Епископы пасти церковь Господа Бога, юже стяжа кровію своею. Азъ бо вѣмъ сіе, яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящіи стада.»

Одиннадцатая несообразность, что эта булла уничтожаетъ всѣ индульгенціи; отсюда въ правилахъ читаемъ: Еще же повелѣваетъ намъ владыка Папа, что никто не можетъ быть допускаемъ, на основаніи прежнихъ Папскихъ грамотъ, индульгенціи содержащихъ, если въ настоящей буллѣ Папской они не упомянуты именно и формально.» И такъ какъ Александръ Пятый, непосредственный предшественникъ нынѣшняго Папы, далъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ на 5 лѣтъ, которые еще не прошли, и присоединилъ это условіе: «и такъ совершенно не одному изъ людей не дозволяется нарушить сію буллу» и пр., а другой Папа нарушилъ эту буллу, то по истинѣ чудно, какъ одно отпущеніе грѣховъ отъ вины и наказанія можетъ служить препятствіемъ другому въ томъ же человѣкѣ. Вотъ главный признакъ, что этѣ идульгенціи не подлинныя, а поддѣльныя произведенія корыстолюбія.

«Двѣнадцатая несообразность, которою вѣнчаются всѣ

предшествующія: «И такъ ни одному человѣку, а, слѣдовательно, ни Христу Богочеловѣку, ни Святому, сошедшему съ неба, не дозволяется нарушить эту страницу,» и проч. Слѣдовательно, если Христосъ Богочеловѣкъ не подтвердитъ всего того, то нарушаетъ симъ, и, слѣдовательно, по словамъ буллы, навлекаетъ на себя проклятіе Всемогущаго Бога и Блаженныхъ Апостоловъ, Петра и Павла, что — нелѣпѣйшая ложь; стало быть, этѣ буллы совершенно ложны. Вотъ какія несообразности проистекаютъ изъ этой буллы.

«Но вотъ истинная Апостольская булла, въ которой Апостолъ (Дѣян. II, 38) всѣхъ увѣщеваетъ и поучаетъ: «Покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа, во оставленіе грѣховъ, и пріимите даръ Святаго Духа.» И такъ должно проповѣдывать народу, чтобы онъ не вводился въ заблужденіе провозглашеніемъ индульгенцій; ибо индульгенціи, какъ и всякое иное доброе дѣло, не имѣютъ силы для полученія блаженства, если человѣкъ не покинетъ грѣха, раскаяваясь въ прошедшемъ и тщательно остерегаясь въ будущемъ. И если принесетъ покаяніе во всѣхъ грѣхахъ и соблюдетъ предписанія Божіи, то получитъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ и вѣчной муки. И въ этомъ случаѣ должно проповѣдывать на текстъ XVIII главы Іезекіиля къ концу (30—33), который на людей простыхъ производитъ впечатлѣніе: «Обратитеся и отвержитеся отъ всѣхъ нечестій вашихъ, и не будутъ вамъ неправды въ мученіе,» и т. д.

«Еще должно проповѣдывать народу, чтобы онъ не дозволялъ себя грабить святокупственно во время исповѣди, ни подъ видомъ приношенія, ни подъ предлогомъ обѣдни, да знаетъ народъ слова Григорія въ 26-ой проповѣди: «Тотъ самъ себя лишаетъ власти вязать и разрѣшать, кто пользуется ею для своихъ видовъ, а не для исправленія нравовъ своей паствы.»

«Должно еще внушить народу слова Августина (книга 2 къ Юліану): «Только одинъ Христосъ, и ни кто иной, отпускаетъ и прощаетъ грѣхи,» Онъ, который есть Агнецъ, вземлющій грѣхи міра. Взимаетъ же Онъ, разрѣшая уже совершенные грѣхи, помогая избѣгать ихъ и указывая своею благодатію путь къ мѣсту, гдѣ ихъ нѣтъ совершенно. По этому должно поучать народъ, да вѣритъ, что только Богъ можетъ очищать душу отъ внутренняго пятна, и что ни одинъ человѣкъ не можетъ другому отпустить

грѣхи, если Богъ не проститъ прежде. Ибо ни кто, кромѣ Бога, не можетъ даровать благодати, побуждающей къ добру. Еще должно внушать народу, что, для отпущенія грѣховъ, требуется внутреннее покаяніе, т. е., сожалѣніе о грѣхѣ, которое не можетъ обнаружиться прежде, нежели человѣкъ почувствуетъ омерзѣніе ко грѣху. Отсюда Богъ никому не прощаетъ грѣха прежде, нежели грѣшникъ не оставитъ грѣха и не рѣшится впредь не грѣшить. Отсюда самъ Богъ устами Пророка Iезекіиля (XVIII, 21) говоритъ: «И безаконникъ аще обратится отъ всѣхъ беззаконій своихъ, яже сотворилъ, и сохранитъ вся заповѣди моя, жизнію поживетъ, и не умретъ. Вся согрѣшенія его, елика сотворилъ, не помянутся ему.» Отсюда, если бы мы, Священники, подражая Пророкамъ, Христу и его Апостоламъ, жили такъ, какъ они жили, и наставляли бы народъ на покаяніе, говоря ему со Христомъ (Маѳ. III, 2): «Покайтеся, приближибося Царствіе Небесное,» тогда побуждали бы народъ уже не къ приношенію денегъ, но къ раскаянію въ грѣхахъ.»

«Въ 1412 году, въ Понедѣльникъ, предъ днемъ Маркеты (Маргариты), въ Прагѣ отрублены головы тремъ молодымъ людямъ за отпуски (Чешское названіе индульгенцій), такъ какъ они Священникамъ во время проповѣди противорѣчили касательно этихъ отпусковъ. А эти отпуски были такого рода: Папа послалъ свои буллы и грамоты въ Прагу, давая знать, что онъ обнародовалъ Крестовой походъ на Короля Владислава Неапольскаго, и что тѣхъ, которые будутъ ему (Папѣ) противъ Короля помогать деньгами, онъ дѣлаетъ участниками того, что тамъ будетъ происходить, такъ какъ бы они сами были тамъ своею, особою, и при томъ за то они будутъ избавлены муки, а не только наказанія и вины. И были три сундучка хорошо окованныхъ вдѣланы для того, чтобы народъ клалъ въ нихъ деньги на то дѣло (на походъ противъ Короля Неапольскаго): одинъ сундучекъ или кружка была прикована въ городѣ къ храму Св. Вячеслава, за алтаремъ Св. Вита, гдѣ наиболѣе людей мимо ходитъ; другой на Вышеградѣ; третій у церкви Богородицы въ Тынѣ (или Тынской). Противъ этихъ отпусковъ возсталъ Магистръ Iоаннъ Гусъ со многими иными Магистрами, и срочный день назначилъ для прѣнія разосланными повсюду въ Прагѣ, по обыкновенію Магистерскому, объявленіями; они же были прибиты у дверей почти всѣхъ церквей, какъ при-

ходскихъ, такъ и монастырскихъ, и въ городѣ у (храма) Св. Вячеслава, и у мосту у воротъ, и на Вышеградѣ, и повсюду тамъ, гдѣ много людей ходитъ, приглашая, всѣхъ вмѣстѣ и каждаго въ особенности, Докторовъ, Магистровъ, Лиценціатовъ, Баккалавровъ, Студентовъ, Монаховъ, Священниковъ и всѣхъ, кому угодно, пожаловать въ Коллегію, въ большой залъ, въ lectorium ordinarium disputationum, возражать ему, Гусу. Случилось это въ бытность Магистра Марка Ректоромъ Университета. А положеніе (thema) Гуса было такъ повсюду написано Латинскою рѣчью отъ слова до слова: «Utrum, secundum legem Iesu Christi, licet et expedit, pro honore Dei et salute populi Christiani et pro commoda Regni, bullas Papae de erectione crucis contra Ladislaum, Regem Apuliae, et suos complices, Christi fidelibus approbare?» Съ тою же цѣлію это положеніе было прибито и на дверяхъ, чтобы всѣ знали, на что возражать, и потому заранѣе поразмыслили бы объ этомъ положеніи. На этомъ прѣніи, когда наступилъ назначенный день, Гусъ первый сказалъ (7-го Іюня) рѣчь, многими доводами старался доказать, что не позволено давать деньги Папѣ для пролитія крови Христіянской. Тогда многіе старшіе Доктора, какъ то: Докторъ Волкъ, * Докторъ Кбель и иные, все, что имъ казалось, высказали, въ противорѣчіе Магистру Гусу, каждый особо и по порядку, сидя всѣ рядомъ по старшинству. А многіе Магистры безъ возраженія согласились съ толкованіемъ Магистра Іоанна Гуса. Когда очередь пришла къ Магистру Іерониму, то онъ согласился съ мнѣніемъ Гуса и весьма долго велъ рѣчь и говорилъ красно. И по окончаніи той рѣчи Магистръ Іеронимъ, поспѣшно вставши съ мѣста, хотѣлъ тотчасъ ити въ Думу и, въ присутствіи Совѣтниковъ, объявить тамъ, что эти отпуски лживые. За нимъ множество Студентовъ встало и хотѣло съ нимъ отправиться: съ великимъ трудомъ удалось Ректору Университета утишить это волненіе. Впрочемъ, Іеронимъ, обратившись къ Магистру Марку, сказалъ ему по Чешски: «Слышишь ли, Магистръ Маркъ? Вѣдь не ты за меня положишь голову, а я самъ за себя дамъ свою шею!» И въ слѣдъ за этими словами Магистръ Іеронимъ снова пустился держать Латинскую рѣчь, начавши такъ: «Nonne Sanctus Paulus

---

* Палацкій (III, стр. 121, прим. 198) замѣчаетъ, что лѣтописецъ здѣсь ошибся, такъ какъ этотъ Докторъ (Blasius Lupus) умеръ еще въ Августѣ 1410 года.

(2 Ad Tim. I, 12) dixit: Scio, cui credidi et certus sum, quia potens est depositum meum servare in illum diem.» По окончаніи этого прѣнія въ тотъ день гораздо большее число Студентовъ шло за Магистромъ Іеронимомъ, нежели за Магистромъ Гусомъ, такъ какъ имъ болѣе понравилась рѣчь, которую первый говорилъ въ этомъ собраніи. А Магистръ Іоаннъ Гусъ почти въ каждой своей проповѣди въ Виѳлеемѣ убѣждалъ народъ не давать денегъ за тѣ отпуски. И тогда же тѣ три, названные выше, молодые люди за то, что они возражали противъ этихъ отпусковъ и утверждали, не смотря на строжайшее запрещеніе Совѣтниковъ, что они лживые и ничего не значащіе, казнены въ Старомъ Городѣ Пражскомъ, но со страхомъ и съ великою боязнью.

«Много было бы говорить, если бы стать разсказывать все то, что передъ тѣмъ случилось, какъ тѣ три человѣка казнены. Случилось это въ Понедѣльникъ, а передъ тѣмъ въ Воскресенье схвачены они во время проповѣди: одного привели изъ города (Вышеграда, по нашему Кремля), другого изъ монастыря Св. Іякова, а третьяго изъ церкви Богородицы Тынской. Но я долженъ скорѣе сократить, нежели все это разсказывать: я самъ присутствовалъ при томъ, что случилось въ тотъ Понедѣльникъ. И такъ въ третій часъ дня прошелъ слухъ, что три человѣка взяты по поводу индульгенцій, и это дошло до свѣдѣнія Магистра Гуса. Онъ, со многими иными Магистрами, пошелъ въ Думу, прося Господъ Совѣтниковъ, чтобы они допустили его передъ себя на Совѣтъ. Такъ и случилось: его и нѣкоторыхъ другихъ Магистровъ допустили предъ Совѣтниковъ; прочіе Магистры и Студенты, числомъ больше двухъ тысячъ, расположились у Думы Магистръ Гусъ говорилъ съ Совѣтниками и просилъ ихъ, чтобы тѣмъ тремъ ничего не сдѣлали за отпуски, но если они рѣшились наказать ихъ за то, то пусть сперва наказали бы его, такъ какъ онъ тому причиной. Совѣтники, переговоривши между собою, отвѣчали ему и инымъ Магистрамъ, которые съ нимъ были, что схваченнымъ ничего не приключится худого, но чтобы онъ успокоился и съ добрыми мыслями пошелъ бы со всѣми своими въ Виѳлеемъ, а иные, проводивъ его, разошлись бы по домамъ.

«Магистръ Гусъ повиновался Совѣтникамъ. Но граждане продолжали стоять на площади, дожидаясь, что-то будетъ сдѣлано и какой-то это дѣло пріиметъ конецъ; ибо еще съ ранняго утра

бирючи кричали, чтобы всѣ граждане, богатые и бѣдные, были на площади; но около того времени опять было объявлено, чтобы всѣ разошлись съ площади по своимъ домамъ. Когда большая часть народа разошлась, тогда Совѣтники приказали палачу и служителямъ взять трехъ заключенныхъ и казнить ихъ: ихъ сопровождало большое число народа вооруженныхъ людей (въ то время въ Думѣ всѣ Совѣтники были Нѣмцы, и они набрали себѣ и вооруженныхъ людей все изъ Нѣмцевъ, которые составляли значительную часть народонаселенія): въ срединѣ ихъ шли плѣнные, которыхъ и велѣно казнить не иначе, какъ среди толпы вооруженныхъ людей. И не успѣли ихъ довести до назначеннаго мѣста, но противъ большаго дома (гдѣ нынѣ вырѣзанъ единорогъ) остановились, и тутъ ихъ казнили. И тотчасъ одна набожная женщина бросила три бѣлыя покрывала, чтобы тѣ тѣла ими были прикрыты. Туда же пошелъ Магистръ Ичинъ съ весьма великимъ числомъ Магистровъ, Баккалавровъ, Студентовъ и съ иными гражданами, и безъ всякаго шуму, но спокойно, взявши тѣ тѣла, понесли ихъ въ Виѳлеемъ, не просивши о томъ Совѣтниковъ и даже не давши имъ знать, что они возьмутъ эти тѣла. И Магистръ началъ громкимъ голосомъ пѣснь: «Isti sunt sancti,» которую поютъ о Святыхъ мученикахъ, и понесъ ихъ съ громкими и торжественными пѣснями, съ великою смѣлостью и радостью, до Виѳлеема. Совѣтники и вооруженные ихъ люди только смотрѣли на это. Многіе Студенты и горожане, господа и госпожи, шли за тѣми тѣлами съ великимъ воплемъ и рыданіемъ, оказывая великое уваженіе къ покойникамъ, провожая ихъ ко гробу и жалѣя о нихъ, какъ о незаслужившихъ такой участи. Въ то время, когда ихъ собирались казнить, бирючь кричалъ: «Кто позволитъ себѣ то же, что эти люди (т. е., станетъ противорѣчить индульгенціямъ), тотъ подвергнется такой же участи;» тогда многіе тотчасъ, еще до прихода Магистра Ичина, возстали противъ отпусковъ, говоря, что съ ними несправедливо поступаютъ, и что они готовы подвергнуться той же участи. И хотя нѣкоторые были за то задержаны, однако имъ ничего не смѣли сдѣлать, видя великій ропотъ и неудовольствіе въ народѣ и за ту казнь, но, подержавши ихъ черезъ ночь въ темницѣ, бирючи утромъ пришедши къ нимъ, сказали, что ихъ зовутъ къ себѣ въ Думу Совѣтники. Когда тѣ повѣрили и вышли изъ темницы, то за ними заперли и темницу и Думу, и велѣли

имъ ити домой: кто не хотѣлъ, того отгоняли бичомъ, чтобы ни кто не стоялъ передъ Думою. Много и другого случилось въ эти дни: каждый день было объявляемо, чтобы не ходилъ народъ передъ Думу, но, чѣмъ болѣе запрещали, тѣмъ болѣе народу ходило передъ Думу; когда же ихъ разгоняли, то, недолго спустя, они снова являлись передъ Думой и громко разсуждали о послѣднихъ событіяхъ. А какъ при этомъ случаѣ велъ себя Магистръ Іоаннъ Гусъ, и какъ онъ поступилъ съ казненными, объ этомъ я ничего не скажу, чтобы не потерпѣть чего ни будь дурного, если я буду пристрастенъ. Хотя я самъ въ то время при тѣхъ событіяхъ присутствовалъ и всему много дивился, но повѣствовать о томъ предоставляю разумнѣйшимъ. Въ первое Воскресеніе Гусъ слова не сказалъ на проповѣди объ этомъ событіи, хотя чрезвычайное множество народа собралось было именно для того въ Виѳлеемъ. А когда нѣкоторые замѣтили, что вѣрно ему бирючи и Совѣтники замкнули уста, то онъ на слѣдующее Воскресенье очень подробно говорилъ объ этомъ событіи, хваля жизнь казненныхъ и превознося образъ ихъ смерти, а также убѣждая весь народъ, чтобы они не допустили себя ни какими муками отвлечь и отстранить отъ истиннаго Закона Божіяго.» Такъ разсказываетъ очевидецъ въ «Staři Letopisové.»

Такимъ образомъ вопросъ, дотолѣ Университетскій, сталъ народнымъ, и дѣло, дотолѣ не выходившее изъ области слова, стало искать рѣшенія кровавыми средствами. Насильственная смерть трехъ невинныхъ требовала возмездія, которое нѣсколько лѣтъ спустя и совершено было. Справедливость и умѣренность явно были на сторонѣ Гуса, который не принялъ даже ни малѣйшаго участія въ невинномъ заявленіи желаній своихъ послѣдователей, Ичина и другихъ, противъ тогдашнихъ правителей города, и ни однимъ словомъ не коснулся этого дѣла, опасаясь, безъ сомнѣнія, своими словами еще болѣе взвалновать народъ. Личное убѣжденіе свое онъ не замедлилъ высказать, но тогда только, когда первое раздраженіе народа улеглось. Конечно, ни одинъ врагъ Гуса не можетъ не отдать ему справедливости, что онъ велъ себя умѣренно и благоразумно, что никогда не терялъ онъ изъ виду своего сана Проповѣдника и Священника, и никогда не былъ демагогомъ. Правда, если бы Гусъ точно имѣлъ то ненасытимое стремленіе къ народному одобренію, какое ему приписываютъ нѣко-

торые, то онъ не замедлилъ бы принять самое дѣятельное участіе въ послѣднихъ событіяхъ, не сталъ бы подвергаться насмѣшкамъ своихъ же послѣдователей, будто страхъ Совѣтниковъ Нѣмецкихъ замкнулъ ему уста. Могъ ли почувствовать робость Гусъ, котораго постояннымъ желаніемъ, котораго задушевною мыслью, была мученическая смерть за свое убѣжденіе? Что касается до казни трехъ Гуситовъ, то этотъ поступокъ Нѣмецкихъ Совѣтниковъ Праги есть поступокъ вопіющей несправедливости: эти три Гусита казнены безъ суда.... Спросятъ: «Да гдѣ же Король? Да какъ онъ могъ допустить такое самовольное поведеніе Пражской Думы?» Дѣло въ томъ, что, не говоря о врожденной лѣни Короля Вячеслава IV, о непреодолимомъ отвращеніи его ко всѣмъ важнымъ дѣламъ, власть Королевская въ Чехіи (да и почти во всей тогдашней Европѣ) приведена была до совершеннаго ничтожества могуществомъ Папства съ одной стороны, своеволіемъ городовъ съ другой. Если бы Вячеславъ и хотѣлъ воспротивиться насильственному поведенію Пражской Думы, то онъ не имѣлъ къ тому ни силъ, ни средствъ, ни возможности.

Папскіе отпуски или индульгенціи посѣяли непримиримый раздоръ между Чешскими членами Пражскаго Университета, которые дотолѣ дѣйствовали согласно, со времени удаленія Нѣмцевъ изъ Праги. Въ дѣлѣ свободной мысли Пражскій Университетъ шелъ въ то время едва ли не впереди всѣхъ иныхъ Университетовъ: мѣсто схоластическихъ преній, мѣсто отвлеченныхъ занятій науками, у него занялъ вопросъ жизни... Самые строгіе Католическіе члены Пражскаго Университета, не одобрявшіе дѣйствій Гуса, были уже вольнодумцы въ сравненіи съ Католиками Нѣмецкими и Итальянскими, принимавшими идею Папства во всей ея возмутительной грубости. Не было ни одного изъ просвѣщенныхъ членовъ Пражскаго Университета, который бы не видѣлъ страшнаго безпорядка въ Церкви Католической, который не желалъ бы ея преобразованія, который закрывалъ бы глаза на всѣ безчисленныя ея злоупотребленія.... Но если всѣ думали одинаково, если всѣ вмѣстѣ сообщали другъ другу свои мысли, и всѣ вмѣстѣ сѣтовали надъ несчастіями своего времени, то не всѣ стали дѣйствовать одинаково, когда пришла пора дѣйствовать: ибо иное дѣло мысли, а иное дѣйствія. Вопросъ объ отпускахъ подалъ поводъ къ явному расколу и къ непримиримой враждѣ между членами Праж-

скаго Университета: тутъ-то начался тотъ раздоръ Гуса и Палеча, который окончился изгнаніемъ второго изъ Чехіи и насильственной смертью перваго. Дѣло шло между Гусомъ и Палечемъ не о самихъ индульгенціяхъ, не объ этихъ ничтожныхъ лоскуткахъ бумаги, но совсѣмъ о другомъ. Во глубинѣ души Палечъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ богослововъ того времени, не менѣе Гуса осуждалъ индульгенціи, осуждалъ и Папу за недостойное Первосвященника Христіанскаго поведеніе, но онъ разошелся съ Гусомъ не въ мысляхъ, а въ образѣ дѣйствія. Не одного Палеча, но и все Католическое духовенство, вооружилъ противъ себя Гусъ непримиримою ненавистью за то, что вопросы религіозные, на рѣшеніе которыхъ духовенство считало себя одно въ правѣ, которое оно считало своими вопросами, Гусъ отдалъ на судъ и рѣшеніе народу. Во глубинѣ души раздѣляя мысли Гуса, духовенство мстило ему за то, что онъ выдалъ его.... Отдавши религіозные вопросы на судъ народу, Гусъ какъ бы сокрушилъ духовенство, какъ бы призналъ его совершенно ненужнымъ.... И это могущественне сословіе поклялось погубить его. Духовенство упрекало Гуса въ томъ, что онъ измѣнникъ, что онъ предатель, что онъ выдалъ тайны его народу, что онъ уподобился тѣмъ птицамъ, которые мараютъ свое собственное гнѣздо. Кто правъ, Гусъ, или Палечъ? Правъ Гусъ, если чистая любовь къ народу, если истинное сожалѣніе объ его невѣжествѣ, объ его жалкой зависимости отъ духовенства, если отвращеніе отъ жестокосердыхъ поступковъ послѣдняго, заставили и его перенести вопросы религіозные въ среду народа, взять его своимъ судьею между собою и противниками, сослаться на его живое, не тронутое, сознаніе истины.... Правы противники Гуса, если одно стремленіе къ народности, одно исканіе одобренія народа, побудили Гуса вопросы, которыхъ рѣшеніе онъ долженъ былъ предоставить Церкви, отдать на рѣшеніе народу; если утонченное честолюбіе заставило его предпочесть первую роль въ народѣ второстепенному мѣсту среди своей братіи богослововъ; если онъ далъ народу вопросы, которыхъ рѣшить тотъ былъ не въ состояніи; если онъ возбудилъ въ народѣ потребность, которой онъ удовлетворить не былъ въ состояніи.... Кто можетъ оправдать, или обвинить, Гуса, кто можетъ читать въ душѣ его, кромѣ Бога?.... Ангеловъ исторія намъ не представляетъ: указывая благородныя побужденія своихъ дѣйствователей, она не скрываетъ и своекоры-

стныхъ ихъ побужденій. Можетъ статься, что и Гусомъ управляли и чистыя и нечистыя побужденія, и что послѣднія скрывались подъ первыми.... Такъ какъ, съ другой стороны, не подвержено сомнѣнію, что Палечъ и духовенство, будучи совершенно правы въ обвиненіи Гуса за то, что вопросы, которыхъ рѣшеніе не можетъ быть не предоставлено Церкви, не повлекши за собою всеобщаго хаоса мнѣній, отданы на судъ народу, котораго любви къ истинѣ и чистаго нравственнаго чувства, если и нельзя оспаривать, то въ способности онаго рѣшать такіе вопросы позволено сомнѣваться, дѣйствовали не изъ одной любви къ истинѣ, но, по крайней мѣрѣ, столько же и въ защиту своего сословія, его исключительныхъ правъ и преимуществъ, которыя, конечно, не всегда согласовались съ благомъ общимъ, съ благомъ народа. Гусъ напрасно нападалъ на внезапную перемѣну образа мыслей своего сверстника и друга (ибо таковымъ былъ для него Палечъ), напрасно всенародно спрашивалъ его, сколько ему дали за то, чтобы онъ защищалъ дѣло Папы, между тѣмъ какъ въ частныхъ съ нимъ разговорахъ одинъ на одинъ самъ обличалъ злоупотребленія Церкви.... Палечъ могъ на это отвѣчать: «Не все то, что говорили мы съ тобою наединѣ, годится для народа. Если мы, я и ты, въ состояніи обсудить и рѣшить вопросы религіозные съ надлежащею осмотрительностью и умѣренностью, то можешь ли того же ожидать и отъ народа, пылкаго въ своихъ убѣжденіяхъ? Кто изъ насъ виноватъ болѣе: тотъ ли, кто волнуетъ народъ, кто внушаетъ ему высокое о самомъ себѣ понятіе? тотъ ли, кто возбуждаетъ въ народѣ надежды, которыхъ дѣйствительность никогда оправдать не можетъ? или тотъ, кто ищетъ рѣшенія своихъ сомнѣній отъ самой Церкви?» Въ этомъ случаѣ Палечь показалъ болѣе опытности, болѣе знанія людей, болѣе историческаго предвѣдѣнія, нежели Гусъ. Палечъ очень хорошо предвидѣлъ, что послѣдователи Гуса не будутъ такъ умѣрены, какъ онъ; что слова Гуса, рано, или поздно, сокрушатъ Церковь; что слова и дѣла его послѣдователей сокрушатъ самую Вѣру и предоставятъ человѣка въ полную волю его необузданныхъ и ничѣмъ не сдержанныхъ страстей. Между тѣмъ Гусъ, подрывая основанія Церкви, простодушно спрашивалъ, въ чемъ онъ виноватъ предъ духовенствомъ, и не могъ оцѣнить всей важности своихъ поступковъ, провидѣть всѣхъ ихъ послѣдствій.... Гусъ не смотрѣлъ въ будущее: онъ весь

жилъ подъ вліяніемъ убѣжденія въ истинѣ своихъ словъ, своихъ поступковъ.... И безспорно, если каждый историческій дѣятель долженъ отвѣчать предъ судилищемъ исторіи только за себя, только за чистоту и правость своихъ убѣжденій, своихъ словъ, своихъ дѣйствій, а не за то вліяніе, какое могли имѣть, и имѣли, эти слова, эти убѣжденія, эти дѣйствія, на современниковъ и потомство, то Гуса надобно причислить къ самымъ чистымъ историческимъ дѣятелямъ.

Мы видѣли, какъ Гусъ отозвался на самую Папскую буллу: не менѣе возмутило его приведеніе ея въ исполненіе, хотя Архіепископъ Пражскій, видя всеобщее волненіе, старался всячески смягчить жесткія формы святотатственной торговли благодатью отпущенія грѣховъ, и, между прочими мѣрами, предупредить соблазнъ, постановилъ, чтобы при исповѣди съ народа не брали денегъ; но духовенство было менѣе осторожно, и тѣмъ возбуждало противъ себя всеобщее ожесточеніе. Одинъ изъ Королевскихъ любимцевъ, Вокша изъ Вальдштейна, вмѣстѣ съ Магистромъ Іеронимомъ Пражскимъ и другими Магистрами, раздѣлявшими одни и тѣ же убѣжденія, устроилъ сатирической ходъ, какъ пародію за 2 года передъ тѣмъ случившагося сожженія книгъ Виклифа. Отъ Архіепископскаго дома на Малой Сторонѣ города Праги сатирическое шествіе торжественно двинулось чрезъ мостъ въ Старый Городъ, прошло весь его, мимо Королевскего дворца, до Новаго Города: тамъ воздвигнули костеръ, положили на него Папскія буллы, и зажгли все, при стеченіи многочисленнаго народа, не могшаго удержаться отъ кликовъ радости. Такъ Гуситы отмстили духовенству за казнь трехъ своихъ единомышленниковъ. Вячеславъ понялъ, что долѣе терпѣть подобныя насмѣшки надъ Главою Церкви дѣлаетъ его сообщникомъ нововводителей въ глазахъ всего Христіанскаго міра, и по тому онъ не замедлилъ успокоить народное раздраженіе: въ Жебракъ, гдѣ онъ тогда жилъ, собралъ онъ членовъ Пражской Думы и городскихъ старшинъ всѣхъ трехъ Пражскихъ городовъ, и приказалъ имъ каждое всенародное ругательство надъ Папою, а равно и неповиновеніе имъ изданнымъ булламъ, впредь каждому запретить накрѣпко, подъ страхомъ смертной казни, препятствовать стычкамъ обѣихъ сторонъ и самыми сильными и дѣйствительными средствами охранять общественное спокойствіе. Впрочемъ, Вокша изъ Вальдштейна остался по прежнему прибли-

женною особою Короля (familiaris); не знаемъ, былъ ли наказанъ Іеронимъ Пражскій, но, кажется, нѣтъ. Гусъ, не принимавшій участія въ этомъ заявленіи Гуситской молодежи, остался совершенно въ сторонѣ, и Королева продолжала посѣщать его проповѣди.

Непріязненныя дѣйствія духовенства обнаружились противъ Гуса съ новою силою по поводу спора объ отпускахъ. Богословскій Факультетъ, состоявшій изъ 8 богослововъ: Стефана Палеча, Станислава изъ Знойма, Петра изъ Знойма, Ивана Иліи (Heliae), Ивана Гильдисена, Андрея изъ Брода, Германа брата Эремиты, Матѳея монаха изъ Збраслава (Aula Regia), въ продолженіи спора объ отпускахъ, не только вновь осудилъ 40 статей объ отпускахъ, но и по поводу послѣднихъ споровъ прибавилъ еще шесть новыхъ членовъ, содержащихъ будто бы заблужденія: «1) Кто иначе вѣритъ о Таинствахъ и о власти Церкви, нежели какъ вѣритъ объ этихъ предметахъ Римская Церковь, есть еретикъ. 2) Что въ настоящее время тотъ великій Антихристъ существуетъ и царствуетъ, который, по вѣрованію Церкви и по Св. Писанію и Св. Отцамъ, долженъ прійти въ концѣ вѣка, есть очевидное заблужденіе, какъ показываетъ то опытъ; 3) Утверждать, что постановленія Св. Отцовъ и достохвальные обряды Церкви не должны быть соблюдаемы, если не содержатся въ Св. Писаніи (въ Библіи), есть заблужденіе. 4) Что остатки и кости Святыхъ, а равно части ихъ одежды, не должны быть почитаемы вѣрными Христіанами, есть заблужденіе. 5) Что Священники не разрѣшаютъ отъ грѣховъ и не отпускаютъ грѣховъ, по обязанности совершая Таинство покаянія, но только даютъ знать, что кающійся разрѣшенъ Богомъ, есть заблужденіе. 6) Что Папа не можетъ, въ случаѣ необходимости, призвать особы Христіанъ, или требовать отъ нихъ временныхъ благъ, въ защиту престола Апостольскаго, положенія Св. Римской Церкви и города Рима, давая вѣрнымъ Христіанамъ, чистосердечно оказывающимъ помощь, искренно раскаявшимся, исповѣдавшимся и сокрушающимся, полное отпущеніе всѣхъ грѣховъ, есть заблужденіе.» Такъ какъ для Католическихъ богослововъ доступъ въ Пражскій Университетъ, гдѣ преобладали Гуситы, былъ не возможенъ, то Богословы прибѣгнули къ Пражской Думѣ, и чрезъ ея посредство просили Короля Вячеслава ученіе и распространеніе этихъ мнѣній запретить Королевскимъ повелѣніемъ, и всѣмъ тѣмъ людямъ, которые питаютъ раздоръ и смуты, однажды

навсегда запретить всенародную проповѣдь. Когда Вячеславъ явно высказалъ свое неудовольствіе на то, что нѣкоторые возстаютъ противъ Папскихъ буллъ, то Доктора надѣялись, что онъ благосклонно пріймѣтъ и ихъ просьбу, клонившуюся къ водворенію общественнаго спокойствія. Дѣйствительно, отъ 10 Іюля изъ Жебрака Король запретилъ выше упомянутыя мнѣнія подъ страхомъ изгнанія изъ Государства, но не приминулъ и Докторамъ сказать, что они должны болѣе заботиться объ опроверженіи, нежели о голословномъ запрещеніи, ученій, содержащихъ заблужденія (мы знаемъ это обѣщаніе Короля изъ отвѣта, представленнаго Докторами, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Не зависитъ отъ Магистровъ Богословія, что ничего не пишется и не написано противъ сочиненій Іоанна Гуса относительно буллъ Папскихъ, по тому что онъ, не смотря на частыя просьбы, ничего не хотѣлъ представить письменно выше писаннымъ Магистрамъ»); а на вторую половину просьбы, касавшуюся совершеннаго уничтоженія свободы проповѣди, послѣдовалъ рѣшительный отказъ Короля. Это не воспрепятствовало Гусу, въ Богословской Аудиторіи Каролинскаго Университета, открыть цѣлый рядъ состязаній, на которыхъ онъ всенародно защищалъ мнѣнія Виклифа (чтобы не прерывать наше повѣтствованіе, мы не прежде, какъ разсмотрѣвъ событія 1412 года, перейдемъ къ разбору сочиненій Гуса, до насъ дошедшихъ отъ 1412 года). Однажды Король пригласилъ Гуса и 8 его противниковъ къ себѣ, въ замокъ Жебракъ. Гусъ, въ защиту свою на обвиненіе Богослововъ, что онъ членовъ своего ученія не сообщаетъ письменно Декану Богословскаго Факультета, не смотря на частыя побужденія къ тому, отвѣчалъ, что онъ ни о чемъ тайно, но о всемъ явно, учитъ, и по тому его воззрѣнія каждому извѣстны, но что онъ, впрочемъ, готовъ свое ученіе сообщить и письменно, если только его противники, которые обвиняютъ его въ ереси, обяжутся доказать, что его мнѣнія еретическія, а въ противномъ случаѣ (т. е., если они не въ состояніи будутъ это доказать) подвергнутся тому самому наказанію, какое они ему готовили, какъ еретику, т. е., сожженію.

Такими и иными событіями расколъ въ Чешскомъ духовенствѣ усилился, и съ каждымъ днемъ ожесточеніе росло и примиреніе было не возможно. Наиболѣе ревности въ обличеніи Гуса оказывалъ прежній его другъ, Стефанъ Палечъ: не зависть, не личное чувство злобы,

управляло словами и дѣлами этого человѣка, но убѣжденія строго Католическія, соединенныя съ пользами его сословія. Ибо борьба убѣжденій есть самая злая и непримиримая, и этотъ психологическій законъ объясняетъ намъ, по чему Палечъ такъ ожесточенно преслѣдовалъ Гуса. И Гусъ и Палечъ дѣйствовали искренно, чистосердечно, каждый по своимъ убѣжденіямъ: долго шли они однимъ путемъ, и наконецъ не Гусъ оставилъ Палеча, но Палечъ съ ужасомъ оттолкнулъ отъ себя Гуса, признавъ въ немъ уже врага всей Чешской Церкви. Дѣйствуя послѣдовательно, идя шагъ за шагомъ, развивая со дня на день свои религіозныя мнѣнія, Гусъ еще не былъ въ состояніи оцѣнить всей ихъ важности, и онъ не могъ не возненавидѣть Палеча. Пренебрегши свѣтъ и его отношенія, Гусъ не щадилъ ничего польтого, что у зъв ему казалось истиною: всѣ отношенія времени, мѣста, лицъ, сословія — онъ не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, онъ дѣйствовалъ такъ, какъ бы Римская Церковь совсѣмъ не существовала, и какъ бы, на основаніи Священнаго Писанія, слѣдовало ему воздвигнуть новое вѣроученіе, или точнѣе, очистить эту Церковь отъ всего, привнесеннаго въ нее и несогласнаго съ первобытною Церковью, Апостольскою, истинно Каѳолическою, Православною. Чуждый жизни дѣйствительной, чуждый ея опыта, Гусъ не щадилъ ни кого, и по тому не могъ не оскорбиться тѣмъ, что другъ его, Палечъ, во глубинѣ души мысля съ нимъ одинаково, а дѣйствуетъ иначе, щадя, и даже, можетъ быть, любя, исключительныя права своего сословія.... Гусъ говоритъ о своемъ раздорѣ съ Палечемъ такъ: «Продажа индульгенцій и поднятіе креста противъ Христіанъ были первымъ поводомъ къ моему раздору съ Палечемъ; ибо онъ самъ сознается, если только сколько ни будь уважаетъ истину, что члены индульгенцій, которые онъ мнѣ представилъ, писанныя собственною рукою, содержатъ заблужденія самыя грубыя, и эту бумагу я доселѣ храню на память. Послѣ, посовѣтовавшись съ другимъ товарищемъ, склонился на противоположную сторону; тогда я сказалъ ему (и съ той поры я даже не говорилъ съ нимъ ни слова): «Дорогъ мнѣ Палечъ, но дорога и истина: когда приходится выбирать изъ двухъ, то святою обязанностью считаю предпочесть истину.» Станиславъ изъ Знойма, учитель и другъ Гуса, отдѣлился отъ него еще задолго

до спора объ отпускахъ, и Гусъ скоро узналъ, что въ Палечѣ и Станиславѣ нажилъ онъ величайшихъ враговъ себѣ. Прочее Пражское духовенство не предавалось покою, но всячески старалось избавиться отъ стараго обличителя своего. Видя слабость новаго Архіепископа, оно, чрезъ посредство своего Стряпчаго въ Римѣ Михаила, что изъ Нѣмецкаго Брода, * Папѣ Іоанну XXIII въ сильныхъ выраженіяхъ жаловалось на Гуса, «какъ этотъ сынъ неправды (filius iniquitatis), презирая всякую власть Церкви, уже, въ теченіи двухъ лѣтъ, находится подъ церковною клятвою, и не только не кается, но и не стыдится проповѣдывать мнѣнія еретика Виклифа, давно уже осужденныя, и не перестаетъ вооружать народъ на духовенство: недавно дерзнулъ онъ лаять (oblatrare) на Вашимъ Святѣйшествомъ объявленный Крестовый походъ и индульгенціи, съ нимъ сопряженныя, и его заразительныя сочиненія уже распространились по различнымъ странамъ Чехіи, Моравіи, Польши и Угріи, и сообщили ядъ свой многимъ Христіанскимъ душамъ. Пора Папѣ принять дѣятельное участіе въ этомъ событіи и защитить это стадо отъ хищнаго волка.» Сверхъ того убѣждали Папу Іоанна XXIII-го, во избѣжаніе духовныхъ и тѣлесныхъ опасностей въ Чехіи, многихъ Чешскихъ дворянъ, и между ними именно Вока изъ Вальдштейна, Генриха Лефля изъ Лажанъ Іоанна Садла изъ Смилкова и другихъ, которыхъ привязанность къ еретикамъ извѣстна всѣмъ, пригласить явиться лично для отвѣта предъ Римскую Курію.

Этого было довольно, чтобы вооружить Папу Іоанна XXIII противъ Гуса. Получивъ такія извѣстія изъ Чехіи, Папа немед-

* Въ послѣдствіи въ тяжбѣ Гуса онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность подъ именемъ Михаила de Causis. Современная рукопись Чешскаго Музея сообщаетъ о немъ слѣдующія подробности: «Сказанный Михаилъ былъ прежде Священникомъ у церкви Св. Войтѣха въ Новомъ Городѣ Пражскомъ. И такъ какъ онъ показалъ себя искуснымъ въ горномъ дѣлѣ (онъ былъ сынъ Нѣмецкаго рудокопа изъ Нѣмецкаго Брода), то Король Вячеславъ вручилъ ему значительное количество денегъ на исправленіе Иглавскихъ рудокопень: Оставивши свою паству и принявъ деньги, онъ долженъ былъ заняться горнымъ дѣломъ, но, не видя никакого успѣха, Михаилъ съ деньгами убѣжалъ въ Римскую Курію; съ помощью этѣхъ денегъ и иныхъ, врученныхъ ему многочисленными врагами Гуса, онъ дѣйствовалъ противъ Гуса и дѣлалъ ему всевозможный вредъ.» Михаилъ умеръ уже во время Базельскаго Собора.

ненно взялъ дѣло Гуса отъ Кардинала Бранкаса, и вручилъ его Кардиналу Петру С. Ангела, давъ ему полномочіе всѣми возможными средствами дѣйствовать противу Гуса, воспретивъ формально Стряпчимъ этого послѣдняго отправлять ихъ должность. Когда они, не внимая такому запрещенію, подали на то обжалованіе будущему Вселенскому Собору, то тѣмъ навлекли на себя гоненія: иные были заключены въ темницу, а другіе даже отлучены по настоянію Михаила de Causis, а именно: Іоаннъ изъ Есенице, который успѣлъ убраться въ Чехію. Кардиналъ Петръ обнародовалъ и повелѣлъ во всѣхъ церквахъ Праги объявить церковное отлученіе надъ Гусомъ самое страшное: «ни одинъ Христіанинъ отънынѣ не смѣлъ имѣть сообщенія съ Гусомъ. И если 20 дней спустя по обнародованіи отлученія, Гусъ будетъ по прежнему упорствовать въ своемъ ослушаніи, то во всѣхъ церквахъ въ праздничные и воскресные дни, при торжественномъ звонѣ колоколовъ и при потушеніи всѣхъ свѣчей, должно быть произнесено надъ нимъ проклятіе, и тогда уже никто, подъ угрозою подобнаго же проклятія, да не дерзнетъ дать ему пищу, питіе, или пріютъ; куда бы онъ ни пришелъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, вездѣ тотчасъ прекращается всякая служба, всякое священнодѣйствіе.» Въ иныхъ декретахъ, изданныхъ въ то же время (Іюля 1412 года), повелѣвалось вѣрующимъ «овладѣть особою Гуса и выдать его Архіепископу Пражскому, или Епископу Литомишльскому, а Виѳлеемскую часовню разрушить до основанія.»

Какъ ни непріятенъ былъ Королю Вячеславу позоръ, его же духовенствомъ и Римскимъ Папою наброшенный на его земли, однако онъ не воспротивился обнародованію грозныхъ декретовъ, и тѣмъ подалъ поводъ врагамъ Гуса къ большей смѣлости. Члены Думы Стараго Пражскаго Города были еще тогда по большинству Нѣмцы и непріязненно расположены къ Гусу и его ученію. Съ ихъ согласія, 2-го Октября, еще до обнарованія клятвы на Гуса, многіе Нѣмцы собрались и, подъ предводительствомъ Чеха, именемъ Бернарда Хотька, пошли въ Виѳлеемскую часовню, гдѣ въ то время проповѣдывалъ Гусъ, намѣреваясь разогнать слушателей, а проповѣдника захватить въ свою власть. Слушатели Гуса оказали столь сильное сопротивленіе, что на этотъ разъ Нѣмцы, оставили свои замыслы безъ исполненія. За тѣмъ въ Думѣ рѣшились привести въ исполненіе хоть ту часть повелѣнія Папы.

скаго, гдѣ Виѳлеемская церковь осуждалась на сожженіе; нѣсколько Чеховъ пристали къ этому умыслу, но попытка ихъ произвела такое волненіе, и они сами вооруженные встрѣтили со стороны не вооруженныхъ такое отчаянное сопротивленіе, что уже навсегда отказались отъ исполненія Папскаго повелѣнія. Самъ Гусъ разсказываетъ это въ одной своей Чешской проповѣди, и удивляется дерзости Нѣмцевъ: «Смотрите, говорилъ онъ между прочимъ, какъ наглы Нѣмцы: не смѣли бы безъ воли Королевской разрушить сосѣдскаго хлѣва, или печки, а тутъ дерзнули сдѣлать покушеніе на храмъ Божій!» Неуспѣхъ дѣйствительно легкомысленнаго поступка Нѣмцевъ, составлявшихъ горсть среды Чешскаго народонаселенія, не возбудилъ противъ нихъ ни какого особенно враждебнаго дѣйствія со стороны Чеховъ, а подалъ имъ только поводъ сложить нѣсколько ругательныхъ и насмѣшливыхъ пѣсенъ на Нѣмцевъ. Клятва надъ Гусомъ была обнародована, и большинство Пражскихъ Священниковъ обнаружило желаніе во всей строгости соблюдать запрещеніе, сопряженное съ клятвою: Божественное служеніе прекратилось, въ преподаваніи Таинствъ всѣмъ духовнымъ дѣтямъ паствы безъ разбора было отказываемо; мертвые оставались безъ погребенія, и все это по тому только что Гусъ былъ въ Прагѣ. Король негодовалъ, но повелѣнія его духовенству оставались безъ успѣха, и оно, на канунѣ своей гибели, vi inertiae старалось восполнить то, чего въ немъ недоставало относительно истиннаго Христіанства. Гусъ протестовалъ противъ несправедливости Папы, и подалъ на него обжалованіе Господу Іисусу Христу. Вотъ оно отъ слова до слова:

«Такъ какъ Господь Всемогущій, одинъ въ существѣ, Троичный въ лицахъ, есть первое и послѣднее угнетенныхъ прибѣжище, и Господь, соблюдающій истину во вѣкъ, правый судъ дающій терпящимъ обиду, близъ обрѣтающійся для всѣхъ, призывающихъ имя его во истинѣ, исполняющій волю боящихся его, тщательно соблюдающій всѣхъ, любящихъ его, губящій всѣхъ неисправимыхъ грѣшниковъ, и Христосъ Іисусъ, истинный Богъ и истинный человѣкъ, въ здѣшней жизни окруженный Первосвященниками, Книжниками и Фарисеями, Священниками, несправедливыми судьями и лжесвидѣтелями, предначертавъ тягчайшею и болезненнѣйшею смертью искупить отъ вѣчной гибели избранныхъ до сложенія міра сыновъ Божіихъ, таковый превосходнѣй-

шій примѣръ оставилъ своимъ послѣдователямъ въ воспоминаніе, чтобы дѣло свое Всемогущему, Всевѣдущему и Всеблагому Господу ввѣряли, говоря такъ: «Господи, посмотри на мое угнетеніе; ибо возстали противъ меня, но Ты, Господи, мой защитникъ и покровитель. Ты, Господи, указалъ мнѣ, и я узналъ, Ты открылъ мнѣ ихъ замыслы, а я, какъ смиренный агнецъ, который несется на жертву, и не зналъ, что я предметъ замысловъ, что враги мои говорятъ: «Дерево дадимъ вмѣсто хлѣба ему, исторгнемъ его изъ земли живущихъ, и имя его не помянется во вѣкъ.» Но Ты, Господи Саваоѳъ, судящій право, испытующій сердца и утробы, воззри на мня; ибо Тебѣ вручилъ я дѣло мое; ибо умножились стужающіе меня и совѣтъ составили, говоря за одно: «Богъ оставилъ его, преслѣдуемъ же и захватимъ его!» И такъ воззри, Господи, и внимай; ибо Ты мое терпѣніе. Исторгни меня изъ рукъ враговъ моихъ; Богъ мой еси Ты, не отступи отъ мене; ибо гоненіе близко, а помочь некому. Боже, Боже мой, воззри на мня, ибо ты мня покинулъ. Окружили мня псы многіе, совѣтъ нечестивыхъ окружилъ мня. Они говорили на мня слова коварныя и рѣчами ненависти изловили мня и гонили безъ моей вины. Чѣмъ болѣе любилъ я ихъ, тѣмъ болѣе они меня ненавидѣли, замыслили худое за мое доброе, и ненавистью заплатили за мою любовь.

«Вотъ я, опираясь на святѣйшій и полезнѣйшій примѣръ Искупителя, отъ тяжкаго гоненія, несправедливаго приговора и мнимаго отлученія Первосвященниковъ, Книжниковъ, Фарисеевъ и Судей, сѣдящихъ на сѣдалищѣ Моисея, подаю обжалованіе Богу, вручая ему дѣло свое, какъ Святой и Великій Патріархъ Константинопольскій, Іоаннъ Златоустый, и блаженные Епископы: Андрей Епископъ Пражскій и Робертъ Епископъ Линкольнскій, первый отъ коварнаго Собора Епископовъ и клириковъ, послѣдніе отъ Папы, къ верховному и праведнѣйшему Судіи, который не смущается робостью, подаркамъ недоступенъ, лжесвидѣтелями не вводится въ заблужденіе, неправедно обидимые смиренно и душеспасительно жаловались ему. И душевно желаю, чтобы всѣ вѣрные Христіане, особенно Князья, Вельможи, и иные обитатели нашего Королевства Чешскаго, знали и сострадали мнѣ, угнетенному такъ страшно выше названнымъ отлученіемъ, исходатайствованнымъ чрезъ посредство врага моего, Михаила де Кавзисъ, при пособіи и единомышленіи Каноников Пражской Церкви, и изреченнымъ

отъ Петра, Санкти Ангели Римской Церкви Діакона, Кардинала, избраннаго судьи Папою Іоанномъ XXIII-мъ, который почти въ теченіи двухъ лѣтъ не хотѣлъ выслушать моихъ Стряпчихъ и защитниковъ, не хотѣлъ удовлетвориться никакимъ самымъ яснымъ объясненіемъ на счетъ моей личной неявки на судъ, ни принять во уваженіе всенародное свидѣтельство Пражскаго Университета, скрѣпленное его печатью и свидѣтельствомъ многихъ достойныхъ вѣры людей.

«Отсюда ясно, что я ни сколько не подлежу позору ослушанія; ибо не изъ пренебреженія, но по достаточнымъ причинамъ, я неявился на судъ Римской Куріи, отчасти такъ какъ ковы со всѣхъ сторонъ поставлены были мнѣ на пути, отчасти такъ какъ иныя опасности сдѣлали меня осторожнѣе, отчасти такъ какъ мои Стряпчіе заблагоразсудили въ Римской Куріи обязаться подпасть сожженію какъ еретики, если только меня уличать въ ереси, съ условіемъ, что и противники мои, въ случаѣ неуспѣха, подпадаютъ той же участи, отчасти такъ какъ законнаго моего Повѣреннаго заключили въ Римѣ въ темницу безъ всякой рѣшительной вины съ его стороны.

«А такъ какъ всѣхъ древнихъ правъ, какъ божественныхъ Ветхаго и Новаго Завѣта, такъ и каноновъ, существуетъ распоряженіе, чтобы судьи посѣщали тѣ мѣста, на которыхъ совершено преступленіе, и чтобы тамъ производили слѣдствіе, ища доказательствъ, или опроверженій, преступленія отъ тѣхъ людей, которые знаютъ обвиненнаго изъ непосредственнаго съ нимъ обращенія, и которые не суть враги или недоброжетели обвиненнаго, но люди честные, не клеветники, старательные исполнители Закона Христова, наконецъ чтобы обвиненному, или позванному на судъ указано было мѣсто безопасное, и судьи не единомышленники обвинителей, то очевидно, что я, при несоблюденіи этихъ условій, необходимыхъ для безопасности жизни моей, чистъ передъ Богомъ отъ обвиненія въ неповиновеніи.

«Это обжалованіе (аппеляцію) я, Іоаннъ Гусъ, подношу Іисусу Христу, праведнѣйшему Судіи, который вѣдаетъ, покровительствуетъ и судитъ праведное дѣло каждаго челвоѣка.»

Не смотря на послѣднія слова, это обжалованіе очевидно назначалось болѣе для людей, нежели для Іисуса Христа. Это въ

нѣкоторомъ смыслѣ манифестъ Гуса къ своимъ послѣдователямъ, гдѣ онъ старается оправдать себя въ ослушаніи Церкви.

Другъ Гуса, Магистръ Янъ изъ Эсенице, написалъ и произнесъ въ собраніи членовъ Пражскаго Университета, 18-го Декабря, 1412 года, разсужденіе, имѣвшее предметомъ доказать, что ходъ судебнаго слѣдствія въ дѣлѣ Гуса противорѣчитъ всѣмъ законамъ свѣтскимъ и церковнымъ. Оно имѣетъ названіе: «Repetitio Magistri Ioannis Iessenitz, doctoris Juris Canonici pro defensione causae Magistri Ioannis Hus.»

«Такъ какъ невѣжество есть основаніе и матерь заблужденій, то оно и есть предметъ нападеній не только на Христіанскихъ, но и на языческихъ философовъ; такъ Аристотель въ своихъ «Ethica» невѣжество называетъ величайшимъ зломъ, которое если и въ міррянахъ кажется нестерпимымъ, то во сколько разъ болѣе оно невыносимо въ схоластикахъ, въ начальникахъ, особенно въ Прелатахъ и Священникахъ, которые приняли на себя обязанность учить народъ? Незнаніе Церковнаго права, которымъ, впрочемъ, они мыслятъ всѣмъ распоряжаться и править Церковью, недостойно ни извиненія, ни прощенія, такъ какъ ни одному духовному лицу не дозволено не знать Св. Писанія и Церковнаго Права, въ которыхъ особенно обнаруживается воля Божія, или дѣйствовать въ чемъ либо противно Евангелію, Пророкамъ и Апостоламъ..... Соблюдать это если спасительно для всѣхъ Христіанъ, то особенно для тѣхъ, которые пріобрѣли церковное достоинство. Ибо тотъ, кто долженъ быть повышаемъ на степень Священника, или Епископа по постановленію Карѳагенскаго Собора, на которомъ присутствовалъ Блаженный Августинъ, прежде всего долженъ быть испытанъ, благоразуменъ ли онъ, кротокъ ли, чистыхъ ли нравовъ, цѣломудренъ ли, трезвъ ли, смиренъ ли и сострадателенъ, знаетъ ли онъ хорошо законъ и церковныя постановленія и Св. Евангеліе, и съумѣетъ ли онъ учить народъ, ему ввѣренный по заповѣдямъ. Если же хотя одного изъ этихъ качествъ недостаетъ, то едва ли тотъ человѣкъ заслуживаетъ имя Священника, а сущность священническаго сана есть свыше данное краснорѣчіе и истинное познаніе Св. Каноновъ, какъ это утверждаетъ Діонисій Великій. И такъ Священники должны стараться, чтобы избѣгать незнанія Св. Писанія и Каноновъ столько же, сколько смертельной

извѣ, дабы, по своей обязанности, отправляя обязанность руководителя, не впали вмѣстѣ всѣ въ ровъ.

«Но и этого невѣжества, матери всѣ пороковъ, они не съумѣютъ избѣгнуть, если, не слѣдуя постановленіямъ Св. Отцовъ и Каноновъ, Священники, уклонившись отъ жизни обыкновенной не будутъ присутствовать ни при торжествахъ, ни на зрѣлищахъ, избѣгать удовольствій міра, избѣгать всенародныхъ бесѣдъ, искать частныхъ и не только умѣренныхъ, но и цѣломудренныхъ, пренебрегать ростами, не тратить времени на стяжанія гнусныхъ барышей, и на обманы, избѣгать любви къ деньгамъ, какъ источника всякаго зла, пренебрегать свѣтскими дѣлами и занятіями, не искать въ честолюбіи высшихъ степеней, не принимать даровъ за преподаваніе божественныхъ врачеваній, остерегаться всякихъ тайныхъ замысловъ, ненависти, зависти, поношеній и обидъ. Не дерзкіе глазами, не наглые языкомъ и поступками, пусть они соблюдаютъ мѣру во всякомъ движеніи, пусть покажутъ благонравіе и стыдливость ума, одѣваясь просто и благородно, и поступая также; избѣгая не только соблазнительныхъ движеній, но и рѣчей, убѣгая женскаго общества, пусть болѣе всего стараются сохранить цѣломудріе тѣла.» Далѣе Докторъ изъ Есенице еще глубже понимаетъ важность сана Священника и мѣсто, которое онъ могъ бы занимать въ обществѣ. «И такъ Священники должны знать Св. Писаніе и Каноны, и все дѣло ихъ да состоитъ въ проповѣди и да наставляютъ они вѣрныхъ не только въ ученіи Вѣры, но и примѣромъ дѣлъ Вѣры: при томъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ если встрѣтится какое нибудь сомнѣніе, да не откажутся принять поученіе и совѣтъ даже и отъ младшихъ. Ибо никто изъ духовныхъ, будь то самъ Епископъ, не долженъ, на основаніи своего старѣйшаго возраста и благородства происхожденія, пренебрегать поучиться чему нибудь полезному хотя бы то и отъ младшаго и неученаго, такъ какъ тотъ, кто живетъ не по закону и отказывается учиться и дѣлать добро, тѣмъ самимъ обличаетъ въ себѣ не члена Христа, но Антихриста, и болѣе невѣрующаго, нежели вѣрующаго. Но всего предшествующаго (т. е., всѣхъ предшествующихъ размышленій) недостаточно, чтобы намъ, ослѣпленнымъ и невѣждамъ, показать путь истины и справедливости, если бы не Христосъ, который и есть Божеская премудрость и Божескій законъ, своею безконечной благости и премудрости благодатью

изглаживая всякое наше невѣжество, просвѣтилъ насъ своимъ свѣтомъ. Ибо его именемъ мы приступаемъ ко всѣмъ дѣйствіямъ, и все, что дѣлаемъ на словахъ и въ дѣйствительности, все мы должны дѣлать во имя Господа нашего, Іисуса Христа, воздавая благодарность Богу нашему Отцу.

«И такъ, призвавъ имя Господа нашего, Іисуса Христа, которое спасаетъ всѣхъ вѣрующихъ которому всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, покланяется смиренно и преклонивъ колѣна, умоляю, да удостоитъ онъ настоящій трудъ, писанный и обнародованный къ опроверженію и обличенію нѣкоторыхъ лицъ грубаго и совершеннаго невѣжества священныхъ постановленій, невѣжества, которое особенно, увы! усилилось въ наши дни, къ общему удивленію, не говорю соблазну, да и я молчаніемъ не причтусь къ предателямъ истины, и говорю не отъ злобнаго духа, но, побуждаемый братскимъ состраданіемъ, да удостоитъ онъ обратить ко славѣ своего имени и процвѣтанію истиннаго Христіанства.» За тѣмъ слѣдуетъ, по обычаю того времени, составленный протестъ, коимъ сочинитель свидѣтельствуетъ, что онъ не хочетъ говорить ничего противъ Св. Матери, Апостольской Церкви, и если скажетъ, то заранѣе беретъ то назадъ, отрицается отъ тѣхъ своихъ словъ. Безъ такого протеста, котораго примѣры весьма часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ Гуса, не могло обойтись въ то время ни одно богословское сочиненіе. Далѣе Докторъ изъ Есенице старается, преслѣдуя всѣ шаги противниковъ Гуса, доказать, что они во всемъ дѣйствовали противно Канонамъ. «Первое говоритъ онъ, что церковное проклятіе не имѣетъ обязательной силы на тѣ лица, которыя предварительно не получатъ увѣщаній по одиночкѣ.» Второе предложеніе его особенно важно; ибо онъ въ немъ излагаетъ весь ходъ дѣла. «Нѣкоторые Прелаты, говоритъ онъ, подражая неопытнымъ врачамъ, которые одною мазью хотятъ лѣчить глаза всѣхъ, при первомъ случаѣ, который представляется къ расширенію ихъ вольностей и правъ, служащихъ къ удовлетворенію ихъ прихотей и страстей, готовы сыпать отлученіями въ такомъ видѣ: «Отлучаемъ NN, со всѣми его сообщниками!» форма крайне опасная, по тому что орудіе, которымъ должно пользоваться только въ крайнихъ случаяхъ, становится крайне обыкновеннымъ и служитъ ко удовлетворенію личной вражды и злобы.» Здѣсь Докторъ изъ Есенице входитъ въ частности,

которыя для насъ лишены занимательности, заимствуемъ у него его воззрѣніе на судью и на право. «Судья (judex), по V книгѣ Аристотеля «Ethicorum», есть стражъ права, или право одушевленное, которое старается осуществиться въ дѣйствіяхъ. Новѣйшіе законники называютъ судью одушевленнымъ закономъ. Отсюда и судьею названъ тотъ, кто даетъ судъ и расправу народу. А право, по словамъ законниковъ, есть искуство добраго и справедливаго (ars boni et aequi). Право это трояко рода: божественное, каноническое и гражданское или политическое. Божественнымъ правомъ называется право Богомъ и человѣкомъ, дѣломъ и словомъ Христа оправданное. Отсюда Христосъ, будучи Богомъ и человѣкомъ, самъ по себѣ есть и Господь нашъ, и Царь нашъ, и законодатель. И этотъ судья нелицепріятенъ и неизмѣненъ. А каноническое или церковное право есть право, Прелатами Церкви изданное, чтобы нарушителей закона обуздывать священными постановленіями. Это право можетъ уклоняться отъ истины, заблуждаться...... Этого права высшіе исполнители и судьи суть: Папа, Кардиналы, Патріархи, Легаты a latere; средніе же суть: Легаты, Конституты, Делегаты, Консерваторы, Аудиторы, Архіепископы, Епископы и Аббаты; нижшіе же суть: Архидіаконы, Деканы и сельскіе Священники...... А гражданское или политическое право есть право, по случаю грѣха людьми изобрѣтенное для осуществленія (оправданія) идеи Государства понудительно, что касается до благъ вещественныхъ, точно такъ, какъ право Евангельское для осуществленія идеи Царства Небеснаго въ томъ, что относится къ дѣлу благодати. Права гражанскаго верховные судьи суть: Императоры, Цари, Сенаторы города, Герцоги, Маркграфы и Графы; средніе: Ландграфы, Подесты, Бароны, и другіе Дворяне (Nobiles), какъ въ городахъ, такъ и внѣ ихъ; низшіе: присяжные Судьи, Ректоры и исполнительныя власти городовъ, селъ и деревень. Но и эти лица, какъ и предшествующія (исполнителя церковнаго права) могутъ быть названы судьями не сами по себѣ, но только по отношенію къ Богу, какъ орудія и исполнители воли его, единаго истиннаго судіи, заимствуя отъ него не только значеніе, могущество и право, но и самое существованіе и жизнь.» Какія свѣтлыя понятія о правѣ! И когда же? Въ началѣ XV вѣка! И далѣе еще читаемъ: «Изъ сказаннаго я заключаю, что опредѣленіе права, судіи даваемое обыкновенно законниками, и

Канонистами, таковы: «Правосудіе есть постоянное и твердое расположеніе (воля, voluntas), которое каждому отдаетъ то, что ему принадлежитъ (Justitia est constans et perpetua voluntas, tribuens unicuique quod suum est). Слѣдуетъ еще, что, предположивъ паденіе рода человѣческаго, необходимо было постановить законы или распоряженія человѣческія, для того, на пр. чтобы одинъ изъ павшихъ не вздумалъ изъ собственности другого присвоить столько, сколько присвоить будетъ совѣтовать ему испорченная воля. Слѣдуетъ еще: если бы весь родъ человѣческій вполнѣ соблюдалъ законъ любви (regulam charitatis), не нужно было бы постановлять и приводить въ исполненіе выше писанные законы; ибо они постановлены для нарушителей, а не для праведныхъ, которые сами себѣ законъ.» Далѣе онъ обозначаетъ различіе приговора (sententiae) отъ закона (legis). «Приговоръ есть мнѣніе частное, судъ частный о лицѣ частномъ. Законъ простирается на всѣхъ; приговоръ же имѣетъ обязательную силу въ одномъ лишь случаѣ, въ настоящее время; между тѣмъ какъ законъ имѣетъ силу на всѣ случаи, и даже на будущее время. Легисты (законники) говорятъ, что приговоръ есть мнѣніе судьи, природѣ, праву и добрымъ нравамъ не противное; по словамъ Канонистовъ, приговоръ есть опредѣленіе судебное, полагающее конецъ тяжбѣ, заключая въ себѣ осужденіе, или оправданіе. Изъ этого слѣдуетъ, что отлученіе отъ церкви и церковное проклятіе не могутъ быть названы приговоромъ (sententia) въ собственномъ смыслѣ, по тому что оно болѣе наказываетъ, нежели полагаетъ конецъ дѣлу, а по тому оно и должно быть названо наказаніе, а не приговоръ. Это соблюдается и до нынѣ въ формѣ: «Повелѣваемъ вамъ подъ страхомъ наказанія отлученіемъ,» а не подъ приговоромъ отлученія (mandamus vobis sub poena excommunicationis, et non sub sententia excommunicationis). Приговоръ бываетъ двоякаго рода: 1) неполный (interlocutoria s.), который дѣлается между началомъ и концомъ дѣла, касаясь не сущности дѣла, не самаго вопроса, но частныхъ вопросовъ, съ нимъ сопряженныхъ, или побочныхъ обстоятельствъ дѣла; 2) полный (definitiva s.), который совершенно и окончательно рѣшаетъ дѣло, исчерпывая совершенно вопросъ. Первый приговоръ не есть окончательный, и по тому обыкновенно обнародуется безъ торжественности. Но оба приговора могутъ быть произнесены только по судебномъ производствѣ дѣла. Приговоръ отлу-

ченія или проклятія есть болѣе не полный, нежели полный. Третій видъ приговора, когда дѣло такъ ясно, что не требуетъ судебнаго производства, на пр., когда виновный сознается самъ, и по тому судьѣ нечего судить, а остается только рѣшать, есть постановленіе (praeceptum). Четвертый видъ приговора есть пеня (mulcta), когда, при очевидной виновности, подсудимый заслуживаетъ наказаніе. Пеня (mulcta) существенно отличается отъ наказанія (poena), по тому что наказаніе касается самаго преступника, его личности, а пеня есть возмездіе, денежное взысканіе.

«Отлученіе (excommunicatio) есть поставленіе внѣ какого нибудь общества, отдѣленіе отъ общества и законнаго дѣйствія. А какъ общеніе многоразлично, то, наоборотъ, и отлученіе многоразлично. Должно знать только то, что отлученіе есть судебная форма, внѣ Св. Писанія найденная. И такъ какъ отлученіе не есть таинство, не есть принадлежность сословія, но судопроизводства, то не только Священники, но и міряне, властью Церкви могутъ отлучать и разрѣшать. Иное дѣло проклятіе или осужденіе на вѣчную смерть, по тому что о немъ часто говорится въ Св. Писаніи. Но нынѣ часто смѣшиваютъ и то и другое. Обыкновенно; по мнѣнію Докторовъ, отлученіе бываетъ двоякаго рода: отлученіе большее и отлученіе меньшее (excommunicatio major et exc. minor);

«Отлученіе меньшее бываетъ многоразличное. Иное, какъ говоритъ Магистръ Парижскій (Parisiensis), въ сочиненіи своемъ о Таинствахъ, которымъ можно отлучить праведнаго безъ его вины, воспрещая ему общеніе съ братьею, или принятіе Таинъ съ цѣлью, или поставить ему это повиновеніе въ заслугу, чтобы устрашить грѣшника, или по другой причинѣ; такое отлученіе налагаютъ духовники, отлучая своихъ исповѣдниковъ отъ пріобщенія Св. Таинъ. Иногда грѣшникъ самъ себя удаляетъ и отлучаетъ отъ Таинъ, сознавая себя недостойнымъ. Иное отлученіе меньшее, которое за грѣхи и проступки налагается Богомъ, человѣкомъ, или правомъ, и оно есть первое и главнѣйшее отлученіе, которое влечетъ за собою всякій смертный грѣхъ, даже тайный; оно отлучаетъ и отдаляетъ человѣка отъ общенія со Святыми и отъ участія въ судьбѣ всѣхъ боящихся Бога и соблюдающихъ его заповѣди, такъ что онъ лишается участія во всѣхъ духовныхъ благахъ, такъ что на него не простирается заслуга Христа и вспомоществующее предстательство всѣхъ Святыхъ на

небѣ и на землѣ. И такое отлученіе есть истинное вѣнюоставленіе, т. е., отъ общенія со Святыми, которое составляетъ членъ Вѣры, и оно собственно отстраняетъ отъ принятія Таинъ и дѣлаетъ человѣка передъ Богомъ не заслуживающимъ и не достойнымъ ко всѣмъ должностямъ церковнымъ и свѣтскимъ, пока онъ не будетъ разрѣшенъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Отсюда, когда Богъ, который видитъ все и тайное прозираетъ, что чей либо умъ служитъ порокамъ и страстямъ, что сердце его не ищетъ Бога и не любитъ его, но управляется или корыстолюбіемъ, или сладострастіемъ, или тщеславіемъ, или иными злыми помышленіями, то онъ таковаго предаетъ Сатанѣ. Предавая человѣка Сатанѣ, Богъ удаляется отъ его мыслей, отвращается и убѣгаетъ помышленій его злыхъ и злыми желаніями исполненныхъ, и домъ сердца его оставляетъ пустъ. Это отлученіе должно бы назвать большимъ, хотя нынѣ считается и разсматривается какъ меньшее. Иное отлученіе меньшее навлекается общеніемъ и соучастничествомъ съ отлученными въ пренебреженіи повелѣнія старшихъ, которое удаляетъ вѣрующаго не отъ общенія вѣрныхъ и отъ права преподавать Св. Тайны, но только отъ общенія Св. Таинъ, которое состоитъ въ ихъ принятіи. Исключаются имѣющіе общеніе съ отлученными по необходимости, съ цѣлью наставить ихъ на истинный путь, или участвовать въ ихъ судѣ, или по иному какому либо случаю справедливому и достаточному; ибо такіе не грѣшатъ смертно и не устраняются отъ принятія Св. Таинъ. Иной видъ меньшаго отлученія устраняетъ отъ общенія вѣрныхъ, а не отъ общенія Св. Таинъ. Подпавшие этимъ тремъ видамъ отлученія могутъ совершать Божественную службу безъ неправильности. Иной видъ меньшаго отлученія лишаетъ права не только принимать, но и преподавать, Св. Тайны: этому отлученію подпадаютъ обличенные любодѣи, корыстолюбцы, пьяницы, Симонисты и тому подобные; обѣдни, такими лицами отправляемой, не долженъ слушать никто. Они, если совершаютъ Богослуженіе, преступаютъ, и какое бы ни совершили покаяніе, никогда не должны отправлять Божественной службы, доколѣ имъ это не будетъ дозволено Апостольскимъ Престоломъ. Другой видъ отлученія — отлученіе большее, внѣшнее, церковное, которое налагается Прелатами Церкви. Этимъ отлученіемъ Прелаты объявляютъ, что виновный полагается внѣ общенія со Святыми,

что ему воспрещается общеніе съ вѣрными и принятіе Св. Таинъ. Это отлученіе не отнимаетъ добродѣтели, или справедливости и не вноситъ грѣха, такъ какъ оно имѣетъ цѣлію исцѣленіе, а не гибель, обуздываетъ, не искореняетъ. И по отношенію къ Богу или къ правдѣ, равномѣрно удаляется кто либо отъ Бога смертнымъ грѣхомъ и отлученіемъ, и подпавшій отлученію не болѣе связывается новыми тягчайшими приговорами отлученія, сколько прежде былъ связанъ первымъ произнесеннымъ отлученіемъ. Воинствующая Церковь въ наложеніи таковыхъ отлученій весьма часто заблуждается и бываетъ вводима въ заблужденіе, такъ что часто тотъ, кто чистъ предъ Богомъ, предъ Церковью подпалъ отлученію, и чистый передъ Церковью, отлученъ у Бога. Если кто либо, по неправедному суду тѣхъ, которые предсѣдательствуютъ въ Церкви, подвергается оскорбленіямъ, изгоняется вонъ, буде прежде не вышелъ самъ, т. е., если дѣйствовалъ не такъ, что заслужилъ выйти, то онъ ничего не терпитъ чрезъ то, что неправеднымъ судомъ, по видимому, изгоняется отъ людей. И такъ бываетъ, что тотъ, кто изгоняется, пребываетъ внутри, и тотъ обрѣтается внѣ, котораго усиливаются удержать внутри. Это большее отлученіе двоякаго рода: одно называется простое отлученіе, когда прелатъ въ судѣ, или индѣ, просто говоритъ, или объявляетъ, что такой-то отлученъ; другое называется анаѳема, которое произносится съ большею торжественностью Епископомъ и Священниками, его окружающими; этого-то рода отлученіе въ настоящіе дни Священники слишкомъ богохульно и нагло во зло употребляютъ.»

Предпославши эти предварительныя понятія М. изъ Есенице дѣлаетъ четыре положенія: «1) Канонами собственно называются только постановленія Вселенскихъ Соборовъ, Церковью принятыхъ; они должны быть всѣмъ извѣстны и всѣми соблюдаемы, и никто въ дѣйствіяхъ и въ судахъ церковныхъ не долженъ руководствоваться собственнымъ сужденіемъ, по ихъ важности; незнаніе грубое, конечно, ни кому не можетъ служить оправданіемъ. Ибо тотъ, будь онъ Епископъ, или клирикъ, или міррянинъ, кто не принимаетъ Канонов, ни святой Католической Вѣры, ни четырехъ Евангелій, не можетъ разумѣть надлежащимъ образомъ, и по тому причисляется къ еретикамъ. 2) Сообщеніе съ лицами отлученными двояко: одно вовлекаетъ въ большее отлученіе, если оно со-

пряжено съ преступленіемъ; второе вовлекаетъ въ меньшее отлученіе: когда кто умышленно и обдуманно имѣетъ сообщеніе съ лицомъ, отлученнымъ большимъ отлученіемъ, сообщеніе посредствомъ рѣчи, поцѣлуя, пищи и т. п.; исключаются: жена, сынъ, рабъ и т. д. 3) Приговоръ отлученія лицамъ, имѣющимъ сообщеніе съ отлученнымъ рѣчью, пищею и т. п., безъ предварительной имъ повѣстки и поименнаго упоминанія, не имѣетъ силы. Тоже строго должно быть соблюдаемо въ приговорахъ временнаго отлученія и запрещенія, которыя за такаго рода сообщничество обнародуются судьями изъ духовныхъ лицъ, именно на то назначенными. 4) Есть особенный случай, въ которомъ приговоръ отлученія по самому праву ничтоженъ: а) когда приговоръ отлученія произнесенъ послѣ законно поданнаго обжалованія; б) когда въ приговорѣ отлученія содержится невыносимое заблужденіе. И тогда говорится, что приговоръ содержитъ невыносимое заблужденіе, когда онъ содержитъ что либо въ родѣ повелѣнія или предписанія, что все въ такомъ случаѣ считается грѣхомъ; на пр., если кто либо отлученъ старшимъ за то, что давалъ милостыню бѣдному, или за то, что онъ дѣлалъ что либо само по себѣ хорошее, или за то, что онъ не хотѣлъ дѣлать чего либо, что само по себѣ худо, или не дозволено; в) когда приговоръ произнесенъ не тѣмъ судьею, которому на это принадлежитъ обыкновенно право; г) когда приговоръ произнесенъ младшими властями противъ воли старшихъ; на пр., когда Прелатъ отлучаетъ своего подвластнаго противъ привилегіи, ему принадлежащей. Изъ этого слѣдуетъ, что приговоръ отлученія, временнаго запрещенія и проклятія, сдѣланный противъ Члена, или Студента Университета нашего, Господиномъ Архіепископомъ Пражскимъ или его Намѣстниками, съ точки зрѣнія права ничтоженъ и не страшенъ, по тому что онъ состоялся противъ привилегіи изъятія Университета, въ которомъ Престолъ Апостольскій невозвратно распорядился и поставилъ, что никто изъ упомянутаго Университета, нынѣ находящійся въ немъ, ни своимъ Архіепископомъ, ни Легатомъ обыкновеннымъ, ни нарочно посланнымъ, даже въ силу грамотъ и повелѣній Апостольскаго Престола, подъ какою бы то ни было формою изданныхъ, или имѣющихъ быть впредь изданными, ни въ какихъ дѣлахъ, относительно движимаго и недвижимаго имущества, ни въ тяжбахъ, ни въ дѣлахъ гражданскихъ и

уголовныхъ, духовныхъ, или смѣшанныхъ, ни въ иныхъ дѣлахъ не можетъ, безъ собственнаго согласія, ни судимъ, ни приглашенъ на судъ, не обязывается являться къ отвѣту, или отвѣтствовать инымъ какимъ образомъ; но что всѣ вмѣстѣ и каждый по одиночкѣ Члены Университета обязываются и должны передъ Ректоромъ Университета, въ то время состоящимъ въ этой должности, отвѣтствовать передъ правомъ и Церковью и повиноваться повелѣніямъ Ректора и декретамъ честнымъ и приличнымъ; этотъ Ректоръ, будучи назначенъ судьею въ дѣлахъ, въ этомъ случаѣ выше самаго ординарія (т. е., мѣстнаго Архіепископа). Слѣдственно, никакое право судопроизводства не принадлежитъ Архіепископу надъ Студентами, въ слѣдствіе полнаго и точнаго ихъ изъятія. Слѣдственно, нѣтъ основанія вѣрить тѣмъ, которые противъ собственной присяги и грамотъ выше писанныхъ Апостольскихъ, что Студентъ можетъ подавать обжалованіе отъ Ректора Архіепископу; это совершенно несправедливо, по тому что въ этомъ случаѣ Архіепископъ есть младшій, а младшій на старшаго, даже равный на равнаго, не имѣетъ никакой власти. А какъ нѣкоторые, коварно вооружаясь противъ собственной своей матери, проповѣдуютъ, что нашъ Университетъ не изъятъ изъ вѣдомства Архіепископа, но только привилегированъ, по тому что въ рескриптѣ или буллѣ Папы, нашему Университету данной, не встрѣчается слово изъятіе. Но что можетъ быть безразсуднѣе этого реченія, когда никто, здравымъ разсудкомъ одаренный, развѣ невѣжда Священныхъ Канонов, осмѣлится отрицать, что все сословіе духовное изъято изъ свѣтскаго вѣдомства, и что отъ всѣхъ податей и налоговъ клирики, какъ божественнымъ правомъ, такъ и гражданскимъ, изъяты, а однако здѣсь нигдѣ не упоминается слово изъятіе. И если бы реченіе противниковъ было справедливо, то Университетъ нашъ и не привилегированъ, по тому что въ буллѣ слово привилегія нигдѣ не встрѣчается. Можетъ статься, не помнятъ, или и помня, коварно умалчиваютъ, хотя нѣкогда меня учили, что не вещь слову, но слово вещи подчинено, и что не слово изъ слова, но что мысль изъ мысли, должны быть извлекаемы. Ибо по большей части, обращая строгое вниманіе на слова, упускаютъ изъ виду мысль (сущность истины). Не въ словахъ, но въ смыслѣ, не въ поверхности, но въ сердцевинѣ, и въ корнѣ разума, содержится польза писаній. д) Приговоръ ничтоженъ, если въ немъ не соблюдены опре-

дѣленныя формы судопроизводства. е) Если отлученіе не должно быть произносимо и противъ соучастниковъ прежде, нежели они будутъ предостережены поименно, то и никто за будущую вину по обыкновенной формѣ (если что либо подобное сдѣлаютъ), или и за прошедшую по такой формѣ (если они въ такой-то срокъ не принесутъ полнаго удовлетворенія, не долженъ быть осуждаемъ. ж) Увѣщанія и предостереженія должны быть дѣлаемы въ назначенные сроки. з) Судья не долженъ въ одно время съ произнесеніемъ увѣщаній поименныхъ произносить и приговоръ, но долженъ дожидаться истеченія сроковъ, и это именно въ этомъ случаѣ, ради опасности душъ. и) На основаніи словъ Евангелія: «Аще въ мя согрѣшитъ братъ мой,» и пр., которыми обыкновенно оправдываютъ отлученіе, заключаемъ, что прежде отлученія должно быть троекратное увѣщаніе, за тѣмъ слѣдуетъ вина, а за виною отлученіе. Какъ никто не можетъ быть награжденъ безъ постоянства, такъ и никто не можетъ быть осужденъ безъ упрямства въ винѣ, и степень (видоизмѣненіе) отлученія должна быть сообразна степени вины. Если окончательное упрямство есть грѣхъ противъ Духа Святаго, тогда вѣчное осужденіе неминуемо послѣдуетъ. И если упрямство остается и послѣ троекратной законной повѣстки и убѣжденія любви, страха и строгости, будетъ упорствовать, то «да будетъ тебѣ язычникъ и мытарь,» т. е., невѣрный, которому, какъ отпѣтому, должно быть отказано въ общеніи вѣрующихъ и въ принятіи Таинствъ. И такъ вотъ четыре степени отлученія, котораго четвертая есть найвеличайшая. И такаго наказанія отлученія нѣтъ большаго въ Церкви. Хотя много подобнаго могло быть извлечено изъ текста и изъ толкованій, но на этотъ разъ и этого довольно. Но, опустивъ вопросы, которые здѣсь обыкновенно поднимаются Докторами, для краткости приведу только одинъ, который касается противорѣчія толкованія съ текстомъ. Текстъ говоритъ: «Обвиненные и признанные достойными отлученія должны быть убѣждены каждый порознь и отдѣльно.» Толкованіе говоритъ на это: «Достаточно общаго увѣщанія, если и приговоръ общій; если приговоры дѣлаются противъ лицъ отдѣльныхъ, то и увѣщанія дѣлаются отдѣльно.» Кардиналъ Остіи (Ostiensis) замѣчаетъ, что не стало бы пергамента для частныхъ увѣщаній, и что увѣщаніе будетъ имѣть силу, если судья предупреждаетъ и увѣщаетъ всѣхъ, принадлежащихъ къ Университету и къ Коллегіи,

по тому что общее увѣщаніе имѣетъ столько же силы къ общему отлученію, сколько частное увѣщаніе къ частному отлученію; ибо частное всегда содержится въ общемъ. Онъ еще присоединяетъ, что если, по сдѣланіи общаго увѣщанія, кто либо будетъ обвиненъ въ томъ, что имѣлъ сообщеніе (съ отлученными), не будетъ осужденъ, прежде нежели не будетъ уличенъ. Онъ (Кардиналъ Остіи) представляетъ и форму повѣстки (monitionis), въ общихъ выраженіяхъ, которая можетъ быть обращена и въ частную: «Мы отлучили Тація, который остался неисправимъ, не смотря на долговременныя ожиданія, но лѣченіе, ему предложенное, презираетъ, въ гибель души своей и въ соблазнъ многихъ; много содѣйствуетъ его упорству то, что его не убѣгаютъ. А такъ какъ изъ такаго общенія грозитъ опасность и ему и другимъ, то мы и предостерегаемъ А, Б, В, Г, чтобы они съ нимъ сообщничества и соучастничества не имѣли, но въ столько-то дней четыре выше писанныхъ лица приглашаются прервать всякое общеніе съ отлученымъ.» Едва ли справедливость требуетъ присоединить: «въ противномъ случаѣ таковыхъ отнынѣ отлучаемъ.» Докторъ изъ Есеннице доказываетъ, что Кардиналъ Остіи неправъ, и приводитъ противъ него постановленіе: «Если судья не знаетъ именъ подсудимыхъ, то долженъ отъ начальниковъ Университета, или общины, узнать ихъ имена.»

На основаніи предыдущаго можетъ быть рѣшенъ вопросъ, который до нынѣ представляетъ предметъ спора: «Грѣшитъ ли смертно тотъ, кто сознательно имѣетъ общеніе съ лицами, подпавшими большему отлученію?» Говорятъ да, и доказываютъ это такъ: имѣющій сообщеніе съ отлученнымъ достоинъ отлученія; отлучается же только подпавшій смертному грѣху. Апостолъ сказалъ: «Отнимите злаго отъ васъ самихъ!» Но имѣющій общеніе съ отлученнымъ еще не впадаетъ въ смертный грѣхъ; сообщающійся съ отлученнымъ не есть отлученный, но достойный отлученія (non sit excommunicatus, sed excommunicandus). И даже достойнымъ отлученія считается только тотъ, кто отвергъ всѣ убѣжденія; въ такомъ случаѣ онъ впадаетъ не въ смертный грѣхъ, но въ грѣхъ простительный. Доктора говорятъ, что никто не долженъ грѣшить смертельно, но скорѣе поднять на свои плеча зло въ свѣтѣ, нежели одобрить смертный грѣхъ. Страхъ потери вещественныхъ благъ не можетъ извинить, или оправдать, грѣха; ско-

рые никакой страхъ не долженъ вынудить впасть въ смертный грѣхъ. Но не подвержено сомнѣнію и Св. Церковью одобрено, что жены, сыновья, рабы, служанки, крестьяне, подчиненные и сродники (uxores, filii, servi, ancillae, rustici, servientes et familiares), должны и обязаны служить и имѣть законное обращеніе съ лицами отлученными. Слѣдственно, слѣдующее заключеніе справедливо: сообщаться съ подпавшимъ большому отлученію законно, не есть смертный грѣхъ, т. е., не впадаетъ въ смертный грѣхъ тотъ, кто сознательно имѣетъ общеніе съ лицами, подпавшими большому отлученію: иначе, Церковь, дозволяя такое общеніе для родныхъ и лицъ, близкихъ отлученному, принуждаетъ ихъ къ смертному грѣху. Еще: отлученные могутъ и обязаны являться на судъ, выбирать себѣ Стряпчихъ, дѣлать законныя оправданія, требовать документы по ихъ дѣлу и т. п. Далѣе, могутъ отлученные дѣлать завѣщанія, заключать условія о покупкѣ, продажѣ, займѣ и всякаго рода акты, которые признаются по праву имѣющими законную силу. А тотъ, кто докажетъ, что отлученіе произнесено надъ нимъ послѣ поданія съ его стороны законнаго обжалованія, допускается ко всѣмъ правамъ своего званія и къ отправленію должности. А во всѣхъ выше писанныхъ случаяхъ необходимо многимъ лицамъ имѣть общеніе съ отлученными; безразсудно и лживо было бы говорить, что всѣ такія лица подпадаютъ смертному грѣху, слѣд., выше писанное положеніе справедливо. Такое правильное положеніе допускаетъ два исключенія: 1) когда кто либо, презрѣвъ повелѣніе своего начальника, предостереженный въ отдѣльности, въ пренебреженіе церковнаго благочинія, нагло и дерзко пріобщается отлученному, особенно въ дѣлахъ Вѣры, тотъ впадаетъ въ смертный грѣхъ и достоинъ отлученія; 2) когда общеніе съ отлученнымъ заключаетъ въ себѣ соучастіе въ преступленіи. Отъ противуположнаго слѣдуетъ: есть случаи, когда имѣющій общеніе съ отлученнымъ, не только не грѣшитъ, но и дѣлаетъ заслугу. Таковы проповѣдники и иныя лица, сообщающіяся съ отлученными для того, чтобы указать имъ путь истины и исправленія; такъ Христосъ, первый законодатель, имѣлъ сообщеніе съ мытарями и язычниками и даже съ сатаною, въ высшей степени заслуживающимъ отлученіе (diabolo excommunicatissimo). Еще и Михаилъ имѣлъ сообщеніе съ діаволомъ, когда спорилъ съ нимъ о тѣлѣ Моисея.»

Это была теоретическая часть разсужденія; теперь Магистръ изъ Есенице разбираетъ дѣло Гуса и свое собственное по вышеизложеннымъ положеніямъ: «Изъ нихъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ, что судебные приговоры (processus), недавно и нынѣ объявленные нагло и дерзко противъ достопочтеннаго Магистра Іоанна Гуса, не только неосновательны и несправедливы, но даже во многихъ отношеніяхъ негодны съ точки зрѣнія права; ибо Вселенскій Соборъ, бывшій при Папѣ Иннокентіѣ Третьемъ, постановилъ, чтобы никто не подвергался отлученію иначе, какъ въ дѣлѣ правомъ и законномъ. А тѣ приговоры безспорную и явную ложь выставляютъ причиной отлученія, т. е., что будто бы Магистръ Іоаннъ Гусъ, приглашенный на судъ по повелѣнію Владыки нашего, Папы, не заблагоразсудилъ повиноваться. Ибо достовѣрно и подлинно извѣстно, что Король, Королева, Совѣтъ Короля, Чины Бароны (Barones) Королевства Чешскаго и Моравіи, также Общины Пражскихъ Городовъ, нѣсколько разъ писали и представляли обвиненія и оправданія разумныя и законныя за этого Магистра Іоанна къ Папѣ и Кардиналамъ, которыя послѣ представлены были въ публичныхъ Консисторіяхъ Стряпчими и Адвокатами общими Куріи Римской, и, какъ имѣющія законную силу, тутъ же, въ присутствіи господъ Кардиналовъ, Коммисаровъ дѣла, законнымъ порядкомъ представлены, прочтены и вписаны въ протоколъ, а въ присутствіи Г. Кардинала Франциска де Забарелла, Кардинала Флорентійскаго и Коммисара дѣла, повтверждены достойными свидѣтелями. Эти акты судья если бы разсмотрѣлъ такъ, какъ онъ долженъ былъ это сдѣлать, и, отвергнувши ложныя наушничества и дерзкую навязчивость одного безстыднаго и лживаго клеветника, разсуждалъ бы своимъ умомъ, на основаніи законовъ и каноновъ, то ни въ какомъ случаѣ не произнесъ бы выше названныхъ приговоровъ. Судебное право Коммисара должно быть заключено въ предѣлахъ права, и онъ ничего не можетъ болѣе, нежели сколько власти ему именно ввѣрено, и степени своей власти (правъ ея) не можетъ распространять, или расширять, развѣ на лица, поименованныя въ актѣ, которымъ ему ввѣряется извѣстное дѣло. Если судья нарушитъ эти правила, то приговоръ его канонически не имѣетъ никакой силы, и вопросъ считается неразрѣшеннымъ. Но кажется, что судья, издавшій такой приговоръ, имѣлъ только въ наказѣ судебное слѣдствіе противъ

Магистра Іоанна Гуса сдѣлать болѣе и болѣе затруднительнымъ. Слѣдственно, могъ ли онъ подвергнуть отлученію лица, въ его инструкціи не поименованныя, противу постановленій права и противъ рѣшеній трехъ Вселенскихъ Соборовъ, Церковью одобренныхъ и принятыхъ и Университетами объявленныхъ: «Имѣющіе сообщеніе съ Магистромъ Іоанномъ Гусомъ всѣ вмѣстѣ отлучаются отъ Церкви, подвергаются запрещенію и проклятію» (это слова приговора). А между тѣмъ никто изъ судей не можетъ отлучать отъ Церкви, проклинать и подвергать запрещенію, имѣющихъ съ отлученнымъ отъ Церкви общеніе, безъ предварительнаго увѣщанія по канонамъ, въ которомъ должны быть поименованы всѣ лица, которыхъ касается это увѣщаніе; въ противномъ случаѣ такіе приговоры по праву ничтожны. При томъ, какъ въ противность естественному праву, законовъ гражданскихъ и священныхъ каноновъ, этотъ приговоръ отлучаетъ отъ Церкви сродниковъ Магистра Іоанна Гуса, между тѣмъ какъ жены, дѣти, слуги, служанки, рабы и еще крестьяне и служащіе, по необходимости обязываются служить и находиться въ повиновеніи у своихъ отлученныхъ господъ. Сверхъ того, сказанный приговоръ требуетъ невозможнаго, чего никто, по краткости срока, исполнить не въ состояніи: «Въ теченіе 20 дней, сказано, пусть реченный Гусъ позаботится очиститься отъ отлученія противу распоряженій и постановленій права.» Гдѣ же еще, спрашиваю, уполномоченіе или поводъ въ оскорбленіе Магистра Іоанна Гуса пѣть стихи, изобрѣтенные Церковью противъ Іуды, Христова предателя? Гдѣ же основаніе поднимать святотатственно крестъ, который долженъ быть поднимаемъ только противъ Язычниковъ и Невѣрныхъ, занимающихъ Св. Землю, и враговъ Христа, также противъ еретиковъ, обличенныхъ и осужденныхъ? Какое право имѣли наши Прелаты, по закону чистые только исполнители, присоединять къ приговору осужденія постоянно злѣйшіе и злѣйшіе обвинительные члены и угрозы, между тѣмъ какъ Магистръ Іоаннъ Гусъ не уличенъ и не признанъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ? А это все они дѣлали противъ опредѣленій Вселенскихъ Соборовъ.

«Право суда, ввѣренное Коммисарамъ, имѣетъ въ себѣ что-то ненавистное, и по тому должно быть болѣе сжимаемо, нежели расширяемо. Такъ точно поступилъ нынѣшній нашъ Папа, который, имѣя приговоры Пизанскаго Собора противъ Григорія и Вене-

дикта, которыми они осуждаются и приговариваются ко всякаго рода казни, не захотѣлъ привести ихъ въ исполненіе, но, давъ достаточное ручательство и обезпеченіе, пригласилъ Григорія и Венедикта для оправданія; когда же тѣ, по упрямству, ни сами не явились, ни прислали отъ себя Стряпчихъ, то имъ снова назначены были льготные сроки, и уже по истеченіи ихъ только сдѣланъ былъ окончательный приговоръ осужденія и наказанія. Папа могъ бы поступить и иначе, но не захотѣлъ, желая вполнѣ сообразоваться съ постановленіями, отъ его предшественниковъ установленными. И не имѣетъ силы возраженіе, которымъ хотятъ обороняться незнающіе права, или злоумышленные его исполнители, которое состоитъ въ томъ, что должно повиноваться Коммисару Папы и его приговору даже въ томъ случаѣ, когда они знаютъ, что приговоръ несправедливъ. Это справедливо, но не простирается на тѣ случаи, гдѣ приговоръ явно противорѣчитъ постановленіямъ права; такіе приговоры не должны быть исполняемы, но исполнитель обязанъ обратиться къ старшему за совѣтомъ, какъ поступить. Ибо Престолъ Апостольскій охотно и терпѣливо сноситъ, если не исполняется то, что имъ произнесено на основаніи ложныхъ доносовъ, и Папа великодушно сноситъ, если его повелѣніе не исполняется по причинѣ соблазна, который оно влечетъ за собою. Даже такимъ судьямъ и исполнителямъ, противъ постановленій права и мнѣній Докторовъ дѣйствующимъ, когда они приводятъ въ исполненіе свою волю, позволено сопротивляться на дѣлѣ и силою; такъ повелѣлъ Иннокентій Папа, такъ думаютъ новѣйшіе ученые, и особенно Петръ де Анкорано, обоихъ правъ знатокъ (въ подлинникѣ: utriusque juris Monarcha), который въ настоящемъ году въ Болонскомъ Университетѣ произнесъ въ такомъ смыслѣ приговоръ. И несправедливо, будто бы повиновеніе не содержитъ въ себѣ ничего худого, какъ нѣкоторые, основываясь на немногомъ, неистово проповѣдуютъ. Но верховное повиновеніе и заслуга — не повиноваться, если старшій повелѣваетъ, или поручаетъ, привести въ исполненіе то, что Богу и священнымъ постановленіямъ противно; ибо въ такомъ случаѣ, по слову Апостола, ниже Ангелу не должно повиноваться. Въ слѣдствіе всего этого противникамъ нечего удивляться, что Магистръ Іоаннъ Гусъ, оскорбленный лично и въ особѣ своихъ Стряпчихъ, недопущенный къ оправданію и законной защитѣ, которая

ниже самому діаволу (какъ говоритъ Вельгельмъ де Монте Ландиніо) не должна быть отказана, по тому что принадлежитъ естественному праву; лишить ихъ не имѣетъ власти ни Императоръ, ни Папа, и особенно, что касается до отсутствія безопасности мѣста и пути, какъ для прямаго, такъ и для обратнаго, пути. Ибо каждый судья обязанъ назначить спорящимъ сторонамъ и ихъ свидѣтелямъ мѣсто безопасное; и если вызванный на судъ, или тяжущіяся стороны, не рѣшаются прійти къ тому мѣсту, по причинѣ враговъ, или опасности смерти, хотя бы они имѣли отъ него охранную грамоту (litteras de salvo conductu), по тому что никто не обязанъ вѣрить своимъ смертельнымъ врагамъ, и если самъ судья не можетъ достаточно обезопасить, какъ прямой, такъ и обратный, путь тяжущихся, то и вызовъ и послѣдствія его, и всѣ дѣйствія такого судьи, по самому праву, ничтожны и недѣйствительны. Отсюда канонъ: идетъ ли судебное слѣдствіе о брачномъ союзѣ, или о прелюбодѣяніи, или о иномъ какомъ либо преступленіи, то должно быть избрано мѣсто, въ которомъ нечего опасаться насилія народнаго, дабы не было затрудненія представить свидѣтелей, или иныя лица, которыя требуются какъ священными Канонами, такъ и достопочтенными Римскими Законами, смотря по сущности дѣла. Когда Императоръ Генрихъ вызвалъ на судъ Роберта, Короля Сициліи, въ городъ Пизу, въ которомъ было много у него (Роберта) враговъ и лицъ, преслѣдовавшихъ его неумолимою ненавистью и обвинявшихъ его предъ Императоромъ, то Папа произнесъ такое рѣшеніе: «Положимъ даже, что Король во всякомъ случаѣ былъ законно приглашенъ на судъ Императоромъ, долженъ ли онъ прійти къ судьѣ, окруженному воинствомъ сильнымъ, жестокимъ и ему (подсудимому) враждебнымъ? Обязанъ ли онъ былъ явиться на судъ въ мѣстѣ чрезвычайно многолюдномъ могущественномъ и неумолимою ненавистью къ нему дышавшемъ? И кто дерзнулъ бы, или на какомъ основаніи дерзнулъ бы, подчиниться рѣшенію такого судилища, явиться посреди враговъ своихъ и представить себя на смерть насильственную и жестокую, а не правосудіемъ назначенную? Право это воспрещаетъ, законъ самосохраненія противится тому; разсудокъ возстаетъ противъ него; природа осуждаетъ; и такъ несправедливо было бы думать, что этотъ вызовъ обязателенъ для вызваннаго,; ибо этотъ вызовъ сдѣланъ не только не на основаніи права, но явно про-

творѣчитъ всякому праву.» И такъ, взвѣсивъ разумомъ всѣ выше изложенныя основанія, считаемъ этотъ приговоръ совершенно ничтожнымъ и обличающимъ только дерзость его произнесшаго. Къ тому же Апостолъ Павелъ, учитель язычниковъ, еще болѣе нарушилъ положительное право и привилегіи клириковъ, когда подалъ обжалованіе Императору на несправедливыхъ Архіереевъ и даже верховнаго Первосвященника въ Іерусалимѣ. И Робертъ, Линкольнской Архіепископъ, на Курію Иннокентію IV подалъ аппелляцію судилищу Христову; по тому-то Англичане и разсказываютъ, что когда умиралъ Робертъ въ Англіи, въ Куріи Папской раздался голосъ: «Иди, несчастный, на судъ!» и что вечеромъ Папа скончался, нося на боку пятно какъ бы отъ удара остріемъ палки. Правду сказать, не вѣрю и неправдоподобно, чтобы сказанный приговоръ состоялся съ вѣдома Кардинала, и при томъ, какъ я уже замѣтилъ, противъ степени власти ему ввѣренной и противъ священныхъ каноновъ; но заподлинно по злому умыслу безстыднаго виновника чрезъ Нотарія невѣжду, подарками и полными мѣшками, какъ говорятъ, отъ жирныхъ и грязныхъ свиней Королевства Чешскаго, обольщеннаго и подкупленнаго, выдуманъ и приведенъ въ исполненіе (et jam non credo, nec est verisimile, quod dicti processus de certa scientia Domini Cardinalis sic, ut praemittitur, contra suam commissionem et sacros Canones emanassent. Sed verius ad instigationem infamis instigatoris perignarum notarium muneribus et repletis marsupiis, ut dicitur, par impinguatas et incressatas Regni Boemiae sues seductum et corruptum, conficti et confabricati). Но я знаю, и смѣю утверждать, что нарушители выше писанныхъ священныхъ каноновъ, добровольно, а не по необходимости, какъ поступили исполнители приговора, изрекаютъ хулу противъ Духа Святаго, котораго исполнены Каноны, и заслуживаютъ наказанія, какъ богохульники, и тѣмъ самымъ сами на себя налагаютъ отлученіе, запрещеніе и проклятіе. Такіе судьи и исполнители, своевольно отягчающіе приговоръ, суть люди пустые и говорятъ пустое. И смѣшно, что Пресвитеры, нарядившись въ священныя одежды, бросаютъ камни въ отлученныхъ и, какъ богохульники, поднимаютъ противъ Христіанъ крестъ. А все, что не основывается на важности Св. Писанія, не содержится въ правилахъ Соборовъ и не опирается

на обычаи всей Церкви и не имѣетъ внутренняго смысла, должно быть отсѣчено и искоренено.

«Отсюда ясно заключеніе, что судья Коммисаръ, въ силу власти, ввѣренной ему съ тѣмъ, чтобы онъ процессъ противъ Тиція довелъ до крайняго предѣла строгости, не имѣетъ права приложить церковныя цензуры, безъ предварительнаго увѣщанія каноническаго, въ которомъ подсудимые поименно должны быть исчислены. Отлученіе, воздержаніе отъ должности (suspensio) и прекращеніе Божественной службы (excommunicatio, suspensio, cessatio a divinis), обнародованныя такого рода Коммисаромъ противъ сообщниковъ, или друзей отлученнаго Тиція, сами по себѣ ничтожны. Причина та, что подъ цензурами церковными именно разумѣются три выше писанные предмета. И такъ, если кто, ища значенія этихъ словъ, не можетъ стерпѣть цензуръ, то и отлученія не можетъ снести. А если терпитъ, или сноситъ, и въ такомъ случаѣ они ничтожны, по тому что произносили не его судьи и не его пастырь, приговора котораго не чего бояться. И такъ мѣстный Архіепископъ, которому принадлежитъ изслѣдовать, судить и наказывать всякаго рода пороки и преступленія въ своей Архіепископіи, а также гибельное всѣхъ въ его Архіепископіи судей-коммисаровъ нерадѣніе и злоželательство пополнить, возстановить и исправить все дурное, имѣетъ право и долженъ къ прекращенію новизнъ и соблазновъ, выше упомянутыя судебныя слѣдствія и другія тому подобныя, по праву ничтожныя, и не принимать, и не приводить въ исполненіе, и оправдать поспѣшно обвиненныхъ, и Старшему донести о дѣлѣ, на какомъ основаніи онъ не можетъ исполнить приговоръ. При томъ толкователи и доктора замѣчаютъ, что мы можемъ дѣлать только то, что по праву или удобно, или безъ соблазна можемъ дѣлать; а ради соблазна отступаютъ иногда отъ права, особенно въ дѣлахъ, соединенныхъ съ ненавистью (in causis odiosis), когда, въ слѣдствіе сильныхъ раздоровъ, не одного человѣка опасность, но многихъ гибель содержится. Должно стараться уменьшать строгость и неумолимость права, и пусть болѣе дѣйствуютъ на подлежащихъ исправленію благосклонностью, нежели строгостью, болѣе убѣжденіемъ, нежели открытою силою, болѣе любовью, нежели властью, дабы духомъ любви и мира уничтожить поводъ къ соблазну, поношенію и угнетенію людей простыхъ; такъ говоритъ Канонъ L. Такъ по-

ступилъ нынѣшній нашъ Владыка Папа съ гражданами и общиною города Болоньи, когда они его Легата de latere, Кардинала Неапольскаго, взяли въ плѣнъ и лишили всего, замокъ Папы, построенный съ большимъ издержками, разрушили до основанія, и городъ отторгли отъ владѣній Церкви: они по Канону должны были быть отлучены, осуждены на вѣчное безславіе, лишены всѣхъ чиновъ и должностей и изгнаны изъ города, и городъ, лишенный первосвященническаго достоинства, долженъ былъ остаться подъ запрещеніемъ. Однако Папа выше упомянутыхъ наказаній той общинѣ, какъ добрый пастырь, слѣдующій не строгости права, но милосердію и кротости, во избѣжаніе будущихъ соблазновъ, молчаніемъ прешелъ, и имъ только отомстилъ. И такъ, если могущественнѣйшій Государь, ради одного города, отъ строгости права, даже отъ самого права, для укрощенія соблазна, отступилъ, и Христосъ, верховный Папа, заплатилъ подать, дабы не ввести Іудеевъ въ соблазнъ, то по чему же мѣстный Архіепископъ, оставивши безполезныя, непостоянныя и безразсудныя намѣренія, не подражаетъ своему Господину, и упомянутыя судебныя слѣдствія и приговоры, изъ за которыхъ благороднѣйшія, богатѣйшія и величайшія, Общины Королевства Чешскаго и Моравіи Пановъ, Дворянъ, городовъ, селъ и деревень, которыя стоятъ за одно съ Магистромъ Іоанномъ Гусомъ (dicto Mag. Ioh. Hus. adhaerentes), ввергаются въ соблазнъ и смущеніе и грозитъ опасность смерти людямъ низшаго званія (ac strages inferioribus timentur), не оставитъ, не отложитъ, или совсѣмъ не отвергнетъ? И по чему, донося объ этомъ Старшему, по чему онъ, какъ добрый пастырь, не взялъ мѣръ, какихъ требуетъ свойство дѣла посредствомъ права Коммисіи судебной, даннаго ему, или кому либо другому? Не знаю ни какой тому причины, повода и основанія, такъ какъ въ Королевствѣ Чешскомъ ни одного заблудшагося въ дѣлахъ Вѣры и ни одного еретика доселѣ не открыто, не найдено и не уличено, какъ это свидѣтельствуетъ приговоръ Князей и Чиновъ съ Г. Збинькомъ, блаженной памяти Архіепископомъ Пражскимъ, и съ противною стороною. Къ нему приложена была тогдо печать Владыки моего. Епископа Голомуцкаго, правителя Архіепископства Пражскаго. Къ величайшему сожалѣнію, исполненію этого примиренія воспрепятствовали зрѣлые и обдуманные планы нѣкоторыхъ Епископовъ, которые, видя опасность потерять плоть и имѣніе

и вынужденные нуждою, постоянно держались за Збинька, какъ зайцы, живущіе въ лѣсу. Но я утверждаю, что тотъ, кто одобряетъ согрѣшившихъ, и защищаетъ иного согрѣшившаго, проклятъ отъ людей и человѣковъ и заслуживаетъ строжайшаго наказанія, нежели даже тотъ, кто согрѣшилъ. Не только тѣ, которые худо поступаютъ, считаются преступниками, но и тѣ, которые одобряютъ преступленіе, и по Канону одинаковому наказанію подпадаетъ какъ согрѣшившій, такъ и одобрившій, по тому что послѣдній готовъ тоже сдѣлать, что и первый, при первомъ удобномъ случаѣ. И тотъ, кто не отражаетъ обиды отъ товарища, если можетъ, столь же грѣшитъ, какъ и тотъ, кто обижаетъ. И по тому тѣ не невинны, какъ замѣчаетъ Августинъ въ толкованіи на LXXX псаломъ, которые позволили Христа убить Первосвященникамъ, опасаясь черни, и тѣмъ не защитили ихъ отъ преступленія, а себя отъ сообщничества въ немъ: ибо тотъ, кто перестаетъ противиться, когда можетъ, грѣшитъ, по мнѣнію Августина. Однако, особенно для укрощенія ропота въ народѣ Архіепископъ пусть даетъ возможную свободу слову Божію, а не противупоставляетъ ей препятствій; такъ какъ обязанность Архіепископовъ, что когда они сами, по множеству различныхъ занятій, или по обширности своихъ Епархій, обязанности проповѣди сами исполнять не могутъ, должны имѣть годныхъ людей, могущественныхъ словомъ и дѣлами, которыхъ они и обязаны, смотря по потребности, употреблять для добросовѣстнаго сѣянія слова Божія: иначе какъ Содомъ за разрушеніе сѣмени вещественнаго, такъ мы за разрушеніе сѣмени духовнаго, можемъ подпасть уничтоженію и гибели.

«Умоляю и прошу, ради славы Божіей, спасенія народа, мира въ отечествѣ нашемъ и счастливаго приумноженія правды и истины, разсмотрите это немногое, здѣсь вкратцѣ собранное и представленное, все, что относится къ нынѣшнему дѣлу, и извлеките изъ него, что дозволено, сообразно съ справедливостью, что допускаетъ благородство и честность и чего требуетъ польза. Въ заключеніе, какъ бы то ни было, скажу вмѣстѣ съ Гамаліиломъ, защитившимъ Апостоловъ въ судилищѣ: «Отстаньте отъ людей, которыхъ вы въ злобѣ называете Виклифистами, и оставьте ихъ; ибо если сіе предпріятіе и сіе дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится; а ежели отъ Бога, то вы не можете разрушить его, а

берегитесь, чтобы вамъ не сдѣлаться и противниками Богу.» (Дѣяній гл. V, ст. 38, 39). Еще скажу: Архіепископъ можетъ и долженъ разрѣшать своихъ подчиненныхъ, которые имѣютъ быть разрѣшены Престоломъ Апостольскимъ; если они въ дѣлѣ правомъ къ Престолу Апостольскому, именно по опасности смерти имъ, на пути грозящей, не могутъ прійти; какъ приговоръ дѣлается противъ воли подсудимаго, такъ и освобожденіе можетъ быть сдѣлано противъ воли подсудимаго, какъ замѣчаютъ это учители о томъ, кто беретъ къ супружеству ту, которую прежде обезчестилъ прелюбодѣяніемъ; и если неправый приговоръ разрѣшенія связываетъ, такъ неправый приговоръ связыванія разрѣшаетъ: ибо Богъ постановилъ, что право вязанія и разрѣшенія должно быть равно. Это относится къ суду нынѣшней воинствующей Церкви, которая часто слѣдуетъ мнѣнію людскому, сама заблуждается и другихъ заблуждаетъ; иное дѣло судъ Божій, который вѣчно опирается на истинѣ и не можетъ ни заблуждаться, ни иныхъ вводить въ заблужденіе. Это случилось въ 1412 году, въ XVIII день Декабря.»

Всеобщее волненіе народа побудило наконецъ Короля просить Гуса на нѣсколько времени оставить Прагу, обѣщая ему приложить всевозможныя старанія примирить его съ духовенствомъ, и тѣмъ сократить время ссылки. Гусъ не противился волѣ Короля, и въ Декабрѣ 1412 года оставилъ Прагу, не раздѣляя, впрочемъ, надежды Короля на скорое и мирное окончаніе дѣла. О поведеніи Архіепископа Альбика въ эти трудныя времена извѣстно достовѣрно одно только то, что онъ не старался вредить Гусу и его друзьямъ; вѣроятно, пытался онъ нерѣшительными мѣрами понравиться обѣимъ сторонамъ, и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе духовенства и Папы, болѣе нежели когда либо склонныхъ насиліемъ поддержать свое вліяніе; своимъ скромнымъ, исполненнымъ лишеній, образомъ жизни Архіепископъ возбудилъ неудовольствіе своихъ подчиненныхъ, которые разсказывали о немъ глупые анекдоты, къ несчастію, пробравшіеся въ исторію, благодаря значенію Энея Сильвія. Такъ какъ онъ не имѣлъ ни склонности, а можетъ быть ни средствъ, держать пышный и многолюдный дворъ; по обычаю своихъ предшественниковъ, и окружать себя многочисленнымъ второстепеннымъ Дворянствомъ, то его и прославили скупымъ, который не даетъ пожить другимъ на своей счетъ.

Увеличившаяся затруднительность его положенія, невозможность управиться съ обстоятельствами, при необходимости угождать Королю, щадить Чешскую народную сторону и не разгнѣвать Папу, отказывая сторонѣ строго Католической въ мѣрахъ неумолимо, до жестокости строгихъ, въ которыхъ однихъ она видѣла спасеніе, все это понудило Альбика возвратиться въ частную жизнь: онъ съ Епископомъ Голомуцкимъ, Конрадомъ изъ Фехта, заключилъ сдѣлку, въ силу которой онъ уступилъ ему Архіепископство и, не дождавшись еще согласія Папы, передалъ ему управленіе всѣми владѣніями Архіепископскими; съ того времени до утвержденія Папы, Конрадъ носилъ титулъ: «Правителя и Администратора въ дѣлахъ свѣтскихъ и духовныхъ Архіепископства Пражскаго (Gubernator et Administrator in spiritualibus et temporalibus Archiepiscopatus Pragensis). Конрадъ изъ Фехта былъ родомъ Вестфалецъ; онъ всегда пользовался благорасположеніемъ Короля, при дворѣ котораго онъ занималъ должности Верховнаго Минцмейстера (Смотрителя за Монетнымъ Дворомъ) отъ 1403 по 1405 годъ, потомъ Подкоморника Земли Чешской отъ 1405 по 1412 годъ, хотя, благодаря заступничеству Короля, онъ уже съ 1395 года былъ Епископомъ Верденскимъ, а съ 1408 года Епископомъ Голомуцкимъ. Съ новымъ возвышеніемъ Конрада сопряженъ былъ промѣнъ многихъ церковныхъ бенефицій, а именно: первый Совѣтникъ и верховный Канцлеръ Королевства, Вячеславъ, Патріархъ Антіохіи, вмѣстѣ и Вышеградскій Пробстъ, получилъ Епископство Голомуцкое, и за то долженъ былъ уступить Архіепископу Альбику Вышеградское Пробство. Папа заставилъ долго ждать своего утвержденія, и не прежде 17-го Іюля, 1413 года, Конрадъ былъ формально утвержденъ въ своей новой должности. Альбикъ до самой смерти (случившейся въ 1427 году) носилъ титулъ: «Архіепископа Кесаріи и Командатора Вышеградскаго Пробства.»

Негодованіе народа, произведенное запрещеніемъ, которому подверглись Гусъ и его сообщники и удаленіемъ, Гуса изъ Праги, усилило религіозный расколъ до того, что на него обратила вниманіе и высшая правительственная власть въ Чехіи—Коллегій высшихъ сановниковъ Государства и 12 Кметовъ Земли: онъ разсуждалъ о средствахъ возстановить согласіе и миръ въ Государствѣ. Въ засѣданіяхъ предъ Рождествомъ Христовымъ 1412 года, члены этого Коллегія, по предложенію Короля, занимались рѣше-

ніемъ вопроса, какъ положить конецъ несогласіямъ, столь долго обуревающимъ Чешское духовенство, изгладить худую славу, пронесшуюся въ чужихъ земляхъ о мнимомъ еретичествѣ Чеховъ, и водворить въ Землѣ миръ и спокойствіе. Епископы: Конрадъ Голомуцкій и Іоаннъ Литомышльскій принимали участіе въ обсужденіи этого вопроса, и какъ Гусъ, такъ и его противники, представили письменно свои требованія или условія примиренія. Представленное по этому случаю Гусомъ сочиненіе, обращенное къ «Páni milí, dědicové svatého království českého,» къ крайнему сожалѣнію, доселѣ не издано; а предложенныя Докторами противной Гусу стороны находятся у историка Кохлея, откуда мы ихъ и приводимъ (pag. 29 sqq.), заимствуя у него и все изложеніе событій, которыя, разумѣется, онъ представилъ по своему. Передавая его разсказъ, мы остановились на изгнаніи Нѣмцевъ изъ Пражскаго Университета.

«Когда Гусъ съ своими сообщниками дерзко обращался съ Архіепископомъ (т. е., не повиновался ему), то его и обнесли предъ Престоломъ Апостольскимъ. Онъ, будучи вызванъ въ Римъ на судъ, не болѣе повиновался Папѣ, какъ и своему Архіепископу. И такъ Папа Александръ V написалъ къ Збиньку, Архіепископу Пражскому, чтобы онъ «властью Апостольскою, воспрепятствовалъ, кому бы то ни было, даже будь онъ снабженъ на это именною привилегіею Апостольскаго Претосла, держать къ народу проповѣди, или бесѣды, въ иныхъ церквахъ, кромѣ каѳедральныхъ (соборныхъ), коллегіальныхъ (училищныхъ), приходскихъ и монастырскихъ, или кладбищенскихъ, и чтобы не позволялъ ни одному человѣку, какого бы то ни было сословія, званія, или чина, мнѣнія Виклифа тайно, или явно, проповѣдывать, оправдывать, или доказывать.» Еще Папа поручилъ, чтобы, «избравъ четырехъ Магистровъ Богословія и двухъ Докторовъ декретовъ, по ихъ совѣту поступалъ и дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ, и чтобы онъ, всѣми возможными средствами, воспрепятствовалъ, какъ въ церквахъ, такъ и, въ училищахъ и въ другихъ мѣстахъ, обнародывать, защищать, или доказывать, выше писанныя мнѣнія Виклифа; если кто будетъ наперекоръ этому дѣйствовать долженъ быть судимъ и наказанъ какъ еретикъ, и если онъ торжественно и всенародно не откажется отъ сказанныхъ мнѣній и клятвенно не отречется отъ нихъ навсегда, и книгъ, въ которыхъ такія мнѣнія изложены, не выдастъ,

для преданія ихъ огню, то, не взирая ни на какое обжалованіе, онъ долженъ быть задержанъ, съ помощью, если то будетъ нужно, свѣтской власти.» На эту буллу Папы Александра Гусъ много жаловался и дѣлалъ много возраженій, какъ онъ самъ сказываетъ въ книгѣ, написанной: «О Церкви» (De Ecclesia, главѣ XVIII) (слѣдуетъ мѣсто, которое мы приведемъ вполнѣ ниже). Збинько, видя, что и Римскаго Первосвященника приговоры, буллы и повелѣнія, совершенно презрѣнны Іоанномъ Гусомъ и его сообщниками, и что онъ не находилъ ни малѣйшей помощи и содѣйствія въ Королѣ Вячеславѣ, отправился въ Угрію просить Сигизмунда, роднаго брата Вячеславова, Короля Угорскаго, да не потерпитъ онъ, что, по лѣности его брата, столько славнѣйшихъ храмовъ и монастырей, которыя отецъ ихъ (Карлъ IV) или воздвигъ самъ, или пріумножилъ доходами и украшеніями. Благочестивый отецъ, видѣвшись ли уже съ Королемъ Угорскимъ и силою моленій испросивши отъ него обѣщаніе помощи (какъ утверждаетъ Эней), или еще не видавшись съ нимъ (какъ нѣкоторые Чехи утверждаютъ), находясь въ городѣ Пресбургѣ, сильно укрѣпленномъ городѣ, лежащемъ при Дунаѣ, на перепутьи тѣхъ, которые изъ Австріи и Моравіи ѣдутъ въ Угрію, угнетаемый скорбью, скончался. О немъ такъ говоритъ Чехъ Стефанъ Палечъ, въ своемъ сочиненіи противъ Гуса: «Достопочтеннѣйшій отецъ, Владыка Архіепископъ, покойный Збинько, святому поборая дѣлу, налегая на истребленіе зла, особенно проистекшаго отъ ядовитой главы зла, Виклифа, и его святотатственныхъ ученій, въ слѣдствіе ослушанія и пренебреженія Магистра Іоанна Гуса, былъ презираемъ и сдѣлался притчей въ народѣ» (et paene fabula in populo).» И дѣйствительно, онъ былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ своихъ противниковъ, которые особенно издѣвались надъ его невѣжественностью; ибо онъ былъ болѣе искусный полководецъ, нежели образованный пастырь и учитель Церкви.» Студенты Пражскаго Университета сложили даже о немъ такую пѣсню:

«Zajíc biskup abeceda
Spálil knihy, a ne věda,
Co jest v nich napsano,» и т. д., въ такомъ же

родѣ. Онъ, достопочтенный отецъ, лѣтами хотя и довольно молодой, но нравовъ честностью сѣдовласый и важный, подражая

примѣру Господа и Владыки своего, Іисуса Христа, который, уступая соблазнамъ вѣроломныхъ Іудеевъ, вышелъ изъ храма и скрылся, не отъ вины и не отъ боязни бѣжалъ, но выжидая времени для дѣйствованія: такъ и онъ, любезнѣйшій отецъ, свыше предостереженный, сообразно обстоятельствамъ, уступая неистовству гонителей, удрученный, но не подавленный, скорбью, вѣдая, что страхъ иногда на время можетъ одолѣть и самаго твердаго мужа, но никогда не уличенный въ томъ, въ чемъ обвиняла его сторона Виклифа, но скорѣе совершеннымъ побѣдителемъ вышелъ изъ храма и на малое время скрылся. Оставивъ первосвященническую каѳедру своего Епископства, вышелъ изъ Земли Чешской и своей собственной Епархіи и, ставъ путникомъ, прошелъ Землю Моравскую, чтобы прійти въ Угрію, для посѣщенія Свѣтлѣйшаго Государя ея, Короля Сигизмунда, и прежде нежели могъ съ нимъ увидѣться, посѣщенный свыше божественнымъ промышленіемъ, да пріиметъ награду наилучшаго воздаянія за свои подвиги, отрѣшившись отъ плоти, изгнанный изъ своей: но что я говорю своей? временной и невѣрной своей Епархіи, перешелъ въ вѣчное отечество, для полученія своей части въ наслѣдіе, вѣчнаго блаженства, и, оставивъ нерѣшеннымъ дѣло Св. Матери Церкви, вручилъ духъ свой Господу. Не будучи въ состояніи живой побѣдить своихъ противниковъ, мертвый, какъ побѣдитель, онъ отнесенъ въ столицу своей Епархіи, и надѣемся на Бога твердо, что и конецъ этого дѣла подтвердитъ это (т. е., что Збинько вышелъ побѣдителемъ).» Вотъ что говоритъ о Збинькѣ тотъ Чешскій писатель. По смерти Папы Александра V, наслѣдовалъ ему Папа Іоаннъ XXIII Онъ, находясь на Вселенскомъ Соборѣ въ Пизѣ, написалъ строгую буллу, которую и разослалъ по Чехіи и Моравіи; въ ней, послѣ многаго, читаемъ слѣдующее: «да изъ среды Церкви это гибельнѣйшее и отвратительнѣйшее ученіе Виклифа (perniciosissima et spurcissima doctrina Iohannis Wicleffi) совершенно исторгнется, повелѣваемъ мѣстнымъ духовнымъ лицамъ книги, разсужденія и сочиненія такого рода всѣми средствами, находящимися во власти Церкви, даже наказаніемъ за покровительство еретиковъ, тщательно изыскивать и найденные сожигать всенародно огнемъ. Если же явится кто либо нарушителемъ, или ослушникомъ, этого приговора, запрещенія, опредѣленія и повелѣнія, опредѣляемъ, съ одобренія Вселенскаго

Собора, дѣйствовать противъ него, какъ противъ человѣка, подозрѣваемаго въ дѣлахъ Вѣры. Сверхъ того мы, на основаніи вышеписаннаго значенія (т. е., Вселенскаго Собора), повелѣваемъ всѣмъ и каждому, кто вздумаетъ защищать память реченнаго Виклифа, чтобы онъ, въ теченіи слѣдующихъ мѣсяцевъ, которые мы назначаемъ первымъ, вторымъ и рѣшительнымъ, срокомъ, явился лично предъ Апостольскимъ Престоломъ и предъ нами, или предъ нашимъ преемникомъ, канонически избраннымъ, говорить и приводить какія угодно доказательства, что Іоаннъ Виклифъ, уже отъ земли взятый, неправедно осужденъ, какъ еретикъ. Дана булла сія въ VI день Генваря, въ лѣто Господа 1413. Читана и обнародована Гобертомъ.» Но эта булла не только не могла отвратить Гуситовъ отъ однажды принятаго ими ученія, но они даже сдѣлали къ ней ругательныя примѣчанія. На примѣръ, гдѣ Папа говоритъ: «на Вселенскомъ Соборѣ» они замѣчаютъ: «на закоулочномъ Соборѣ, гдѣ не Католики Прелаты отъ всѣхъ странъ міра, но не многіе монахи, зараженные Симоніею, изъ того же Рима находились, явные враги закона Божественнаго и истины.» А на слова: «творенія Виклифа» они сдѣлали такое примѣчаніе: «между тѣмъ какъ Декреталіи (decretales Epistolae), сочиненные для честолюбія и тщеславія Папы и Кардиналовъ, объясняются и соблюдаются, законъ Божественный заброшенъ въ уголъ.» На слова: «заблужденіе» они дѣлаютъ замѣчаніе: «такъ-то имъ угодно называть; но доселѣ, не смотря на частыя приглашенія, не могли во всѣхъ книгахъ Виклифа опровергнуть ни одного положенія.» На слова: «многіе еретическіе догматы,» они спрашиваютъ: «гдѣ они? Говори смѣло, наименуй ихъ и укажи, Папа! Въ противномъ случаѣ ты самъ надъ собою изрекаешь приговоръ осужденія.» Папа позаботился и объ томъ, чтобы Христіаннѣйшій Король Франціи и Университетъ Пражскій, съ своей стороны, написали къ Чехамъ, упрашивая ихъ смиренно оставить ересь Виклифскую, что можно видѣть изъ очень длиннаго посланія, которое Іоаннъ Герсонъ написалъ къ Архіепископу Пражскому; оно такъ начинается: «Достопочтеннѣйшему во Христѣ Отцу и Владыкѣ, Пресвѣтлѣйшему Владыкѣ NN Архіепископу Пражскому и Легату Апостольскаго Престола и проч., Іоаннъ, Канцлеръ и Деканъ Священнаго Богословскаго Факультета Университета Парижскаго, благодать и миръ и сверхъ того особенное радѣніе къ тому, что ка-

сается спасенія души.» И послѣ многаго Герсонъ говоритъ: «Вотъ, обдумывая болѣе и болѣе, нахожу: доселѣ обрѣтаются ереси, исторгнутыя отъ поля церковнаго различными путями, какъ многоразличною косою; находятся и сперва исторгнутыя косою, или острымъ серпомъ чудесъ, свидѣтельствующихъ свыше объ истинѣ Католической Церкви и того времени Апостоловъ; находятся ереси, въ послѣдствіи исторгнутыя косою разсужденія и доказательства учителями Церкви; находятся и такія, которыя исторгнуты косою Священныхъ Соборовъ, при пособіи Императоровъ, когда дѣйствія отдѣльныхъ учителей Церкви были недостаточны. Наконецъ, въ слѣдствіе крайней опасности и сильной язвы, присоединилась помощь свѣтской власти, которая уничтожаетъ ересь, вмѣстѣ съ ея виновниками, посылая ихъ въ огонь, съ тою благою цѣлью, да таковая строгость и снисходительная (такъ сказать) жестокость (misericordis crudelitas) воспрепятствуетъ яду ереси, какъ яду рака (болѣзни), распространиться, на гибель собственную и гибель другихъ. И признакомъ великаго благодѣянія можно считать—заблаговременно не позволять грѣшникамъ дѣйствовать по благоусмотрѣнію, но немедленно подвергать ихъ наказанію; ибо, по словамъ Августина, «нѣтъ ничего тягостнѣе благополучія злыхъ.» Да почерпнетъ же изъ этихъ и подобныхъ совѣтовъ Ваше Высокопреосвященство, что должно дѣлать въ настоящемъ случаѣ. Ибо если лжеучители у васъ, сѣятели ересей, ищутъ чудесъ, то пусть знаютъ, что ихъ уже довольно совершено и уже время ихъ прошло. И неприлично было бы требовать, чтобы нынѣ обязанностью Бога было укрѣплять чудесами Вѣру нашу, какъ будто новую: имѣютъ уже они не одного Моисея и Пророковъ, но и Апостоловъ и древнихъ учителей со священными Соборами; имѣютъ и новыхъ учителей собранныхъ въ Университетахъ и, особенно, въ, истинной матери наукъ, Университетѣ Парижскомъ, который до нынѣ былъ свободенъ отъ чудовища ереси и, съ Божіею помощью, будетъ свободенъ во вѣкъ. Обладая всѣмъ этимъ, да вѣруютъ ему. А съ другой стороны, не будетъ никогда конца состязаніямъ съ людьми, вооруженными упрямымъ рвеніемъ и опирающимися на собственное благоразуміе. Но даже излишнее состязаніе словами, какъ говоритъ Сенека, губитъ истину, развращаетъ народъ, уничтожаетъ истинную любовь, и такая дерзость людей упрямыхъ соотвѣтствуетъ словамъ поэта: «лѣча,

увеличиваетъ боль» (aegrescit medendo). И такъ, если ни одно изъ выше писанныхъ средствъ не оказываетъ дѣйствія, то остается только къ корню безплоднаго, даже проклятаго, дерева приложить сѣкиру свѣтской власти; прибѣгнуть къ ея помощи вамъ прилично по многимъ обстоятельствамъ и необходимо для спасенія всѣхъ, вамъ ввѣренныхъ.» И къ концу говоритъ Герсонъ: «Наконецъ, чтобъ доказать, какою живою ревностью Вѣры дышетъ даже противъ своихъ Христіаннѣйшій Король Франціи и Университетъ Парижскій, его любезнѣйшая дочь, чѣмъ мы справедливо гордимся о Господѣ, пересылаемъ вамъ открытые листы (litterae patentes), данные Королемъ и Университетомъ. Да сохранитъ В. П. высшій пастырь душъ, истинный сѣятель, который да будетъ благословенъ во вѣки! Писано въ Парижѣ, 27-го Мая, въ навечеріе Пятидесятницы, за собственноручнымъ подписаніемъ и печатью Канцлера Университета Парижскаго Іоанна изъ Герсана (Iohanne de Gersana).» Кромѣ того самъ Папа Іоаннъ послалъ къ Корорю Вячеславу письмо въ сильныхъ выраженіяхъ, но исполненное дружества; его начало таково: «Іоаннъ Епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, Любезнѣйшему во Христѣ сыну, Вячеславу, Королю Римлянъ и Чехіи знаменитому, спасеніе и Апостольское благословеніе. Среди прочихъ обѣтовъ сердца нашего намъ, которые, хотя и недостойные, на землѣ занимаемъ мѣсто Царя миролюбиваго на небесахъ, то обстоятельство особенно содѣйствовало къ нашему утѣшенію и радости, что между твоимъ Величествомъ и Любезнѣйшимъ во Христѣ сыномъ, Сигизмундомъ, избраннымъ въ Короли Римлянъ и Королемъ Угріи славнымъ, твоимъ же роднымъ братомъ, какъ мы услышали, возымѣлъ мѣсто договоръ братскаго дружества и пріязни (которою растутъ и малыя царства, а враждою и великія уничтожаются)». И далѣе Папа продолжаетъ такъ: «Если выше писанное исполняетъ духъ нашъ особенною радостью, то часто дурные слухи достигаютъ нашего слуха и возмущаютъ глубоко умъ и сердце наше. Мы соболѣзнуемъ, что въ областяхъ, твоей Царской власти подчиненныхъ, находятся люди, которые придерживаются и распространяютъ, заблужденіе, давно уже умершаго ересеначальника, Іоанна Виклифа. Его сочиненія многое такого рода содержатъ уклоняющееся и заблуждающееся отъ Православной Вѣры, и на всеобщемъ Римскомъ Соборѣ, уже давно подверглись справедли-

вому приговору осужденія. А что всего хуже, то это то, что есть люди, которые такого рода заблужденія, презирая повелѣнія Апостольскаго Престола и своихъ начальниковъ, явно проповѣдуютъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ неповиновеніе, презрѣніе власти и какихъ бы то ни было повелѣній Церкви, къ униженію достоинства Апостольскаго и къ явному пренебреженію постановленій Св. Отецъ и священныхъ каноновъ.» И далѣе: «Величество твое, милосердіемъ Господа нашего, сколько имѣемъ силъ, заклинаемъ, и будемъ заклинать, чтобы ты, для славы Божественнаго имени, для сохраненія и защиты Православной Вѣры (для которой защиты ты не усумнись употребить всѣ твои силы), для сохраненія твоего Царскаго имени, состоянія и чести, для счастливаго и спасительнаго управленія твоими Царствами, заблагоразсудилъ (какъ мы надѣемся во глубинѣ сердца нашего и пытаемъ твердую надежду) воздвигнуть всѣ силы твоего Царскаго могущества и дѣятельно употребить ихъ такъ, какъ прилично Православному Католическому Государю, чтобы эта ядовитая язва заблужденій, которая, къ величайшему нашему прискорбію и с оболѣзнованію распространилась въ тѣхъ мѣстахъ и умы смертныхъ заражаетъ на гибель душъ и устраняетъ отъ общенія чистѣйшей Католической истины и вѣры, истребилась въ самомъ скоромъ времени, и проч. Дано въ Болоньи. Иды Іюльскіе, Первосвященства нашего въ лѣто пятое.» Гусъ и его соучастники презрѣли все это: предъ людьми благомыслящими они старались оправдаться предлогомъ отлученія, а предъ народомъ воздавали обвиненіями за обвиненія, настоятельно и неутомимо жалуясь во всѣхъ проповѣдяхъ, что Папа и Архіепископъ противятся распространенію слова Божіяго и проповѣди Христова Евангелія; что они, посредствомъ индульгенцій и иныхъ выдумокъ Римской Куріи и Епископской Консисторіи, домогаются своихъ личныхъ выгодъ, а не славы Іисусъ Христовой; что, не переставая брать отъ овецъ Христовыхъ шерсть и молоко, не пасутъ ихъ ни словомъ Божьимъ, ни примѣромъ богоугодной жизни; учили народъ, что повелѣніямъ Папы и Прелатовъ повиноваться не должно, если они не слѣдуютъ примѣру жизни Христа и его Апостоловъ; утверждали, что міряне имѣютъ такое же право обсуживать дѣла своихъ начальниковъ, какое имѣлъ Апостолъ Павелъ, исправляя ошибку согрѣшившаго Апостола Петра, какъ видно изъ посланія къ Га-

латомъ главы второй; учили извѣстнымъ условіямъ, при которыхъ должно повиноваться, и при которыхъ не должно повиноваться Прелатамъ. Кромѣ того, они неуважительно отзывались о правѣ суда Папскаго по причинѣ раскола, тогда раздѣлявшаго Церковь, когда состязались между собою о Папствѣ три лица, которыя всѣ низложены въ послѣдствіи на Костницкомъ Соборѣ. «Нынѣ (такъ они говорили) Вальтазаръ де Косса, называющійся Іоаннъ XXIII, находится въ Римѣ, Анджело Корраріо, подъ именемъ Григорія XII, въ Аримино, и Петръ де Луна, названный Бенедиктъ XIII, въ Аррагоніи. По чему же одинъ изъ нихъ, называемый Святѣйшимъ Отцомъ, отъ полноты своей власти не понудитъ прочихъ съ ихъ послѣдователями подчиниться его судебному рѣшенію?» Такія и подобныя укоризны они очень часто расточали въ народъ, отъ чего и произошло, что народъ, имъ внимавшій, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на судебныя слѣдствія и приговоры, изданные противъ нихъ Папою. А ученыхъ, не принадлежавшихъ къ ихъ сторонѣ, они занимали остроумными и разнообразными состязаніями, въ которыхъ пальма учености и краснорѣчія оставалась за ними, а не за ихъ противниками. Въ доказательство этого я приведу примѣръ изъ одной старинной рукописи, гдѣ находится публичный актъ, писанный Гусомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Во имя Господне. Аминь. Въ годъ отъ Его рождества 1412, Индикта пятаго, въ третій день мѣсяца Марта, около третьяго часу, въ Первосвященство Святѣйшаго во Христѣ Отца и Владыки нашего, Владыки Іоанна, Божіимъ промышленіемъ Папы XXIII, въ лѣто второе, въ большемъ Пражскомъ городѣ, въ часовнѣ Св. Мучениковъ, нынѣ называемой Виѳлеемъ, въ покоѣ удобнаго жилища почтеннаго и ученаго мужа, господина Магистра Іоанна изъ Гусинецъ, Священнаго Богословія дѣйствительнаго Баккалавра, изящныхъ искуствъ Магистра и проповѣдника выше упомянутой часовни, въ моемъ, Нотарія публичнаго ниже писаннаго и свидѣтелей нижеписанныхъ, присутствіи, на этотъ именно случай прошенныхъ и призванныхъ, явившись лично Іоаннъ изъ Гусинецъ, нѣкоторое писаніе, на папирѣ содержащееся, объясненіе нѣсколькихъ сомнѣній въ себѣ заключающее, держа въ рукахъ своихъ, мнѣ, Нотарію и честному мужу, Андрею изъ Мыслиборжицъ, Голомуцкой Епархіи клирику, Члену Университета Праж-

скаго, передалъ и вручилъ. Эту рукопись выше реченный Андрей просилъ меня, Нотарія публичнаго ниже писаннаго, переписать отъ слова до слова для того, чтобы большую вѣру имѣли къ этой рукописи. Все содержаніе ея отъ слова до слова слѣдуетъ и есть таково: Такъ какъ полезно сомнѣвающемуся подавать совѣтъ, чтобы онъ, отложивъ сомнѣніе, могъ съ пользою держаться истины, то и должно вопрошающему разрѣшить три сомнѣнія: по первому сомнѣнію было вопрошено: «Должно ли вѣровать въ Папу?» Второе сомнѣніе: «Возможно ли спастись человѣку, который внѣшнимъ образомъ не исповѣдуется Священнику?» Третье сомнѣніе «Естьли кто либо изъ Учителей и Отцовъ Церкви, который полагаетъ и утверждаетъ, что нѣкоторые изъ людей Фараоновыхъ, потонувшихъ въ морѣ Чермномъ, и изъ Содомитовъ, пожранныхъ пламенемъ, спасены?» На первое отвѣчаю: Нѣтъ, не должно, основываясь на словахъ достопочтеннаго Беды, который, объясняя слова Апостола: «Credite autem in eum, qui justificat impium,» такъ говоритъ: «Иное дѣло вѣровать въ Бога, иное вѣровать Богу, иное вѣровать Бога (aliud est credere in Deum, aliud credere Deo, aliud credere Deum).» На второе сомнѣніе отвѣчаетъ Магистръ Сентенцій, которому на этотъ разъ послѣдуетъ вся Церковь (in quarto distinct. XVII, cap. XI), а онъ говоритъ: «Какъ же на этотъ счетъ должно думать и вѣрить? Конечно, такъ, что безъ исповѣди устной и безъ внѣшней епитиміи, грѣхи уничтожаются смиреніемъ и раскаяніемъ сердечнымъ.» На третье сомнѣніе отвѣчаетъ Іеронимъ, въ объясненіи Наума Пророка, говорящій такъ: «Богъ родъ человѣческій потопомъ Содомитовъ огнемъ, Египтянъ моремъ, Израильтянъ странствованіемъ въ пустынѣ, наказалъ. Разумѣйте же, что Богъ временно наказалъ ихъ за грѣхи, чтобы не наказать вѣчно; ибо Богъ не пересуживаетъ своихъ суровъ (quia non judicat Deus bis in id ipsum).» Наказанные прежде, они уже свободны отъ наказанія; иначе Св. Писаніе себѣ противорѣчитъ, чего не лѣть сказать.» Въ то время еще не было изобрѣтено типографское искуство, которымъ книги могутъ вдругъ, въ большомъ числѣ экземпляровъ, являться и расходиться въ народѣ; тогда Гусъ нашелъ другое средство къ распространенію и умноженію своихъ сочиненій.

Когда Архіепископъ Сбинѣкъ умеръ въ Пресбургѣ, какъ сказано было выше, на его мѣстѣ является нѣкто Альбикъ родомъ Чехъ, но художествомъ Врачъ и отъявленный скряга

какъ говорятъ нѣкоторые. И точно, существуетъ его какое-то Медицинское изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «De regimine hominis,» которое начинается такъ: «Лѣкарства въ разныхъ случаяхъ употребляются различныя, и особенно въ параличѣ видоизмѣняются сообразно сложенію человѣка.» Подъ нимъ именно подписано: «Архіепископъ Пражскій, художествомъ Врачъ, онъ же и Докторъ и Магистръ обоихъ правъ.» Но такъ какъ въ лѣтописяхъ Чешскихъ нѣтъ ничего о его дѣйствіяхъ, то и думаю, что онъ отверженъ былъ Капитуломъ Пражскимъ, а обязанъ Архіепископствомъ только благорасположенію Короля Сигизмунда (котораго онъ былъ Врачемъ). Но чтобы первопрестольная Пражская Церковь, лишенная законнаго главы, не оказалась совершенною сиротою, то отъ Престола Апостольскаго данъ ей Администраторомъ Конрадъ, Епископъ Голомуцкій. Онъ потребовалъ отъ Богословскаго Факультета Пражскаго Университета списокъ того проекта, который они поднесли покойному Архіепископу Пражскому, въ отвѣтъ на его предложеніе, указать на средства, могущія, по ихъ мнѣнію, содѣйствовать прекращенію настоящихъ бѣдствій, раздоровъ духовенства, волненій народа, различныхъ соблазновъ и ересей, которыя заражаютъ умы и вѣру народа, и возстановить совершенное спокойствіе. Вотъ этотъ проектъ: «Предложеніе Богословскаго Факультета Университета Пражскаго. Первое. Пусть всѣ Доктора и Магистры Пражскаго Университета соберутся во дворъ Г. Архіепископа Пражскаго, и пусть, въ присутствіи самаго Архіепископа и высшихъ сановниковъ духовенства (praelatorum), каждый изъ Докторовъ и Магистровъ обяжется клятвою, что онъ не держится, и впредь не будетъ держаться, и не будетъ проповѣдывать, ни одного изъ тѣхъ 45 еретическихъ мнѣній, которыя уже давно осуждены Церковью и изъ за которыхъ особенно Чехія навлекла себѣ худую славу.

«Чтобы касательно семи Таинствъ Церкви, касательно ея власти связывать, разрѣшать и наказывать, касательно обычаевъ, обрядовъ, церемоній, правъ, вольностей и священныхъ вещей, принадлежащихъ Церкви, обязался каждый клятвенно, что вѣритъ, и расположенъ вѣрить, такъ, какъ вѣритъ Римская Церковь, а не иначе, та Римская Церковь, которой глава есть Папа, а коллегій Кардиналовъ образуетъ тѣло, такъ какъ и Папа и Кардиналы суть, по сану своему и по должности, единственные истинные и

дѣйствительные преемники блаженнаго Апостола Петра, главы Апостоловъ и коллегіи другихъ Апостоловъ Христа.

«Чтобы каждый изъ выше писанныхъ (т. е., Доктора и Магистры), во всякомъ вопросѣ, касающемся предмета Католическаго и церковнаго, обязался клятвенно довольствоваться опредѣленіемъ и рѣшеніемъ Престола Апостольскаго и Римской Церкви и повиноваться Прелатамъ во всемъ, гдѣ не предписывается дѣлать явное зло, и воздержаться отъ явнаго добра, но и во всемъ среднемъ, т. е., ни добромъ, ни худомъ безотносительно, но что, сообразно условіямъ дѣйствія, времени, мѣста и лицъ, можетъ быть тѣмъ, или другимъ.

«Чтобы каждый клятвенно обязался, что мнѣнія Виклифа и иныхъ относительно Семи Таинствъ Церкви и другихъ выше упомянутыхъ предметовъ, противныя вѣрованію всей Римской Церкви, суть ложныя.

«Пусть всѣмъ лицамъ зависящимъ отъ Университета, подъ страхомъ, въ случаѣ ослушанія, наказанія, какое влечетъ за собою клятвопреступленіе, и подъ страхомъ церковнаго отлученія, проклятія и изгнанія изъ отечества, объявлено будетъ: да не дерзаетъ никто изъ нихъ принимать, учить, или распространять, которое либо изъ 45 мнѣній, или всякое другое, противное вѣрованію Церкви во всемъ что касается области ея власти, а особенно во всемъ, что касается Семи Таинствъ и другихъ, выше исчисленныхъ статей, но да каждый, въ этомъ случаѣ и во всѣхъ прочихъ, проповѣдуетъ вѣрованіе Римской Церкви. Вотъ эту мѣру мы предлагаемъ особенно, какъ имѣющую немало содѣйствовать очищенію Университета и положить конецъ ложнымъ слухамъ объ ереси Докторовъ и Магистровъ Пражскаго Университета.

«Пусть Г. Архіепископъ пріиметъ необходимыя мѣры обнародовать на своихъ частныхъ соборахъ и чрезъ проповѣдниковъ распространить въ народѣ, да никто, будь онъ клирикъ, или міррянинъ, не дерзаетъ держаться, проповѣдывать, или распространять, которое либо изъ 45 осужденныхъ мнѣній Виклифа, но да вѣруетъ онъ согласно съ Римскою Церковью во всемъ, что касается предметовъ Вѣры.

«Если кто либо, будетъ ли то студентъ, клирикъ или міррянинъ, осмѣлится въ чемъ либо воспротивиться выше сдѣланнымъ распоряженіямъ, то мѣстный Архіепископъ да имѣетъ не

ограниченную власть, пріобщивши себѣ своихъ помощниковъ и Докторовъ Богословія, исправить таковаго, если онъ будетъ обличенъ и признанъ виновнымъ такъ, какъ повелѣваютъ право и каноны, что водилось искони. И да никто никакимъ способомъ не дерзаетъ защищать таковаго. Ибо никому съ большимъ правомъ не принадлежитъ исправленіе такихъ заблудшихъ, какъ мѣстному Архіепископу: на то онъ и Архіепископъ и Канцлеръ Пражскаго Университета. А этой статьи намъ кажется достаточно чтобы застращать каждаго порознь, и чтобы никто впредь не смѣлъ проповѣдывать и учить народъ изъ собственной головы, какъ это мы видѣли до сихъ поръ, да не прійдетъ отечество въ большее безславіе и въ тягчайшія бѣдствія.

«Пусть будетъ снова запрещено пѣніе въ гостинницахъ, на площадяхъ и гдѣ бы то ни было, пѣсенъ ненавистныхъ, соблазнительныхъ и оскорбительныхъ для личности многихъ; ихъ уже воспрещали неоднократно, но пусть воспретятъ еще разъ по повелѣнію Государя Короля и Членовъ Городскаго Совѣта (scabinorum), подъ страхомъ такого наказанія, какое покажется найболѣе дѣйствительнымъ.

«Пусть Магистръ Іоаннъ Гусъ перестанетъ проповѣдывать, доколѣ не получитъ разрѣшенія отъ Апостольскаго Двора; пусть не препятствуетъ своимъ пребываніемъ въ Прагѣ отправленію въ ней Божественной службы, да хоть въ этомъ маломъ покажетъ свою готовность повиноваться распоряженіямъ Апостольскаго Престола. Этихъ двухъ статей, намъ кажется, будетъ достаточно для поддержанія спокойствія здѣсь, въ городѣ, и въ духовенствѣ.

«Вотъ предложеніе, которое мы, по совѣсти и по крайнему своему убѣжденію, считаемъ дѣйствительнымъ и найболѣе пригоднымъ для возстановленія мира въ Королевствѣ Чешскомъ, искорененія зла и устраненія отъ его чести худыхъ слуховъ. Если кто либо сдѣлаетъ предложеніе для этой цѣли болѣе дѣйствительное, то пусть его приведутъ въ исполненіе, и мы первые пристанемъ къ нему. Но Богословскій Факультетъ и Магистры никогда не могутъ согласиться на средства, которыя они признаютъ неудовлетворительными для искорененія зла и худыхъ слѣдствій, и ни въ какомъ случаѣ они не могутъ принять на себѣ отвѣтственности за имѣющія быть послѣдствія—въ глазахъ Государя Короля, Чиновъ Королевства и всѣхъ людей Королевства. Это предложеніе состоитъ въ слѣдующемъ:

«Если Магистръ Гусъ и его соучастники съ нимъ вмѣстѣ захотятъ исполнить первыя, предложенныя нами, условія, то мы готовы исполнить ихъ желаніе, и вездѣ, гдѣ сочтемъ нужнымъ, готовы исповѣдывать, что мы во всемъ одинаковаго съ ними мнѣнія. Но если они не захотятъ этого сдѣлать, то мы въ случаѣ, если бы и исполнили ихъ желаніе, солгали бы самымъ тяжкимъ образомъ Государю нашему и всему міру. И мы готовы въ первомъ случаѣ писать за нихъ ко Двору Апостольскому такъ, какъ мы сочтемъ за лучшее.

«Изъ выше сказаннаго явствуетъ, что для возстановленія мира, не за нами дѣло стало, но за нашими противниками, по тому что они не хотятъ согласиться на столь разумныя и естественныя условія. Разсмотрѣвъ ихъ, каждый, кто только имѣетъ здравый смыслъ, согласится, что въ нихъ не ищемъ мы ни нашихъ выгодъ, ни смущенія нашихъ противниковъ, но только славы Божіей, чести Государя Короля и его Королевства. По тому что мы не устраняемъ сами себя отъ исполненія ихъ, а, напротивъ, первые готовы ихъ исполнить. А наши противники, упорно не соглашаясь на нихъ, сами навлекаютъ на себя подозрѣніе относительно чистоты своей вѣры.»

Эти предложенія, считая наиболѣе пригодными и дѣйствительными, упомянутый Администраторъ поднесъ Королю и Чинамъ Королевства, а также и Пражскому Городскому Совѣту. Услыхавъ о томъ, Гусъ и его послѣдователи тоже сами составили нѣсколько предложеній въ видѣ проекта, которыя слѣдующаго содержанія: «Предложенія, сдѣланныя со стороны Гуса и его послѣдователей и поднесенныя Собору духовенства въ день Св. Дороѳеи въ 1413 году.

«Для славы Божіей и для свободы проповѣди Евангельской, для благосостоянія народа и для устраненія ложной и ненавистной клеветы на Королевство Чешское, Маркграфство Моравское, городъ Прагу и на нашъ Университетъ, для возстановленія единѣ, Членахъ Университененія и мира въ духовенства и народѣ, считаемъ необходимыми слѣдующія мѣры: Первое, пусть утвердятъ снова опредѣленіе Господъ и Членовъ Королевскаго Совѣта, произнесенное ими, какъ посредниками въ спорѣ, между блаженной памяти, Архіепископомъ Сбинькомъ съ одной стороны, и между Ректоромъ, Магистрами Пражскаго Университета и Магистромъ Іоанномъ Гусомъ съ другой, утвержденное печа-

тями, а обѣими тяжущимися сторонами торжественно одобренное и принятое въ присутствіи Двора Е. К. Величества.

«Пусть Королевство Чешское пользуется правами, вольностями и обычаями, какими пользуются и другія Королевства и края наши довольствуются, во всѣхъ вопросахъ, приговорахъ и другихъ актахъ, касающихся святой общей матери, Церкви.

«Пусть Магистръ Іоаннъ Гусъ, котораго Владыка Сбинѣкъ не могъ упрекнуть ни однимъ заблужденіемъ, явится лично на Соборъ Духовенства, и пусть тамъ каждый, кто желаетъ его упрекнуть ересью, или заблужденіемъ, явится и обличаетъ его, обязуясь, впрочемъ, если не докажетъ своего обвиненія, къ наказанію возмездія.

«Если и тогда никто не захочетъ явиться, то пусть по всѣмъ городамъ Королевства издастся указъ Короля въ такомъ смыслѣ, а равно пусть и всѣмъ приходскимъ Священникамъ предписано будетъ обнародовать, что Магистръ Іоаннъ Гусъ готовъ каждому дать отчетъ въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ. Итакъ, если кто либо имѣетъ его упрекнуть въ заблужденіи, или въ ереси, то пусть въ Канцеляріи Архіепископа запишетъ свое имя, и потомъ всенародно явится на состязаніе съ противною стороною.

«Буде же не найдется никого, кто захотѣлъ бы упрекнуть Гуса въ ереси, то да призовутъ на судъ тѣхъ, которые донесли къ Двору Папы, яко бы въ Королевствѣ Чешскомъ, Маркграфствѣ Моравскомъ и городѣ Пражскомъ, сердца многихъ заражены ересью, или заблужденіемъ, и да потребуютъ съ нихъ отвѣта гдѣ же эти многіе, да наименуютъ ихъ, да докажутъ свое обвиненіе, или, если не докажутъ, то да подвергнутся справедливому наказанію.

«Пусть обратятся къ Докторамъ Богословія и Каноническаго Права и къ Капитуламъ Канониковъ, и да потребуютъ отъ нихъ, всѣхъ вмѣстѣ и отъ каждаго порознь, да наименуютъ еретиками питающаго заблужденія, если они знаютъ таковыхъ. Но если скажутъ: «Не вѣдаемъ,» то пусть засвидѣтельствуютъ эти свои слова публичнымъ актомъ, въ присутствіи Нотарія, и приложатъ къ нему свои печати.

«По совершеніи всего этого, пусть Государь Король и Архіепископъ прикажутъ, подъ страхомъ наказанія, чтобы никто не клеветалъ на другого въ ереси и въ заблужденіи, а если знаетъ за кѣмъ то, или другое, то пусть докажетъ, какъ слѣдуетъ.

«Государь Король, по соглашенію съ Чинами, возьметъ отъ ду-

ховенства сборъ и субсидію и пошлетъ честное посольство ко Двору Апостольскому; и тѣ, которые лживо возложили на свое отечество тяжкое обвиненіе предъ Престоломъ Апостольскимъ, пусть отправятся туда на собственный счетъ, для принесенія надлежащаго оправданія.

«Пусть не налагается, въ противность обычаю и опредѣленіямъ Святой Матери, Церкви, запрещеніе между прочимъ (interdictum interim), какое недавно было наложено.»

Эти предложенія Администраторъ тотчасъ переслалъ къ Епископу Лютомишльскому, мужу опытному и умному, прося его, внимательно просмотря условія, предложенныя съ той и другой стороны, сказать и свое рѣшеніе, какъ должно поступить въ обстоятельствахъ столь затруднительныхъ и опасныхъ. Епископъ, исполнивъ порученіе, написалъ слѣдующее, какъ предложенія съ своей стороны:

«Предложенія, сдѣланныя со стороны Д. О. Епископа Лютомишльскаго Д. О. Епископу Голомуцкому, Администратору Пражской Церкви и Легату Апостольскаго Престола (того самаго, сказано на поляхъ книги, что на Костницкомъ Соборѣ, на XIII засѣданіи, гдѣ было изречено осужденіе ереси о причастіи подъ обоими видами, служилъ обѣдню).

«Преосвященнѣйшій Отецъ, Государь и другъ любезнѣйшій Я просмотрѣлъ нѣсколько разъ предложенія Магистровъ Богословскаго Факультета и Магистра Іоанна Гуса о средствахъ устранить худую молву о нашемъ отечествѣ. Зная настоящія обстоятельства я считаю за нужное прежде всего посовѣтовать вамъ слѣдующее: Прежде всего я имѣю вамъ сказать, что совершенно соглашаюсь съ мнѣніемъ Богословскаго Факультета и хвалю его; но того же не могу сказать о предложеніяхъ Магистра Гуса, и думаю, что при искорененіи худой молвы о Королевствѣ и объ его частяхъ, нужно принять въ основу совѣтъ Магистровъ Богословскаго Факультета, присоединивъ къ нему еще слѣдующее: «1. Пусть будетъ избранъ Вице-Канцлеръ Университета Пражскаго съ правомъ исключительнымъ изслѣдывать и исправлять ложныя мнѣнія Магистровъ и Студентовъ Пражскихъ. Это положитъ конецъ распространенію зла, и я приписываю его именно недостатку такого лица и опасаюсь очень за будущее, если не исполнятъ моего предложенія.

«2. Я полагаю, что несогласія во мнѣніяхъ, обнаружившіяся въ Членахъ Университета, не имѣли бы никакого дѣйствія на народъ, если бы не всенародныя проповѣди нѣкоторыхъ, безъ которыхъ народъ и не узналъ бы о существованіи такихъ несогласій. По тому я и считаю совершенно необходимымъ совсѣмъ воспретить проповѣдь Іоанну Гусу и его соучастникамъ; такъ какъ ихъ-то проповѣди и положили начало и основу худой молвѣ извнѣ и несогласію во мнѣніяхъ внутри страны. Вѣдь Апостолъ говоритъ: «Какъ они будутъ проповѣдывать, коли они на то посланы? Но они скажутъ, что они посланы; въ такомъ случаѣ ихъ отзываемъ назадъ за худыя дѣйствія.» По тому и совѣтую Гуса съ его участниками непремѣнно удалить отъ мѣста Виѳлеемъ, да не проповѣдуетъ тамъ, какъ волкъ, уча народъ не любви, которая должна слѣдовать изъ проповѣди Св. Писанія, но несогласіямъ во мнѣніяхъ. А Богъ не Богъ несогласій, но мира. Апостолъ такъ учитъ высшихъ сановниковъ Церкви: «Наблюдайте за собою и за всѣмъ стадомъ надъ которымъ васъ Духъ Святый поставилъ Епископами, править церковь Бога, которую онъ стяжалъ своею кровью. Вѣдаю, что, по моемъ отшествіи, проникнутъ волки хищные, которые не пощадятъ стада, и что изъ среди васъ самихъ явятся люди, которые будутъ говорить ложь и привлекать къ себѣ учениковъ» (Дѣяній глава XX). Объ этихъ-то волкахъ говоритъ Спаситель въ Евангеліи отъ Матѳея глава XII: «Берегитесь лжепророковъ, что приходятъ къ вамъ въ одеждахъ овчихъ, а внутри суть хищные волки. Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ.» Такъ какъ плодъ есть то, для чего существуетъ дерево, такъ плодъ истинной проповѣди есть не иной, какъ распространеніе любви къ Богу и къ ближнему, такъ какъ и Христосъ сказалъ: «на этомъ висятъ весь законъ и пророки.» Плодъ духа есть любовь, а плодъ плоти суть несогласія, вражды и проч. (Посланіе къ Галатомъ, глава V). Отсюда и Спаситель говоритъ: «а внутри», т. е., въ расположеніи мыслей и сердца, они уподобляются волкамъ» (Іоанна глава X): Волкъ похищаетъ и разгоняетъ стадо. Таковы и они, имѣющіе цѣлью отвлекать стадо отъ истинныхъ пастырей. Что жь мы были бы за пастыри Церкви, если бы не употребили всѣхъ нашихъ силъ, чтобы защитить наше стадо отъ грабителей? А иначе они навлекутъ на себя проклятіе Спасителя, такъ какъ «наемникъ видитъ волка, и бѣжитъ.»

«Такъ какъ любовь къ Богу и ближнему основана на пови-

новеніи, по слову Христа: «Кто васъ слушаетъ, меня слушаетъ,» то и опредѣленія Апостольскаго Двора, касающіяся Гуса и его сообщниковъ, да будутъ исполнены во всей ихъ силѣ: сами же они немедленно и безотлагательно да будутъ устранены отъ общенія съ вѣрными, дабы вѣрующіе не сочли еще плевелы ихъ заблужденій за пшеницу.

«Такъ какъ главнымъ проводникомъ ихъ заблужденій и плевелъ въ народѣ они употребили книги, писанныя на Чешскомъ языкѣ, ими же изданныя и сочиненныя, то совѣтую такія книги предать проклятію и тѣхъ, которые ихъ держать и читають. Это я считаю однимъ изъ самыхъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ, которыя могутъ содѣйствовать прекращенію ереси внутри и возстановленію доброй славы нашего отечества извнѣ. Вотъ что я счелъ нужнымъ прибавить къ предложеніямъ Богословскаго Факультета, хотя все это считаю совершенно безполезнымъ, если не приступить тотчасъ къ исполненію. Прочее, что касается до предложеній Докторовъ Богословскаго Факультета, я устрою съ вами во время личнаго свиданія. Теперь я намѣренъ вкратцѣ отвѣчать на предложенія, сдѣланныя Гусомъ и его стороною «(см. ихъ у Пельцеля, Urkundenbuch u. s. w.).»

У Пельцеля, въ его «Urkundenbuch» стоитъ, подъ этимъ годомъ, безъ болѣе подробнаго означенія времени, посланіе Короля Чешскаго Вячеслава къ Папѣ, которое не извѣстно когда написано, такъ что сомнѣваемся, не прежде ли оно сочинено и отослано къ Папѣ, чѣмъ это второе письмо, отправленное съ Папскими Нунціями. Въ письмѣ къ Папѣ, сохранившемся у Пельцеля (№ CCXXI), Вячеславъ говоритъ, что его главнѣйшимъ попеченіемъ постоянно было оставаться вѣрнымъ Папскому Римскому Престолу, отъ котораго ничто не могло его оторвать (здѣсь намекается на расколъ, еще длившійся на Католическомъ Западѣ). Теперь онъ униженно проситъ у Папы обуздать излишнюю ревность Пражскаго Архіепископа: «ex qua, пишетъ Король, tanto turbamur peramplius, quanto etiam per hoc dedecus Regni nostri diebus istis augmentari videmus.» Въ слѣдствіе всего этого Король требуетъ отъ Папы: «ut a nobis concepta discedat turbatio, temeritas Archiepiscopi inconsulta subjaceat, nostrorum fidelium indebita cesset uexatio uotaque in effectum optatum perueniant, apud eundem Dominum velitis interponere partes uestra.» Королева, Верховный Бургграфъ Лачекъ въ Краваржъ,

Дума Стараго Города и многіе вельможи присоединили къ требованію Короля свои усильныя просьбы и представленія относительно свободы проповѣдыванія, которая, при тогдашнихъ отношеніяхъ и тогдашней степени духовнаго развитія Чешскаго народа, равнялась совершенно, по значенію своему, свободѣ мысли нашего времени. Сочиненія Виклифа подали поводъ къ новой распри: разныя лица снесли ихъ къ Архіепископу для того, чтобы тотъ разсмотрѣлъ, содержатъ ли они дѣйствительно еретическія мнѣнія, или нѣтъ; но Архіепископъ и Каноники не только не читали всѣхъ этѣхъ книгъ, но и считали великимъ и полезнымъ дѣломъ сжечь ихъ, безъ всякаго дальнѣйшаго суда и расправы. Владѣтели книгъ требовали ихъ обратно, или хотѣли вознагражденія: Архіепископъ отвергъ это справедливое требованіе, и упорствовалъ въ своемъ увѣреніи, что ему удастся рѣшительными мѣрами сломить сопротивленіе народа. Вячеславъ которому и противники его не отказывали въ живомъ чувствѣ справедливости, не могъ не видѣть утѣсненія своихъ подданныхъ и, удовлетворяя ихъ жалобамъ, приказалъ Архіепископу вознаградить владѣтелей сожженныхъ книгъ, но Архіепископъ, отказалъ на отрѣзъ, и заставилъ тѣмъ Короля прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе чувствительнымъ для духовенства: онъ поручилъ извѣстнымъ гонителямъ духовенства Рачку Кобылѣ и Воку изъ Вальдштейна, силою собирать деньги, на удовлетвореніе притязаній лицъ, потерпѣвшихъ чрезъ сожженіе книгъ Виклифа, съ тѣхъ Канониковъ, Аббатовъ и другихъ духовныхъ особъ, которые присовѣтовали Архіепископу пагубное сожженіе книгъ Виклифа. Дѣло, конечно, обошлось не безъ великихъ насилій, показавшихъ еще яснѣе непріязненное расположеніе къ духовенству народа и свѣтскихъ властей: нѣкоторые изъ духовныхъ были посажены въ темницу, у другихъ отобраны всѣ доходы (Pelzel's Urkundenbuch № CCXXII). Рачекъ Кобыла и Вальдштейнъ брали дорогія вещи церковныя, а самихъ Священниковъ изгоняли; Дума Стараго Пражскаго Города, но не извѣстно, почему, заслужила со стороны Архіепископа отлученіе отъ Церкви. Пельцель относитъ сюда нѣкоторые насилственные поступки Іеронима Пражскаго, о которыхъ, впрочемъ, мы поговоримъ въ послѣдствіи. Обжалованіе (аппелляція), поданное Университетомъ Пражскимъ Іоанну XXIII, было принято въ Римской Куріи, и дѣло его ввѣрено четыремъ Коммисарамъ-Кардина-

латъ, которые, созвавъ всѣхъ Докторовъ Богословія, находившихся въ Болоньи, дали имъ на разсмотрѣніе сочиненія Виклифа. Большая часть ихъ рѣшила, что книгъ его не должно было сожигать, но, впрочемъ, дальнѣйшихъ слѣдствій этой тяжбѣ дано не было. Палацкій говоритъ, что Архіепископъ Сбинѣкъ отправилъ посольство къ Папѣ Іоанну XXIII, представляя Гуса виновникомъ всѣхъ Чешскихъ безпокойствъ, и по тому убѣдительно просилъ Папу вызвать его на судъ въ Римъ. Самъ Гусъ, въ «Narratio de actis in Romana Curia,» говоритъ, что просьбу эту Папѣ представилъ не одинъ Архіепископъ, но «quidam aemuli,» слѣдственно, тѣ же духовные, которые, во что бы то ни стало, искали погубить Гуса: для этого необходимо было поставить Гуса въ такое положеніе, чтобы онъ явился ослушникомъ самаго Папы. Духовенство, т. е., Каноники и Богословы Пражскаго Университета, очень хорошо знали, и даже, можетъ быть, слышали отъ самаго Гуса, что ему не возможно покинуть Чехію, и по тому они, чтобы вмѣстѣ и избавиться отъ карательныхъ проповѣдей Гуса, и погубить его, если можно, требовали у Бальтазара Коссы, украшавшаго тогда Папскій Престолъ добродѣтелями, трижды достойными висѣлицы, чтобы онъ вызвалъ Гуса въ Римскую Курію. Достойный Папа, по Теодорику изъ Нима, бывшій пиратъ, поручилъ было Гуса Кардиналу Оттону Колоннѣ, который, конечно, не могъ произнести рѣшенія, Гусу благопріятнаго, имѣя только предъ собою обвиненія его злѣйшихъ враговъ. И дѣйствительно, уже 25 Августа, 1410 г., Оттонъ Колонна подтвердилъ всю процедуру Архіепископа Сбинька, и потребовалъ Гуса явиться лично къ Папѣ для отвѣта на обвиненія. Упорство неслыханное со стороны Папы, который уступчивостью только держался на престолѣ; непреклонность его предъ всѣми просьбами Короля, Королевы и всего Чешскаго Королевства, ясно показываетъ, что Іоаннъ XXIII понималъ всю важность Чешскаго религіознаго движенія для отношеній духовныхъ, и что онъ рѣшился также, во что бы то ни стало, погубить Гуса, думая, что онъ главный виновникъ движенія, которое потомъ легко уже будетъ усмирить. Съ этой точки зрѣнія понятно становится все поведеніе Папы Іоанны XXIII. Коварный и хитрый, одаренный умомъ проницательнымъ и гибкимъ, Папа Іоаннъ XXIII соединился за одно съ Чешскими духовными, и съ тѣхъ поръ, тайно и явно, шелъ къ поддержанію

духовной власти въ Чехіи, со всѣми ея притязаніями, уклончиво избѣгалъ посредничества Вячеслава IV, опасаясь его раздражить явнымъ сопротивленіемъ его волѣ. Онъ прекрасно понялъ свое отношеніе къ Чешскому религіозному движенію въ качествѣ Папы, и съ тѣхъ поръ всѣ его дѣйствія были оному враждебны. Онъ очень хорошо видѣлъ, что дѣло идетъ не о сожженіи книгъ Виклифа но о томъ, должно ли Папство и, слѣдственно, Католичество, во всемъ объемѣ власти, пріобрѣтенной въ минуту малолѣтства народовъ, устоять, или же должно уступить и начать свое обратное шествіе къ ничтожеству. Въ концѣ XIV стол Католичество достигло высшей степени своего внѣшняго могущества: то, о чемъ не смѣли думать ни Григорій VII, ни Иннокентій III, совершалось теперь во очію всѣхъ: никогда притязанія духовенства не высказывались съ такою наглостью, съ такимъ презрѣніемъ правъ человѣчества и истиннаго Христіянства. Злоупотребленія были таковы, что во многихъ народахъ, въ одно и то же время, появилось мнѣніе, что уже настали времена послѣднія, времена кончины вѣка. Тройчность Папъ уже одна, если бы не было другихъ доказательствѣ, показываетъ, что самое начало Іерархіи глубоко проникло въ жизнь народовъ: если бы въ наше время появилось сто Папъ въ одно и то же время, то кто обратилъ бы на это вниманіе, и гдѣ эти Папы нашли бы себѣ хотя одного послѣдователя? При томъ, если и для насъ, какъ человѣка отдѣльно взятаго, всякое иго нравственное и матеріяльное становится именно тогда тяжкимъ, когда мы уже чувствуемъ въ себѣ довольно развитія и силъ для самостоятельной дѣятельности, то весь гнетъ Папства былъ именно тогда невыносимъ, когда въ народахъ созрѣла необходимость развитія своихъ народныхъ силъ. Въ началѣ XV вѣка Католичество, въ лицѣ Папства, навсегда отслужило свою всемірно историческую роль; съ тѣхъ поръ Папство стало одною обременительною силою, стало представителемъ отсталаго стремленія; но что прошло, прошло невозвратно, и если бы весь Западъ обратился въ Ультрамонтановъ, человѣчество имѣетъ другихъ представителей, которые теперь только выступаютъ на сцену и поведутъ его впередъ. Іоаннъ XXIII понималъ власть Папскую во всемъ ея противозаконномъ объемѣ, и по тому питалъ къ Гусу, какъ представителю развившихся новыхъ народныхъ потребностей, ненависть тайную, но глубокую.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

БЫВШАГО ПОЛКОВАГО СВЯЩЕННИКА,

МАГИСТРА ГЕНРИХА СЕДЕРБЕРГА,

ЗАМѢТКИ

О

РЕЛИГІИ И НРАВАХЪ РУССКАГО НАРОДА ВО РЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ЕГО ВЪ РОССІИ

съ

1709 по 1718 годъ.

(По рукописи, до сихъ поръ нигдѣ не изданной. Христіянстадъ 1836).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ШВЕДСКАГО

А. А. ЧУМИКОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эти замѣтки, сохраненныя правнукомъ контрактнаго Пробста Седерберга, издаются, какъ принадлежность исторіи, которая должна быть безпристрастна и свободна отъ утайки и ненависти. Онѣ представляютъ Русскій народъ въ томъ видѣ, какимъ онъ тогда былъ. Тѣмъ болѣе радости для человѣчества, если нынѣшнее состояніе этого народа можетъ быть представлено въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, если только ложный лоскъ и роскошь между нимъ не вытѣснили похвальное религіозное рвеніе предковъ и первоначальную Азіятскую степенность (серьозность). Не смотря на то, что это сочиненіе часто касается предметовъ, которые могутъ показаться нѣсколько смѣшными, сочинитель не имѣлъ намѣренія осмѣивать ихъ, такъ какъ они большею частью относятся къ религіознымъ обычаямъ и порядкамъ, которые, не взирая на прикрывающую ихъ таинственность, все таки сохраняются въ святости истинновѣрующимъ, тѣмъ болѣе, что всякій мыслящій человѣкъ пойметъ, что жизнь, особенно будущая, не можетъ быть изображена иначе, какъ посредствомъ символовъ. Сочинитель, родившійся въ Стокгольмѣ, по чему онъ иногда подписывался „Holmia Svecus,“ былъ взятъ въ плѣнъ въ то же самое время, какъ и Графъ Пиперъ, при Полтавѣ, въ битвѣ, имѣвшей столь важныя послѣдствія для всей Европы. Графъ Пиперъ, чтобъ избѣгнуть (по крайней мѣрѣ, на время) варварскихъ рукъ, принужденъ былъ направиться прямо къ выше упомянутому городу. Сочинитель вышелъ невредимъ изъ сраженія, хотя былъ такъ близокъ къ опасности быть убитымъ, или раненымъ, что часть его кафтана была оторвана выстрѣломъ; онъ былъ въ послѣдствіи хорошо принятъ во многихъ найболѣе важныхъ домахъ въ Москвѣ, гдѣ пользовались его познаніями для обученія. По возвращеніи онъ былъ назначенъ Главнымъ Пасторомъ въ Карлсгамнѣ и

Асарумѣ. Провидѣніе низпослало ему, замѣчательную по красотѣ и добротѣ, жену, Гедвигу Вельсгюйсенъ (Hedvig Wellshuysen), родомъ изъ Христіянстада, которой портретъ, также какъ и его собственный, находится въ ризницѣ церкви. У нихъ былъ сынъ, въ послѣдствіи купецъ въ Гданскѣ, и четыре дочери... Его печать, гравированная въ Москвѣ, изображаетъ сердце, окруженное терновымъ вѣнкомъ, вокругъ котораго слова: „Съ удовольствіемъ,“ а надъ ними буквы: „H. S.“ Большой дубовый домъ его, находящійся у рынка въ Карлсгамнѣ, долго, по смерти его жены, былъ необитаемъ, но наконецъ купленъ, около 40 лѣтъ тому назадъ, обществомъ, и часть онаго была устроена подъ училище, съ достаточнымъ числомъ, какъ классныхъ, такъ и жилыхъ, комнатъ для трехъ учителей. Послѣ него осталась проповѣдь, которую онъ говорилъ въ Москвѣ, по случаю плѣна Графа Пипера съ товарищами, и потомъ подробнѣе разработана имъ въ Воронежѣ, также библіотека изъ книгъ, собранныхъ за границей, относящихся почти ко всѣмъ человѣческимъ знаніямъ.

I. Г. С.

ЗАМѢТКИ

О

РЕЛИГІИ И НРАВАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

ГЛАВА I.

О Религіи Русскихъ и ихъ обращеніи въ Христіянскую Вѣру.

Русскіе хвалятся тѣмъ, что Апостолъ Андрей, братъ Симона-Петра, тогда положилъ начало ихъ Вѣры, когда онъ изъ Греціи, чрезъ Понтъ Евксинскій или Черный, перешедши устье Борисѳена, явился въ Кіевъ, тогдашнюю столицу Руси, и проповѣдывалъ, обращалъ, крестилъ и научилъ всю Русь осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. Оттуда онъ отправился въ Новгородское Княжество, гдѣ также проповѣдывалъ; потомъ перешелъ черезъ Левантское море въ Римъ, далѣе въ Пелопонисъ, теперешнюю Морею, гдѣ онъ былъ распятъ при Королѣ Аго или Св. Эго.

Новгородскія лѣтописи отрицаютъ это и приписываютъ свое обращеніе Св. Антонію, который, переплывъ черезъ Левантъ на жерновѣ, вышелъ на берегъ въ Новгородѣ, гдѣ теперь построенъ близъ того камня монастырь. Этотъ камень еще и теперь, крѣпко оберегаемый монахами, показывается и дается лобызать богомольцамъ, приходящимъ туда огромными толпами.

Очевидно, что все это вымыселъ. Впрочемъ, въ первые вѣка Роксоланы или Московиты, оставаясь еще какъ бы въ варварскомъ состояніи, безъ всякаго научнаго образованія, не умѣли ни читать, ни писать, а еще менѣе сочинять книги и исторіи. Но, по мѣрѣ того, какъ знакомились съ грамотой, они начали издавать подобнаго рода сказанія (саги) подъ названіемъ лѣтописей.

До Княгини Ольги (Ola) и правленія ея сына, Владимира (Wolodimirь), Русскіе поклонялись кумирамъ: Перуну (Pioroini), Стрибѣ (Stribi), Хорсу (Chossi) и Мокошу (и Mochossi), сверхъ того Юпитеру, Сатурну, Марсу и др. (см. Crom. Polon.). 3; Paul. Jovius De legat. Basil. M. prim. Musc. ad Clem. VIII Pontif.). Неоспоримо то, что когда Рюрикъ (Rurich), по смерти своего брата, правилъ одинъ, по Христіанскому лѣтосчисленію въ 762 г., [1] то вся Русь еще была языческою: но гдѣ же тогда былъ Св. Андрей? Игорь, сынъ Рюрика, принявъ правленіе послѣ отца, вступилъ въ бракъ съ Ольгой, родомъ изъ Пскова (Plesko), и имѣлъ сына, Святослава (Stoslaus), который еще былъ молодъ при смерти Игоря, по чему мать его, Ольга, сама управляла Государствомъ. Эта Государыня отправилась, въ 955 г., въ Константинополь, гдѣ крестилась и приняла имя Елены; Русскіе и по нынѣ уподобляютъ ее солнцу, такъ какъ она Христіанскимъ закономъ также просвѣтила Московитовъ, какъ солнце освѣщаетъ міръ. Она сохранила свои хорошія качества по самую смерть.

Сынъ ея, Святославъ, впалъ опять въ язычество, но сочетался бракомъ съ дочерью одного гражданина, Малушей (Maluska), изъ Новгорода, которую онъ воспиталъ вмѣстѣ съ сводными сестрами, дочерьми Ольги. Съ нею онъ прижилъ сына, Владимира (Woldemiп), который, подчинивъ себѣ своихъ братьевъ, Ярополка (Jeropolk) и Олега (Olega), сдѣлался единовластнымъ надъ всей землей и наконецъ принялъ Христіянство. Передъ тѣмъ, однако же, воздвигъ онъ въ Кіевѣ много кумировъ и самъ приносилъ имъ жертву; но такъ какъ многіе Христіянскіе Государи, привѣтствуя его мирное правленіе, просили, черезъ пословъ, принять Христіянскую Вѣру, то онъ избралъ между многими, испытанными имъ, сектами Греческое ученіе и, въ присутствіи Императоровъ, Василія и Константина, принялъ Святое крещеніе въ Константинополѣ, нареченъ Василіемъ, испросилъ, черезъ пословъ, руку ихъ сестры, Анны, и получилъ на то согласіе. Послѣ сего Константинопольскій Патріярхъ, такъ какъ Патріярха въ Руси еще не существовало, назначилъ въ Кіевъ Митрополита, въ Новгородъ Архіепископа, а въ другіе города Епископовъ и Священниковъ (Поповъ).

---

[1] Т. е., 862. Касательно ошибокъ лѣточислительныхъ и другихъ, очевидныхъ для каждаго, сколько ни будь свѣдущаго въ Русской исторіи, мы ихъ вездѣ не

ГЛАВА II.

О всеобщемъ обращеніи Московитовъ.

Касательно окончательнаго распространенія Христіянскаго ученія по всей Руси, историческія показанія не совершенно согласны между собою. Императорскій Посолъ съ 1500 г.,[2] Баронъ Герберштейнъ (Heberstein), говоритъ, что оно совершилось въ 961 г. во время правленія на Западѣ Императора Оттона. Гваньинъ (Gangning) указываетъ на 942 г.; Микрелій (Micrelius) говоритъ, что послѣ того, какъ Василій подчинилъ себѣ Русь, а Русскіе бросили свой Новый Завѣтъ въ огонь, и взяли изъ него золу, они всенародно приняли Христіянскую Вѣру. Кромеръ (Cromajerus) говоритъ, что какъ вѣрно то, что бабка Владимира, Елена, въ IX вѣкѣ сдѣлалась Христіянкою, такъ неоспоримо и то, что тогда же случилось полное обращеніе Русскихъ. Однако сынъ, ея Святославъ (Stosla) все таки остался язычникомъ, и Василій (Владиміръ) крестился только въ послѣдствіи, что засвидѣтельствовалъ тиранъ Иванъ Васильевичъ 1570 года Ивану Рокитѣ (Rhahita), Польскому богослову, пришедшему съ посольствомъ Сигизмунда: «Baptizantur nostri in nomine Dei Patris, Filii et Spiritus Sancti, postquam primus progenitus, beatus ille et magnus Zar Wolodimirus, divinitus illustratus, nomen Basilii ad mysticam undam nactus est, a quo tempore usque ad hunc diem non Russiana, sed Christiana, appellatur fides.» (Vide Heidenstein l. c. De bello Muscovit; item Russorum Annalia, et Byzantinam Historiam).

ГЛАВА III.

О главнѣйшихъ членахъ Русской Христіянской Вѣры.

Русскіе не только привержены къ Греческой Вѣрѣ и исповѣдуютъ ее еще по нынѣ, но и считаютъ себя вѣрнѣйшими послѣ-

---

оговариваемъ и не исправляемъ: ихъ легко замѣтить и мысленно исправить самъ читатель. Мы позволяемъ остановиться только на такихъ, которыя не такъ легко могутъ быть замѣчены, и по тому должны быть оговорены. О. Б.

[2] Не съ 1500, а съ 1517 года. О. Б.

дователями ея, чѣмъ самые Греки, отъ которыхъ они ее получили, не взирая на то, что они во многихъ членахъ несогласны съ ними. Однако жь они, въ знакъ признательности, ежегодно посылаютъ Патріярху Константинопольскому 500 червонцевъ.

Библія у Русскихъ напечатана на Славянскомъ языкѣ, содержаніемъ почти сходна съ Нѣмецкой, и считается непреложнымъ словомъ Божіемъ; но съ особеннымъ благовѣніемъ сохраняютъ они Евангеліе въ красивомъ помѣщеніи, къ которому они никогда не приближаются безъ большаго почтенія (Poccaoni) и не прикасаются безъ глубокаго преклоненія головы, крестясь и.... [3] Русскіе признаютъ также Священное Писаніе истиннымъ путеводителемъ Вѣры, но добавляютъ его Греческими Вселенскими или Всеобщими Соборами, также твореніями Отцовъ Церкви, преимущественно Василія Великаго, Григорія Назіянзина, Златоуста и Ефрема Сирина (Ephraim Serii), отвергая всѣ другіе Соборы. Считаютъ также правилами Вѣры, наравнѣ съ первыми Семью Соборами, творенія своего учителя, Николая Чудотворца (Sudowaritz), которому празднуютъ дважды въ годъ.

Они преимущественно признаютъ Символы Апостольскіи, Никейскій и Аѳанасіевскій, цѣнятъ также очень высоко Златоуста (vide Lapicii Polon. cap. 4. Theol. Mose).

Слѣдовательно, свои религіозныя и церковныя дѣла Русскіе подкрѣпляютъ и защищаютъ главнѣйше во 1, Священнымъ Писаніемъ, хотя въ неточномъ истолкованіи; во 2, Семью первыми Соборами; въ 3, твореніями Греческихъ Отцовъ Церкви, не допуская при семъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Новый Завѣтъ читаютъ ихъ главные Священники (Popper), народу въ церкви, но такъ поверхностно, что даже они сами не понимаютъ его, тѣмъ менѣе слушающіе принимаютъ участіе въ немъ. Что касается Ветхаго Завѣта, который, по ихъ мнѣнію, содержитъ въ себѣ множество.... то они оказываютъ такое невниманіе къ нему, что считаютъ недостойнымъ его чтеніе, въ особенности всенародно, и полагаютъ, что ихъ храмы осквернятся его внесеніемъ, а тѣмъ болѣе чтеніемъ; впрочемъ, для псалмовъ Давыда дѣлается исключеніе.

Точно также запрещается и отвергается всякое толкованіе,

---

[3] Многоточіе въ самомъ подлинникѣ здѣсь и ниже вездѣ. Перев.

прѣніе и изъясненіе Св. Писанія, полагая что при толкованіи эти слишкомъ тонкіе вопросы и умозаключенія могутъ стать источникомъ всѣхъ ересей и заблужденій, которыя, какъ бы важны они ни были, могутъ быть рѣшаемы однимъ только Патріярхомъ. Также вѣрятъ они, что церковь есть собраніе вѣрующихъ, которымъ обѣщаны Божія милость и спасеніе, и что только изъ нихъ однихъ и составляется общество вѣрующихъ.

ГЛАВА IV.

Кого Русскіе считаютъ друзьями своей Церкви и кого еретиками?

Врагами Русской Церкви считаются, во первыхъ, Турки и Татары, которыхъ послы по тому никогда не допускаются, наровнѣ съ Христіянскими, къ цѣлованію Царской руки; во вторыхъ, Евреи, которые возбуждаютъ въ нихъ такой ужасъ и омерзѣніе, что имъ не дозволяется даже пріѣзжать въ страну ихъ, если они не примутъ ихъ Вѣры.

Такъ какъ всѣхъ Христіянъ, не принадлежащихъ къ ихъ Вѣрѣ, Русскіе считаютъ язычниками, то Царь обязанъ, коль скоро чужестранный Посланникъ поцѣлуетъ его руку, тотчасъ ее омыть, для чего подлѣ Престола всегда находится умывальница.

Хотя и правда, что они признаютъ Римско-Католиковъ Христіянами, однако считаютъ ихъ ученіе преисполненнымъ безчисленныхъ заблужденій, и по тому, наровнѣ съ другими, переходящими въ ихъ Вѣру, крестятъ ихъ еще разъ, называя ихъ Латинами, по причинѣ языка, который тѣ употребляютъ при богослуженіи, и чувствуютъ къ ихъ способу причащенія такое отвращеніе, что нѣтъ ничего хуже, какъ быть, по ихъ понятію, Римляниномъ. Въ 1599 году [1] Русскіе хлопотали въ Римѣ, посредствомъ Посольства, о возсоединеніи (Церквей), но предали проклятію исповѣдываніе Католической Вѣры, которое ихъ уполномоченный, Ипатій Потѣй (Stypatius Patiens), Епископъ Володимирскій и Берестейскій, принялъ отъ Папы Клемента VIII, такъ что они никогда не могутъ безъ содроганія слышать объ этомъ; по чему они также дурно отнеслись и къ Кіевскому Митрополиту, Исидору (Hesiodorus), который самъ отъ себя отправился, на 100 лошадяхъ, на Флорентій-

---

[1] Невѣрно. О. Б.

скій Соборъ, во время Папы Евгенія IV, дабы совершить соединеніе, но когда онъ воротился и сталъ проповѣдывать подчиненіе Риму, то былъ заключенъ въ такую страшную темницу, что окончилъ тамъ свои дни. [5]

Главнѣйшее различіе между Русскими и Латинами состоитъ, во 1, въ ихъ различныхъ постахъ; во 2, безбрачіи Католическихъ Священниковъ; въ 3, мѵропомазаніи при крещеніи дѣтей; въ 4, хлѣбѣ безъ вина; въ 5, происхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына. Лютеранъ и Реформатовъ Русскіе терпятъ болѣе другихъ, хотя они ихъ считаютъ бусурманами (Surmanni), погаными (pagani) или язычниками (Hedningar), такъ что тиранъ Иванъ Васильевичъ самъ сказалъ, что Лютеранская Вѣра всѣхъ ближе къ истинѣ, и по тому можетъ быть терпима.

По сей причинѣ также и по сю пору послѣдователи Евангелическаго и Реформатскаго Вѣроисповѣданій имѣютъ то преимущество, что имъ позволено отправлять свою Религію и заводить училища въ Россіи, но Римскимъ Католикамъ не позволяется имѣть своей церкви, хотя и старался объ этомъ Король Лудовикъ XIII въ 1627 г. Когда Императоръ (Нѣмецкій) въ 1684 отправилъ Пословъ, Барона Блуменберга и Барона Жировскаго (Scroffski), къ Царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ, двумъ тогда царствующимъ братьямъ, хлопотать о наступательномъ и охранительномъ союзѣ противъ враговъ Христіянства, и касательно многихъ другихъ статей, то Посольство получило наконецъ позволеніе, ради многихъ ихъ единовѣрцевъ, находящихся въ Царской службѣ, оставить въ Москвѣ 27 Езуитовъ, которыхъ они съ собою туда привезли, но которые, однако жь, въ послѣдствіи съ большимъ трудомъ могли убѣжать, по причинѣ подозрѣнія ихъ въ извѣстныхъ проискахъ. Славный Олеарій, Секретарь Гольштинскаго Посольства, посѣтившій въ то время Царскій Дворъ, въ своемъ «Путешествіи по Московіи (Itinerario Muscovitico), весьма удивляется причинамъ, которыя побудили Русскихъ, въ 1610, избрать въ Царя Польскаго Королевича Владислава (см. Кобержицкаго).

---

[5] Соборъ Флорентійскій происходилъ въ 1439 году, а Исидоръ, заключенный Великимъ Княземъ, Василіемъ Ивановичемъ, въ Чудовѣ монастырѣ, откуда 15-го Сентября, 1443 года, бѣжалъ въ Римъ, умеръ тамъ въ 1463 году, 27-го Апрѣля, и погребенъ въ церкви Св. Петра. Онъ былъ очевидцемъ занятія Царяграда Турками 1453 г., которое и описалъ на Латинскомъ языкѣ. О. Б.

Евангелики имѣютъ въ Нѣмецкой Слободѣ (Tyska Slabboden) двѣ небольшія красивыя каменныя кирки, для постройки которыхъ Царь Петръ Алексѣевичъ оказалъ милость и подарилъ камень. Одна изъ нихъ называется старая кирка, такъ какъ она выстроена прежде. При ней въ настоящее время Пасторами состоятъ: 1. Александръ Юнгъ (Joung), который находится тамъ 30 лѣтъ; 2. Лиценціятъ Варѳоломей Вагецій (Wagetius), который исполняетъ тамъ должность Пастора въ продолженіи 27 лѣтъ. Въ новой киркѣ Пасторы: 1. М. Ролофсонъ (Rolofsson), и 2. Штапенбекъ (Stappenbek), изъ которыхъ первый находится при приходѣ 15 лѣтъ, послѣдній же всего лишь одинъ годъ. Въ Mines, около 8 Нѣмецкихъ миль отъ Москвы, Евангелики и Реформаты имѣютъ кирку и училище, но лишены права имѣть распятіе, рѣзанное изъ дерева, а только писанное на полотнѣ.

Евангелическихъ Реформатовъ и даже Римскихъ Католиковъ Русскіе считаютъ Христіянами, такъ какъ ученіе ихъ подходитъ близко къ ихъ собственному; но всѣ другія секты они преслѣдуютъ на смерть: по тому были заживо сожжены Силезецъ Квирингъ Кальмарусъ (Qvirring Kahlmarus), который въ Голландіи и Лейденѣ распространялъ сочиненія Бёма (Böhmens), вмѣстѣ съ Нодерманомъ Кельманомъ (Noderman Kjellman), желая посѣять въ Москвѣ свое лжеученіе. Въ дѣлѣ Вѣры Русскіе дѣлаютъ такое большое различіе, что считаютъ всѣхъ прочихъ Христіянъ не истинными Христіянами, и никому, исключая Грековъ, не позволяютъ входить въ свои церкви. Если бы же кто осмѣлился туда войти, то былъ бы строго наказанъ; иногда только дѣлается исключеніе для знатныхъ господъ, или Посланниковъ. Объ ограниченности Русскимъ въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ происшествіе съ обезьяною Англійскаго Посла, которую онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ привезъ съ собою въ Москву. Одѣтой въ лакейскую ливрею, удалось ей бѣжать и войти въ одну растворенную церковь насупротивъ Посольскаго дома, гдѣ она взлѣзла на алтарь и стѣны, сорвала и разбила образа, и все, что ей попадалось. Церковный сторожъ, который, услыша шумъ, поспѣшилъ въ церковь, видитъ обезьяну, запираетъ церковь и бѣжитъ къ Патріарху, который, воспламенившись ревностью, спѣшитъ къ Царю съ разсказомъ о неприличномъ дѣяніи Посольскаго конюха. За тѣмъ тотчасъ посылаются стрѣльцы (лучшіе Русскіе воины, все равно что янычаре у Турокъ) съ алебардами, которые, увидавъ въ церкви обезьяну, начали

ее немилосердно бить. Разъяренная обезьяна вскакиваетъ на того изъ нихъ, который всего болѣе ее билъ, и такъ жестоко отдѣлала стрѣльца, что его унесли замертво домой. Наконецъ овладѣли обезьяной, связали и бросили ее въ темницу. Народъ полагалъ, что вся эта продѣлка была состряпана самимъ Посланникомъ, и охотно отомстилъ бы ему, если бъ къ его дому не была поставлена охранительная стража, тѣмъ болѣе, что онъ полагалъ, что Посланникъ знается съ злымъ духомъ, такъ какъ онъ возилъ съ собою чорта, котораго нельзя было заставить говорить. Посланникъ предлагалъ вполнѣ вознаградить за убытки, но это ни къ чему не повело, такъ какъ Патріархъ былъ очень раздраженъ. Въ слѣдствіе сего нѣсколько сильныхъ стрѣльцовъ вывели обезьяну и растрѣляли ее, послѣ чего тотчасъ было объявлено всенародно, чтобы никто, подъ страхомъ смерти, не смѣлъ трогать особу Посланника.

Что касается главы Церкви, то Русскіе, наровнѣ съ Евангеликами, вѣруютъ, что Христосъ есть единый глава Церкви и, слѣдовательно, здѣсь, на землѣ, не требуется другого видимаго главы, и что по тому Папа самъ себя возвысилъ до степени Бога. Также они Папѣ не даютъ иного титула, какъ тотъ, которымъ онъ былъ величаемъ въ письмѣ Василія къ Папѣ Клименту т. е., пастыря и учителя Римской Церкви.

Они также говорятъ, что чудеса, которыя прежде совершались для обращенія невѣрующихъ, перестали являться въ настоящее время послѣ того, какъ Церковь получила истинную Вѣру.

ГЛАВА V.

Объ особенномъ уваженіи Русскихъ къ тремъ священнымъ предметамъ, именно: браку, высшему правительству и духовному сословію.

Брачный союзъ Русскіе считаютъ весьма святымъ и подъ смертною казнію онъ запрещенъ между родными до 4 колѣна. Точно также не позволяется многоженство, такъ что самому Царю не дозволено имѣть болѣе одной жены, если она только не безплодна, или не можетъ произвести на свѣтъ Великаго Князя: въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ ее заключить въ монастырь и

взять другую. Вступить во второй бракъ послѣ смерти первой жены дозволяется, только не Священникамъ; третій бракъ не дозволяется иначе, какъ по очень значительнымъ и важнымъ причинамъ. Четвертый же бракъ такъ строго запрещенъ, что кто въ него вступитъ, подвергается смертной казни. Разводъ очень употребителенъ и изъ за весьма ничтожныхъ причинъ, но на то требуется рѣшеніе Епископа.

Священникомъ никто не можетъ сдѣлаться, не давъ обѣта, согласно 1-му посланію къ Тимоѳѣю гл. 3, ст. 2. [*] Если онъ овдовѣетъ, то долженъ либо пойти въ монастырь, либо обратиться въ миръ и снять свою Священническую одежду. Священникъ не можетъ жениться на вдовѣ, или обезславленной женщинѣ, а только на дѣвицѣ. По этому Русскіе находятъ, что Римская Церковь не только въ мерзкомъ заблужденіи, но и грѣшитъ противъ Гангрійскаго Собора, считая также женатыхъ Священниковъ недостойными Святаго Причастія (См. Joh. Metrop. ad Archiepisc. Rom. у Герберштейна). Къ начальству они питаютъ такое глубокое уваженіе, что считаютъ однимъ изъ членовъ своей Вѣры, что воля ихъ Царя есть воля Божія, такъ что въ тѣхъ случаяхъ, когда они въ чемъ сомнѣваются, они говорятъ: «Богъ знаетъ да нашъ Царь,» котораго они также называютъ ключеносцемъ и слугой Бога, и что онъ исполнитель Божьяго слова; также что все, что онъ одобряетъ въ дѣлахъ Вѣры, то вѣрно и тому должно слѣдовать. Князья и Бояре, самые богатые, знатные и вліятельные, должны предъ самымъ малымъ изъ Царскихъ чиновниковъ, присланныхъ отъ Царя съ повелѣніемъ, бросаться на землю, и въ этомъ положеніи выслушивать, безъ малѣйшаго противленія, самыя строгія приказанія, даже если бъ они касались собственной ихъ жизни, или дѣла, сопряженнаго съ опасностью жизни. Если Царь взглянетъ на кого ни будь немилостиво, или покажетъ малѣйшій знакъ гнѣва, или неблаговоленія, то сейчасъ восклицаютъ: «Да здравствуетъ Его Царское Величество!... Вотъ моя голова: дѣлай, что хочешь!» Но если пріемъ былъ милостивъ, то они хвалятся тѣмъ, что видѣли Царскія очи улыбающимися.

Къ духовному званію они чувствуютъ также большое уваженіе, преимущественно къ Патріярху, который долженъ пребывать въ столицѣ Московской и прежде былъ онъ назначаемъ Констан-

---

[*] Единыя жены мужу. О. Б.

тинопольскимъ Патріархомъ, но въ настоящее время избирается нѣсколькими духовными лицами, назначаемыми отъ самого Царя, которые собираются съ Министрами, Архіепископами и Епископами для обсужденія избранія и, указавъ на одного изъ излюбленныхъ, тотчасъ посвящаютъ его и ставятъ надъ другими.

Патріархъ слѣдуетъ за Царемъ, по своей власти и значенію, и управляетъ духовными дѣлами неограниченно, по своей волѣ, такъ что самъ Царь часто въ дѣлахъ Религіи прибѣгаетъ къ его совѣту. Его одежда состоитъ изъ длинной черной рясы, и когда онъ куда ни будь ѣдетъ верхомъ, или идетъ, то Епископскій посохъ несется всегда передъ нимъ, или онъ самъ его держитъ въ рукѣ, а народъ толпится около него, прося благословенія, которое онъ и раздаетъ, дѣлая крестное знаменіе двумя [7] передними перстами.

За Патріархомъ слѣдуютъ четыре Митрополита: Новгородскій, Ростовскій (Rostauske), Казанскій и Сарскій (Sarskienske), который всегда долженъ находиться при лошади Царя. По значенію своему они то же, что Католическіе Кардиналы.

За ними слѣдуютъ Архіепископы: Кіевскій, Московскій (Muscouske), Псковскій, Владимирскій, Тобольскій въ Сибири, Казанскій, Астраханскій. Наконецъ слѣдуютъ разнаго рода Попы, Протопопы, Діяконы и т. д., въ такомъ количествѣ, что въ одной Москвѣ насчитываютъ ихъ, кромѣ монаховъ, до 4,000, которые ничего не умѣютъ, какъ только просто пѣть, читать и писать: послѣднее даже не всѣ. Они узнаются, во первыхъ, по маленькой шапочкѣ, скуфьѣ (skuffia), которую Патріархъ имъ надѣваетъ послѣ рукоположенія и посвященія, въ чемъ и состоитъ все ихъ Священническое достоинство. Эти скуфьи иногда сдираются очень ловко у нихъ съ головы въ кабакахъ другими людьми.. . Во вторыхъ, узнаютъ ихъ также по небольшой трости, которую они носятъ въ рукахъ. Въ третьихъ, по длинной, до земли доходящей, одеждѣ (весьма широкой) черной, зеленой, синей, или какого цвѣта имъ угодно. Они необязаны, подобно Католикамъ, служить ежедневно обѣдню, а только три раза въ недѣлю; такъ какъ простой народъ, гдѣ бы ни встрѣтилъ Попа, проситъ у него благословенія, и тотъ, перекрестивъ ему лицо и грудь, даетъ оное цѣлуетъ его, или протягиваетъ свою руку поцѣловать, и потомъ продолжаетъ свой путь.

---

[7] Несправедливо. О. Б.

За Священниками слѣдуютъ монахи, и только 3 родовъ: Св. Василія, Св. Венедикта и Св. Николая. [8] Правила ихъ отличаются отъ Римско-Католиковъ, но они произносятъ тѣ же самые обѣты цѣломудрія, бѣдности и послушанія; они ведутъ строгую жизнь и имъ запрещена мясная пища. У нихъ есть Аббаты, которые называются Архимандритами, и Пріоры, называемые Игуменами, но такіе необразованные, что едва одинъ изъ десятерыхъ знаетъ, «Отче нашъ,» или «Вѣрую.»

Монахини одѣваются точно также въ длинную черную одежду, но болѣе достаточныя носятъ на головѣ бѣлое покрывало.

У Русскихъ есть также отшельники, которые живутъ подаяніемъ отъ чужихъ и проѣзжихъ, желающихъ успѣха своимъ предпріятіямъ.

Епископы и Священники живутъ отчасти десятиной, отчасти приношеніями, но не имѣютъ ни земель, ни палатъ, подобно Католическому духовенству. . . . .

ГЛАВА VI.

О Русскихъ церквахъ и обрядностяхъ.

Церкви построены на подобіе небеснаго свода, что означаетъ безконечность и всемогущество Божіе. Онѣ состоятъ изъ большой башни, окруженной четырьмя меньшими, часто также круглыми, съ трехконечнымъ крестомъ (tredublakors). [9] Въ церквахъ нѣтъ стульевъ, или лавокъ, по тому что Русскіе молятся стоя, на колѣняхъ, или распростершись на землѣ. Женатому, или замужней, послѣ исполненія брачныхъ обязанностей, не позволяется входить въ церковь, не побывавъ сперва въ банѣ и не вымывшись. Русскіе не терпятъ музыки, инструментовъ, или органовъ, въ своихъ церквахъ, которыхъ въ одной Москвѣ насчитываютъ до 200. Храмъ безъ креста на немъ, какъ знака Христіянскаго, почитается у нихъ ненастоящимъ. На кладбищахъ, которыя считаются одинаково святыми, какъ и церкви, не позволяется производить нечистоту, или вводить туда собакъ.

---

[8] Послѣдніе два—плодъ изобрѣтенія сочинителя. О. Б.

[9] Очевидная ошибка. О. Б.

Всѣхъ тѣхъ лишаютъ причастія, которые явно согрѣшили, или сотворили соблазнъ; съ такими никто не желаетъ сообщаться, пока лежитъ на нихъ отлученіе (rus obscha); еще менѣе можетъ таковой ходить въ церковь. Самое отлученіе (obscha) произносится, какъ въ Римѣ, въ Святой Чертвертокъ, надъ всѣми тѣми, кто не принадлежитъ къ ихъ Исповѣданію, со своихъ же снимается, когда они покаятся въ своихъ грѣхахъ и покажутъ знакъ искренняго исправленія. При исповѣди они, подобно Римскимъ Католикамъ, исчисляютъ всѣ свои грѣхи, ничего не утаивая; вѣрятъ также, что тѣ Священники, которымъ не сказано на ухо, по примѣру Христа: «Пріимите Духъ Святъ!» и проч., не имѣютъ власти отлучать.

ГЛАВА VII.

Вообще о Русской Вѣрѣ.

Русскіе несомнѣнно вѣрятъ въ Божественную Троицу, согласно Никейскому, Аѳанасійскому Символу, т. е., что первое лицо есть Богъ, Творецъ неба и земли, отецъ Іисуса Христа; второе лицо— Іисусъ, рожденный совершеннымъ человѣкомъ отъ дѣвы Маріи, и будетъ всегда существеннымъ Божьимъ словомъ, наровнѣ съ Отцомъ и Св. Духомъ. Что Св. Духъ, какъ третье лицо Божества, есть со Отцомъ и Сыномъ вѣчный и всемогущій Богъ. Но они, подобно Грекамъ, находятся въ великомъ заблужденіи, яко бы Св. Духъ исходитъ отъ одного Отца, а не и отъ Сына. По сему упрекаютъ они другихъ Христіянъ тѣмъ, что тѣ прибавили къ Никейскому Символу слово «и отъ Сына,» Filioque, и что Св. Духъ долженъ по тому имѣть два качества, двѣ воли и два начала.

Соединенные Греки (Уніяты), явившіеся на Флорентійскомъ Соборѣ въ 1439 г., при Папѣ Евгеніи, съ Митрополитомъ Исидоромъ, были убѣждены сильными доводами признать Св. Духъ, исходящимъ отъ Отца и Сына, но этотъ Соборъ не признается Русскими.

Русскіе оплакиваютъ, подобно другимъ Христіянамъ, первородный грѣхъ, и вѣрятъ, что человѣческое естество совершенно испорчено и безбожіе замѣнило благочестіе, такъ что въ людяхъ нѣтъ ничего добраго; что всѣ они находятся какъ бы погружен-

ными во тьмѣ, что все зло истекаетъ изъ нашего сердца, какъ изъ неизсякаемаго источника, точно такъ какъ все добро отъ Бога, который по тому ни какъ не можетъ быть причиной грѣха. Они не вѣрятъ, чтобы человѣкъ, послѣ паденія Адама и Евы, способенъ былъ дѣлать добро и зло по свободной волѣ, и по тому считаютъ свободную вѣру мечтой (chimère).

Десять Заповѣдей, какъ бы уничтоженныя и смытыя кровью Іисуса Христа, совершенно не признаются ими, такъ какъ Апостолы въ Новомъ Завѣтѣ ихъ уничтожили, какъ писанныя Моисеемъ въ Ветхомъ Заветѣ, но двѣ изъ нихъ ими удержаны: «Возлюбиши Господа Бога всѣмъ сердцемъ, и искренняго, яко самъ себе,» утверждая, что никакому человѣку и Христіянину не подобаетъ уклоняться отъ Евангелія и держаться Закона (Ветхаго Завѣта), а кто сіе учинитъ, тотъ отрицаетъ Іисуса и снова распинаетъ его.

Изъ десяти едва одинъ можетъ сказать: «Отче нашъ» и почти никто не знаетъ Символа Вѣры, утверждая, что такой священный предметъ не долженъ быть унижаемъ посредствомъ произношенія.

Не смотря на то, они примѣняютъ Десять Заповѣдей къ правиламъ жизни слѣдующимъ образомъ:

Хотя они, согласно первой заповѣди, и боготворятъ Св. Троицу, но призываютъ на помощь вмѣстѣ съ тѣмъ и Святыхъ, и изображеніямъ послѣднихъ оказываютъ большія почести, взываютъ къ Дѣвѣ Маріи, какъ посредницѣ душеспасенія, примирившей насъ съ Богомъ. У Василія въ гл. III, говорится, что она достойна призванія, какъ Матерь Божія; ибо родила въ одно и то же время Бога и человѣка, и какъ мать пользуется вліяніемъ у своего сына. Она подкрѣпляетъ падающихъ и исправляетъ пороки и недостатки, и одна только молится за Христіянство и охраняетъ его. Русскіе хвалятся, что обладаютъ ея образомъ, писаннымъ Евангелистомъ Лукою, который она сама приказала хранить въ Москвѣ, говоря: «Моя милость и сила заключены въ этомъ образѣ.» У Василія этотъ образъ весьма восхваляется и повелѣвается такъ: «Дотолѣ, пока этотъ образъ находится и хранится въ нашей столицѣ, согласно велѣнію Божію, Христіянства ни кто не будетъ безпокоить.» Былъ ли Лука въ Москвѣ, или нѣтъ, не вдаваясь въ разрѣшеніе этого вопроса, Русскіе такъ крѣпко вѣрятъ во все, касающееся этого образа, что вырѣжутъ языкъ изъ гортани, или заживо сожгутъ того, кто выкажетъ въ томъ малѣйшее сомнѣніе.

Русскіе не только почитаютъ Апостоловъ, молясь имъ и простираясь предъ ихъ мо щами, но также и Пророковъ, Отцовъ Церкви, Мучениковъ и другихъ Святыхъ, дабы посредничествомъ ихъ имѣть помощь. Такъ постановилъ Василій, который первый ввелъ образа и указалъ Русскимъ степень святости оныхъ. Первая степень принадлежитъ Іисусу, потомъ Дѣвѣ Маріи, и наконецъ Небеснымъ Силамъ, со всѣми Святыми, которые, каждый по своему, вліяетъ на спасеніе души человѣка и приходитъ къ нему на помощь.

Подобные образа можно въ Москвѣ вымѣнивать (т. е., на деньги, такъ какъ не принято говорить, что они продаются) на Святой или Иконной площади. Паче всего, и отдавая почти Божескія почести, почитаютъ они Николая Барійскаго (de Bari), котораго избрали своимъ покровителемъ (Patron) и считаютъ защитникомъ всей Русской земли, по чему во многихъ мѣстахъ въ честь его построили церкви и весьма превозносятъ его чудеса.

Русскіе также утверждаютъ, что Св. Дамаскинъ учитъ почитать образа.

Когда ихъ хотятъ уличить ссылкою на Евангеліе отъ Матѳ. 4 10: «Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши,» они отвѣчаютъ, что это было сказано сатанѣ; но что такъ же писано что Богъ святится черезъ своихъ Святыхъ, когда призывается ихъ помощь.

По второй (3-ей) заповѣди имѣютъ они къ имени Божію большое уваженіе: они не произносятъ его никогда, ни большой, ни малый, безъ величайшаго благоговѣнія; точно также они тотчасъ, какъ встанутъ съ постели и, прежде чѣмъ выйти изъ дома, вздыхаютъ передъ своими Святыми, точно также и выходя изъ воротъ, обращаются къ какой либо церкви съ молитвою. Также никогда, войдя въ домъ, не здороваются ни съ кѣмъ, если бъ даже находились тамъ знатнѣйшіе Князья, пока не привѣтствовали Святыхъ и не помолились имъ, и если они по скорости не замѣтятъ ихъ образа, или Распятія Христова, то спрашиваютъ: «Развѣ у васъ нѣтъ Бога здѣсь?» Тогда имъ показываютъ Святыхъ съ великимъ почтеніемъ, и вошедшій кланяется съ большимъ уваженіемъ, воздыхая и крестя свою грудь и лицо. Голову преклоняютъ три раза и произносятъ каждый разъ, ударяя ладонью по самой груди: «Господи, помилуй!» Послѣ сего, съ тѣми, кто въ домѣ, здороваются, говоря: «Schalom!» (Еврейское слово: «Миръ вамъ!»), и за тѣмъ уже приступаютъ къ исполненію своихъ дѣлъ.

Русскіе чрезвычайно высоко ставятъ путешествія для бого-

моленія, такъ что самъ Царь дѣлаетъ два путешествія въ годъ одно въ Троицкій (Troiscuzi) монастырь, 12 Нѣм. миль отъ Москвы, въ праздникъ Троицы, которой этотъ монастырь посвященъ; другое въ Михайловъ день, въ монастырь Св. Сергія, Русскаго отшельника, который 1593 умеръ тамъ въ санѣ Игумена и причисленъ къ лику Святыхъ, и такъ какъ его мощи въ этомъ монастырѣ почиваютъ, то и Царь послѣднюю половину мили идетъ пѣшкомъ. Св. Сергій былъ такъ святъ, что въ цѣломъ томѣ не вмѣстятся всѣ тѣ почетныя названія, которыя Русскіе ему придаютъ.

Изъ воиновъ сдѣлался онъ отшельникомъ, и во время этой своей святой жизни отвезенъ въ посвященный ему монастырь. Отправляются на богомолье также во многіе другіе монастыри, и такъ какъ въ цѣлой Россіи очень много такихъ Святыхъ, которые, за совершенныя чудеса, причтены къ лику Святыхъ, то народъ, полагая, что такія путешествія могутъ излѣчить отъ болѣзней, бродитъ ежегодно въ процессіяхъ по монастырямъ и церквамъ, но не безъ того, чтобы не вести въ то же время непотребную жизнь, такъ какъ они предаются до излишества обжорству мясомъ, пьянству и разврату съ женщинами, при чемъ случается много ужасныхъ убійствъ.

Когда они молятся, то ударяютъ всегда головою о землю, крестя сперва чело, что означаетъ Вознесеніе Христово, потомъ грудь, какъ мѣсто, гдѣ живетъ слово Божіе, и наконецъ правое и лѣвое плечо, чтобы означить правую и лѣвую сторону Воскресенія (во время Страшнаго Суда).

Патріархъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предписалъ всѣмъ свѣтскимъ лицамъ и тѣмъ, кто не принадлежатъ къ Священству, дѣлать крестное знаменіе двумя перстами, чему Русскіе противятся и настаиваютъ на томъ, что, въ воспоминаніе Св. Троицы, должно крестить себя тремя перстами. Тогда Патріархъ вынужденъ былъ упросить Царя пригласить Главнаго Патріарха изъ Константинополя и еще двухъ другихъ Восточныхъ Патріарховъ въ Москву, гдѣ происходилъ Соборъ, который постановилъ, чтобы креститься двумя перстами, и тѣмъ, кто этому воспротивится, будетъ отсѣчена голова. Тогда множество людей изъ простого народа рѣшилось принять смерть, идя на нее, какъ будто на какой праздникъ. Несмотря на то еще крестятся тремя перстами, хотя не открыто. [10]

---

[10] Разсказано совершенно наоборотъ. О. Б.

Въ числѣ многихъ другихъ заблужденій у Русскихъ встрѣчается въ особенности офилятрія (ophiolatreian) или змѣепоклоненіе въ домѣ, особенно между Жмудью (Samogiterne),[11] такъ что, если что случится въ ихъ семѣйствѣ, то тотчасъ приписываютъ это тому обстоятельству, что дома недостаточно за змѣями ухаживали и не хорошо угощали ихъ, по тому о нихъ такъ много и заботятся.

Русскіе не считаютъ за грѣхъ принести ложную присягу, чтобы погубить своего врага, особенно Римскихъ Католиковъ, но, впрочемъ, считаютъ присягу дѣломъ священнымъ и неохотно идутъ присягать даже передъ судомъ, такъ что даже тотъ, кто принесъ справедливую присягу, все таки подвергается такому презрѣнію, что три года не допускается къ причастію. Но если ему докажутъ, что онъ принесъ ложную присягу, то наказываютъ его кнутомъ (удары плетью по голой спинѣ) такъ сильно, что отдѣляется и сдирается кожа и кровь течетъ во всѣ стороны, послѣ того лѣчатъ его и отправляютъ на всю жизнь въ Сибирь ловить соболей. Въ торговыхъ дѣлахъ они ужасно клянутся безъ всякой совѣсти; но чѣмъ болѣе они клянутся, тѣмъ менѣе пріобрѣтаютъ довѣрія другъ у друга.

Когда богатые бываютъ при смерти, то они часто приносятъ строгіе монашескіе обѣты: брѣются, соборуются и надѣваютъ монашескую одежду, въ которой они, въ продолженіи 8 дней, не принимаютъ ни лѣкарства, ни пищи. И тогда они полагаютъ, что измѣняется ихъ естество и они присоединяются къ Ангельскому лику. Если больной выздоровѣетъ, то онъ тотчасъ долженъ покинуть жену и дѣтей и пойти въ монастырь.

Что касается третьей (4-й) заповѣди, то они соблюдаютъ Саббать (Sabbaten) или Воскресенье, но послѣ богослуженія большая часть простого народа должна работать; лучше, говорятъ они, работать въ этотъ день, чѣмъ напиваться, или забавляться. Но богатые тогда предаются величайшимъ излишествамъ. Рождество, Пасху и Пятидесятницу празднуютъ они съ величайшимъ благочестіемъ, и въ тѣ дни не смѣютъ работать. Имѣютъ также много другихъ праздниковъ: первый Новый Годъ 1-го Сентября, когда, посреди двора Кремлевскаго замка, строится театръ или Casa и надъ нимъ двѣ ложи; послѣдній разъ онѣ были сдѣланы изъ

[11] Жмудь не Русское, но Литовское, племя. О. Б.

прекраснѣйшаго хрусталя и позолочены, и въ нихъ возсѣдали, въ великолѣпныхъ одеждахъ, разукрашенныхъ драгоцѣнными каменьями, оба Царя. Кругомъ стояла сильная пѣшая стрѣлецкая стража, и за ней большое множество народа, внутри же стражи большою толпой, по правую руку, всѣ Думные люди и Бояре, по лѣвую всѣ Офицеры, купцы и художники изъ Нѣмцевъ, которыхъ всегда къ этому празднику приглашаютъ. Когда всѣ собрались, Патріархъ всталъ съ мальчикомъ, несущимъ кадильницу, потомъ поцѣловалъ обоихъ Царей, и далъ имъ приложиться къ золотому, украшенному дорогими каменьями, кресту, который онъ держалъ въ рукахъ, окропилъ послѣ того святою водой обоихъ Царей и весь народъ, который желая, какъ кто съумѣлъ, счастливаго царствованія, кончилъ словомъ: »Аминь, Аминь!« Потомъ Цари, въ видѣ большой милости, приказали ко всѣмъ обратиться съ вопросомъ о дѣлахъ и здоровьѣ, сперва Бояръ и Великихъ Министровъ, потомъ Нѣмцевъ; по чему Генералъ-Маіоръ Geham, именемъ всѣхъ Нѣмцевъ, благодарилъ Царей и желалъ имъ всякаго благополучія. Въ колокола звонили по всему городу, и въ концѣ обряда Цари и всѣ отправились во свояси, чтобы угоститься.

Другой праздникъ происходитъ 8 Сентября и называется Рождество Пречистыя Богородицы (prasni rosustiva Pritzisti bohorodi); третій 14 Сентября Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста (prantnii uzemirna vordicisenia).

Четвертый называется Введеніе Пречистыя Богородицы (Vedenia Pritzisti Bogoroditze), и празднуется 21 Ноября; пятый 25 Декабря и называется Рождествомъ Христовымъ (Rosustivä Christova).

Шестой. Богоявленіе (Bose Javenia), относится къ 6 Января или Крещенію, когда освящаютъ воду, что въ Москвѣ дѣлается такимъ образомъ: Посреди рѣки Яузы (Fausa), которая протекаетъ черезъ Москву, было воздвигнуто большое зданіе со многими Библейскими рисунками, въ особенности Крещенія Христа Іоанномъ во Іорданѣ; оба Царя пришли туда и сѣли на два великолѣпныя, для нихъ приготовленныя, кресла. Въ слѣдъ за симъ явился Патріархъ въ слѣдующей процессіи: два Попа (Poppar) шли впереди, каждый неся красивый золотой крестъ съ изображеніемъ четырехъ Евангелистовъ, другой несъ образъ Крещенія въ Іорданѣ, покрытый бѣлою шелковой пеленой. Патріархъ былъ одѣтъ въ своемъ Папскомъ (Pafve) орнатѣ, держа въ каждой рукѣ по кресту, и пѣлъ, вмѣстѣ съ маленькимъ мальчикомъ, ко-

торый шелъ позади него съ книгою; за нимъ шло множество знатныхъ господъ и множество духовенства; наконецъ позади простой народъ и женщины съ дѣтьми, всѣ со свѣчами (facklor) въ рукахъ, и напослѣдокъ причетникъ со свѣтильниковъ изъ множества сплетеныхъ восковыхъ свѣчей. На льду была вырублена круглая прорубь, около 6 локтей въ окружности, гдѣ всѣ остановились, читали и пѣли около часа, послѣ чего Патріархъ взялъ отъ причетника горящую свѣчу и бросилъ ее въ воду, а прочіе также потушили свои свѣточи. Патріархъ три раза погрузилъ въ воду оба креста, которые держалъ въ рукахъ, и потомъ заставилъ нести ихъ въ чашѣ, въ которой и была теперь самая святая вода, сохранявшаяся для Царя, чтобы предохранять его отъ несчастій. За тѣмъ простой народъ бросился толпою, одни чтобы зачерпнуть освященной воды изъ рѣчки, которая сохраняется цѣлый годъ, другіе чтобы погрузить въ эту самую холодную воду своихъ малыхъ дѣтей; тогда также одна мать посреди давки уронила въ рѣчку полугодового ребенка, послѣ чего она такъ кричала и терзалась, что страшно было слышать. Старые и молодые купались въ этой водѣ, полагая, что все тѣло ихъ освятится черезъ это; потомъ приводили лошадей и всякаго рода животныхъ, чтобы поить этой водой; подъ конецъ они пошли обратно въ церковь, шумя хуже чѣмъ въ кабакѣ, такъ что нельзя было слышать собственныхъ словъ. Такимъ способомъ освящается вода во всѣхъ Русскихъ городахъ и деревняхъ.

Седмой праздникъ 2 Февраля называется Срѣтеніе Господа Бога (Stretenia Gospoda Boga) или очищеніе Маріи (Marie Renselse).

Восьмой 25 Марта Благовѣщеніе Пречистой Богородицы (Blagawescetna Pretzizte Bogoritze).

Девятый называется Вербное Воскресенье (Verbna Waschresenia), когда празднуютъ въѣздъ Христа на ослятѣ въ Іерусалимъ слѣдующимъ образомъ: Послѣ того какъ Царь въ церкви Св. Маріи (Успенскомъ Соборѣ) отслушалъ обѣдню, собралась передъ Кремлевскимъ замкомъ большая толпа народа, желающая смотрѣть на крестный ходъ, въ которомъ впереди везли на высокой колесницѣ дерево со всевозможными плодами, а на томъ деревѣ сидѣли 4 маленькихъ мальчика въ бѣлыхъ рубашкахъ, распѣвая: »Осанна!« (Hosianna). За нимъ слѣдовала толпа Поповъ въ бѣлыхъ одеждахъ и другихъ украшеніяхъ, въ которыхъ они служатъ обѣдни, поя и неся кресты, образа и кадила, изъ которыхъ они кадили на проходящихъ. Послѣ Поповъ слѣдуютъ Князья, Принцы

(Prinsar), Бояре и другіе знатные господа по двое, у большей части вербы (palmer) въ рукахъ; за ними Царь, поддерживаемый двумя великолѣпно одѣтыми Боярами. Лошадь Патріярха вели за узду, и она была покрыта длинной черной попоной, сверхъ которой сидѣлъ Патріярхъ, великолѣпно одѣтый въ своей Папской шапкѣ и украшеніи. Шапка вышита жемчугомъ, и въ правой рукѣ держалъ золотой крестъ, которымъ благословлялъ народъ. За нимъ слѣдовали Митрополитъ, Епископы и прочее духовенство, несшіе книги и кадила. Крестный ходъ заключался толпою народа простого. Вдоль дороги были поставлены мальчики, постилавшіе свои одежды, или другое что, для шествія Царя и Патріярха.

Десятый праздникъ Воскресеніе (Wescreschenia Christowa) или Пасхи есть самый важный и для Русскихъ найрадостнѣйшій, какъ относительно наступившаго Христова воскресенія, такъ и окончанія ихъ Великаго Поста, когда каждый допускается къ лицезрѣнію благосклонныхъ очей Царя, или цѣлованію его руки, и можетъ получить на память красное яйцо, которое всѣ носятъ съ собою въ продолженіи 14 дней послѣ Пасхи, показывая всякому встрѣчному на улицѣ. Въ эти 14 дней должны всѣ мущины и женщины, высшіе и низшіе, при встрѣчѣ здороваться и цѣловаться говоря: «Христосъ воскресе!» (Christus vosgresti,) на что получаютъ отвѣтный поцѣлуй со словами: «Во истину воскресе!» (Vo isine vosgresti), за тѣмъ даютъ другъ другу по крашеному яйцу, все равно какого цвѣта.

Въ эти дни также Царь ранѣе, чѣмъ войдетъ солнце, посѣщаетъ заключенныхъ и даетъ имъ по красному яйцу и овчинному тулупу, говоря: «Радуйтесь! ибо Христосъ воскресъ ради нашихъ грѣховъ.»

Одиннадцатый праздникъ Вознесеніе Христово (Vosnesenia Christowe).

Двѣнадцатый Сошествіе Св. Духа (Schiestivie Sventaga Diua) или Пятидесятница.

Тринадцатый падаетъ на 6 Августа и называется Преображеніе Господне (Preobroschenia Gospoda Christowa) на горѣ Ѳаворѣ, въ присутствіи учениковъ его.

Въ этомъ же мѣсяцѣ празднуется Успеніе Пречистыя Богородицы (Uspenia Prizister Bogoroditze).

Поименованные праздники всѣ Русскіе обязаны соблюдать, но другіе, какъ то: дни Св. Іоанна, Св. Михаила, Апостоловъ, Мучениковъ и другихъ Святыхъ, празднуются только желающими;

священство, однако жь, обязано ихъ праздновать посредствомъ чтенія, пѣнія и служенія обѣдни. Каждое Воскресенье и въ праздничные дни Русскіе посѣщаютъ церковь трижды въ день: первый разъ до восхожденія солнца, заутреня (Zaustrenkie), потомъ до обѣда обѣдня (Obednie), наконецъ до вечера вечерня (Vedschernie), къ которой, когда звонятъ, всякій торопится; ибо какъ только стемнѣетъ, особенно въ праздники (Prasnik) и воскресные дни, улицы становятся небезопасными отъ Русскихъ, которые, напиваясь мертвецки водкой, вездѣ шатаются, чтобъ производить безобразія, воровать и убивать, и совершаютъ подобные поступки, не смотря на то, что Царь намного уменьшилъ число кабаковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ извѣстное время для ихъ открытія и закрытія.

У Русскихъ въ церквахъ не говорятъ проповѣдей, а лишь читаютъ нѣсколько главъ изъ Священнаго Писанія, какъ-то; псалмы Давыда и Евангелія, также проповѣди Іоанна Златоуста и Символъ Св. Аѳанасія, какъ они есть, безъ всякихъ объясненій; къ этому присоединяютъ нѣсколько краткихъ молитвъ и въ промежуткахъ свое троекратное: «Господи, помилуй!» Они находятъ, что храмъ Божій оскверняется проповѣдниками, которые, когда они, увлекаясь страстью (passionerade) говорятъ все, что имъ приходитъ на умъ, подымаютъ вопросы и споры, вводятъ новости, и такимъ образомъ причиняютъ своимъ слушателямъ болѣе горя и вреда, чѣмъ приносятъ плода и пользы. Что для указанія пути къ хорошимъ нравамъ и Христіянскимъ добродѣтелямъ, то достаточно чтенія Новаго Завѣта, что и первоначальные Христіяне положили въ основаніе своей церкви, и была оная исполнена Святаго Духа. Если и необходимо какое истолкованіе Св. Писанія, то они считаютъ лучше, какъ у нихъ принято, читать въ церкви поученія Св. Отцовъ, чѣмъ допускать неразумнаго любителя прѣній распространять всенародно свою фантазію, единственно только для того, чтобы выказаться и заслужить одобреніе отъ своихъ слушателей; такимъ образомъ отвергаютъ они всѣ препиранія и всю философію, какъ источникъ всѣхъ распрей и несогласій, мѣшающихъ благочестію и напыщающимъ умъ надменностію и суетностію, и, слѣдовательно, имѣющихъ послѣдствіемъ разрушеніе Христіянскаго единства.

Послѣ чтенія происходитъ обѣдня такимъ образомъ: Попъ становится съ своимъ помощникомъ передъ алтаремъ и, согласно съ чиномъ литургіи ихъ учителя Церкви, Св. Василія, беретъ онъ чашу, въ которую вливаетъ красное вино, примѣшиваетъ туда чистой воды, ломаетъ кислый (upphöjda) хлѣбъ и бросаетъ въ нее

кусочки, освящаетъ, торопливо читаетъ полпѣсни, беретъ ложку и съѣдаетъ то, что заключается въ чашѣ, и такимъ образомъ одинъ причащается, если не принесенъ въ церковь больной ребенокъ, которому въ такомъ случаѣ дается нѣсколько этого въ винѣ распущеннаго хлѣба. И такъ какъ все благоговѣніе простого народа заключается въ обѣднѣ, то онъ, пока она продолжается, зажигаетъ множество свѣчей, кадитъ и прикладывается къ образамъ и занимается, говоритъ сочинитель, [12] многими другими суевѣріями, полагая, что такимъ образомъ нужно праздновать смерть и страданія Христа.

Всякую инструментальную музыку (въ церквахъ) Русскіе отвергаютъ, по тому что, какъ они говорятъ, она, какъ и другіе бездушные предметы, не можетъ хвалить и воспѣвать Творца, а, напротивъ, только доставляетъ удовольствіе чувствамъ и мѣшаетъ благоговѣнію; что первые Христіяне не употребляли ея, и что, такимъ образомъ, она не согласна съ ученіемъ Новаго Завѣта.

По четвертой заповѣди (5-й) они признаютъ, что должно почитать отца и мать, также тѣхъ, кто заступаетъ ихъ мѣсто; но такъ мало соблюдаютъ они эту заповѣдь, что сынъ нападаетъ на отца, а дочь на мать, точно также братья и сестры «грызутся» между собою и ругаются такими ужасными словами, что, омерзительно слышать. Я могу привести для примѣра слѣдующія слова: блядинъ сынъ (bledizin), курвица (scurnitze) и еще два (наиболѣе употребительныя между простонародьемъ и въ настоящее время).

На основаніи пятой (6-й) заповѣди наказывается смертью тотъ, кто учинитъ смертоубійство; но такъ какъ поединки и драки найстрожайше запрещены, то угощаютъ они другъ друга ругательствами, какъ простыя бабы, и все это безнаказанно.

Князья и другіе знатные стегаютъ другъ друга кнутами на лошадяхъ и обращаются другъ съ другомъ жестоко, но никогда не употребляютъ другъ противъ друга пистолета, сабли, или шпаги, по тому что если бъ Царь узналъ о семъ, то такіе подпали бы его немилости.

Въ любви къ своему ближнему (говоритъ сочинитель), чѣмъ они

---

[12] Эта ссылка на сочинителя заставляетъ предполагать, что издатель позволилъ себѣ сокращать текстъ, на что и указываетъ многоточіе, и даже дополнять его собственными выводами, нерѣдко противорѣчащими сказанному самимъ сочинителемъ. Перев.

въ высшей степени похваляются, такъ мало огня, горячности, что его можетъ потушить капля воды.

Убійцу содержатъ 6 недѣль въ темницѣ, для того, чтобы онъ имѣлъ время исправиться, послѣ чего причащаютъ его, и за тѣмъ уже рубятъ у него голову.

Противъ шестой (7-й) заповѣди ихъ жизнь такъ грѣшна, что, не смотря на то, что бракъ, по ихъ закону, ненарушимъ, распутство и прелюбодѣяніе до того у нихъ обыкновенны, что не считается преступленіемъ, если кто обеременитъ чужую жену, исключая случая, когда ее совсѣмъ увезутъ и возьмутъ въ сожительство, тогда похититель наказывается кнутомъ, содержится нѣсколько лѣтъ въ заточеніи и потомъ ссылается въ Сибирь, согрѣшившая заточается въ монастырь, и тамъ подвергается духовному исправленію, мужу предоставляется свобода опять принять ее, или же жениться на другой. Такъ и законный бракъ, хотя считается неразрывнымъ, такъ слабъ, что разводъ очень обыкновененъ, и происходитъ изъ за очень неважныхъ причинъ. Царь также имѣетъ право, при недостаткѣ наслѣдника, заключить Царицу, вмѣстѣ съ Княжнами, въ монастырь, и взять себѣ другую жену.

Открытыхъ домовъ терпимости у нихъ не существуетъ, но блудъ терпится и наказывается весьма рѣдко, такъ какъ простой проступокъ прелюбодѣянія считается неважнымъ грѣхомъ. За Содомскій грѣхъ, который у нихъ также обыкновененъ, какъ и у Персовъ, взыскиваютъ они тоже не очень строго, да и приводятъ ихъ къ этимъ порокамъ блудъ и пьянство, въ которыхъ, говоритъ сочинитель, они превосходятъ всѣхъ другихъ народовъ.

Жены и дѣвицы изъ хорошаго общества подъ такимъ присмотромъ, что считается даже безчестнымъ, если онѣ кому показываются, и онѣ въ домѣ мало что значатъ, такъ какъ мальчики и работники (парни) завѣдуютъ всѣмъ хозяйствомъ. Онѣ проводятъ свое время съ своими горничными дѣвушками, число которыхъ бываетъ всегда чрезмѣрно, такъ что многія изъ нихъ заняты вышиваніемъ золотомъ, серебромъ и шелкомъ.

У нихъ считается все, зарѣзанное женщинами, такъ нечистымъ и противнымъ, что если нужно зарѣзать курицу, или другую какую птицу, а мужчины нѣтъ дома, то женщины выходятъ за ворота съ курицей и ножомъ и перваго проходящаго мужчину просятъ убить ее. Самое большое удовольствіе для женъ и служанокъ доставляетъ позволеніе итти со двора, особенно въ Петровъ и Павловъ день, скакать на доскахъ, или качаться (на качеляхъ). Находясь

всегда въ заключеніи, онѣ тогда пляшутъ и поютъ отъ всей души.

Когда у Русскихъ бываютъ невѣсты въ домѣ, то они стараются получше пристроить ихъ и обезпечить за ними значительное приданое; но такъ какъ молодымъ людямъ и дѣвицамъ никогда не дозволяется сходиться, то ни одинъ бракъ не заключается по склонности, но отецъ невѣсты предлагаетъ ее отцу того молодого человѣка, котораго онъ считаетъ подходящимъ. И тогда, по наведеніи справокъ о состояніи обѣихъ сторонъ и ихъ доброй славѣ, назначается день обрученія.

Нѣкоторые пишутъ, что Русскіе никогда не видятся до свадьбы, по чему будто бы часто случалось, что, вмѣсто молодой и красивой невѣсты, которой ожидалъ себѣ женихъ, оказывалась старая и безобразная. Но съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались умнѣе и знаютъ кого берутъ, сего болѣе не случается.

Къ сговору приглашаются ближайшіе пріятели. Отецъ вызываетъ свою дочь изъ комнаты, и она выходитъ закрытая фатою, и ее спрашиваютъ почти такъ, какъ это дѣлалось у древнихъ Римлянъ, желаетъ ли она такого то. Если она отвѣтитъ утвердительно, то отецъ ударяетъ ее тихонько новою плеткой, приговаривая: «Любезная дочь! Вотъ послѣдніе удары, получаемые тобою отъ меня, подъ властью котораго ты доселѣ состояла: твой присущій мужъ займетъ теперь мое мѣсто, и отнынѣ самъ, если ты не будешь повиноваться ему, будетъ тебя наказывать.» Послѣ чего передаетъ онъ плетку въ руки зятя, который принимаетъ этотъ подарокъ, но какъ лишній, то, въ слѣдъ за симъ, даетъ своей невѣстѣ поцѣлуй.

Что жены, какъ увѣряютъ Іоаннъ Барклай, Петръ Петрей въ «Московской Хроникѣ» (Chron Moscovit.) и другіе писатели, любятъ получать побои отъ своихъ мужей, и что онѣ, чѣмъ болѣе послѣдніе ихъ бьютъ, тѣмъ болѣе увѣрены въ ихъ любви, это противорѣчитъ природѣ. Напротивъ, были примѣры, что жены, которыя были биты своими мужьями, мстили имъ нетолько бранными словами, но и искали всевозможныхъ средствъ лишить ихъ жизни. Но причина, по чему ихъ бьютъ, та, что онѣ преданы пьянству и непокорны, подаютъ поводъ къ ревности и т. д.

Между свадьбою людей знатныхъ и простыхъ большая разница, хотя брачный обрядъ совершается одинаково у тѣхъ и другихъ. Когда настаетъ день свадьбы они нанимаютъ двухъ женщинъ (Svacha), которыя распоряжаются всѣмъ въ этотъ день. Свахи не-

вѣсты отправляются въ этотъ день съ разодѣтыми прислужниками, навьюченными подарками, въ домъ жениха, чтобы тамъ помочь приготовить все, что нужно, какъ то: роскошную брачную постель и пр.

На канунѣ свадьбы посылаетъ женихъ свою сваху, въ сопровожденіи нѣсколькихъ прислужниковъ, съ великолѣпными нарядами и уборами, также съ ларчикомъ, наполненнымъ драгоцѣнностями, гребенку, зеркало и коробочку румянъ, которыя Русскія женщины всегда употребляютъ; ибо никто не посмѣетъ явиться на свадьбу не нарумянившись, если не хочетъ навлечь на себя всеобщее презрѣніе и насмѣшки. Въ навечеріе свадьбы является женихъ со всѣмъ своимъ семействомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, который долженъ вѣнчать въ домъ невѣсты, гдѣ собраны всѣ ея родные, и его принимаютъ съ великими почестями. За тѣмъ вся женихова родня и самъ женихъ садятся за столъ. Тогда приводятъ изящно одѣтую невѣсту, покрытую фатой, и садятъ ее подлѣ жениха занавѣшенною; два, для сего назначенныя, мальчика стерегутъ невѣсту и жениха, чтобы они другъ друга не могли видѣть. Между тѣмъ временемъ является невѣстина сваха и причесываетъ ее, вплетая ленты, или шнурки, въ волоса, изъ которыхъ она плететъ двѣ косы и надѣваетъ ей на голову золотой вѣнецъ, богато украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Та же самая сваха причесываетъ и жениха, и снимаетъ красное покрывало, которое находилось между ними: тогда невѣста приближаетъ свою щеку къ щекѣ жениха, и оба смотрятся въ зеркало, ласково улыбаясь другъ другу, при чемъ сваха и невѣстины посаженныя сестры бросаютъ хмель вокругъ всѣхъ стоящихъ, женщины встаютъ на стулья и лавки, и поютъ до того срамныя пѣсни, что скромнымъ ушамъ нельзя ихъ слушать. Тутъ является Попъ, и благословляетъ невѣсту и жениха хлѣбомъ и большимъ сыромъ, обложеннымъ соболями, подносимыми двумя мальчиками, которые ихъ въ такомъ же видѣ относятъ въ церковь; въ слѣдъ за тѣмъ встаютъ изъ за стола, какъ отецъ жениха, такъ и отецъ невѣсты, мѣняютъ кольца у новобрачныхъ, послѣ чего ведутъ ихъ въ церковь, гдѣ прежде всего ублаготворяютъ Священника, который за частую такъ ужь бываетъ пьянъ, что едва можетъ двигаться. Потомъ держатъ образа тѣхъ Святыхъ, которыхъ невѣста и женихъ выбрали своими покровителями, надъ ихъ головами, пока Попъ благословляетъ ихъ, послѣ чего онъ кладетъ правую руку жениха и лѣвую невѣсты между своими и спрашиваетъ ихъ три раза: «Желаютъ ли они при-

надлежать другъ другу и жить вмѣстѣ?» и послѣ того, какъ они на это отвѣтятъ да, водитъ онъ ихъ кругомъ по церкви, поя отъ слова до слова 128 псалмъ, [13] все припригивая при томъ. По окончаніи псалма мальчикъ приноситъ два красивыхъ вѣнца, которые Попъ возлагаетъ на головы невѣсты и жениха, а если они были вдовыми, то кладетъ ихъ на плеча, съ слѣдующими словами: «Еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ! Растите и множитеся!» Послѣ этого всѣ поѣзжане зажигаютъ небольшіе свѣточи и Попъ пьетъ за здравіе жениха и невѣсты стаканъ краснаго вина, а они обязаны отвѣчать ему такимъ же образомъ три раза, потомъ женихъ бросаетъ стаканъ объ землю и вмѣстѣ съ невѣстой топчатъ ногами его осколки, приговаривая: «Такъ да уничтожатся всѣ тѣ, которые возбудятъ между нами ненависть и посѣятъ несогласіе!» при этомъ всѣ женщины бросаютъ на нихъ льнянымъ и конопляннымъ сѣмянемъ и приносятъ свои поздравленія. За тѣмъ женихъ въ каретѣ, или саняхъ, везетъ невѣсту къ себѣ, куда за женихомъ слѣдуютъ всѣ поѣзжане, которыхъ, когда они собрались, усаживаютъ за столъ съ женихомъ и угощаютъ ихъ отмѣннымъ образомъ, и когда они поѣли и попили въ удовольствіе, то забавляются пляскою. Невѣсту, которая не садится за столъ, тотчасъ по пріѣздѣ раздѣваютъ и кладутъ въ постель. Вскорѣ за тѣмъ призываютъ къ ней жениха отъ стола, и когда онъ входитъ, она выходитъ изъ постели, одѣтая въ спальное бѣлье и, исполненная любви, обнимаетъ его. Когда они сѣли, имъ подаютъ мясное блюдо, отъ котораго они вмѣстѣ вкушаютъ, послѣ чего молятся и опочиваютъ. За ихъ дверью ставится на стражу старый семейный служитель, который черезъ часъ долженъ спросить новобрачныхъ, исполнили ли они, что требуется брачнымъ закономъ? и когда женихъ дастъ утвердительный отвѣтъ, играютъ въ трубы, и, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, ведутъ новобрачныхъ въ красиво убранную и накуренную благоуханными травами баню, гдѣ они моются въ свое удовольствіе, послѣ чего новобрачная даритъ своему мужу красивую сорочку, вышитую около ворота золотомъ и жемчугомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ему новую одежду. Спрашиваніе о ненарушенной дѣвственности, «intacta virginitate,» считается Русскими въ настоящее время смѣшнымъ и глупымъ.

Свадебное веселіе продолжается два, или три, дня, и въ это время раздаютъ подарки; при этомъ нѣтъ недостатка въ го-

---

[13] То есть, 127-й. О. Б.

вядинѣ, крупѣ (кашѣ?), музыкѣ и пляскѣ, и такъ какъ они очень много ѣдятъ и пьютъ, то между ними происходятъ разныя продѣлки, такъ что пока мужъ успѣетъ отбиться, жена часто находитъ случай причислить его къ братству Актеона и достичь съ другимъ обожателемъ, чего она давно желала. Послѣ подобнаго пира жены и дѣвицы снова заключаются въ свои покои, и запрещается имъ всякое обхожденіе съ мужчинами.

Седьмою заповѣдью (8-й) воровство строго запрещается въ Россіи, однако жь ни одного вора не вѣшаютъ, какъ бы велика ни была его кража. За воровство менѣе двухъ риксдалеровъ виновнаго казнятъ, растянувши навзничь и держа за голову и за ноги, чтобы онъ не могъ шевелиться. Болѣе значительная кража, учиненная въ первый разъ, и когда воръ не можетъ возвратить покраденное, наказывается кнутомъ (knut) и палачъ отрѣзаетъ преступнику правое ухо, потомъ его сажаютъ въ острогъ на два года на хлѣбъ и воду, за тѣмъ уже освобождаютъ. Если же покраденное возвращается воромъ, то его сажаютъ въ темницу только на одинъ годъ Но если воръ будетъ пойманъ вторично съ подобной значительной кражей, то его опять сѣкутъ кнутомъ, какъ въ первый разъ, онъ лишится остальнаго уха и его засаживаютъ въ темницу, пока не представится случай послать въ Сибирь, гдѣ онъ осужденъ оставаться до самой смерти. Лихоимство и мошенничество считается у нихъ небольшимъ грѣхомъ, тѣмъ менѣе, что тѣхъ, которые найболѣе могутъ надуть другъ друга, считаютъ самыми ловкими и умными людьми.

Что касается восьмой (9-й) заповѣди, то Русскіе научились очень ловко обходить ее, не смотря на то, что недоказанное обвиненіе жестоко наказывается. Доказательства представляются свидѣтелями, которыхъ можно легко купить, чтобы они, подобно мошенникамъ, дали ложную присягу. По тому жалующійся подвергается сперва наказанію кнутомъ и другимъ пыткамъ, пока онъ не подтвердитъ своей жалобы, и послѣ сего этимъ же наказаніямъ подвергается и обвиняемый, котораго, будь онъ виновенъ, или невиненъ, такъ долго мучать, пока онъ не сознается въ взводимомъ на него, правильно, или неправильно, преступленіи; однако жь рѣдко проигрываетъ тотъ, кто первый жалуется. Подкупъ судей въ Россіи чрезвычайно употребителенъ, и тотъ, кто сильнѣе и богаче своего противника, можетъ быть увѣренъ, что выиграетъ дѣло.

Не смотря на девятую (10-ую) заповѣдь, они ни сколько не совѣстятся хитростью присвоить себѣ добро ближняго и т. д.

Все это только подражаніе 10 Заповѣдямъ, которыхъ Русскіе совершенно не признаютъ, говоря, что Спаситель уничтожилъ Ветхій Завѣтъ; ибо если слѣдовать Закону (Моисея), то слѣдовало бы удержать также обрѣзаніе и многое другое, что неприлично Христіянамъ послѣ того, какъ Спаситель далъ Новый Завѣтъ, и значитъ, кто привязанъ къ (Моисееву) Закону, тотъ отрицаетъ Христа.

ГЛАВА VIII.

О Святой Троицѣ.

Русскіе твердо вѣрятъ въ то, что Богъ, ради Іисуса Христа, хочетъ сдѣлать наши души блаженными; но что Богъ, со временъ Адама до Рождества Христова, такъ предавался пылу своего гнѣва, что и праведные, въ слѣдствіе наказанія Адама, были удержаны подъ властью злаго духа до воскресенія Христа. Они также думаютъ, что Христосъ вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ, посредникъ и единственная вина нашего блаженства, не будучи разлученъ съ Отцомъ, который его прислалъ, и существуетъ во плоти, и что онъ добровольно страдалъ и умеръ, а потомъ собственною силою воскресъ и вознесся на небо, но послѣ своего вознесенія послалъ проповѣдывать своихъ Святыхъ Апостоловъ и Учениковъ Евангеліе, между которыми онъ также, какъ и между вѣрующими, пребудетъ до скончанія свѣта, когда придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Такимъ образомъ Русскіе находятся въ ожиданіи Страшнаго Суда, и вѣрятъ въ него.

Точно также они вѣруютъ, что Святой Духъ равенъ Отцу и Сыну честью, величіемъ, могуществомъ, дѣйствіемъ и волею; но держатся съ большимъ упорствомъ того, что онъ исходитъ только отъ Отца, а не также и отъ Сына. Они учатъ сверхъ сего, что мы едины со Христомъ, и что всѣ вѣрующіе составляютъ одно тѣло, не по существу, но посредствомъ вѣры, исполняя заповѣди Христовы; что мы и достигли искупленія и блаженства заслугами Христа; но не всегда исключаютъ также добрыя дѣла, согласно тому, какъ у Joh. Basilid cap. 6. Reipubl. объясняется посланіе

Іякова о добрыхъ дѣлахъ и Павла о вѣрѣ. Они говорятъ: что бы достигнуть блаженства, должно имѣть вѣру и дѣлать добрыя дѣла; ибо Павелъ не исключаетъ добрыхъ дѣлъ, говоря о вѣрѣ Авеля, Еноха, Ноя, Авраама и др., которая дѣйствительно служитъ основаніемъ блаженства, такъ какъ живая вѣра свидѣтельствуется добрыми дѣлами; и такимъ образомъ считаютъ невозможнымъ достигнуть царства небеснаго безъ совершенія добрыхъ дѣлъ, которыхъ они, однако же, въ дѣйствительности мало совершаютъ. Признаютъ также, что вѣрующіе могутъ лишиться милости Божіей, но не должны отчаяваться; ибо гнѣвъ Божій непродолжителенъ: Богъ прощаетъ и скоро забываетъ величайшіе грѣхи. Вѣрятъ также, что человѣкъ, Божіимъ словомъ возрожденный, при содѣйствіи Святаго Духа, можетъ сохранить благодать, которой онъ сподобился, и достигнуть вѣчной жизни. Русскіе кажутся очень благочестивыми, хотя едва одинъ изъ десятерыхъ знаетъ «Отче Нашъ,» такъ какъ они увѣряютъ, что эта молитва существуетъ только для господъ и священства, которые не знаютъ другого дѣла и другихъ заботъ. Но они взываютъ къ Богу словами: «Господи, помилуй!» (Gospodi pomilui), обращенными къ образу, который чествуется зажженными передъ нимъ свѣчами. Точно также молятся они за умершихъ, дабы покой ихъ былъ безмятежнѣе и чтобы тѣ съ меньшимъ мученіемъ ожидали Страшнаго Суда; однако они отвергаютъ чистилище.

ГЛАВА IX.

О Русскомъ крещеніи.

Русскіе считаютъ крещеніе необходимымъ для входа въ царствіе небесное, такъ что простой народъ тотчасъ послѣ рожденія ребенка спѣшитъ окрестить его; но люди достаточные нѣсколько откладываютъ, дабы совершить крестины пообряднѣе. Знатные всегда увѣдомляютъ высшихъ военныхъ чиновъ, Министровъ, купцовъ и др., когда ихъ жены родятъ, и тогда тѣ спѣшатъ съ посѣщеніемъ, цѣлуютъ родильницу и кладутъ къ ней въ постель 1, 2, 3, 4, или болѣе червонцевъ съ запиской о своемъ имени; цѣлуютъ потомъ ее въ другой разъ и уходятъ. Чѣмъ знатнѣе отецъ новорожденнаго, тѣмъ большимъ знакомъ дружбы онъ

за это награждаетъ, и кто тароватѣе, тотъ цѣнится болѣе. Русскіе крестятъ своихъ дѣтей всегда въ церкви, если они не слишкомъ далеко отъ нея живутъ, или если ребенокъ не слишкомъ слабъ. Воду освящаютъ и благословляютъ, приписывая ей такую силу, что она очищаетъ внутренно и наружно новокрещеннаго отъ всѣхъ грѣховъ.

Крестныхъ отцовъ приглашаютъ не болѣе двухъ, которые обязаны, пока они живы, крестить всѣхъ въ томъ семействѣ, если бы даже у родителей было десять и болѣе дѣтей. При крещеніи крестный отецъ отвѣчаетъ отъ имени ребенка, и когда Священникъ подходитъ къ ребенку, отцу его, куму и кумѣ, или проходитъ мимо ихъ, всѣ они отступаютъ и отрекаются отъ дьявола и его дѣлъ, и отплевываются съ такою ревностію, какъ будто они на него самаго плюютъ. Заклинаніе (exorcismus) заключается потомъ внѣ церкви; ибо они думаютъ, что дьяволъ на самомъ дѣлѣ присутствуетъ въ тѣлѣ ихъ ребенка, и что совершить заклинаніе въ церкви значило бы осквернить ее. За тѣмъ срѣзываются особымъ образомъ волоса съ головы младенца и, завернувъ ихъ въ воскъ, кладутъ на извѣстное въ церкви мѣсто. Имя же ребенку дается тотчасъ по просьбѣ крестныхъ отцовъ, и погружаютъ его трижды въ купель, наполненную водою, говоря: «Крещается во имя Отца, и Сына, и Св. Духа.» Купель послѣ того запирается въ назначенномъ для сего помѣщеніи. Крещеніе никто, кромѣ Священника, совершить не можетъ, въ какой бы крайности ни находился ребенокъ,

Послѣ того Священникъ кладетъ ребенку въ ротъ соли, помажетъ его мазью или масломъ крестообразно на лбу, на груди, на рукахъ и на спинѣ, и надѣваетъ ребенку бѣлую сорочку, говоря: «Такимъ образомъ совершилось надъ тобою омовеніе и очищеніе отъ смертнаго грѣха!» потомъ онъ вѣшаетъ на шею младенца, какъ знакъ Христіянства, маленькій крестикъ золотой, серебряный, или оловянный, смотря по достатку родителей, и если кто при смерти окажется безъ креста, то такого не хоронятъ на кладбищѣ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ зарываютъ собакъ.

Русскіе при крещеніи назначаютъ ребенку покровителя (Patron) изъ Святыхъ, образъ котораго онъ съ того времени долженъ имѣть при себѣ и въ своемъ домѣ и ему молиться. Когда крещеніе совершено, Священникъ цѣлуетъ отца, ребенка и кумовьевъ, которыхъ онъ предостерегаетъ не заключать брачныхъ союзовъ между собою; за тѣмъ, въ головахъ новорожденнаго, Священникъ дѣлаетъ крестъ на дверяхъ, на которыхъ онъ трижды ударяетъ

молоткомъ, такъ что всѣ свидѣтели крещенія слышатъ удары; ибо безъ оныхъ могли бы усомниться въ совершеніи крещенія.

Крещеніе дѣтей знатныхъ происходитъ точно такимъ же образомъ, просто и безъ всякаго великолѣпія, по примѣру Христа.

Такъ какъ они полагаютъ, что всякое крещеніе не по ихъ обряду есть неправильное, то дожны всѣ, переходящіе въ ихъ Вѣру, снова подвергаться оному, въ какомъ бы возрастѣ они ни были, что происходитъ, по большой части, лѣтомъ; но прежде наставляютъ ихъ шесть недѣль въ монастырѣ, и они отрицаются отъ своей прежней Вѣры, послѣ чего приводятъ ихъ къ рѣкѣ и погружаютъ трижды съ обыкновенною обрядностью; если же случится это зимой, то дѣлаютъ во льду прорубь; но если желающій креститься не очень здоровъ, чтобы перенести подобную купѣль, то выливаютъ на его голову три бочки воды, что равно тому, какъ будто его три раза погрузили въ воду. Но они, однако же, говорятъ, что тѣ, которыхъ только обливаютъ водою—Христіяне обливанцы, а настоящіе Христіяне только тѣ, которыхъ погружали.

ГЛАВА X.

О таинствѣ причащенія у Русскихъ.

Русскіе приступаютъ къ причастію съ большимъ благоговѣніемъ, но не употребляютъ гостію (hostia), какъ Римскіе Католики, а приготовляютъ два рода хлѣба, которые всегда должны быть испечены вдовою Священника такихъ лѣтъ, когда женщины перестаютъ уже рожать дѣтей. Первый хлѣбъ печется и освящается въ Великій Четвертокъ, и сохраняется круглый годъ только для больныхъ. Другой же благословляется или освящается не иначе, какъ во время литургіи, и служитъ для всѣхъ другихъ причастниковъ. Русскіе запрещаютъ, наравнѣ съ Греками и вопреки Латинской Церкви, употреблять хлѣбъ не поднявшійся (т. е., отъ дрожжей), и сперва подогрѣваютъ вино и мѣшаютъ его съ теплою водою (такъ какъ изъ ребра Іисуса Христа текла теплая кровь и вода) въ чашѣ, потомъ крошатъ квашеной хлѣбъ также въ чашу, и за

тѣмъ все это вмѣстѣ освящаютъ, и вѣрятъ, что оно тотчасъ пресуществляется въ истинное тѣло и кровь Христовы: въ такомъ видѣ даютъ они это заразъ на ложечкѣ причастникамъ со словами: «Сіе есть истинное тѣло и кровь Христовы, за тебя и за многія,» и пр. «во искупленіе грѣховъ. Когда принимаешь сіе, ты не долженъ забывать, что совершаешь сіе въ память Христа. Дай Богъ, чтобы это послужило тебѣ къ добру и блаженству!»

Такъ какъ Русскіе при причастіи ничего болѣе не употребляютъ, какъ красное вино, то такое вино избавлено отъ привозной пошлины.

Когда они желаютъ причащаться, то приготовляются къ тому за два дня; на канунѣ должны перечислить Священнику всѣ свои грѣхи, не умалчивая ни одного изъ нихъ. На слѣдующій день они отправляются въ церковь, испросивъ передъ тѣмъ прощеніе у всѣхъ ближнихъ и чтобы они не обвиняли ихъ въ томъ, что они противъ нихъ согрѣшили. Женщины и дѣвицы должны явиться съ волосами, спускающимися ниже плечъ, но съ покрытою головою.

Въ Субботу они причищаются, послѣ того какъ они на канунѣ исповѣдывались и не ѣли мяса. На другой день, въ Воскресенье, раздаютъ они другой хлѣбъ (Kutio), какъ знакъ Христіянской любви, и также весь день проводятъ въ постели, чтобы избѣгнуть случая нагрѣшить. Дѣтямъ они даютъ причастіе, но только половинное; когда же они достигнутъ 7-лѣтняго возраста, то полное, по тому что тогда дѣти понимаютъ уже, что значитъ грѣшить. Они даютъ хлѣбъ и вино также воинамъ, отправляющимся въ походъ, съ тѣмъ, чтобъ въ крайности тѣ могли сами себя причащать. До причастія считаютъ причастниковъ причастія, дабы не освятить болѣе, чѣмъ необходимо.

Точно также причащаютъ они тѣхъ, кто находится при смерти, такъ какъ надъ ними совершено, какъ надъ Католиками, совершается соборованіе и напутственное очищеніе для того свѣта, поручивъ въ послѣдствіи больного всемогуществу Божію, не давая ему ни лѣкарства, ни мяса, если не встрѣтятся явные признаки выздоровленія.

Они никого не допускаютъ къ причастію, если онъ въ частности и вообще не исповѣдалъ своихъ грѣховъ.

ГЛАВА XI.

О постѣ у Русскихъ.

Русскіе считаютъ постъ существенною и необходимою принадлежностью своей Религіи, такъ что они до причастія постятся восемь дней, питаясь только небольшимъ количествомъ хлѣба и кваса (кислый напитокъ изъ муки и воды), и то только для поддержанія своей жизни.

Ихъ постъ состоитъ, во первыхъ, въ воздержаніи отъ мяснаго и всего, что происходитъ отъ него, какъ то: сыра, яицъ, масла, молока и т. д.; во вторыхъ, они воздерживаются отъ крѣпкихъ напитковъ; въ третьихъ, отъ тѣлеснаго довольствія, дозволяемаго бракомъ.

Кромѣ своихъ обыкновенныхъ постовъ, они имѣютъ еще четыре другихъ: первый сорокодневный постъ за семь недѣль до Пасхи, когда не ѣдятъ сыра, яицъ, молока, масла и т. д., по чему ихъ Митрополитъ, Іоаннъ (Jan) объявляетъ секту Яковитовъ и Армянъ ересью, по тому что они въ этотъ святой постъ ѣдятъ подобное.

Второй постъ — Петровки (Petrini), начинается 8 дней послѣ Троицы и продолжается до Петрова дня. Третій начинается 1-го Августа, въ честь Божіей Матери и продолжается до ея Успенія. Между этими постами существуетъ то различіе, что первый соблюдается по заповѣди и примѣру Іисуса Христа, а другимъ они подчинились добровольно, по самоотверженію.

Восемь дней до Великаго Поста они справляютъ Масляницу (Mastenitze), называемую такъ по тому, что имъ позволено ѣсть коровье масло, вмѣсто котораго они потомъ должны употреблять постное масло. Въ эту недѣлю, вмѣсто того, чтобы приготовить себя къ участію въ страстяхъ Спасителя, они проводятъ ночи и дни въ ужасномъ обжорствѣ мясомъ, пьянствѣ и съ женщинами, при чемъ предаются убійствамъ и другимъ страшнымъ порокамъ. Они угощаютъ другъ друга большимъ количествомъ пироговъ, блиновъ, пышекъ, наполненныхъ масломъ и яйцами, и все это запиваютъ такимъ количествомъ меда, пива и водки, что, пришедя отъ сего въ изступленіе, въ чаду убиваютъ другъ друга, какъ скотовъ, такъ что въ то время только и слышишь объ убійствахъ, даже въ Москвѣ ихъ совершается множество въ недѣлю. Трупы убитыхъ относятся въ извѣстное, назначенное для сего, помѣще-

ніе. Туда отправляются тѣ, которые понесли потерю и, если находятъ тамъ умершаго, то такъ начинаютъ выть и вопить, что трудно и описать; но умершій, никѣмъ не признанный, бросается въ яму, наполненную известкой, гдѣ онъ вскорѣ и уничтожается.

Нынѣшній Патріархъ хотѣлъ уничтожить подобный безпорядокъ, но успѣлъ только въ томъ, что четырнадцать дней сокращены на восемь, точно также, какъ Папа Инокентій XI съ Италіянскимъ карнаваломъ; ибо тогда, какъ въ Италіи, ни одна Княжеская личность не смѣетъ показаться въ окнахъ, чтобы не быть оглашенной за распутство. Русскіе не только сидятъ цѣлый день, во всемъ своемъ блескѣ, въ окнахъ, но и совершаютъ различныя распутства, такъ что вся разница между Русскою Масляницею и Итальянскимъ Карнаваломъ состоитъ въ томъ, что въ Москвѣ полиція, по причинѣ пьянства, не исполняетъ своей обязанности, тогда какъ въ Италіи полиція предупреждаетъ всевозможные безпорядки.

Когда кончается у нихъ постъ, то идутъ въ церковь, обращаются къ какому либо Святому и сознаются въ своихъ грѣхахъ одинъ за другимъ, какъ у Католиковъ, обѣщаясь исправиться, послѣ чего Священникъ отпускаетъ имъ грѣхи, налагая, смотря по величинѣ грѣховъ, наказаніе, состоящее въ постѣ на извѣстное время, чтеніи множества молитвъ, воздержаніи отъ своей жены на нѣкоторое время, отправленіи на богомолье, или тому под. Самъ Царь и придворные его сановники часто исповѣдаются, постятся 3, или 4, дня, молятся и упражняются въ другихъ дѣлахъ набожности, по чему простой народъ полагаетъ, что исповѣдь и посты установлены единственно для высшаго сословія, а ему достаточно вѣрить въ Св. Троицу и жить согласно съ Евангеліемъ.

Далѣе, можно причислить къ ихъ религіознымъ упражненіямъ или празднествамъ слѣдующія:

Въ извѣстный день въ Апрѣлѣ духовенство обходитъ съ своими образами и въ облаченіи вокругъ валовъ въ Москвѣ, при чемъ кадятъ и читаютъ.

21-ое Мая они празднуютъ особеннымъ образомъ. Они ходятъ въ зеленыя рощи и плетутъ изъ травы, или зеленыхъ вѣтвей, вѣнки, черезъ которые они цѣлуются, и никто не вправѣ отказаться отъ сего.[14]

---

[14] Въ кабакахъ держатъ водку, пиво, табакъ и трубки. Водку не мѣрятъ, а

ГЛАВА XII.

О мертвыхъ и ихъ погребеніи.

На 3-й день по скончаніи Русскіе кадятъ мертвыя тѣла, неся гробовую покрышку передъ покойникомъ. Толпа наемныхъ женщинъ предшествуетъ покойнику съ воплемъ и плачемъ. Образъ того Святаго, чье имя умершій получилъ при крещеніи, несется передъ нимъ Попомъ, который на могилѣ держитъ этотъ образъ надъ покойникомъ, между тѣмъ какъ окружающіе часто повторяютъ молитву: «Господи, помилуй!» эту душу, при чемъ постоянно кадятъ. Родители и друзья прикладываются между тѣмъ къ образу, и Священникъ кладетъ наконецъ, между рукъ покойника пропускъ въ небо такого содержанія: «Мы № № Епископъ, Священникъ, исповѣдуемъ и объявляемъ, что присутствующій жилъ среди насъ, какъ добрый истинный Грекъ (Православный), и хотя онъ грѣшилъ, тѣмъ не менѣе получилъ отпущеніе и пріобщенъ Св. Таинъ, также былъ истиннымъ слугою Бога и своихъ Святыхъ, постился и молился какъ слѣдуетъ. Онъ также всегда хорошо велъ себя относительно меня №, его духовнаго отца, такъ что я ему даю полное отпущеніе отъ всѣхъ его грѣховъ; по тому и мы дали ему это свидѣтельство, для передачи Св. Петру и другимъ Святымъ, дабы, посредствомъ онаго, могъ онъ безпрепятственно быть допущенъ къ вратамъ вѣчной славы.»

Это одобреніе Небу, которымъ Русскіе весьма дорожатъ, подписано Патріархомъ, или Епископомъ, и скрѣплено печатью. За тѣмъ опускаютъ покойника въ могилу головою на востокъ, послѣ чего обращаются къ нему остающіеся послѣ него мужъ, или жена, такимъ образомъ: «Ты №, теперь умолкъ: отъ чего ты умеръ? Чего недоставало тебѣ: не было ли у тебя достаточно пищи, или недовольно усердно служили тебѣ? Не уже ли ты ничего болѣе не скажешь?»

Съ такими жалобами вся толпа и наемные плакальщики

вѣшаютъ, и фунтъ ея стоитъ обыкновенно 1 каролинъ или 16 виттенъ, смотря по ея качеству. Если она хуже, то фунтъ стоитъ полъ каролина. Что касается простаго (prosta) вина, то цѣна ему недорогая. Тутъ можно также замѣтить, что оно продается на наличныя деньги, и что никто не смѣетъ ввозить водку въ свои погреба, не заплативъ въ Царскую казну.

возвращаются, одѣливъ деньгами и мясомъ бѣдныхъ, которые съ этою цѣлью собрались на кладбищѣ. По возвращеніи въ жилище покойника, они такъ много ѣдятъ, въ память его, что никто трезвымъ домой не уходитъ.

Въ продолженіи 6 печальныхъ недѣль читаетъ назначенный Попъ надъ могилой нѣкоторые псалмы Давыда, или изъ Новаго Завѣта, для успокоенія усопшей души.

Только съ начала весны они разсыпаютъ цвѣты, шелкъ и воскъ вокругъ могилы, и кладутъ кругомъ мясныя блюда, которыми часто пользуются Попы съ нищими.

ГЛАВА XIII.

О состояніи души послѣ смерти.

Русскіе учатъ, что Христіанинъ долженъ такъ умирать, какъ будто бы смерть была не что иное, какъ болѣзнь, чтобы онъ, какъ праведный, могъ сподобиться вѣчной жизни и не былъ удержанъ злыми духами на воздухѣ. Они также говорятъ, что душа, посредствомъ свѣта своихъ добрыхъ дѣлъ, будетъ свѣтить какъ солнце, и не можетъ быть удержана, или отправлена обратно, чертями, не находящими въ ней чего либо, имъ принадлежащаго; что люди получили эту великую милость черезъ рождество Христово и воплощеніе его, и что до него праведные умирали вѣчною смертію по Римл. гл. 5. Когда родился Христосъ, онъ сокрушилъ власть смерти, искупилъ праведныхъ отъ ада и, посредствомъ своего воскресенія, ввелъ ихъ съ торжествомъ съ собою на небо. Они оспариваютъ, чтобы души праведныхъ могли лицезрѣть Бога до воскресенія мертвыхъ и, кромѣ того, учатъ, что всѣ люди святой жизни пребываютъ въ великолѣпнѣйшемъ мѣстѣ съ Ангелами мира, но безбожники удерживаются въ вѣчной тьмѣ съ злыми ангелами до Страшнаго Суда: первые, признавая благость Бога, молятся, чтобъ день Суда скорѣе наступилъ, а послѣднія видятъ ежедневно передъ глазами свои вѣчныя муки. Чистилища, подобно Католикамъ, они не признаютъ, а, напротивъ, думаютъ, что душа послѣ смерти пребываетъ только въ двухъ мѣстахъ: въ царствѣ небесномъ, и въ аду.

ГЛАВА XIV.

Члены Русской Вѣры, одинаковые съ Евангелическими.

1. Не должно отрекаться отъ Священнаго Писанія, которое есть истинное слово Божіе и правило Вѣры.

2. Внѣ истинной Церкви нѣтъ спасенія, и по тому должно избѣгать смѣшенія вѣръ (Syncretismus).

3. Папа не есть глава Вѣры, но самъ себя провозгласилъ безъ повелѣнія Христа.

4. Римская Церковь не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ другими Церквами.

5. Враги Христовы суть также и ихъ (Русскихъ) враги.

6. Бракъ должно содержать свято, и онъ долженъ также быть дозволенъ Священству.

7. Должно почитать и уважать правительство и повиноваться ему.

8. Богослуженіе должно быть священно.

9. Богъ даетъ сонму вѣрующихъ власть вязать и рѣшить.

10. Одна только Святая Троица составляетъ Божество.

11. Должно оплакивать первородный грѣхъ.

12. Богъ не есть источникъ (причина) грѣха.

13. Бога должно любить больше всего, а своего ближняго должно любить, какъ самаго себя.

14. Богъ умилосердился надъ нами ради Христа.

15. Христосъ есть основаніе спасенія.

16. Христосъ присутствуетъ между вѣрующими до скончанія свѣта.

17. Ни молитва, никакой Святой, не могутъ снискать милость Христа; не смотря на то, они обращаются къ Святымъ.

18. Крещеніе должно совершаться, какъ установилъ Христосъ.

19. Таинство Причащенія должно совершаться подъ двумя видами.

20. Покаяніе крайне необходимо для Христіянина.

21. Вѣра истиннаго Христіянина должна быть живая.

22. Должно чаять вѣчной жизни.

23. Чистилища нѣтъ, а только два мѣста послѣ смерти: рай и адъ.

Изъ этихъ 23 членовъ явствуетъ, что Русскихъ можно считать Христіянами; ибо хотя они и не совершенно согласны съ Евангеликами, но все таки во многихъ членахъ сходятся съ ними.

ГЛАВА XV.

Въ слѣдующихъ частяхъ Русскіе несходятся съ Греками. [15]

1. Отвергаютъ проповѣдь слова Божія и говорятъ, что надо бѣгать отъ нея.
2. Вновь крестятъ иновѣрцовъ и признаютъ Христіянами только послѣдователей своей Вѣры.
3. Допускаютъ разводъ брачный по малоуважительнымъ причинамъ.
4. Неохотно допускаютъ 2-ой, или 3-ій, бракъ, еще менѣе 4-ый.
5. Считаютъ Царя почти за Бога.
6. Слишкомъ высоко ставятъ монастырскіе порядки.
7. Не допускаютъ въ своихъ церквахъ музыки.
8. Придаютъ колокольному звону при богослуженіи большое значеніе.
9. Слишкомъ придаютъ значеніе свободной волѣ.
10. Не признаютъ 10 Заповѣдей.
11. Призываютъ (въ молитвахъ) усопшихъ Святыхъ.
12. Не довольно свято соблюдаютъ праздничные дни.
13. Не наказываютъ за блудъ.
14. Отвергаютъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына.
15. Такъ мало знакомы съ Христіянскимъ ученіемъ, что немногіе знаютъ «Отче нашъ» и «Символъ Вѣры.»
16. Молятся за усопшихъ.
17. Совершаютъ Св. Причастіе на кисломъ хлѣбѣ съ теплымъ виномъ, смѣшаннымъ съ водою.

---

[15] Встрѣчающіяся здѣсь противорѣчія очевидны, и по тому не требуютъ никакого особеннаго опроверженія, да при томъ многое не сходствуетъ скорѣе не съ Греками, а съ Лютеранами. О. Б.

18. Не причащаютъ отдѣльно тѣломъ Христовымъ и кровью, на то и другое вмѣстѣ достаютъ лжицею изъ чаши.

19. Пріобщаютъ также малыхъ дѣтей.

20. Придаютъ добрымъ дѣламъ слишкомъ большое значеніе.

21. Вѣрятъ, что вѣрующіе благочестивые люди, жившіе до рождества Христова, сошли въ адъ.

22. Не вѣрятъ, чтобы души праведныхъ могли узрѣть Бога до воскресенія изъ мертвыхъ.

23. Умершимъ даютъ видъ къ Св. Петру, называемому иначе «St. Pär.»

До 1711 г. не требовалось богословскаго испытанія, когда самъ Царь повелѣлъ, чтобы Малый Катихизисъ Лютера былъ набранъ и напечатанъ на Русскомъ языкѣ, а также приказалъ, чтобы безъ знанія его наизусть, никого не посвящали въ духовный санъ.

Вотъ краткое изложеніе Русской Вѣры, представленное, согласно истинѣ, такъ, какъ описывающій видѣлъ то собственными своими глазами.

V

СМѢСЬ

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ

ИСТОРІИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

А. И. СТОЙКОВИЧЪ.

Много шума надѣлало въ свое время въ Харьковѣ дѣло по обвиненію въ занятіяхъ торговлей Ректора Харьковскаго Университета, А. И. Стойковича. Какъ великъ былъ соблазнъ, возбужденный этимъ дѣломъ, и какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное имъ на современное мѣстное общество, а слѣдовательно, и какъ много повредило оно репутаціи только что начинавшаго свою жизнь въ Южно-Русскихъ степяхъ Университета, можно судить по тому, что до сихъ поръ слухъ о немъ свѣжо сохранился въ устныхъ преданіяхъ: до сихъ поръ, какъ скоро рѣчь заходитъ о старинѣ Харьковскаго Университета, на первый планъ выступаетъ злосчастное дѣло Стойковича, и весьма неблаговиднымъ свѣтомъ освѣщаетъ всю эту сторону. А между тѣмъ эта сторона сама по себѣ никакъ не заслуживаетъ такого освѣщенія и достойна полнаго уваженія.

Яркость свѣта и свѣжесть преданія объясняются не только тѣмъ, что, по обычному порядку, худая молва живучѣе и крѣпче запоминается, чѣмъ добрая, но и тѣмъ, что общество, среди котораго нежданно очутился Университетъ, говоря вообще, не было въ состояніи оцѣнить дѣйствительныя его достоинства и заслуги, а потому и не сдерживалось въ распространеніи слуховъ о скандалѣ, столь ему доступномъ и понятномъ. Живя крѣпко въ преданіи, слухъ объ этомъ скандалѣ перешелъ и въ печать, и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, повторяется чуть не каждый разъ, какъ только заходитъ рѣчь о старинѣ Харьковскаго Университета; рѣдкое воспоминаніе о послѣдней обходится безъ исторіи о торговлѣ Ректора Стойковича. Печать въ этомъ случаѣ опирается

не на одно преданіе, а и на записанныя современныя показанія, большею частію частнаго характера, рѣдко на оффиціальныя. Главнѣйшимъ источникомъ для этихъ повторяющихся въ печати, извѣстій служатъ записки современнаго происшествію Профессора Латинской Словесности Роммеля, прослужившаго въ Харьковскомъ Университетѣ три съ половиною года (отъ 17 Января, 1811 года, до половины Іюля 1814 г.) и писавшаго свои записки въ 1854 году, въ глубокой старости (ему было тогда 73 года), сорокъ лѣтъ спустя по выѣздѣ изъ Харькова. [1] Мы приведемъ здѣсь относящееся сюда мѣсто этихъ записокъ, вмѣстѣ съ краткой характеристикой Стойковича, выпуская то, что относится къ дохарьковской его жизни, или что не идетъ къ нашему дѣлу. «Нашимъ геніемъ добра и зла, говоритъ Роммель, былъ многоопытный, отлично изучившій слабыя стороны Русскихъ и Нѣмцевъ, честолюбивый Сербъ, Стойковичъ. Его высокая, худощавая фигура, строгое съ орлинымъ носомъ лицо, вызывали уваженіе, а рѣдкій даръ слова и административные таланты упрочили за нимъ огромное вліяніе. Онъ получилъ образованіе въ Геттингенѣ и, какъ Профессоръ Физики и писатель, по общему мнѣнію, былъ не столько самостоятельный ученый, сколько искусный компиляторъ. Составленный имъ учебникъ Физики былъ принятъ или, правильнѣе, навязанъ въ руководство Гимназіямъ, и доставилъ ему значительную сумму денегъ. Но скромныя занятія ученаго не были его призваніемъ, и настоящая арена открылась для него съ выборомъ въ Ректоры: въ теченіи трехъ лѣтъ онъ вполнѣ развернулъ необыкновенную, можно сказать, политическую свою дѣятельность... Вмѣстѣ съ Стойковичемъ основали мы при Университетѣ ученое Общество [2] и приняли въ члены его Губернатора,

---

[1] Записки Роммеля помѣщены въ 5-мъ томѣ сборника Фридр. Бюлау: «Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen. Leipz. 1854», стр. 421—600. Та часть записокъ, которая относится къ Харьковской жизни Роммеля, переведена на Русскій Г. Балясныйъ, подъ заглавіемъ: «Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго Университета. Харьковъ. 1868.» Мои замѣтки объ этомъ переводѣ, а также извѣстія о немъ изъ «Вѣстника Европы» за этотъ же годъ (Декабрь), помѣщены въ 26 и 27 №№ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1869 года.

[2] Это было, такъ называемое «Общество наукъ» при Харьковскомъ Университетѣ, утвержденное 6 Ноября, 1812 года. Оно состояло изъ двухъ отдѣленій: Естественныхъ наукъ, куда относилась не только Физика въ пространномъ смыслѣ, съ Химіею и Математикою, но и Врачебныя и другія науки, основывающіяся на созерцаніи и испытаніи природы, — и Словесности, заключающаго

Архіерея и всѣхъ образованнѣйшихъ почетныхъ лицъ въ окрестностяхъ. Русскимъ очень льстили почетные дипломы; мнѣ предложено предсѣдательство. Но тутъ вмѣшалось нашествіе Французовъ, раздувшее ненависть ко всѣмъ иностранцамъ: въ слѣдъ за тѣмъ общій взрывъ патріотизма выдвинулъ на первый планъ національное чувство Русскихъ и, заглушивъ всѣ другіе интересы, побилъ въ зародышѣ почти всѣ наши ученые планы. Около того же времени Стойковичъ принужденъ былъ искать другой арены. Понемногу открылись его торговыя спекуляціи, подрывавшія казну и состоявшія въ безпошлинномъ ввозѣ иностранныхъ товаровъ, особенно Венгерскаго вина. Началось скандальное слѣдствіе; онъ лишился должности.[3] М. И. Сухомлиновъ, въ «Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи,» выражается очень кратко о дѣлѣ Стойковича, ссылаясь на оффиціальные документы, хранящіеся въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. «Переселяющимся изъ за границы Профессорамъ, говоритъ онъ, дозволено было провозить безпошлинно вещей или пожитковъ на три тысячи рублей. Оказалось, что однимъ изъ лицъ, пользовавшихся этимъ правомъ, вывезено красное вино въ огромномъ количествѣ, а также эстампы, женскія украшенія, гранаты и разныхъ сортовъ ленты, которые разсылались для продажи по округу. Русскіе Профессора и нѣкоторые изъ иностранныхъ возстали противъ злоупотребленія и просили объ освобожденіи Университета отъ пришельца, который подвергался бы неминуемой карѣ въ своемъ отечествѣ и который запятналъ почтенное званіе въ глазахъ всѣхъ умныхъ, честныхъ

въ себѣ «науки и знанія, относящіяся къ языкамъ древнимъ и новѣйшимъ и ихъ литературѣ, слѣдовательно: Эстетика, Филологія, Археологія, древняя и новая Исторія, со всѣми вспомогательными науками.» Общество должно было издавать ежегодно одинъ томъ «разсужденій» (commentationes) на Латинскомъ языкѣ, заключающій въ себѣ «все, что относится къ распространенію наукъ и знаній, новѣйшія открытія самыхъ членовъ, или другихъ ученыхъ мужей,» и вообще все то, что въ ученомъ свѣтѣ должно быть извѣстно,» и «дневныя записки» на Русскомъ языкѣ (diaria), въ которыхъ должно помѣщаться то, «что для какого либо класса гражданъ въ отечествѣ полезно и извѣстно быть должно;» объемъ послѣднихъ для каждаго года не опредѣлялся, какъ зависѣвшій «отъ неудобопредвидимыхъ обстоятельствъ» (Дѣла 1812 г. № 53).

[3] «Пять лѣтъ,» и проч. стр. 71. Стойковичъ опредѣленъ Профессоромъ Физики въ Харьковскій Университетъ 1 Ноября, 1803 года, и былъ въ первый разъ Ректоромъ, по выбору Совѣта, въ 1807 году (утвержденъ 1 Дек., 1809 г.), а во второй разъ, по смерти Рижскаго, утвержденъ на три года въ 1811 году.

людей» (I, 137).[4] По интересу и важности дѣла, по краткости и общности существующихъ о немъ печатныхъ извѣстій, а также въ виду продолжающагося разнообразнаго устнаго преданія о немъ, едва ли можетъ показаться излишнимъ изложеніе его въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось въ современныхъ дѣлахъ Университетскаго архива, особенно въ журналахъ Совѣта.

Въ засѣданіи Совѣта 18-го Сентября, 1812 года, Адъюнктъ по Архитектурѣ Васильевъ[5] представилъ обширный Рапортъ слѣдую-

---

[4] Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи,» М. И. Сухомлинова, I, 93—95.

[5] Евгеній Алексѣевичъ Васильевъ обучался въ Горномъ Корпусѣ (1786—1793), и слушалъ Гражданскую Архитектуру у извѣстнаго Архитектора Гваренги, и экзаменовался въ Главномъ Правленіи Училищъ у Академика Воронихина; служилъ сначала въ С.-Петербургскомъ Городовомъ Магистратѣ, потомъ Засѣдателемъ въ Богодуховскомъ Земскомъ Судѣ, откуда, по Именному Указу, причисленъ къ Кабинету Его Величества (1802). Въ Харьковскій Университетъ опредѣленъ Адъюнктомъ по Архитектурѣ 24 Ноября, 1803 года, и здѣсь, сверхъ своихъ обязанностей, въ теченіе слишкомъ осьми лѣтъ, по Іюнь 1812 года, исправлялъ должность Университетскаго Архитектора, такъ какъ во все это время не было при Университетѣ особаго Архитектора. Кромѣ того, съ 1805-го года по 1810-й, онъ былъ Синдикомъ Университета. За составленный имъ планъ Университета, признанный Министромъ и всѣми членами Главнаго Правленія Училищъ «весьма красивымъ и доказывающимъ знаніе въ Архитектурѣ и дарованія трудившагося надъ онымъ», онъ получилъ отъ Попечителя Округа, въ Октябрѣ 1805 года, полную благодарность (Посл. сп. 1812). Приведемъ здѣсь характеристику Васильева изъ собственноручныхъ замѣтокъ Студента Харьковскаго Университета, одного изъ первыхъ выпусковъ, недавно скончавшагося, Т. С. Селиванова. «Е. А. Васильевъ человѣкъ былъ замѣчательный, и мало тѣхъ въ городѣ Харьковѣ, кому бы онъ не былъ извѣстенъ, да и мало было изъ людей порядочныхъ, особенно изъ купцовъ, съ кѣмъ бы онъ не былъ знакомъ; имѣлъ большія природныя способности и хорошія свѣдѣнія по многимъ частямъ. Онъ, кромѣ Архитектуры, читалъ Алгебру, знакомъ былъ съ Физикою и Химіею, но былъ безпеченъ, часто не бывалъ на лекціяхъ и Архитектуру свою часто облекалъ въ забавныя формы. Весельчакъ единственный, любитель и любимецъ веселыхъ компаній; въ одинъ иногда и тотъ же вечеръ на двухъ, или трехъ, свадьбахъ бывалъ, и отъ добрыхъ людей, по тогдашнему выраженію, не отставалъ. Все, что въ Харьковѣ до 1832 года построено лучшее, начиная отъ Дворянскаго Собранія, Университетскихъ зданій и Соборной колокольни, до купеческихъ порядочныхъ домовъ, есть его, Васильева, произведеніе. Много въ то же время построено зданій по планамъ и фасадамъ Городоваго Архитектора и Землемѣра Чернышова, но Чернышовъ преимущественно руководствовался совѣтами Васильева. Онъ, Васильевъ, былъ человѣкъ прямой, безъ претензій, могъ получать большія деньги и подарки, но получалъ немного, и изъ того не все домой приносилъ. Человѣкъ былъ безпечный и беззаботный.»

щаго содержанія. 14-го Августа того же года получилъ онъ отъ Правленія Университета предписаніе объяснить причины неукраснаго самовольнаго отъѣзда изъ Харькова во время вакацій, и въ послѣдній разъ тогда, когда ему, по болѣзни Университетскаго Архитектора, поручено было Совѣтомъ составить смѣту, въ слѣдствіе чего онъ цѣлую недѣлю долженъ былъ трудиться надъ составленіемъ плановъ, и притомъ въ то время, когда Университетскій Архитекторъ былъ совершенно здоровъ и ничѣмъ не занятъ. Изъ этого предписанія онъ заключилъ, что Ректоръ Стойковичъ питаетъ противъ него «какую-то скрытую ненависть и желаніе запятнать его репутацію предъ Правительствомъ и Членами Совѣта», и въ доказательство приводитъ три предписанія Ректора ему же отъ прошлаго года: въ первомъ, отъ 24 Іюня, Ректоръ требовалъ, чтобы онъ, выходя изъ дома, говорилъ своимъ домашнимъ, гдѣ его можно отыскать, такъ какъ въ немъ часто оказывается надобность, а посланные никогда не находятъ его дома; во второмъ, отъ 24 Іюля, присланномъ въ тогдашнее его мѣстопребываніе, во сто верстахъ отъ Харькова, съ нарочно отправленной на его счетъ эстафетой, Ректоръ требовалъ объясненія, почему онъ, получивши отпускъ только на недѣлю, находился въ отлучкѣ болѣе мѣсяца, и немедленнаго возвращенія въ Харьковъ; съ угрозою, въ противномъ случаѣ, донести Начальству; между тѣмъ по возвращеніи, пишетъ Васильевъ, никакого дѣла поручено ему не было; третьимъ предписаніемъ, отъ 16 Сентября, Ректоръ требовалъ отъ него, чтобы онъ ежедневно осматривалъ работы на крышахъ Университетскихъ зданій и слѣдилъ за доброкачественностію кровельныхъ матеріаловъ. Всѣ эти оскорбленія онъ переносилъ великодушно, надѣясь, что Ректоръ сохранитъ должное приличіе; но онъ не только упорно продолжалъ испытывать мое терпѣніе, но и обвинялъ меня въ неповиновеніи власти. Обвиненіе въ самовольной отлучкѣ изъ Харькова измышлено самимъ Ректоромъ, такъ какъ я отлучился изъ Харькова во время вакацій, когда всѣ Профессоры, по Уставу, свободны отъ занятій, а потому я не считалъ нужнымъ спрашивать, гдѣ мнѣ жить и какъ проводить время. Вся вина моя въ томъ, что я не сдѣлалъ должнаго заявленія о своемъ отъѣздѣ изъ города; цѣль же всѣхъ предписаній Ректора была та, чтобы лишить меня доходовъ, пріобрѣтаемыхъ мною отъ занятій постройками для част-

ныхъ лицъ и необходимыхъ для содержанія моего многочисленнаго семейства.»[1]

За тѣмъ начинается вторая часть Рапорта, связанная съ предъидущею только внѣшнею связью и заключающая въ себѣ доносъ на Ректора.

«Но могъ ли я, восклицаетъ Васильевъ, просить отпуска у Ректора, который своими предписаніями нанесъ мнѣ столько оскорбленій? Я по неволѣ забылъ къ нему должное уваженіе. Можно ли человѣку, ничѣмъ не запятнавшему свою службу, уважать Начальника, который изъ Университета сдѣлалъ торговое мѣсто, открывъ въ погребахъ его ведерную и бутылочную продажу вина?

«Могъ ли я дорожить мнѣніемъ того Начальника о моемъ отъѣздѣ изъ Харькова во время вакацій, который самъ, въ продолженіе цѣлаго года, не посѣщалъ аудиторій? Возможно ли честному Члену Совѣта прійти съ просьбою объ отпускѣ къ Ректору, который самопроизвольно передалъ торговкѣ Розаліи имущество Учителя Билинскаго, принадлежащее пенсіонной суммѣ? Какого уваженія заслуживаетъ Начальникъ, который унизилъ свое званіе до мелочнаго торгоша лентъ, матерій, гранатъ, эстамповъ? Всѣ эти самопроизвольныя и беззаконныя дѣйствія, столь явно совершаемыя, безъ сомнѣнія, извѣстны всѣмъ Членамъ Совѣта и не открыты Высшему Начальству только по тому, что сообщеніе этого рода имѣло бы видъ доноса, всегда представляющагося каждому Русскому чѣмъ-то ужаснымъ, и я самъ никогда бы этого не сдѣлалъ, если бы самъ Ректоръ не потребовалъ отъ меня актомъ показать причины моего къ нему неуваженія.» Въ заключеніе Васильевъ требуетъ себѣ законнаго удовлетворенія, ссылаясь на ст. 2-ю главы 4-й Воинскихъ Процессовъ или судебныхъ тяжебъ.

Хотя этотъ Рапортъ, для надлежащей его оцѣнки, и не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ, однако, по крайней мѣрѣ, для объясненія его происхожденія, необходимо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Васильевъ, какъ замѣчено выше, исправлялъ должность Университетскаго Архитектора по Іюнь 1812 года, то есть, какъ разъ до тѣхъ вакацій, въ которыя послѣдовали одно за другимъ извѣстныя предписанія Ректора. Изъ Ра-

[1] Въ 1812 году Васильевъ имѣлъ четверыхъ сыновей и одну дочь.

порта Васильева также видно, что во время вакацій уже былъ при Университетѣ особый Архитекторъ, который при томъ нѣкорое время былъ боленъ. Невольно рождается вопросъ: не произошло ли опредѣленіе Архитектора вопреки желанію Васильева и по настоянію Ректора Стойковича, и не началась ли вся бѣда отсюда? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, кажется, можетъ служить слѣдующее Отношеніе Правленія въ Совѣтъ, отъ 2 Апрѣля 1813 года, которое мы и приведемъ здѣсь: «Архитекторъ сего Университета Шмитъ просилъ сіе Правленіе о увольненіи его отъ оной должности для поступленія на вакансію Курскаго Губернскаго Архитектора; но Правленіе, не приступая само собою къ удовлетворенію просьбы Г. Шмита, представило о семъ на благоразсмотрѣніе Г. Министру Народнаго Просвѣщенія. Въ слѣдъ за симъ Адъюнктъ Архитектуры Васильевъ и Титулярный Совѣтникъ Вателетъ подали въ сіе Правленіе прошенія, изъ коихъ первый просилъ возложить на него отправленіе Архитекторской должности, такъ какъ онъ и прежде отправлялъ оную въ теченіи осьми лѣтъ, но съ прибавленіемъ жалованья, которое положено Архитектору; второй же, представляя выданный изъ Экспедиціи Кремлевскаго Строенія аттестатъ о его службѣ, и таковой же отъ Архитекторовъ при оной Экспедиціи о знаніи его въ Архитектурѣ, проситъ опредѣлить его въ сей Университетъ Архитекторомъ. А по справкѣ оказалось, что Адъюнктъ Васильевъ дѣйствительно отправлялъ должность Архитектора при Университетѣ въ теченіи осьми лѣтъ, и что Правленіе просило Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о позволеніи имѣть при Университетѣ особаго Архитектора подъ тѣмъ предлогомъ, что оный нуженъ не только для самаго Университета, но и для Училищъ его Округа, въ кои Адъюнкта Архитектуры, при встрѣчающихся надобностяхъ, отправлять невозможно, поелику чрезъ сіе долженъ онъ отвлекаться отъ преподаваемыхъ имъ лекцій.» Отношеніе это подписано Ректоромъ Стойковичемъ и непремѣннымъ Засѣдателемъ Осиповскимъ (Дѣла 1813 года, № 27). [7] Съ другой сто-

[7] Представленные Министру аттестаты Вателета были препровождены, на заключеніе о правахъ его, въ Академію Художествъ, которая отказалась отъ всякаго заключенія о его достоинствѣ, такъ какъ не знала ни его, ни произведенныхъ имъ работъ, о чемъ Министръ и увѣдомилъ Совѣтъ, отъ 13 Августа 1813 года. Впрочемъ, Вателетъ, какъ видно, успѣлъ доказать свои права, такъ

роны, для объясненія настоятельнаго преслѣдованія Ректоромъ Васильева за отъѣздъ изъ Харькова во время вакацій безъ всякаго заявленія Начальству, и при томъ за сто верстъ отъ города, необходимо имѣть въ виду слѣдующее постановленіе Совѣта, состоявшееся въ 1811 году: «Поелику случалось иногда, что чиновники по ученой части сего Университета, во время свободныхъ отъ ученія дней, отлучались изъ города безъ вѣдома Ректора, а между тѣмъ встрѣчалась въ нихъ надобность, то внушено оными не отлучаться изъ города, хотя бы сіе было на малое только число дней, не извѣстивъ о семъ предварительно Ректора» (см. Отчетъ о состояніи Харьковскаго Университета за 1811 годъ, въ обозрѣніи дѣлъ Совѣта). Должно замѣтить также, что Васильевъ, потревоженный во время вакацій, 2 Сентября, подалъ прошеніе въ Совѣтъ объ отпускѣ его въ Зміевской Уѣздъ, по собственнымъ домашнимъ дѣламъ, а, но, можетъ быть, также по настоянію Ректора, не получилъ отпуска и занялся составленіемъ своего Рапорта, который и былъ доложенъ Совѣту въ засѣданіи 18 Сентября. Наконецъ, для объясненія того мѣста въ Рапортѣ Васильева, въ которомъ онъ указываетъ на небрежное отношеніе Ректора къ своимъ обязанностямъ, необходимо обратить вниманіе на слѣдующія два предписанія Министра, изъ которыхъ одно относится ко времени до подачи Рапорта Васильевымъ, а другое получено уже во время слѣдствія, производившагося по содержанію Рапорта. 9-го Іюня 1812 года (№ 2137), Министръ писалъ Совѣту: «Съ нѣкотораго времени замѣчаю я, что представленій, ко мнѣ отъ Университета дѣлаемыхъ, Ректоръ оныхъ не подписываетъ. Предлагаю объяснить мнѣ причину тому.» По запросу Совѣта, Правленіе, отъ 25 Іюня, сообщило перечисленіе бумагъ, не подписанныхъ Ректоромъ (всего шесть бумагъ), по причинѣ отлучки изъ города. Отлучки, очевидно, участились во время слѣдствія, и Совѣтъ донесъ о нихъ Министру, который немедленно и отнесся къ Совѣту съ слѣдующимъ рѣшительнымъ и строгимъ предписаніемъ, отъ 30 Ноября (№ 3844): «На представленіе Совѣта, за № 406, изъясняю оному, что по Университетскому Уставу отлучка Ректоромъ сдѣлана быть можетъ только по законнымъ при-

---

[illegible] былъ утвержденъ Министромъ въ должности Университетскаго Архитектора 10 Декабря того же года.

чинамъ, нельзя отнести къ онымъ обозрѣніе, или открытіе, Училищъ, поелику для сего могутъ быть употреблены прочіе Профессоры, менѣе занятые должностями. По тому предлагаю Совѣту отлучку Ректора считать законною въ такомъ только случаѣ, когда бы дѣйствительная необходимость, или польза, учебной части личнаго присутствія Ректора внѣ Харькова требовала. О всякой же отлучкѣ его въ то же время доносить мнѣ. Поелику же нынѣшній Ректоръ отлучки дѣлаетъ, какъ изъ донесенія Совѣта видно, и для поправленія здоровья своего, то, принимая въ соображеніе, съ одной стороны, что кратковременная отлучка не можетъ поправить здоровья, а съ другой, что частыя отлучки препятствуютъ успѣшному ходу дѣлъ, предлагаю Совѣту объявить ему, что если здоровье его разстроено и требуетъ поправленія, такъ что не въ состояніи, онъ безотлучно исправлять должность Ректора, то можетъ просить отъ оной увольненія.»

Какъ же отнесся Совѣтъ къ Рапорту Васильева? Въ засѣданіи 25-го Сентября опредѣлено было передать дѣло на разсмотрѣніе въ Правленіе и для производства слѣдствія выбрать изъ Членовъ Совѣта особаго Предсѣдателя, такъ какъ Ректоръ не могъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Засѣданіе, какъ видно, было весьма бурное: не всѣ Члены явились, да и явившіеся не были достаточно приготовлены къ обдуманному рѣшенію. Предсѣдателемъ ad hoc былъ Т. Ѳ. Осиповскій, который по тому и является постоянно защищающимъ всѣ, состоявшіяся въ этомъ засѣданіи, опредѣленія (mei potissimum officii fuit invigilare, ut omnia in hac sessione legaliter fierent). Предсѣдателемъ въ Правленіе, для суда надъ Ректоромъ, избранъ былъ И. Е. Срезневскій. Стойковичъ опротестовалъ послѣдній выборъ, настаивая на выборѣ Проректора, и на отправленіе всего дѣла къ Министру, такъ какъ, въ виду настроенія большинства, не предвидѣлъ для себя добра отъ суда Университетской коллегіи, и такъ какъ дѣло, по его необычности, выходило изъ предѣловъ вѣдомства послѣдней. Въ своемъ протестѣ Ректоръ указываетъ на нарушеніе Совѣтомъ § 55-го Устава (1804 года), по которому всякое избраніе въ Совѣтѣ совершается баллотированіемъ. Въ 9-мъ пунктѣ этого параграфа сказано: «Ничто не рѣшается баллотированіемъ (посредствомъ скрытно полагаемыхъ шаровъ), исключая сіи два случая: а), когда дѣлается какое избраніе; б) когда требуется рѣшеніе въ разсужденіи сочиненій, предлагаемыхъ къ чтенію въ торжественныхъ собраніяхъ, или къ печатанію чего иждивеніемъ и съ одобреніемъ Университета.»

Отсюда, изъ запрещенія уставомъ баллотированіе при всякомъ дѣлѣ, кромѣ упомянутыхъ двухъ случаевъ, Ректоръ очевидно выводитъ непремѣнную обязательность баллотированія въ послѣднихъ, слѣдовательно, и при выборѣ Председателя Совѣта и Правленія, а по тому объявляетъ недѣйствительнымъ состоявшееся засѣданіе Совѣта съ его незаконнымъ Председателемъ. Въ § 47-мъ Устава сказано: «Никакое определеніе Совѣта не дѣйствительно, ежели сдѣлано въ отсутствіи Ректора, или, въ случаѣ отлучки и болѣзни его, въ отсуствіи Проректора.» Дѣйствительно, едва ли можно защищать уклоненіе Совѣта отъ исполненія приведеннаго предписанія Устава, особенно въ настоящемъ случаѣ, требовавшемъ строгаго и неуклоннаго выполненія всѣхъ, предписанныхъ Уставомъ, формъ, хотя бы послѣднія и допускали разнообразныя толкованія. При томъ, такое уклоненіе еще могло бы находить нѣкоторое оправданіе въ томъ случаѣ, если бы оно было слѣдствіемъ единодушнаго согласія всѣхъ членовъ коллегіи, чего въ настоящемъ случаѣ не было. Осиповскій утверждаетъ, что «возможность допущенія (баллотированія при избраніи) не есть определеніе, то есть, допущеніемъ одного способа другіе не воспрещаются, и при этомъ ссылается на § 21 того же Устава, въ которомъ, относительно выбора Проректора, [8] вовсе не указывается на самый способъ избранія, ссылается и на то, что до сихъ поръ Проректоръ всегда избирался открыто (viva voce). Но если, съ одной стороны, сопоставленіе послѣдняго параграфа съ § 55-мъ можетъ вообще вести къ заключенію объ обязательности баллотированія при избраніи Проректора, особенно въ виду важности дѣла, когда прежніе примѣры въ обычныхъ текущихъ дѣлахъ теряютъ свою силу, то, съ другой стороны, та же обязательность могла оказаться еще болѣе настоятельною по причинѣ тяжебнаго, судебнаго характера дѣла, вовсе не определяемаго § 21-мъ, указывающимъ только на смерть Ректора, болѣзнь, или отлучку по законнымъ причинамъ, нельзя забывать, что къ суду привлекался Ректоръ по весьма тяжкимъ обвиненіямъ. Впрочемъ, Совѣтъ Университета, по Уставу 1804 года, есть высшая инстанція по дѣламъ судебнымъ (§ 45), и въ пред-

---

[8] «Въ случаѣ тяжкой болѣзни Ректора, смерти, или отлучки по законнымъ причинамъ, предмѣстникъ его немедленно пріемлетъ на себя должность его съ званіемъ Проректора. Если же предмѣстникъ по какимъ либо обстоятельствамъ принять должности не можетъ, то Совѣтъ избираетъ на время въ Проректоры другого изъ Ординарныхъ Профессоровъ и доноситъ Попечителю.»

метахъ вѣдомства его именно значится разсмотрѣніе тяжебныхъ дѣлъ, перенесенныхъ изъ Правленія (§ 51). Въ Уставѣ предусмотрѣна даже жалоба на Ректора (§ 150); но такая жалоба должна быть приносима въ Правленіе, и въ этомъ случаѣ, для соблюденія къ Ректору должнаго уваженія, Правленіе, ежели найдетъ жалобу несправедливою, имѣетъ право на просителя наложить денежную пеню въ пользу неимущихъ до 25 рублей, а въ случаѣ справедливой жалобы, представляетъ заключеніе свое на разсмотрѣніе Попечителя, и ожидаетъ его рѣшенія.» Отсюда видно, что Рапортъ Васильева по всему своему содержанію подлежалъ Правленію; видно также, что Уставъ, предусмотрѣвъ жалобу на Ректора, приносимую непремѣнно въ Правленіе, гдѣ Предсѣдателемъ также Ректоръ, не говоритъ ни слова о выборѣ для Правленія особаго Предсѣдателя для разсмотрѣнія этой жалобы. Послѣднее обстоятельство доказываетъ, что Уставъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду относительную маловажность жалобы, а не такую жалобу, какая оказалась въ Харьковскомъ Университетѣ. Въ своемъ протестѣ Ректоръ указываетъ и на несоблюденіе обычая, всегда соблюдавшагося даже въ случаяхъ обыкновенныхъ и не столь важныхъ (uti apud nos semper ab initio Universitatis fieri solebat), откладывать окончательное сужденіе до слѣдующаго засѣданія, для постановленія болѣе обдуманнаго рѣшенія; указываетъ и на несоблюденіе другой формальности, предписанной Уставомъ (§ 46),— объявленія о выборѣ за три дня. [1] Мы должны сохранять, говоритъ Ректоръ въ своемъ протестѣ, священныя постановленія, которыми Е. И. Величеству угодно было оградить свой Университетъ; ибо если мы сами станемъ дѣйствовать противъ нихъ, и не будемъ согласовать съ ними свои рѣшенія, то сами будемъ виноваты, когда, мало по малу, отнимутся отъ насъ дарованныя намъ права и преимущества.» Объясненіе уклоненія отъ § 46-го Устава, предложенное Осиповскимъ, что обязанность объявленія за три дня о выборѣ относится только къ выбору людей, Университету неизвѣстныхъ, или къ выбору на должности общія и продолжительныя (pro officiis generalibus et durabilibus), нельзя

---

[1] «Обыкновенныя собранія должны быть единожды въ мѣсяцъ, а чрезвычайныя въ случаѣ надобности, къ которымъ Ректоръ приглашаетъ заблаговременно повѣсткою и, въ случаѣ избранія, по крайней мѣрѣ, за три дня, наблюдая, сколько возможно, чтобъ засѣданія Совѣта не прерывали порядка въ преподаваніи наукъ.»

не назвать произвольнымъ, такъ какъ въ приведенной статьѣ Устава говорится вообще объ избраніи, безъ всякаго опредѣленія случаевъ избранія; а то одно дѣло, для котораго избиралось это извѣстное лицо, было слѣдствіе надъ Ректоромъ Университета.

Всѣ указанныя уклоненія отъ предписанныхъ Уставомъ формъ и установившихся обычаевъ тѣмъ замѣчательнѣе, что въ Совѣтѣ 25-го Сентября вовсе не было того единодушія, которымъ бы они могли до нѣкоторой степени оправдываться. Изъ объясненій Осиповскаго на протестъ Ректора видно, что изъ 13 Членовъ Совѣта, трое подали отрицательный голосъ, а именно: Дегуровъ, Лангъ и Делавинъ, къ нимъ на другой день присоединился Роммель, приславшій Секретарю Совѣта слѣдующую записку: «Re accuratius perpensa, quae heri proponebatur jam subscribo votum d. prof. Degouroff.» [10] Кромѣ того, въ Совѣтѣ не присутствовали: Шадъ, Пильгеръ и Нельдехенъ, на отсутствіе которыхъ, вопреки § 48-му Устава, [11] не обращено было вниманіе, въ дѣлѣ столь новомъ и неслыханномъ (in re tam nova et inaudita), какъ замѣтилъ Ректоръ въ своемъ протестѣ. Да и мнѣнія нѣкоторыхъ присутствовавшихъ Членовъ, подавшихъ голосъ за выборъ Предсѣдателя въ Правленіе были значительно видоизмѣнены въ редакціи журнала Совѣта, какъ это видно изъ протеста Ректора и объясненія Осиповскаго. «Между Профессорами, говоритъ первый, нѣкоторые не были за выборъ Предсѣдателя, и я не знаю, по какому роковому случаю ихъ имена привлечены къ именамъ тѣхъ, которые были противнаго мнѣнія; обстоятельство это мнѣ кажется важнымъ и заслуживающимъ особеннаго вниманія.» Это, по всей вѣроятности,

---

[10] Мнѣніе Дегурова было слѣдующее: «Такъ какъ по Уставу жалобы противъ Ректора должны поступать въ Правленіе (§ 150), и въ Уставѣ ни слова не сказано объ особомъ Предсѣдателѣ въ такомъ случаѣ; такъ какъ, по обычаю, три Члена Правленія, въ отсутствіе Ректора, составляютъ Правленіе и рѣшаютъ дѣла; такъ какъ, сверхъ того, въ настоящемъ случаѣ Члену, избранному только отъ Совѣта, предоставлена бы была прерогатива надъ Членами утвержденными Министромъ: то я думаю, не должно избирать Совѣту особаго Предсѣдателя.»

[11] «Каждый отсутствующій Членъ доставляетъ Секретарю Совѣта извѣщенье о причинѣ своего отсутствія, которое должно быть прочтено въ собраніи и внесено въ особливую книгу. Ежели причина отсутствія признана будетъ законною, то отсутствующій Членъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣло рѣшается не по балламъ, можетъ объ немъ письменно сообщить свое мнѣніе, которое пріемлется такъ, какъ мнѣніе присутствующаго.»

были Гизе и Швейкартъ, о которыхъ въ журналѣ Совѣта сказано, что они подали мнѣніе за выборъ Предсѣдателя изъ Членовъ Правленія, хотя Осиповскій въ своемъ объясненіи утверждаетъ, что Гизе вышелъ изъ засѣданія «nulla data ratione,» прежде чѣмъ окончилось дѣло о выборѣ Предсѣдателя (non finita electione); замѣчательно также, что еще до начала выбора (ante inceptam electionem) вышли изъ зала Делавинь и Роммель; послѣдній протестовалъ противъ того, что его мнѣніе не было записано въ журналѣ. Вообще, по ходу всего дѣла, въ бурномъ засѣданіи 25 Сентября, можно заключить, что въ немъ и голоса подавались не свободно, и толковались искуственно, и что, при большемъ спокойствіи и соблюденіи всѣхъ формальностей, все дѣло могло получить иной оборотъ, и прежде всего тотъ, что доносъ былъ бы или отвергнутъ, или отправленъ прямо въ Министерство, какъ того и желали нѣкоторые Члены. Въ своемъ протестѣ Ректоръ, наконецъ, приводитъ старый Указъ, отъ 9 Ноября, 1753 года, которымъ запрещается принимать доносъ, заключающій въ себѣ обвиненія, не относящіяся къ требуемому отъ доносчика отвѣту. На это Осиповскій, указавши въ своемъ объясненіи на другой подобный же Указъ, отъ 13 Сентября, 1764 года, замѣчаетъ, что «всѣ объясненія Васильева прямо относятся къ дѣлу, такъ какъ ими оправдывается отвѣтъ послѣдняго, по чему онъ не могъ обратиться къ Ректору съ просьбою объ отпускѣ изъ города на вакаціонное время; что причины, имъ приводимыя, справедливы ли онѣ, или нѣтъ, не могли быть отвергнуты безъ обсужденія.» Въ настоящее время, конечно, не возможно опредѣлить характеръ личныхъ отношеній между Стойковичемъ, какъ Ректоромъ, и Васильевымъ, какъ Адъюнктомъ Архитектуры, и объяснить участіе этихъ отношеній въ требованіяхъ Ректора, съ одной стороны, и въ упорномъ сопротивленіи этимъ требованіямъ съ другой, но нельзя не замѣтить, что въ требованіяхъ Ректора, даже въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они представляются въ доносѣ, не видно ничего несправедливаго и оскорбительнаго, особенно если принять во вниманіе обширность производимыхъ тогда работъ, падавшихъ именно на вакаціонное время, и на недостатокъ надзора за ними; нельзя отрицать и того, что Васильевъ, занятый частными постройками, доставлявшими ему значительный доходъ, могъ относиться неблагопріятно къ участію въ казенныхъ Университетскихъ постройкахъ. Мы вовсе не хотимъ быть адвокатомъ Ректора; ни мало не сочувствуемъ, конечно, его торговымъ предпріятіямъ, готовы при-

знать до нѣкоторой степени его притязательность въ отношеніи къ Васильеву, происходившую отъ личной непріязни; мы желаемъ только, на основаніи официяльныхъ данныхъ, обратить вниманіе на тотъ оборотъ, какой приняло дѣло, и какого оно, безъ сомнѣнія, не приняло бы, если бы обсуждалось спокойно и съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей; желаемъ объяснить, что оборотъ, какой приняло дѣло съ первыхъ минутъ, зависѣлъ отъ неблагопріятнаго для Ректора большинства Членовъ Совѣта, поспѣшившаго воспользоваться случаемъ для оппозиціи недавно имъ же выбранному Предсѣдателю. Вражда раздула дѣло и тотчасъ сообщила ему размѣры, какихъ оно въ дѣйствительности, по видимому, не имѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что при иныхъ условіяхъ, прежде всего былъ бы отвергнутъ Совѣтомъ самый доносъ, какъ не подлежащій его вѣдѣнію и недостойный его; при иныхъ условіяхъ онъ, можетъ быть, и не появился бы въ Совѣтѣ, по тому что самое появленіе его, очевидно, вызвано было личными отношеніями.

Положеніе представителя Университетской коллегіи, когда послѣдняя собралась судить его по обвиненіямъ столь позорнаго для него свойства, было крайне затруднительно, тѣмъ болѣе, что, по настроенію большинства, онъ не могъ ждать себѣ добра отъ Университетскаго суда; а по тому понятны его усилія добиться отправленія всего дѣла въ Министерство и выбора Проректора до рѣшенія дѣла въ послѣднемъ. «Всѣмъ вамъ довольно извѣстно о моей болѣзни, пишетъ онъ въ Совѣтъ 30 Октября; но мысль о моей обязанности, которую я свято чтилъ, всегда мѣшала мнѣ воспользоваться и самымъ малымъ временемъ свободы для собственнаго здоровья, и это съ тѣхъ поръ, какъ Его Императорскому Величеству угодно было возложить на меня должность Ректора Университета. Много и весьма много приходится исполнять Ректору такого, что вамъ и не извѣстно, такъ какъ никто изъ васъ не былъ Ректоромъ; многія дѣла Ректоромъ и оканчиваются, не доходя вовсе до вашего свѣдѣнія. Я весь поглощенъ былъ ими, посвящая имъ дни и ночи. Думаю, всѣмъ вамъ извѣстно, что я со всею ревностью занимался всѣмъ, что относится къ общему благу. Но уже ослабѣваютъ мои силы, плечи не могутъ болѣе выносить возложеннаго на нихъ бремени. Кровохарканіе, обнаружившееся недѣли двѣ тому назадъ, доказываетъ, что мое здоровье въ опасности.» Въ заключеніе, проситъ Совѣтъ освободить его на нѣкоторое время отъ занятій по Университету, выбрать Проректора и препроводить все дѣло къ Министру. Совѣтъ оставилъ безъ по-

слѣдствій просьбу Ректора. При этомъ Срезневскій, избранный въ Предсѣдатели Правленія для суда надъ Ректоромъ, подалъ слѣдующее письменное мнѣніе: «Не знаю, что за необходимость побуждаетъ Ректора спѣшить выборомъ Проректора, тогда какъ съ начала его ректорства до сихъ поръ не было ни одного слова объ этомъ столь важномъ дѣлѣ. Если эта необходимость есть его собственное дѣло по жалобѣ Васильева, то я думаю, что Ректоръ въ немъ не имѣетъ никакого права на сужденіе, или какое ни будь предложеніе; если же есть какое либо другое основаніе для выбора Проректора, о какомъ, однако, не было рѣчи въ Совѣтѣ, то выборъ можетъ быть отложенъ, пока не окончится дѣло между Ректоромъ и Васильевымъ.»

Между тѣмъ въ Правленіи весьма усердно производилось слѣдствіе. [12] Въ первомъ засѣданіи, 7 Ноября, по выслушаніи доноса Васильева, на основаніи приведенной въ немъ 2-й ст. 1-й части 4-й главы процессовъ или судебныхъ тяжебъ, [13] опредѣлено запросить отъ Ректора подробный отзывъ по содержанію взводимыхъ на него обвиненій. Въ своемъ отзывѣ, доложенномъ 28 Ноября, Ректоръ указываетъ на упущенія Васильева по службѣ, вызвавшія съ его стороны предписанія.» «Правленіе, пишетъ Стойковичъ, можетъ взять выписку изъ Совѣтскихъ протоколовъ, изъ которыхъ съ удивленіемъ увидитъ, что оный Адъюнктъ почти никогда не бывалъ въ Совѣтѣ, за что въ прошломъ (1812) году и отвѣтъ отъ него потребованъ, по предложенію Г. Министра; но онъ и послѣ поданнаго отвѣта ни наименьше не исправился въ отправленіи дѣлъ Университетскихъ.» На обвиненіе въ незаконномъ распоряженіи имуществомъ Учителя Билинскаго Ректоръ только замѣчаетъ, что «на то должны отвѣчать Члены, составлявшіе Правленіе въ томъ году, когда отданы вещи его торговкѣ Розаліи.» Наконецъ, на обвиненіе въ торговлѣ и нехожденіи на лекціи

---

[12] Членами Правленія, подъ предсѣдательствомъ Срезневскаго, были сначала: Осиповскій (Проф. Математики), Дегуровъ (Проф. Всеобщей Исторіи), Гизе (Проф. Химіи), Книгинъ (Проф. Анатоміи), Шадъ (Проф. Философіи); Секретаремъ былъ Ванновскій.

[13] «Челобитчику позволено письменно жалобу приносить и отвѣтчику въ опредѣленный ему краткій терминъ на оную отвѣтствовать; потомъ челобитчикъ паки можетъ въ опредѣленное же время противный учинить отвѣтъ, а отвѣтчикъ равнымъ же образомъ отвѣтствовать; а болѣе сего обоимъ не позволяется.»

Ректоръ отвѣчаетъ коротко и въ общихъ выраженіяхъ: «Ежели бы эти обвиненія и справедливы были, то не принадлежатъ къ Государственной службѣ: иначе бы величайшій безпорядокъ въ службѣ вышелъ, ежели бы подчиненные по тому не повиновались начальникамъ, что сіи у себя въ домѣ, или, на примѣръ, не трезво живутъ, или не строгую нравственность соблюдаютъ, или что ни будь покупаютъ и т. д. Служба имѣетъ свои правила и не должна быть смѣшиваема съ внутренними домашними дѣлами.» Правленіе опредѣлило потребовать отъ Васильева, чтобы онъ представилъ ему въ подлинникахъ полученныя имъ отъ Ректора предписанія, и чтобы «ясными и достовѣрными доказательствами утвердилъ доносъ свой,» какъ о торгѣ Ректора, такъ и о непосѣщеніи лекцій. Въ засѣданіи 30 Декабря выслушано было слѣдующее объясненіе Васильева по послѣднимъ обвиненіямъ: «Оптовая и мелочная торговля всѣми прописанными вещами (винами, лентами, гранатами и картинами) производилася столь явно, какъ въ самомъ Университетѣ, такъ и въ нанятомъ домѣ Дмитріевой, что оная извѣстна была всему городу и передъ глазами всѣхъ Членовъ Университета, на которыхъ я въ справедливости сказаннаго и ссылаюсь. Кому же именно, на какую сумму и какое количество всѣхъ сихъ вещей, было продано, съ точностію мнѣ не извѣстно; ибо, гнушаясь производствомъ непозволенной сей торговли, я никогда не думалъ вести записки тѣмъ лицамъ, кои въ оной участвовали; знаю только, что нѣсколько бочекъ вина, подъ именемъ Офенскаго, отправлено было для продажи въ Курскую Губернію къ Учителю тамошней Гимназіи, Паратичу, которому также для продажи поручены были и гранаты, о чемъ всѣ Учители Курской Гимназіи извѣстны и могутъ удостовѣрить Правленіе Университета общимъ показаніемъ. Такъ же извѣстно мнѣ, что жители города Харькова: Титулярный Совѣтникъ Андрей Ивановичъ Касовскій купилъ лично у самого Г. Стойковича въ разныя времена три ведра Офенскаго, и Городовой Секретарь Дмитрій Ѳедоровичъ Сердюковъ бочку того же вина. Ведрами платилось по тридцати пяти, а бочкою по тридцати рублей ведро. Сіе же Офенское вино, двухъ сортовъ Венгерское, и до сорока картинъ купилъ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Августъ Станиславовичъ Элли, что нынѣ Купянскаго Уѣзднаго Училища Почетный Смотритель, но на какую сумму и какое количество, мнѣ не извѣстно. Большую же часть картинъ, лентъ и гранатъ продавалъ здѣсь, въ Харьковѣ, въ домѣ Г. Дмитріевой, и нарочно ѣздившій въ Москву для продажи оныхъ иностранецъ

Лангнеръ, что нынѣ Учителемъ двухъ языковъ въ Екатеринославской Гимназіи. [14] Найвѣрнѣйшее же показаніе въ продажѣ всѣхъ упомянутыхъ вещей можетъ сдѣлать самъ Г. Ректоръ и помянутый иностранецъ Лангнеръ, которыхъ Правленіе можетъ спросить подъ присягою на законномъ основаніи. А дабы привести въ извѣстность ту сумму, на которую торговля была производима, то Правленіе Университета можетъ снестися съ тѣми Таможнями, чрезъ которыя товары были провезены. Справка сія тѣмъ болѣе необходима, что на картинахъ, лентахъ и гранатахъ, не было Таможенныхъ штемпелей, слѣдовательно, вещи сіи принадлежать могутъ къ тайному привозу. Для удостовѣренія же въ сказанномъ, что на картинахъ штемпелей нѣтъ, то стоитъ только потребовать ихъ у сказаннаго выше Надворнаго Совѣтника Эллиса, да и полное число картинъ, по показанію Г. Ректора, отыскать можно, которыхъ числомъ было болѣе двухъ сотъ; ибо до продажи еще оныхъ, по приглашенію Г. Ректора, я и Учитель рисовальный Университета, Г. Матесъ, ихъ разсматривали и полагали имъ цѣну, изъ коихъ ни одной не было дешевле двадцати пяти рублей, а многія въ пятьдесятъ и до ста рублей оцѣнены нами. Гранатъ продано однимъ Учителемъ Курской Гимназіи, Паратичемъ, на тысячу триста рублей, что составляло только малую часть привоза. Ленты проданы оптомъ въ довольномъ количествѣ торговкѣ Розаліи, которая въ городѣ Харьковѣ имѣетъ модную женскую лавку, а остальныя продаваемы были сказаннымъ Лангнеромъ, о чемъ они и показать могутъ.» Относительно непосѣщенія лекцій Ректоромъ Васильевъ ссылается на Университетскаго педеля Ломаковскаго и на всѣхъ казенныхъ и своекоштныхъ Студентовъ, которыхъ предлагаетъ спросить подъ присягою. Послѣ объясненія по обвиненію въ двукратной самовольной отлучкѣ изъ Харькова (такъ какъ о первой зналъ самъ Ректоръ, а о второй онъ заявлялъ Секретарю Совѣта) и въ неисполненіи обязанностей по Совѣту, [15] онъ выражаетъ недовѣріе

---

[14] Онъ опредѣленъ въ Октябрѣ 1812 года Учителемъ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ въ низшихъ классахъ Гимназіи.

[15] Въ своемъ оправданіи, поданномъ въ Совѣтъ въ 1811 году, говоритъ Васильевъ: «Я доказалъ очень ясно свою невинность, а онъ (Ректоръ) поставляетъ мнѣ опять въ обвиненіе; о чемъ Правленіе можетъ сдѣлать справку въ Протоколахъ Совѣта, и дѣйствительно съ удивленіемъ увидитъ, что со мною поступлено такъ, какъ съ самымъ бѣднымъ и беззащитнымъ просителемъ, а не какъ съ Членомъ Совѣта; ибо я не получилъ, по просьбѣ моей, въ семъ

къ словамъ Ректора объ участіи всѣхъ Членовъ Правленія въ распоряженіи имуществомъ Учителя Бѣлинскаго: «Таковое дѣйствіе свойственно только одному Г. Ректору, пишетъ Васильевъ, по связямъ его съ торговкою Розаліею; а ежели Члены Правленія тамъ и дѣйствительно участвовали, то вѣрно самымъ невиннымъ образомъ, по его настоянію.» Въ заключеніе высказываетъ слѣдующее мнѣніе о томъ отзывѣ Ректора, что подчиненнымъ нѣтъ дѣла до частной жизни Начальниковъ: «Здѣсь Г. Ректоръ показалъ образъ своего умствованія и правилъ, на что я дѣлать свое замѣчаніе не поставляю нужнымъ. Всякой знаетъ, что публичный Учитель къ знаніямъ, ему потребнымъ, долженъ пріобщить строгую нравственность и честное поведеніе; но чему Г. Ректоръ думаетъ иначе, о томъ судить предоставляю Правительству.» По выслушаніи этого объясненія Правленіе, на основаніи приведеннаго выше узаконенія о Воинскихъ Процессахъ и Судебныхъ Тяжбахъ, предложило Ректору доставить опроверженіе доказательствъ Васильева. Выписка изъ журнала Правленія сообщена Ректору 5 Января, 1818 года; 3 Февраля повторено требованіе о доставленіи опроверженія, съ замѣчаніемъ, что, «въ противномъ случаѣ, Правленіе сіе приступитъ къ дальнѣйшему изслѣдованію, а потомъ и рѣшенію сего дѣла.» 8 Марта Ректоръ, наконецъ, доставилъ свое объясненіе.[16] Выразивши въ немъ свое удивленіе по поводу требованія новыхъ объясненій, такъ какъ «все (въ донесеніи Васильева), кромѣ развѣ лекцій Университетскихъ, суть дѣла приватныя,» Стойковичъ пишетъ: «Ежели бы все справедливо было, что имъ (Васильевымъ) написано, то бы и тогда изъ этого ничего не слѣдовало; потому что всякой имѣетъ право покупать вещи, ему нужныя, и продавать ненужныя. Но оно въ самомъ дѣлѣ не есть правда; ибо 1) изъ 20 бочекъ вина, которыя я изъ Венгріи получилъ, находятся у меня въ погребу 18, а двѣ недостающія—одна отдана Ахтырскому помѣщику Войновичу, а другая бывшему Предводителю Дворянства Захаржевскому, и, слѣдовательно, въ Курскъ не только

оправданія помѣщенной, никакого по сіе время удовлетворенія, о чемъ и въ свое время и не оставлю принесть жалобу, куда слѣдуетъ.»

[16] Должно замѣтить, что Ректоръ съ 7-го Ноября по 2-е Января не посѣщалъ, по болѣзни, обычныхъ засѣданій Правленія; 2-го же Января вступили въ Правленіе новые Деканы: Роммель (Проф. Латинской Словесности), Дрейсигъ (Проф. Клиники), Делавинь (Проф. Ботаники) и Швейкартъ (Проф. Древнихъ Правъ). Непремѣннымъ Засѣдателемъ оставался Осиповскій.

не пошло нѣсколько бочекъ, но даже ни одной капли, а вѣрно кто ни будь обманулъ Г. Васильева. Г. Сердюкову также не уступалъ я ни одной бутылки вина, а Косовскому, за болѣзнію кого-то въ его домѣ, отпустилъ одно, а не три ведра. А какъ Г. Войновичъ и Г. Захаржевскій суть въ числѣ моихъ друзей, то уступать имъ что бы ни было виномъ, книгами, инструментами, кажется, ни наименьше не вредитъ чьей бы то ни было должности. Впрочемъ я повторяю, что всякой имѣетъ право уступить по дружбѣ и такія вещи, которыя и ему самому нужны, и даже ежели кто все свое имущество продастъ, то никому за то не отвѣчаетъ; изъ сего слѣдуетъ, однако, что продажи вина у меня не было, и безсомнѣнно, никто не знакомой не осмѣлился бы прійти покупать ко мнѣ вино. Я прибавлю еще, что Г. Васильевъ еще не знаетъ: я уступилъ Г. Профессору Дегурову одно ведро вина, во время болѣзни жены его, одно ведро Ваннотти (Проф. Медицины, утв. въ Маѣ 1811 года), по его болѣзни, и многимъ больнымъ дарилъ, ежели Лѣкарь предписывалъ имъ пить хорошее вино, какъ-то, между прочимъ, извѣстно Г. Проф. Осиповскому; однако жъ денегъ за сіи подарки я никогда не бралъ, хотя и имѣлъ право брать; и вѣрно не существуетъ ни одного человѣка, которому бы какъ незнакомому, продалъ хотя одну бутылку вина. 2) Сколько мнѣ извѣстно, Г. Паратичъ продалъ на 370 р. гранатъ, а не на 1800 р.; но если бы онъ и на 1800 р. продалъ, то тѣмъ лучше для него было бы; ибо и гранаты и ленты куплены за его деньги, которыя достались ему изъ наслѣдства въ Венгріи и о полученіи коихъ онъ снабдилъ меня довѣренностію, что Правительству извѣстно; [17] но все равно, мои ли, или его, до того дѣла нѣтъ,

[17] Въ архивѣ сохранилась копія съ слѣдующаго предписанія Правленія къ Директору Училищъ Курской Губерніи, Любарскому, отъ 3-го Марта, 1810 года: «Его Сіятельство, Г. Попечитель, Гр. С. О. Потоцкій, при предложеніи своемъ, препровождая въ копіи полученное Его Сіятельствомъ, Гр. П. В. Завадовскимъ, Отношеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Ноту Австрійскаго Агента Жюльена въ разсужденіи наслѣдства, которое досталось находящемуся въ Курской Гимназіи Учителю Паратичу послѣ умершей въ Темешварѣ родственницы его (по мужѣ Щипошъ), на сумму 750 флориновъ, предлагаетъ Университету, отобравъ отъ сего Учителя свѣдѣніе, какія онъ приметъ мѣры для полученія выше упомянутаго наслѣдства, донести ему, Г. Попечителю, для извѣщенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ слѣдствіе чего вамъ предписывается, съ препровожденіемъ копіи съ Ноты Австрійскаго Агента, чтобы вы, по отобраніи отъ Паратича упомянутаго свѣдѣнія, донесли сему Правленію.» При

а дѣло только въ томъ, что Ректоръ не продавалъ гранатъ. 3) Онъ самъ говоритъ, что книгопродавецъ Лангнеръ продавалъ ленты и эстампы; но книгопродавецъ Лангнеръ и Ректоръ Стойковичъ суть двѣ особы различныя, а по сему и слѣдуетъ, что книгопродавецъ Лангнеръ продавалъ, а не Ректоръ. 4) Извѣстно Членамъ Правленія, что, по предложенію Г. Попечителя, можно Ректору и не читать лекцій, и, слѣдовательно, ежели бы я хотѣлъ пользоваться симъ предложеніемъ, то бы я могъ и не давать лекцій, и никому бы за это не отвѣчалъ; но я въ самомъ дѣлѣ, при всей многотрудной Ректорской должности, продолжалъ курсъ со многими Студентами и кончилъ до гальванизма, которую матерію предъ самою вакаціею преподавалъ имъ вмѣстѣ съ своими слушателями Магистръ Комлишинскій, по моему предложенію. Что Ректоръ долженъ смотрѣть, читаютъ ли Члены Университета, на то есть предписаніе Высшаго Начальства; но чтобы Адъюнкты смотрѣли за Ректоромъ, читаетъ ли онъ, или нѣтъ, на это предписанія, кажется, нѣтъ никакого. 5) На это все могъ бы отвѣчать Г. Васильевъ, какъ онъ отвѣчалъ въ разсужденіи наслѣдства Билинскаго, что онъ не зналъ, что у меня въ погребѣ находятся всѣ бочки; что онъ не зналъ, что гранаты и ленты не мои; что отъ Г. Попечителя есть предложеніе такого рода; но въ такомъ случаѣ, ежели кто чего не знаетъ, не долженъ и говорить, а кольми паче писать.» Сказавши, что онъ не думалъ обвинять Медицинскій Факультетъ въ недоставленіи смѣты и плановъ, какъ утверждалъ Васильевъ, Ректоръ заключаетъ: «Наконецъ объявляю я Членамъ Правленія, что я за всѣ обиды Г. Адъюнкту Васильеву прощаю и на немъ не взыскиваю.» Какъ только прочитано было это объясненіе въ Правленіи, явились въ засѣданіе Ректоръ и Васильевъ и подали прошеніе слѣдующаго содержанія: «Производившееся въономъ Правленіи, по поданному отъ меня, Васильева, въ Совѣтъ Университета, прошенію, дѣло, поговоря межъ собою, согласились мы прекратить миролюбно; для того и просимъ, оставивъ оное, по силѣ Уложенія X главы 121 статьи, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, предать вѣчному забвенію.»

Мы привели вполнѣ объясненія дѣла обѣихъ сторонъ, такъ какъ они съ достаточною ясностію раскрываютъ и сущность и

этомъ находится и копія съ Ноты Гр. С. Жерльева отъ 21 Января 1810 года на имя Канцлера Н. П. Румянцева (Дѣло 1813 г. № 15).

характера всего дѣла; послѣ этихъ объясненій всякіе дальнѣйшіе выводы и соображенія оказываются совершенно излишними. Что касается до мировой между Ректоромъ и Васильевымъ, то она состоялась, безъ сомнѣнія, при дѣятельномъ участіи многихъ Членовъ Совѣта, которые, какъ увидимъ, крайне тяготились затянувшимся процессомъ, производившимъ общій соблазнъ, явно вредившимъ достоинству и чести Университета, ослаблявшимъ уваженіе и довѣріе къ нему общества, а также и самое учебное дѣло. И виновники процесса, и устроители мировой, конечно, расчитывали на немедленное прекращеніе дѣла. Но не такъ думало Правленіе, по крайней мѣрѣ нѣкоторые его Члены, видно рѣшившіеся вести дѣло до конца, въ явный ущербъ всѣмъ интересамъ Университета. Выслушавши и обсудивши, какъ объясненія Ректора, такъ и «мировое прошеніе,» Правленіе пришло къ слѣдующему заключенію: «Хотя выше означенною Уложенія главы X-й статьею 121-й, равно какъ Манифеста 1787 г., Апрѣля 21-го, статьею 20-ю и 7-мъ пунктомъ Правительствующаго Сената Доклада, Высочайше конфирмованнаго въ 14-й день Января, 1802 года, и дозволено тяжущимся мириться въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, но поелику Адъюнктъ Васильевъ, въ представленіи своемъ въ Совѣтъ Университета, не токмо жаловался на причиненныя ему Г. Ректоромъ обиды, но и обвинялъ его въ торговлѣ винами, лентами, гранатами и картинами, чрезъ что Казнѣ дѣлается ущербъ, тако жъ что Г. Ректоръ, не соблюдая должности Профессора, не преподавалъ въ теченіи года лекцій Студентамъ: то относительно сихъ статей, по силѣ Уложенія главы 21-й ст. 31-й, Указа 7177-го (1669 года), Января 22 дня, статьи 71-й, и Генеральнаго Регламента главы 1-й, дѣла уничтожить не можно; для того, оставивъ безъ изслѣдованія статьи, относящіяся къ личной ихъ между собою тяжбѣ, предать ихъ, согласно ихъ прошенію, вѣчному забвенію, о прочихъ же статьяхъ, сдѣлавъ выписку изъ дѣла, доложить въ слѣдующее засѣданіе. Въ слѣдующемъ засѣданіи, бывшемъ 15-го Марта, Правленіе дѣйствительно приступило къ дальнѣйшему производству слѣдствія и прежде всего къ провѣркѣ показанія Ректора относительно числа бочекъ вина, хранившихся въ его погребѣ.» Положивъ осмотрѣть сіе вино, записано въ журналѣ этого засѣданія, пошли въ его погребъ, въ коемъ оказалось большихъ бочекъ или оксофтовъ старыхъ съ желѣзными обручами мѣрою, какъ полагать можно, по пятнатцати ведеръ, пятнадцать, и малыхъ, совершенно новыхъ, боченковъ четыре, мѣрою каждый око пяти ведеръ. Но какъ никто на себя

не взялъ опредѣлить, какое именно вино, или какія вина въ сихъ бочкахъ находились, то и оставлены оныя безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія.»

До сихъ поръ дѣло оставалось и производилось въ стѣнахъ Университета, хотя, разумѣется, и успѣло огласиться широко. Но дальнѣшее производство слѣдствія, на основаніи показаній Васильева, ссылавшагося на Учителей Курской и Екаринославской Гимназій, на Смотрителя Купянскаго Уѣзднаго Училища (бывшаго педеля), и на лица, совершенно посторонія для Университета, а также указывавшаго на необходимость сношеній съ пограничными Таможнями, угрожало сообщить дѣлу всеобщую огласку и представить зрѣлище, въ которомъ прежде и больше всего страдали бы честь и достоинство учрежденія, въ которомъ возникло дѣло. Изъ слѣдующихъ мнѣній нѣкоторыхъ Членовъ Совѣта видно, что многихъ изъ нихъ крайне безпокоило расширеніе размѣровъ этого злополучнаго слѣдствія, но Правленіе вовсе не думало останавливаться и предъ такими послѣдствіями, рѣшившись вести дѣло до конца, и хотя, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ настроенія большинства, потановило испросить разрѣшеніе Министра на сношенія по дѣлу съ посторонними Университету мѣстами и лицами, однако въ то же время рѣшило немедленно, до полученія этого разрѣшенія, снестись съ подвѣдомственными Университету лицами. Оказался только одинъ Членъ Правленія, высказывавшійся и прежде въ пользу препровожденія всего дѣла къ Министру, и теперь рѣшительно возставшій противъ такого расширенія размѣровъ слѣдствія. Это былъ Деканъ Фердинандъ Швейкартъ, [18] подавшій 3 Апрѣля въ Правленіе письменное мнѣніе слѣдующаго содержанія: «Отъ мнѣнія моего, многократно повтореннаго, по дѣлу Г. Ректора отнестись немедленно къ Г. Министру, а между тѣмъ остановить по

[18] Окончивши гимназическій курсъ въ Ганнау, Швейкартъ изучалъ Правовѣдѣніе въ Марбургскомъ Университетѣ, посѣщая въ то же время лекціи по наукамъ Политическимъ, и даже Математическимъ и Физическимъ, потомъ слушалъ лекціи Философскія и Юридическія у Гуфеланда, Шмальберта и Фейербаха въ Іенскомъ Университетѣ, гдѣ и получилъ степень Доктора Обоихъ Правъ. Послѣ непродолжительной юридической практики въ должности Прокурора, онъ поступилъ къ Князю Тогенлоге воспитателемъ его дѣтей, а по смерти его (1806) опредѣленъ Профессоромъ Римскаго Права и его исторіи въ Гейдельбергскій Университетъ, откуда, по выбору Совѣта, перешелъ въ Харьковскій Университетъ.

оному всякое слѣдствіе, отступить я не могу, а именно по симъ причинамъ: 1, поелику Императорское постановленіе есть, чтобы, какъ скоро въ какой ни будь коллегіи случится что ни будь нечаянное и важное, то тотчасъ бы о семъ оная отнеслась къ Высшему до той части Начальнику. 2. Сіе тѣмъ болѣе намъ сдѣлать надлежитъ, что Профессоръ Стойковичъ представленъ Университетскимъ Совѣтомъ къ полученію высшаго достоинства. 3. Сіе дѣло продолжать мы не можемъ иначе, какъ дѣлая всѣмъ Директорамъ и Смотрителямъ предписанія, подписанныя не Ректоромъ, но Г. Профессоромъ Срезневскимъ; Директорамъ же не извѣстно, что онъ избранъ Президентомъ по сему дѣлу. 4. Поелику почитаю, что Предсѣдатель нашъ долженъ быть утвержденъ Г. Министромъ, особливо когда мы ничего не производимъ о ссорѣ Ректора съ Адъюнктомъ Васильевымъ, по тому что она миролюбиво кончилась, но объ изслѣдованіи противъ Г. Ректора, по возложенной на него должности. 5. Когда таковое слѣдствіе продолжаться будетъ, то честь и уваженіе Ректора и всего Университета пострадаетъ: по чему я и увѣренъ, что Г. Министръ не сдѣлаетъ намъ выговора, что мы въ семъ дѣлѣ ожидаемъ его предписанія.» Съ этимъ мнѣніемъ согласился Деканъ Дрейссигъ (получившій Медицинское образованіе въ Галльскомъ Университетѣ, гдѣ и получилъ степень Доктора, авторъ нѣсколькихъ учебныхъ руководствъ по Медицинѣ, опредѣленный Профессоромъ въ Харьковскій Университетъ въ Февралѣ 1807 года). Большинство же Членовъ Правленія: Срезневскій, Осиповскій, Делавинь и Роммель, основываясь на извѣстной уже намъ 150-й ст. Университетскаго Устава (о жалобахъ на Ректора), и на томъ, что «доносъ Адъюнкта не простирается на Г. Ректора по Ректорской его должности, а только по должности Профессора и Чиновника, въ гражданской службѣ состоящаго,» опредѣлило: «Приступить къ исполненію положенія сего Правленія, записаннаго въ журналѣ истекшаго Марта въ 29 день, то есть, истребовать отъ прописанныхъ въ ономъ, подвѣдомыхъ Университету лицъ показанія, а между тѣмъ, съ прописаніемъ сущности сего дѣла, представить Г. Министру, испрашивая въ разрѣшеніе, позволитъ ли Его Сіятельство, чтобы Университетъ, когда отъ подвѣдомыхъ ему Чиновниковъ не получитъ достаточныхъ по сему дѣлу удостовѣреній, сносился съ посторонними мѣстами и лицами?» [12] Въ слѣдствіе этого постановленія,

[12] Представленіе Министру въ этомъ смыслѣ отправлено 5-го Априля за № 312-мъ.

Правленіе обратилось къ Ректору съ запросомъ: «Какому Правительству извѣстны тѣ довѣрительныя письма, которыми Паратичъ уполномочивалъ его распорядиться Венгерскимъ наслѣдствомъ, и въ какомъ Присутственномъ Мѣстѣ они засвидѣтельствованы? Значатся ли въ какой либо Таможнѣ вещи, купленныя на деньги Паратича, и въ какой именно?» Въ то же время предложено было доставить отзывы въ Правленіе Профессорамъ Дегурову и Виннотти и Учителю рисованія Матесу. Къ исправлявшему должность Директора Курской Гимназіи, Венедиктову, [20] отправлено было, за подписью Непремѣннаго Засѣдателя, слѣдующее предписаніе: «Симъ предписывается вамъ, отобравъ немедленно, подъ присягою, отъ всѣхъ Учителей Гимназіи, кромѣ Паратича, по ссылкѣ на нихъ Адъюнкта Васильева, письменное показаніе, что имъ извѣстно относительно продажи Паратичемъ принадлежащихъ Г. Ректору и Кавалеру Стойковичу Офенскаго вина и гранатъ, сколько чего продано, кому и на какія суммы, прислать оное показаніе въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ присяжнымъ листомъ, съ надписью на конвертѣ на имя Непремѣннаго Засѣдателя Г. Профессора и Кавалера Осиповскаго.» Подобныя же предписанія отправлены были къ Директору Екатеринославской Гимназіи, Мизку, для истребованія показанія отъ Учителя Лангнера, и къ Директору Слободско-Украинской (Харьковской) Гимназіи, для истребованія того же показанія отъ Смотрителя Ломаковскаго.

Въ своемъ отзывѣ, [21] отъ 2 Мая, поданномъ въ Совѣтѣ, Ректоръ отвѣчалъ: 1, что довѣрительное письмо извѣстно было, если не ошибаюсь, Министру Народнаго Просвѣщенія и Министру Иностранныхъ Дѣлъ, а въ какомъ Присутственномъ Мѣстѣ засвидѣтельствовано, не знаю, да думаю, нѣтъ и надобности знать ни мнѣ, ни Правленію; вопросъ этотъ есть, слѣдовательно, чистѣйшая придирка (esse puram puro vexationem). 2, возвратившись изъ Венгріи, я остановился у Профессора Гизе, и онъ знаетъ, что я не привезъ съ собой ничего, по тому что не получалъ и денегъ Паратича; а послѣ возвращенія моего получены были по почтѣ и мною приняты вещи, купленныя на деньги Паратича людьми, которымъ

[20] Венедиктовъ былъ только что опредѣленъ на это мѣсто изъ Учителей Орловской Гимназіи и явился въ Курскъ въ самомъ концѣ учебнаго года (Рапортъ Училищнаго Комитета въ Совѣтъ отъ 20 Іюня 1812).

[21] Отзывъ этотъ сохранился на Латинскомъ языкѣ.

то было поручено. Тотъ же Проф. Гизе можетъ засвидѣтельствовать, что я ему неоднократно говорилъ о вещахъ, ожидаемыхъ мною изъ Венгріи; но не знаю, и не старался узнать, въ какой Таможнѣ онѣ записаны; спрашивать объ этомъ значитъ обвинять тѣхъ, кто служитъ въ Таможняхъ. Все это я готовъ подтвердить, если понадобится, клятвою (разбитыя слова написаны между строкъ другими чернилами). Но что значитъ, что я говорю все это предъ Совѣтомъ?» восклицаетъ Стойковичъ? «Найважнѣйшая причина заключается въ бумагѣ, полученной мною изъ Правленія: изъ нея ярко видно, что въ Правленіи предсѣдательствовалъ Срезневскій, и я только теперь узналъ объ этомъ, такъ какъ въ прежнихъ, полученныхъ мною, не было на то никакого указанія.» За тѣмъ Ректоръ доказываетъ незаконность засѣданій Правленія съ такимъ Предсѣдателемъ, такъ какъ онъ единственный законный Предсѣдатель, утвержденный Государемъ, между тѣмъ какъ ему не извѣстно, кѣмъ утвержденъ Срезневскій. Въ заключеніе Высочайшимъ именемъ объявляетъ, что онъ впредь будетъ дѣйствовать на основаніи § 17 Университетскаго Устава.» [12] На другой день Ректоръ созвалъ Членовъ Правленія. Въ журналѣ этого засѣданія записано: «Г. Ректоръ и Кавалеръ Стойковичъ, пригласивъ повѣсткою къ засѣданію сего числа (3 Мая) въ четыре часа по полудни Членовъ сего Правленія и подавъ прошеніе, самъ вышелъ изъ присутствія. Въ ономъ же прошеніи значитъ: «Изъ производящагося въ ономъ Правленіи дѣла, по представленію Адъюнкта Васильева, прошу оное Правленіе приказать выдать мнѣ копію: 1, о отданномъ Розаліи Зелинской имуществѣ умершаго Учителя Билинскаго; 2, съ представленія къ Г. Министру Просвѣщенія по сему дѣлу; 3, съ поданнаго мнѣнія Г. Профессоромъ Швейкартомъ.» По выслушаніи сего прошенія, положено: «По силѣ Указа 1798 года, Декабря 11 дня, въ которомъ повелѣно давать на гербовой бумагѣ копіи съ рѣшительныхъ опредѣленій, выдать Г. Ректору копію изъ дѣла, какъ уже рѣшеннаго, относительно имущества Билинскаго, отданнаго Розаліи Зелинской; что же касается до копій съ представленія Г. Министру и мнѣнія, по-

---

[12] «Поелику Ректоръ наипаче обязанъ пещися о соблюденіи порядка и благочинія во всемъ, къ Университету принадлежащемъ, то въ чрезвычайныхъ случаяхъ имѣетъ право требовать помощи отъ военнаго, или гражданскаго, начальства.»

данчаго Г. Швейкартомъ, то доложить о семъ, когда будетъ засѣданіе, для дальнѣйшаго по сему дѣлу изслѣдованія.»

Въ засѣданіи Правленія 12 Мая слушаны были показанія бывшаго педеля Ломаковскаго, Учителя Екатеринославской Гимназіи Лангнера и Учителей Курской Гимназіи, отобранныя отъ нихъ подъ присягою. Первый показалъ, что въ бытность его педелемъ, отъ 23 Октября 1811 г., до Іюля 1812 г., Ректоръ не всегда читалъ лекціи, иногда по слабости здоровья, иногда по отлучкамъ изъ города по должности, а иногда и за многодѣліемъ по Правленію и Училищному Комитету, наконецъ иногда «по причинѣ дѣлаемыхъ имъ сочиненій.» Читалъ же лекціи онъ въ Февралѣ, Мартѣ, Апрѣлѣ и Маѣ; въ Іюнѣ занимался экзаменами, а въ Ноябрѣ 1811 года ученія совсѣмъ не было «по причинѣ глубокой грязи съ дождями по городу Харькову.» Второй показалъ, что онъ дѣйствительно получилъ отъ Ректора нѣсколько картинъ для продажи, но не знаетъ, принадлежали ли эти картины самому Ректору; продалъ же всего 22 картины на 640 рублей; гранатъ, лентъ и другихъ вещей онъ не продавалъ, въ Москву съ собою не возилъ и не отправлялъ, а тѣмъ менѣе картины, которыя всѣ распроданы въ Харьковѣ.» Многословнѣе показанія Учителей Курской Гимназіи, гдѣ, какъ видно, самъ Директоръ Венедиктовъ былъ сильно настроенъ въ пользу наибольшаго расширенія размѣровъ дѣла. Главными обвинителями Ректора явились здѣсь Рудневъ, Пузановъ и Василевскій. Всѣ они показали, что «зимою 1811 года Паратичъ явился въ сборную Учительскую комнату съ полученнымъ имъ по почтѣ ящикомъ и, раскрывъ его, показывалъ находившимся тутъ Учителямъ золотые часы и разные сорты гранатъ въ пучкахъ, при чемъ читалъ письмо Ректора, въ которомъ онъ поручаетъ Паратичу продать присланныя вещи за назначаемую имъ цѣну. Изъ разныхъ сортовъ гранатъ Рудневъ припомнилъ только слѣдующіе: пять пучковъ по 65 рублей, 10 пучковъ по 70 р.: часы оцѣнены во сто рублей.» «Но какъ въ письмѣ Г. Ректора, показываетъ Рудневъ, цѣны гранатъ означены не совершенно ясно (при этомъ приводится самая форма обозначенія цѣнъ), то Паратичъ, принявъ цѣну, разумѣемую Г. Ректоромъ для одного пучка, за цѣну для всего сорта, выручилъ за оныя гранаты денегъ: за 5 пучковъ № 50, вмѣсто 325 р.—65 р.; за 10 пучковъ, вмѣсто 700 р., всего 70 рублей» и т. д. Указавши на извѣстныхъ ему покупателей гранатъ, въ томъ числѣ на себя, купившаго два пучка за 26 р. и на одного Курскаго купца, купившаго на 300

руб. (Паратичъ оставилъ за собою золотые часы), Рудневъ продолжаетъ: «Когда Паратичъ послалъ вырученныя за гранаты деньги Г. Ректору, то сей послѣдній чрезъ первую почту извѣстилъ Паратича о его ошибкѣ, приказывая ему стараться собрать проданныя гранаты назадъ. Паратичъ, получа оное огорчительное для него письмо, болѣе сутокъ былъ боленъ; ибо онъ сомнѣвался, чтобы могъ возвратить проданныя гранаты, и полагалъ, что столь несчастный для него случай разстроитъ его малое состояніе. Въ такомъ положеніи онъ говорилъ ему, Рудневу, и другимъ, что онъ имѣетъ всего 1200 р., которые отданы въ проценты, но и тѣхъ долженъ будетъ лишиться, если не соберетъ назадъ проданныхъ гранатъ, и въ такомъ случаѣ намѣревался послать вексельное свое письмо Г. Ректору въ уплату за проданныя ошибкою гранаты. Когда жь всѣ, купившіе у него гранаты, возвратили ему назадъ оныя за тѣ же цѣны, исключая нѣкоторыхъ, кои послали ихъ въ подарки и тому подобное, тогда Паратичъ занялъ у меня 100 рублей для того, чтобы собравши такую сумму, на которую онъ не могъ возвратить проданныхъ гранатъ, послать Г. Ректору. Въ разсужденіи Офенскаго вина онъ въ точности не знаетъ, кому Паратичъ продавалъ оное; между тѣмъ, однако жь, Паратичъ сказывалъ ему, что Г. Ректоръ поручаетъ ему продавать Офенское вино, которое можно покупать ведрами и бутылками, и, выхваляя превосходство сего вина, сказалъ, что бутылка онаго стоитъ не менѣе 10 рублей; гдѣ же сіе вино въ то время было, о томъ онъ, Рудневъ, не любопытствовалъ; такъ какъ о ненужной для него вещи.» Показанія Пузанова и Васильевскаго почти буквально сходны съ показаніемъ Руднева. Учителя Билевичъ и Морель, утверждая продажу гранатъ, отозвались незнаніемъ о ихъ цѣнѣ и вырученной отъ продажи суммѣ; о продажѣ вина знали только по слуху. Учитель Левинскій показалъ, что онъ о всемъ дѣлѣ зналъ только по разсказамъ. Замѣчательны показанія Учителей Адольфа Роберти и Оммеица, отказавшихся отъ присяги. «Поелику оное дѣло ему неизвѣстно, говоритъ первый; ибо онъ къ никакой продажѣ винной и гранатной никогда не принадлежалъ, и оныхъ отъ Г. Паратича никогда не покупалъ, и продавалъ ли Паратичъ, что именно, кому принадлежащее, въ какомъ количествѣ и по какой цѣнѣ, о томъ онъ отъ него не имѣлъ никогда права спрашивать, а равно и Паратичъ не имѣлъ тоже обязанности отдавать ему въ дѣлахъ своихъ отчета. По Воинскому же Процессу вольно свидѣтельствовать о томъ только, что кто зна-

етъ, или самъ видѣлъ; а какъ онъ, Робертъ, ничего достовѣрнаго по сему предмету не знаетъ, а по тому и свидѣтелемъ быть не можетъ. Присяга же есть важная святость, которой легко брать не должно, то по тому онъ и не рѣшился на оную.» Показаніе Отменца сохранилось въ Архивѣ въ подлинникѣ: «Занимаясь единственно моею только должностію, пишетъ онъ, и никдѣ не бывая, кромѣ класса и квартиры, я ничего не знаю о семъ дѣлѣ, и по тому никакимъ образомъ, съ нарушеніемъ моей совѣсти, не могу дать подъ присягою таковаго показанія, тѣмъ болѣе, что присяга въ таковомъ дѣлѣ, по моему Римско-Католическому Исповѣданію (защищенному толеранцiей въ Россійской Имперіи), безъ моего Священника, кажется, и совершена быть не можетъ; а по тому я безъ рѣшенія отъ Императорскаго Харьковскаго Университета сего моего сомнѣнія, не могъ осмѣлиться приступить къ таковой присягѣ.»

Въ то время, когда выслушаны были всѣ эти показанія, явился въ Правленіе Профессоръ Шадъ съ десятью кусками разныхъ сортовъ лентъ, цѣлыхъ и початыхъ, и со спискомъ, писаннымъ рукою Ректора, для передачи ихъ послѣднему чрезъ Правленіе. Ленты эти, оставшіяся не проданными, Паратичъ возвращалъ, чрезъ жену Шада, Ректору. При этомъ Шадъ объяснилъ Правленію, что его побудило выступить обвинителемъ Ректора заявленіе послѣдняго, что продаваемыя вещи принадлежатъ не ему, а Паритичу; и особенно его готовность принести явно ложную присягу; что онъ самъ слышалъ отъ Паратича, въ бытность его въ Харькове, нѣсколько разъ квартировавшаго въ его домѣ, что вещи принадлежатъ Ректору; что при продажѣ ихъ онъ понесъ убытку до 300 рублей; что стоимость всѣхъ вещей простиралась до 6000 рублей; что онъ, Паратичъ, далъ въ Курскѣ ложное показаніе, будто эти вещи принадлежатъ ему и куплены на деньги, полученныя по наслѣдству, единственно съ цѣлію пособить Ректору, какъ своему начальнику и земляку. Въ заключеніе Шадъ объявилъ, что онъ въ слѣдующемъ Засѣданіи Совѣта потребуетъ немедленнаго избранія Проректора; такъ какъ Ректоръ не можетъ быть Предсѣдателемъ въ Совѣтѣ, въ которомъ должно обсуждаться его собственное дѣло.

По выслушаніи всѣхъ показаній, Правленіе опредѣлило: «Записавъ ихъ въ журналъ, пріобщить къ дѣлу и доложить по полученіи отъ Министра разрѣшенія; обращаться съ требованіями показаній къ лицамъ и мѣстамъ не подвѣдомымъ Университету; представленныя

же Профессоромъ Шадомъ денты, вмѣстѣ съ собственноручнымъ спискомъ Ректора, запечатавъ печатями Членовъ Правленія, отдать Кассиру для храненія въ казенномъ сундукѣ впредь до востребованія.»[22]

Въ Засѣданіи 26 Мая Правленіе слушало показанія Профессоровъ Дегурова и Ваннотти и Учителя рисованія Матеса. Первый показалъ, что, по болѣзни жены его, присовѣтывали ему Лѣкаря, въ Октябрѣ 1811 года, для возстановленія ея силъ, давать ей хорошаго вина; по чему онъ и просилъ Г. Ректора сдѣлать ему одолженіе уступкою одного или двухъ ведеръ вина, полученнаго имъ изъ Венгріи; въ слѣдствіе сего онъ, Г. Ректоръ, уступилъ ему одно ведро краснаго вина, цѣною за 30 рублей, которыя, спустя потомъ одинъ мѣсяцъ, онъ ему и заплатилъ; въ другой разъ онъ получилъ еще одну или двѣ бутылки для своего друга, бывшаго на смертномъ одрѣ; но за нихъ Ректоръ денегъ не взялъ. Ваннотти понадобилось вино для себя, для подкрѣпленія разслабленнаго здоровья. Г. Ректоръ объясняетъ Ваннотти, слѣдуя своему человѣколюбію и вѣжливости, изъяснился сими словами: «Хотя у него не болѣе находится вина, какъ только нужное количество для собственнаго его употребленія, однако же хочетъ уступить ему одно ведро, которое онъ, Ваннотти, получивъ, заплатилъ умѣренную цѣну—25 рублей.» Матесъ показалъ, что «онъ дѣйствительно разсматривалъ, еще въ 1811 г., принадлежащее Ректору собраніе эстамповъ, и означалъ карандашомъ на каждомъ эстампѣ его цѣну; что всѣхъ эстамповъ было около 120-ти: три изъ нихъ въ 50 р., около осьми въ 40 р., нѣкоторые въ 35, 30 и 25 р., остальные низшихъ цѣнъ до 4 рублей; что, при разсматриваніи, не обращалъ вниманія на Таможенныя клейма, да ему и не извѣстно должны ли эстампы имѣть клейма отъ Таможенъ, или нѣтъ, по тому что не можетъ вспомнить во все время жительства его въ Россіи, чтобъ случилось ему когда либо видѣть эстампы съ Таможенными клеймами.» Резолюція Правленія та же, что и прежде.»

Между тѣмъ распоряженія Правленія не могли оставаться не извѣстными Ректору. До него доходили вѣрные слухи и изъ

---

[22] Должно замѣтить, что въ подлинномъ журналѣ Правленія, какъ этого засѣданія, такъ и слѣдующаго, 26 Мая, нѣтъ подписи Предсѣдателя, нѣтъ и обычнаго указанія на отсутствіе и объясненія причины отсутствія, между тѣмъ какъ въ первомъ засѣданіи (12 Мая) указано на отсутствіе Декана Дрейссига, «по причинѣ преподаванія лекцій Студентамъ».

Екатеринослявля, и изъ Курска, и вотъ онъ, въ слѣдъ за отзывомъ 2-го Мая, обращается къ Совѣту съ обширнымъ посланіемъ.[21] Въ немъ онъ указываетъ на требованіе Правленія отобрать подъ присягою показанія отъ Лангнера и Учителей Курской Гимназіи. «Можно было, говоритъ Ректоръ, видѣть изъ прежняго моего отвѣта, что вещи принадлежали не мнѣ, и можно было спросить только Паратича, принадлежали ли онѣ ему. Дѣло это, какъ извѣстно, продолжаетъ онъ, ведено было Екатеринославскимъ Директоромъ благоразумно, съ должнымъ приличіемъ и спокойствіемъ и съ уваженіемъ къ Университету. Не то было въ Курскѣ: здѣсь весь городъ приведенъ былъ въ смущеніе и изумленіе, узнавши, что Правленіе требуетъ отъ всѣхъ Учителей показаній, подъ присягою, по дѣлу, направленному противъ Ректора Университета, и отъ такихъ людей, которые были явными доносчиками на Университетъ;[22] всѣ честные люди пришли въ негодованіе отъ того, что такое предписаніе явилось изъ учрежденія, которое и по образаванію, и по нравственности, и по уваженію къ законамъ должно служить примѣромъ. Венедиктовъ собралъ всѣхъ Учителей и молчалъ, когда тѣ поднимали крикъ и страшное волненіе (qui, eo tacente, clamores et turbas ciebant immanes). Дѣло доходило до того, что, когда Роберти отказался присягать, Венедиктовъ самъ поднялъ его руку, на что раздраженный Роберти, въ присутствіи всѣхъ Учителей, сказалъ: «Что вы дѣлаете, я думаю, не сдѣлалъ бы самъ Государь Императоръ.» По словамъ Ректора, въ Курскѣ знали о предписаніи Правленія еще за недѣлю до его полученія, что доказывало незаконныя сношенія между обоими учрежденіями. Когда такія беззаконія совершаются въ Университетѣ, заключаетъ Стойковичъ, когда ногами попираются законы, я предлагаю Совѣту: 1) немедленно отправить визитатора въ Курскъ, для изслѣдованія дѣйствій Венедиктова; 2) вытребовать все дѣло изъ Правленія, съ переводомъ важнѣйшихъ бумагъ на Латинскій языкъ, такъ какъ ни одинъ изъ Декановъ не знаетъ по Русски, и 3) препроводить все въ подлинникѣ къ Министру, чтобы онъ узналъ, какія ухищренія и пронырства позволяли себѣ нѣкторые для запятнанія имени честныхъ и полезныхъ отечеству людей, на

[21] Оно сохранилось на Латинскомъ языкѣ.

[22] Здѣсь Стойковичъ разумѣетъ дѣло, производившееся въ Курскѣ въ 1812 г., котораго я коснулся прежде. См. Ж. М. Н. Просвѣщенія.

безславіе и погибель Университета (quibus machinationibus et molitionibus usi sunt aliqui viri ad nomen honestorum et patriae utilium hominum maculandum, ad famam Universitatis perdendam, denique ad perniciem ipsius Universitatis).» Это посланіе немедленно разослано было Секретаремъ ко всѣмъ Членамъ, для отобранія отъ нихъ мнѣній по его содержанію. Сохранившіяся мнѣнія интересны для характеристики настроенія Совѣта относительно этого злополучнаго дѣла, тянувшагося 8 мѣсяцевъ. Гизе, Дрейссигъ и Ваннотти, замѣтили, что все дѣло было ведено такъ, что ему нѣтъ мѣста ни въ Правленіи, ни въ Совѣтѣ, и что оно немедленно должно быть отправлено къ Министру.» Швейкартъ: «Нѣтъ никакой надобности посылать визитаторовъ въ Курскъ; а слѣдуетъ все дѣло вытребовать въ Совѣтъ, отправить къ Министру и просить его о снисходительномъ отвращеніи отъ Университета публичнаго скандала въ столь пустомъ дѣлѣ (de clementissime avertendo scandalum publicum in re parvi momenti); на незаконныя же засѣданія Правленія, подъ предсѣдательствомъ Срезневскаго, противныя и Уставу и обычаю, я неоднократно указывалъ Совѣту.» Пильгеръ (Проф. Скотолѣченія, утв. 2 Мая, 1806): «Такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ рѣчи о предметахъ, касающихся образованія и преподаваемой науки мною, и такъ какъ я не имѣю никакихъ свѣдѣній въ Юридическихъ наукахъ, то и не могу высказать вѣрнаго мнѣнія, соотвѣтствующаго настоящему дѣлу.» Лангъ,[25] согласившись съ мнѣніемъ Швейкарта, присоединилъ слѣдующій рѣзкій отзывъ о приводимомъ ниже мнѣніи Шада: «Весьма удивляюсь, какъ осмѣливается этотъ человѣкъ, какъ Членъ Совѣта, высказывать свое мнѣніе въ настоящемъ дѣлѣ, когда онъ, какъ самъ говоритъ, представилъ въ Правленіе ленты, о которыхъ еще не извѣстно, кому онѣ принадлежатъ, съ тою цѣлію, чтобы обнаружить свои предательскіе помыслы (ut mentem perjuram probare possit); когда онъ такимъ образомъ явился и обвинителемъ и доносчикомъ, какъ осмѣливается высказывать свое мнѣніе тотъ, кто долженъ воздерживаться отъ подачи какого бы то ни было мнѣнія.» Дегуровъ: «Такъ какъ дѣло между Ректоромъ и Васильевымъ тянется уже 8 мѣсяцевъ и не предвидится, когда Правленіе окончитъ свой судъ, а между тѣмъ немедленное установленіе мира, для блага науки,

---

[25] Тогдашній Секретарь Совѣта. Онъ поступилъ въ Харьковскій Университетъ Адъюнктомъ Философическихъ и Математическихъ Наукъ въ 1803 году; утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ въ 1812 году.

въ нашемъ Университетѣ необходимо, и такъ какъ Ректоръ жалуется на незаконность дѣйствій Правленія, а обсужденіе дѣла въ Совѣтѣ угрожаетъ еще большими раздорами, то слѣдуетъ всѣ, относящіяся къ этому дѣлу, бумаги немедленно препроводить къ Министру.» Роммель, Каменскій, Книгинъ, Осиповскій и Шумлянскій, признавали необходимымъ передать бумагу Ректора въ Правленіе, которое и должно обсудить ее въ связи со всѣмъ дѣломъ: послѣдній присоединилъ къ тому слѣдующее замѣчаніе: «За многое въ своихъ бумагахъ Ректоръ подвергнется въ свое время уголовному суду; а чтобы впредь онъ имъ не обременялъ Совѣтъ и не отвлекалъ насъ отъ дѣла, такъ какъ мы то и дѣло собираемся для разбора его тяжбы, просить Министра, чтобы онъ, если возможно, принудилъ его къ повиненію законамъ, Іонес aman ablunt maculas.» Срезневскій: «1) Такъ какъ я выбранъ Совѣтомъ, то прошу или защитить меня отъ оскорбленій Ректора, угрожающаго статьей 17-й Устава, или освободить отъ засѣданій Правленія; 2) или лжетъ, или притворяется Ректоръ, будто бы до сихъ поръ не зналъ о засѣданіяхъ Правленія подъ моимъ предсѣдательствомъ: какъ Ректоръ, онъ долженъ былъ знать о томъ изъ журнала того засѣданія Совѣта, въ которомъ произошелъ выборъ, да и самъ онъ уже много разъ давалъ отвѣты по своему дѣлу по запросамъ Правленія; 3) поданную Ректоромъ жалобу или держать въ Совѣтѣ, пока Правленіе, окончивши дѣло, препроводитъ его въ Совѣтъ, или отправить къ Министру, съ объясненіемъ причинъ, по чему Совѣтъ вынужденъ былъ избрать Предсѣдателя; 4) что касается до готовности Ректора присягнуть въ томъ, что вещи принадлежали Паратичу, то предоставить Правленію озаботиться приведеніемъ его къ присягѣ.» Наконецъ Шадъ подалъ длинное мнѣніе, цѣлую рѣчь, написанную прекраснымъ Латинскимъ языкомъ и вызвавшую приведенный выше рѣзкій отзывъ Ланга: «Когда дѣло дошло до того, начинаетъ Шадъ, что исчезли всякій порядокъ и уваженіе къ законамъ; когда, по винѣ одного, угрожаетъ опасность всему Университету, нечего больше смотрѣть на дѣло снисходительно (molliter rem tractare); а по тому я, прошу извиненія за жесткость выраженій въ обсужденіи такого дѣла, которое возбудило изумленіе, отвращеніе и ужасъ (stuporem, aversionem et horrorem) во всѣхъ порядочныхъ людяхъ. Наконецъ настало время, когда самые внутренніе и сокровеннѣйшіе помыслы должны выйти на свѣтъ (ubi intima animi sensa ac recessus maxime reconditi in lucem prodibant). Въ то время, когда войска наши, изгнавшія изъ отечества тирана

Европы, съ тою же храбростію сражаются съ нимъ и за его предѣлами, неприлично бояться чего либо людямъ, поставленнымъ для охраненія благосостоянія Университета, и при томъ тогда, когда онъ находится въ опасности. По крайней мѣрѣ, я, подъ защитою истины, правды и доброй совѣсти, не боюсь ничего, а по тому рѣшаюсь раскрыть свое сердце предъ Членами Совѣта.» Послѣ этого торжественнаго вступленія Шадъ съ негодованіемъ вооружается противъ заявленія Ректора о принадлежности вещей Паратичу, да еще съ готовностію присягнуть въ томъ: «Правленіе говоритъ онъ, владѣетъ достаточными доказательствами противнаго, и теперь занимается не однимъ дѣломъ о его гнусной и постыдной торговлѣ, а изслѣдованіемъ всего его поведенія съ тѣхъ поръ, какъ онъ, гонимый злой судьбой и самой Австрійской полиціей (infaustis avibus et ipsa politia austriaca eum persequente), появился въ Университетѣ и обезчестилъ его.» Онъ рѣшительно возстаетъ противъ мысли объ отправленіи всего дѣла къ Министру и настаиваетъ на строжайшемъ изслѣдованіи его на мѣстѣ, на основаніи 150 § Устава, такъ какъ такое изслѣдованіе только и возможно на мѣстѣ преступленія. «Угрожая статьей 17-й Устава, говоритъ Шадъ, Ректоръ обнаружилъ свои злокачественные помыслы (mentem suam insanam prodidit); ибо что безумнѣе желанія быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ, да еще и Предсѣдателемъ суда? Это не возможно и въ варварскихъ странахъ, а онъ желаетъ достигнуть этого въ Россійской Имперіи, гдѣ, съ древнѣйшихъ временъ, а особенно со времени Петра I, процвѣтали знаменитѣйшія, приспособленныя ко всякому роду культуры, учрежденія. Что дѣлаетъ этотъ человѣкъ? На что осмѣливается? Что думаетъ о Россійской Имперіи? До какого рода варварскихъ народовъ, дикихъ и не имѣющихъ никаго человѣческаго чувства, хочетъ онъ низвести Русскій народъ? Уже сѣкира лежитъ при корнѣ всѣхъ бѣдствій, которыя мы претерпѣли отъ основанія Университета. Если бы только открыть нѣкоторые отпрыски, отъ этого корня происходящіе, то ихъ не трудно было бы вырвать. Предательская мысль этого человѣка обнаружилась явно сама собою. Пусть защищаютъ его теперь друзья и покровители, пусть оные колеблются въ ту и другую сторону, пусть самъ онъ угрожаетъ военною силой не только Правленію, занимающемуся изслѣдованіемъ, совершеннаго имъ, чудовищнаго преступленія, но и самому Совѣту! Тщетныя усилія, тщетная помощь и убѣжище! Есть въ нашемъ Университетѣ, есть люди прямодушные, мужественные, усердно

охраняющіе общее благосостояніе. Ихъ голосъ противъ тѣхъ немногихъ защитниковъ этого человѣка въ позорномъ дѣлѣ, чрезъ Г. Министра нашего прозвучитъ до престола мудрѣйшаго и справедливѣйшаго Императора.» [26] За тѣмъ начинается изложеніе самаго дѣла, сущность котораго намъ уже извѣстна по донесенію того же Шада въ Правленіе. Рѣчь заключается слѣдующими словами Цицерона, сказанными имъ противъ Антонія: «Teque, tuique similes, tibique charos, et aversor, et abominor, et execror, nec timeo minas, quas jactas, nec terrent pericula, quae denuntias.»

Изъ обозрѣнія всѣхъ приведенныхъ мнѣній оказывается, что на сторонѣ Ректора было семь Членовъ, и всѣ они были иностранцы; противъ Ректора также семь Членовъ—пять Русскихъ и два иностранца, Шадъ и Роммель. Совѣтъ, принявъ во вниманіе голосъ Ректора, опредѣлилъ препроводить все дѣло къ Министру. Но ему пришлось тогда же выслушать еще слѣдующее новое заявленіе Ректора, вызванное предписаніемъ Правленія, чтобы Курская и Екатеринославская Гимназіи адресовали свои бумаги на имя Непремѣннаго Засѣдателя Осиповскаго: «Такъ какъ Профессоръ Осиповскій, по обязанности Непремѣннаго Засѣдателя, долженъ заботиться о томъ, чтобы дѣла въ Правленіи производились правильно, и чтобы законы и постановленія сохранялись въ цѣлости и ненарушимо, и такъ какъ онъ, по моему мнѣнію, въ настоящемъ дѣлѣ нарушилъ свою обязанность, то во мнѣ родилось подозрѣніе, что это допущено имъ умышленно, а по тому я желаю, чтобы онъ не при-

---

[26] Приведемъ здѣсь въ подлинникѣ эту патетическую часть рѣчи Шада, для характеристики языка: «Et hoc ille sperat se in imperio rossico obtinere posse, ubi jam a saeculis, praecipue vero a tempore Petri Magni, praeclarissimae, et ad omne culturae genus excitandum aptissimae institutiones floruere! Quid agit ille? Quid audet? Quid cogitat de imperio rossico? Ad quod genus nationum barbararum, aut adhuc ferocium et nullo humanitatis sensu imbutarum ac excultarum inclitam nationem rossicam vult detrudere? Jam securis posita est ad radicem omnium malorum, quae ab incunabulis Universitatis perpessi sumus. Si se conspicuos reddant quidam surculi cum illo cohaerentes, facili negotio evellentur. Mens perjura hujus viri per semetipsum palam declarata est. Defendant nunc illum, amici et patroni, fluctuent in utramque partem alii, minitetur ipse non solum directorio, in monstrum criminis, ad quod ipsemet se obtulit, inquirenti, sed etiam ipsi senatui academico, vi militari! Inania tentamina, vana adjumenta et refugia! Sunt in Universitate nostra, sunt viri recti, strenui, publicae salutis studiosi, quorum vox contra paucos illos, qui virum hunc, de quo sermo est, in causa pessima tueri volunt, per excellentissimum Ministrum usque ad thronum sapientissimi et justissimi Imperatoris personabit.»

присутствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ какъ Правленія, такъ и Совѣта, въ которыхъ предлагалось бы что либо обо мнѣ, или противъ меня Предлагаю это мое заявленіе препроводить къ Г. Министру.»

Наконецъ пришелъ ожидаемый отвѣтъ Министра на представленіе Правленія, отъ 5-го Апрѣля, 1813 года, о распространеніи слѣдствія на лицъ, соприкосновенныхъ съ дѣломъ и неподвѣдомыхъ Университету: «Въ слѣдствіе представленія Правленія, за № 312-мъ, пишетъ Министръ, предлагаю оному, начатое имъ слѣдствіе по доносамъ Адъюнкта Васильева, на Ректора Стойковича, оставить вовсе, какъ по тому, что они уже между собою помирились, такъ и для того, что Васильевъ показанія свои не подтверждаетъ достаточными доводами; отобраніе же, объясненій отъ разныхъ мѣстъ и лицъ, паипаче неподвѣдомыхъ Университету, продлило бы производство дѣла сего, и при томъ сношенія о семъ предметѣ съ посторонними мѣстами могли бы поселить въ людяхъ объ Университетѣ, какъ новомъ въ тамошнемъ краю заведеніи, невыгодное мнѣніе, что послужило бы къ великому вреду учебной части.» Отвѣтъ этотъ (№ 1184) подписанъ Министромъ 21-го Мая, и полученъ Правленіемъ 9-го Іюня; послѣднее донесло о немъ и о прекращеніи слѣдствія Совѣту 13 Апрѣля.[17] Въ тотъ же день, 21-го Мая, Министръ разрѣшилъ Стойковичу просимый имъ отпускъ на три мѣсяца къ Кавказскимъ Минеральнымъ Водамъ, съ вычетомъ, однако, жалованья, и предписалъ Совѣту выбрать, на время его отсутствія, Проректора (№ 1185). Замѣчательно, что въ тотъ же день Министръ подписываетъ другую бумагу въ Совѣтъ Харьковскаго Университета (№ 1190) слѣдующаго содержанія: «Разстроенное здоровье Ректора сего Университета, Стойковича, и дѣлаемыя имъ, по сей причинѣ, частыя отъ Университета отлучки, побуждаютъ меня предложить Совѣту о избраніи, установленнымъ порядкомъ, на мѣсто его, въ Ректоры другого изъ Ординарныхъ Профессоровъ.» Мѣсяцъ спустя (23-го Іюня, № 1545-й), Министръ шлетъ въ Совѣтъ новое предписаніе поспѣшить симъ выборомъ, а между тѣмъ избрать Проректора, который имѣетъ тотчасъ вступить въ управленіе своей должности, хотя бы настоящій Ректоръ находился еще въ Харьковѣ. Немедленно избранъ былъ въ Совѣтѣ Проректоромъ Осиповскій и утвержденъ Министромъ 26-го Іюля. Спустя двѣ недѣли, 8-го Августа, Осиповскій былъ утвержденъ Ректоромъ, 9-го Августа

---

[17] Донесеніе это подписано только Деканами Дрейсигомъ и Шадъ[illegible]ртомъ.

Стойковичъ подалъ въ Совѣтъ прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи его отъ всѣхъ должностей при Университетѣ, такъ какъ онъ намѣренъ отправиться, для пользованія себя, въ чужіе края. Передъ окончаніемъ трехмѣсячнаго отпуска, 17-го Сентября, онъ повторилъ свое прошеніе въ слѣдующемъ видѣ: «Уволенъ я Г. Министромъ на три мѣсяца, для поправленія разстроеннаго моего здоровья. Какъ время отпуска скоро кончится, я же 9-го Августа подалъ прошеніе о совершенномъ моемъ увольненіи отъ Университета и намѣренъ ѣхать, для пользованія себя, въ чужіе краи, то я прошу Ваше Императорское Величество увольнить меня до полученія отставки отъ всѣхъ должностей при Университетѣ.»

Стойковичъ, по видимому, не остался въ долгу предъ Совѣтомъ Харьковскаго Университета. Покончивши совсѣмъ съ послѣднимъ, онъ подалъ прошеніе Министру о пересмотрѣ дѣла, производившагося въ Правленіи и Совѣтѣ по доносу Васильева, и Министръ дѣйствительно, предписаніемъ, отъ 7-го Апрѣля, 1815-го года (№ 955), потребовалъ онъ Университета всѣ, относящіяся къ оному дѣлу, бумаги въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ журналами Совѣтскихъ засѣданій. [28] Это была послѣдняя бумага по злосчастному доносу Васильева, и за тѣмъ всѣ свѣдѣнія по этому дѣлу въ архивѣ прекращаются.

---

[28] Замѣчательно, что въ этой же бумагѣ Министръ предписываетъ истребовать отъ Нравственно-Политическаго Факультета и препроводить къ нему документы, относящіеся къ выбору Учителя Дудровича въ Адъюнкты (по Философіи) документы, «кои прежде изъ шкафа украдены и потомъ, но долгомъ времени на столѣ Университетскаго Совѣта найдены.» Въ той же бумагѣ Министръ требуетъ свѣдѣній объ Университетскомъ театрѣ: «сколько разъ играли и какія пьесы, и не хотѣлъ ли кто во время представленія бить одного Ординарнаго Профессора?» По послѣднему требованію Ректоръ Осиповскій, отъ 5 Мая, донесъ Министру, что при Университетѣ театра нѣтъ, и что Студенты, съ разрѣшенія Министра, въ праздничное время, иногда разыгрываютъ нѣкоторыя пьесы, предварительно разсмотрѣнныя Начальствомъ; что при этомъ зрителями бываютъ Студенты, Университетскіе Чиновники и знакомые изъ дворянства и купечества. Профессоръ же, которому во время представленія, угрожали побоями, былъ Лангъ.» Дѣло въ томъ, что Поручикъ Николай Шидловскій, бывшій воспитанникъ Университета, который, какъ доносилъ Лангъ Правленію, «schien etwas betrunken zu sein», разговаривалъ въ театрѣ въ слухъ; Лангъ обратился къ нему съ замѣчаніемъ, и когда тотъ не обратилъ на него вниманія, сказалъ: «Souvenez vous, dans quel endroit vous êtes. Si vous continuez, vous serez éconduits d'ici.» Слова эти и вызвали угрозу побоями, которую Шидловскій въ тотъ же вечеръ и на другой день повторилъ Ректору: «Буде Лангъ не извинится, говорилъ онъ, то онъ не будетъ равнѣды-

Такъ разыгралось на мѣстѣ, въ достопамятную эпоху 1812—1814 годовъ, пресловутое дѣло о торговлѣ Ректора Харьковскаго Университета, Стойковича. Понятно, по чему оно надѣлало столько шума и тревоги въ свое время, произвело такое сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, въ подрывъ тому общему уваженію, которымъ пользовался Университетъ, и по чему оно такъ упорно держится до сихъ поръ въ мѣстномъ преданіи. Что дѣло это только при сильномъ возбужденіи страстей и личныхъ отношеній, могло достигнуть такихъ широкихъ размѣровъ, можно судить отчасти и по тому, что въ провозѣ вещей и другихъ иностранныхъ Профессоровъ, переселявшихся на службу въ Россію и пользовавшихся, по Уставу, правомъ безпошлиннаго провоза на три тысячи, можно, кажется, замѣтить аналогическое явленіе, [29] а въ болѣе близкое къ намъ время, сколько можно судить по слухамъ, Профессоры, возвращавшіеся изъ за границы и пользовавшіеся тѣмъ же правомъ въ провозѣ вещей, не имѣя ихъ столько въ наличности, передавали это право промышленнымъ и торговымъ людямъ, которые и провозили въ Россію безпошлинно разные товары. Хотя такое злоупотребленіе ни какъ не можетъ служить оправданіемъ дѣйствій Стойковича въ настоящемъ случаѣ, однако нельзя не согласиться, что починъ слѣдствія надъ нимъ самой Университетской Коллегіи, и при томъ на основаніи такого доноса, какимъ былъ доносъ Васильева, представляетъ, во всякомъ случаѣ, явленіе исключительное и своеобразное.

ваться съ нимъ по бумагамъ, но по воински его прибьетъ.» Ректоръ, однако, уговорилъ его оставить это дѣло, тѣмъ все и кончилось. Къ донесенію Ректора приложенъ былъ и списокъ пьесъ, которыя разыгрывались Студентами въ 1814 и 1815 годахъ, на пр.: «Ненависть и раскаяніе; Клеветники и сумасоха — Коцебу; Беверлей; Награжденная справедливость — Дмитревскаго; Ябеда—Капниста; Скапиновы обманы—Мольера; Донъ Ранудо ди Калибрадосъ» и др.; въ заключеніе иногда былъ балетъ.

[29] Такъ въ 1808 году Радзивиловская Таможня пропустила семь ящиковъ и двѣ бочки съ пожитками Профессора Математики Гута, и такъ какъ послѣдній требовалъ пропуска еще десяти ящиковъ, то Таможня настаивала на оцѣнкѣ вещей, для удостовѣренія, не превышаетъ ли трехъ тысячъ стоимость перевозимыхъ вещей (Отношеніе Таможни отъ 13 Апрѣля, № 113). Безъ сомнѣнія, значительная часть этихъ вещей, какъ видно изъ дѣлъ, состояла въ инструментахъ, проданныхъ потомъ Гутомъ Университету.

II.

І. Г. ШАДЪ.

Шадъ такъ рѣзко обрисовывается въ сторонѣ, враждебной, Стойковичу, выступаетъ такимъ безпощаднымъ его обвинителемъ, что, безъ сомнѣнія, не покажутся излишними нѣкоторыя, характеризующія его, черты.

Иванъ Егоровичъ Шадъ, родившійся въ 1761-мъ году въ Марбахѣ, близъ Вюрцбурга, былъ воспитанникомъ Іезуитовъ, потомъ Бенедиктинскимъ монахомъ въ Банцѣ (на Майнѣ), откуда долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, въ слѣдствіе столкновенія съ тамошними обскурантами. Явившись въ Іену, слушалъ лекціи по Химіи, Опытной Физикѣ и Медицинѣ, получилъ степень Доктора Философіи и преподавалъ въ Іенскомъ Университетѣ всѣ части Философіи. Здѣсь же, кромѣ многочисленыхъ журнальныхъ статей, онъ написалъ нѣсколько сочиненій по Философіи, каковы: «Обозрѣніе системъ Канта и Фихте, Духъ Философіи новѣйшихъ временъ, Опытъ наукъ чистой Философіи, Опытъ чистой Логики и Метафизики» и др.; кромѣ того, до переѣзда въ Россію, имъ написано: «Объ отношеніи духовнаго званія, особенно монастырей, къ Государству, Описаніе моей жизни, Рай любви.» По рекомендаціи Гёте и Шиллера, Попечитель Потоцкій пригласилъ его въ Харьковскій Университетъ на каѳедру Философіи (утвержденъ 1 Февраля, 1804 года). Роммель, бывшій въ Харьковѣ (съ 1811 до половины Іюля 1814 г.) въ благопріятныхъ отношеніяхъ съ Шадомъ и издавшій вмѣстѣ съ нимъ Латинскую Христоматію (ему принадлежитъ стихотворная, а Шаду прозаическая часть), характеризуетъ его слѣдующ. образомъ, въ своихъ воспоминаніяхъ: «Яростный, ненавистный Русскимъ поборникъ просвѣщенія, Литературы и Филологіи, Шадъ привлекъ Студентовъ своею Логикою, написанною плавною Латынью (что-то въ родѣ Философской Пропедевтики); въ школѣ Іезуитовъ онъ усвоилъ Латинскую рѣчь въ совершенствѣ, и уже по тому игралъ

[1] По условіямъ, выговореннымъ съ Университетомъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ получить плату за 300 экземпляровъ своей части (Христоматія издана въ двухъ частяхъ), какъ перваго, такъ и втораго, изданія и, кромѣ того, 50 экземпляровъ, «quae, сказано въ условіяхъ, in usum Germaniae, vendere».

большую роль въ Совѣтѣ и на всѣхъ диспутахъ. Разсказы Шада о скандалезныхъ приключеніяхъ съ монахами были очень забавны и блистали неистощимымъ юморомъ, особенно когда онъ брался за скрыпку, спасенную во время опаснаго его прыжка изъ Банца, и затягивалъ пѣснь свободы, подходившую къ птичьему пѣнію. Это былъ совершенный циникъ, у котораго монашескія привычки не совсѣмъ прикрывались Русскимъ мундиромъ. Держа оппозицію противъ старыхъ Русскихъ Профессоровъ, [1] онъ давалъ слишкомъ много воли своему языку, и однажды въ Совѣтѣ забылся до того, что сказалъ: «Вы всѣ холопы!» Неумѣренное пьянство [2] подрыло его здоровье, а несчастный бракъ, составившійся въ Курскѣ, на пирушкѣ, съ женщиной сомнительной репутаціи, не то Русскою, не то Нѣмкою, ускорилъ его домашнюю катастрофу. На него въ послѣдствіи сдѣланъ былъ доносъ: лекціи Метафизики, отзывавшіяся Философіей Шеллинга, выданы за атеизмъ. Послѣ моего отъѣзда изъ Россіи, его препроводили изъ Харькова до границы, и онъ окончилъ свою несчастную жизнь въ Іенѣ («Пять лѣтъ» и пр. стр. 65, 66). Въ Харьковскомъ Университетѣ Шадъ дѣйствительно велъ почти непрерывную и ожесточенную борьбу съ Членами Совѣта и далеко не съ одними старыми Русскими Профессорами, какъ говоритъ Роммель, а не рѣдко и съ своими земляками, и далеко не всегда являлся онъ въ этой борьбѣ «поборникомъ просвѣщенія,» какъ утверждаетъ тотъ же Роммель. Протоколы Совѣта того времени, особенно 1812—1816 годовъ, могутъ служить достаточнымъ тому доказательствомъ. Такъ роль Шада въ Магистерскихъ и Докторскихъ экзаменахъ, изобиловавшихъ въ указанные выше годы, во всякомъ случаѣ можетъ возбуждать сильныя недоумѣнія съ нравственной точки зрѣнія. Мы надѣемся скоро коснуться первыхъ промоцій въ

---

[1] Характеръ участія его въ дѣлѣ Стойковича противорѣчитъ этому показанію, а изъ предыдущаго видно, что зачастую и Нѣмцы не уступали Русскимъ въ ненависти къ Шаду.

[2] Т. С. Селивановъ въ своихъ «Замѣткахъ,» также говоритъ, что онъ «любилъ выпить,» для чего ѣздилъ часто въ одинъ подгородній хуторъ и на возвратномъ пути оттуда «съ малой толикой наливки» былъ однажды захваченъ объѣздчиками (о чемъ сохранилось особое дѣло въ Правленіи). Тамъ же замѣчено, что Шаду «нравилась Русская національная брань: «въ ней, говорилъ онъ, нѣтъ проклятій, а какая-то любезность, облеченная въ грубую и нахальную форму,» и всѣ фразы ея перевелъ на Латинскій языкъ, а подъ случай, гдѣ надобно (!), и употреблялъ.»

Харьковскомъ Университетѣ. Самое дѣло о высылкѣ Шада изъ Россіи, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ ними.

Въ концѣ 1815 года Дегуровъ донесъ Совѣту, что диссертаціи докторантовъ Ковалевскаго и Гриневича буквально списаны съ печатнаго сочиненія Шада, и буквально сходны съ записками Студентовъ (Гриневичъ уже успѣлъ защитить свою диссертацію). Назначенная Совѣтомъ Коммисія изъ Профессоровъ: Шумлянскаго, Успенскаго и Нельдехена, подтвердила донесеніе Дегурова. Рѣшено было донести о томъ Министру, который и потребовалъ къ себѣ обѣ диссертаціи, а также рукописныя тетради Шада, по которымъ читалъ Философію (Засѣданіе 16 Февр., 1816 г.). Послѣднія не могли быть отправлены, такъ какъ Шадъ, на запросъ Совѣта, отозвался, что онъ Метафизику и Логику читалъ безъ записокъ (ex tempore tradit), а остальное (Логику) по изданному Руководству; вмѣсто нихъ были отправлены Студентскія записки. Отъ 17-го Февраля послѣдовалъ новый запросъ отъ Министра: «На какомъ основаніи Совѣтъ разрѣшилъ напечатать на казенный счетъ составленную Шадомъ Христоматію подъ заглавіемъ: «De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum?» Книга эта дѣйствительно издана была Университетомъ въ концѣ 1815 года. Въ довольно длинномъ посвященіи ея Министру, А. К. Разумовскому, Шадъ восхваляетъ до небесъ заслуги послѣдняго на пользу Русскаго просвѣщенія и выражаетъ увѣренность, что эта «золотая книга, полезнѣе и пригоднѣе которой для учащагося юношества едва ли можно найти,» по точномъ разсмотрѣніи, будетъ распространена во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это вызвало гоненіе на Христоматію, не заслуживавшую его всѣмъ своимъ содержаніемъ, заключающую въ себѣ перепечатку сочиненія Аврелія Виктора (писателя IV вѣка по Р. Х.), съ распространеніемъ поучительнаго элемента примѣрами добродѣтелей, извлеченными изъ классическихъ писателей.[1] Причина, безъ сомнѣнія, въ предисловіи, въ той его части, гдѣ составитель многорѣчиво и съ паѳосомъ сопоставляетъ добродѣтели Язычниковъ и Христіянъ не въ пользу послѣднихъ. Для доказательства достаточно привести хоть слѣдующія строки, не безполезныя и для общей харак-

---

[1] Подавшій поводъ къ Харьковскому изданію, Ломондъ (въ 1805 г. 9-е изд.) распространилъ Аврелія Виктора въ военной части его біографій, въ чемъ Шадъ видитъ низкую угодливость тирану—Наполеону.

теристики Шада: «Не мало такихъ цѣнителей, которые осуждаютъ всѣ добродѣтели язычниковъ, или всѣхъ, слѣдующихъ естественному свѣту разума и не знающихъ Откровенной Религіи, называя ихъ блестящими пороками. О, если бы міръ Христіянскій изобиловалъ этими блестящими пороками! Ихъ, безъ сомнѣнія, привѣтствовала бы сама Христіянская Религія, а мы не испытали бы столько общественныхъ и частныхъ бѣдствій, раждающихся отъ извращенія всего нравственнаго міра. Откровенно должно признаться, что мы, нагло гордящіеся однимъ именемъ Христіянъ и его недостойные, во прахѣ всѣхъ преступленій пресмыкающіеся, презирающіе величайшія и вѣчной славы достойныя дѣянія тѣхъ, кому не удалось просвѣтиться Христіянствомъ, что мы далеки отъ того искренняго и чистаго стремленія къ истинѣ, какимъ воодушевлена была древность, что въ наше время господствуетъ такое развращеніе нравовъ, не смотря на данныя намъ въ руководство Христіянскія правила, что сочли бы глупцомъ и осмѣяли того, кто вздумалъ бы брать себѣ въ образцы древнихъ. Чѣмъ дальше живетъ человѣческій родъ, тѣмъ, по видимому, больше удаляется отъ своего божественнаго источника, и т. д.» Опредѣливши добродѣтель по ея существу, онъ предлагаетъ возвратиться къ древнимъ и ихъ образцами лѣчить современное всеобщее развращеніе, нравственную язву, растлѣвающую Христіянскій міръ (X—XII). Мысли этого рода, очевидно, не могли согласоваться съ распространявшимся тогда у насъ піетистическимъ направленіемъ, крѣпко утвердившимся потомъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и не замедлившимъ сильно отразиться и на Харьковскомъ Университетѣ. Въ то время только что получено было въ Университетѣ Отношеніе Слободско-Украинскаго Губернатора, Муратова (5 Іюля, 1815 г.), съ приглашеніемъ содѣйствовать къ открытію въ Харьковѣ особаго Отдѣленія Библейскаго Общества.[5] По справкѣ о напечатаніи книги Шада оказалось, что рукопись была представлена Дегуровымъ (тогдашнимъ Деканомъ Словеснаго Факультета) въ Училищный Комитетъ, съ просьбою о напечатаніи ея на казенный счетъ, для употребленія въ Училищахъ. Совѣтъ,

[5] Тогдашній Вице-Президентъ Библейскаго Общества, Карнѣевъ, обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ Муратову, сохранившимся въ архивѣ въ печатномъ экземплярѣ: «Признательность къ мѣсту нашего рожденія и къ сословію, гдѣ, при воспитаніи въ юности, посѣяны въ умъ и сердце добрыя сѣмена Вѣры и добродѣтели, обязываетъ насъ на весь вѣкъ найживѣйшими

по Отношенію Комитета, запросилъ мнѣніе Словеснаго Факультета, а между тѣмъ Шадъ донесъ, что онъ отказывается отъ всякаго вознагражденія за свой трудъ. Получивъ благопріятный отзывъ отъ Факультета, Совѣтъ, основываясь на прежнихъ Министерскихъ распоряженіяхъ въ подобныхъ случаяхъ, препроводилъ рукопись въ Правленіе, для распоряженій о ея напечатаніи.

Вмѣстѣ съ этой Христоматіей разсматривалось и сочиненіе Шада, изданное въ Харьковѣ въ концѣ 1814 года, подъ заглавіемъ: «Institutiones juris naturae.» Въ посвященіи его Императору, Шадъ, воздавши ему хвалу за освобожденіе Россіи и Европы отъ «тирана, военнаго чудовища (militari monstro) нашего вѣка, исполненнаго ярости и неутомимой жажды человѣческой крови,» указываетъ на цѣль изданія книги—содѣйствовать установленію вѣрныхъ понятій о естественномъ правѣ, освобожденію народовъ отъ тѣхъ ошибочныхъ о немъ представленій, изъ которыхъ проистекли всѣ народныя бѣдствія, самая тираннія, и которыя заразили своимъ ядомъ даже самые образованные народы. Эта цѣль заставила его измѣнить порядокъ изданія своихъ Философскихъ сочиненій, указанный имъ два года тому назадъ въ предисловіи къ «Чистой и прикладной Логикѣ.» [6] Возможность же установленія истинныхъ понятій о правѣ, попранныхъ Французской Философіей, Шадъ видитъ только въ соглашеніи науки о правѣ съ наукой о нравственности и религіи,—и этому посвящена его книга. «Чія божественную мудрость, говоритъ онъ, выразившуюся въ Священ-

---

къ нему чувствованіями благодарности и требуетъ, дабы, по мѣрѣ преуспѣянія нашего въ теченіе жизни въ сихъ главныхъ основаніяхъ благоденствія человѣческаго, безпрестанно обращали все вниманіе на свою отчизну и на мѣсто перваго нашего воспитанія, къ дальнѣйшему просвѣщенію въ истинѣ ближнихъ нашихъ и къ доставленію имъ вѣрныхъ средствъ дѣлаться не на время токмо, но и на вѣчность, благополучными. Сей предметъ, магнетически привлекая меня всегда къ Слободско-Украинской Губерніи, гдѣ я родился, и къ городу Харькову, гдѣ первое получилъ воспитаніе въ Вѣрѣ Христіанской, до нынѣ не представлялъ мнѣ столь вѣрнаго средства быть полезнымъ моимъ соотчичамъ, какъ теперь, по вступленіи въ Члены Росс. Библ. Общества и по избраніи онымъ меня въ Вице-Президенты.» За тѣмъ проситъ озаботиться открытіемъ особаго Отдѣленія. 21 Августа снова обращается Муратовъ къ Университету, проситъ содѣйствія, объ установленіи ежегоднаго взноса и о донесеніи ему о послѣдствіяхъ; 22 Октября увѣдомляетъ о разрѣшеніи открыть Отдѣленіе Общества и снова проситъ содѣйствія.

[6] За Логикой должны были слѣдовать Метафизика и Нравственная Философія;

номъ Писаніи, преимущественно въ Новомъ Завѣтѣ, я отвергаю и признаю ложною и гибельною всякую Философію, не согласную съ истинами, проповѣдуемыми Св. Писаніемъ. Во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ, изданныхъ и предназначаемыхъ къ изданію, я стремлюсь къ тому, чтобы сообщить этимъ святымъ, глубокимъ и спасительнымъ истинамъ такія опоры (iis instruere fulcris), которыхъ не могли бы поколебать и ниспровергнуть никакія мѣны временъ и мнѣній человѣческихъ, никакая ложная философія и самая необузданная жизнь. Въ этомъ стремленіи моя слава, въ немъ хочу состарѣться и съ нимъ умереть.» И, однако, это сочиненіе признано Министерствомъ не только неудобнымъ, но и вреднымъ для Студентовъ и вообще для Русскаго юношества. «При томъ, пишетъ Министръ (въ бумагѣ, прочитанной въ засѣданіи Совѣта, 5 Апрѣля), въ немъ много разсужденій, не согласныхъ съ нашими учрежденіями, на пр., на стр 18—21, 71, и другихъ намековъ на новѣйшія политическія обстоятельства и извѣстныя лица, сильныя нападенія на Французовъ въ пользу Нѣмцевъ, много слишкомъ пространныхъ примѣровъ изъ древнихъ и новыхъ писателей, даже поэтовъ, наконецъ разсужденій, слишкомъ отвлеченныхъ. Авторъ слѣдуетъ, продолжаетъ Министръ, новѣйшей Нѣмецкой Философіи, преимущественно Шеллингу, а между тѣмъ весьма сомнительно, чтобы можно было допустить введеніе этой Философіи въ Россію, тѣмъ болѣе образованіе по ней Русскаго юношества.» [7] Особенно Министръ останавливается на тѣхъ разсужденіяхъ, которыя не отличаются осторожностью и умѣренностью, необходимыми въ книгахъ этого рода, на разсужденіяхъ, несогласныхъ съ господствующими у насъ началами и убѣжденіями, на примѣръ, о власти

Естественное Право должно было служить заключеніемъ. «Quibus, говоритъ Шадъ, totum philosophiae meae systema, uni superstructum fundamento, absolvam.»

[7] Свое отношеніе къ Философіи Шеллинга Министерство высказало Харьковскому Университету въ Февралѣ 1814 года, по поводу представленія Дудровича въ Адъюнкты Философіи. «До свѣдѣнія моего дошло, писалъ тогда Министръ (отъ 19 Февраля), что Шадъ рекомендовалъ Дудровича, какъ свѣдущаго въ системахъ Канта, Фихте и Шеллинга. А такъ какъ съ видами Министерства Народнаго Просвѣщенія не согласно распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ ученія Шеллинга, то предлагаю Университету безпристрастно донести, какой системы Философическихъ наукъ придерживается Профессоръ Шадъ, равно и Дудровичъ, и одобряетъ ли оную Университетъ?» При этомъ Министръ увѣдомляетъ, что до полученія требуемыхъ свѣдѣній онъ задерживаетъ утвержденіе Дудровича. Въ то время Шадъ обратился къ

Государя (стр. 175 и 345), о недозволеніи никакихъ особыхъ толковъ и ересей между Православными (стр. 167 и 168), указываетъ на порицаніе существующихъ у насъ постановленій (183, 302), на несогласныя съ нашими нравами сужденія о бракѣ (283 и слѣд.). «Если и можно, пишетъ Министръ, защищать сужденія этого рода, какъ не противныя добродѣтели, то они никакъ не могутъ имѣть мѣста въ руководствѣ для обученія юношества.» Въ заключеніе Министръ предлагаетъ Попечителю предписать Университету «изъять книгу Шада изъ употребленія, и на будущее время книги, предназначаемыя для употребленія на лекціяхъ, разсматривать съ особенною внимательностію въ Совѣтѣ, или въ особой Коммисіи, такъ какъ для книгъ этого рода недостаточно обыкновенной цензуры.»

Дѣло, однако, на этомъ не остановилось. Въ Ноябрѣ 1816 года судьба Шада рѣшена была окончательно: 8 Декабря, по предписанію Министра Полиціи, онъ поспѣшно вывезенъ былъ изъ Харькова и препровожденъ за границу. Въ засѣданіи Совѣта, 13 Декабря, прочитана была слѣдующая бумага Министра: «По обязанности, я докладывалъ въ Совѣтѣ Министровъ о книгахъ въ руководство для Студентовъ: «Institutiones juris naturae,» и «De viris illustribus urbis Romae,» заключающихъ въ себѣ многія мѣста, не-

---

Совѣту съ такимъ заявленіемъ: «Я такъ далекъ отъ намѣренія просить вашей снисходительности и благоволенія, что скорѣе готовъ призывать на себя вашу строжайшую правду и любовь къ истинѣ, которыя нельзя бы было поколебать никакимъ предубѣжденіемъ и никакимъ пристрастіемъ. Дѣло, порученное вамъ Министромъ, святое дѣло, а по тому и должно быть разсмотрѣно свято, справедливо и свободно.» О Дудровичѣ отозвался онъ такъ: «Способнѣе для этой должности (Адъюнкта Философіи) и достойнѣе его во всѣхъ отношеніяхъ я не могъ, и до сихъ поръ не могу, найти (me virum aptiorem ad hoc munus et omni ex parte digniorem nec invenire potuisse, nec adhuc posse).» Дудровичъ былъ утвержденъ Адъюнктомъ 24 Августа, 1814 г. О Философской системѣ Шада Совѣтъ, послѣ долгаго сужденія, постановилъ слѣдующее рѣшеніе: «Совѣтъ не усматриваетъ противорѣчія Философіи Профессора Шада цѣли общественнаго образованія (philosophia prof. Schad scopo instructionis publicae contraria non censetur).» О представленіи же Дудровича въ Адъюнкты мнѣнія раздѣлились: Ректоръ (Осиповскій), къ которому присоединились Шумлянскій и Каменскій, признавалъ достаточнымъ для Философіи одного Профессора и возможнымъ ограничить ея преподаваніе Логикой, Опытной Психологіей и Этикой. Каменскій при томъ замѣтилъ, что Адъюнкты нужнѣе для каѳедръ, требующихъ не только теоретическаго преподаванія, но и особенныхъ практическихъ занятій Студентовъ, каковы: Физика, Математика и Медицина.

годныя для этихъ книгъ, а также и о томъ, что диссертаціи Гриневича и Ковалевскаго оказались подложными и списанными съ записокъ сочиненія Шада. Совѣтъ Министровъ, соображая, что Шадъ не только не можетъ быть оставленъ въ настоящей должности, но съ обнаруженнымъ имъ образомъ мыслей не можетъ быть терпимъ долѣе въ Россіи, опредѣлилъ: «Немедленно удаливъ его отъ должности, выслать за границу, уничтожить обѣ изданныя имъ книги и извѣстить о томъ всѣ Университеты. Это опредѣленіе Высочайше утверждено, и Министру Полиціи дано о томъ знать.» Въ этомъ же засѣданіи Совѣтъ слушалъ другую бумагу Министра, запрещающую впредь производить въ степень Доктора помимо степени Магистра. [*]

Такимъ образомъ разразившаяся надъ Шадомъ катастрофа вызвана была главнымъ образомъ направленіемъ и характеромъ его Философскихъ убѣжденій, обнаруженныхъ въ двухъ упомянутыхъ книгахъ. Мысли изъ предисловія къ сборнику: «De viris illustribus,» безъ сомнѣнія, обратившія на себя особенное вниманіе Министерства, приведены нами выше. Въ чемъ же заключается вредный образъ мыслей Шада въ его «Institutiones juris naturae?»

Весьма любопытно остановиться на мѣстахъ этого сочиненія, отмѣченныхъ въ Министерской бумагѣ, такъ какъ они послужили главнымъ основаніемъ для столь внезапнаго и необычнаго рѣшенія судьбы Шада; любопытны эти мѣста и для характеристики тогдашняго Правительственнаго взгляда съ одной стороны, и самого Шада съ другой. Приведемъ здѣсь, въ точномъ Русскомъ переводѣ, важнѣйшія изъ этихъ мѣстъ, съ нѣкоторыми дополненіями изъ другихъ мѣстъ того же сочиненія; дополненія эти интересны уже по тому, что сочиненіе Шада есть единственное въ этомъ родѣ, напечатанное въ одномъ изъ только что родившихся на свѣтъ Русскихъ Университетовъ, и во всякомъ случаѣ весьма замѣчательное; при томъ оно, истребленное скоро послѣ своего появленія, составляетъ библіографическую рѣдкость.

Всѣ права человѣка Шадъ выводитъ (стр. 1—21), разумѣется, изъ общаго, прирожденнаго, вѣчнаго и непреложнаго права человѣка, отъ котораго зависитъ всякое положительное законодательство и которое человѣкъ можетъ утратить только по соб-

[*] А теперь что дѣлается у насъ? Совершенно напротивъ, и даже жалуются въ Доктора ни одной строчки въ жизнь свою не напечатавшіе и, къ стыду жалующихъ, признающіеся въ полной неспособности къ тому. См. статью въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1872 г. кн. X: «Даровое Докторство.» О. Б.

ственной волѣ, изъ права, требуемаго разумомъ—«жить согласно съ своею природою» (homo secum ipso sit in perfecta harmonia). Въ этомъ смыслѣ, говоритъ онъ, человѣкъ имѣетъ право на абсолютную свободу, которой никакая внѣшняя сила, даже вооруженная всемогуществомъ оружія, не можетъ исторгнуть; въ этомъ правѣ заключается высшее достоинство человѣка, сближающее его съ божественною природой; съ точки зрѣнія этого права человѣкъ самъ себѣ законъ, и это есть высшій законъ, духъ, одушевляющій всѣ остальные законы, цѣль, для которой послѣдніе служатъ только средствомъ. А такъ какъ человѣкъ есть необходимый синтезъ животной и разумной природы (какъ все существующее есть синтезъ противоположностей, продуктъ противодѣйствія силъ, все производящихъ, и закона безконечнаго развитія), и такъ какъ совершенство человѣка состоитъ въ абсолютной гармоніи той и другой природы, то этотъ синтезъ и долженъ служить основаніемъ для всякаго законодательства, опредѣляющаго дѣятельность человѣка. Среднее состояніе между двумя крайними, животнымъ и разумнымъ, въ которомъ только и возможно развитіе человѣка, возбужденіе и совершенствованіе его силъ, достиженіе верховной цѣли жизни—приближенія къ Божеству, есть состояніе общественное и особенно гражданское (status socialis, cujus tantummodo species est status civilis), свойственное человѣку, какъ гражданину земному и небесному; въ немъ только онъ и можетъ познавать свои права и обязанности. По силѣ разума, человѣкъ абсолютно свободенъ и самъ себѣ законъ, а по тому можетъ принимать законодательство, только согласное съ разумомъ, и хотя, по своей волѣ, можетъ принять законъ, противный разуму, но въ такомъ случаѣ онъ теряетъ свое достоинство разумнаго существа. Человѣкъ долженъ быть и оставаться человѣкомъ, и защищать себя, какъ человѣка: въ этомъ непреложное право разума, и всякое положительное законодательство должно быть въ строгомъ согласіи съ этимъ правомъ. Отсюда естественное право есть философія положительнаго права.»

Съ точки зрѣнія этихъ общихъ положеній должно смотрѣть на относящіяся сюда мѣста, отмѣченныя въ Министерской бумагѣ. Такъ, на стр. 18—21, исходя изъ положенія о синтезѣ животной и разумной природы человѣка, авторъ заключаетъ, что «существенныя условія общественной и гражданской жизни—забота о собственномъ удобствѣ, ненарушимость взаимныхъ правъ и мудрость (proprii commodi studium, inviolabilitas et sapientia). Человѣкъ на-

чинаетъ съ заботы о собственномъ удобствѣ, но разумъ требуетъ, чтобы онъ умѣрялъ и ограничивалъ эту заботу; ибо кто руководится только ею, тотъ не способенъ къ общественной жизни. Ненарушимость взаимныхъ правъ связана съ правомъ безграничнаго умноженія собственности и развитія способностей, такъ какъ какое либо ограниченіе въ этомъ отношеніи противно человѣческой природѣ (ut liceat bona sua et facultates ita augere, ut nullus terminus poni possit). Мудрость, сообщающая человѣку высшее достоинство, есть плодъ заботъ о духовномъ образованіи, не имѣющемъ предѣловъ, и каждое гражданское общество, правильно устроенное, не только не можетъ ограничивать стремленіе къ мудрости, но и обязано облегчать его всѣми мѣрами и доставлять къ тому всѣ средства. А по тому нельзя придумать ничего болѣе нелѣпаго, какъ принужденіе въ стремленіи къ этой цѣли, въ выборѣ средствъ къ тому и въ ограниченіи этого стремленія. Ничто не принадлежитъ намъ больше, говоритъ Шадъ, какъ мы сами, какъ наши духовныя блага, которыми мы владѣемъ, или которыми овладѣть можемъ: намъ принадлежитъ свобода, управляемая разумомъ, стремиться ко всему высокому и прекрасному, и тѣмъ выражать свою божественную природу; намъ принадлежитъ воля, возбуждающая насъ къ дѣйствіямъ, достойнымъ человѣка; намъ принадлежатъ всѣ наши духовныя и тѣлесныя силы, непрерывнаго развитія которыхъ требуетъ отъ насъ нашъ разумъ; намъ принадлежатъ всѣ усилія къ изслѣдованію истины, къ проникновенію въ тайны природы; намъ принадлежатъ доказательства для утвержденія святыхъ истинъ, безъ которыхъ никто не можетъ быть ни добрымъ, ни счастливымъ; намъ принадлежитъ убѣжденіе въ абсолютной цѣнѣ добродѣтели, въ высочайшемъ назначеніи человѣка, въ надеждѣ на будущія блага, въ религіи; намъ принадлежитъ, наконецъ, выборъ легчайшихъ средствъ къ достиженію цѣли, предлагаемой разумомъ. Блага эти принадлежатъ намъ больше, чѣмъ всѣ другія, зависящія отъ прихотей случая. Къ охраненію ихъ должны быть обращены всѣ силы нашего духа: лучше потерять все, самую жизнь, чѣмъ потерпѣть какой либо ущербъ этихъ благъ: «И не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити,» сказалъ Спаситель.» Тѣ же мысли развиваетъ авторъ и на стр. 71-й. «Возвышаясь умомъ до верховной цѣли своей дѣятельности и изучая свою божественную природу, человѣкъ только собственною волею дѣлаетъ себя рабомъ закона свободы. Вооруженный этими божественными узами, какъ бы оружіемъ

всемогущества, онъ выше всей природы. Ничто предъ нимъ, неуклонно стремящимся къ своей цѣли, всѣ ужасы, которыми страшныя силы природы мучатъ рабовъ физической необходимости и произвола; ничто предъ нимъ всѣ обольщенія, разсѣянныя повсюду и возбуждающія къ возмущенію противъ власти разума; ничто предъ нимъ надежды, страхъ, бури душевныхъ волненій, чуждая власть, милость и ненависть, честь и безчестіе, любовь къ жизни и страхъ смерти: все это не можетъ сдвинуть съ положенія, однажды занятаго съ твердою рѣшимостью; объ немъ справедливо сказалъ Горацій: «Si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae.» Таково сверхъестественное (supernaturalis) состояніе человѣка, въ которомъ, съ исключеніемъ всякаго произвола, отождествляются свобода и необходимость. Это состояніе есть небо, къ которому стремится человѣкъ и которымъ онъ всегда и вездѣ, даже въ своемъ естественномъ состояніи, может наслаждаться, если только стремится къ нему искренно и неуклонно.»

Съ точки зрѣнія тѣхъ же общихъ положеній должно смотрѣть и на слѣдующія, отмѣченныя Министерствомъ (стр. 167 и 168), разсужденія автора въ статьѣ: «О свободѣ мысли.» «Ни одно постановленіе не можетъ имѣть такой силы, чтобы обязать абсолютною необходимостью признать за истину, безъ собственнаго испытанія и удостовѣренія въ достаточности доказательствъ, то, что предлагаетъ законодатель, хотя бы онъ самъ и убѣжденъ былъ въ истинѣ требуемаго; истина не можетъ быть передаваема какъ вещь, или предписываема, а принимается только по свободному изслѣдованію и убѣжденію.» Отсюда несправедливость наказаній въ дѣлахъ вѣры и совѣсти.

Въ тѣсной связи съ этими мыслями находятся разсужденія «о правахъ и обязанностяхъ Государя» (стр. 175 и слѣд.). Сказавши объ обязанности Государя ограничивать дѣйствія подданныхъ въ интересахъ общественнаго благосостоянія, хотя бы эти дѣйствія сами по себѣ были и вполнѣ невинны, и защитившись отъ возраженій тѣхъ, которые въ такомъ ограниченіи видятъ оправданіе тираніи, Шадъ продолжаетъ: «Если же Государь предписываетъ что либо совершенно произвольно, безъ всякаго соображенія объ общественной пользѣ, то такое предписаніе уничтожается въ короткое время по собственной слабости... Изданный Государемъ законъ, противорѣчащій природѣ и духу народа, ни какъ не можетъ долго сохраняться. А по тому законамъ должно повиноваться и тогда, когда ими предписываются дѣй-

ствія, въ которыхъ не видно никакого соображенія объ общественной пользѣ, или запрещаются дѣйствія, совершенно безразличныя и невинныя. Тогда только выступаетъ безусловная свобода дѣйствія, когда предписывается что либо, прямо противное безусловному праву и безусловной обязанности: въ этомъ случаѣ достоинство человѣка требуетъ лучше жертвовать жизнью, чѣмъ повиноваться такому закону». За тѣмъ слѣдуетъ перечисленіе возраженій, указывающихъ на вредъ неограниченной свободы мысли, воли и дѣйствія, особенно устнаго и письменнаго сообщенія мыслей другимъ, послѣ чего сочинитель приходитъ къ заключенію, что необходимо въ этомъ отношеніи держаться средняго пути (на пр., популярныя сочиненія, по его мнѣнію, безспорно нуждаются въ ограниченіяхъ, между тѣмъ какъ ученыя, а также Университетское преподаваніе, нуждаются въ полной свободѣ): это ведетъ Шада къ горячей защитѣ Латинскаго языка, непонятнаго для толпы. Въ статьѣ «Объ обязанностяхъ Государей» (стр. 348) Шадъ говоритъ: «Государь обязанъ не болѣе ограничивать свободу въ устномъ, или письменномъ, сообщеніи мыслей другимъ, или въ наказаніи общественныхъ злоупотребленій, какъ того требуетъ общественная польза, такъ какъ благоразумная и скромная свобода этого рода должна быть почитаема однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ совершенствованія общественнаго благосостоянія и народнаго образованія. Государь обязанъ предоставлять подданнымъ безъ всякаго различія свободу слѣдовать тому Вѣроисповѣданію и обряду, въ истинѣ, превосходствѣ и пользѣ которыхъ каждый изъ нихъ наиболѣе убѣжденъ.[1] Въ дѣлахъ важныхъ, отъ которыхъ зависитъ общественное благосостояніе, Государь обязанъ видѣть все собственными глазами, слышать собственными ушами, думать собственнымъ умомъ, осязать собственными руками, а по тому онъ не долженъ стѣснять доступъ къ престолу своимъ подданнымъ.»

Разсужденія Шада «О правѣ семейномъ» (jus familiae, ч. II, гл. 2, стр. 383—420) вытекаютъ также съ строгою послѣдовательностію изъ его основныхъ положеній о естественномъ правѣ. Мы остановимся подольше на этой статьѣ, важной по своему содержанію и обратившей на себя вниманіе Министерства. «Родъ человѣческій (такъ начинаетъ статью Шадъ) самымъ происхожденіемъ

[1] Но и тутъ существуютъ своего рода исключенія. О. Б.

своимъ, по мысли Творца, выражаетъ собою образъ вѣчной любви, одну семью, соединенную взаимною любовію; ибо Онъ сотворилъ человѣка въ двухъ видахъ, которые, только взятые вмѣстѣ, образуютъ единаго человѣка: мужа и жену сотворилъ Онъ, какъ два полюса одной человѣческой субстанціи, которые, возбуждаемые самою противоположностію своею, должны стремиться къ внутреннѣйшему соединенію, для образованія цѣльнаго человѣка. Такого соединенія не можетъ образовать никакая власть, никакая сила, кромѣ взаимной любви, наслажденіе которою составляетъ для обоихъ пріятную необходимость.» Сказавши объ отличительныхъ чертахъ мужчины и женщины и взаимномъ ихъ дополненіи, Шадъ продолжаетъ: «Этотъ видъ любви, являющійся въ человѣкѣ, какъ совершеннѣйшемъ образѣ Божества, выражается во всей природѣ. Все въ мірѣ существуетъ какъ синтезъ противоположностей; все въ мірѣ, представляя, какъ въ мужѣ и женѣ, силу положительную и отрицательную, ищетъ силъ противоположныхъ, стремится къ взаимному соединенію, для образованія цѣлостности. Прирожденныя отправленія природы (functiones originariae), которыми совершаются всѣ измѣненія, суть магнетизмъ, электричество и химическій процессъ: въ магнетизмѣ два противоположные полюса, взаимно притягивающіеся; въ электричествѣ—тѣла съ положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ, соединяющіяся во взаимной борьбѣ (quae pugnando invicem se amplectuntur); въ процессѣ химическомъ противоположные элементы, стремящіеся къ внутреннему соединенію, и этимъ соединеніемъ производящіе новыя тѣла, какъ плодъ взаимной любви. Въ этомъ необходимомъ и всеобщемъ противоположеніи состоитъ вся жизнь... [10] Два первые человѣка, вышедшіе невинными изъ рукъ Творца, для достиженія цѣли человѣчества соединились, побуждаемые единственно одною любовію, а по тому ложно думаютъ тѣ, которые полага-

[10] Далѣе Шадъ высказываетъ господствовавшее, особенно въ прошломъ вѣкѣ, оптимистическое воззрѣніе. Объяснивши всѣ явленія внутренней жизни человѣка безконечнымъ стремленіемъ противоположностей къ совершенной и безусловной гармоніи, т. е. къ благополучію, такъ какъ достиженіе каждой частной истины, производя въ душѣ диссонансъ, возбуждаетъ къ достиженію высшей истины, Шадъ говоритъ: «по этому всѣ несчастія, какъ физическія, такъ и нравственныя, исчезаютъ во всеобщей жизни природы; такъ называемыя несчастія суть только противоположности, какъ необходимыя возбужденія и средства для достиженія высшей гармоніи, совершенства, счастія.»

ютъ цѣль брака въ рожденіи дѣтей. Первыхъ людей, при отсутствіи выбора и соисканія, соединила одна любовь; но, съ распространеніемъ человѣческаго рода, явилось необходимымъ установленіе брака, какъ особаго учрежденія.» Разсужденія Шада о разводѣ вытекаютъ изъ основанія брака—взаимной любви, соединяющей чету тѣлесно и духовно, и изъ вытекающаго отсюда понятія о бракѣ, какъ договорѣ: все, что противно этому договору, составляетъ законную причину развода. Причины эти Шадъ сводитъ къ двумъ главнымъ: 1) прекращенію согласія на сожительство и 2) къ физической неспособности; все остальное относится къ области условнаго права (jus hypotheticum). [11]»

---

[11] Приведемъ здѣсь въ подлинникѣ патетическое обращеніе Шада къ матерямъ высшихъ сословій, приглашающее ихъ къ осторожности въ состояніи беременности и къ кормленію дѣтей собственною грудью: «O, perpendite, per Deum immortalem, perpendite potissimum vos, in ordinibus superioribus constitutae matres! Perpendite, quod, si sinum, quem natura hoc in statu extendit, violente comprimatis, ut pulchritudinis falsae specie oculos aliorum fascinetis; si nocturnis commessationibus, conventibus, saltibus aliisque hominum bacchantium actionibus usque ad summam intemperantiam delectemini, perpendite, quaeso, quod, hac ratione infantem, qui sub pectore vestro delitescit, ac libero motu vestram humanitatem et misericordiam implorat, occidere, vel certe semina dispositionis infelicis ad morbos tum corporis, tum mentis, in tenero foetu ponere possitis.» (309) «Ad officia matris potissimum spectat, ut infantem ex proprio fonte, qui, amabili naturae dispositione, in ejus pectore scaturit satietque. Mater, quae, etiamsi posset, infanti ubera praebere recusat, ingrata est, et quidem ingrata erga infantem, ac ingrata erga naturam. Infans recens natus matrem molestissimo onere et doloribus maxime cruciantibus liberavit. Quam praeterea divina voluptate perfundi bonam matrem oportet, si infantem pectori admovet eumque amplexando nutrit; si simus cogitat, se, quasi vis creatricae participem, ad producendum inter res aspectabiles ens supremum, qualis est homo, concurrisse! Benegnissimus auctor naturae ut osdenderet, in homine maxime aeternum suum amorem expressum esse; corpus foeminae ita formavit, ut dulcem, quo infans nutriatur, fontem pectori applicaret, ac in ipso nutritionis officio matri amoris purrissimi perfruendi occasionem daret. Quanta jam ex eo in homine elucet dignitas, quod, cum natura in caeteris animantibus lac maternum ad nutrimentum prolium ventri addixerit, in foemina humana nobilissimam corporis partem, pectus scilicet, tanquam templum, amori dedicatum, ad hanc piam functionem destinaverit! Quapropter nihil est pulchrius, nihil jucundius, nihil sublimius, nisi videre infantem ex tenerae matris uberibus pendentem, iis se recreantem et quasi luxuriantem! Inhumanae, crudeles matres, quae vel ex commoditate, vel ex luxu, vel ex libidine, vel ex metu, ne quid earum pulchritudo detrimenti patiatur, infanti, quem sub pectore gesserunt, ubera denegant! Nihil fortius, nihil potentius debilitate et inopia, quae maxime in infantibus cernitur, quae parentum, et praecipue matris, opem implorat» (311).

Объяснивши за тѣмъ обязанность родителей и общества относительно воспитанія и образованія дѣтей, безъ права, однако, на ихъ убѣжденія, Шадъ замѣчаетъ: «Отъ высшихъ сословій, занимающихъ общественныя должности и имѣющихъ, по своимъ привилегіямъ, богатству, внѣшнимъ отличіямъ и власти, большое вліяніе на остальныхъ гражданъ, общество можетъ требовать высшаго и разнообразнаго образованія, и имѣетъ право предписать самыя средства для его достиженія; въ наказаніе же, за невыполненіе этого требованія, они могутъ быть низводимы въ низшія сословія (si hoc facere recusent, in poenam ad inferiorem ordinem detrudi possint). Если высшія сословія, большею частію стремящіяся къ власти, кромѣ богатства, происхожденія и внѣшнихъ отличій, не имѣютъ никакихъ ручательствъ за полезное вліяніе на общество; если они грубы, необразованны и при томъ безразсудно горды, домогаются важнѣйшихъ общественныхъ должностей и занимаютъ ихъ, какой вредъ приносятъ они обществу!» По окончаніи же образованія, говоритъ Шадъ, сыновья получаютъ равныя права съ родителями, и послѣдніе не имѣютъ болѣе права на приказаніе, или наказаніе; въ противномъ случаѣ сами подлежатъ наказанію, какъ нарушившіе гражданскія права своихъ дѣтей. «До сихъ поръ еще остаются слѣды стараго тиранническаго убѣжденія, что сыновья обязаны рабскимъ отношеніемъ къ родителямъ за свое рожденіе, воспитаніе и образованіе, и убѣжденіе о ихъ равноправности съ родителями, по достиженіи совершеннолѣтія, многими признается юридическою ересью.» Наказаніе дѣтей, по мнѣнію Шада, имѣетъ цѣлію пріученіе ихъ къ повиновенію приказаніями, согласными съ разумомъ. Хотя воля и не подлежитъ принужденію, однако существуютъ разныя возбужденія, чувственныя и раціональныя, для пріученія къ пользованію свободой; хотя наказаніе и не имѣетъ силы непосредственно возбуждать опредѣленіе чувства, мысли и желанія, однако оно важно для укрощенія дикихъ душевныхъ порывовъ, для обузданія чувственности, искорененія дурныхъ привычекъ, овладѣвающихъ людьми и покоряющихъ себѣ ихъ волю.»

Наконецъ, коснувшись домашней прислуги, Шадъ высказываетъ слѣдующія мысли о рабствѣ: «Рабство, въ собственномъ смыслѣ, по которому человѣкъ разсматривается какъ вещь, противорѣчитъ естественному праву. Хотя съ древнихъ временъ были и теперь есть, господа, считающіе своимъ правомъ отнимать у рабовъ своихъ не только имущество, но и жизнь, и не только у

нихъ, но и у ихъ дѣтей и всего потомства, и не признающіе за рабами никакого человѣческаго права, однако такое убѣжденіе противно общественной жизни, какъ не основывающееся на общемъ благѣ. По законамъ разума, нѣтъ права безъ взаимнаго права, т. е., безъ обязательства, а при такомъ образѣ мыслей господинъ имѣлъ бы право безъ обязательства, подчиненные же ему имѣли бы только одно обязательство безъ всякаго права; такое состояніе противорѣчило бы природѣ всякаго общества; при томъ оно не основано и на договорѣ, такъ какъ согласіе подвергнуть свою жизнь всевозможнымъ бѣдствіямъ выражало бы не волю, а безуміе; наконецъ, такое состояніе есть не что иное, какъ непрерывная война, объявленная самому роду человѣческому и его достоинству, противно всѣмъ условіямъ общественной жизни.» Впрочемъ, все сочиненіе Шада, основанное на принципѣ безусловной свободы, есть неумолимый протестъ противъ всякаго вида насилія этой свободѣ. Этотъ принципъ, будучи и принципомъ всякой правды, выраженъ имъ такъ: «Nihil agere licet nec in se, nec in alios, quo jus quoddam originarium immediate et absolute laeditur.» Съ нимъ тѣсно связанъ другой принципъ, служащій основаніемъ всякаго условнаго права: «Nihil agere licet, quo jus alterius, pacto quodam ortum, laeditur» (257, 258). Всякое положительное, условное, произвольное право находящееся въ противорѣчіи съ правомъ естественнымъ, недѣйствительно и не можетъ быть оправдываемо никакими разсужденіями, никакимъ временемъ (260—261): «Если человѣкъ долженъ считать дѣломъ совѣсти не злоупотреблять всѣми предметами природы, смотрѣть на нихъ, какъ на священные сосуды универсальнаго храма природы..., то какими помыслами онъ долженъ быть воодушевленъ къ человѣку, этому совершеннѣйшему творенію Творца природы, Ему подобному, какъ бы земному Богу! Съ какою любовію, уваженіемъ и благоговѣніемъ онъ долженъ къ нему относиться! Какъ должно ужасать его нанесеніе ему малѣйшаго оскорбленія! Съ какою заботливостью онъ долженъ содѣйствовать ему въ достиженіи его высокихъ цѣлей, его совершенства и счастія!» (279).

Приведенныя основныя положенія сочиненія Шада и ихъ развитіе говорятъ сами за себя и не нуждаются въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. При внимательномъ и безпристрастномъ ихъ обсужденіи и при всемъ уваженіи къ труду сочинителя, безспорно весьма замѣчательному по силѣ и ясности мысли, по строгой послѣдовательности въ ея развитіи, по живому воодушевленію и по пре-

красному выраженію, нельзя не согласиться съ заключеніемъ Министерства, что весьма многое въ немъ «ни какъ не можетъ имѣть мѣста, какъ въ руководствѣ для обученія юношества,» особенно съ той подготовкой послѣдняго, какую мы имѣемъ полное право предполагать для того времени. При соображеніи же условій времени и Правительственнаго взгляда, входившаго тогда въ силу, погромъ, достигшій сочинителя, въ весьма значительной степени может быть объясняемъ самымъ содержаніемъ и направленіемъ его творенія.

Какъ бы мы, однако, ни смотрѣли на это сочиненіе и на постигшую его виновника кару, не только самъ Шадъ считалъ свое дѣло безупречнымъ, но и весь Совѣтъ, какъ мы видѣли, не призналъ противорѣчія его философіи цѣлямъ общественнаго образованія. Въ виду возможныхъ затрудненій при объясненіи Правительственной мѣры, направленной противъ Шада, пріобрѣтаютъ нѣкоторую долю вѣроятности тѣ объясненія, которыя заключаются въ его письмѣ изъ Іены къ Веймарскому Посланнику при нашемъ Дворѣ. Хотя это письмо напечатано въ изданномъ въ 1860 оду въ Кіевѣ Г. Кулжинскимъ Альманахѣ «Русская правда» (стр. 93—104), однако мы считаемъ полезнымъ привести его здѣсь вполнѣ въ Русскомъ переводѣ:

«Надѣясь на извѣстное ваше благочестіе, справедливость и человѣколюбіе, пишетъ Шадъ, осмѣливаюсь изъ далекой страны прибѣгнуть къ вамъ съ этимъ письмомъ и просить вашей помощи. Вамъ извѣстно, что я, четыре года тому назадъ, находясь на службѣ въ званіи Профессора Философіи въ Харьковѣ, былъ обвиненъ тогдашнимъ Попечителемъ Харьковскаго Университета, Графомъ Севериным Потоцкимъ, и его кліентомъ, Антономъ Дегуровымъ, лишенъ моей должности и высланъ изъ Россійской Имперіи такъ скоро, что мнѣ не дали и двухъ дней для устройства моихъ хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлъ. Надобно было оставить все, что было мнѣ дорого, какъ-то: два прекрасные дома, купленные мною, и значительные денежные капиталы, отданные мною въ займы разнымъ людямъ; надобно было оставить и любезнѣйшую жену и дочь, имѣвшую тогда око 13 лѣтъ. [12] Я не только не сдѣлалъ никакого преступленія, но еще имѣлъ много заслугъ въ Харьковскомъ Университетѣ, о чемъ всѣ мо-

[12] По послужному списку 1812 года у него были дѣти: сынъ Германъ 10 лѣтъ и дочери: Туллія 8 лѣтъ и Елисавета 6.

гутъ засвидѣтельствовать, кто хорошо зналъ меня въ Харьковѣ. День и ночь я трудился о славѣ и приращеніи Университета и о пользѣ обучающагося въ немъ юношества, не только искренно сообщая ему истинное просвѣщеніе, но и возбуждая въ немъ любовь къ добродѣтели, религіи и отечеству. Единственное мое преступленіе въ глазахъ Графа Потоцкаго было то, что я въ книгахъ, изданныхъ мною съ одобренія, и даже по порученію Университета, для употребленія въ Гимназіи и въ Университетѣ описывалъ черными красками великаго Наполеона и великую Французскую націю, и старался воодушевить обучавшихся юношей любовью къ отечеству, добродѣтели и религіи. Графъ Потоцкій въ 1810 году ѣздилъ въ Польшу, [13] надѣясь встрѣтить тамъ мессію Поляковъ, пришедшаго изъ Франціи, и прожилъ тамъ до 1816 года. Послѣ вторичнаго ниспроверженія тирана и послѣ взятія его въ плѣнъ, Графъ Потоцкій, лишившись всякой надежды, удрученный горестію, возвратился въ Россію и пріѣхалъ въ Харьковъ. Нѣкоторые Профессоры Французскаго происхожденія и единомышленники ихъ тотчасъ собрались къ нему и показали ему тѣ мѣста въ моихъ книгахъ, гдѣ я тирана Европы и страшныя сцены Французской націи изобразилъ живописно. Послѣ этого Графъ рѣшился погубить меня. Трудно было это сдѣлать, по тому что я вездѣ пользовался превосходнѣйшею славою; а по тому, чтобъ легче достигнуть своего намѣренія, онъ пригласилъ себѣ въ помощь Антона Дегурова, бывшаго тогда Профессора Исторіи въ Харьковѣ. Во время Французской революціи Дегуровъ былъ въ Парижѣ книгопродавцемъ и бѣшенымъ демагогомъ, какъ явствуетъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ Парижѣ. Онъ давно уже ненавидѣлъ меня за то, что я, въ изданныхъ мною книгахъ, вывелъ на свѣтъ и ясно всѣмъ представилъ тиранство Наполеона и тѣ отвратительныя преступленія, которыми опозорила себя, во время революціи и послѣ, Французская нація. Этому человѣку поручилъ Графъ Потоцкій обвинить мои книги, а особенно: «Jus naturae» и «De viris illustribus Romae a Romulo usque ad Augustum.» Мое сочиненіе «Jus naturae» написано съ нѣкоторымъ нравственнымъ и религіознымъ энтузіазмомъ, и всякій, кто его прочитаетъ, не можетъ не признаться, что въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что могло бы возбудить любовь къ оте-

[13] Потоцкій дѣйствительно все время нашей войны съ Наполеономъ жилъ въ Польшѣ. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Февралѣ 1811 года (см. засѣд. Совѣта 15 Февр.), и снова вступилъ въ должность Попечителя въ Мартѣ 1816 года (Засѣд. Сов. 6 Марта).

честву, вопреки бѣшенству Французскому. Эта книга есть вѣчный памятникъ моей любви къ добродѣтели, къ благочестію и къ Россіи, которую я почиталъ моимъ любезнѣйшимъ отечествомъ. Я написалъ эту книгу въ то самое время, когда Наполеонъ, съ безчисленными полчищами, былъ выгнанъ изъ Россіи съ великимъ безчестіемъ и преслѣдуемъ торжествовавшими Русскими даже до Парижа. А по тому эта книга написана не сухимъ какимъ-нибудь и школьнымъ слогомъ, а ораторскимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэтическимъ. Въ другой книгѣ, изданной мною по порученію Совѣта Харьковскаго Университета, для употребленія въ Гимназіяхъ, я старался, посредствомъ образцовъ добродѣтели, извлеченныхъ мною изъ классическихъ писателей, возжечь въ сердцахъ, изучавшихъ Латинскій языкъ, искру небеснаго огня, который отъ природы заключенъ въ чувствѣ истиннаго, прекраснаго и честнаго. Эти обѣ книги могутъ послужить поводомъ къ обвиненію развѣ только для безстыднѣйшихъ клеветниковъ. Но Дегуровъ, поддерживаемый могущественнымъ своимъ покровителемъ, Попечителемъ, и воспламененный противъ меня ненавистью и мщеніемъ, такъ обвинилъ мои книги, что всякій, внимательно и безпристрастно читавшій ихъ, не можетъ не прійти въ изумленіе отъ его дерзкой клеветы, коварства и обмана. Такъ погубилъ меня Попечитель, увѣривши новоопредѣленнаго тогда Министра Народнаго Просвѣщенія, Князя Голицына, что онъ такое обвиненіе противъ меня цѣлый годъ весьма строго и добросовѣстно разбиралъ, и наконецъ нашелъ его совершенно справедливымъ; что онъ находитъ меня человѣкомъ опаснымъ, а мою философію пагубною для обучающагося юношества, и полагаетъ необходимымъ не только лишить меня должности Профессора, но и выслать меня изъ Россійской Имперіи.

«Кто не повѣрилъ бы свидѣтельству такого важнаго мужа, какъ Попечитель Университета? Посредствомъ такого коварства Министръ, который меня вовсе не зналъ, былъ вовлеченъ въ необходимую и неизбѣжную ошибку; а я, со всѣмъ моимъ семействомъ, которое и теперь скитается по Россіи, повергнутъ въ величайшую бѣдность. Даже остатки моего имѣнія, спасенные какъ бы послѣ кораблекрушенія, доселѣ ни мнѣ, ни моему семейству, не отданы.

Умоляю Ваше Превосходительство и заклинаю васъ именемъ Іисуса Христа, который не только пострадалъ за насъ на крестѣ, чтобъ, избавивши насъ отъ рабства грѣха и вѣчной смерти, даро-

вать намъ вѣчную и блаженную жизнь, но и снова придетъ нѣкогда судить родъ человѣческій и наказать особенно притѣснителей невинныхъ, прошу васъ еще и еще, употребить ваше стараніе, сколько возможно, чтобы такая тяжкая обида, причиненная мнѣ и моему семейству, посредствомъ самой коварной клеветы, была сколько ни будь вознаграждена. Ожидая этого отъ вашей любви къ добродѣтели и религіи, съ величайшимъ почтеніемъ остаюсь» и пр.

По отъѣздѣ Шада изъ Харькова, Университетъ довольно долго занимался его долговыми претензіями. Всѣ эти претензіи доказываютъ, что онъ въ Харьковѣ успѣлъ составить весьма приличное состояніе, между тѣмъ какъ большинство Профессоровъ, въ слѣдствіе необыкновенно усилившейся дороговизны отъ страшнаго упадка курса въ Наполеоновскія войны, вошло въ долги и доведено было до рѣшенія обратиться соборнымъ письмомъ къ Министру съ просьбою о пособіи. По письму Шада изъ Іены, Министръ, отъ 20 Марта, 1820 года, относился къ Попечителю и требовалъ распоряженій по слѣдующимъ претензіямъ: о взысканіи съ Адъюнкта Робуша 1,000 рублей по векселю, выданному имъ женѣ его: Шадъ проситъ препроводить эти деньги женѣ въ Петербургъ; о взысканіи съ Адъюнкта Комлишинскаго 5000 р. съ процентами по векселю, выданному также его женѣ: полученіе этихъ денегъ онъ тоже предоставляетъ женѣ; остальныя же суммы, слѣдующія ему по векселямъ, выданнымъ на его имя, по взысканіи ихъ, проситъ переслать Веймарскому Правительству, которое употребитъ ихъ на содержаніе сына его, обучающагося Медицинѣ. Въ Іюлѣ того же года, Попечитель предписываетъ Университету по долговымъ претензіямъ Шада сноситься непосредственно съ женою его, жившею въ Петербургѣ, чрезъ Дудровича, «имѣющаго по дѣламъ его хожденіе.» Взысканіе, однако, шло медленно, и Правленію Университета было много хлопотъ съ нимъ; особенно затруднительно было взысканіе съ главнаго должника, Комлишинскаго. Въ Сентябрѣ Варвара Шадъ обратилась къ Попечителю съ письмомъ (весьма безграмотно написаннымъ), въ которомъ она горько жалуется на несостоятельность Комлишинскаго.[14] Наконецъ Правленіе приняло рѣшительныя мѣры: 6 Ноября,

[14] Замѣчательно слѣдующее мѣсто этого письма: «Г. Комлишинскій въ силахъ гораздо больше уплатить етой суммы, если онъ увѣритъ васъ своимъ недостат-

оно донесло Попечителю, что, «для обезпеченія должныхъ Г. Комлишинскимъ Госпожѣ Шадъ денегъ, постановлено удерживать все его жалованье въ уплату оныхъ, доколѣ онъ въ возможности будетъ заплатить всю капитальную сумму съ причитающимися процентами.» Въ то же время Правленіе отнеслось въ Гражданскую Палату, для наложенія запрещенія на имѣніе Комлишинскаго. Дѣло шло такъ поспѣшно, что Попечитель еще въ томъ же Ноябрѣ требовалъ немедленнаго увѣдомленія, «какое имѣніе взято будетъ подъ запрещеніе, и сколько изъ жалованья удержится денегъ, которыя должны быть отправлены къ Госпожѣ Шадъ, чрезъ Г. Профессора Дудровича, имѣющаго отъ нея довѣріе.»

П. Лавровскій.

комъ, то ето одна отговорка, или скажитъ на щетъ векселя, ето не помеха, и онъ долженъ уплатить, об етомъ известно правительству и какъ скоро получу отъ него сполна всю сумму, пришлю къ нему такую бумагу, которая обезпечитъ его совершенно.»

ЗАМѢЧАНІЯ
НА „ВОСПОМИНАНІЯ" Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

Вѣрный очеркъ свойствъ Филиппа Филипповича Вигеля и общій взглядъ на его «Воспоминанія,» брошенный Княземъ П. А. Вяземскимъ, [1] составляетъ несокрушимый авторитетъ въ оцѣнкѣ достоинства помянутой книги, вызвавшей уже нѣсколько возраженій на неправильность изложенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ событій и положенія лицъ, участвовавшихъ въ оныхъ. Замѣчанія эти, какъ, на примѣръ, о Я. А. Потемкинѣ, о Чаадаевѣ и о другихъ, сдѣланы были ихъ сослуживцами, или родными, или, наконецъ, знакомыми, но, сколько мнѣ извѣстно, никто изъ живущихъ и упоминаемыхъ Ф. Ф. Вигелемъ не брался еще за перо, чтобы исправить то, что могло относиться до него лично и до событій, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Я принадлежу къ числу, можетъ быть, очень уже немногихъ, оставшихся въ живыхъ, о которыхъ бы Ф. Ф. Вигель такъ часто упоминалъ, какъ это дѣлаетъ онъ обо мнѣ, начиная съ 1818 года, когда въ Парижѣ я первый разъ встрѣтился съ нимъ.

Съ 1816 года мы почитались уже своими: родная сестра моя вышла замужъ за двоюроднаго брата Ф. Ф. Вигеля, л. гв. Семеновскаго полка Капитана А. Н. Тухачевскаго, командира Олонецкаго полка, убитаго на штурмѣ Варшавы въ 1831 году. За девять лѣтъ прежде, въ Шведскую войну, 1808 и 1809 годовъ, я состоялъ временно при зятѣ его, Генералѣ Алексѣевѣ, а потомъ, съ 1815 по 1819 годъ, при немъ же во Франціи, какъ это и будетъ видно. Съ 1808 года я зналъ уже о существованіи «Филиппушки,» какъ его называла сестра его, Наталья Филипповна, и мужъ ея, Илья Ивановичъ Алексѣевъ, и получилъ нѣкоторое понятіе объ этомъ семейномъ фениксѣ.

Сочинитель «Воспоминаній» ссылается на меня въ изображеніи нѣкоторыхъ эпизодовъ, начиная съ 1808 года, и дѣлаетъ это такъ

---

[1] Р. Арх., 1866, стран. 219.

несообразно съ истиной, что я рѣшился исправить многія его показанія, указать на ихъ разнорѣчивость съ самимъ собой, и такимъ образомъ охранить исторію отъ нелѣпостей, которыя, не будучи оговорены, неминуемо должны попасть въ колею оной въ томъ видѣ, въ какомъ онъ разсказываетъ, и разсказываетъ о событіяхъ и лицахъ немаловажныхъ.

Независимо отъ разъясненій тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о событіяхъ, близко мнѣ знакомыхъ, и въ которыхъ я участвовалъ, замѣчу и то, что мнѣ извѣстно положительно, и что сочинителемъ излагается или недостаточно, или превратно, сбивчиво, а очень часто и противоположно тому, что имъ же было уже разъ сказано о томъ въ другомъ мѣстѣ. Въ продолженіе болѣе двухъ лѣтъ находясь вмѣстѣ съ Вигелемъ въ Кишиневѣ, я имѣлъ съ нимъ близкія сношенія, какъ по возлагавшимся на меня порученіямъ Князя Воронцова, такъ и по личнымъ отношеніямъ, о чемъ онъ нѣсколько разъ и говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ;» а видясь съ нимъ ежедневно (иногда и по цѣлымъ днямъ), не трудно было замѣтить, что онъ не всегда одинаково разсуждалъ объ одномъ и томъ же событіи, или лицѣ, и это, смотря по настроенію его отъ тѣхъ, или другихъ, причинъ, совершенно чуждыхъ предмета и лица, о которомъ шла рѣчь. Такъ я зналъ его и въ послѣдствіи, когда мы служили въ Петербургѣ, по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и послѣ его отставки въ Москвѣ, и въ двѣ его попытки основаться здѣсь, въ Петербургѣ.

I.

Ѳ. И. Сандерсъ, родственникъ Вигеля. Поводъ его женитьбы на Графинѣ М. Я. Яблоновской.

Сочинитель «Воспоминаній» начинаетъ II-ю свою главу описаніемъ происхожденія рода Вигелей, своихъ родственниковъ съ отцовской стороны, и на стран. 7-й, назвавъ двоюроднаго брата своего, Г.-Л. Ѳедора Ивановича Сандерса «чудакомъ,» присовокупляетъ, что «война была его девизомъ: съ ребячества, до глубокой старости, онъ жилъ или среди тревогъ ихъ, или ихъ воспоминаніями. Въ первый разъ онъ видѣлъ непріятельскій огонь въ чинѣ Поручика, при Кагулѣ,» и пр. Въ строгой точ-

ности первый разъ видѣлъ онъ огонь не при Кагулѣ, а на Ларгѣ; въ Кагулѣ же въ первый разъ онъ почувствовалъ дѣйствіе этого огня, будучи раненъ пулею въ лобъ. По окончаніи войны 1815 года, онъ назначенъ Комендантомъ въ Измаилъ, при овладѣніи которымъ три раза участвовалъ и пр. Но не въ этомъ суть. Разсказавъ, какъ онъ въ Кіевѣ, будто бы, выигралъ на бильярдѣ Графиню Марину Игнатьевну Яблоновскую у ея мужа, и женился на ней, и послѣ длинныхъ разсужденій, въ которыхъ не упустилъ по своему бросить и нѣсколько словъ о ея добродѣтели, заключаетъ (стр. 9): «Я счелъ не излишнимъ упомянуть объ этомъ старомъ воинѣ, послѣднемъ близкомъ родственникѣ отца моего (ибо дѣтей онъ не оставилъ), тѣмъ болѣе, что оригинальность его довольно замѣчательна.» Называя своего двоюроднаго брата «чудакомъ и замѣчательнымъ оригиналомъ,» казалось бы, слѣдовало оправдать этотъ эпитетъ какимъ либо примѣромъ, какъ дѣлаетъ это съ другими; ибо «выигрышъ въ бильярдъ жены своей» не можетъ быть еще къ тому поводомъ. Во первыхъ, какъ и самъ Вигель разсказываетъ этотъ эпизодъ, слово «выигрышъ» прямаго отношенія не имѣетъ. Сандерсъ выигралъ въ бильярдъ знатную сумму, и когда пришелъ къ Графу Яблоновскому за полученіемъ оной, увидѣлъ Графиню и влюбился въ нее, послѣдствіемъ чего и установилось соглашеніе съ трехъ сторонъ. Во вторыхъ, если принять и въ буквальномъ смыслѣ, что Сандерсъ «выигралъ» Марину Игнатьевну въ бильярдъ, то и это не было бы еще достаточной причиной надѣлять его помянутыми эпитетами; ибо мы имѣемъ множество примѣровъ, что жены, въ буквальномъ смыслѣ, были выигрываемы въ банкъ, штосъ, а, можетъ быть, также и на бильярдѣ; не говорю уже, что онѣ покупались отъ живыхъ мужей, и т. п. Тотъ вѣкъ былъ богатъ подобными сдѣлками. Повторяю, что Ф. Ф. Вигелю, въ доказательство оригинальности чудака Сандерса, слѣдовало бы указать на что либо выходящее изъ обыкновенныхъ случаевъ, и онъ могъ это сдѣлать; ибо зналъ. Пусть бы, на прим., онъ разсказалъ, какимъ образомъ, въ 1808 году, вмѣсто депешъ, Сандерсъ передалъ маркитантскій счетъ, въ которомъ не было ничего болѣе, какъ водки, икры, рому, баранковъ и т. п., грозному Пегливанъ-Пашѣ, Главнокомандующему въ Измаилѣ, а также послѣдствія этой передачи, и т. п. . . . .

«Ибо онъ дѣтей не оставилъ!» Не уже ли «Воспоминанія» Ф. Ф. Вигеля «о послѣднемъ его родственникѣ,» двоюродномъ

братѣ, могли изгладиться изъ памяти его съ 1825 года? Ѳедоръ Ивановичъ Сандерсъ отъ перваго брака оставилъ сына (лѣтъ за сорокъ), Подполковника Ѳедора Ѳедоровича, котораго, при участіи Вигеля, въ 1824 году, перевели изъ егерскаго полка въ Кишиневскій баталіонъ внутренней стражи, и который скоро вышелъ въ отставку; а отъ втораго—дочь Ольгу, вышедшую уже лѣтъ двадцати пяти, по выбытіи Вигеля изъ Бессарабіи, замужъ за егерскаго Штабсъ-Капитана. И сынъ и дочь Сандерса упоминаются поимянно въ жизнеописаніи Ѳ. И. Сандерса, въ «Галереѣ сподвижниковъ Императора Александра I-го.» Какимъ же образомъ двоюродный братъ отрицаетъ существованіе ихъ?! Въ 1824 году Вигель, объѣзжая Бессарабію, останавливался въ Измаилѣ у Коменданта, и, я, вмѣстѣ съ нимъ, въ оба дня его тамъ пребыванія, обѣдалъ у Сандерса; мы смѣялись еще съ нимъ, что старики называли сорокалѣтняго сына своего (казавшагося на видъ несравненно старѣе), не иначе, какъ «Ѳединькой» и пр.

II.

Финляндская кампанія 1808 года, со времени соединенія Саволакскаго корпуса, Г.-Л. Тучкова I, съ Карельскимъ, Г.-А. Князя М. П. Долгорукова. Взаимныя отношенія Гг. Тучкова и Князя Долгорукова, Наличный составъ Карельскаго корпуса. Генералъ-Маіоръ Н. И. Алексѣевъ, зять Вигеля.

Въ части III, на стран. 48, сочинитель «Воспоминаній» приступаетъ къ описанію дѣйствій зятя своего, Генералъ-Маіора Алексѣева, во время Финляндской войны, дѣлая его героемъ и чуть не военнымъ геніемъ во всѣхъ событіяхъ оной. Пропускаю разсказъ о движеніи Алексѣева съ своимъ Митавскимъ драгунскимъ полкомъ изъ Сердоболя въ Карелію и обратно, что, будто бы, навлекло на него гнѣвъ Аракчеева, отнесшаго это къ трусости и т. п. [2] Все это игра воображенія сочинителя, ибо, тотчасъ по со-

---

[2] Замѣчаніе послѣдовало не за то, что онъ отступилъ изъ Кареліи, но за то, что онъ, безъ всякой видимой причины, распространилъ страхъ между жителями Сердоболя и окрестностей, приказавъ грузить казенное имущество для отплытія, и т. д.

единеніи Саволакскаго корпуса Г.-Л. Тучкова съ Карельскимъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора, Генералъ-Адъютанта Князя Долгорукова, я поступилъ отъ перваго къ последнему, а по тому имѣлъ свѣжую возможность знать все предшествовавшее, тѣмъ болѣе, что и продолженіе военнаго журнала было на моихъ рукахъ. О послѣдующихъ же событіяхъ, которымъ я былъ близкимъ свидѣтелемъ, придется говорить пространнѣе, такъ какъ это уже исторія, а она должна быть исправлена; тѣмъ болѣе это необходимо, что мы не имѣемъ исторіи Финляндской войны, театръ которой такъ къ намъ близокъ, и о чемъ было уже мною замѣчено. [3]

Вотъ какъ Ф. Ф. Вигель описываетъ (стран. 46) соединеніе Карельскаго корпуса, Генералъ-Маіора Князя Долгорукова, съ Саволакскимъ, Генералъ-Лейтенанта Тучкова:

«1-го Мая, о благополучномъ совершеніи похода донесъ онъ (Князь Долгоруковъ) въ Петербургъ, и произведенъ былъ въ Генералъ - Лейтенанты.» Соединеніе корпусовъ послѣдовало въ Тайволѣ 16-го Сентября, а Князь убитъ былъ 15 Октября, будучи еще Генералъ-Маіоромъ.

«Соединившись съ Тучковымъ, который былъ старше его въ чинѣ, онъ (Князь Долгоруковъ) поставилъ его (Тучкова) въ затруднительное положеніе, не хотѣлъ себя подчинить ему и началъ дѣйствовать отдѣльно.»

Въ самый день переправы Саволакскаго корпуса изъ Куопіо, чрезъ озера, въ Тайволу, началъ переправу и Карельскій корпусъ, чрезъ проливъ Риссолу. Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ къ Тучкову въ Тайволу и Князь Долгоруковъ. Не было и не могло быть и рѣчи, чтобы Генералъ-Маіоръ не хотѣлъ подчиниться Генералъ-Лейтенанту въ дѣйствіи на одномъ и томъ же пути; ибо другого направленія не было, кромѣ какъ чрезъ Иденсальми на Улеаборгъ, что было указано и Главнокомандующимъ. Когда Князь находился еще въ Кареліи, онъ состоялъ уже подъ начальствомъ Тучкова 1-го, который еще въ Августѣ предписалъ ему итти къ озеру Калавези въ тылъ Тайвольской позиціи, что и было совершено. [4] Одно, чего желалъ Князь, состояло въ томъ

[3] Въ Русск. Арх. 1866 г., стран. 1031: «Историческія замѣчанія», по поводу статьи объ Аракчеевѣ, и въ особой книгѣ: «Матеріалы Отечественной войны, 1812 г.» Сбп., 1867, стран. 204.

[4] Независимо отъ другихъ матеріаловъ, это видно въ жизнеописаніи Тучкова 4-го въ «Галереѣ сподвижниковъ Императора Александра I.» Не разъ отъ

только, чтобы корпусъ его оставался въ томъ же составѣ, и было рѣшено, что онъ со своими войсками составитъ авангардъ, на что въ послѣдствіи получено и Высочайшее утвержденіе. А такъ какъ устраиваемый чрезъ проливъ Риссолу мостъ, для перевозки артиллерій и обозовъ, не былъ еще готовъ, то и положено было, что Саволакскій корпусъ двинется впередъ и остановится передъ Палонсомъ. Въ Карельскомъ корпусѣ не было ни одного изъ Офицеровъ Генеральнаго Штаба, кромѣ Маіора Барона Тейля фонъ Сераскиркена, недостаточно знавшаго Русскій языкъ, по этому Князь испросилъ у Тучкова одного изъ таковыхъ, и жребій палъ на меня. Чрезъ нѣсколько дней по переправѣ тяжестей, Князь Долгоруковъ выступилъ и занялъ Палонсъ, составивъ такимъ образомъ авангардъ корпуса Тучкова, имѣвшаго свою корпусную квартиру въ Савоярви, верстахъ въ пяти отъ Палонса. Въ это время, въ продолженіе болѣе десяти дней (до смерти Князя), всѣ распоряженія получались отъ Тучкова, и оба Генерала посѣщали одинъ другого. Можетъ быть между ними была какая либо личность, различные взгляды, но гармонія подчиненности, служба, отъ того не терпѣли.

Прежде чѣмъ слѣдить далѣе за разсказомъ Вигеля, въ которомъ онъ не перестаетъ возвышать, въ ущербъ другимъ, зятя своего, Алексѣева, вознося его на первую степень дѣятельности и заслугъ, полагаю, не будетъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ о составѣ Карельскаго корпуса, чтобы видѣть ту роль, которую игралъ въ немъ Алексѣевъ.

Такъ называвшійся Карельскій корпусъ состоялъ изъ двухъ мушкатерскихъ полковъ: Навагинскаго, съ шефомъ своимъ (престарѣлымъ или, лучше сказать, слабымъ здоровьемъ) Г.-М. Арсеньевымъ, [5] и полковымъ командиромъ, Полковникомъ Лялинымъ, и Тенгинскаго, съ шефомъ Г.-М. Ершовымъ, и полковымъ командиромъ, Полковникомъ Пестелемъ, и 4-го егерскаго полка, шефа коего, Г.-М. Багговута, на лицо не было, а ко-

Князя изъ Кареліи пріѣзжали съ донесеніемъ къ Тучкову 1-му въ Куопіо, и послѣднимъ посланцемъ былъ ординарецъ Князя, Митавскаго драгунскаго полка Прапорщикъ Чоглоковъ, съ которымъ и отправлена послѣдняя диспозиція.

[5] Онъ былъ въ чинѣ Генералъ-Маіора, старше Князя, но передъ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе, что званіе Генералъ-Адъютанта предоставляетъ старшинство предъ находящимися въ одинаковыхъ чинахъ.

мандовалъ имъ полковой командиръ, Полковникъ Адамовичъ. Изъ драгунскихъ полковъ, Ямбургскій былъ пѣшій, съ шефомъ, Полковникомъ И. В. Аргамаковымъ, [6] и Митавскій, на лошадяхъ, коего шефомъ былъ Г.-М. Илья Ивановичъ Алексѣевъ, зять Вигеля. Полковымъ командиромъ былъ Полковникъ Родіонъ Ѳедоровичъ Гернгросъ, но онъ былъ взятъ въ Штабъ корпуса, для исправленія должности Бригадъ-Маіора, завѣдываніе же полкомъ (въ числѣ около 300 человѣкъ) лежало на командирѣ лейбъ-эскадрона, Маіорѣ Михайлѣ Ѳедотовичѣ Боборыкинѣ, Офицерѣ высокихъ достоинствъ, и на службѣ, и въ частной жизни. Независимо отъ помянутыхъ войскъ, была легкая артиллерійская рота Маіора Судакова и шесть конныхъ орудій Шепевена, піонерная рота Капитана Александра Андреевича Ключарева и двѣ неполныя сотни Казаковъ, Лощилина и Киселева полковъ.

Составъ штаба Князя Долгорукаго былъ слѣдующій: по Генеральному Штабу [7] Маіоръ, Баронъ Ѳедоръ Васильевичъ Тейль фанъ Сераскиркенъ, Офицеръ извѣстныхъ способностей (въ 1815 г. нашъ Посланникъ въ Соединенныхъ Штатахъ) и я. По особымъ порученіямъ состоящій по кавалеріи Полковникъ Александръ Денисьевичъ Берлиръ, уже въ лѣтахъ, бывшій при Князѣ Потемкинѣ, человѣкъ высокихъ дарованій; въ должности Бригадъ-Маіора упомянутый Гернгросъ, славный въ послѣдствіи дѣятель 1812 года. Личными Адъютантами Князя: гвардейской конной артиллеріи Поручикъ Николай Ивановичъ Жадовскій и Нейшлотскаго гарнизоннаго батальона Поручикъ Графъ Ѳедоръ Ивановичъ Толстой (извѣстный подъ названіемъ Американца): [8] три ординарца—Митавскаго драгунскаго полка Прапорщики: Чоглоковъ и Баронъ Соловьевъ, Хорунжій Нестеровъ, командированный въ Штабъ батальонный Лѣкарь Навагин-

[6] Полкъ этотъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими эскадронами спѣшенныхъ же драгунъ другихъ полковъ, не слѣдовалъ за корпусомъ далѣе пролива: на нихъ возложено было охранять путь до Сердоболя.

[7] Тогда Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской части.

[8] Князь зналъ его издавна и былъ съ нимъ, какъ съ старымъ товарищемъ, любилъ слушать его разсказы, мастерски излагаемые, и не иначе называлъ его, какъ дядей Ѳедей, или Ѳедоромъ Онъ завѣдывалъ походнымъ хозяйствомъ и за столомъ разливалъ супъ, дѣлалъ, для личнаго употребленія Князя, конверты (тогда не было еще клеенныхъ) и т. п., и сберегался для отчаянныхъ предпріятій.

скаго полка Н. Ѳ. Арендтъ (въ послѣдствіи Лейбъ-Медикъ) и переводчикъ Титулярный Совѣтникъ Лавреніусъ. [9]

Изъ выше приведеннаго краткаго очерка видно, что Г.-М. Алексѣевъ никакой особенной команды не имѣлъ, носилъ званіе шефа, весьма мало заботясь о полкѣ, который былъ, по собственному его сознанію, въ рукахъ несравненно лучшихъ, нежели его собственныя. Имѣя въ распоряженіи своемъ довольно лошадей, онъ охотно снабжалъ ими всѣхъ, нуждавшихся въ нихъ, и вообще былъ добръ и очень не прочь погулять или, какъ говоритъ и самъ Вигель, «покутить.» Алексѣевъ былъ дѣйствительно любимъ всѣми и храбръ, но уже ни какъ не болѣе; ибо въ пылу битвы трудно было бы ожидать отъ него какихъ либо распоряженій.

III.

Дѣло при Иденсальми, 15-го Октября, 1808 года. Смерть Князя Долгорукаго. Воспоминаніе о Графѣ Ѳ. И. Толстомъ.

Вигель, въ слѣдъ за приведенными выше словами: «и началъ (Князь Долгорукой) дѣйствовать отдѣльно,» присовокупляетъ: «онъ велѣлъ Генералу Алексѣеву атаковать Шведовъ въ укрѣпленныхъ киркѣ и мызѣ Индесальми (!), а самъ, съ веселымъ духомъ, сталъ на пушечный выстрѣлъ отъ мѣста сраженія, чтобы распоряжать движеніями.»

Здѣсь ни въ одномъ словѣ нѣтъ правды, исключая того, что Князь «распоряжался и былъ въ веселомъ духѣ.» [10] Выше я уже замѣтилъ, что не было и рѣчи о неподчиненности Князя Долгорукаго Тучкову и объ отдѣльномъ дѣйствіи перваго, между тѣмъ какъ Ф. Ф. Вигель заставляетъ его такъ дѣйствовать, спустя черезъ мѣсяцъ послѣ соединенія обоихъ корпусовъ. Если бы сочинитель «Воспоминаній,» описывая событія, которыхъ онъ не былъ

---

[9] Кромѣ того, при Штабѣ Князя Долгорукаго постоянно находились одинъ, или два, фельдъегеря, въ Офицерскихъ чинахъ, и пр.

[10] Все это я говорю, и буду говорить далѣе, не по слухамъ, а какъ близкій участникъ въ дѣлѣ, за которое награжденъ серебрянымъ Георгіевскимъ крестомъ.

свидѣтелемъ, не руководствовался сказками и своими вымыслами, а обратился къ исторіи той поры, то, независимо отъ нашихъ данныхъ, онъ нашелъ бы противное въ превосходной исторіи этой войны, написанной Шведскимъ Офицеромъ Монгомерри, участникомъ при Иденсальми; [11] онъ увидѣлъ бы, что, на основаніи бывшаго перемирія, обѣ стороны, до открытія вновь военныхъ дѣйствій, должны были предупредить одна другую за семь дней, и что такое предупрежденіе послѣдовало не со стороны авангарднаго начальника, Князя Долгорукова, а отъ Тучкова, получившаго о томъ предписаніе на свое имя отъ Главнокомандующаго, въ слѣдствіе чего онъ и написалъ письмо, отъ 7-го Октября, изъ Савоярви Начальнику Шведскихъ войскъ, Генералу Сандельсу, и отправилъ оное съ своимъ Адъютантомъ, кавалергардскаго полка Поручикомъ, Барономъ Матвѣемъ Ивановичемъ Паленомъ. Полное содержаніе письма этого находится въ сочиненіи Г-на Монгомерри. Обстоятельства этого достаточно, чтобы видѣть, кто былъ здѣсь начальникомъ. Въ полдень 15-го Октября истекалъ срокъ для возобновленія военныхъ дѣйствій. Обозрѣніе позиціи, занимаемой Шведами, было дѣлаемо ежедневно Княземъ. Генералъ Тучковъ предоставилъ ему сдѣлать диспозицію, которую потомъ самъ повѣрялъ на мѣстѣ, и приведеніе оной въ исполненіе, съ малыми измѣненіями, поручено было Князю, съ его авангардомъ, составленнымъ, какъ замѣчено выше, изъ войскъ, прошедшихъ съ нимъ Карелію. Изъ корпуса же Тучкова предназначалось послать въ обходъ Ревельскій полкъ, съ двумя батальонами изъ другихъ полковъ. Но обходъ этотъ не состоялся по причинамъ, независимымъ ни отъ Тучкова, ни отъ Князя, какъ это было уже объяснено въ одной изъ моихъ статей, подъ заглавіемъ: «Генералъ-Адъютантъ Князь Михайло Петровичъ Долгоруковъ.» Она написана была въ опроверженіе книги, напечатанной въ Гельсингфорсѣ, въ 1858 году, подъ заглавіемъ: «Dunker och hans omgifning» (Дункеръ и окружающіе его). Въ книгѣ этой, чрезъ полвѣка, опять коснулись перестановки

---

[11] До сихъ поръ Шведская военная литература обильно продолжаетъ обогащать исторію этой войны любопытными матеріалами. Очень недавно вышло замѣчательное сочиненіе: «Lefnadsteckningar öfver de utmärktore personerna under krieget emot Ryssland åren 1808 och 1809. Forra delen. Stokholm. 1867» (Жизнеописаніе лицъ, участвовавшихъ въ войнѣ противъ Россіи въ 1808 и 1809 годахъ).

часовъ Княземъ Долгоруковымъ, 15-го Октября, 1808 года, предъ Идeнсальскимъ сраженіемъ. Я объяснилъ это ложное предположеніе, и на Шведскомъ же языкѣ напечаталъ статью въ Гельсингфорскомъ журналѣ, издающ ся Профессоромъ Сигнеусомъ, въ Сентябрской книжкѣ 1861 г. Въ слѣдствіи, въ 1863 году, статья эта, въ Русскомъ переводѣ, была п ѣщена въ «Сѣверной Пчелѣ» (въ 1863 году).

Объ участіи въ сраженіи зятя Вигеля, Генерала Алексѣева, скажется далѣе, а здѣсь мимоходомъ замѣчу, что кирка, о которой идетъ рѣчь, называется Иденсальма, а не Индесальми, и что она не была укрѣплена, а составляла пунктъ демаркаціонной линіи, около версты впереди къ намъ отъ линіи Шведскихъ укрѣпленій, находившихся за проливомъ; что не было никакой мызы Индесальми, слѣдовательно, она и укрѣплена быть не могла. Была единственная мыза (и также не укрѣпленная) Фридрихсдаль, за тройнымъ рядомъ Шведскихъ укрѣпленій; въ ней находилась непріятельская главная квартира и, по отступленіи Шведовъ, Штабъ нашего авангарда.

Послѣ нѣсколькихъ пустыхъ выраженій, Вигель продолжаетъ: «Пока, оскорбленный въ своей чести, Алексѣевъ рвался доказать нелѣпость обвиненій Аракчеева, и шелъ по узкой плотинѣ (стр. 47) чрезъ малое озеро прямо къ укрѣпленіямъ Индесальми, осыпаемой картечью и пулями, пущенное оттуда ядро вырвало бокъ (!) у Князя Долгорукова, [12] который довольно еще далеко стоялъ верхомъ. Смерть Генерала обыкновенно изумляетъ, смущаетъ, разстроиваетъ солдатъ, но только не Русскихъ: оживленные примѣромъ другого начальника, наши воины продолжали итти отчаянно на бой, непріятели выгнаны изъ укрѣпленій, разбиты, взяты въ плѣнъ, и дѣло совершенно выиграно. Алексѣевъ вышелъ изъ него цѣлъ и невредимъ, и часть этого дня, конечно, ему принадлежала.» [13]

---

[12] Подобныхъ выраженій достаточно у Вигеля: такъ, на прим., на стран. 46, говоря о братѣ Князя Михайла Петровича, Генералъ-Адъютантѣ, любимцѣ Государевѣ, умершемъ въ 1806 году, онъ присовокупляетъ, что «Князь Петръ въ жизни имѣлъ только славу нагрубить Наполеону на канунѣ Аустерлица, и оставилъ по себѣ брата, близнеца и друга, Князя Михайла Петровича, который заступилъ мѣсто его въ сердцѣ Царевомъ.»

[13] Чрезъ нѣсколько строкъ (48 и 49) Вигель упорствуетъ въ мнѣніи, что оба

Здѣсь было бы неумѣстно излагать вполнѣ это несчастное для насъ дѣло, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и не сказать объ ономъ нѣсколькихъ словъ, съ цѣлію показать, до какой степени можно дозволять себѣ посягательство на истину, и какое искаженіе встрѣчается въ «Воспоминаніяхъ» на каждой строкѣ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ эпизодовъ, которые мнѣ близко извѣстны. Въ помянутомъ выше возраженіи моемъ Шведскому писателю, я распространялся уже объ этой битвѣ на столько, на сколько слѣдовало для выясненія, будто бы Князь Долгоруковъ переставилъ впередъ часы для начатія дѣла; а выше сказалъ уже, что диспозиція, сдѣланная Княземъ для атаки непріятельской позиціи, была, съ малыми измѣненіями, одобрена Тучковымъ, повѣрявшимъ ее на мѣстѣ, за два дня до сраженія. Здѣсь прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію приведеннаго Вигелемъ описанія, замѣчу, въ опроверженіе утверждающаго, будто бы **Долгоруковъ** **дѣйствовалъ тутъ отдѣльно, безъ подчиненія себя Тучкову**, тогда какъ съ самаго утра, 15-го Октября, когда Князь выѣхалъ изъ Палонса къ демаркаціонной линіи, до самаго того времени, когда онъ былъ убитъ, безпрестанно пріѣзжали отъ Тучкова его Штабные: Бригадъ-Маіоръ, Ревельскаго полка Маіоръ, **Сергѣй Петровичъ Пухинскій**, и Адъютанты Генерала, Баронъ **М. И. Паленъ**, **А. А. Набель** и прикомандированный къ Генеральному Штабу, 3-го егерскаго полка Поручикъ **М. И. Понсетъ**, независимо отъ посылавшихся отъ Князя, Полковника Берлира и Барона Соловьева, для извѣщеній (а Набель и Понсетъ находились тутъ почти постоянно, или, по крайней мѣрѣ, они являлись чаще другихъ); слѣдовательно, если бы оба Генерала почитали себя независимыми одинъ отъ другого, то ничего подобнаго и быть не могло. Впрочемъ, указанное выше письмо Тучкова къ Сандельсу, болѣе нежели удовлетворительно, чтобы опровергнуть приводимое сочинителемъ. Теперь скажу нѣсколько словъ по поводу приведеннаго выше текста, доказывающаго, что Ф. Ф. Вигель не имѣлъ никакого понятія о томъ, что взялся описывать, и былъ движимъ только однимъ желаніемъ выставлять своего зятя, Алексѣева. Чтобы яснѣе видѣть это, должно сказать, что въ половинѣ двѣнадцатаго часа Князь былъ уже на демаркаціонной линіи у

помянутые корпусные Генерала дѣйствовали отдѣльно одинъ отъ другого, сказавъ, что, по смерти Князя, Тучковъ опять вступилъ во всѣ права свои (!).»

Пасторскаго дома. Съ Княземъ пріѣхалъ и Алексѣевъ, который былъ только шефомъ Митавскаго драгунскаго полка, тогда за откомандировками состоявшаго не болѣе, какъ изъ 200 человѣкъ, вовсе не предназначавшихся по диспозиціи къ дѣлу. Ровно въ полдень Шведскій ведетъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, началъ отступать до моста, [14] чрезъ проливъ, до котораго было около версты. Чтобъ не дать времени разобрать мостъ, Князь поручилъ Адъютанту своему, Графу Толстому, съ нѣсколькими Казаками, броситься за Шведскими драгунами, и завязать съ ними перестрѣлку. Въ слѣдъ за Толстымъ двѣ роты 4-го егерскаго полка, безъ ранцевъ, подъ начальствомъ Маіора Тверитинова, и піонерная рота Ключарева тронулись бѣгомъ къ мосту; но прыткія Финскія лошади, имѣя предъ Казаками около ста саженъ впереди, на протяженіе менѣе версты, успѣли перебраться черезъ мостъ и тогда изъ шанцевъ Саволакскіе стрѣлки открыли сильный ружейный огонь, подъ прикрытіемъ котораго, съ подготовленнаго къ разрушенію моста успѣли сбросить доски въ воду. Тверитинову съ егерями не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ разсыпаться и вести перестрѣлку. Между тѣмъ, тотчасъ за Тверитиновымъ и Ключаревымъ, двинулись войска: впереди шелъ 4-й егерскій полкъ, два орудія конной роты Штевена, Тенгинскій мушкатерскій полкъ, артиллерійская рота Судакова и Навагинскій мушкатерскій полкъ. Князь съ демаркаціонной линіи двинулся въ головѣ егерей, но узнавъ, что мостъ разобранъ, послалъ еще за конными орудіями, которыя скоро опередили егерей, и самъ онъ поспѣшилъ впередъ, указалъ для нихъ мѣсто и остановился на лѣвомъ ихъ флангѣ, чрезъ дорогу, ободряя егерей и піонеровъ, которые, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и ядрами, принялись за работу. Въ слѣдъ за симъ вся пѣшая рота Судакова поставлена была на мѣсто конныхъ орудій, принявшихъ гораздо правѣе въ лѣсъ, къ берегу озера Піели-Ярви, чрезъ которое они могли дѣйствовать только на ближайшія укрѣпленія.

Подъ прикрытіемъ артиллеріи, піонеры, руководимые храбрыми своими начальниками: Капитаномъ Ключаревымъ и Поручиками: Княземъ Оболенскимъ и Кучинскимъ, успѣли, подъ сильнымъ огнемъ, набросать, тутъ же вырубаемыя, деревья, и до-

---

[14] Подробности о семъ можно видѣть въ той же моей статьѣ, о которой было уже упомянуто.

ставить, хотя и очень затруднительную, возможность перебраться пѣхотѣ. Въ продолженіе этого времени войска стягивались около Князя. Здѣсь онъ приказалъ шефамъ Навагинскаго и Тенгинскаго полковъ, Генераламъ Арсеньеву и Ершову, остаться, подъ предлогомъ, что въ ихъ лѣта и пѣшкомъ трудно перебраться чрезъ кладки, а когда мостъ исправится, то они послѣдуютъ за полками. Обратясь къ полковымъ командирамъ и Штабъ-Офицерамъ, близь его стоявшимъ, онъ сказалъ: «Съ Богомъ, господа,» а указывая на непріятельскія укрѣпленія, присовокупилъ: «Вотъ вамъ Георгіевскіе кресты!» Полки двинулись. Недостатка у непріятеля въ ядрахъ и пуляхъ не было. По диспозиціи, 4-й егерскій полкъ, переправясь, долженъ былъ тотчасъ выбить Шведскихъ стрѣлковъ изъ ямъ, устроенныхъ и распредѣленныхъ передъ деревушкою Каупила, лежащею противъ моста, и потомъ идти по дорогѣ, которая тотчасъ за проливомъ поворачивала на право, по берегу озера Піели-Ярви. Шведы, находившіеся передъ деревушкой Каупила, не долго сопротивлялись, изъ опасенія быть отрѣзанными. Навагинскій полкъ долженъ былъ поддерживать егерей, а Тенгинскій, переправясь черезъ проливъ, принять въ лѣво и, отойдя на хорошій ружейный выстрѣлъ отъ переправы, занять стрѣлками лѣсъ, по которому Шведы могли бы обойти маленькое озеро Алемайнемъ, находящееся тотчасъ за деревней Каупила, и угрожать тылу правой колонны. Алексѣевъ все это время стоялъ при Князѣ; когда же Навагинскій полкъ перешелъ, то Князь поручилъ ему правую колонну. Послѣ того, какъ переправился послѣдній полкъ (Тенгинскій), Князь, увидѣвъ, что 4-й егерскій полкъ занялъ нижнія укрѣпленія и подвигался къ нагорнымъ, приказалъ Судакову участить огонь, слѣзъ съ лошади и, обратясь къ окружающимъ его, нѣкоторыхъ разослалъ, а другимъ сказалъ: «Теперь и намъ пора!» Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ мосту, онъ былъ пораженъ ядромъ, не будучи верхомъ, [25] какъ говоритъ Вигель, и

[25] Въ «Военномъ Сборникѣ» 1867 г., № 7, въ отдѣлѣ библіографіи, стр. 5, сказано: «По обыкновеннымъ же сказаніямъ, Князь Долгоруковъ палъ въ минуту отступленія нашихъ войскъ, когда бросился впередъ, чтобы ободрить ихъ.» Надо полагать, что это заимствовано у Михайловскаго-Данилевскаго (стр. 324), но оно не справедливо: Князь былъ убитъ въ то самое время, когда наши егеря поднялись на первыя укрѣпленія. Не понимаю, откуда могъ почерпнуть Данилевскій этотъ эпизодъ; я знаю, что

у него «не вырвало бока,» а ядро ударило его въ правую руку и прошло чрезъ туловище между грудью и спиною. Въ это время изъ остававшихся при Князѣ, за разсылкою съ приказаніями, ближе всѣхъ къ нему находились: я, съ планомъ позиціи въ рукахъ, и Графъ Толстой, съ огромной пенковой трубкой. Полковникъ Берлиръ и Баронъ Тейль были чрезъ дорогу на батареѣ Судакова; ординарецъ Нестеровъ посланъ былъ сказать имъ, чтобы они присоединились къ Князю. Князь былъ въ сюртукѣ на распашку, подъ нимъ надѣтъ былъ, тогда почти у всѣхъ въ употребленіи, шпензеръ, т. е., мундиръ безъ фалдъ. На шеѣ Георгіевскій крестъ, сабля подъ сюртукомъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ на коротенькомъ чубукѣ трубку, въ лѣвой маленькую зрительную трубу. День былъ прекрасный, осенній. Шли подъ гору довольно скоро, Князь по самой оконечности лѣвой стороны дороги; ядра, были выпускаемы довольно часто. Вдругъ мы услышали ударъ ядра, и въ то же мгновеніе увидѣли Князя упавшаго въ яму (изъ которой выбирали глину) около дороги. Графъ Толстой и я мгновенно бросились за нимъ (Монгомерри принялъ наше внезапное исчезновеніе за нашу смерть; ибо говоритъ, на стр. 106 т. 1, что «Князь и два Адъютанта его были вмѣстѣ съ нимъ убиты.» Фуражки и чубука уже не было; зрительная труба была стиснута въ лѣвой рукѣ. Князь лежалъ на спинѣ. Прекрасное лицо его не измѣнилось. Трехфунтовое ядро ударило его въ локоть правой руки и пронизало его станъ. Онъ былъ бездыханенъ; Графъ и я приподняли голову. Прибѣжали Берлиръ и Тейль, и послали меня черезъ дорогу къ Судакову за людьми, которые тотчасъ явились съ Офицеромъ, нашли доску, покрыли трупъ какой-то парусиной, принесенной артиллеристами, и понесли, въ сопровожденіи Берлира, Толстого и другихъ, въ Палонсъ. Я долженъ былъ остаться съ Барономъ Тейлемъ. Чрезъ полчаса, или даже болѣе, мы увидѣли, что егеря преслѣдуются изъ третьяго ряда укрѣпленій. Пріѣхалъ Тучковъ и т. д. Вечеромъ, возвратясь въ Палонсъ, мы нашли Князя на томъ самомъ столѣ, на которомъ обѣдывали, въ распоряженіи Медиковъ, бальзамировавшихъ его. Здѣсь только я могъ обмыться отъ крови, но Графъ Толстой рѣшительно сказалъ, что не будетъ смывать ее, пока сама не исче-

---

онъ имѣлъ въ рукахъ матеріалы, въ которыхъ смерть Князя была описана правильно.

знетъ и взялъ себѣ шпензеръ Князя. Не буду выписывать всего, что тутъ происходило. На третій день Берлиръ и адъютанты Князя: Жадовскій и Графъ Толстой повезли тѣло въ Петербургъ. На мѣстѣ, гдѣ Князь былъ пораженъ, поставленъ памятникъ (Приложеніе 2-е).

Съ Графомъ Толстымъ послѣ сего я видѣлся въ 1810 году, когда онъ имѣлъ поединокъ съ Нарышкинымъ въ Або, о чемъ будетъ говорить и Вигель; потомъ, оставшись въ Финляндіи, я потерялъ его изъ вида. Слышалъ, что онъ въ отставкѣ. Наканунѣ Бородинскаго сраженія, подъ вечеръ, находясь на строющейся центральной батареѣ, я услышалъ, что кто-то отыскиваетъ какого-то Полковника Графа Толстаго. Оказалось, что это мой старый знакомый, въ то время Начальникъ дружины ополченія, изъ любопытства пошелъ къ цѣпи посмотрѣть Французовъ. Его скоро отыскали; мы успѣли только размѣняться нѣсколькими словами и помянуть Князя. Сказавъ мнѣ гдѣ и чѣмъ онъ командуетъ, онъ поскакалъ на призывъ. 28, до разсвѣта, отправясь изъ Можайска съ квартирьерами къ Крымскому-Броду и обгоняя безчисленные обозы, я услышалъ изъ одного экипажа голосъ Графа, звавшаго къ себѣ шедшаго въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него своего человѣка. Я подъѣхалъ. Графъ былъ раненъ въ ногу, и предложилъ мнѣ мадеры; я кое какъ выпроводилъ его изъ ряда повозокъ, и мы разстались. Во время войны 1813—1815 годовъ я не встрѣчался съ нимъ; потомъ оставшись во Франціи до 1819 года, въ корпусѣ Князя Воронцова, я слышалъ, что онъ умеръ, и такъ былъ убѣжденъ въ этомъ, что въ 1822 году, будучи довольно долго въ Москвѣ, не вздумалъ и спросить о немъ отъ многихъ сослуживцевъ Москвичей. Въ 1837 г., одинаково пробылъ въ Москвѣ болѣе мѣсяца. Наконецъ, въ 1844 году, бывши опять въ Москвѣ и навѣстивъ А. Ѳ. Вельтмана, я встрѣтилъ у него не знакомаго старика, совершенно съ сѣдыми и густыми волосами. Хотя физіономія его казалась мнѣ не чуждой, но я далекъ былъ отъ мысли угадать кто онъ. Разговоръ былъ общій. Наконецъ почтенный хозяинъ отрекомендовалъ насъ одного другому. Почти въ одинъ голосъ мы спросили другъ друга: не вы ли, не вы ли? и потомъ послѣдовало, что въ такомъ случаѣ бываетъ. Тутъ же мы припомнили и повторили все то, что сказано выше. Графъ замѣтилъ мнѣ, что шпензеръ Князя до сихъ поръ у него, что видѣть его часто вошло у него въ привычку. На другой день взялъ онъ съ меня слово у него обѣдать; онъ пригласилъ еще почтен-

наго ветерана нашей эпохи, Ѳ. Н. Глинку. На другой день, мы съ Вельтманомъ, заѣхали по дорогѣ къ Ѳедору Николаевичу и вмѣстѣ отправились къ Графу. Я его нашелъ тѣмъ же: онъ разливалъ для всѣхъ супъ. Разговоръ нашъ заключался въ воспоминаніяхъ о Князѣ, о его смерти. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, я опять пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву. Тѣ же свиданія, тѣ же воспоминанія; онъ обѣщалъ мнѣ лѣтомъ, въ деревнѣ, показать свои записки, какъ оказывалось, вѣрныя съ моимъ разсказомъ. Въ слѣдующую мою поѣздку я взялъ свой дневникъ, но Графа уже не стало... Я привелъ этотъ разсказъ единственно потому только, что все мною сказанное объ Иденсальмовомъ дѣлѣ было повторено при помянутыхъ лицахъ и происходило совершенно не такъ, какъ разсказываетъ Вигель.

IV.

Описаніе Иденсальмскаго сраженія. Участіе въ немъ Алексѣева.

Обращаюсь къ разсказу «Воспоминаній.» Подъ Иденсальми не было «узкой плотины,» да еще—«чрезъ Малое озеро,» а былъ просто мостъ чрезъ проливъ, шириною отъ 30 до 60 саженъ, соединяющій два озера: Иденъ-Ярви и Піели-Ярви. Я уже сказалъ, что Иденсальми было за версту сзади этого пролива, на нашей сторонѣ, а за проливомъ находились укрѣпленія, на которыя были направлены наши войска, а не къ укрѣпленіямъ Инденсальми: это чистая безсмыслица. Относительно извѣстія о смерти Князя, въ высшей степени любимаго войскомъ, то изъ тѣхъ которые переправились чрезъ проливъ, узналъ первый Навагинскій полкъ, гдѣ находился Алексѣевъ, которому сообщилъ прибѣжавшій къ нему одинъ изъ ординарцевъ его полка. Алексѣевъ въ это время закусывалъ, пока полкъ, перебиравшійся по одиночкѣ черезъ мостъ, приводился въ порядокъ. Внезапная вѣсть эта, переданная ему отдѣльно, вызвала его къ рыданіямъ. Онъ былъ окруженъ многими, и смерть Князя тотчасъ распространилась по полку. Послѣ этого изъ нашихъ уже никто не шелъ впередъ отчаянно на бой,» а шли впередъ только одни Шведы. За симъ скоро узналъ о несчастіи Тенгинскій полкъ; егеря уже узнали тогда только, когда отброшены были на Навагинскій полкъ.

Заключеніе параграфа, приведеннаго выше, превосходитъ уже всякую мѣру: не знаю чему приписать это? Развѣ только къ хвастовству сочинителя, что вотъ, де, какой герой мой зять! Вигель безстыдно говоритъ: «Непріятели выгнаны изъ укрѣпленій, разбиты, взяты въ плѣнъ, и дѣло совершенно выиграно. Алексѣевъ вышелъ изъ него цѣлъ и невредимъ, и честь этого дня, конечно, ему принадлежала (!)»

Иденсальмская битва происходила слѣдующимъ образомъ: 4-й егерскій полкъ быстро овладѣлъ первою линіею укрѣпленій и пользуясь замѣшательствомъ непріятеля, перебѣжалъ за нимъ ручеекъ или проливецъ, соединяющій озерко Алемайненъ съ Піели Ярви, и, атаковавъ на возвышеніи вторую линію, проникъ въ редутъ. Генералъ Сандельсъ, сосредоточивъ все, что у него было, въ третьей линіи, и замѣтивъ, что оба баталіона егерей нашихъ не въ полномъ порядкѣ (естественное послѣдствіе двухъ отчаянныхъ натисковъ) и увидѣвъ, что Навагинскій полкъ находится отъ нихъ далѣе, нежели онъ, ударилъ массой въ штыки на егерей, съ которыми завязался ожесточенный бой; масса восторжествовала надъ разсѣянными Саволакскими егерями, не успѣвшими по быстротѣ атаки собраться; тогда все, что находилось внѣ редута второй линіи, начало поспѣшно отступать. Когда же увидѣли, что редутъ, въ которомъ находился Маіоръ Обернибесовъ, упорно защищавшійся въ немъ, палъ, [18] и Шведы быстро стали напирать на егерей, коихъ отступленіе обратилось уже въ бѣгство, для скорѣйшаго соединенія съ Навагинскимъ полкомъ, спѣшившимъ на выручку, то уже было поздно. Уже темнѣло. Тенгинскій полкъ, стоявшій влѣво отъ моста чрезъ проливъ около озерка Алемайненъ, увидѣвъ разстройство егерей (Навагинскаго полка онъ не могъ еще видѣть за холмомъ) и преслѣдовавшую ихъ массу Шведовъ, началъ отступать къ мосту. Отступленіе было по-

---

[18] Маіоръ Обернибесовъ и Капитанъ Русиновъ, оба раненые, послѣдній на непріятельской пушкѣ, взяты были въ плѣнъ. На третій день, послѣ отступленія Шведовъ, я былъ посланъ, какъ о семъ говоритъ и Михайловскій-Данилевскій (Описаніе Шведской войны, стр. 324), подъ предлогомъ отвоза денегъ нашимъ плѣннымъ Офицерамъ. Шведы остановились въ крѣпкой позиціи за рѣчкой, въ Веремѣ, въ 18-ти верстахъ. При обозрѣніи ихъ расположенія, въ сутки, которыя я тамъ провелъ, по возвращеніи моемъ, представилась возможность отхватить постъ, ими выставленный по сю сторону рѣчки, въ лѣсу, чѣмъ чрезъ два дня мы и воспользовались.

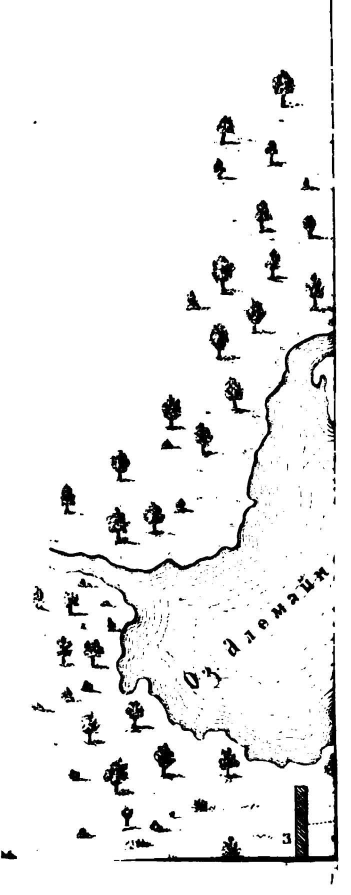
спѣшно, изъ опасенія быть отрѣзанными; вмѣстѣ съ тѣмъ и Навагинскій полкъ, къ которому успѣла проникнуть часть егерей, въ свою очередь увидѣвъ Тенгинскій полкъ быстро спѣшившимъ къ переправѣ, столь трудной, по мосту, едва проходимому (который, однако же, въ промежутокъ этого времени, былъ уже хорошо устроенъ), усилилъ шагъ, и мало по малу всѣ три полка столпились въ безпорядкѣ для перехода; и конечно, если бы артиллерія наша не была усилена прибывшимъ уже на мѣсто битвы Тучковымъ, съ Низовскимъ и Ревельскимъ полками, съ гвардейскою артиллеріею Полковника Третьякова, то не многіе изъ трехъ полковъ, переправлявшихся за проливъ, успѣли бы спастись: но и за тѣмъ, до четырехъ сотъ человѣкъ, преимущественно Навагинскаго полка, не попали на нашу сторону, а бросились въ лѣсъ около озера, и только въ слѣдующіе дни перевезены были чрезъ оное кое-гдѣ на скоро собранными лодками. Совершенно уже стемнѣло, но ружейный и пушечный огонь не прекращался. Шведы опять утвердились передъ деревенькою Каупила и убійственнымъ огнемъ много намъ вредили. Здѣсь въ числѣ другихъ былъ раненъ пулей въ голову и Маіоръ Тейль-фонъ-Сераскеркенъ. Генералъ Тучковъ все время оставался подъ огнемъ около батареи Судакова. [17]

Этимъ ограничиваю описаніе этого дѣла, котораго вся слава, по словамъ Ф. Ф. Вигеля, принадлежитъ его зятю, Генералу Алексѣеву, выгнавшему изъ укрѣпленій Шведовъ, разбившему ихъ и забравшему плѣнныхъ! [18] и т. д.

---

[17] Для большей ясности прилагаю при семъ планъ позиціи Шведовъ и происходившей битвы 15-го Октября. Плана этого нѣтъ ни при одномъ сочиненіи, ни Русскомъ, ни Шведскомъ. (См. Приложеніе 1-е).

[18] Не было ни одного плѣннаго Шведа, а напротивъ мы потеряли много и всѣхъ раненыхъ за проливомъ.


Оз алемайн

V.

Перемиріе. Ружья съ деревянными кремнями. Ночное нападеніе Шведовъ, 30 Октября, 1808 года.

Въ 9 часовъ вечера, въ глубокую темноту, ружейный огонь чрезъ проливъ еще продолжался, какъ вдругъ послышался конскій топотъ и труба. Артиллерія приняла это за конницу, предпринявшую наступленіе; нѣсколько выстрѣловъ сдѣлано было картечью, наконецъ догадались, что это былъ парламентеръ, предложившій сдѣлать перемиріе на 24 часа, для подобранія раненыхъ и убитыхъ. Генералъ Тучковъ согласился, и для сего назначенъ былъ съ нашей стороны Бригадъ-Маіоръ Пухнинскій. Весь слѣдующій день былъ на то употребленъ, и едва къ вечеру успѣли убрать убитыхъ. Только эти послѣдніе оставались на нашу долю; раненые были уже подобраны Шведами. 17-го числа, непріятель отступилъ за 18-ть верстъ. А какъ при самомъ началѣ сраженія, 15 Октября, получено было предписаніе Главнокомандующаго пріостановиться въ наступательномъ дѣйствіи, [19] то войска и были расположены на мѣстѣ битвы въ шалашахъ, по окраинѣ лѣса, гдѣ стояла батарея Судакова, а отсюда эшелонами къ Палонсу. Корпусная квартира заняла пасторскій домъ. Бывшія войска въ Карельскомъ корпусѣ составили авангардъ, который, за исключеніемъ артиллеріи, піонеровъ и Тенгинскаго полка, расположился за проливомъ: штабъ авангарда на мызѣ Фридрихсдалѣ, имѣя впереди 4-й егерскій полкъ, а около бывшихъ непріятельскихъ окоповъ второй линіи—Навагинскій. Командующій Митавскимъ полкомъ (около 200 человѣкъ), Маіоръ Боборыкинъ, вмѣстѣ съ 150 казаками, составлялъ какъ бы авангардъ авангарда и выдвинутъ былъ за 6 верстъ отъ Фридрихсдаля въ первые дворы растянутой деревни Партала.

Старшимъ изъ Генераловъ въ Карельскомъ корпусѣ былъ Генералъ Арсеньевъ, но по слабости его здоровья, авангардъ не былъ порученъ ему, и онъ скоро уѣхалъ изъ корпуса. Причину отъѣзда Г. Арсеньева приписывали неудовольствію на него Корпуснаго Командира, и вотъ почему: Бригадъ Маіоръ Пухнинскій, подбирая убитыхъ на полѣ сраженія, оставшемся въ рукахъ непріятеля, нашелъ нѣсколько нашихъ ружей съ деревянными крем-

---

[19] Вслѣдъ за симъ это опять было отмѣнено.

ніями; онъ упросилъ Шведовъ уступить ему два такихъ ружья, въ чемъ и не встрѣтилъ отказа. По представленіи ихъ Г. Тучкову, нельзя было узнать, Навагинскому или Тенгинскому полкамъ принадлежатъ оныя (егерскаго были иной формы). По засвидѣтельствованію Пухнинскаго, трудно было опредѣлить, около какихъ труповъ ружья эти лежали, ибо главная потеря мушкетерскихъ полковъ была въ то время, когда они столпились къ мосту, что бы перебѣжать оный; между тѣмъ начали дознаваться подъ рукой. Обстоятельство это не могло не огласиться въ полкахъ, а потому, если и были еще въ оныхъ подобныя ружья, то деревянные кремни тотчасъ были бы замѣнены настоящими, и открылось это только потому, что изъ числа разбредшихся по лѣсамъ нѣсколько человѣкъ, будучи перевезенными чрезъ озеро, имѣли деревянные кремни и исключительно Навагинскаго полка. По слѣдствію открылось, что когда перемиріе приближалось къ концу, то въ одной или двухъ ротахъ нѣсколько человѣкъ не вернули настоящихъ кремней, чего ближайшія власти не усмотрѣли; но молва была, что это было главною причиной отъѣзда шефа онаго полка. Положительно же то, что такія ружья были и съ ними вступали въ дѣло!

Командованіе авангардомъ отдано было Алексѣеву, при которомъ долженъ находиться Баронъ Тейль-фонъ-Сераскеркенъ, пользовавшійся общимъ довѣріемъ. Чрезъ двѣ недѣли послѣ перваго Иденсальмскаго сраженія, такъ для насъ неудачнаго, произошло второе, 30 Октября, ночное, имѣвшее совершенно другой исходъ. Но въ дѣлѣ этомъ зять Ф. Ф. Вигеля, Алексѣевъ, не принималъ никакого участія, хотя часть его авангарда едва ли не имѣла рѣшительнаго успѣха на исходъ онаго. Здѣсь вкратцѣ позволяю себѣ разсказать оное.

Непріятель предпринялъ обойти насъ изъ своей позиціи въ Віеремѣ, чрезъ дер. Свеномяки (по той самой дорогѣ, по которой Князь Долгуроковъ имѣлъ намѣреніе направить Низовскій и Ревельскій полки) и назначилъ нападеніе въ ночь на 30-е число. Мховое болото, чрезъ которое безъ мороза можно было проходить почти только по одиночкѣ, но и то по кладкамъ, набросаннымъ въ длину, простиралось на нѣсколько верстъ и, начиная отъ Свеномяки, подходило къ самому лѣсу, въ которомъ были расположены въ линію полки Ревельскій и Низовскій, тыломъ къ болоту. Оно казалось до такой степени непроходимымъ, что при выходѣ съ онаго на берегъ, гдѣ оканчивались наброшенныя въ длину

по двѣ-по три жерди поставленъ былъ только часовой, каковыми окружаютъ лагерь. Только за два дня до нападенія, шефъ Ревельскаго полка Полковникъ А. А. Тучковъ 4-й, будучи дежурнымъ по лагерямъ, поставилъ тутъ взводъ, и этотъ взводъ могъ удержать непріятеля на нѣсколько минутъ, а еслибы и этого не было, то исходъ предпріятія Шведовъ былъ бы тотъ же, что и въ Револаксѣ. Предположеніе непріятеля заключалось въ томъ, чтобы, напавъ внезапно среди ночи на эти полки, прорваться къ стоящей на правомъ флангѣ Низовскаго полка батареѣ Судакова, остававшейся на томъ же мѣстѣ, что и во время битвы 15-го числа, и разрушить находящійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ оной внизъ мостъ чрезъ проливъ, отдѣляющій авангардъ отъ корпуса, и тогда пустить ракеты. Это должно было служить сигналомъ, по которому Сандельсъ, подошедшій уже къ нашимъ аванпостамъ авангарда, сдѣлалъ бы на оный общее нападеніе. Таковы въ главныхъ чертахъ были предположенія непріятеля. Обходъ былъ составленъ изъ охотниковъ, въ главѣ которыхъ были, извѣстные предпріимчивостью своею въ подобныхъ дѣйствіяхъ, Подполковникъ Дункеръ и Маіоръ Малымъ съ другими отважными дѣятелями.

Обращаюсь къ герою Вигеля.

Очень часто, или, лучше сказать, ежедневно, къ Алексѣеву, стоящему въ Фрихдрисдалѣ (около двухъ верстъ отъ пролива, слѣдовательно, и отъ начала корпуснаго лагеря), наѣзжали изъ онаго гости, начиная съ обѣда до поздней ночи, ибо должно отдать справедливость его радушію и хлѣбосольству: онъ былъ мастеръ угощать. Наканунѣ предпріятія Шведовъ, 29-го Октября пріѣхали къ обѣду изъ лейбъ-егерскаго полка Капитаны Графъ Шапъ де-Растильякъ, Шевалье-де-ла-Гардъ, Поручикъ Нарышкинъ, баталіонный адъютантъ К. Н. Батюшковъ и гвардейской артиллеріи Поручикъ Карабинъ и человѣка четыре изъ штаба Тучкова и армейскихъ. Я поименовалъ первыхъ потому, что они, исключая Карабина и Батюшкова, оставались далеко за полночь, были изъ одного лагеря, и едва прибыли на мѣсто, какъ выступили на совершеніе блистательнаго подвига.

Алексѣевъ и Баронъ Тейль жили въ главномъ, среднемъ, домѣ; адъютанты, я и переводчикъ Лавреніусъ въ одномъ изъ флигелей, стоявшихъ по бокамъ, подъ прямымъ угломъ къ главному дому. По отъѣздѣ гостей, мы оставались еще болѣе получаса у Генерала и, придя къ себѣ, столько же времени продолжали разговоръ: какъ человѣкъ, пришедшій изъ другаго флигеля, извѣ-

стилъ насъ, что въ лагерѣ онъ слышалъ ружейный выстрѣлъ. Мы тотчасъ вышли изъ двери, и точно, въ это самое время услышали еще выстрѣлъ и, не приписывая этому ничего серьезнаго, готовы были возвратиться въ комнату, какъ послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ одинъ за другимъ; адъютанты бросились къ Генералу, а я къ Барону. Съ крыльца дома, стоявшаго на возвышеніи, прямо чрезъ озеро, около версты, гдѣ усиливалась перестрѣлка, всѣ тотчасъ опредѣлили мѣсто обоихъ помянутыхъ полковъ. Алексѣевъ хотѣлъ летѣть туда; Баронъ Тейль, конечно, одинъ изъ всѣхъ тутъ бывшихъ, понималъ важность пункта, и что предпріятіе это не могло быть изолированное, не могъ убѣдить Алексѣева остаться: тамъ стрѣляли, и для него было достаточно. Наконецъ онъ объяснилъ ему, что нападеніе сдѣлано не на ту часть войскъ, которая находилась подъ его начальствомъ, что тамъ самъ корпусный командиръ, и наконецъ, что онъ, Алексѣевъ, можетъ подпасть подъ отвѣтственность за произвольное оставленіе своего мѣста. Только это послѣднее подѣйствовало: «Ну, такъ дѣлай, что знаешь!» послѣдовалъ обычный отвѣтъ Алексѣева. Тотчасъ посланъ былъ мой товарищъ Дребушъ, съ приказаніемъ, чтобы Боборыкинъ немедленно отступилъ и примкнулъ къ 4-му егерскому полку, а этому сблизиться къ мызѣ Фридрихсдаль и отправить патрули влѣво, въ лѣсъ, для наблюденія. Генералу повторено, что въ такой моментъ ему должно оставаться на мѣстѣ, а что самъ онъ поѣдетъ и увидитъ, что надо будетъ дѣлать Навагинскому полку, стоящему ближе къ проливу. Мы поскакали во всю прыть: полкъ уже строился. Съ полминуты Баронъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ Полковникомъ Пестелемъ. Огонь дѣлался все живѣе и какъ бы приближался; пули слышны были на своемъ излетѣ. Подъѣзжая къ мосту, ружейная перестрѣлка слилась; слышны были крики. Баронъ остановился и послалъ меня назадъ, взять одинъ баталіонъ Тенгинскаго полка, который бы спѣшилъ бѣгомъ; по прибытіи баталіона къ мосту, тутъ падали уже пули. Немедленно Баронъ перевелъ баталіонъ черезъ мостъ, принялъ въ лѣво, и чрезъ нѣсколько минутъ былъ на батареѣ Судакова, у котораго лошади были уже впряжены, но уѣзжать было некуда. нѣсколько человѣкъ артиллеристовъ было ранено пулями; свалка была въ нѣсколькихъ шагахъ въ баракахъ полка. Мѣшкать было некогда; Баронъ слѣзъ съ лошади и повелъ баталіонъ въ лѣсъ, гдѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ батареи начинались бараки. Внезапное появленіе здѣсь стройной линіи, которую Шведы могли

усмотрѣть, по случаю нѣсколькихъ загорѣвшихся бараковъ, не остановили ихъ отчаяннаго напора, и на приведенный Барономъ баталіонъ оживилась перестрѣлка и схватка въ штыки. Но здѣсь имъ прорваться для истребленія моста и поданія ракетами сигнала было уже нельзя, тѣмъ болѣе, что съ батареи Судакова Баронъ послалъ Офицера и за другимъ баталіономъ. Схватка въ баракахъ и около все еще продолжалась, и пули попадали въ пасторскій домъ, гдѣ была корпусная квартира, и гдѣ на дворѣ нѣсколько человѣкъ было ранено. Нападеніе было такъ быстро, что съ перваго раза Шведы проникли въ нѣсколько бараковъ прежде, нежели наши могли выбѣжать изъ оныхъ. Къ счастію, что у двухъ Капитановъ пѣхотной бригады, Петерсона и Либгардта, было собрано много Офицеровъ, гдѣ играли въ карты. При первыхъ выстрѣлахъ они повыскакали и много содѣйствовали къ соблюденію порядка, чего бы не могло быть, если бы всѣ спали въ своихъ баракахъ. При первыхъ выстрѣлахъ Генералъ Тучковъ послалъ за остальными войсками, расположенными по разбросаннымъ верстъ на пять дворамъ с. Палонса, и за нѣкоторыми стоящими и далѣе. Ближе всѣхъ былъ расположенъ гвардейскій егерскій баталіонъ Полковника Турчанинова. За нимъ былъ посланъ Адъютантъ Тучкова, Поручикъ Баронъ М. И. Паленъ. Слѣдуя съ баталіономъ по большой дорогѣ и, замѣтивъ, что огонь непріятеля близокъ уже къ главной квартирѣ, онъ, зная мѣстность, повернулъ въ право, къ пункту, на который Шведы вышли съ болота. Здѣсь оставленъ былъ арріергардъ, для прикрытія единственнаго ихъ пути. Егеря стремглавъ бросились на Шведовъ. Послѣдовавшій здѣсь ружейный огонь возвѣстилъ Шведамъ, что они отрѣзаны; тогда все бросилось назадъ. Въ темнотѣ, въ лѣсу, всѣ перемѣшались и спереди, и сзади, и съ боковъ, выстрѣлы, крики. [20]

Маіоръ Мальмъ, съ нѣсколькими Офицерами и множествомъ нижнихъ чиновъ, попались въ плѣнъ, и конечно, еслибы не ночь

[20] Баронъ Паленъ получилъ св. Георгія 4-го класса. Я произведенъ въ Подпоручики. Михайловскій-Данилевскій (Описан. Финляд. войны стран. 337), говоритъ, что Батюшковъ упоминаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ о семъ ночномъ нападеніи:

. . . «Помнишь ли, питомецъ славы,
«Иденсальми страшну ночь? и пр.

то не многіе могли бы спастись. Сандельсъ, не видя сигналовъ о разрушеніи моста, возвратился въ Віеремъ, а Боборыкинъ занялъ прежнее мѣсто. Ограничиваюсь этимъ краткимъ очеркомъ, сдѣланнымъ мною единственно только для того, чтобы показать участіе зятя Вигеля и въ этомъ Иденсальмскомъ сраженіи. Алексѣевъ не выѣзжалъ изъ Фридрихсдаля, но полкъ авангарда, по распоряженію, во время сдѣланному Барономъ Тейлемъ, вмѣстѣ съ гвардейскими егерями, были главными виновниками неуспѣха непріятеля. Вотъ здѣсь Шведы были прогнаны съ потерями, а не тамъ, гдѣ Вигель ихъ указываетъ. То, что на стран. 48 Ф. Ф. Вигель говоритъ о братѣ своемъ Павлѣ, бывшемъ коммиссіонерѣ, очень забавно; впрочемъ о немъ будетъ еще случай сказать нѣсколько словъ, а здѣсь замѣчу только, что П. Ф. былъ коммисаріатскимъ чиновникомъ въ частяхъ войскъ, дѣйствовавшихъ по берегу Ботническаго залива, а не при центральныхъ, дѣйствовавшихъ въ Купіо, и употребленная тутъ фраза: отъ «Купіо до Эрфурта довольно далеко,» можетъ правильнѣе быть замѣнена: «отъ Куопи до берега Ботники—довольно далеко.» Въ Эрфуртѣ Аракчеевъ занимался болѣзнью чиновника провіантскаго, не занимавшаго значительнаго мѣста! Смѣшно и жалко, какъ и все сказанное по этому случаю. [21]

VI.

Новый Командиръ Улеаборгскаго корпуса Графъ П. А. Шуваловъ. Въ какомъ отношеніи Генералъ Алексѣевъ былъ необходимъ въ арміи. Его пиры. Подвиги Московскихъ «архаровцевъ» въ Финляндіи. Полковникъ Ансельмъ.

Въ части III, на стран. 54-й «Воспоминаній Вигеля,» говорится о пріѣздѣ Генералъ-Адъютанта Графа Павла Андреевича Шувалова въ Улеаборгъ, для принятія начальства надъ сѣвернымъ корпусомъ, на мѣсто Г. Л. Тучкова 1-го, и о томъ, что для предстоящаго похода въ Вестроботнію, признавалась регуляр-

[21] Разсказанное въ предыдущихъ пяти главахъ уже было напечатано въ Русск. Архивѣ 1870 года, стран. 331.

ная конница не нужною, а потому было приказано отправить Митавской драгунскій полкъ назадъ для формированія. Къ этому Вигель присовокупляетъ (стран. 55): «Что же касается собственно до него (Алексѣева), то именемъ Государя предложилъ онъ (Графъ Шуваловъ) ему, какъ человѣку необходимому (!), участвовать въ предпринимаемомъ опасномъ дѣлѣ» и т. д.

Назвать зятя своего, Алексѣева, человѣкомъ необходимымъ въ предположенномъ опасномъ предпріятіи, это уже превышаетъ всякую мѣру наглости сочинителя. Не должно забывать, что въ составѣ корпуса Гр. Шувалова были извѣстные, какъ своею храбростью, такъ опытностью и распорядительностью Генералы: шефъ 26-го егерскаго полка Иванъ Матвѣевичъ Эриксонъ, шефъ Калужскаго полка К. Ѳ. Казачковскій, и наконецъ шефъ Азовскаго полка Готовцовъ, который если и уступалъ образованіемъ двумъ помянутымъ лицамъ точно также, какъ и Алексѣевъ, но равенъ былъ съ ними въ храбрости, и наконецъ шефы въ полковничьихъ чинахъ мушкетерскихъ полковъ: Ревельскаго А. А. Тучковъ 4-й, Пермскаго Мезенцовъ, Могилевскаго Князь Сибирскій и егерскихъ: 3-го Командиръ полка [22] И. В. Сабанѣевъ, 23-го Фроловъ, 24-го Властовъ; начальникомъ артиллеріи былъ извѣстный храбростію Полковникъ И. Д. Аргунъ. Сверхъ того, при корпусѣ былъ Генеральнаго Штаба Баронъ Тейль-фонъ-Сераскеркенъ и Полковникъ Берлиръ—все это были люди, въ послѣдствіи сдѣлавшіеся слишкомъ извѣстными, и въ описываемый Вигелемъ эпизодъ, конечно, каждый изъ нихъ былъ болѣе необходимъ, нежели Н. И. Алексѣевъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ охотникомъ «погулять, покутить,» какъ Вигель не разъ въ «Воспоминаніяхъ» своихъ приписываетъ страсть эту зятю своему. Я имѣлъ уже случай сказать, что Алексѣевъ былъ необыкновенно добръ, обязателенъ; онъ снабжалъ почти всю корпусную квартиру лошадями. Князь М. П. Долгоруковъ и Графъ П. А. Шуваловъ, пріѣхавшіе прямо изъ Петербурга на почтовыхъ, первый въ Сердоболь, второй въ Улеаборгъ, не могли тотчасъ на мѣстѣ пріобрѣсти покупкою лошадей (да такихъ на мѣстѣ и не могло быть). Алексѣевъ былъ шефомъ кавалерійскаго полка, который, имѣя по тогдашне-

---

[22] Шефомъ считался Барклай-де-Толли; но онъ въ это время начальствовалъ надъ корпусомъ, переходившимъ чрезъ Кваркенъ изъ Вазы въ Умео. Фроловъ и Властовъ были шефы.

му времени, хорошій запасъ лошадей, не продавалъ никому, но радушно предлагалъ не только помянутымъ лицамъ, но Адъютантамъ и другимъ пріѣхавшимъ съ ними, или назначавшимся въ штабъ, какъ къ Князю М. П. Долгорукову, такъ и къ Графу П. А. Шувалову. Онъ не ограничивался однѣми лошадьми, но Полковнику Берлиру онъ далъ въ помощь его лакею, Нѣмцу, своего крѣпостнаго человѣка; другаго, Василья, Барону Тейлю, у котораго человѣкъ умеръ, и т. п. Хлѣбосольство же его было неистощимо: дворецкій его, Данило, былъ извѣстенъ всему корпусу, и въ Финляндіи, и въ послѣдствіи у Графа Витгенштейна, и наконецъ у Графа Воронцова, въ 1815—1819 годахъ. Въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ онъ являлся съ закусками, которыхъ ни у кого не было. По смерти Алексѣева, онъ былъ отпущенъ на волю, и въ 1846 году былъ еще живъ, содержа гостинницу по Московскому шоссе, въ Завидовѣ. Въ этихъ отношеніяхъ, конечно, выраженіе «необходимымъ» могло быть приложено, но уже, конечно, не въ другомъ смыслѣ. Что Алексѣевъ былъ храбръ, то это истина, но и храбрость бываетъ различныхъ родовъ; иногда она вреднѣе, или, покрайней мѣрѣ, безполезнѣе «застѣнчивости.» Слово это было употреблено въ 1812 году однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ Генераловъ о нѣкоторомъ лицѣ. Отдавая полную справедливость въ умѣ, онъ присовокупилъ, что въ дѣлѣ онъ бываетъ застѣнчивъ, относя это къ одному случаю, гдѣ лицо это оставалось во время битвы долгое время за однимъ каменнымъ заборомъ, изъ-за котораго, по донесеніямъ, ему дѣлаемымъ, онъ отдавалъ приказанія. Въ свое время кто-то нарисовалъ ходившую по рукамъ каррикатуру, изображавшую это лицо въ помянутомъ положеніи, и адъютанта его, влѣзшаго на крышу и сообщавшаго ему, что происходило, и т. п. Вымыселъ ли это, или дѣйствительность? Но каррикатура существовала, я ее видѣлъ и другіе, а равно и оцѣнка «застѣнчивъ» была произнесена.

Алексѣевъ остался при корпусѣ самымъ обыкновеннымъ образомъ. Послѣ Иденсальмскаго сраженія, онъ продолжалъ начальствовать авангардомъ, и такъ мы подвигались къ Улеаборгу. По заключеніи перемирія, Шведы должны были очистить Финляндію; корпусу Тучкова назначено было занять Улеаборгъ во второй половинѣ Ноября, что онъ и исполнилъ, выдвинувъ авангардъ впередъ на границу Остроботніи (Новой Финляндіи) съ Вестроботніею, которую составляла рѣка Кеми. Въ началѣ штабъ авангарда назначенъ былъ въ киркѣ Симо, но вскорѣ Г. Л. Туч-

ковъ разрѣшилъ Алексѣеву перенести оный въ кирку Кеми (25 верстъ не доходя до Торнео), занимавшейся только Маіоромъ Боборыкинымъ. Алексѣевъ расположился въ пасторскомъ домѣ, довольно обширномъ. Пробстомъ былъ тогда извѣстный ботаникъ Кастрейнъ, человѣкъ чрезвычайно радушный. [23] Алексѣевъ задавалъ пиры, на которые не разъ пріѣзжали и съ Шведской стороны, въ особенности Маіоръ Фукоъ (Директоръ Гапаньемскаго Корпуса, въ послѣдствіи переведеннаго въ Фридрихсдаль), командиръ Саволакскихъ драгунъ и начальникъ кордонной линіи, старый нашъ знакомый съ Куопіи и пр. На одномъ изъ такихъ пировъ, на которомъ случился и адъютантъ Г. Л. Тучкова, кавалергардскаго полка Поручикъ Баронъ М. И. Паленъ, привозившій письмо къ Генералу Сандельсу, разгулялись по русски. Пѣсенники лейбъ-эскадрона Митавскаго полка, какъ извѣстно, составленнаго изъ Московскихъ полицейскихъ драгуновъ, называвшихся тогда «архаровцами,» качая гостей и другихъ, у многихъ повытаскали часы и все, что только было можно. Это открылось только потому, что и у Барона Палена было что то вытащено, а потому въ ту же ночь сдѣланъ былъ Боборыкинымъ обыскъ: вещь найдена, какъ равно и все украденное у гостей, а на другой день возвращено на постъ, съ какимъ-то благовиднымъ объясненіемъ.

Въ такомъ положеніи Графъ Шуваловъ засталъ Алексѣева, пріѣхавшаго вскорѣ изъ Кеми, явиться новому Корпусному Командиру, которому отдано на произволъ: оставить или нѣтъ Алексѣева, если полкъ будетъ отправленъ? Не было причины отправлять его, тѣмъ болѣе, что часть полка осталась при корпусѣ. Изъ сего видно, что и заключеніе Вигеля, будто бы Государь изъявилъ ему свое благоволеніе, рескриптомъ, за то, что онъ «согласился остаться (!)», есть ничто иное, какъ выдумка, и выдумка очень неловкая: приказали бы отправиться съ полкомъ, и Алексѣевъ пошелъ бы съ онымъ,—остаться, и онъ бы остался; а спрашивать согласія такого лица, этого и быть не могло.

«Тутъ (т. е. въ корпусѣ), продолжаетъ «Вигель, случился одинъ человѣкъ, котораго «безъ всякаго преувеличенія можно назвать «совершеннымъ негодяемъ, но которому одинъ разъ, именно въ

---

[23] О немъ то и о сестрѣ его, красавицѣ Матильдѣ, такъ много разсказываетъ Ачерби, путешествовавшій, въ 1804 году, на Сѣверный мысъ (Nord-Cap). Мы первые показали это сочиненіе г. Кастрейну и т. д.

это время, удалось пригодиться Русскому войску. Нѣкто (настоящаго имени до сихъ поръ еще никто не знаетъ), называвшій себя Ансельмъ де-Же». Здѣсь Филиппъ Филипповичъ сочиняетъ длинную сказку объ этомъ, по его мнѣнію, загадочномъ лицѣ. Ансельмъ де-Жибори въ это время былъ Полковникъ Гродненскаго гусарскаго полка, но совершенно не зная Русскаго языка, не состоялъ во фронтѣ. «Онъ (Ансельмъ), продолжаетъ Вигель, не показывалъ трусости при встрѣчахъ съ непріятелемъ, и это одно въ Русской арміи спасало его отъ совершеннаго пренебреженія, которое безъ того постигло бы сего безстыдника, лгуна и сквернослова. Товарищи смѣялись надъ нимъ, а начальники сдѣлали изъ него шута.» Ансельмъ былъ блестящей храбрости. Эпитеты— лгуна, сквернослова и т. п. къ нему не подходятъ. Дѣйствительно, его образованіе скорѣе можно было назвать казарменнымъ, нежели салоннымъ. Его рѣчь, заправленная неистощимымъ запасомъ анекдотовъ, никого не оскорбляла, даже и однимъ намекомъ. Въ тотъ разгульный «пуншевой» вѣкъ, онъ былъ воздержнѣе многихъ другихъ, былъ постоянно веселъ и любимъ товарищами, которые не смѣялись надъ нимъ, а смѣялись вмѣстѣ съ нимъ. Не знаю, какіе начальники сдѣлали изъ него шута, а знаю, что ни Графъ Шуваловъ, ни принявшій отъ него корпусъ Графъ Н. М. Каменскій, не предпринимали сего, а напротивъ употребляли его съ успѣхомъ. Послѣдній же, будучи назначенъ Главнокомандующимъ Дунайской арміею, испросилъ Ансельма въ оную и съ пользой употреблялъ веселую храбрость его. Въ Молдавіи Ансельмъ женился на сестрѣ Воейкова, одного изъ главныхъ лицъ интендантства, подпавшаго подъ судъ. Ансельмъ вышелъ въ отставку, и поселился въ Царскомъ Селѣ, гдѣ въ 1837 году мы встрѣтились. При глубокой старости его, воспоминанія были свѣжи. Скоро послѣ того онъ умеръ. Не знаю, что сдѣлалось съ его дѣтьми; знаю, что одна изъ дочерей была за чиновникомъ Полеводинымъ.

VII.

Клевета Вигеля на Графа П. А. Шувалова. Образъ жизни Графа въ Улеаборгѣ. Сравнительная численность нашего Улеаборгскаго корпуса и Шведскаго сѣвернаго. Торнео.

Ансельмъ «явился къ Шувалову, который до того о немъ не слыхивалъ (?), и съ первыхъ словъ ему чрезвычайно полюбился.» Но этимъ Ф. Ф. Вигель не довольствуется; онъ ищетъ пояснить причину, и вслѣдъ за симъ изливаетъ свою желчь: Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, сынъ Графа Андрея Петровича, пріятеля Вольтера и Лагарпа, писателя Французскихъ стиховъ, автора Посланія къ Нинонѣ, былъ воспитанъ совершенно на Французскій манеръ, какъ всѣ баричи того времени. Онъ былъ (т. е. Графъ Павелъ Андреевичъ) человѣкъ добродушный, благородный и храбрый, одинъ изъ любимцевъ Императора и долженъ бы былъ быстрѣе шагать на военномъ поприщѣ, если бы съ молоду не имѣлъ несчастной, совсѣмъ не аристократической, привычки придерживаться хмѣльнаго.

Неужели для того, что Ансельмъ съ перваго раза понравился Графу Шувалову, нужно было взвести на него такую гнусную, дерзкую клевету, на лицо, которымъ и тогда мы могли гордиться;

По прибытіи Графа въ Улеаборгъ, онъ остановился въ домѣ бургомистра Лильендаля, гдѣ помѣщался и предмѣстникъ его, Г. Л. Тучковъ. На другой день Баронъ Тейль приказалъ мнѣ перемѣститься къ Графу, чтобы быть всегда подъ рукою. Тогда не было еще штабовъ, и главный начальникъ большею частію у себя въ кабинетѣ заставлялъ работать, если работа эта заключала въ себѣ болѣе или менѣе тайну, относительно диспозиціи. [24] Баронъ Тейль съ ранняго утра приходилъ къ Графу и работалъ у него съ Надворнымъ Совѣтникомъ Яковомъ Николаевичемъ Ренишаловымъ, пріѣхавшимъ съ Графомъ въ качествѣ Секретаря. [25] Это былъ человѣкъ въ высшей степени превосходный. Затѣмъ я долженъ былъ переписывать, или очень часто писать подъ диктовку самаго

[24] Такъ это было и у Барклая-де-Толли, когда онъ былъ начальникомъ 6-й дивизіи, потомъ у Князя Долгорукова, опять у Тучкова 1-го, а наконецъ у Графа Шувалова, въ послѣдствіи у Графа Н. М. Каменскаго.

[25] Говорили, будто бы онъ какой-то побочный родственникъ Графа.

Графа. Такъ я пробылъ все время командованія его корпусомъ до послѣднихъ чиселъ Іюля близкимъ лицомъ въ домѣ Графа, и могу засвидѣтельствовать, что подобнаго, о чемъ говоритъ Вигель, не было, да не могло и быть. Обѣдъ подавали въ два часа, онъ былъ роскошнѣе, нежели у его предмѣстниковъ, и кто имѣлъ расположеніе напиться, тому представлялась полная возможность. Графъ былъ до утонченности внимателенъ, разговоръ большею частію по Французски, потому болѣе, какъ думаю, что Баронъ Тейль худо понималъ Русскій языкъ, а это очень не нравилось Алексѣеву. Къ обѣду собиралось весьма много. Если не было дѣлъ, Графъ садился играть въ бостонъ. Чаще другихъ бывали А. А. Тучковъ 4-й и Берлиръ, возвратившійся послѣ отвезенія тѣла Князя Долгорукова. Въ шесть часовъ пили чай; Графъ до рому не дотрогивался. Въ десять часовъ ужинали. Вигель могъ почерпнуть имъ сказанное только изъ привычки злословить всѣхъ.

Но послѣдуемъ за дальнѣйшимъ разсказомъ его: «Не ожидая съ другихъ сторонъ нападенія, почитая его невозможнымъ, Шведы сосредоточили всѣ остатки силъ своихъ въ Торнео на единственномъ пунктѣ, который Шувалову надлежало атаковать. Числомъ они были гораздо сильнѣе, чѣмъ десятитысячный Русскій корпусъ.

Это сравнительное опредѣленіе обѣихъ силъ совершенно не вѣрно. Грипенбергъ, начальствовавшій тогда Сѣвернымъ корпусомъ, имѣлъ около семи тысячъ, расположенныхъ на протяженіи отъ Торнео до Питео. По случаю зимняго времени и недостатка продовольствія, многія части были размѣщены въ сторону отъ дороги, особенно лошади и знатная часть больныхъ. На лицо же въ массѣ, въ Торнео, Грипенбергъ имѣлъ не болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. У Графа же Шувалова, во время наступленія на Торнео было около четырехъ тысячъ пятисотъ человѣкъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ, Лощилина и Исаева полковъ, и нѣсколько Митавскихъ драгунъ, два батарейныхъ орудія, роты Полковника З. Д. Аргуна шесть легкихъ, роты Маіора А. Г. Пребетинга и піонерная рота Ключарева. Остальныя войска стягивались съ юга и постепенно соединялись къ корпусу, уже въ Торнео, въ продолженіе Марта и первыхъ чиселъ Апрѣля. Видимо, что Вигель писалъ зря, не имѣя никакихъ положительныхъ данныхъ, не взглянувъ ни въ одну книгу.

VIII.

Переговоры о капитуляціи. Шведы кладутъ оружіе.

«Дѣло едва только началось (продолжаетъ Вигель), послѣ не большой перестрѣлки, отъ которой съ обѣихъ сторонъ убито и ранено человѣкъ десятка полтора, всѣ изумились, когда увидѣли, что Шведы, прекративъ пальбу, прислали сказать, что они сдаются въ плѣнъ со всѣмъ оружіемъ и военными снарядами. На всякій случай легкій отрядъ былъ посланъ къ нимъ въ тылъ, а между тѣмъ Ансельмъ де Ж., съ согласія Шувалова, явился въ ихъ станъ болѣе въ видѣ переметчика, чѣмъ парламентера. Изобразивъ имъ всю ненависть свою противъ Русскихъ варваровъ, среди коихъ завелъ его несчастный случай, всю братскую нѣжность, которая соединяетъ южныхъ Французовъ съ сѣверными, какъ Шведы любятъ чтобъ ихъ называли, онъ учетверилъ въ глазахъ ихъ число нашихъ солдатъ, увѣрилъ ихъ, что они отрѣзаны, что они въ западнѣ, и, не видя для нихъ другаго спасенія, дружески совѣтывалъ имъ положить оружіе. Они его послушались, и когда уже поздно увидѣли свою ошибку, многіе изъ нихъ приходили въ такое бѣшенство, что ломали шпаги и ружья, которыя должны были класть передъ побѣдителями. И говорить нечего! Вся слава этого дѣла принадлежитъ обманщику Французу. За это произвели его въ Генералъ-Маіоры».

Во всемъ этомъ вѣрно только то, что Ансельмъ де-Жибари былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры, остальное не больше какъ наборъ словъ.

Не буду описывать всего, относящагося къ этому эпизоду, замѣчу только вкратцѣ необходимое для уразумѣнія событія въ настоящемъ его видѣ. Въ Кеми была сдѣлана диспозиція, по которой войска были распредѣлены въ главныхъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: авангардъ (которымъ до того времени командовалъ Алексѣевъ), подъ начальствомъ Г. М. Эриксона, долженъ былъ идти дорогою на Торнео, гдѣ, какъ извѣстно было, Шведы приготовились къ защитѣ, устроивъ изъ ледяныхъ кабановъ укрѣпленія. За Эриксономъ слѣдовала колонна, подъ начальствомъ шефа Ревельскаго полка, Тучкова 4-го, при ней долженъ былъ находиться и корпусный командиръ. За этой колонною резервъ. Два баталіона, съ двумя легкими орудіями, подъ начальствомъ Г.

М. Алексѣева, должны были спуститься съ берега въ заливъ, направиться по льду на единственную дорогу, идущую по самому берегу изъ Торнео въ Каликсъ и далѣе. Отряду этому приказано было избрать пунктъ сзади отъ Торнео не болѣе, какъ на три версты, чтобы, на случай битвы при семъ городѣ, быть въ связи съ Эриксономъ и съ Тучковымъ. Лѣвѣе Алексѣева направленъ былъ облегченный баталіонъ и снабженный, на случай, лыжами и лаптями, [26] съ большею частію казаковъ. Отрядъ этотъ порученъ былъ Полковнику Ансельму, и пунктъ его направленія назначенъ верстъ на шесть лѣвѣе Алексѣева, на тотъ случай, если Шведы потянутся изъ Торнео, то завязать съ ними перестрѣлку и стараться овладѣть какимъ-либо пунктомъ на берегу, и тогда дать знать о положеніи дѣла Алексѣеву, какъ ближайшему къ нему, а также и корпусному командиру, который въ это время будетъ уже не въ дальнемъ разстояніи отъ Торнео. Я умалчиваю о подробностяхъ диспозиціи, замѣчу только, что она сдѣлана въ твердомъ упованіи, что Шведы не оставятъ Торнео, не попытавъ обороны. Всѣ полученныя свѣдѣнія утверждали это, но все измѣнилось, и вотъ какъ, вопреки фантазіи Вигеля, совершилось воспѣтое имъ событіе.

Версты за четыре отъ рѣки Кеми (тогда границы Новой Финляндіи), прискакалъ отъ Генерала Эриксона Поручикъ Скобе-

[26] Еще во время командованія корпусомъ Г. Л. Тучковымъ, во всѣ полки были розданы лыжи и лапти, въ томъ предположеніи, что снѣгъ могъ быть на заливѣ рыхлъ, и тогда лыжи для стрѣлковъ (выбранныхъ изъ мѣстъ, гдѣ лыжи въ употребленіи), на примѣръ, были бы очень полезны. Но оказалось, что отъ солнечныхъ лучей на глубокомъ снѣгѣ, покрывавшемъ заливъ на сажень и болѣе, образовалась кора отъ четверти до полуаршина толщиною такъ, что не только люди, но полозья, на которыя были поставлены орудія едва оставляли за собой слѣдъ. Равнина была величественная, не такъ какъ на Кваркенѣ, гдѣ, по причинѣ теченія, льдины, при замерзаніи этого пространства, болѣе узкаго, нежели заливъ на сѣверъ и югъ, образовали неровности, съ которыми съ большимъ трудомъ боролись. Лапти были розданы по распоряженію Графа Аракчеева. Стрѣлки имѣли ихъ на тесакахъ, и въ случаѣ дѣйствія по оврагамъ, тотчасъ же ихъ надѣвали и уже могли свободно проходить, не скользя. Но ни къ тому, ни къ другому способу не прибѣгали: къ лыжамъ потому, что снѣгъ на заливѣ не оказался рыхлымъ, а лапти не употреблялись потому, что Шведы положили оружіе. Что если бы была таже предусмотрительность военнаго вѣдомства и на зимнее время подъ Севастополемъ?...

левъ, [27] съ словеснымъ донесеніемъ, что Шведъ Ленцманъ ожидаетъ его въ деревнѣ Раумо (лежащей на половинѣ дороги отъ Кеми до Торнео), чтобы «сообщить что то важное.» Графъ (при 23° морозѣ по Реомюру) приказалъ подать Шведскія сани (въ одну лошадь всегда за нимъ слѣдовавшія) и поспѣшилъ въ Раумо. Скобелевъ, по словоохотности своей, скакавши вмѣстѣ съ нами за Графомъ, многимъ изъ насъ разсказалъ въ чемъ дѣло, но на вопросъ Графа, отвѣчалъ невѣдѣніемъ. На поворотѣ въ село Раумо, стоялъ съ двумя другими Ленцманъ, Шведъ, весьма благообразный. Онъ привѣтствовалъ Графа и прицѣпясь къ санямъ, добѣжалъ саженей двадцать до перваго двора. Я не буду описывать довольно длиннаго здѣсь эпизода, не лишеннаго занимательности, а скажу только, что Ленцманъ съ нѣкоторою таинственностію объявилъ, что вчера поздно вечеромъ получено было извѣстіе въ Торнео, что Густавъ IV-й былъ арестованъ своими Генералами, въ слѣдствіе чего Торнео сего дня утромъ очищается, и т. д. Получивъ извѣстіе это вмѣстѣ съ нѣкоторыми подробностями о положеніи войскъ, находящихся противъ насъ, Графъ тотчасъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: Эриксону спѣшить занять Торнео, что и было исполнено безъ всякаго дѣла, созданнаго воображеніемъ Вигеля: Алексѣеву принять лѣвѣе версты на двѣ, такъ, чтобы не быть далѣе пяти верстъ отъ Торнео и занять позицію, а имѣвшихся при немъ казаковъ отправить къ Ансельму. Этому послѣднему принять еще лѣвѣе, стараться схватить плѣнныхъ и, вызвавъ парламентера, просить свиданія съ Грипенбергомъ, передать ему писмо и предложить ему сдаться на капитуляцію, ему посылаемую, въ десяти пунктахъ (оставшихся неизмѣнными), писанные подъ диктовку самого Графа Барономъ Тейлемъ на бѣло, которые и отправлены.

Съ двумя послѣдними повелѣніями былъ посланъ къ Алексѣеву адъютантъ Графа Баронъ Стакельбергъ, [28] къ Ансельму

---

[27] И. Н. Скобелевъ былъ тогда Поручикомъ и квартермистромъ 26-го егерскаго полка. Г. Эриксонъ любилъ его за храбрость и преданность къ нему. И. Н. Скобелевъ завѣдывалъ и его хозяйствомъ. Впослѣдствіи былъ Комендантомъ С.-Петербургской крѣпости.

[28] Графъ П. А. Шуваловъ не привезъ съ собою адъютантовъ, съ нимъ прибыли только, какъ замѣчено выше, Надворный Совѣтникъ Я. Н. Ренишаль и возвратился Полковникъ Берлиръ. Адъютантовъ же онъ взялъ изъ корпуса:

Графъ хотѣлъ послать другаго своего адъютанта Кучинскаго, но Баронъ Тейль замѣтилъ ему, что Кучинскій не знаетъ Французскаго языка, и выборъ палъ на меня. Мнѣ приказано было оставаться у Ансельма до положительнаго извѣстія, съ которымъ поспѣшить въ Торнео. Я настигъ Ансельма верстахъ въ двухъ отъ берега, по которому тянулись Шведы къ Каликсу. Я разсказалъ ему прежде на словахъ въ чемъ дѣло, а потомъ онъ заставилъ меня прочитать пункты предложенія и записку Барона Тейля, заявляющаго ему приказаніе Графа, съ приложеніемъ письма къ Генералу Грипенбергу. Приказавъ пѣхотѣ ускорить шагъ, съ казаками пошелъ онъ на рысяхъ къ берегу, не доѣзжая котораго, мы были встрѣчены выстрѣлами. Обмѣнявшись оными, Ансельмъ взялъ трубача и четырехъ казаковъ, и мы поскакали къ самому берегу. Перестрѣлка прекратилась, и на трубу выѣхалъ къ намъ Офицеръ. Ансельмъ объявилъ, что онъ имѣетъ письмо отъ Графа для личной передачи Грипенбергу, но Офицеръ сказалъ, что онъ безъ разрѣшенія Генерала, командующаго здѣсь отрядомъ, сдѣлать того не можетъ. Ансельмъ возразилъ, что письмо это такого значенія, что не совѣтуетъ ему брать на свою отвѣтственность за отказъ. Офицеръ колебался, и наконецъ предложилъ, въ ожиданіи отвѣта, въѣхать въ стоявшій близъ берега дворъ. Между тѣмъ, Шведы продолжали удаляться къ Каликсу. Ансельмъ послалъ чрезъ урядника повелѣніе отряду продолжать подаваться лѣвѣе, держась на одной высотѣ съ головою отступающей колонны, а если можно, то и дебордировать оную, не подходя ближе трехъ сотъ саженъ къ берегу. Скоро прибылъ Аминовъ, и намъ дали сани, [29] которыя черезъ часъ довезли насъ до Грипенберга. Опуская и здѣсь подробности, замѣчу только, что Грипенбергъ, Пальмфельдъ и въ особенности Аминовъ, улыбнувшись разсказанному имъ о переходѣ Барклая въ Умео (мы знали только, что Барклай направленъ чрезъ Кваркенъ, но не знали еще объ успѣхѣ этого предпріятія), рѣшительно отказались принять условія. Ансельмъ отправился къ отряду, а я поскакалъ заливомъ въ Торнео, до котораго было не болѣе двѣнадцати верстъ. Графъ тотчасъ прика-

---

Сѣвскаго полка Щ. К. Барона Стакельберга и изъ піонерной роты Ключарева, Поручика Кучинскаго.

[29] Почтовая гоньба продолжалась какъ въ мирное время. Жители Вестроботніи не оставляли жилищъ своихъ подобно тому, какъ Финны Остроботніи, и мы свободно разъѣзжали на почтовыхъ.

залъ Алексѣеву итти заливомъ на подкрѣпленіе Ансельма, а Эриксону берегомъ. Въ шесть часовъ утра прискакалъ Казачій Офицеръ отъ Ансельма съ извѣстіемъ, что Грипенбергъ желаетъ видѣться съ Графомъ. Ансельмъ былъ не мастеръ ни писать, ни объясняться, а по тому Графъ послалъ Барона Тейля, съ которымъ опять отправился и я. Шведы заявили желаніе вступить въ переговоры, за нѣсколько часовъ положительно ими отвергнутые. А произошло это по тому, что они въ промежутокъ этого времени получили извѣстіе о занятіи Барклаемъ Умео. Тейль велъ всѣ переговоры (что Вигель могъ бы прочитать на 199 страницѣ книги Графа П. П. Сухтелена), [30] и когда они кончились, Грипенбергъ подписалъ конвенцію и отдалъ ее Ансельму, какъ первому заявившему онную. Тейль тотчасъ, на почтовыхъ же, возвратился въ Торнео, куда съ нами былъ посланъ Адъютантъ Грипенберга для ратификаціи. На другой день первый эшелонъ Шведовъ пришелъ въ Торнео и сложилъ оружіе, въ тотъ же день пріѣхали и Генералы. На слѣдующій день пришелъ еще эшелонъ, и въ это самое время, посланный изъ Умео Барклаемъ, Генеральнаго Штаба Капитанъ П. И. Брозинъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что Барклай оставляетъ Умео и возвращается въ Вазу, въ слѣдствіе перемирія, заключеннаго съ Кноррингомъ. [31] Это неловкое посольство имѣло послѣдствіемъ то, что тѣ Шведы, которые принадлежали къ войскамъ Грипенберга и находились ниже Каликса, предпочли остаться свободными, не подчиняясь конвенціи, а отъ того и произошло, что, вмѣсто значившихся въ спискѣ, поданномъ Графу Шувалову Генераломъ Грипенбергомъ, въ его завѣдываніи семи съ чѣмъ-то тысячъ, едва четыре тысячи поступили къ намъ.

Вотъ вкратцѣ эпизодъ такъ, какъ онъ происходилъ въ дѣйствительности. [32] Вымыселъ Ф. Ф. Вигеля можетъ быть объя-

---

[30] Précis des évènements militaires des campagnes de 1808 et 1809, en Finlande etc. par G. C. P. de S.*** S Pétersbourg. 1827.

[31] Въ этомъ второмъ и въ прибывшихъ на слѣдующій день другихъ двухъ эшелонахъ дѣйствительно нѣкоторые изъ Офицеровъ сломали свои шпаги, которыя, впрочемъ, имъ были оставляемы. Съ извѣстіемъ о перемиріи отъ Кнорринга на другой день пріѣхалъ, съ конфиденціальнымъ письмомъ отъ Графа П. К. Сухтелена, Адъютантъ его, Инженеръ-Капитанъ Дрентельнъ, чтобы Графъ, какъ на самомъ отдаленномъ пунктѣ, не вполнѣ стѣснялся перемиріемъ, что сообщилъ ему Графъ Сухтеленъ, но дѣйствовалъ бы по обстоятельствамъ, его окружавшимъ и пр.

[32] Онъ подробно, своевременно у меня записанъ, и если бы кто пожелалъ ви-

сняемъ только желчнымъ свойствомъ, его раздражительностію, всегда и всѣми недовольнаго, не только за себя, но и за своихъ близкихъ родственниковъ; такъ и тутъ нападки его на Ансельма, котораго, вѣроятно, онъ никогда и не встрѣчалъ, конечно, внушены разсказами Алексѣева, полагавшаго, что не Ансельму, а ему, должно было быть поручено сношеніе съ Шведскимъ Генераломъ. Но въ этомъ случаѣ, конечно, Ансельмъ имѣлъ уже то преимущество, что могъ, по крайней мѣрѣ, объясняться съ Шведскими Генералами на языкѣ, имъ доступномъ, чего Алексѣевъ не могъ. Если же Ансельмъ былъ за это произведенъ въ Генералъ-Маіоры, то это принадлежитъ къ тѣмъ случаямъ, которые послѣдствіями своми требуютъ повышенія, хотя бы получившій оное и не былъ тутъ главнымъ дѣятелемъ.[33] Безсознательная злоба Вигеля на Ансельма разразится еще болѣе странными выдумками, и все за Алексѣева.

IX.

Опроверженіе разсказа Вигеля о движеніи Улеаборскаго корпуса въ Вестроботніи.

Сравнивая, и по моему мнѣнію очень неудачно, Аракчеева съ Тугутомъ, сопровождая повѣствованіе свое обычной ему приправой, Вигель, на стран. 64-й, двигаетъ Графа Шувалова по «Вестботніи» (т. е., по Вестроботніи), къ Шелефте: «Надоѣлъ онъ (отступившій отрядъ Шведовъ) ему; чтобъ принудить его сражаться, захотѣлъ Шуваловъ потѣшиться славнымъ дѣломъ. Дошедши до мѣстечка Шелефте, нашелъ онъ заливъ,[34] углубившійся внутрь земли, который преграждалъ ему до-

дѣть эти записки, то онъ тотчасъ бы убѣдился въ томъ и по бумагѣ, для сего употребленной, по почерку, отцвѣтшимъ чернилам и тому подобному.

[33] За это дѣло и Баронъ Тейль былъ произведенъ въ Полковники, а равно и я, бывши не болѣе трехъ мѣсяцевъ Подпоручикомъ, въ Поручики.

[34] И въ этомъ путаница. Распоряженіе сдѣлано въ Сторкогѣ, десять верстъ не доходя до Шелефте; залива нельзя было найти, по тому что тамъ его нѣтъ. Для болѣе ясной улики сочинителя «Воспоминаній», смотрите планъ дѣла при Шелефте у А. И. Михайловскаго-Данилевскаго: «Описаніе Финляндской войны 1808—1809 г.»

рогу. Этотъ заливъ имѣлъ около двадцати верстъ ширины и весь покрытъ былъ еще льдомъ, хотя это было 3-го Мая, т. е., 15-го числа новаго стиля.»

Во первыхъ: никакого отступавшаго отряда Шведовъ не было. Послѣ Каликской капитуляціи, или конвенціи, нашъ авангардъ, подъ начальствомъ Г. М. Эриксона, тотчасъ былъ выдвинутъ въ г. Лулео-ни-стадъ, а вскорѣ въ г. Питео-ни-стадъ, откуда посылались разъѣзды. Шведы собирались въ Шелефте, гдѣ возвели нѣсколько плохихъ укрѣпленій на правомъ берегѣ р. Шелефте-Эльвъ, и когда мы подошли, сосредоточено было только еще около осьмисотъ человѣкъ, подъ начальствомъ Подполковника Фурумарка. Они не предвидѣли быстраго движенія Шувалова.

Во вторыхъ: дорога не преграждалась проливомъ, да еще и въ двадцать верстъ шириною. Дорогу пересѣкала рѣка Шелефте-Эльвъ, чрезъ которую былъ деревянный мостъ, длиною въ семдесятъ саженъ. Рѣка впадала въ заливъ три версты ниже, и заливъ, постепенно расширяясь чрезъ двѣнадцать верстъ, при устьѣ имѣетъ ширины не двадцать верстъ, а едва четыре, и еще перемеженъ двумя островками. Переходъ же по льду, для обхода устья залива, простирался на двадцать пять верстъ, а сдѣлано было болѣе по тому, что, подойдя къ берегу въ назначенное для того мѣсто, нашли, что ледъ тутъ отсталъ, и должно было спуститься къ югу верстъ на шесть. О чемъ вслѣдъ за симъ окажется.

«Онъ (Г. Шуваловъ) сталъ кличъ кликать, предложилъ Генераламъ кому изъ нихъ угодно будетъ, пока онъ пойдетъ кругомъ залива (!) вслѣдъ за Шведскимъ отрядомъ переправиться черезъ него (черезъ Шведскій отрядъ?), по рыхлому льду, чтобы Шведамъ перерѣзать дорогу; всѣ отказалися, безъ крайней надобности не желая итти на вѣрную погибель, одинъ изъ нихъ вызвался, это былъ Алексѣевъ. За смѣльчакомъ пошли Русскіе солдаты по гибкому, ломкому (а уже не рыхлому) льду.» Далѣе говоритъ объ удивленіи Шведовъ и т. п.

Какой сумбуръ, начиная съ выраженій, заимствованныхъ какъ бы изъ походовъ Олега или Святослава: «надоѣлъ Шувалову отступающій отрядъ Шведовъ, захотѣлъ Шуваловъ потѣшиться славнымъ дѣломъ. Шуваловъ сталъ кличъ кликать» и т. п. И вотъ что еще мимоходомъ: вмѣсто прежде названнаго льда, безъ опредѣленія его свойства, или качества, здѣсь на четырехъ

съ половиною строкахъ названъ ледъ рыхлымъ, гибкимъ, ломкимъ. Всѣ эти три качества вмѣстѣ быть не могли, кромѣ какъ въ умѣ достопочтеннаго сочинителя «Воспоминаній.»

Теперь нѣсколько словъ объ остальномъ: Графъ не шелъ кругомъ залива вслѣдъ за Шведскимъ отрядомъ, а шелъ прямой дорогой на Шелефте, гдѣ уже давно находились Шведы, обходилъ же залнвъ Алексѣевъ. Наконецъ все, что сказано вслѣдъ за симъ, вымышлено и оскорбительно для другихъ Генераловъ. Графъ Шуваловъ не кликалъ кличъ, а вотъ какъ все происходило.

Генералъ Эриксонъ, съ командуемымъ имъ авангардомъ, въ ночь на 2-ое Мая, занялъ село Сторкоге, находящееся въ десяти верстахъ, не доходя до Шелефте. Собравъ нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи льда на заливѣ, о чемъ уже думали за нѣсколько дней прежде, онъ тотчасъ далъ знать Графу, бывшему на ночлегѣ въ осьми верстахъ сзади его. Посланному былъ данъ отвѣтъ, чтобы авангардъ не двигался впередъ, а ожидалъ бы Графа, который тотчасъ со всѣмъ штабомъ на рысяхъ и прибылъ въ Сторкоге. Здѣсь Графъ самъ расспросилъ нѣкоторыхъ жителей, представленныхъ Эриксономъ, о возможности пробраться еще по льду на правый берегъ залива, нѣсколько ниже Шелефте, къ селу Итервикъ. Графъ предпринималъ это дѣйствительно опасное движеніе: во первыхъ по тому, что атаковать Шведовъ съ фронта было очень трудно, они были прикрыты рѣкой, хотя и не очень широкою, но сплошь покрытою порогами: слѣдовательно, одинъ путь представлялся только черезъ мостъ, который при первомъ появленіи могъ быть испорченъ и, сверхъ того, онъ былъ защищаемъ пятнадцатью мелкими орудіями, снятыми съ флотиліи и стоявшими за брустверомъ; и во вторыхъ, имѣлось въ виду, что если мы и успѣемъ форсировать этотъ пунктъ, то весь отрядъ Шведовъ имѣлъ обезпеченное отступленіе и миновалъ бы нашихъ рукъ. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, Графъ рѣшался на обходъ и чтобы еще болѣе удостовѣриться въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ ему туземцами, поѣхалъ къ берегу, къ тому пункту, съ котораго имѣли спуститься на ледъ. Пунктъ этотъ отстоялъ отъ Сторкоге около двухъ верстъ. Подъѣхавъ къ мѣсту, казалось, что Графъ не вдругъ еще рѣшался на этотъ путь, ибо вода, саженъ на шестьдесятъ и даже болѣе, разливалась отъ берега по заливу, за нею простирался ледъ сине-молочнаго цвѣта. Проводники утверждали, что это вода на льду, скопившаяся съ береговъ. Графъ

слѣзъ съ лошади, проводники съ шестами пошли впередъ, за ними нѣсколько казаковъ верхомъ и многіе изъ насъ послѣдовали за ними. Вода мѣстами доходила до подпругъ, въ особенности у берега. Наконецъ вышли на ледъ, и такъ возвратились. Здѣсь Графъ рѣшилъ это движеніе.

X.

Диспозиція Гр. Шувалова. Возраженіе на нее Алексѣева. Обходное движеніе по льду Ботническаго залива. Дѣло при Шелефтѣ. Капитуляція.

Пріѣхавши на квартиру, тотчасъ былъ поданъ обѣдъ, на который, по обыкновенію, собрались почти всѣ начальники полковъ. По окончаніи обѣда Графъ и Баронъ Тейль вышли въ другую комнату, и чрезъ нѣсколько времени вышелъ Графъ, и просилъ бывшихъ тутъ не штабныхъ или подождать, или чрезъ часъ возвратиться для полученія диспозиціи; за тѣмъ, обратясь къ Полковнику Аргуну, приказалъ ему тотчасъ заняться исполненіемъ уже приказаннаго, на счетъ разобранія двухъ орудій, долженствующихъ слѣдовать по заливу. [25] За Аргуномъ вышли всѣ непринадлежащіе къ штабу, за исключеніемъ Александра Алексѣевича Тучкова, который послѣдовалъ за Графомъ вмѣстѣ съ Берлиромъ. Вскорѣ изъ кабинета вышелъ Я. Я. Ренишаловъ, и приказалъ мнѣ, Поручику Маркевичу и Кучинскому принести бумаги и все, что къ сему нужно. Мы сѣли, и Ренишаловъ продиктовалъ намъ краткую диспозицію, которую написали въ пяти экземплярахъ. Главное заключалось въ слѣдующемъ: колонна Г. М. Алексѣева, состоящая изъ такихъ и такихъ-то полковъ, выступаетъ между полуночью и часомъ по льду, по направленію къ с. Итервику. Далѣе слѣдуетъ частная инструкція. Вести эту колонну назначенъ Генеральнаго Штаба Поручикъ Ф. П. Маркевичъ, (Офицеръ отличный и опытный); Г. М. Казачковскій начальствуетъ

---

[25] Я не буду говорить о семъ, какъ и о многомъ другомъ, относящемся до этого предпріятія, а буду придерживаться только того, о чемъ повѣствуетъ баснописецъ Вигель.

надъ главной колонной, направленной по большой, или, лучше сказать, по единственной дорогѣ, вслѣдъ за авангардомъ, подъ начальствомъ Г. М. Эриксона, который идетъ передъ колонной Казачковскаго. Казачковскій и Эриксонъ выступаютъ въ одно время, въ девять часовъ по полуночи. Три подписанные Графомъ экземпляра тотчасъ были переданы Барономъ Тейлемъ, въ присутствіи Графа, Эриксону, Казачковскому и Алексѣеву. Эриксонъ, начиная отъ Торнео, начальствовалъ авангардомъ; онъ оставленъ тѣмъ же и въ движеніи отъ Сторкоге до Шелефте. Казачковскій постоянно командовалъ остальной пѣхотой, изъ которой и составился экстренный отрядъ для Алексѣева, куда вошли полки: Сабанѣева, Князя Сибирскаго и Тучкова 4-го, лицъ, на коихъ во всѣхъ отношеніяхъ можно было положиться. И такъ, изъ сего видно, что Графъ кличъ не кликалъ, не предлагалъ другимъ Генераламъ этого опаснаго предпріятія, а по тому имъ не отъ чего было и отказываться, а зятю Вигеля вызываться на оное, и т. д. [36] Между тѣмъ Ф. Ф. умалчиваетъ о довольно характеристическомъ возраженіи, сдѣланномъ Алексѣевымъ тотчасъ по прочтеніи диспозиціи, что слышали всѣ и что вошло уже и въ исторію. [37] Онъ замѣтилъ, что «завтра, 3-го Мая, это понедѣльникъ, а у насъ, у Русскихъ, простонародіе называетъ этотъ день чернымъ.» Всѣ какъ бы по командѣ взглянули на Алексѣева. Графъ въ это время разговаривалъ съ А. А. Тучковымъ и Барономъ Тейлемъ. Услышавъ это, онъ сдѣлалъ шага три по направленію къ Алексѣеву, и вотъ точныя его слова: «Вы правы, Ваше Превосходительство, и взявъ изъ рукъ его диспозицію, спросилъ насъ: кто писалъ этотъ экземпляръ? Оказалось, что писалъ его Куцинскій. Отдавая ему диспозицію, Графъ приказалъ, чтобы онъ поправилъ и написалъ: «Колонна Г. М. Алексѣева выступаетъ 2-го Мая въ 11 часовъ до полуночи на 3-е число. И когда это было сдѣлано, онъ передалъ диспозицію обратно Алексѣеву. Въ 11 часовъ вечера, Графъ

---

[36] Все это и не слѣдовало бы пояснять, но какъ сочинитель вымышленныхъ имъ «Воспоминаній» вводитъ ерунду на свои страницы, а нашлись уже такіе, которые какъ бы признаютъ его повѣствованія о войнахъ Императора Александра 1-го «драгоцѣнными», то, пожалуй, впослѣдствіи разъ сказанная имъ чепуха и можетъ послужить матеріаломъ для исторіи.

[37] Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Финляндской войны 1808 и 1809 гг. СПБ. 1841, стран. 442. «Галлерея сподвижниковъ Императора Александра 1-го.»

подъѣхалъ къ собравшейся колоннѣ Алексѣева; она тронулась къ спуску. Барону Стакельбергу и мнѣ велѣно было остаться и дать знать Графу, когда голова колонны пройдетъ воду и вступитъ на ледъ, а мнѣ, когда всѣ переберутся. Скоро пріѣхалъ Берлиръ, чтобы посмотрѣть, какъ разложенныя орудія начнутъ двигаться. За четверть часа до полуночи всѣ были уже на льду. Когда доложили о семъ Графу, онъ, обратясь къ Барону Тейлю, съ улыбкой, сказалъ: «Теперь, кажется, опасность миновала: движеніе предпринято до чернаго дня.»

Въ назначенный часъ двинулся и Эриксонъ, а за нимъ и Казачковскій. Отъ Сторкоге до Шелефте всего 10 верстъ, дорога пролегаетъ лѣсомъ, оканчивающимся саженяхъ въ пятидесяти отъ пасторскаго дома, стоявшаго въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ моста. Эриксонъ шелъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди Есаулъ Орѣховъ съ казаками, тотчасъ за ними, какъ говорится, на хвостѣ баталіонъ 26-го егерскаго полка Подполковника Карпенки, а за нимъ невдалекѣ остальныя войска Эриксона, съ двумя легкими орудіями. Графъ находился здѣсь. По необъяснимой оплошности Шведовъ, войска наши не были замѣчены. Когда Орѣховъ прошелъ лѣсъ и подошелъ къ опушкѣ, онъ тогда только былъ замѣченъ. Около пасторскаго дома сдѣлалась суматоха. Храбрый Орѣховъ, увидѣвъ, что нѣсколько Офицеровъ выскочили изъ дома и бѣжали къ мосту, стремглавъ бросился съ казаками на мостъ, за нимъ бѣгомъ Карпенко. Шведы, не успѣвъ побросать доски съ моста, открыли огонь, но казаки, а вслѣдъ за ними и егеря, перебѣжали мостъ и тотчасъ овладѣли стоящими тутъ орудіями.[38] Шведы начали отступать, тѣснимые Эриксономъ, съ которымъ все время находился Графъ Шуваловъ. Скоро услышано было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ въ тылу отступающаго непріятеля. Это были самыя радостныя вѣсти, ибо успокоивали на счетъ колонны, слѣдовавшей по льду. Берлиръ тотчасъ былъ посланъ къ отступающему непріятелю, съ предложеніемъ сдачи. Не успѣлъ Берлиръ обмѣняться привѣтствіями съ начальникомъ Шведскаго отряда, Фурумаркомъ, какъ къ нему съ другой стороны пріѣхалъ

---

[38] Пасторскій домъ былъ впереди позиціи. Многіе изъ Офицеровъ приходили туда завтракать, ни сколько не ожидая нашего нападенія. Когда въ домѣ этомъ помѣстилась корпусная квартира, то въ немъ найдены были спрятавшимися одинъ Офицеръ и двое нижнихъ чиновъ, не успѣвшихъ выбѣжать за другими.

Тучковъ 4-й, посланный отъ Алексѣева съ тѣмъ же предложеніемъ. Берлиръ поспѣшилъ послать меня успокоить Графа о совершенно благополучномъ переходѣ безъ всякой потери въ колоннѣ Алексѣева. Графъ остановился ожидать результата, разославъ приказанія остановить колонну Казачковскаго и расположиться на указанномъ мѣстѣ. Исполнивъ это и возвратясь къ Графу, я нашелъ уже у него Фурумарка, Алексѣева, Тучкова и другихъ. Здѣсь же подписана была и капитуляція.

Я коснулся до нѣкоторыхъ подробностей единственно для того только, чтобы могли вѣрнѣе оцѣнить настоящее событіе. Конечно, если бы можно было предвидѣть, что мостъ и переходъ на правый берегъ Шелефте обойдется намъ такъ дешево, то, можетъ быть, Графъ и не принялъ бы опаснаго движенія по льду; но, съ другой стороны, отрядъ этотъ, отступивъ къ Умео, усилилъ бы войска, находившіяся въ главномъ корпусѣ. Могутъ замѣтить, что у Фурумарка было всего только около осьми сотъ человѣкъ Такое число, конечно, не значительно въ другихъ войнахъ, но здѣсь оно имѣло болѣе значенія, нежели бы, на примѣръ, въ предшествовавшихъ войнахъ съ Наполеономъ и въ послѣдовавшихъ за 1812 годомъ. Отрядъ Фурумарка составленъ былъ большею частію изъ кадровъ, слѣдовательно, войскъ лучшихъ, присоединясь же къ войскамъ въ Умео, онъ усилилъ бы ихъ пятою частью. Во всякомъ случаѣ здѣсь дѣло въ томъ, что Фурумаркъ вынужденъ былъ начать отступленіе прежде, нежели принудилъ его къ тому обходъ Алексѣева, который въ этомъ дѣлѣ такъ воспѣтъ въ «Воспоминаніяхъ.» Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ служитъ то, что когда Фурумаркъ вынужденъ былъ къ отступленію, то онъ не зналъ объ угрожаемомъ ему обходѣ, ибо ничто не препятствовало бы ему избрать такое движеніе по дорогѣ, идущей вправо на Бутрескъ, и оттуда выйти на береговой путь или въ Лефвангерѣ, или въ Бюгдео; дорога на Бутрескъ также хороша и даже нѣсколько короче. Я не буду описывать въ подробности движенія колонны Алексѣева по льду. При распоряженіи къ этому направленію, все было предвидѣно, принятыя мѣры оказались необходимыми. Одно, чего не было въ виду, заключается въ томъ только, что предварительно не замѣчено препятствія, которое могло встрѣтиться при выходѣ на берегъ близь Иттервика, гдѣ теченіе водъ быстрой рѣки Шелефте стремится прямо вдоль берега, а по тому и могло промыть ледъ, прилегающій къ оному, какъ

это и оказалось: колонна спустилась къ югу верстъ на шесть, и тутъ благополучно вышла на берегъ. [39]

XI.

Причина медленности дальнѣйшаго движенія Улеаборгскаго корпуса. Графъ Шуваловъ передаетъ временное командованіе корпусомъ Алексѣеву, продолжая руководить дѣлами. Ложь Вигеля, и пр.

Наконецъ мы дошли до стран. 65-й «Воспоминаній,» и если бы она не была напечатана въ Москвѣ, то содержаніе ея должно было бы быть отнесено къ произведеніямъ обитателей Шарантона, или Бедлема, и уже, по крайней мѣрѣ, къ умамъ совершенно потрясеннымъ.

«Послѣ такого подвига, говоритъ Вигель, Шуваловъ почиталъ себя вправѣ говорить громче и смѣлѣе. Онъ остановился и рѣшительно отказывался итти далѣе впередъ; онъ представлялъ о великомъ отдаленіи его отъ главной квартиры, о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ въ продовольствіи.» Шуваловъ дѣйствительно остановился на нѣсколько дней въ Шелефтѣ, какъ въ ожиданіи нѣкоторыхъ частей войскъ, долженствовавшихъ вступить въ его корпусъ и бывшихъ на пути отъ Торнео, такъ и въ ожиданіи продовольствія и снарядовъ, тѣмъ болѣе еще, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ въ Умео, отстоявшемъ отъ Шелефте только на 150 верстъ, непріятель сосредоточивалъ знатныя силы, а въ тылу къ Торнео, находившемуся отъ Шелефте на 300 верстъ, устроивали на рѣкахъ Каликсѣ, Луліо и Питео пловучіе мосты, въ особенности на сей послѣдней, болѣе другихъ широкой, и мостъ долженъ былъ находиться близъ устья, а по тому онъ могъ быть легко угрожаемъ непріятельской флотиліи, господствовавшей въ сѣверной части Ботническаго залива, гдѣ мы не имѣли даже ни одного вооруженнаго барказа. [40] Вотъ причины, побудившія Гра-

---

[39] За дѣйствія при Шелефтѣ я получилъ Высочайшее благоволеніе.

[40] Предосторожность, принятая Графомъ оправдалась: баталіонъ Подполковника Медосытова, оставленный для охраненія этого моста, былъ атакованъ Шведскими вооруженными судами, которыя съ трудомъ были отбиты.

фа остановиться на нѣкоторое время въ Шелефтѣ. «Рѣшительный отказъ итти далѣе впередъ» принадлежитъ фантазіи сочинителя «Воспоминаній,» который вслѣдъ за симъ оправдываетъ Графа, восклицая: «съ какою цѣлію могъ онъ итти далѣе? Не ожидая никакого новаго подкрѣпленія, съ убавленнымъ отъ похода числомъ воиновъ, если бъ и удалось ему перейти къ Стокгольму (!), то одного вооруженнаго народонаселенія достаточно было бы, чтобы раздавить его малочисленный корпусъ.» Забавное оправданіе по своей конструкціи, но не въ этомъ суть: Филиппъ Филипповичъ идетъ далѣе до безграничной безсмыслицы. Онъ говоритъ: «Аракчеевъ прогнѣвался за такое ослушаніе, во всѣхъ подозрѣвалъ онъ трусость, [11] и сталъ обвинять въ оной Шувалова. Онъ столько имѣлъ уже власти надъ умомъ Царя, что любимца его успѣлъ подвергнуть жестокому наказанію.»

И вотъ это наказаніе: «Послушному и смѣлому Алексѣеву велѣно принять начальство надъ корпусомъ, а Графу Шувалову находиться неотлучно при немъ, вчерашнемъ его подчиненномъ. (!!) Одинъ приказъ, одно наставленіе дано было Алексѣеву: впередъ и впередъ. Онъ исполнилъ приказаніе, влача за собой разобиженнаго, разогорченнаго Шувалова.» Вслѣдъ за симъ Ф. Ф. философствуетъ на эту же тему: [12] «Какъ судьба играетъ людьми! Алексѣевъ одинъ изъ младшихъ Генералъ-Маіоровъ Русской арміи, который за годъ предъ тѣмъ, или еще и менѣе, за благоразумное представленіе, едва не лишился чести, предводительствуетъ корпусомъ, правда, числомъ воиновъ, едва превышающимъ комплектную дивизію, но который, по совершенно отдѣльному положенію своему, могъ почитаться маленькою арміей, и одинъ идетъ противъ цѣлаго Шведскаго Королевства. Онъ торжественно вступилъ въ Умео, главный городъ Вестъ Ботніи, въ пятистахъ верстахъ отъ Торнео (только 450), въ полторы тысячи сухимъ пу-

---

[11] Читатели помнятъ, что Филиппъ Филипповичъ вообразилъ, что Аракчеевъ подозрѣвалъ въ трусости Алексѣева, за отступленіе изъ Кареліи и наконецъ старшаго брата автора, Павла Филипповича, бывшаго провіантскаго чиновника, который заболѣлъ, и болѣзнь эта принята была будто бы Аракчеевымъ тоже за трусость, и онъ изъ Эрфурта (!) предписалъ, по выздоровленіи этого провіантскаго чиновника, употреблять въ битвахъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. См. т. 1, стр. 48. Какая безмыслица!

[12] Здѣсь должно было бы остановиться и сдѣлать замѣчаніе, но параграфъ такъ связанъ, что оставляю это до окончанія онаго.

тѣмъ отъ Абова (1300). Отдохнувъ не много, собирался онъ продолжать походъ свой къ Гернезанду.»

Пропускаю безъ замѣчаній разсужденія сочинителя «Воспоминаній,» какимъ образомъ, будто бы, одинъ только корпусъ Шувалова дѣйствовалъ противъ Швеціи, а перехожу прямо къ главному. Графъ Шуваловъ, за благоразумныя, по его мнѣнію, а равно и всѣхъ тѣхъ, которые въ состояніи были понимать дѣло, представленія свои, не потерялъ ничего въ уваженіи къ заслугамъ своимъ, и Государь, по вліянію будто бы Аракчеева, не подвергалъ его жестокому наказанію, которое создано больнымъ разстроеннымъ умомъ Филиппа Филипповича. Разстройство это достигаетъ до бѣлой литературной горячки. Въ Тайволѣ, мы видѣли, что представляетъ Генералъ-Маіора Князя Долгорукова, вопреки здраваго разсудка и всѣхъ положительныхъ данныхъ, будто бы отказывающимся подчиниться Корпусному Командиру, Генералъ-Лейтенанту Тучкову и дѣйствующему по одному пути, отдѣльно, а здѣсь Генералъ-Лейтенанта, Генералъ-Адъютанта, Графа Шувалова подчиняетъ младшему въ Русской арміи Генералъ-Маіору, который влачитъ его за собой!! Я не говорю уже объ искаженіи фактовъ дѣйствій, о чемъ слегка должно будетъ замѣтить, упоминая о главномъ враньѣ.

Пробывъ нѣсколько дней, какъ замѣчено выше, въ Шелефтѣ, Графъ пошелъ далѣе; движеніе это не было, какъ говорится, «Суворовское,» по тому что нужно было устроивать мосты на рѣчкахъ, хотя и не столь значительныхъ, какъ Каликсъ, Лулео; и въ особенности Питео, но не менѣе того требовавшія времени, въ продолженіе котораго надѣялись, что изъ Улеаборга, заливомъ, будетъ подвезено продовольствіе, и часть онаго нашли уже возможность доставить, но вскорѣ умножилось число непріятельскихъ судовъ, и средства эти прекратились. Въ киркѣ Лофантерѣ Графъ Шуваловъ получилъ письмо отъ Шведскаго Генерала Дёбельна, заступившаго мѣсто Графа Кронштадта. Извѣщая о скоромъ послѣдованіи мира, Дёбельнъ предлагалъ заключить перемиріе. Графъ отвѣчалъ, что не имѣетъ права заключить онаго и останавливать свое движеніе впередъ, что письмо его отправилъ къ Главнокомандующему, а пока предложилъ ему очистить всю Вестроботнію. Дёбельнъ согласился. Онъ очистилъ Умео и остановился на южной границѣ Вестроботніи, на правомъ берегу рѣчки Оре, въ 30 верстахъ за Умео. Вслѣдствіе чего Г. М. Эриксонъ занялъ городъ 19-го Мая, а Графъ, съ корпусомъ вступилъ туда 20-го числа.

Здѣсь уже, а не въ Шелефтѣ, какъ пишетъ Вигель, Алексѣевъ вступилъ въ командованіе корпусомъ. Тогда не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, чтобы можно быстро переписываться, и здѣсь достаточно обратить только вниманіе, что Шелефте занято было 3-го Мая, что здѣсь мы оставались дня четыре, а 19-го Мая Графъ привелъ уже корпусъ въ Умео, отстоявшее отъ Шелефте на 150 верстъ. Слѣдовательно, и этимъ одним вся фантазія Вигеля, объ отказѣ Графа Шувалова итти далѣе и пр., падаетъ сама собой. По занятіи Умео, Графъ Шуваловъ, по болѣзни, «сдалъ начальство Г. М. Алексѣеву, но остался при отрядѣ и руководилъ дальнѣйшими дѣйствіями своего преемника.» Все это сочинитель «Воспоминаній» могъ бы видѣть и печатно въ книгахъ Графа Сухтелена и Данилевскаго, а также и въ Шведскихъ источникахъ. Изъ вышеприведеннаго видно, что Графъ Шуваловъ не подвергался не слыханному наказанію, о которомъ говоритъ сочинитель; Генералу Алексѣеву не предстояло необходимости «влачить за собой» бывшаго наканунѣ начальника своего, высшаго противъ него и въ чинѣ, да еще и Генералъ-Адъютанта! Графъ, сдавъ начальство старшему по себѣ, зналъ способности его, а по тому остался руководителемъ всѣхъ дѣйствій, а это, конечно, доказываетъ, что Графъ не былъ такъ болѣнъ, чтобы не быть въ силахъ носить бремя главнаго начальника, напротивъ все шло по старому. Болѣзнь Графа была, такъ сказать, политическая, произвольная, причина оной положительно, по крайней мѣрѣ мнѣ, не была извѣстна. На послѣднемъ ночлегѣ, къ Умео, въ с. Тöфте, 19-го числа, прибылъ Фельдъегерь. Въ это время меня не было, я посланъ былъ съ Генераломъ Эриксономъ въ Умео, съ приказаніемъ воротиться съ извѣстіемъ, какъ онъ расположится и какъ жители примутъ его. Возвратясь далеко за полночь, я пошелъ къ Барону Тейлю, чтобы отдать отчетъ порученія, но онъ былъ у Графа, я отправился къ нему. Первое лицо, которое я встрѣтилъ, былъ камердинеръ Графа, Резановъ; на вопросъ мой: что новаго? что такое случилось, что Графъ въ это время не спитъ? «пишутъ все, отправляютъ сейчасъ Фельдъегеря, только что пріѣхавшаго; тамъ оба» (Тейль и Ренненкампфъ), присовокупилъ онъ. Я былъ введенъ. Графъ ходилъ по комнатѣ въ хорошемъ расположеніи духа, подсказывая нѣкоторыя слова по Французски писавшимъ Тейлю и Ренненкампфу. Отдавъ отчетъ и отвѣтивъ на нѣкоторые вопросы, я вышелъ. «Какую радостную вѣсть получили, что Графъ такой веселой?»

«Не знаю, отвѣчалъ мнѣ Резановъ, а замѣтилъ, что какое-то письмо, не то отъ Трубецкаго, не то отъ Ливена, разсердило его и кого-то изругалъ.» Служебныя бумаги ничего не заключали особеннаго, по которымъ бы можно было сдѣлать какое либо заключеніе, напротивъ извѣщали, что наняты извощики и отряжены троичныя телѣги съ нѣкоторыхъ почтовыхъ станцій, для поспѣшнаго доставленія изъ Улеаборга продовольствія и снарядовъ; бумага эта была за подписью Аракчеева, слѣдовательно, онъ внялъ представленіямъ Графа. Можетъ быть, было отъ него какое либо письмо, въ которомъ употреблено слово, не понравившееся Графу, какъ о томъ и шла глухая молва, но подлиннаго, кромѣ Тейля и Ренишалова, никто другой знать не могъ.

Всѣ распоряженія писались у Графа въ кабинетѣ и носились только къ подписи Алексѣеву. Въ самый день передачи начальства Алексѣева, Графъ осматривалъ мѣсто, избранное Берлиромъ для построенія моста, долго говорилъ съ піонернымъ Капитаномъ Ключаревымъ и т. п. Образъ жизни Графа ни въ чемъ не измѣнился, развѣ только въ томъ, что къ обѣду и къ вечернему чаю собиралось болѣе гостей. Почти ежедневно онъ ѣздилъ верхомъ, и однажды осматривалъ пороги, или родъ водопада, въ нѣсколькихъ верстахъ вверхъ по рѣкѣ Умео. Губернаторъ Вестроботній, Баронъ Стромбергъ, письменно и словесно сносился всегда съ Графомъ, или чрезъ Барона Тейля, или лично въ частыхъ посѣщеніяхъ своихъ. Далѣе будетъ еще случай коснуться о семъ, а теперь обращаюсь опять къ сказкѣ объ Алексѣевѣ и Ансельмѣ, на той же 65 и слѣдующихъ страницахъ.

XII.

Значеніе Алексѣева, какъ командующаго корпусомъ. Доносъ, написанный будто бы на него Ансельмомъ. Дѣло при р. Орс. Назначеніе новаго Корпуснаго Командира.

«Не всѣ (?) были довольны излишнею, по мнѣнію ихъ, покорностію своего новаго начальника: съ каждымъ шагомъ впередъ положеніе ихъ становилось затруднительнѣе и опаснѣе.» Это опять наборъ словъ. Изъ Умео никто, кромѣ авангарда, выдви-

нутаго за 20 верстъ, не дѣлалъ шага впередъ. Такой же наборъ словъ продолжается: «Многіе (?) полагали, что Алексѣевъ дѣйствуетъ по собственнымъ побужденіямъ и обезпамятѣвъ отъ радости начальствовать корпусомъ, себя и ихъ ведетъ на вѣрную погибель. Болѣе всѣхъ вояроптаръ вновь пожалованный Генералъ Ансельмъ де Ж., который скучалъ среди холодныхъ Ботническихъ пустынь, которому хотѣлось скорѣе пощеголять питьемъ и эполетами въ Петербургскихъ гостиныхъ, попировать и покощунствовать въ Петербургскихъ трактирахъ: его подбили сдѣлать доносъ.» Что за безсмыслица! Всѣ знали и не могли не знать, что всѣ распоряженія шли отъ Графа, а о томъ, что Алексѣевъ ведетъ и себя и всѣхъ на погибель не по собственному желанію, а по выдуманному Вигелемъ безусловному приказанію Аракчеева, конечно, знать никто не могъ, по тому что такого предписанія Алексѣеву дано не было, а изъ Умео, гдѣ только онъ и сталъ считаться начальникомъ корпуса, то уже некуда было водить впередъ. Наконецъ, приведенный параграфъ являетъ полное отсутствіе знанія личности Ансельма, да и приписываемое ему здѣсь вовсе не гармонируетъ съ тѣмъ, что сказано было о немъ при походѣ на Торнео. Страсть Ансельма была искать опасностей, а не бояться ихъ; Петербургскія же гостиныя были едва ли ему доступны, если повѣрить тысячной только долѣ того, что разсказываетъ Вигель о его происхожденіи, и о его образѣ обращенія; а главное во всемъ этомъ то, что Ансельмъ, почти ежедневно обѣдывая у Графа Шувалова, гдѣ также часто обѣдывалъ и Алексѣевъ, не могъ быть подбиваемъ на доносъ; да и кто могъ на оный подбивать его? Конечно уже не тѣ высшаго просвѣщенія и чести лица, о которыхъ я поминалъ выше. Ко всему этому должно присоединить еще и то, что Ансельмъ былъ очень плохой грамотѣй и врагъ всякому письму, а между тѣмъ Ф. Ф. Вигель сочиняетъ содержаніе этого мнимаго доноса: «Онъ писалъ къ Министру (т. е. къ Аракчееву), что войско гибнетъ отъ безразсудности неученаго и неопытнаго начальника, который только что отчаянно храбръ, а съ военнымъ искусствомъ вовсе не знакомъ.» Здѣсь Ф. Ф. начерталъ вѣрный образецъ своего зятя, и конечно, если бы довелось ему начальствовать самому на пути отъ Шелефте до Умео, то, и очень можетъ быть, выраженіе: «что войско гибнетъ отъ безразсудности,» и могло быть примѣнено, но къ счастію, этого не было, по тому, что не онъ велъ войска до Умео и здѣсь не онъ самостоятельно распоряжался ими. Впрочемъ, самъ Ф. Ф.

отчасти соглашается съ этимъ, онъ говоритъ: «Это до нѣкоторой степени была правда;» но вслѣдъ за этимъ дѣлаетъ замѣчательную оговорку, восклицая: «сколько однако же было Генераловъ въ Русской арміи» (по чему же только въ Русской?), «которые Тюреня и Фридерика знали только по имени, а объ Комментаріяхъ Кесаря и не слыхивали, но которые, одарены будучи особеннымъ инстинктомъ, зоркимъ взглядомъ, болѣе угадывали, чѣмъ видѣли опасности, и съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа ихъ отвращали,[13] однимъ словомъ, которые самоучкой побѣждали: лучше Багратіона я примѣра не нахожу.» Сирѣчь Алексѣевъ и Багратіонъ, въ мнѣніи Г. Вигеля, одно и то же, оба они дѣйствовали инстинктомъ, исключительнымъ свойствомъ животныхъ. До чего можно дописаться: Багратіонъ и Алексѣевъ одно и тоже!!!..

«Ни чего о томъ не вѣдая, продолжаетъ Вигель, Алексѣевъ съ своей стороны доноситъ Аракчееву, что по волѣ Царя готовъ онъ въ огонь и въ воду, какъ онъ успѣлъ сіе доказать, но что для успѣха такого дѣла, какое ему поручено, одного усердія и смѣлости мало, и по тому, съ чистою совѣстію, признавая себя къ тому неспособнымъ, просилъ прислать другаго начальника, болѣе его свѣдущаго въ военномъ искусствѣ. Государь былъ тронутъ его скромностію, она полюбилась ему, и Графъ Каменскій, опять нехотя (?!), былъ вызванъ изъ Орловской деревни.»

На половинѣ 66-й и въ нѣсколькихъ строкахъ 67-й страницы находимъ повѣсть о свиданіи Алексѣева съ Ансельмомъ. «Между тѣмъ узналъ Алексѣевъ о тайномъ доносѣ Ансельма. Увидѣвъ у себя и не зная ни одного слова по Французски, черезъ переводчика пустился съ нимъ въ объясненіе въ присутствіи другихъ Генераловъ.» (Г. Эриксонъ ни разу не пріѣзжалъ изъ авангарда. Казачковскій, Ершовъ и Готовцовъ очень рѣдко; они стояли въ особыхъ лагеряхъ). «Человѣкъ этотъ, который, въ исполненіи своихъ обязанностей въ мирѣ и войнѣ, никогда не терялъ головы въ обыкновенномъ быту жизни съ чрезвычайно добрымъ

---

[13] Современники знаютъ, что Графъ Витгенштейнъ, получая безпрестанно отъ одного изъ своихъ начальниковъ авангарда требованіе «секурса», и находя это требованіе не своевременнымъ, послалъ ему три бутылки рому, (въ которомъ нуждались), подъ благовиднымъ предлогомъ, что онъ получилъ нѣсколько бутылокъ, и секурсъ этотъ былъ достаточенъ, чтобы устоять и безъ новыхъ баталіоновъ.

сердцемъ (истина), бывалъ до бѣшенства запальчивъ, къ тому же для свѣта не совсѣмъ образованъ. Разгорячившись, онъ не однократно повторялъ: скажите отъ меня этой французской канальѣ то-то и то-то. Кажется, и для Француза это могло быть понятно: того мало, онъ сопровождалъ разговоръ свой тѣми особенно энергическими выраженіями, которыя подобно Англійскому годдему, какъ говоритъ Фигаро, служатъ основой нашему солдатскому и простонародному языку и которыя всякій иностранецъ, вступающій въ нашу службу, такъ скоро изучаетъ. Ансельмъ притворился, будто ничего не понимаетъ, и честью своей націи клялся, что никогда ничего объ немъ въ Петербургъ не писывалъ. Ну, полно врать, отвѣчалъ наконецъ Алексѣевъ: вижу, что ты лжешь, но такъ и быть, Богъ съ тобой; приходи ко мнѣ, мусью, обѣдать, и тотъ пришелъ.» Весь этотъ разсказъ вымышленъ: во первыхъ, какъ замѣчено выше, никакого доноса не существовало; во вторыхъ, Алексѣевъ, не смотря на свою необразованность, ни на свою запальчивость, которыми надѣляетъ его и самъ Вигель, никогда не позволилъ бы себѣ прямо въ лицо сказать то, что ему приписывается, тѣмъ болѣе лицу, съ которымъ онъ почти ежедневно обѣдывалъ у Графа. Я очень хорошо знаю Алексѣева, какъ это видно будетъ далѣе, чтобы торжественно свидѣтельствовать это. Въ третьихъ, что если бы и могло это произойти отъ Алексѣева, то уже Ансельмъ ни въ какомъ случаѣ не упустилъ бы онаго, не потѣшившись своей саблей и т. д. Относительно приглашенія къ обѣду Ансельма, то это могло быть, ибо Алексѣевъ отличался хлѣбосольствомъ, радушіемъ, «мусью» и еще «кескесе» были два любимыя его выраженія; послѣднее пріобрѣтено имъ съ 1815—1818 годовъ во Франціи. Весь этотъ разсказъ, повторяю, есть повѣсть, составленная Ф. Ф. Вигелемъ, съ цѣлію вездѣ, гдѣ только представляется случай, поругать Французовъ, и пр.

Все, что пишется о донесеніи Алексѣева Аракчееву, въ которомъ онъ признавалъ себя не способнымъ и т. д. и проситъ о назначеніи на его мѣсто другаго, «болѣе его свѣдущаго въ военномъ искусствѣ» есть сказка, ибо когда Графъ Шуваловъ, какъ говорили, нашелъ какое-то выраженіе Аракчеева для себя оскорбительнымъ, то положительно отказался имѣть всякія съ нимъ по службѣ сношенія и, сдавъ начальствованіе надъ войскомъ старшему по себѣ, Алексѣеву, на котораго и ложилась уже обязан-

ность оффиціальной съ Аракчеевымъ переписки. До утвержденія же Алексѣева, или до прибытія ему преемника, Графъ останется при корпусѣ для руководства движеніями, какъ писалъ онъ Ливену и Трубецкому. Такъ всѣ распоряженія къ атакѣ Шведскаго авангарда на р. Орѣ сдѣланы Графомъ. Два раза былъ я имъ посылань въ нашъ авангардъ къ Генералу Эриксону для рекогносцировки непріятельской позиціи. [44] Алексѣевъ подписывалъ изготовленныя, подъ редакціею Графа, предписанія Казачковскому объ усиленіи авангарда, имъ же сдѣлана диспозиція, а только подписана Алексѣевымъ, къ которому и мнѣ не разъ приходилось ходить съ подобными порученіями. Наблюдать за ходомъ дѣла отправленъ былъ Баронъ Тейль. Блистательное дѣло это происходило 22 Іюня, въ которомъ убитъ былъ извѣстный партизанъ, Полковникъ Дункеръ, едва не повторившій въ Иденсальмѣ Револакскаго пораженія. Объ этомъ дѣлѣ Вигель молчитъ и, конечно, по тому, что герой его не принималъ участія, а также ни слова и о томъ, что Шведскій Генералъ желалъ имѣть свиданіе съ командующимъ нашими войсками, и вмѣсто его Графъ послалъ одного Барона Тейля. Все это есть въ исторіи.

Не оставленіе Графомъ руководства въ дѣйствіи корпуса было принято Государемъ благосклонно, и тогда обратились уже къ назначенію преемника Графу. Въ началѣ была молва, что будетъ или Князь Багратіонъ или Раевскій, говорили и о другихъ. Наконецъ около половины Іюля, получено извѣстіе о назначеніи Графа Н. М. Каменскаго 2-го. Однимъ словомъ, по всему вѣроятію, получивъ положительный отказъ Графа отъ командованія, не ожидали мнимой исповѣди Алексѣева, чтобы приступить къ избранію другаго. Особенно же, если къ тому принять еще во вниманіе разсказъ самаго же Вигеля: какимъ образомъ Аракчеевъ «посягнулъ на честь его зятя» за отступленіе изъ Кареліи, то едва ли и подумали оставить его въ головѣ корпуса. Относительно же, что будто бы «Аракчеевъ на столько имѣлъ власти надъ умомъ Царя, что любимца его успѣлъ подвергнуть жестокому наказанію,» то это чистая ложь, и едва ли не ложь историческо-преступная. Она торжественно опровергается тѣмъ уже, что тотчасъ, по возвращеніи Графа изъ Умео, на него возложено было важное диплома-

[44] О чемъ упоминается между прочимъ и въ Высочайшемъ рескриптѣ на пожалованіе мнѣ ордена св. Анны 3-й ст.

тическое порученіе въ Вѣнѣ, ставившее его внѣ сношеній съ Военнымъ Министромъ Аракчеевымъ. Шуваловъ долго оставался въ Вѣнѣ, и выполнилъ порученіе самымъ успѣшнымъ образомъ. По возвращеніи, Графъ Павелъ Андреевичъ былъ назначенъ Начальникомъ 4-го пѣхотнаго корпуса главной арміи; при открытіи военныхъ дѣйствій въ 1812 году, по тяжкой приключившейся болѣзни, онъ сдалъ корпусъ Графу Остерману-Толстому. По выздоровленіи, онъ находился при Государѣ и имѣлъ конфиденціальныя порученія. Въ 1814 году, былъ назначенъ для сопровожденія Наполеона изъ Фонтенебло на островъ Эльбу, и т. д.

XIII.

Графъ Н. М. Каменскій принимаетъ начальство надъ Улеаборгскимъ корпусомъ. Его первыя распоряженія.

«Съ успокоенными нервами, въ первыхъ числахъ Августа, прибылъ Графъ Каменскій къ корпусу, не совсѣмъ на радость. Отъ похода, отъ недостатковъ, отъ болѣзней, этотъ корпусъ примѣтно уменьшился».[45] Что такое съ успокоенными нервами! Камень изъ-за угла? Вѣдь это значитъ «всѣмъ по боку,» кромѣ Илья Ивановича Алексѣева! Въ такомъ случаѣ приличнѣе было бы назвать и книгу: Иліадой, или уже, по крайней мѣрѣ, Алексіадой, вмѣсто «Воспоминаній.» Прибылъ Графъ въ Умео не въ первыхъ числахъ, а въ ночь на 27-е Іюля. Съ Графомъ пріѣхали: Шефскій адъютантъ его Архангелогородскаго полка, Капитанъ А. А. Закревскій, занявшій должность Бригадъ-Маіора. Личные адъютанты: Штабсъ-Капитанъ Гессе; лейбъ-гусарскаго полка Поручикъ Николай Андреевичъ Небольсинъ и лейбъ-гренадерскаго полка Штабсъ-Капитанъ Петръ Михайловичъ Каменскій, побочный братъ Графа. Въ помощь Закревскому взятъ былъ Поручикъ Василій Егоровичъ Храбрый, который въ послѣдствіи, въ 1811 г., продолжая находиться при Закревскомъ и въ Турецкую войну, сдѣлалъ на него отвратительный доносъ, по смерти Графа Каменскаго. По главному штабу остался Баронъ Тейль, а по скоромъ его

---

[45] «Воспоминанія» Вигеля, ч. III, стр. 67.

отъѣздѣ, поступилъ я. «Не прошло двухъ дней, Каменскій не успѣлъ еще составить никакого плана, какъ вдругъ узнали, что довольно многочисленное Шведское войско, подъ предводительствомъ Графа Вахтмейстера, высажено на берегъ и идетъ къ намъ съ тылу.» Во первыхъ, Графъ Каменскій, наканунѣ своего прибытія, встрѣтилъ Графа Шувалова, который, узнавъ о его приближеніи, выѣхалъ, чтобы съ нимъ встрѣтиться. Только что прибылъ Каменскій, какъ получилъ отъ Сандельса приглашеніе прислать кого-либо изъ довѣренныхъ Русскихъ, для объявленія ему отвѣта, полученнаго отъ Главнокомандующаго, по поводу перемирія. Графъ послалъ Барона Тейля съ тѣмъ, чтобы не отступать отъ нашихъ условій, и, въ случаѣ несогласія, объявить о возобновленіи дѣйствій. Сандельсъ не согласился ни на что, безъ испрошенія опять инструкціи изъ Стокгольма. Тейль положилъ ожидать только два дня, т. е. до 28 числа, и тогда чрезъ 24 часа начать движеніе. Графъ и за эти два дня остался недоволенъ, и Тейль уѣхалъ изъ арміи. 31 Іюля, пріѣзжалъ Сандельсъ для свиданія съ Графомъ; но и это ни къ чему не повело: Графъ успѣлъ уже составить планъ своихъ дѣйствій, вопреки мнѣнія Вигеля, и въ донесеніи своемъ, отъ 2 Августа, о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ для отраженія тыла, присовокупилъ: «Въ такомъ положеніи сзади себя десанта никакого не боюсь, тѣмъ болѣе, что ожидаю прибытія первой эскадры изъ Улеаборга. Съ остальными войсками рѣшился я переправиться чрезъ Оре и тѣснить непріятеля, пока могу то дѣлать, не оголяя берега. Для меня движеніе впередъ необходимо; въ новомъ краѣ надѣюсь найти продовольствіе и, угрожая непріятелю вторженіемъ въ нѣдра его края, ускорить можетъ быть чрезъ то заключеніе мира.» Какъ же Вигель говоритъ, что Графъ не успѣлъ въ два дня составить и плана для своихъ дѣйствій! Вслѣдствіе сдѣланной диспозиціи (которую опускаю) для атаки на разсвѣтѣ 6 числа, вечеромъ 5-го получено было извѣстіе отъ шефа 23-го егерскаго полка, Фролова, оставленнаго въ числѣ другихъ въ тылу для наблюденія за берегомъ, что многочисленный флотъ Шведскій подошелъ къ пристани Ратанѣ и началъ высаживать войско. Графъ Каменскій тотчасъ послалъ Небольсина съ приказаніемъ сосредоточить полкъ на дорогѣ и защищать шагъ за шагомъ, отступая къ Умео, послѣ сего посланъ былъ я къ Генералу Ершову, стоящему при устьѣ Умео, чтобы онъ тотчасъ, чрезъ Тёвле, соединился съ Фроловымъ. Послѣ того мнѣ приказано было ѣхать къ Фролову, съ тѣмъ, чтобы

онъ, если дорога къ Бюгдео (т. е. къ Торнео) еще не занята непріятелемъ, то чтобы расположенныя тамъ части спѣшили угрожать непріятельскимъ высаживающимся войскамъ съ тыла, и чтобъ изъ Бюгдео дано было знать и находящимся далѣе къ Сѣверу немедленно соединиться съ тѣми, которыя выступятъ изъ Бюгдео. Исполнивъ это, я встрѣтилъ Графа уже въ Умео, подъѣзжая къ которому, я слышалъ тамъ пушечные и ружейные выстрѣлы. Быстрое исполненіе порученія въ началѣ отъ нѣкоторыхъ вызвало какъ бы недовѣріе, но вскорѣ оно разсѣялось, и это много послужило мнѣ въ глазахъ совершенно для меня новыхъ лицъ (исключая Небольсина, съ которымъ я былъ знакомъ еще въ Петербургѣ, когда онъ былъ юнкеромъ). Между тѣмъ вотъ что произошло со времени моего отъѣзда отъ Графа: тотчасъ было дано приказаніе войскамъ собравшимся, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ атаковать Шведовъ, спѣшить усиленнымъ шагомъ обратно къ Умео, а остаться только авангарду Эриксона, которому приданъ былъ 24-й егерскій полкъ Властова. Обозы ихъ отправлены были назадъ вмѣстѣ съ другими. Казачковскому съ его Калужскимъ полкомъ приказано быть въ резервѣ авангарда и расположиться передъ Умеовскимъ мостомъ. Авангардъ долженъ былъ сохранять до разсвѣта огни выступившихъ войскъ и потомъ быстрымъ отступленіемъ идти въ Умео и истребить мостъ. Распоряженія Графа Николая Михайловича увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ то самое время, какъ первыя войска изъ назначенныхъ къ атакѣ Шведовъ на Оре подходили къ р. Умео, нѣсколько канонирскихъ лодокъ вошли въ оную и устремились на разорваніе моста, охраняемаго осмью каронадами, снятыми со Шведской шкуны. Шкуна эта, гонясь за Русской маркитантской лодкой, шедшей изъ Улеаборга, безразсудно вошла въ бюгдевскую бухту. Стоявшая здѣсь рота 23-го егерскаго полка тотчасъ заняла окружающія бухту возвышенности, и изъ-за камней перебила и переранила почти всѣхъ людей шкуны. Это было еще во время командованія Графа Шувалова. Генералъ Ершовъ, послѣ того, какъ я передалъ ему приказаніе идти къ Фролову, увидѣвъ, что нѣсколько гребныхъ судовъ пошли усиленными веслами вверхъ по теченію рѣки, съ видимою цѣлью разорвать мостъ, отдѣлилъ двѣ роты для слѣдованія за ними по лѣвому берегу, производя ружейный огонь, но скоро подошедшія отъ Оре войска сдѣлали то же самое и съ праваго берега, такъ, что одиннадцать судовъ достигли было до выстрѣла изъ каронадъ, были принуждены спускаться 11 верстъ,

какъ бы сквозь строй, потерявъ почти всѣхъ людей, дерзавшихъ появляться на палубѣ. Графъ Каменскій отрядилъ Полковника Сабанѣева, съ его 3-мъ егерскимъ полкомъ, спѣшить на подкрѣпленіе Фролову, донесшему, что онъ уже въ Севарѣ, который долженъ будетъ оставить чрезъ самое короткое время. Это извѣстіе какъ бы обрадовало Графа: ибо онъ опасался, чтобы десантный корпусъ не остановился въ неприступной позиціи при Дьякнебодѣ. Съ Сабанѣевымъ былъ посланъ я, чтобы, по прибытіи на мѣсто, дать Графу извѣстіе о положеніи дѣлъ. Но едва мы дошли до соединенія съ Фроловымъ (Ершовъ былъ отозванъ для охраненія Умео), въ Тёфтѣ, какъ пріѣхалъ въ шесть часовъ утра, 7-го Августа, Графъ Каменскій.

XIV.

Неточности разсказа Вигеля о сраженіяхъ при Севарѣ.

Вигель продолжаетъ: «Другого средства не было, какъ итти назадъ къ Шведамъ на встрѣчу, чтобы сквозь нихъ пробиться. Превосходство мѣстоположенія и числительности было совершенно на ихъ сторонѣ. Въ день Преображенія, 6-го Августа, началось жаркое, отчаянное, дѣло при мѣстечкѣ Сефварѣ» (Севаръ, такъ выговаривается). Здѣсь цифра 6 могла быть поставлена ошибочно, даже опечатка, ускользнувшая отъ корректора, но и такого «облегчительнаго обстоятельства» допустить нельзя; ибо ничего не приводитъ Ф. Ф. для точнаго опредѣленія этого великаго дня, въ который Швеція употребила всѣ свои средства, чтобы собрать силъ болѣе, нежели вдвое противъ Русскаго корпуса, который и атаковала съ фронта и тыла на единственномъ пути, огибающемъ Ботническій заливъ, съ господствующимъ на немъ ея флотомъ. Нужно присоединить еще недостатокъ продовольствія и снарядовъ. Я сказалъ нѣсколько словъ о положеніи, въ которомъ находился тогда корпусъ, по той единственно причинѣ, чтобы показать, какія предстояли послѣдствія, если бы корпусъ этотъ былъ истребленъ: тогда война еще продолжалась бы зимой и на слѣдующій 1810 годъ. Случилось же иначе: корпусъ вышелъ побѣдителемъ и въ слѣдъ за симъ, менѣе, нежели черезъ мѣсяцъ, заключенъ былъ Фридрихсгамскій миръ. Филиппъ Филипповичъ сознавалъ важность этого событія,

и по тому не довольствовался однимъ опредѣленіемъ мѣсяца и числа этого боя, прибѣгъ для того даже къ Святцамъ, и именно говоритъ: «въ день Преображенія, 6-го Августа.» Что же оказывается? 6-го Августа, на всемъ протяженіи нашихъ войскъ отъ Сандельса, идущаго отъ Оре къ Умео, за Эриксономъ, до сосредоточивающихся противъ десанта, сдѣланнаго Вахтмейстеромъ, едва ли произведено было болѣе нѣсколькихъ десятковъ ружейныхъ выстрѣловъ, а пушечнаго ни одного. Дѣло подъ Северомъ началось 7-го Августа, въ 8 часовъ утра, и въ четыре по полудни кончилось разгромленіемъ Вахтмейстера, который настигнутъ былъ къ слѣдующему утру, 8-го Августа, на пристанѣ Ратанъ, гдѣ онъ поспѣшно усаживалъ войска на флотъ Адмирала Пуке. Здѣсь было опять жаркое дѣло. Таковы «драгоцѣнные матеріялы для войнъ царствованія Императора Александра 1-го.» Но Вигель не ограничивается еще этимъ; онъ продолжаетъ свое повѣствованіе:

«Шведы надѣялись всѣхъ Русскихъ солдатъ побрать руками, и могли то сдѣлать; [46] но не такъ-то легко даются они непріятелямъ. Искуство тутъ ничего бы не помогло, а одна только всемощная Русская храбрость. Алексѣевъ, какъ на своемъ мѣстѣ, былъ вездѣ впереди; Каменскій же находился въ нѣкоторомъ разстояніи, и съ ужасомъ смотрѣлъ на происходящее. Онъ клялъ свою жизнь, рвалъ на себѣ волосы, не давалъ никакихъ приказаній: однимъ словомъ, совсѣмъ терялъ голову..» Здѣсь звѣздочка, и подъ ней ссылка на меня, слѣдующаго содержанія: «Немного было тому свидѣтелей. Пятнадцать лѣтъ спустя, одинъ очевидецъ, Полковникъ Липранди, который любилъ Каменскаго и имѣлъ нѣкоторыя неудовольствія на Алексѣева, съ сожалѣніемъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ. Какъ было ему не повѣрить?»

Прежде чѣмъ продолжать текстъ разсказа, остановлюсь нѣсколько на сдѣланную на меня рѣзкую ссылку. Содержаніе того, въ чемъ Вигель беретъ меня въ свидѣтели, до того нелѣпо, что въ строгомъ смыслѣ не должно бы быть объясняемо, но, съ другой стороны, оставить не оговореннымъ, значило бы признать, по крайней мѣрѣ, что либо подобное мною сказанному. Все, свидѣтельствуемое сочинителемъ «Воспоминаній», сначала и до конца имъ вымышлено, и вымышлено съ видимою цѣлью, чтобы вездѣ выставлять на первый планъ своего героя-зятя. Онъ говоритъ, что я съ

[46] Далѣе увидимъ, что въ этомъ помѣшалъ имъ одинъ только зять Вигеля.

сожалѣніемъ разсказывалъ это по тому, что «любилъ Каменскаго, а имѣлъ нѣкоторое неудовольствіе на Алексѣева.» Каменскаго я началъ знать менѣе, какъ за двѣ недѣли до Северскаго дѣла; а если дѣйствительно я полюбилъ его, то могъ ли я разсказать подобную пошлую небылицу? Я долженъ былъ быть ему благодарнымъ; ибо онъ удостоилъ меня за Севаръ и Ратанъ наградой, прямо золотой шпагой, съ надписью: «За храбрость.» [56] Вигель дѣлаетъ изъ меня какъ бы правдолюба, что я, вотъ видите, хотя и любилъ Каменскаго, но долженъ съ сожалѣніемъ сказать правду. Лучшимъ доказательствомъ, что это вымыселъ, могутъ служить мои современныя записки, гдѣ Северское дѣло описано съ мельчайшими подробностями; то же самое и объ Алексѣевѣ: я не имѣлъ на него никакихъ неудовольствій, что будетъ видно при упоминаніи времени пребыванія во Франціи. Обращаюсь къ тексту.

Сказанное Вигелемъ, будто бы съ моихъ словъ, о порывахъ отчаянія Каменскаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ какъ бы извинить оные и, конечно, не безъ примѣси хоть частицы желчи: «надобно полагать для его чести, говоритъ Ф. Ф., что онъ болѣе тревожимъ былъ мыслію о потерѣ сраженія, чѣмъ о потерѣ жизни. Вдругъ пальба какъ будто умолкла, и несутъ въ нему Алексѣева съ веселымъ лицомъ и прострѣленною ногою. «Ну, что мой бѣдный Илья Ивановичъ? Что съ вами и что съ нами? Мы пропали!» бросившись къ нему, воскликнулъ Каменскій.—«Какъ такъ? Да не обо мнѣ дѣло, Ваше Сіятельство, я честь имѣю васъ поздравить съ побѣдою,» отвѣчалъ онъ. Не уже ли?» сказалъ Каменскій. «Конечно. Шведы бѣгутъ, усаживаются на суда и скоро отплывутъ. У насъ въ рукахъ остались ихъ плѣнные и часть обоза и артиллеріи.» Безъ словъ, со слезами на глазахъ, кинулся Каменскій его обнимать. Когда бѣгущіе Шведы отстрѣливались отъ преслѣдователей своихъ, послѣдняя ихъ пуля попала въ ногу Алексѣева: вотъ по чему сказалъ я выше, что имъ и должна была кончиться Шведская война.»

Должно признаться, что Филиппъ Филипповичъ былъ бы замѣчательнымъ фельетонистомъ трагическо-юмористическихъ сценъ,

---

[56] Я сказалъ прямо по тому, что въ то время она давалась послѣ Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и Анны 2-й ст. съ алмазами. Капитанъ Закревскій, имѣя уже оба эти ордена, получилъ, вмѣстѣ со мною, за это же дѣло, очередную золотую шпагу.

и сталъ бы въ этомъ родѣ литературы на ряду съ замѣчательными талантами, въ изображеніи частныхъ семейныхъ сплетень. Для изложенія же предмета, за который онъ взялся, оказывается вполнѣ несостоятельнымъ. Исторія, въ особенности военная, требуетъ ясности. Что, на примѣръ, сказать объ отвѣтѣ Алексѣева Каменскому на самомъ мѣстѣ битвы, что Шведы «бѣгутъ, усаживаются на суда и скоро отплывутъ!!» Севаръ отъ Ратана около 25 верстъ, а между Северомъ и Ратаномъ находилась еще неприступная позиція Дьякнебода, гдѣ положительно всѣ ожидали найти сбитыхъ отъ Севара Шведовъ, но они прошли ее и сосредоточились въ Ратанѣ, гдѣ опять, послѣ упорнаго дѣла на берегу, за полдень на другой день, они «начали усаживаться на суда.» Какимъ же образомъ Алексѣевъ, почти въ самомъ началѣ Севарскаго сраженія, могъ сказать, что «Шведы усаживаются на суда», которыя были отъ нихъ еще за 25 верстъ? Пропускаю другіе, тутъ сдѣланные, промахи, или, лучше сказать, положительно все также выдуманное, безъ всякаго вниманія къ истинѣ и къ историческимъ печатнымъ даннымъ.

XV.

Краткое описаніе сраженія при Севарѣ.

Изображу въ нѣсколькихъ словахъ ходъ дѣла въ главныхъ его чертахъ, чтобы видѣть участіе, которое принималъ въ немъ герой Вигеля.

Выше я замѣтилъ, что Фроловъ, съ своимъ 23-мъ егерскимъ полкомъ, отступилъ отъ Севара, который, въ ту же ночь, съ 6-го на 7-е Августа, заняли Шведы. Въ Тöфте, 7½ верстъ отъ Севара, онъ соединился съ 3 егерскимъ полкомъ Сабанѣева. Графъ не замедлилъ пріѣхать; въ слѣдъ за нимъ начали стягиваться полки изъ Умео, отстоящаго отъ Тöфте на 15 верстъ (Тäвле на половинѣ дороги). Когда Графъ увидѣлъ, что большая часть корпуса уже подошла, онъ, обратясь къ Сабанѣеву и Флорову, спросилъ: «Кто изъ нихъ старше?» Оказалось, что Сабанѣевъ; тогда Графъ приказалъ ему принять начальство надъ авангардомъ, составившимся изъ двухъ помянутыхъ полковъ и одного мушкатерскаго, и «Съ Богомъ, начинайте!» мнѣ приказалъ находиться при Саба-

нѣевѣ, а ему какъ можно чаще посылать меня съ извѣстіями. Авангардъ тронулся впередъ. Дорога пролегала лѣсомъ, изрѣдка встрѣчались небольшія поляны. Шведы, вступивъ въ Северъ половиной войскъ своихъ, успѣли уже занять покрытую рѣдкимъ лѣсомъ гору, лежащую на правомъ берегу рѣки Северъ, верстахъ въ двухъ по дорогѣ къ намъ, имѣя на четверть версты передъ собой открытое пространство. Авангардъ вскорѣ былъ встрѣченъ огнемъ. Завязалась живая перестрѣлка; но Сабанѣевъ быстро пошелъ въ штыки, и успѣлъ, при подошвѣ горы, проникнуть въ лѣсъ, направивъ Фролова отъ себя влѣво. Когда эта первая позиція была занята, меня послали съ извѣстіемъ къ Графу, котораго я встрѣтилъ пѣшкомъ, въ головѣ пѣхоты. Онъ тотчасъ меня отправилъ обратно сказать Сабанѣеву, чтобы онъ старался удержать перевалъ чрезъ гору, по которой идетъ дорога, по тому что это было единственное мѣсто, гдѣ можно было поставить орудія, и съ котораго открывалось пространство на лѣвомъ берегу рѣчки Северъ, гдѣ стояли главныя непріятельскія силы и откуда онѣ направляли подкрѣпленія на пункты, которые требовали сего. Я засталъ Сабанѣева уже на этой высотѣ, сильно тѣснимаго Шведами. Въ это время пришелъ Ревельскій полкъ съ нѣкоторыми другими батальонами. Пріѣхалъ Алексѣевъ и, принявъ начальство надъ сими войсками, спустился влѣво, чѣмъ и составилъ лѣвое крыло нашей боевой линіи, правое же составлялъ Сабанѣевъ. Между тѣмъ Полковникъ Аргунъ помѣстилъ въ центрѣ на дорогѣ два свои батарейныя орудія и четыре легкія роты Пребстинга. Шведы усилили свой правый флангъ, и въ лѣсу слышна была сильная ружейная стрѣльба. Сабанѣевъ дѣйствовалъ правѣе. Будучи нѣсколько разъ посыланъ къ Графу, стоявшему на дорогѣ, въ полуверстѣ отъ битвы, я всегда находилъ его спокойнымъ; онъ отдавалъ приказаній немного, по тому что характеръ дѣла не требовалъ того. Мнѣ случилось видѣть его въ этотъ день разсерженнымъ только на Полковника Аргуна, который прискакалъ къ нему, на отстегнутой изъ подъ ящика пристяжной лошади, съ какимъ-то донесеніемъ. Графъ закричалъ на него, что онъ могъ бы послать кого другого, а не самому, оставивъ опасный постъ, явиться къ нему; но это было мимолетнымъ выговоромъ. Отдавъ ему приказаніе онъ успокоился, и Аргунъ, исполнивъ блистательно приказанное, въ чинѣ Полковника, получилъ Георгія 3-го класса. Бой разгорался болѣе и болѣе; непріятель сильно напиралъ; стрѣлки такъ близко подошли къ нашимъ пу-

шкамъ, что начали бить артиллеристовъ, и мы не иначе могли дѣйствовать изъ орудій въ лѣсъ, какъ только картечью. Пребстингъ былъ раненъ въ ногу, и не хотѣлъ, чтобы его отнесли отъ орудій. Фланги наши въ лѣсу видимо загибались. Посланный опять къ Графу, я нашелъ его очень довольнымъ извѣстіемъ, полученнымъ отъ Эриксона, что онъ успѣлъ перейти на лѣвый берегъ Умео и истребить мостъ, на которомъ нѣсколько Шведскихъ конниковъ, вскочившихъ было на первые плоты, были на нихъ унесены. Съ этой стороны Графъ остался спокойнымъ; три полка были въ его распоряженіи, но для момента они были безполезны: здѣсь рѣшалось все; мы должны были отбросить Вахтмейстера въ сторону, къ Ратану, и открыть себѣ путь, и въ этомъ заключалась вся забота Графа. Онъ тотчасъ послалъ къ Козачковскому, оставленному въ Умео до прибытія Эриксона, чтобы онъ спѣшилъ къ Севару. Посланный Адъютантъ, Гессе, встрѣтилъ его уже на половинѣ дороги; но пока онъ пройдетъ еще десять верстъ, здѣсь могло все быть уже покончено. Фланги продолжали загибаться, пули отъ нихъ начали уже падать близко. Въ это-то время былъ проносимъ раненый Алексѣевъ, гораздо прежде побѣды и не послѣдней пулей раненый. Онъ не поздравлялъ Графа съ побѣдой, а на вопросъ, безъ всякихъ приводимыхъ Вигелемъ фразъ: «Какъ идетъ дѣло?» отвѣчалъ любимымъ своимъ словомъ: «Надо послать сикурсъ.» Графъ отвѣчалъ, что у меня теперь пока нѣтъ ничего, я пойду самъ, и если уже не удастся отбросить ихъ (Шведовъ), разбредемся по Лапландскимъ горамъ и будемъ пробираться по одиначкѣ.» Конечно, это сказано было Графомъ не въ отчаяніи; ибо мы имѣли еще сзади три полка, которые, соединенно съ тѣмъ, что было здѣсь и могло быть выведено цѣлымъ, составило бы еще кучку, съ которой нелегко было бы еще справиться и Вахтмейстеру съ Сандельсомъ. Сказанное Графомъ должно относить къ тому, что этимъ выраженіемъ онъ хотѣлъ отнять всякую мысль о возможности къ сдачѣ. Между тѣмъ, пули съ лѣваго нашего фланга начали долетать уже до Графа. Ординарецъ его, Ревельскаго полка Поручикъ Бурхартъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ Офицеровъ, былъ убитъ на вылетъ въ грудь пулей, въ недальнемъ разстояніи отъ Графа. Здѣсь-то онъ, замѣтивъ, что стрѣлки 23-го егерскаго полка, находившіеся влѣво, начали появляться изъ лѣса на поляну, приказалъ сдѣлать по нимъ два выстрѣла ядромъ, присовокупивъ Поручику Кривоблоцкому 1, находившемуся съ двумя орудіями: «Поближе къ голо-

вамъ!» Выстрѣлы эти заставили стрѣлковъ опять скрыться въ лѣсъ и продолжать перестрѣлку. Къ этому же времени принадлежитъ и приказаніе конвойнымъ Казакамъ, съ нѣсколькими Офицерами, отправиться въ лѣсъ и бить нагайками всѣхъ, у кого окажутся черныя губы: кто-то сообщилъ Графу, что разсыпной строй въ лѣсу развлекается множествомъ растущей въ немъ черники, и т. п.

Все это распоряженіе не продолжалось и пяти минутъ. Графъ пошелъ въ гору, гдѣ стояли наши орудія, и до которыхъ пріостановившіяся было пули начали опять долетать. Перевязанный уже М. А. Баталинымъ Пребстингъ, лежалъ при орудіяхъ: они продолжали дѣйствовать, а Графъ, разговаривая съ Закревскимъ, разсматривалъ въ зрительную трубку происходящее впереди. Въ это время прикрывавшій орудія шефъ Азовскаго полка, Г.-М. Готовцовъ, подошелъ къ Графу, который, не знаю по чему, оказывалъ къ нему холодность (Готовцова называли Гатчинскимъ), и просилъ позволенія, съ оставшимся у него однимъ 1-мъ батальономъ, ударить въ штыки. Графъ посмотрѣлъ на него, но прямо ничего не отвѣчалъ, а замѣтилъ вполголоса Закревскому: «Онъ насъ съ тобой принялъ за прикрытіе орудій.» Въ этотъ самый моментъ вдругъ послышались выстрѣлы въ отдаленіи вправо. Графъ опять схватился за зрительную трубу, и ясно, какъ и мы всѣ простыми глазами, увидѣли, что перестрѣлка эта происходила на лѣвомъ берегу рѣчки, на самой оконечности лѣваго непріятельскаго фланга ослабленной уже позиціи, выславшей почти всѣ силы свои на правый берегъ и находящіяся въ бою съ нами. Вмѣстѣ съ этимъ замѣчалась тревога на главной позиціи: тогда Графъ, немедленно обратясь къ Готовцову, сказалъ: «Ваше Превосходительство, съ Богомъ!» Батальонъ Азовцевъ, составленный изъ гигантовъ, быстро вышелъ за своимъ шефомъ, и съ громкимъ ура! бросился на тѣхъ, которые находились противъ нашихъ орудій. Одна изъ первыхъ пуль оторвала палецъ у Готовцова, шпага выпала, онъ поднялъ ее другой рукой, но вскорѣ двѣ пули поразили его въ грудь. [48] Выстрѣлы на оконечности лѣваго непріятельскаго фланга, почитавшагося имъ недоступнымъ по причинѣ рѣчки, которая, при самомъ устьѣ своемъ, разливалась довольно широко, поколебали уже успѣхи Шведовъ въ натискѣ

---

[48] Оставшаяся послѣ него молодая жена, только что предъ войной вступившая въ бракъ, постриглась и въ послѣднее время была Настоятельницей Ново-

своемъ, охватывавшемъ болѣе и болѣе наши фланги, особенно лѣвый, какъ въ это же самое время ура Азовцевъ, ударившихъ на центръ, внезапно измѣнило весь ходъ дѣла. Шведы, обогнувшіе наши фланги, услышавъ усиленную перестрѣлку въ ихъ центрѣ и крики ура, не различая въ лѣсу ничего, а видя, что мы находимся въ тылу ихъ фланговъ, почитая себя обойденными, стали быстро отступать къ рѣкѣ. [49] Ура на лѣвомъ берегу и въ центрѣ вызвало ура и по всей линіи; тогда отступленіе обратилось уже въ бѣгство. Непріятель, находившійся еще на позиціи на лѣвомъ берегу, не ожидалъ уже, пока перешедшіе на правый берегъ соединятся съ нимъ, снялся съ обозами и съ нѣсколькими орудіями и началъ поспѣшно отступать къ Дьякнебодѣ, въ крѣпкой позиціи которой, думали, онъ остановится и подкрѣпитъ себя частію, хотя и малою, оставшеюся еще на берегу въ Ратанѣ, но и это имъ не удалось, будучи быстро преслѣдованными отряженнымъ для сего Сабанѣевымъ съ тремя полками. Въ ночь, мы пришли къ Дьякнебодѣ и, не найдя тамъ никого, остановились здѣсь. Для всѣхъ казалось необъяснимымъ то, что если Вахтмейстеръ, вмѣсто того, чтобы, въ передовомъ движеніи своемъ, остановиться при Дьякнебодѣ, пошелъ къ Севару, то уже не могли понять, какимъ образомъ онъ, при отступленіи, не воспользовался ею, что и можно приписать только совершенно разстроенному и нравственно пораженному его войску. Будучи посланъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ къ Графу, я засталъ его спящимъ при входѣ въ мельницу гдѣ мостъ уже совершенно былъ исправленъ. Николай Михайловичъ разспрашивалъ съ подробностію, гдѣ и какъ остановился Сабанѣевъ, перешелъ ли онъ тѣснину между двухъ озерковъ? и т. п., и когда я доложилъ ему, что все это

дѣвичьяго монастыря въ Петербургѣ, и года два тому назадъ скончалась. Она была предшественницей въ подвигѣ Маргаритѣ Михайловнѣ Тучковой, чрезъ три года сдѣлавшей тоже по смерти павшаго мужа при Бородинѣ, и Августъ мѣсяцъ для обѣихъ ихъ былъ роковымъ.

[49] Должно замѣтить, что тогдашніе Шведы боялись болѣе всего быть обойденными (плоды теоретической тактики). Наши тогдашніе Генералы скоро подмѣтили это, и не было сраженія, въ которомъ бы мы не употребляли всегда съ пользой такое обходное движеніе, иногда самымъ ничтожнымъ количествомъ, для того только, чтобы сдѣлать съ тылу ихъ нѣсколько выстрѣловъ, ударить въ барабаны, или протрубить что ни будь. Лѣсъ скрывалъ численность обходящихъ. Когда ни будь соберу въ одно цѣлое объ этомъ всё, что знаю по опыту, что вычиталъ и что слышалъ.

сдѣлано, и то мѣсто, на которомъ непріятель могъ бы остановиться, занято нашимъ бивуакомъ, тогда онъ тотчасъ послалъ къ Эриксону, чтобы спѣшилъ на соединеніе, а Козачковскаго, только что пришедшаго, приказалъ вести къ Дьякнебодѣ. На половинѣ дороги къ оной, Графъ догналъ Калужскій полкъ: съ нимъ былъ только Закревскій, всѣ были разосланы. Въ это самое время прискакалъ отъ Сабанѣева Адъютантъ его Джибановскій, съ извѣстіемъ, что взятый Лѣкарь въ плѣнъ говоритъ, что Шведы собираются садиться на суда и что поворотъ съ большой дороги, въ Ратанъ, уже свободенъ. [50] Графъ послалъ Закревскаго къ идущимъ полкамъ, чтобы спѣшили, а самъ поскакалъ къ Сабанѣеву, въ сопровожденіи только меня и ординарца Сѣвскаго полка, Подпоручика Графа Оливейра. Не вполнѣ еще сойдя съ лошади, первый вопросъ Графа былъ: «Занялъ ли онъ, Сабанѣевъ, поворотъ?» Оказалось, что недостаточно, приказалъ мнѣ отвести баталіонъ и помѣстить его такъ, чтобы, въ случаѣ чего, онъ могъ не вдругъ быть сдвинутымъ.

XVI.

Обходныя движенія бродомъ. Главные виновники успѣха побѣды при Северѣ. Дѣло при Ратанѣ.

Оставляя войска сосредоточиваться у Дьякнебоды, необходимо, въ нѣсколькихъ словахъ, пояснить, какимъ образомъ наши, во время сраженія при Северѣ, очутились за рѣкой, на лѣвой оконечности непріятельской позиціи? Въ Тёфтѣ, когда Графъ отправилъ Сабанѣева съ авангардомъ для начатія дѣла, въ то же самое время онъ составилъ наблюдательный отрядъ, подъ начальствомъ

---

[50] Отъ Дьякнебоды, съ большой дороги, есть тропинка черезъ лѣсъ и груды камней; по ней до Ратана, мѣста высадки Шведовъ, съ небольшимъ 6 верстъ; тропинка эта чрезвычайно затруднительна и для одной пѣхоты, которая не вездѣ можетъ итти разсыпнымъ строемъ; другая, въ Ратанъ, дорога идетъ отъ Дьякнебоды верстъ 8, по направленію къ Бюгдео, и потомъ поворачиваетъ вправо, потомъ опять вправо 8 верстъ до Ратана; дорога эта совершенно удобна и хороша, какъ и всѣ дороги въ Швеціи.

16

Г.-М Ансельма, и направилъ его прямо изъ Тёфте къ устью р. Севаръ, оканчивающейся заливомъ, въ полверсты шириною, съ цѣлію наблюдать: не предприметъ ли непріятель съ этой стороны обходить насъ, или если представится возможность, то угрожать и ему обходомъ. Назначенный пунктъ Ансельму былъ совершенно отдѣльный отъ мѣста битвы, разстояніемъ около шести верстъ. Подойдя къ мѣсту назначенія, Ансельмъ не видѣлъ противъ этого пункта непріятеля, лѣвый флангъ коего оканчивался отъ него версты за двѣ; попытавъ глубину, онъ нашелъ ее непроходимою. Оставаясь въ раздумьѣ, что ему предпринять, какъ въ это время начавшіе купаться люди нашли, что именно на самомъ широкомъ мѣстѣ разлива глубина не достигала до пояса; то тотчасъ, не откладывая, люди снимаютъ нижнее платье, и Ансельмъ со всѣмъ отрядомъ переходитъ на лѣвый берегъ. Замѣтивъ это, Шведы отправили на него силы, превосходящія его и предъ которыми Ансельмъ началъ было ослабѣвать. Сабанѣевъ, находившійся ближе другихъ къ нему (около четырехъ верстъ), также послалъ роту своего полка, для наблюденія берега той же рѣчки. Командиръ этой роты, Капитанъ Шредеръ, дозволилъ людямъ по частямъ выкупаться, и они открыли бродъ, который былъ тотчасъ изслѣдованъ; [51] тогда Шредеръ послалъ съ этимъ извѣстіемъ къ Сабанѣеву, просилъ подкрѣпленія, чтобы переправиться и ударить въ тылъ Шведовъ, одолѣвающихъ Ансельма. Подкрѣпленіе тотчасъ было послано съ храбрымъ Маіоромъ Фрейтагомъ. Оно съ крикомъ ура и барабаннымъ боемъ ударило въ тылъ непріятеля, который въ это же время столь же стремительно былъ атакованъ Ансельмомъ и, не имѣя уже возможности присоединиться къ позиціи, бросился въ лѣсъ, и здѣсь-то и было взято значительное число плѣнныхъ. [52] Эти-то движенія и были поводомъ смятенія, открывшагося у тѣхъ, которые тѣснили главныя

---

[51] Бродъ отысканъ 3-го егерскаго полка Шт.-К. Заржицкимъ. Лѣтъ за 20 тому назадъ я встрѣтилъ его здѣсь, онъ былъ Полковникомъ, за ранами въ отставкѣ. Дочь воспитывалась въ Патріотическомъ Институтѣ, за которою, кажется, онъ и пріѣзжалъ.

[52] Шведскія войска, дѣйствовавшія подъ Северомъ, были большею частію составлены изъ гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ чистыхъ Шведовъ и Далекарлійцевъ, щегольски одѣтыхъ и очень красивыхъ. Они не такъ свычны были съ боями, какъ полки Финляндскіе: Саволакцы, Нюландцы и Карельцы; одолѣть этихъ было бы несравненно труднѣе.

силы наши. Все это произошло, по крайней мѣрѣ, спустя два часа послѣ того, какъ Вигель называетъ своего зятя «побѣдителемъ» и пр. Алексѣевъ былъ раненъ въ горькую для насъ минуту не послѣдней пулей, а за ней послѣдовало еще нѣсколько десятковъ тысячъ. Не входя въ полное описаніе битвы, замѣчу, что, помимо распоряженія Графа, главными виновниками успѣха въ разгарѣ ея были Полковникъ Аргунъ и въ особенности Полковникъ Сабанѣевъ. Оба они получили Георгіевскіе кресты на шею, а послѣдній, сверхъ того, произведенъ и въ Генералъ-Маіоры, съ назначеніемъ шефомъ 7-го егерскаго полка. [53] За ними слѣдуетъ Ансельмъ, кошемаръ Вигеля. Собравшись въ Дьякнебодѣ, Графъ послалъ Козачковскаго большой дорогой на Ратанъ; за нимъ потянулись другія войска. Сабанѣева онъ направилъ по тропинкѣ прямо въ Ратанъ, приказавъ, что если путь не такъ затрудненъ, какъ описывается, то чтобы послалъ меня, или приданнаго мнѣ тутъ, Подпоручика Графа Оливейра, провести по оному же подошедшій арьергардъ, изъ котораго Эриксона оставить въ Дьякнебодѣ, а Властова, съ его 24 полкомъ, присоединить къ себѣ. Я не буду описывать происходившаго здѣсь жаркаго дѣла, гдѣ мы потеряли почти столько же, какъ и подъ Севаромъ, если принять во вниманіе, что въ Ратанѣ всѣ раны происходили изъ тяжелыхъ морскихъ орудій, изъ которыхъ много выбрасывалось ядеръ попарно соединенныхъ или цѣпями, или стержнемъ, или наконецъ бросаемою крупною картечью; ранъ пулями было очень немного; ибо пѣхота, подъ прикрытіемъ огня, съ своего флота спѣшила садиться въ барказы, на которыхъ наша артиллерія, въ особенности два легкія орудія молодого Прапорщика Притчина, производила картечью ужасное опустошеніе. [54] Умалчиваю и объ этомъ дѣлѣ, о которомъ Вигель и не упоминаетъ, а, вѣроятно, и не слыхалъ о немъ, такъ какъ зять его здѣсь не участвовалъ.

---

[53] Сабанѣевъ былъ только Полковымъ Командиромъ 3-го егерскаго полка, коего шефомъ былъ Барклай де Толли, сдавшій полкъ Сабанѣеву, на законномъ основаніи.

[54] Графъ былъ восхищенъ хладнокровіемъ, отвагой молодаго Офицера, и прямо наградилъ его Владиміромъ 4-й ст. съ бантомъ. Будучи же назначенъ Главно-

XVII.

Обратный походъ Графа Каменскаго къ Сѣверу. Награда Алексѣеву за Севарское сраженіе. Біографическія свѣдѣнія о Каменскомъ.

Выше приведенный текстъ Вигель заключаетъ (стр. 68) слѣдующимъ, до крайне изумительно невѣжественнымъ разсказомъ: «Послѣ того (т. е., послѣ того, какъ Алексѣевъ выигралъ ему Севарское сраженіе!) Каменскій, не дожидаясь никакихъ уже приказаній изъ Петербурга, поспѣшно началъ ретироваться къ Умео и далѣе. Въ столицѣ, гдѣ довольно поздно получено было извѣстіе о Севарскомъ дѣлѣ, принято оно было за пораженіе. Аракчеевъ готовилъ свои перуны противъ Каменскаго: онъ ни какъ не хотѣлъ понять, чтобы послѣ побѣды можно было идти назадъ.» Въ другомъ случаѣ можно было объяснить это опечаткой по тому, что изъ Севара ретироваться нельзя на Умео, а развѣ на Питео, или что либо подобное; но у Вигеля, какъ говорится, «всякое лыко въ строку,» по тому что все это доказываетъ, что онъ писалъ «зря», не изучивъ ни мѣстности, словомъ, ничего, кромѣ составленія кантаты своему зятю. Наконецъ, я не знаю, ожидалъ ли и долженъ ли былъ Каменскій ожидать какихъ предписаній изъ Петербурга, чтобы ретироваться; не знаю также, по чему въ столицѣ поздно получено извѣстіе о Севарскомъ сраженіи; какіе «перуны» готовились отъ Аракчеева противъ Каменскаго, и точно ли Графъ Алексѣй Андреевичъ не понималъ, что послѣ побѣды нельзя было идти назадъ: въ эти тайны я проникать не могу, а буду говорить только о томъ, что знаю и въ чемъ участвовалъ.

Очистивъ себѣ дорогу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, истощивъ снаряды и нуждаясь въ продовольствіи, Каменскій направился на Питео, куда изъ Улеаборга все необходимое было доставлено съ неотмѣннымъ предположеніемъ тотчасъ вернуться въ Умео. У него и въ мысляхъ не было ретироваться, хотя онъ и лишился великаго сподвижника своего, Алексѣева, главнаго двигателя къ побѣдамъ М. П. Долгорукаго, Н. А. Тучкова 1-го, Графа П. А. Шувалова и на-

командующимъ Дунайскою арміей, перевелъ его туда. Притчинъ, кажется, погибъ подъ Рущукомъ. За Севаръ и Ратанъ я получилъ золотую шпагу, съ надписью: «За храбрость.» Это была шестая награда за эту войну: отъ 15 Октября 1808 по 8-е Августа 1809 года.

конецъ Графа Н. М. Каменскаго. Не смотря на столь важную утрату, этотъ послѣдній и не думалъ ретироваться, да еще ретироваться такъ отчаянно, не ожидая никакихъ предписаній изъ Петербурга! Графъ Каменскій предъ тѣмъ, какъ оставить Ратанъ, требовалъ у Вахтмейстера, чтобы флотъ тотчасъ удалился, иначе онъ найдетъ средство сжечь его. Флотъ удалился въ море, и мы, выступивъ 12 Августа изъ Ратана, достигли 18-го числа Питео. Снабдивъ войско всѣмъ необходимымъ, чрезъ три дня, 21-го числа, мы выступили опять къ Умео. Казаки, шедшіе впереди, встрѣтили Шведовъ у пасторскаго дома, въ Шелефте, и готовы были напасть на нихъ, но оказалось, что это былъ самъ Генералъ Сандельсъ, ѣхавшій къ Графу Каменскому, съ уполномочіемъ на переговоры: онъ прибылъ въ главную квартиру, гдѣ, въ виду скораго заключенія мира, сдѣлано въ нашу пользу перемиріе, о которомъ Вигель вовсе не упоминаетъ и, конечно, опять по тому, что зять былъ уже раненъ и не находился при войскахъ, между тѣмъ какъ этотъ эпизодъ весьма знаменателенъ, и онъ могъ бы найти его во всѣхъ описаніяхъ этой войны. Не смотря на ожидаемый миръ, Каменскій усиливалъ свой корпусъ, образовывая резервы въ Улеаборгѣ и въ Торнео, чтобы, въ случаѣ разрыва конференцій, съ энергіею начать свои дѣйствія. Но миръ послѣдовалъ скоро. 5-го Сентября онъ былъ заключенъ въ Фридрихсгамѣ, менѣе нежели черезъ мѣсяцъ послѣ Севарскаго разгрома, который отнялъ всякую надежду у Шведовъ исправить свои дѣла.

Нельзя не замѣтить на этой же 68-й страницѣ того мѣста, гдѣ говорится о пожалованіи Каменскаго въ Генералъ-Аншефы за Севарское дѣло, которое побудило Шведовъ скорѣе заключить миръ, слѣдующее прибавленіе: «Алексѣеву же моему послѣ дали брилліантовую Аннинскую звѣзду, да, какъ инвалиду, дали аренду въ полторы тысячи рублей серебромъ; онъ и тѣмъ остался очень доволенъ.» Выше видно было участіе Алексѣева въ Севарскомъ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ раненъ, но не имѣлъ случая сдѣлать что либо особенное, и только что предъ тѣмъ уже награжденный, а потому за Севаръ награда и длилась, пока Каменскій не былъ назначенъ Главнокомандующимъ арміею, дѣйствующею въ Турціи, и тогда, что Вигель опредѣляетъ словомъ «послѣ», «дали брилліанты на Аннинскую звѣзду и аренду въ полторы тысячи рублей серебромъ.» Но здѣсь достойно замѣчанія выраженіе Вигеля, что «и тѣмъ онъ остался доволенъ!» Не уже ли Филиппъ Филипповичъ серьезно почитаетъ награду эту недостойною? Разсчиталъ ли онъ

что, независимо отъ брилльянтовыхъ украшеній, аренда составляетъ сумму въ осьмнадцать тысячъ рублей серебромъ, что на ассигнаціи тогда было около семидесяти тысячъ. Полный Генералъ и Корпусный Командиръ (а не Г.-М. и шефъ полка) Дохтуровъ, спустя неполныхъ три года, за удержаніе Смоленска, 5 Августа, 1812 г., получилъ въ награду, безъ всякаго другого брилльянтоваго приложенія, только двадцать пять тысячъ рублей ассигнаціями; значитъ почти только третью часть того, что было, по ходатайству Каменскаго и Шувалова, пожаловано Алексѣеву. Въ то время такія суммы въ награду почитались значительными, и я помню, какъ всѣ спѣшили его поздравить, и какъ онъ самъ былъ доволенъ. Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ Смоленска, за Бородинскую битву получилъ сто тысячъ ассигнаціями, что только не полной третьей частью болѣе награды Г.-М. Алексѣева; но этотъ былъ зять Вигеля, въ этомъ то и вся суть. Сколько такихъ необдуманныхъ выраженій въ «Воспоминаніяхъ»?!»

Во время пребыванія нашего болѣе мѣсяца въ Питео, первое время Графъ былъ совершенно спокоенъ. Весь штабъ его съ утра до вечера находился у него; бесѣда его была нестѣснительна; разговоръ его очень занимательный и отличавшійся простотой и живо напоминалъ мнѣ Князя М. П. Долгорукаго. Болѣе важныя бумаги Графъ диктовалъ самъ, иногда четыремъ и болѣе лицамъ, садившимся за большой обѣденный столъ, который не разбирался и на которомъ обѣдали, ужинали, пили чай по утру и вечеромъ. Графъ, разсадивъ долженствовавшихъ писать, объявлялъ каждому послѣдовательность словъ, которыя каждый долженъ вписывать, и ходя довольно скорымъ шагомъ и всегда съ Турецкимъ чубукомъ, въ одно время отрывистыми словами диктовалъ: рапортъ Аракчееву, приказъ по корпусу, распоряженіе въ Улеаборгѣ, Торнео и т. п., какъ, на примѣръ: «Имѣю честь донести Вашему Сіятельству;» или: «Получивъ предписаніе,» и т. п. «предписываю полкамъ то и то, или: «поставляю на видъ той то, изъ имѣющихся у васъ запасовъ» и т. д.; выговаривалъ чисто, съ разстановкой. Всѣ знали очередь. Сначала мнѣ было затруднительно, но я скоро привыкъ, и изъ насъ ошибался только одинъ: это былъ братъ его, котораго онъ называлъ Петрушей, большой шалунъ (въ послѣдствіи командиръ егерскаго полка, вызвавшій на дуэль Бригаднаго Генерала С. И. Маевскаго, который вошелъ съ рапортомъ, испрашивая разрѣшенія: должен ли начальникъ объясняться съ под-

чиненнымъ? Каменскій былъ посланъ въ Херсонскую крѣпость, гдѣ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, купаясь, утонулъ въ Днѣпрѣ). По окончаніи написанное бралъ Закревскій, исправлялъ, докладывалъ и т. п. Но скоро это мирное патріархальное спокойствіе измѣнилось: Графъ получилъ свѣдѣніе о несчастной смерти отца своего, въ Орловской деревнѣ. Около сего же времени наложеніе траура въ арміи, по смерти Фельдмаршала Князя Прозоровскаго, сначала раздосадовало Графа, но потомъ онъ, кажется, объяснилъ себѣ эту почесть тѣмъ, что Прозоровскій умеръ въ головѣ арміи, а отецъ его—въ деревнѣ. Но какъ бы то ни было, онъ сдѣлался такъ раздражителенъ, что едва ли не подходилъ иногда подъ описанное Вигелемъ состояніе въ Севарѣ. Были сцены, которыя дѣйствительно выходили изъ круга обычныхъ, о которыхъ не мѣсто писать здѣсь, а только можно сказать, что врядъ ли онъ былъ бы въ состояніи нести бремя, если бы военныя дѣйствія тотчасъ возобновились. Въ Ноябрѣ, на данномъ ему блистательномъ праздникѣ, въ Улеаборгѣ, [55] онъ былъ еще подъ гнетомъ тоски, причину которой приписывали и отъ другихъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, огорченій, о чемъ также умалчиваю.

Здѣсь, въ заключеніе, нельзя не пожалѣть, что наши ученые военные историки до сихъ поръ не только что не занялись подробнымъ изложеніемъ этой войны, но оно не входитъ даже въ программу испытаній выпускаемымъ изъ Военной Академіи. Несомнѣнно, что подробное изученіе этой войны и театра оной, такъ близкаго къ нашей столицѣ, было бы несравненно существенно-полезнѣе, нежели безконечныя сужденія объ Австро-Прусской войнѣ, которыя не вполнѣ практически къ намъ примѣнимы; между тѣмъ какъ наша война со Швеціей, въ особенности если она будетъ имѣть союзниковъ, должна будетъ происходить на томъ же театрѣ, что и въ 1808—1809 годахъ, гдѣ ничего, или, по крайней мѣрѣ, мало измѣнилось, а потому было бы весьма поучительно и полезно для тѣхъ, которые могутъ найтись дѣятелями наономъ. Война 1828—1829 годовъ съ Турками представляетъ уже интересъ чисто историческій; ибо тамъ почти все измѣнилось, начиная съ кабинетныхъ стратегическихъ соображеній, слѣдователь-

[55] Этотъ данный корпусомъ праздникъ описанъ въ брошюрѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ подъ заглавіемъ: «Малая война.» И. П. Липранди. Спб. 1851 г.

но, не столь поучительно, какъ подробное изложеніе Финляндской войны 1808—1809 годовъ. Между тѣмъ какъ извѣстно, что одинъ военный Профессоръ взялся за описаніе Турецкой войны 1828—1829 г., не участвовавшій въ оной, и тогда какъ она очень удовлетворительно изложена уже участникомъ въ оной Н. А. Лукьяновичемъ и описана Г. Валентини, знакомымъ съ этою войной 1806—1812, и какъ говорятъ, что и другой Прусскій Генералъ, Мольтке, бывшій въ Турецкой службѣ, занимается описаніемъ оной, а Финляндская война, 1808—1809 годовъ, изъ всѣхъ нашихъ войнъ оставлена какъ бы за штатомъ, не смотря на великое ея значеніе въ будущемъ. Шведская военная литература очень богата описаніями этой войны въ разныхъ видахъ, что продолжается и нынѣ,[56] между тѣмъ какъ у насъ есть краткій очеркъ на Французскомъ языкѣ Графа Сухтелена, и описаніе далеко неудовлетворительное Михайловскаго-Данилевскаго, и неудовлетворительно именно было потому, что нелегко доискивался до матеріаловъ, какъ это и видно изъ его изложенія. Въ одной изъ моихъ статей 1858 года, я имѣлъ случай говорить нѣсколько пространнѣе объ этомъ предметѣ и необходимости собрать нѣсколько разбросанныхъ статей въ журналахъ. Тогда было еще нѣсколько живыхъ дѣятелей, имѣвшихъ записки; но теперь врядъ ли найдется и полдюжина участниковъ въ этой войнѣ.

XVIII.[57]

Дуэль Графа Ѳ. И. Толстого съ Нарышкинымъ. Алексѣевъ въ Петербургѣ. Мнимое отчаяніе Графа Каменскаго при штурмѣ Рущука. Опять Анселымъ.

На 78-й стран. «Воспоминаній» Вигель, разсказывая, что сестра его (жена Алаксѣева), «въ концѣ мрачнаго Октября, повезла

[56] Въ 1860 году, я долженъ былъ помѣстить на Шведскомъ языкѣ, въ Гельсингфорскомъ литературномъ журналѣ двѣ статьи, будучи вызванъ на то однимъ сочиненіемъ въ Стокгольмѣ, другимъ въ Гельсингфорсѣ.

[57] Все разсказанное въ этой главѣ и въ двухъ послѣдующихъ тоже было напечатано уже въ Русскомъ Архивѣ, 1870 г., стран. 369.

изъ Абова раненаго Алексѣева, въ Петербургъ,» дѣлаетъ, подъ звѣздочкой, выноску, подъ которой, между прочимъ, разсказываетъ о поединкѣ Графа Ѳ. И. Толстого съ Нарышкинымъ, и что поводомъ къ тому была взаимная ревность: «Они оба были влюблены въ какую-то Шведку, Финляндку, или Чухонку.» Дѣйствительно, столкновеніе Толстого съ Нарышкинымъ произошло у Алексѣева, но не за большимъ карточнымъ столомъ, а за бостоннымъ, въ которомъ принимали участіе: Алексѣевъ, Ставраковъ, Толстой и Нарышкинъ. Никакой разбранки, о которой говоритъ Вигель, между ними не было, тѣмъ еще менѣе за ревность: въ этомъ отношеніи они были антиподами. Нѣсколько дней предъ тѣмъ, Толстой прострѣлилъ Капитана Генеральнаго Штаба Брунова, вступившагося, по сплетнямъ, за одну изъ своихъ сестеръ, о которой Толстой сказалъ какое-то словцо, за которое въ настоящее время не обратили бы вниманія, или бы посмѣялись и не болѣе; но надо перенестись въ ту пору, чтобы судить о впечатлѣніяхъ. Когда словцо это дошло до брата, то онъ собралъ свѣдѣнія, при комъ оно было произнесено. Толстой подозрѣвалъ (основательно, или нѣтъ, не знаю), что Нарышкинъ, въ числѣ будто бы другихъ, подтвердилъ сказанное. Этотъ послѣдній зналъ, что Толстой подозрѣваетъ его въ этомъ. Играли въ бостонъ съ прикупкой: Нарышкинъ потребовалъ туза такой-то масти. Онъ находился у Толстого; отдавая его, безъ всякаго сердца, обыкновеннымъ дружескимъ, всегдашнимъ тономъ, онъ присовокупилъ: «Тебѣ бы вотъ надо этого!» относя къ другого рода тузу. На другой день Толстой употреблялъ всѣ свои средства къ примиренію, но Нарышкинъ оставался непреклоненъ, и чрезъ нѣсколько часовъ былъ смертельно раненъ въ пахъ. Графъ Шапъ де Растильякъ, его однополчанинъ, былъ секундантомъ. Далѣе Вигель описываетъ пребываніе своего героя въ Петербургѣ: «На костыляхъ представился онъ Государю и Аракчееву; даже послѣдній принялъ его ласково и даже посадилъ, чего не дѣлалъ онъ съ корпусными командирами. Изъ военныхъ всѣ вельможные часто посѣщали его, оказывая ему участіе и уваженіе, особливо же недавніе начальники его—Шуваловъ и Каменскій» и, разсказывая жизнь армейскихъ, которые, не заботясь о состояніи своего кармана, какъ говорится, у нихъ въ мирное время «послѣдняя копѣйка ребромъ,» присовокупляетъ: «А этотъ (Алексѣевъ) былъ особенно добродушный и нерасчетливый весельчакъ» и т. п.

На стран. 106-й: «По засвидѣтельствованію очевидцевъ,» но

не называя ихъ, представляетъ опять отчаяніе Каменскаго во время Рущуцкаго штурма: «Каменскій, увидя совершенную неудачу свою, и съ отчаянія, забывъ весь страхъ (!), жаждалъ смерти и становился въ самыя опасныя мѣста, куда изъ крѣпости долетали непріятельскія ядра (!).» Что же это такое? Вѣдь смыслъ такихъ выраженій дышетъ эпиграммой. На счетъ отчаянія крѣпко сомнѣваюсь; что же относится до словъ: «забывъ весь страхъ,» то нахожу ихъ очень неумѣстными: Н. М. Каменскій извѣстенъ былъ своимъ безстрашіемъ съ молодыхъ лѣтъ и, какъ Главнокомандующій, онъ зналъ свое мѣсто. Но положимъ, однако же, что онъ забылъ весь страхъ и становился въ самыя опасныя мѣста, то такія самыя опасныя мѣста, конечно, уже не тамъ, куда изъ крѣпости долетаютъ непріятельскія ядра (!!). Добросовѣстно ли браться писать о томъ, о чемъ не имѣешь никакого понятія? Такихъ промаховъ о военномъ дѣлѣ нѣтъ даже и у Тьера. На слѣдующей 107 стран. является опять кошемаръ Вигеля — «Французъ Ансельмъ де Же, котораго Каменскій имѣлъ слабость взять съ собой,» и дѣлается непослѣднимъ дѣятелемъ въ интригахъ противъ Каменскаго!

XIX.

Кампанія 1815 года: Походъ драгунской дивизіи Алексѣева изъ Бѣлостока. Рекогносцировка въ окрестностяхъ крѣпости Фальцбурга. Распоряженіе о блокадѣ Меца. Упрямство Австрійцевъ.

Въ войну 1812—1814 года Алексѣевъ и я были въ разныхъ арміяхъ, и мнѣ ни разу не пришлось съ нимъ встрѣтиться; но съ Мая 1815 г. по исходъ 1818 года я былъ съ нимъ неразлучно. Возвратясь въ Іюнѣ, 1814 года, изъ Франціи Подполковникомъ, я былъ назначенъ въ городъ Бѣлостокъ для военнаго описанія. какъ этой (тогда) Области, такъ и Гродненской Губерніи. Въ Маѣ 1815 г. мнѣ предписано было ожидать прибытія 3-й драгунской дивизіи, въ которую назначался дивизіоннымъ Квартирмейстеромъ. Дивизія находилась въ корпусѣ Графа Ланжерона, въ составѣ арміи Эрцгерцога Карла, знаменитаго отступателя. Чрезъ нѣсколько дней драгунская дивизія, бывшая подъ начальствомъ Алексѣева,

пришла въ Бѣлостокъ, и на другой день мы выступили далѣе. Походъ этотъ былъ въ родѣ прогулки. Жена Алексѣева, Наталья Филипповна, которую я видѣлъ раза два въ Або, въ концѣ 1809 года, настигла мужа. Тоже жены Полковниковъ: Графа В. В. Гудовича, А. А. Набеля и С. И. Лесовскаго, не задолго предъ тѣмъ обвѣнчанныя, какъ равно и жена Адъютанта Алексѣева, Штабсъ-Капитана Барона Соловьева (съ командиромъ же Смоленскаго драгунскаго полка Дзеконскимъ была его племянница), присоединились къ мужьямъ своимъ. До границъ съ Пруссіей всѣ эти дамы ѣхали при мужьяхъ, но здѣсь онѣ отстали. Въ Бамбергѣ драгунская дивизія соединилась съ двумя пѣхотными, составлявшими корпусъ Графа Ланжерона, который и пошелъ, чрезъ Франкфуртъ на Майнѣ, въ Майнцъ, гдѣ находился Главнокомандующій резервной арміи, Эрцгерцогъ Карлъ. Не останавливаясь здѣсь болѣе, какъ на дневку, Его Высочество угощалъ насъ обѣдомъ. Ватерлооская битва была уже дана; Парижъ занятъ, но крѣпости не признавали еще возвратившагося Людовика XVIII, и въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ мѣстахъ Эльзаса и Лотарингіи образовались въ партизанъ (большею частію лѣсная и таможенная стражи) отставные солдаты и Офицеры; въ составѣ партій этихъ встрѣчались и бездомные искатели приключеній. 3-я драгунская дивизія шла въ первомъ эшелонѣ; къ ней придали два Казачьихъ полка и направили на Саарбрюкъ. По прибытіи 2-го и 3-го эшелона, составленнаго изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій, драгуны и Казаки направлены были въ Саргемюндъ. Лѣса, окружавшіе болѣе, или менѣе, укрѣпленные: Фальцбургъ, Сааръ-Луи, Бичъ или Лиценштейнъ, Французами называвшійся «Petite-pierre,» были наполнены партизанами. Графъ Ланжеронъ отправилъ меня съ эскадрономъ Кинбургскихъ драгунъ и двумя сотнями Казаковъ въ с. Трулингенъ, гдѣ, развѣдавъ о возможности пробраться около крѣпости Фальцбурга, собрать необходимыя свѣдѣнія объ окрестныхъ мѣстахъ, спуститься къ Саверну, гдѣ встрѣчу кирасиръ Барона Винценгероде, идущихъ на Нанси, и сообщить ему эти свѣдѣнія. Въ Трулингенѣ я узналъ, но не положительно, что со вчерашняго дня Австрійцы подошли къ Фальцбургу. На проходѣ почти сплошнымъ лѣсомъ сдѣлано было по драгунамъ нѣсколько выстрѣловъ; спѣшившійся взводъ отвѣчалъ, но такъ какъ все утихло, мы на рысяхъ вынеслись чрезъ нѣсколько верстъ на поляну и встрѣчены были двумя пушечными выстрѣлами изъ Фальцбурга, что заставило насъ опять скрыться въ лѣсъ. Нѣсколько Казаковъ влѣзли

на болѣе высокія деревья и замѣтили влѣво, версты за полторы, пѣхотный лагерь, а саженяхъ во ста, пѣхотный пикетъ; ошибаться было нельзя: бѣлые мундиры заявили себя Австрійцами; я тотчасъ послалъ къ нимъ Казачьяго Офицера, чтобы отвратить тревогу, и вышелъ изъ лѣса; данный мнѣ проводникъ съ пикета, чрезъ полчаса, привелъ насъ въ восточное предмѣстье Фальцбурга, гдѣ командировавшій Австрійскою бригадой Генералъ Луксенъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, не вполнѣ меня удовлетворившія для донесенія Графу Ланжерону и сообщенія Барону Винценгероде. Оставивъ для сего, съ разрѣшенія Луксена, Офицера, самъ съ отрядомъ спустился съ горы и чрезъ два часа пришелъ въ Савернъ, куда въ полдень подошелъ и кирасирскій корпусъ Винценгероде. Здѣсь встрѣтилъ я, независимо начальника моего 1813 и 1814 годовъ, Барона, у котораго я былъ Оберъ-Квартирмейстеромъ, и весь его штабъ почти въ томъ же составѣ, исключая Князя С. Г. Волконскаго, который уже не былъ дежурнымъ Генераломъ, а начальствовалъ дивизіею. Скудныя свѣдѣнія, мною доставленныя, оказались удовлетворительными. Получивъ нѣкоторыя бумаги, съ разсвѣтомъ, вмѣстѣ съ кирасирами, выступилъ и я. Обойдя крѣпость, Винценгероде направился чрезъ Люневиль на Нанси, [58] а я повернулъ на право въ Трулингенъ. Пока кормили лошадей, пріѣхалъ начальникъ корпуснаго штаба Г.-М. Павелъ Ивановичъ Нейдгардтъ, и опять вернулъ меня для указанія мѣстности около Фальцбурга, куда назначалась часть нашего корпуса для блокады, на смѣну Австрійцевъ, а другія двѣ части: Сааръ-Луи и Бича. Выдержавъ по пустому нѣсколько пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, которыми ранены два драгуна, четыре Казака и пять лошадей, изъ коихъ двѣ были убиты на мѣстѣ, мы вернулись поздно вечеромъ въ Трулингенъ, съ тѣмъ, чтобы самымъ раннимъ утромъ возвратиться въ Сааргемюндъ. Часа чрезъ два прискакалъ Адъютантъ Графа, Бестужевъ-Рюминъ, съ извѣстіемъ, чтобы мы дожидали его къ 10 часамъ утра. Въ

---

[58] Корпусъ, войдя въ лѣса и подходя къ Люневилю, былъ тревожимъ партизанами или, какъ ихъ тогда называли, «corps-francs». Чрезъ нѣсколько времени проѣзда Императора Александра 1-го, на этомъ же мѣстѣ извѣстный тогда партизанъ «Присъ», напалъ на конвой; при этомъ случаѣ ѣхавшій впереди, для открытія гвардейскаго генеральнаго штаба Ш.-К. Левъ Алексѣевичъ Перовскій (въ послѣдствіи Министръ и Графъ), въ числѣ другихъ, сдѣланнымъ залпомъ былъ раненъ въ ногу.

назначенное время онъ пріѣхалъ, вмѣстѣ съ Алексѣевымъ, которому предназначалось наблюденіе за Фальцбургомъ, съ придачею двухъ пѣхотныхъ полковъ, въ замѣнъ которыхъ изъ его дивизіи брались два драгунскихъ къ другимъ пунктамъ. Проѣхавъ опять пространство, но въ это время благополучно, мы на четверть часа побывали у Генерала Луксена, и какъ Савернъ былъ только въ нѣсколькихъ верстахъ, а тамъ была прекрасная гостиница, то Графъ рѣшилъ ѣхать туда обѣдать, оставивъ конвой передъ спускомъ съ горы. Ланжеронъ провѣрялъ здѣсь баснословное преданіе прыжка какого-то Принца съ горы и воображаемые слѣды подковъ его лошади на камнѣ. Въ 10 часовъ вечера всѣ возвратились въ с. Трулингенъ, совершенно истомленные, но отдыхъ былъ очень кратковременный; Адъютантъ Графа Ланжерона, Князь Ратѣевъ, тогда очень извѣстный всей арміи происшествіемъ своимъ въ семействѣ Графа, пріѣхалъ вмѣстѣ съ фельдъегеремъ и Австрійскимъ Адъютантомъ Эрцгерцога, съ депешами, по которымъ всему корпусу нашему измѣнялось назначеніе: пѣхота должна была немедленно слѣдовать въ Понтъ-а-Муссонъ, а драгунская дивизія, съ двумя полками Казаковъ, для блокады Меца. Въ ту же ночь дотащились мы на изнуренныхъ, какъ и сами, лошадяхъ, въ Саргемюндъ и занялись диспозиціями и маршрутами для выступленія въ тотъ же день. Не знаю, почему Австрійскій Адъютантъ требовалъ, чтобы ему указаны были мѣста Фальцбурга, Сааръ-Луи и Бича, которыя прежде назначались намъ для обложенія, но къ которому мы еще не приступали; смѣшнѣе же всего было настояніе о Фальцбургѣ, наблюдавшемся съ самаго начала Австрійцами; но на возраженіе о семъ Нейдгардта, Австрійскій Адъютантъ отвѣчалъ очень хладнокровно, что это не ихъ арміи (т. е., Эрцъгерцога), а корпуса Графа Бубны. Павелъ Ивановичъ былъ горячаго темперамента; онъ продолжалъ опровергать безсмыслицу требованія, но ничего не помогло: непроходимый, какъ говорятъ, тяжелый Швабъ не поддавался. Наконецъ, Графъ рѣшилъ удовлетворить этому педантизму, и какъ и слѣдовало, на меня возложили это непріятное порученіе. [59] Одно, что умиротворяло меня, это то, что Австріецъ не спѣшилъ. Наши войска выступили, а мы преспокойно отдохнувъ до другого дня, неутомительно испол-

---

[59] Командированіе меня чрезъ Трулингенъ къ Фальцбургу и пр. и успѣшное исполненіе было засвидѣтельствовано приказомъ, отданнымъ по корпусу.

нили порученіе, не лишенное нѣкоторыхъ любопытныхъ, или, правильнѣе сказать, до нельзя смѣшныхъ эпизодовъ!

XX.

Мирная блокада Меца. Кутежи въ саду Жирардена. Пляска и пѣсни Казаковъ въ Корни. Пріѣзды Графа Ланжерона. Размѣщеніе Русскихъ войскъ въ предѣлахъ Франціи и пр.

Возвратясь, я засталъ корпусную квартиру уже на мѣстѣ, въ Понтъ-а- Муссонѣ, а Алексѣева, наблюдавшаго за Мецомъ, въ с. Пельтръ, въ прекрасномъ замкѣ, по дорогѣ въ Майнцъ. Ему придана была бригада Полковника Михайла Александровича Фонъ Визина. Съ возвращеніемъ скоро послѣ Г-на Нейдгардта изъ главной квартиры, положеніе нашего штаба было понято, и онъ былъ тотчасъ переведенъ въ Жуи-оз-Аршъ, [60] на дорогѣ отъ Меца къ Понтъ-а-Муссону, въ 6 отъ перваго и въ 12 верстахъ отъ послѣдняго. Жуи до этого было занято 2-ю бригадой Г.-М. Платона Ивановича Каблукова, оставшагося здѣсь. Конно-артиллерійская рота Фалькенберга придвинулась сюда же, штабъ Казачьяго Ягодкина полка расположенъ былъ при 1-й бригадѣ, въ Пельтрѣ; другой, Гревцова, въ двухъ верстахъ отъ Жуи, въ с. Корни. Скоро приказано было перевести Ягодкина изъ Пельтра на лѣвый берегъ Мозеля и расположить между Мецомъ, Верденомъ и Теонвилемъ, для наблюденія разъѣздами.

Къ Мецу собрались всѣ «corps francs,» дѣйствовавшіе около сихъ мѣстъ; главнымъ начальникомъ у нихъ былъ Полковникъ Веріотъ. [61] Гарнизонъ крѣпости еще не сдавался, но ни онъ, ни

---

[60] Это послѣднее присовокуплено по причинѣ величественныхъ остатковъ Римскаго акведюка, пересѣкающаго селеніе или, лучше сказать, родъ загороднаго помѣщенія въ лѣтнее время богатѣйшихъ жителей Меца.

[61] Веріотъ, лишившійся глаза въ какомъ-то сраженіи, жилъ съ семействомъ въ Тулѣ (старой крѣпосцѣ, въ 4-хъ часахъ отъ Нанси къ Шалону), на своей родинѣ, въ отставкѣ, съ пенсіономъ. Въ 1815 году онъ вступилъ въ «corps-francs». По распущеніи отряда, въ концѣ Сентября, онъ былъ арестованъ и заключенъ въ темницу въ Нанси, съ нѣкоторыми другими. Алексѣевъ и всѣ

партизаны, собравшіеся въ предмѣстья оной, ничего не предпринимали; точно то же было и съ нашей стороны. Въ продолженіе всего времени до Октября мы не обмѣнялись ни однимъ выстрѣломъ, а, напротивъ, очень часто, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю, мы и начальники волонтеровъ: Полковникъ Веріотъ, Довержье, Ришебракъ и изъ крѣпости Генеральнаго Штаба Под-Полковникъ Лекокъ, сходились вмѣстѣ и, начиная съ вечера, часто до ранняго утра проводили въ кутежахъ, въ саду Жирардена, находившемся на демаркаціонной линіи; а были случаи, что подгулявшихъ Французовъ приглашали въ Жуи. Алексѣевъ, жившій у другого Жирардена (брата перваго), не однократно появлялся на эти собранія, но оставался недолго. На такія сходки мы были разрѣшены Графомъ Ланжерономъ, и я долженъ былъ составлять записки, если что услышу отъ противниковъ нашихъ заслуживающаго вниманія и представлять Начальнику Штаба Г.-М. Нейгардту. Независимо отъ сего, въ самомъ Жуи было большое и очень хорошее общество, мужчины коего собирались часто у Алексѣева, и всей ватагой послѣ обѣда разъѣзжали на музыку къ полковымъ командирамъ и въ конноартиллерійскую роту, куда большею частію являлись и дамы, которыхъ Платонъ Ивановичъ Каблуковъ, квартируя у Бутара, имѣвшаго ловкую жену и двухъ сестеръ, приглашалъ къ себѣ. Чаще же всего Алексѣевъ возилъ Французовъ въ Корни, гдѣ стоялъ штабъ Казачьяго Гревцова полка. Домъ, который Французы называли «chateau,» былъ громадный, [62] прекрасно меблированный, садъ тоже превосход-

---

любили этого старика, а по тому обратились къ Коменданту Нанси, нашему Г.-М. Графу Долону, заступившему мѣсто Дорохова въ командованіи Изюмскимъ полкомъ. Онъ былъ уроженецъ Нанси, всѣ мѣстныя власти, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, искали въ немъ. Графъ Ланжеронъ также принялъ участіе въ Веріотѣ; наконецъ придумано было средство: Алексѣевъ, чрезъ Графа Ланжерона требовалъ Веріота для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ (само собою разумѣется вымышленныхъ) по бывшимъ столкновеніямъ подъ Мецомъ. Конецъ концовъ былъ тотъ, что Долонъ выхлопоталъ у Французскаго Генерала, къ которому поступилъ Веріотъ подъ разбирательство, отпустить его на двѣ недѣли изъ темницы, подъ наше поручительство, что и было исполнено. Не прошло и двухъ недѣль, какъ Графы Ланжеронъ и Воронцовъ, у Дюка де Ришелье выхлопотали прощеніе. Одинъ изъ его подчиненныхъ, Ришебракъ, намъ знакомый и вмѣстѣ съ нимъ арестованный, былъ разстрѣлянъ; чуть ли не такая же участь ожидала и Веріота.

[62] Въ прошедшую Франко-Прусскую войну въ немъ помѣщалась главная квартира Принца Фридриха Прусскаго, наблюдавшаго Мецъ (Примѣч. 1872 г.).

ный, и тутъ уже происходили всевозможныя пиршества, бывало до завтрака, на другой день. Ухарскія пляски Казаковъ, ихъ пѣсни и припѣвы (все это, конечно, безъ присутствія дамъ), любимые Алексѣевымъ, очень нравились Французамъ, иногда черезъ чуръ угощеннымъ пуншемъ, которымъ они охотно замѣняли свое кислое «мозель.» Хозяинъ мой Валетъ, Меръ Жуи, снабжавшій насъ продовольствіемъ подъ квитанціи, очень подходилъ къ нашему начальнику веселостью, но всегда просилъ не сказывать его женѣ и двумъ прекраснымъ дочерямъ, изъ коихъ старшая въ наше время вышла замужъ за Французскаго артиллерійскаго Капитана Шюллера, а младшую, Каролину, онъ искалъ спустить кому нибудь изъ Русскихъ, и въ послѣдствіи съ этою же цѣлью пріѣзжалъ и въ Ретель. Валетъ всегда участвовалъ на сходбищахъ въ саду Жирардена. Независимо отъ сего Графъ Ланжеронъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ какъ бы для осмотра войскъ и обѣдывалъ у Алексѣева. Тогда обѣдъ былъ многолюдный: оба бригадные, всѣ полковые и нѣкоторые изъ эскадронныхъ и другихъ начальниковъ, а также и лучшіе мѣстные Французы: Валетъ, оба Жирардена, Бутаръ, Седенъ и пр. Съ Графомъ пріѣзжалъ и весь штабъ его; иногда онъ бралъ съсобой Г.-Л. Петра Кирилловича Эссена, стоявшаго съ дивизіей въ Понтъ-а-Муссонѣ. Всѣ эти обѣды почти ничего не стоили Алексѣеву: Валетъ доставлялъ провизію, вина, фрукты столь прославленные, «mirabelles de Metz,» которыми пріѣзжавшіе запасались и т. п. Все это входило въ составъ общихъ квитанцій штаба и войскъ, превращаясь въ овесъ, сѣно, солому и т. п. Французы сами составили нѣчто въ родѣ продовольственной коммисіи изъ большей части Меровъ селеній, которыя мы занимали. Предсѣдателемъ ея ими же выбранъ былъ Валетъ, какъ Меръ штаба, и онъ одинъ распоряжался всѣмъ, посылалъ ассигновки и т. п. Другіе пріѣзжали въ Жуи только подписывать оныя, а иногда и погулять... Не знаю уже, какъ уплачивалъ Людовикъ XVIII по этимъ квитанціямъ, но знаю отъ самаго Валета (къ которому, ѣхавши въ Висбаденъ и обратно, заѣзжалъ на нѣсколько дней), что онъ не оставался въ накладѣ: «Tout fût liquidé loyallement,» говорилъ онъ. Ланжеронъ всегда уѣзжалъ часа черезъ два послѣ обѣда, и для почести коляска его сопровождалась многочисленной кавалькадой до Корни, двѣ версты, и тамъ оставались у Гревцова. Всѣми любимый Бестужевъ-Рюминъ и Князь Ратѣевъ на этотъ вечеръ отпрашивались у Ланжерона.

Такъ мы прожили до Октября, когда Комендантъ Меца, получивши законныя, по его мнѣнію, предписанія, призналъ Короля, и мы пошли въ Нанси, куда скоро пріѣхала Наталья Филипповна и всѣ дивизіонныя дамы.

Я вошелъ во всѣ эти подробности, чтобы показать, какъ и въ этомъ случаѣ Вигель пристрастенъ къ своему герою. Говоря, что Русскіе не успѣли въ эту кампанію участвовать въ разгромленіи Франціи, присовокупляетъ, на стр. 157 (части IV): «Я было и забылъ сказать, что и въ эту войну Русское войско встрѣтило дѣйствительное упражненіе подъ стѣнами Меца, который довольно долго и упорно защищался. Въ сей осадѣ [63] особенно отличился зять мой, Алексѣевъ, и доказательствомъ тому служитъ данный ему за то чинъ Генералъ-Лейтенанта.»

Изъ приведеннаго предъ симъ разсказа видно, какое было дѣйствительное упражненіе Русскаго войска подъ стѣнами Меца, гдѣ, кромѣ какъ изъ нѣсколькихъ тысячъ бутылокъ Шампанскаго и шипучаго Мозельвейна однѣ пробки, крѣпко загнанныя въ бутылку, могли оказывать упорство при вылетѣ; другихъ выстрѣловъ, повторяю, не было. Произведенъ же Алексѣевъ не за подвиги или, какъ Вигель говоритъ, за отличіе подъ Мецомъ, а въ общемъ производствѣ всѣхъ дивизіонныхъ начальниковъ въ Генералъ-Лейтенанты, а онъ былъ одинъ изъ самыхъ старшихъ Генералъ-Маіоровъ, не разъ обойденный младшими; при общемъ же производствѣ не было причины обходить его. Если же Вигелю нужно было показать, что и Русское войско участвовало въ обмѣнѣ выстрѣловъ съ Французами въ 1815 году, то, независимо отъ нѣкоторыхъ мелкихъ сшибокъ съ партизанами, онъ могъ бы привести довольно жаркую схватку Чернышова въ Шалонѣ.

Тотчасъ по прибытіи дивизіи въ Нанси сдѣлалось уже извѣстнымъ, что 3-я драгунская дивизія поступаетъ въ корпусъ Графа Воронцова, [64] въ составъ союзной арміи, подъ начальствомъ Веллингтона, остающейся во Франціи. Но пока дѣлалось росписаніе этой арміи, мы оставались болѣе мѣсяца въ Нанси.

---

[63] Достопочтенный сочинитель не знаетъ даже, что такое осада, да еще и упорная!

[64] И здѣсь Вигель не оставилъ замѣтить, что Алексѣевъ назначенъ былъ «по собственному выбору Государя». (!!) И жалко и смѣшно!

Наконецъ получено было распоряженіе: пѣхота Русскаго корпуса размѣщалась въ Мобежѣ, гдѣ была корпусная квартира; за тѣмъ въ Авенѣ, Рокруа, Ландреси, Бовѣ, Живѣ, Шарлемонѣ и другихъ, конница отдѣльно, почти за сто верстъ отъ пѣхоты, [65] въ Арденскомъ Департаментѣ, въ прилегающихъ къ Шампаньи округахъ (arrondissement): Ретелѣ и Вузьерѣ. Я тотчасъ долженъ былъ отправиться впередъ для расписанія квартиръ. Въ городѣ Ретелѣ, лежащемъ на дорогѣ отъ Мезьера въ Реймсъ, въ 25 верстахъ отъ сего послѣдняго, кавалерія расквартировалась слѣдующимъ образомъ: въ самомъ Ретелѣ штабы: 1-й бригады и Тверскаго полка; штабъ Смоленскаго полка въ Шато-Порсьенѣ, эскадроны обоихъ полковъ въ окрестныхъ замкахъ; въ г. Вузьерѣ штабъ 2-й бригады и Курляндскаго полка; въ Бюзанси штабъ Кинбургскаго полка, въ окрестностяхъ штабовъ эскадроны, конноартиллерійская рота въ Аттиньи; оба Казачьи полка, подъ начальствомъ Г.-М. Льва Александровича Нарышкина, въ Брикетѣ, близъ Валансьена. Этимъ заключаю замѣчанія на четвертую часть «Воспоминаній» Вигеля.

XXI.

Неловкость положенія Алексѣева, въ слѣдствіе незнанія Французскаго языка. Наличный составъ его дивизіи.

Далѣе Вигель уже не изображаетъ воинскихъ торжествъ Алексѣева. Онъ выдвигаетъ его и свою сестру уже на другое поприще. Онъ описываетъ свое пребываніе въ Парижѣ, Мобежѣ, и въ послѣдствіи говоритъ о своей служебной дѣятельности въ Новороссійскомъ краѣ. Въ оба эти періода не разъ онъ удостоиваетъ упоминать и обо мнѣ.

Прежде чѣмъ дойти до разсказа Ф. Ф. Вигеля обо всемъ этомъ, полагаю, необходимо указать всю ту обстановку, которая окружала воспѣваемаго имъ героя, его семейство и пр. Во 1, должно замѣтить, что Алексѣевъ, не знавшій вовсе Француз-

---

[65] Между нашей пѣхотой и конницей въ Мезьерѣ былъ расположенъ Прусскій корпусъ.

скаго языка, кромѣ двухъ словъ, часто и большею частію некстати употребленныхъ: «мусью и кескесе» (что свидѣтельствуетъ и Вигель), поставленъ былъ, однако, въ необходимость, какъ Командиръ отдѣльной части, имѣть постоянныя сношенія съ мѣстными властями, съ Интендантомъ и Военнымъ Коммисаромъ Французскаго Правительства. Не разъ пріѣзжалъ Арденскій Префектъ Графъ де ла Саль и, проѣздомъ изъ Баръ ле Дюка, Маршалъ Удино, котораго предписывалось принимать съ военными почестями. Независимо прямой моей обязанности, по представленію Алексѣева, Графъ возложилъ на меня отдѣлъ сношеній; къ тому содѣйствовало еще и то, что, во время нахожденія нашего, около трехъ мѣсяцевъ подъ Мецомъ, въ Жуи, вся переписка между Алексѣевымъ и Французами велась мною. Вновь возложенная обязанность эта еще болѣе сблизила меня съ Алексѣевымъ, который, такъ сказать, не отпускалъ меня отъ себя ни на шагъ, и я былъ неизмѣнный его спутникъ всюду. Такое расположеніе Ильи Ивановича ко мнѣ и къ Маркусу (дивизіонный Штабъ-Докторъ), во многомъ не нравилось Натальѣ Филипповнѣ; ей хотѣлось, чтобы только она одна могла быть руководительницей во всемъ, что касается до мужа ея. Какъ очень умная женщина, и на столько же самолюбивая и властолюбивая, какъ и братъ ея, «Филипушко,» она не могла не предугадывать положеніе ея мужа въ томъ кругѣ, въ которомъ предстояло ему вращаться, а это и было главною причиной, что она находилась въ безпрерывномъ раздражительномъ состояніи: ей во всемъ видѣлось, что окружающіе ея мужа ищутъ выставлять его недостатки. Должно отдать справедливость Ильѣ Ивановичу, что онъ часто, при всѣхъ даже, порядочно отдѣлывалъ ее, если она коснется только до чего ни будь, выходящаго изъ круга домашняго быта; а иногда, смотря по расположенію духа, онъ не ограничивался только словами: «Ты баба, а о томъ и молчи!» но и высказывалъ то, что она говаривала ему наединѣ про того, или про другого, заключая всегда свою рѣчь: «На! вотъ тебѣ и кескесе!»

Положеніе Алексѣева во Франціи было дѣйствительно очень неловкое. Самъ онъ, кромѣ храбрости и необыкновенной доброты, веселости, хлѣбосольства, другого ничего не имѣлъ. Храбрость же здѣсь стушевывалась мирнымъ положеніемъ; остальное было оцѣнено не только что всѣми нами, Русскими, но и Французами, которые его очень любили. Самъ Вигель говоритъ (ч. 1, стр. 98) о немъ, и очень справедливо, что Илья Ивановичъ «не получилъ

никакого образованія, любилъ погулять, покутить, безъ расчета... Это былъ геній доброты: что дѣлать, восклицаетъ Филиппъ Филипповичъ, если другаго генія въ немъ не было!» Незнаніе Французскаго языка (онъ мало былъ знакомъ и съ Русскимъ письмомъ), можетъ быть, отчасти прикрывало въ глазахъ туземцевъ полную его необразованность, но тѣмъ не менѣе она не могла не ярко отражаться при личномъ составѣ его дивизіи. Такъ, на примѣръ, въ самомъ Ретелѣ находился начальникъ 1-й бригады, Г.-М. Петръ Ивановичъ Балабинъ, бывшій Флигель-Адъютантъ, сопутствовавшій Императора Александра I-го, въ 1808 году, въ Эрфуртъ, человѣкъ высшаго образованія и жившій аристократически: въ недѣлю одинъ день былъ у него званный обѣдъ; другой — концертъ любителей музыки, третій—танцовальный вечеръ лучшаго общества. Лѣтомъ очень часто устраивались «jeux de paume.» Алексѣевъ бывалъ только на обѣдѣ, отъ другихъ двухъ вечеровъ онъ отказался разъ навсегда. За симъ, состоящій при дивизіи Г.-М. Александръ Николаевичъ Рылѣевъ, женатый на Француженкѣ; Командиръ Тверскаго драгунскаго полка Андрей Андреевичъ Набель, только что предъ походомъ 1815 года женившійся на прекрасной, молодой, образованной Полькѣ Сѣверозападныхъ Губерній, Александрѣ Осиповнѣ. [66] Штабъ-Офицерами полка были: изъ лейбъ-гусаровъ Полковникъ Александръ Васильевичъ Пашковъ (чрезъ годъ назначенъ Командиромъ Ахтырскаго гусарскаго полка), Подполковникъ Аркадій Васильевичъ Кочубей (оба еще живы, первый въ отставкѣ Г.-М., второй Сенаторъ Д. Т. Сов.); Подполковники: Князь Витгенштейнъ и Дмитрій Николаевичъ Мордвиновъ, служившій въ конной гвардіи, потомъ въ Иркутскомъ гусарскомъ полку. [67] Многіе изъ Оберъ-Офицеровъ этого полка, какъ, на примѣръ, Капитаны: Николай Николаевичъ Бердяевъ, [68] Любовицкій,

---

[66] Въ Ретелѣ родился у нихъ сынъ, Антонъ, нынѣ Генералъ-Маіоръ.

[67] Братъ убитаго Киселевымъ, въ 1823 г., Г.-М. Ивана Николаевича. Дмитрій Николаевичъ, предъ выступленіемъ корпуса Воронцова изъ Франціи, имѣлъ дуэль съ Г.-М. Каблуковымъ, который его ранилъ. Онъ былъ отставленъ съ тѣмъ, чтобы никуда не опредѣлять; жилъ въ Москвѣ и въ 1846 году умеръ въ крайней бѣдности и, какъ говорятъ, похороненъ членами Англійскаго клуба.

[68] Въ послѣдствіи онъ женился на сестрѣ извѣстнаго несчастнаго Маіора Вла-

Джунковскій, перешедшій въ полкъ Пашкова, и другіе. Это были все люди образованные и знавшіе Французскій языкъ. Въ Смоленскомъ полку, въ 8 верстахъ, въ м. Шато-Порсьенѣ, вначалѣ былъ командиромъ Полковникъ Дзеконскій, но вскорѣ произведенъ въ Генералъ-Маіоры, а на мѣсто его поступилъ Полковникъ Графъ Григорій Ивановичъ Ностицъ, слишкомъ извѣстный, чтобы говорить объ его образованіи и т. п. Въ полку эскадронные командиры, изъ лейбъ-гусаръ: Полковникъ Свѣчинъ, изъ Александрійскихъ гусаръ Подполковникъ Маріановичъ, изъ генеральнаго штаба Азанчевскій, изъ конноегерскаго гвардейскаго полка Маіоръ Бартеневъ, [69] изъ Изюмскаго гусарскаго полка Капитаны: Шелеховъ [70] и Алексѣй Ивановичъ Розановъ, [71] и многіе другіе Офицеры высшаго образованія. По бли-

---

диміра Өедосьевича Раевскаго, и въ 1840 г. я видѣлъ его въ Харьковѣ.

[69] Будучи извѣстной храбрости, Поручикомъ въ Александрійскомъ гусарскомъ полку, онъ, въ 1814 году, въ Парижѣ, имѣлъ не менѣе извѣстную дуэль съ тремя Французскими Офицерами, за вопросъ ихъ: «По чему одни носятъ черныя на шляпѣ перья, а другіе тоже пѣтушья, какъ у него, бѣлыя?» Бартеневъ очень вѣжливо разъяснилъ имъ, что черныя носитъ пѣхота, а бѣлыя конница, и что перья не съ пѣтуховъ, а съ Французскихъ орловъ, «que nous avons épluchée.» Онъ вышелъ счастливо изъ этихъ поединковъ, былъ переведенъ въ гвардейскій конноегерскій полкъ, и тотчасъ отправленъ, чтобы прекратить вызовы, которые могли еще послѣдовать. Въ полку, будучи уже Ротмистромъ, онъ имѣлъ столкновеніе съ Полковымъ Командиромъ, столь же извѣстнымъ храбростью, Г.-М. Алферьевымъ: положено было стрѣляться однимъ пистолетомъ заряженнымъ, а другимъ холостымъ. Чтобы развести ихъ, Бартеневъ переведенъ былъ Маіоромъ въ Смоленскій полкъ, и въ ту же ночь отправленъ во Францію.

[70] Богачъ, любимецъ Наслѣднаго Принца Шведскаго, у котораго въ 1813—1814 годахъ былъ ординарцемъ; получилъ орденъ меча и пр. Продѣлки его съ Французами, въ Асфельдѣ, гдѣ онъ стоялъ съ эскадрономъ, и нѣкоторые другіе эпизоды очень любопытны.

[71] Большой любитель литературы. Онъ стоялъ съ эскадрономъ въ замкѣ Нантейль, въ трехъ верстахъ отъ Ретеля, любилъ жить; по возвращеніи изъ Франціи, онъ вышелъ въ отставку и женился на дочери Морскаго Министра, Маркиза де Траверсе. При открытіи Турецкой войны 1828 г. вступилъ опять въ Смоленскій полкъ и, будучи Полковникомъ, въ 1829 году назначенъ былъ Командиромъ гусарскаго полка. Проѣзжая изъ за Балкановъ къ мѣсту назначенія, при с. Каургѣ, былъ пораженъ чумою. Въ это время я проходилъ съ отрядомъ волонтеровъ. Онъ скоро умеръ въ открытомъ полѣ; при трехъ только своихъ деньщикахъ, не узнавъ меня. Чрезъ нѣсколько ча-

зости расположенія они очень часто бывали въ Ретелѣ. Ни одинъ изъ полковъ дивизіи не имѣлъ столько георгіевскихъ кавалеровъ. Въ штабѣ Алексѣева первое мѣсто по образованію занималъ дивизіонный Докторъ Михайло Антоновичъ Маркусъ (въ послѣдствіи Лейбъ-Медикъ); за нимъ старшій Адъютантъ Смоленскаго полка Ш.-К. Ваулинъ; личные Адъютанты: Капитанъ Баронъ Мирбахъ (въ послѣдствіи начальникъ берейторской школы въ Петербургѣ); Баронъ Соловьевъ, не задолго предъ тѣмъ женившійся на очень образованной Полькѣ Западной Губерніи, Екатеринѣ Севастьяновичъ, близкой конфиденткѣ Натальи Филипповны); гвардіи Ротмистръ А. З. Муравьевъ, Адъютантъ Графа Ламберта, прикомандированный къ Алексѣеву временно; были прикомандированы ко мнѣ: генеральнаго штаба Прапорщикъ Павелъ Николаевичъ Демидовъ, при которомъ находился гувернеръ Г. Вееръ; послѣ Демидова: Поручикъ Князь Василій Сергѣевичъ Голицынъ, перешедшій Поручикомъ въ Смоленскій полкъ, скоро былъ взятъ Графомъ Воронцовымъ въ Адъютанты, [72] а на его мѣсто поступилъ прикомандированный къ генеральному штабу изъ пѣшей артиллеріи Прапорщикъ Николай Ивановичъ Горскій, въ послѣдствіи Генералъ-Маіоръ, начальникъ размежеванія Донскихъ земель, умеръ въ сороковыхъ годахъ. Комендантомъ назначенъ былъ Смоленскаго полка Поручикъ Дудицкій-Лишинъ, отлично образованный Офицеръ.

Таковы были представители Русскихъ, окружавшихъ Алексѣева въ самомъ Ретелѣ.

XXII.

Французское общество г. Ретеля. Три представителя стараго роялизма. Таинственная гора Фей.

Теперь слѣдуетъ взглянуть на туземное общество Ретеля. Оно дѣлилось на должностныхъ (якобы) роялистовъ, бывшихъ ярыми республиканцами, не вполнѣ расположенными и къ Наполеону, и

совъ и похоронилъ его близъ редута, занятаго охранительнымъ постомъ Казаковъ.

[72] По возвращеніи изъ Франціи, онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гусары, на-

на мануфактуристовъ и купцовъ. Подпрефектомъ былъ Де Фурманъ. [73] Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, ловкій, достаточно образованный, большой охотникъ до танцевъ, музыки и игры въ «paume,» а по тому не разлучался съ П. И. Балабинымъ. Помощникъ его, или Секретарь, Шантаръ, очень пріятный собесѣдникъ. Меромъ былъ Ландраженъ, вдовецъ, имѣвшій двухъ дочерей, которыя были столь же дурны собою, какъ хорошія танцорки по тогдашнему, когда выдѣлывались въ прыжкахъ всѣ па; онѣ были примадоннами на танцовальныхъ вечерахъ. Между представителями прежняго роялизма первое мѣсто занималъ Д'Арденъ, рѣдко показывавшійся въ свѣтъ, пожилой владѣлецъ развалившагося замка. У него въ послѣднее время жилъ Маркусъ, но случившееся происшествіе заставило владѣльца, отъ стыда, уѣхать. [74] Возвратившійся эмигрантъ Шевалье де Конде, семидесяти лѣтъ, презабавный старикъ, небольшаго роста, толстый, съ круглымъ плоскимъ краснымъ лицомъ. Онъ не иначе выходилъ на улицу, какъ въ напудренномъ парикѣ, въ шелковомъ цвѣтномъ, стариннаго покроя, кафтанѣ, или въ комическомъ мундирѣ полка Маріи

наченъ Флигель-Адъютантомъ, женился на дочери Графа Строганова въ концѣ двадцатыхъ годовъ, и умеръ.

[73] Отецъ его, родомъ изъ Нормандіи, составилъ себѣ огромное состояніе во время революціи, скупая Дворянскія имѣнія.

[74] Въ Ретелѣ дрова были очень дороги. Отпускаемыя Маркусу деньщикъ его складывалъ въ конюшню, гдѣ стояли его лошади, такъ какъ и кабріолетная кляча Д'Ардена. У Маркуса замѣтно исчезали дрова, деньщикъ обвинялъ служанку, которая въ домѣ была все: и кухарка, и горничная, и конюхъ. Маркусъ замѣтилъ хозяину, тотъ оскорбился и даже жаловался письмомъ Графу, о чемъ узнали всѣ. Маркусъ получилъ замѣчаніе; доказательствъ представить онъ не могъ, отдѣльной конюшни ему дать было негдѣ, а между тѣмъ дрова продолжали исчезать. Разъ на общемъ совѣщаніи рѣшили для уликъ привести въ исполненіе слѣдующую мѣру: когда 1-го числа приняты были дрова на цѣлый мѣсяцъ и сложены по обыкновенію въ одно порожнее стойло, незамѣтнымъ образомъ съ десятокъ полѣньевъ принесено было въ кабинетъ Маркуса, гдѣ съ помощію товарищей просверлено было нѣсколько мѣстъ и положенъ порохъ; за тѣмъ отверстіе очень ловко задѣлано, и такъ подготовленныя полѣнья были отнесены незамѣтно въ конюшню и положены сверху. Не далѣе, какъ на другой день, когда у хозяина человѣка три завтракали, въ каминѣ его послѣдовалъ взрывъ, къ счастью ограничившійся только испугомъ и покрытіемъ присутствовавшихъ съ ногъ до головы изъ камина сажей. Улика была на лицо. Д'Арденъ скрылся, а Маркусъ получилъ опять легкое замѣчаніе.

Антуанеты; въ томъ и другомъ случаѣ на немъ были короткія бѣлыя штаны, шелковые чулки и шпага. Различіе было только въ томъ, что при кафтанѣ онъ несъ шляпу въ рукахъ, а при мундирѣ имѣлъ на головѣ что-то въ родѣ картуза съ перьями и парикъ другой формы. Это былъ любимецъ всей нашей молодежи; безъ него не было особеннаго одушевленія, и шутки онъ сносилъ терпѣливо, весело отшучиваясь. Третій былъ такихъ же лѣтъ старикъ, Де Латръ; но онъ, будучи разоренъ, не удалялся изъ Франціи, и по тому заимствовалъ многое, приближающееся къ простонародному, сохраняя, однако же, сепаратизмъ отъ санкюлетовъ, какъ онъ называлъ всѣхъ другихъ, держась Д'Ардена и Конде, и также былъ собесѣдникъ веселой молодежи. Нѣкоторые изъ насъ любили соединять у себя этихъ оригиналовъ различныхъ цвѣтовъ и, приведя ихъ въ веселое положеніе, заставляли пѣть переложенные романсы: «Vous me quitez pour aller à la gloire,» и, вмѣсто послѣдняго слова: «en Moscovie» и т. д., или: «Partant pour la Syrie—pour la Russie,» и т. п. Но болѣе всего участники въ революціи и Бонапартисты приходили въ изступленіе отъ слѣдующихъ стиховъ:

«Dans un chaudron, sur un feu ardent,
Mettez Davoust, Ney et le brave Bertrand;
Joignez y sans artifice
Savary, digne chef de Police,
Infusez et retirez en fleur,
Vous aurez du vinaigre des quatre voleurs.
Prenez du sang de Robespierre,
Le os de Tibère,
Le crâne de Néron,
Vous aurez tout Napoléon.»

Но, однако же, въ послѣдствіи времени мы должны были сдѣлаться осторожнѣе. На одной изъ такихъ бесѣдъ, Монтгіонъ, извѣстный республиканецъ, потомъ Наполеоновецъ и находящійся подъ надзоромъ Полиціи, подъ вліяніемъ пунша, который очень нравился Французамъ Шампаніи, не вытерпѣлъ и, на припѣвъ де Конде и ему подобныхъ роялистовъ, отпустилъ, во всеуслышаніе, слѣдующее: «Les Anglais ont nourri un cochon, les Français l'ont acheté pour XVIII Louis, mais il ne vaut pas I Napoleon.» Въ началѣ ему показалось, что не всѣ поняли имъ сказанное. Онъ подошелъ къ столу, попросилъ у играющихъ мѣлъ и написалъ Римскія цифры, уяснившія смыслъ. Исключая роялистовъ, другіе Фран-

цузы, даже бывшіе тутъ Королевскіе Коммисары: Баронъ Де Серне и Виконтъ Де Ваноазъ, и самъ Подпрефектъ, не очень обижались. Впрочемъ, должно сознаться, что и всѣ Русскіе были какъ-то болѣе въ то время сторонниками Наполеона, нежели Бурбоновъ, и это въ наши лѣта было извинительно, по тому что мы всѣ быстрымъ повышеніемъ и наградами были обязаны борьбѣ съ Наполеономъ; мы вообще сходились легче съ Бонапартистами, нежели съ Бурбонами.

Де Латръ былъ въ родствѣ съ тремя дѣвицами Д'Арленкуръ, изъ коихъ старшей было 60, а младшей около 50 лѣтъ. Онѣ со временъ революціи усвоили мужской костюмъ, и такъ разъѣзжали верхомъ. Остатки ихъ «domaine» были въ принадлежавшемъ имъ прежде с. Арленкурѣ (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ретеля и заключались въ домикѣ съ садомъ), откуда каждое Воскресенье онѣ пріѣзжали верхомъ къ обѣднѣ и останавливались у Де Латра. Русскихъ онѣ не посѣщали, но мы иногда заѣзжали къ нимъ, проѣздомъ въ замокъ Беншъ, гдѣ одно время стоялъ Кочубей съ эскадрономъ. Противъ ихъ дома, черезъ рѣчку, возвышалась гора «Монъ-Сери,» на которой, по преданіямъ въ народѣ и по засвидѣтельствованію очень серьезно омущинившихся дѣвицъ, каждую полночь на вершинѣ бываетъ сборище Фей, которыя тамъ пляшутъ и рѣзвятся, и тогда на ней видно освѣщеніе. Въ это время рѣдкій храбрецъ туземецъ рѣшался проѣзжать около этой горы. Не было возможности уговорить кого ни будь изъ нихъ быть съ нами вмѣстѣ на ней. Нѣкоторые изъ нашихъ просиживали на этой горѣ въ кутежѣ цѣлую ночь, и туземцы на нихъ смотрѣли какъ бы со страхомъ. Всѣ эти Дворяне носили у другихъ прозвище: «Soupe en lièvre,» выражая этимъ насмѣшливо-презрительно ихъ бѣдность.

XXIII.

Еще о Французскомъ обществѣ города Ретеля. Два революціонера 1789 года. Русскія дамы.

Господствующее общество Ретеля состояло изъ лицъ, принимавшихъ болѣе, или менѣе, дѣятельное участіе въ революціи, и преимущественно во время терроризма. Общество это состояло изъ двухъ отдѣловъ: занимавшихъ должности прежде и оставшихся въ

наше время Судьями, Адвокатами, Нотаріусами и т. п. Военный Министръ во время терроризма, Бадде Крансе, былъ родомъ изъ Ретеля и во время Имперіи возвратился на родину. При восшествіи на престолъ Людовика XVIII, въ 1814 году, онъ былъ въ спискѣ изгнанниковъ, но, будучи давно уже больнымъ, по полученіи этого извѣстія, скоро умеръ въ Ретелѣ, оставивъ незаконнаго сына, Бе сона, очень хорошаго и даровитаго молодаго человѣка, который охотно сближался съ нами. Первая моя квартира была у него, и я имѣлъ случай, при разборѣ бумагъ отца его, видѣть очень много любопытнаго; нѣкоторыя были даже мною списаны, а другія мнѣ отданы и въ оригиналѣ. Въ живыхъ мы застали Ватель е, хозяина дома, гдѣ жилъ Алексѣевъ. Онъ былъ Президентомъ Ретельскаго революціоннаго Комитета, человѣкъ очень начитанный, всегда улыбавшійся и потиравшій себѣ руки. Въ цѣломъ городѣ онъ одинъ имѣлъ хорошую библіотеку и огромное собраніе чучелъ птицъ. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ и жилъ лучше другихъ. Жена его простая, здоровая, неграмотная баба, красивой наружности и рѣшительно безъ всякаго образованія, всегда, какъ и мужъ, улыбающаяся. Ватель е женился на ней въ то время, когда такіе союзы могли сохранять голову на плечахъ. Ихъ единственная дочь была замужемъ за Роланомъ, о которомъ скажется въ своемъ мѣстѣ. Два брата Пофены, одинъ носилъ названіе Пофенъ дю Клозо, другой Пофенъ д'Эте. Имъ было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Во время революціи, они были представителями народа, потомъ Адвокатами, Судьями, и мы застали ихъ уже не въ должностяхъ. Оба брата отличались напитанностью. Старшій былъ скрытенъ и чрезвычайно тяжелъ на знакомство съ Русскими. Онъ имѣлъ незаконныхъ дѣтей со временъ революціи, когда еще не было и гражданскаго брака. Другой былъ общежительнѣе и состоялъ въ законномъ бракѣ; жена его слыла за «синій чулокъ,» но была далеко не привлекательна; за то дочь, Люси, очень хорошенькая, и въ иныхъ случаяхъ походила на мать. У нихъ квартировалъ П. И. Балабинъ. Пакве, бывшій Судья, Президентъ, потомъ Адвокатъ, человѣкъ зажиточный, нелюбимый своими согражданами: онъ охотно принималъ и посѣщалъ насъ. Дочь его не отличалась ни красотой, ни образованіемъ и была слѣпою Католичкою. Роланъ, Адвокатъ, сухощавый, желтый и желчный, отвратительный, пропитанный враждой къ Королевскому управленію. Онъ имѣлъ хорошее состояніе и былъ женатъ на Элеонорѣ, дочери Ватель е, прекрасной собой и очень

ловкой, не смотря на ревность мужа. Другой Адвокатъ, Лероа неопредѣлительнаго образа мыслей, нѣсколько мужиковатый, любилъ наше общество и радушно принималъ у себя. Жена его, Аглая, сестра Монтгіона, нѣкогда богатаго Дворянина, но въ послѣдствіи отъявленнаго демагога: въ наше время онъ держалъ дилижансы и тоже бывалъ не прочь отъ нашего общества. Аглая была лѣтъ 25-ти, довольно плотная, съ лицомъ также не очень деликатнымъ, покрытымъ веснушками, но она была чрезвычайно привлекательна и любила посмѣяться, за что и слыла въ городѣ за «très piquante.» Это была страсть П. И. Каблукова, и частый пріѣздъ его изъ Вузьера въ Ретель приписывался этому обстоятельству. Де Гюильи, главный Нотаріусъ города, мой хозяинъ, былъ отчаяннымъ партизаномъ революціи, но, потерявъ почти все состояніе, сдѣлался Нотаріусомъ. Онъ имѣлъ молодую, всѣми ненавидимую, жену, хотя и довольно красивую, но злаго и невыносимаго нрава. Мужъ ея иногда показывался въ свѣтѣ, но она никогда. Изъ фабрикантовъ шерстяныхъ шалей и платковъ первое мѣсто занималъ Тессье. У него квартировалъ Баронъ Соловьевъ, и жена его сдружилась съ семействомъ хозяина. Самъ онъ былъ очень положителенъ и не разсыпался подобно другимъ; онъ видимо былъ радъ, когда захаживали къ нему, и особенно бывалъ доволенъ, когда кто приглашалъ его къ себѣ. Семейство его состояло изъ довольно пожилой жены и двухъ дочерей, изъ коихъ младшая, Матильда была музыкантшей и нравилась П. И. Балабину.

Говоря о Ретелѣ того времени, нельзя не упомянуть о двухъ весьма замѣчательныхъ экземплярахъ самаго разгара революціи, выходящихъ изъ круга другихъ ихъ соотечественниковъ Ретельцевъ: это были Баталь и Гиваръ (Guivard); первый былъ тогда торговцомъ сукна. Это былъ высокій, статный худощавый старикъ, въ напудренномъ парикѣ, образца 1789 года; шляпы онъ никогда не надѣвалъ, и когда въ лавкѣ его не было покупателей, онъ мѣрными шагами расхаживалъ передъ оною со вздернутою головой. Одежда его также приближалась покроемъ своимъ ко временамъ республики. Онъ былъ неразговорчивъ, и кромѣ Монгіона и Гиварда ни съ кѣмъ изъ своихъ не сближался и охотнѣе мѣнялся словами съ нами. Онъ участвовалъ въ разрушеніи Бастиліи и взятіи Тюльери. Не разъ онъ пилъ кровь жертвъ своихъ. Баталь находился подъ «surveillance,» что все равно, что ничего. Другой экземпляръ, книгопродавецъ и содержатель пятиклассной лотереи

тогда еще въ разгарѣ), Гиваръ, старикъ, съ пріятной физіономіей, совершенно противоположный Баталю и веселый говорунъ. По его словамъ, онъ не былъ своеручнымъ дѣятелемъ, а былъ greffier Конвента: «Nous ne faissions q'en voyée,» говаривалъ онъ, какъ бы въ извиненіе себѣ; впрочемъ, онъ признавалъ за Робеспьеромъ великія заслуги, сдѣланныя имъ человѣчеству, усиливъ терроръ до такой степени, что онъ долженъ былъ наконецъ переполнить чашу и самъ собой уничтожиться; ибо, присовокупилъ онъ, казнь 20 — 50 человѣкъ въ день могла еще протянуться долгое время и увеличить число жертвъ несравненно болѣе нежели то сдѣлалъ Робеспьеръ въ продолженіе нѣкотораго времени, отсылавшій сотнями на гильотину. Гиваръ присовокуплялъ къ этому, что терроризмъ Робеспьера былъ главнымъ виновникомъ всей военной славы Франціи; ибо всѣ, для избѣжанія гильотины, бросились въ армію, сражавшуюся на разныхъ оконечностяхъ республики и у себя дома. Безъ терроризма трудно было въ то время довести армію до той числительности, которая нужна была республикѣ, чтобы успѣшно бороться въ одно время съ Австріею, Пруссіею, Англіею, Испаніею, Нидерландами и «un peux, avec vous, messieurs», присовокуплялъ онъ. Спасаясь отъ гильотины и разъ попавшись въ армію, неохотно оставляли плоды побѣдъ, ыстрое возвышеніе и т. д. Подобная логика была безконечна въ его устахъ. Зоркость администраціи того времени онъ также относилъ къ терроризму. Гиваръ презиралъ Мирабо, называя его вреднымъ болтуномъ. О казни Короля и Королевы онъ былъ осторожнѣе, однако же выражалъ мысль, что «la Providence les a punies.» Имѣя частыя съ нимъ по книгамъ сношенія, я затаскивалъ его къ себѣ и, послѣ двухъ, трехъ, стакановъ пунша, когда, кромѣ Маркуса, никого другого у меня не было, онъ пускался въ нѣкоторыя очень занимательныя частности о лицахъ, съ которыми ежедневно встрѣчались въ Ретелѣ. Баталя онъ называлъ «brave homme» и «bon citoyen», и когда мы замѣтили ему имъ же разсказанные о семъ эпизоды, онъ отвѣчалъ: «Что вы хотите? Это была потребность времени.» Гиваръ близко былъ знакомъ съ Маратомъ, въ то время пріятелемъ Баталя.

Изъ Русскихъ дамъ Ретеля, независимо Н. Ф. Алексѣевой, Рылѣевой, А. О. Набель и Баронши Е. С. Соловьевой (послѣднія три—Католички), была еще жена дивизіоннаго Благочиннаго, отца Іоанна Травлинскаго, женщина очень порядочная и, какъ говорится, «презентабельная;» у нихъ были двѣ дочери, недурнень-

кія собою, образованныя. Квартируя нѣсколько лѣтъ въ Западныхъ Губерніяхъ, онѣ много усвоили ловкости Полекъ и Французскій говоръ, здѣсь же очень скоро онѣ начали хорошо владѣть имъ. Одной изъ нихъ было 17, другой 16 лѣтъ, средняго роста, очень живыя и танцовали превосходно. Отецъ Іоаннъ и мать ихъ ничего не жалѣли для ихъ образованія и весьма заботились объ ихъ туалетѣ. Двѣ эти дѣвицы, какъ говорится, дѣлали «фуроръ,» нравились Французамъ и были, можно сказать, единственными представительницами чистой Русской крови и постоянными посѣтительницами еженедѣльныхъ танцовальныхъ вечеровъ П. И. Балабина. Французамъ, казалось, трудно было выговаривать ихъ фамилію, и они (конечно, не въ глаза) называли ихъ «la popete» (старшая, или младшая), а мать «la popesse,» что перешло и въ нашъ кругъ. Передъ выступленіемъ изъ Франціи, старшая вышла замужъ за полковаго Лѣкаря Тверскаго полка, Евѳима Никифоровича Фигуровскаго. Отецъ ихъ въ послѣдствіи поступилъ въ гвардейскій корпусъ.

XXIV.

Французскій военный Интендантъ Де Гюржи и др. Честность Алексѣева. Фокусникъ людоѣдъ. Свѣдѣнія о Тамбовскомъ помѣщикѣ Люнѣ и его сынѣ.

Теперь остается сказать о Французскихъ чиновникахъ въ Ретелѣ, къ намъ прикомандированныхъ. Въ первый годъ военнымъ Интендантомъ былъ Шевалье де Гюржи, человѣкъ Наполеоновскаго времени, со всѣми пріемами Интендантскихъ чиновниковъ, носившихъ прозвище «рипенселей» (riz, pain, sel). Въ 1816 году Алексѣевъ намѣренъ былъ испросить разрѣшеніе Графа соединить дивизію въ лагерѣ, въ окрестностяхъ Асфельда, на мѣсяцъ. Де Гюржи, провѣдавъ это, началъ ходатайствовать, сперва стороной, чтобы продлить лагерь, если не на два, то, по крайней мѣрѣ, на полтора, мѣсяца, что, иначе, будто бы, ему представляется затрудненіе въ измѣненіи сдѣланныхъ условій съ подрядчиками, и т. п. Онъ писалъ о томъ въ Мобенжъ, къ главному Интенданту при корпусѣ, Лажару, который далъ ходъ этой бумагѣ, и когда Алексѣевъ получилъ изъ Мобежа вопросъ о срокѣ лагеря, тогда онъ велѣлъ

мнѣ объяснить де Гюржи, что не только два мѣсяца или шесть недѣль, но даже и мѣсяцъ будетъ болѣе, чѣмъ достаточно для введенія того единообразія въ четырехъ полкахъ, которое требуетъ служба, безъ положительнаго изнуренія лошадей въ мѣловыхъ и безводныхъ равнинахъ Шампаніи при Аслельдѣ, гдѣ такъ трудно найти водопой; мѣста же, лежащія ближе къ рѣкѣ Энѣ и рѣчкѣ Ретурнѣ, для лагеря неудобны, а по тому и мѣсяцъ пребыванія въ ономъ долженъ болѣе, или менѣе, изнурить лошадей и т. п. Послѣ долгихъ преній, Де Гюржи высказался откровенно: «Дайте понять Генералу, что, продолживъ испрашиваемый срокъ на двѣ недѣли, онъ можетъ располагать двумя тысячами луидоровъ, а прибавивъ къ тому еще двѣ недѣли, тремя тысячами.» Вышедъ отъ него, я пришелъ къ Алексѣеву, гдѣ садились уже за обѣдъ, по обыкновенію, въ довольно большомъ числѣ. Изъ за стола вставали всѣ болѣе, или менѣе, веселыми: знаменитый Данило былъ мастеръ приготовлять многіе сорты наливокъ, которыя мы, среди Шампанскихъ лозъ, предпочитали столь извѣстному нектару. Алексѣевъ не забылъ, куда онъ посылалъ меня, и когда размѣстились въ большой, прилегавшей къ столовой, комнатѣ, онъ обратился ко мнѣ: «Ну, что сказалъ тебѣ пріятель?» Вполнѣ убѣжденный въ нравственной чистотѣ Алексѣева, я не хотѣлъ разсказывать при всѣхъ послѣдствіе моихъ объясненій съ Де Гюржи. Подоспѣвшее предложеніе отца Іоанна: «Горку», бывшей тогда въ большомъ ходу, и подъѣхавшіе гости отвлекли, къ удовольствію моему, Алексѣева, и только на другой день по утру я сказалъ ему мнѣніе Де Гюржи. Взрывъ Ильи Ивановича былъ ужасный: едва, едва могли отклонить его отъ намѣренія тотчасъ же послать за Де-Гюржи и у себя на дворѣ приказать отсчитать ему сто палокъ; все это приправлялось, какъ Вигель сказалъ, Русскими поговорками. Кое какъ, съ помощію Натальи Филипповны, на крикъ выбѣжавшей, онъ успокоился, но на глазахъ его видны были слезы. Тотчасъ послалъ онъ за Вауличымъ и приказалъ ему сейчасъ изготовить рапортъ Графу, что, обозрѣвъ мѣстность, предназначавшуюся для лагеря, онъ находитъ, что отдаленность водопоя и т. п. изнурятъ лошадей, и что онъ на недѣлю соберетъ полки при своихъ штабахъ. На возраженіе Натальи Филипповны, что же ему мѣшаетъ, какъ предположено, пробыть только мѣсяцъ? — «Нѣтъ, матушка, если уже эта бестія думаетъ изъ этого нагрѣть руки, то онъ напишетъ въ расходъ, что у меня былъ, а себѣ спрячетъ въ карманъ, и за мѣсяцъ плохо. Онъ и меня!

шать не хотѣлъ о такомъ сборѣ, такъ какъ и остальные два го-да онъ отклонялъ оный. Намъ послѣ объяснили, что, вмѣсто четырехъ франковъ стоимости раціона на лошадь на мѣстѣ, Де Гюржи исходатайствовалъ уже разрѣшеніе, что подрядчики не иначе могутъ доставлять въ лагеры полный раціонъ, какъ за шесть франковъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ доставка въ одномъ пунктѣ должна бы быть дешевле, потому что всѣ запасы шли отъ Реймса а лагерь былъ къ нему гораздо ближе, нежели штабъ. Можно же вообразить, какой прекрасный кусочекъ получилъ бы Де Гюржи съ 4 тыс. лошадей, по два франка съ каждой въ день, что составляло бы 8 тыс. франковъ въ день, а въ мѣсяцъ 240 тысячъ франковъ!

На другой день Алексѣевъ приказалъ мнѣ ѣхать съ его рапортомъ къ Графу, въ Мобежъ, и разсказать Понсету все, какъ было. Я привелъ нѣкоторыя подробности этого обстоятельства только для подкрѣпленія Вигеля, что Алексѣевъ былъ дѣйствительно въ высшей степени съ этой точки неприступенъ. Де Гюржи не приказано было принимать. Изъ подъ руки дано было ему понять, чтобы онъ избѣгалъ, гдѣ бы то ни было, и встрѣчаться съ Алексѣевымъ; ибо дѣйствительно, не ручаюсь, въ какой бы этотъ послѣдній встрѣтилъ его. Понсетъ настоялъ у Ласкара о перемѣщеніи Де Гюржи, который переведенъ былъ въ Австрійскій корпусъ, а оттуда поступилъ къ намъ Баронъ де Серме, совершенно иныхъ свойствъ и высокой образованности. Алексѣевъ имѣлъ уже случай выказать въ Ретелѣ вспыльчивость своего характера на одной изъ первыхъ ярмарокъ. Въ одномъ изъ балагановъ, построенныхъ по случаю ярмарки, расположился какой-то фокусникъ, который, въ числѣ разныхъ самыхъ плохихъ штукъ, показывалъ, какъ ѣдятъ людоѣды: этотъ бралъ живаго кролика и передъ зрителями зубами сдиралъ шкуру, обливаясь весь кровью. Это зрѣлище возмутило Алексѣева: онъ тотчасъ вышелъ и энергически приказалъ, чтобы представленіе это не возобновлялось. Вечеромъ онъ узналъ, что вопреки его приказанія нѣсколько кроликовъ опять имѣли ту же участь. Алексѣевъ немедленно послалъ Барона Соловьева сказать полицейскому Коммиссару Камю, что если и завтра будетъ продолжаться то же, то онъ приметъ свои мѣры. Камю, выслушавъ, обѣщалъ, но, на другой день, явившись къ Генералу, онъ объявилъ, что не въ правѣ останавливать то, что принято во всей Франціи, и что антрепренеръ можетъ объявить на него претензію и народъ будетъ недоволенъ. Можно се-

бѣ вообразить, что Алексѣевъ возразилъ и что, конечно, передавалось Французу въ маломъ только пріемѣ. Передъ самымъ обѣдомъ дали знать, что балаганъ приступаетъ къ новому представленію и кролики будутъ опять на сценѣ. Тогда Алексѣевъ распорядился, чтобы дежурный по карауламъ, при самомъ началѣ представленія, взялъ людоѣда и посадилъ на гауптвахту. Все это было исполнено буквально, и съ большимъ трудомъ удержали Илью Ивановича отъ намѣренія угостить фокусника баней. Странно, что всѣ Французы нашли, что поступокъ Генерала былъ очень справедливъ, тогда какъ эти же самыя лица говорили намъ прежде, что Алексѣевъ нарушаетъ ихъ права и обычаи; можно думать, что если бы людоѣдъ и испыталъ Русскую баню, то и это было бы всѣми одобрено. Таковы Французы, когда передъ ними не преклоняешься. Другой подобный случай былъ съ миссіонерами, которые, съ водвореніемъ Бурбоновъ, начали таскаться по Франціи и такъ зашли и въ Ретель. Подъ видомъ религіозной миссіи, они испросили позволеніе занять манежъ, устроенный почти противъ квартиры Алексѣева, гдѣ они будутъ проповѣдывать народу Христіанскія истины и взимать за входъ только по пяти су. Алексѣевъ согласился, и приказалъ Адъютанту своему, Барону Мирбаху, допустить на шесть испрашиваемыхъ миссіонерами поученій. Исключая Алексѣева, чуть ли не всѣ Русскіе явились на это новое для насъ зрѣлище. Едва поученіе открылось, какъ Наталья Филипповна, а за нею почти и всѣ Русскіе, съ негодованіемъ вышли изъ манежа. Поученіе это заключалось въ слѣдующемъ: одинъ изъ этихъ бродячихъ братій помѣстился на возвышеніи, въ одномъ углу манежа, другой такимъ же образомъ въ другомъ. Одинъ взялъ на себя святотатственное названіе Спасителя, другой сатаны, и вступили между собой въ разглагольствованіе, опровергая одинъ другого, на основаніи текстовъ Св. Писанія. Чѣмъ бы все это кончилось, не извѣстно; ибо едва Наталья Филипповна съ негодованіемъ сообщила Алексѣеву происходящее, какъ онъ тотчасъ послалъ «притащить» къ себѣ миссіонеровъ, наговорилъ имъ «годдемовъ», и тѣмъ прекратилъ ихъ состязаніе, къ удовольствію большой части мѣстныхъ жителей.[75]

---

[75] Такъ какъ были почти ежедневныя сношенія съ мѣстными властями, Интендантомъ и Коммисарами, то, когда Алексѣевъ былъ на кого изъ нихъ сердитъ, или просто не въ духѣ, онъ, приказывалъ писать имъ по Русски, безъ перевода что и приносилось въ этомъ случаѣ для его подписи, «Пусть эти кескесе

Военнымъ Коммисаромъ былъ уланскій Ротмистръ, Виконтъ де Ваноазъ, сынъ роялиста, Адмирала, самый пустѣйшій фанфаронъ, который въ началѣ думалъ пустить пыль но очень скоро сдѣлали его совершенно ручнымъ. Онъ также ежедневно обѣдалъ у Алексѣева и сближался со всѣми Русскими. За тѣмъ жандармскій Офицеръ Симоне и полицейскій Коммисаръ Камю, люди неглупые, но совершено необразованные для общества.

Въ числѣ нѣсколькихъ отставныхъ Офицеровъ заслуживалъ нѣкотораго вниманія только одинъ Маіоръ Пако, ветеранъ всѣхъ войнъ Наполеона. При взятіи Сарагоссы онъ былъ сильно раненъ и поступилъ въ составъ: «fournisseur millitaire d' habillement,» чѣмъ онъ и оставался до паденія Наполеона. Онъ имѣлъ нѣкоторый капиталъ, представлявшій возможность жить безбѣдно. Въ началѣ 1812 года, когда нѣкоторые полки, расположенные на югѣ Франціи, должны были внезапно двинуться въ Россію, одинъ изъ такихъ полковъ не имѣлъ многаго необходимаго. «Comissaire d' habillement» этого полка, нѣкто «Ліонъ,» потребовалъ отъ Пако то, что было нужно, въ самомъ непродолжительномъ времени, и, какъ это всегда бывало, по снабженіи полка вещами, причитающіяся деньги тотчасъ высылались изъ Военнаго Министерства, то Пако и не затруднился тотчасъ же доставить требовавшееся въ полкъ. Полкъ немедленно пошелъ по назначенію. Ліонъ далъ квитанцію, засвидѣтельствованную полковымъ Командиромъ. Нѣкоторое время Пако не могъ оставить мѣста своей дѣятельности. Наконецъ, онъ пріѣхалъ въ Парижъ и въ Военномъ Министерствѣ узналъ, что слѣдуемыя деньги, какъ это было заведено, были отданы для расплаты Ліону, пріѣзжавшему за ними уже съ похода, откуда былъ вызванъ. Пако написалъ въ полкъ, въ дивизію, въ корпусъ, и между тѣмъ узналъ, что Ліонъ въ плѣну. Долго не зналъ онъ мѣстопребыванія Ліона. Наконецъ отъ возвратившихся плѣнныхъ узналъ, что Ліонъ остался въ Тамбовѣ, поступилъ на какую-то суконную фабрику, женился на богатой Дворянкѣ и имѣетъ свою огромную фабрику. Пако нѣсколько разъ писалъ къ нему, но напрасно. Когда въ 1819 году я выѣзжалъ изъ Ретеля онъ передалъ мнѣ всѣ подлинныя бумаги, съ полною довѣренностію. Возвратясь въ Россію и собравъ свѣдѣнія, я относился пись-

---

учатся по Руски!» отвѣчалъ онъ на дѣлаемыя ему замѣчанія. Такое распоряженіе продолжалось недолго, и оканчивалось всегда тѣмъ, что разгнѣвавшій его приглашался обѣдать и пр., и пр.

менно къ Ліону, сдѣлавшемуся уже Тамбовскимъ помѣщикомъ и Русскимъ подданнымъ. Онъ отвѣчалъ, что если онъ имѣлъ что, то, сдѣлавшись плѣннымъ, остался въ одной рубашкѣ. На вопросъ же, что онъ получилъ деньги восемь мѣсяцевъ прежде плѣна, на это ничего не сказалъ. Я списался съ Пако и, по совѣту моему, онъ послалъ прошеніе въ свое Посольство, съ приложеніемъ всѣхъ бумагъ, но и это было напрасно. Ліонъ процвѣталъ. Богатаго сына своего женилъ на богачкѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ былъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, имѣлъ свою музыку, и пр. Нынѣ онъ скрылся, собравъ значительные капиталы, и живетъ съ семьей своею за границей.

XXV.

П. И. Каблуковъ. Наличный составъ его бригады. Капитанъ Прелатъ. Графъ В. В. Гудовичъ. Убійство Ш. К. Высоцкаго. Рѣчь Адвоката на ассизахъ, въ Реймсѣ. Драгунъ Харламовъ. Страшный мститель за убійство Высоцкаго. Русскій Клубъ.

Штабъ второй бригады расположенъ былъ въ г. Вузьерѣ, въ 24 верстахъ отъ Ретеля. Бригадный начальникъ, Платонъ Ивановичъ Каблуковъ, служившій до чина Полковника въ кавалергардахъ, былъ въ миссіи Чернышова, въ Парижѣ. Объ образованности его болѣе говорить не нужно. Онъ любилъ общество, любилъ жить весело, и хотя не былъ женатымъ, но у него часто собиралось дамское общество на вечеръ для танцевъ. Оба Адъютанта его были люди образованные: Капитанъ Дицъ, бывшій Адъютантомъ у Г.-М. Ушакова, убитаго подъ Краономъ. Въ Турецкую войну 1828—1829 годовъ онъ былъ Полковникомъ Харьковскаго уланскаго полка и умеръ въ 1831 году, отъ холеры, при разгромѣ инсургентовъ Подольской Губерніи, у Дашева, гдѣ убитъ былъ Графъ Ржевускій (прозванный Арабомъ), а Генералъ Колыско и Графъ Сабанскій должны были бѣжать. Другой Адъютантъ, лицо историческое, — Курляндскаго полка Капитанъ Прелатъ, человѣкъ уже немолодой, въ родѣ Австрійскихъ Адъютантовъ того времени. Онъ былъ при Чернышовѣ въ Парижѣ, и когда сей послѣдній долженъ былъ внезапно оставить оный, на

влекши на себя подозрѣніе, по дѣлу Секретаря Мишеля (казненнаго по оному), то отдалъ свой паспортъ Прелату, а паспортъ его взялъ себѣ, и спѣшилъ въ Россію. Наполеонъ по телеграфу далъ знать остановить Чернышова и прислать его со всѣми бумагами въ Парижъ. Приказаніе было исполнено, но, вмѣсто Чернышова, привезенъ былъ изъ Страсбурга Прелатъ, а Чернышовъ, подъ именемъ Прелата, благополучно пробрался въ Россію. Прелатъ былъ посаженъ Наполеономъ въ темницу и просидѣлъ въ ней до занятія нами Парижа. Въ 1840 году я его видѣлъ въ отставкѣ Полковникомъ въ Харьковѣ, гдѣ жена его содержала дѣвичій пансіонъ. Комендантомъ въ Вузьерѣ былъ Курляндскаго полка Поручикъ Де Вельмюръ, также очень образованный молодой человѣкъ.

Командиръ Курляндскаго полка, Полковникъ Графъ Василій Васильевичъ Гудовичъ, изъ Маріупольскаго гусарскаго полка, блистательно служившій въ Отечественную войну, и можно сказать, онъ и Полковникъ Лесовскій были одними изъ главныхъ дѣятелей въ упроченіи славы этого полка, человѣкъ вполнѣ достойный всеобщаго уваженія, которымъ и пользовался, какъ между Русскими, такъ и между Французами. Я зналъ его въ Отечественную войну, такъ какъ корпусъ Графа П. П. Палена былъ неразлученъ и подъ главнымъ начальствомъ до самой Москвы Генерала Дохтурова, командира 6-го пѣхотнаго корпуса, гдѣ я занималъ должность Оберъ-Квартирмейстера. Графъ Василій Васильевичъ былъ женатъ на дочери Генерала Энгельгардта, Александрѣ Григорьевнѣ, молодой, образованной и прекрасной собою, единственной представительницѣ Русскаго образованнаго и высшаго общества во всемъ корпусѣ Графа Воронцова. Наталья Филипповна не очень жаловала Графиню Александру Григорьевну, и именно по тому, что послѣдняя держала себя съ достоинствомъ. Другія Русскія дамы всѣ были изъ Западнаго Края, Католички. Домъ Графа былъ открыть всему образованному обществу. Между эскадронными Командирами образованностью отличались: Подполковникъ Гинглингъ, Маіоръ Д'Авико, женившійся во Франціи, Штабсъ-Капитанъ Высоцкій, убитый Французомъ, селяниномъ, гдѣ онъ квартировалъ.

Убійство это, какъ само по себѣ, такъ и ужасными своими послѣдствіями, надѣлало много шуму, а по тому я позволю себѣ нѣсколько распространиться. Штабсъ-Капитанъ Высоцкій квартировалъ съ эскадрономъ своимъ въ с. Лемениль, штабѣ дивизіона

Подполковника Гинглинга, къ которому ежедневно, по старому обычаю, какъ къ мѣстному начальнику, собирались всѣ Офицеры обѣдать и на вечеръ. Однажды Высоцкій не возвратился въ обычное время домой. Вахмистръ, ожидавшій приказаній, и деньщикъ обошли всѣхъ Офицеровъ, но нигдѣ его не было, всѣ давно уже спали. Передъ разсвѣтомъ явилась собака, всегда сопровождавшая Высоцкаго: она визжала и какъ бы указывала путь, по которому должно было за нею слѣдовать. Вахмистръ и деньщикъ пошли. Она подвела ихъ къ оврагу, отдѣляющему сады, сзади домовъ Гинглинга и Высоцкаго. По этой дорогѣ хаживалъ Высоцкій, когда на улицѣ была грязь; собака, подойдя къ перекладинѣ чрезъ оврагъ, съ визгомъ бросилась въ оный. Тутъ лежалъ съ прорубленной, въ двухъ мѣстахъ, головой Высоцкій. Тотчасъ дали знать въ Вузьеръ, откуда не замедлили пріѣхать наши и Французскіе слѣдователи. Оказалось, что удары были произведены орудіемъ въ родѣ топора, среди лезвія котораго неминуемо находился выбитый клинъ. Хозяина и его работника, Поляка Юрки, не было дома: они съ вечера уѣхали съ возомъ что-то продавать. Хватились топора, его нѣтъ; хозяйка и деньщикъ объявили, что на немъ дѣйствительно была зазубрина. Мѣстные поселяне бросились отыскивать, и нашли топоръ въ колодцѣ. Жандармскій Офицеръ отчасъ послалъ въ погоню за хозяиномъ и Юркой, ихъ настигли и порознь доставили въ селеніе. Здѣсь они перепутались въ показаніяхъ. Оказалось, что они не съ вечера, а ночью, выѣхали, а до того времени были съ лошадью въ отдаленномъ гумнѣ, гдѣ и оставили привязанною собаку, сманенную Юркой, который ее часто ласкалъ. Визгъ обратилъ вниманіе проходившаго односельянина, который, развязавъ ее, выпустилъ, и она прибѣжала на указанное мѣсто. Ревность Француза къ женѣ своей, нѣкоторыя выраженія Юрки, все не оставляло никакихъ сомнѣній о настоящихъ убійцахъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ ихъ заключенія, они были выведены, чтобы сѣсть въ повозку и отправиться въ Ассизы, въ Реймсъ. Въ это время, въ числѣ многихъ жителей и драгуновъ, было нѣсколько Офицеровъ и деньщикъ. Едва только показался Юрко, какъ собака, бывшая съ нимъ прежде ласковой, бросилась на него съ такою яростью, что должно было употребить усиліе оторвать ее; то же возобновилось, когда подошелъ къ повозкѣ хозяинъ. Мировой Судья и жандармскій Офицеръ тотчасъ остановили отправленіе и вновь дополнили слѣдствіемъ это явленіе, переспросивъ людей о прежнихъ отношеніяхъ собаки

къ этимъ лицамъ. Пополненное дѣло отправлено было въ Реймсъ, и Королевскій Прокуроръ пригласилъ Русскихъ депутатовъ для слушанія онаго. Отъ кавалеріи Графъ назначилъ меня, а изъ Мобежа вновь взятаго имъ Адъютанта, Поручика Князя В. С. Голицына. Ретель отъ Реймса только шесть льё. Изъ любопытства поѣхалъ съ нами Маркусъ. Весь Реймсъ былъ намъ знакомъ, по частымъ взаимнымъ посѣщеніямъ, а мнѣ въ особенности по долгому пребыванію въ 1814 году и сношеніямъ съ меріею, по безпрерывнымъ расквартированіямъ войскъ и пр. Въ Ассизахъ намъ приготовлено было мѣсто между Присяжными и Судьями отдѣльно. Зала была полна до нельзя: это было единственное уголовное дѣло по своей сущности, щекотливое для Французовъ. Во время спроса свидѣтелей изъ поселянъ, а ихъ было множество, къ нашему тогда удивленію, по неожиданности, всѣ они уличали убійцъ, и публика съ негодованіемъ смотрѣла на злодѣевъ, которые, въ свою очередь, при неопровержимыхъ уликахъ, не чувствовали уже на плечахъ головъ своихъ. Рѣчь Прокурора была громогласная: не разъ она вызывала въ публикѣ видимое негодованіе къ подсудимымъ, и по окончаніи оной и обвинительныхъ въ ней приведенныхъ данныхъ, ни на мгновеніе нельзя было сомнѣваться объ ожидавшей участи преступниковъ. Защитникомъ былъ общій нашъ знакомецъ, Адвокатъ Кафенъ, извѣстный защитою своею Лже-Людовика XVII, судившагося въ Реймсѣ. Послѣ разнорѣчій подсудимыхъ, вещественныхъ уликъ, свидѣтельскихъ показаній, въ числѣ которыхъ немалую роль играла и собака Высоцкаго, словомъ, обвинительная рѣчь Прокурора была для Кафена задачей очень трудной: чего онъ тутъ не вклеивалъ! Публика видимо негодовала на многія его выходки и обращала глаза на насъ. Кафенъ самъ чувствовалъ безсиліе своей защиты. Передъ концомъ онъ остановился, обтеръ платкомъ лицо и, сдержаннымъ голосомъ, сказалъ: «Дѣло это до сихъ поръ первое, которое разбирается при этихъ господахъ (указавъ на насъ), которые внесли къ намъ миръ, спокойствіе и нашу древнюю династію», и вдругъ, бросившись къ периламъ своей каѳедры, снялъ свою шапку, облокотился обѣими руками на перила и бѣшенымъ голосомъ вскричалъ, обратившись къ присяжнымъ: «И такъ, если мои доводы въ защиту подсудимыхъ слабы, то (еще сильнѣе возвысивъ голосъ) послѣдуемъ великимъ изреченіямъ Сѣверной Семирамиды, представители которой здѣсь на лицо (и указалъ на насъ), что лучше девять виновныхъ простить, нежели казнить одного невиннаго!..»

Послѣ сего, выпрямившись, перемѣнилъ иступленный крикъ свой и обыкновеннымъ сдержаннымъ голосомъ присовокупилъ: «Господа присяжные! я кончилъ.» Въ слѣдъ за тѣмъ онъ надѣлъ шапку и сошелъ съ своего мѣста. Подъ вліяніемъ такой хитросплетенной рѣчи, заставившей забыть все изъ обвинительнаго акта, присяжные вышли и не болѣе какъ минутъ черезъ двадцать возвратились, объявивъ освобожденіе преступниковъ. Въ публикѣ, которая за нѣсколько минутъ, казалось, раздѣляла фразу о Семирамидѣ, здѣсь, среди ея, послышались неодобренія. Прокуроръ и нѣкоторые изъ судей были съ нами знакомы, и видимо какъ бы совѣстились такимъ исходомъ. Мы вышли, столпившійся народъ насъ провожалъ криками: «Vive les Russie! Vive Alexandre!» Мы отправились въ ресторацію Mouillinė (гдѣ и почтовой дворъ, противъ каѳедральнаго собора). Пришелъ и Кафенъ, который охотно обѣдывалъ въ веселомъ обществѣ, былъ одинъ и изъ присяжныхъ, намъ незнакомый, но очень близкій, по видимому, съ Кафеномъ, который, послѣ нѣсколькихъ рюмокъ, въ общемъ разговорѣ за столомъ, взялъ, шутя, Кафена за ухо и сказалъ «Tu nous à joué la seconde fois,» относя первый разъ къ процессу Лже-Людовика XVII. Кафенъ весело отвѣчалъ: «C'est mon metier: faite le votre aussi bien!» Здѣсь я не вновь всего того, что говорилось за и противъ. Нельзя отвергать, чтобы жестикуляціи Адвоката и различные переливы его голоса не дѣйствовали на слушателей, въ особенности на тѣхъ, которые должны рѣшить: жизнь, или смерть. [76] Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы Кафенъ все, сказанное имъ, произнесъ прежде Прокурора, то исходъ дѣла былъ бы совершенно иной, и Присяжные не нашлись бы подъ вліяніемъ послѣднихъ словъ Адвоката. Но довольно объ этомъ. Убійца въ деревнѣ былъ отверженъ всѣми односельцами, а Юрко скоро куда-то скрылся. Послѣдствія этого дѣла были несравненно ужаснѣе и

---

[76] Древніе признавали это вліяніе: Судьи Ареопага, выслушивали Адвокатовъ не иначе, какъ въ темнотѣ, на томъ основаніи, чтобы искуство ихъ тѣлодвиженій не могло подѣйствовать въ ущербъ истинѣ. У Аравитянъ было поставлено Адвокатамъ въ правило говорить безъ жестовъ и безъ всякихъ пріемовъ декламаціи. Древніе полагали, что слушатели обращаютъ болѣе вниманія на слова, нежели на сущность дѣла, такъ что и самъ царь ораторовъ, Цицеронъ, не рѣшается сказать утвердительно, что ораторство, или гласъ народа, принесли болѣе пользы обществу? Настоящее дѣло какъ бы убѣждаетъ въ призрачности перваго.

одинаково рисующія характеристическія черты: по возможности, я сокращу изложеніе онаго.

Въ концѣ 1817 года, въ одномъ изъ селеній около Бюзанси произведено убійство пяти душъ, ночью: хозяина съ женой и матерью, работника и работницы. Это вызвало строжайшіе розыски, которые остались совершенно безуспѣшными. Чрезъ нѣсколько дней еще два убійства въ другомъ селеніи и два на дорогѣ. Весь Вузьерскій округъ пришелъ въ ужасъ, и жандармы и наши призваны были къ усиленію дѣятельности. Обѣщана значительная награда за поимку злодѣевъ. Между тѣмъ, въ одномъ изъ эскадроновъ Кинбургскаго полка пропалъ драгунъ, кузнецъ Харламовъ, безупречнаго поведенія, тихій и любимый ближайшими начальниками и товарищами. Всѣ полагали, что онъ былъ жертвой того же свирѣпаго убійцы. Скоро послѣ послѣдняго изъ выше названныхъ убійствъ, Вахмистръ эскадрона, въ которомъ служилъ Харламовъ, ѣхавши въ штабъ, остановленъ былъ изъ лѣсу назвавшимъ его по имени. Вахмистръ, къ удивленію, увидѣлъ за деревомъ Харламова, который ему объяснилъ, что всѣ убійства совершены имъ, и что онъ пробирается въ с. Лемениль, чтобы поразсчитаться за Высоцкаго и т. п. Сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ, встрѣтившись съ земляками своими, бывшими въ эскадронѣ Высоцкаго, упрекалъ ихъ въ томъ, что они не отмстили за своего командира и такъ уйдутъ въ Россію. По донесенію Вахмистра, имя убійцы сдѣлалось извѣстнымъ. Принятыя мѣры не отклонили нѣсколькихъ еще убійствъ. Никто по одиночкѣ не осмѣливался показаться. Начали со всѣхъ сторонъ доставляться свѣдѣнія, одни другихъ нелѣпѣе. Не буду вычислять ихъ всѣ: онѣ находятся въ дѣлѣ и свидѣтельствуютъ степень суевѣрія Французовъ, не однихъ низшихъ слоевъ народа. Однажды онъ былъ найденъ ночью сидящимъ на деревѣ. Три лѣсные стражника окружили его и наведенными на него ружьями заставили его слѣзть съ дерева на свою погибель: двое изъ нихъ тутъ же пали, третій, раненый, спасся. Взявъ ихъ сумки, хлѣбъ, сыръ и фляжки, Харламовъ вооружился ружьемъ и опять началъ свое дѣло. Тогда толки и суевѣріе достигли до самыхъ высшихъ размѣровъ. Проѣзжая иногда отъ одного мѣста до другого верхомъ и завидя идущихъ поселянъ, для шутокъ, мы начинали скакать, крича: «Харламъ! Харламъ!» и всѣ, сколько бы ни было встрѣчныхъ, или обгоняемыхъ, въ страхѣ бросались, кто куда могъ. Въ дѣлѣ можно найти показанія, что тамъ-то видѣли Харламова, обращеннаго въ ворону; тамъ-то

въ волка и т. п. Черезъ двѣ недѣли послѣ убійства стражниковъ, ночью, на дорогѣ изъ Бюзанси въ г. Варенъ, въ густомъ лѣсу, онъ напалъ на Француза, идущаго возлѣ своего воза. На первый крикъ дремавшіе на возу два драгуна, которыхъ Харламовъ не замѣтилъ, соскочили; и онъ былъ схваченъ, на этотъ разъ скрученъ и положенъ на подводу. Хозяинъ, который охотно повернулъ оглобли въ Бюзанси, гдѣ и получилъ третью часть награды, и Харламовъ, закованный, отправленъ въ Вузьеръ. Здѣсь наряжена была смѣшанная слѣдственная коммисія, гдѣ онъ положительно объявилъ, что мститъ за Высоцкаго, но что въ ту деревню не нашелъ еще возможности пройти, по причинѣ совершеннаго безлѣсія за Вузьеромъ. Хладнокровіе его было изумительно: онъ разсказалъ всѣ подробности своего похожденія. Ему было 30 лѣтъ, средняго роста, очень плотенъ, лицо красносмуглое, широкое, нѣсколько рябое, веселое. На очныхъ ставкахъ былъ очень твердъ. Наряженъ былъ военный судъ, исходъ коего былъ несомнѣненъ, а по тому изъ всего корпуса наряжены команды для присутствованія при казни. Харламовъ содержался на гауптвахтѣ, находящейся на площади, подъ навѣсомъ для торговли (hall), гдѣ помѣщенъ былъ обозъ. Въ продолженіе слѣдствія и суда около мѣсяца, на Харламова приходили съ обоихъ арондиссаноновъ смотрѣть, и охотно платили по пяти су взглянуть на него въ окно. Караулъ по обыкновенію имѣлъ ружья въ сошкахъ, выходъ былъ подъ крышу, тамъ еще были часовые около обоза. На канунѣ дня, назначеннаго для разстрѣлянія, пріѣхалъ Алексѣевъ; вечеромъ было собраніе у Генерала и предъ казнію довольно веселое. Вдругъ дали знать, что Харламовъ бѣжалъ!.. Ужасъ распространился въ городѣ. Въ одно мгновеніе всѣ дома освѣтились какъ бы въ день торжественный, изъ опасенія, чтобы онъ куда не ворвался. Тотчасъ сдѣлано было распоряженіе, и нѣсколько командъ, для выигрыша времени, сѣли на попонки и скакали по всѣмъ направленіямъ. Вузьеръ открытъ былъ только къ сторонѣ Ретеля, съ другихъ двухъ сторонъ вели въ оный болѣе, или менѣе, длинныя гребли. Французскіе жандармы тоже отправились, городская стража встала на ноги. Алексѣевъ и многіе изъ штаба пошли на мѣсто узнать ближе, какъ это совершилось. Солдатъ, стоявшій въ комнатѣ, гдѣ содержался въ ножныхъ кандалахъ Харламовъ, сжалился надъ нимъ, зная его участь и, вмѣстѣ съ Унтеръ-Офицеромъ, дозволилъ ему выйти для нужды; за Унтеръ-Офицеромъ и солдатомъ съ ружьями, пошелъ еще солдатъ, также

вооруженный. Выйдя подъ «hall,» Харламовъ, по обыкновенію, присѣлъ и, вѣроятно, въ это время приготовленныя заранѣе кандалы, спустилъ съ ногъ (ибо онѣ тутъ найдены), всталъ, чтобы возвратиться въ караульню, и вдругъ, бывшую на немъ шинель въ накидку, бросилъ съ толчкомъ на голову ближайшаго къ нему драгуна, и исчезъ среди обоза въ темнотѣ. Бросились искать, но напрасно. На другой день, рано, нашли въ четырехъ верстахъ убитаго Француза, раздѣтаго, въ платье котораго онъ и одѣлся. Дежурный караульный Офицеръ и весь караулъ, изъ 18 человѣкъ, были отданы подъ судъ. Начались опять убійства, и уже не было мѣръ къ сочиненію самыхъ невѣроятныхъ слуховъ о превращеніяхъ Харламова, и это убѣжденіе многіе изъ порядочныхъ Французовъ раздѣляли. Наконецъ, по выступленіи, въ концѣ 1818 г., изъ Франціи, Харламовъ былъ пойманъ Прусскимъ батальономъ, сдѣлавшимъ ночью привалъ. Харламовъ, полагая видѣть двухъ человѣкъ, лежавшихъ у дороги, думалъ, что это Французы, бросился было на нихъ, а это были три барабанщика, шедшіе нѣсколько саженъ впереди батальона, которые, не зная, кто такой Харламовъ, схватили его. Онъ тотчасъ назвалъ себя Русскимъ солдатомъ, и на другой день былъ переданъ намъ, и какъ приговоръ надъ нимъ уже состоялся, то съ него былъ снятъ только дополнительный допросъ, а на другой день, на дневкѣ, былъ разстрѣлянъ. На духу передъ казней онъ сказалъ отцу Травлинскому то же, что объявилъ въ слѣдственной коммисіи и въ судѣ. Онъ сожалѣлъ только объ одномъ, что не могъ добраться до с. Мениля и не успѣлъ натѣшиться. Дѣло о немъ должно находиться въ архивахъ Аудиторіата. Въ немъ, если приложено и слѣдствіе смѣшанной коммисіи, можно встрѣтить многія характеристическія черты и степень образованія тогдашнихъ Французовъ, величающихъ насъ варварами.

Въ Курляндскомъ полку было еще много Офицеровъ, которые, достаточнымъ состояніемъ и образованностію, могли быть украшеніемъ лучшихъ обществъ между ними: Поручикъ Насакинъ, Прапорщики: Драсенфельсъ и Нольде: сіи послѣдніе, кончившіе курсъ въ Дерптскомъ Университетѣ, догнали дивизію въ Саарге-мюнде, опредѣлились юнкерами и вскорѣ за отличіе были произведены. Мѣстныя власти въ Вузьерѣ не отличались особенностью.

Кинбургскій драгунскій полкъ расположенъ былъ въ м. Бюзанси, на дорогѣ изъ Вузьера въ грустно-знаменитый городъ Варенъ. Командиромъ полка былъ Полковникъ Степанъ Ивановичъ Лесов-

скій, въ отечественную войну служившій въ Маріупольскомъ гусарскомъ полку и, вмѣстѣ съ Графомъ В. В. Гудовичемъ, какъ замѣчено выше, содѣйствовалъ славѣ сего полка. Многія отношенія связывали меня въ 1812 году съ Степаномъ Ивановичемъ; чрезъ три года служба свела насъ опять. Человѣкъ этотъ, въ моихъ понятіяхъ, стоялъ очень высоко и очень, можетъ быть, что если бы жилъ онъ лѣтъ тридцать позже, то былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ. Здѣсь я не въ силахъ былъ умолчать о тѣхъ чувствахъ, которыя я питалъ съ 1812 по 1819й годъ, когда мы были неразлучны. Въ послѣдствіи мнѣ случалось встрѣчать его при другихъ уже условіяхъ и всегда на очень короткое время. Онъ былъ женатъ на родственницѣ Гижицкаго на Волыни. Она уступала въ наружности другимъ своимъ соотечественницамъ, бывшимъ въ дивизіи, но имѣла увлекательный умъ и большую начитанность, которыми не искала блистать. Изъ Штабъ-Офицеровъ полка первое мѣсто занималъ Полковникъ Хрущовъ, бывшій предъ тѣмъ дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ у Графа С. М. Каменскаго 1-го. Вообще, кромѣ Степана Ивановича, Офицеры его полка рѣдко пріѣзжали въ Ретель, по отдаленности ихъ квартированія, и чаще бывали въ Вузьерѣ.

Конная рота была расположена почти на половинѣ дороги между Ретелемъ и Вузьеромъ, нѣсколько влѣво отъ перваго, въ знаменитомъ нѣкогда Атиньи. Командиромъ роты былъ Подполковникъ Николай Яковлевичъ Фалькенбергъ.[99] Какъ онъ, такъ и Офицеры его: Штабсъ-Капитанъ Осипъ Ивановичъ Корфъ, Поручики: Штральборнъ и Гелеръ, Прапорщики: Николай Ивановичъ Казнаковъ, Мосоловъ, Гельдъ, Бровцынъ, Шпилевскій и другіе, были люди очень образованные, часто бывали въ Ретелѣ, особенно осенью и зимой Ретельское и Вузьерское общества соединялись въ клубѣ, заведенномъ Русскими. Иногда для танцевъ пріѣзжали и Французы изъ Реймса. Клубъ помѣщался въ, такъ называемой, «sale de l'arquebuse:» ее отдѣлали заново, съ нѣкоторымъ щегольствомъ. Выписанный нами економъ, Годеліусъ, въ послѣдній годъ воспользовался временемъ, когда у него скопилась нѣсколько кругленькая сумма, скрылся со всѣмъ тѣмъ, что легче было захватить, и общественныя собранія уничтожились, за то частныя были нерѣдки.

---

[99] Въ послѣдствіи онъ былъ Генералъ-Маіоромъ и Начальникомъ Жандармскаго

XXVI.

Алексѣевъ былъ любимъ всѣми. Его разъѣзды по эскадронамъ. Ожиданіе пріѣзда Вигеля въ Ретель. Поѣздка Графа М. С. Воронцова для обозрѣнія театра революціонныхъ военныхъ дѣйствій. Отъѣздъ Алексѣева въ Парижъ, а въ слѣдъ за нимъ Генерала Дзекопскаго съ Лиарацця.

Таково въ краткихъ словахъ было общество, окружавшее Алексѣева. Наталья Филипповна, какъ уже было замѣчено, женщина очень умная и образованная, одинаковыхъ свойствъ съ братомъ своимъ, Филиппомъ Филипповичемъ, не могла не видѣть, что Илья Ивановичъ, стоящій въ головѣ Русскихъ въ краѣ, совершенно стушевывался, когда выходилъ изъ круга служебной дѣятельности, и ей все казалось, что подчиненные ея мужу не оказываютъ ему должнаго уваженія, смѣются надъ нимъ, выказываютъ Французамъ его необразованность, тогда какъ все это существовало только въ ея воображеніи, въ ея безпредѣльной щекотливости относительно всѣхъ близкихъ ей. Та же черта характера, что и у Филиппа Филипповича. Между тѣмъ, какъ добрѣйшій Илья Ивановичъ, не смотря на безпрерывныя ему замѣчанія, намеки на лицъ, болѣе къ нему близкихъ, не обращалъ никакого вниманія и былъ безъ изъятія любимъ всѣми, начиная съ Французовъ. Что же относится до дивизіи, то повторяю еще, что Алексѣевъ былъ любимъ, и не только что не искали выставлять его ограниченность въ быту общества, но, напротивъ, всѣ и всегда искали отклонять его отъ тѣхъ послѣдствій, которыя иногда могли быть отъ его запальчивости. Здѣсь я могъ бы выписать множество очень любопытныхъ эпизодовъ.

Эскадроны, въ особенности 1-й бригады, были расположены около Ретеля, въ окрестныхъ замкахъ: Тюньи (нѣкогда принадлежавшемъ семейству Сюли), въ Нантейлѣ, въ Асфельдѣ, Беншѣ, и другихъ. Алексѣевъ очень часто ѣздилъ то къ одному, то къ другому изъ эскадронныхъ Командировъ: Кочубею, Бердяеву, Розанову, Шелехову, Марьяновичу и пр., а также и въ Атиньи, къ Фалькенбергу, за 12 верстъ, и даже разъ пять, или шесть, въ годъ, и въ Вузьеръ. На такія поѣздки онъ рѣшался внезапно, за

Сибирскаго Округа; въ 1842 году онъ, по дѣламъ службы, пріѣзжалъ въ Петербургъ и, проживъ у меня двѣ недѣли, возвратился и вскорѣ умеръ.

обѣдомъ. Неизмѣнными спутниками въ этой кавалькадѣ былъ Маркусъ и я; очень часто отецъ Іоаннъ, если случался за обѣдомъ, былъ также приглашаемъ. Такія посѣщенія были праздникомъ для того, кому они дѣлались; такъ все шло, какъ говорится, по военному: пѣсельники, пляски драгунъ и т. п. Въ ближайшіе эскадроны къ штабамъ тотчасъ являлись трубачи и полковые командиры, преимущественно Графъ Ностицъ. Возвращались же въ Ретель въ глубокую ночь, иногда съ разсвѣтомъ; а не разъ бывало, что отъ одного эскадрона проѣзжали прямо въ другіе, или къ Ностицу, и тогда возвращались чрезъ три дня. Всѣ постоянные спутники Ильи Ивановича были ненавистны Натальѣ Филипповнѣ, которая полагала, что если они и не служили починомъ къ такимъ гуляньямъ, то могли бы отклонять ихъ. Но кто лучше могъ знать, какъ не она своего мужа? Разъ, что попадетъ ему въ голову, то и она не всегда справлялась съ нимъ. Изъ этого очерка будетъ ясно видно, что все то, что будетъ говорить Вигель о лицахъ, которыхъ онъ или вовсе не видалъ, или очень мало зналъ ихъ, было передано ему его сестрой. Теперь приступаю къ продолженію разсказа Вигеля.

Уже въ началѣ 1818 года Алексѣевы получили извѣстіе о предположеніи Филиппа Филипповича посѣтить ихъ въ Ретелѣ, проѣздомъ въ Парижъ. Радость была неописанная. Выпросили у Ватель комнату въ верхнемъ этажѣ, озаботились приспособить ее къ привычкамъ ожидаемаао гостя: и Илья Ивановичъ, казалось, восторгался болѣе Натальи Филипповны; не разъ онъ повторялъ, и почти всегда за обѣдомъ Маркусу и мнѣ: «Вотъ увидите ея (Н. Ф.) Филиппушку; то-то голова! Да не нашего поля ягода: боится лошади: его не заманишь къ Розанову» и т. д. и, въ слѣдъ за симъ, разражался хохотомъ. На это обыкновенно слѣдовала отъ Наталіи Филипповны худо скрываемая иронія: «Перестань, Илья Ивановичъ: у нихъ головы не хуже братниной, а ѣздить тебѣ по эскадронамъ съ привычными пріятнѣе.» Среди этихъ ожиданій я получилъ письмо отъ Сергѣя Ивановича Тургенева, извѣщающаго меня, по приказанію Графа, чтобы я былъ готовъ сопровождать его изъ Ретеля, для обозрѣнія Арденскаго лѣса (описаніемъ котораго, по его приказанію, я занимался), города Варена и окрестностей, гдѣ дѣйствовалъ Дюмурье и пр. Оттуда въ Шарлемонъ, гдѣ Графъ соединится съ нѣкоторыми лицами изъ своей свиты. Изъ Шарлемона Графъ предположилъ осмотрѣть возводимыя по границѣ укрѣпленія Намюра и др., и далѣе, черезъ Линьи

въ Ватерло, для чего, независимо отъ находившагося при немъ Англійскаго Капитана Рооса, примкнуть и другіе участники въ битвахъ, происходившихъ на этомъ пространствѣ. Въ заключеніи письма Тургеневъ сообщаетъ, чтобы быть въ партикулярномъ платьѣ, безъ прислуги, и избрать одну изъ самыхъ сносныхъ лошадей. Нельзя было не сообщить Алексѣеву содержанія этого письма: онъ былъ въ восторгѣ, что можетъ принять участіе въ этой поѣздкѣ. Я былъ увѣренъ, что желаніе его будетъ отклонено, какъ лица совершенно въ ней лишняго и старался наводить его на это мнѣніе. Наталья Филипповна воспользовалась симъ, чтобы еще попытать возбудить въ немъ подозрѣніе, что я ищу всячески отдалить его отъ личныхъ неслужебныхъ сношеній съ Графомъ.[78] Замѣтивъ это, я передалъ, что Графъ не желаетъ имѣть при себѣ многихъ; что Тургеневъ пишетъ, чтобы быть въ статскомъ платьѣ, безъ прислуги, то есть, безъ ординарцевъ; ибо желаетъ совершить этотъ путь, какъ частный путешественникъ и т. п., но ничто не помогло: Алексѣевъ, по внушенію Натальи Филипповны, пожелалъ видѣть письмо Тургенева, на что я отвѣчалъ ему, что письмо будто бы писано по Французски: «Ничего! Наталья, или вотъ Екатерина Севастьяновна (Баронесса Соловьева) прочитаетъ,» возразилъ Алексѣевъ. Мнѣ пришлось отговориться тѣмъ, что письма нѣтъ со мной. Показать его я никакъ не могъ по тому, что Тургеневъ въ немъ пишетъ на большую половину то, чего дамамъ читать было не возможно, тѣмъ болѣе, что тутъ говорилось объ одной Русской нашей Рѣтелянкѣ, хотя и не прямо' именемъ, но болѣе чѣмъ достаточно, чтобы видѣть, о комъ идетъ рѣчь. Я вышелъ, по желанію Алексѣева, будто бы за письмомъ, съ повтореніемъ поскорѣй возвратиться; ибо формировалась партія въ горку. Я зашелъ къ Лишину, чтобы, выждавъ, когда, по обыкновенію, около шести часовъ вечера, Наталья Филипповна, съ постоянной ея спутницей, Баронессой Соловьевой, поѣдутъ кататься, возвратиться къ Алексѣеву, показать ему письмо и объяснить, по чему я не могъ при Генеральшѣ дать ему оное. Такъ и случилось. Алексѣевъ отъ души смѣялся, и когда Наталья Филипповна возвратилась, онъ сказалъ ей, что я обманулъ ее, что письмо писано

---

[78] Вхожу въ эти мелочи по тому, что Ф. Ф. Вигель будетъ пространно говорить о нихъ и, само собою разумѣется, на основаніи давнихъ его сестры. Хотя этотъ эпизодъ и можетъ казаться ничтожнымъ, но онъ, какъ нельзя болѣе характеризуетъ Вигеля.

не по Французски, а по Русски, что онъ читалъ его, и что правда, тамъ много Французскаго.» «Кто же тебѣ прочиталъ это?» Возразила она гнѣвнымъ образомъ. «Самъ, Наташа, самъ, матушка, уже настояще по Французски!» и залился хохотомъ, съ обычными прибаутками. Генеральша ни слова не сказала и, пригласивъ съ собой Соловьеву, вышла, а мы продолжали партію. Не знаю, сообщилъ ли ей Алексѣевъ содержаніе письма, но съ этихъ поръ она уже открыто начала высказывать весь гнѣвъ свой.

Вскорѣ послѣ сего Графъ, въ сопровожденіи одного только Адъютанта, Дмитрія Васильевича Нарышкина, и своего дорожнаго камердинера, Баптиста, верхами, въ партикулярныхъ платьяхъ, пріѣхали въ Ретель. Графъ остановился у Паке, Нарышкинъ у меня, и это показалось подозрительнымъ, почему не въ приготовленной комнатѣ для Вигеля? Въ этотъ же день, въ обѣдъ, рѣшено было, что на другой день, въ семь часовъ утра, Графъ выѣзжаетъ чрезъ Атиньи, гдѣ будетъ обѣдать, а въ Вузьерѣ ночевать. Алексѣевъ будетъ провожать только до сего послѣдняго, а далѣе, внѣ расположенія нашихъ войокъ, мы отправляемся уже, какъ простые путешественники, по постоялымъ дворамъ, чтобы наши лошади могли найти присмотръ. На вечерѣ у Каблукова Алексѣевъ испросилъ позволеніе у Графа провожать ожидаемаго гостя, Вигеля, въ Парижъ.

Я не буду описывать первой половины поѣздки этой до Шардемона,[79] гдѣ мы нашли многихъ изъ лицъ штаба Графа и другихъ, а также и Полковника Графа Ностица, испросившаго позволеніе сопутствовать Графа, во второй половинѣ поѣздки. Тургеневъ, какъ дипломатъ, немного интересовавшійся поѣздкой для предполагавшихся военныхъ обозрѣній, предпринятыхъ для повѣрки бывшихъ тутъ событій и предпочитавшій Парижъ жесткому (по выраженію Графа Ностица) сѣдлу, отправился, не дождавшись Графа, на берега Сены.

---

[79] Графъ отмѣнилъ поѣздку въ Варенъ, поручивъ мнѣ въ послѣдствіи быть тамъ и пріискать живописца, для снятія вида дома, въ которомъ несчастный Король съ семействомъ былъ задержанъ. Изъ Бюзаньи мы круто поворотили влѣво, чрезъ лѣса, на Мезьеръ и т. д.

[80] Графъ Ностицъ описываетъ подробно это второе, любопытное во многихъ отношеніяхъ, путешествіе, и называетъ всѣхъ, въ немъ участвовавшихъ, на стр. 290—314, книги, подъ заглавіемъ: Aus Karl's Nostits, weiland Adjutanten des Princen Louis-Ferdinand, und Briefwechsel. Aus ein Lebens und aus dem Befreiungs Kriegen. Dresden und Leipzig, 1848, in 8.

Исколесить такимъ образомъ, безъ прислуги, нѣсколько сотъ верстъ верхомъ, и кто зналъ неутомимость Графа Михаила Семеновича, и при этомъ его безпримѣрно умственную дѣятельность, не для всѣхъ было безтяготно и по тому-то онъ въ такихъ случаяхъ избиралъ себѣ въ спутники, независимо отъ другихъ условій, тѣхъ, которые могли приближаться къ его силѣ, для вынесенія всѣхъ трудовъ, въ предначертывавшихся имъ предпріятіяхъ. Окончивъ объѣздъ, изъ Мобежа Графъ отпустилъ меня.

Возвратясь въ Ретель, я узналъ, что Вигель писалъ Алексѣеву, что, по какимъ-то обстоятельствамъ, отъ него, будто бы, не зависѣвшимъ, онъ не можетъ заѣхать въ Ретель, а направляется прямо въ Парижъ, гдѣ будетъ ожидать ихъ прибытія. Алексѣевъ, имѣя разрѣшеніе Графа, давно уже отправился съ женой въ Парижъ и черезъ Маркуса велѣлъ мнѣ передать, что если я захочу, то пріѣхалъ бы къ нимъ. Я не думалъ воспользоваться этимъ предложеніемъ. Посѣщая Парижъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, по четыре и по пяти разъ въ годъ, я уже невидѣлъ въ нёмъ тѣхъ прелестей, которыя привлекаютъ многихъ. Большей части изъ насъ, съ этой точки, было хорошо и дома, а по тому, взявъ съ собою артиллерійскаго Прапорщика, Н. И. Горскаго (въ послѣдствіи Г.-М., Начальника размежеванія Донской Земли), прекрасно рисовавшаго, я, на другой же день, отправился въ Вареннъ, для исполненія желанія Графа. Чрезъ недѣлю я былъ опять уже въ Ретелѣ. Но здѣсь, однако же, я долженъ былъ уступить просьбѣ Г.-М. Дзеконскаго, сдавшаго полкъ Графу Ностицу, не покончивъ счетовъ съ поставщикомъ фуража въ полкъ, отставнымъ Французскихъ кирасиръ-Полковникомъ Лануа, отъ котораго слѣдовало ему получить до 60 т. франковъ. «Fournisseur» этотъ, поддерживаемый смѣщеннымъ Де Гюржи, не обращалъ никакого вниманія на требованія Дзеконскаго, долженствовавшаго отправиться къ своей бригадѣ, въ Россію, послѣдній рѣшился ѣхать въ Парижъ, но, не зная ни слова по Французски, уговорилъ меня ему сопутствовать и, съ содѣйствіемъ нѣкоторыхъ лицъ, мнѣ извѣстныхъ, помочь его дѣлу. Мы отправились. Я зналъ, что мое появленіе далеко не будетъ Алексѣеву непріятно: предшествовавшія двѣ поѣздки мы совершали вмѣстѣ. На послѣдней станціи къ Парижу, въ Буржѣ, куда мы пріѣхали передъ сумерками, оказалось, что экипажъ Генерала требовалъ починки, безъ которой не было возможности сдѣлать и шагу, а кузнецы объявили, что работу нельзя

окончить прежде пяти часовъ утра.[81] Не желая провести около полусутокъ, за 15 верстъ отъ Парижа, въ бездѣйствіи, я рѣшился ѣхать верхомъ (à franc-étriers), способъ, тогда очень употреблявшійся. Но передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ мнѣ садиться уже на лошадь, я услышалъ хлопанье бичей, въ слѣдъ за симъ подкатила коляска, въ которой былъ артиллерійскій Полковникъ Зеничъ, съ Капитаномъ Ландсбергомъ, Начальникомъ Парка. Они сообщили намъ, что въ Суассонѣ обѣдали вмѣстѣ съ, возвращающимся изъ Парижа, Алексѣевымъ, пригласили меня потѣсниться съ ними, и я сѣлъ въ коляску. Передъ отъѣздомъ я назвалъ Генералу гостинницу, въ которой всѣ пріѣзжающіе изъ Ретеля останавливаются. Но Дзеконскій первый разъ ѣхалъ въ Парижъ и, ни слова не зная по Французски, не могъ объяснить почтальону, куда его завезти, а мнѣ не пришло въ голову сказать это Почтмейстеру, и онъ, вмѣсто того, чтобы заѣхать въ отель Лилоа, на Ришельевской улицѣ, противъ Королевской Библіотеки, былъ завезенъ въ отель Нотръ-Дамъ де Виктуаръ, въ недальнемъ разстояніи отъ отель Лилоа.

XXVII.

Отзывъ Вигеля объ Ив. Петр. Липранди. Характеръ Вигеля и его «Воспоминанія.»

Не буду говорить о пребываніи Алексѣевыхъ и брата Вигеля, Павла, которое подробно описываетъ Филиппъ Филипповичъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ,» но замѣчу только, что многое было не такъ, какъ онъ говоритъ; я обращаюсь прямо къ тому времени, когда съ нимъ мы познакомились въ Парижѣ. И вотъ какъ онъ это разсказываетъ (часть 5-я, стран. 127, 128).

«Изъ Русскихъ довольно часто видѣлъ я двухъ не весьма обыкновенныхъ людей, которые, не будучи вовсе знакомы между собою, едва ли зная о существованіи другъ друга,[82] въ нѣ-

[81] И эта подробность, какъ видно будетъ далѣе, необходима для повѣрки сказаній Вигеля.

[82] Подчеркиваю тѣ мѣста, на которыя преимущественно долженъ буду сдѣлать примѣчанія.

которомъ смыслѣ имѣли большое сходство и вели одинаковый образъ жизни. У обоихъ ровно ничего не было, а ихъ житью иной достаточный человѣкъ могъ бы позавидовать. Карты объясняютъ расточительность иныхъ бѣдныхъ людей, но ни который изъ нихъ не былъ игрокомъ: цѣлый вѣкъ умѣли они скрывать отъ глазъ человѣческихъ тайникъ, изъ коего черпали средства къ постоянному поддерживанію своей роскоши. Первый, служившій тогда въ Генеральномъ Штабѣ, при дивизіи Алексѣева, часто отлучался изъ Ретеля и всегда останавливался въ отелѣ, въ которомъ я жилъ. Не задолго передъ тѣмъ, меньшая сестра его, сиротка, вышла за сына двоюроднаго брата моего: все вмѣстѣ сдѣлало для меня знакомство его неизбѣжнымъ. Откуда онъ былъ родомъ и какого происхожденія, мнѣ не извѣстно: по фамильному имени надобно было почитать Итальянцемъ, или Грекомъ, но онъ не имѣлъ понятія о языкахъ сихъ народовъ, зналъ хорошо только Русскій и принадлежалъ къ Православному Вѣроисповѣданію. Умомъ и даже разсудкомъ былъ онъ отъ природы достаточно награжденъ: только въ послѣднемъ чего-то недоставало. Какими бы средствами человѣкъ ни собиралъ матеріялы для сооруженія фортуны своей, по крайней мѣрѣ нельзя отказать ему въ предусмотрительности; но тутъ этого вовсе не было: добытыя деньги медленнѣе приходили къ нему, чѣмъ уходили. Вѣчно бы ему пировать; если бъ еще онъ былъ весельчакъ, нимало: онъ всегда былъ мраченъ и въ мутныхъ глазахъ его никогда не блистала радость. Въ немъ было Бедуинское гостепріимство и онъ готовъ былъ и на одолженія, отъ чего многіе его любили. Добраго Алексѣева тайно поджигалъ онъ противъ Воронцова, ко всѣмъ распрямъ между военными былъ онъ примѣшанъ, являясь будто примирителемъ, болѣе возбуждалъ ссорящихся, и потомъ предлагалъ себя секундантомъ. Многимъ отъ того казался онъ страшенъ, но были другіе, которые увѣряли, что когда дѣло дойдетъ собственно до него, то ни въ ратоборствѣ, ни въ единоборствѣ, онъ большой твердости духа не покажетъ.

«Всякій разъ, какъ немного поднявшись по лѣстницѣ, заходилъ я къ нему, находилъ изобильный завтракъ, или пышный обѣдъ; на столѣ стояли горы огромныхъ персиковъ, душистыхъ грушъ и дорогого винограда, искуственно произрастающаго въ Фонтенебло, подъ названіемъ шассела. Я не принималъ участія въ сихъ Лукулловскихъ трапезахъ: предписанная мнѣ діета служила мнѣ предлогомъ къ отказу. И кого угощалъ онъ? Людей съ такими

подозрительными рожами, что совѣстно и страшно было вступать съ ними въ разговоры. Разъ одинъ изъ нихъ мнѣ понравился: у него было очень умное лицо, на которомъ было замѣтно, что сильныя страсти не потухли въ немъ, а утихли. Онъ былъ очень вѣжливъ, сказалъ, что обожаетъ Русскихъ, и въ особенности мнѣ желалъ бы на что нибудь пригодиться: тотчасъ послѣ того объяснилъ, какого рода услуги онъ можетъ оказать мнѣ. Какъ Султанъ властвовалъ онъ надъ всѣми красавицами, которыя продали и погубили свою честь. Видя, что я съ улыбкой слушаю его, онъ сказалъ: «Я не скрою отъ васъ моего имени, по крайней мѣрѣ, не должно оно пугать: я Видокъ.» И дѣйствительно, оно не испугало меня потому, что я услышалъ его въ первый разъ. Вскорѣ растолковали мнѣ, что я знакомъ съ главою Парижскихъ шпіоновъ, мушаровъ, какъ ихъ называли; что этотъ человѣкъ за великія преступленія былъ осужденъ, нѣсколько лѣтъ былъ гребцомъ на галерахъ и носитъ клеймо на спинѣ. Нѣтъ, отъ такого человѣка не захотѣлъ бы и Магометова рая. Не помню послѣ того, былъ ли я у L? Непріятно же было всегда встрѣчать каторжныхъ. И что за охота принимать такихъ людей? Изъ любопытства, подумалъ я: чрезъ нихъ знаетъ онъ всю подноготную, всѣ таинства Парижа, которыя тогда еще не были напечатаны. Послѣ я лучше понялъ причины знакомства съ сими людьми; также какъ они, L одною ногой стоялъ на ультрамонархическомъ, а другою на ультрасвободномъ грунтѣ, всегда готовый къ услугамъ побѣдителей той, или другой, стороны.»

Такъ Ф. Ф. Вигель изображаетъ меня, и хотя онъ не называетъ моего имени, но бывшимъ во Франціи это не можетъ быть тайной. Пусть Ф. Ф. Вигель, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ сестры своей, усвоилъ ея мнѣніе, и въ двухнедѣльное наше знакомство въ Парижѣ могъ сдѣлать это послѣднее заключеніе и внести въ свой дневникъ, но уже никакимъ образомъ въ «Воспоминанія,» писанныя имъ едва ли не сорокъ лѣтъ спустя; ибо въ промежутокъ этого времени онъ имѣлъ случай не разъ убѣждаться (что свидѣтельствуется его письмами, далѣе прилагаемыми) совершенно въ противномъ. Особенно же послѣднія строки ни въ какомъ уже случаѣ ко мнѣ непримѣнимы. Если бы это было такъ, то, конечно, при представлявшихся мнѣ служебныхъ случаяхъ, я далеко бы ушелъ впередъ: имѣя собственныя убѣжденія, я не покорялся никакимъ другимъ, и Ф. Ф., какъ будетъ видно, имѣлъ не разъ случай въ этомъ удостовѣриться. Здѣсь замѣчательно то,

что онъ не знаетъ моего происхожденія и что по фамиліи я долженъ былъ быть Грекъ, или Итальянецъ. Онъ очень хорошо зналъ мое происхожденіе; ибо и самъ говоритъ, что сестра моя вышла замужъ за близкаго его родственника (Семеновскаго полка Капитана Тухачевскаго, убитаго въ 1831 году на штурмѣ Варшавы бывшаго командиромъ Олонецкаго полка). Но положимъ, что въ 1818 году онъ не зналъ того; но когда писалъ свои «Воспоминанія» не могъ не знать, какъ это далѣе будетъ видно. Забавно также недоумѣніе, что по фамиліи моей я могу быть Грекомъ. Трудно натянуть что либо и приблизительное. Впрочемъ, очень можетъ быть, въ подлинныхъ запискахъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, прописано мое имя; ибо Ф. Ф. неминуемо обозначаетъ анонимомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ нахожу нужнымъ возстановить истину въ данныхъ, не касаясь его мнѣнія о моей личности; каждый въ правѣ имѣть свое; у Вигеля же оно рѣдко было постояннымъ: такъ и относительно меня. Понятно, что если бы сочиненіе не носило заглавія «Воспоминаній», а журнала, дневника, въ которой вписываются современныя впечатлѣнія дня, то это другое дѣло. Воспоминанія же должны изображать лицъ такъ, какъ ихъ въ заключеніи понимаютъ. Этого-то у него и нѣтъ; противорѣчащихъ мнѣній множество, и это зависѣло отъ того, въ какомъ расположеніи духа брался онъ за перо, чтобы излагать свои «Воспоминанія». Если Ф. Ф. былъ разсерженъ за что ни будь въ своемъ воображеніи на Молдавана, на Грека, на Еврея съ которыми онъ почиталъ какъ бы обязанностію быть всегда въ оппозиціи, или на Совѣтника, на Чиновника, показавшагося ему въ обращеніи съ нимъ, не раболѣпствующимъ, тогда чернила его обращались въ желчь и все попадающее подъ его перо безщадно казнилось. Напротивъ, если Молдаванскій Бояринъ, пріѣзжая къ нему, выйдетъ изъ коляски, не доѣзжая его подъѣзда, или подъѣдетъ шагомъ, или когда онъ посѣтитъ кого, и тамъ перестанутъ курить, зная его причуды, или наконецъ Совѣтникъ, пришедшій къ нему по дѣлу (иначе къ нему не ходили), на неоднократное приглашеніе сѣсть, не исполнитъ этого и т. п., тогда Филиппъ Филипповичъ бывалъ въ восторгѣ, въ своей тарелкѣ, скорыми шагами ходилъ по комнатѣ, съ улыбкой потирая руки, [93]

[93] Онъ имѣлъ какія-то заповѣдныя ножницы вершка въ два длины; дома онъ постоянно держалъ ихъ въ рукѣ, перебирая пальцами. Близко его знавшіе

и тогда перо его изображало все въ розовомъ цвѣтѣ, что, впрочемъ, бывало очень рѣдко; ибо онъ во всѣхъ думалъ видѣть враговъ своихъ, не цѣнителей его достоинствъ, его ума, въ которомъ, конечно, никто ему не отказывалъ и не откажетъ; но пора обратиться къ предмету.

XXVIII.

Отношенія Липранди къ Видоку. Арестъ Лануа. Первое знакомство Липранди съ Вигелемъ. Несостоятельность отзывовъ Вигеля о Липранди.

Остановившись, по обыкновенію, въ отелѣ Лилоа, я, приказавъ приготовить къ утру нумеръ для Генерала Дзеконскаго, отправился къ С. С. Энгельбаху, Чиновнику нашего корпуса, достоянно проживавшему по порученіямъ въ Парижѣ. Тамъ нашелъ я многихъ знакомыхъ, отъ которыхъ узналъ, что Вигель еще въ Парижѣ, но гдѣ онъ живетъ, никто не зналъ. На другой день, вставъ въ десять часовъ, я удивился, что Дзеконскаго еще нѣтъ. Скоро послѣ того пришелъ ко мнѣ Видокъ, вызванный мною съ вечера, чтобы поговорить о дѣлѣ Дзеконскаго. Знакомство мое съ Видокомъ сдѣлано по слѣдующему поводу. Въ началѣ 1816 года образовалось во Франціи злонамѣренное общество, подъ названіемъ «Des épingles (булавокъ). Французское Министерство сообщая о семъ всѣмъ начальникамъ союзныхъ корпусовъ, занимавшихъ Францію, просило содѣйствія, буде въ мѣстахъ ихъ расположенія окажутся члены онаго. Кавалерія наша была расположена отдѣльно въ Шампаніи болѣе ста верстъ отъ пѣхоты, находящейся около Мобежа. Графъ Воронцовъ возложилъ на меня порученіе, въ случаѣ, если бы что открылось, по сообщенію мнѣ Французскими жандармами, тогда только доложить Алексѣеву, для оказанія надлежащей помощи, буде бы она была потребована, но она не вызывалась. Въ слѣдствіе такого порученія, какъ мѣстный

по пріемамъ въ этомъ упражненіи, догадывались, въ какомъ онъ расположенія духа. Я видѣлъ ихъ у него въ Парижѣ и не обращалъ вниманія, но въ Бессарабіи и потомъ въ Петербургѣ всѣ знали уже, что онѣ составляютъ для него какую-то таинственность.

жандармскій Офицеръ Симане, такъ и Рейнскій Борегаръ и др., а въ Парижѣ Секретарь Министра Полиціи «Peuchê» (въ послѣдствіи издавшій любопытныя выписки изъ секретныхъ архивовъ, въ нѣсколькихъ томахъ), и наконецъ Видокъ, сообщали мнѣ ходъ ихъ наблюденій, а послѣдній каждый разъ, какъ я пріѣзжалъ въ Парижъ, тотчасъ приходилъ ко мнѣ, передавалъ то, что касалось порученія, оказывалъ мелкія услуги въ томъ, что Вигель такъ «съ улыбкою отвергъ.» Видокъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума на поприщѣ, которое онъ себѣ избралъ, и далеко не безъ просвѣщенія. Много тайнъ можно было узнать отъ него о прошедшемъ и настоящемъ.

Видокъ вызвался помочь Дзекونскому, и такъ какъ я подумалъ, что Генералъ не могъ растолковать почтальону, куда его завезти, то и былъ завезенъ въ отель дела Мезъ, въ которомъ большею частію Русскіе, пріѣзжающіе изъ Мобежа, останавливались, такъ какъ мы изъ Ретеля—въ отелѣ Лилоа. Посланный узнать, чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ извѣстіемъ, что Дзеконскій тамъ. Я написалъ ему записку, что въ часъ буду съ Видокомъ. Пріѣхавъ къ нему, мы застали у него начальника нашихъ парковъ, Капитана Лансберга и еще человѣкъ трехъ. Въ двухъ словахъ чрезъ меня Дзеконскій объяснилъ свое дѣло Видоку, который пробѣжалъ всѣ бумаги и взялся уладить дѣло въ три дня. Все зависѣло только отъ того, чтобы арестовать Лануа, и хотя это было уже разрѣшено, но онъ ловко уклонялся. Наконецъ это было уже сдѣлано. Въ своемъ домѣ, по тогдашнимъ правамъ, такого рода должниковъ арестовать не могли; надо было исполнить это на улицѣ, или въ другомъ мѣстѣ, но и то не иначе, какъ днемъ, а по тому Лануа выходилъ по своимъ дѣламъ только когда смеркалось. Однажды, поздно вечеромъ, возвращаясь домой, два человѣка завели съ нимъ на улицѣ ссору; къ нимъ пристало еще нѣсколько человѣкъ; образовалась толпа зѣвакъ; полиція разогнала сію послѣднюю, а трехъ нарушителей спокойствія отвела для разобранія дѣла въ Префектуру. Очередь дошла до нихъ нескоро, такъ что, когда уже разсвѣло, двое зачинщиковъ оставлены были подъ мнимымъ арестомъ, а Лануа, какъ невинный, освобожденъ. Не успѣвъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по улицѣ, Лануа былъ встрѣченъ ожидавшимъ его «Huissier,» который и арестовалъ его. Вся эта комедія устроена была Видокомъ, и Лануа въ тотъ же вечеръ удовлетворилъ Дзеконскаго.

Къ бывшимъ уже у Дзеконскаго лицамъ подошелъ старый

сослуживецъ, Маіоръ Григорій Никитичъ Черняевъ, который, видѣвшись со мною на канунѣ у Энгельбаха, зашелъ ко мнѣ и, узнавъ, гдѣ я, присоединился къ намъ. Изъ ближайшаго ресторана принесенъ былъ роскошный завтракъ, преимущественно для угощенія Видока, какъ лица, который болѣе другихъ интересовалъ Генерала. Мы сидѣли еще за столомъ, какъ кто-то, по обыкновенію, стукнулъ въ дверь, и когда произнесли: «Entrée!»,—показался господинъ, сутуловатый, нѣсколько согнувшійся; по физіономіи можно было бы принять его за переодѣтаго Іезуита. Онъ спросилъ, по Французски, гдѣ Генералъ? (Всѣ, по обыкновенію были въ партикулярныхъ платьяхъ): Лансбергъ указалъ на него присовокупивъ, что Генералъ не говоритъ по Французски. Тогда пришедшій господинъ, подойдя къ Дзеконскому, назвалъ себя Вигелемъ, прибавивъ, что онъ братъ жены «вашего Начальника,» и просилъ позволенія отправить съ нимъ что-то имъ забытое, и пр. Оказалось, что онъ жилъ въ томъ же отелѣ. Его тотчасъ пригласили сѣсть, и онъ принялъ участіе, безъ всякихъ «отговорокъ,» въ завтракѣ. Разговоръ происходилъ болѣе на Французскомъ языкѣ, и преимущественно между Вигелемъ (видимо желавшимъ высказать свое знаніе Французской исторіи и т. п. и Видокомъ, и этотъ послѣдній обворожилъ, какъ и самъ Ф. Ф. говоритъ, что «онъ ему понравился.» Только послѣ обѣда я нашелъ приличнымъ подойти къ Вигелю, назвать себя и рекомендоваться. Это какъ бы озадачило его; онъ, протянувъ мнѣ руку, сказалъ: «Мы сдѣлались и свои, а при томъ я такъ много наслышанъ о васъ отъ Алексѣева и сестры моей, что желалъ съ вами познакомиться» и т. д. И дѣйствительно, какъ изъ выше приведеннаго видно, онъ много наслышался отъ сестры своей. Мы пробыли довольно долго у Дзеконскаго. Вигель тутъ же узналъ, что я не здѣсь живу, что въ своихъ «Воспоминаніяхъ» онъ совершенно перепуталъ. Для перваго знакомства мы поѣхали съ нимъ въ садъ Фоли-Божонъ; по дорогѣ я заѣхалъ на нѣсколько минутъ къ себѣ, и онъ видѣлъ мое помѣщеніе, которое, въ продолженіе двухъ недѣль, какъ я оставался въ Парижѣ, онъ неоднократно посѣщалъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ, отеляхъ ресторацій не было, а еще менѣе обыкновенія приносить въ оныя. Для угощеній, о которыхъ говоритъ Вигель, отправлялись въ сіи послѣднія и брали отдѣльные нумера. Всѣ эти Лукулловскіе пиршества въ отеляхъ есть не что иное, какъ послѣдствія желчнаго припадка больной фантазіи.

Только дорогой въ Фоли-Божонъ онъ спросилъ меня о лю-

безномъ господинѣ съ такими разносторонними свѣдѣніями. Я ему объяснилъ, кто онъ и по чему былъ у Дзеконскаго. Мнѣ казалось, что имя Видока не было чуждымъ Вигелю, да и не могло быть: будучи нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, онъ не могъ не слышать о немъ, особенно какъ въ это время произведенъ былъ арестъ мнимаго Графа Сентъ-Эльма, надѣлавшій столько шуму, а открытіе и арестъ были дѣломъ Видока.

Вигель изъявилъ сожалѣніе, что онъ не зналъ, съ кѣмъ любезничалъ, по тому что отнесся бы къ нему съ просьбой, и теперь проситъ меня содѣйствовать ему. Просьба эта заключалась въ томъ, что у него, въ позапрошлую ночь, со стола въ спальнѣ, пропали часы брегетъ, которыми онъ дорожилъ не столько по цѣнѣ ихъ, сколько потому, что достались ему послѣ отца и т. п., и что онъ готовъ дать хорошее вознагражденіе, даже цѣнность оныхъ. Я обѣщалъ передать это Видоку, что и исполнилъ. Чрезъ три дня Видокъ сообщилъ мнѣ, что похититель и часы открыты, но что онъ полагаетъ, если дать законный ходъ этому дѣлу, то едва ли будетъ пріятно, «à vous, messieurs.» Похитителемъ оказался ученикъ парикмахера, котораго Вигель продержалъ у себя очень долго, приготовляясь куда-то выѣхать, и когда былъ причесанъ, остался дома и т. д. Ученикъ этотъ, не смотря на хорошее вознагражденіе, спровадилъ еще и часы. Видокъ присоединилъ къ этому еще разсказы, о которыхъ я умалчиваю. Такъ какъ должно было итти къ Генералу по его дѣлу, то мы зашли къ Ф. Ф., чтобы сообщить ему выше сказанное. Онъ разсыпался въ благодарности Видоку и хотѣлъ вознаградить агентовъ, употребленныхъ Видокомъ, вдвое болѣе, нежели слѣдовало; и такъ за сто пятьдесятъ франковъ онъ получилъ свои часы обратно. Дня черезъ четыре, по окончаніи дѣла Дзеконскаго, въ день, назначенный для его отъѣзда (я оставался въ Парижѣ), онъ пригласилъ всѣхъ знакомыхъ на обѣдъ, который опять былъ принесенъ изъ ресторана. Здѣсь присутствовалъ и Видокъ и Вигель. Двѣ недѣли оставался я еще въ Парижѣ, и почти не проходило дня, въ который бы я не видался съ Вигелемъ (хотя онъ и говоритъ, что «не помнитъ, былъ ли онъ у меня послѣ»), и нѣсколько разъ приглашалъ его обѣдать, но никогда въ своемъ отелѣ; гдѣ, какъ сказано, ресторана не было, а туда, гдѣ гулянье насъ заставало, и большею частію въ Café-Hardi, на Итальянскомъ бульварѣ. На обѣдахъ этихъ никакихъ «каторжниковъ» не было; случалось, да почти и каждый разъ, кто либо изъ нашихъ заѣзжихъ Офицеровъ, и всѣхъ

чаще Черняевъ, съ которымъ мы предположили и выѣхать вмѣстѣ.

На счетъ загадочности моихъ средствъ, то они были тѣ же самыя, какъ и у брат: Филиппа Филипповича, Павла, о которыхъ онъ говоритъ на стран. 115. Если онъ могъ такъ «кутить,» какъ разсказывается, то я могъ дѣлать это несравненно болѣе; ибо, во первыхъ, я не держалъ своего стола, обѣдая ежедневно у Алексѣева, а во вторыхъ; не содержалъ у себя, какъ онъ, по примѣру Католическихъ Священниковъ, «бонны,» для разныхъ домашнихъ употребленій, не обзаводился потомствомъ и т. п. По засвидѣтельствованію же его, я не игралъ и въ карты. Относительно того, что «вѣчно бы ему (т. е., мнѣ) пировать; если бъ еще онъ былъ весельчакъ, ни мало: всегда былъ мраченъ и въ мутныхъ глазахъ его никогда не блистала радость. Въ немъ было Бедуинское гостепріимство, и онъ готовъ былъ и на одолженія, отъ чего многіе его любили. Добраго Алексѣева тайно поджигалъ онъ противъ Воронцова (заимствовано цѣликомъ отъ сестры). Ко всѣмъ распрямъ между военными былъ онъ примѣшанъ, являясь будто примирителемъ, болѣе возбуждалъ ссорящихся, и потомъ предлагалъ себя секундантомъ. Многимъ отъ того казался онъ страшенъ; но были другіе (?), которые увѣряли, что когда дѣло дойдетъ собственно до него (доходило ли оно?), то ни въ ратоборствѣ, ни въ единоборствѣ, онъ большой твердости духа не покажетъ». Это хотя бы Теофрасту; или Лабрюеру, изобразить такую характеристику. За всѣмъ тѣмъ, какъ увидимъ далѣе, Ф. Ф., по его собственному сознанію, отдалъ себя подъ «мое покровительство;» письменно изъявлялъ мнѣ «по гробъ свою преданность и уваженіе» и т. п. Но дѣло въ томъ, что какая могла быть у меня цѣль вооружать противъ Воронцова, и кого же? Алексѣева! Такая безсмыслица могла прійти только въ голову больную.

Относительно же возраждавшихся будто бы между военными распрей, въ которыхъ я предлагалъ себя секундантомъ, то должно сказать только то, что въ продолженіе трехлѣтняго пребыванія нашего корпуса во Франціи, не было никакихъ распрей, и только двѣ дуэли въ Ретелѣ. Первая происходила въ самомъ городѣ между дивизіоннымъ Докторомъ Маркусомъ и Капитаномъ Тверскаго драгунскаго полка Хоржинскимъ, на сабляхъ. кончившаяся царапиной сему послѣднему. Другая серьезнѣе была, въ трехъ верстахъ отъ Ретеля, въ Нантелѣ, на пистолетахъ, между бригаднымъ Командиромъ, Платономъ Ивановичемъ Каблуковымъ,

и Тверскаго полка Подполковникомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Мордвиновымъ, кончившаяся прострѣломъ ноги послѣдняго. Обѣ дуэли происходили въ небытность мою въ Ретелѣ; иначе, очень можетъ быть, что я попалъ бы въ секунданты; но тутъ были другіе, которыхъ имена называть здѣсь излишне. Вотъ всѣ бывшія столкновенія такого рода до выступленія корпуса въ Россію, я же оставался еще пять мѣсяцевъ, и другихъ Русскихъ, кромѣ меня во Франціи, для дуэлей уже не было.

Выше было видно, что Ф. Ф. «не помнитъ,» былъ ли онъ у меня послѣ первой встрѣчи съ Видокомъ, что сказано имъ справедливо; ибо у меня они уже ни разу больше не встрѣчались. По окончаніи дѣла Дзеконскаго я видѣлся случайно раза два съ Видокомъ, который тогда былъ очень занятъ обществомъ «Марьяна,» а въ публичныхъ мѣстахъ онъ никогда не подходилъ ко мнѣ, и мы встрѣчались какъ вовсе незнакомые, не кланялись другъ другу. Это было по его предложенію.

Вигель два раза встрѣчался съ Видокомъ у Дзеконскаго, и разъ принималъ его у себя по дѣлу о часахъ, а, между прочимъ, сказавъ, что «не помнитъ», былъ ли у меня послѣ, присовокупляетъ: «непріятно же было всегда встрѣчать каторжныхъ, и что за охота принимать такихъ людей!» приписывая это моему любопытству знать всѣ тайны Парижа и т. п. Во всякомъ случаѣ множественное число тутъ неумѣстно: изъ каторжныхъ былъ только одинъ Видокъ, и болѣе ни одного Француза: остальные были все Русскіе.

XXIX.

Дружеское письмо Вигеля къ Липранди. Позднѣйшая записка его же о неблагонамѣренности Введенскаго.

Послѣ такого рѣзкаго изображенія моей характеристики вообще, не лишнимъ считаю привести одно изъ многочисленныхъ писемъ Ф. Ф. ко мнѣ, случайно сохранившееся и писанное чрезъ пять лѣтъ послѣ помянутаго изложенія. Оно характеризуетъ сочинителя и его неопредѣленность въ мнѣніи о лицахъ, съ нимъ встрѣчавшихся. Вотъ это письмо, не лишенное интереса и съ административной точки зрѣнія:

«Я боялся писать къ вамъ и безпокоить васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, [84] посреди непріятностей тяжелой болѣзни. Нынѣ говорятъ вамъ лучше, слава богу и я надѣюсь скоро пріѣхать поздравить васъ съ выздоровленіемъ. Между тѣмъ отправляемъ къ вамъ посломъ Бессарабца вашего Алексѣева, [85] который вручая вамъ письмо сіе, перескажетъ вамъ о желаніяхъ Графа, въ исполненіи коихъ вы можете сильно вспомоществовать. Выборы близки и озаботиться пріисканіемъ надежныхъ людей и указать ихъ господамъ Молдаванамъ не бездѣлица, еще труднѣе уговорить ихъ сдѣлать хорошіе выборы. Нельзя ли какъ нибудь помочь чрезъ Кантакузина, онъ имѣетъ большое вліяніе на Хотинскій цынутъ; жаль, что ему самому нельзя попасть въ Предводители, это была мысль Графа, но вы знаете что пока обстоятельства наши не перемѣнятся...» [86] Впрочемъ Алексѣевъ вамъ

---

[84] Ф. Ф. Вигель, встрѣтивъ затрудненія въ исполненіи нѣкоторыхъ служебныхъ обязанностей въ Кишиневѣ, отправился въ Одессу, что по безхарактерности своей онъ всегда и вездѣ дѣлалъ. Въ письмѣ сохранено правописаніе.

[85] Николай Степановичъ, тогда Надворный Совѣтникъ, состоявшій по особымъ порученіямъ при Графѣ. Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ А. С. Пушкинымъ, какъ упоминается въ статьѣ: «Пушкинъ въ Южной Россіи.» См. Русск. Архивъ 1866 г.

[86] Полковникъ Князь Георгій Матвѣевичъ, будучи Адъютантомъ Беннигсена и владѣя совершенно Французскимъ языкомъ и прекраснымъ почеркомъ, какъ довѣренное лицо своего Генерала, переписывалъ въ кабинетѣ сего послѣдняго его записки. По замѣщеніи Бенингсена Графомъ Витгенштейномъ, Князь Георгій Матвѣевичъ получилъ Бугскій уланскій полкъ и потомъ, оставивъ службу, поселился въ своихъ имѣніяхъ въ Хотинскомъ Уѣздѣ, въ с. Маркоуцы. Онъ былъ женатъ на Княжнѣ Еленѣ Михайловнѣ Горчаковой, сестрѣ нынѣшняго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, женщинѣ высокаго характера (см. Рус. Арх. 1866 г. мою статью: «Пушкинъ въ въ Южной Россіи). У него было три сына: Григорій, Левъ и Георгій, и дочь Аспазія. Братъ его, Камеръ-Юнкеръ, Александръ, женатый на Даргановой, также Еленѣ Михайловнѣ, имѣлъ многихъ сыновей, и тоже жилъ въ своихъ имѣніяхъ, Хотинскаго Уѣзда въ м. Атаки (старшій братъ Полковникъ, убитъ при Бородинѣ). Оба они попали въ гетерію; изъ нихъ Георгій Матвѣевичъ перешелъ границу съ Княземъ Александромъ Ипсиланти въ Придунайскія Княжества. Мать его была еще жива въ Яссахъ и владѣла тамъ находящимися ихъ имѣніями. Князь Г. Кантакузинъ сопутствовалъ К. Ипсиланти до Тырговишта, и оттуда, съ отрядомъ, возвратился въ Молдавію для принятія начальства надъ находящимися тамъ гетеристами. Отрядъ его въ Скулянахъ былъ притиснутъ Турками къ Пруту, и по случаю покушенія на его жизнь Арнаутскимъ Капитаномъ Хаджи-Оглу

все разскажетъ, а вы, ради бога, скорѣе выздоравливайте. Всѣ ваши пріятели Одесскіе, то есть весь штатъ Графа Воронцова васъ любитъ и уважаетъ какъ и всегда, и при извѣстіи объ опасности, въ которой, какъ говорили, была жизнь ваша, всѣ показывали нелицемѣрную печаль. Прощайте, будьте ко мнѣ добры по прежнему, а я чувствъ моихъ не перемѣню къ вамъ до гроба. Вѣчно вашъ Вигель. Одесса, 28 Октября 1824.»

Дѣйствительно, какъ видно будетъ далѣе, онъ показывалъ до самой смерти своей ко мнѣ дружеское расположеніе; дѣлалъ ли онъ это искренно, другое дѣло, тѣмъ болѣе, что, по взаимной дружбѣ въ Бессарабіи, какъ и самъ онъ будетъ въ послѣдствіи говорить, я его «поддерживалъ и охранялъ.» Какъ же послѣ сего могъ сохраниться въ «Воспоминаніяхъ» отзывъ его обо мнѣ, сдѣланный за пять лѣтъ предъ симъ въ Парижѣ? Эпизодъ пребыванія его въ этомъ послѣднемъ онъ давалъ мнѣ читать въ Петербургѣ, и въ рукописи его не было того, что вдругъ оказалось теперь. Послѣ выше приведеннаго письма 1824 года, чрезъ двадцать пять лѣтъ, 1849 г., вотъ что онъ пишетъ тому же Алексѣеву, для передачи мнѣ (Вигель былъ боленъ, а я очень занятъ), что этотъ и исполнилъ, отдавъ мнѣ въ подлинникѣ записку, [57] въ которой читается слѣдующее: «Не увидитесь ли вы съ почтеннѣйшимъ Иваномъ Петровичемъ Липранди, единственнымъ человѣкомъ, который съ желаніемъ истребленія зла, соединяетъ тонкій умъ къ тому способствующій. Не скажите ли ему хоть отъ меня что нечаянный случай далъ мнѣ по заочности узнать объ одномъ Веденскомъ поповичѣ, говорятъ съ чрезвычайнымъ умомъ и съ изумительными правилами безнравственности и безбожія, и «ce qui s'en suit.» Онъ задушевный другъ Петрушевскаго но такъ благоразуменъ, что не принадлежитъ ни къ какому обществу. Привлечь его къ от-

---

родомъ изъ Габрова, перешелъ къ карантинъ. Это было причиной его опалы Онъ не могъ выѣзжать изъ Бессарабіи и пользоваться правами выборовъ; съ нимъ-то я былъ въ тѣсной дружбѣ, по чему Графъ и возложилъ на меня подѣйствовать на него. Но это было излишне: онъ и самъ былъ однимъ изъ самыхъ благонамѣренныхъ... Множество чрезвычайно любопытныхъ писемъ и записокъ его ко мнѣ, преимущественно о событіяхъ во время гетеріи, хранятся у меня. Князь Г. М. писалъ болѣе на Французскомъ языкѣ; слогъ и почеркъ превосходны.

[57] Записка эта уже была напечатана въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» за 1871 годъ.

вѣтственности была бы совершенная несправедливость. Но онъ преподаетъ науки въ Павловскомъ и другихъ кадетскихъ корпусахъ; не жалко ли будетъ оставить такую отраву среди возрастающщаго юношества? И какъ про это не знаетъ Ген. Ростовцовъ? Мы съ вами не доносщики и не наше бы дѣло еслибъ мы не были знакомы съ Ив. Петров. Что то совѣстно не указать на то среди благонамѣренныхъ видовъ, добраго знакомаго.»[79]

Записка эта была мнѣ передана нѣсколько дней спустя, когда дознаніе объ обществѣ Петрашевскаго было мною уже передано въ III Отдѣленіе, которое на другой день наложило на него руку, и немедленно, по Высочайшему повелѣнію, была учреждена Слѣдственная Коммисія, въ которой я не участвовалъ; слѣдовательно, и не могъ дать никакого хода заявленію Филиппа Филипповича, которому тотчасъ же лично и объяснилъ. Послѣ того онъ передавалъ еще многія свои наблюденія, смотря по настроенію своего духа, и устно и писменно, и если бы я могъ предвидѣть необходимость сохранять многочисленныя его посланія съ 1823 года по самую смерть, то, конечно, они предстивили бы много любопытнаго, и все это уже здѣсь, въ Петербургѣ, въ числѣ другихъ бумагъ; я истребилъ и его письма, какъ почитавшіяся вовсе ненужными. Я самъ не знаю, какимъ образомъ не подверглись той же участи и оба, здѣсь приведенныя, его письма. Обращаюсь къ его «Воспоминаніямъ.»

XXX.

Защита С... отъ клеветы Вигеля. Шутка съ Калліархи, разсказанная въ «Воспоминаніяхъ,» невѣрно.

Выше видно было (стр. 127), что Филиппъ Филипповичъ въ Парижѣ: «изъ Русскихъ довольно часто видѣлъ двухъ не весьма обыкновенныхъ людей, которые, не будучи вовсе знакомы между

---

[88] Наблюденіе производилось тринадцать мѣсяцевъ, и оно было извѣстно только Графу Перовскому, какъ Министру Полиціи, и Шефу жандармовъ, Графу Орлову, которые, по взаимному соглашенію, съ Высочайшаго разрѣшенія, возложили наблюденіе на меня, помимо III Отдѣленія, узнавшаго о томъ только тогда, когда, черезъ нѣсколько часовъ, оно должно было приступить къ аресту, безъ всякаго уже моего участія. Правописаніе этой записки тоже удержано.

собою, едва ли зная о существованіи другъ друга, въ нѣкоторомъ смыслѣ, имѣли большое сходство» и т. д. Одно сходство изъ этихъ лицъ, какъ видно было выше, было я, другое подъ буквою С. Окончивъ мою біографію, онъ приступаетъ къ его, какъ лица, ему, издавна будто бы знакомаго. Далѣе скажу вскользь нѣсколько словъ о неосновательности заключеній о немъ Вигеля. Здѣсь же замѣчу, что, по изложенію въ «Воспоминаніяхъ,» лицо это ясно для меня обозначено, а оно въ пріѣздъ мой въ Парижъ, о которомъ шла рѣчь, бывало часто, и даже очень, вмѣстѣ съ нами обѣдывало, гуляло и т. п., и для меня непонятно, какимъ образомъ Вигель могъ сказать, что мы «не знали о существованіи одинъ другого!» Сверхъ того изъ самаго описанія біографіи С., видно, что онъ, начиная отъ Витебска, въ 1812 году, постоянно былъ при главной квартирѣ во всю войну, а по званію моему Оберъ-Квартирмейстера, я могъ встрѣчать его въ разныхъ обществахъ главной квартиры въ продолженіе всей войны. Въ 1815 году, когда корпусъ Графа Воронцова оставленъ былъ во Франціи, С. прикомандированъ былъ къ нему и, какъ человѣкъ съ многосторонними свѣдѣніями, оставленъ былъ Графомъ въ Парижѣ для корреспонденціи, и конечно, лучшій тогда выборъ сдѣлать было бы трудно. Здѣсь, безпрерывно бывая въ Парижѣ, а по нѣкоторымъ дѣламъ и частно, я не могъ не встрѣчаться съ нимъ даже изъ приличія общественной жизни и т. п. Слѣдовательно, заключеніе Вигеля, что я и С. «едва ли знали о существованіи одинъ другого,» есть, повторяю, пустословіе, такъ себѣ, чтобы сказать что ни будь, и очень можетъ быть, что мы оба подвернулись ему, когда онъ хотѣлъ говорить о комъ ни будь другомъ. Но вотъ что говорится далѣе о С.: . . . .

На стр. 128-й: «Другой промышленникъ (!), С., давнишній мой знакомецъ. Уроженецъ изъ Бѣлоруссіи, сынъ Шкловскаго Священника, онъ хорошо учился въ Московскомъ Университетѣ, подъ покровительствомъ отца Тургеневыхъ,» и, продолжая его біографію, Вигель, какъ «давнишняго своего знакомаго,» еще менѣе щадитъ, чѣмъ меня, и также голословно, вымышленно о способахъ его существованія, называя оные прямо, такъ какъ мои были для него не разгаданны! и т. д. Я не почитаю себя вправѣ опровергать все, взводимое на него Вигелемъ, не зная, живъ ли еще С., а замѣчу только, что, по сказанію Вигеля, С., будучи Правителемъ Канцеляріи Витебскаго Генералъ-Губернатора, Герцога Александра Виртембергскаго, во время отступленія нашего въ 1812

году, пристаіъ къ главной квартирѣ арміи, гдѣ, будто бы онъ, «своею вкрадчивостью, всегда веселымъ видомъ, длинными, но искусными, разсказами, на половину приправленными краснымъ словцомъ, сей умный и пріятный краснобай плѣнилъ всѣхъ нашихъ Генераловъ, начиная съ Милорадовича и Платова; находился то при томъ, то при другомъ, въ какомъ качествѣ, не знаю, и жилъ въ изобиліи, беззаботно; на казенный ли счетъ, или на непріятельскій, не вѣдаю (!!).»

Можно ли выразиться ядовитѣе послѣднихъ словъ?! Едва ли не одинъ Ф. Ф. могъ ихъ произнести. Лицо, немалаго уже чина, по словамъ самаго сочинителя «Воспоминаній,» занимавшее значительную должность, въ которой застала его Отечественная война, уважавшееся всѣми главными дѣятелями въ арміи, наконецъ избранное Графомъ Воронцовымъ въ свои корреспонденты. «Умъ и ласковое обращеніе, говоритъ Вигель (стран. 130), вообще увлекаютъ Французовъ, и С., въ которомъ вообще было много липкаго, полюбили его, хотя и почитали тайнымъ агентомъ Россіи. Кого не зналъ онъ въ Парижѣ? Журналистовъ, адвокатовъ, депутатовъ, проникнулъ даже въ Сенъ-Жерменское предмѣстье. Политическихъ мнѣній своихъ онъ рѣшительно не объявлялъ, по тому что не имѣлъ ихъ; говорилъ всегда двусмысленно, и каждая партія почитала его своимъ.»

Что за ерунда! Обширное знакомство, которое имѣлъ С., пріобрѣтено имъ частію посѣщеніемъ всѣми этими лицами Графа Воронцова, часто пріѣзжавшаго на нѣсколько недѣль въ Парижъ. Обладая же способностями, которыхъ не отрицаетъ и самъ Вигель, С. могъ поддерживать связи. Съ Русскими Генералами, пріѣзжавшими въ Парижъ, онъ былъ уже знакомъ и всѣми уважаемъ. У Графа Ѳ. В. Растопчина, какъ свидѣтельствуетъ и Ф. Ф., онъ былъ домашній человѣкъ и т. д. Одна зависть могла одушевлять сочинителя «Воспоминаній» и до такой степени преступной, что она не постыдилась набросить на С. тѣнь предательства, сказавъ что «не вѣдаетъ, жилъ ли С. на счетъ казенный, или непріятельскій (!).»

Бывая очень часто въ Парижѣ и всегда видѣвшись съ С., я первый разъ узналъ изъ «Воспоминаній,» что будто бы С. имѣлъ три квартиры, съ цѣлію скрываться отъ кредиторовъ, но что Вигеля онъ всегда предупреждалъ, въ которой онъ можетъ его найти, «и вообще сохранялъ къ нему прежнюю обязательность, присовокупляя, что его помощь была мнѣ (Вигелю) даже полезна.»

Хорошо же онъ отблагодарилъ его въ своихъ «Воспоминаніяхъ.» Что же касается до трехъ квартиръ и варіянтовъ о поводѣ къ тому, то объ этомъ не стоитъ и говорить: это изобрѣтенію разстроеннымъ воображеніемъ и не имѣетъ взаимной связи.

Разсказъ (стр. 131 и слѣд.), о знакомствѣ Ф. Ф. съ Калліархи, наполненъ тоже множествомъ вымысловъ. Я засталъ ихъ уже въ большой дружбѣ, и мы гуляли не разъ вмѣстѣ, а однажды я былъ съ Вигелемъ у него. Занимателенъ разсказъ Ф. Ф. (стр. 132), какимъ образомъ онъ былъ приглашенъ чрезъ Калліархи обѣдать къ Графу Растопчину, у котораго онъ, живши нѣсколько мѣсяцевъ, въ Парижѣ еще не былъ![89] «Въ открытой колясвѣ, я отправился, говоритъ Вигель, съ Калліархи и его длинною бородой; у подъѣзда слуга объявилъ намъ, что Графиня нездорова а Графъ не обѣдаетъ дома, и я замѣтилъ, что слова сіи сопровождались улыбкой.» На другой день, по словамъ Ф. Ф., С. представилъ его Графу. Странно, что Вигель, въ бытность въ Парижѣ Алексѣева, отвергалъ намѣреніе сего послѣдняго быть представленнымъ Графу, а рѣшился ѣхать прямо къ обѣду, по заочному будто бы приглашенію, и чрезъ кого?—чрезъ Калліархи! Относительно улыбки швейцара, она могла появиться такъ просто, но могла произойти отъ тѣхъ же причинъ, которыя порождали ее и у другихъ, когда встрѣчали Калліархи вмѣстѣ съ Вигелемъ. О Графѣ Растопчинѣ, послѣ пышнаго вступленія, Вигель говоритъ (стр. 133): «Жаль только, что совершенно отказавшись отъ честолюбія, онъ предавался забавамъ; неприличнымъ его лѣтамъ и высокому званію,» и что (стр. 134) совсѣмъ несхожій съ Растопчинымъ, другой недовольный, Чичаговъ, сотовариществовалъ ему въ его увеселеніяхъ,» и приписываетъ имъ сыгранную шутку съ Калліархи у мадамъ Дестенвиль: «къ ней Чичаговъ взялся представить Калліархи» и т. д. Все, при семъ случаѣ разсказываемое Вигелемъ, не такъ, какъ это было. Первая мысль родилась у Гри-

---

[89] Въ то время каждый Русскій, нѣсколько въ возвышенномъ чинѣ, пріѣзжая въ Парижъ, поставлялъ себѣ долгомъ, если и не представиться Графу, то внести свое имя въ имѣвшуюся у швейцара книгу. Графъ любилъ бесѣдовать о событіяхъ 1812 года, но я нашелъ въ послѣднія шесть лѣтъ его чрезвычайно состарѣвшимся. Онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ бывшимъ моимъ корпуснымъ начальникомъ Д. С. Дохтуровымъ, и по оставленіи Москвы, до отъѣзда своего въ арміи, останавливался съ нимъ вмѣстѣ.

горья Ѳедоровича Орлова: она была сообщена Графу Растопчину, который одобрилъ ее. О Чичаговѣ я не слыхалъ, чтобы онъ принималъ участіе въ этомъ, а еще болѣе взялся бы лично повезти Калліархи. Гордый характеръ Павла Васильевича, его угрюмость, были очень далеки отъ подобнаго, такъ сказать, «дивертисемента,» на который до извѣстной степени могъ поддаться Графъ Ѳедоръ Васильевичъ. Не скажу утвердительно, чтобы Графъ Растопчинъ не былъ разъ, или болѣе, у мадамъ Дестенвиль, которую посѣщали, можетъ быть, только изъ любопытства, лица и выше его, но не допускаю, чтобы въ его лѣта и изъ семейнаго круга онъ пріобщился къ помянутой молодежи, и даже чтобы для такого офиціяльнаго посѣщенія была у него и самая мысль. Я не буду описывать этой чрезвычайно оригинальной сцены, но замѣчу, что въ ней участвовали: Кривцовъ, Орловъ, С. И. Тургеневъ, сынъ Графа Растопчина, таинственный для публики С. и еще двое. Вигель не могъ быть приглашенъ, по тому уже одному, что онъ не былъ, какъ говорится, одинаковаго «полета» съ тѣми, которые собрались на веселый вечеръ и ужинъ. Его присутствіе, его ужимки и Іезуитская нравственность, отравили бы то, что ожидали отъ такого посѣщенія; слѣдовательно, ему и отказываться было не отъ чего. Послѣдствіе же этой потѣхи не могло произвести такого разсказа, будто бы ему сдѣланнаго Калліархомъ. Несомнѣнно, что шутка, ловко сыгранная съ этимъ послѣднимъ, не мало веселила Графа, который, на другой день, за обѣдомъ, очень серьезно распрашивалъ Калліархи о проведенномъ имъ вечерѣ у одной изъ знаменитѣйшихъ аристократокъ Парижа. Скоро послѣ я уѣхалъ въ Ретель, гдѣ конница, при которой я состоялъ, приготовлялась выступить къ Валансьену, чтобы соединиться съ пѣхотой, для Высочайшаго смотра, совокупно со всѣми союзными корпусами. Вигель остался въ Парижѣ, но мы должны были еще встрѣтиться въ Мобежѣ, куда и онъ намѣревался пріѣхать.

XXXI.

Пріѣздъ въ Мобежъ Императора Александра и Прусскаго Короля. Балъ у Графа Воронцова. Мнимое мщеніе Графа сестрѣ Вигеля. Проѣздъ Прусскаго Короля черезъ Ретель.

Продолжая свои «Воспоминанія,» полагаю, съ тою же точностію, какъ дѣлалъ онъ это и прежде, здѣсь, подъѣзжая къ

Мобежу и въѣхавъ въ округъ расположенія нашей пѣхоты, читаемъ (на стр. 154): «Отъѣхавъ съ полмили, въ небольшомъ селеніи Брикеть, увидѣлъ я Казаковъ: [90] невольно взыграло во мнѣ сердце; я вступалъ въ Русскія владѣнія. Далѣе показался деревянный столбъ, выкрашенный бѣлою и черною краской, съ красными полосами. Не вдругъ разглядѣвъ, что это такое, спросилъ я у извощика: «Да это проклятые черти Русскіе наставили намъ,» отвѣчалъ онъ съ досадой, принимая меня за Француза.» Это Ф. Ф. говоритъ о верстовыхъ столбахъ, которые онъ, конечно, видѣлъ во снѣ, или писалъ свои «Воспоминанія» тогда, какъ дѣло шло, шесть лѣтъ спустя, о поставкѣ верстовыхъ столбовъ въ Бессарабіи. Вся эта басня сопровождалась разсказами, не лишенными интереса, но безъ всякой точности въ описаніи. Замѣчательно также воображеніе Ф. Ф., что будто бы ямщикъ принялъ его за Француза. И это разсказывается тогда, когда онъ въѣхалъ уже въ округъ расположенія Русскихъ, въ сопровожденіи деньщика его брата! Да и самый отвѣтъ ямщика изобрѣтенъ неловко. Русскіе были вообще тогда любимы. А при томъ разговоръ этотъ былъ нелегокъ: во Франціи возница сидитъ не на козлахъ, а верхомъ на дышловой лошади. Органъ же Ф. Ф. не былъ достаточно силенъ, чтобы заглушить стукъ колесъ, катящихся по каменному шоссе.

Постановка верстовыхъ знаковъ была не деревянными столбами, подобными тому, какъ это существуетъ въ Россіи, а камнями, безъ всякой окраски ихъ тремя цвѣтами. Порученіе это было возложено на меня, и въ доказательство тому прилагаю въ оригиналѣ сообщенную мнѣ волю Графа тогда старшимъ Адъютантомъ, Александромъ Ивановичемъ Казначеевымъ, писанную его собственною рукою, отъ 20 Октября, 1817 г.; рисунки и размѣры верстовыхъ обозначеній показываютъ, что это были камни (на мѣстѣ называемые pierre bleu), обтесанные въ столбики, въ 1 1/2 Англійскихъ фута отъ поверхности земли, а изъ нихъ только пятые въ 2 фута, имѣя въ толщину квадратъ: первыхъ отъ 6-ти до 8 дюймовъ, а пятиверстовыхъ отъ 10 до 12. Слѣдовательно, и въ этомъ самомъ простомъ случаѣ Ф. Ф. не остановился въ вымыслѣ.

---

[90] Въ Брикетѣ была бригадная квартира Л. А. Нарышкина, составленная изъ двухъ Казачьихъ полковъ, Гревцова и Ягодина, за отсутствіемъ же сего послѣдняго командовалъ полкомъ Есаулъ Киселевъ.

«Милостивый Государь,

Иванъ Петровичъ!

Господинъ Корпусный Командиръ поручилъ мнѣ просить васъ, чтобы вы приняли на себя трудъ учредить поставку верстовыхъ столбовъ, сходно съ прилагаемымъ при семъ чертежемъ, по большой дорогѣ отъ Ретеля до Вузьера; и какъ таковыхъ столбовъ три № 116, 117 и 118 уже поставлены по сей дорогѣ, то остается продолжать ставить ихъ далѣе въ разстояніи 500 й саженной версты одинъ отъ другаго, наблюдая при томъ, чтобы каждая 5-я верста означаема была большимъ столбомъ, а прочія малымъ. Такимъ образомъ на упомянутой дорогѣ версты 120, 125-я, 130-я и т. д. означатся большими столбами, а 119, 121, 122 и прочія по своему ращету—малыми. На сей конецъ мѣрительную цѣль потребовать можно отъ Полковника Шуберта, буде безъ оной обойтися нельзя, а людей для работы изъ драгунской дивизіи; въ случаѣ же необходимой надобности—изъ піонерной роты.

Его Сіятельство желаетъ равно, чтобы при измѣреніи веденъ былъ подробный журналъ, гдѣ какая верста поставлена, на сколько отстоитъ отъ замѣтныхъ мѣстъ и пр.—Щотъ верстамъ, какъ изъ вышеозначенныхъ чиселъ изволите увидѣть, должно вести отъ Мобежа, продолжая отъ поставленныхъ.

Щотъ всѣмъ вообще издержкамъ на сей предметъ не оставьте препроводить къ Его Сіятельству, или Начальнику Корпуснаго Штаба Г-ну Генералъ-Майору Понсету, для должной по оному уплаты.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашъ,

Милостивый Государь,

покорнѣйшій слуга

А. Казначеевъ.

Октября 20-го дня
1817 года.
Г. Мобежъ.»

Пройду мимо описаніе водворенія Ф. Ф. у брата своего въ Мобежѣ, описаніе сего города, впечатлѣніе сочинителя «Воспоминаній:» во всемъ этомъ есть много поэзіи, но это мелочь, какъ

на примѣръ, объ устроенной Казачьимъ Полковникомъ Русской банѣ въ Мобежѣ, тогда какъ тамъ не было никакого Казачьяго Полковника, а бань было устроено не одна и т. п. Вигель (стр. 157) говоритъ, что по окончаніи, 13 Октября, маневровъ, прибылъ (въ Мобежъ) Государь съ Королемъ Прусскимъ, съ тѣмъ, чтобы пробыть въ немъ цѣлый день; что у Графа Воронцова для Ихъ Величествъ приготовлялся обѣдъ и великолѣпный вечеръ, на которомъ Вигель не могъ быть потому, что не представлялся ему, и смотрѣлъ на празднество изъ сада; что хотя домъ, занимавшійся Графомъ, былъ довольно большой, но онъ не былъ довольно просторенъ, чтобы въ немъ можно было сдѣлать балъ для великаго числа наѣхавшихъ гостей... Для того придумали въ саду придѣлать къ нижнему этажу двѣ большія палатки, внутри богато убранныя» и т. д. Не по этому случаю придѣлана была къ нижнему этажу такая постройка, и не изъ палатокъ, да еще и изъ двухъ. Пристройка эта была сдѣлана изъ новыхъ матеріяловъ, за три года предъ тѣмъ, т. е., съ самаго начала занятія Графомъ этого дома. Таковая же пристройка была и у К. М. Полторацкаго въ г. Авенѣ, въ домѣ Пети, сдѣланная по случаю бала, даннаго имъ Графу Семену Романовичу и дочери его, Герцогинѣ Пемброкъ, пріѣзжавшихъ съ дѣтьми и мужемъ изъ Лондона посѣтить Графа Михайла Семеновича и присутствовать на Георгіевскомъ праздникѣ. Графъ Семенъ Романовичъ имѣлъ Георгія 3-го класса за Кагулъ, сынъ его за Краонъ 2-го класса. На праздникъ этотъ приглашались ежегодно всѣ Георгіевскіе кавалеры, какъ Офицеры, такъ и нижніе чины, всей союзной арміи. Но это мелочи. Я хотѣлъ, упоминая о нѣкоторыхъ изъ нихъ, только показать, что Ф. Ф. Вигель нигдѣ не заботился согласоваться съ истиной; а вотъ нѣчто покрупнѣе:

Окончивъ описаніе бала, Вигель (стр. 158) продолжаетъ. «Воронцовъ втайнѣ сердился за что-то на мою сестру. Прежде бывало, когда онъ затѣетъ пиръ и долженъ принимать какую ни будь важную особу, посылаетъ къ ней Адъютанта съ убѣдительнымъ письмомъ пріѣхать къ нему въ Мобежъ и быть хозяйкой у него, холостого Генерала. Тутъ представилъ онъ Государю всѣхъ Генеральскихъ женъ, а ее, жену старшаго изъ нихъ, какъ будто позабылъ. Но Веллингтонъ, который не разъ бывалъ въ Ретелѣ, и Король Прусскій, который, во время разъѣздовъ своихъ пробылъ въ немъ двое сутокъ, и оба дня обѣдалъ у сестры моей, нашли ее и простились съ нею Польскій. Тогда и Государь по-

желалъ узнать, кто это неизвѣстная дама, подошелъ къ ней съ самыми любезными рѣчами, и также повелъ ее ходить Польскій. Слѣдственно, маленькое мщеніе (!) Воронцова было совсѣмъ неудачно.»

Вотъ замѣчательный параграфъ, въ которомъ не только что нѣтъ слова правды, но и набрасываетъ на Графа Воронцова такія небылицы, которыхъ, конечно, онъ болѣе многихъ другихъ былъ чуждъ. Воронцовъ втайнѣ сердился на Наталью Филипповну! Что за мистификація! Какъ же было оставить безъ изъясненія причины такого гнѣва, который долженъ былъ быть весьма силенъ чтобы побудить Графа, извѣстнаго неподражаемою своею вѣжливостію, совершить такой поступокъ, что, пригласивъ къ себѣ на балъ жену старшаго въ корпусѣ Генерала, и не представить ее Государю, когда представлялъ всѣхъ женъ другихъ младшихъ Генераловъ!

«Прежде бывало, говоритъ Ф. Ф., когда онъ (Графъ Воронцовъ), затѣетъ пиръ, то, будто бы, посылалъ съ своимъ Адъютантомъ къ Натальѣ Филиповнѣ убѣдительное письмо пріѣхать быть у него хозяйкой!» Ничего подобнаго быть не могло; ибо въ самомъ Мобежѣ была жена Начальника Штаба, Г.-М. Понсета, особенно любимаго Графомъ, которая ближе всѣхъ могла бы занять мѣсто хозяйки въ такихъ случаяхъ, а не выписывать ее за сто двадцать верстъ, да и тогда еще, когда были и другія Генеральши гораздо ближе. На даваемыхъ «прежде пирахъ Графомъ,» сестра Вигеля никогда не была и, конечно, не выписывалась для того; такъ, на примѣръ, въ празднествахъ, дававшихся Герцогинѣ Пемброкъ, сестрѣ Графа Михайла Семеновича, въ пріемъ Великой Княгини Анны Павловны, вступившей въ супружество съ Принцемъ Оранскимъ, наслѣдникомъ Нидерландскаго престола, и тотчасъ по пріѣздѣ изъ Петербурга въ Брюссель пожелавшей увидѣть Русскихъ. Въ угощеніяхъ Маріи Антоновны Нарышкиной, въ 1817 Великаго Князя Николая Павловича, въ 1818—Михаила Павловича, Графа Витгенштейна, Веллингтона и пр. Всѣ по этому случаю даваемые балы обходились безъ Натальи Филипповны, и на балѣ, о которомъ говоритъ Вигель, едва ли кто занималъ обязанность хозяйки.

«Веллингтонъ, который не разъ бывалъ въ Ретелѣ,» что очень можетъ быть, но положительно не тогда, когда квартировалъ тамъ Алексѣевъ; слѣдовательно, ему и нельзя было узнавать ту, которую онъ никогда прежде не видалъ; да и она, едва

ли не здѣсь, въ первый разъ, какъ и братъ ея, Ф. Ф., увидѣли его. «Прусскій Король, во время разъѣздовъ своихъ, двое сутокъ пробылъ въ Ретелѣ,» да еще и «оба дня обѣдалъ у сестры» Филиппа Филипповича! Въ 1817 году, Прусскій Король дѣлалъ смотръ своему оккупаціонному корпусу въ Мезьерѣ, откуда долженъ былъ отправиться въ Парижъ. Такъ какъ дорога пролегала чрезъ Ретель, то Графъ Воронцовъ предложилъ Королю взглянуть на драгунскую дивизію. Король согласился, и дивизія собралась на Шампанской равнинѣ, близъ рѣчки Ретурны (за с. Таньономъ), въ 12 верстахъ отъ Ретеля къ Реймсу, на такое же разстояніе отъ сего послѣдняго. На концѣ пріѣзда Короля Графъ прибылъ къ дивизіи. Король, выѣхавъ изъ Мезьера рано, прибылъ въ Ретель въ 10 часовъ утра; почтовыя лошади для трехъ экипажей ожидали его у предмѣстья «Minimes:» онѣ были впряжены въ карету, изъ которой Король не выходилъ. Въ недальнемъ разстояніи отъ дивизіи сѣлъ верхомъ на приготовленную лошадь, гдѣ встрѣтилъ его и Графъ. Проскакалъ по фронту драгуновъ, которые потомъ прошли церемоніяльнымъ маршемъ, послѣ чего Король былъ приглашенъ въ палатку къ завтраку. Скоро сѣлъ въ подъѣхавшую карету, и уѣхалъ. За нимъ тотчасъ отправился и Графъ Воронцовъ. Все пребываніе здѣсь Короля не продолжалось и двухъ часовъ. Сестры же Вигеля тутъ не было: она оставалась въ Ретелѣ, куда и мы тотчасъ возвратились. Вотъ единственный случай появленія Прусскаго Короля въ Ретелѣ, во все время нашего въ ономъ пребыванія. Да и что было бы ему дѣлать два дня въ Ретелѣ, гдѣ стояли Русскія войска, тогда какъ, въ 25 верстахъ отъ онаго, въ Мезьерѣ, размѣщались его войска, и Ретель не былъ на ихъ коммуникаціонной линіи, а по тому и «въ разъѣздахъ своихъ» ему не предстояло надобности бывать въ ономъ, да еще и оставаться двое сутокъ, чтобы имѣть удовольствіе «оба дня» кушать у сестрицы Филиппа Филипповича. Она могла видѣть Короля и прежде, была, можетъ быть, и тогда, когда онъ нѣсколько минутъ, въ Ретелѣ сидѣлъ въ каретѣ, около которой собралось, какъ обыкновенно, множество народа, но что онъ, положительно знаю, до бала, который описываетъ Вигель, ее не видалъ, по крайней мѣрѣ, не зналъ, кто она. Здѣсь же, очень можетъ быть, что она и «ходила» съ нимъ и другими «Польскій.» Вигель, желая придать значеніе своей сестрѣ въ обществѣ, такъ какъ онъ усиливается вездѣ въ военныхъ дѣлахъ придавать особенную важность, часто вымышляемымъ подвигамъ своего зятя, не сообра-

зилъ то, что взялся сочинять, и сочинилъ очень негладко, и все это, кажется, шло только къ тому, чтобы сказать: «слѣдственно, маленькое мщеніе Воронцова было совсѣмъ неудачно!»

XXXII.

Французская медаль въ честь Графа Воронцова. Вигелевскій курьезъ. Возвращеніе корпуса Графа Воронцова въ Россію. Вліяніе Графа Воронцова на нравственность солдатъ. Павелъ Филипповичъ Вигель. Примѣръ его простоты.

Продолжая, съ тою же ядовитостью, свой вымышленный разсказъ, Вигель говоритъ: «Слѣдующимъ утромъ, отъѣзжая, Государь явилъ нѣсколько милостей, начиная съ корпуснаго начальника. Изъ Генераловъ одному только Алексѣеву хотѣлъ онъ дать Александровскую ленту, но Воронцовъ тому воспротивился (!), представляя, что, какъ неимущему человѣку, денежное пособіе будетъ ему пріятнѣе, и Государь къ прежней арендѣ прибавилъ ему другую, въ двѣ тысячи рублей серебромъ. Алексѣевъ было подосадовалъ, но благоразумная жена была тому чрезвычайно рада»... «Вскорѣ потомъ и Французскій Король прислалъ ему награду, одинаковую съ Воронцовымъ, военный орденъ Св. Людовика первой степени. Изъ всѣхъ Генераловъ союзной арміи, жители мѣстъ, ею занимаемыхъ, ему одному (?) только оказали необыкновенную честь, выбили медаль, съ изображеніемъ его имени (?) и изъявленіемъ ихъ благодарности, и на прощаньи одну золотую, нѣсколько серебряныхъ и бронзовыхъ поднесли ему» (?).

Здѣсь, полагаю, для тѣхъ, которые не знаютъ этого событія, покажется, какъ будто бы медаль эта выбита Алексѣеву, съ его именемъ: по крайней мѣрѣ, оборотъ рѣчи неясенъ. Медаль была выбита съ именемъ Графа, съ надписью: «Онъ насъ спасъ и всегда покровительствовалъ.» Участіе въ выбитіи медали принималъ, какъ уже замѣчено выше, только одинъ Ретельскій округъ, въ которомъ была расположена часть драгунской дивизіи, а изъ сказаннаго можно понять, что всѣ жители занимаемаго пространства участвовали въ этомъ. Слово: «Онъ насъ спасъ!» относится

къ компаніи 1814 года, когда отрядъ Воронцова, отпущенный Кронъ-Принцемъ Шведскимъ изъ окрестностей Гамбурга, шелъ на присоединеніе къ корпусу Винценгероде, который, по взятія Суассона 2/14 Февраля, перешелъ въ Реймсъ. Подойдя къ Ретелю нѣсколько вооруженныхъ лѣсничихъ, съ частію отсталыхъ и мародеровъ Французскихъ, вздумали было, занявъ Ретель, сопротивляться. Послѣ перестрѣлки въ предмѣстьяхъ, Воронцовъ остановилъ огонь, послалъ сказать, что если чрезъ три часа городъ не будетъ очищенъ, то возметъ его штурмомъ, и онъ былъ очищенъ. Ретельцы остались за то признательными, что Воронцовъ пріостановилъ дѣйствіе, давъ время одуматься сброду, собравшемуся въ городѣ; ибо иначе онъ бы пострадалъ много, и т. д.

Заключаю періодъ пребыванія во Франціи замѣчательнымъ, какъ теперь выражаются, «курьозомъ.» На стр. 159, сказавъ, что «надобно же было наконецъ представиться мнѣ Графу Воронцову. Я нашелъ его за завтракомъ, за который посадилъ онъ меня, и такъ много явилъ ласки, что показался мнѣ отмѣнно милъ. На другой день онъ опять уѣхалъ и при мнѣ уже не возвращался.» Здѣсь-то и начинается курьозъ: «Во дни добраго согласія его съ Алексѣевымъ, [92] сестра моя, шутя, твердила, что пора бы ему жениться, и съ большими похвалами говорила ему о меньшой Браницкой, которую знала съ ребячества, и года за три предъ тѣмъ видѣла у матери ея, въ Бѣлой Церкви, на что отвѣчалъ онъ только смѣхомъ. Въ это самое время старая Графиня Браницкая пріѣхала въ Парижъ, а онъ, подъ предлогомъ (!) окончанія какихъ-то дѣлъ, туда отправился.» Предлогъ былъ очень естественъ: корпусъ оставлялъ Францію, Графъ и всѣ другіе Корпусные Командиры союзниковъ, должны были собраться, для окончанія счетовъ по продовольствію, и откланяться Королю и Веллингтону. Но Вигель даетъ этому совершенно другой смыслъ: Воронцовъ, дескать, поспѣшилъ воспользоваться совѣтомъ сестры моей. Тамъ увидѣлъ онъ, если не молоденькую, то весьма молодую суженую свою. Она не могла ему не понравиться; она нельзя сказать, чтобы была хороша собою, но такой пріятной улыбки, кромѣ ея, ни у кого не было, а глазки ея были еще лучше прекрасныхъ глазъ богатаго ларца ея, какъ говоритъ скупой въ

---

[92] Не знаю, на чемъ основываетъ Ф. Ф. небывалое «несогласіе Графа съ Алексѣевымъ и женой его?»

Мольерѣ. Мигомъ поворотилъ онъ этимъ дѣломъ, и скоро узнали, что онъ женится. Воротившись въ Мобежъ, онъ совершенно перемѣнился къ сестрѣ моей: повторяя, что онъ видитъ пророчицу своего счастія,» и т. д.

Не понимаю, какъ можно было написать такую небылицу. Графу Михайлу Семеновичу нужно было указаніе Алексѣевой на невѣсту для себя! на невѣсту, о которой какъ бы въ первый разъ онъ слышитъ! Старуха Графиня Браницкая, по своему значенію, была слишкомъ извѣстна, а при томъ сынъ ея, братъ Елисаветы Ксаверьевны, былъ Флигель-Адъютантъ, гвардіи Полковникъ и чуть ли не однополчанинъ, служилъ въ отечественную войну, былъ вмѣстѣ съ Графомъ Воронцовымъ подъ Бородиномъ, и если Графъ Михаилъ Семеновичъ не видѣлся съ Графинеій въ Петербургѣ, то, отправляясь, въ 1809, или въ началѣ 1810 года, въ Молдавскую армію, куда назначенъ былъ шефомъ Нарвскаго мушкатерскаго полка, по всей вѣроятности, не проѣхалъ Бѣлую Церковь, лежащую на пути, чтобы не посѣтить Графиню, какъ это обыкновенно дѣлали всѣ нѣсколько возвышенные родомъ и чинами. Забавнѣе же всего заключеніе параграфа, что Графъ, возвратясь въ Мобежъ, «совершенно перемѣнился къ Алексѣевой,» повторяя ей, что въ ней «видитъ пророчицу своего счастія (!).» Кто не зналъ всѣхъ личностей, упоминаемыхъ Вигелемъ, тотъ, можетъ быть, если и не вполнѣ повѣритъ этой сказкѣ, то непремѣнно останется въ сомнѣніи.

Графъ Воронцовъ изъ Парижа ѣздилъ въ Лондонъ къ отцу и сестрѣ своей, а корпусъ повелъ Алексѣевъ, какъ старшій. Въ Мобежѣ остались больные и тяжести до весны и начальникомъ Полковникъ Баронъ В. И. Левенштернъ. Въ Мобежѣ я встрѣчался съ Ф. Ф. Вигелемъ, какъ старый уже знакомый: онъ былъ въ худомъ расположеніи духа, особенно ему неправились Тургеневъ и Камергеръ Сушковъ. Ему казалось, что эти лица въ особенности ему непріязненны, тогда какъ они и не думали о немъ. Разставшись съ Ф. Ф. въ Мобежѣ, я уѣхалъ также въ Парижъ, оттуда въ Ретель, гдѣ оставался до Мая слѣдующаго 1819 года. Чрезъ четыре года судьба меня, какъ видно будетъ далѣе, свела съ Вигелемъ уже на служебномъ поприщѣ, и объ Алексѣевыхъ не будетъ болѣе рѣчи. Нельзя не замѣтить, въ заключеніе выше писаннаго, какого-то ослѣпленія въ Вигелѣ относительно ко всѣмъ своимъ. Черта, конечно, похвальная, но она должна имѣть и свои границы. Въ глазахъ Ф. Ф. сестра его была

фениксъ, мужъ ея И. И. Алексѣевъ неподражаемый герой: каждое ничтожное обстоятельство ставится ему въ величайшую заслугу, сочинитель «Воспоминаній» прибѣгаетъ даже къ неслыханнымъ въ умномъ человѣкѣ средствамъ. Такъ, на примѣръ, говоря о томъ, что Алексѣевъ повелъ изъ Франціи корпусъ до Слонима, гдѣ былъ онъ распущенъ, присовокупляетъ (стр. 171): «Примѣчательно, что, въ продолженіе трехъ лѣтъ, въ этомъ корпусѣ было только три дезертира, а на обратномъ пути ни одного.» Несомнѣнно, что Филиппъ Филипповичъ почерпнулъ эти свѣдѣнія изъ архива своей головы, а по тому и излишне возстановлять истину: ему нужно было выставить зятя, который въ глубокую осень и зиму велъ корпусъ, и въ немъ не было ни одного бѣглаго! Сказавъ это, онъ остался доволенъ: кто будетъ повѣрять и кому въ этомъ дѣло? Несомнѣнно, что командованіе Графа Воронцова корпусомъ имѣло огромное вліяніе на нравственную сторону солдата. Графъ умѣлъ породить въ немъ самосознаніе въ своемъ значеніи, и вотъ главная причина, что бѣглыхъ было далеко не столько, сколько слѣдовало бы предполагать, но также далеко отъ цифры, выставленной Вигелемъ. Онъ поступилъ гораздо рѣшительнѣе съ Алексѣевымъ, сказавъ, что у него «не было ни одного дезертира,» и дѣлу конецъ! Относительно брата своего, Павла, о которомъ шла уже рѣчь, какъ о Коммисаріятскомъ чиновникѣ, котораго болѣзнь такъ занимала въ Эрфуртѣ Графа Аракчеева, приказавшаго употреблять его въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, замѣчу слѣдующее: Въ 1815 году Павелъ Вигель былъ Полковникомъ Курляндскаго драгунскаго полка и назначенъ Директоромъ госпиталей. Филиппъ Филипповичъ представляетъ его гонимымъ, недостаточно награжденнымъ, между тѣмъ какъ имъ же исчисляемыя награды показываютъ совершенно противное. При разлукѣ съ нимъ въ Парижѣ, говоритъ (стр. 117).... «прежде чѣмъ уѣхалъ братъ, я услышалъ отъ него нѣкоторыя подробности о его служеніи, которыя нѣсколько опечалили меня.» За симъ слѣдуютъ три строки точекъ: сдѣланы ли оныя самимъ Ф. Ф. Вигелемъ, или цензурою, не знаю. Служеніе его въ корпусѣ Графа Воронцова шло, какъ говорится, по маслу: получалъ онъ, по словамъ самаго Ф. Ф., двадцать четыре тысячи франковъ въ годъ. По его же словамъ (стр. 158), передъ возвращеніемъ изъ Франціи, получилъ онъ «Англійскій брильянтовый крестъ на шею, да отъ Короля Французскаго небольшой перстень, солитеръ, тысячи въ три франковъ.» Кажется, сѣтовать нѣтъ причины; долж-

ность была слишкомъ несложная. Павелъ Филипповичъ былъ человѣкъ честный, не интриганъ, смирный и довольно ограниченный; словомъ, совершенно противоположенъ Ф. Ф. и сестрѣ своей, Натальѣ.

Вотъ одинъ примѣръ простоты Павла Филипповича, извѣстный всѣмъ бывшимъ во Франціи. Когда онъ былъ назначенъ Директоромъ госпиталей, то, вступивъ въ должность и обозрѣвъ оные, онъ былъ съ докладомъ у Графа, и на вопросъ: «Какъ онъ нашелъ устройство?» отвѣчалъ одобрительно, и присовокупилъ, что, при опросѣ больныхъ, они жаловались на Медиковъ. Графъ, болѣе всего заботившійся о больныхъ, пожелалъ узнать причину этимъ жалобамъ. Съ искреннимъ добродушіемъ П. Ф. доложилъ, что больные жалуются на то, что Медики неодинаково ухаживаютъ за ними: что одному даютъ въ день по нѣскольку разъ лѣкарства, другимъ рѣже, иногда по одному разу, а бываетъ, что и ни разу. На вопросъ Графа: «Нѣтъ ли другихъ жалобъ?» Получивъ отвѣтъ, что нѣтъ, Графъ съ неподражаемою, ему только свойственною, деликатностію отвѣчалъ: «Это не наше дѣло, любезный Павелъ Филипповичъ: предоставимъ это Ивану Петровичу (Буткову, корпусному Доктору); будемъ только смотрѣть за чистотой на кухнѣ, исправностью продовольствія и качества его.» Всѣ, бывшіе тутъ, а ихъ было немало, едва не разразились взрывомъ смѣха, услышавъ такой докладъ. П. Ф. дѣйствительно былъ зоркимъ бдителемъ указаннаго ему пути, но уже ничто не могло смыть впечатлѣнія, сдѣланнаго на присутствовавшихъ.

Я не зналъ ни одного изъ двухъ сыновей Н. Ф. Алексѣевой, а по тому не могу судить о вѣрности оцѣнки старшаго, но она, по моему мнѣнію, замѣчательна, и я сдѣлаю изъ нея выписку (ч. 6-я, стран. 6): «Счастливый этотъ юноша тогда совершенно блаженствовалъ. Изъ артиллеріи онъ перешелъ въ кавалерію..., и менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ выпуска изъ Пажескаго корпуса произведенъ былъ въ Поручики. Ни къ какому Офицеру начальство не было такъ снисходительно; подъ разными предлогами, лѣтомъ, разъѣзжалъ онъ по ярмаркамъ, а зимой веселился въ Москвѣ: она была ему раемъ. Его стройной станъ, его ловкость, его смѣлое обращеніе съ дамами и дѣвицами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣжность его взглядовъ и выраженій, плѣняли ихъ. На балахъ онъ господствовалъ. Самая модная почитала торжествомъ протанцовать съ нимъ; тогда (чего теперь совсѣмъ нѣтъ) въ этой

странной Москвѣ, какъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи сказалъ, женщины любимому кавалеру ура кричали и вверхъ чепчики бросали, это могло относиться и къ моему Алексѣеву,» и т. п.

XXXIII.

Вигель въ Новороссійскомъ краѣ и въ Бессарабіи. Его отзывы о разныхъ лицахъ. Записка Вигеля «о Бессарабіи.» Свиданіе Липранди съ Вигелемъ въ Одессѣ.

Пропускаю здѣсь многое, которое бы требовало поясненія, для возстановленія истины.

Умолчу о разсказѣ его, какъ онъ поступилъ на службу въ вѣдомство Графа Воронцова, объ его путешествіи изъ Петербурга въ Одессу; перехожу прямо къ появленію Ф. Ф. Вигеля въ Одессѣ и Бессарабіи, въ 1823 году. Въ этотъ послѣдній городъ онъ пріѣхалъ 26 Іюля, когда Графъ выѣхалъ для обозрѣнія Бессарабіи. Приступая къ повѣствованію своему, Филиппъ Филипповичъ говоритъ (часть 6, стран. 77): «Никогда еще столь богатыхъ матеріяловъ не имѣлъ я для разработки; никогда столь длинной галереи замѣчательныхъ портретовъ не представлялось мнѣ для описыванія, какъ тамъ, куда въ первый разъ пріѣхалъ я. Новый край, молодой еще, не высоко поднявшійся городъ, съ разнороднымъ населеніемъ, можно сказать, въ маломъ видѣ рождающійся цѣлый міръ. Наконецъ, настоящій дворъ, сборное, безпрестанно мѣняющееся, общество. И когда пришлось мнѣ все это описывать? Когда воображеніе гаснетъ, память тупѣетъ, охота пропадаетъ,» и т. д.

Сознаніе это, какъ увидимъ изъ нѣкоторыхъ только замѣчаній, вполнѣ оправдалось, исключая, что «воображеніе не погасло,» и тамъ, гдѣ память «притуплялась и охота пропадала,» оно дополняло или, лучше сказать, создавало его «Воспоминанія.» Очерки, дѣлаемые имъ лицамъ, начиная отъ Графа Ланжерона, Инзова, наконецъ Графа Воронцова и окружавшихъ его, за исключеніемъ одного, двухъ, всѣ другіе пропитаны ѣдкостью выраженій, относящейся къ личности, которая характеризуетъ вообще «Воспоминанія» Ф. Ф. Вигеля. Онъ припутываетъ даже и зна-

ченія тѣхъ, или другихъ, лицъ, съ которыми, по его же словамъ, онъ былъ и близко знакомъ и въ сношеніяхъ. Такъ, на примѣръ, говоря о Баронѣ Пфейлицеръ-Франкѣ (стран. 79) «бѣдномъ Курляндскомъ дворянчикѣ,» и т. п., называетъ его «Полковникомъ по особымъ порученіямъ,» тогда какъ въ это время онъ былъ только Ротмистромъ и Адъютантомъ, чѣмъ, чрезъ нѣсколько строчекъ, такъ его и называетъ. О Казначеевѣ, съ которымъ, по мѣсту, имъ занимаемому, Вигель былъ въ неотмѣнныхъ сношеніяхъ, говоритъ (стран. 80): «гвардіи Полковникъ Александръ Ивановичъ Казначеевъ, нѣкогда дежурный Штабъ-Офицеръ въ Мобежскомъ корпусѣ, что зналъ его въ Мобежѣ;» сказавъ нѣсколько словъ въ пользу его, потомъ стушевываетъ сказанное объ этомъ достойномъ и безъ исключенія всѣми уважаемомъ человѣкѣ; но дѣло не въ томъ. А. И. Казначеевъ никогда не былъ назначаемъ дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ Мобежскаго корпуса: онъ и Бутриновъ, въ чинѣ Капитановъ, были старшими Адъютантами. А. И. Казначеевъ былъ оцѣненъ Графомъ, а по тому и пользовался его вниманіемъ, и не разъ занималъ должность дежурнаго Штабъ-Офицера, за отсутствіемъ сего послѣдняго, а дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ былъ Полковникъ Д. И. Ахшарумовъ. Не думаю, чтобы Вигель зналъ Казначеева въ Мобежѣ, въ свое кратковременное тамъ пребываніе, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, что тамъ же и «полюбить его.» Мнѣ, по крайней мѣрѣ, видѣвшись ежедневно съ тѣмъ и другимъ, не удавалось встрѣчать ихъ вмѣстѣ. Очень можетъ быть, что Вигель видѣлъ его, но чтобы полюбить, надо, по крайней мѣрѣ, знать, кого полюбилъ, кто этотъ счастливецъ? Старшій ли Адъютантъ Капитанъ, или дежурный Штабъ-Офицеръ Полковникъ, а въ послѣдствіи назвать его служившимъ «въ гвардейскомъ Штабѣ,» гдѣ онъ былъ дѣйствительно уже дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ гвардейскаго корпуса и Полковникомъ. Отсюда-то, съ производствомъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, онъ и назначенъ Правителемъ Канцеляріи Графа Воронцова. Я вошелъ въ эти подробности единственно по тому только, чтобы показать съ какимъ вниманіемъ сочинитель «Воспоминаній» сочинялъ ихъ. Та же положительность, сопровождаемая одинаково желчными выходками и о всѣхъ другихъ лицахъ, подпавшихъ подъ его перо, а по тому не упоминаю о всемъ томъ, что онъ разсказываетъ о пребываніи своемъ въ Одессѣ, гдѣ онъ, какъ бы выторговывалъ себѣ назна-

ченіе, и до пріѣзда его въ Кишеневъ, что продолжается до 97 страницы.

Здѣсь онъ начинаетъ говорить о предположеніи составить общую записку «о Бессарабіи,» какъ въ исполненіе обѣщанія, даннаго, при отъѣздѣ изъ Петербурга, Блудову, чтобы ознакомить его съ краемъ, такъ и для Графа Воронцова: «Мнѣ нужны были свѣдѣнія, говоритъ Ф. Ф., о лицахъ и дѣлахъ; собирать ихъ было нетрудно: во взаимныхъ обвиненіяхъ служащихъ, конечно, было много клеветы, и я старался изъ разсказовъ ихъ отдѣлять одно вѣроподобное. Главный же источникъ, изъ коего я черпалъ, хотя съ осторожностію, былъ Липранди, Парижскій мой знакомый, который находился тутъ въ отставкѣ.» Здѣсь память совершенно уже измѣнила сочинителю «Воспоминаній;» ибо тогда я былъ уже давно вновь на службѣ. Вышедши въ отставку Полковникомъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пріѣхалъ въ Кишеневъ Графъ Воронцовъ, пригласилъ меня остаться при немъ и, на основаніи правъ Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области, тотчасъ же опредѣлилъ меня на службу; и чрезъ нѣсколько дней, отправивъ обратно въ Одессу Никанора Михайловича Лонгинова, оставилъ при себѣ только Адъютанта Князя Шаховскаго, взялъ меня съ собой для обозрѣнія Южной Бессарабіи, мнѣ въ продолженіе уже болѣе трехъ лѣтъ знакомой. Возвращаясь изъ Аккермана прямо въ Одессу, на переправѣ чрезъ Днѣстръ, въ Маякахъ, нашелъ множество столпившихся чумаковъ съ грузомъ соли; нѣкоторые изъ нихъ принесли ему жалобу на стѣсненія и онъ, оставивъ меня для опроса ихъ, уѣхалъ въ Одессу. Окончивъ возложенное въ десять часовъ вечера, въ тотъ же день пріѣхалъ и я въ Одессу, остановившись въ клубномъ домѣ Рено, гдѣ жилъ и Вигель, за нѣсколько дней предъ возвращеніемъ Графа, какъ и самъ пишетъ, пріѣхавшій въ Одессу. Въ тотъ же вечеръ онъ видѣлся со мной, и дѣйствительно, какъ со старымъ знакомымъ и полуроднымъ. Онъ очень хорошо зналъ отъ возвратившагося Н. М. Лонгинова, что я уже на службѣ и состою при Графѣ, какъ Намѣстникѣ. Получивъ многія порученія по Области, чрезъ нѣсколько дней я возвратился въ Кишиневъ. Когда же пріѣхалъ Вигель, то съ перваго дня у насъ начались частныя отношенія, и если бы онъ принималъ получаемыя отъ меня устныя свѣдѣнія не съ осторожностію, то избѣгъ бы всего того, что повлекла за собой его записка, къ которой обращаюсь.

Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я въ немъ желаніе все чер-

нить, все опровергать, всѣхъ выставлять неблагонамѣренными, не способными, вводить въ дѣло домашнія и частныя сплетни, и когда онъ мнѣ прочиталъ трудъ свой, я замѣтилъ ему, что Блудову записка эта, пожалуй и можетъ быть отправлена, какъ къ лицу, чуждому дѣлъ Бессарабскихъ, но что къ Полномочному Намѣстнику, полагаю, неловко; ибо она включаетъ въ себѣ менѣе дѣловаго, а болѣе частныхъ случаевъ, рѣзкихъ выраженій на всѣ личности Области; что какъ бы она ни была секретна, а, вѣдь, по его же словамъ, въ Канцеляріяхъ нѣтъ тайнъ, и рано, или поздно, она огласится и т. п. Замѣчанія мои, по его же вызову, послужили только къ разведенію въ немъ еще болѣе желчи, какъ это я увидѣлъ, когда записка эта огласилась: въ ней нашелъ я сильныя выходки и противъ женскаго пола, любовныя связи разныхъ лицъ, чего въ читанной имъ мнѣ не было. Филиппъ Филипповичъ самъ сознается, что «писалъ ее тогда въ самомъ дурномъ расположеніи духа, подъ вліяніемъ мрачной погоды и окружавшей его скуки, и безпрестанно внимая мерзостямъ, ему сообщаемымъ... Главная ошибка моя, продолжаетъ онъ, (стран. 97), состоитъ въ томъ, что на людей и на нравы въ этомъ новомъ краѣ я смотрѣлъ съ фальшивой точки зрѣнія. Какъ многіе, почти какъ всѣ (!), я былъ пристрастенъ къ Западу» и т. д. Записку эту Вигель представилъ лично въ Одессѣ Графу, и этотъ послѣдній, (стран. 102), будто бы, отозвался о ней очень лестно и т. д. Но Запискѣ этой предстояло напугать ея сочинителя до нельзя. [22]

XXXIV.

Записка Вигеля о «Бессарабіи» раздражила Молдаванъ. Трусость Вигеля.

«Накануне отплытія Графа (изъ Одессы въ Крымъ),» говоритъ Ф. Ф. (ч. 6-я, стр. 138), «мнѣ случилось быть съ нимъ наединѣ въ его кабинетѣ. Онъ вынулъ полученное имъ письмо отъ Катакази и, отдавъ его мнѣ, сказалъ: «Растолкуйте мнѣ, что все это значитъ?» Губернаторъ писалъ (продолжаетъ сочинитель), что въ

---

[22] Со стр. 96-й перехожу на стр. 138-ю, чтобъ окончить исторію этой Записки и потомъ возвращусь къ промежутку между этими двумя страницами.

Кишиневѣ всѣ заняты однимъ какимъ-то сочиненіемъ, писаннымъ моею рукою, которое въ Молдаванахъ производитъ крайнее неудовольствіе. Я разсказалъ, какимъ образомъ, второпяхъ, я отдалъ Скляренкѣ рукопись мою на сбереженіе (!). «Но если онъ выдалъ ее, то это не дѣлаетъ большой чести хваленому вашему Скляренкѣ.» «Я увѣренъ, что ее выкрали у него!» Отвѣчалъ я. «Но послѣ этого, продолжалъ я, согласитесь, что мнѣ трудно будетъ показаться и лучше возмите меня съ собой: если эти люди и останутся спокойны, мнѣ будетъ совѣстно глядѣть на нихъ.—«И, полноте, отвѣчалъ онъ: что за бѣда, если эти люди узнали ваше мнѣніе о нихъ? Они, пожалуй, подумаютъ, что вы не смѣете пріѣхать.»—«И это дѣло, подумалъ я.»

Во всемъ этомъ монологѣ, кромѣ послѣднихъ словъ Графа и письма Катакази, все выдумано и, главное, Филиппъ Филипповичъ, написавъ свой памфлетъ, не довольствовался тѣмъ, что онъ представилъ его Графу и сообщилъ Блудову, но онъ читалъ его многимъ Русскимъ и каждому всегда по секрету; ему хотѣлось, чтобы это узнали нѣкоторые изъ туземцевъ, которыхъ онъ болѣе другихъ отдѣлалъ; видя же, что никто въ обращеніи съ нимъ не перемѣнился, его брала злость. Уѣзжая изъ Бессарабіи, съ тѣмъ, чтобы уже не возвращаться, имѣя въ виду назначеніе въ Крымъ, онъ подарилъ рукопись Скляренкѣ, а не отдавалъ ему на сохраненіе. Рукопись, сдѣлавшись извѣстной, не могла не возбудить противъ него злобы, особенно лицъ, какъ на примѣръ, Разновановъ, Стурдзъ, Князей Гиковъ, Морузи, Суццо и другихъ знатныхъ Бояръ Княжествъ, которые удалились временно изъ отечества во время гетеріи, не принимали никакого участія въ управленіи, и расточали передъ Вигелемъ всю Восточную учтивость, которая часто простиралась до уничиженія и того, кто заявлялъ ее, и того кто принималъ ее. Впрочемъ, Вигелю такія привѣтствія всегда нравились. Въ «Воспоминаніяхъ» своихъ онъ говоритъ, что «отъѣзжая изъ Кишинева въ Одессу, онъ увидалъ забытую имъ рукопись на столѣ и отдалъ ее случившемуся тутъ Скляренкѣ на сохраненіе! Что этотъ далъ переписывать ее Чиновнику (за чѣмъ?) а этотъ, будто бы, продалъ ее Молдаванамъ за четыре тысячи левовъ, выйдя прежде въ отставку, чтобы не подпасть подъ отвѣтственность!» и Филиппъ Филипповичъ очень добродушно разсказываетъ эту сказку, какъ будто бы отставка могла освободить вора «или передателя секретной записки, отъ наказанія! Я узналъ у кого была эта подлинная записка на нѣсколькихъ листахъ убористой Ви-

гелевской руки, и Князь Георгій Матвѣевичъ Кантакузинъ уговорилъ владѣтеля оной, Николая Разнована, написать Графу письмо, что «такъ какъ онъ узналъ, что Записка эта производитъ въ обществѣ непріятное чувство, то и препровождаетъ ему оную.» Я читалъ до отправленія ее (читалъ и копію съ нея, ихъ было множество) и очень удивился, что она во многихъ мѣстахъ дополнена скандалами, которыхъ не было въ Запискѣ, поданной Графу.

Обращаюсь къ словамъ Графа, сказаннымъ Ф. Ф. Когда этотъ находилъ, что ему «послѣ сего трудно будетъ показаться» и пр., и что Графъ возразилъ: «Они, пожалуй, подумаютъ, что вы не смѣете пріѣхать;» но кто зналъ Графа, тотъ очень хорошо знаетъ, какъ онъ дорожилъ честью каждаго Русскаго, и по тому само собою разумѣется, что ему было бы очень непріятно, если бы дѣйствительно Молдаване могли сдѣлать такое заключеніе. Вигель долженъ былъ, какъ говорится «bongré, malgré, возвратиться въ Кишиневъ, и тутъ опять новая басня!

На стр. 140. Въ Тирасполѣ, пока впрягали въ его коляску лошадей, «вдругъ увидѣлъ онъ безъ памяти скачущую тройку. Она остановилась, изъ повозки выскочилъ молодой Канцелярскій и подалъ мнѣ письмо. Господа Лонгиновъ и Лексъ увѣдомляли меня, что, по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Кишинева, ярость жителей превосходитъ всякое описаніе, что рукопись моя переведена на Молдаванскій языкъ, всюду распускается, и что всѣ другъ друга возбуждаютъ противъ меня; по чему они и совѣтуютъ мнѣ воротиться въ Одессу (!). Я словесно поручилъ посланному благодарить Никанора Михайловича и Михайла Ивановича за принимаемое во мнѣ участіе. «Если бы вы настигли меня прежде, сказалъ я ему, то, можетъ быть, я воротился бы съ вами; но вы видите, вотъ Бессарабія: право, какъ-то совѣстно бѣжать въ виду непріятеля!»

Нужно ли замѣтить здѣсь, что только одно воображеніе, и воображеніе больное, могло все это нагородить! Можно ли допустить, что два, по службѣ ближайшіе Чиновника къ Графу Воронцову, знавшіе, что онъ находилъ неотмѣнно необходимымъ, чтобы Вигель воротился въ Кишиневъ, и тѣмъ бы доказалъ, что Русскій Чиновникъ не боится ярости жителей, взяли на себя остановить поѣздку Вигеля, пославъ за нимъ Чиновника курьеромъ!! И когда еще? Тогда, когда Графа не было въ Одессѣ! Да если бы только это могло быть, то Филиппъ Филипповичъ поспѣшилъ бы послѣдовать совѣту, не вполнѣ подвергая себя и гнѣву Графа

ибо Лонгиновъ былъ ближайшимъ Секретаремъ Графа, а Лексъ Правителемъ дѣлъ по Бессарабіи.

Написавъ эту небывальщину, сочинитель думаетъ придать ей правдивость слѣдующимъ сознаніемъ: «Однако, признаюсь, я чувствовалъ въ себѣ сильное волненіе, когда переправлялся чрезъ Днѣстръ. Оно еще было умножено въ Бендерахъ, на почтовомъ дворѣ, письмомъ отъ пріятеля моего, Алексѣева: онъ не пугалъ, а спѣшилъ предупредить, дабы я заранѣе могъ принять свои мѣры.» Въ Бессарабіи онъ почиталъ своими пріятелями двухъ Алексѣевыхъ: одинъ былъ отставной гусарскій Полковникъ, Алексѣй Петровичъ: братъ жены его, Павлищевъ, женился на сестрѣ А. С. Пушкина. Другой Алексѣевъ, Николай Степановичъ, Чиновникъ особыхъ порученій при Графѣ, жившій въ Кишиневѣ и о которомъ я уже говорилъ выше. На котораго клеплетъ здѣсь Вигель, не знаю, и врядъ ли кто изъ нихъ могъ написать это. Наконецъ Филиппъ Филипповичъ достигъ Кишинева: черезъ часъ явился къ нему «съ печальнымъ видомъ Скляренко, и объяснилъ ему участь рукописи (какъ сказано выше). «Какая глупость (стран. 141)! сказалъ я. Во всякомъ случаѣ это кража; а коли имъ того хотѣлось, такъ я, имѣющій на то право, уступилъ бы имъ за половину. Но какъ ни шути, а дѣло становилось не совсѣмъ шуточнымъ.» Кажется, сочинитель, писавши это, чрезъ двадцать, или тридцать, лѣтъ, былъ еще подъ вліяніемъ страха отъ вовсе не существовавшей опасности.

Далѣе, на той же страницѣ, онъ, какъ бы crescendo, отъ одной небылицы переходитъ въ другую: «Молдаване, продолжалъ онъ, оставались покойны, пока не узнали о моемъ пріѣздѣ: тогда чрезъ областнаго представителя (?) послали просьбу къ Намѣстнику, требуя (!) удаленія моего изъ Области, какъ врага народа Молдавскаго.» Что за вздоръ! Этого не было, и не могло быть, предположивъ даже, что если бы Молдаване не знали закона, не позволяющаго Полномочному Намѣстнику посылать коллективно противозаконное прошеніе противъ члена Верховнаго Совѣта, назначеннаго имъ самимъ и утвержденнаго Государемъ, то нашлись бы Русскіе, издавна служащіе въ Области и освоившіеся съ туземцами, которые во всѣхъ случаяхъ прибѣгали къ намъ за совѣтомъ, какъ, на примѣръ, Предсѣдатели Гражданской и Уголовной Палатъ, Статскіе Совѣтники Недоба и Курикъ, которые, конечно, указали бы и на этотъ шагъ, какъ прямо ведущій ихъ подъ уголовщину, да и въ самомъ Совѣтѣ были люди очень умные, какъ, на примѣръ, хитрый Прункель, знавшій очень хорошо законы и

пр. Но Ф. Ф. не кончаетъ еще этимъ, онъ идетъ далѣе: «Я поѣхалъ къ Губернатору: онъ принялъ меня сухо. Я старался объяснить ему, что если эти господа твореніе мое почитаютъ пасквилемъ, то не я, а они были его издателями и распространителями, и что желаніе мое хранить его про себя доказывается большой суммой, которую они употребили для подкупа писца. Губернаторъ приглашалъ меня, въ предупрежденіе неслыханнаго скандала, подъ какимъ ни будь предлогомъ не ѣздить въ Совѣтъ; ибо члены изъ Молдаванъ объявили ему, что при первомъ появленіи моемъ въ его присутствіе, они выйдутъ изъ него, и придется его закрыть. Мнѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ дожидаться отвѣта изъ Крыма.»

Здѣсь опять вымыселъ: Губернаторъ Катакази былъ до неимовѣрной степени вѣжливъ, и уже ни въ какомъ случаѣ не принялъ бы сухо, хотя въ помянутой Запискѣ достаточно было и на его долю, и ни какъ не посовѣтовалъ бы ему не являться въ Совѣтъ. Все, что, въ слѣдствіе этого, разсказывается въ «Воспоминаніяхъ,» будто бы Графъ изъ Крыма частнымъ письмомъ изъявилъ Губернатору неудовольствіе, а онъ будто бы получалъ отъ Казначеева одобреніе, что не послушался Лекса и не возвратился въ Одессу, все это, повторяю, было не такъ, какъ разсказано, а напротивъ, Графъ былъ недоволенъ Вигелемъ, что онъ не явился въ Совѣтъ и т. п. Причиной воздержанія Вигеля отъ присутствія въономъ было то, что кто-то, видѣвши его страхъ, подшутилъ надъ нимъ, сказавъ, что Василій Баланеско, одинъ изъ членовъ Совѣта, носившій старомолдаванскій костюмъ, схожій съ Польскимъ, и былъ дѣйствительно съ физіономіей очень смуглой и выразительной, большаго роста, плотный и всегда съ Турецкою саблей, довольно дерзкій съ низшими, а иногда и съ равными, но ни въ какомъ уже случаѣ противъ тѣхъ изъ Русскихъ, которые назначались въ особенности присутствовать въ Совѣтѣ отъ Короны, хочетъ поколотить Вигеля при появленіи его въ Совѣтѣ. Онъ повѣрилъ тому и, не обсудивъ хорошенько, написалъ обо всемъ въ Крымъ, а между тѣмъ большая часть членовъ посѣтила его (тамъ былъ обычай дѣлать визитъ пріѣхавшему, прежде нежели посѣтитъ онъ). Первымъ пріѣхалъ старикъ Башотъ, носившій Молдаванскій костюмъ: его онъ принялъ. Другихъ онъ принималъ тогда только, когда у него случался въ это время кто либо изъ Русскихъ. Мало по малу, до полученія еще отъ Графа замѣчанія, онъ уже посѣщалъ Совѣтъ.

Послѣ будто бы заявленнаго ему мнѣнія Губернаторомъ, не посѣщать Совѣта, и переданнаго ему въ шутку будто бы намѣренія В. Баланеска, поколотить его, Филиппъ Филипповичъ (стр. 141) философствуетъ: «Что мнѣ страшиться?» говоритъ онъ, разсуждалъ я съ самъ съ собой. На смертоубійство Молдаване не рѣшатся, а поединки не были еще у насъ въ обычаѣ. Развѣ молодые между ними гдѣ ни будь изъ за угла броояятся толпой съ бранными словами, а, можетъ, быть и съ побоями. Если не для жизни моей, то для чести, предстояла мнѣ нѣкоторая опасность. Но, избѣгая ее, не сидѣть же мнѣ дома. Въ любимомъ саду, моими попеченіями насажденномъ, [93] я встрѣчалъ этихъ молодцовъ: никто мнѣ не кланялся и всѣ мѣрили меня звѣрскими взглядами; я показывалъ будто не замѣчаю ихъ. Какое странное, непріятное и вмѣстѣ довольно смѣшное, положеніе! Частный человѣкъ имѣетъ противъ себя націю и подобенъ кумиру, сверженному съ подножья, но не разбитому еще въ прахъ...» Филиппъ Филипповичъ иногда показывался въ саду, когда въ немъ не предполагалъ встрѣтить много публики, но и тогда не иначе рѣшался быть, какъ съ двумя, тремя, спутниками. Когда шли на встрѣчу, или сзади, трое, четверо, изъ жителей, или Чиновниковъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, онъ всегда брался подъ руку съ кѣмъ либо изъ гуляющихъ съ нимъ Русскихъ и преимущественно военныхъ: Полковника Алексѣева, или меня; изъ насъ уже одинъ былъ неотмѣнно съ нимъ. А какъ весь городъ былъ знакомъ, то необходимо должно было кланяться, а это его досадовало; останавливаться же, чтобы перекинуться нѣсколькими словами, приводило его въ отчаяніе, хотя мы завѣряли, что никакой опасности нѣтъ. Но однимъ его отвѣтомъ было: «Какъ можно говорить съ этими мерзавцами!» и т. п. Больно и досадно было видѣть его положеніе и, конечно,

[93] Ровно не было никакого попеченія, да и быть не могло; это вовсе не касалось члена верховнаго Совѣта, каковымъ былъ онъ тогда, и въ послѣдствіи когда онъ былъ Вице-Губернаторомъ, которые въ то время были еще только Предсѣдателями Казенныхъ Палатъ, и наконецъ кратковременно, за отсутствіемъ Губернатора, управлялъ Областью, тоже ровно ничего не сдѣлалъ по саду: какимъ онъ былъ во время его пріѣзда, такимъ онъ и остался, когда Вигель выѣхалъ въ 1826 году изъ Бессарабіи. Впрочемъ, мы увидимъ, что онъ не одно это приписываетъ своему «попеченію,» но дѣлаетъ даже то, что, вопреки офиціальныхъ заявленій, вовсе до него не касалось, и не онъ исполнялъ предписываемое.

какъ скажется ниже, мы, въ особенности я, должны были поддерживать въ немъ духъ, чтобы онъ не сдѣлался уже совершенно смѣшнымъ. На стран. 143, Ф. Ф., разсуждая объ этомъ, присовокупляетъ: «Какъ было не догадаться Молдаванамъ, что дѣло мое Намѣстникъ почелъ какъ бы собственнымъ!» Это дѣйствительно такъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ хочетъ понимать Ф. Ф. Вигель. Графъ не могъ раздѣлять поступка его касательно рукописи, но принималъ его за общее дѣло Русскихъ, а по тому и за свое, чтобы отклонить срамъ, происходящій отъ его трусости.

XXXV.

Братья Петрулины. Еще по поводу опасенія Вигеля какихъ либо покушеній противъ него со стороны Молдаванъ. Заявленіе Липранди (по «Воспоминаніямъ»), что разъ взявъ Вигеля подъ свое покровительство не выдастъ его.

Въ слѣдъ за философствованіемъ своимъ и уподобленіемъ себя разбитому кумиру, Ф. Ф. продолжаетъ: «Нѣкоторые даже изъ моихъ соотечественниковъ и сослуживцевъ сначала струхнули и какъ будто убѣгали меня.» Чистый вздоръ относительно перваго, а что относится до втораго, то, можетъ быть, были такіе, которые убѣгали, однако, не отъ трусости быть съ нимъ, чтобъ не навлечь на себя гнѣвъ Молдаванъ; но не всѣ могли, или были обязаны, видѣть то жалкое состояніе духа, въ которомъ находился Ф. Ф. Вигель. Онъ продолжаетъ: «за то другіе, и первый между ними Вице-Губернаторъ Петрулинъ, не дозволяли, чтобы было произнесено какое ни будь обидное слово на мой счетъ. Липранди объявилъ, что, взявъ разъ подъ свое покровительство, онъ ни за что не выдастъ меня.» За тѣмъ упоминаетъ объ Алексѣевѣ и молодыхъ Офицерахъ Генеральнаго Штаба, что за него, «какъ бы за какую ни будь Елену, готова была возгорѣться война.» Относительно Петрулина, дѣйствительно онъ былъ замѣчательное лицо, и на гражданскомъ поприщѣ онъ былъ таковымъ же, какимъ братъ его, на военномъ.

Братъ его, Адъютантъ Графа Витгенштейна, былъ образцовымъ въ цѣлой арміи въ этомъ званіи: по окончаніи Отечествен-

ной войны, послѣ вторичнаго занятія Парижа, назначенъ былъ Командиромъ Сумскаго гусарскаго полка, расположеннаго Виленской Губерніи въ г. Вилькомирѣ. При общемъ распредѣленіи Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, Подполковникъ Мерлиній былъ назначенъ въ Сумскій гусарскій полкъ. Общество Офицеровъ этого полка заявило нежеланіе служить съ Мерлиніемъ; мнѣніе это раздѣлялъ и Петрулинъ. Мерлиній слылъ игрокомъ и носившимъ иностранные ордена, не имѣвши ихъ, словомъ, правильно, или нѣтъ, онъ не пользовался доброю молвой. По прибытіи его въ полкъ, когда онъ явился къ Петрулину, въ присутствіи многихъ Офицеровъ, этотъ послѣдній предложилъ ему, очень деликатно, перечислиться въ другой полкъ. «На какомъ основаніи?» довольно дерзко спросилъ его Мерлиній. «Общество Офицеровъ не желаетъ имѣть васъ своимъ товарищемъ.» Еще съ большею надменностью и возвысивъ голосъ, Мерлиній спросилъ: «Назовите мнѣ одного изъ нихъ, и перваго я заставлю раскаяться.» Пылкій Петрулинъ не могъ болѣе воздержаться: «Я первый!» отвѣчалъ онъ. «И такъ съ васъ начну завтра же утромъ.» «За чѣмъ откладывать? Пожалуйте сюда!» Они стрѣлялись безъ секундантовъ. Петрулинъ не хотѣлъ вводить въ отвѣтственность своихъ Офицеровъ. Раздались два выстрѣла, одинъ за другимъ: Петрулинъ былъ убитъ, а Мерлиній легко раненъ. По этому случаю было много толковъ. Мерлиній былъ разжалованъ въ солдаты: въ этомъ званіи онъ служилъ въ Турецкую войну 1828—1829 годовъ въ Харьковскомъ уланскомъ полку и, по окончаніи войны, получилъ отставку. Полкъ принялъ Реадъ, который въ послѣдствіи, будучи полнымъ Генераломъ, палъ въ Крымской войнѣ, при штурмѣ Ѳедюхиныхъ Горъ. Младшій братъ его, Полковникъ, Флигель-Адъютантъ, убитъ ядромъ въ грудь, 8-го Іюля, 1828 г., при занятіи позиціи при Шумлѣ, въ присутствіи Императора Николая I-го. Ядро малаго калибра было на излетѣ, оно остановилось въ груди. Государь приказалъ отослать ядро къ старшему брату. Тѣло Ф. А. Реада было похоронено на курганѣ, съ котораго Императоръ наблюдалъ битву.

Бессарабскій Петрулинъ былъ человѣкъ болѣзненный; въ это время онъ уже рѣдко показывался и въ Казенной Палатѣ; знакомыхъ изъ Молдаванъ онъ никого не имѣлъ, но, узнавши о происходящемъ съ Вигелемъ, справедливо негодовалъ на случившееся и горячо стоялъ на томъ, чтобы ограждать его, какъ Русскаго, отъ личной обиды. Онъ также мало зналъ свойство тогдащ-

нихъ Молдаванъ: иначе не тревожилъ бы себя мыслію, что кто либо изъ нихъ осмѣлится на дерзкій поступокъ. Петрулинъ скоро послѣ сего умеръ отъ служебныхъ напряженій. Онъ подготовилъ все для Вигеля, который, заступивъ его мѣсто по нѣкоторымъ отраслямъ, увѣнчалъ ихъ успѣхомъ, о чемъ торжественно и разсказываетъ въ «Воспоминаніяхъ,» не скрывая трудовъ и того, что отъ него же онъ наслѣдовалъ и честнаго дѣльца, упоминавшагося Скляренка, постоянно занимавшагося у Петрулина.

Что же касается до меня, «взявшаго Вигеля подъ свое покровительство,» и рѣшимости «ни за что не выдавать его,» то это слишкомъ преувеличено. Конечно, и изъ собственнаго побужденія; я бы всячески старался отклонить намѣреніе обидѣть его, но здѣсь, сверхъ того, нѣсколько дней до пріѣзда Вигеля въ Кишиневъ, Баронъ Бруновъ и Лексъ сообщили мнѣ о случившемся съ рукописью, что я уже зналъ еще въ Одессѣ, но не зналъ, что Графъ обратитъ Вигеля въ Кишиневъ. Они передавали мнѣ желаніе Графа, чтобы я, какъ знакомый со всѣмъ городомъ и, по занятіямъ моимъ, имѣлъ болѣе, или менѣе, вліянія на тѣхъ, или другихъ, что Лексу, посѣщая меня, было очень извѣстно, старался бы всячески отклонить, въ лицѣ Вигеля, оскорбленія всѣмъ Русскимъ и т. д. Само собою разумѣется, что Лексъ, какъ старинный Кишиневскій житель, очень хорошо зналъ, что ни одинъ изъ Молдаванъ не рѣшится на что либо подобное, но, какъ человѣкъ осторожный, онъ передавалъ желаніе Графа, а при томъ зналъ также, что въ Кишиневѣ проживалъ Молдаванскій Бояръ, Ага Георгій Гика, воспитывавшійся въ Парижѣ, человѣкъ молодой, могъ быть и непрочь отъ какого либо скандальчика, тѣмъ болѣе, что его тетка, Богданеса, была задѣта Вигелемъ въ его запискѣ. Михайло Ивановичъ зналъ, что я съ Гикой въ близкихъ отношеніяхъ, по тому особенно и налегалъ на это. Бруновъ же буквально передавалъ мнѣ желаніе Графа. Но ни у одного Молдавана не хватило бы тогда духа, чтобы даже и подумать о томъ. Молодые Офицеры Генеральнаго Штаба были всѣ люди отличныхъ правилъ и, конечно, не наускивали бы ихъ на Вигеля, хотя и они, какъ и всѣ, видѣли его комическое положеніе. Словомъ, ни что не подавало повода думать, что Вигель будетъ оскорбленъ, и выраженіе его «о покровительствѣ моемъ» какъ-то сказано было мною въ шутку, при многихъ, и Русскихъ и Молдаванахъ, что чрезвычайно успокоило Вигеля, почитавшаго меня за головорѣза, какъ онъ иногда и выражался.

Нельзя не удивляться, что это попало въ «Воспоминанія!» Кромѣ различныхъ порученій, возлагавшихся на меня Графомъ, совершенно чуждыхъ административныхъ сферъ, другихъ я не имѣлъ, тогда какъ Вигель въ это время былъ членомъ Верховнаго Совѣта отъ Короны, слѣдовательно, въ близкихъ вліятельныхъ отношеніяхъ со всѣми властями. Не уже ли и чрезъ тридцать лѣтъ страхъ, которымъ онъ былъ тогда объятъ, не изгладился временемъ, чтобы передавать оный, въ ущербъ собственнаго своего достоинства?

XXXVI.

Назначеніе Вигеля Вице-Губернаторомъ въ Кишиневъ. Вигель несправедливо приписываетъ себѣ заведеніе баловъ въ Кишиневѣ. Старушка Богданеса.

За тѣмъ Ф. Ф. Вигель разсказываетъ о поѣздкѣ своей въ Одессу и о предложеніи ему занять Вице-Губернаторское мѣсто, оставшееся свободнымъ по смерти Петрулина. Тутъ, по обыкновенію, вводитъ онъ многіе, бывшіе и не бывшіе, эпизоды, и прибавляетъ: «однако же не совсѣмъ безъ боя уступилъ требованіямъ Графа!» Если бы кто и не зналъ лично сочинителя «Воспоминаній,» то достаточно прочитать ихъ, чтобы видѣть «всю невѣроятность этой борьбы.» Неограниченное самолюбіе во всю его жизнь было главнымъ двигателемъ всѣхъ его помысловъ, ничто не удовлетворяло его, и здѣсь, чуть ли не въ четвертый разъ, подъ различными предлогами личныхъ объясненій по дѣламъ службы, пріѣзжалъ въ Одессу, и всякій разъ съ цѣлію выторговать какое либо повышеніе, и даже одно перемѣщеніе въ Крымъ, куда всегда влекли его грезы; но и въ Крыму, куда, въ послѣдствіи, ему удалось попасть Градоначальникомъ въ Керчь, онъ также кончилъ, какъ и вездѣ прежде. Въ настоящую же поѣздку въ Одессу, послѣ исторіи съ памфлетомъ и его жалкаго поведенія, онъ хотя и имѣлъ въ виду смерть Петрулина, но не могъ вполнѣ разсчитывать, чтобы занять его мѣсто. Графъ зналъ его честность, безкорыстіе и умъ, а по тому хотѣлъ употребить ихъ въ пользу, не обращая вниманія на всѣ его причуды. Съ другой стороны Вигель былъ первоначально рекомендо-

ванъ Графу лицами, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ: К. Я. Булгаковымъ и А. И. Тургеневымъ.

Возвращеніе въ Кишиневъ Филиппа Филипповича, уже какъ Вице-Губернатора, разсказывается имъ (ч. 6-я стран. 147), съ примѣсью выходокъ, которыя и самъ называетъ «coup de théatre.» Ему вдругъ приходитъ въ голову между служебными занятіями разогнать тоску,» которая почувствовалась при извѣстіи ли о Петербургскомъ наводненіи, или «вокругъ царствовавшей въ цѣломъ городѣ,» не извѣстно. Для разогнанія этой тоски вотъ что сочиняетъ онъ (стр. 148): «Въ публичномъ саду, уже не по одному имени, для публичныхъ увеселеній выстроена была на улицу большая галерея или зала съ тремя, или четырьмя, комнатами вокругъ. Она находилась въ нѣкоторомъ запустѣніи, а мнѣ хотѣлось завести въ ней балы. Я отыскалъ нѣкоего Жозефа, Богъ вѣсть какъ попавшаго къ намъ: изъ бумагъ и аттестатовъ его я увидѣлъ, что онъ находился поваромъ и метръ д'отелемъ сперва у Герцога Ангальтъ-Кетенъ-Плесскаго, а потомъ у Принцессы Элизы Баччіоки, сестры Наполеона. Это исполнило меня къ нему благоговѣніемъ, и я предложилъ ему сдѣлаться содержателемъ сихъ баловъ, съ условіемъ, что весь сборъ съ посѣтителей будетъ принадлежать ему, но за то освѣщеніе, отопленіе и прочая, и прочая, даже нѣкоторыя поправки въ залѣ, должны быть на его счетъ. Онъ на все согласился охотно.»

Здѣсь все сочинено, подобно тому, какъ и разведеніе имъ сада. Этотъ домъ, подъ названіемъ клуба, существовалъ уже въ Маѣ мѣсяцѣ 1820 года, когда я пріѣхалъ въ Кишиневъ. Лѣтомъ приходили закусывать, а вечеромъ ѣсть мороженое, дульчецу и т. п. заказывались именинные обѣды, а осенью и зимой давались балы рѣдко по подпискѣ, но больше съ платой за входъ. Въ особенности собранія эти были оживленными въ концѣ 1820 и началѣ 1821 годовъ, во время пребыванія въ Кишиневѣ начальника 16-й пѣхотной дивизіи М. Ѳ. Орлова, проживанія Князей Е. М. и А. М. Кантакузиныхъ, съ ихъ семействами, и Князей Александра, Николая и Георгія Ипсиланти. На одномъ изъ такихъ баловъ, за годъ до пріѣзда Ф. Ф. Вигеля въ Кишиневъ, и за четыре года до времени, здѣсь разсказываемаго Вигелемъ, А. С. Пушкинъ имѣлъ столкновеніе съ Полковникомъ С. Н. Старовымъ. Отыскивать Жозефа было не нужно: онъ былъ давнишнимъ жителемъ Кишинева. Не знаю, былъ ли онъ когда ни будь у Герцога Ангальтъ-Кетенскаго и у Принцесы Баччіоки, но знаю, что

онъ служилъ нѣсколько лѣтъ метръ д'отелемъ у Намѣстника Бессарабской Области, А. Н. Бахметева; выѣзжая же изъ Кишинева въ 1820 году, въ числѣ другихъ, онъ упразднилъ и должность Жозефа, который вначалѣ открылъ маленькое заведеніе, взявъ себѣ поваромъ когда-то извѣстнаго Тардифа, но потомъ, въ 1822 году, по смерти Г-жи Фуксъ, содержательницы издавна клубнаго дома въ Кишиневскомъ саду, взялъ оный на свое содержаніе, и тогда открылась здѣсь уже ресторація, гдѣ можно было во всякое время имѣть завтракъ, обѣдъ и т. п., и балы продолжались вначалѣ довольно оживленнѣе, когда большая часть Бояръ, съ семействами своими, по случаю гетеріи, оставила Яссы, Констатинополь и другія мѣста; балы эти положительно-начали мало по малу прекращаться тогда только, когда памфлетъ Ф. Ф. Вигеля сдѣлался извѣстнымъ, въ которомъ онъ коснулся до будуарныхъ сношеній, по большей части созданныхъ его желчью и больнымъ воображеніемъ; по этому не только собранія эти при немъ не получили свое начало, но, напротивъ, они и вовсе прекратились, такъ что во время его Калифатства въ повременномъ губернаторствованіи едва ли и были собранія, исключая званныхъ, заказныхъ. Въ это время какъ-то особенно образовались вечера у частныхъ семейныхъ лицъ, и независимо М. Е. Крупенскаго, у котораго они всегда продолжались, у Русскихъ: Фурмана, Вакара, Бѣлуги-Кохановскаго, Почтмейстера Алексѣева, Хотяева и другихъ; [94] изъ туземцовъ же у Маврагени, Земфераки и Мило. У Варѳоломея они прекратились. У проживавшихъ Молдаванъ и Валаховъ изъ Княжествъ: у Богданесы, часто дававшей и балы, у Разнована, у Князя Николая Суцо и т. п.; на всѣхъ этихъ вечеринкахъ Вигель никогда не присутствовалъ, по тому ли, что онъ вездѣ искалъ особеннаго себѣ поклоненія, какъ не вполнѣ еще разбитый кумиръ, или по тому, что самъ не хотѣлъ сойти съ пьедестала, на которомъ думалъ, что стоитъ выше обыкновенныхъ смертныхъ, опредѣлить не могу. Знаю только, что онъ отзывался какъ-то не въ пользу такихъ собраній и всегда вставлялъ что ни будь колкое на счетъ того, или другого, и, заявляя удивленіе, приговаривалъ: «Удивляюсь, что вы могли при-

[94] Болѣе многолюдные мужскіе были у меня, по тому что, независимо отъ другихъ, всѣ выходцы, Бояре и Греческіе Князья, изъ Константинополя, бѣжавшіе во время гетеріи, бывали у меня, какъ у лица, поставленнаго съ ними въ сношенія.

сутствовать въ этой канибальной бесѣдѣ!» и т. п. Разсказъ его о томъ, что будто бы онъ «упросилъ Генерала Желтухина (начальника 17-й дивизіи), не быть взыскательнымъ съ молодыхъ Офицеровъ,» долженствовавшихъ посѣщать его выдуманные балы, лишенъ всякаго смысла; то же самое слѣдуетъ сказать, что будто бы Полковникъ «Остафьевъ» (Астафьевъ, Александръ Филиппович, Командиръ Екатеринбургскаго полка) обѣщалъ, по его просьбѣ, давать даромъ» на эти, во снѣ видѣнные Вигелемъ, балы свою полковую музыку, что опровергается уже тѣмъ, что Екатеринбургскій полкъ никогда не имѣлъ штаба своего въ Кишиневѣ, а былъ расположенъ за 45 верстъ, въ г. Орхеѣ; что въ другомъ мѣстѣ говоритъ и самъ Вигель. Та же самая сказка и о старушкѣ, будто бы думавшей выйти за него замужъ: это намекаетъ онъ на Богданесу, проживавшую въ Кишиневѣ, по случаю гетеріи, побудившей ее оставить Яссы. Эта старуха, за шестьдесятъ лѣтъ, полуболѣзненная, мать Марики (Марьи), жены Гетмана Балта (извѣстнаго по оплеухѣ, данной ему А. С. Пушкинымъ), имѣла двухъ сыновей въ Яссахъ, безъ прикрасы одного съ «большой бородой,» другого съ «длиннымъ усомъ.» Едва ли Вигель видалъ ее иначе, какъ развѣ катающейся въ коляскѣ на богатыхъ жеребцахъ. Въ извѣстной его запискѣ или памфлетѣ она была крѣпко задѣта имъ. Эта старуха любила соединять у себя общество. Для поэзіи своего разсказа Филиппъ Филипповичъ создалъ романическую исторію, но очень невпопадъ; ибо если эта старуха и была неравнодушна (по преданіямъ, конечно) къ мужескому полу, то ни въ какомъ уже случаѣ Ф. Ф. не могъ возжечь въ ней этой страсти. Онъ употребилъ здѣсь ея имя единственно для того только, чтобы округлить чѣмъ либо выдуманную имъ «отъ скуки» небывальщину. Глава эта оканчивается варіяціями на эту же фальшивую тему.

XXXVIII.

Почтовая гоньба въ Бессарабіи. Русскіе верстовые столбы. Очистка рѣки Быка. Разведеніе Испанскихъ овецъ въ Новороссійскомъ краѣ. Неточности дальнѣйшихъ разсказовъ Вигеля.

Обращаюсь нѣсколько назадъ. Филиппъ Филипповичъ разсказываетъ (ч. 6-я, стран. 110), что «срокъ контрактамъ съ

содержателями почтъ приближался, и онъ самъ (Графъ Воронцовъ) пожелалъ, чтобы Руская ѣзда замѣнила Молдавскую, и чтобы на всѣхъ станціяхъ заведены были тройки и кибитки: одинъ Тирасполь поставилъ половину ямщиковъ на всю Область. Куда дѣвались каруццы (повозки) и суруджи (возницы, ямщики)?» Во первыхъ, неправильно сказано во множественномъ числѣ «контракты» и «содержатели почтъ.» Всѣ почты Области были сняты съ торговъ однимъ лицомъ, Постельникомъ Димитракіемъ Статаки, Молдавскимъ Бояромъ. Во вторыхъ, Тираспольскіе и нѣкоторые другіе ямщики сняли только нѣсколько станцій отъ Бендеръ до Бѣлгорода (Аккермана), но и они хотя и ввели Русскія телѣги, но лошади были большею частію Молдавскія, немногія упряжи были составлены изъ лошадей Херсонской Губерніи. Въ Кишиневѣ почту снялъ отставной фельдъегеръ Павловъ (изъ Армянъ); телѣгъ у него вовсе не было, а онъ завелъ Польскія брички, лошади же были всѣ Молдаванскія, и вся разница заключалась въ томъ только, что, вмѣсто управленія ими съ коня, возница изъ Молдаванъ управлялъ съ повозки. Остальныя почты въ Уѣздѣ содержались Молдаванами, Шляхтичами и Жидами. Въ Ясскомъ Уѣздѣ (Бѣльцы) былъ одинаковый же сбродъ. Всѣ почты Хотинскаго Уѣзда содержалъ одинъ Князь Г. М. Кантакузинъ, и упряжь была Молдаванская, съ коня; большею частію введены были малыя Польскія плетеныя брички, но оставалось нѣсколько и каруцъ для туземцевъ. Это были лучшія почты въ цѣлой Области какъ лошадьми, такъ и выборомъ суруджи всѣхъ, одѣтыхъ въ единообразную форму. Князь въ первое трехлѣтіе приложилъ много изъ своего кармана. Въ Измаильскомъ Уѣздѣ нѣсколько станцій были содержимы Старообрядцами, управлявшими лошадьми съ козелъ и т. д. Я вошелъ въ эти подробности по тому, что предметъ этотъ былъ мнѣ близко знакомъ; ибо, какъ онъ, такъ и проложеніе новыхъ трактовъ по Области, обработка дороги, поправка на оставшихся прежнихъ трактахъ, учрежденіе новыхъ почтовыхъ дворовъ и т. п., было возложено на меня, что и свидѣтельствуется многими офиціяльными актами. [35]

---

[35] На примѣръ: открытымъ предписаніемъ мнѣ, за № 4061, отъ 22 Декабря 1823 года, гдѣ, вмѣстѣ съ обозрѣніемъ трактовъ, предписывалось обозрѣніе всѣхъ карантинныхъ строеній Бессарабской Области, и потомъ утвержденіе представленнаго мною проекта, предписаніями Графа, за № 4251, отъ 16го Марта 1824 года, за № 6474, отъ 21 Іюля 1826, отношеніемъ Графа Ѳ. П.

Но Филиппъ Филипповичъ не кончаетъ еще: въ слѣдъ за приведеннымъ выше говоритъ, что почтовыя разстоянія въ Бессарабіи считались часами, «хотя они и были уже размежеваны,» (т. е. размежевана была одна только южная часть, Буджакъ), и присовокупляетъ: «Графъ вспомнилъ Мобежъ и какъ во Франціи ставилъ онъ Русскіе верстовые столбы: тутъ онъ имѣлъ болѣе права сдѣлать сіе и не оставилъ тѣмъ воспользоваться. Въ одной Буджацкой степи по безлѣсію, исполненіе встрѣтило нѣкоторыя затрудненія, но и тамъ, чрезъ полгода явились сіи деревянные знаки Русскаго владычества.»

Здѣсь довольно трудно опредѣлить: дѣйствительно ли Ф. Ф. позабылъ то, о чемъ онъ говоритъ, или уже по привычкѣ не стѣснять себя вымыслами, чтобы такъ опредѣлительно сказать, что не смотря на безлѣсіе Буджака: чрезъ шесть мѣсяцевъ, по преодолѣніи трудностей, верстовые столбы были поставлены!» Онъ оставилъ Бессарабію въ началѣ 1826 года; я же оставилъ ее въ 1828-мъ. Въ слѣдующемъ году, я проѣзжалъ чрезъ нее и наконецъ въ 1837, но и тогда во всей Области не было еще поставлено ни одного верстоваго столба, что началось только появляться въ 1840 году. Эти «Воспоминанія» о Бессарабскихъ верстовыхъ столбахъ превосходятъ даже Мобежскіе Русскіе верстовые столбы, окрашенные какъ у насъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ были каменные знаки, какъ объ этомъ сказано уже въ своемъ мѣстѣ а здѣсь не было ровно ничего. Ф. Ф. относитъ это къ 1823 году, тогда, какъ я получилъ предписаніе Графа только въ 1825 Марта 2, за № 2176, ** чтобы распорядиться о вымѣреніи,

---

Палена (замѣщавшаго Графа Воронцова, во время его отсутствія) къ исправлявшему должность начальника главнаго штаба Е. И. В. Графа П. А. Толстого, отъ 25 Марта, 1827 г., и множество тому подобнаго, что было бы приводить излишне. Но одно изъ предписаній нахожу необходимымъ привести вполнѣ, ибо оно торжественно уличаетъ Ф. Ф. Вигеля въ вымышленности, особенно о постановкѣ столбовъ.

** Предписаніе это слѣдующаго содержанія: «Удостовѣрясь лично о неудобствѣ нѣкоторыхъ дорогъ въ Бессарабіи и о возможности улучшить оныя, я просилъ Ваше Высокоблагородіе принять на себя трудъ осмотрѣть всѣ тракты, выгодные пути вмѣсто нынѣшнихъ, и вообще заняться устройствомъ сообщеній до желаемаго совершенства. На сей конецъ я подчиняю вамъ по сему дѣлу всѣхъ Цинутныхъ Землемѣровъ, съ назначеніемъ въ помощь особенно иностранца Фукса, которому опредѣляется жалованья въ годъ 300 рублей. Ваше Высокоблагородіе имѣете

посредствомъ Уѣздныхъ Землемѣровъ почтовыхъ дорогъ и обозначеніи мѣста для верстовыхъ столбовъ, что и было исполнено, но о столбахъ я велъ нескончаемую переписку, и только черезъ двѣнадцать лѣтъ, какъ я оставилъ Бессарабію, начали ихъ ставить.

Не менѣе замѣчателенъ, на слѣдующихъ 115 и 116 страницахъ, разсказъ его объ очисткѣ рѣки Быка. Описавъ вредное вліяніе этой рѣчки, онъ присовокупляетъ: «Графъ поручилъ Потье и другимъ Одесскимъ инженерамъ исчислить, во что можетъ обойтись такая операція? Эти господа привыкли дѣлать все на широкую руку, составили смѣту въ двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями. «Ну, гдѣ мы ихъ возмемъ?» печально сказалъ мнѣ Графъ. Черезъ нѣсколько времени я (Вигель) доложилъ ему, что нашелъ артиллерійскаго Капитана Эйтнера, который женился, вышелъ въ отставку, живетъ безъ дѣла и берется все это произвесть, и даже камнемъ выложить каналъ, за весьма умѣренную цѣну, всего за восемьнадцать тысячъ левовъ. Хорошо сдѣлалъ Графъ, что согласился, повѣрилъ и поручилъ мнѣ (Вигелю) за-

---

заняться слѣдующимъ: 1, измѣрить дороги и назначить мѣста для выставленія верстовыхъ столбовъ, которые между тѣмъ будутъ приготовляться. 2, Открыть лучшій и ближайшій трактъ для почтоваго сообщенія Кишинева съ Измаиломъ, а также особо съ Бендерами по правой сторонѣ рѣки Быка. 3, Удостовѣриться на счётъ выгоднѣйшей дороги отъ Бендеръ до Аккермана, мимо Каушанъ; и 4, Потребовать отъ Исправниковъ, силою сего предписанія, дабы они занялись исправленіемъ дорогъ, выканываніемъ каналовъ, насажденіемъ деревъ, или устроеніемъ пирамидъ изъ камня, или изъ земли, смотря по мѣсту и удобству. Само собой разумѣется, что работы сіи должны быть произведены весною и осенью, въ свободное время отъ полевыхъ занятій. Что вами по сему будетъ сдѣлано, вы обязываетесь доносить мнѣ, и въ нужныхъ случаяхъ испрашивать моихъ разрѣшеній. О выполненіи вашихъ требованій Землемѣрами и Исправниками, исправляющій должность Гражданскаго Губернатора предпишетъ имъ, въ слѣдствіе моего отношенія нынѣ же къ нему отправляемаго. Прогонныя деньги для вашихъ разъѣздовъ вы можете требовать отъ исправляющаго должность Гражданскаго Губернатора. Подлинный подписалъ: Новороссійскій Генералъ Губернаторъ и полномочный Намѣстникъ Бессарабской Области Графъ Воронцовъ.» Должность Губернатора исправлялъ Ф. Ф. Вигель, и изъ приведеннаго предписанія видно, какое участіе онъ принималъ въ прокладкѣ и исправленіи, въ назначеніи мѣстъ для построенія станцій и обозначенія мѣстъ для верстовыхъ столбовъ, которые онъ мысленно поставилъ въ 1825 году, тогда какъ ихъ едва начали ставить чрезъ 15 лѣтъ послѣ его выбытія изъ Бессарабіи, и объ этомъ велъ я нескончаемую переписку.

няться этимъ.» Далѣе разсказываетъ, какъ уничтожены были двѣ мельницы; какъ онъ, при морозѣ въ 12, присутствовалъ при спускѣ изъ озера воды и т. п., и заключаетъ: «Не знаю, право, хотя единый человѣкъ сказалъ ли спасибо Графу, и тѣмъ, коихъ онъ употреблялъ?»

Здѣсь опять нѣтъ и слова правды. Въ первые дни прибытія Графа въ Кишиневъ, когда Вигель былъ только еще на пути изъ Петербурга въ Одессу, а, можетъ быть, еще и не оставлялъ перваго, какъ обозрѣніе р. Быка и составленіе проекта объ очищеніи его возложено было лично Графомъ на меня. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ проектъ этотъ былъ составленъ и представленъ Графу въ 1825 году. [97] Для приведенія его въ исполненіе нужно было уничтожить плотину, образующую огромный ставъ (прудъ) на землѣ Прункула, гдѣ поставлены были имъ двѣ мельницы. По справкамъ оказалось, что на образованіе такого става, который былъ вреденъ для города, Прункулъ не имѣлъ права, по тому и было предположено приступить къ работамъ. Графъ присылалъ ко мнѣ двухъ частныхъ инженеровъ-архитекторовъ: Делакву и Баярди, на тотъ конецъ, не будутъ ли они полезны въ предпринимаемомъ дѣлѣ, но я нашелъ, что присутствіе ихъ было вовсе не нужно, и они потомъ употреблены были Графомъ при постройкахъ его въ Мошнѣ (Кіевской Губерніи, въ имѣніи Графини). Потье никогда не пріѣзжалъ по сему предмету въ Кишиневъ, да едва ли онъ когда либо и видѣлъ оный; ибо каждый разъ, какъ я бывалъ въ Одессѣ, видѣлся съ нимъ, и изъ разговоровъ не трудно было заключить, что Бессарабія ему вовсе не извѣстна. Одинъ разъ я посланъ былъ Графомъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ Царицынъ, гдѣ тогда опять задумали соединеніе Дона съ Волгой; а другой (вмѣстѣ съ Подполковникомъ Генеральнаго Штаба, Графомъ Серистори, временно состоявшимъ при Графѣ Воронцовѣ), въ с. Маяки, отъ котораго хотѣли провести Днѣпровскую воду въ Одессу.

Потье, одинъ изъ Французскихъ Офицеровъ путей сообще-

---

[97] И здѣсь могу представить въ удостовѣреніе и оный въ подлинникѣ и предписаніе Графа отъ 17-го Августа 1825 г., за № 6101, въ разрѣшеніе моихъ рапортовъ, за №№ 39, 40, 41, о встрѣтившихся препятствіяхъ въ томъ, что у помѣщика Рышкана, владѣльца лѣвымъ берегомъ р. Быка, противъ Кишинева, устроены длинныя плотины и т. п., и о внесеніи расходовъ на этотъ спускъ на счетъ дорожныхъ повинностей городскихъ и Цинутныхъ и т. д.

нія, которые, какъ извѣстно, по заключеніи Тильзитскаго мира, перешли въ нашу службу. Потье получилъ назначеніе въ Одессу, гдѣ Генералъ-Губернаторомъ былъ тогда Дюкъ де Ришелье. Въ то же время Французъ Рувье подалъ проектъ Дюку о вывозѣ Испанскихъ овецъ, которыхъ, по причинѣ народной войны съ Французами, можно было пріобрѣсти съ выгодой для казны. Условія его были слѣдующія: онъ не требовалъ ни платы за овецъ, ни расходовъ для доставленія ихъ, но, по мѣрѣ ихъ прибытія, онъ просилъ объ отводѣ ему въ собственность на каждую по одной десятинѣ земли въ Крыму, на которую онъ указывалъ. Сдѣлка состоялась и, въ продолженіе немногихъ лѣтъ, онъ перевелъ изъ Испаніи на Крымскій полуостровъ 30,000 овецъ, и получилъ въ собственность соотвѣтственное число десятинъ. Между тѣмъ приплодъ послужилъ основаніемъ разведенія этой породы въ Новороссійскомъ краѣ. Графъ Сенъ-При, находившійся при Дюкѣ (въ послѣдствіи Губернаторъ въ Каменецъ-Подольскѣ), былъ однимъ изъ главныхъ пріобрѣтателей, а отъ него и другіе. Рувье сдѣлался богачемъ: онъ имѣлъ трехъ дочерей, и за каждой онъ давалъ по третьей части своего состоянія. На старшей изъ нихъ женился Потье и, обезпечивъ свою будущность, онъ мало заботился о своихъ служебныхъ обязанностяхъ. Онъ былъ тяжелъ на подъемъ и въ мѣста прямыхъ своихъ обязанностей. Въ то время, когда говоритъ о немъ Вигель, онъ былъ уже Генераломъ. На второй дочери Рувье женился Одесскій же негоціянтъ, Французъ Васаль. Третья засидѣлась было, по уродливости своей, но Піемонтецъ Мари (бывшій до 1808 года моимъ гувернеромъ), женился на ней и пріобрѣлъ болѣе другихъ, такъ какъ она была любимою дочерью, а по тому отецъ, по смерти своей, отказалъ ей всю движимость и имѣвшійся на лицо собственный капиталъ. Въ первыхъ родахъ она умерла, завѣщавъ все мужу, который и уѣхалъ въ Піемонтъ. Потье же и Васаль остались въ Одессѣ, пріобрѣтя отъ Мари удѣлъ его жены.

Этнеръ, а не «Эйтнеръ» дѣйствительно былъ артиллерійскій Капитанъ. Онъ, женившись, вышелъ въ отставку: жена его открыла женскій пансіонъ въ Бендерахъ; когда онъ былъ назначенъ Областнымъ Архитекторомъ, то переѣхалъ въ Кишиневъ (пансіонъ былъ тоже перенесенъ). Я издавна былъ знакомъ съ нимъ и вполнѣ цѣнилъ его способности; онъ зналъ технику, и занялся распоряженіями, въ подробности которыхъ я вовсе не входилъ, по тому что понималъ ихъ несравненно менѣе. Производство ра-

ботъ дѣлалось хозяйственнымъ образомъ, и Этцеръ получалъ слѣдовавшія деньги по ассигновкамъ Графа, и тутъ Вигель могъ его видѣть. Объ «обложеніи канала камнемъ» не было и помысла: это создано, какъ и верстовые столбы, воображеніемъ. По спускѣ става рѣчка взяла правильное направленіе, осушила берега, и Болгары тотчасъ разобрали все пространство для огородовъ и окончательно осушили свой правый берегъ. Въ итогѣ, не только что спускъ стоилъ что либо городу, но арендная плата далеко вознаградила первоначальныя издержки, и продолжаетъ до сихъ поръ вознаграждать ихъ. Замѣчательна и цифра, выставленная Вигелемъ «съ обложеніемъ береговъ камнемъ,» и все за 16,000 левовъ: по тогдашнему курсу это составляло 1,600 р. сер. (въ настоящее время только около 500 р.); при томъ слѣдуетъ еще замѣтить, что вблизи Кишинева нѣтъ и камня!

Далѣе Ф. Ф., со стран. 117, разсказываетъ о своихъ занятіяхъ, не безъ примѣси также фантастическихъ эпизодовъ и сужденій, о «вольнодумцѣ Пушкинѣ,» о «цѣломудренномъ Инзовѣ,» о «Полихроніи,» съ которою будто бы его познакомилъ Пушкинъ. Здѣсь составилъ онъ сказку, не стоющую даже и возраженія, о поѣздкѣ его со Стурдзою, полную вымысла, невѣрностей и противорѣчій самому себѣ; наконецъ, что «въ Хотинъ заѣхали къ Русскому Полковнику, Князю Георгію Матвѣевичу Кантакузину. У него было неподалеку прекрасное помѣстье Отаки, на Днѣстрѣ; не знаю, по чему предпочиталъ онъ ему пустой и скучный Хотинъ» и т. д. И въ томъ, что сказано уже, нѣтъ слова истины. Здѣсь надо еще замѣтить, что между Кн. Г. М. Кантакузинымъ и Ф. Ф. Вигелемъ сношенія какъ-то не клеилиcь: первый веселаго характера, часто подшучивалъ надъ послѣднимъ, конечно, не въ глаза, но не менѣе того Вигель зналъ это, и какъ ни старался онъ сблизиться съ нимъ, но не могъ успѣть въ томъ. Скоро послѣ этой-то поѣздки Вигель прислалъ ко мнѣ чрезъ Алексѣева письмо, приведенное уже выше. Мѣстечко Отаки принадлежало не ему, а брату его, Камеръ-Юнкеру Александру, было около ста верстъ отъ Хотина, и во всякомъ случаѣ, какъ бы ни былъ пустъ и скученъ Хотинъ, но онъ представлялъ несравненно болѣе средствъ и общества, нежели Жидовское мѣстечко. Имѣніе Кн. Г. М. находилось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ м. Бричалъ; онъ избралъ для пребыванія своего с. Маркоуцы и пока строился тамъ домъ, онъ жилъ въ Хотинѣ, въ собственномъ домѣ, несравненно лучшемъ, нежели домъ брата его въ Отакахъ.

Выдавалъ Князь замужъ за «Маіора» (Гіевскаго) не «побочную сестру свою» а побочную племянницу, дочь старшаго его брата, Полковника, убитаго при Бородинѣ. На свадьбѣ Вигель не былъ, что можетъ подтвердить, если еще живъ, Михайло Семеновичъ Гіевскій [98] и другіе. Въ поѣздкѣ Вигеля въ Черновцы много прибавлено: Михайла Стурдзу (въ 1832 году Господарь Молдавіи) онъ зналъ и прежде въ Кишиневѣ, гдѣ этотъ большею частію жилъ у сетры своей, Маврогени; отецъ же, Григорій, говорилъ по Французски.

XXXVIII.

Случай съ Императоромъ Александромъ 1 подъ Черновицами. Страшный разбойникъ Урсулъ. Поимка его съ товарищами. Чума. Анекдотъ объ И. В. Сабанѣевѣ.

Но все это вздоръ; пусть желающіе вѣрятъ; тутъ еще небольшая бѣда, если бы и дѣйствительно Григорій Стурдза не говорилъ по Французски, а у Михайлы были бы и не рыжіе волосы и т. п.; но вотъ непростительная чушь, которую восхищающіеся «Воспоминаніями» этими примутъ за чистую монету, какъ историческое событіе. Вотъ что говоритъ онъ на стр. 129: «Въ верстѣ отъ города (Черновцы) былъ, однако, и Русскій монастырь, только Старовѣрческій. Въ 1823 году Императоръ Александръ не подалеку отъ стѣнъ его прогуливался одинъ, какъ вдругъ былъ настигнутъ цѣлой стаей ужасныхъ псовъ; онъ сломилъ крѣпкій сукъ и, съ свойственною ему отважностію, сталъ защищаться отъ сихъ новаго рода непріятелей. Жизнь его была въ опасности (!): это увидѣли изъ монастыря, прибѣжали на помощь и просили посѣтить ихъ обитель. На память онъ оставилъ имъ огромную палку, которая служила ему для защиты: они обдѣлали, оковали ее въ серебро, съ надписью. Мнѣ хотѣлось видѣть и монастырь и палку, но некогда было. Въ послѣдствіи вѣр-

---

[98] Гіевскій служилъ въ гвардейскомъ гренадерскомъ полку; его рота была наряжена сопровождать въ крѣпость часть Семеновцевъ, вышедшихъ изъ повиновенія въ 1820 году. При этомъ сдѣлано было какое-то упущеніе и Гіевскій былъ переведенъ Маіоромъ въ Селенгинскій полкъ.

ная, постоянная союзница наша, Австрія, обратила его въ мѣстопребываніе Раскольничьяго Архіерея и учредила особую Епархію, дабы изъ Россіи могли стекаться домашніе противники нашей вѣры.»

Я былъ свидѣтелемъ здѣсь разсказываемаго. Передъ назначеннымъ общимъ смотромъ и маневрами 2й арміи въ окрестностяхъ Тульчина, Государь предположилъ имѣть свиданіе съ Императоромъ Францомъ въ Черновцахъ. Графъ Воронцовъ, воспользовавшись симъ, пожелалъ представиться Государю въ Черновцахъ. отстоящихъ отъ границы ввѣреннаго ему края въ 25 верстахъ. Прибывъ въ Кишиневъ и получивъ отъ нашего Посла, Татищева, разрѣшеніе, онъ отправилъ свою свиту прямо въ Тульчинъ, оставивъ при себѣ только Заваліевскаго и взялъ меня. По пріѣздѣ въ Новоселицу, я былъ посланъ въ Черновцы узнать о точномъ времени прибытія Государя; исполнивъ это въ ночь, я возвратился, и съ разсвѣтомъ Графъ отправился въ Черновцы; на третій день онъ приказалъ мнѣ и Заваліевскому ѣхать въ Тульчинъ, гдѣ я и засталъ уже А. И. Левшина, М. И. Лекса и другихъ изъ штата Графа.

Дѣйствительно, Государь, прогуливаясь за городомъ, подвергся нападенію собакъ, но, приближаясь къ монастырю—цѣли его прогулки, онъ взялъ въ руки сукъ, и когда выбѣжали монахи и отогнали собакъ, Государь вошелъ въ скитъ, одарилъ его и, по просьбѣ Настоятеля, изъявилъ свое сосласіе, чтобы брошенный имъ сукъ и поднятый монахами, былъ, съ его согласія, хранимъ въ монастырѣ. Вотъ пока, съ грѣхомъ по поламъ, справедливость въ разсказѣ Вигеля: остальное все—невѣжественное изобрѣтеніе. Во первыхъ, монастырь или, лучше сказать, скитъ Православный, а не Старообрядческій, который потомъ сочинителемъ «Воспоминаній» разжаловывается въ Раскольничій: ему особенно должно быть близко извѣстно различіе Старообрядчества отъ Раскола. Но и не въ этомъ еще суть, а въ томъ, что Ф. Ф. Вигель говоритъ, что въ монастырѣ этомъ, отстоящемъ на версту отъ Черновцовъ, въ послѣдствіи учреждена Раскольничья Епархія. Эта послѣдняя учреждена не въ этомъ монастырѣ, или скитѣ, лежащемъ отъ Черновцовъ въ одной верстѣ, а въ Бѣлой Криницѣ, на Молдаванскомъ языкѣ не иначе именуемой, какъ Фантина Альба (что знаменуетъ то же), отстоящей отъ Черновцовъ около 50 верстъ. Могъ ли Государь прогуливаться за десятки верстъ пѣшкомъ такъ далеко отъ мѣста своего пребыванія? Кто не знаетъ мѣстности и

событій, пожалуй, скажетъ, что Вигель добросовѣстный историческій повѣствователь. Онъ забавенъ своимъ ѣдкимъ разсказомъ, часто завлекающимъ игрою словъ, но не болѣе.

Изъ Черновцовъ Вигель направляетъ обратный путь въ Кишиневъ, чрезъ Скуляны, и «Воспоминанія» его носятъ тотъ же характеръ вымысловъ съ прикрасами, вовсе не заботясь объ истинѣ. По пріѣздѣ въ Кишиневъ описываетъ (стр. 133) поимку знаменитаго разбойника Урсула, [**] но и здѣсь, входя въ подробности, искажаетъ всю истину. Урсулъ, Богаченко и Соболевъ, Кременчугскій мѣщанинъ (а не Славичъ, будто усыновленный Урсуломъ), въ Понедѣльникъ, на Св. Недѣлѣ, въ четыре часа по полудни, верхами, большою рысью, въѣхали въ городъ, въ плащахъ, подъ которыми имѣли обычное вооруженіе, и направились прямо къ площади, гдѣ были устроены качели и уже довольно народа. Нужно замѣтить, что предъ тѣмъ Урсулъ останавливался въ долинѣ «Малина,» отстоящей отъ города на четыре версты и, купивъ изъ стада барашка, началъ его жарить, а пастуха послалъ въ корчму за виномъ. Пастухъ, подозрѣвая, что это Урсулъ, за котораго назначена была значительная награда, сказалъ корчмарю, который тотчасъ побѣжалъ въ городъ. Оттуда было послано нѣсколько драгунъ за Урсуломъ, который, по возвращеніи пастуха, тотчасъ отправился въ городъ, чтобы высмотрѣть мѣсто съ тѣми, которые его вызвали для ограбленія ночью онаго. Драгуны разъѣхались съ нимъ; ибо изъ этой долины въ городъ ведутъ многія дорожки. Узнавъ отъ пастуха, по какой дорогѣ поѣхалъ Урсулъ, они пустились за нимъ. При самомъ въѣздѣ въ городъ Урсулъ, замѣтивъ погоню, пустился отъ нея, сдѣлавъ противъ Почтовой Конторы изъ пистолета выстрѣлъ по мужику, скакавшему на куруцѣ за нимъ. За тѣмъ разбойники своротили вправо, по длинной и узкой Жидовской улицѣ, ведущей въ нижнюю часть города, ранивъ ятаганомъ Жида, пытавшагося остановить лошадь самаго Урсула, и такъ выбрались въ Булгарію (нижняя часть города) и бросились къ болотистымъ берегамъ р. Быка, за ними Болгары и захватили Урсула и Соболева, у которыхъ завязли лошади; Богаченко же ушелъ, и только черезъ годъ былъ пойманъ и засѣченъ кнутомъ; слѣдовательно, Вигель видѣлъ только двухъ: Урсу-

---

[**] Покойный А. Ѳ. Вельтманъ написалъ превосходную повѣсть о семъ разбойникѣ, котораго видѣлъ въ Кишиневѣ и пр.

ла и Соболева, котораго онъ назвалъ Славичемъ, да еще и усыновленнымъ Урсуломъ. Но и это еще не все. Онъ говоритъ, что Богаченко бѣжалъ, успѣвъ кого-то подкупить; что за тѣмъ судъ, продолжавшійся все лѣто, и Урсулъ и Славичъ (Соболевъ) были наказаны и т. д. Между тѣмъ, какъ замѣчено выше, Богаченко и не былъ пойманъ, а изъ Полиціи бѣжали Урсулъ и Соболевъ, но чрезъ мѣсяцъ были пойманы въ корчмѣ, въ верстѣ отъ Кишинева, лично Полицiймейстеромъ, Полковникомъ Я. Н. Радичемъ, которому Графъ далъ срокъ къ ихъ поимкѣ, по тому что Урсулъ бѣжалъ изъ Полиціи съ разсвѣтомъ дня, не смотря на караулъ и т. п. Радичъ употребилъ для сего значительныя деньги, давшія, какъ почти и во всѣхъ случаяхъ, удовлетворительный итогъ. Богаченко же, какъ замѣчено выше, былъ пойманъ спустя годъ, то же посредствомъ подкупа. Заключенный въ острогѣ, онъ взбунтовалъ другихъ и, среди дня, успѣлъ почти со всѣми заключенными, обезоруживъ караулъ изъ внутренней стражи, бѣжать; но такъ какъ у него и у другихъ кандалы были не сбиты, то они остановились для сего на Жидовскомъ кладбищѣ, въ верстѣ отъ острога, лежавшемъ почти на самой оконечности города, по дорогѣ въ Скуляны. По сдѣлавшейся тревогѣ, рота 33-го егерскаго полка бросилась за ними и, вступивъ въ перестрѣлку, захватила ихъ. Ф. Ф. Вигель долженъ былъ бы помнить это очень хорошо; ибо онъ въ этотъ день, 8 Ноября, обѣдалъ въ клубномъ домѣ, на именинахъ своего Совѣтника, Михайла Григорьевича Буткова, и когда сдѣлалась тревога, ударили въ колокола и барабаны, мы всѣ вышли на балконъ. Во всемъ параграфѣ событія перепутаны и во времени.

Послѣ сего Ф. Ф. говоритъ о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, но съ одинаковою точностію, и на стран. 136-й очень наивно разсказываетъ: «Вдругъ, рано по утру, 15-го числа, прошелъ слухъ, будто въ Измаилѣ открылась чума. Опасаясь, чтобы на Днѣстрѣ долго не задержали меня въ карантинѣ, я въ то же утро собрался въ путь. Все было уложено, коляска подвезена къ крыльцу, какъ вдругъ я замѣтилъ на столѣ второпяхъ забытую бумагу: это была черновая записка моя о Бессарабіи. Тутъ случился одинъ только Секретарь Совѣта, Скляренко. Я попросилъ его взять сію, ему одному извѣстную, [100] бумагу и спрятать у себя. Сіе дѣйствіе

---

[100] Какъ замѣчено уже выше, она была извѣстна всѣмъ, и самъ Ф. Ф. хлопоталъ о томъ, и здѣсь событія сбиты до путаницы.

торопливости, какъ увидятъ далѣе, имѣло для меня важныя послѣдствія.» Объ этомъ уже было говорено. Ф. Ф. быстро поскакалъ по «Бендерской дорогѣ,» спасаясь отъ чумы.

Послѣдствія этой записки разсказаны выше, а здѣсь онъ повѣствуетъ о больной четырехлѣтней дочери Графа, о причинахъ отсылки Пушкина изъ Одессы, съ отклоненіемъ отъ истины въ разсказѣ, и наконецъ объ отплытіи Графа въ Крымъ. За тѣмъ, съ примѣсью фантазіи, разсказъ объ Австрійскомъ Консулѣ Томѣ, о пріѣздѣ своемъ въ Кишиневъ, какъ видѣли выше, въ связи съ запиской, опять путешествіе въ Одессу, назначеніе въ должность Вице-Губернатора и возвращеніе въ Кишиневъ: все это дѣлается съ полною волей воображенія, безъ всякой послѣдовательности. Перейдя въ седьмую часть своихъ «Воспоминаній,» семь страницъ наполняетъ разными разсказами о Петербургѣ и другихъ мѣстахъ, о множествѣ лицъ, оцѣниваемыхъ по его правилу, и со стран. 8-й говоритъ о Бессарабіи, начиная съ предстоящихъ выборовъ, по поводу которыхъ онъ и написалъ мнѣ выше упомянутое письмо, и переходитъ къ чумѣ. Длинно было бы указывать здѣсь на все то, въ чемъ Ф. Ф. совершенно отклоняется отъ истины, на всю перепутанность, неточность въ указаніи мѣстности и т. п. Что же касается до сдѣланныхъ имъ по этому предмету распоряженій, на которыя уполномочивался Губернаторомъ: «Въ ночи съ 17-го на 18-е число, въ четыре часа утра, говоритъ онъ, я былъ пробужденъ нарочнымъ, отправленнымъ ко мнѣ отъ Катакази. Увѣдомляя меня о семъ несчастіи, какъ говорилъ онъ, ручался только за безопасность мѣстъ, окружающихъ Измаилъ, и объявлялъ, что дальнѣйшія мѣры будутъ зависѣть отъ моихъ распоряженій. Вѣсть для меня совсѣмъ незабавная и дѣло совсѣмъ новое.» Забавенъ разсказъ его о заболѣвшей въ Кишиневѣ старухѣ, такъ напугавшей его. Представленныя мѣры, предпринятыя Вигелемъ, были «не одобрены Графомъ.» Онъ увѣдомилъ, что «скоро самъ чрезъ Кишиневъ проѣдетъ въ Измаилъ.» Дѣйствительно, Графъ не замедлилъ пріѣхать съ М. И. Лексомъ и Адъютантомъ А. М. Золотаревымъ. Вигель пишетъ, что Графъ ему сказалъ: «Что это вы надѣлали!» и когда онъ объяснилъ ему, что это было сдѣлано на основаніи требованія Генерала Желтухина (Сергѣя Θедоровича), начальника 17-й пѣхотной дивизіи, то будто бы онъ возразилъ ему: «Охота было вамъ его слушаться» и т. д. На другой день Графъ взялъ и меня, выѣхалъ къ Измаилу, около котораго находился уже Командиръ

6-го корпуса, Генералъ отъ Инфантеріи Сабанѣевъ. Тутъ принесены были Графу жалобы на стѣснительныя и разорительныя распоряженія Ф. Ф. Вигеля, о чемъ онъ и самъ говоритъ. Здѣсь не лишнимъ привести оригинальное замѣчаніе Сабанѣева. Графъ пріѣхалъ въ с. Браску (родъ форштата Измаила съ западной стороны), передъ самымъ обѣдомъ, прямо къ И. В. Сабанѣеву. За столомъ Графъ сказалъ ему, что необходимо было бы назначить одного Генерала безсмѣнно завѣдывать цѣпью, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ это уже сдѣлалъ, вытребовавъ Ж.... и поручилъ ему зачумленную роту отвести далѣе и смотрѣть за цѣпью, окружающею зачумленныя и сомнительныя мѣста. «Помилуй, Иванъ Васильевичъ, какъ ты могъ поручить такому человѣку, который всего боится?» «Именно-то здѣсь и нужно такого человѣка, отвѣчалъ Сабанѣевъ: онъ будетъ оберегать себя, и ты увидишь, что онъ и день и ночь будетъ въ цѣпи смотрѣть, чтобы чума не добралась до него.» Графъ и всѣ тутъ бывшіе, смѣясь, согласились съ доводами Сабанѣева, и дѣйствительно Ж.... былъ неутомимъ.

По возвращеніи Графа отъ Измаила Вигель «замѣтилъ въ немъ къ себѣ перемѣну;» но дѣло было въ томъ, что Ф. Ф., за двѣсти верстъ отъ чумы, за распространеніемъ которой наблюдали на мѣстѣ: Сабанѣевъ, Графъ Воронцовъ, Инзовъ, Катакази и другіе, знакомые съ нею, былъ перепуганъ до смѣшной степени, можно сказать, что ему недоставало только, какъ это съ кѣмъ-то было, садиться въ ванну и въ ней выслушивать докладъ и подписывать бумаги.

XXXIX.

Безкорыстіе Вигеля въ откупномъ дѣлѣ. Путешествіе Вигеля въ южную Бессарабію. Маіоръ Тисскій. Аккерманскіе сады. Тарданъ и Графъ Наравичини. Назначеніе Лѣсничаго въ Бессарабіи. Отзывъ Губернатора Тимковскаго.

Послѣ того, какъ Ф. Ф. замѣтилъ въ обращеніи Графа «небольшую перемѣну:» «Ну, продолжаетъ онъ, «сказалъ я самому себѣ: «Пропало мое Губернаторство!» что скоро и самъ Графъ подтвердилъ» и т. д. Но изъ самаго въ слѣдъ за симъ разсказа очень ясно, что гораздо прежде мудрыхъ его распоряженій по чумѣ,

дѣло уже шло о назначеніи Губернаторомъ Тимковскаго; слѣдовательно, были тому другія причины. Ф. Ф. утѣшается и обращается къ операціи отдачи на откупъ винной продажи въ Кишиневѣ и пр. Здѣсь дѣйствительно Ф. Ф. показалъ полное безкорыстіе, увеличивъ откупную сумму болѣе нежели вдвое. Должно отдать ему полную справедливость, что онъ достойно выполнилъ все, подготовленное предмѣстникомъ его, Петрулинымъ, труды котораго въ этомъ случаѣ онъ не скрываетъ. За симъ отправляется въ южную Бессарабію обозрѣвать соляныя озера и т. п.

Путешествіе это замѣчательно тѣмъ, что вездѣ, гдѣ былъ оказанъ ему мѣстными Уѣздными властями почетный пріемъ, тамъ перо его стихаетъ. Такъ, на примѣръ, въ Аккерманѣ (ч. 7-я, стр. 18), въ похвалахъ своихъ Полиційместеру Бѣликовичу, онъ все таки не могъ удержаться отъ частицы отрицательной и довольно значительной, чтобы не отравить и то хорошее, которое сказалъ самъ о немъ; вотъ его слова: «По приглашенію Полиційместера, обрусѣвшагося Поляка, Антона Кузмича Бѣликовича, я остановился у него. Онъ былъ очень близорукъ и часто разсѣянъ, что не мѣшало ему быть искательнымъ и дальновиднымъ на счетъ выгодъ по службѣ. Жена его, Теофила Осиповна, также Полька, довольно молодая, старалась быть со мной отлично любезной. Въ обоихъ было старинное гостепріимство, и не для меня одного, а для всѣхъ.» Почести, оказанныя Бѣликовичами Ф. Ф. въ свое время, онъ не забывалъ и всегда въ разговорахъ выставлялъ его за образцоваго Полиційместера. У него былъ еще любимецъ, Полиційместеръ Г-да Бѣльцъ (Ясскаго Уѣзда), тоже, какъ и Бѣликовичъ, изъ отставныхъ военныхъ, Маіоръ Тисскій, Георгіевскій кавалеръ; не знаю, какъ онъ не упомянулъ его!! Правда, онъ не останавливался у него, но, будучи врагомъ всего Нѣмецкаго, онъ восхищался имъ за очень извѣстное, въ свое время, съ нимъ происшествіе. Если оно можетъ здѣсь имѣть мѣсто, я разскажу его въ короткихъ словахъ: Послѣ Кульмскаго сраженія, владѣлица Теплица дала блестящій балъ для Государей. Само собою разумѣется, что на балѣ находилось до сотни Генераловъ всѣхъ степеней и большое число Офицеровъ всѣхъ союзныхъ армій. Балъ былъ открытъ Императоромъ Александромъ съ хозяйкой; послѣ одного круга взялъ ее Прусскій Король. Государь принялъ слѣдовавшую за нимъ даму, по окончаніи круга взялъ хозяйку Блюхеръ и, заговорившись съ ней, началъ второй кругъ. Молодежи это не понравилось: ей хотѣлось принять скорѣе участіе въ

болѣе живыхъ плясках. Владимирскаго мушкатерскаго полка Капитанъ Тисскій, на канунѣ получившій Георгіевскій крестъ (а надо знать, чтó въ то время это значило), былъ подстрекнутъ товарищами отбить отъ Блюхера даму и кончить Польскій. Недолго думая, онъ подошелъ къ первой парѣ, подалъ знакъ передачи ему дамы, что Блюхеръ сдѣлалъ очень любезно, взявъ слѣдующую за нимъ у Короля Прусскаго и т. д. Тисскій довелъ хозяйку до мѣста, съ котораго она была поднята, и откланялся. Но едва онъ отошелъ, какъ тотчасъ долженъ былъ слѣдовать изъ залы за Комендантомъ. Блюхеръ, узнавши это, немедленно испросилъ у Государя позволеніе Тисскому оставаться на балѣ. Онъ сказалъ Государю, что «этотъ храбрый Офицеръ, въ глазахъ его командуя подъ Кацбахомъ батальономъ, взялъ семь пушекъ и здѣсь одну» (намекая на хозяйку, весьма толстую). Государь уважилъ на этотъ разъ просьбу Блюхера: Тисскій былъ возвращенъ на балъ, но послѣ Сакенъ арестовалъ его на недѣлю. Вигель былъ въ восторгѣ, что Русскій Капитанъ отбиваетъ у Французовъ пушки для Нѣмецкаго Фельдмаршала, а у него даму его и т. п.

Такую смѣсь представляютъ всѣ отзывы, дѣлаемые Вигелемъ даже и о тѣхъ, о которыхъ ему и не хотѣлось бы сказать чего либо злаго, но это, по видимому, было ему не возможно: все хорошее сосредоточивается только на его сестрѣ, братѣ, Алексѣевѣ и на весьма маломъ числѣ, но и тутъ не безъ какого либо намека.

Разсказъ его, стран. 19-я, объ Аккерманскихъ садахъ въ началѣ довольно вѣренъ, но что относится до продолженія, то совершенно иное. Сказавъ, что вскорѣ послѣ изгнанія Турокъ садами владѣли кто хотѣлъ, безъ всякихъ актовъ, присовокупляетъ: «Симъ воспользовался одинъ чудакъ (!), Сардинскій Графъ П-ини. До Тильзитскаго мира была мода принимать въ нашу службу Піемонтскихъ Офицеровъ: онъ попалъ въ число ихъ и былъ опредѣленъ не менѣе, какъ Подполковникомъ по арміи. Отсутствіе крестовъ и медалей на груди его показывало, что въ военное время онъ употребленъ не былъ. Потомъ онъ былъ Полковникомъ; наконецъ, уволенный съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, искалъ мѣста: Графъ назначилъ сего Графа Областнымъ Лѣсничимъ въ Бессарабію, создавъ для него сіе мѣсто, не совсѣмъ соотвѣтствующее его высокому чину.» Прежде чѣмъ продолжать текстъ, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній на выше приведенное: «Чудакъ П-ини,»—это Полковникъ Графъ Паравичини де Пистолоцци, родомъ изъ Швейцаріи, гдѣ, занимаясь ботани-

кой, написалъ о ней какую-то книгу, и былъ близко знакомъ еще на родинѣ со Швейцарцемъ Тарданомъ, который, около года до вступленія Графа Воронцова въ управленіе Бессарабіею, учредилъ Швейцарскую колонію въ части селенія Шаба, въ четырехъ верстахъ отъ Аккермана (Бѣлгорода), по заливу къ морю. Главною его цѣлью было разведеніе и улучшеніе виноградныхъ садовъ и винодѣлія. Тарданъ былъ извѣстнымъ ботаникомъ-практикомъ и писалъ по сему предмету сочиненія. Когда Графъ Воронцовъ, въ первый разъ, въ 1823 году, пріѣхалъ въ Аккерманъ, Тарданъ явился къ нему, и Графъ посѣтилъ Шабу, осмотрѣлъ ближайшій виноградникъ, нѣсколько выведенныхъ изъ Швейцаріи коровъ, для приготовленія сыра, и главное, на что болѣе онъ обратилъ вниманіе, это были разнаго рода быстрорастущія колючія растенія, которыми обнесены сады, огороды и т. п., защищающія ихъ отъ наноса песку, и пожелалъ, чтобы онъ имѣлъ всегда достаточное количество для сего сѣменъ, какъ весьма важныхъ въ степномъ краѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была рѣчь объ Аккерманскихъ садахъ, и Графъ просилъ Тардана сдѣлать имъ «un aperçu.» Чрезъ мѣсяцъ это было исполнено. Графъ положилъ устроить въ Аккерманѣ Императорскій виноградникъ и садъ, преимущественно для разведенія разныхъ лѣкарственныхъ травъ. Не знаю, зналъ ли Графъ прежде Паравичини, или намекнулъ ему о немъ Тарданъ, только Паравичини, въ чинѣ Полковника, назначенъ былъ начальникомъ устраиваемаго въ Аккерманѣ сада, чѣмъ онъ, до 1826 года включительно и былъ, оставаясь Полковникомъ, и занимался тогда, когда Вигель окончательно уже оставилъ Бессарабію. Слѣдовательно, Графъ Паравичини назначенъ былъ начальникомъ Аккерманскаго сада не изъ отставныхъ Дѣйствительныхъ Статскихъ Совѣтниковъ, а состоящимъ по арміи Полковникомъ, котораго Ф. Ф. неоднократно въ мундирѣ и видѣлъ.

За тѣмъ выраженіе: «Графъ назначилъ сего Графа Областнымъ Лѣсничимъ въ Бессарабіи, создавъ для него сіе мѣсто,» и т. д. Здѣсь, независимо отъ того, что уже сказано было объ опредѣленіи Графа Паравичини, должно еще замѣтить то главное, что Графъ Воронцовъ не создавалъ этого мѣста, а еще менѣе для него (Графа Паравичини). Онъ былъ назначенъ на это мѣсто, съ производствомъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, повторяю, когда Вигеля уже не было въ Бессарабіи, по тому и повѣствованіе его объ этомъ не есть «Воспоминаніе,» а есть вымыселъ, или искаженное имъ свѣдѣніе. Назначеніе Лѣсничаго въ Бессарабію

состоялось слѣдующимъ образомъ: Въ 1826 году, во время коронаціи Императора Николая Павловича, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, изъ Москвы сообщилъ Графу Воронцову, что такъ какъ въ Бессарабской Области до сихъ поръ нѣтъ Лѣсничаго, то, въ слѣдствіе Высочайшей воли, онъ спрашиваетъ его, не признаетъ ли онъ нужнымъ учрежденіе онаго и въ ней? Графъ передалъ это, по порядку, на заключеніе мѣстнаго Губернатора. Василій Өедоровичъ Тимковскій былъ не въ духѣ, когда отвѣчалъ на этотъ запросъ. Онъ началъ свой рапортъ слѣдующими словами: «Назначеніе (въ такомъ-то году) Губернскихъ Форстмейстеровъ было сигналомъ истребленія государственныхъ лѣсовъ,» и на основаніи этой мысли, развилъ предметъ, не сознавая необходимости назначить и въ Бессарабію. Само собою разумѣется, что это не было принято во вниманіе, тѣмъ болѣе, что Графъ Воронцовъ имѣлъ уже въ виду разведеніе лѣсовъ на тѣхъ пространствахъ, которыя въ настоящее время были вовсе оголены, а за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ составляли сплошной лѣсъ. Онъ призналъ назначеніе Лѣсничаго, и представилъ на сіе мѣсто Графа Паравичини, съ которымъ между тѣмъ онъ говорилъ и нашелъ въ немъ нужныя для сего познанія. Этотъ послѣдній былъ назначенъ, а это, еще повторяю, послѣдовало гораздо послѣ Вигеля и не по созданію Графомъ этому Графу мѣста, а по почину Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Продолжая свои выходки на Паравичини (стр. 20), и очень ясно по тому, что почиталъ себя оскорбленнымъ за то, что Паравичини поручилъ своему подчиненному показать Вигелю садъ, съ надписью: «Jardin Imperial,» а самъ куда-то отлучился.» Подобное было для него неперериваримо, и онъ коснулся даже его происхожденія: «Нельзя было рѣшительно сказать, къ какой націи принадлежалъ онъ; по Французски и по Итальянски говорилъ онъ съ Нѣмецкимъ выговоромъ, а по Русски только что выучился подписывать свое имя.» Очень ясно, онъ былъ Швейцарецъ Нѣмецкаго кантона; впрочемъ, помимо акцента, онъ зналъ упомянутые языки совершенно: я могъ бы доказать это многими его письмами. За тѣмъ обрушивается на всѣхъ иностранцевъ въ нашей службѣ, и здѣсь, конечно, много правды.

XL.

Вигель у родныхъ въ Измаилѣ. Мѣстечко Табакъ. Вигель узнаетъ отъ Липранди объ опасной болѣзни Императора Александра I-го. Внезапный отъѣздъ Графа Воронцова въ Таганрогъ. Кончина Государя. Кишиневская общественная жизнь.

Изъ Аккермана Ф. Ф. поѣхалъ въ Тузлы къ солянымъ озерамъ, находящимся подъ вѣдомствомъ Казенной Палаты. Сдѣланная ему встрѣча Смотрителемъ, женатымъ на Француженкѣ, удовлетворила его самолюбіе, а еще болѣе въ Киліи, гдѣ встрѣтилъ его верхомъ Полицейскій Офицеръ и т. п. Очень довольный пріемомъ, ему сдѣланнымъ, какъ Полиціею, такъ и Комендантомъ Чичаговымъ и дочерью его, наконецъ пріѣзжаетъ въ Измаилъ, гдѣ двоюродный братъ его, Г.-Л. Сандерсъ, былъ Комендантомъ, о которомъ, какъ и о женѣ его, Маринѣ Игнатьевнѣ, онъ говорить въ началѣ своихъ «Воспоминаній.» Когда Ф. Ф. пріѣхалъ въ Измаилъ, я былъ уже два дня тамъ для нѣкоторыхъ изслѣдованій за два мѣсяца окончившейся чумы, и пробылъ еще два дня, въ которые обѣдали мы вмѣстѣ съ Ф. Ф. у Коменданта и гдѣ были и сынъ и дочь Сандерса, которыхъ, какъ въ началѣ уже замѣчено, онъ скрылъ, а между тѣмъ какъ здѣсь, такъ и послѣ, мы часто смѣялись, что Марина Игнатьевна называла сына (отъ перваго брака Сандерса) «Ѳеденькой,» едва ли не старше ея самой. Я скоро выѣхалъ, а онъ еще оставался въ Измаилѣ. Пропускаю его разсказы, а замѣчу только слѣдующее, относящееся до познанія его края, которымъ управлялъ. На стр. 23-й, онъ говорить: «Не подалеку отъ Измаила находится мѣстечко Тобакъ, отданное Болгарамъ подъ селеніе. Но немного подалѣе избрали они другое мѣсто, для нихъ удобнѣе, основали въ немъ главную колонію свою, и назвали ее Болградомъ.» [101] Во первыхъ,

---

[101] Первоначальное заселеніе Болгаръ было въ с. Табакъ; но Ватикіоти, управлявшій ими, скоро исходатайствовалъ позволеніе заложить Болградъ, гдѣ и сосредоточилъ все управленіе. По смерти его назначенъ былъ Маіоръ Мальвинскій, изъ Адьютантовъ И. Н. Инзова, который былъ Главнымъ Начальникомъ колоній южнаго края, и въ особенности заботился о Болгарахъ, а по тому все главное устройство должно отнести къ Мальвинскому; когда онъ умеръ, мѣсто его занялъ Совѣтникъ Кишиневской Казенной Палаты,

Табакъ отъ Измаила гораздо далѣе Болграда, и когда Ф. Ф. говоритъ о немъ, то давно уже въ Табакѣ не было ни одного дома и даже почтовой станціи, а все сосредоточилось въ Болградѣ, уже городѣ, имѣвшемъ двѣ каменныя церкви, и т. п. Но Ф. Ф. именно утверждаетъ, что Табакъ ближе къ Измаилу; ибо пишетъ: «Черезъ первый изъ сихъ мѣстъ я проѣхалъ днемъ, а въ послѣднемъ ночевалъ,» и разсказываетъ о строеніяхъ, уже оконченныхъ и начатыхъ въ Болградѣ. Табакъ же, повторяю, въ то время не только былъ мѣстечко, но состоялъ изъ двухъ, трехъ, землянокъ для пастуховъ. Если бы онъ сказалъ «находилось,» то это коекакъ было бы правильнѣе. Видимо, что память Ф. Ф. совершенно исчезла, и это почти вездѣ, кромѣ семейныхъ и другихъ сплетень, о дѣйствительности которыхъ, впрочемъ, очень трудно судить.

Расточивъ, и очень справедливо, похвалы Болгарскому народу, сказавъ нѣсколько словъ о колоніяхъ, Ф. Ф. направился въ Кишиневъ. Проѣзжая м. Гуро-Галбино, принадлежавшее Камергеру Балшу, онъ отыскиваетъ этимологію этого названія и говоритъ, стр. 24-я: «Гура по Молдавански значитъ устье рѣки или рѣчки.» Года три тому назадъ, въ Русскомъ Архивѣ, по поводу статьи: «Пушкинъ въ южной Россіи,» я имѣлъ случай сказать объ этой этимологіи, выводимой Вигелемъ на оборотъ. Филиппъ Филипповичъ пріѣзжаетъ въ Кишиневъ, узнаетъ о скоромъ прибытіи Государя съ Императрицею въ Таганрогъ, предполагаетъ получить мѣсто Вице-Губернатора въ Крыму, и все это пересыпаетъ фантанзіями, о которыхъ умалчиваю, и перехожу прямо къ 28-й страницѣ, гдѣ онъ опять начинаетъ говорить обо мнѣ.

Управляя вторично Областью, онъ продолжаетъ: «Вечеромъ я не велѣлъ безъ нужды никого пускать къ себѣ, развалился на диванѣ и предался пріятнѣйшимъ мечтаніямъ. Вдругъ послышался мнѣ въ передней небольшой шумъ, и мнѣ пришли сказать, что пріѣхавшій изъ Одессы Липранди непремѣнно желаетъ видѣть меня. «О! этого подавай сюда!» и ну его распрашивать. Онъ неохотно отвѣчалъ, лицо его показалось мнѣ мрачно. Послѣ минутнаго молчанія вотъ короткія слова, которыми обмѣнялись мы: «Я

Михайло Григорьевичъ Бутковъ, по ходатайству брата своего, Петра Григорьевича, но, не зная свойствъ Болгаръ, онъ не могъ начальствовать съ тѣмъ же успѣхомъ, тѣмъ болѣе еще, что Инзовъ отдалился изъ края, перенеся управленіе въ Одессу.

привезъ вамъ худыя вѣсти!»—«Что такое?»—«Государь опасно болѣнъ.»—«Быть не можетъ!» И вотъ потомъ нѣкоторыя подробности я услышалъ отъ него.» Здѣсь приводитъ разсказъ, общій, всѣмъ извѣстный, о простудѣ Государя, его болѣзни и т. п., и что по отъѣздѣ Графа Воронцова въ Таганрогъ, «Липранди шесть дней оставался въ Одессѣ, въ ожиданіи вѣстей, но неизвѣстность и печальное молчаніе продолжались тамъ.»

Не помню: охотно, или «неохотно» отвѣчалъ я на вопросы Ф. Ф., и было ли лицо мое «мрачно,» или нѣтъ, а это не только что могло, но и должно было быть; ибо я не могъ охотно сказать Филиппу Филипповичу о совершившемся великомъ несчастіи, которое я уже зналъ, и при томъ мнѣ не велѣно было и говорить этого. Можетъ быть, если бы я не зналъ свойствъ Ф. Ф., то и сказалъ бы ему; но не сдѣлалъ того по тому, что онъ бы тотчасъ разгласилъ каждому по секрету. Послѣ отъѣзда Графа я не оставался шести дней въ Одессѣ, а пробылъ не болѣе часа, по тому что получилъ приказаніе Графа догнать его [102] по направленію въ Таганрогъ, куда онъ внезапно отправился, взявъ съ собой только С. В. Сафонова (въ послѣдствіи Сенатора). Не доѣзжая трехъ станцій до Таганрога, узнали, «по секрету,» отъ Смотрителя, о кончинѣ Государя, сообщенной ему также «по секрету») предъ симъ не задолго проскакавшимъ въ Петербургъ фельдъегеремъ. [103] Черезъ два часа я былъ отправленъ обратно, съ приказаніемъ ѣхать наипоспѣшнѣе и «молчать.» Мнѣ дали двѣ записки къ Генералу Сабанѣеву: одну отъ Графа, другую отъ Дибича. Не останавливаясь нигдѣ, я менѣе нежели въ двое съ половиною сутокъ былъ уже въ Тирасполѣ, и тутъ только узналъ содержаніе записокъ: Ивана Васильевича увѣдомляли о настоящей причинѣ отправленія Чернышова въ Тульчинъ, а по тому взывали къ его зоркости и т. п., давъ знать не письменно, а словесно, дивизіоннымъ Командирамъ. Чрезъ часъ младшій братъ мой, Подполковникъ, тогда Адъютантъ Сабанѣева (въ послѣдствіи пол-

---

[102] Въ началѣ я думалъ, что буду посланъ въ Крымъ, куда я былъ назначенъ Начальникомъ размеженанія онаго, но вышло противное. Сопровождавшаго меня Рока Фукса я отправилъ обратно въ своемъ экипажѣ, а самъ сѣлъ на перекладную, тогда любимый еще мною экипажъ.

[103] Я не выписываю изъ дневника всего этого эпизода, что было бы и длинно и неумѣстно, а ограничиваюсь только тѣмъ, что относится до Ф. Ф. Вигеля.

ный Генералъ), былъ тотчасъ отправленъ къ Начальнику 7-го корпуса, Г. Рудзевичу; самъ Сабанѣевъ поѣхалъ въ Кишиневъ, гдѣ находился С. Ѳ. Желтухинъ, Начальникъ 17-й дивизіи, а мнѣ приказалъ ѣхать къ Г.-М. И. Д. Иванову, Начальнику 16-й дивизіи, стоящей въ м. Атакахъ. И такъ, вотъ и еще причина мнѣ говорить «неохотно;» ибо, независимо отъ потери всѣми обожаемаго Государя, подъ предводительствомъ котораго, въ продолженіе трехъ лѣтъ, мы освобождали Европу отъ исполина, и усталость послѣ сдѣланныхъ мною, безъ отдыха, болѣе тысячи шестисотъ верстъ, на перекладной, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, по замерзшей грязи, я могъ казаться и «мраченъ» и не словоохотливъ.

Дней черезъ пять я возвратился изъ Атакъ въ Кишиневъ, гдѣ на канунѣ было уже извѣстно, хотя и не оффиціяльно, о кончинѣ Государя, какъ это разсказываетъ и Вигель. Онъ довольно вѣрно изображаетъ тогдашнее положеніе Кишинева. Дѣйствительно, скоро послѣ того, какъ «утерли слезы,» Кишиневское общество обратилось къ обычнымъ развлеченіямъ, и здѣсь можно сказать даже, что никогда такъ въ Кишиневѣ не кутили.

XLI.

По поводу возмущенія Черниговскаго полка и ареста Липранди. Страхъ Вигеля. Несправедливый упрекъ Вигеля и его странное обвиненіе Графа Воронцова.

Въ концѣ 33-й страницы Ф. Ф. говоритъ: «И въ самое лучшіе годы моей жизни, иногда безъ всякой причины, находилъ на меня сплинъ» (онъ былъ неразлученъ съ нимъ), «что въ переводѣ у насъ значитъ хандра. Свѣтъ становится мнѣ немилъ и все казалось постылымъ» (это было во всю его жизнь, а не «иногда»). Такой недугъ напалъ на меня въ воскресный день, 10-го Генваря. Я не велѣлъ никого пускать къ себѣ; только что смерклось, при слабомъ мерцаніи одной свѣчки, лежалъ одинъ съ черными думами, вдругъ письмо отъ Липранди. Онъ пишетъ, что нѣсколько дней будучи нездоровъ, самъ не можетъ явиться, и спрашиваетъ: не слыхалъ ли я чего объ ужасномъ происшествіи, бывшемъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви? На этомъ самомъ письмѣ написалъ я только сіи слова: «Ничего не вѣдаю,» и

отослалъ ему назадъ.» Очень хорошо помню, да и не могло быть иначе, что если онъ не зналъ того, о чемъ я ему намекалъ, то онъ тотчасъ бы поспѣшилъ ко мнѣ. Трусливость Ф. Ф. не оставила бы его въ покоѣ: такъ онъ и сдѣлалъ, и, вмѣсто, будто бы возвращеннаго мнѣ письма, съ надписью: «Не вѣдаю,» тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ испуганный.

Здѣсь не только что очень хорошо помню, но и нахожу въ дневникѣ своемъ слѣды біографіи Муравьева-Апостола, переданной мнѣ тогда Вигелемъ, съ которымъ былъ лично и даже близко знакомъ по служенію его съ двоюроднымъ братомъ Ф. Ф., Капитаномъ А. Н. Тухачевскимъ, въ старомъ Семеновскомъ полку, тогда какъ о немъ прежде я не имѣлъ никакого понятія.

«Не прошло часу» (продолжаетъ Ф. Ф. послѣ выдуманнаго возврата письма), какъ возвѣстили мнѣ Полиціймейстера Радича и съ нимъ присланнаго отъ Графа Чиновника: отказать имъ въ пріемѣ я не могъ, да и не захотѣлъ бы послѣ письма Липранди. Чиновникъ сей былъ девятнадцати, или двадцатилѣтній, юноша, Степанъ Васильевичъ Сафоновъ, только что въ Августѣ поступившій на службу въ Канцелярію Графа, бывшій при немъ въ Таганрогѣ и въ короткое время сдѣлавшійся его любимцемъ. Онъ подалъ мнѣ двѣ незначительныя бумаги. «Не уже ли ничего болѣе?» спросилъ я. «Да, отвѣчалъ онъ: я проѣздомъ въ Кишиневѣ, имѣю секретное порученіе далѣе, и только переночую у Якова Николаевича (Радича).» Все это было такъ странно, что крайне меня удивило. На счетъ происшествія онъ сказалъ, что Графъ пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь уже послѣ онаго. Это было возмущеніе Черниговскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ бывшаго Семеновца, знакомаго мнѣ, Сергѣя Муравьева; 2-го Генваря происходило небольшое, но настоящее, сраженіе» и пр. Пока замѣчу сказанное на послѣднихъ строкахъ: Подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ былъ только батальонный командиръ: онъ взбунтовалъ обманомъ одинъ свой батальонъ въ окрестностяхъ Василькова, командиромъ же полка былъ Полковникъ Гербель, котораго ранили, когда онъ пріѣхалъ арестовать Муравьева. «Настоящее сраженіе» было только столкновеніе Муравьева съ поспѣшившимъ на него Генераломъ Гейсмаромъ съ нѣсколькими эскадронами и четырьмя пушками, и происходило далеко отъ Бѣлой Церкви.

«На другой день, 11-го числа» (продолжаетъ Ф. Ф., на 34 страницѣ) рано явились ко мнѣ опять Радичъ съ Сафоновымъ. Они арестовали Липранди, опечатали его бумаги, не велѣли ни-

кого къ нему допускать, а мнѣ предоставили отправленіе его въ Петербургъ. Такъ какъ все сдѣлано мимо меня, сказалъ я, такъ какъ по сему дѣлу не имѣю я ни строчки отъ Намѣстника, то пусть Г. Полиціймейстеръ возьметъ на себя и сей послѣдній трудъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, позволено будетъ его видѣть? Радичъ отвѣчалъ: «Помилуйте: вамъ вездѣ открытъ входъ.» Мнѣ хотѣлось освободить вчерашнее письмо, и я въ томъ успѣлъ. Липранди нашелъ я чрезвычайно упадшимъ духомъ, и хотя онъ божился (!) мнѣ, я почиталъ его виновнымъ. Послѣ съ удовольствіемъ узналъ, что я ошибался. На другой день Радичемъ онъ былъ отправленъ съ полицейскимъ Офицеромъ.»

Здѣсь все искажено, даже самое число показано нѣсколькими днями ранѣе. Сафоновъ, какъ это дѣлалось тогда, да въ такихъ случаяхъ дѣлается и всегда, имѣлъ открытое предписаніе: отправленіе меня не было возложено на Вигеля, а приказано Сафонову взять Частнаго Пристава и, переѣхавъ черезъ Днѣстръ въ Кріулянахъ, по одной окуркѣ въ Дубосарскомъ карантинѣ, меня передать Частному Приставу, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Петербургъ, а самому поспѣшить къ Графу съ донесеніемъ. Прогоны и прочее выданы были Сафоновымъ.[104] Здѣсь Вигель, съ намѣреніемъ, или позабылъ, что поздно вечеромъ, когда въ первый разъ пріѣхалъ къ нему Сафоновъ съ Радичемъ, онъ видѣлъ открытый листъ, а по тому и зналъ порученіе Сафонова. Впрочемъ, если бы даже онъ и не зналъ онаго, то когда все совершилось, не посмѣлъ бы и помыслить отказаться отправить меня, въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія. Все это сочинено для того только, чтобы имѣть поводъ сдѣлать, какъ видно будетъ, свое заключеніе. Я выѣхалъ не «на другой день,» а на шестой; ибо лежалъ въ Молдавской лихорадкѣ; что говоритъ и самъ Вигель о моей, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, болѣзни. Всѣ близко мнѣ знакомые въ эти дни были у меня почти безвыходно. Независимо отъ брата, пріѣхавшаго на другой день изъ Тирасполя, Князь Е. М. Кантакузинъ, Н. С. Алексѣевъ, Почтмейстеръ Полковникъ А. П. Алексѣевъ, Эйхфельдъ, Евстати,

---

[104] Я просилъ Сафонова успокоить Графа, что, конечно, не я изъ его Чиновниковъ могъ быть замѣшанъ въ подобномъ дѣлѣ; впрочемъ, не только что никто другой изъ его штата, но и изъ четырехъ Губерній, имъ управляемыхъ, не было привлеченныхъ къ оному.

Буде, состоявшій при мнѣ землемѣръ Рока Фуксъ, доселѣ живущій въ Кишиневѣ, и нѣкоторые другіе, исключая Ф. Ф. Вигеля, испугавшагося донельзя, чего не можетъ скрыть и въ «Воспоминаніяхъ,» говоря, что онъ будто бы былъ у меня съ единственною цѣлію выручить свое вчерашнее письмо, на которомъ онъ сдѣлалъ столь ужасную и выдуманную имъ надпись: «Ничего не вѣдаю.» Все это, повторяю, выдумка; ибо онъ зналъ, что у меня было тогда множество его писемъ, и что всѣ они были запечатаны вмѣстѣ со всѣми бумагами въ три огромные чемодана, когда я лежалъ въ кровати, и, конечно, если бы и помянутое небывалое письмо было у меня, то и оно попало бы вмѣстѣ со всѣми другими, и ему было бы уже нельзя выручить его. Повторяю: онъ у меня не былъ, а по тому и не могъ видѣть, былъ ли я «упавшимъ духомъ,» или нѣтъ. Къ фразамъ принадлежитъ и то, что будто бы я «божился передъ нимъ,» предъ Вигелемъ!! Этого во всю жизнь мою не дѣлалъ я ни передъ кѣмъ, а здѣсь я былъ даже доволенъ, что мнѣ представляется такой дешевый случай видѣться съ родными, и вполнѣ увѣренъ, что въ скоромъ времени возвращусь.

Что дѣйствительно и было: первый Комендантъ Зимняго Дворца, привозимыхъ къ нему отправлялъ на главную гауптвахту, откуда въ 10, или 11, часовъ вечеромъ, привозили къ Государю (тогда занимавшему эрмитажъ). Первый спросъ дѣлалъ мнѣ Г.-А. Графъ Левашовъ, предваряя, чтобы сознаваться чистосердечно, что въ такихъ случаяхъ Государь милостивъ. На поданномъ мнѣ для сего листѣ бумаги я написалъ въ двухъ строкахъ, что «не участвую въ гнусномъ замыслѣ и требую очныхъ ставокъ.» Г. Левашовъ тотчасъ передалъ Государю, который немедля вышелъ, повторилъ мнѣ то же, и я повторилъ желаніе очныхъ ставокъ. Фельдъегерю, привезшему меня, дана была записка, и мы молча пріѣхали въ Главный Штабъ къ Дежурному Генералу Потапову, который меня зналъ съ Отечественной войны, и сказанное имъ слово: «Очень радъ!» озадачило меня. Онъ отдалъ въ полголоса приказаніе Адъютанту своему, Яковлеву, а этотъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ, и передалъ меня другому Адъютанту, Жуковскому, который, проходя со мной нѣсколько нескончаемыхъ корридоровъ и двориковъ, спускаясь и подымаясь съ лѣстницы на лѣстницу, между прочимъ, прервалъ гробовое молчаніе: «Слава Богу, что вы присланы къ намъ!» и объявилъ, что «тяжкихъ отправляютъ прямо въ крѣпость.» Тутъ только я разгадалъ слова:

«Очень радъ!» благороднѣйшаго изъ людей. Въ положеніи, въ которомъ я находился, я умѣлъ быть не словоохотнымъ и молча слѣдовалъ за алгвазиломъ по службѣ, но какъ видно, здѣсь я ошибался точно также, какъ и Вигель относительно меня. Яковлевъ и Жуковскій, не говоря уже о Потаповѣ, знавшемъ меня, были, въ полномъ значеніи слова, люди. Не возможно описать впечатлѣнія той неожиданности, которою я былъ пораженъ: открывается дверь, въ передней два молодые солдата учебнаго карабинернаго полка, безъ боевой аммуниціи; изъ прихожей стеклянная дверь, чрезъ нея я вижу нѣсколько человѣкъ около стола за самоваромъ; все это во второмъ часу по полуночи меня поражало. «Вотъ, господа, еще вамъ товарищъ!» сказалъ Жуковскій: всѣ глаза обратились на меня. Здѣсь сидѣли за чайнымъ столомъ: бригадный Генералъ 18-й дивизіи, Кальмъ; извѣстный Грибоѣдовъ; Адъютантъ Ермолова, Воейковъ (оба привезенные съ Кавказа); отставной Подпоручикъ Генеральнаго Штаба А. А. Тучковъ (старшій братъ бывшаго въ Москвѣ Генералъ-Губернатора), и Предводитель Дворянства Екатеринославской Губерніи Алексѣевъ человѣкъ около шестидесяти лѣтъ и, какъ оказалось, привезенный по ошибкѣ вмѣсто своего сына, гусара. Изъ всѣхъ ихъ я зналъ только Кальма. Поздній чай произошелъ отъ того, что Воейковъ и Грибоѣдовъ были на допросѣ въ Коммисіи, находящейся въ крѣпости. Черезъ часъ мы всѣ были какъ старые знакомые. Предметъ разговора понимается: вопросамъ, распросамъ и взаимно сообщавшимся свѣдѣніямъ, не было конца. Содержались мы на свой счетъ, обѣдъ брали изъ ресторации; позволено было выходить вечеромъ съ Унтеръ-Офицеромъ для прогулки. Немногіе, однако же, желали пользоваться симъ; книгъ, набранныхъ Грибоѣдовымъ отъ Булгарина, было много. На третій день былъ вытребованъ и я въ Коммисію, въ крѣпость, гдѣ даны были мнѣ 38 вопросныхъ пунктовъ, подписанныхъ членами Коммисіи. На другой день опять и опять одно и то же, настояніе мое на очныя ставки. Черезъ десять дней я былъ освобожденъ, получилъ свидѣтельство за № 409, отъ 25 Февраля, за подписью всѣхъ членовъ, что «къ тайному обществу не принадлежалъ и о существованіи его не зналъ.» Тотчасъ выдано мнѣ, какъ и другимъ, годовое жалованье, прогоны и путевыя издержки. Первымъ долгомъ почелъ я извѣстить Графа, который прислалъ мнѣ письмо къ К. Я. Булгакову, чтобы онъ, въ случаѣ нужды, снабдилъ меня деньгами. Явившись къ Генералъ-Квартирмейстеру, Дибичу,

я получилъ приказаніе ожидать прибытія Графа Воронцова и, въ слѣдъ за симъ, исходатайствовалъ еще 2000 рублей, Графъ же не замедлилъ пріѣхать. По совершеніи погребенія Императора Александра я былъ отправленъ Графомъ въ Аккерманъ, для нѣкоторыхъ подготовленій къ имѣющемуся тамъ быть Конгресу. Изъ бывшихъ со мною я освобожденъ былъ первый, за мной Алексѣевъ. Видѣвши, что нѣкоторые получали дозволеніе посѣщать прежнихъ союзниковъ моихъ, я испросилъ, чрезъ Яковлева, позволеніе дѣлать тоже и, получивъ оное, почти ежедневно бывалъ у нихъ. Общество такихъ людей, и особенно въ тогдашнія минуты, было для меня большимъ наслажденіемъ отъ службы. Вообще частности этого замѣчательнаго періода не безъинтересны, но здѣсь вовсе неумѣстны.

Но что Вигель «полагалъ меня виновнымъ,» это очень можетъ быть: характеръ его уполномочивалъ на такое заключеніе. Одинаково и то, что «послѣ онъ узналъ съ удовольствіемъ, что ошибался.» Но мнѣ кажется, что «удовольствіе» это происходило болѣе отъ того, что зналъ у меня множество своихъ писемъ, а это, по его понятію, въ рукахъ заговорщика могло его компрометировать, когда и слово: «Ничего не вѣдаю» навело на него такой страхъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ могъ быть покоенъ: я не находилъ нужнымъ тогда сохранять его писемъ, ни какъ не подозрѣвая, что онъ предназначаетъ себя быть историкомъ и т. п., а если что и сохранилось у меня въ этомъ отношеніи, то совершенно случайно, попавшись въ другія рукописи, или закладками въ книги.

Филиппъ Филипповичъ заключаетъ свой разсказъ о моемъ арестованіи слѣдующими словами (стран. 34): «Какая мысль была у Графа устранить меня отъ этого дѣла? Не уже ли подозрѣвалъ онъ меня въ какомъ либо соучастіи съ подозрѣваемыми? Нѣтъ, этого не было; но онъ почиталъ меня большимъ пріятелемъ Липранди. Вообще онъ не любилъ сноситься съ Губернаторами, и часто безъ ихъ вѣдома давалъ свои предложенія Исправникамъ и Городничимъ.» Не знаю, въ какой степени это справедливо относительно трехъ Губерній Новороссійскаго Края, но что касается до Бессарабской Области, то это несправедливо вообще, исключая, развѣ, такихъ случаевъ, какъ, на примѣръ, когда Графъ находился во время чумы въ окрестностяхъ Измаила, тогда распоряженія по этому предмету могли передаваться Графомъ прямо мѣстнымъ Исправникамъ и Городничимъ; ибо посылать ихъ за 200 верстъ къ Губернатору, съ

тѣмъ, чтобы они приходили обратно въ то мѣсто, гдѣ былъ онъ самъ, такія распоряженія не могли не замедляться исполненіемъ. Впрочемъ, одно распоряженіе, которое сдѣлано Ф. Ф. по чумѣ, оказалось въ высшей степени невѣрнымъ, и самъ онъ, какъ видѣли выше, разсказываетъ это. Что же относится до того, что Графъ почиталъ меня большимъ его «пріятелемъ,» то это очень могло быть; ибо, какъ видѣли, Ф. Ф. и самъ разсказываетъ, что во время оглашенія его записки-памфлета, я «взялъ его подъ свое покровительство;» но было и множество другихъ случаевъ, какъ, на примѣръ, письмо его о выборахъ и т. п.; однако, какое отношеніе могла имѣть дружба его ко мнѣ въ настоящемъ случаѣ? Ф. Ф. говоритъ, что Графъ его «не подозрѣвалъ въ какомъ либо соучастіи съ подозрѣваемыми: какъ же объяснить, что по дружбѣ его ко мнѣ онъ былъ «обойденъ» въ помянутомъ дѣлѣ? Не значило ли бы это, что Графъ могъ подумать, что Вигель не исполнитъ буквально предписываемаго?. Здѣсь не только, какъ это замѣчено, весь періодъ передается неправильно, но и въ самомъ заключеніи нѣтъ никакой логики.

Филиппъ Филипповичъ не удовлетворяется еще приведеннымъ упрекомъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, присовокупляетъ: «Въ половинѣ Генваря Намѣстникъ возвратился въ Одессу. Обыкновенно три четверти года онъ проводилъ въ разъѣздахъ внѣ ея, не считая уже годовыхъ и двугодовыхъ отлучекъ за границу.» Странное обвиненіе Начальника края за то, что онъ, помимо знакомства съ краемъ канцелярскимъ путемъ, желаетъ ознакомиться съ нимъ лично на мѣстѣ! Относительно же продолжительности заграничныхъ отпусковъ, то они слишкомъ увеличены. За симъ Ф. Ф. упоминаетъ о Генералъ-Губернаторахъ при Императрицѣ Екатеринѣ II, управлявшихъ краемъ изъ Петербурга и Москвы и только по временамъ посѣщавшихъ оный и т. д., продолжая разсказъ съ одинаковою ядовитостію, и за что? Конечно, единственно по свойству своего характера. За симъ дѣлаетъ перечень своимъ дѣйствіямъ и о непріятности полученія строжайшаго замѣчанія Намѣстника на имя Верховнаго Совѣта,» за превышеніе онымъ власти, Ф. Ф. говоритъ (стр. 36): «Исполнить заключеніе Намѣстника значило бы признать себя виновнымъ. Во избѣжаніе всякихъ крайностей, поступокъ свой не знаю какъ назвать, робкимъ, или смѣлымъ; дня три оставивъ безъ исполненія помянутое предписаніе, 6-го Февраля сказался я больнымъ и сдалъ должность Губернаторскую и Вице-Губернаторскую. После того заключился

въ совершенное уединеніе, никуда не выходилъ и никого почти не пускалъ къ себѣ.» За тѣмъ онъ испрашиваетъ четырехмѣсячный отпускъ, и продолжаетъ: «Наконецъ Левшинъ написалъ мнѣ прелюбезное письмо, въ которомъ, по приказанію Воронцова, убѣдительно приглашалъ меня вступить въ должность, тѣмъ болѣе, что, по извѣстіямъ изъ Петербурга, Тимковскій совсѣмъ на отъѣздѣ. Тутъ была собственноручная приписка Графа, гдѣ, въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ, онъ повторялъ сіе приглашеніе.» Пожалуй, это и было такъ, но нельзя повѣрить, чтобы Ф. Ф., если кто только мало мальски зналъ его, могъ сдѣлать то, что онъ такъ простодушно, или торжественно, говоритъ: «То и другое оставилъ я даже безъ отвѣта. Безъ всякаго отзыва прислали мнѣ отпускъ, которымъ и не замедлилъ я воспользоваться.»

XLII.

Вигель въ Петербургѣ. Его клевета на «жандармерію.»

Со страницы 37-й до 45-й Вигель описываетъ свое путешествіе изъ Кишинева до Петербурга и первое время своего въ немъ пребыванія, до пріѣзда Графа Воронцова, который узнавъ, что онъ страдаетъ также глазами, прислалъ къ нему окулистовъ, пользовавшихъ его самаго, и здѣсь Ф. Ф. не опускаетъ ввернуть: «Qui ne sait compatir aux maux qu' on souffre! Вѣроятно, изъ состраданія, другой причины я не постигаю.» и т. д. За тѣмъ пространно разсказываетъ о своемъ дальнѣйшемъ пребываніи въ столицѣ; о назначеніи своемъ въ Градоначальники въ Керчь, объ отъѣздѣ Двора для коронаціи въ Москву, и замедленіи своемъ отправиться по назначенію. Все это съ обычными ему прикрасами, но обо мнѣ ни слова, между тѣмъ какъ я посѣщалъ его, сидѣвшаго дома, съ причудой. Со свѣжей памятью нельзя было позабыть многаго изъ нашихъ свиданій до пріѣзда Графа и въ первыя двѣ недѣли его пребыванія, пока я не былъ посланъ въ Аккерманъ. Передъ отъѣздомъ Ф. Ф. поручилъ мнѣ толстое письмо къ Скляренкѣ; но все это не хотѣлъ упомянуть, или позабылъ точно также, какъ и улицу, на которой жилъ (стран. 44), «въ Малой Садовой, между Невскимъ проспектомъ и Семеновскимъ мостомъ.» Онъ дѣйстви-

тельно жилъ въ этой окрестности, но не на «Малой Садовой,» а на Караванной, въ домѣ Николаева, нынѣ Гулевича, и между не «Семеновскимъ,» а Симеоновскимъ мостомъ. Я говорю объ этомъ совершенно ничтожномъ обстоятельствѣ единственно по тому только, чтобы показать, что приводимыя имъ до мелочей подробности большею частію невѣрны и не могутъ служить доказательствомъ безупречности разсказа его о событіяхъ, несравненно важнѣйшихъ, нежели безпрерывный переѣздъ его съ одной квартиры на другую. Во всякомъ случаѣ здѣсь мы разстались на долго, и только въ 1839 году, почти чрезъ четырнадцать лѣтъ, пришлось намъ опять служить вмѣстѣ. Въ промежутокъ этого времени, съ 1826 по 1828 г., находясь подъ главнымъ начальствомъ Графа Воронцова, Вигель въ Крыму, а я въ Бессарабіи, мы размѣнялись только нѣсколькими письмами.

Начало пятой главы седьмой части Ф. Ф. посвящаетъ обзору главныхъ административныхъ сановниковъ, и на страницѣ 49-й разсказываетъ, какимъ образомъ Блудовъ сдѣлался извѣстнымъ Государю: «Государь былъ совершенно доволенъ, и съ этой ночи человѣка, малу ему дотолѣ извѣстнаго, оставилъ при своей особѣ. Послѣ того, для разсмотрѣнія дѣйствій мятежниковъ, учреждена была въ крѣпости, въ которой они находились, Слѣдственная Коммисія, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Павловича.» Блудовъ назначенъ былъ Производителемъ дѣлъ.

Если столь важное событіе могло ускользнуть изъ памяти Ф. Ф. Вигеля, то можно судить объ остальномъ. «Предсѣдателемъ Коммисіи былъ не Великій Князь,» а Военный Министръ, Татищевъ; впрочемъ вотъ порядокъ ихъ подписи: «Военный Министръ Татищевъ; Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Михаилъ; Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Александръ Голицынъ; Генералъ-Адъютантъ Чернышовъ; Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ; Генералъ-Адъютантъ Левашовъ; Генералъ-Адъютантъ Потаповъ; скрѣплялъ: Флигель-Адъютантъ В. Ѳ. Адлербергъ 1-й.» Далѣе (стран. 50), говоря о приговорѣ виновныхъ, изъ коихъ «пять человѣкъ были повѣшены, а полтораста выведены на гласисъ, надъ ними переломлены шпаги,» и т. д. И здѣсь цифра далеко преувеличена. За тѣмъ разсказываетъ о прежнихъ своихъ начальникахъ и знакомыхъ, о кое-какихъ происшествіяхъ, объ учрежденіи, «жандармеріи,» и при семъ описываетъ, какимъ образомъ племянникъ его, Алексѣевъ, попался за стихи

Пушкина, подъ разборъ этой жандармеріи, и на стран. 55-й описываетъ, будто бы Адъютантъ Графа Бенкендорфа пріѣхалъ къ отцу Алексѣева, Генералъ-Лейтенанту, мужу сестры Вигеля, жившему въ Москвѣ. «Вдругъ вбѣгаетъ, безъ доклада, какой-то Адъютантъ и, не поклонясь даже Генералу, начинаетъ сими словами: «Вашъ сынъ преступникъ, злоумышленникъ противъ Государя!» Какъ громовой ударъ были эти слова для престарѣлаго воина!.. «Какъ? Что?» и пошатнулся. Адъютантъ продолжаетъ: «Извольте же сейчасъ отправиться со мной къ Генералу Бенкендорфу: тамъ увидите вы сына вашего и, можетъ быть, склоните его сказать наконецъ правду!» Послушный страшному Адъютантскому призванію, онъ приказалъ заложить карету. «Нѣтъ, сказалъ тотъ: Генералу некогда такъ долго дожидаться; извольте со мною ѣхать на моихъ парныхъ дрожкахъ: онѣ васъ довезутъ и назадъ!» Все это въ присутствіи изумленной, отчаянной, сестры моей. Совсѣмъ растерянный, Алексѣевъ машинально повиновался.» и т. д. Этотъ разсказъ, по моему убѣжденію, крѣпко страдаетъ истиной. Уже, если чего другого недоставало въ «жардармеріи,» то, конечно, не вѣжливости, и въ первое время, при Графѣ Бенкендорфѣ, даже изысканной, иногда и вовсе излишней: вѣжливость руководила его приближенными по примѣру, являемому имъ самимъ. Допустить до вѣры поступокъ Адъютанта, такъ какъ онъ описанъ, немыслимо; Ф. Ф. писалъ это долго послѣ, когда онъ имѣлъ поводъ, можетъ быть, къ неудовольствію на «жандармерію;» объяснять собственное свое столкновеніе, пожалуй, не ловко, а по тому онъ излилъ на нее, при помянутотомъ случаѣ, то, что желалъ бы сказать про себя. Но и тутъ не былъ вправѣ жаловаться на неучтивость. [105] Въ 1844 году, бывши въ Москвѣ, я навѣстилъ Наталью Филипповну, на канунѣ ея выѣзда въ г. Пензу, и провелъ у ней съ обѣда до позднягo вечера, слышалъ отъ нея

---

[105] Лѣтъ шесть тому назадъ въ одной Петербургской газетѣ было напечатано секретное Отношеніе Графа Бенкендорфа къ Графу Блудову, когда этотъ послѣдній былъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, а Вигель Директоромъ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій. Въ этомъ Отношеніи сообщались кое-какія дѣйствія Филиппа Филипповича, но Графъ Блудовъ отвергъ самымъ одобрительныхъ образомъ. Содержаніе обѣихъ бумагъ напечатано вполнѣ. По выходѣ Графа Блудова изъ Министерства, Вигель не долго оставался въ ономъ и вышелъ въ отставку, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

происшествіе съ ея сыномъ, болѣзнь и смерть Ильи Ивановича, но ни слова о грубомъ поступкѣ Адъютанта, чего, думаю, она бы отъ меня не скрыла, при разсказѣ многихъ подробностей объ ея семействѣ и родныхъ.

XLIII.

Вигель назначенъ Градоначальникомъ въ Керчь. Онъ опять составляетъ записку, вызвавшую всеобщее неудовольствіе. Отставка. Возвращается въ Петербургъ и занимаетъ должность Директора Департамента Иностранныхъ Исповѣданій. Опять отставка. Встрѣча Липранди съ Вигелемъ въ 1839 году.

Филиппъ Филипповичъ продолжаетъ разсказъ въ началѣ о развязкѣ дѣла племянника своего, потомъ Сенатское рѣшеніе противъ него, по жалобѣ Разнована, а тамъ свой путь въ Керчь, со всевозможными замѣчаніями; далѣе, пріѣздъ въ Керчь, столкновеніе съ Скаси, и, какъ обыкновенно, Керчь ему не нравится, онъ составляетъ записку, * въ родѣ Бессарабской, которая также оглашается; за тѣмъ онъ ѣдетъ въ отпускъ въ Одессу, и тамъ узнаетъ о доносѣ на него Керченскихъ жителей, объясняется противъ всѣхъ пунктовъ, заключенныхъ въ формальномъ доносѣ, но о конфиденціяльномъ свѣдѣніи не упоминаетъ; наконецъ [106] отправляется, по настоянію Графа Ф. П. Палена (исправляющаго должность Графа Воронцова), обратно въ Керчь, и передъ отъѣздомъ подаетъ въ отставку; по полученіи отставки пріѣзжаетъ въ Петербургъ и опять вступаетъ въ службу Помощникомъ Директора Департамента Иностранныхъ Исповѣданій. Это занимаетъ страницы, начиная съ 56 до 148, конца послѣдней седьмой части его «Воспоминаній,» и отличается тѣмъ же разнообразіемъ, охотно читающимся. Длинно было бы указывать на многіе недосмотры, встрѣчающіеся и на послѣднихъ страницахъ, но нельзя не привести для примѣра хотя

---

* Она напечатана въ «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1864 года, кн. 1, отд. V, стр. 11 — 99. О. Б.

[106] Этотъ конфиденціяльный доносъ вызвалъ у Графа Ф. П. Палена чрезвычайно остроумное, какъ говорится, словцо, которое, въ свое время всѣмъ было извѣстно.

одного, совершенно указывающаго, что онъ писалъ уже тогда, когда у него не только что памяти, но и соображенія, недоставало. Такъ, на примѣръ, въ послѣдній проѣздъ его изъ Одессы въ Керчь (стран. 112) въ Николаевѣ, Адмиралъ Грейгъ былъ въ отсутствіи; Ф. Ф. проживаетъ недѣлю, чтобы полѣчить свои глаза. «Раза два навѣстилъ меня Ѳедоровъ (тогда Полковникъ, Полиціймейстеръ, въ послѣдствіи Бессарабскій Губернаторъ), а объ Адмиралѣ Грейгѣ не было ни слуху, ни духу: всякій Англичанинъ болѣе, или менѣе, почитаетъ себя Лордомъ.» Что хотѣлъ этой послѣдней фразой Ф. Ф. пояснить, не понимаю (тѣмъ болѣе, что не разъ испытывалъ я радушное гостепріимство Адмирала съ 1823 по 1828 годъ); но, въ слѣдъ за ней, онъ говоритъ (стран. 113): «Наконецъ 29-го по утру вырвался я изъ Николаева.» Ясно, что онъ выѣхалъ изъ него до возвращенія А. С. Грейга (свиданіе съ которымъ онъ неотмѣнно бы воспѣлъ); на слѣдующей же страницѣ, не далѣе, онъ разсказываетъ, что, остановившись ночевать на станціи Костогрызово: «не успѣлъ я оглядѣться, какъ вошелъ молодой морской Офицеръ, весь посинѣвшій отъ холода... Сказалъ онъ мнѣ, что за три дня предъ тѣмъ видѣлъ меня въ Николаевѣ на балѣ у Грейга.» Ф. Ф. присовокупляетъ: «Я тамъ былъ пріѣзжій и, разумѣется, въ толпѣ замѣтить его не могъ.» Съ такимъ вниманіемъ, съ такою точностію или отчетливостію, писаны «Воспоминанія,» по крайней мѣрѣ та часть оныхъ, которая мнѣ извѣстна и изъ которой я привелъ только нѣсколько примѣровъ. Я близко зналъ сочинителя, и не могу не удивляться такимъ осязательнымъ промахамъ: пусть его сужденія о лицахъ не всегда вѣрны и совершенно противоположны общему авторитету; въ этихъ случаяхъ каждому еще позволено имѣть и собственное свое сужденіе; но искажать событія, перепутывать ихъ, вымышлять небывалое, едва ли можетъ быть достойно носить и приблизительно названіе историческое. За всѣмъ тѣмъ «Воспоминанія» эти, повторяю, читаются охотно; ибо приправлены желчью и солью, и изъ нѣсколькихъ сотъ лицъ, въ нихъ упомянутыхъ, едва ли найдется десятокъ безъ помянутой приправы. Такъ, на примѣръ (стран. 61-я, части 7-й), говоря о назначеніи Паскевича, въ 1826 году, на Кавказъ, онъ присовокупляетъ: «Арміи Паскевичъ былъ тогда уже весьма извѣстенъ, а Россіи совсѣмъ нѣтъ. Онъ отличался необычайнымъ мужествомъ, и къ тому имѣлъ страсть читать книги о военномъ искуствѣ: говорили, что онъ проглотилъ всю военную науку».... я никогда

не видалъ Паскевича, а еще до побѣдъ его много слышалъ о немъ,» что онъ страдалъ въ одно время съ нимъ глазами, что лѣчилъ ихъ одинъ и тотъ же окулистъ, у котораго «Паскевичъ узнавалъ о здравіи Вигеля, вовсе ему неизвѣстнаго,» и наконецъ присовокупляетъ, что, по словамъ окулиста, «главною кручиной Паскевича была невозможность продолжать чтеніе Кесаревыхъ Комментаріевъ.» Не ужели же то послѣ того, что, по общему засвидѣтельствованію, онъ имѣлъ страсть читать военныя книги, что онъ проглотилъ всю военную науку, до побѣдъ своихъ, а теперь, въ 1826 году, когда назначенъ былъ на Кавказъ, «сокрушается, что не можетъ окончить Кесаревыхъ Комментаріевъ,» какъ будто въ первый только разъ попавшуюся ему книгу, которая не безъизвѣстна каждому, приступающему тольго къ изученію военнаго дѣла!

Здѣсь оканчиваю замѣчанія на «Воспоминанія,» а теперь скажу нѣсколько словъ о знакомствѣ нашемъ, близко возобновленномъ въ 1839 году въ Петербургѣ.

Въ Декабрѣ этого 1839 года, по собственнымъ дѣламъ, пріѣхалъ я въ Петербургъ, [107] и, остановившись въ гостинницѣ Демута, неожиданно узналъ, что двое старыхъ знакомыхъ моихъ живутъ въ той же гостинницѣ, въ отдѣленіи, выходящемъ на Конюшенную. Одинъ изъ нихъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, не удивившій меня тѣмъ, что, какъ пріѣзжій изъ Псковскаго имѣнія, остановился въ гостинницѣ, но другой Ф. Ф. Вигель, Директоръ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій, помѣстившійся въ нумерѣ, мнѣ казался какъ-то страннымъ, и на вопросъ мой швейцаръ отвѣчалъ, что «тутъ онъ только недѣли двѣ.» Тотчасъ послѣ обѣда я послалъ узнать, дома ли оба мои знакомые. Ни того, ни другого не было. Вскорѣ зашелъ Пушкинъ, заѣзжавшій домой за биноклемъ, чтобы отправиться въ театръ. Черезъ часъ послѣ него мнѣ дали знать, что Ф. Ф. возвратился. Я поспѣшилъ къ нему, и встрѣтилъ его въ корридорѣ, отдѣляющемъ оба двора, и я вошелъ къ нему. Разспросамъ, какъ и слѣдовало, не было конца: они возобновлялись, не ожидая отвѣта. Онъ зналъ, и довольно вѣрно, какимъ образомъ и я, въ слѣдствіе особеннаго Высочайшаго повелѣнія, вышелъ изъ подъ вѣдомства Графа Во-

---

[107] Въ 1837 году, прибывши на нѣсколько дней въ Петербургъ, Вигель былъ въ отъѣздѣ, и отъ Лекса я узналъ, что онъ въ очень хорошемъ положеніи по службѣ.

ронцова и причисленъ къ арміи; [108] Бессарабскія и Одесскія свѣдѣнія занимали первое мѣсто, и онъ жалѣлъ, что разстался съ этимъ краемъ, повторивъ какой-то стихъ, кажется, Пушкина. Потомъ сообщилъ мнѣ, что онъ подалъ въ отставку, что новый Министръ (Графъ А. Г. Строгановъ) имѣетъ своихъ людей и т. п., что сдалъ Департаментъ, продалъ всю мебель, а бывшую съ нимъ часть библіотеки возвратилъ въ Пензу, и самъ, ожидая съ часу на часъ отставки, переѣхалъ къ Демуту, и опять заключилъ какими-то Французскими стихами. Разсказы его о Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ въ этотъ вечеръ меня не интересовали еще. На другой день, по утру, онъ зашелъ ко мнѣ и вызвался проводить меня къ М. И. Лексу, недавно перемѣнившему квартиру. Мы застали его передъ самымъ выѣздомъ въ Министерство и получили приглашеніе въ тотъ же день обѣдать у него. Ф. Ф. былъ куда-то отозванъ, а я принялъ приглашеніе. На вопросъ мой о причинѣ выхода въ отставку Вигеля, М. И. отвѣчалъ, что подлинно не знаетъ, стараясь перемѣнить предметъ разговора, а я и не настаивалъ въ разъясненіи, тѣмъ болѣе, что періодъ его служенія въ Департаментѣ Иностранныхъ Исповѣданій былъ самый продолжительный во всю его службу.

Недѣли черезъ двѣ, у Г.-А. Князя Алексѣя Яковлевича Лобанова-Ростовскаго, бывшаго Адъютантомъ у Графа Воронцова, и съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ во Франціи, и потомъ въ Турецкую войну, встрѣтилъ я Графа А. Г. Строганова, Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, и здѣсь, по почину Князя, ни какъ не думая еще вновь вступить въ службу, совершенно неожиданно это устроилъ, и на другой день я подалъ прошеніе объ опредѣленіи меня въ его Министерство.

Въ этотъ день и въ слѣдующій я не могъ встрѣтиться съ Вигелемъ, но вечеромъ получилъ извѣщеніе отъ Лекса, что опредѣленіе послѣдовало. Чтобы узнать подробнѣе, я поѣхалъ къ Лексу, и отъ него, въ девять часовъ вечера, прямо пріѣхалъ къ

---

[108] Онъ спутывалъ только время поѣздки моей въ Турцію, по выѣздѣ Посланниковъ (Русскаго, Англійскаго и Французскаго) изъ Константинополя въ послѣдствіе Наваринской битвы, и настоятельно утверждалъ, что онъ знаетъ изъ вѣрнаго источника что я былъ прежде и т. п. Это было въ его характерѣ: разъ забравъ себѣ въ голову что либо, онъ не подавался уже предъ самыми очевидными доказательствами противнаго.

Ф. Ф., чтобы извѣстить его о происшедшемъ. Извѣстіе это было для него столь же неожиданно, какъ и опредѣленіе для меня самого, и я просилъ его ознакомить меня съ лицами, съ которыми я долженъ буду служить. Мнѣ показалось, что онъ былъ тому очень радъ, чтобы высказаться о каждомъ: «Министръ, сказалъ онъ, скоро будетъ призывать къ себѣ дежурнаго и Директоровъ по барабану;» о Директорахъ и Членахъ Совѣта онъ сказалъ: «Лекса вы знаете, это еще одинъ человѣкъ;»[10] объ остальныхъ, называя поименно, присовокуплялъ къ каждому эпитетъ: такой-то «Геригутеръ,» такой-то «кутейникъ,» такой-то тоже, такой-то «Чухонскій Нѣмецъ,» такой-то «лавочникъ,» и т. п. Разсказъ этотъ продолжался до поздней ночи: про каждаго онъ приводилъ, или создавалъ, что либо въ своемъ родѣ.

XLIV.

Вигель уѣзжаетъ въ Пензу, но вскорѣ возвращается назадъ и намѣревается окончательно поселиться въ Петербургѣ. Внезапный отъѣздъ Вигеля въ Москву. Данило, бывшій дворецкій Алексѣева.

Я уѣхалъ за семействомъ въ Кіевъ и, возвратясь назадъ черезъ двѣ недѣли, узналъ, что Вигель, получивъ отставку, уѣхалъ въ Пензу. Въ 1841 году Графъ Строгановъ оставилъ управленіе Министерствомъ. Л. А. Перовскій заступилъ его мѣсто. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ записку отъ Ф. Ф., который пріѣхалъ и остановился опять у Демута. Я засталъ у него общаго нашего знакомаго, о которомъ не разъ было говорено, Н. С. Алексѣева. Ф. Ф. разсказалъ намъ, что соскучился въ Пензѣ, многіе изъ его знакомыхъ померли, другіе «одурѣли;» онъ хотѣлъ поселиться въ Москвѣ, но и тамъ скука, рѣшился основаться въ Петербургѣ и просилъ Алексѣева, не можетъ ли онъ поручить кому поискать ему квартиру около Исакія, и не откладывая, по

---

[10] Здѣсь надо замѣтить, что Лексъ обязанъ Вигелю вызовомъ его изъ Одессы въ Директоры Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Министръ Блудовъ, для замѣщенія выбывшаго одного изъ Директоровъ, колебался между представляющимися къ замѣщенію. Ему нуженъ былъ, какъ онъ и самъ, хорошій дѣловой человѣкъ. Вигель, отозвавшись отлично о Лексѣ получилъ порученіе Графа Блудова написать Лексу, спросивъ согласія, и опредѣленіе послѣдовало.

тому что на канунѣ выѣзда изъ Москвы, онъ отправилъ всю свою библіотеку, которая не далѣе недѣли будетъ уже здѣсь. Квартира скоро была найдена на Вознесенской улицѣ, въ бельэтажѣ дома Лерхе (второй, или третій, отъ Адмиралтейской площади). Чрезъ два дня Ф. Ф. расположился въ ней, купилъ мебель, драпри, оттоманъ, безъ котораго, какъ говорилъ, «страдаетъ.» Въ наибольшей комнатѣ всѣ стѣны и простѣнки были заняты полками для книгъ, прикрывавшимися зелеными занавѣсками. Библіотека его состояла почти изъ двухъ тысячъ томовъ, изящно переплетенныхъ, и почти всѣ на Французскомъ языкѣ, преимущественно мемуары со временемъ Людовика XIV; конечно, этотъ отдѣлъ едва ли не былъ однимъ изъ самыхъ полнѣйшихъ, какъ и отдѣлъ театральныхъ Французскихъ произведеній въ стихахъ. Алексѣевъ, а иногда и я, помогали ему, а книги, нѣсколько разъ перемѣщавшіяся съ полки на полку, наконецъ, казалось, основались на своихъ мѣстахъ. Алексѣевъ скоро уѣхалъ на нѣкоторое время въ Москву. Когда все было приведено въ порядокъ, онъ назначилъ Четверги для пріема по вечерамъ «не курящихъ,» и «не играющихъ въ карты,» а на «causeries,» и былъ очень доволенъ. Дня три я не могъ быть у него, и на четвертый, утромъ, онъ прислалъ человѣка просить меня пріѣхать къ нему, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Я обѣщалъ, что отъ Министра тотчасъ пріѣду. Окончивъ докладъ, я вышелъ въ пріемную, гдѣ встрѣтилъ М. И. Лекса, который долженъ былъ передать мнѣ кое-какія дѣла изъ Департамента; я сказалъ ему, что покуда онъ у Министра, я съѣзжу къ Вигелю, присылавшему за мной. «Да-съ, бѣдный! Очень жаль-съ! Кланяйтесь ему отъ меня!» Изъ этихъ словъ я ничего другого не могъ заключить, какъ только то, что Ф. Ф. боленъ, и крайне удивился, войдя въ библіотеку, увидѣть его въ полномъ здоровьѣ съ своимъ человѣкомъ и еще съ кѣмъ-то постороннимъ, складывающими съ полокъ книги опять въ тѣ же ящики, а въ комнатахъ не было уже ни шторъ, ни занавѣсокъ, а онъ велъ торгъ съ Апраксинцами о продажѣ своей, за нѣсколько дней купленной, мебели. «Что все это значитъ?» спросилъ я его на Французскомъ языкѣ. Онъ просилъ меня минутъ пять пообождать и, кончивъ продажу мебели и пр., мы вошли въ кабинетъ, гдѣ ничего болѣе не объяснялъ, какъ «Петербургъ хуже Москвы, даже хуже Пензы,» что «здѣсь интриги,» и т. д. и т. д., и что «онъ рѣшился послѣ же завтра, а можетъ быть еще и завтра, навсегда проститься съ Петербургомъ.» Я не могъ оставаться долго,

а обѣщалъ, съѣздивъ въ Министерство, возвратиться. Онъ взялъ съ меня слово пріѣхать обѣдать, предупреждая, что, прекративъ со вчерашняго дня свое хозяйство, онъ беретъ обѣдъ изъ ресторацiи. Я какъ бы одурѣлъ, выходя отъ него. Разсказавъ все видѣнное мною Лексу, получилъ въ отвѣтъ: «Да-съ, жалко-съ, очень жалко-съ, что дѣлать-съ!» и въ этотъ разъ я ничего болѣе не добился. Возвратясь къ Ф. Ф. Вигелю, я нашелъ его въ томъ же раздраженіи: ящики уже обшивались въ рогожу, какой-то отставной Московскій чиновникъ распоряжался этимъ. Во время обѣда, какъ я ни затрогивалъ его, чтобы узнать причину столь внезапной перемѣны, но напрасно. Этимъ я вызывалъ только его на эпитеты и на намеки разныхъ эпизодовъ о всѣхъ подвертывавшихся ему Директорахъ Министерства, которыхъ онъ было началъ миловать, возвратившись изъ Москвы, а теперь прибавлялъ еще болѣе къ тому, какъ отзывался о нихъ мнѣ въ первый разъ. Теперь и Лексъ былъ уже не тотъ, какъ за нѣсколько дней, за нѣсколько часовъ предъ симъ, и причиной тому, какъ я замѣтилъ, было то, что онъ не пріѣхалъ, когда Ф. Ф. просилъ его къ себѣ. Просидѣвъ довольно долго, далъ ему слово быть на другой день, и сдержалъ его. Въ тотъ же вечеръ Ф. Ф. отправился въ Москву. Оба обѣщали писать другъ другу часто, но не вполнѣ исполнили свое слово. Лексъ зналъ причину скораго выѣзда Вигеля и, какъ человѣкъ до нельзя осторожный, не хотѣлъ посѣтить его и упорно молчалъ; впрочемъ, скоро и позабыли интересоваться симъ. Только въ 1845 году я могъ узнать причину столь поспѣшнаго выѣзда Вигеля. Въ то время скандально обнаружилась исторія С... Б..., хотя въ ней Ф. Ф. вовсе не участвовалъ; но такъ какъ потребованъ былъ, откуда слѣдуетъ, списокъ всѣмъ замѣчательнымъ когда либо придерживающимся къ тому, въ чемъ обвинялся Б..., то имъ и было приказано въ продолженіе трехъ сутокъ выѣхать изъ столицы, а Вигель въ этомъ спискѣ занималъ не послѣднее мѣсто. Что же относится до того, что могло рѣшить Вигеля возвратиться въ Петербургъ вскорѣ послѣ того, что онъ оставилъ службу, положительно не знаю. Нѣкоторые думали, что со вступленіемъ Л. А. Перовскаго на мѣсто Графа Строганова, Ф. Ф. имѣлъ будто бы надежду опять занять прежнее Директорское мѣсто; но въ какой степени это правдоподобно, сказать не могу, и скорѣе думаю, что, по непостоянству своему, которое онъ являлъ во всю свою жизнь, просто пріѣхалъ безъ помянутой цѣли. Въ 1844 году, проѣздомъ въ Мо-

скву, въ Завидовѣ, встрѣтилъ я бывшаго дворецкимъ у Генерала И. И. Алексѣева (зятя Вигеля), столь извѣстнаго въ свое время, Данилу, содержащимъ на станціи гостинницу. По смерти Генерала онъ и жена его, бывшая гардеробянкой и самой приближенной къ Натальѣ Филипповнѣ, были отпущены на волю. Оставшись тутъ ночевать, я узналъ, что Ф. Ф. жилъ въ Москвѣ, потомъ въ Пензѣ, опять въ Москвѣ, и на дняхъ вновь уѣхалъ въ Пензу; что Наталья Филипповна, вѣроятно, тоже уже выѣхала и т. п., но, какъ сказано выше, я ее засталъ и, говоря о Ф. Ф., она мнѣ повторила сказанное Данилой, присовокупивъ: «Вы знаете, что братъ Филиппушко не можетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ: ему вездѣ не по себѣ.»

XLV.

Пріѣздъ Вигеля въ Петербургъ въ 1848 году. Его образъ мыслей. Заключеніе.

Въ концѣ 1848 года, когда опала смягчилась, онъ опять пріѣхалъ въ Петербургъ, но уже безъ библіотеки, и оставался до половины 1849 года. Въ этотъ періодъ времени мы видѣлись гораздо рѣже, нежели прежде: проходило иногда дней десять, что мы не встрѣчались. Въ это время занятія мои не позволяли часто отлучаться изъ дому, кромѣ какъ къ Министру, а Ф. Ф. посѣщалъ меня рѣдко, по причинѣ куренія мною табаку, чего я возбранять не могъ другимъ посѣтителямъ. Наши свиданія бывали преимущественно у Н. С. Алексѣева, за обѣдомъ въ троемъ: здѣсь Филиппъ Филипповичъ былъ, какъ говорится, на распашку, и чего тутъ не говорилось, кого не разбирали! Въ это время, какъ извѣстно, демагоги, прогнавъ Людовика Филиппа, шумѣли и работали во всей Европѣ: Ф. Ф. подозрѣвалъ всѣхъ, всего боялся, передавалъ иногда такія заключенія свои, что совѣстно было и возражать ему, и къ этому-то времени принадлежитъ выше приложенная записка его къ Алексѣеву, для передачи мнѣ, совершенно случайно сохранившаяся въ книгѣ, какъ закладка. Такихъ записокъ было много, но я не находилъ нужды сберегать его корреспонденціи, и теперь очень сожалѣю, по тому что они лучше всего обрисовали бы его. О запискѣ, переданной мнѣ Алексѣевымъ, я говорилъ уже, что она была написана послѣ того, какъ я сдалъ дѣло Петрашевскаго, за обществомъ котораго я

только наблюдалъ, и по передачѣ онаго не былъ въ составѣ учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Слѣдственной Коммисіи, въ крѣпости. Филиппъ Филипповичъ не хотѣлъ и думать, чтобы я, какъ состоящій при Министрѣ Полиціи, не могъ возбудить вновь подобнаго дѣла, по смыслу помянутой записки и другихъ, въ особенности онъ налегалъ на Ф. В..., разсказывая объ его житьѣ-бытьѣ въ Москвѣ, и заключилъ, что онъ «не даромъ въ настоящее время пріѣхалъ сюда», и т. д. Сердился на мой отказъ и какъ бы подозрѣвалъ и меня самого въ участіи съ ними. По его мнѣнію, мы были на канунѣ «serment du jeu de paume.» Мало по малу раздражительность и волненіе его успокоивались, и наконецъ, съ извѣстіемъ торжества нашего вспомогательнаго войска противъ Венгріи, оно улеглось, и тогда вновь родилась у него мысль, что лучше было бы оставить Венгерцевъ «доколотить Австрійцевъ» (его выраженіе), и съ этимъ сожалѣніемъ выѣхалъ онъ изъ Петербурга. Это было послѣднее съ нимъ свиданіе. Въ 1851 и 1852 году мы обмѣнялись письмами. До смерти Н. С. Алексѣева, поселившагося также въ Москвѣ, иногда я имѣлъ свѣдѣніе о Ф. Ф., а съ нимъ болѣе не переписывался.

Ф. Ф. Вигель, въ моихъ глазахъ, былъ человѣкомъ самымъ оригинальнымъ: не говоря о Ѳеофрастѣ, изображавшемъ современные ему характеры, но и Лабрюеръ, писавшій ближе къ намъ о томъ же предметѣ, не представляютъ ничего подобнаго. Въ Ф. Ф. соединялись всѣ противоположности: онъ былъ надмененъ въ высшей степени съ низшими, на которыхъ смотрѣлъ всегда, какъ на враговъ своихъ; предъ старшими же и предъ тѣми, которые могутъ вліять на его путь, льстивъ иногда болѣе, чѣмъ позволительно; впрочемъ, это черта слишкомъ общая. Рѣшителенъ перомъ и, въ слѣдъ за симъ, робокъ до неизъяснимой степени. Одно, что всегда и при каждомъ случаѣ неизмѣнно высказывалось въ немъ, это—ненависть къ Нѣмцамъ [110] и безграничная любовь къ славѣ Русскихъ. Самолюбіе его не имѣло предѣловъ: если подчиненный его осмѣливался въ его присутствіи чихнуть, этого бывало достаточно, чтобы послѣдній остался на всегда у него на замѣчаніи. Куда бы онъ ни являлся, всѣ должны были соображаться съ его вкусомъ, съ его взглядомъ, съ его привычками, причудами. Боже сохрани, если, будучи въ постороннемъ частномъ обществѣ, онъ

[110] Извѣстно его сочиненіе: «La Russie envahi par les Allemands», напечатанное за границей, и нѣсколько сочиненій его о Полякахъ.

встрѣтитъ одного изъ своихъ подвѣдомственныхъ сидящимъ, когда онъ самъ на ногахъ, тогда этотъ подвѣдомственный нажилъ уже себѣ непримиримаго врага. Въ Кишиневѣ, если бывая иногда у лицъ, ему подвѣдомственныхъ, встрѣчалъ курящихъ, онъ тотчасъ брался за шляпу, чтобы уходить такъ, чтобы это непремѣнно было замѣчено, а на спросъ хозяина, отрывисто, съ свойственной ему улыбкой, отвѣчалъ, что онъ не хочетъ потерять своихъ глазъ и т. п. При этомъ бывали уморительныя сцены, въ особенности со стороны дамъ, которыхъ въ слѣдъ за этимъ Ф. Ф. причислялъ къ заговорщицамъ, къ передовымъ, выдвинутымъ революціонерами, и приводилъ эпизоды Французской революціи, которую онъ зналъ подробно. Онъ вѣчно былъ въ волненіи, опасался и боялся всего, все казалось ему страшнымъ.

Въ Кишиневѣ былъ Ассесоромъ Молдованъ Барба, коего наружность была поводомъ, что ею забавлялись: маленькаго роста, необыкновенно тучный, съ широкимъ лицомъ и едва замѣтнымъ носомъ, цвѣтъ лица болѣзненно желтый, одѣвался въ Молдаванское платье — джубе. Ф. Ф. не могъ хладнокровно видѣть его, но Барба, котораго мы не иначе звали, какъ Варварой Ивановной, былъ очень не глупъ и въ особенности былъ надѣленъ хитростью, человѣкъ небѣдный, любилъ поѣсть и попить, такъ что однажды передъ обѣдомъ у одного изъ насъ, вмѣсто водки, въ слѣдствіе заклада, налили ему рюмку лероа (тогда въ ходу), и онъ, ничего не подозрѣвая, выпилъ безъ всякихъ послѣдствій; а съ тѣхъ поръ Ф. Ф., какъ свидѣтель того, не иначе называлъ его, какъ «скотиной.» Барба поѣхалъ на воды. Проѣзжая верхомъ мимо Вигеля, стоявшаго у открытаго окна, онъ подозвалъ меня: «Слѣзайте, слѣзайте, и войдите ко мнѣ!» твердилъ онъ мнѣ. По его веселому расположенію я полагалъ, что онъ получилъ какое либо пріятное для себя извѣстіе изъ Петербурга, или Одессы. «Знаете-ли, кто сейчасъ являлся мнѣ?» продолжалъ онъ: «Барба возвратился съ водъ, и знаете, какой забавникъ! Онъ привезъ мнѣ въ подарокъ портретъ Фридриха II, и купилъ его по тому только, что находитъ въ немъ сходство со мной, но я не принялъ отъ него подарка, какъ отъ подчиненнаго, а мнѣ очень хотѣлось бы имѣть его, но не иначе, какъ заплативъ ему. Отказъ мой видимо огорчилъ его, мнѣ совѣстно: онъ такой хорошій человѣкъ, и даже жалко, что Молдаванъ» и т. п., просилъ меня, какъ хорошаго знакомаго съ Барбой, купить этотъ портретъ для него. Отъ него прямо я поѣхалъ къ Барбѣ, и на другой день

Вигель имѣлъ это сокровище. Портретъ ничего не стоилъ: онъ вырванъ изъ какой-то книги малаго форматà въ 4-ку и вставленъ въ тоненькую костяную рамку; разумѣется, я не рѣшался и предлагать цѣны, да и Барба былъ не изъ такихъ, но, какъ человѣкъ хитрый, подмѣтивъ слабость Ф. Ф., воспользовался польстить ему. И здѣсь Ф. Ф. непремѣнно желалъ знать, какимъ образомъ я пріобрѣлъ этотъ портретъ, и когда я ему сказалъ, что просто Барба мнѣ подарилъ его, но и это удовлетворило его не иначе, какъ завѣривъ, что не говорилъ о намѣреніи подарить портретъ ему, тогда какъ не отъ подчиненнаго онъ принялъ, и былъ въ восторгѣ. Смотрѣвшись въ зеркало, онъ находилъ въ верхней половинѣ лица и во взглядѣ сходство, что отчасти дѣйствительно какъ-то казалось, но Ф. Ф. былъ радъ какъ ребенокъ, и ни чѣмъ болѣе нельзя было одолжить его, какъ признать сходство. Съ тѣхъ поръ Ф. Ф. всегда заступался за Барбу, когда надъ нимъ шутили. Въ 1842 году, въ бытность его въ Петербургѣ, я какъ-то, перебирая старыхъ Кишиневскихъ знакомыхъ, упомянулъ о Барбѣ, и Ф. Ф. съ оживленіемъ сказалъ мнѣ: «А знаете, помните портретъ? Онъ до сихъ поръ у меня: я вамъ его покажу.»

Разговоръ его былъ часто очень занимательнымъ. Къ Исторіи, которую зналъ очень хорошо, онъ умѣлъ примѣшивать посторонніе эпизоды, всегда приправляемые остротами; впрочемъ, на многое онъ смотрѣлъ съ своей оригинальной точки зрѣнія, а попоречить ему значило бы заставить его замолчать, и потомъ такой смѣльчакъ причислялся имъ къ разряду вредныхъ. Такъ онъ дѣйствовалъ и на служебномъ поприщѣ. Онъ не былъ созданъ для административной колеи, никогда не служилъ по этой части, слѣдовательно, и не имѣлъ возможности свыкнуться съ нею, а потому вездѣ, гдѣ онъ пытался усвоить себѣ администрацію, выходила путаница, какъ это доказалъ онъ въ Бессарабіи, временно заступая Губернатора, и во время своего градоначальствованія въ Керчи. Онъ тотчасъ всѣхъ вооружалъ противъ себя: чрезвычайно легкій на ухо, онъ принималъ всѣ разсказы, дѣлалъ, на основаніи оныхъ, свои комментаріи, каждому разсказывалъ ихъ по секрету, и сплетни плодились въ обществѣ. Другое дѣло управленіе его Казенною Палатою (тогда званіе Вице-Губернатора). Здѣсь засталъ онъ ее вполнѣ устроенной предшественникомъ своимъ, Петрулинымъ, что сознаетъ и самъ Ф. Ф. Здѣсь онъ показалъ въ высшей степени безкорыстіе и выказывалъ его иногда даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ оно чуть ли не бываетъ смѣшно. Онъ уве-

личилъ откупныя суммы вообще и нѣкоторыя статьи вдвое, открылъ новые источники доходовъ; словомъ, кабинетная работа его не только что была безупречна, но и едва ли не безпримѣрна.

То же знаніе проявилъ онъ, какъ Директоръ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій. Ревнитель Православія, чести и славы Россіи, и зная Исторію, какъ можетъ быть ни одинъ изъ его предшественниковъ и послѣдователей не зналъ ее, онъ могъ бороться на положительныхъ данныхъ съ ненавистными ему Католицизмомъ и Лютеранизмомъ. Здѣсь занятія были кабинетныя: онъ могъ подчиняться лѣни, которая часто овладѣвала имъ на два, на три и болѣе дней, не оставляя халата и своихъ ножницъ, но за то одного дня было ему достаточно совершить трудъ легко и ясно. Въ этихъ двухъ должностяхъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ и можетъ быть даже и немногими замѣщенъ; но какъ администраторъ, долженствующій бодрствовать день и ночь и сохранять при этомъ хладнокровіе и навыкъ, онъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Ф. Ф. былъ въ безпрерывномъ волненіи: всегда недовольный на свою судьбу, на недостаточное признаніе его достоинствъ. Зависть грызла его, желчь его разливалась, и онъ самъ расплождалъ себѣ враговъ въ обществѣ, между которыми долженъ былъ жить, и послѣдствіемъ этого было то, что онъ нигдѣ оставаться долго не могъ; онъ искалъ чего-то идеальнаго, и нигдѣ не находилъ онаго. Подчиненные его старались не сближаться съ нимъ, но между ними всегда находился одинъ, который, подмѣтивъ его слабость, льстилъ ему, не такъ часто въ глаза, какъ чрезъ подставныхъ, доводящихъ до него, что такой-то чуть не боготворитъ его что въ присутствіи его дѣлается робкимъ и т. д., и такимъ образомъ забиралъ его въ руки и округлялъ свои дѣла. Къ этому надо еще присовокупить удивительную въ этомъ умномъ или, лучше сказать, начитанномъ человѣкѣ страсть къ сплетнѣ, часто вымышленной имъ самимъ, которой, со временемъ, начиналъ вѣрить и самъ, какъ въ дѣйствительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ немало раздражала его и мысль, что несчастная привычка его, противъ которой онъ не былъ уже въ силахъ бороться, извѣстна всѣмъ. Изъ «Воспоминаній» его видно, что онъ какъ бы намекаетъ, что обязанъ этой привычкой одному изъ своихъ гувернеровъ, Французу.

И. Липранди.

1867 года,
Августъ

МНѢНІЕ

ТАЙНАГО СОВѢТНИКА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА САЛТЫКОВА О МНѢНІИ МИНИСТРА ЮСТИЦІИ ПО ПОВОДУ ПРОЭКТА ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ.

Мнѣніе Г-на Министра Юстиціи о разсматриваемомъ, по Высочайшему повелѣнію, Проэктѣ Гражданскаго Уложенія, наполнено столь сильными обвиненіями, что я, по званію моему Члена Департамента Законовъ, въ коемъ Проэктъ сей былъ составленъ, не могу оставить ихъ безъ опроверженія.

Г-нъ Министръ Юстиціи, вступая въ разсмотрѣніе Проэкта Гражданскаго Уложенія, приводитъ страницы 16, 17, 18, 20 и 21 Доклада Министерства Юстиціи, Высочайше конфирмованнаго въ 28 день Февраля, 1804 года, и даетъ чувствовать, что сочинители Проэкта, удаляясь отъ того направленія, которое Верховная власть предварительно открыть имъ благоволила (стр. 2), и не сообразуясь съ существующими въ Россіи указами и постановленіями (стр. 11) сочиняли законы по собственному произволу (стр. 2) и вводили въ отечество наше законы новые и чуждые, образу правленія Россіи и мѣстном уположенію не соотвѣтственные (стр. 11).

Сіе обвиненіе есть не что иное, какъ добровольное предположеніе Г-на Министра Юстиціи, коему противорѣчатъ не только объясненія началъ, принятыхъ въ составленіе Гражданскаго Уложенія (5 и 18), но и самое содержаніе всѣхъ статей сего Проэкта, относящихся къ кореннымъ государственнымъ постановленіямъ.

При самомъ началѣ столь строго осужденнаго Проэкта, нахожу я неоспоримое доказательство крайней осторожности, съ каковою Департаментъ Законовъ избѣгалъ перемѣны въ древнихъ нашихъ постановленіяхъ. Здравая теорія и сущая справедливость требуетъ, чтобъ всѣ Россійскіе подданные въ полной и равной мѣрѣ пользовались гражданскими правами; но Департаментъ Законовъ, изъ особеннаго уваженія къ настоящему положенію Государства, рѣшился постановить во 2 № 1-й главы 1-й части, согласно

съ нынѣ существующими постановленіями, что законъ государственный опредѣляетъ, въ какой мѣрѣ права гражданскія принадлежатъ каждому состоянію. Параграфъ сей противорѣчитъ общепринятымъ правиламъ во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ, и тѣмъ удаляетъ всякое подозрѣніе, что, при сочиненіи Проэкта Гражданскаго Уложенія, отвлеченныя теоріи имѣли болѣе участія, нежели мѣстныя соображенія (стр.). Истина замѣчанія сего еще болѣе подтвердится при подобномъ разсмотрѣніи Мнѣнія Г-на Министра Юстиціи.

Слѣдуя порядку, въ ономъ наблюдаемому, я раздѣляю объясненія мои такъ же на три части главныя, изъ коихъ 1-я относиться будетъ къ общему составу Проэкта Гражданскаго Уложенія, 2-я къ существу онаго, и 3-я къ особеннымъ его примѣчаніямъ.

I.

Общій составъ Проэкта Гражданскаго Уложенія.

Г-нъ Министръ Юстиціи при началѣ сей части одобряетъ таблицы, изображающія общія начертанія книги Законовъ Россійскаго Государства, но осуждаетъ раздѣленіе оныхъ. Онъ утверждаетъ, что въ сочиненіи ихъ должно бы подчинить теорію практикѣ, но, вмѣсто того, чтобы означить точно, какую неправильность находитъ онъ въ сихъ раздѣленіяхъ и подробностяхъ, и опредѣлить, какимъ образомъ должны быть они исправлены, онъ остается при общемъ разсужденіи о преимуществахъ практики предъ теоріею, которое оканчиваетъ слѣдующими, достойными примѣчанія, словами: «Никогда столько нельзя ожидать оправданія виновныхъ и обвиненія правыхъ, какъ во время существованія такихъ законовъ, которые, по составу своему, принуждаютъ много разговаривать и мало разрѣщать.» Слова сіи, по видимому, относятся къ пяти первымъ главамъ 1-й части, въ коихъ усматриваетъ онъ (стр. 19) многословіе, въ родѣ метафизическихъ тонкостей, до которыхъ Присутственнымъ Мѣстамъ и тяжущимся никакой нѣтъ нужды. Стоитъ только прочесть заглавіе сихъ подраздѣленій 1-й части Проэкта, чтобъ удостовѣриться, что онѣ не принуждаютъ много разговаривать, а служатъ къ разрѣшенію многихъ важныхъ вопросовъ. Сіи оглавленія суть слѣдующія:

1. О правахъ гражданскихъ вообще, о пріобрѣтеніи ихъ и лишеніи.

2. О гражданскихъ правахъ иностранцевъ, въ Россіи пребывающихъ.

3. О жительствѣ.

4. Объ отсутствующихъ.

5. О свидѣтельствахъ гражданскаго состоянія.

Не уже ли Присутственнымъ Мѣстамъ должно знать, въ чемъ состóятъ права гражданскія и какимъ образомъ оныя пріобрѣтаются и теряются? какимъ правомъ пользуются въ Россіи иностранцы? и далѣе Г-нъ Министръ примѣчаетъ, что сіе пятиглавное введеніе должно быть отвергнуто, ежели оно не принадлежитъ къ положительнымъ законамъ, или слѣдуетъ его сліять въ одинъ составъ, буде не могутъ они имѣть безъ него свойственной силы. Но и мы въ правѣ спросить: какимъ образомъ можно произвесть сіе сліяніе, иначе: какъ составить изъ оныхъ постановленія, особенныя статьи Гражданскаго Уложенія? Ибо всякое другое сліяніе произвело бы смѣшеніе и запутанность.

Послѣ сихъ примѣчаній на первыя страницы Проэкта Г-нъ Министръ Юстиціи, желая найти какое ни будь мѣсто (стр. 20) достойное его критики, переходитъ къ четвертой главѣ 2-й части, и тутъ встрѣчается ему судное дѣло въ запутанности съ межевымъ; но онъ только мимоходомъ упоминаетъ о сей запутанности и, оставляя въ недоумѣніи, по чему глава сія не заслуживаетъ его одобренія, приступаетъ къ главѣ 29, коей четыре первые параграфа, по мнѣнію его, принадлежатъ къ статьѣ о наслѣдствѣ, а не о раздѣлѣ. Примѣчаніе сіе не только маловажно; ибо заключается единственно въ переносѣ предмета съ одной страницы на другую, но и несправедливо, по тому что цѣль главы о наслѣдствѣ есть опредѣленіе лицъ, имѣющихъ право къ наслѣдству; о порядкѣ же вступленія въ оное должно было опредѣлить особою статьею.

Въ вящшее подтвержденіе, съ какимъ небреженіемъ расположены и сочинены (стр. 23) части Гражданскаго Уложенія, приводитъ онъ §§ 425 и 430, 2-й части онаго, кои, по мнѣнію его, одинъ другому противорѣчатъ, поелику въ 1-мъ сказано, что жалобы на составленіе удѣловъ нигдѣ не пріемлются, а во 2-мъ что позволяется просить передѣловъ по разнымъ уважительнымъ причинамъ. Но §§ сіи имѣютъ только видъ противорѣчія между собою и въ существѣ своемъ разнствуютъ единственно тѣмъ, что въ § 430 подразумѣвается то, что въ § 425 точными словами опредѣляется; ибо въ § 425 постановляется общимъ правиломъ, что жалобы на составленіе удѣловъ не пріемлются, подразумѣвая, что правило сіе относиться можетъ только къ тѣмъ случаямъ, когда все, предпи-

сываемое закономъ, будетъ соблюдено при составленіи оныхъ; а въ § 430 полагается исключеніе изъ общаго правила, на тотъ случай, когда бы, противъ всякаго чаянія, въ исполненіи открыто было нарушеніе закона.

Пробѣжавъ такимъ образомъ около двухъ третей Проэкта Гражданскаго Уложенія, Г-нъ Министръ Юстиціи возвращается къ одной изъ пяти главъ, выше сего упомянутыхъ, а именно къ 3: О жительствѣ. Примѣчанія его на слово «жительство» не требуютъ, съ моей стороны, никакихъ объясненій, поелику они принадлежатъ болѣе къ Словесности, нежели къ Правовѣдѣнію. Опасеніе его, что иной подумаетъ, что тутъ идетъ рѣчь объ образѣ его жизни, а другой о его квартирѣ, тѣмъ менѣе имѣетъ основанія, что § 52 заключаетъ въ себѣ точное опредѣленіе. Послѣ 3 главы О жительствѣ снова приступаетъ онъ къ 1: О правахъ гражданскихъ вообще. Г-нъ Министръ Юстиціи полагаетъ, что въ главѣ сей надлежало бы приложить (стр. 24) опредѣлительно общее и частное право Россійскихъ подданныхъ, раздѣляющихся на разныя сословія, но на сіе служитъ возраженіемъ самое заглавіе Проэкта, означающее, что предметъ его состоитъ въ правахъ гражданскихъ, а не политическихъ. § 9-го не одобряетъ по тому, во первыхъ, что подраздѣленія онаго почитаетъ излишними, и, во вторыхъ, по тому, что въ 6 пунктѣ онаго не сказано именно, что лишенному правъ гражданскихъ возбраняется быть повѣреннымъ. Подраздѣленій сихъ сочинители Проэкта не признали излишними по той причинѣ, что въ такомъ важномъ случаѣ, каково есть исключеніе гражданина изъ общества, желали они предупредить всякое недоразумѣніе; а о правѣ быть повѣреннымъ не упомянуто для того, что во всякомъ дѣлѣ повѣренной есть или истецъ, или отвѣтчикъ.

При чтеніи 9 пункта сего § онъ ужасается, вообразивъ себѣ, что (стр. 26) сынъ, или дочь, рожденные спустя мѣсяцъ, или недѣлю, послѣ потери гражданскихъ правъ, не могутъ имѣть части въ наслѣдіи; но ужасъ сей происходитъ единственно отъ того, что Г-нъ Министръ Юстиціи, не принявъ труда сообразить всего Проэкта Гражданскаго Уложенія, не досмотрѣлъ, что права младенцевъ, состраданіе его возбуждающихъ, предохранены 246-мъ § 1-й части сего Проэкта, въ коемъ сказано: «Младенецъ, зачешійся до осужденія, сохраняетъ право рода и наслѣдія, по зачатіи ему принадлежащія.» Отсюда можно вывесть слѣдующее заключеніе: что Проэктъ Гражданскаго Уложенія должно разсматривать не какъ собраніе разныхъ постановленій, никакой силы между собою не

имѣющихъ, но какъ одно цѣлое, коего каждая часть, получая отъ всѣхъ прочихъ частей полноту и силу свою, служитъ взаимно къ объясненію оныхъ.

Г-нъ Министръ Юстиціи самъ предупреждаетъ тѣ возраженія, кои должны бы были дѣлать на вопросъ его: почему не сказано ничего объ уничтоженіи смертной казни въ 1-й главѣ о правахъ гражданскихъ (стр. 28); ибо, конечно, оное постановленіе не принадлежитъ къ Гражданскому Уложенію; но какъ разумѣть сіи слова его: «не имѣя возможности (стр. 29) сосредоточить здѣсь общихъ понятій, не должно бы было полагать и начала онымъ.» Не уже ли Г-нъ Министръ Юстиціи хочетъ сказать, что естьли нельзя было смѣшать Гражданскаго Уложенія съ Уголовнымъ, то не должно было показать и начала онымъ?

Читая примѣчанія его на главу о бракѣ, можно подумать, что въ Проэктѣ Гражданскаго Уложенія включены такія статьи, кои противны Божественному закону, тогда какъ воономъ ясно изображается стараніе сличать законы гражданскіе съ постановленіемъ Церкви, и тѣмъ отвратить всякую борьбу между властьми духовной и свѣтской. Мы имѣемъ счастіе принадлежать такому Государству, гдѣ обѣ сіи власти соединяются въ одномъ лицѣ: ибо въ Государѣ нашемъ чтимъ мы главу Церкви и народа. Сіе соединеніе властей даетъ намъ великое преимущество предъ тѣми народами, у коихъ власть гражданская не имѣетъ связи съ властію духовною, отъ чего происходятъ у нихъ вредныя послѣдствія, не только для политическаго бытія цѣлаго Государства, но и въ отношеніи къ гражданскому состоянію частныхъ лицъ. Ежели согласиться съ Г. Министромъ Юстиціи, что власть гражданская не имѣетъ вліянія на бракъ, то нельзя допустить и постановленія, что гражданско юсмертію пресѣкаются гражданскія послѣдствія брака, а сіе постановленіе не только безъ возраженія оставлено, при двукратномъ разсмотрѣніи 1-й главы въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, но находится въ нынѣ существующихъ законахъ и приводится всегда въ исполненіе.

II.

Существо Проэкта Гражданскаго Уложенія.

Въ сей части Г-нъ Министръ Юстиціи обращаетъ вниманіе свое на свидѣтельства гражданскаго состоянія и наслѣдія супруговъ, какъ будто бы существо Проэкта заключалось единственно

въ сихъ двухъ предметахъ. Хотя и нельзя согласиться съ нимъ, что свидѣтельства гражданскаго состоянія нужнѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рожденіе (стр. 37) и кончина человѣка относятся къ особымъ началамъ и гдѣ бракъ основывается на прихотливыхъ желаніяхъ, нежели въ такомъ Государствѣ, гдѣ рожденіе Христіянина, бракъ и кончина его почитаются дѣломъ рукъ Божіихъ, поелику удостовѣреніе въ гражданскомъ состояніи вездѣ равно нужно и не имѣетъ никакой связи съ метафизическими понятіями о участи человѣка; но, съ другой стороны, нельзя не принять въ уваженіе примѣчаніе его о томъ, сколь неудобно поставить поселянина въ необходимость оставлять полезныя занятія его, чтобъ идти за нѣсколько сотъ верстъ искать свидѣтельства гражданскаго состоянія для младенца, коего и самая жизнь еще до возвращенія отца легко можетъ прекратиться, тѣмъ болѣе, что краткость рабочей поры въ климатѣ нашемъ едва ли оставляетъ земледѣльцу нѣсколько часовъ въ сутки на отдохновеніе, и что злоупотребленіе въ исполненіи законовъ распространилось до такой степени, что и самое благоразуміе и, по видимому, полезное учрежденіе служатъ токмо поводомъ къ новымъ притѣсненіямъ. Стараясь искусить сущность (стр. 49) новыхъ законовъ, Г-нъ Министръ Юстиціи въ примѣчаніяхъ своихъ о свидѣтеляхъ гражданскаго состоянія присовокупляетъ разсмотрѣніе 14 главы о наслѣдіи супруговъ, гдѣ назначается вдовѣ пожизненное право на половинную часть имѣнія противъ каждаго сына, вмѣсто нынѣ существующей 7 части, поступающей къ ней въ вѣчное и потомственное владѣніе. Онъ изъясняетъ опасеніе, что, отъ отъ введенія сего новаго учрежденія, мать будетъ поставлена въ нѣкоторую зависимость отъ дѣтей своихъ (стр. 47), и что между ею и дѣтьми поселятся неудовольствія, коихъ (стр. 40) въ настоящемъ положеніиони со всѣмъ не знаютъ. Я не присвояю себѣ права судить о важности сего возраженія, но нельзя не замѣтить, что постановленіе, о коемъ здѣсь разсуждается, никакой не имѣетъ связи съ Римско-Католическимъ и Лютеранскимъ Исповѣданіемъ, и что нѣтъ основательной причины полагать, что, за введеніемъ въ наше Гражданское Уложеніе пожизненнаго права, слѣдуетъ перенесеніе (стр. 38) всего того, что есть въ пріобрѣтенныхъ областяхъ. Ежели учредить свидѣтельства гражданскаго состоянія, для предположенія подлога младенцевъ, двинуть море (стр. 38(, дабы затопить муху, то утверждать, что коренные законы, духъ народа и господствующая Вѣра потрясутся въ самыхъ своихъ основаніяхъ, по тому что жена получаетъ

послѣ мужа имѣніе съ правомъ пожизненнымъ, вмѣсто вѣчнаго, значитъ изъ мухи сдѣлать слона.

III.

Особыя примѣчанія.

Въ сихъ примѣчаніяхъ заключается, по словамъ Г-на Министра Юстиціи, плодъ его (стр. 51) наблюденій и сущность мнѣнія его, и по тому, кажется, они должны возбудить особенное уваженіе. Здѣсь Г-нъ Министръ Юстиціи возобновляетъ укоризны, коими наполнены первыя части Мнѣнія его, утверждая, что въ Проэктѣ видны повсюду безпорядокъ и смѣшеніе, и что (стр. 52) въ общій составъ законовъ введены сторонніе предметы, не зависящіе отъ ихъ власти и силы, а въ частной составъ членовъ ихъ включены придаточныя вещи, долженствующія постепенно имѣть собственныя мѣста. Здѣсь повторяетъ онъ такъ же замѣчаніе свое, что при составленіи новыхъ распоряженій о метрическихъ книгахъ и свидѣтельствахъ, о вдовахъ и о прочемъ, безъ вниманія оставлены вліянія Вѣры и климата. За симъ разсуждаетъ о причинахъ (стр. 53) многозначущихъ земскихъ повинностей, принятія нижнихъ Присутственныхъ Мѣстъ и церковнаго причта въ не свойственномъ состоянію ихъ видѣ, и наконецъ (стр. 54) смѣшеніе всѣхъ классовъ людей въ одну массу, въ противность, какъ говоритъ онъ, Высочайшихъ узаконеній нынѣ существующихъ.

Я не буду болѣе отвѣтствовать на сіи укоризны; ибо при подробномъ разсмотрѣніи мнѣнія Г-на Министра Юстиціи возрасли уже на всѣ тѣ, кои относятся къ предмету настоящаго разсужденія нашего, съ Проэктомъ Гражданскаго Уложенія, а по сему они не требуютъ никакихъ объясненій.

На примѣчанія Г-на Министра Юстиціи, что въ Проэктѣ совсѣмъ не показано тѣхъ отличныхъ мѣстъ, откуда почерпнуты правила для новыхъ распоряженій, какія изъ нихъ отброшены и какія приняты, отвѣтствую, что не только не было нужды пестрить страницы ссылками на тѣ сочиненія, кои служили къ его составленію, но и противно бы было общепринятому обычаю наполнить подобными ссылками книгу законовъ, которые не отъ источниковъ, изъ коихъ они почерпнуты, должны получить важность и силу, но отъ своего собственнаго достоинства и утвержденія Самодержавной Власти.

Всего удивительнѣе кажется ему то, что на каждую главу Проэкта печатаются изъясненія. Изъ сего заключаетъ онъ, что новые законы такъ темно написаны, что безъ сихъ вспомогательныхъ средствъ Члены Государственнаго Совѣта оказались бы несостоятельными разумѣть ихъ (стр. 56). Но если бы онъ обратилъ болѣе вниманія на сіи изъясненія, возбуждавшія толикое въ немъ удивленіе, то не трудно бы было ему усмотрѣть, что цѣль ихъ состоитъ не въ толкованіи словъ, но въ изложеніи правилъ, коими Департаментъ Законовъ руководствовался при сочиненіи Проэкта, и причинъ, по коимъ нѣкоторые изъ прежнихъ законовъ получили отмѣненіе.

Г-нъ Министръ Юстиціи объявляетъ, что онъ всегда будетъ одного мнѣнія, что (стр. 57) гораздо легче философу сочинить прекраснѣйшую систему законовъ, основываясь на общей теоріи, нежели составитъ самые законы съ достодолжнымъ соображеніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Утѣшительно для тѣхъ, кои имѣли участіе въ составленіи новыхъ законовъ, слышать изъ устъ самаго Г-на Министра Юстиціи, сколь убѣжденъ онъ въ трудности обязанностей, на нихъ возложенныхъ, но при томъ нельзя не сожалѣть имъ, что сіе высокое мнѣніе о предметѣ сихъ занятій ни мало не смягчило строгости сужденій его о Проэктѣ Гражданскаго Уложенія, которой, по словамъ его, есть не что иное, какъ (стр 51) испорченный переводъ Наполеонова Кодекса. Утверждаясь н. сей, ни на чемъ не основанной, укоризнѣ, какъ на истинѣ, никакому сомнѣнію не подверженной, онъ съ восклицаніемъ приводитъ намъ на память (стр. 57) ужасы Французской Революціи и неслыханное звѣрство и пренебреженіе всего святѣйшества, которыя совершились въ отечествѣ нашемъ, какъ слѣдствія лютыхъ намѣреній Бонапарта, и заключаетъ тѣмъ (стр. 57), что естьли бъ нашъ Проэктъ Гражданскаго Уложенія былъ и похожъ только на Кодексъ Наполеоновъ, то и тогда нужно бы его передѣлать. Хотя я и весьма далекъ отъ того, чтобъ признаться, что Проэктъ Гражданскаго Уложенія есть подражаніе Наполеонова Кодекса, однако не могу не сдѣлать замѣчанія, что сходство законовъ, существующихъ въ другихъ Государствахъ, не можетъ ни умалить, ни увеличить, существеннаго его достоинства. Перемѣнить законъ для того только, чтобъ избѣгнуть сходства съ законами иноземными, или не вводить въ отечествѣ своемъ такихъ постановленій, кои могутъ быть ему полезны, по тому единственно, что они существуютъ уже въ другихъ Державахъ, значило бы не постигать

цѣли и не чувствовать важности законодательства. Народъ Россійскій, подавшій всѣмъ народамъ примѣръ пламенной любви къ отечеству и всѣхъ добродѣтелей, составляющихъ истинное достоинство гражданина, можетъ безъ униженія признаться, что въ иныхъ Государствахъ просвѣщеніе сдѣлало болѣе успѣха, нежели въ Россіи.

Заключеніе.

Заключеніе Г-на Министра Юстиціи состоитъ въ томъ, чтобъ, не теряя времени въ разсматриваніи проэктовъ, оказавшихся, по мнѣнію его, весьма недостаточными, обратить ихъ для сочиненія вновь, согласно съ начертаніями, заключающимися во всеподданнѣйшемъ докладѣ Министерства Юстиціи, въ 28 день Февраля 1804 года, Высочайше конфирмованномъ.

Предоставляя Общему Собранію Государственнаго Совѣта опредѣлить, какую должно дать цѣну примѣчаніямъ Г-на Министра Юстиціи на Проэктъ Гражданскаго Уложенія и объясненіямъ, кои съ моей стороны, были противъ оныхъ представлены, долгомъ поставляю себѣ замѣтить, что естьли бъ недостатки, которые Г-нъ Министръ Юстиціи старался въ ономъ обнаружить, и никакому не подлежали противорѣчію, то и тогда бы не было (и что касается до земскихъ повинностей, нижнихъ Присутственныхъ Мѣстъ и церковнаго причта, не имѣющихъ никакой связи) достаточныхъ причинъ оставить безъ вниманія десятилѣтній трудъ занимавшихся сочиненіемъ Проэкта; ибо всѣ его замѣчанія относятся только къ отдѣльнымъ частямъ онаго, кои удобно могутъ быть перемѣнены, не уничтожая цѣлаго Проэкта, и ни мало не доказываютъ, что сочинители законовъ отступили отъ начертаній, заключающихся въ докладѣ Министерства Юстиціи.

По симъ уваженіямъ и въ слѣдствіе Указа, Августа 13 дня, 1814 года, Высочайше даннаго Государственному Совѣту, почитаю я обязанностію продолжать разсмотрѣніе Проэкта Гражданскаго Уложенія, и, желая, съ своей стороны, споспѣшествовать къ удобнѣйшему исполненію возложенныхъ на него обязанностей, повторяю, прежде сдѣланное мною, предположеніе, предписать Коммисіи составленія законовъ, чтобъ при каждой главѣ представляла она сводъ нынѣ существующихъ въ Россіи постановленій, законовъ и указовъ, къ той главѣ относящихся.

Сличая Проэктъ Гражданскаго Уложенія съ нынѣ существую-

щими законами, Государственной Совѣтъ легко усмотрѣть можетъ, которые изъ нихъ вошли безъ перемѣны въ составъ сего Проэкта, которымъ сдѣланы дополненія, и которые получили измѣненіе, или совсѣмъ уничтожены.

Естьли Государственный Совѣтъ разсудитъ, что въ объясненіяхъ, при каждой главѣ представляемыхъ, недостаточно изображены причины побужденія къ перемѣнѣ нѣкрторыхъ существующихъ законовъ, то можетъ требовать пополнительныхъ объясненій отъ присутствующихъ въ Общемъ Собраніи Членовъ того Департамента, въ коемъ Проэктъ сей былъ составленъ.

Сообщ. Д. Б.

ОТНОШЕНІЕ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО НОВГОРОДСКАГО МИТРОПОЛИТА СЕРАФИМА КЪ ГРАФУ А. А. АРАКЧЕЕВУ.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Архимандритъ Новогородскаго первокласснаго Юрьева монастыря, Фотій, въ краткое время настоятельства своего надъ симъ монастыремъ привелъ оный въ отличное по всѣмъ отношеніямъ состояніе, какъ я лично, во время осмотра Епархіи, имѣлъ случай удостовѣриться.

Богъ видимо благословилъ труды и старанія его. Тамъ, гдѣ въ опустѣлыхъ стѣнахъ едва оставался признакъ обителей, лишенныхъ и скорбящихъ, явилось множество торжествующихъ поклонниковъ Божіихъ, обветшалые, почти заключенные, храмы огласились пѣснями благоустроенныхъ ликовъ, мѣсто запустѣвшее замѣнило благолѣпіе, вмѣсто скудости возникло довольствіе, вмѣсто крайняго безлюдія образовалось многолюдное братство, вмѣсто неустройства водворился порядокъ и благочиніе; однимъ словомъ, древній знаменитѣйшій въ Россіи монастырь изъ состоянія совершеннаго упадка возведенъ нынѣ въ новое цвѣтущее, славное существованіе, каковымъ не наслаждался съ самаго учрежденія. Все сіе, конечно, не могло укрыться отъ прозорливости Вашего Сіятельства.

Но что сказать о пламенномъ усердіи и ревности Архимандрита Фотія къ соблюденію Вѣры Отцовъ нашихъ непрекословною? Какъ исчислить труды и подвиги, понесенные имъ для блага Св. нашей Церкви, непрестанно воюемой злоухищренными кознями врага Божія и возмущаемой косвенными нападеніями

исчадій ада, тѣмъ опаснѣйшими, что прикрыты личиною любви къ ближнимъ и усердія къ пользамъ человѣчества? Кто можетъ исчислить всѣ попеченія сего пастыря о спасеніи братій своихъ во Христѣ? Вашему Сіятельству, какъ истинному сыну Церкви, какъ твердому защитнику Православія и ходатаю о немъ у Престола, столько же, сколько и мнѣ, извѣстны всѣ обстоятельства достославнаго въ лѣтописяхъ нашей Церкви 1824 года, который не преходящимъ только величіемъ увѣнчиваетъ Благочестивѣйшаго Монарха нашего, но уготовляетъ ему вѣчный вѣнецъ правды тамъ, идѣже нѣсть премѣненія.

Архимандриту Фотію, посвятившему себя Богу и восходящему къ совершеству Христіянской жизни чуждо всякое желаніе временныхъ наградъ. Онъ, по слову Спасителя, вожделѣлъ единаго на потребу. Онъ твердо рѣшился нести крестъ свой и по немъ ити.

Но, для полноты торжества Православія, для славы Церкви, для назиданія вѣрныхъ чадъ ея, полезное и благоугодное Богу есть дѣло возвышать избранныхъ пастырей Божіихъ и сподоблять ихъ сугубой чести.

По обязанности сана моего я почелъ непремѣннымъ долгомъ, представивъ всѣ сіи обстоятельства Вашему Сіятельству, всепокорнѣйше просить довести о нихъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и, во уваженіе отличныхъ заслугъ, оказанныхъ Архимандритомъ Фотіемъ, испросить Высочайшаго соизволенія о всемилостивѣйшемъ награжденіи его панагіею.

Я тѣмъ съ большею надеждою осмѣливаюсь по сему случаю утруждать Вашего Сіятельства, что Государь Императоръ неоднократно изволилъ обращать благосклонное вниманіе на благочестивое рвеніе Архимандрита Фотія, непреклонную преданность его къ св. особѣ Помазанника Божія и на пламенную любовь его къ отечеству, и что сіи всѣмъ извѣстныя чувствованія его удостоены были и Высочайшаго Его Императорскаго Величества благоволенія.

ОТВѢТЪ

ГРАФА А. А. АРАКЧЕЕВА НОВГОРОДСКОМУ МИТРОПОЛИТУ СЕРАФИМУ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Архипастырь!

Свидѣтельствованіе Вашего Высокопреосвященства о возведеніи Архимандритомъ Фотіемъ Новгородскаго перьвокласснаго Юрьева монастыря въ цвѣтущее состояніе, пламенное его усердіе къ Церкви Божіей и благочестивое его рвеніе на пользу отечества, обратили на него особенное вниманіе Государя Императора и Монаршее благоволеніе. Во изъявленіе онаго и въ знаменованіе отличныхъ заслугъ Архимандрита Фотія, Его Императорское Величество всемилостивѣйше пожаловать ему изволилъ панагію, и повелѣлъ мнѣ препроводить оную къ Вашему Высокопреосвященству, для доставленія отцу Архимандриту Фотію.

Исполняя симъ Монаршую волю, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Высокопреосвященства

покорный слуга

Графъ А. Аракчеевъ.

1825 года.

Сообщ. Архимандритъ Григорій.

ПИСЬМО

ОБВОРОВАВШАГО КІЕВОПЕЧЕРСКУЮ ЛАВРУ КЪ НАМѢСТНИКУ ЕЯ 1821 ГОДА.

Громъ не грянетъ, Русской не перекрестится.

Христосъ воскресъ!

Ваше Высокопреподобіе!

Если бы вы знали, почтенный старецъ, мое стенаніе, мою скорбь, мое раскаяніе и мои всегдашнія слезы, то вѣрно предъ престоломъ Божіимъ вы бы пролили теплыя молитвы о возвращеніи меня на путь правый. Сколь тяжело виновнику переносить страданіе несчастливцевъ, которые чрезъ него бѣдствуютъ! Сумма, похищенная во святой Лаврѣ, у меня, святотатца. Въ среду третьей недѣли Великаго Поста совершилъ я сей великій злодѣйскій подвигъ; раскаяніе, однако жь, чуть не рѣшило меня отдаться вамъ въ руки, если бы не препятствовали тому слѣдующія причины: Будучи тронутъ священнодѣйствіями и поученіями на святой Четыредесятницѣ, я рѣшился исполнить долгъ Христіянства и принести покаяніе въ своихъ согрѣшеніяхъ; но мысль чрезъ сознаніе не подвергнуть бы себя строгости законовъ, до сего меня колебала; наконецъ несчастіе и жалкая участь совершенно невинныхъ, какихъ-то монаховъ, найденныхъ въ какомъ-то подозрѣніи, принудили меня, во святой Великій Четвертокъ сдѣлать сознаніе. Кіевопечерской Лавры Іеромонахъ-схимникъ былъ мною избранъ разрѣшителемъ, тяготившаго сердце мое, грѣховнаго узла. И едва только началъ я ему сознаваться въ нѣкоторыхъ моихъ важныхъ дѣлахъ, какъ вдругъ его восклицанія, странные вопросы

и вздохи принудили меня сдѣлать оборотъ, и я остался не признавательнымъ въ похищеніи суммы во святой Лаврѣ. Почтенный Іеромонахъ, однако жь, спросилъ меня, не я ли сдѣлалъ святотатство? Но я, какъ выше сказано вамъ, не признался. Татское мое орудіе и до сего хранится въ иконостасѣ, на хорахъ, возлѣ стѣны, на правой рукѣ: вы вѣрно оное найдете, почтеннѣйшій наставникъ. Если бы я совершенно зналъ, что чрезъ сознаніе и возвращеніе сей суммы (поелику я ею не пользуюсь) не подвергнуся свѣтскому суду, то, клянусь вамъ всѣмъ священнымъ, въ одну минуту явился бы съ полнымъ признаніемъ къ вамъ. Я раскаяваюсь, плачу, имѣя деньги бѣдствую и не нахожу другого средства къ успокоенію моей совѣсти, какъ чистосердечнаго моего признанія. Представте мое положеніе: живу въ горахъ, людей вижу одинъ разъ въ день во время священнослуженія въ загородной церкви, питаюсь болѣе слезами, нежели пищею; имѣя въ рукахъ такое сокровище, скоро принужденнымъ найдуся окончить плачевные дни жизни моей въ волнахъ шумящаго Днѣпра: я безпрестанно почти бесѣдую съ нимъ, онъ видитъ мои слезы, а Всевышній видитъ мое раскаяніе, стенаніе и скорбь, Ему извѣстна причина моего несознанія. Ахъ, какъ тяжело переносить тѣ бѣдствія, кои страдаютъ невинно чрезъ другого! Заклинаю васъ, почтеннѣйшій наставникъ, сдѣлать въ городѣ объявленіе: подвергнется ли святотатецъ, похитившій сумму, свѣтскому суду? Пусть духовенство наложитъ на меня оковы по смерть, съ тѣмъ только, чтобы я ежедневно могъ слушать священнодѣйствіе, плакать о моихъ согрѣшеніяхъ, раскаяваться, терзаться, и наконецъ въ монастырѣ, гдѣ я отваживался очень часто совершать варварскія злодѣянія, умереть. Богу извѣстно: Онъ одинъ видитъ все; Ему возможно все. Конечно, что должно быть какое ни будь чудо...

Не должно мнѣ было дѣлать похищенія, гдѣ Святыхъ мощи почиваютъ.

Рѣшите участь бѣдныхъ несчастныхъ черноризцевъ. Богу и мнѣ извѣстно, что они невинны, и вы дадите великій отчетъ праведному Судіи: заклинаю васъ представить этотъ случай на разсмотрѣніе Митрополиту; забирайте справку по моему сознанію, и тогда дѣйствительно узнаете ихъ невинныхъ. Почтеннѣйшій старецъ, помолитесь о мнѣ Богу! Простите меня, почтеннѣйшій отецъ! Простите, и исполните то, что я вамъ завѣщалъ.

Вотъ вамъ мое имя, отчество и прозваніе:

+ В. Б. З. В. Г. Р. М. А. Г. С. Г. С. М. П. П. Р:

Въ беззаконіяхъ зачатъ, во грѣхахъ родила мать Якова Григоріева сына Гославскаго, служащаго Московскаго пѣхотнаго полка рядовымъ.

Апрѣля дня, 1821 года.

Старой Кіевъ.

ПИСЬМО

А. П. ЕРМОЛОВА, ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, КЪ В. В. ХЛОПОВУ.

Милостивый Государь,

Владимiръ Владимiровичъ!

Вы, свидѣтель всѣхъ трудовъ, подъятыхъ мною для убранства стѣнъ Университета. Вамъ, любезный Владимiръ Владимiровичъ, скажу по совѣсти, что не только не чувствовалъ я труда, но жалѣлъ бы, если бы не былъ участникомъ празднества, гдѣ все совершалось съ величайшимъ приличiемъ и достоинствомъ и о чемъ сохраню я прiятныя воспоминанiя. Можно по справедливости поднесть привѣтствiе почтенному Г. Ректору. * Исполнивъ обязанности мои, я не нахожу необходимымъ быть окормленнымъ лакомымъ и прихотливымъ обѣдомъ, и по тому прошу васъ употребить посредничество ваше, чтобы не произвести безпорядка въ распредѣленiи мѣстъ за обѣдомъ.

А. Ермоловъ.

Число не выставлено.

---

* А. А. Альфонскому.

ПИСЬМО

П. А. ПЛЕТНЕВА КЪ РЕКТОРУ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, А. А. АЛЬФОНСКОМУ.

Милостивый Государь,

Аркадій Алексѣевичъ!

Примите душевное искреннее поздравленіе мое съ Царскою милостью и съ окончаніемъ великихъ трудовъ вашихъ. Правда, эти труды поставили блестящимъ образомъ ваше имя въ исторіи Университета вашего, но тѣмъ не менѣе потребовали отъ васъ много заботъ и пожертвованій.

Я теперь съ жадностью перечитываю все, напечатанное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объ юбилеѣ вашемъ. Не могу довольно нарадоваться, какъ этотъ праздникъ устроенъ былъ превосходно. Только Члены нашего Университетскаго Совѣта остаются въ претензіи, отъ чего адресъ ихъ, мною подписанный и отправленный на имя вашего Совѣта, въ то время, какъ вы уѣзжали въ С.-Петербургъ, не напечатанъ между адресами прочихъ Университетовъ. Если форма его представляетъ обыкновенное дѣловое Отношеніе, тѣмъ не менѣе, по содержанію своему, эта бумага равна тѣмъ, которыя обнародованы. Рѣчь нашего Депутата не замѣняетъ для Членовъ Совѣта нашего личнаго ихъ выраженія чувствъ и радости. Если вамъ угодно будетъ позже напечатать адресъ С.-Петербургскаго Университета, то непремѣнно прикажите выпечатать и число его подписи: иначе могутъ подумать, что вспохватились позже, смотря уже на другихъ, и скажутъ, что это послѣ ужина горчица.

Мнѣ сказывалъ Никитенко, что я удостоенъ отъ Университета вашего лестнаго для меня званія Почетнаго Члена. Если дѣйствительно вамъ захотѣлось меня такъ потѣшить, то убѣдительно прошу васъ выразить предварительно въ собраніи Совѣта, въ какой мѣрѣ я признателенъ за эту почесть, такъ мало заслуженную мною.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть и проч.

П. Плетневъ.

21-го Января, 1855 г. С.-П.-Б.

ОПЕЧАТКИ.

Въ 1-й книгѣ «Чтеній,» Отд. V.

Страи.	Строк.	*Напечатано:*	*Читайте:*
284,	6	сверху: живии	жизни
286,	2—3	— къ вякосности	къ косности
298,	22	несомнѣные	несомнѣнные
299,	5	годъ	года
300,	28	себя	себѣ
—	1	снизу: ея	ея,
304,	9	— выра	выбора
311,	8	— которымп	которыми
315,	14	— Струстнаго	Страстнаго
319,	5	сверху: разноглаcіе	разногласіе
328,	14	— Просвящeнія	Просвѣщенія
—	7	снизу: мнѣній	мнѣнін
330,	19	— оставвали	отставали
338,	24	— Универитетахъ	Университетахъ
340,	15	— намѣкаетъ	намекаетъ
343,	6	— Сентября 6	Сентября кн. 6.
346,	12	сверху: дѣла	дѣла.»
347,	14	— выражерію	выраженію
348,	11	— Еще далѣе.	Еще далѣе: «Современная лѣтопись» 1861 г. № 46:
352,	7	— Диреккторъ	Директоръ
—	16	— Уннверситетскимъ	Университетскомъ
—	2	снизу: измельчанія.	измельчанія.»
354,	13	сверху: взлядовъ	взглядовъ
—	13	снизу: пропорѣдниковъ	проповѣдниковъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стран.

О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе Русскаго Государства въ домонгольскій періодъ. Главы IV—VIII. Профессора Нѣжинскаго Лицея М. Д. Затыркевича............ 107 — 306

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Капище моего сердца или Словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіи моей жизни. Князя Ив. Мих. Долгорукаго.. 215 — 330

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Очеркъ исторіи Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія. Книга 2-я. Исторія дѣятельности Гуса въ Чехіи. Отдѣлъ I. Глава 4: Отъ начала его спора съ Папой до Костницкаго Собора. Д. Члена А. С. Клеванова.............................. 499 — 608

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Бывшаго полковаго Священника Магистра Генриха Седерберга Замѣтки о религіи и нравахъ Русскаго народа, во время пребыванія его въ Россіи съ 1709 по 1718 годъ. Переводъ съ Шведскаго Соревнователя Общества А. А. Чумикова. 1 — 38

V.

СМѢСЬ.

Стран.

Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго Университета. Профессора Харьковскаго Университета Н. А. Лавровскаго .... 1 — 58.

Замѣчанія на «Воспоминанія» Ф. Ф. Вигеля, съ литографированнымъ планомъ Иденсальмскаго сраженія 15 Октября, 1808 года. Д. Члена, И. П. Липранди .... 59 — 251

Мнѣніе Тайнаго Совѣтника Александра Николаевича Салтыкова о Мнѣніи Министра Юстиціи о Проектѣ Гражданскаго Уложенія. Сообщ. Д. Б. 252 — 261

Отношеніе Новгородскаго Митрополита Серафима къ Графу А. А. Аракчееву о награжденіи Юрьевскаго Архимандрита Фотія .... 262 — 263

Отвѣтъ Митрополиту Серафиму Графа А. А. Аракчеева. Сообщ. Архимандритъ Григорій 264

Письмо обворовавшаго Кіевопечерскую Лавру къ Намѣстнику ея 1821 года .... 265 — 267

Письмо А. П. Ермолова къ В. В. Хлопову объ участіи его въ юбилеѣ Московскаго Университета. . 268

Письмо Ректора С.-Петербургскаго Университета П. А. Плетнева къ Ректору Московскаго Университета А. А. Альфонскому, объ юбилеѣ же.. .. 269

Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ съ 1849 по 1858 годъ.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к., а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги „Временника" за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Алексѣя Егоровича Кудрявцева, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммисіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

Славянскія Древности, соч. П. I. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 ф.

О времени происхожденія Славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855 г., съ 19 литограф. снимками; ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія Руссовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго. Георгія Конискаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылки.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г., ц. 1 р. 50 к.

О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма, соч. П. I. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стрингольма, пер. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествія Венеціянца Марка Поло въ XIII стол., съ объясненіями Авг. Бюрка, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1863 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Письма Филарета, Митрополита Московскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1868 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Письма Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1869 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 г. М. 1868 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. серебр.

Записки о событіяхъ на Волыни и Подолѣ въ 1789 году, Ѳеодосія Бродовича, Архипресвитера Греческаго Уніятскаго Капитула Луцкаго. М. 1870, ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Сказаніе, и страсть, и похвала Св. мученику Бориса и Глѣба. По харатейнымъ спискамъ XII и XIV стол. Съ 3. литограф. снимками. М. 1870, ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Слѣдственное дѣло о Князѣ Дм. Мих. Пожарскомъ. М. 1870 ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Латыши, особливо въ Ливоніи, въ исходѣ философскаго столѣтія. Соч. Г. Меркеля. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1870. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Естонецъ и его господинъ. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. Москва. 1872 г. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

Физика, выбранная изъ лучшихъ авкторовъ, расположенная и дополненная Невской Семинаріи Философіи и Физики Учителемъ Михаиломъ Сперанскимъ, 1797 г. въ Санктпетербургѣ. М. 1872. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

15

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ

выходятъ и въ 1873 году, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріялы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая—шесть рублей съ полтиной серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста—восемь. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или въ книжный магазинъ Коммисіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывшій И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ

Князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ,

у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ 1-й Гимназіи.

СЕКРЕТАРЬ

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещеринова.

ВИБЛІОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,

въ Кремлѣ, у Спаскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ

Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ,

на Рождественкѣ, въ Университетской Клиникѣ.

АКТУАРІЙ

Алексѣй Егоровичъ Кудрявцевъ,

на Моховой, въ новомъ зданіи Университета.